6561-0

КРАСНАЯ МОСКВА

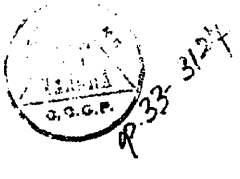
1917—1920 гг.

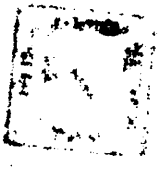

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р., К. и КР. Д.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗЦОВАЯ ТИПОГРАФІЯ
(БЫВШ. Т-ВА И. Д. СЫТИНА).
МОСКВА, ПЯТНИЦКАЯ УЛИЦА, ДОМ № 71.

МОСКВА — 1920 — ДЕКАБРЬ.

КРАСНАЯ МОСКВА.

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.)

Москва — крупнейший центр Советской России, единственный ее город, насчитывающий более-миллиона жителей. За последние десятилетия перед революцией Москва все более и более становилась центральным узлом всей экономической жизни России. Ход гражданской войны сделал ее и центром государственного управления. Вместе с тем Москва стала и пунктом сосредоточения центральных органов профессионального движения, партийной и культурно-просветительной работы. Оба Конгресса III Коммунистического Интернационала протекли в Москве. Мировой спор *за* или *против* социалистической революции для пролетариев всего мира сосредоточивается в лозунге: „**За Москву!**“

Судьба самой Москвы за три года пролетарской революции была далеко не так трагична, как судьба переходивших из рук в руки Киева, Ростова или Баку. За исключением нескольких недель осенью 1919 г., она никогда не была в такой непосредственной близости к боевому фронту, как славный боец Петроград. Но она все время оставалась ставкой главного штаба мировой пролетарской революции. История Москвы за три года представляет поэтому общий интерес.

Решив издать сборник статей и материалов о различных сторонах жизни города Москвы, Московский Совет поставил перед собой задачу дать действительную, а не фиктивную картину. Мы знаем заранее, что картина эта не может быть радостной, что книга будет больше рассказывать о борьбе, о нужде, о трудностях, чем о достигнутых благополучных результатах. Как в деле Государственного строительства, так и в деле Московского строительства у нас нет еще ничего законченного, завершенного: все еще находится в перестройке, в лесах. Но вместе с тем во всем видна уже могучая рука нового строителя—пролетария, который среди обломков обрушившегося мира эксплоатации и грабежа возводит новое невиданное здание трудового общежития. Старая царская, помещичья, буржуазная и поповская Москва вся целиком приспособлена была для обслуживания собственника. Ее жилища и сады, магазины и бани, церкви и университеты, трамваи и канализация, школы и театры — все это строилось и росло на принципе частной собственности, в интересах собственности, для угождения обладателя капитала. Но эта старая барская и купецкая Москва,—Москва дворян, мануфактурщиков и либеральных интеллигентов была мачехой для сотен тысяч обитателей ее рабочих окраин. Над этими пролетарскими окраинами до сих пор тяготеют еще тяжким проклятием дела „именитых“ москвичей-собственников. Сломать до конца проклятое наследие этих недавних господ Москвы, бережно охранить и приумножить

достижения искусства, науки и техники в Москве, создать новую Москву,—Москву вольных рабочих, Московскую трудовую коммуну—задача грядущих дней. Основные камни этой новой Москвы уже заложены. Все без исключения статьи нашего сборника своими объективными цифрами свидетельствуют, что самые тяжелые дни уже позади, что, принеся огромные, неисчислимые жертвы, трудовая Москва уже выходит на путь систематического строительства, что начался уже подъем во всех областях ее жизни. А будущее обеспечено тем, что власть в Москве принадлежит самим рабочим и что этой власти из рук их никому не вырвать.

Задачей сборника было собрать и обработать статистический материал, касающийся в первую очередь хозяйственной и культурно-просветительной жизни Москвы; что касается политической жизни Москвы, то ее история и освещение не входили в прямую задачу сборника и затронуты в нем только отчасти. Московский Совет надеется в будущем посвятить политической истории Москвы за три года особый сборник.

Сборник составлен в главной своей части на основании материалов Статистического Отдела Московского Совета Р., К. и Кр. Д., при чем в обработке материалов и составлении статей приняли участие: *Д. Н. Анучин* („Ученая Москва"), *Н. С. Ангарский* („Печать и книжное дело" и „Социальное Обеспечение"), *Л. К. Аттамонов* („Топливный кризис"), *А. А. Бурдуков* („Военная Москва"), *В. Версенев* („Литературная Москва"), *И. І. Босик* („Субботники"), *И. А. Вернер* („Деятельность М. П. О."), *В. И. Дунаев* („Жилищные условия московского населения" и „Внутренний транспорт"), *Д. И. Кузовков* („Жилищная политика Моск. Совета"), *Крупецкий* („Московский Совет Р. и К. Д. за три года"), *А. Е. Лосицкий* („Питание московского населения"), *В. И. Массальский* („Чем занимается Москва" и „Фабрично-заводская промышленность в Москве"), *А. Г. Михайловский* („Муниципализация торговли" и „Рост цен и спекуляция"), *В. Г. Михайловский* („Население Москвы и его движение"), *А. И. Могилевский* („Театральная и музыкальная Москва"), *К. П. Новицкий, А. Ипатов и О. Мамаева* („Некрологи деятелей Московск. Совета"), *В. Блюм* („Октябрьская революция в Москве"), *П. Николаев* („Москва и Коммунистический Интернационал"), *А. Ф. Мясников* („Московская организация Р. К. П."), *Г. Мельничанский* („Профессиональное движение в Москве"), *А. И. Пискунов, Г. Н. Гайдарова* и *В. Г. Михайловский* („Народное образование в Москве"), *Н. А. Семашко* (I глава очерка „Как болела и лечилась Москва"), *Е. К. Сепп* (II и III главы очерка „Как болела и лечилась Москва"), *А. А. Сидоров* („Художественная Москва"), *М. А. Сиринов* („Охрана общественной безопасности и революционного порядка"), *А. К. Рабинович, Ф. Д. Маркузон, М. П. Миловидов, М. И. Рогов, Н. Г. Самсель, И. Ежов* и др.

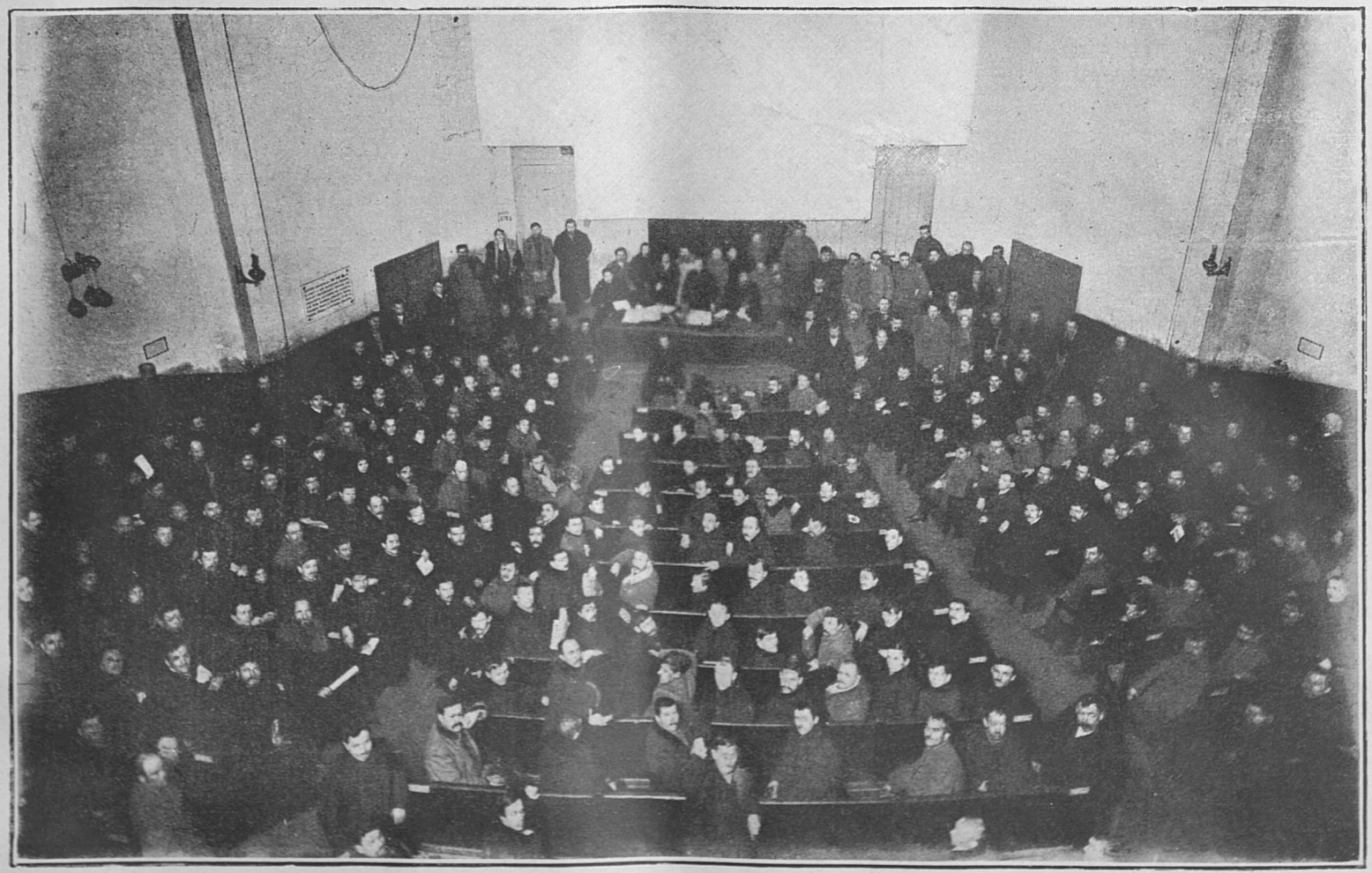
Общая редакция принадлежала *Л. Б. Каменеву* и *Н. С. Ангарскому,* весь же статистический материал просмотрен Заведующим Статистическим Отделом Москов. Совета Р., К. и Кр. Д. *В. Г. Михайловским.*

Председатель Московского Совета Р., К. и Кр. Деп. Л. КАМЕНЕВ.

Заведыв. Отделом Печати Моск. Совета Н. АНГАРСКИЙ.

НЕ КОПИРОВАТЬ

КРАСНАЯ МОСКВА.

Пленум Московского Совета в 1918 г.

Московский Совет с Октябрьской революции 1917 г. по сент. 1920 г.

Глава I.

Личный состав Московского Совета.

Инструкция о выборах в Московский Совет позволяет всем трудящимся производить перевыборы своих депутатов в том случае, если они не отражают настроения избравших их масс. Благодаря этой инструкции личный состав Московского Совета, постоянно меняясь, является действительным представителем московского пролетариата.

В таблицах №№ 1, 2 и 3 (см. Приложение II в конце статьи) находим Московский Совет в цифрах на 1 мая 1918 г., на 1 декабря 1918 г. (после перерегистрации) и на 1 марта 1920 г. (последние выборы).

Остановимся на некоторых отдельных признаках.

Прежде всего отметим действительно пролетарский характер Московского Совета февральского созыва. Об этом говорит партийность его членов. И если мы остановимся на этом признаке, то перед нами развернется картина громадного роста сознательности трудящихся масс Москвы, обнаруживших небывалое классовое чутье.

История русской революции, начиная с февраля 1917 г., как нельзя лучше доказала, что действительным защитником интересов трудящихся и партией не только проповедующей, но и на деле осуществляющей начала социализма в России, является Российская Коммунистическая партия. Поэтому интересно выяснить отношение к Российской Коммунистической партии московского пролетариата.

Для этой цели сравним данные о партийности всех трех таблиц с такими же данными о партийности членов Московского Совета в июле 1917 г.

В июле 1917 г. в Московском Совете было:

коммунистов и сочувствующ.	230	или	32,86%
меньшевиков	221	»	31,57 »
эс-эров	132	»	18,86 »
остальных партий	63	»	9,00 »
беспартийных	54	»	7,71 »
Всего	700	или	100%

При сравнении этих цифр с цифрами таблиц №№ 1, 2 и 3 видим, что количество членов Российской Коммунистической партии постепенно увеличивалось:

1/VII	1917	32,86%	— 100
1/V	1918	69,62 »	— 212
1/XII	1918	79,45 »	— 241
1/III	1920	86,16 »	— 262

После октябрьского переворота число членов Московского Совета коммунистов сразу увеличилось больше чем вдвое. Февральские выборы 1920 г. дали 86,16%, или повышение в сравнении с Советом до-октябрьской революции—на 162%!

Одновременно обращает на себя внимание перемена в количестве сочувствующих:

1/VII	1917	3,67%
1/V	1918	14,12 »
1/XII	1918	14,50 »
1/III	1920	3,2 »

Это падение количества сочувствующих Р. К. П. при повышении общего количества членов Р. К. П.—весьма характерно: сочувствующие в подавляющем своем большинстве убедились в правильности программы и политики Р. К. П. и, порвав с нерешительностью, вступили в ряды действительных ее членов.

Увеличение числа членов Р. К. П. должно было произойти за счет других партий. Цифры подтверждают это. Некоммунистические партии насчитывали в Московском Совете своих членов:

1/VII	1917	470	или	67,14% — 100
1/V	1918	255	»	29,34 » — 43,6
1/XII	1918	80	»	12,08 » — 17,9
1/III	1920	312	»	13,84 » — 20,6

Цифры эти показывают постепенное понижение, достигшее в 1920 г. около 80%. В этой постепенности понижения известную дисгармонию вносит последняя цифра, которая показывает в сравнении с предыдущей даже повышение на 2,7%. Но как видно из таблицы № 3, это повышение произошло исключительно в пользу беспартийных, и на этом мы остановимся ниже.

Понижение числа членов некоммунистических партий произошло в 1918 году весьма чувствительно за счет эс-эров, а потом и за счет меньшевиков.

	меньшевики	эс-эры	лев. с.-р.
1/VII 1917 . . .	31,57%	18,86%	—
1/V 1918 . . .	10, 8 »	3, 6 »	4,03
1/XII 1918 . . .	3,01 »	0, 6 »	1, 2
1/III 1920 . . .	2, 6 »	—	—

Так московский пролетариат, личным опытом изучив все тяжелые последствия социал-соглашательской политики, постепенно удалял из своей среды меньшевиков и эс-эров, все более уходивших от трудящихся масс.

Часть пролетариата, которая порвала с меньшевиками и эс.-эрами, перешла в группу беспартийных и увеличила таким образом их число. Она еще не столь решительна, чтобы вступить в ряды Росс. Комм. Партии, но несомненно, что большинство ее является завтрашними кандидатами в Р. К. П. Вопрос об их переходе является только вопросом времени.

Комментируя другие данные о личном составе Московского Совета, мы видим, что члены Московского Совета по своей профессии преимущественно типичные фабрично-заводские рабочие, на долю которых приходится:

1/VII 1917	76,57%
1/V 1918	71,34 »
1/XII 1918	64,80 »
1/III 1920	74,80 »

Эти цифры показывают, что подавляющее большинство членов Московского Совета составляют рабочие, занимающие ответственные посты и тем обеспечивающие защиту интересов трудящихся.

Если остановимся на данных о последних выборах, приведенных в таблице № 3, то увидим, что 1/4 часть депутатов привлекалась по политическим делам, 1/5 томилась в тюрьмах, больше 100 человек перебывало в ссылке и на каторге и, наконец, больше полсотни принуждено было эмигрировать.

Глава II.

Как работает Московский Совет.

Деятельность Московского Совета распространяется на Москву, а после слияния Городского Совета с Губернским Советом Московск. губ. и на эту последнюю. Слияние города и губернии имеет целью сплочение московских рабочих с крестьянами Московск. губ. и взаимную их поддержку при общей работе по созданию и укреплению социалистического государства.

Для того, чтобы подвести итоги работе Московского Совета, необходимо проследить работу его Пленума, Исполкома и Президиума.

Каждый из этих органов работает непрерывно, при чем их взаимная связь и круг работ таковы:

Пленум Московского Совета обнимает всех членов Московского Совета и представляет собой высший орган. Для плодотворной работы Пленум выделяет из себя Исполнительный Комитет, который является руководящим органом Московского Совета, дающим общее направление деятельности Президиума, всех его отделов, комиссий и проч.

Объединение, согласование и инструктирование деятельности всех учреждений, подведомственных Московскому Совету, и одновременно руководство всей работой по управлению гор. Москвы и Московской губ.—подлежит ведению Президиума Московского Совета.

На ряду с этими тремя органами Московского Совета, направляющими его деятельность, при Московском Совете организованы отделы и комиссии.

Всего организовано 19 отделов и 5 комиссий.

Отделы Московского Совета следующие:

1) Отдел Народного Образования, 2) Московский Совет Народного Хозяйства, 3) Отдел Управления, 4) М. Ч. К. 5) Транспортный Отдел, 6) Отдел Социального Обеспечения, 7) Отдел Коммунального Хозяйства, 8) Финансовый Отдел, 9) Земельный Отдел, 10) Статистический Отдел, 11) Отдел Здравоохранения, 12) Отдел Юстиции, 13) Рабоче-Крестьянская Инспекция, 14) Военный Комиссариат, 15) Отдел Почт и Телеграфов, 16) Продком, 17) Отдел Труда, 18) Губкомтруд, 19) Отдел Печати.

Комиссии работают следующие:

1) Комиссия по связи с фронтом, 2) Комиссия по улучшению материального состояния железнодорожных мастерских, 3) Особый строительно-санитарный комитет, 4) Мандатная комиссия, 5) Маршрут-бюро.

Деятельность отделов и комиссий Московского Совета представляет собой чрезвычайно интересную подробную картину работ Московского Совета, но освещению ее должны быть посвящены отчеты отдельных отделов и комиссий. Здесь же мы ограничимся только кратким обзором характера работ Пленума и Исполнительного Комитета Московского Совета.

Глава III.

Деятельность Пленума Московского Совета.

Пленум Московского Совета работал в двоякой форме: на общих собраниях и в секциях. Секции были организованы при 12 отделах Московского Совета, а именно:

При Транспортном Отделе, секция которого насчитывает 208 членов, при М. П. О.—222, МОНО—155, при Отделе сооружений—118, при С. Х. Отделе—69, Отделе Коммунального Хозяйства—68, Отделе Здравоохранения—60, Жилищно-Земельном Отделе—57, Отделе Социального Обеспечения—40, при ЕРО—35, Москвотопе—29, Авто-Секции—5.

Если теперь вернемся ко второй главной форме работ Пленума—его общим собраниям, то и здесь собранные материалы подтверждают, что Пленум Московского Совета за 3 года своей работы при Советской власти жил полной жизнью и работал не только как аппарат агитации и осведомления, но и как деловой механизм.

За время с 3 ноября 1917 г. по 1 сентября 1920 г. Пленум заседал 92 раза.

В 1917 году	. . . . .	7 раз.
» 1918	»	42 »
» 1919	»	28 »
» 1920	за 8 мес.	15 »

Заседания Пленума происходили или самостоятельно, или совместно с другими центральными и московскими организациями.

На собраниях Пленума обсуждались не только основные вопросы, связанные с жизнью Москвы, но и все важнейшие события, происходящие как в Советской России, так и за границей. По всем обсужденным вопросам Пленум выносил соответствующие резолюции или обращался с воззваниями к Красной армии, русскому пролетариату и рабочим всего мира.

Так, посылались приветствия Красной армии, приветствие III Коммунистическому Интернационалу, германскому пролетариату, пролетариату Англии и Франции и русским пленным, томящимся там (3/VI—19), Венгерскому пролетариату и его вождю Бела-Кун (25/III—19) и др. Кроме того, Пленум обращался с воззванием к рабочим всего мира, к рабочим Польши, к английскому пролетариату и ко всем Советам Р. С. Ф. С. Р.

Что касается деловой работы, то Пленум Московского Совета за 3 года обсудил 306 вопросов, которые можно разделить на 8 основных групп:

I.	Вопросы политические; их было	. .	17
II.	» обороны	» . .	15
III.	» экономические	» . .	49
IV.	» организационные	» . .	56
V.	» юридические	» . .	2
VI.	» соц. обеспечения	.	1
VII.	» Просвещения	. .	1
VIII.	» разные	» . .	165

Проследим указанные вопросы по группам:

I. Вопросы политические.

Вопросов политических, обсужденных Пленумом, было 17. Они разделились на следующие категории.

Вопросов	об организации полит. власти .	1
»	об охране Советской власти .	1
»	о войне и мире	6
»	о международном положении .	3
»	о положении в разных странах	3
»	об участии в Совете представителей разных партий	3

Первым политическим вопросом, который Пленум Московского Совета разрешил, был вопрос о создании центральной политической власти. Первое заседание Пленума, состоявшееся после образования Советской власти в Москве, обсуждало 9 ноября 1917 года указанный вопрос и признало необходимым положить в основу его разрешения резолюцию, предложенную партией большевиков.

Резолюция эта гласила: «Московский Совет Р. и С. Д. считает необходимым, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые признают завоевания революции 24—25 октября, т.-е. власть Советов, декрет о земле и мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. Московские Советы Р. и С. Д. постановляют поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивают на следующих условиях соглашения: Правительство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом.

Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 человек; к этим 150 делегатам С. Р. и С. Д. добавляются 75 делегатов от Губернских Крестьянских Советов, 80 от войсковых частей и от флота, 40 от профессиональных союзов, 25 от всероссийских профессиональных объединений пропорционально количеству организаций, 10 от Викжеля и 5 от почтово-телеграфных служащих.

В правительстве, при настоящем соотношении сил, большевикам должно быть предоставлено обеспеченное большинство. Министерства труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае.

Распоряжение войсками Московского и Петроградского округов принадлежит уполномоченным Московского и Петроградского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России».

Вторым политическим вопросом был вопрос об охране власти пролетариата, который поднят был в связи с покушением на жизнь тов. Ленина.

Покушение на тов. Ленина было совершено 30/VIII 1918 г. при выходе его из завода Михельсон, где он присутствовал на митинге; в результате покушения тов. Ленин получил два огнестрельных поражения. Покушение было совершено женщиной, которая назвала себя правой эс-эркой, последовательницей Чернова.

Московский Совет немедленно откликнулся на покушение, и в заседании от 3/IX 1918 г. в целях охраны Советской власти Пленум постановил организовать при Московском Совете и всех районных Советах особые комиссии, которым поручить мобилизовать все силы как для охраны Советской власти в Москве, так и для всестороннего обслуживания Красной армии, для укрепления и усиления ее в ее борьбе за Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику.

Вопрос о войне и мире поднимается 16 января 1918 года, когда немцы на предложение Советской власти заключить мир ответили своими условиями мира. Пленум признает эти условия неприемлемыми и в ответ постановляет усилить работу по организации социалистической гвардии, способной вести войну за социализм. 30 января 1918 года Пленум одобряет заявление, сделанное русской мирной делегацией в Бресте. 22 февраля Пленум рассматривает решение Совета Народных Комиссаров принять условия мира, предложенные немцами в Бресте, и признает это решение, как величайшую жертву, принесенную рабоче-крестьянским правительством. Одновременно приветствуя призыв Совета Народных Комиссаров к организации сил революционной обороны Социалистической Республики, Московский Совет призывает рабочих и солдат немедленно записаться в батальоны Красной армии. В

заседании от 28 февраля 1918 г. Московский Совет еще раз повторяет свой призыв и постановляет продолжать мобилизацию революционных сил для защиты завоеваний революции. Московским Советом обсуждался вопрос не только о мире с Германией, но и о мире с другими врагами Советской России. 11 февраля 1919 г. Московский Совет заслушивает доклад о внешней политике Советского правительства и выражает одобрение последним его шагам, предпринятым в целях достижения мира и прекращения военных действий с союзными государствами так называемой Антанты.

В результате длительных переговоров, как известно, в Англию отправилась русская делегация, во главе с тов. Красиным. В июле 1920 года эта делегация возвращается в Россию, и 9 июля Московский Совет заслушивает доклад тов. Красина о ходе переговоров в Англии и доклад тов. Югина об экономическом положении в Западной Европе. Заслушав эти доклады, Московский Совет совместно с М. С. П. С., фабр.-зав. комитетами и правлениями проф. союзов приветствует политику Народного Комиссариата по иностранным делам, направленную к прекращению блокады и интервенции капиталистических правительств против России.

Объединенное заседание выражает уверенность, что при предстоящих переговорах с великобританским правительством делегаты Советского правительства смогут, опираясь на доверие и сочувствие трудящихся масс всего мира, отстоять интересы рабочих и крестьян и всех трудящихся России от капиталистических групп, жаждущих политического и экономического ослабления Советской России.

23 сентября 20 г. Пленум заслушивает доклад т. Каменева о Лондонской миссии, в котором докладчик изложил историю русско-английских политических переговоров.

Следующим важным вопросом по своему значению был вопрос об исключении партии эс-эров и меньшевиков из Московского Совета. Вопрос этот обсуждался 25 июня 1918 г. Принимая во внимание политику партии эс-эров и меньшевиков, из которых первая является передовым отрядом буржуазного общества в его борьбе против трудового народа Р. С. Ф. С. Р. и везде и всюду стремится, пользуясь усиленной поддержкой французских капиталистов, поднять восстание против Советской власти, а вторая партия, являясь проводником буржуазного влияния на пролетариат, ведет объективно к разрушению рабочих советов и способствует разделу страны между хищниками международного империализма,—Московский Совет на указанном пленарном заседании постановил:

а) лишить фракции правых эс-эров и меньшевиков всех прав советских партий и отозвать их представителей из исполнительных органов Совета;

б) исключить навсегда из состава Совета эс-эров (правых и центра);

в) произвести новые выборы на всех фабриках и заводах, рабочие которых были представлены социалистами-революционерами (правых и центра).

Когда таким решительным шагом Московский Совет покончил с одними врагами Советской власти в тылу,—другие ее враги—часть левых эс-эров—подготовляли свой предательский удар в спину пролетариата. Уже в конце июня 1918 года начинаются провокационные стремления вызвать забастовки, и 1 июля 1918 г. Московский Совет обращается к рабочим с призывом защищать дружной работой и напряжением сил интересы общепролетарского дела и положить конец всяким такого рода провокационным стремлениям вызвать забастовки на железных дорогах и в других отраслях производства.

6—7 июля имеет место известное восстание левых эс-эров.

Один из агентов левых эс-эров убил бомбой представителя Германии в России — графа Мирбаха. На первые же шаги Советской власти в Москве, предпринятые для захвата убийцы, левые эс-эры ответили началом восстания против Советской власти. Совет Народных Комиссаров не мог, разумеется, потерпеть того, чтобы кучка интеллигентов срывала путем бомб и ребяческих заговоров волю рабочего класса и крестьянства в вопросе войны и мира, и им были приняты все меры к подавлению жалкого, бессмысленного и постыдного мятежа. Мятеж был ликвидирован уже 8 июля.

Московский Совет немедленно откликается на этот предательский удар со стороны мнимых друзей пролетариата, и на заседании от 8 июля клеймит позором попытку безумных авантюристов выступить против Советской власти и силой оружия, вопреки воле полномочного Съезда Советов, втянуть Советскую Россию в войну с германским империализмом.

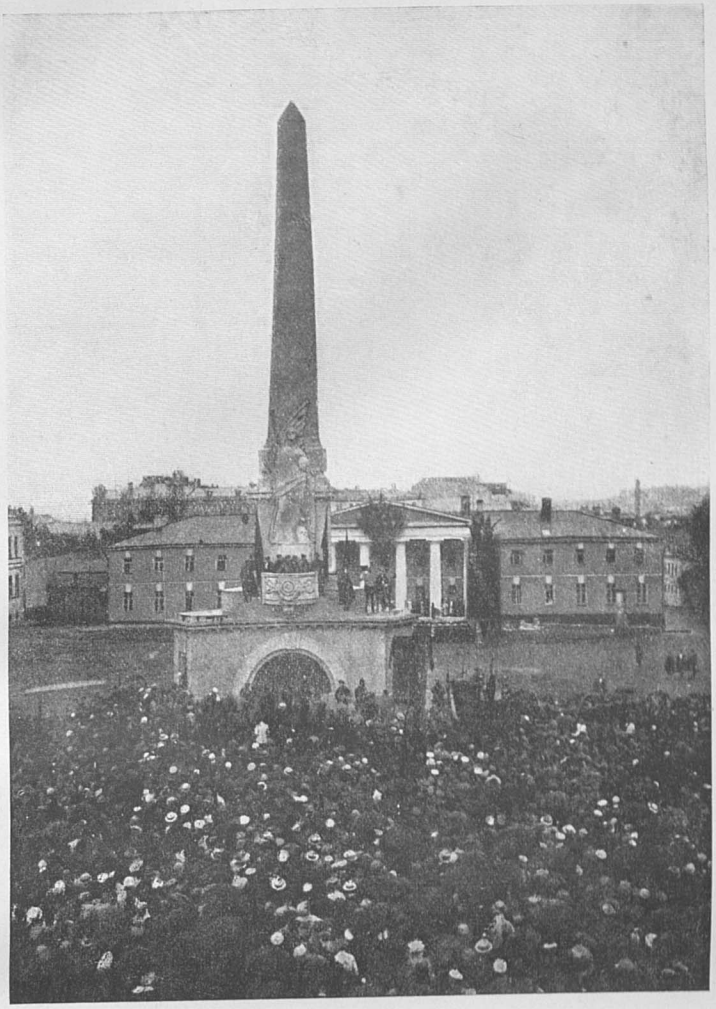
Вполне понятно, что вслед за выступлением левых эс-эров Московский Совет принужден был обсудить вопрос об участии представителей этой партии в работах Московского Совета. На заседании от 23 июля Пленум по отношению к партии левых эс-эров попрежнему признает необходимость самого тесного сотрудничества с рабочими и крестьянами левыми эс-эрами, признающими Советскую власть и рабоче-крестьянскую дисциплину и признающими для себя обязательными постановления Всероссийского Съезда Советов. Партия левых эс-эров, однако, пока она не отмежуется официально от практики выступившего против Советской власти своего центра, лишается права делегировать своих представителей в Пленум и Исполком Московского Совета.

Что касается других политических вопросов, рассмотренных Пленумом, то они касались преимущественно международного положения.

3 сентября 1918 года Московский Совет, обсудив международное положение, постановляет одобрить действия Центрального Исполнительного Комитета, ратифицировавшего дополнительное соглашение к Брест-Литовскому договору.

22 октября того же года Московский Совет слушает доклад тов. Ленина о международном положении и выносит резолюцию в полной уверенности в окончательной победе русской и международной пролетарской революции, которую даёт создание дисциплинированной Красной армии.

3 февраля 1919 года Московский Совет, заслушав доклад тов. Ленина о внешнем положении, постановляет усилить ряды активных работников Советской власти и признает необходимым привлечь середняков, т.-е. менее опытных, чем передовые рабочие, крестьян на место утомленных передовиков. Одновременно Московский Совет совместно с представителями районных Советов, фабрично-заводских комитетов и правлений про-

Открытие памятника „Свободы“ (Колонна Конституции Р. С. Ф. С. Р. на Советской площади).

Открытие памятника „Свободы“.

фессиональных союзов заявляет, что рабочий класс стоит попрежнему на посту, что он полон уверенности в преодолении всех трудностей, и что он отстоит во что бы то ни стало победу Советской Социалистической Республики в России и во всем мире.

27 мая 1919 года Московский Совет заслушал доклад о положении на Украине.

28 января 1919 года Московский Совет слушает доклад о рабочем движении в Западной Европе.

23 марта — обсуждаются события, происходящие в Германии.

20 апреля—обсуждается положение в Польше.

17 августа Московский Совет заслушивает доклад о положении в Венгрии.

24 августа Московский Совет заслушивает доклад о положении в Англии.

II. Вопросы обороны.

Вопросы обороны обсуждались Пленумом Московского Совета 15 раз. Все они касались или организации Красной армии, или же непосредственно положения на фронтах, в связи с наступлением на Советскую Россию ее капиталистических врагов.

Впервые вопрос обороны Советской России поднимался на заседании Пленума от 22 февраля 1918 года, когда Московский Совет приветствовал призыв Совета Народных Комиссаров к организации сил революционной обороны Социалистической Республики и призвал рабочих и солдат немедленно записаться в батальоны Красной армии. 28 февраля и 18 июня Московский Совет вновь призывает всех трудящихся сплотить свои ряды для революционной обороны и немедленной организации Красной армии для борьбы с мировыми империалистами и с наступлением мировой буржуазии на Российскую Советскую Республику. Для централизации дела обороны Московский Совет в своем заседании от 8 марта признает необходимым организовать боевой центр из 5 лиц для быстрого и решительного направления всех советских сил и организаций к разрешению всех выдвинутых классовой войной задач. На том же заседании Московский Совет приступает к фактической работе по созданию Красной армии и постановляет на всех фабриках и заводах районных Советов поставить на обсуждение вопрос о всеобщей красно-гвардейской повинности и выяснить отношение к нему на местах.

Вполне понятно, что рабочие могли только приветствовать мысль о создании Красной армии, и потому на заседании от 19 марта Московский Совет постановляет организовать вербовочные комиссии и вербовочные пункты по всем фабрикам и заводам и всюду усилить работу по созданию военных комиссариатов. 21 мая Пленум признает необходимым самое тесное сближение рабочих и красноармейцев и, обсудив вопрос о всеобщем военном обучении, одновременно постановляет: подготовить все для проведения в жизнь декрета о всеобщем обучении военному делу. Когда подготовительные работы по этому вопросу закончились, Московский Совет 28 мая принимает самый проект о проведении декрета о всеобщем военном обучении.

29 октября 1918 года Московский Совет заслушивает доклад Окружного Военного Комиссариата о ходе формирования резервных частей рабочих в Москве и постановляет приветствовать товарищей рабочих г. Москвы, откликнувшихся на призыв вступить в ряды резервных полков для защиты прав и свободы трудящихся и утверждает ряд мероприятий, разрешающих все вопросы, связанные с формированием резервных рабочих полков.

Московский Совет не ограничивается только работой по организации Красной армии в тылу. Он чутко прислушивается к тому, что делается на фронтах, и 18 октября 1918 года признает необходимым мобилизовать на южный фронт от каждого районного Исполкома не менее 3 ответственных работников, а от каждого районного Совета, не менее 15 рядовых партийных работников для отправки на фронт.

13 января 1920 года, когда выяснилась необходимость пополнить находящиеся в Москве курсы командного состава, Московский Совет постановляет: выделить из среды трудящихся гор. Москвы 2000 человек для поступления на курсы командного состава.

Кроме вышеприведенных вопросов обороны, Московский Совет заслушивает доклады о положении на фронтах, а именно:

1 апреля 1919 года—доклад тов. Троцкого о военном положении.

26 августа 1919 года—доклад тов. Троцкого о положении на южном фронте.

28 октября 1919 года—доклад Реввоенсовета о военном положении.

5 мая 1920 года—доклад о положении на польском фронте.

17 августа 1920 года—доклад тов. Троцкого о положении на польском и южном фронтах.

Заслушав два последних доклада, Московский Совет каждый раз постановлял напрячь все силы для отпора врагу и выделял из себя целые добровольческие полки, которые со знаменем Московского Совета отправлялись на фронт для защиты Советской Республики.

III. Вопросы экономические.

Их можно разделить на 9 основных групп:

1. Продовольственный вопрос обсуждался 21 раз.
2. Топливный вопрос . . . . . 8 »
3. Транспортный вопрос . . . . . 4 »
4. Жилищный вопрос . . . . . 6 »
5. Рабочий вопрос . . . . . 2 »
6. Вопросы промышленности и торговли . 2 »
7. Вопросы тарифной политики . . . . . 2 »
8. Вопросы местной санитарии . . . . . 2 »
9. Общие экономические вопросы . . . . 2 »

Проследим все указанные вопросы по группам.

1 Продовольственный вопрос.

Продовольственный вопрос обсуждался Пленумом Московского Совета 21 раз.

Впервые этот вопрос поднимается на заседании от 21 декабря 1917 года, и Пленум признает необходимым послать делегацию рабочих и солдат в хлебородные губ. для содействия скорейшей отправке хлеба в Москву и объявить беспощадную борьбу всем спекулянтам.

Это был первый шаг, сделанный Пленумом с целью облегчения продовольственного положения в Москве. За ним сейчас же последовали другие.

30 января 1918 г. Пленум, обсудив вопрос о продовольственном кризисе, считает необходимым:

1) установление действительного товарообмена между производящими и потребляющими губерниями,

2) напряжение всех сил рабочих по транспорту,

3) послать делегацию в снабжающие губернии,

4) освободить Москву от несвязанного с Москвой производством и службой населения и от прочих нетрудовых элементов,

5) организовать общественное питание,

6) закрыть рестораны 1-го и 2-го разряда,

7) энергичную борьбу с мешочничеством и спекуляцией.

8) распределение продовольствия исключительно по карточкам.

16 февраля 1918 года Московский Совет постановляет ввести твердые цены на все предметы первой необходимости, согласно ценам на хлеб.

12 марта Пленум опять подтверждает необходимость энергичной борьбы со спекуляцией и мешочничеством и постановляет усилить репрессивные меры по борьбе с указанными явлениями.

Но одной борьбой со спекуляцией продовольственного положения улучшить нельзя. Нужно было принять самим московским рабочим участие в окончательной борьбе за хлеб, и потому Московский Совет 14 июня 1918 г. призывает рабочих к организации планомерной, решительной и энергичной борьбы за хлеб путем мобилизации голодающих рабочих для совместного похода против кулаков и спекулянтов.

Участие рабочих в борьбе за хлеб может выразиться не только в непосредственном походе против кулаков и спекулянтов, но и в работе в центре—по наблюдению и руководству за снабжением и распределением продовольствия в Москве. Принимая это во внимание, Московский Совет в заседании от 11 июня постановляет:

1) Избрать делегатов от рабочих на продовольственную работу.

2) Избрать для улучшения продовольственного положения в Москве и поставить во главе всего продовольственного дела в Москве 4 представителей Московского Совета, с неограниченными полномочиями и всецело ответственных в своей работе перед Советом Рабочих Депутатов. Постановлением Пленума от 18 июня во главе продовольственного дела, вместо указанных 4 лиц, поставлен Президиум Продовольственного Отдела, из 5 лиц, с особыми полномочиями.

Вышеприведенные мероприятия позволили Москве пережить самые трудные месяцы 1918 г. Когда новый урожай был собран, Пленум для того, чтобы облегчить продовольственное положение московских рабочих, постановляет 27 августа утвердить постановление Президиума о временном разрешении трудящимся свободного ввоза $1^1/_2$ (полтора) пуда продовольственных продуктов в Москву, предложив Президиуму выработать меры борьбы со спекуляцией, могущей возникнуть на этой почве. По отношению к тем из рабочих организаций, которые, пользуясь этим разрешением, закупили

на местах хлеб и ссыпали его в ссыпные пункты, но не успели вывезти, Пленум в заседании от 23 ноября утверждает ряд мер, которые обеспечили бы им получение заготовленного продовольствия.

Одновременно, в связи с улучшением продовольственного положения вообще, Пленум на том же заседании постановляет войти в Совнарком с ходатайством относительно увеличения хлебного пайка.

Улучшение продовольственного положения вызвано было исключительно постоянной работой передовых рабочих-продовольственников. Но их оказывается мало, и Пленум 21 января 1919 г. постановляет вновь привлечь свежие силы рабочих г. Москвы к участию в продовольственном деле.

Из решений, принятых Пленумом по другим продовольственным вопросам, нужно отметить, как наиболее важные, следующие решения:

1) принятое 10 февраля 1920 года решение ввести в Москве бесплатный отпуск обедов рабочим и служащим советских учреждений;

2) принятое 14 февраля 1920 г. решение ввести в Москве трудовой паек, выдаваемый только за действительно проработанное время.

3) призыв к рабочим (16 декабря 1919 г.) поднять работу по ремонту, формированию и сопровождению маршрутных поездов с хлебом;

4) решение 30 декабря 1919 г. о принятии всех мер к усилению работ хлебопекарен.

Нельзя не отметить и решения, принятого Пленумом в заседании от 25 февраля 1920 г. относительно централизации дела распределения продовольствия в Москве. Признавая существование параллельно действующих распределительных органов (Продсовета, МЦРК, Кооперации и проч.) нецелесообразным, Московский Совет постановил создать единую распределительную организацию в лице Потребительской Коммуны г. Москвы.

Что касается периодического информирования Московского Совета по вопросам продовольственного дела, то таковое делалось соответствующими центральными организациями. Так,

1) в заседании от 25 марта 1919 года Пленум слушал доклад Наркомпрода;

2) в заседании от 20 апреля 1920 г. Пленум слушал доклад П/Отдела Общественного питания о его деятельности за 1919 г.

3) в заседании от 22 июня 1920 г. Пленум слушал доклад Маршрут-бюро о работе по организации маршрутных поездов за хлебом и доклад МПО. Тогда же были произведены выборы в правление и контрольный совет МПО;

4) в заседании от 24 августа 1920 г. слушались: доклад Наркомпрода о продовольственных перспективах, доклад МПО о продовольственном положении в Москве и доклад Моспродкома о заготовительных операциях в Московской губернии.

2. Топливный вопрос.

Топливный вопрос обсуждался Пленумом 8 раз.

Два доклада о положении с топливом носили информационный характер (19/XII—17, 20/IV—20), прения по

ним не открывались, и доклады были приняты к сведению.

В 1918 г. уже выяснилось, что топливный вопрос может быть разрешен только после разрешения двух проблем: улучшения транспорта и усиления производительности труда. Московский Совет в заседании от 6 августа подчеркнул эти два пути, по которым должны были быть направлены все усилия, и обратился с призывом:

1) к железнодорожникам — сплотить свои силы на поддержании железнодорожного движения на должной высоте;

2) к горно-рабочим подмосковного района—напрячь все силы для организованной работы по добыче топлива;

3) ко всем советским организациям дровозаготовляющих губерний, с указанием на необходимость принятия всех мер к увеличению дровяных заготовок.

С наступлением зимы 1918/19 г. Пленум утверждает целый ряд мер (в заседании 26/XI—18 г.), улучшающих положение с топливом населения г. Москвы, в первую очередь—рабочих.

Зима 1918/19 г. указала на необходимость удвоения усилий по заготовке топлива, и Московский Совет по этому вопросу постановил:

1) 11 марта—предложить всем рабочим организациям принять самое деятельное участие в заготовке топлива,

2) 6 мая 1919 г.—внести в Президиум ВЦИК проект на предмет издания декрета о постепенной замене денежной налоговой системы трудовой повинностью по заготовке топлива,

3) 3 июня 1919 г.—организовать кадры рабочих для самого энергичного контроля над ходом московских заготовок, для чего выделить из Пленума Советов 10 товарищей.

4) 16 декабря 1919 г. —призвать всех жителей гор. Москвы и районов к усиленной заготовке дров в 8-верстной полосе и обеспечить необходимыми работниками вывоз и прием в Москву заготовленных дров.

Этими мерами Московский Совет уменьшил топливный кризис, вызванный разрухой транспорта и постоянными военными операциями врагов Советской России в районах угольных бассейнов.

3. Транспортный вопрос.

Всего обсуждалось 4 вопроса о московском транспорте.

При обсуждении их Пленум останавливался преимущественно на вопросах снабжения транспорта фуражом.

Так, 10 июня 1919 г. Пленум указал Президиуму Московского Совета на необходимость принятия всех мер к снабжению Москвы овсом и сеном, возбудив перед Совнаркомом ходатайство о предоставлении Московскому Совету права самостоятельной заготовки. 30 декабря 1919 г. Московский Совет, принимая во внимание тяжелое положение гужевого обоза, вследствие недостатка фуража, поручает Президиуму войти в Совет Обороны с ходатайством о срочном назначении необходимого числа маршрутных поездов на привоз сена со станций Александровской и Виндаво-Рыбинск. ж. д. и предложить всем снабжающим органам принять самые безотлагательные и действительные меры к снабжению Москвы необходимым количеством зернового фуража.

Все прогрессирующая разруха транспорта потребовала от Московского Совета новых живых сил на работу по транспорту. На заседании от 20 апреля 1920 г. обсуждалось предложение Главполитпути об образовании транспортных отрядов из членов Московского Совета, и было постановлено немедленно мобилизовать 20% состава Московского Совета для работы на транспорт. На том же заседании Пленум заслушал доклад Транспортного Отдела М. С. о его деятельности за время с 10 июня 1919 г. по апрель 1920 года.

4. Жилищный вопрос.

Жилищный вопрос рассматривался Пленумом 6 раз. Все принятые по обсужденным вопросам резолюции были направлены к улучшению жилищного быта рабочих.

12 декабря 1917 года Пленум выносит очень важное постановление о том, что наемная плата с домов, приносящих доход больше 750 р. в месяц, поступает в распоряжение Московского Городского Общественного самоуправления. Указанное постановление, как видно из нормы дохода, было направлено против крупных домовладельцев, но не распространялось на общества и союзы, не преследующие коммерческих целей, и на дома, принадлежащие различным ведомствам.

Решив, этот принципиальный вопрос об изъятии больших домов у домовладельцев, Московский Совет постановил передать их в пользование рабочим. Но для этого нужно было в первую очередь обеспечить эти дома необходимым количеством мебели. 8 октября 1918 г. Московский Совет принимает постановление, касающееся учета и распределения мебели. Этим постановлением все население Москвы разделяется на 4 категории. Рабочие причисляются к 1 категории. Вся имеющаяся у них мебель остается в их владении, и, кроме того, они имеют право на получение в их пользование предметов домашней обстановки из числа поступивших на учет в районные склады.

Точному учету мебели мешали постоянный вывоз мебели из Москвы и продажа ее. Для устранения этого недостатка Московский Совет в заседании от 6 мая 1919 г. постановляет запретить продажу и вывоз мебели из Москвы, организовать точный учет мебели и подготовить муниципализацию всей мебели, имеющейся в Москве.

20 мая 1919 г. Московский Совет постановляет передать всю мебель из Горпродукта и Хозяйственного Отдела в распоряжение ЖЗО для снабжения ею исключительно рабочих домов.

Заботясь о снабжении московских рабочих жилищами, Московский Совет в заседании от 13 мая 1919 года постановляет предложить ЖЗО в своей политике руководствоваться удовлетворением нужд рабочего населения в жилищах по строго ограниченной норме, стараясь обеспечить трудящихся жильем вблизи места службы.

Для окончательной централизации жилищного вопроса Московский Совет постановляет 15 июля 1919 года предложить ЖЗО принять все меры к скорейшему проведению квартхозов в общемосковском масштабе.

5. *Рабочий вопрос.*

Все вопросы, обсуждаемые Московским Советом, есть вопросы рабочие, но среди них можно выделить такую категорию вопросов, которые касаются положения рабочих, но по своему характеру относятся к нескольким вышенамеченным группам, и поэтому мы считали возможным объединить их в особую группу и дать ей вышеуказанное название.

15 июля 1919 года Московский Совет постановляет приветствовать меры, принятые Советом Обороны и ВЦИК для облегчения тяжелого положения рабочих в смысле облегчения их продовольственного положения, облегчения тяжести квартирной платы и облегчения проезда.

На заседании 2 июля обсуждался вопрос о конфликтах в Москве, связанных с общим продовольственным положением и тарифной политикой, и о их причинах, характере и о мерах для их улажения. По указанному вопросу Пленум постановил:

а) поручить Президиуму обратиться в Наркомпуть с тем, чтобы выработать технический план вывоза из Москвы рабочих, пользующихся отпуском, с тем, чтобы в первую очередь могли быть вывезены безработные, члены рабочих семей и дети;

б) избрать особую комиссию по улучшению экономического положения рабочих в Москве, которой поручить разработать новые меры, которые могли бы содействовать повышению жизненного уровня рабочих Москвы.

6. *Вопросы промышленности и торговли.*

11 марта 1919 года Московский Совет заслушивает доклад тов. Рыкова и одобряет план деятельности ВСНХ. Вместе с тем Пленум считает необходимым, чтобы производственные отделы ВСНХ (Главки и Центры) сосредоточили все усилия на урегулировании промышленности и на планомерном использовании имеющегося сырья и топлива во всероссийском масштабе, предоставляя местным Совнархозам организацию и непосредственное руководство промышленностью на местах, согласно выработанным ВСНХ планам и помогая им повсеместно в этом деле.

Что касается вопросов, связанных с торговлей, то на том же заседании 11 марта 1919 года Московский Совет обсуждал вопрос о запрещении детям дошкольного возраста заниматься торговлей на улицах Москвы.

7. *Вопросы тарифной политики.*

Вопросы тарифной политики обсуждались Пленумом 2 раза.

16 января 1918 года Московский Совет постановляет одобрить декрет о минимуме заработной платы, коим устанавливается минимальная плата 6—9 рублей в день, а для металлистов 8—15 р. в день.

Участившиеся во многих советских учреждениях случаи игнорирования существующих норм оплаты труда заставляют Московский Совет обратить на это внимание. 11 февраля 1919 года Московский Совет предложил Отделу Труда образовать комиссию, которой поручить обязать принудительным путем все предприятия московско-промышленного района проводить установленные Советской властью нормы оплаты труда. Одновременно комиссии предложено принять репрессивные меры, вплоть до закрытия предприятий, по отношению к тем предприятиям гор. Москвы, которые пытаются обойти установленные нормы оплаты труда путем введения побочных норм оплаты труда.

8. *Вопросы местной санитарии.*

Вопросы местной санитарии обсуждались 2 раза.

17 декабря 1918 года, в связи с развитием эпидемии сыпного тифа, Московский Совет постановляет:

а) принять решительные меры к борьбе с эпидемиями;

б) усилить санитарно-просветительную деятельность;

в) обратиться к населению с призывом обратить самое серьезное внимание на выполнение всех правил и распоряжений по борьбе с сыпным тифом.

С наступлением весны 1919 года, когда необходимо было привести в санитарное состояние всю Москву, Московский Совет 13 мая постановляет отпустить 5 миллионов рублей на очистку Москвы и поручить Канализационному и Транспортному отделам принять все меры к очистке в ближайшие дни улиц и площадей гор. Москвы от мусора.

9. *Общие экономические вопросы.*

17 сентября 1918 года Московский Совет постановляет войти в Совнарком с предложением обратить внимание на Кавказский край и принять всевозможные средства, чтобы сделать его пригодным для Московской области в смысле снабжения ее хлебом и всем необходимым.

В самом начале образования Советской власти экономическое ее положение осложнялось весьма тяжелым наследием, полученным от старого строя, а именно— безработицей. Последняя дала себя чувствовать и в Москве, и Московский Совет для безболезненного урегулирования этого вопроса постановил:

а) приступить к планомерному распределению рабочей силы посредством повсеместной организации бирж труда;

б) организовать столовые и общежития для безработных;

в) распространить на безработных закон страхования от безработицы.

IV. Организационные вопросы.

Пленум рассмотрел 56 организационных вопросов. Главный из них касался организации местной власти. 9 ноября 1917 года Московский Совет постановил заменить Военный Революционный Комитет временным, до следующего собрания, Президиумом С. Р. и С. Д. На следующем заседании, состоявшемся 14 ноября, Московский Совет признает необходимым слияние Совета Рабочих и Совета Солдатских Деп. в один Совет Р. и С. Д. и принимает следующее о нем положение: «Советы Р. С. и К. Д. являются представителями центральной власти на местах. В силу этого те учреждения, кои находились до сих пор в ведении центральной исполнительной власти, поступают в ведение Советов. Местная власть, принадлежащая по ныне действу-

Исполком Москов. Совета в феврале 1919 года.

ющим законоположениям органам местного самоуправления, принадлежит только им».

Но этим организация Московского Совета не заканчивается. До 1918 г. существовало два органа власти: один для Москвы и другой для Московской области.

2 января 1918 г. Московский Совет постановляет создать единый орган власти для Москвы и Московской области в лице Президиума Московского Совета в составе 15 человек.

Следующая перемена в структуре Московского Совета имеет место в марте 1918 г.—19 марта, принимая во внимание, что старая, оторванная от трудового народа, армия в ходе революции уничтожилась, Пленум Московского Совета постановляет Солдатский Совет, существующий в форме Солдатской Секции, упразднить, создавая единый классовый рабочий орган.

11 июня 1920 г.—в результате детального всестороннего обсуждения вопроса—Пленум Московского Совета признал необходимым по экономическим и политическим мотивам слияние Московского Совета г. Москвы с Губернским Советом Московской губернии. Объединенный Совет получил название Московского Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов.

Из других организационных вопросов, Пленум рассмотрел:

Положение об отделах — 2 вопроса.
О дисциплине членов Московского Совета—1 вопрос.
Об образовании новых отделов Моск. Сов.—1 вопрос.
О конструкции Моск. Совета — 1 вопрос.
О регламенте работ Пленума Моск. Совета— 2 вопроса.
Разных организационных вопросов — 6.
Вопросов о выборах — 38.

V. Вопросы юридические.

15 декабря 1917 г. Московский Совет утверждает положение о Революционном Трибунале, а 6 мая 1919 г. заслушивает доклад о Народном Суде и признает, что Единый Народный Суд стал подлинным судом народа, нелицеприятным и обеспечивающим интересы трудящихся классов.

VI. Вопросы социального обеспечения.

8 апреля 1919 г. Пленум заслушивает доклад Отдела Социального Обеспечения и постановляет: одобрить общие начала его деятельности и одновременно указать на необходимость строгого проведения во всех учреждениях Отдела принципа трудопомощи с полным исключением всех элементов благотворительности и призрения, как буржуазных пережитков.

VII. Вопросы просвещения.

На заседании 23 марта 1920 г. обсуждался доклад Отдела Народного Образования Моск. Совета о ликвидации безграмотности.

VIII. Разные вопросы.

Разных вопросов, не подходящих ни под одну из указанных выше семи основных групп, Московский Совет рассмотрел 165. Из них нужно особо отметить вопрос об отделении церкви от государства. 24 ноября 1918 г. Московский Совет признает необходимым бороться за полное освобождение государства от всех церковных пут и религиозных пережитков, неуклонно проводя начала декрета 23 января 1918 г.

Глава IV.

Деятельность Исполкома Московского Совета.

За время с Октябрьской революции 1917 г. по 1 сентября 1920 г. Исполком Московского Совета переизбирался 7 раз. До июля 1918 г. в состав Исполкома Московского Совета входили представители не только коммунистической фракции Московского Совета, но и других советских фракций. В 1918 г., когда обнаружилась с достаточной ясностью предательская политика меньшевиков и эс-эров, Пленум Московского Совета постановил отозвать всех представителей этих партий из Московского Совета. Тем самым был решен вопрос об их участии в Исполкоме Московского Совета. В июле 1918 г. та же участь постигла и партию левых эс-эров за их предательский удар в спину пролетариата. С этого момента Исполком имеет в своем составе исключительно представителей коммунистической партии, и только на последних выборах от беспартийных прошел в Исполком один представитель.

Не безынтересно будет проследить партийность членов Исполкома за 3 года его работ.

Выборы 14/XI-17 г.	Выборы 29/III-18 г.	Выборы 26/IV-19 г.
Большевиков . 40	Большевиков . 47	Большевиков . 43
Меньшевиков . 10	Меньшевиков . 18	Меньшевиков . 9
Левых эс-эров . 7	Левых эс-эров . 7	Левых эс-эров . 5
Объединенцев . 3	Объединенцев . 3	Эс-эр. центр. . 3

23/VII—18	. . — Большевиков	. 40
27/V —19	. . — »	38
1/III —20	. . — »	—
14/VI —20	. . — »	50
	Беспартийный	1

Что касается Исполкома последних выборов, то партийный стаж и революционная деятельность его членов таковы:

Из 50 членов Исполкома коммунистов 1 числится членом РКП с 1892 г., 2—с 1901 г., 3—с 1903 г., 2—с 1904 г., 5—с 1905 г., 3—с 1906 г., 3—с 1907 г., 1—с 1908 г., 1—с 1910 г., 2—с 1911 г., 1—с 1910 г., 2—с 1911 г., 1—с 1912 г., 2—с 1913 г., 1—с 1914 г. и 4—с 1918 г.

Как видно из этих цифр, большинство членов, а именно 30 человек, состояли членами Росс. Коммун. Партии еще до революции 1917 г.

Революционное прошлое членов Исполкома последних выборов таково:

Привлекалось по политическим делам 35 человек, или 69%; изъ них 11—1 раз, 10—2 раза и 14—больше двух раз.

Томилось в тюрьмах 27 человек, или 53%.

Пребывало в ссылке 17 человек, или 33%; из них 3 пробыло в ссылке меньше года, 13 — от 1 года до 5 лет и 1 — больше 5 лет.

Были на каторге 2 члена Исполкома: один 4 года, другой — больше чем 7 лет.

Принуждено было эмигрировать 7 человекъ, из них 5 — на срок от 1 года до 5 лет, 1 — на 7 лет и 1 — на 9 лет.

Исполнительный Комитет Московского Совета заседает 1 раз в неделю, по четвергам. За время с 7 ноября 1917 г. по 1 сентября 1920 г. Исполком заседал 112 раз и обсудил 787 вопросов; таким образом, на одно заседание приходится около семи вопросов. На заседаниях Исполкома присутствовало от 65 до 70% его членов.

Вопросы, обсужденные Исполкомом, делятся на 10 основных групп:

I.	Вопросы политические; их было . . .	14
II.	» обороны » » . . .	14
III.	борьбы с контр.-револ. внутри	1
IV.	экономические.	98
V.	организационные	336
VI.	юридические	6
VII.	соц. обеспечения	9
VIII.	просвещения	10
IX.	печати	5
X.	» разные	294

Перейдем к рассмотрению этих вопросов по группам.

I. Вопросы политические.

Исполнительный Комитет Московского Совета рассмотрел 14 политических вопросов. Они разделились, в свою очередь, на следующие категории:

Вопросов об организации политической власти .	1
» о войне и мире	3
» о международном положении	2
» об Учредительном Собрании	6
об участии в Совете представителей разных партий	1
о перевыборах Совета	1

На первом заседании, состоявшемся после Октябрьской революции — 7 ноября 1917 г. — Исполком обсуждал вопрос об организации политической власти и заслушал доклад о деятельности Военно-Революционного Комитета.

Докладчики отмечали, что происшедшие события, по своей важности и историческим результатам, превзойдут то, что было во Франции во время коммуны. Ими отмечалось, что основные требования масс — мир, земля и рабочий контроль—недостижимы без борьбы с дворянством и крупной буржуазией. В результате прений принимается резолюция, предложенная фракцией большевиков, в которой Исполком считает необходимым, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Сов. Раб. и Крест. Депутатов, которые признают завоевания революции 24—25 октября, т.-е. власть Советов, декрет о земле и мире, рабочем контроле и вооружении рабочих.

В правительстве при настоящем соотношении сил большевикам должно быть предоставлено обеспеченное большинство. Министерства труда, внутренних и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии, во всяком случае. Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России.

Резолюция, предложенная фракцией большевиков, принимается 30 голосами при 6 воздержавшихся.

Вторым по важности политическим вопросом был вопрос о судьбе Учредительного Собрания. Вопрос этот поднимался 6 раз. 30 ноября 1917 г. представители партии меньшевиков, левых эс-эров и объединенцев поднимают вопрос о якобы, по их мнению, предполагаемом разгоне большевиками Учредительного Собрания. В результате прений между представителями этих партий и представителями партии большевиков постановлено поставить вопрос об Учредительном Собрании на следующем заседании Исполкома. Исполком на заседании 2 декабря постановил перенести вопрос на Пленум. В заседании 4 декабря снова обсуждался этот вопрос, и тов. Луначарский в своем докладе от имени партии большевиков разъясняет, что если бы Учредительное Собрание оказалось сильно отставшим от передовых элементов страны, то Совет Народных Комиссаров не позволил бы ему гасить огни, зажженные авангардом революции.

Как известно, 5 января 1918 г. имела место демонстрация за Учредительное Собрание, направленная против рабоче-крестьянской власти. События, происшедшие во время этой демонстрации, обсуждались на заседании 6 января, когда в ответ на заявление меньшевиков по поводу этих событий постановлено предложить меньшевикам представить его в письменном виде на следующем заседании Исполкома, на котором и обсудить вопрос о перевыборах Совета. На заседании 7 января постановлено передать расследование событий 5 января Следственной Комиссии Революционного Трибунала, пополнив ее членами Исполнительного Комитета.

В демонстрации 5 января участвовали противники рабоче-крестьянской власти, которые воспользовались лозунгом Учредительного Собрания для того, чтобы произвести смотр своим силам. Смотр этот показал всю ничтожную силу контр-революции и отсутствие сочувствия в широких массах. Совершенно другие результаты дала устроенная рабоче-крестьянской властью демонстрация 9 января. В заседании от 7 января Исполком постановил устроить эту демонстрацию в качестве мирной, но с участием вооруженной Красной гвардии и московского гарнизона, запретить лозунги, призывающие к свержению Советской власти, и митинги под открытым небом. Устроенная 9 января демонстрация показала всю силу пролетариата и всю его организованность.

Все те попытки, которые в первые месяцы существования Советской власти делались врагами для ее уничтожения, заставили Московский Совет сделать чистку его членов: Исполком в заседании 29 января рассматривает вопрос об исключении правых эс-эров из Московского Совета и постановляет лишить правых эс-эров, делегируемых непосредственно от партий, представительства в Исполкоме и Пленуме.

Из других политических вопросов Исполком обсуждал вопрос о войне и мире. 11 января 1918 г. Исполком слушает доклад о войне и мире и постановляет предложить Совету Народных Комиссаров отвергнуть предложение немецкой делегации, как неприемлемое, и одновременно считает необходимым

усилить работу по организации Социалистической Гвардии, вербуя армию, способную вести войну за социализм. 21 февраля Исполком снова возвращается к этому вопросу: заслушивается телефонограмма Совета Народных Комиссаров о принятии условий мира, предложенных немцами, и Исполком принимает резолюцию, приветствующую призыв Совнаркома к организации сил революционной обороны Социалистической Республики и призывающую всех трудящихся к сплочению вокруг Совнаркома и к самой решительной поддержке его шагов в деле революционной борьбы за мир.

Вопросов о международном положении Исполкомом рассмотрено два.

6 января 1918 г. секретарь швейцарской социалистической партии, тов. Платтен, делает доклад о международном положении и передает приветствие от швейцарской социалистической партии русскому пролетариату. 10 ноября 1918 г. Исполком заслушивает доклад о создавшемся международном положении и считает необходимым установить тесную связь с нарождающимися в разных странах Советами, приступить к организации съезда советов Европы, организовать международный продовольственный фонд и немедленно приступить к организации первого продовольственного поезда для отправки революционным рабочим Германии.

Исполкомом рассмотрен еще один вопрос политического характера. В заседании 7 января 1918 г. заслушано заявление меньшевиков о перевыборах Совета и было Исполкомом отклонено, так как действующая инструкция по перевыборам в Совет давала всегда возможность рабочим, в случае недовольства своими представителями, отзывать их и заменять новыми.

II. Вопросы обороны.

Вопросов обороны Исполкомом рассмотрено 14. Их можно разделить на несколько групп.

Вопросов об организ. сил обороны Соц. Респ.	3
« о Комитете Обороны	3
« о фронте	6
« разных	2

Основным вопросом обороны была организация ее сил. Агрессивность немецких империалистов в Бресте повлекла за собою усиленную работу по созданию необходимых сил для защиты социалистического отечества,—по организации Красной армии. Вопрос этот обсуждается 25 февраля 1918 г. Исполком признает необходимым централизацию дела Красной армии, постановляет поручить Чрезвыч. Штабу М. В. О. представить план организации и в помощь ему делегирует по одному представителю от фракций. Впоследствии, когда Красная армия сформировалась и представляла собою внушительную уже величину, явилась необходимость создать особые резервы, откуда она могла бы черпать пополнения. Этим резервом должны были послужить все трудящиеся, и для того, чтобы приготовить их к этому, Исполком 25 мая 1918 г. слушает доклад Военкома об обучении трудящихся военному искусству и постановляет избрать комиссию для

детальной разработки данного проекта. 10 мая 1919 г. Исполком снова возвращается к вопросу о Красной армии и постановляет усилить культурно-просветительную деятельность среди красноармейцев и принять целый ряд мер, улучшающих постановку дела учета и мобилизации.

В самые острые моменты борьбы с контр-революцией Исполком, стоящий всегда на страже интересов трудящихся, принимал энергичные меры к объединению и напряжению всех сил обороны для отпора врагам. Результатом этого явилось образование Комитета Обороны г. Москвы, созданного в тяжелые дни осени 1919 г. 25 сентября 1919 г. Исполком постановляет утвердить Комитет Обороны, а 25 декабря 1919 г. признает задачи его для данного момента исчерпанными и постановляет его расформировать.

Наступление поляков вновь выдвинуло необходимость созыва Комитета Обороны, и Исполком в заседании от 13 мая 1920 г. постановляет создать Комитет Обороны, работающий до настоящего времени. На том же заседании был заслушан доклад о работе Бюро по записи добровольцев при Московском Совете.

Оборона внутри страны не позволяла забывать и об обороне на фронте. Исполком в целом ряде своих постановлений касался вопросов, связанных с фронтом, и все действия его в этой области были направлены на поддержание постоянной связи с фронтом.

15 января 1918 г. Исполком постановляет снабжать фронт, через Отдел фронта Московского Совета, агитационной литературой, стоящей на платформе 2-го и 3-го Съезда Советов. 5 августа Исполком избирает комиссию для снабжения фронта теплыми вещами. 26-го августа Исполком заслушивает доклад об отправке на фронт активных работников и постановляет послать тов. Троцкому телефонограмму о посылке 240 чел. на фронт в качестве организаторов и агитаторов. 5 апреля 1919 г. Исполком приветствует 1 Московскую рабочую дивизию, борющуюся в течение 4 месяцев на южном фронте, и постановляет ассигновать в подарок армии 1 миллион рублей. Одновременно принимается постановление об усилении культурно-просветительной работы в армии и в прифронтовой полосе.

Для поддержания постоянного контакта с фронтом при Московском Совете создана была специальная комиссия по связи с фронтом. 26 апреля 1919 г. Исполком заслушивает доклад этой комиссии, предлагает всем отделам и учреждениям, подведомственным Московскому Совету, оказывать комиссии всемерное содействие в ее работах и постановляет привлечь к ним районы гор. Москвы.

III. Борьба с контр-революцией внутри страны.

Этот вопрос рассматривался 1 раз. Его бы можно причислить к группе вопросов обороны, так как оборона Социалистической Республики это и есть борьба с контр-революцией. Но среди целого ряда эпизодов этой борьбы один факт заслуживает того, чтобы его особо отметить. В июне 1918 г. имели место известные события на Александровской жел. дор. Это явное дело рук внутренней контр-революции заставило Исполком принять самые решительные меры к вы-

ясненію виновных. Была назначена Следственная Комиссия, и Исполком в заседании 13 июля 1918 г. заслушивает ее доклад и постановляет передать весь материал Военно-Революционному Трибуналу с предани-ем всех виновных его суду.

IV. Экономические вопросы.

Экономические вопросы, рассмотренные Исполкомом, можно разделить на 13 групп:

1. Продовольств. вопрос обсуждался	17	раз.
2. Топливный вопрос	10	»
3. Транспортный вопрос	9	»
4. Жилищный вопрос	9	»
5. Рабочий вопрос	7	»
6. Вопросы промышлен. и торговли	10	»
7. Вопросы тарифной политики . .	4	»
8. Вопросы местной санитарии . .	7	»
9. Муниципальные вопросы	2	»
10. Вопросы сельского хозяйства. .	2	»
11. Вопросы трудовой повинности .	2	»
12. Финансовый вопрос	9	»
13. Общие экономические вопросы .	10	»

1. Продовольственный вопрос.

Вопрос этот обсуждался Исполкомом 17 раз. Впервые он рассматривался в заседании 16 ноября 1917 г., когда был заслушан доклад о продовольственном положении в Москве. 27 ноября 1917 г. вновь слушался доклад о положении с продовольствием, и Исполком принимает весьма важное решение, а именно: постановляет прекратить разрешение отдельным горсдам продавать и покупать хлеб помимо Продовольственного Комитета, ибо это вносит дезорганизацию в дело продовольствия.

25 мая 1918 г. Исполком заслушивает доклад о результатах продовольственной переписи и постановляет принять меры к охране и использованию в обще-государственном масштабе запасов и к получению продуктов для той же цели от Интендан. Земского и Городского Союзов и др. организаций, для которых это продовольствие в настоящее время не нужно.

Трудное продовольственное положение заставляет обратить внимание на необходимость организации общественного питания. Как первый шаг на этом пути, Исполком 27 июля 1918 г. постановляет, что все продукты с огородов Огородного Отдела М. С. и др. общественных огородов не могут поступать на рынок, но должны направляться на удовлетворение общественных потребностей через Продовольственный Отдел или по его указанию. В деталях вопрос об общественном питании обсужден был в заседании 10 августа 1918 г. Констатируя, что организация общественного питания трудящегося населения далеко не отвечает потребностям момента, Исполком постановил: 1) предложить Продовольственному Отделу организовать более широкую доставку продовольствия для общественных столовых; 2) передавать все овощи с огородов советск., прод. и городск. отделов в столовые общественного питания; 3) организовать постоянный контроль за деятельностью общественных столовых.

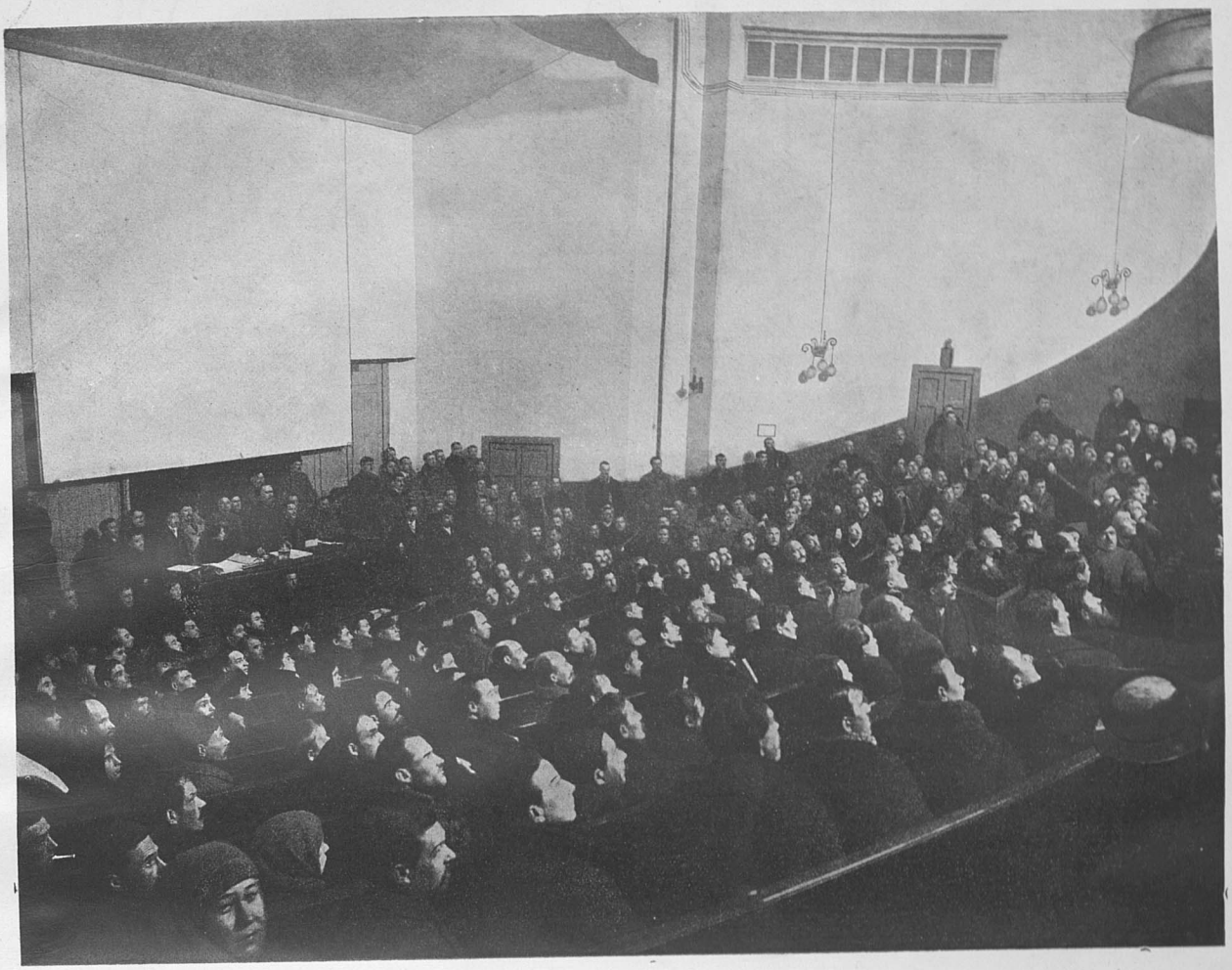
Для усиления продовольственной работы на местах необходимо было отправлять делегации, которые в контакте с местными продовольственными органами достигали успешных результатов своей работы по заготовке и отправке продовольствия в Москву.

23 декабря 1917 г. Исполком постановляет послать делегацию на Юг для усиления подвоза хлеба в Москву. 29 марта 1919 г. Исполком признает необходимым организацию продовольственной экспедиции в Саратов и Вятку, которой поручить довести до максимума пропускную способность железнодорожного участка Москва—Саратов. 12 апреля 1919 г. Исполком постановляет организовать продовольственную экспедицию на Дон и Украину (на подобие приволжской).

Работу продовольственных органов весьма тормозил бюрократический характер главных продовольственных органов. Учитывая это, Исполком постановляет 8 декабря 1918 г. довести до сведения Совета Обороны, что катастрофическое продовольственное положение гор. Москвы вызвано бюрократической организацией Центрозакупа и Наркомпрода. Год спустя вопрос об этом вновь поднимается в Исполкоме, который 12 декабря 19 г. снова постановляет войти в Совет Обороны с предложением создать комиссию для просмотра центральных аппаратов Наркомпрода и Наркомпути, как в смысле личного состава, так и ревизии быстроты и точности работы.

Нерегулярное снабжение Москвы хлебом создает в Москве частые продовольственные кризисы, которые заставляют Исполком обсуждать продовольственный вопрос и принимать меры для смягчения кризисов. 12 мая 1918 г. Исполком заслушивает доклад Наркомпрода о продовольственном вопросе. 14 июня 1919 г. Исполком слушает доклад заведующего Продовольственным Отделом о крайне тяжелом положении Москвы с продовольствием и постановляет: 1) предложить Коллегии Продовольственного Отдела войти в сношение с Наркомпродом на предмет изыскания мер смягчения продовольственного кризиса; 2) поручить Президиуму немедленно принять меры к устранению фактов реквизиции молока на вокзалах; 3) поручить Административному Отделу Московского Совета принять меры к прекращению торговли нормированными продуктами в магазинах.

14 декабря 1918 г. Исполком обсуждает вопрос о привозе ненормированных продуктов в Москву, а 11 ноября 1919 г. заслушивает доклад М. П. О. и постановляет возбудить перед Наркомпродом ходатайство об увеличении классового пайка I и II категории на $^1/_8$ ф. в день. 12 декабря 1919 г. Исполком постановляет войти в Совет Обороны с ходатайством, чтобы маршрутные поезда, подаваемые в Москву с хлебом, шли преимущественно перед воинскими поездами. 12 декабря 1919 г. Исполком постановляет предложить Совету Обороны обязать Наркомпрод и Наркомпуть выработать срочно план доставки в Москву минимум количества абсолютно необходимого продовольствия и разрешить Востфронту отправлять из своих запасов маршрутные поезда, снабженные топливом, в Москву для Московского Совета. 13 августа 1920 г. Исполком заслушивает доклад Моспродкома о заготовительных операциях по Московской губернии

Пленум Московского Совета 1919 г.

Первое заседание Исполкома Москов. Совета с председателями Уисполкомов после слияния с губернией.

и постановляет: 1) одобрить продовольственную политику Моспродкома и утвердить все произведенные им разверстки, 2) установить взаимоотношения между Моспродкомом и Уисполкомами на основании принципа централизации.

2. Топливный вопрос.

Вопрос этот обсуждался Исполкомом 10 раз. До половины 1919 г. топливный вопрос не имел такого боевого значения, которое он приобрел впоследствии. До этого времени Исполком заслушал 4 доклада о топливе (22/XI, 27/XI — 1918 г., 22/I, 10/III — 1919 г.) и постановил послать в разные места представителей Московского Совета для содействия снабжению Москвы топливом. 28 июня 1919 г. вопрос о топливе предстал перед Исполкомом во всей полноте тех последствий, которые повлекли бы за собою его несвоевременное или неудачное урегулирование. В виду угрожающего Москве недостатка топлива, Исполком на этом заседании постановляет предоставить под заготовку дров 8-верстную полосу, за кольцом Окружной жел. дороги: заготовку производить артелями кооперативов, фабрично-заводских комитетов, группами членов профсоюзов, домами-коммунами, домовыми комитетами, учреждениями и организациями.

Но Москва нуждается не только в дровах — ей нужен и уголь для ее промышленных предприятий. Уголь этот можно прежде всего получить из близко лежащего подмосковного района, и Исполком для поднятия производительности рудников в этом районе в заседании 2 сентября 1919 года постановляет: 1) предложить тт. рабочим напрячь все силы для поднятия производительности труда; 2) признать необходимым снабжение рудников продовольствием и материалами в исключительном порядке; 3) признать необходимым повысить дисциплину труда. 18 декабря 1919 г. Исполком постановляет пополнить экспедицию в подмосковный каменно-угольный район и предлагает ей продолжать работу.

Зима 1919 года снова делает топливный вопрос вопросом первостепенной важности. Исполком 11 ноября 1919 года постановляет настаивать перед Советом Обороны, чтобы минимальное количество дров, закрепленных за Москвой, было не меньше двухсот вагонов в день. Одновременно поручается Жилищно-Земельному Отделу провести на деле ломку ветхих домов на топливо.

Меры, принятые для заготовки топлива, обеспечили в некоторой доле необходимое Москве топливо. Но с другой стороны необходимо было обеспечить транспортом доставку топлива в Москву. С этой целью Исполком 11 декабря 1919 г. предлагает Отделу Топлива принять усиленные меры к мобилизации транспорта для перевозки топлива. 12 декабря 1919 г. Исполком поручает Отделу Топлива войти в срочном порядке в соглашение с Наркомпродом по вопросу проведения резолюции 7-го Всероссийского Съезда Советов о снабжении фуражем гуже-транспорта, работающего по топливу, и в случае недостижения соглашения войти в Совет Обороны.

---

3. Транспортный вопрос.

Транспортный вопрос обсуждался Исполкомом 9 раз. Исполком касался в этих вопросах гуже-транспорта, авто-транспорта и трамвайного движения.

Вопросов, связанных с гужевым транспортом, Исполком обсудил четыре. 5 октября 1918 г. Исполком постановляет открыть гужевые отделения Транспортного Отдела при каждом районе, для чего разбить Москву на 9 районов, приписав к ним всех лошадей близлежащих комиссариатов. 5 августа 1920 г. Исполком касается вопроса о фураже и постановляет дело заготовки фуража в Московской губернии сконцентрировать исключительно в руках Моспродкома, выделить необходимые силы из районов для транспортирования сена в Москву и утвердить постановление Президиума от 3 августа о создании комиссии на предмет разработки вопроса об изыскании способов изготовления суррогатов фуража.

13 августа 1920 г. Исполком снова возвращается к вопросу о фураже, положение с которым прямо-таки признается катастрофическим. Для борьбы с фуражным голодом Исполком постановляет: 1) поручить МПО срочно войти с ходатайством в Наркомпрод об увеличении планового снабжения гор. Москвы сеном из Рязанской, Смоленской, Тверской, Тамбовской и др. губерний; 2) просить Наркомпрод выделить для Москвы определенное количество зерно-фуража из заготовок в Сибири и на Украине.

15 апреля 1920 года Исполком заслушивает доклад Транспортного Отдела об общем положении Московского Транспорта.

Вопрос об авто-транспорте обсуждался Исполкомом 13 августа 1920 г., когда, обсудив условия ремонта грузового транспорта, Исполком постановил довести число авто-транспортных рабочих Московской Авто-Секции до 700 ч. и просить Центральную Авто-Секцию принять все меры к срочному и полному удовлетворению МАС в машинных частях и принадлежностях для автомобилей и проч.

4. Жилищный вопрос.

Жилищный вопрос рассматривался Исполкомом 9 раз.

30 ноября 1918 г. Исполком постановляет поручить ЦКЗО произвести в местном порядке уплотнение всех домов, в первую очередь домов с центральным отоплением. Для устранения всех недоразумений, которые возникли при проведении в жизнь уплотнения домов, Исполком 26 июля 1918 года рассматривает вопрос о нормальном использовании помещений и постановляет установить нормы использования помещений, занимаемых отдельными лицами и учреждениями.

Необходимость централизации управления муниципализированными домами побуждает Исполком 23 июня 1919 г. предложить ЖЗО принять меры к скорейшему проведению организации квартальных хозяйств в обще-московском масштабе.

Жилищный вопрос тесно связан с вопросом о мебели, и поэтому последний обсуждался Исполкомом несколько раз. 21 сентября 1918 г. Исполком постановляет запретить продажу и вывоз мебели, находящейся в квартирах, и поручает особой комиссии выра-

ботать норму домашнего инвентаря, необходимого для одного лица. 15 марта 1919 г. Исполком постановляет учесть всю мебель Хозяйственного Отдела, воспретить реквизицию и учет мебели, находящейся в частном пользовании, и разрешает конфискацию мебели лишь как меру наказания. 28 марта 1919 г. Исполком устанавливает правила вывоза и распределения мебели, а 17 мая 1919 г. с целью обеспечить снабжение ею рабочих домов постановляет передать всю мебель из Горпродукта в ведение и распоряжение ЖЭО для рабочих домов.

Вопросом, непосредственно связанным с жилищным, было строительное дело. В целях наиболее планомерного и целесообразного развития строительной деятельности Исполком 14 июня 1919 г. постановляет учредить Особое Совещание по вопросам строительной политики Моск. коммуны, а 19 марта 1920 г. постановляет создать Особый Строительно-Санитарн. Комитет (ОСКОМ).

5. Рабочий вопрос.

Вопрос этот обсуждался Исполкомом 7 раз. В результате его обсуждения принимались меры, направленные к улучшению экономического положения рабочих и облегчению трудных условий современной жизни.

Главное внимание было обращено на обеспечение рабочих жилищами.

28 июня 1919 г. Исполком поручает Президиуму обязать ЖЭО представить Исполкому доклад о ходе работ по переселению рабочих из антисанитарных помещений в здоровые помещения. 26 июля Исполком постановляет произвести в течение летнего времени переселение рабочих до 5250 чел. и организовать специальную комиссию для выработки плана переселения. Наконец, 30 июля 1920 г. Исполком заслушивает доклад ЦЖЭО об улучшении жилищного быта рабочих и принимает целый ряд мер, направленных к действительному улучшению положения рабочих в этой области,—путем переселения 10.000 рабочих в специальные рабочие дома.

Заботясь об улучшении жилищного быта рабочих, Исполком стремился обеспечить их экономическое положение и в других областях. С этой целью Исполком 14 июня 1919 г. обсуждает вопрос о предоставлении рабочим имущества, оставленного на складах и в др. местах хранения и, согласно постановления С. Н. К., постановляет образовать комиссию, которая 28 июня и представляет план распределения этого имущества.

29 января 1920 г. Исполком постановляет создать специальную комиссию трех в составе представителей Москов. Совета, Губ. Сов. Профес. Союзов и М. Г. С. Н. Х. для улучшения быта рабочих и в целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда.

1 июня 1920 г. Исполком слушает доклад комиссии по улучшению экономического положения рабочих и принимает целый ряд мер, направленных к осуществлению этой задачи.

6. Вопросы промышленности и торговли.

Такого рода вопросы Исполком рассматривал 10 раз.

28 декабря 1918 г. Исполком утверждает подробную инструкцию о работах Горсовнархоза. 4 декабря 1918 г. Исполком обсуждает вопрос об урегулировании промышленности и 8 декабря постановляет создать специальную комиссию по этому вопросу.

18 января 1920 г. Исполком предлагает Президиуму Горсовнархоза обратить серьезное внимание на поднятие производительности труда в предприятиях, подчиненных Горсовнархозу.

Информационный характер носили доклад Отдела Швейной промышленности М. Г. С. Н. Х. (9 марта 1920 г.), доклад о деятельности Деревоотдела М. Г. С. Н. Х. (13 мая) и доклад о деятельности Обувного Отдела М. Г. С. Н. Х. (22 июня)

В целях урегулирования мелочной торговли Исполком 17 мая 1919 г. постановляет—предоставить мелкой торговле, при соблюдении известных условий, право продавать ненормированные продукты и изделия кустарной и мелкой промышленности, а 25 декабря 1919 г. Исполком утверждает правила, регулирующие всю частную торговлю такого рода предметами.

7. Вопросы тарифной политики.

Вопросы тарифн. политики Исполком обсуждал 4 раза.

11 января 1918 г. Исполком обсуждает декрет о минимуме заработной платы и декрет о тарифных ставках союза металлистов. 20 февраля 1918 г. Исполком обсуждает вопрос об увеличении окладов сотрудникам Совета и постановляет повысить оклад, назначив прибавку 100 руб. в месяц. 25 мая 1918 г. Исполком снова обсуждает этот вопрос. 31 августа 1918 г. утверждается Исполкомом минимум заработной платы от 9 до 14 руб. в день.

8. Вопросы местной санитарии.

Исполком обсудил таких вопросов 7.

Вопросы эти имели очень важное значение в связи с развивающимися в Москве эпидемиями. 27 июля 1918 г. Исполком заслушивает доклад Наркомздрава о холере и постановляет озаботиться об улучшении условий жизни московской бедноты. К концу зимы, 1918/19 г., в ожидании эпидемий, Исполком принимает ряд мер, обеспечивающих борьбу с ними. 1 февраля 1919 г. он постановляет предложить Врачебно-Санитарному Отделу привлечь весь медицинский персонал и медиков-студентов к исполнению трудовой повинности, предложить ЖЭО подыскать помещения для сыпнотифозных больных, постановляет усилить деятельность бань и проч. 26 июня 1919 г., для предотвращения могущей вновь вспыхнуть эпидемии сыпного тифа, Исполком постановляет произвести общую генеральную чистку и принять предупредительные меры против эпидемических заболеваний. 29 января 1920 г. Исполком постановляет предложить ЖЭО предоставить определенное помещение на 3000 коек для развертывания госпиталей для сыпнотифозных больных и предложить отпустить районам 200 пуд. мыла для раздачи беднейшему населению. 9 февраля т. г. Исполком постановляет создать Чрезвычайную Санитарную Комиссию для улучшения санитарного состояния Москвы и борьбы с эпидемиями. 9 марта 1920 г. Исполком заслушивает доклад о холерных заболеваниях в Москве, а 13 августа 1920 г. постановляет объявить все учреждения, подведомственные Мосздравотделу, на военном положении.

9. Муниципальные вопросы.

30 ноября 1918 г. Исполком заслушивает доклад о муниципализации городских недвижимостей, поста-

новляет утвердить постановление Президиума по этому вопросу и организовать комиссию из 3 лиц для проведения в жизнь этого постановления.

8 июня 1919 г. Исполком обсуждает вопрос о муниципализации хлебопекарен и бань. По последнему вопросу образована комиссия для выяснения способов обеспечения бань топливом, ремонтом и т. п.

10. Вопросы сельского хозяйства.

8 марта 1919 г. Исполком признает необходимым организовать Сельско-Хозяйственный Отдел Московского Совета. 16 января 1920 г. Исполком постановляет войти с ходатайством в Высший Совет Народного Хозяйства и Наркомпрод о предоставлении Москве в первую очередь 500 вагонов семенного картофеля. Одновременно устанавливаются правила обработки земли, при чем Исполком постановляет, что при распределении земли для обработки между фабрично-заводскими комитетами ни в коем случае не принимать методов принудительного объединения.

11. Вопросы трудовой повинности.

Вопросы трудовой повинности обсуждались Исполкомом 2 раза.

5 октября 1918 г. Исполком постановляет привлечь к бесплатной трудовой повинности по своей специальности частно практикующих врачей.

16 января 1920 г. Исполком постановляет предложить Административному Отделу провести постановление Президиума о порядке привлечения населения к трудовой повинности по очистке снега.

12. Финансовые вопросы.

Утверждено 18 смет, установлен порядок взимания революционного налога (16/XI), организована Бюджетная Комиссия (28/IX—18 г.), утвержден проект росписи доходов и расходов Москов. Совета (12/VII—19 г.), заслушано 2 информационных доклада (18/XI, 18/XII—17 г.).

30 декабря 1917 г. Исполком обсуждает доклад о Комиссии по вскрытию сейфов и постановляет уже существующую Комиссию пополнить представителями от Раб.-Кр. Инспекции.

17 мая 1919 г. Исполком постановляет закрыть кредиты районам и отделам, не представившим отчетов.

17 апреля 1919 г. Исполком постановляет предложить всем отделам и учреждениям Московского Совета сократить штаты на 30—50%.

13. Общие экономические вопросы.

Эти вопросы касались, главным образом, мер борьбы с двумя печальными явлениями: безработицей, как наследием старого строя, и спекуляцией, вызванной общей экономической разрухой.

По вопросу о безработице Исполком заслушал 3 доклада. 11 декабря 1917 г. он постановляет избрать комиссию для разработки мер борьбы с безработицей, а 8 марта 1918 г., вследствие закрытия предприятий, постановляет передать учет, руководство и распределение освободившихся рабочих Отделу учета и распределения рабочей силы.

По вопросу о борьбе со спекуляцией Исполкомом заслушаны 3 доклада. 18 ноября 1918 г. Исполком признает необходимым создать единый центральный

орган по борьбе со спекуляцией и создать для этой цели специальную комиссию. 20 февраля 1919 г. снова поднимается этот вопрос, и Исполком признает, что во главе борьбы со спекуляцией должен стать Продком с правом обыска складов, ареста товаров и лиц.

Других менее важных экономических вопросов Исполком заслушал четыре.

V. Организационные вопросы.

Исполком обсудил 336 организационных вопросов.

11 ноября 1917 г. Исполком постановляет признать необходимым существование общего Совета Раб. и С. Д. с 2 секциями и 13 ноября выносит постановление о слиянии Совета Р. Д. и Совета С. Д. в один общий Совет. 30 декабря Исполком постановляет создать единый орган для Москвы и Московской области в лице Президиума С. Р. С. и К. Д. в составе 15 чел. и с ответственностью перед областным съездом Р. С. и К. Д.

31 марта 1918 г. Исполком признает необходимым объединить при Совете руководство всей политической, гражданской и хозяйственной жизнью Москвы и влить все отделы город. хозяйства в Советскую организацию.

21 августа 1919 г. Исполком впервые рассматривает вопрос о слиянии Городского и Губернского Советов и для детальной разработки вопроса избирает комиссию. 16 сентября 1919 г. Исполком совместно с Губ. Советом заслушивает доклад этой комиссии и признает необходимым и полезным слияние как экономических, так и политических органов Город. и Губ. Исполкомов. Самое слияние, однако, имело место только 11 июня 1920 г., с какого времени город объединился с губернией.

Из других организационных вопросов Исполкомом обсуждались:

1. В части, касающейся руководящих органов—Пленума, Исполкома и Президиума:

регламент их работ	12 раз
дежурства членов И. К.	2 »
оплата труда членов И. К.	1 »

2. В части, касающейся отделов и комиссий Московского Совета:

конструкция Моск. Совета	1 раз
организация новых отделов и комиссий	15 »
ликвидация отделов и комиссий	3 »
реорганизация их	2 »
положение об отделах	3 »
взаимоотношение отделов	3 »
слияние отделов и комиссий	3 »

3. В части, касающейся районов:

слияние районов	2 »

4. В части, касающейся выборов:

общие правила выборов	3 »
выборы Исполкома	7 »
выборы Президиума	7 »
другие выборы	235 »

5. Разных организационных вопросов . . . . 31 »

VI. Юридические вопросы.

Их рассмотрено 6.

2 декабря 1918 г. Исполком заслушивает доклад о суде и утверждает проект немедленного проведения в жизнь декрета Совнаркома о суде.

2 мая 1919 г. Исполком утверждает судебных заседателей Ревтрибунала, а 25 мая заслушивает доклад о коллегии правозаступников и об организации Окружного Суда. В результате доклада Исполком предлагает комиссару юстиции представить подробный план организации Окружного Суда и коллегии правозаступников. 8 июля 1919 г. Исполком признает необходимым немедленную организацию Московского Окружного Народного Суда, а 12 июля 1919 г. утверждает правила реорганизации Следственной Комиссии.

VII. Вопросы социального обеспечения.

Таких вопросов Исполком рассмотрел 9.

5 октября 1918 г. Исполком признает необходимым передать все учреждения, ведающие обеспечением детей дошкольного возраста, Отделу Нар. Образования.

12 сентября 1919 г. Исполком постановляет принять меры для обеспечения жилищами нищих, а 26 апреля 1919 г.—для обеспечения малоимущих.

14 октября 1919 г. и 27 мая 1920 г. Исполком слушает 2 информационных доклада Отдела Социального Обеспечения.

9 августа 1919 г. Исполком обсуждает вопрос о замене денежного пособия семьям красноармейцев натуральным, а 25 сентября 1919 г. предлагает Отсобезу принять меры к широкому ознакомлению рабочих с порядком получения пособий и пенсий.

VIII. Вопросы культуры и просвещения.

Заслушано 3 информационных доклада (14/IX—18, 1/II—19, один—в 1920), решено слить книгоиздательство Советов Р. Д. и С. Д. (2/XII—1919 г.) и закрытие некоторых книжных магазинов (20 XII—17).

1 февраля 1919 г. Исполком признает желательным проведение в Москве недели просвещения и поручает МОНО провести ее. 12 апреля 1919 г. Исполком признает необходимой национализацию театрального дела в Москве и предлагает Наркомпросу выработать совместно с МОНО соответствующий декрет.

Других вопросов из области просвещения рассмотрено 2.

IX. Вопросы печати.

Они обсуждались 5 раз:

1. Слияние «Известий В. Ц. И. К.» с «Изв. М. С.» (25/V—18 г.).
2. Разрешение на выход газеты М. К. левых С. Р. (24/VIII—19 г.).
3. Предложение меньшевиков о снятии политической цензуры со всей прессы (6/III—18 г.).
4. Агитация против Советской власти в газетах (22/II—19 г.).
5. Развитие издательского дела (5/IV—19 г.).

X. Разные вопросы.

Всего рассмотрено 294 разных вопроса.

Из них наиболее заслуживают внимания:

1. Покушение на тов. Ленина (31/VIII—18 г.).
2. Борьба с антисемитской агитацией путем усиления культурно-просветительной деятельности (21/IV—18 г.).
3. Борьба с лесными пожарами (5/VIII, 13/VIII—20 года) и друг.

Глава V.

Деятельность Президиума Московского Совета Р. К. и К. Д.

Президиум Московского Совета избирается Исполнительным Комитетом Московского Совета и является органом, руководящим и объединяющим деятельность всех учреждений, подведомственных Московскому Совету. Одновременно на Президиум возложена вся работа по текущим делам управления г. Москвой.

Объединение деятельности всех учреждений Московского Совета заключается в том, что все принципиальные вопросы, затронутые тем или другим Отделом или районом, вносятся на обсуждение Президиума, который разрешает их с точки зрения интересов всего Московского Совета, а не данного Отдела в частности. В Президиуме все спорные точки зрения заинтересованных ведомств (Отделов) находят себе примирение в соответствующем постановлении Президиума, являющемся результатом всестороннего обсуждения вопроса. Это всестороннее обсуждение вопросов достигается путем вызова представителей всех заинтересованных ведомств, начиная от Наркомов и кончая самыми незначительными учреждениями. Благодаря вызову заинтересованных сторон, Президиум ознакомляется с мнениями их по данному вопросу, получает все нужные ему разъяснения, учитывает возможность проведения той или другой меры и в зависимости от этого выносит то или другое постановление.

По последнему регламенту работ Президиума заседания его должны происходить два раза в неделю. В действительности, однако, Президиум заседал чаще: всего за время с Октябрьской революции по 1 сентября 1920 г. состоялось 508 заседаний. Если учесть вышеуказанный период (1020 дней), то увидим, что Президиум заседал почти через день. Эта интенсивность работы Президиума отмечается особо сильно в самом начале работ (конец 1917 г., начало 1918 г.), когда Президиум заседал почти ежедневно (за ноябрь, декабрь 1917 г. и январь—март 1918 г.—123 заседания).

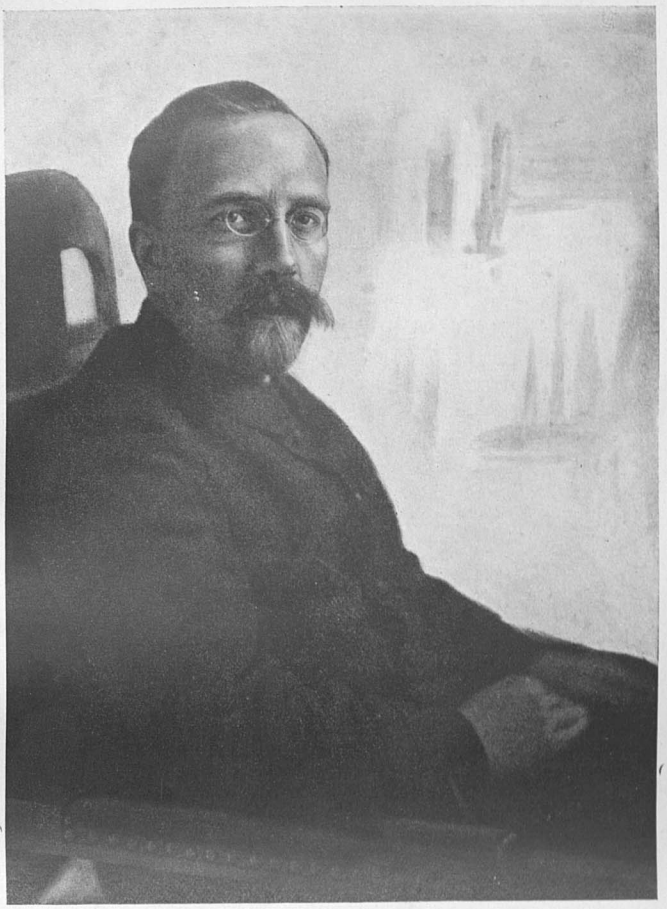
На 508 заседаниях Президиума присутствовало 3835 его членов, так что на одно заседание приходится около 8 членов. И здесь нужно отметить, что заседания Президиума в начале отмеченного периода были многочисленнее теперешних, так как и сам Президиум в это время насчитывал гораздо больше членов.

Что касается количества обсужденных вопросов, то их на 508 заседаниях рассмотрено 5393, так что на одно заседание приходится до 11 вопросов.

Характер обсужденных вопросов, к сожалению, не удалось выяснить, так как работа по обработке более 5000 вопросов чрезвычайно сложна и затруднительна.

Можно сказать только одно, что не было такого вопроса, каким бы маловажным он ни казался, который не был бы обсужден Президиумом Совета, если он только касался интересов революции и рабочего класса.

Рядом с Президиумом работал также в периоды особенно обостренной войны с врагами Советской России (продвижение Деникина, война с Польшей) Комитет Обороны.

Л. Б. Каменев, председатель Москов. Совета с августа 1918 г.

Дом Моск. Совета Р. К. и Кр. Депутатов.

Приложение I.

Список членов Исполкома и Президиума Московского Совета.

Председателем Моск. Совета до 25/x был т. **Ногин**, его заместителем т. **Рыков**; 25/x был избран Воен. Рев. Комитет в составе тт.: **В. Смирнова, Мухалова, Усиевича, Ломова**, и кандидатов: **Аросьева, Мосолова, Рыкова, Будзинского**; Ревком существовал до 14/xi 1917 г. 14/xi председателем Совета был избран т. **М. Покровский**, затем т. **Смидович** и с августа 1918 г. т. **Каменев.**

1. По выборам 14/XI – 1917 г.

А. Исполком.

Ангарский	больш.
Андреев	»
Баша	»
Белоруссов	»
Борщевский	»
Булочников	»
Бундурин	»
Буровцев	»
Витковский	»
Варков	лев. с.-р.
Горбачев	больш.
Горкунов	»
Голубев	»
Голобачев	»
Девяткин	меньш.
Егоров-Лызев	»
Егоров-Орлентинов	»
Епифанов	»
Желтов	больш.
Заблоцкий	лев. с.-р.
Изув	меньш.
Константинов	больш.
Крумин	»
Корзинов	»
Карманов	»
Кухмистров	»
Кибрик	меньш.
Климов	лев. с.-р.
Костюченко	»
Константинов	объедин.
Лисенко	больш.
Лисицин	»
Максимов К. Г.	»
Максимов Т. Н.	»
Маленков	»
Меркулов	»
Михайлов	лев. с.-р.
Николаев	меньш.
Никандров	больш.
Овчинников	лев. с.-р.
Певунов	больш.
Пискарев	»
Пряничников	»
Поялнов	»
Потапов	меньш.
Ратехин	больш.
Радзивиллов	больш.
Рышков	»
Романов	меньш.
Рабинович	объедин.
Сахаров	больш.
Смирнов	»
Селиванов	»
Темкин	»
Уваров	»
Шараменков	»
Шишков	»
Щукин	»
Ясенев	объедин.
Черепанов	лев. с.-р.
Юревич	больш.
Хинчук	меньш.

Б. Президиум.

Будзинский	больш.
Биценко	лев. с.-р.
Волгин	объедин.
Зитта	лев. с.-р.
Игнатов	больш.
Ломов	»
Малиновский	»
Покровский	»
Рыков	»
Розенгольц	»
Смидович	»
Смирнов	»
Саблин	лев. с.-р.
Усиевич	больш.
Ярославский	»

Заместители.

Антонов	больш.
Борщевский	»
Кушнер	»
Максимов	»
Магеровский	лев. с.-р.
Ногин	больш.
Орехов	»
Ожигов	лев. с.-р.
Пальгунов	больш.
Скворцов	»
Федотов	»
Черепанов	лев. с.-р.

2. По выборам 26/IV—1918 г.

А. Исполком.

Ангарский	больш.
Алешин (умер)	»
Анесов	с. р. центр.
Абрамович	меньш.
Бирюков	больш.
Булаков	»
Белоруссов	»
Борисов	»
Гулецкий	лев. с.-р.
Давыдов	с.-р. центр.
Егоров-Лызов	меньш.
Егоров-Орлентинов	»
Жмутова	больш.
Заморенов	»
Исаев	»
Илющин	»
Ибрагимов	»
Изув	меньш.
Корзинов	больш.
Кононов	»
Кабахидзе	»
Крумин	»
Кочетков	»
Карманов	»
Каныгин	»
Кибрик	меньш.
Леппе	больш.
Лисицин	»
Лисенко	»
Левин	меньш.
Левит	больш.
Морозов	»
Николаев	меньш.
Новиков	больш.
Огурев	»
Овчинников	лев. с.-р.
Першин	больш.
Петров	»
Рубцов	»
Ратнер	с.-р. центр.
Савинов	больш.
Семенов	»
Смирнов	»
Самойлова	»
Сальников	»
Скнавин	лев. с.-р.
Туманов	больш.
Трусов	больш.
Трутнев	»
Трифонов	меньш.
Юревич	больш.
Филиппов	»
Фонченко	»
Фрадкин	»
Хотинский	»
Хинчук	меньш.
Цивцивадзе	больш.
Цихон	»
Черепанов	лев. с.-р.
Шленов	больш.
Шалашов	»

Кандидаты.

Аристархов	меньш.
Алексеев	»
Богров	больш.
Березнева	»
Гуревич	меньш.
Гаврилов	»
Горкунов	больш.
Гаврилов	лев.с.-р.
Колыгина	больш.
Лобачев	с.-р. центр.
Маслаков	лев. с.-р.
Матвеева	больш.
Новиков	»
Никитин	меньш.
Потапов	»
Смирнов	»
Элиашев	больш.
Черняев	с.-р. центр.

Б. Президиум.

Акулов	больш.
Бухарин	»
Буровцев	»
Биценко	лев. с.-р.
Владимирский	больш.
Гончаров	»
Доброхотова	лев. с.-р.
Знаменский	больш.
Игнатов	»
Ломов	»
Максимов	»

Мостовенко	больш.
Назаров	»
Обух	»
Орехов	»
Осинский	»
Пискарев	»
Ратехин	»
Радзивиллов	»
Рогов	»
Серебряков	»
Семашко	больш.
Смидович	»
Сокольников	»

Кандидаты.

Гулецкий	лев. с.-р.
Пятницкий	больш.
Синявин	лев. с.-р.
Фельдман	больш.

3. По выборам 23 VII—1918 г.

А. Исполком.

Ангарский	больш.
Алешин	»
Александров	»
Беленький	»
Берзин	»
Буровцев	»
Белоруссов	»
Бреслав	»
Вознесенский	»
Владимирский	»
Гончаров	»
Горкунов	»
Ефремов	»
Землячка	»
Знаменский	»
Игнатов	»
Каныгин	»
Кураев	»
Корзинов	»
Лихачев	»
Лисицин	»
Лисенко	»
Мостовенко	»
Морозов	»
Максимов	»
Обух	»
Орехов	»
Пискарев	»
Пятницкий	»
Рутковский	лев. с.-р.
Рогов	больш.
Радзивиллов	»
Смидович	»
Семашко	»
Сальников	»
Смирнов	»
Стулов	»
Стеклов	»
Туляков	больш.
Фельдман	»
Юревич	»
Цивцивадзе	»

Кандидаты.

Афонин	больш.
Бирюков	»
Вимба	»
Горкунов	»
Грозберг	»
Заморенов	»
Карманов	»
Крумин	»
Левит	»
Меркулов	»
Мартинсон	»
Надеждин	»
Першин	»
Поликарпов	»
Серебряков	»
Сергеев	»
Сольц	»
Фонченко	»
Филиппов	»
Шалашов	»

Б. Президиум.

Буровцев	больш.
Владимирский	»
Гончаров	»
Знаменский	»
Игнатов	»
Кураев	»
Максимов	»
Орехов	»
Рогов	»
Смидович	»
Серебряков	»

4. По выборам 27/V—1919 г.

А. Исполком.

Арутюнянц	больш.
Ашсулов	»
Белоруссов	»
Беленький	»
Баша	больш.
Боровиков	»
Владимирский	»
Воронин	»
Гарютин	»
Горкунов	»

Емельянов	больш.
Жариков	»
Загорский	»
Залкинд	»
Заморенов	»
Зеленский	»
Знаменский	»
Игнатов	»
Каменев	»
Каныгин	»
Корзинов	»
Лисенко	»
Лисицин	»
Лихачев	»
Лобачев	»
Максимов	»
Мизикин	»
Обух	»
Пискарев	»
Рогов	»
Савельев	»
Сафронов	»
Серебряков	»
Смидович	»
Сольц	»
Сорокин	»
Савинов	»
Титов	»
Туляков	»
Цивцивадзе	»
Черкассов	больш.
Чиверев	»
Шинаева	»
Шиллерт	»

Кандидаты.

Буровцев	больш.
Задрож	»
Ильин	»
Кохиани	»
Любман	»
Пурен	»
Ратехин	»
Синицин	»
Филлер	»
Янышев	»

Б. Президиум.

Владимирский	больш.
Зеленский	»
Знаменский	»
Каменев	»
Лихачев	»
Максимов	»
Рогов	»
Русаков	»
Смидович	»
Цивцивадзе	»

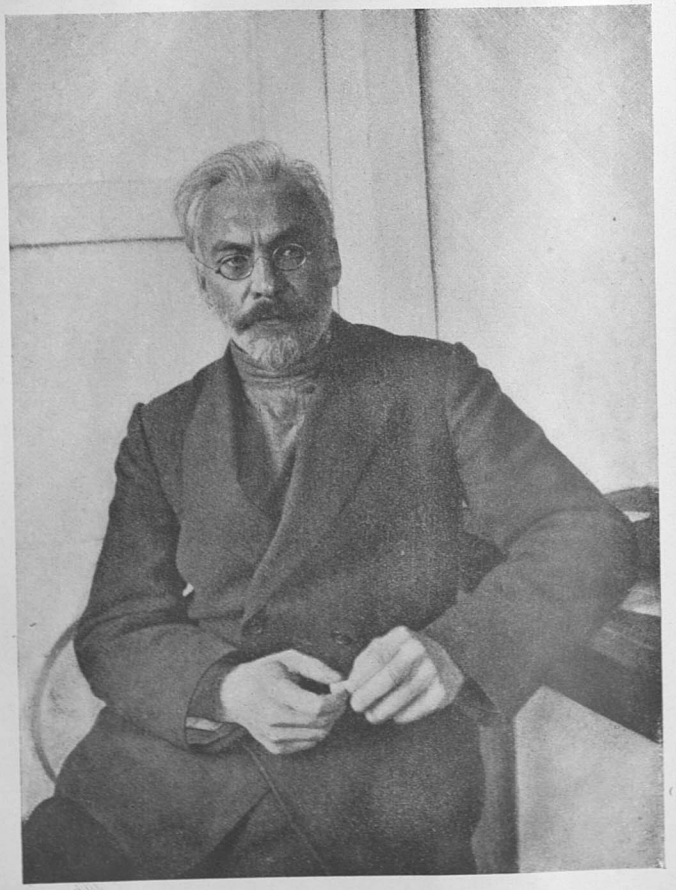
5. По выборам в феврале 1920 г.

А. Исполком.

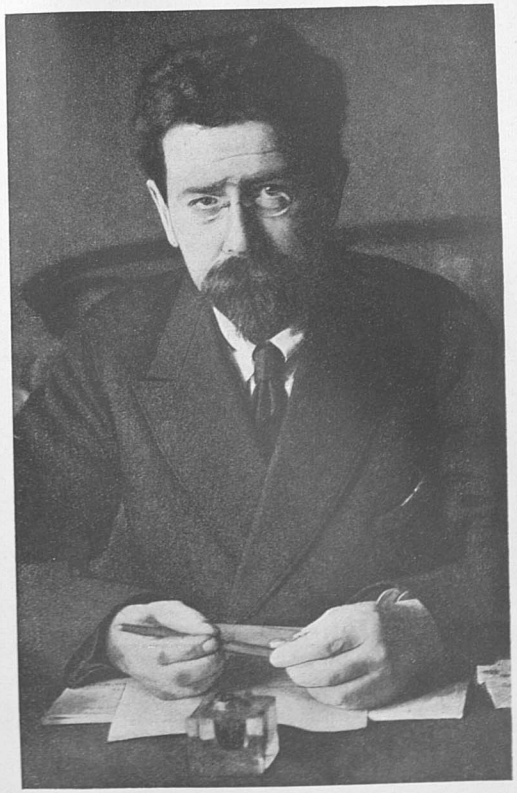
Ангарский	больш.
Арутюнянц	»
Бодров	»
Боровиков	»
Буйволов	»
Васильев	»
Вавилкин	»
Гарютин	»
Дрожжин	»
Зеленский	»
Заморенов	»
Иванов	»
Игнатов	»
Каменев	»
Климова	»
Куранова	»
Кроль	»
Каныгин	»
Лобачев	»
Лихачев	»
Мышкин	»
Меркулов	»
Мельничанский	»
Мясников	»
Орлов	»
Обух	»
Павлов	больш.
Пухликов	»
Пятницкий	»
Русаков	»
Ривлин	»
Розенштейн	»
Рогов	»
Скобейников	»
Сорокин	»
Смидович	»
Савинов	»
Серебряков	»
Уханов	»
Цыкон	»

Кандидаты.

Батышев	больш.
Баша	»
Белоруссов	»
Бутусов	»
Волков	»
Воронин	»
Егерь	»
Илюшин	»
Корзинов	»
Лисицин	»
Левит	»
Максимов	»

П. Г. Смидович, председатель Моск. Совета до средины 1918 г.

В. П. Ногин, председатель Моск. Совета Раб. Деп. до 25 октября 1917 г.

Петров ..... больш.
Сафронов ..... »
Смирнов ..... »
Фельдман ..... »
Филиппов ..... »
Хлоплянкин ..... »
Цивцивадзе ..... »
Черкасов ..... »
Шиллерт ..... »

Б. Президиум.

Каменев ..... больш.
Лисицин ..... »
Лихачев ..... »
Мясников ..... »
Мельничанский .... »
Рогов ..... »
Смидович ..... »

6. По выборам 11/VI—1920 г.

А. Исполком.

Ангарский ..... больш.
Арутюнянц ..... »
Бадаев ..... »
Белоруссов ..... »
Горюнов ..... »
Дрожжин ..... »
Зайцев ..... »
Заморенов ..... »
Иванов ..... »
Игнатов ..... »
Икан ..... »
Калинина ..... »
Каменев ..... »
Каныгин ..... »
Климова ..... »
Киров ..... »
Клок ..... больш.
Куранова ..... »
Лисицин ..... »
Лихачев ..... »
Лавров ..... »
Маслов ..... »
Мельничанский .... »
Меркулов ..... »
Мессинг ..... »
Минаев ..... »
Миньков ..... »
Мосячин ..... »
Обух ..... »
Певзнер ..... »
Певунов ..... »
Полидоров ..... »
Пухляков ..... »
Пятницкий ..... »

Петров ..... больш.
Рогов ..... »
Русаков ..... »
Смидович ..... »
Скобейников ..... »
Сорокин ..... »
Смирнов ..... »
Тростников ..... »
Уханов ..... »
Фельдман ..... »
Фатьянов ..... »
Харсон ..... беспарт.
Хинчук ..... больш.
Хлоплянкин ..... »
Цихон ..... »
Цивцивадзе ..... »
Шмидель ..... »

Кандидаты.

Баша ..... больш.
Беленький ..... »
Бутусов ..... »
Бассиасе ..... »
Буйволов ..... »
Буров ..... »
Васильев ..... »
Вознесенский ..... »
Корзинов ..... »
Кобяков ..... »
Лобачев ..... »
Миритаев ..... больш.
Мясников ..... »
Орлов ..... »
Пичугин ..... »
Перейко ..... »
Смилга ..... »
Степанов ..... »
Семенов ..... »
Сафронов ..... »
Савинов ..... »
Тернов ..... »
Черноторов ..... »

Б. Президиум.

Бадаев ..... больш.
Зеленский ..... »
Каменев ..... »
Лисицин ..... »
Лихачев ..... »
Лавров ..... »
Мельничанский .... »
Миньков ..... »
Полидоров ..... »
Рогов ..... »
Смидович ..... »

Кандидаты.

Киров ..... больш.
Русаков ..... »

Приложение II.

Московский Совет в циф

П о л.				В о з р а с т.													
Мужчин.		Женщин.		До 20 лет.		От 21 до 25.		От 26 до 30.		От 31 до 35.		От 36 до 40.		От 41 до 45.		От 46 до 50.		Больше 50.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
880	95,51	39	4,49	9	1,04	89	10,24	205	23,59	295	33,95	132	15,19	66	7,59	32	3,68	10	1,15

Н а ц и о н а л ь н о с т ь.																											
Русских.	Других национальностей.																									Не указавших.	
	Входящих в состав бывш. Российск. Империи.											Остальных.												ВСЕГО.			
	Евреев.		Поляков.		Украинцев.		Латышей.		Литовцев.		Грузин.		Армян.		Татар.		Финнов.		Немцев.		Эстонцев.		ВСЕГО.			
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
721	82,97	32	3,68	28	3,22	10	1,15	15	1,73	14	1,61	3	0,34	3	0,34	3	0,34	3	0,34	114	13,12	1	0,11	1	0,11	3	0,34

П р о ф е с с и я.																											
Рабочих.	Неработающих.																										
	Умственный и физический труд.																										
	Преподавателей.		Литераторов, журналистов и редакторов.		Врачей.		Инженеров и техников.		Адвокатов.		Фармацевтов.		Экономистов.		Бухгалтеров.		Чиновников.		Служащих.		Художников.		Музыкантов.		Студентов.		Учащихся.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
620	71,84	36	22	14	13	11	10	9	7	6	3	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Р о д з а н я т и й.																											
Физический труд.					Умственный и физический труд.																				У м		
Рабочих.	Ремесленников.		Мелких кустарей.		Кредитно-финансовых.		ВСЕГО.		Средних сельск.		Сельск. техников.		Агрономов.		Ветеринарных.		Лесного ведом.		Фельдшеров.		Инженеров, техников и архитекторов, работающих по найму.		Преподавателей.		Литераторов, журналистов и редакторов.		Служащих.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
845	80,81	5	4	2	356	40,97	11	7	4	3	3	3	2	1	1	35	4,03	111	57	38	35	35	16	14	12	7	6

П р е с л е д о в а л и с ь з а р е в о л ю ц и о н н у ю д е я т е л ь н о с т ь.																											
Привлекались по политическим делам.						Были заключены в тюрьму в:										Пробы											
1 раз.		2 раза.		Больше 2.		В С Е Г О.		1 год.		От 1–5 л.		Больше 5л.		В С Е Г О.		1 год.		От 1–5 л.		Больше 5 л.		Эмигрировали в:			
Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.			
129		44		64		237	27,27	109		75		11		195	22,44	8		65									

Представительство районов.	Кол. чел.	%
Замоскворецкий.	150	17,26
Городской	104	11,97
Лефортовский.	93	10,70
Якиманско-Лефортовск.	72	8,29
Сокольнический.	60	6,90
Пресненский.	45	5,18
Басманный.	40	4,60
Сущ.-Мариинский.	35	4,03
Хамовнический.	23	2,65
Бутырский.	23	2,65
Алекс.-Солдатский.	19	2,19
Не указавших.	156	17,95

Представительство союзов.	Кол. чел.	%
Металлистов.	73	7,52
Текстильщиков.	73	7,52
Городских служащ.	63	6,49
Железнодорожник.	44	4,53
Печатников.	29	2,99
Коммунальн.	26	2,68
Резинщиков.	23	2,37
Потребительск.	18	1,85
Строительных.	13	1,34
Шифон. изделий.	13	1,34
Пищевиков.	12	1,24
Химическ. промыш.	11	1,13
Тор.-пром. служ.	10	1,03
Портных.	10	1,03
Табачников.	7	0,72
Деревообделочник.	6	0,62
Кожевенное служ.	5	0,52
Фармацевтов.	4	0,41
Металл. и граверн.	4	0,41
Транспорт рабоч.	4	0,41
Швейн. производ.	4	0,41

рах на 1 мая 1918 г.

С е м е й н о е п о л о ж е н и е.								О б р а з о в а т е л ь н ы й ц е н з.							
Не указавших.		Женатых и замужем.		Холостых до 30 л.		Вдовых и вдов.		Не указавших.		Высшего образования.		Среднего образования.		Низшего и среднего образования.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
—	—	612	70,43	200	23,01	10	1,15	47	5,41	56	6,44	120	13,81	659	75,84

| П а р т и й н о с т ь. | | | | | | | | | | | | | | | | | | |

Московский Совет в ЦИФ

Пол.				Возраст.														Возраст.	
Мужчин.		Женщин.		До 20 лет.		от 21 до 25.		от 26 до 30.		от 31 до 35.		от 36 до 40.		от 41 до 45.		от 46 до 50.		Больше 50.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
634	95,78	28	4,22	10	1,51	107	16,17	158	23,87	170	25,69	117	17,65	51	7,70	25	3,78	4	0,61

Национальность.																			
Русских.	Других национальностей.																	Не указавших.	
	Входящих в состав бывш. Российской Империи.									Остальных.									
	Карел.	Эсто-нец.	Поляков.	Немцев сов.	Украинц.	Грузин.	Армян.	Латыш.	ВСЕГО.	Венгер.	Австрий-цев.	Чехосло-ваков.	Венгров.	ВСЕГО.	ВСЕГО.				
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
539	81,42	20	21	12	11	10	4	2	91	13,75	3	1	1	1	6	0,90	97	14,65	26	3,93

Профессия.																															
Физический труд.										Умственный труд.																					
Рабочих.		Земледел.		Металлист.		Железно-дорожн.		Городские служ.		Кожевников.		Пищевиков.		Печатников.		Почтово-телегр. служащих.		Ремесленн.		Табачников.		Торгово-промышл. служащих.		Парфюм. и мылов.		Хим. произ.		Почтмей.		Шоферов.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
429	64,80	5	2	1	437	66,01	27	16	13	10	8	5	3	3	3	3	2	2													

Профессия.																															
Физический труд.																				Умственный труд.											
Рабочих.		Земледел.		Металлист.		Железно-дорожн.		Городские служ.		Кожевников.		Пищевиков.		Печатников.		Почтово-телегр. служащих.		Ремесленн.		Табачников.		Торгово-промышл. служащих.		Парфюм. и мылов.		Хим. произ.		Почтмей.		Шоферов.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
192	29,09	15	7	1	1	1	218	32,93	87	71	40	38	21	15	9	7	6	5	4	3											

Преследовались за революцию																			
Привлекались по политическим делам.								Были заключены в тюрьму на:								Пробы	
1 раз.		2 раза.		Больше 2 р.		ВСЕГО.		1 год.		От 1—5 л.		Больше 5 л.		ВСЕГО.		1 год.	От 1—5 л.
Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.	Кол.
126		19		45		190	28,70	83		59		6		148	22,36	9	52

Представительство районов.	Кол.	%
Выборжский район.	125	19,00
Городской.	79	12,00
Земледельческий.	44	6,68
Пролетарский.	43	6,53
Сокольнический.	41	6,23
Рогожско-Симон.	40	6,07
Бауманский.	37	5,62
Замоскворецкий.	35	5,32
Хамовнический.	24	3,64
Сущ.-Мещанский.	20	3,04
Пресненский.	19	2,89
Не указавших.	12	1,82

Представительство союзов.	Кол.	%
Выборжский союз.	1	0,15
Текстильщиков.	66	10,02
Металлистов.	61	9,27
Жел.-дорожн.	29	4,40
Городских служ.	29	4,40
Кожевников.	21	3,19
Пищевиков.	16	2,43
Печатников.	15	2,28
Почтово-телегр. служащих.	15	2,28
Ремесленн.	12	1,82
Табачников.	10	1,52
Трансп. служащих и рабочих.	9	1,37
Торгово-промышл. служащих.	9	1,37
Парфюм. мыловар.	9	1,37
Хим. произ.	7	1,06
Почтмен.	6	0,91
Шоферов.	5	0,76
Деревообделоч.	2	0,30
Чернорабочих.	4	0,61
Сестер. служащ.	4	0,61
Служ. в конторах.	3	0,46
Дом. служ. и раб.	3	0,46
Медицинских	2	0,30
Рабочих изгот.	2	0,30
Сельскохоз. раб.	2	0,30
Швей.	2	0,30
Трансп. служащих.	2	0,30
Парикмахеров.	2	0,30
Электро-техников.	2	0,30
Служ. в М. Г. У.	2	0,30
Сахара. промышл.	2	0,30
Конторск. служащ.	1	0,15
Конд.-работн.	1	0,15
Архит. строит.	1	0,15
Кондукторов.	1	0,15
Дантистов.	1	0,15
Служ. и артелей	1	0,15
Техников.	1	0,15
Акт. и чертежн.	1	0,15
Авто-техник.	1	0,15
Гальванников.	1	0,15
Фотографов.	1	0,15
Перчат. труда.	1	0,15
Путейцев.	1	0,15
Жгранщиков.	1	0,15
Грузчиков.	1	0,15
Коногонов.	1	0,15
Парфюмеров.	1	0,15
Служащ. и работ. учебн. завед.	1	0,15
Кардщиков.	1	0,15
Рабочих больших.	1	0,15
Не состоят в союз.	105	16,26
Не указавших.	2965	1662

рах на 1 декабря 1918 г.

Семейное положение.								Образовательный ценз.					
Не указавших.		Замужних и женатых.		Холостых и девушек.		Вдовцов и вдов.		Не указавших.		Высшее образование.		Среднее образование.		Низшее и домашнее образование.		Не указавших.	
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
20	3,02	453	68,43	153	23,11	6	0,91	50	7,55	45	6,80	33	4,99	563	85,49	18	2,72

Партийность.																															
Р. К. П.				Не принадлежащих к Р. К. П.																											
Коммунистов.		Сочувствующих.		ВСЕГО.		Большевиков.		Других партий.																				ВСЕГО.		Не указавших.	
								Меньшевиков.		Эсеров.		Трудовиков.		Народных социалистов.		Анархистов.		Сочувствующих.		Беспартийных.									
Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
430	64,95	96	14,50	526	79,45	42	6,34	19	8	2	2	2	2	1	1	1	38	5,74	80	12,08	56	8,47

Профессия.																															
Умственный труд.																															
Художеств.		Врачей.		ВСЕГО.		Учащ.		Служащ.		Техн. и инж.		Юристов.		Агрономов.		Ветеринар.		Фарм. и зубных врачей.		Журн. и лит.		Артистов.		Духовенства.		Частных служ.		ВСЕГО.		Не указавших.	
Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.	%
1		1		97	14,65	21		10		9		3		3		1		1		1		1		1		51	7,70	77	11,64

Профессия.																															
Умственный труд.																															
Инженер-техн.		Счет.-служ.		Торг.		Врачей.		Художеств.		Лесн.-лесовод.		ВСЕГО.		Нач. служащ.		Техн. служащ.		Физический и умственный труд.										Не указавших.	
																		Учащ.		Служащ.		Врачей.		Художеств.		ВСЕГО.			
Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%	Кол.	%
2		2		2		2		1		1		1		316	47,71	5		4		4		2		2		1		23	3,48	1,05	15,88

Профессиональная и общественная деятельность.																			
Были в совлас.				Пробыли на каторге.												Эмигрировали из:			
Больше 5 л.		ВСЕГО.		1 год.		От 1—5 л.		Больше 5 л.		ВСЕГО.				1 год.		От 1—5 л.		Больше 5 л.	
Кол.		Кол.	%	Кол.		Кол.		Кол.		Кол.	%			Кол.		Кол.		Кол.	
8		69	10,42	4		1		1		6	0,90			2		6		6	

Московский Совет в цифрах на 1 марта 1920 г.

Пол.

Мужчин.		Женщин.	
Колич.	%	Колич.	%
1399	91,32	133	8,68

Возраст.

От 18 до 20 л.		От 21 до 25.		От 26 до 30.		От 31 до 35.		От 36 до 40.		От 41 до 45.		От 46 до 50.		51 г. и более.	
Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
41	2,68	210	13,71	505	32,96	389	25,39	203	13,25	112	7,31	51	3,33	21	1,37

Семейное положение.

Холостых и девиц.		Женатых и замужних.		Вдовцов и вдов.	
Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
342	22,32	1168	76,24	22	1,44

Национальность.

Русских.		Других национальностей.													
		Входящих в состав б. Росс. Империи.								Остальных.				ВСЕГО.	
		Евреев.	Татарин.	Поляков.	Армян.	Грузин.	Малорусс.	ВСЕГО.		Немцев.	Греков.	Иных нац.	ВСЕГО.		
Кол.	%	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	%	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	%	Кол.	%
1373	89,62	63	46	32	8	2	3	154	10,05	3	1	1	5	0,33	159	10,38

Партийность.

Р. К. П.						Непринадлежащих к Р. К. П.											
Коммунистов.		Кандидатов.	Сочувствующих.	ВСЕГО.		Беспартийных.		Других партий.							ВСЕГО.		
								Меньшевик.	Анархистов.	Иных соц.	Об. Ед. Соц. п.	Максималист.	ВСЕГО.				
Кол.	%	Кол.	Кол.	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	Кол.	%	Кол.	%	
1220	79,63	50	50	1320	86 16	166	10,84	40	3	1	1	1	46	3	212	10,38	

Образовательный ценз.

Высшее образование.		Среднее образование.		Начальное образование.		Рабочих.	
Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
146	9,53	276	18,02	1110	72,45	1146	74,80

Профессия.

Перработочных.

Занятых умственным трудом.							Занятых физическим и умственным трудом.						ВСЕГО.	
Контор. служащ.	Врачей.	Литераторов.	Монтажей.	Учащихся.	ВСЕГО.		Низших служ.	Техник. инжен.	Жел.-дор. служ.	Торгов. служ.	ВСЕГО.			
Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	%
87	17	13	11	8	136	8,88	81	75	52	42	250	16,32	386	25,20

Род занятий.

Физический труд.

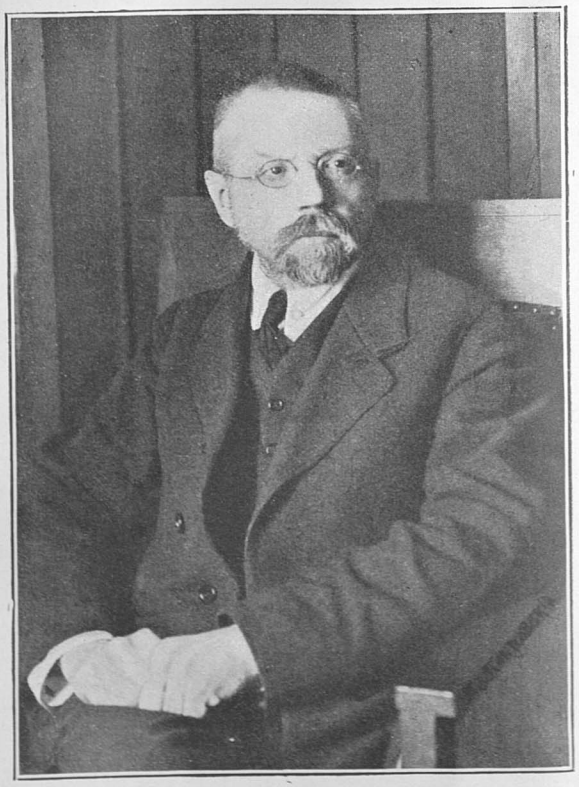
Рабочих.		Фельдшеров.	Низших медицин. служащ.	ВСЕГО.	
Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	%
471	30,73	5	12	488	31,85

Умственный труд.

Членов коллегий с.-в. и пр.	Зав., управляющих отделами и пр.	Служащих в советских учреждениях.	Председ. волостей сов. и т. д.	Секретарей.	Жел.-дор. служащ.	Низших служащих.	Литераторов.	Врачей.	Преподавателей.	Архитекторов.	Инженер. контролеров.	Разных.	Телеграфистов.	ВСЕГО.	
Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%
168	166	140	133	70	45	20	6	3	3	2	2	131	6	895	58,42

Военные.

Красноармейцев и военных спецов.	Из отдел. ком. подж. и т. п.	Курсантов.	ВСЕГО.	
Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%
48	93	8	149	9,73

М. Н. Покровский. Председатель Москов. Совета с 14 ноября 1917 г.

А. И. Рыков.

Преследовались за революционную деятельность.

Привлекались по политическим делам.					Эмигрировали на:					Были заключены в тюрьму (на срок).					Пребывали в ссылке.					Пребывали на каторге.				
1 раз.	2 раза.	Больше 2 раз.	ВСЕГО.		1 год.	От 1 г. до 5.	Больше 5 лет.	ВСЕГО.		Меньше 1 года.	От 1 г. до 5.	Больше 5 лет.	ВСЕГО.		Меньше 1 года.	От 1 г. до 5.	Больше 5 лет.	ВСЕГО.		Меньше 1 года.	От 1 г. до 5.	Больше 5 лет.	ВСЕГО.	
Кол.	Кол.	Кол.	Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	Колич.	%
204	75	87	366	23,89	5	31	17	53	3,46	187	99	7	293	19,12	12	88	7	107	6,98	1	6	3	10	0,65

Представительство районов.

Районы.	Имели право участвовать в выборах.	Участвовали в выборах.	% участвующих.	Избрано депутатов.
Алексеев.-Ростокин.	2.383	1.804	75,70	11
Бутырский.	11.307	7.528	66,63	46
Басманный.	34.644	21.142	61,02	113
Пресненский.	42.498	25.299	59,52	47
Благуше-Лефорт.	14.997	8.687	57,92	111
Замоскворецкий.	61.017	34.269	56,16	181
Хамовнический.	30.519	16.441	53,87	87
Сокольнический.	35.093	18.703	53,28	116
Сущевско-Марьинск.	22.874	11.870	51,89	69
Рогожско-Симоновск.	35.098	17.997	51,27	111
Городской.	113.021	54.564	48,27	306
Железнодорожный	72.710	20.855	28,68	186
Моск. Сов. Профсоюз.	—	300	—	148
Итого.	481.363	239.453	49,74	1,532

Представительство союзов.

Наименование союза.	Количество депутатов.	%
Советских служащих.	140	9,15
Металлистов	121	7,90
Ж.-дорожников.	116	7,57
Текстильщиков.	72	4,70
Всемедпом.	60	3,91
Муниципальн.	51	3,33
Рабочих Питания.	44	2,87
Печатников.	44	2,87
Пищевиков.	41	2,68
Кожевников	41	2,68
Швей и портных.	40	2,61
Местный транспорт	39	2,55
Химиков.	31	2,02
Народной связи	23	1,83
Строительных рабочих.	26	1,70
Просвещения.	15	0,98
Табачн.	12	0,78
Аптекарей.	7	0,46
Финкоструд.	7	0,46
Деревообдел.	7	0,46
Рабоч. по стеклу и фарфору	6	0,39
Водного транспорта.	6	0,39
Домовых рабочих.	5	0,33
Губработзем.	3	0,19
Рабоч. искусств	3	0,19
Пожарных.	2	0,13
Парикмахеров	1	0,07
Итого.	968	63,20
Не состоящих в союзах.	388	25,30
Не указавших	176	11,50

Население Москвы и его движение.

I. Общая численность населения Москвы.

Полвека тому назад, когда в Москве была произведена первая правильная перепись населения, в нашей столице было только немногим более 600 тысяч жителей (по переписи 1871 г.—601.969). С тех пор Москва вела правильный и постоянный учет своего населения путем как переписей, так и исчислений упрощенного типа. Переписи населения происходили в Москве в 1871, 1882, 1897, 1902, 1912, 1917, 1918 и в последний раз—28 августа 1920 г., а краткие исчисления населения имели место в 1907, 1915, 1917 и 1920 гг. Таким образом, мы располагаем в общем довольно значительным материалом для суждения о численности московского населения и об изменениях в его составе. За первый миллион население Москвы перешагнуло четверть века тому назад, и по первой всероссийской переписи населения 28 января 1897 г. в Москве с пригородами оказалось 1.042.629 жителей. Накануне мировой войны перепись 1912 г. насчитала в Москве уже 1.617.700 жителей, и в ряду крупнейших мировых центров Москва заняла седьмое место, уступая по численности населения только Нью-Йорку, Лондону, Парижу, Чикаго, Берлину и Вене и соперничая с Петербургом (конечно, в городской черте, без сел и деревень, разбросанных по обширной территории бывшего петербургского градоначальства). С началом мировой войны прирост населения Москвы не только не ослабел, но даже еще более усилился. По исчислению 20 ноября 1915 г. в Москве было скучено 1.983.716 жителей, и в следующем году столица перешагнула за второй миллион. По исчислению 1 февраля 1917 г., как раз накануне революции, в Москве жило 2.017.178 человека, а на современной территории столицы (со включением некоторых пригородных местностей, присоединенных в мае и июне 1917 г.) число жителей Москвы достигло 2.043.594. Москва к этому времени обогнала Берлин (в городской черте германской столицы), число жителей которого с начала мировой войны упало почти на 200.000 человек, с 2.071.000 по переписи 1910 г. до 1.885.000 человек в 1916 г. Крайне поучительно отметить, что в противоположность большинству крупнейших мировых центров, с течением времени прирост населения в Москве все более и более возрастал. Так, с 1897 по 1902 г. средний ежегодный прирост населения Москвы равнялся 2,49% в год, в пятилетие 1902—1907 гг. 2,84%, в следующее пятилетие (1907—1912) уже 3,53% и, наконец, в 1912—1915 гг. норма прироста поднялась до головокружительной высоты в 5,66%. До мировой войны Москва по быстроте роста своего населения превзошла Нью-Йорк и уступала только Буэнос-Айресу (4,43% в год), а с 1912 г. среди всех людских муравейников земного шара Москва заняла по быстроте роста своего населения первое место. Петербург, бывший впереди Москвы в XIX столетии, в XX веке уже не мог сравняться с Москвой, которая стала быстро догонять северную столицу. В 1900—1910 гг. средний ежегодный процент прироста населения Петербурга составлял всего 2,2% в год против 3,53% в Москве, а в 1910—1915 гг.—4,11% (Москва—5,66%), так что Петербург отставал от Москвы по приросту населения на 1,33—1,55% ежегодно; для петербургского градоначальства соответствующие цифры будут несколько выше (2,48% и 4,37%), но все-таки далеко ниже Москвы.

Такой беспримерный рост Москвы в течение первых полутора десятилетий XX века обусловливался, главным образом, экономическими причинами. Москва, бывшая и ранее средоточием русской железнодорожной сети, с проведением в конце XIX века новых пяти железнодорожных линий, сходящихся в столице, стала превращаться в крупнейший центр внутренней торговли России, оттеснив Петербург и Варшаву в качестве средоточия товарообмена внутреннего рынка далеко на второй план. Если до 70-х годов XIX века Москва была дворянской, а затем превратилась в крупнейший промышленный город России, то после русско-японской войны купец стал оставлять в тени фабриканта, прежнего хозяина положения. События 1905 г. нанесли сильнейший удар Лодзи и ее промышленности, главному конкуренту Москвы, тогда как быстрый рост черноморского экспорта лишил Петербург его старинного значения, как первого русского порта. Москва стала привлекать к себе также в крупных размерах иностранные капиталы, и чтобы окончательно присвоить себе роль экономической столицы России, Москве оставалось только справиться с петербургским банковым капиталом. Не даром в последние годы перед войной старые петербургские бюрократы, считавшие возвышение Мо-

Группа членов Исполкома первого созыва после Октябрьской революции.

Сидят (слева направо): 1) Игнатов, 2) Ратехин, 3) Корзинов, 4) Розенгольц, 5) Пискарев, 6) Сальников, 7) Ангарский, 8) Борщевский, 9) Фельдман, 10) Каныгин, 11) Смидович, 12) Горкунов, 13) Сахаров, 14) Рогов, 15) Лисицин, 16) Радзивиллов, 17) Ногин, 18) Певунов.

Стоят (слева направо): 1) Темкина, 2) Илюшин, 3) Мгркулов, 4) Рыков, 5) Заморенов, 6) Будзинский, 7) Обух, 8) Смирнов, 9) Савин, 10) Семашко, 11) Исаев, 12) Вознесенский, 13) Бурозцев, 14) Белорусов, 15) Желтов, 16) Булочников, 17) Фонченко.

квы, которая почти всегда была настроена оппозиционно, опасным для прочности старого строя, всячески старались тормозить развитие будущего центра русской революции и отказывали в разрешении на постройку новых железных дорог, примыкавших к московскому узлу.

Февральская революция сразу изменила положение русских городов. Как только рухнула капиталистическая промышленность и частная торговля, число жителей в наших городах сейчас же после февральской революции 1917 г. стало убывать с возрастающей быстротой, и Москва, несмотря на перенесение в нее столицы из Петербурга, не избежала общей участи. По переписи 17 сентября 1917 г. в Москве оказалось уже только 1.854.426 жителей (в том числе 152.000 человек гарнизона), так что за полгода Москва потеряла 189.000 жителей или более 9%. Перепись 21 апреля 1918 г. зарегистрировала уже только 1.716.022 человека, так что за 7 месяцев население убавилось еще на 138 тысяч душ, или 7½%. Впрочем, уменьшение это почти целиком следует отнести на счет сокращения численности московского гарнизона вследствие ликвидации старой царской армии. Именно, военное население столицы сократилось на 119.000 человек, а гражданское только на 19.000 человек, или 1%. Но со второй половины 1918 г. началось быстрое падение численности московского населения, еще более стремительное, чем прирост накануне и в начале мировой войны. К сожалению, для того, чтобы проследить во всей подробности этот любопытный и чреватый последствиями процесс обезлюдения Москвы, мы не располагаем достаточными материалами. Положим, с марта 1917 г. в Москве была введена карточная система распределения продовольственных продуктов, развившаяся из карточной системы распределения сахара, которая была применена еще в 1916 г. Однако, данные этой карточной системы до последнего времени были совершенно негодны для суждения о численности московского населения, так как в обращении циркулировали многие сотни тысяч лишних карточек. Достаточно сказать, что в мае 1918 г. число карточек в обращении достигало 2.213.000 и было на 530 тысяч, или 31,5%, выше цифры гражданского населения по апрельской переписи того же года (1.683.000 человек). В июне того же 1918 г. число карточек повысилось сразу более чем на 500.000 и достигло колоссальной цифры 2.776.000; это значит, что в обращении находилось лишних карточек не менее 1.100.000, т.-е. круглым числом 70% настоящего числа жителей. Иными словами, каждые три москвича имели в своем распоряжении 5 хлебных карточек. Со второй половины 1918 г. были приняты энергичные меры к упорядочению раздачи продовольственных карточек и к изъятию из обращения вторых и третьих комплектов, при чем в общем эти меры увенчались успехом. Об этом можно судить по сравнению данных о числе розданных карточек на 1 сентября текущего 1920 г. со сведениями исчисления населения 3—8 августа того же года. Данные переписи 28 августа 1920 г. более точны, чем исчисление, производившееся не поименно, а только в общих итогах по каждому дому или квартире, но так как перепись регистрировала наличное население утром 28 августа, с исключением временно отсутствующих (на дачах, в командировках, в отпуску за пределами города и т. д.), карточки же выдаются на все постоянное население, то числа переписи несравнимы с итогами приписки карточек. Напротив, предварительное исчисление 3 августа регистрировало постоянное население, т.-е. как раз то население, которое пользуется фактически карточками. Из сравнения данных исчисления населения 3 августа 1920 г. (1.023.000 человек гражданского населения) с числом розданных к 1 сентября этого же года продовольственных карточек (1.105.000) выходит, что в обращении имеется не свыше 82.000 лишних карточек или 8%. Действительная разница еще меньше, так как некоторое число карточек раздается временно пребывающему населению. Таким образом, с большой долей вероятия можно считать, что с конца 1918 г. число розданных хлебных карточек довольно близко отражает действительное движение цифр московского населения.

Наиболее полными и достоверными представляются цифры карточной системы на 16 июля 1919 г., когда было роздано 1.408.100 карточек. Выходит, что со времени переписи 1918 г. за год с четвертью население Москвы упало на 308.000 человек, или на 18%. Затем, к 1 января 1920 г. число карточек достигло 1.249.000, так что за вторую половину 1919 г. число москвичей сократилось не менее как на 159.000 человек, или на 11,3%. 1 июня 1920 г. карточек было в обращении 1.206.000 штук, так что в первую половину 1920 г. численность московского населения упала сравнительно немного, не более как на 50.000 человек, или на 4%. Быть-может, число карточек в начале лета 1920 г. более отклоняется от числа жителей, чем в прежние месяцы, так как, по всей вероятности, население пыталось удержать за собой карточки уехавших из Москвы под предлогом пребывания их на даче. Но никаких данных для суждения об этом в нашем распоряжении не имеется. Во всяком случае, несомненно одно, что катастрофическое падение числа жителей столицы относится преимущественно к злосчастному 1919 г., когда голод и страх пред грядущими ужасами зимы, в соединении с другими причинами более глубокого характера, заставили покинуть Москву почти 400.000 человек. По только что произведенной переписи 28 августа 1920 г. в Москве оказалось 1.028.218 жителей, так что со времени переписи 21 апреля 1918 г. убыль населения Москвы определилась в 687.804 человека, или 40,1%. Такая убыль населения является беспримерной в европейской истории, по крайней мере, за все то время, как существует правильно организованная статистика городской жизни. Только один Петербург обогнал Москву по степени своего обезлюдения. С 1 февраля 1917 г., когда население Москвы достигло максимума, число жителей столицы упало на 1.015.000 человек или почти на половину (точнее на 49,6%). Между тем население Петербурга (в черте градоначальства) в 1917 году достигало по исчислению Городского Статистического Бюро 2.440.000 человек, а по переписи 28 августа 1920 г. в Петербурге оказалось налицо только 706.800 человек, так что число обитателей Петербурга со времени революции сократилось на 1.733.200 человек или 71%. Иначе сказать, численность населения Петербурга сокращалась быстрее Москвы чуть ли не вдвое:

ежемесячно число петербуржцев убывало в среднем на 67.000 человек, а москвичей—на 33.000 человек.

Причины более медленного сокращения численности московского населения сравнительно с петербургским сводятся, надо думать, главным образом, к двум важным условиям. Прежде всего перенесение столицы в Москву и расширение деятельности центральных правительственных учреждений вызвало необходимость содержания громадных кадров служащих, о которых раньше мы не имели представления. Центральные правительственные учреждения в Москве обслуживаются, по крайней мере, 180.000 человек, а так как в среднем на одного несамодеятельного у нас приходится один самодеятельный, то вместе с членами семей число лиц, занятых в правительственных и советских учреждениях, должно достигать, по крайней мере, 360.000. Затем вследствие большей близости к производящим черноземным губерниям и благодаря двойному количеству железнодорожных линий, связывающих Москву с остальной Россией, подвоз предметов первой необходимости в Москву гораздо легче, чем в Петербурге. Лучшее продовольственное положение московского населения естественным образом понижало размеры отлива москвичей в деревню, принявшего в Петербурге характер прямого панического бегства.

В настоящее время Москва по численности населения является первым городом в России, но в ряду мировых центров наша столица спустилась уже с 6 места на 17 или даже 18, если верить цифре населения Варшавы в 1.250.000 человек по американским источникам. Однако, надо надеяться, что этот регресс Москвы является только временным и что по миновании тяжелых условий переходного времени начнется новый расцвет древней столицы. Москва является естественным географическим и экономическим центром России, а с нею и всей Восточной Европы. Тем не менее, вполне возможно, что в будущую зиму население Москвы станет убывать, хотя и не с прежней быстротой. Во всяком случае убыль населения позволяет москвичам в значительной мере приспособляться к переживаемым тягостям военного времени и блокады, усугубляемым так называемой транспортной разрухой. Повидимому, количество предметов продовольствия и первой необходимости, стягиваемых в Москву при данных исторических условиях, не может превысить некоторого определенного максимума, и к этому-то максимуму наличное население и стремится приспособиться.

II. Состав и распределение московского населения.

Великая война и еще более революция коренным образом изменили самый состав московского населения. Старая Москва была городом, походившим на какие-нибудь центры дальнего запада Америки, по крайнему недостатку женщин. По первой московской переписи 1871 года в Москве приходилось на 1000 мужчин всего 700 женщин, т.-е. почти та же пропорция, что, напр., в Ситтле, важнейшем тихоокеанском порту Соединенных Штатов (в 1910 г.—736). Но с того времени женское население Москвы росло гораздо быстрее мужского. Уже

по всероссийской переписи 1897 года в Москве приходилось 755 женщин на 1000 мужчин, а накануне мировой войны (перепись 1912 года) эта пропорция возросла до 843. С началом войны последовательные мобилизации выкачали из Москвы свыше 200.000 мужчин, при чем эта убыль только отчасти возмещалась увеличением численности гарнизона. По исчислению 1915 г. число женщин на 1000 мужчин достигало 891, и накануне революции по исчислению 1 февраля 1917 г. женщин было уже 983 на 1000 мужчин, так что численный состав обоих полов почти сравнялся. Усиленный прилив женского населения в Москву за время войны объясняется двумя причинами. С одной стороны, фабрики и заводы, не исключая и работавших на оборону, переходили все более и более на женский труд с целью возместить убыль мужских рабочих рук. Затем более высокие нормы пособий, выдававшихся в Москве семьям призванных на войну сравнительно с выдачами в деревне, привлекли в Москву не один десяток тысяч взрослых женщин из нескольких подмосковных губерний. Наша деревня вообще страдала не от недостатка, а от избытка рабочих рук, не находивших себе производительного применения в сельском хозяйстве, а потому-то, к всеобщему удивлению, призыв 12 миллионов взрослых мужчин так мало отразился на производительности русского земледелия в годы войны. Деревня могла не только свободно справляться со своим собственным хозяйством, но и высылала в Москву десятки тысяч лишних ртов в поисках за хорошо оплачиваемыми казенными работами. Таким образом, процесс постепенного превращения Москвы из города, так сказать, мужского в город с нормальным половым составом населения, начавшийся полвека тому назад, закончился ускоренным темпом в течение войны. После войны, когда началось обратное бегство мужика из города в деревню, в Москве численность женщин начала превышать численность мужчин. По переписи 1917 г. на 1000 мужчин приходилось уже 1016 женщин, а по переписи 1918 г. — 1046. Наконец, 28 августа 1920 г. в Москве оказалось 502.140 мужчин и 526.078 женщин, так что на 1000 мужчин приходится теперь 1048 женщин. Некоторое понижение пропорции женского населения всецело зависит от значительного увеличения численности московского гарнизона за последние два года. Если взять одно только гражданское население, то в 1918 г. на 1000 мужчин в Москве приходилось 1081 женщина, а по последней переписи—1226, так что за два года относительное число женщин увеличилось на 12%. Таким образом, Москва, грубо выражаясь, после революции обабилась. Но в этом отношении мы все-таки не зашли так далеко, как Петербург, превратившийся в настоящий женский город: по последней всероссийской переписи в гражданском населении северной столицы на 1000 мужчин приходилась 1381 женщина.

Менее заметны, но все же достаточно осязательны и те перемены, какие испытал возрастный состав московского населения с начала войны. К сожалению, пока данные переписи 1920 г. о возрастном составе населения еще не разработаны, а потому приходится довольствоваться только сведениями предыдущей переписи 21 апреля 1918 г. Сравнивая возрастный состав

населения Москвы по переписям 1912 и 1918 годов, получаем следующую картину:

Возрастные группы.	Мужской пол. Приходится на 1000 человек каждого пола.		Женский пол.	
	1912	1918	1912	1918
Моложе года	22	12	25	11
1—4 лет.	58	54	69	52
5—9 »	65	79	80	79
10—14 »	78	88	80	85
15—19 »	125	128	104	114
20—29 »	278	201	235	243
30—39 »	189	173	167	167
40—49 »	107	136	109	112
50—59 »	52	70	68	71
60 и бол. лет.	23	31	60	59

Небольшой остаток приходится на лиц, возраст которых при переписи остался неизвестным. Как видно из этой таблицы, за 6 лет с 1912 по 1918 год значительно понизилась численность детей моложе 5 лет, а именно, мальчиков с 80 на 1000 населения до 66 и девочек с 94 до 63, при чем особенно сильно понизилось относительное число грудных детей (с 23 на 1000 до 11, т.-е. слишком вдвое). Такое сокращение числа детей самых младших возрастов всецело объясняется падением рождаемости с 1915 г. Родившиеся в 1915 г. при переписи 1918 г. имели отроду — 2 — 3 года, родившиеся в 1916 г. — 1 — 2 года и т. д. Это падение рождаемости к 1918 году еще не успело сказаться на численности детей следующей возрастной группы (5 — 9 лет), пропорция которых в общем даже возросла благодаря значительному увеличению числа мальчиков этого возраста (с 65 до 79 на 1000 душ), что объясняется низкой детской смертностью за время войны. Но об этом подробнее мы будем говорить в одной из следующих глав, посвященной смертности московского населения. Число детей в возрастах от 10 до 14 лет относительно увеличилось также довольно значительно, особенно мальчиков (с 78 до 88 на 1000). Увеличение пропорции детей школьного возраста стоит в зависимости от трех причин, а именно: от значительного увеличения рождаемости в 1907—1910 гг., понижения детской смертности за те же годы и в особенности от увеличения прилива детей младших возрастов в Москву за время, предшествовавшее войне. До последних лет XIX века в Москве было сравнительно мало оседлого пролетариата, жившего здесь вместе с семьями: рабочие приходили в столицу на заработки, оставляя семьи в деревне. Но после того, как промышленное оживление эпохи Витте привело к значительному росту заработной платы в городах, рабочие стали основываться в Москве более прочно и начали выписывать себе семьи из деревень. Этот процесс превращения отхожих промышленников русской деревни в оседлых городских пролетариев сыграл большую роль в судьбах русской революции и вместе с тем отразился и на возрастном составе городского населения. Число подростков и молодых людей в возрастах от 15 до 19 лет с 1912 г. также относительно увеличилось, но уже

в общем слабее, чем детей школьного возраста. Но главные изменения в возрастном составе произошли среди взрослого населения Москвы, и притом как раз мужского, в прямой связи с колоссальным сдвигом, произведенным войной. Именно, пропорция мужчин в возрастах 20—29 лет упала с 278 на 1000 до 201, т.-е. более, чем на $^1/_4$, а пропорция мужчин в возрастах 30 — 39 лет упала с 189 до 173 на 1000. Зато резко поднялся процент мужчин более зрелых возрастов: в 1912 г. в возрастах от 40 лет и старше было 182 мужчины из 1000, а в 1918 г.—уже 237, т.-е. почти на $^1/_3$ больше, при чем это повышение почти равномерно распространяется на отдельные возрастные группы пожилых и стариков. Что касается женщин, то здесь изменения возрастного состава взрослого населения сравнительно невелики. Пропорция женщин в возрастах 20—29, 40—49 и 50—59 лет увеличилась в общем с 412 до 426 на 1000, тогда как процент женщин среднего возраста (30—39 лет) остался без изменения. В общем выводе изменения возрастного состава московского населения, таким образом, характеризуются уменьшением пропорции маленьких детей и взрослых и соответственным увеличением доли, приходящейся на детей школьного возраста и стариков. Иначе сказать, пропорция лиц рабочего возраста в общем понизилась. Если за рабочий возраст признать группы от 18 до 49 лет, согласно кодексу труда, то в рабочем возрасте в 1912 г. было 591 на 1000 населения, а в 1918 г.—только 564. Если же взять также и лиц полурабочего возраста, включив сюда подростков с 16 и 17 лет, и пожилых в возрастах 50—59 лет, то пропорция лиц полурабочего и рабочего возрастов определится для 1912 г. в 697 на 1000 и в 1918 г. — 683. Впрочем, эти изменения не настолько серьезны, чтобы можно было говорить о них, как о признаке недостатка рабочих рук в Москве. Более подробное изучение вопроса о возрастном составе московского населения может иметь интерес только после разработки самых свежих сведений последней переписи.

Крайне резко изменился со времени начала мировой войны состав населения Москвы по занятиям, о чем говорится подробно в отдельной главе настоящего сборника. Что касается вопроса о семейном состоянии московского населения, то так как соответствующие данные переписей 1917—1920 гг. остаются неразработанными, то в нашем распоряжении нет достаточных материалов для суждения об изменениях, внесенных в семейную жизнь московского населения войной и революцией. То же самое можно сказать и о распределении населения Москвы по национальностям и по месту рождения. Притом в национальном отношении население Москвы в общем является настолько однородным (по крайней мере, до самого последнего времени), что особого интереса эта сторона московской жизни не представляет.

Обратимся теперь к изучению распределения населения Москвы по территории города. В этом отношении данные последних переписей особенно поучительны. Подробные сведения читатель может найти в особой таблице, приложенной к настоящей главе, здесь же мы ограничимся только главнейшими выводами. До войны население центральных частей Москвы возрастало очень слабо, и почти весь прирост населения приходился на

окраины, лежащие за чертой Садовых улиц, как о том свидетельствуют следующие цифры:

РАЙОНЫ ГОРОДА.	Прирост населения в % 1902—1907	1907—1912
Центр (внутри кольца бульваров)	2,3	6,2
Между бульварами и Садовой	12,8	14,6
Окраины (за Садовыми)	15,8	21,4
Замоскворечье	14,2	19,2
Пригороды	25,9	51,4

Как видно из этого сопоставления, прирост населения в центре оставался все время очень низким, колеблясь между 2,3 и 6,2%, при чем временами в некоторых участках наблюдалась даже убыль населения. В так называемом втором поясе, между бульварами и кольцом Садовых улиц, прирост населения шел в общем на 8—10% быстрее, чем в центре, т.-е. в три—пять раз скорее. На окраинах, за кольцом Садовых улиц, прирост населения шел в общем в полтора раза быстрее, чем во втором поясе, а в пригородах в 1907—1912 гг. прирост населения был относительно почти в два с половиной раза больше, чем на окраинах, находящихся в городской черте. Что касается Замоскворечья, то в общем прирост населения здесь близко подходил к средней норме по Москве. За время войны эта картина значительно изменилась, как о том свидетельствует сопоставление данных исчисления населения 1 февраля 1917 г. с цифрами переписи 1912 г.:

РАЙОНЫ ГОРОДА.	Прирост населения в % за 1912—1917 гг.
Центр	13,4
Между бульварами и Садовой.	22,2
За Садовыми	21,6
Замоскворечье	22,3
Пригороды	49,9

Прирост населения в центре за время войны был слишком вдвое больше, чем в предшествующее пятилетие, а во втором поясе население росло наполовину скорее, чем раньше. Во всех же остальных районах прирост населения мало изменился, несколько понизившись в пригородах и немного повысившись в Замоскворечье. Таким образом, прирост населения сделался равномернее. В центре и во втором поясе, т.-е. внутри кольца Садовых улиц, значительное увеличение прироста населения было вызвано не столько интенсивной строительной деятельностью, приостановившейся с 1915 г., сколько тем, что здесь целый ряд полупустынных барских особняков и помещений общественных учреждений (особенно школ) был занят под госпитали для больных и раненых солдат, привозимых с фронта, на окраинах же прирост гражданского населения настолько задержался, что без увеличения численности гарнизона, переполнявшего московские казармы, нам пришлось бы иметь дело с сокращением общего числа жителей. В пригородных участках прирост населения поддерживался на большой высоте вследствие прилива беженцев, устремлявшихся в наиболее дешевые помещения, которых нельзя было найти в самом городе. Кстати сказать, по исчислению 20 ноября 1915 г. в Москве оказалось 142.000 беженцев или 7,1% населения; ко

времени революции число беженцев в Москве понизилось до 88.000 человек, так как многие десятки тысяч беженцев успели за это время продвинуться из Москвы в хлебородные губернии на Юг и на Восток. Беженское движение в общем и целом существенно не изменило картины московского населения, тем более, что к началу революции беженцы составляли всего 4% столичного населения.

Февральская революция положила начало не только уменьшению численности московского населения, но и перераспределению его по территории города. Происшедшие с тех пор изменения в приросте московского населения наглядно обрисовываются следующей таблицей:

РАЙОНЫ.	Прирост (плюс) или убыль (минус) населения. 1917, февр.—сент.	1917—1918	1918—1920
Центр (внутри кольца бульваров)	— 14,8	+ 1,5	— 35,5
Между бульварами и Садовой	— 13,7	+ 2,6	— 36,5
Окраины (за Садовыми)	— 13,8	— 5,6	— 38,7
Замоскворечье	— 10,3	— 7,2	— 42,1
Пригороды	+ 7,1	— 15,9	— 43,4

Первый столбец цифр, показывающий изменения в распределении населения за время между февральской и октябрьской революциями (перепись 17 сентября 1917 г. происходила всего за месяц до октябрьского переворота), носит в общем тот же характер, что и движение цифр до революции, но только в обратную сторону. Сильнее всего оказалась убыль населения в центре; в пригородах же обнаружился даже маленький прирост населения. Убыль населения в центре зависела, главным образом, от начавшегося бегства буржуазии из Москвы и отчасти от закрытия ряда госпиталей, здесь расположенных. Прирост населения в пригородах зависел всецело от присоединения к Москве целого ряда новых пригородных местностей, преимущественно в Петровском, Петровско-Разумовском и Алексеевском участках. После октябрьской революции замечается обратное явление. Окраины и особенно пригороды начинают пустеть значительно более центра. Центральные местности (внутри кольца Садовых) первое время обнаруживают даже некоторый, хотя и незначительный прирост населения. Это явление всецело обусловливается переселением нескольких десятков тысяч рабочих с окраин города в центр, совершавшимся быстрее всего в первые месяцы после октябрьской революции. Кроме того, падение извозного промысла и мелкой промышленности привело к обезлюдению таких некогда густо заселенных пригородов, как, напр., Бутырки, Марьина Роща, Черкизово и друг., где число жителей со времени революции упало слишком вдвое. В общем, однако, с 1918 г. прежние резкие различия между центром и окраинами в отношении движения населения сгладились.

III. Естественное движение населения. Рождаемость и брачность.

Старая Москва была городом по преимуществу пришлого населения, куда массы крестьян из 8-ми подмосковных промышленных губерний устремлялись на заработки и где коренное оседлое население отступало

на задний план пред этой сменяющейся людской волной отхожих промышленников. Поэтому и вопрос естественного движения населения играл сравнительно второстепенную роль. Пришлое население уезжало домой в деревню искать невест, заключало там браки и оставляло семью в деревне. Если же рабочие брали с собой в Москву и жен, то рожать они отправлялись к себе домой. Когда же вследствие расширения помощи, оказывавшейся городским самоуправлением роженицам в бесплатных приютах, рожать в Москве стало выгоднее, тогда пришлое население стремилось вывозить в деревню грудных детей, частью с матерями, а частью и без них: отсылая отнятых от груди детей домой, пролетарки поступали в кормилицы в зажиточные семьи столицы. Когда на московских фабриках и в пыли московских лабазов и амбаров рабочий люд изнашивал свои силы, тогда он отправлялся к себе в деревню на отдых, а то и помирать. Но как мы уже выше говорили, с конца XIX столетия пришлый люд стал прочно оседать в Москве и обзаводиться семьями, порывая всякую связь с деревней. С этого времени и движение московского населения приобретает более нормальный характер, приближаясь к условиям крупных западно-европейских центров. Раньше прирост населения шел почти исключительно за счет прилива пришлого населения, но с началом XX века становится весьма заметным и перевес числа рождающихся ежегодно над числом умерших. Действительно, следующая табличка наглядно показывает происшедшие в этом смысле изменения с 70-х годов прошлого столетия:

Периоды.	Средний ежегодный прирост населения.	В том числе перевес принимавших над уезжавшими пришлого населения).	Перевес рождавшихся над умиравшими.	Процент естеств. прироста.
1871—1882	16.603	14.851	1752	10,6
1882—1902	27.356	22.304	5052	18,5
1902—1912	43.835	33.619	10.226	23,3

В 70-х годах рост населения Москвы на $^9/_{10}$ происходил за счет прилива пришлого населения, а в первое десятилетие XX столетия естественный прирост населения достигал уже без малого $^1/_4$ общего прироста. Прежде всего, московское население с течением времени стало проявлять все бо́льшую и бо́льшую склонность к заключению браков, как о том свидетельствует следующее сопоставление:

Периоды.	Среднее ежегодное число браков на 10.000 жителей.
1867—1880	44
1881—1890	48
1891—1900	54
1901—1910	57
1911—1913	59

Таким образом, коэффициент брачности московского населения за 40 лет поднялся на 15 с 10 тысяч человек или на $^1/_3$, при чем в 70-х годах в среднем ежегодно заключалось в Москве 2860 браков, а в последнее трехлетие перед войной—уже 9692, т.-е. почти в три с половиной раза больше. Тем не менее, брачность населения Москвы далеко отставала от нормы: в среднем по Европейской России брачность достигала в начале XX века 83 на 10.000 человек, т.-е. стояла почти на половину выше, чем в нашей столице. Это явление находится в зависимости, главным образом, от ненормального полового состава московского населения, от того недостатка женщин в прежнее время, о котором мы уже выше упоминали.

Что касается рождаемости, то видимый коэффициент рождаемости в общем в Москве понижался, несмотря на увеличение брачности. Именно, в 70-х годах рождаемость достигала 365 на 10.000 населения, в 80-х годах—378, в 90-х прошлого столетия—325, в начале XX столетия—305 и накануне войны—333. Это с виду странное явление объясняется тем, что в число родившихся в Москве массами попадали дети, приносимые в Воспитательный дом некрещеными из подмосковных губерний, а так как прежде данные о рождении приурочивались к моменту крещения, то цифра рождаемости в Москве и являлась ненормально повышенной за счет приноса детей в Воспитательный дом из провинции. Если же взять число действительно родившихся в Москве, то получается совершенно иная картина, а именно:

Периоды.	Среднее число родившихся москвичей на 10.000 населения.
1867—1880	228
1881—1890	226
1891—1900	256
1901—1910	288
1911—1913	289

Таким образом, в действительности рождаемость московского населения с 70-х годов прошлого столетия увеличилась на 61 на 10.000 или более, чем на $^1/_4$, что стоит в явной связи с повышением брачности. Однако, рождаемость московского населения оставалась далеко ниже общерусской нормы: в начале XX столетия в Европейской России в среднем рождалось 480 детей на 10.000 населения ежегодно, так что московский коэффициент отставал от общерусского на 40%. Таким образом, постепенно условия размножения населения в Москве приближались к общерусским нормам. Война и революция прервали этот процесс и отбросили столицу в популяционистском отношении на полвека назад.

К сожалению, процесс этот не может быть освещен с полной точностью и ясностью, так как октябрьская революция повела к уничтожению прежней системы записей естественного движения населения, а новые учреждения пришли на смену старым не сразу. С сентября 1917 г. сведения о браках и родившихся начали поступать в Статистический отдел крайне неисправно, а с конца октября того же года правильная регистрация естественного движения населения в Москве совсем оборвалась. Декретом от 18 декабря 1917 г. введена была в России система гражданской регистрации актов естественного движения населения, при чем метрические книги у духовенства были отобраны, и собирание сведений о браках и рождениях перестало находиться в связи с совершением церковных обрядов. Новые гражданские учреждения, в которых граждане обязаны были регистрировать заключаемые ими браки и заявлять о родившихся, открылись в Москве с января 1918 г., при чем сначала гражданская регистрация находилась в ведении нотариальных отделов районных советов, а затем перешла в ведение юридических отделов. С ноября 1918 г. началась передача гражданской

регистрации из юридических отделов во вновь образованные, согласно Кодексу Законов о брачном и семейном праве, местные отделы записей актов гражданского состояния. Передача эта завершилась только к началу 1919 г. Население не сразу свыклось с необходимостью гражданской регистрации и сначала продолжало, по старой привычке, довольствоваться совершением церковных обрядов, что естественным образом должно было отражаться на полноте записей в новых гражданских учреждениях. Поэтому статистические материалы о браках и родившихся за первые 9 месяцев 1918 г. страдают крайней неполнотой и отрывочностью, так что в общем получается пробел в 13 месяцев в статистике естественного движения населения Москвы (с сентября 1917 г. до октября 1918 г.). С начала существовало подозрение, что вообще население зачастую уклоняется от гражданской регистрации, предпочитая венчаться и крестить детей в церквах. Но произведенное в первой половине 1919 г. статистическое обследование числа совершаемых церковных обрядов и гражданских записей в одном из крупных районов Москвы обнаружило, что около трети населения вовсе не венчается у духовенства и не крестит детей, а довольствуется заявлениями в органах гражданской регистрации. Таким образом, можно констатировать начавшийся поворот в сознании московского населения, постепенно отвыкающего от старых привычек. Поэтому в общем данные о естественном движении населения по Москве с конца 1918 г. могут считаться пригодными для научных выводов. С целью придать изложению более связный характер, вышеуказанный тринадцатимесячный пробел в данных о браках и родившихся восполнен путем интерполяции по сведениям за соответствующие месяцы двух соседних лет (1916 и 1919 гг.), так что коэффициенты 1917 и 1918 гг. являются лишь приблизительными.

Обратимся прежде всего к рассмотрению вопроса о движении брачности в Москве с начала войны. При этом, в виду резкого изменения состава московского населения по полу и возрасту необходимо иметь в виду, что коэффициент брачности не вполне точно отражает действительные изменения в склонности москвичей к заключению браков. Следовало бы вычислять пропорцию браков не к общему населению, а по отношению к тому населению, которое может вступать в брак, т.-е. взрослому населению, не состоящему в браке. К сожалению, данные переписей 1917 и 1918 гг. остались почти совершенно неразработанными за отсутствием средств, и потому вопрос этот может быть освещен надлежащим образом лишь после того, как можно будет разработать сведения о семейном состоянии населения, полученные при последней переписи 28 августа 1920 г. Однако, и общий коэффициент брачности изменился за эти годы так характерно, что в истинном значении его невозможно сомневаться. Следующая табличка показывает число браков в Москве с начала войны:

Годы.	Число браков, заключенных в течение года.	Приходится браков на 10.000 жителей.
1910—1914 (средняя). . .	9496	58
1914	9679	55
1915	7478	41
1916	7623	39
1917	9900	53

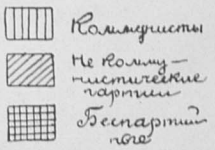
Годы.	Число браков, заключенных в течение года.	Приходится браков на 10.000 жителей.
1918	12.650	75
1919	24.693	174
1920 перв. полуг. . .	11.883	196
1919 перв. полуг. . .	10.481	139

В первый же год войны (1914) количество браков в Москве, до того непрерывно повышавшееся из года в год, упало с 10.093 (1913 г.) до 9679, и коэффициент брачности понизился с 60 до 55. Но это уменьшение числа браков на 414 было еще мало заметным, так как в 1914 г. в армию было призвано, не считая запасных нижних чинов, только небольшое число ополченцев младших возрастов и обычный ежегодный контингент новобранцев. В 1915 г. начались массовые мобилизации ополченцев, захватившие в 1916 г. также и почти всех льготных I разряда, и досрочные призывы новобранцев, что не замедлило сказаться сразу резким падением количества браков более чем на 2000. Коэффициент брачности во второй год войны упал до 41 и в третий год войны—до 39, понизившись ровно на треть против обычной нормы. Но с 1917 г., когда началась сначала самовольная, потом и легальная демобилизация колоссальнейшей из армий, какую когда-либо видел свет, сейчас же число браков в Москве стало быстро увеличиваться. В 1917 г. абсолютное число браков уже превышает среднюю норму на 400, а коэффициент брачности поднимается почти до нормального уровня 53 вместо 58. После октябрьской революции число браков в первый же год увеличилось более, чем на $^1/_4$, и коэффициент брачности достигает 75, т.-е. почти сравнивается со всерусской нормой. В 1919 г. происходит нечто беспримерное в летописях демографии: число браков сразу почти удваивается, несмотря на резкое падение цифры населения столицы, и брачность московского населения достигает невероятно высокой цифры 174 на 10.000 жителей, т.-е. слишком вдвое больше против общерусской нормы. Процесс этот чрезвычайно энергично продолжается и в первую половину 1920 г., когда число браков оказалось больше первых 6-ти месяцев 1919 г. на 1400, а коэффициент брачности достиг 196 на 10.000 жителей вместо 139. Следует заметить, что распределение браков по сезонам пока остается таким же, по крайней мере, в общих чертах, каким оно было и прежде: наибольшее число браков приходится на осень, а во время великого поста число браков резко падает, почему вообще брачность второго полугодия на половину выше брачности первого полугодия.

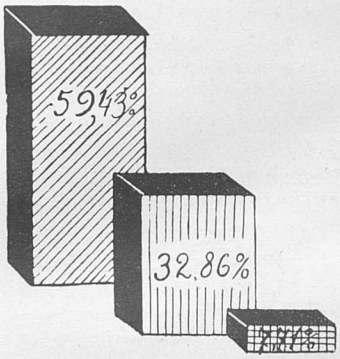
Брачность московского населения в прошлом году находит себе аналогию только в Петербурге, где браков относительно заключено было еще более, а именно, 18.672 или 233 на 10.000 жителей, т.-е. на целую треть выше Москвы. В других странах число браков никогда не достигало более, чем 150 на 10.000 жителей, а в городах—более, чем 120. Такая ненормально высокая волна брачности лишь в малой степени зависит от того, что после ликвидации мировой войны заключались так называемые отсроченные браки, т.-е. компенсировалось количество браков, понизившееся в виду войны. Действительно, в 1914—17 гг. понижение коэффициента брачности против нормы повело к тому, что число браков в общем за эти четыре года осталось ниже нормы

К статье „Московский Совет с Октябрьской революции 1917 г."

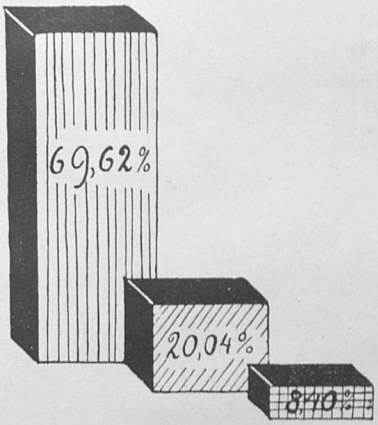
Партийность членов Московского Совета

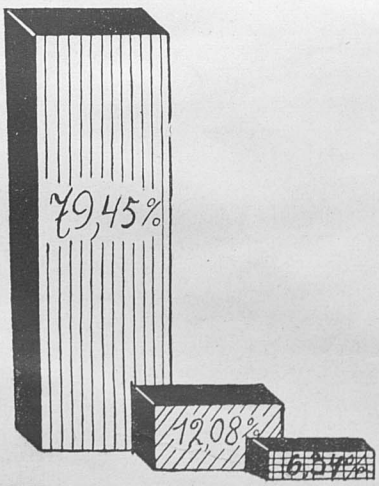
Июль 1917

1 Мая 1918

1 Декабря 1918

1 Марта 1920 г.

на 8276, с 1-го же января 1918 г. сверх обычной нормы прежних лет заключено 30.265 браков, так что круглым числом 22.000 браков отнюдь не являются компенсацией отсроченных союзов. За отсутствием точных данных невозможно судить о тех причинах, которыми было обусловлено подобного рода повышение браков в момент, когда, казалось бы, неустойчивость хозяйственной жизни делает браки мало заманчивыми. Легкость получения развода при новом брачном праве здесь играет совершенно второстепенную роль, так как число разводов измеряется всего несколькими сотнями. Большее значение принадлежит, как многие указывают, выдаче приданого новобрачным со стороны государства (несколько десятков аршин тканей), отмененное в Москве только летом 1920 г.: в переводе на деньги эти выдачи равносильны были премии в несколько десятков или даже сот тысяч рублей за вступление в брак. При новых условиях быта, когда прислуга почти совершенно исчезла в домашнем быту, мужчины, без сомнения, чаще должны были стремиться приобрести в лице жены хозяйку и работницу по дому, которая могла бы стряпать обед, стирать белье и сторожить домашний скарб от покушений любителей чужого добра, чрезвычайно участившихся в результате сожительства в одной квартире чуждых друг другу лиц. Но, с другой стороны, это же самое обстоятельство—риск превратиться в чернорабочую по дому—должно отпугивать женщин от заключения брака, тем более, что женщина теперь экономически стала самостоятельной. Трудно также сказать, насколько отразилось на повышении брачности льготное положение жен красноармейцев, получающих от государства добавочное довольствие, и насколько велико число браков, заключаемых фиктивно с целью обеспечения себя пайком Красной Звезды. Быть-может, более подробная разработка материалов о брачущихся прольет впоследствии некоторый свет на этот вопрос. Во всяком случае, мы стоим лицом к лицу с крайне важным и любопытнейшим явлением массовой психологии. Новое время несет, конечно, и новую психологию, новый семейный уклад. Старая семья рушится, а контуры новой только еще начинают обрисовываться, и будут ли это более краткосрочные брачные союзы, чем при буржуазном строе, трудно предсказать. Только в том случае, когда заботы о детях будут в большей части переложены на государство и общество, семейная жизнь утратит свое прежнее содержание.

Перейдем теперь к рассмотрению данных о рождаемости московского населения за время с начала войны. В 1914 году общий коэффициент рождаемости (310 на 10.000 жителей) продолжал падать сравнительно с несколькими предшествующими годами, но еще совершенно незначительно, так как уменьшение количества браков и уход женатых мужчин на войну могли отразиться на рождаемости только с 1915 г., спустя 9 месяцев после начала войны. И действительно, с 1915 года коэффициент рождаемости начинает резко падать, как видно из ниже помещаемой таблички:

Годы.	Число родившихся на 10.000 населения. Обоего пола.	Женщин в возрастах 15—49 лет.
1910—1914 (средняя) . .	332	1172
1915	270	915

Годы.	Число родившихся на 10.000 населения. Обоего пола.	Женщин в возрастах 15—49 лет.
1916	229	724
1917	196	586
1918	148	451
1919 перв. полуг. . . .	160	524
1919 втор. полуг. . . .	177	540
1920 перв. полуг. . . .	219	671

Наинизшей точки рождаемость московского населения достигла в 1918 г., когда относительное число родившихся было слишком вдвое меньше нормы. Указанное одинаково относится и к видимой рождаемости, т.-е. соотношению между числом родившихся и общей численности населения, и к истинной рождаемости, т.-е. к пропорции числа родившихся к числу женщин, способных к деторождению (возраста 15—49 лет). Видимая рождаемость понизилась на 184 с 10.000 жителей, или на 55% своей нормальной величины, тогда как истинная рождаемость понизилась на 721 с 10.000 женщин материнского возраста, т.-е. на 62% нормы. Таким образом, истинная рождаемость понизилась больше чем то можно судить по общим коэффициентам. Абсолютное число родившихся в 1918 году достигало только 24.900 человек, тогда как в среднем за последнее пятилетие перед войной ежегодно рождалось 54.353 человека, так что число родившихся упало на 29.453. Такое громадное падение рождаемости зависит не только от сокращения числа вновь заключаемых браков и от ухода из Москвы, по крайней мере, 100.000 мужчин на войну, оставивших дома соломенных вдов. Отлив женатых на войну в весьма значительной степени возмещался приливом в Москву солдат, мобилизованных в деревне и в других городах и заполнявших ряды московского гарнизона. Без сомнения, мы имеем дело и с сознательным воздержанием женщин от производства потомства, обусловленным тяжелой обстановкой жизни в годы войны. До войны рождаемость в Москве, хотя и отставала от рождаемости в сельских местностях России, но все-таки была выше, чем в большинстве крупных городов России и Европы. Напр., в Петербурге в среднем рождаемость в 1910—1914 гг. достигала только 276 против 332 на 10.000 жителей в Москве. Но в стремительном падении рождаемости Москва опередила даже северную столицу, и в 1918 г. коэффициент рождаемости в Москве, достигавший всего 148 на 10.000, упал даже ниже Петербурга, где все-таки этот коэффициент не падал ниже 155. Правда, уже в 1919 г. коэффициент рождаемости в Москве поднялся опять выше Петербурга и достиг 174 на 10.000, тогда как в Петербурге он остался на той же высоте (155).

Падение рождаемости во время войн составляет явление общеизвестное, и последняя мировая война в этом отношении не составила исключения. Так, с 1913 до 1916—1918 гг. число родившихся понизилось в Англии на 11%, во Франции на 43% и в Германии даже на 48%. Падение рождаемости в Москве, однако, оставляет за собой даже и германские цифры. Надо полагать, что здесь сказалось тройное влияние войны, революции и экономической разрухи. После войн обычно рождаемость повышается всюду, и тот же процесс наблюдается и в Москве. Из вышеприведенной таблички видно, что в первую половину 1919 г. общая рождае-

мость московского населения повысилась на 12 с 10.000 жителей, во вторую половину прошлого года — еще на 17 и в первую половину 1920 г.—опять на 42, так что с течением времени рост рождаемости ускоряется. Очевидно, громадное увеличение браков начинает оказывать свое неизбежное действие. Природа вступает в свои права, и сознательное регулирование числа детей как бы ослабевает. К сожалению, необходимо отметить, что данные о числе родившихся в Москве даже и за последние месяцы не отличаются полной точностью. Дело в том, что многие родители дважды регистрируют своих детей в различных отделах записей актов гражданского состояния, и при разработке получаемых от этих отделов карточек, приходится вылавливать эти двойные записи с помощью алфавита. За 1919 г. по данным карточной регистрации число родившихся в Москве составляло 24.604, тогда как по отчету окружного загса число рождений достигло 28.203, на 3599 или 14,6% больше. Двойная регистрация рождений, быть-может, объясняется склонностью некоторых родителей к извлечению добавочных благ, предоставляемых Советской властью матерям, в усиленном размере. Как бы то ни было, значительное увеличение рождаемости, начавшееся в прошлом году, остается неоспоримым фактом и свидетельствует о том, что постепенно семейная жизнь входит в нормальную колею. Сейчас в отношении рождаемости мы возвратились к последнему году до-революции: в 1916 г. и в настоящее время рождаемость стоит почти на одной и той же высоте (23 на 1000 жителей). В заключение остается упомянуть еще о соотношении между пропорцией рождающихся мальчиков и девочек. Московские данные лишний раз подтверждают любопытный биологический закон, согласно которому после войны пропорция рождающихся детей мужского пола увеличивается. На 1000 девочек в среднем за 1910—1914 гг. рождалось в Москве 1045 мальчиков, в 1915 г. — 1042 мальчика, в 1916 г.—1056 мальчиков, в первое полугодие 1919 г.—1063 мальчика и во второе полугодие 1919 г. — уже 1088 мальчиков[1]). Природа как бы стремится поскорее возместить убыль мужчин, произведенную войной. Подобного же рода явление отмечено и в Петербурге со второй половины прошлого года.

IV. Смертность населения Москвы.

Смертность населения является наилучшим показателем жизненных условий, в которых находятся народные массы, и отражает в себе как в фокусе уровень их благосостояния и культуры. Но для того, чтобы не быть вовлеченными в заблуждение, необходимо применять точные методы измерения силы смертности. Вероятность смерти находится в прямой зависимости от возраста, и потому без данных о возрастном составе населения суждение о высоте смертности большей частью расходится с действительностью. К счастью, для Москвы

[1]) За 1917 и 1918 гг. цифры числа родившихся интерполированы, так что по ним нельзя судить о действительной пропорции мужских рождений, а за 1920 г. сведений о родившихся по полу еще нет.

мы располагаем данными о возрастном составе населения по трем переписям: 1912, 1917 и 1918 гг., и некоторыми отрывочными данными о главных возрастных группах (дети, взрослые и старики) по промежуточным исчислениям населения 1915 и 1917 гг. Этих данных вполне достаточно для того, чтобы с большой точностью определить возрастный состав населения столицы по 1918 год. Но с прошлого года население столицы стало убывать с такой быстротой, что данные 1918 г. являются уже устарелыми. Последняя перепись 28 августа 1920 г. даст, без сомнения, вполне надежный материал для суждения о том, какие именно группы московского населения убывали больше других и какие оказывались сравнительно устойчивыми. Но пока сведения этой переписи еще не разработаны, для вычисления возрастного состава московского населения за 1919 и 1920 гг. приходится пользоваться распределением населения по возрастам по переписи 21 апреля 1918 г., применяя пропорциональный состав возрастов этой переписи к позднейшим данным об общей численности населения. Поэтому на выводы о смертности московского населения за 1919 и 1920 гг. надлежит смотреть лишь как на предварительные, подлежащие впоследствии исправлениям и дополнениям. Однако, картина движения московской смертности с 1919 г. настолько характерна, что серьезных изменений после переработки данных о возрастном составе ожидать не приходится.

Сведения об умерших в Москве черпались городской статистикой не из метрических книг, ведшихся духовенством, а из особых книг регистрации умерших, которая велась через посредство полицейских участков и городских больниц. Так как никто не мог быть предан земле без свидетельства на погребение, выдававшегося в участках или больницах, то регистрация эта носила исчерпывающий характер. Революция в общем не отразилась заметным образом на деятельности больничной администрации и милиции, заменившей старую полицию в качестве органа регистрации смертности, и Статистический отдел Московского Совдепа продолжал снабжать эти учреждения книгами для записей сведений об умерших. Правда, статистические карточки об умерших поступали с октября 1917 г. довольно неаккуратно, и пришлось потратить не мало труда на то, чтобы постепенно собрать весь материал об умерших и восстановить утраченные некоторыми участками и больницами карточки по корешкам в книгах регистрации. В конце концов сведения об умерших за 1917 и 1918 гг. удалось собрать, насколько можно судить теперь о деятельности регистрирующих учреждений, полностью. С 1919 г. регистрация данных об умерших производится районными отделами записей актов гражданского состояния, откуда статистические карточки поступают в Московский Статистический отдел. Но до сих пор некоторые больницы продолжают самостоятельно погребать умерших в них, не записывая их в местных загсах, почему сведения этих последних приходится пополнять еще данными больниц. За 1919 г. по данным местных загсов число умерших в Москве равнялось 56.090 человек, по сведениям же карточной регистрации Московского Статистического отдела число умерших дошло до 65.308, т.-е. на 9218 или 16,4% больше. За первую половину 1920 г., по сведениям загсов, число

умерших в Москве равнялось 25.150, а по карточной регистрации Статистического отдела — 28.479, т.-е. на 2515 или 13,2% больше, так что записи загсов с течением времени становятся полнее. Впрочем, нельзя ручаться за то, что Статистическому отделу удается выловить все без исключения случаи смертей в Москве. Но в общем подобные пропуски, относящиеся, главным образ., к насильственным смертям, не могут иметь серьезного значения для суждения о смертности московского населения.

Старая Москва отличалась в общем высокой смертностью населения и принадлежала к самым нездоровым городам Европы. Впрочем, при суждении о высоте смертности в Москве нередко впадают в большую ошибку, не принимая во внимание колоссальной смертности детей в московском Воспитательном доме. Издавна в Москву приносились многие тысячи детей в Воспитательный дом, при чем эти дети оставались в Воспитательном доме лишь самое короткое время (обычно несколько недель), а потом вывозились в деревню. Московский Воспитательный дом по числу принятых в него детей не имеет равных себе во всем мире и более чем в два раза превышает Петербург; напр., в 1888 г. из родившихся в Москве детей было принято в Воспитательный дом 13.830, из которых умерло 7372 или больше половины. Московское население, конечно, не имеет ничего общего по условиям своей жизни с Воспитательным домом, этой колоссальнейшей фабрикой ангелов, а потому московские статистики еще с 80 годов прошлого столетия строго выделяют при изучении смертности в столице грудных детей Воспитательного дома. За исключением этих последних, движение коэффициента смертности в Москве представляется в следующем виде:

ПЕРИОДЫ.	Число умерших на 10.000 жителей.	Тоже, принимая цифры первого десятилетия за сто (100).
1862—71	310	100
1872—81	291	94
1882—91	269	87
1892—901	246	79
1902—09	236	76
1910—14	231	75
1915	221	71
1916	202	65
1917	212	68
1918	280	74
1919 1-е полугодие . . .	504	163
1919 2-е полугодие . . .	390	126
1919	451	145
1920 1-е полугодие . . .	462	149

При вычислении этих цифр прибывшие с фронта раненые и больные солдаты за время мировой войны исключены, так как смертность их находится в зависимости от совершенно иных причин, чем московского населения, с которым они не имеют ничего общего; само собою разумеется, что соответственным образом население госпиталей и лазаретов военного ведомства за это время исключено также из общего счета. Цифры вышеприведенной таблицы достаточно красноречивы. Начиная с 60-х годов прошлого столетия, общий коэффициент смертности московского населения неизменно понижается, при чем особенно энергично это понижение смертности происходит в 80-х и 90-х годах. Здесь явным образом сказалось общее повышение уровня благосостояния московского населения, а также устройство водопровода и канализации, организация санитарного надзора и улучшение больничной помощи в Москве. В 60-х годах XIX столетия на каждые 10.000 человек населения ежегодно умирало 310, а в конце того же столетия—только 246, так что в общем коэффициент смертности понизился более, чем на одну пятую.

В XX столетии коэффициент смертности московского населения продолжал понижаться, хотя и не столь быстро как раньше, и накануне мировой войны средняя смертность в Москве доходила всего до 231 на 10.000; за полстолетие коэффициент смертности понизился на 79 или ровно на $^1/_4$ сравнительно с первоначальной нормой. Мировая война сначала не только не отразилась неблагоприятно на жизненности московского населения, но скорее наоборот, и коэффициент смертности продолжал понижаться, достигнув в 1916 г. наиболее низкой нормы, какую только знает московская статистика, а именно, 202 на 10.000 жителей. Это понижение смертности в годы войны тем удивительнее, что в это время в Москву хлынул поток беженцев, принесших с собою различные эпидемии, которые, в свою очередь, не могли не затронуть и коренного московского населения. С 1917 г. картина резко меняется, и смертность населения Москвы начинает резко повышаться. В первый год революции смертность повысилась, впрочем, сравнительно незначительно, до 212 на 10 тысяч жителей, и в 1918 г. смертность московского населения только сравнялась со средней смертностью довоенного времени. Но в 1919 г. коэффициент смертности внезапно делает колоссальный скачок вверх, и смертность населения Москвы сразу удваивается. Несмотря на то, что в 1919 г. среднее население Москвы понизилось сравнительно с предыдущим годом на 270.000 человек, число умерших увеличилось с 38.738 до 63.804, и коэффициент смертности достиг небывалой цифры 451 на 10.000 жителей. До революции наибольшей высоты коэффициент смертности в Москве достигал в 1866 г. (371 на 10.000 жителей) и 1871 г. (368 на 10.000), так что смертность 1919 г. превысила наивысшую довоенного времени на 80 или более чем на $^1/_5$.

Однако, общий коэффициент смертности еще не выражает настоящего движения силы смертности, так как с течением времени возрастный состав населения меняется, а смертность есть прежде всего функция возраста: смертность грудных детей в 100 раз выше, чем смертность подростков в возрастах 10—14 лет, смертность же стариков, в свою очередь, в 25 раз выше подростков. Распределение населения по возрастам зависит, главным образом, от уровня рождаемости и детской смертности, а рождаемость населения в Москве, как мы видели выше, до мировой войны все время повышалась. Чтобы получить более правильное представление о силе смертности населения, необходимо прежде всего исключить грудных детей и рассматривать их отдельно от смертности остального населения. Если взять смертность населения

в возрастах от 1 года и старше, получим следующий ряд цифр:

ПЕРИОДЫ.	Среднее число умерших в возрастах от 1-го года и старше на 10.000 жителей.	Тоже принимая цифры первого десятилетия за 100.
1862—71	238	100
1872—81	218	92
1882—91	198	83
1892—901	174	73
1902—09	163	68
1910—14	156	66
1915	157	66
1916	149	63
1917	161	68
1918	199	84
1919 1-е полугодие	462	194
1919 2-е »	346	145
1919	408	171
1920 1-е полугодие	418	176

Цифры смертности населения без грудных детей, освобожденные от влияния рождаемости, более резко и отчетливо рисуют жизненные условия московского населения. За полстолетия до мировой войны сила смертности упала с 238 до 156 на 10.000, т.-е. более чем на $^1/_3$. В 1915 г. смертность слегка повысилась, что всецело следует отнести на долю прилива беженцев, начавшегося в громадных размерах со второй половины этого года. Но в 1915 г. смертность падает и оказывается ниже средней довоенного периода на 7 с 10.000, т.-е. почти на 5%. Но уже в 1917 г. смертность населения без грудных детей превышает среднюю норму довоенного периода на 5 с 10.000. В 1918 г. повышение смертности уже очень заметно, составляя 38 на 10.000, так что сила смертности оказывается выше последних лет до войны на 43 или более чем на $^1/_4$; Москва возвращается к коэффициенту 80-х годов прошлого столетия. В первое полугодие 1919 г. коэффициент смертности без грудных детей увеличивается без малого в два с половиной раза и достигает чудовищной высоты 462 на 10.000, т.-е. втрое против средних норм довоенного времени. Во вторую половину прошлого года коэффициент падает до 346, т.-е. на $^1/_4$ своей максимальной высоты, но в первую половину 1920 г. опять поднимается до 418. Все же по сравнению с первым полугодием прошлого года во втором полугодии текущего года смертность остается ниже почти на $^1/_{10}$.

Однако, как ни страшны сами по себе цифры смертности московского населения за последние годы, наша столица не является в этом отношении одинокой. Петербург в этом отношении далеко оставляет за собой Москву. Приводимые ниже цифры говорят в этом отношении сами за себя:

ГОДЫ.	Число умерших на 10.000 жителей. Москва.	Петербург.	Превышение смерт. Петербурга над Москвой на 10.000 жителей.	Смертность населения в Петербурге, принимая Московскую за 100.
1917 г.	212	252	40	119
1918 »	230	437	207	190
1919 1-я половина . . .	504	886	382	176
1919 2-я » . . .	390	728	338	187
1920 1-я » . . .	462	895	433	194

Следует иметь в виду, что по Петербургу, за неимением материала, взяты цифры только за первую треть 1920 г. В первый год революции смертность населения в Петербурге превысила московскую только на 40 с 10.000, или на 19%. Но уже в 1918 г. смертность в Петербурге была почти вдвое выше московской, и с тех пор это соотношение сохраняется почти неизменно. В 1919 г. смертность населения в Петербурге дошла до ужасающей цифры 817 на 10.000, при чем в первую половину этого злосчастного года смертность в Петербурге достигала даже 886 на 10.000. В Москве в текущем году обозначился несомненный поворот к лучшему, и смертность населения в первую половину текущего года понизилась сравнительно с соответствующим временем прошлого года на 42 с 10.000. Между тем в Петербурге в начале текущего года смертность продолжала повышаться.

Разница в условиях жизни в обоих столицах сохранила жизнь приблизительно $^1/_8$ москвичей.

Обратимся сначала к рассмотрению смертности по возрастам, о колебаниях которой дает представление следующая таблица:

ВОЗРАСТ.	Умерло на 1.000 живущих каждого возраста. 1910—14 средн.	1915	1916	1917	1918	1919	1920 1-я пол.	1919 1-я пол.
Моложе года .	269	267	262	281	199	291	—	—
1—4 л.	20	25	18	16	10	26	21	19
15—49 л. . .	9	8	8	7	13	28	29	33
50 л. и больше	49	46	49	59	77	142	152	158

В этой таблице смертность грудных детей показана без Воспитательного дома, при чем за среднее число живущих принята полусумма родившихся за данный год и за предыдущий, за исключением детей, отданных в Воспитательный дом, население же прочих возрастов определено при помощи данных соответствующих переписей. Как видно из приведенных цифр, смертность грудных детей в общем изменилась сравнительно мало. Правда, в 1919 г. смертность грудных детей была выше средней на 22 с 1000, но зато предыдущий 1918 г. представляется рекордным по отношению к смертности младенцев за целые поколения, когда смертность грудных детей в Москве ни разу не падала ниже 235 на 1000 (1902 год). Дело в том, что смертность грудных детей в Москве стоит в прямой зависимости от условий погоды лета, так как большая часть младенцев погибает от острого желудочно-кишечного катара, развивающегося с наибольшей силой в жаркое и сухое время года. Между тем в 1918 г. лето в Москве стояло необычайно прохладное и дождливое: средняя температура четырех летних месяцев (май — август) равнялась всего 14,2° против нормальной 16,3°, а количество осадков за эти же месяцы достигло 397 миллиметров вместо обычных 313. Впрочем, и помимо погоды были, очевидно, такие условия, которые в 1918 г. содействовали понижению детской смертности, а в 1919 г., наоборот, повышали ее. Лето прошлого года было даже немного холоднее нормального (средняя температура 15,9°), но суше обычного (осадков выпало всего 265 миллиметров), так что можно было бы ожидать смертности грудных детей близкой к норме и во всяком случае ниже, чем в 1917 году, когда лето было жар-

кое и сухое (средняя температура 17° при 208 миллиметров осадков).

Смертность детей, перешедших грудной возраст, зависит уже от общих условий жизни и от каких-то невыясненных еще причин, периодически вызывающих повышенную волну смертности от так называемых детских болезней, а не от погоды. Смертность детей в возрастах старше года с началом войны значительно повысилась, достигая в 1915 году 25 на 1000 вместо нормальных 20, и затем с 1916 г. начала стремительно падать, достигнув в 1918 г. всего 10 на 1000 и оставаясь, таким образом, вдвое ниже средней. Но уже в первую половину 1919 г. детская смертность почти удвоилась и достигла 19 на 1000, держась, таким образом, около средней, а во вторую половину года сделала новый скачок вверх и поднялась на небывалую высоту 33 на 1000. В первую половину текущего года детская смертность снова делает скачок вниз и опускается почти до обычной нормы (21 на 1000 при средней 20). Таким образом, детская смертность в Москве со времени революции делает сначала большой скачок вниз, а потом еще более крутой скачок вверх, но в общем можно сказать, что детский возраст в отношении жизненных условий в последние годы не пострадал. За время войны (1915—1917 гг.) средняя смертность детей в возрастах 1 — 14 равнялась 20 на 1000, т.-е. как раз средней, а за 1918—1920 гг. в общем исчисляется в 19 на 1.000, т.-е. даже немного ниже довоенного времени.

Совершенно иную и гораздо менее благоприятную картину дает смертность взрослого населения. С 1915 г. по 1917 г. смертность населения в возрастах 15—49 лет в Москве остается значительно ниже средней, а именно, в 1915 и 1916 гг.—8 на 1000 вместо нормы 9 довоенного времени, а в 1917 г. падает даже до 7 на 1000. Но в 1918 г. начинается резкий подъем смертности взрослого населения, которая сразу удваивается и достигает в первый же год нового строя 13 на 1000 или полуторной высоты довоенного времени. В первую половину 1919 г. кривая смертности взрослых сразу поднимается более, чем вдвое и достигает 33 на 1000, т.-е. почти четверного уровня довоенного времени. Во вторую половину прошлого года смертность взрослого населения падает до 21, но в первую половину текущего года опять поднимается до 29. Эта последняя цифра на 4 ниже соответствующей величины первого полугодия прошлого года, с которым и можно производить сравнения, так как смертность первого полугодия (январь—июнь), зимне-весеннего, всегда гораздо выше смертности второго, летне-осеннего полугодия (июль—декабрь).

В общем за годы войны (1915—1917) смертность взрослого населения Москвы измеряется относительно низкой цифрой в 8 на 1000, на $^1/_9$ меньше довоенной нормы, а за время революции (1918—1920) достигает в среднем 22 на 1000, т.-е. в два с половиной раза выше прежнего. Еще менее благоприятна картина смертности старческого возраста с начала революции. В 1915 г. смертность лиц в возрастах от 50 лет и старше падает до 46 на 1000, т.-е. на 3 меньше довоенного времени (49), в 1916 г. смертность стариков поднимается до средних норм и в 1917 г. оказывается уже значительно выше довоенного времени, достигнув 59 на 1000. В 1918 г. смертность старческого возраста увеличивается до 77 и в первой половине прошлого года поднимается сразу вдвое, держась на высоте 158 на 1000, т.-е. слишком втрое выше нормальной. Во втором полугодии 1919 г. смертность стариков падает до 111, но в первом полугодии текущего года опять повышается почти до той же высоты, что в соответствующий период прошлого года (152 на 1000). Это значит, что если бы сила смертности стариков в возрастах от 50 лет и выше не понизилась, то все они умерли бы менее чем в семилетний срок. За все время войны (1915 — 1917 гг.) смертность стариков в Москве измеряется цифрой 51 на 1000, а в 1918—1920 гг.—118 или почти в два с половиной раза выше нормы довоенного времени. В кратких словах можно охарактеризовать движение смертности в Москве следующим образом: детская смертность, хотя и с колебаниями, но в общем с начала войны понизилась и остается сравнительно благоприятной. Взрослое население очутилось в благоприятных условиях смертности после начала войны, но революция отразилась резким ухудшением его жизненной стойкости и повышением смертности до уровня 50-х и 60-х годов прошлого столетия. Наконец, старики начали вымирать еще во время империалистической войны, при чем революция дала резкий толчок этому процессу исчезновения с жизненной арены наименее приспособленных.

Не безынтересно сравнить смертность населения по отдельным возрастным группам в Москве и Петербурге. К сожалению, данные о смертности по возрастам в Петербурге имеются только за вторую половину 1919 г.

ВОЗРАСТЫ.	Число умерших на 10.000 жителей.		Избыток петербургской смертности над московской.	Смертность в Петербурге, приняв. за 1000.
	Петербург.	Москва.		
1—4 г.	166	98	68	170
5—9 л.	42	18	24	237
10—14 »	20	7	13	268
15—19 »	24	11	13	226
20—29 »	31	17	14	186
30—39 »	35	24	11	148
40—49 »	61	36	25	168
50—59 »	126	69	57	182
60 и больше л.	310	178	132	174

Как видно из этого сопоставления, во всех решительно возрастах смертность петербургского населения далеко превышает московскую. Особенно сильно разнится смертность детских возрастов и подростков: в группах от 5 до 19 лет сила смертности в Петербурге в общем в 2½ раза выше московской. Наименьшая разница отмечается в возрастах зрелых. Особенно для 30-летних, смертность которых в Петербурге только в 1½ раза выше московской. Между тем, в мирное время смертность детей в возрастах моложе 10 лет в северной столице была даже ниже, чем в Москве: в возрастах от 1 до 4 лет умирало в Петербурге (1910—11 г.) 53 на 1000, а в Москве (1910—14 г.) 56—и возрастах от 5 до 9 лет в Петербурге умирало 7 на 100, а в Москве 8. Очевидно, условия жизни подрастающего поколения в

Москве теперь несравненно благоприятнее, чем на берегах Невы.

Перейдем теперь к исследованию вопроса о том, какими именно причинами было вызвано повышение смертности в Москве после революции. Прежде всего необходимо остановиться на смертности от различных тифов, среди которых наибольшие опустошения произвел в Москве, как и в России, сыпной тиф. До войны сыпной тиф заносился в Москву почти исключительно пришлым элементом и свивал себе от времени до времени прочное гнездо только на Хитровом рынке и в Бутырской пересыльной тюрьме. К большому счастью для Москвы, беженское движение не принесло с собой эпидемии сыпняка, немного повысив только смертность населения от брюшного тифа. Но со второй половины 1918 г. сыпной тиф стал принимать характер серьезной эпидемии, превратившейся в прошлом году в настоящее народное бедствие. Ниже приводятся данные о смертности населения Москвы от различных тифов в абсолютных и относительных числах:

Годы.	Число умерших в Москве.			Смертность на 100.000 жит.		
	От сыпного тифа.	От возвратного тифа.	От брюшного тифа.	От сыпного тифа.	От возвратного тифа.	От брюшного тифа.
1910—14 (ср.).	185	24	193	11	1	12
1915	37	4	295	2	0	16
1916	186	53	275	10	3	14
1917	108	50	623	6	3	34
1918	661	114	264	39	7	16
1919 1-я пол.	10.400	279	156	1.379	37	21
1919 2-я пол.	2.216	502	348	335	76	53
1919 (итого)	12.616	781	504	891	55	36
1920 1-я пол.	4.701	738	221	776	122	36

С 1918 года до 1 июля 1920 г. за 2½ года сыпной тиф унес в могилу 17.978 жертв, т.-е. почти в три раза больше, чем за предыдущий сорокалетний период точной регистрации причин смерти в Москве (за 1878—1917 г. всего умерло в Москве от сыпного тифа 6501 человек). Настоящая эпидемия является беспримерной в летописях не только Москвы, но, пожалуй, и всей Европы. К счастью, есть полные основания думать, что Москва уже прошла через зенит сыпнотифозной эпидемии. В первую половину текущего года смертность от сыпного тифа (776 на 10.000 жителей) была почти вдвое ниже смертности за первую половину прошлого года (1379), и хотя можно ожидать, что с наступлением зимы сыпной тиф, замирающий в теплое время года, снова подымет свою смертоносную голову, но едва ли подъем этот достигнет той же высоты, что и в минувшую зиму. Опыт предыдущих вспышек сыпнотифозной эпидемии в 1881—1883, 1886—1887 и 1908—1911 гг. позволяет думать, что волна эпидемии будет продолжать спадать, чтобы почти совсем исчезнуть через год или два. Зато, по обыкновению, по мере того, как ослабевает сыпной тиф, развивается возвратный тиф, смертность от которого с начала 1919 г. неизменно повышается и в первую половину текущего года слишком втрое превышала прошлогодние цифры. Но возвратный тиф является менее опасным бичом, чем сыпной, и смертность от него в момент наивысшего развития достигает пока только 122 на 100.000 или в 11 раз меньше, чем сила смертности в зените сыпного тифа. Со второй половины 1919 г. заметное развитие получает эпидемия брюшного тифа, но смертность от этой причины пока не превышала 53 на 100.000; в последние месяцы брюшной тиф, повидимому, все более и более усиливается. Но так как борьба с брюшным тифом сравнительно проста и требует, главным образом, доступных всем и каждому мер личной гигиены, то надо надеяться, что брюшной тиф не уподобится по своим размерам сыпному.

Как известно, сыпной тиф заносится в Москву извне, при чем на этот раз эпидемия распространялась по железным дорогам, преимущественно солдатами, возвращающимися с фронта, где этот бич человечества свирепствует с ужасающей силой, и мешочниками. Пышный расцвет сыпного тифа тесно связан, с одной стороны, с транспортной разрухой и условиями пассажирского движения после революции, а с другой стороны, и с постоянными эмиграциями московского населения с одного места на другое. Во всяком случае, бацилла сыпного тифа является для Москвы внешним врагом, опасность от которого исчезнет только тогда, когда, наконец, прекратится война, и можно будет приняться за коренное оздоровление России. Следует отметить, что Петербург до сих пор меньше пострадал от сыпного тифа, чем Москва, как показывают следующие данные за прошлый 1919 г.

	Заболело.	Умерло.	Из 1000 заболевших умерло.	Заболело на 100.000 населен.	Умер. на 100.000 населения.
Москва	74.300	12.616	170	5249	891
Петербург	36.357	4.290	118	4545	536

Таким образом, в Москве заболевших сыпным тифом было на 704 с 10.000 или почти на 1/6 больше Петербурга, при чем самая болезнь протекала тяжелее: из заболевших сыпным тифом в Москве умирало более 1/6 (170 на 1000), а в Петербурге—лишь немногим более 1/9. Хотя регистрация заболеваний сыпным тифом не особенно точна, в особенности в Петербурге, тем не менее, факт большего развития сыпнотифозной эпидемии и большей летальности ее в Москве налицо. Эта невыгодная для нашей столицы разница объясняется всецело положением Москвы в центре русской железнодорожной сети, тогда как Петербург находится на окраине страны, так что движение воинских чинов и пассажиров дальнего следования в Москве несравненно значительнее, чем в северной столице. Можно было бы при этих условиях ожидать даже более скромного развития сыпного тифа в Петербурге, чем это имело место в действительности. Нельзя также забывать, что в отношении сплоченности населения Петербург, в котором осталось менее трети его прежнего числа жителей, обставлен теперь гораздо выгоднее Москвы.

Следующей по своему значению группой причин, от которых зависел необычайный подъем смертности в Москве, является смертность от болезней органов дыхания. Сюда можно причислить, кроме крупозного воспаления легких и других видов пневмонии, также ин-

флуэнцу и так называемую «испанку», в которых смертельный исход в громадном большинстве случаев зависит от поражения органов дыхания. К этой же группе мы относим и так называемый неопределенный тиф, который в настоящее время чаще всего смешивается с инфлуэнцой и испанкой. В следующей таблице приводятся соответствующие числа умерших за последнее десятилетие, как абсолютные, так и относительные, причем для сокращения изложения абсолютные числа приводятся только для инфлуэнцы вместе с испанкой и неопределенным тифом и для всех болезней органов дыхания в тесном смысле слова:

Годы	Число умерших в Москве.		Смертность на 100.000 жителей.				
	От инфлуэнцы, испанки и неопределенного тифа.	От болезней органов дыхания (кроме чахотки).	Тиф возвр.	Инфлуэнца.	Испанка.	Крупозное воспаление легких.	Прочие болезни органов дыхан.
1910—14 (ср.)	294	6.930	1	17	—	75	348
1915	253	8.039	1	13	—	58	377
1916	272	8.172	2	12	—	63	355
1917	214	5.976	3	9	—	63	260
1918	941	6.910	3	27	26	143	267
1919	1.772	9.793	43	40	42	156	535
1920 1 пол. . .	430	3.833	28	27	16	101	531

С 1915 г. смертность населения от инфлуэнцы понизилась против нормы мирного времени, и равным образом понизилась смертность от болезней органов дыхания, при чем только в 1915 г. смертность от разных видов пневмонии, кроме крупозной, повысилась и была выше мирного времени. К 1917 г. смертность населения от всех приведенных пяти причин понизилась до 335 на 100.000, тогда как в мирное время эти причины вызывали смерть 441 человека ежегодно, так что в общем сила смертности от болезней, поражающих органы дыхания, кроме чахотки, понизилась на целую четверть. Но с 1918 г. в летописях Москвы впервые отмечается так называемая испанка, от которой умерло за последние 2½ года 1134 человека. Одновременно сразу утраивается смертность населения от такой безобидной обычно причины, как инфлуэнца. Но еще серьезнее повышение смертности от крупозной пневмонии, сразу занявшей одно из первых мест в ряду причин, губящих москвичей. В 1919 г. инфлуэнца и испанка вместе с своими спутниками вырастают более, чем вдвое, и в то же время смертность от катарального воспаления легких и других болезней органов дыхания также удваивается, и среди всех причин смертности катаральная пневмония занимает первое место после сыпного тифа. В первую половину текущего года инфлуэнца, испанка и крупозная пневмония значительно ослабевают (первые две причины 43 вместо 82, а крупозное воспаление — 101 вместо 156). Но катаральная пневмония вместе со своими спутниками остается почти на той же высоте, что и в прошлом году (531 на 100 тысяч). В общем вся группа болезней органов дыхания с инфлуэнцой в прошлом году дала 816 на 100.000, тогда как тифы погубили 982. Весьма интересно отметить, что в настоящую эпидемию заболевшие сыпным тифом, выздоравливая от этой болезни, затем умирали при явлениях воспаления легких. В большинстве случаев подобные осложнения первоначальной болезни при определении причин смерти во внимание не принимались, так что в действительности поражение органов дыхания играло в московской смертности большую роль, чем показывают статистические сведения.

Причины небывалого распространения болезней органов дыхания еще мало известны, но, без сомнения, кроются отнюдь не в местных условиях Москвы или какого-нибудь другого города. При условии почти полной изоляции России от Западной Европы сведения о том, что делается в других странах, проникают к нам с величайшим трудом. Поэтому мы были в состоянии собрать только отрывочные данные о колоссальной эпидемии, так называемой испанки, разразившейся с 1918 г. над большей частью человечества. Впервые эпидемия испанки или легочной инфлуэнцы, как обозначают эту болезнь некоторые источники, разразилась в 1918 г. на островах Тихого океана, приняв там прямо невероятные размеры. Так, на островах Самоа умерло от инфлуэнцы в 1918 г. 8000 человек, т.-е. более $^1/_5$ населения. Затем даже в высоко культурной Новой Зеландии смертность в этом году увеличилась на 54%, хотя с 1875 г. ничего подобного там не отмечалось. Эпидемия не замедлила перекинуться в Австралию, вызвав там настоящую панику. В Мельбурне, второй столице Австралии, закрылись школы и все общественные учреждения, телефон перестал работать, так как все телефонистки поголовно заболели, и нельзя было вовсе добыть врача. Население массами устремилось за город и располагалось либо по деревням, либо даже в палатках и под открытым небом, ища спасения от грозного врага. Такие же почти картины наблюдались и в Сиднее, самом многолюдном городе республики Антипода. Для борьбы с этой новой черной смертью, не щадившей никого, были приняты такие чрезвычайные меры, как снабжение всего населения особыми предохранительными масками на манер тех, какие применяются медицинским персоналом при уходе за больными легочной чумой, и такое разрежение населения, занимавшегося в общественных учреждениях и торговых предприятиях, при котором на каждую комнату приходилось по одному служащему. Из Австралии в средине 1918 г. эпидемия перебросилась в Южную Африку, и здесь в течение нескольких недель в городах одной только Капской колонии умерло от этого нового бича 14.000 человек или почти 20-я часть населения. Но настоящим вихрем смерти эта инфлуэнца пронеслась над злополучной Индией, где в 1918 г. умерло от нее 6 миллионов человек, т.-е. несравненно больше, чем в любую чумную эпидемию, которыми так богата Индия: достаточно сказать, что за 18 лет, с 1896 по 1914 год включительно, всего умерло в Индии от чумы немногим более 8 миллионов человек. В конце 1918 г. пресловутая испанка забралась и в Европу, производя повсюду неслыханные опустошения. Даже в Швейцарии во вторую половину 1918 г. заболело инфлуэнцой 640.000 человек или $^1/_6$ всего населения. Не пощадила новая страшная гостья и Англии, невзирая на ее островное положение. С конца 1918 г. эпидемия появилась сначала на юге Англии, а затем распространилась с чрезвычайной быстротой и далее к северу. В феврале 1919 года эпидемия вызвала небывалую панику в Южном Уэльсе, и, напр., в городе Свански, торговой метрополии Уэльса, все школы

и театры закрылись; смертность достигла там 50 на 1000, т.-е., как раз той же самой высоты, что и в Москве в первую половину прошлого года. Из отрывочных сведений о других английских городах можно указать на Манчестер, где в феврале 1919 г. смертность сразу более чем удвоилась и достигла 34 на 1000, а в Глазго, торгово-промышленной метрополии Шотландии, коэффициент смертности поднялся даже до 44 на 1000. Эпидемия затронула и западное полушарие. В провинции Онтарио Канадской федерации от инфлуэнцы умерло 7000 человек в течение нескольких месяцев, так что смертность в городах здесь увеличилась более чем на половину. Отсюда ясно, что и в Москве мы имеем дело с нашествием того же испанского бацилла, который не только увеличил вдвое смертность от болезней органов дыхания и вдесятеро от инфлуэнцы, но и сделал особенно губительной эпидемию сыпного тифа. К сожалению, до сих пор этот новый бич человечества, погубивший не меньше людей, чем четырехлетняя мировая война, остается неизученным и потому особенно грозным. Высказывались даже предположения, что эта таинственная испанка есть не что иное, как одна из форм легочной чумы.

После двух важнейших групп инфекционных болезней необходимо остановиться на более постоянных причинах увеличения смертности в Москве. Прежде всего, как и следовало ожидать по данным о возрастном составе умерших, приведенным выше, сильное повышение дают болезни, свойственные старческому возрасту. Сюда нужно отнести, главным образом, болезни кровеносной системы (среди которых артерио-склероз поражает почти исключительно стариков), затем болезни мочевых органов и, наконец, старческую дряхлость (маразм). Здесь можно ограничиться, в виду постоянного роста смертности от этих причин, немногими абсолютными цифрами. Среднее число ежегодно умиравших в Москве от болезней кровеносной системы в 1910—1914 гг. равнялось 2424, в 1915 — 1917 гг. — 3422, в 1918 г. — 4867, в 1919 г. — 6015 и в первую половину 1920 г.—3279, так что против мирного времени теперь умирает от болезней кровеносной системы почти втрое больше, несмотря на уменьшение московского населения. От старческой дряхлости в мирное время ежегодно в среднем умирало 1398 человек, в 1915—1917 гг.—2073 человека и за последние три года — уже по 3217 человек. От болезней мочевых органов соответствующие числа будут 648.778 и 1094. В относительных числах смертность от болезней старческого возраста изображена ниже:

Годы.	Ежегодно умирало на 10.000 жит. От болезней кровеносной системы.	От старческой дряхлости.	От болезней мочевых органов.	Итого.
1910—14 (средн)	148	85	40	273
1915	148	89	38	275
1916	178	107	41	326
1917	220	134	45	399
1918	289	167	55	511
1919	425	261	90	776
1920 1-е полугодие . . .	541	260	90	891

Таким образом, смертность населения от 3-х вышеуказанных групп, свойственных преимущественно старческому возрасту, в общем сравнительно с довоенным временем более чем утроилась, увеличившись на 618 со 100.000. Более всего увеличилась смертность от болезни кровеносной системы, поднявшаяся на 393 или чуть ли не вчетверо, затем от старческой дряхлости (утроение) и сравнительно меньше от болезней мочевых органов, смертность от которых увеличилась несколько более чем в два раза. Особенно поразительна правильность с которой из года в год повышалась смертность в этом ряду старческих болезней; заметно только некоторое увеличение темпа самого возрастания после октябрьской революции. Безжалостный исторический процесс ведет к омоложению населения путем вымирания наименее приспособленных.

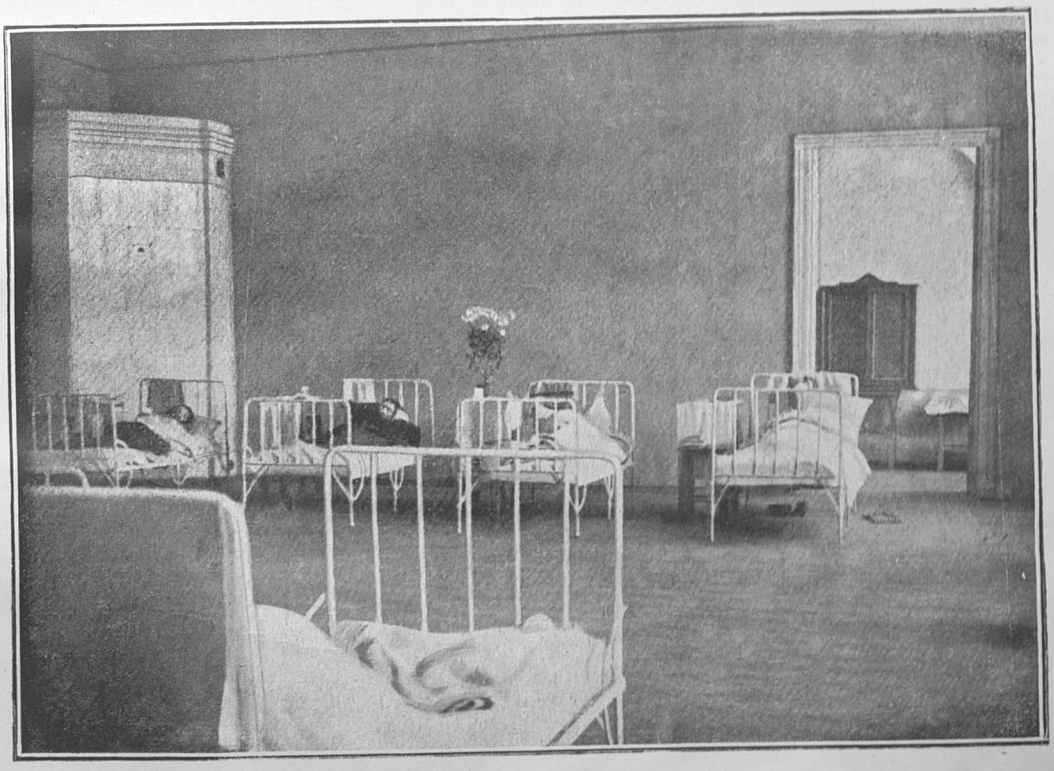
В противоположность к болезням старческого возраста группа так называемых детских заразных болезней обнаруживает решительное стремление к сокращению, хотя и с неизбежными погодными колебаниями. Беженское движение в 1915 году принесло в Москву усиление обычной смертности от скарлатины и кори в довольно значительных размерах, но затем за все время мы имеем только вспышку оспы в первую половину прошлого года, стоящую в связи, по всей вероятности, с временным расстройством оспопрививания в подмосковных губерниях и самой столице. В следующей таблице приводятся погодные числа умерших от разных детских болезней:

Болезни	Среднее ежегодное число умерших. 1910-14	1915-17	1918-20	Умирало в год на 100.000 жителей. 1910-14	1915-17	1918-20
Оспа . . .	111	325	792	7	17	56
Корь . . .	1003	1030	327	61	55	24
Коклюш . .	319	247	133	19	13	9
Скарлатина	803	838	272	49	45	20
Дифтерит .	784	572	237	48	31	17
Круп . . .	32	68	35	2	4	2
Итого . .	3052	3080	1796	186	165	128

Как видно из этих цифр, только смертность от оспы возросла, главным образом, благодаря большой прошлогодней эпидемии, следы которой остаются еще и посейчас: в первое полугодие текущего года от оспы умирало на 100.000 жителей (по годичному расчету) 24 человека вместо 7 человек в довоенное время, но в первое полугодие 1919 г. оспа уносила из 100 тысяч 1918, т.-е. слишком в восемь раз больше текущего года. От остальных детских заразных болезней смертность понизилась весьма сильно, и в годы после октябрьской революции смертность от коклюша, кори и скарлатины упала более чем в два раза, а от дифтерита сократилась даже втрое. Если не считать оспы, то погодно смертность от детских заразных болезней изменялась так (на 100.000): в 1910—14 (средн.) 179, в 1915—237, в 1916—149, в 1917—56, в 1918—30, в первое полугодие 1919 г.—95, во второе полугодие 1919 г.—147 и в первое полугодие 1920 г.—67. Детские заразные болезни имеют также циклическое течение, как и некоторые другие эпидемии, при чем причина такого явления остается до сих пор невыясненной. Во всяком случае такие бичи детского возраста, как корь, скарлатина и дифтерит, после революции как бы утратили

Московский Туберкулезный институт.— Конференция врачей.

Московский Туберкулезный институт.—Палата для легочных больных.

свое острое жало. Очевидно, те неусыпные заботы, какими Советская Москва окружает свое подрастающее поколение, не остаются бесплодными.

Перейдем теперь к рассмотрению смертности от болезней, связанных с расстройством пищеварительного тракта. Можно было бы ожидать, что продовольственный кризис и несомненное недоедание многих слоев московского населения приведут к резкому повышению смертности от этих причин. Действительность показывает совсем иную картину. Число умирающих от острого желудочно-кишечного катара, в мирное время равнявшееся ежегодно в среднем 7612, в годы войны (1915—1917) падает до 7061, а в годы революции (1918—1920) до 3401, но так как эта болезнь поражает, главным образом, грудных детей, то числа эти свидетельствуют лишь об уменьшении количества рождений в Москве, а не о понижении силы смертности. Из болезней желудочно-кишечного тракта дизентерия в общем усилилась: в 1910—1914 гг. от этой болезни погибало ежегодно 781 человек или 48 на 100.000, в 1915—1917 гг.—1052 или 56 на 100.000 и в 1918—20 гг.—1219 или 87 на 100.000, так что в общем смертность от дизентерии увеличилась на $^4/_5$. Но зато холера не могла свить себе прочного гнезда в Москве: в 1915 г. от холеры умерло 132 человека, 1916 и 1917 года были по холере благополучными и в последнюю эпидемию, начавшуюся летом 1918 г., умерло 608 человек. Наконец, прочие болезни органов пищеварения дают в общем некоторое не особенно значительное повышение смертности. Именно: в довоенное время от этих болезней в среднем ежегодно умирало 54 на 100.000 человек, в годы войны (1915—1917)—49 и с 1918 г. средняя смертность определяется в 68 на 100.000. Таким образом, в общем, если не считать детских поносов, смертность от болезней органов пищеварения в общем увеличилась до 168 на 100.000 против 103 в мирное время. Относительно подобное повышение коэффициента смертности довольно значительно, но абсолютно о крупной роли этих причин говорить не приходится: при нынешнем населении Москвы это увеличение коэффициента смертности равносильно только 668 лишним смертям в год. Продовольственный кризис таким образом отразился и на цифрах смертности, но отнюдь не в катастрофической форме.

В мирное время чахотка легких играла одну из первых ролей среди причин смерти в Москве, и ежегодно в среднем туберкулезная бацилла уносила 3799 москвичей или 232 на 100.000. В годы войны смертность от туберкулеза легких значительно понизилась и к 1917 году дошла до 175 на 100.000 (всего 3237 смертей). В 1918 г. смертность от чахотки повышается, но все же остается значительно ниже среднего уровня (3318 смертей — 197 на 100.000). Но в 1919 году смертность от чахотки делает крутой скачок вверх и уже превышает цифры мирного времени: число умерших достигает 3811 или 269 на 100.000. Еще более неожиданным является колоссальный скачок вверх в первое полугодие текущего года, когда чахотка уносит 3145 человек или 519 на 100.000 жителей. Здесь имели место, очевидно, какие-то причины общего характера, как о том можно судить по увеличению смертности от легочного туберкулеза в Петербурге, где вообще чахотка

уносит больше жертв: во вторую половину прошлого года в Петербурге смертность от чахотки достигала 414 на 100.000 жителей, а в первые месяцы текущего года поднялась уже до 760. Повидимому, здесь дело не обошлось без влияния метеорологических условий, но судить об этом сейчас не беремся.

Заслуживает некоторого внимания повышение смертности от болезней нервной системы. В мирное время смертность от этой причины составляла 138 на 100.000, в 1915—1917 гг.—136 и в 1918—1920 гг.—уже 158, т.-е. почти на $^1/_7$ выше мирного времени (в первую половину текущего года даже 173, т.-е. слишком на $^1/_4$ выше нормы). Очевидно, напряженная борьба за жизнь приводит к более раннему изнашиванию нервной системы. Но зато число самоубийств с началом войны резко понизилось и дошло в 1917 г. до минимума, а потом снова поднялось, но все-таки остается далеко ниже мирного времени. Вот более подробные цифры:

	1910—14 (ср.).	1915	1916	1917	1918	1919	1920 1-е пол.
Число самоубийств, покончивших смертью.	303	139	139	102	134	110	21
Тоже на 100.000 жителей.	18	8	7	6	8	8	3

Кажется, условия тяжелой борьбы за существование в наше время должны были бы привести к настоящей эпидемии самоубийств, тем более, что цена жизни человеческой повсюду пала с началом кровавой войны. Этот необычный факт социальной психологии еще ждет объяснения. Наконец, остается отметить резкое повышение числа случаев насильственной смерти, о котором свидетельствуют следующие цифры:

	1910—11 (ср.).	1915	1916	1917	1918	1919	1920 1-е пол.
Число умерших насильственной смертью (кроме убийств)	731	896	907	1214	2332	2193	922

Относительное число случаев насильственной смерти, в 1915 и 1916 гг. остававшееся почти на уровне мирного времени, в 1917 г. сразу повысилось до 66 на 100.000 (в мирное время 45), в 1918 г. до 138 и в 1919—1920 гг. до 152—155. Вследствие сокращения движения по городу, особенно трамвайного и конного легкового, число несчастных случаев должно было понизиться, и к тому же результату приводило и сокращение работ на фабриках и заводах. Повышение насильственных смертей всецело обусловлено было применением смертной казни.

В заключение весьма интересно бросить хотя бы беглый взгляд на те различия, какие наблюдаются в причинах смертности в Москве и Петербурге. За вторую половину 1919 г. можно привести следующие данные:

	Число умерших на 1000.000 жителей.						
	От старческой дряхлости.	Детских заразных болезней.	Желудочно-кишечного катара.	Дизентерия.	Холера.	Цинга.	Голодное истощение.
Москва.	197	183	393	222	5	—	5
Петербург.	250	369	715	869	139	24	639

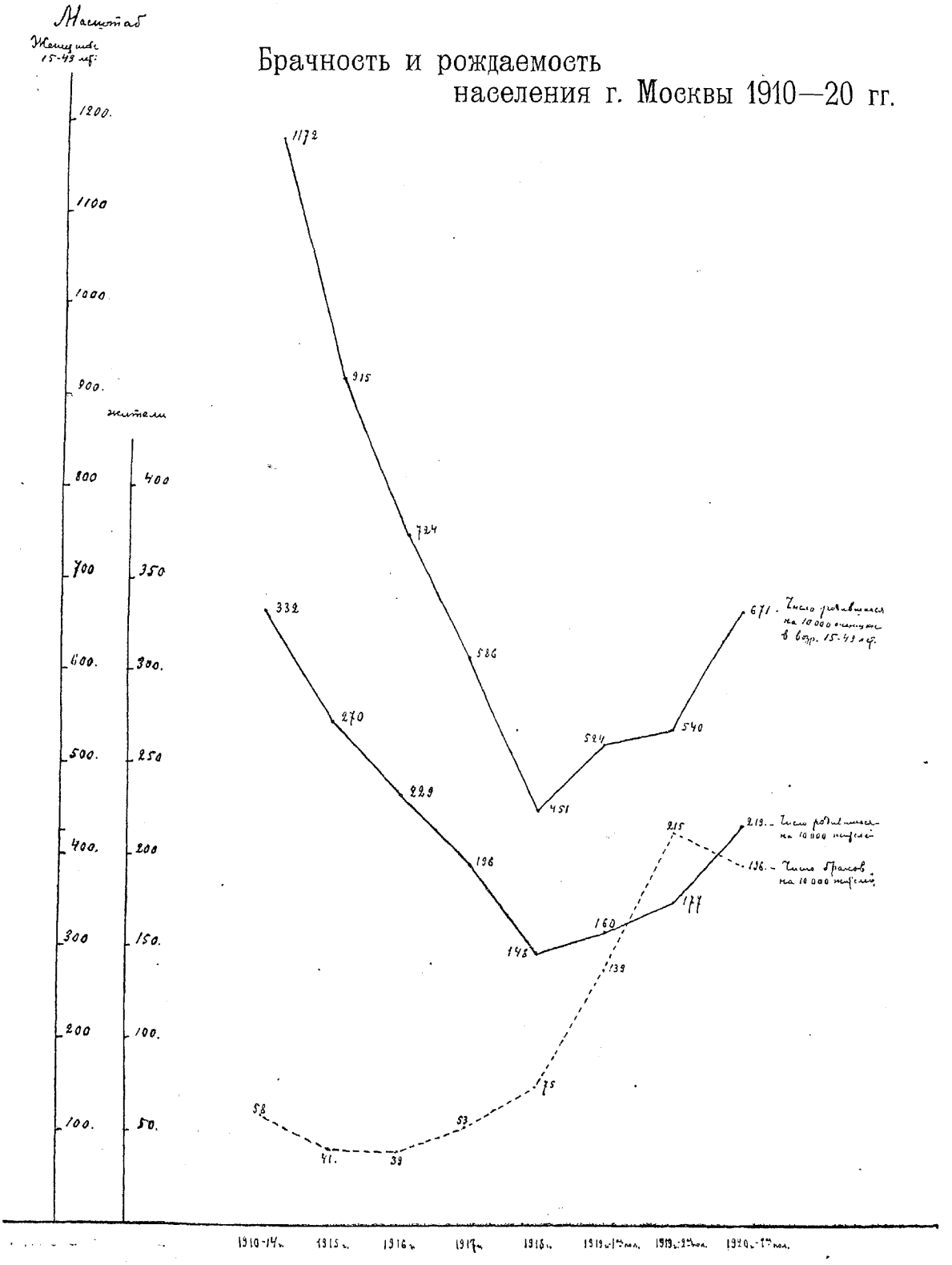
Смертность от старческой дряхлости в Петербурге, примерно, на $^1/_4$ выше, чем в Москве, но детские заразные болезни свирепствуют там со вдвое большей си-

лой. Точно так же и желудочно-кишечный катар, при почти одинаковой рождаемости в обоих столицах, в Петербурге поражает вдвое больше детей, чем в Москве. Дизентерия свирепствовала на берегах Невы вчетверо сильнее, чем у нас, а холерная эпидемия по обычаю развилась в Петербурге до сравнительно крупных размеров. Но особенно важно отметить две последние группы причин смерти, в Москве почти совершенно отсутствующие, а именно, цынгу и смерть от голодного истощения. Колоссальная разница смертности населения в Петербурге и в Москве в весьма значительной степени обусловливается именно лучшим положением вопроса о питании жителей в нашей столице.

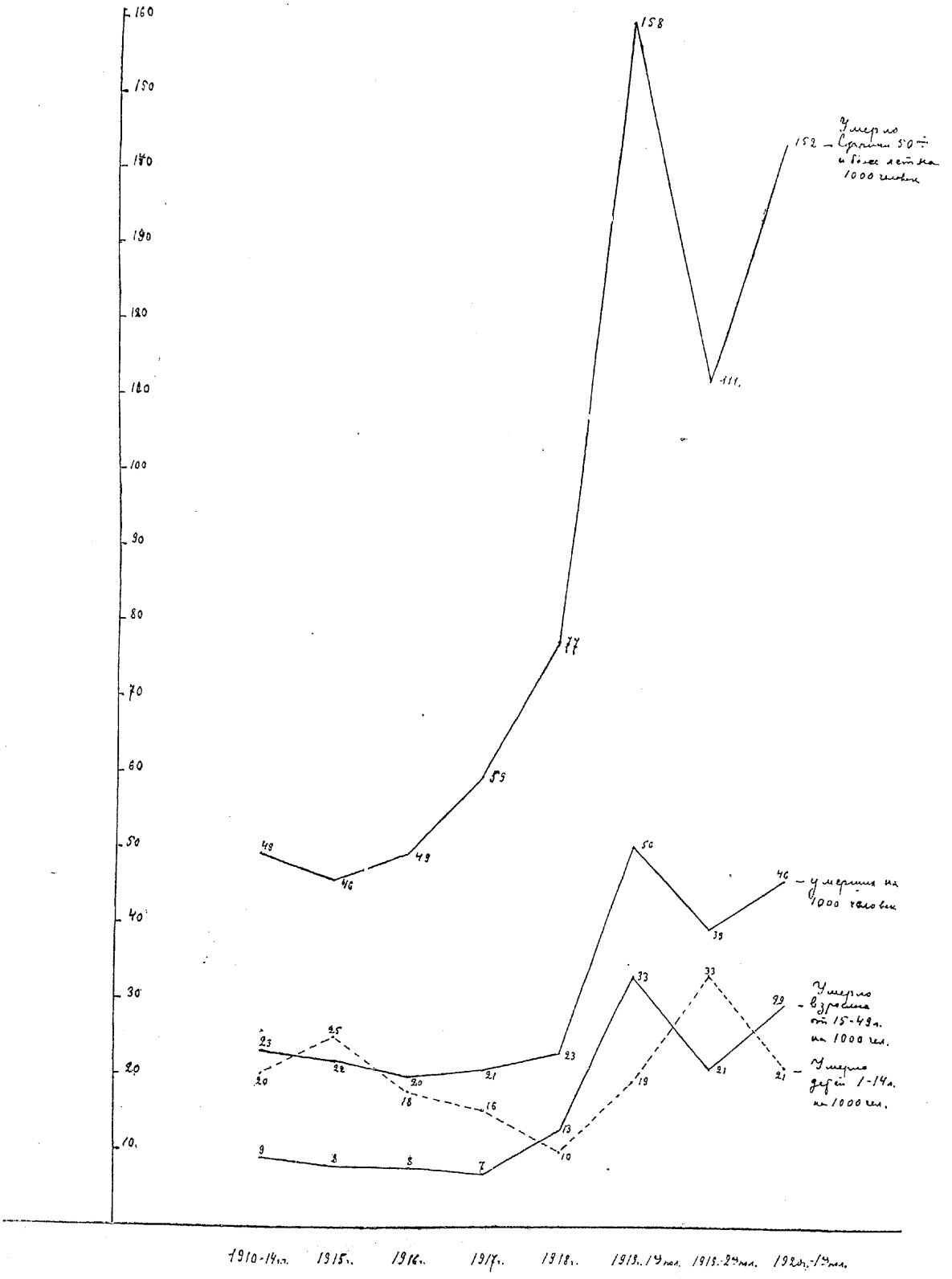
Москва пережила чрезвычайно тяжелое время, когда смерть косила десятками тысяч жертвы. Но мы видели, что эти жертвы зависели прежде всего от общих условий войны и даже мировой жизни, вызвавших одновременное нашествие на древнюю столицу двух свирепых

врагов—сыпнотифозного и испанского бациллов. Если бы не эти воистину независящие от человеческой воли условия, повышение смертности в Москве не было бы таким исключительным. Обнадеживающие признаки можно усматривать и в несомненном понижении смертности московского населения в текущем году. В первое полугодие 1920 г. смертность в Москве равнялась 46 на 1000 вместо 50 в прошлом году за то же время. По сведениям местных загсов, в третьей четверти текущего года смертность в Москве продолжала понижаться. С июля по сентябрь 1920 г. в Москве умерло 7380 человек, что при населении в 1.105.000 человек (постоянного населения) равносильно годичной смертности в 27 на 1000, а в соответствующие месяцы 1919 г. умерло 10.002 человека, так что смертность достигала 30 на 1000. Без сомнения, впереди еще много тяжелых недель и месяцев, но самая грозная пора уже осталась позади.

Брачность и рождаемость населения г. Москвы 1910—20 гг.

Смертность населения г. Москвы 1910—20 гг.

Питание московского населения по данным специальных обследований 1918—1920 гг.

Приведенный в статье «Деятельность Моск. Потребит. Общества» цифровой материал обнаружил, что распределенные продорганами в 1920 г. продовольственные продукты не могли вполне удовлетворить потребности московского населения и что поэтому последнему приходилось поддерживать нормальное питание путем постоянного приобретения добавочных продуктов на частном рынке.

Каково же было *фактическое* потребление московского населения безотносительно к источникам его получения? Какие продукты преимущественно приобретались в дополнение к снабжению продорганами? В какой степени и какими способами достигалось фактическое удовлетворение потребностей населения? Освещение этих вопросов составляет задачу настоящей статьи.

Материалом для статьи послужили специальные обследования питания, периодически производившиеся путем массового опроса представителей различных классов московского населения. Первое из этих обследований было сделано под руководством А. Е. Лосицкого в мае 1918 г.; последующие производились столичным Стат. отделом по заданиям Центр. Стат. Упр. в апреле, июне, июле, декабре 1919 г. и, наконец, последнее в мае 1920 г.

I.

Первая из перечисленных анкет ставила своею главною задачею определение хлебного довольствия, однакоже обследование попутно осветило также вопрос о потреблении других продуктов питания.

Данные анкеты охватывают четыре месяца (январь—апрель стар. стиля 1918 года) и таким образом заканчиваются по новому стилю половиной мая 1918 года. Получено 778 ответов, из них забраковано 75, пущено в разработку 703. Разработанные ответы касаются 586 семей (83,3%) и 117 (16,7%) одиночек, считая в том число и имеющих семью в деревне; при этом 290 ответов принадлежат рабочим разных категорий (включая сюда 18 ответов прислуги, швейцаров и дворника), а 413—лицам прочих профессий из самых разнообразных слоев населения. Сведения относятся к 2704 душам с 325.079 днями довольствия и таким образом достаточны для устойчивых выводов, а разнообразие обследованных слоев позволяет распространить полученные выводы на все московское население.

Остановимся прежде всего на размерах потребления важнейших продуктов питания московским населением, а затем перейдем к вопросу об источниках снабжения этими продуктами.

Первый факт, который надлежит здесь отметить, это—*недостаточность хлебного довольствия московского населения в первой половине 1918 года* (январь—апрель месяцы).

Речь идет здесь не только о хлебе, получаемом по карточкам, о чем сказано будет далее, а обо всем хлебном довольствии, из каких бы источников хлеб ни получался.

Недостаточность хлебного довольствия устанавливается путем сравнения действительного потребления хлеба с нормой его достаточного потребления.

Имеется 591 ответ о том, какое количество хлеба признавалось «достаточным», при условиях питания начала 1918 года, по отзывам опрашиваемых. Ответы лиц, не достигших достаточного потребления, несколько высоки, оттого ли, что они говорят о норме достаточного хлебного снабжения, как о теоретической норме, утратив реальное представление о том количестве хлеба, которым можно удовольствоваться («голодному больше есть хочется»), оттого ли, что на почве недостаточного хлебного снабжения в организме образовался известный дефицит, до пополнения которого требуется повышенная норма питания, или от менее обильного снабжения этих семей и прочими продуктами, кроме хлеба, отчего их потребность в хлебе должна была повыситься. Более скромны ответы, касающиеся семей, снабжение которых хлебом, по их отзывам, было достаточным.

Следует отметить, что в связи с семейным составом хозяйствующих единиц, в связи с большим количеством женщин и детей и с большей экономией в расходовании продуктов в семейных хозяйствах, одиночкам требуется для своего пропитания по расчету на душу больше хлеба, чем семейным, а среди семейных надо различать семьи без детей от семей с детьми, и особенно с большим количеством их, при чем у этих последних семей нормы всего ниже. Для упрощения изложения мы будем различать далее лишь одиночек

и семейных. По безусловно полным ответам, касающимся семей, которые считают свое хлебное снабжение достаточным, на 1 душу надо в день фунтов хлеба:

	У рабочих.	У нерабочих.
Одиночкам.	1,80	1,25
Семейным.	1,31	1,07
Вообще.	1,35	1,08

Среднее фактическое потребление ниже этих наиболее скромных норм, и таким образом оно было безусловно недостаточным. Оно равнялось (фунтов в день на душу):

	У рабочих.	У нерабочих.
Одиночки.	1,23	0,78
Семейные.	0,93	0,75
Вообще.	0,95	0,75

В круглых цифрах действительное потребление рабочего населения Москвы равнялось в начале 1918 года одному фунту хлеба в день, нерабочих—трем четвертям, а населения вообще—семи восьмым фунта, тогда как по скромной норме ему требовалось $1^1/_4$ фунта. Таким образом, действительное среднее потребление хлеба московским населением было ниже нормы, примерно, на 30%. Вместе с тем оно было ниже средних цифр потребления хлеба, которые дали исследования 1919 и 1920 годов.

Второй крупнейшей особенностью московского потребления в 1918 году была его *крайняя неравномерность.*

Уже из приведенных цифр видно, что только меньшая доля потребности в хлебе удовлетворялась через продовольственные органы, а именно, около трети действительного потребления и лишь около одной четверти нормы. Остальное количество добывалось всякими иными способами и прежде всего покупками на «вольном» рынке. Однако, не всем удавалось достать хлеб помимо пайка в достаточном количестве, и потребление хлеба при создавшихся условиях было крайне неравномерным. 17% обследованного населения потребляло от $^1/_4$ до $^1/_2$ фунта хлеба в день на душу, 29%—от $^1/_2$ до $^3/_4$ фунта, 28%—от $^3/_4$ до 1 фунта, 21%—от 1 до $1^1/_2$ фунтов и 4%—свыше $1^1/_2$ до $2^1/_2$ и более фунтов в день на душу. Maximum превышал minimum в 10—12 раз. Указанная неравномерность наблюдается как у рабочего, так и у нерабочего населения, при чем крайние группы были довольно многочисленны. Такие резкие различия в столь значительных размерах едва ли встречались в период отсутствия государственной регулировки снабжения. Надо, впрочем, отметить, что рабочие потребляли хлеба больше прочего населения, и среди потреблявших менее одного фунта рабочие составляли $^2/_5$, а прочее население $^3/_5$, среди потреблявших более одного фунта отношение было обратное, т.-е. рабочих среди них было $^3/_5$, а нерабочих было $^2/_5$.

Сравнительно невелико было также в начале 1918 г. потребление продуктов, непосредственно заменяющих хлеб,—картофля, с одной стороны, круп, риса и бобовых—с другой. Учитывая потребление из запасов и покупку, как из городских лавок, по нормированным ценам и по карточкам, так и на вольном рынке, получим следующие средние размеры потребления этих продуктов по расчету на душу в день (фунтов):

	Картофель.		Крупы, рис, бобовые.	
	У рабочих.	У нерабочих.	У рабочих.	У нерабочих.
Одиночки. . . .	0,70	0,36	0,07	0,11
Семейные. . . .	0,51	0,58	0,06	0,08
Вообще . .	0,52	0,57	0,06	0,08

Переводя все учтенные продукты на калории, мы получим следующие величины по расчету на одну душу в день:

	У рабочих.	У нерабочих.
Одиночки	1152	796
Семейные	876	792
Вообще.	892	792

Беря среднее потребление для всего населения вообще (как рабочего, так и нерабочего) и переводя его на взрослого едока-работника (коэффициент перевода—1,33), мы получаем величину 1120 калорий; прибавляя на неперечисленные продукты еще 50% учтенной величины, т.-е., несомненно, преувеличивая общее питание, можно признать, что максимальная средняя величина потребления московского населения достигала едва 1700 калорий в день по расчету на взрослого едока. Если мы предположим даже, что ответы, полученные при анкете, преуменьшены на 10%, что при благоприятном отношении населения к анкете мало вероятно, указанная величина не достигнет 1900 калорий в день в среднем. Величина эта чрезвычайно мала, она не обеспечивает производства даже легкой работы и показывает, что значительная часть московского населения в это время, несомненно, голодала.

В наиболее тяжелом положении были, конечно, те семьи, как рабочие, так и нерабочие, главы которых в продолжение изучаемого периода оставались более или менее продолжительное время без работы. Так, в семьях рабочих, имевших все время работу, потребляли в среднем 0,97 фунта на душу в день, а в семьях рабочих, оставшихся на то или другое время без работы, среднее душевое потребление хлеба понижалось до 0,78 фунта в день, т.-е. было на 20% ниже. У нерабочих также наблюдалось подобное различие, но в меньшем размере.

По количеству потребляемого хлеба из рабочих в лучшем положении были машинисты, шоферы, электромеханики, рабочие парфюмерных фабрик, железнодорожные рабочие, литографы, печатники, дворники, швейцары. Эти группы, составлявшие 16% всех опрошенных рабочих, потребляли от 1,08 до 1,76 фунта в день на душу. Наоборот, хуже других питались следующие группы, составившие 24% общего количества опрошенных рабочих: белошвейки и разные другие рабочие на текстильных ф-ках (кроме прядильщиков, ткачей и красильщиков), рабочие торговых контор, рабочие на кондитерских ф-ках, прачки, домашняя прислуга и безработные; у этих групп потребление хлеба понижалось до 0,44—0,81 фунта в день на душу. Остальные рабочие (60% опрошенных) занимали среднее положение и потребляли от 0,85 до 1,06 фунта в день. Из нерабочих лучше других питались (0,85 — 1,01 фунта в день) директора, управляющие, домовладельцы, купцы, служащие торгово-промышленных предприятий, профессора, педагоги и прочие лица либеральных профессий, но они составляли всего 12% общего числа опрошенных нерабочих; питавшиеся плохо (смешанная

группа) составляли также 12%; бывшие в среднем положении (от 0,68 до 0,83 фунта в день на душу) составляли 76% общего числа опрошенных нерабочих. Приблизительно то же распределение потребления наблюдается и среди одиночек. Такое распределение обследованных по группам, с преобладанием средней группы, свидетельствует также и об устойчивости полученных данных.

Существовавшее в первой половине 1918 года фактическое потребление хлеба большинством опрашиваемых признавалось недостаточным (79,3% общего количества ответов у рабочих и 79,4% у нерабочих); достаточно оно было лишь у 9,3% рабочих и 13,1% нерабочих; 11,4% рабочих и 7,5% нерабочих не дали ответа по этому вопросу. Такое неудовлетворительное питание отражалось на работоспособности, силе и здоровье населения: 80,6% рабочих и 80,3% нерабочих семей с неудовлетворительным хлебным снабжением определенно указали, что такое вредное влияние наблюдалось, и только меньшинство (19,4 и 19,7%) отрицали его или не ответили на поставленный вопрос.

Переходим к вопросу об источниках снабжения хлебом.

Указанное недостаточное снабжение лишь в незначительной степени обеспечивалось «пайковым» хлебом, выдаваемым по карточкам от городского продовольственного комитета. Большая часть этого снабжения обеспечивалась хлебом, приобретаемым на нерегулированном, «вольном» рынке. Значение пайкового хлеба и для рабочего и для нерабочего населения выражалось в замечательно постоянных величинах, несколько превышавших $^1/_3$ общего хлебного снабжения, а именно, составляло 36% его, тогда как хлеб и мука, приобретенные на «вольном» рынке, составляли 64% общей величины снабжения. По отношению же к норме достаточного потребления снабжение по карточкам составляло лишь одну четверть (25,6%). Значение пайкового хлеба еще понижалось примесью в него большого количества суррогатов, составивших за первую половину 1918 года 16,6% (см. вступительную статью Г. В. Шуба к книге Кабо «Потребл. городск. насел. России»).

Среди всех способов приобретения муки и хлеба безусловно господствовала покупка на «вольном» рынке, при чем наиболее распространена была не покупка печеным хлебом, а покупка мукою. К покупке мукою, как это видно из анкеты, прибегало 80% московских хозяйств. Среди рабочих покупка муки была даже более распространена, что отчасти объясняется теми преимуществами, которыми пользовался рабочий класс. Так, например, рабочие текстильных фабрик, получая мануфактуру в качестве дополнительного вознаграждения, использовали ее для приобретения муки, либо первоначально обращая ее в деньги, либо прибегая к натуральному обмену; железнодорожные рабочие и служащие использовали для поездок за продуктами так называемые провизионные карточки и т. д. Как бы то ни было, среди рабочих 85% прибегали к покупке муки, а среди прочего населения—только 78%. Покупки эти шли чрезвычайно регулярно и распределялись по месяцам почти равномерно.

К покупке печеного хлеба и сухарей прибегали $^2/_5$ московского населения (39%), так что они распространены вдвое реже покупок мукою; по количеству же потребленного хлеба этот источник имеет в 8—10 раз меньшее значение, чем покупка муки. Хлеб (не по карточкам) при столовании в столовых получался членами 17% рабочих и 43% нерабочих семей (32% общего числа семей), но по количеству полученного хлеба этот источник играл ничтожную роль (0,7 у рабочих и 2,5% у нерабочих). Втрое большую, но также незначительную роль играли другие способы приобретения муки и хлеба (получки почтою, с оказией, поездками и т. д.), хотя ими пользовались 27% опрошенных семей.

Из общей массы потребленного хлеба на хлеб из покупной муки и на покупку печеного хлеба и сухарей приходилось 57% (59% у рабочих и 56% у нерабочих), т.-е. в $1^1/_2$ раза больше, чем на хлеб по карточкам, а на прочие способы приобретения муки и хлеба 7% общей массы потребленного хлеба (5% у рабочих и 8% у нерабочих).

Заслуживают упоминания данные о запасах муки и сухарей.

Учитывая тяжелое продовольственное положение столицы, население прибегало к сокращению потребления и стремилось к образованию некоторых запасов. Поэтому запасы муки имелись у очень многих московских семей и, в частности, у многих из опрошенных. Однако, у населения не было уверенности в своем праве пользоваться сделанными запасами. При таких условиях невозможно было требовать, хотя бы и в анонимной анкете, показаний о количестве хранящейся у населения муки. Однако, добровольные ответы такого рода давались довольно часто, а иногда к определению запасов можно было подойти по совокупности других данных бланка.

Таким образом, имеющиеся данные о запасах дают преуменьшенное понятие об этом явлении. Тем не менее, и эти данные не очень малы. Запасы муки имели около 20% рабочих семей и около 40% нерабочих, при чем средние размеры запасов у рабочих (66 фунтов) были выше, чем у нерабочих (49 фунтов). Запасы сухарей имели $6^1/_2$% рабочих (по 22 фун.) и 13% нерабочих (по 16 фун.). В действительности запасы имелись в это время, вероятно, по крайней мере, у половины московского населения. Показанные к концу периода обследования видимые запасы муки и сухарей значительно ниже начальных и, несомненно, имевшиеся запасы таяли, но мы все же можем их рассматривать как довольно обширный резервуар, регулировавший снабжение значительной части населения.

Приведенные данные полезно дополнить сведениями о ценах, по которым приобретался хлеб в первой половине 1918 года. Ржаной хлеб по карточкам приобретался в январе по 33 коп., в феврале по 34 коп., в марте по 38 коп. и в апреле по 41 коп. за фунт, и таким образом мука в карточном хлебе обходилась по 20 руб. за пуд. На «вольном» рынке, при покупке у мешочников, цены стояли в 5—8 раз выше. В январе ржаная мука при покупках в Москве обходилась в среднем по 109 руб. за пуд, в феврале—128 руб., в марте—147 руб. и апреле—164 руб., а в среднем около 137 руб. за пуд. Применяя эту цену ко всем приобретениям помимо карточек, получаем, что в среднем потребленный хлеб

обошелся московскому населению по 95 руб, т.-е. в 5 раз дороже, чем при нормированной продаже.

II.

При общей недостаточности данных о состоянии питания московского населения в 1917—1918 году, использованная выше анкета несколько освещает это состояние за довольно продолжительный и самый острый период этого года. На основании этих данных мы можем мысленно представить себе дальнейший ход снабжения до 1919 года: недостаточное, несмотря на некоторые улучшения, снабжение через продорганы, при возможности находить на рынке недостающие продукты, правда, по дорогим и все растущим ценам; возможность для значительных слоев населения регулировать свое потребление при помощи имеющихся запасов; тяжелое продовольственное положение слоев, не имевших возможности в достаточной степени прибегать к помощи «вольного» рынка; временное улучшение питания, благодаря появлению сезонных продуктов—молока и овощей; наконец, реализация нового урожая и новый продовольственный период, ознаменовавшийся, по общему признанию, колоссальным развитием мешочничества, отчасти в организованном виде,—вот известные нам черты, которые довольно полно характеризуют ход снабжения за это время.

В 1919 году, как указано выше, организовано было четыре специальных обследования питания московского населения. Апрельское обследование 1919 года было самым обширным из всех предпринимавшихся исследований этого рода как по своему плану, так и по числу затронутых описанием хозяйственных единиц. Приняты были меры к широкому оповещению населения о целях исследования и к приобретению доверия опрашиваемых к предпринятой работе. Показания давались только желающими и вполне добровольно, что в значительной степени гарантировало их точность и правдивость, тем более, что бланки были анонимны. Для помощи населению организован был кадр регистраторов, работавших под руководством инструкторов.

Частные хозяйства были опрошены об условиях их питания за месяц, предшествовавший опросу, и, кроме того, были поставлены текущие записи о приобретении продуктов и использовании запасов за неделю. Таким образом, ответы по памяти за предшествующий месяц могли быть сопоставлены с данными конкретных текущих записей за более короткий срок. Ответов по бланку А, *т.-е. ответов по памяти* за предшествующий опросу месяц, собрано было при этом обследовании 3176, ответов по бланку Б, т.-е. конкретных записей приобретения продуктов и использования запасов,—1244. Материал относится при обследовании по бланку А к 366.237 дням довольствия, при обследовании по бланку Б—к 36.909 дням довольствия. Кроме того, были обследованы учреждения общественного питания: столовые, школьные завтраки и закрытые учреждения этого рода—больницы, богадельни, приюты, места заключения, казармы и инструкторские курсы Красной армии.

Сравнение данных ответов по памяти за предшествующий месяц и конкретных записей за недельный срок дало вполне удовлетворительные результаты. Конкретные текущие записи, что и понятно, дали даже несколько более полный учет потребления. Поэтому при последующих обследованиях Отдел статистики потребления Ц. С. У. остановился на методе конкретных записей и вместе с тем, в виду устойчивости полученных выводов, сократил число опрашиваемых хозяйств. В июне было обследовано 342 хозяйства, а в июле 396 хозяйств (9383 и 11.099 дней довольствия).

Остановимся прежде всего на вопросе о составе обследованного населения и о формах, в которых оно удовлетворяет свои пищевые потребности. Этот вопрос всего подробнее можно выяснить по материалам более обширного апрельского обследования.

Одиночки составляли 14,8% общего числа обследованных хозяйств, семейные—85,2% этого числа, при чем—на одиночек в Москве приходится больший % чем во всех городах Советской России вообще (8,6%), но меньше, чем в Петербурге (22,3%). По числу душ на одиночек приходится 3,9% (во всех городах—1.9%, в Петербурге—7,5%).

Обследованное в апреле население следующим образом распределяется по социальным группам (% к общему числу душ семейных хозяйств) [1]).

	Москва.	Петербург.	Все города
Рабочие (имеющие работу). .	42,9	53,7	43,6
Служащие » » .	47,5	29,8	40,1
Лица прочих занятий	9,4	14,9	14,6

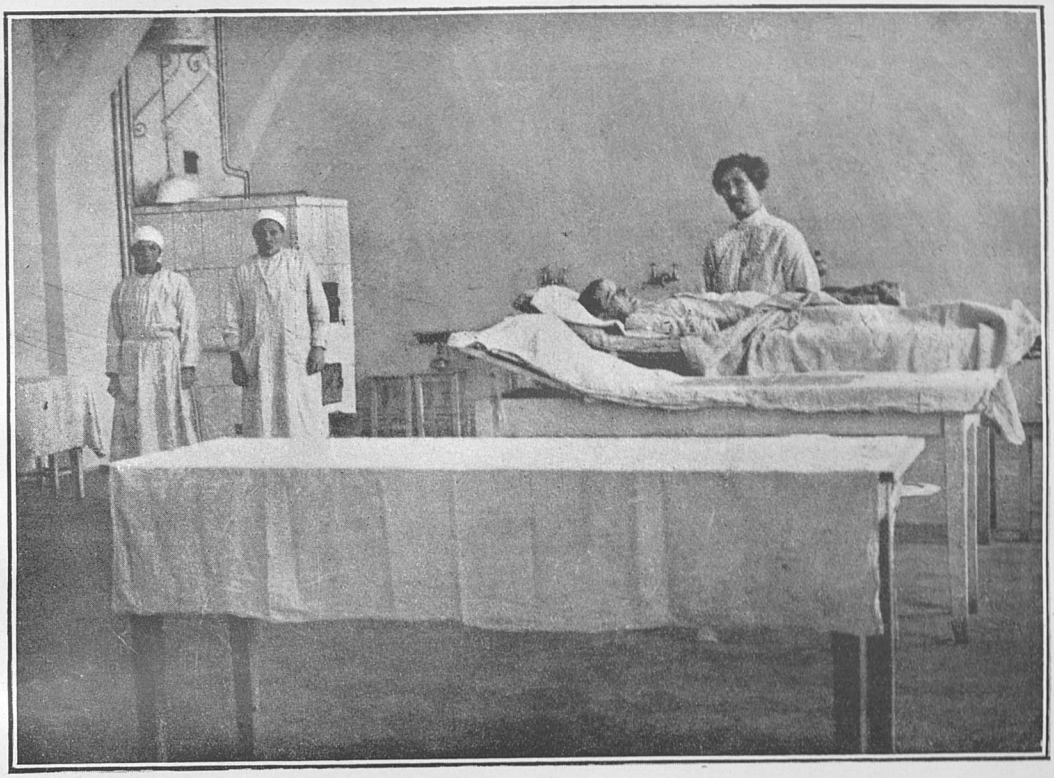
Таким образом, рабочие и служащие представлены в обследованной массе почти равномерно; по сравнению же с прочими городами обследованное в Москве население дает относительно большее число служащих и относительно меньшее число рабочих и особенно лиц прочих профессий. Если взять семейных вместе с одиночками, указанные %% изменятся следующим образом: рабочих 43,2%, служащих—47,4%, безработных (рабочих и служащих) — 0,2%, прочих — 9,2%. По июньскому обследованию на рабочих, имеющих работу, приходится 46,9%, по июльскому—39,9%.

Характерно распределение обследованного населения по формам питания. Распределяя его на две группы—довольствующихся исключительно дома (группа Д) и получающих пищу также со стороны (группа В)—получаем по Москве, по данным апрельского обследования, следующие цифры (число душ):

	одиночки.			семейные.		
	Д	В	% последних.	Д	В	% последних.
Рабочие. . . .	106	137	56%	2245	2667	54%
Служащие. . .	70	140	67 »	2244	3190	59 »
Прочие, кроме безработных.	8	6	43 »	575	502	47 »
Все вообще.	184	285	61 »	5074	6367	56 »

Члены хозяйств, имеющих смешанное питание (т.-е. пользующихся домашней пищей, а также хотя бы отчасти и пищей со стороны), вместе с членами хозяйств, пользующихся исключительно пищей со стороны (т.-е. «в закрытых» или «открытых» столовых или из таковых), уже в апреле 1919 года составляли в Москве некоторое, хотя и незначительное большинство (56% всего населения) по сравнению с членами семей, пользующихся исключительно домашней пищей (44% всего на-

[1]) Недостающие до 100,0% числа представляют из себя безработных.

Московский Туберкулезный институт.—Перевязочная для больных костным туберкулезом.

Московский Туберкулезный институт.—Зал дневного пребывания.

селения). Это не значит, однако, что столование в столовых было господствующей формой питания. Следующие цифры, подсчитанные по бланкам Б, яснее покажут размеры изучаемого явления:

	РАБОЧИЕ. Число душ.	%	НЕРАБОЧИЕ. Число душ.	%
Все обследованные хозяйства.	2041	100,0	3243	100,0
Хозяйства, все члены которых довольствуются исключительно дома. .	1018	49,8	1513	46,7
Хозяйства, члены которых целиком или отчасти пользуются пищей со стороны. . . .	1023	50,2	1730	53,3
Число лиц, довольствующихся вне дома или пользующихся пищей со стороны.	448	21,9	782	24,1

Таким образом, если мы будем считать не все население хозяйств, пользовавшихся пищей со стороны, а лишь лиц, непосредственно получавших таковую со стороны, мы насчитаем их не более 22—24% общего количества населения, тогда как от 76 до 78% населения пользовались исключительно пищей, приготовляемой дома. Если мы к этому прибавим, что и лица непосредственно пользующиеся пищей со стороны, обыкновенно получали еду в столовой один раз в день, т.-е. в ней либо завтракали, либо обедали, а остальную еду получали дома, то реальное значение общественного питания в апреле 1919 года представится нам еще более скромным. Столование на стороне больше было развито среди одиночек, среди которых % столовавшихся на стороне, примерно, в 4—5 раз превышал такой же % среди семейных, а из профессиональных групп столование на стороне чаще всего встречалось у служащих, реже у рабочих и еще реже у прочего населения.

В июне число лиц, довольствующихся вне дома и пользующихся пищей со стороны, составляло среди рабочих и нерабочих по 30,7%, при чем число лиц, получавших на стороне еду более одного раза в день не превышало 3,6%. Из всего обследованного населения завтракали вне дома 10%, обедали вне дома 21%, ужинали вне дома 1%.

В июле потребление вне дома было распространено в следующих размерах: из населения рабочих семей потребляли пищу со стороны 30,0%, в том числе на взрослых, столовавшихся на месте службы, приходилось 6,7%, на взрослых, столовавшихся в столовых—8,5%, на детей, получавших еду в школе—14,8%. Из населения прочих (нерабочих семей) потребляло пищу со стороны—22,3%, в том числе на взрослых, столовавшихся на месте службы, приходилось—6,4%, на взрослых, столовавшихся в столовых—4,7%, на детей, получавших еду в школе—11,2%.

Таким образом, в 1919 году у московского населения *домашне-семейная форма питания безусловно преобладала над всякими иными.* В виду сказанного, а также по статистическо-техническим соображениям учет среднего потребления был основан на данных о питании семей, довольствующихся исключительно дома.

Каков же был уровень питания московского населения за рассматриваемое время?

По расчету на душу вообще, без различия пола и возраста и по переводе потребленных продуктов на калории, дневной рацион москвичей равнялся:

	Рабочих.	Прочих.
В марте 1919 года (бланк А) . . .	1527	1557
» апреле » » (бланк Б) . . .	1567	1644
» июне » » — . . .	1999	2055
» июле » » — . . .	1927	1893

При этом имеются в виду усвояемые организмом калории — нетто, а не брутто.

В виду неодинаковости потребностей лиц разного пола и возраста и разнообразия возрастного и полового состава обследуемых семей, необходимо условиться о приемах приведения населения к одной потребительской единице.

Останавливаясь на распространенной в русской статистической литературе вологодской системе учета потребностей, мы первоначально установили для городского населения при переходе от норм душевого потребления к нормам по расчету на взрослого едока один общий коэффициент, значительно более низкий, чем для сельского населения (а именно—1,32), в виду преобладания в городском населении производительных возрастов. Позднее коэффициент этот стал вычисляться Отделом Статистики Потребления отдельно для каждого города и каждой группы населения, в зависимости от конкретного полового и возрастного состава каждой группы. При этом первоначально установленный коэффициент оказался в общем довольно подходящим для московского населения. Так, для всех семей, обследованных в декабре 1919 года устанавливается коэффициент—1,28, для майского обследования 1920 г.—1,31. Однако, для отдельных групп обследованных семей отклонения довольно значительны, как об этом сказано будет ниже.

Таким образом, среднее дневное потребление московского населения по расчету на взрослого едока в 1919 году равнялось (в калориях):

	У рабочих.	У прочих.
В марте 1919 года (бланк А) . . .	2216	2256
» апреле » » (бланк Б) . . .	2268	2370
» июне » » — . . .	2639	2713
» июле » » — . . .	2544	2499

Считая, согласно с авторитетами физиологии, что пищевые рационы взрослого мужчины до 2.500 калорий в день должны быть характеризованы, как «поддерживающее» питание, т.-е. такое, при котором может находиться в состоянии физиологического равновесия организм, находящийся в состоянии покоя, что рационы от 2500 до 3000 калорий обеспечивают лишь легкую работу, рационы от 3000 до 3500 калорий—среднюю работу и рационы свыше 3500 калорий достаточны для производства более напряженной физической работы, мы должны прийти к следующим выводам.

Население в 1919 году несколько приспособилось к новым условиям снабжения и несколько повысило норму своего питания по сравнению с голодным периодом 1918 года. Тем не менее, в марте—апреле 1919 года московское население получало лишь «поддерживающее»

питание. Летом питание несколько улучшилось, но в это время в июне и в июле—средний дневной паек мог обеспечить только лишь легкую работу. Если при этих условиях население Москвы в массе все же производило довольно значительную работу, то оно могло это делать лишь за счет неприкосновенных запасов своего организма, за счет расщепления белков своего тела, т.-е. за счет своего собственного исхудания.

Что касается сравнения уровня питания рабочих и прочего населения Москвы, то, по сгруппированным выше данным, они были почти одинаковы (разница в среднем по четырем рядам данных всего—1,8% в пользу прочего населения). При этом в июле замечается некоторый уклон в сторону превышения уровня питания рабочих над уровнем питания прочего населения. Если же принять во внимание отмеченный нами в другом месте несколько больший недоучет размеров потребления у рабочих по сравнению с прочим населением, то этот перевес в пользу рабочих в действительности будет еще больше. Тем не менее указанный перевес крайне незначителен и совершенно недостаточен, чтобы обеспечить за рабочим классом ту производительную роль, которую он должен играть в современном обществе.

О составе пищевого рациона московского населения и о способах приобретения продуктов скажем в следующем отделе, совместно для 1919 и 1920 годов, отметив здесь, однако, что указанное выше улучшение питания летом 1919 года не зависит от размеров снабжения продуктами через продорганы, а объясняется совершенно иными причинами.

III.

В декабре 1919 года была обследована 491 семья с 1619 душами обоего пола и 16.102 днями довольствия (текущие записи о приобретении и расходе продуктов велись в течение 10 дней). В мае 1920 года было обследовано 407 семей с 1304 душами и 9049 днями довольствия (записи велись в течение недели). Состав хозяйства по декабрьским данным оказался равным 3,3 души, по майским — 3,2 души. Таким образом, средний состав семьи по этим обследованиям оказался несколько ниже, чем в предшествующем году.

Половой и возрастный состав обследованных семей довольно близок к обычному, что видно из коэффициента перевода норм душевого потребления на потребление взрослого едока. Этот коэффициент, по данным декабрьского обследования, равен (для всех семей)—1,28; по данным майского обследования—1,31. Однако, для отдельных групп обследованных семей отклонения довольно значительны, особенно в сторону понижения коэффициента, от 1,2 до 1,32.

Формы питания в 1919—1920 году подверглись дальнейшим и весьма существенным изменениям, как это видно из следующих данных.

Население, обследованное в декабре 1919 года, по формам питания распределялось следующим образом (число душ):

Число душ в семьях группы Д . . .	593	36,6%
» » » » В . . .	1027	63,4 »
Всего . . .	1620	100,0 »

потребляли пищу со стороны:		
Взрослые на службе и со службы . .	178	11,0%
» из столовых	81	5,0 »
Дети в школе и из школы	182	11,2 »
» из столовых	82	5,1 »
Итого	523	32,3 »

По данным майского обследования указанное распределение представляется в следующем виде:

Число душ в семьях группы Д . . .	276	21,2%
» » » В . . .	1028	78,8 »
Всего . . .	1304	100,0 »
потребляли пищу со стороны:		
Взрослые на службе и со службы . .	326	25,0%
» из столовых	90	6,9 »
Дети в школе и из школы	56	4,3 »
» из столовых	153	11,7 »
Итого	625	47,9 »

Как видно из приведенных данных, относительное значение семей, члены которых целиком или отчасти пользуются пищей со стороны, становится все более и более значительным. В апреле 1919 года % их равнялся 56, в декабре он поднялся до 63,4, а в мае 1920 года—до 78,8% общего количества обследованного населения. С такой же быстротой растет и число лиц, непосредственно потребляющих пищу из общественных столовых. В апреле 1919 года число их равнялось 23%, в июне—30,7%, в декабре—32,3%, а в мае 1920 года 47,9% обследованного населения. Точно так же растет и количество порций, получаемых из общественных столовых, по расчету на всю массу обследованного населения. На одну душу обследованного населения приходилось порций в день:

	В декабре.	В мае.
Горячего	0,25	0,41
Прочего.	0,09	0,34

Как видно из приведенных цифр, особенно увеличилось количество вторых порций—с 0,09 до 0,34, т.-е. почти в 4 раза, тогда как количество порций горячего возросло с 0,25 до 0,41, т.-е. в 1,6 раза.

Разница между отдельными группами населения по отношению к пользованию пищей из общественных столовых представляется в следующем виде:

Группы.	Пользовались пищей из общественных столовых в %% ко всему населению: В декабре.	В мае.
Рабочие.	32,8	49,1
Служащие.	35,2	48,9
Прочие	16,7	25,4
В среднем	32,3	47,9

Таким образом, в мае месяце рабочие и служащие совершенно сравнялись по отношению к размерам пользования общественными столовыми. Прочие группы населения пользовались ими в значительно меньшем размере.

По предварительным данным, относящимся исключительно к семьям группы Д, уровень питания москов-

ского населения в декабре 1919 года и в мае 1920 года представляется в следующем виде:

	Калорий в день. На душу.	Коэффициент для перевода на едока.	На едока.
РАБОЧИЕ:			
В декабре 1919 года .	2345	1,19	2791
» мае 1920 » .	2621	1,30	3407
СЛУЖАЩИЕ:			
В декабре 1919 года .	2011	1,20	2413
» мае 1920 » .	2195	1,30	2854

Поскольку можно доверять этим данным, особенно майским, относящимся к не особенно большому числу семей, уровень питания в 1919—20 г. несколько улучшился против предыдущего года. Дневное довольствие служащих обеспечивает, по крайней мере, легкую работу, паек рабочих в декабре обеспечивает также только легкую работу, а в мае может считаться достаточным и для производства более или менее напряженной физической работы. Вместе с тем с полной определенностью обнаруживается превышение пайка рабочих над пайком служащих, наметившееся еще в июле 1919 года, тогда как до того времени рабочие довольствовались хуже. Перевес этот составлял в декабре 1919 года 16%, а в мае 1920 года—19%.

Несмотря на количественное увеличение пищевого пайка московского населения, состав его был крайне однообразен, при чем в этом отношении в 1919—20 году замечается дальнейшее ухудшение, особенно в декабре 1919 года. Из общего количества усвояемых калорий приходилось на пищу животного происхождения:

	У рабочих.	У прочих.
В марте 1919 года.	9,1%	13,9%
» апреле » »	14,9 »	13,2 »
» июне » »	13,7 »	15,1 »
» июле » »	9,5 »	12,8 »
» декабре »	1,8 »	5,9 »
» мае 1920	7,0 »	10,7 »

Количество основных питательных начал в дневном рационе, в граммах, по расчету на взрослого едока составляло:

	Белков.	Жиров.	Углеводов.
У РАБОЧИХ.			
В марте 1919 года. . . .	54,6	30,9	366,0
» апреле » » . . .	64,7	37,6	353,9
» июне » » . . .	73,7	47,0	462,9
» июле » » . . .	59,4	41,7	466,6
» декабре » » . . .	67,0	20,5	566,9
» мае 1920 » . . .	90,6	44,3	646,3
У ПРОЧИХ.			
В марте 1919 года. . . .	60,1	38,7	353,0
» апреле » » . . .	68,8	44,1	360,4
» июне » » . . .	71,9	53,1	469,1
» июле » » . . .	67,8	41,1	446,1
» декабре » » . . .	60,6	26,5	466,8
» мае 1920 » . . .	76,3	36,7	534,6

Основные питательные начала животного происхождения составляли следующую долю (в %%) общего количества питательных начал каждой группы в отдельности, т.-е. белков, жиров и углеводов.

	% питательных начал животного происхождения. Среди белков.	Среди жиров.	Среди углеводов.
У РАБОЧИХ.			
В марте 1919 года. . .	35%	33%	0,7%
» апреле » » . .	43 »	52 »	0,9 »
» июне » » . .	29 »	57 »	1,1 »
» июле » » . .	14 »	49 »	0,8 »
» декабре » » . .	6 »	17 »	0,1 »
» мае 1920 » . .	15 »	49 »	0,7 »
У ПРОЧИХ.			
В марте 1919 года. . . .	43%	45%	1,2%
» апреле » » . . .	45 »	56 »	1,2 »
» июне » » . . .	29 »	61 »	1,4 »
» июле » » . . .	28 »	58 »	1,2 »
» декабре » » . . .	11 »	43 »	0,4 »
» мае 1920 » . . .	21 »	64 »	1,0 »

Как видно из приведенных данных, % калорий животного происхождения во всей пище крайне не велик и колеблется у рабочих от 1,8% до 14,9%, у прочих от 5,9% до 15,1%. Он значительно ниже у рабочих, чем у прочего населения, и особенно мал в декабре, когда понижается до 2% у рабочих и до 6% у прочего населения.

Декабрь 1919 года заслуживает быть особенно отмеченным по однообразию пищи и по бедности ее продуктами животного происхождения, а так же наиболее ценными основными питательными началами, в особенности жирами, при сравнительном обилии объемистых веществ, богатых углеводами.

Что касается количества основных питательных начал, то их необходимо сопоставить с нормальными количествами таковых по указаниям физиологии. Исходя из нормы в 3000 калорий и отводя надлежащую долю белкам вообще и в частности белкам животного происхождения, а также и жирам, желательное количество основных питательных начал в пайке взрослого мужчины среднего веса при среднем труде можно считать равным следующим величинам: 105 граммов белков (в том числе 35 граммов белков животного происхождения), 55 граммов жиров и 502 грамма углеводов. По сравнению с этими нормами рацион московского населения отличается бедностью белками и жирами, особенно последними, при сравнительном обилии углеводами. В декабре 1919 года в пище рабочих по сравнению с нормой не хватало 36% белков, 63% жиров, а в пище прочего населения—42% белков и 52% жиров, при достаточном или почти достаточном количестве углеводов. В мае 1920 г. положение изменилось к лучшему, и рабочим не хватало лишь 14% белков и 20% жиров, при избытке углеводов в 29%, в пище остального населения недочет белков понизился до 27% и жиров—до 33%, углеводов же появился небольшой избыток в 6%.

Чрезвычайно интересно сопоставить среднее количество потребляемых продуктов, выведенное по данным обследования 1919 и 1920 годов, с нормами потребления в прежнее время. Следует при этом заметить, что довоенные цифры и цифры первых годов войны получены разными путями и потому могут быть сравниваемы между собою и с цифрами 1919—20 годов лишь с известными оговорками. Для потребления прежнего времени

Среднее дневное потребление продуктов населением Москвы в 1919—1920 годах и в прежнее время.

В фунтах, по расчету на 1 мужчину в рабочем возрасте.

Время и род данных.	Хлеб печеный.		Крупы и рис.		Картофель.		Мясо и рыба.		Жиры [1].		Сахар.		Соль.	
	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.	Фунтов.	% от норм.
А. Прежние данные.														
1908 — 12 г. привозу и вывозу	2,09	100	0,26	100	0,36	100	0,86	100	?	—	0,29	100	0,19	—
1909—11 г. артельное харчевание	2,63	126	0,36	138	0,48	133	0,44	52	0,13	100	?	?	0,085	100
1916 г. анкета о питании	1,74	83	0,33	127	1,34	372	0,47	55	0,14	108	0,25	86	0,057	67
Б. Семейные рабочие в 1919—20 г.														
1919 г. март	1,64	78	0,045	17	1,28	356	0,266	31	0,046	35	0,036	12	0,055	65
апрель	1,53	73	0,083	32	1,18	328	0,466	54	0,046	35	0,053	18	0,053	62
июнь	1,76	84	0,236	91	1,09	303	0,268	31	0,067	52	0,053	18	0,081	95
июль	1,84	88	0,172	66	1,34	372	0,125	15	0,067	52	0,050	17	0,050	59
декабрь	2,06	99	0,317	122	1,63	453	0,052	6	0,020	16	0,088	30	0,049	58
1920 г. май	2,24	107	0,580	223	1,43	397	0,178	21	0,062	48	0,042	14	0,059	69
В. Прочие семейные 1919—20 г.														
1919 г. март	1,43	68	0,083	32	1,25	347	0,355	41	0,061	47	0,036	12	0,054	63
апрель	1,43	68	0,128	49	1,17	325	0,480	56	0,061	47	0,053	18	0,055	65
июнь	1,67	80	0,264	102	1,22	339	0,232	27	0,084	65	0,053	18	0,053	62
июль	1,65	79	0,242	93	1,14	317	0,242	28	0,058	45	0,050	17	0,042	49
декабрь (служ.)	1,62	78	0,268	103	1,55	430	0,071	8	0,037	28	0,042	14	0,040	47
1920 г. май (служ.)	1,89	90	0,463	178	1,02	283	0,105	19	0,046	35	0,042	14	0,060	71

мы можем использовать данные трех родов: 1) нормы потребления, выведенные при помощи учета привоза и вывоза разных продуктов, и потому заключающие в себе, помимо прямого потребления на пропитание столичного населения, еще и долю, падающую на потребление этих припасов в различных промышленных предприятиях (см. «Труды статистического отдела М. Г. У.», вып. IV, о «Потреблении важнейших продуктов массового обихода в Москве». М. 1918). Мы пользовались этими данными за пятилетие 1908—1912 годов. 2) Нормы душевого потребления по анкете 1916 года, аналогичные данным новых обследований питания (там же: «Предварительные данные продовольственной анкеты»), и 3) нормы потребления рабочих артелей по работам И. М. Козьминых-Ланина. Для большей сравнимости мы выражаем все эти данные в фунтах по расчету на взрослого едока в день. Потребление хлеба учитывается в виде печеного хлеба, если оно регистрировалось в этом виде, а потребление муки переводится в хлеб, по тем нормам, которые признавались в то время отвечающими качеству потребляемой муки (50% припека для ржаной муки и 25% для пшеничной). (См. таблицу выше.)

Как видно из приведенных данных, современное питание отличается не только своей недостаточностью, но еще более своим однообразием. Потребление некоторых и наиболее ценных продуктов упало до минимума. Так, потребление мяса и рыбы сократилось более чем в три раза, а в декабре 1919 года—в 12—15 раз против прежнего. Потребление жиров упало в 2½ раза, а в декабре 1919 года в 4—5 раз против прежнего. Потребление сахара уменьшилось, в среднем, по крайней мере, в 7 раз. Потребление хлеба упало уже в 1916 г. на $^1/_6$ ниже норм довоенного времени, а в 1919 г.—даже до $^2/_3$—$^3/_4$ прежнего. Но с конца 1919 г. потребление хлеба рабочим и прочим населением приблизилось к норме, а весной 1920 г. сравнялось с ней. Потребление крупы, понизившееся в 1918 г. и первой половине 1919 г. до незначительных размеров, затем выросло весьма быстро: весной 1920 г. каши москвичи ели вдвое больше довоенного времени. В колоссальной степени (от 3 до 4½ раз) увеличилось потребление картофеля. Таким образом, мы видим уменьшение потребления легко усвояемой и менее объемистой пищи за счет увеличения потребления более объемистых и богатых углеводами продуктов.

Указанное потребление лишь в незначительной степени основывалось на снабжении через продорганы, а в большей своей части покрывалось приобретениями на «вольном» рынке как в Москве, так и вне ее. Данные о снабжении через продорганы мы приведем отдельно для хлеба и муки и отдельно для всех продуктов, взятых вместе. Рабочие и прочее население получало ежедневно следующее количество калорий в хлебе и муке по расчету на душу вообще без различия пола и возраста (в мартовские цифры внесена указанная выше поправка):

	Хлеб и мука. Всего калорий.	В т. ч. по карточк.	%
Рабочие.			
В марте 1919 года (бланк А)	881	304	34,5
« июле » » —	1117	253	22,6
« декабре » » —	1404	460	32,8
« мае 1920 года —	1398	416	29,7
Прочие.			
В марте 1919 года (бланк А)	775	265	34,2
« июле » » —	1004	211	21,0
« декабре » » —	1108	369	33,3
« мае 1920 года —	1193	231	19,4

	Все продукты. Всего калорий.	Через продорганы.	%
Рабочие.			
В июле 1919 года	2544	384	15,1
« декабре » »	2791	730	26,2
« мае 1920 года	3434	653	19,3
Прочие.			
В июле 1919 года	2499	347	13,9
« декабре » »	2413	593	24,6
« мае 1920 года	2854	499	17,5

Снабжение через продорганы по отношению к хлебу и муке значительнее, чем по отношению к прочим продуктам, но и оно крайне невелико: от 23 до 35% для рабочих и от 20 до 33% у прочего населения. Таким образом, «вольным» рынком покрывается от 65 до 80% хлебного снабжения.

Благодаря еще более низкому снабжению прочими продуктами, доля снабжения через продорганы по отношению к общей сумме продуктов представляется еще

[1]) Сало, коровье и постное масло.

более низкой: от 15 до 26% у рабочих и от 14 до 25% у прочего населения.

Снабжение хлебом через продорганы было наиболее значительным в марте 1919 года; оно понизилось до минимума в июле того же года, значительно повысилось, хотя не достигло прежнего относительного уровня, в декабре, и вновь несколько понизилось в мае 1920 г. Тот же характер колебаний отмечен для нормированного снабжения всеми продуктами. Нормированное снабжение рабочих было несколько выше, чем таковое же снабжение прочего населения.

Как видим, значительно большая часть потребления московского населения покрывалась помимо работы продовольственных органов, при этом к услугам «вольного» рынка прибегала большая часть населения, и лишь меньшинство его не пользовалось продуктами, приобретаемыми помимо продорганов. Вот соответственные данные по июльскому, декабрьскому и майскому обследованиям, по отношению к главнейшим продовольственным продуктам — к хлебу печеному и муке. В виду незначительных различий между семьями группы Д и группы В, а также между рабочим и прочим населением, мы даем эти данные по отношению ко всем обследованным семьям, а именно, 396 семьям для июльского обследования 1919 года, 492 семьям для декабрьского обследования того же года и 407 семьям по майскому обследованию 1920 года.

Распределение обследованных семей по способам получения муки и хлеба в % к общему числу хозяйств.

В ИЮЛЕ 1919 ГОДА.	ХЛЕБ. Число семей.	ХЛЕБ. % к общему числу.	МУКА. Число семей.	МУКА. % к общему числу.
Приобретали по карточкам	390	98%	6	2%
Использовали свои запасы	67	17 »	138	35 »
Покупали в Москве по вольн. цен.	170	43 »	69	17 »
Выменивали, получали из других городов и т. д.	79	20 »	74	19 »
В ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА.				
Использовали свои запасы	323	66%	269	55%
Покупали в Москве по вольн. цен.	159	32 »	37	8 »
Выменивали	11	2 »	44	9 »
Получали из др. город. (поездками, почтой) и безденежно	79	16 »	66	13 »

В МАЕ 1920 ГОДА.	ХЛЕБ. Число семей.	ХЛЕБ. % к общему числу.	МУКА. Число семей.	МУКА. % к общему числу.
Использовали свои запасы	94	23%	220	54%
Покупали в Москве по вольн. цен.	110	27 »	8	2 »
Выменивали	18	4 »	15	4 »
Получали из других мест поездками	11	3 »	7	2 »
Получали из других мест посылк. по почте	9	2 »	5	1 »
Получали в дар за работу и вообще безденежно	31	8 »	20	5 »

Сведем полученные данные в одну табличку. Хлеб и муку получали разными способами следующие количества обследованных семей:

	ХЛЕБ ПЕЧЕНЫЙ. VII—1919.	XII—1919.	V—1920.
Использовали свои запасы	17%	66%	23%
Покупали в Москве по вольн. цен.	43 »	32 »	27 »
Приобретали друг. способами	20 »	18 »	17 »
	МУКУ ВСЯКУЮ.		
Использовали свои запасы	35%	55%	54%
Покупали в Москве по вольн. цен.	17 »	8 »	2 »
Приобретали друг. способами	19 »	22 »	12 »

Данные эти показывают не только значительное распространение способов приобретения муки и хлеба помимо продорганов (к услугам «вольного» рынка прибегало не менее $^2/_3$ населения), но и характеризуют те приемы, к которым прибегало население для обеспечения своего пропитания. Особенно характерны данные по отношению к муке, в виде которой приобретается большая часть хлебных продуктов. Мы видим решительное уменьшение числа текущих приобретений муки. Еще в марте 1919 года в Москве покупали муку по вольным ценам 27% обследованных хозяйств; в июле % этот понизился до 17, в декабре до 8, а в мае 1920 г. упал уже до 2%. Точно так же упали текущие приобретения муки другими способами: с 19—22% общего числа обследованных хозяйств до 12%. В то же время решительно растет число случаев использования своих запасов: с 35% общего числа обследованных хозяйств оно возросло до 54—55%. Мы видим, что население старается как можно реже делать свои приобретения на рынке и, по возможности, заблаговременно запасать свое продовольствие. Та же картина, но с некоторыми отклонениями от правильного хода данных наблюдается и по отношению к способам приобретения печеного хлеба.

Деятельность Московского Потребительского Общества.

Московское Потребительское О-во возникло на основании декрета Совета Народных Комиссаров 20 марта 1919 г. и действует по Уставу, утвержденному 30 июля того же года Организационным Собранием Московского Совета, фабрично-заводских комитетов, правлений профсоюзов, уполномоченных М. Ц. Р. К. и представителей О-ва «Кооперация». В том же собрании был избран состав временного Правления и Контрольного Совета. Организационная работа этих учреждений продолжалась до половины сентября, при чем Правлениям М. Ц. Р. К. и О-ва «Кооперация» было вменено в обязанность продолжать операции своих организаций впредь до фактического слияния касс и запасов товаров, что осуществилось 11 октября 1919 г.

Учреждение в Москве единого распределительного органа было предопределено ранее всеми условиями продовольственной политики Советского правительства, стремящегося ослабить последствия тех чрезвычайных продовольственных затруднений, которые обнаружились еще в 1918 г., как результат до-революционного режима, вынужденной гражданской войны и ухудшения транспортных средств страны. Недостаток важнейших продуктов питания вызвал необходимость установить в Москве классовое распределение продуктов, с целью преимущественного обеспечения питанием рабочих, как активных участников обороны и производительности Республики. В свою очередь, эта цель могла быть достигнута лишь при том условии, если в пределах каждой из установленных классовых категорий имеющийся запас продуктов распределяется совершенно равномерно, без привилегий или случайных преимуществ. Между тем возникшие в период возрастания цен на продукты многочисленные потребительские кооперативы своею разрозненною и даже конкурирующею деятельностью нарушали это важное условие.

В начале 1918 г. кооперативы пользовались правом самостоятельных заготовок почти всех продовольственных продуктов, за исключением хлебных,—широко пользовались этим правом и, таким образом, предоставляли своим членам дополнительное питание к тому, которое распределялось на основе классовых норм из лавок Продовольственного Отдела М. С. Р. и Кр. Д. Так, М. Ц. Р. К., насчитывавший среди своих членов около 300 тыс. рабочих, производил заготовки по ценам, недоступным для Прод. Отдела, и снабжал ими своих членов сверх нормы 1-й категории, между тем, как остальные 350 тыс. обладателей карточек этой категории вынуждены были довольствоваться нормальными выдачами Прод. Отдела, что не могло не вызывать среди них неудовольствия.

По мере расширения списка нормированных продуктов указанная неравномерность распределения ослабевала, однакоже члены кооперативов продолжали пользоваться преимуществами, проистекавшими от того, что ограниченный объем деятельности позволял кооперативам распределять продукты без чрезмерных очередей и притом одновременно во всех местностях Москвы, между тем как Прод. Отдел вынужден был назначать выдачу по районам в известной постепенности [1]). Наконец, существовавшие в Москве более 200 потребительских кооперативов (112 рабочих и 105 общегражданских) чрезмерно обременяли Прод. Отд. работою по снабжению их продуктами, отвлекая его силы от непосредственного распределения.

Таким образом, аппарат частной кооперации приносил известную пользу не вполне налаженному еще распределению продуктов среди полуторамиллионного населения Москвы, так как в его распоряжении имелся кадр опытных технических руководителей, а также сеть складов, распределительных пунктов и магазинов. Но, с другой стороны, деятельность кооперативов, в основе которой лежал буржуазный принцип оказания услуг только владельцам денежных паев и накопление капиталов для расширения операций,—эта деятельность шла в разрез и с общественными принципами, и с продовольственными планами Московского Совета, стремящегося распределить недостаточное количество продуктов таким образом, чтобы прежде всего обеспечить питание тех классов, которые своими лишениями и героическою борьбою разрушили отжившую капиталистическую систему и продолжают борьбу за развитие новых форм социальной жизни.

С целью использовать все полезные стороны сотрудничества с кооперативами и в то же время устранить дефекты, сопряженные с этим сотрудничеством, Московским Советом приняты были две меры: 1) в апреле 1918 г. постановлено, что продукты из Продовольственного Отдела будут выдаваться лишь тем кооперативам,

[1]) См. стеногр. отчет Московского Совета, № 6—1919 г.

которые примут на себя обязательство распределять эти продукты из своих лавок не только членам, но и всем вообще гражданам, желающим приписать свои продовольственные карточки к этим магазинам, и 2) в августе того же года постановлено, что все потребительские кооперативы не позднее 1 декабря должны слиться по добровольному соглашению с М. Ц. Р. К. или О-вом «Кооперация», каковые две организации будут пользоваться исключительным правом получения продуктов от Продовольственного Отдела. Вследствие этого постановления с 1 января 1919 г. в Москве функционировали лишь три распределительных органа—Продсовет, М. Ц. Р. К. и О-во «Кооперация».

Однако уже ко времени осуществления второй из упомянутых мер было очевидно, что она имеет лишь временный характер и что дальнейшее развитие техники распределения неизбежно должно привести к учреждению единого, центрального распределительного органа для всей Москвы.

К концу 1918 г. в этом вопросе обнаружилось два течения. Сторонники одного из них группировались вокруг М. Ц. Р. К., на собраниях уполномоченных которого высказывались пожелания, чтобы все распределение в столице было передано этому кооперативу, как обладающему обширным техническим аппаратом и состоящему почти исключительно из трудовых элементов. При этом намечалось, что этот единый распределительный орган должен сохранить свою кооперативную структуру, пользоваться обширными государственными субсидиями и иметь полномочия правительственного учреждения; что же касается плана и способа осуществления своих задач, — он должен быть независимым и руководствоваться тою административною и финансовою практикой, которая выработалась кооперативным строительством и давно уже применяется М. Ц. Р. К. с полным успехом.

Московский Совет стал на иную точку зрения. Он также признавал необходимым учреждение единого распределительного органа в Москве и притом органа не бюрократического, а руководствующегося опытом и техническими традициями кооперации. Однакоже этот орган не должен находиться в бесконтрольном распоряжении «независимых кооператоров», которые в своей недавней практике резко разошлись с принципами и идеалами коммунистической партии, творящей новые условия жизни и несущей ответственность за весь государственный строй в России. «За то, что народные массы голодают, — говорил председатель Московского Совета,—за то, что им в тяжких мучениях и страданиях приходится вести борьбу в пользу осуществления коммунизма, за это несем ответственность мы, коммунисты. Было бы странно, если бы мы сказали, что дело прокормления московских рабочих не касается Московского Совета, что этим должно ведать какое-то самостоятельное кооперативное О-во. Этого не должно быть, и Московский Совет не допустит этого. Он существует для рабочих, а потому не может отклонять от себя заботу о продовольствии Москвы. Мы знаем, что кооперативная организация представляет аппарат, накопивший известный опыт и технические навыки, а потому при современных тяжелых продовольственных условиях нельзя отказываться от привлечения этого аппарата на

службу рабочему классу. Но мы позовем кооперативных работников не для ведения своего самостоятельного дела на прежних основаниях; тех из них, которые искренно захотят принести свой опыт и знания на пользу рабочему классу, мы позовем к себе, на советскую службу, для осуществления нового, коммунистического распределения, по нормам, которые установим мы и под нашим наблюдением» [1]).

По этим соображениям Московский Совет склонился к мысли, что единый распределительный орган должен находиться в непосредственном ведении Совета, составляя один из его отделов.

Обнародованный 20 марта декрет Совнаркома о потребительских коммунах принципиально совпал с этими пожеланиями Московского Совета. Во вступительной части декрет устанавливает три положения:

1) Чрезвычайные продовольственные затруднения требуют особых мер для спасения страны от голода и строжайшей экономии сил и средств. В силу этого в области распределения необходимо установить для каждой местности единый распределительный аппарат. Это тем более необходимо, что существующие распределительные органы — правительственные продовольственные учреждения, рабочая кооперация и общегражданские кооперативы—получают большинство продуктов из одного и того же источника, а трения между этими тремя группами стали на практике непереносимой помехою делу.

2) Объединение существующих распределительных органов должно быть совершено так, чтобы кооперация, как аппарат, созданный и проверенный многолетним развитием при капитализме и практическим опытом, не был разрушен и отброшен, а положен в основу нового, сохранен, развит и усовершенствован.

3) Наблюдение за выполнением Потребительскими коммунами декретов, постановлений и общих положений государственной продовольственной политики возлагается на местные продовольственные органы и Советы (ст. 14). Сохранение кооперативного принципа проводится декретом в ст. 4, 5, 6, 15, 17, 18 и 20 в виде привлечения всех потребителей к самодеятельности путем участия в собраниях уполномоченных, избрания правлений и контрольных советов, а также удержания на службе коммун руководителей и сотрудников прежних кооперативных организаций, впредь до нового избрания постоянных правлений.

Декрет о Потребительских коммунах одобрен В. Ц. И. К. 30 июня 1919 г., при чем наименование «Потребительская коммуна» заменено наименованием «Потребительское Общество».

После обнародования декрета Московским Советом избрано было особое Организационное Бюро для разработки проекта Устава М. П. О., а также организационного плана. В Бюро вошли представители: один от Совета, два от его Президиума, два от Продовольственного отдела, один от Совета профсоюзов, два от М. Ц. Р. К. и один от О-ва «Кооперация». Бюро выполнило свою задачу к 15 июня 1919 г. и представило проект Устава с замечаниями Наркомпрода Президиуму Совета, который внес в проект ряд поправок и изменений. В пере-

[1]) Стен. отч. М. С. Р. и Кр. Д. № 21—1919 г.

работанном виде проект перешел на рассмотрение Исполнительного Комитета, а 15 июля в Пленум Совета.

При обсуждении проекта Устава во всех трех инстанциях разноречия касались преимущественно вопроса о том, следует ли сохранить за М. П. О. выполнение культурно-просветительной работы. Представители кооперативов высказывались в пользу положительного решения вопроса, при чем ссылались на плодотворную работу в этой области крупных кооперативных организаций и на достигнутые благие результаты. Представители Совета и профсоюзов, наоборот, полагали, что М. П. О. учреждается исключительно для разрешения сложных продовольственных задач и не должно быть отвлекаемо вопросами просвещения, которые несравненно полнее и с большею компетентностью разрешаются Наркомпросом. Это последнее мнение получило значительный перевес в Бюро, в Президиуме и в Исполнительном Комитете Совета, а потому проект Устава не предусматривает культурно-просветительную деятельность М. П. О.

Этот проект принят Пленумом Совета в заседании 15 июля 1919 г. без изменений. Для окончательного утверждения Устава, а также избрания временного правления и Контрольного Совета постановлено созвать организационное собрание, которое происходило 29 и 30 июля 1919 г., как об этом упомянуто уже выше.

Конструкция М. П. О. и его состав.

В соответствии с утвержденным Уставом организация О-ва осуществлена по принципу централизации общих планов и направления всей деятельности О-ва и децентрализации практического выполнения работы по снабжению населения. Первая из этих функций возложена на правление [1]), вторая—на районные Исполнительные Бюро.

Правление организовано в составе председателя и 7 членов. Для разрешения неотложных текущих вопросов учреждено Бюро в составе председателя правления и двух его членов. Постановления Бюро представляются на утверждение пленарного заседания правления. Правление разделяется на следующие 10 отделов:

1) *Управление делами* с п/отделами: общего делопроизводства, личного состава, юридическим, статистико-экономическим и справочно-информационным.

2) *Снабжение и распределение продуктов питания* с п/отд. учета и распределения, складов, продмагазинов и агентурным.

3) *Отдел общественного питания.*

4) » *хлебопечения.*

5) *Управление промышленными отделами* и хозяйств. отделом.

6) *Отдел распределения предметов широкого потребления* и заведывание складами и магазинами этих предметов.

7) *Отдел транспортный.*

8) » *центрального карточного Бюро.*

9) » *счетный.*

10) » *контрольно-инспекторский.*

[1]) По уставу утверждение смет, цены продуктов и норм выдачи их принадлежит М. С. Р. и К. Д. (раздел VII устава).

Об объеме производимой работы каждого из Отделов, до некоторой степени, можно судить по числу занятых в них сотрудников; в дополнение к этому показателю ниже приведены сведения, характеризующие работу различных групп по заготовке, производству и распределению материальных ценностей.

К 1920 году, когда работа О-ва окончательно сконструировалась, число сотрудников выразилось в следующих цифрах:

А) ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

По управлению делами О-ва	650	лиц.
» группе фин.-счетно-контр	1.390	»
» » заготовки и снабжения	2.950	»
» » хлебопечения	6.980	»
» » распределения	4.240	»
» управлен. промышл. и хозяйств. отдел.	740	»
Итого	16.950	»

Б) РАЙОННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬН. БЮРО.

По управлению делами	2.560	лиц.
» » лавками и магазинами	3.850	»
» отд. питания (столов. и пр.)	8.860	»
Итого	15.270	»
Всего	32.220	»

По должностям, занятиям и специальностям эти сотрудники распределялись:

1)	Члены правления, Контр. Совета, фабрично-заводск. ком., район. исполн. бюро	151
2)	Руководящ. персонал. (завед. отдел., подотделами и отделен., их замест. и помощн.)	458
3)	Завед. отдельн. учрежд. (склады, магазины, конные дворы), делопроизвод., инспект., ревизоров	2.134
4)	Специалисты (техн., врачи, агрон., юристы, эксперты, консультан., инструкт., статистики)	563
5)	Административн. персонал управлен. (служ. в канцеляриях, машинистки, архивариусы, библиот., экзекуторы и т. п.)	2.619
6)	Бухгалтеры, счетов., калькуляторы, сценщики, кассиры, артельщики	2.675
7)	Торговые агенты	481
8)	Продавцы в лавках и магазинах	4.452
9)	Прислуга, курьеры, рассыльн., уборщики	5.922
10)	Десятники, надсмотрщики, старш. мастера	158
11)	Квалифициров. рабочие разн. профессий	6.657
12)	Возчики, кучера, конюхи	718
13)	Чернорабочие	3.940
14)	Ночные сторожа	1.294
	Всего	32.220

На каждые 100 сотрудников, занятых в М. П. О. приходится:

Руководящих лиц (гр. 1—4)	10
Представителей интеллигентского труда (гр. 5—7)	18
» физического труда (гр. 8—14)	72

К моменту слияния трех прежних распределительных организаций в распоряжение М. П. О. поступило

следующее число оборудованных складов, лавок, магазинов и хлебопекарен:

Таблица 1.

НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ.	Поступило в ведение М. П. О. в 1919 г. от				Имеется у М. П. О. к 1 авг. 1920 г.
	Продсовета.	М. Ц. Р. К. и рабочих кооперации.	«Кооперации и общегражданск. коои.	И Т О Г О.	
а) Склады:					
Продовольственные . .	22	11	8	41	
Мануфактурные . . .	12	2	3	17	
Галантерейные	18	2	—	20	
Обувные	5	—	—	5	
Хоз.-посудные.	12	—	—	12	139
Книжн. и писчебум. .	5	4	1	10	
Фуражные	10	—	—	10	
Дровяные	2	7	9	18	
Тары	—	2	1	3	
Итого	86	28	22	136 [1])	139
б) Хлебопекарни . . .	26	34	2	62	33
в) Зернохранилища. .	1	—	—	1	1
г) Холодильники. . .	2	—	—	2	2
д) Магазины и лавки.					
Продовольственные . .	353	114	123	590	345
Молочные	75	—	—	75	50
Универсальные	8	3	—	11	11
Мануфактурные . . .	36	5	4	45	28
Галантерейные	11	—	—	11	11
Готового платья . . .	5	—	—	5	3
Головных уборов . . .	11	—	—	11	11
Обувные	14	—	1	15	11
Канцел. принадл. . .	15	—	6	21	8
Хоз.-посудные	24	—	—	24	14
Косметические	—	1	2	3	—

Объединяя хозяйство трех самостоятельных распределительных организаций, М. П. О. вынуждено было внести значительные изменения в сеть перешедших в его ведение складов и магазинов, с целью приспособить эти учреждения к требованиям значительно возросших потребностей и устранить неизбежный параллелизм их деятельности.

Многие из перешедших мелких складов О-во упразднило или передало для надобностей районных Исполнительных Бюро, вследствие чего они не вошли в приведенную выше таблицу. С другой стороны оно открыло новые обширные склады, придав им характер универсальных хранилищ самых разнообразных продуктов и товаров, что дало возможность более продуктивно обслуживать отдельные районы.

Аналогические изменения О-во внесло в сеть перешедших в его ведение хлебопекарен. До слияния хлебопекарни Продсовета обслуживали равномерно все население, а потому располагались по территории Москвы в соответствии с числом приписанных хлебных карточек по отдельным районам. Наоборот, хлебопекарни М. Ц. Р. К. обслуживали преимущественно фабрично-заводские комитеты, состоявшие его членами, а потому располагались в соответствии с удобствами распределения хлеба среди этих комитетов, вследствие чего О-во вынуждено было нередко организовывать небольшие пекарни для отдельных заводов, удаленных от центров промышленности. По характеру своей деятельности М. П. О. поставлено было в необходимость применять систему Продсовета, но в еще более расширенном объеме, что дало ему возможность перейти к наиболее экономному способу производства хлеба — концентрированию его в крупные хлебопекарни фабричного типа. По этим соображениям М. П. О. в 1920 г. упразднило половину прежних пекарен, сохранив лишь 33 и доведя их выработку до пределов расширенной фактически выдачи хлеба. К 1 августа текущего года средняя пекарня изготовляет около 1000 пудов хлеба в сутки и обслуживает около 35 тысяч потребителей различных категорий.

Ту же систему М. П. О. применило к сети своих магазинов и, в особенности, продовольственных лавок: прежние небольшие лавки многочисленных содружеств, обслуживавшие квартал, несколько домкомов, иногда даже одно крупное домовладение, а также лавки небольших профессиональных организаций,—были упразднены и осуществлена была новая сеть продмагазинов со значительною пропускною способностью, что дало возможность понизить общее число их с 590 до 345. Значительное сокращение числа с попутным увеличением пропускной способности было применено также к молочным, мануфактурным, писче-бумажным и хозяйственно-посудным магазинам. Общее сокращение всех магазинов достигло 39%.

На М. П. О. возложена исключительно работа по распределению продуктов питания и предметов жизненного обихода московского населения, поэтому об объеме этой работы можно судить по числу обслуживаемых потребителей, которое, по принятой системе распределения, выражается в числе циркулировавших продовольственных карточек. На практике каждый потребитель получал, кроме продовольственной, еще отдельную хлебную карточку, но последние отбирались в тех случаях, когда владелец снабжается хлебом по месту своей службы, а потому теоретически действительное население Москвы в данный период времени должно совпадать или приближаться к числу розданных продовольственных карточек.

К концу декабря 1919 г. было в обращении продовольственных карточек:

Категории I	610.999
» II	262.404
» III	42.515
Детских 3 категорий . .	388.346
Итого . . .	1.304.264

По этому числу карточек продукты и распределялись, однакоже многочисленные расследования уголовного розыска обнаружили значительное обращение карточек, выданных незаконно, без соответствия с числом фактических потребителей. Это обстоятельство с первых же шагов деятельности М. П. О. поставило перед ним задачу реорганизации аппарата, ведающего раздачей карточек и выпуска серии карточек нового образца.

[1]) См. „Бюллетень“ № 66 от 2 ноября 1919 г.

В результате реорганизации районных карточных Бюро, с одной стороны, и продолжавшегося уменьшения населения Москвы—с другой, число циркулировавших на 15 августа 1920 года продовольственных карточек выразилось в следующих цифрах:

Трудов. карт. серия А	331.605
» » » Б	327.339
» » » В	8.859
Детских всех серий	389.589
Итого . . .	1.057.392

Произведенное в начале августа предварительное перед переписью исчисление населения г. Москвы обнаружило аналогичное число жителей (около 1060 тыс.), поэтому необходимо признать, что снабжаемое М. П. О. количество едоков по продовольственным карточкам вполне точно совпадает с действительным населением столицы.

В крупнейших городах капиталистического мира (Лондон, Нью-Йорк, Париж, Берлин и др.) такие общественные органы, как муниципальные управления, ограничивают свои заботы о продовольствии населения лишь мерами внешней организации рынков: возведение зданий для них, проведение рельсовых или водных путей к ним, надзор за доброкачественностью продуктов и т. п.; самое же снабжение населения продуктами находится всецело в руках частных торговцев. М. П. О., на ряду с Петроградским Потребительским Обществом, представляют две общественных организации, принявших на себя непосредственное продовольствие всего населения и в этом отношении по размерам своей деятельности они во всем мире не имеют равных себе.

Деятельность М. П. О. по распределению продуктов.

Количество продуктов, распределенных в течение двух последних месяцев 1919 года, представляется затруднительным учесть с точностью, в виду того, что в это время отчасти происходило еще совместное распределение остатков трех слившихся органов, а результаты работ их ликвидационных комиссий до настоящего времени еще не сведены окончательно. Но этим соображениям в дальнейшем изложении будут приведены сведения о деятельности М. П. О. с 1 янв. 1920 г., с какового срока книги О-ва позволяют констатировать вполне законченные и точные помесячные операции.

С 1 января по 1 сентября 1920 г. Обществом было распределено следующее количество важнейших продуктов питания, определенных в пудах и означенных в ниже помещенной табл. 2.

За 8 месяцев текущего года М. П. О. распределило среди московского населения перечисленных продуктов питания 10.028.207 пуд. Если бы это количество питательных веществ было поровну распределено между 1 миллионом московских жителей, на каждого из них пришлось бы около 10 пудов, распределенных по родам продуктов следующим образом:

Муки	166 фунтов.
Крупы	21,7 »
Мяса	16 »
Рыбы	26,4 »
Масла коровьего	1,6 »
» растительного . . .	1,2 »
Яиц	1,2 »
Молочных продуктов . . .	0,4 »
Сахара и кондит. изд. . . .	13,2 »
Овощей разн.	138 »
Соли	14,8 »

Из таблицы 2-й видно, что продукты, за исключением муки, распределялись по месяцам крайне неравномерно, соответственно поступлению их от Наркомпрода. Мука была распределена значительно ниже нормы лишь в феврале. Достаточное количество крупы роздано в апреле и мае; мяса—в феврале и марте; рыбы — в июле и августе; овощей (преимущественно картофеля)— в январе и отчасти в феврале и марте; соли—в мае, июле и августе; сахара и кондит. изд. — в феврале и марте.

Таблица 2.

Название продуктов.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Всего.
Мука разная [1]	581.221	335.869	562.828	545.231	520.186	567.679	550.801	494.909	4.158.715
Крупа разная и бобовые.	41.244	60.042	46.150	112.428	139.464	59.735	43.344	27.151	529.558
Мясо разное	26.153	90.319	144.715	44.968	28.518	28.958	21.757	15.906	401.294
Рыба разная соленая .	8.606	29.756	43.609	17.221	71.296	66.705	281.150	141.342	659.685
Масло коровье и сало .	2.566	3.208	3.213	8.869	5.268	5.949	4.446	8.101	41.620
» растительное . .	4.836	7.382	797	1.240	4.203	4.063	7.189	5.569	35.279
Яйца	900	5.855	1.870	145	42	—	2.467	17.057	28.336
Молочные продукты . .	1.522	1.362	—	1.859	2.041	—	8.564	4.343	19.691
Сахар	16.040	79.967	52.641	12.955	7.008	5.859	22.166	17.027	213.663
Кондитерские изделия .	16.678	7.619	1.924	9.156	29.876	29.218	5.455	18.711	118.637
Овощи разные	2.730.590	239.753	254.746	32.761	74.584	52.342	25.114	42.450	3.452.340
Соль	61.126	18.102	60.309	4.086	72.868	35.813	59.115	58.200	369.619

[1]) Розданный печеный хлеб переведен в муку из расчета по 15 ф. припека на пуд.

Примечание: Результаты распределения продуктов за сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы 1920 г., за поздним поступлением, помещены в конце статьи.

Количество продуктов, приходящихся на одного жителя Москвы, при условии их равномерного распределения, представляется совершенно недостаточным на 8 месяцев, и на этом обстоятельстве базируется классовая система распределения. Практическое осуществление последней выражается: 1) в классовой выдаче по карточкам, 2) в дополнительных выдачах рабочим и 3) в постоянном развития системы обществен-

ного питания, преимущественно, детей и рабочих.

1) *Распределение по карточкам.* Из указанного в предшествующей таблице количества продуктов по карточкам была распределена в 1920 г. лишь $^1/_3$ часть (33,8%). По отдельным продуктам это отношение было не одинаково:

Соль	74,7%	Крупа	14,9%
Сахар и конд. изд.	69,6 »	Масло кор.	13,5 »
Мука	62,2 »	Рыба	12,0 »
Яйца	45,1 »	Масло растит. . .	3,1 »
Мясо	26,9 »	Овощи	0 »
Молочн. прод. . .	24,6 »		

По отдельным месяцам абсолютные цифры распределенных по карточкам продуктов и процентное отношение этих цифр к общему количеству, распределенному за данный месяц по всем выдачам (т.-е. по карточкам, по внеплановым выдачам и на общественное питание — табл. 2) представлены в нижеследующей таблице:

Таблица 3.

Название продуктов.	Январь.		Февраль.		Март.		Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.	
	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.
Мука	362.033	62,3	193.710	57,7	450.389	80,0	422.975	77,6	280.559	56,8	296.714	52,3	303.428	55,8	273.651	55,3
Крупа	3.458	3,4	9.101	15,2	1.500	3,3	50.936	45,3	10.226	7,3	2.620	4,4	800	1,8	420	1,5
Мясо	7.348	28,1	18.128	20,1	58.784	40,6	13.212	29,4	2.769	9,7	24	0,1	—	—	7.783	48,9
Рыба	1.357	15,8	200	0,7	706	1,6	209	1,2	717	1,0	—	—	36.153	12,9	40.115	28,4
Масло коровье	1.139	44,4	315	9,8	—	—	1.558	17,6	219	2,3	374	6,3	150	3,4	1.863	23,0
» растит.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.100	19,8
Яйца	—	—	—	—	1.095	58,6	—	—	—	—	—	—	—	—	11.695	68,6
Молочн. прод.	—	—	—	—	—	—	918	49,4	1.316	64,5	—	—	—	—	2.622	60,4
Сахар	4.281	26,7	72.715	90,9	42.931	81.6	7.506	57,9	2.876	41,0	1.869	31,7	16.720	74,4	15.195	89,2
Кондит. изд.	16.675	100	5.347	70,2	1.137	59,1	3.812	41,6	18.873	63,2	3.533	25,8	—	—	13.813	73,8
Овощи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Соль	45.270	74,1	13.146	72,6	56.515	93,7	2.734	66,9	53.440	73.3	9.668	27,0	43.929	74,3	49.985	85,9

Продукты распределялись:

	По всем карт.:	По детским:
Хлеб . . .	ежемесячно.	ежемесячно.
Крупа . . .	в апреле	ежемесячно.
Мясо . . .	в марте	в мае и июне.
Рыба . . .	в июле и авг.	кроме июня ежем.
Масло кор.	не раздав.	для груд. ежем.
» раст.	не раздав.	в августе
Яйца . . .	в августе	в марте и авг.
Молоч. прод.	не раздав.	в апр., мае, июле и авг.
Сахар . . .	в ян., мар., апр., июле и августе	ежемесячно, кроме июня.
Конд. изд. .	в ян., мае и ав.	ежем., кроме июля
Овощи . .	не раздавались	не раздавались
Соль . . .	ежем., кроме апр.	ежемесячно

Приведенные сведения дают общую характеристику распределения продуктов питания по всей карточной системе. В дополнение к ним представляет интерес детальное распределение в пределах каждой из категорий, соответствующих классовой группировке населения.

В деле снабжения населения продовольственными карточками в течение 1920 г. практиковались три системы. В январе, феврале и марте действовала система 1919 года, когда карточки были розданы по трем категориям: I категорию получило около 650 тыс. рабочих и ответственных служащих советских учреждений; II категорию — остальные советские служащие и лица, добывающие средства к жизни личным трудом, и III — нетрудовые элементы и занимающиеся частною торговлей. Детям карточки были выданы по двум категориям: «В» для детей от 5 до 16 лет и «Б» для детей от 1 до 5 лет и, наконец, «молочные карточки» для кормящих грудью матерей.

Для компенсации занимающихся тяжелым физическим трудом, 350 тысячам рабочих, кроме того, были выданы дополнительные карточки, по которым распределялись хлеб и некоторые другие продукты. Эта система была крайне сложна и отличалась неясностью признаков, по которым районные карточные Бюро раздавали карточки различных категорий, что вызывало много нареканий со стороны населения. Для устранения проистекающих несправедливостей с февраля выдачи по I и II категориям назначались в одинаковом размере, а рабочим оказывалось преимущество в виде более усиленных выдач по дополнительным карточкам.

В марте, когда разрабатывался вопрос об осуществлении принципа «целевого снабжения», правление решило отказаться от системы распределения по трем категориям и постановило ввести с апреля одну категорию карточек для всего взрослого населения, сохранив для детей две прежних категории. Классовый принцип питания населения должен был осуществиться, с одной стороны, в выдачах рабочим по дополнительным карточкам, с другой стороны, путем распределения сверх плана карточной системы особых пайков различным группам рабочих, в размере, соответствующем значению этих групп в государственном строительстве, или, другими словами, путем применения «целевой» системы снабжения.

По этим соображениям с апреля по август продовольствие распределялось по одной карточке для всего взрослого населения и по прежним двум категориям для детей двух возрастов. Наконец, в августе была введена система трудовых карточек, по которой рабочим были выданы карточки серии А, а дополнительные были упразднены, всем советским служащим — серия Б и остальному гражданскому населению—серия В, при чем раздача детских карточек и на этот раз осталась неизменною.

Количество распределенных продуктов по приведенным группам потребителей, а также оценка питательного значения фактических выдач, выраженного в калориях, приведены ниже по 8 месяцам 1920 года.

Таблица 4.

Категории.	Выдано в фунтах. Хлеба.	Муки.	Пшена.	Мяса.	Рыбы.	Сахару и конд. изд.	Яиц.	Сыру.	Всего в калориях.
В январе.									
Рабочим (с дополн. карточк.)	15¼	—	—	1	—	2	—	—	14.454
I категории	9¾	—	—	—	—	2	—	—	10.129
II »	6½	—	—	—	—	2½	—	—	8.125
III »	—	—	—	—	—	¼	—	—	160
Детям кат. В	10½	—	—	—	—	2¾	—	—	11.230
В феврале.									
Рабочим	23¼	—	—	—	—	1	—	—	18.987
I кат.	8¼	—	—	—	—	—	—	—	5.899
II »	8¼	—	—	—	—	—	—	—	5.899
III »	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Детям кат. В	7½	—	—	—	—	1½	—	—	11.142
В марте.									
Рабочим	32	—	—	1½	—	1¼	—	—	26.226
I кат.	12	—	—	1½	—	1¼	—	—	11.142
II »	12	—	—	1½	—	1¼	—	—	11.142
III »	—	—	—	1½	—	—	—	—	528
Детям кат. В	12	—	—	1½	—	1¼	2 шт.	—	14.557
В апреле.									
Рабочим	16¾	1	2	—	—	1¼	—	—	23.171
Взрослым	8¼	½	¾	—	—	1¼	—	—	10.135
Детям кат. В	8¼	½	¾	—	—	1¼	—	—	10.135
В мае.									
Рабочим	16¾	1	—	—	—	1	—	—	13.936
Взрослым	7½	1	—	—	—	½	—	—	6.467
Детям кат. В	7½	—	1	—	—	1½	—	—	8.417
В июне.									
Рабочим	21½	—	—	—	—	—	—	—	15.374
Взрослым	3	—	—	—	—	—	—	—	6.435
Детям кат. В	9	—	2	—	—	—	—	½	9.872
В июле.									
Рабочим	24	—	—	—	1	½	—	—	18.342
Взрослым	9	—	—	—	1	½	—	—	7.617
Детям кат. В	9	—	—	—	1½	1	—	—	7.813
В августе.									
Серии А	19¾	—	—	—	1	1	0,33	—	16.004
» Б	9¾	—	—	—	¾	1	0,22	—	8.663
» В	5¼	—	—	—	½	—	—	—	3.995
Детям кат. В	9¾	—	—	—	1	1	0,33	—	8.854

Количество поступающей в организм пищи должно соответствовать ежедневному ее расходу на обмен износившихся элементов и поддержание нормальной температуры тела. В состоянии полного покоя (напр., во время сна) потери организма понижаются до минимума; при активности физической и умственной потери значительно возрастают; наконец, у рабочих, постоянно развивающих напряженную мускульную силу, эти потери достигают максимума.

Потери организма при различных условиях жизни, а также количество питательных веществ, необходимых для восстановления потерь (физиологические нормы), опытным путем были установлены многими физиологами, установлены также нормы числа калорий, которые необходимо вводить в организм для людей различного возраста и обычных занятий, при чем под калорией понимается количество питательного вещества, способное повысить температуру 1 килогр. воды на 1 градус Цельсия. Попутно с этим исчислено было число калорий, заключающихся в 1 фунте различных пищевых продуктов.

Применяя средние физиологические нормы [1]) для общественного питания населения Москвы, с ее низкой температурой в течение холодного полугодия, можно установить следующее количество калорий ежедневного потребления: для рабочих около 3800—4000, для советских служащих и других взрослых лиц, живущих нефизическим трудом — 3000 [2]) и для детей от 5 до 16 лет — 2000, при условии достаточного содержания в пище белков и жиров [3]).

Сравнивая с этими нормами количество распределенных по карточкам продуктов, необходимо притти к заключению, что этим путем московское население в 1920 году было снабжено крайне недостаточно. Это снабжение соответствовало в день калориям:

	Зимою январь—март.	Весною и летом апрель - июль.	Август.	В среднем.
Для рабочих	663	580	518	600
» I кат.	302	251	518	300
» II »	280		280	260
» III »	7,6		129	141
» дет. 5—16 л.	410	297	286	337

Если бы снабжение по карточкам являлось единственным общественным источником питания, все категории населения принуждены были бы для поддержания жизни находить на частном рынке значительное количество пищевых веществ, на приобретение которых, при современных спекулятивных ценах, у трудового населения не хватило бы заработка. Как видно будет из последующего изложения, в дополнение к этому распределению М. П. О. выдавало рабочим, советским

[1]) Сводка исследований о физиологических нормах, приведенная в Британской Энциклоп., устанавливает 4500 калор. в день для восстановления потерь организма при значительной мускульной работе (для особенно тяжелой работы 5500) и от 3050 до 3400 для взрослых мужчин различной степени активности. В Немецкой Энциклоп. Практич. медицины норма фабричных рабочих принимается в 3800—4890 калорий, а для лиц умственного труда в 3000 калории.

[2]) При современных условиях жизни служащим приходится затрачивать мускульную силу на ходьбу, раскалывание дров, носку их и различных продуктов и т. п. хозяйственные работы.

[3]) Для детей принимается норма в 60—75 калорий на каждое кило веса тела. В возрасте 5—16 лет средний вес равняется около 24 кило.

служащим и детям питание по внеплановым выдачам и из общественных столовых.

2) *Внеплановое распределение.* Под этим не совсем удачным термином отнюдь не следует понимать распределение, совершаемое без какого-либо плана. Это распределение является логическим развитием принципа классового снабжения, стремлением наиболее обеспечить группы рабочих, деятельность которых для данного момента наиболее полезна и нужна государству, при чем размеры этого обеспечения поставлены в зависимость от продолжительности рабочего времени. Таким образом, это распределение является осуществлением определенного плана и гораздо лучше характеризуется другим, входящим в употребление термином — «целевое снабжение».

Этим способом в течение 8 месяцев текущего года распределено было 3.545.276 пудов различных продуктов, что составляет 35,4% всех видов распределения по Москве за тот же период. Как видно из цифр предшествующего изложения, группа рабочих, пользующихся этим способом снабжения, получила несколько более продуктов, чем все население Москвы получило их по карточкам.

Абсолютные цифры внепланового распределения и процентное отношение ко всем выдачам за данный месяц (табл. 2-я), представлены в нижеследующей таблице.

добавочный хлеб к тому, который они получали по карточкам, при чем эта группа рабочих была разделена на 4 категории:

1) 72.231 рабочих, занятых в течение 8 часов в день, получают в конце месяца дополнительное количество хлеба за те дни, в которые не производилась раздача по карточкам, по расчету 30 ф. в месяц. Таким образом, эта категория рабочих получила (см. табл. 4):

в апреле . . . . . 13¼ ф.
» мае . . . . . 13¼ »
» июне . . . . . 8½ »
» июле . . . . . 6 »
» августе . . . . . 10¼ »

или в среднем 11 ф. хлеба в месяц, или 262 калории в день.

2) 31.006 лицам, занятым работой по 10 ч. в день, производится тот же расчет, но за норму принимается 37½ ф. в месяц. Они получили:

в апреле . . . . . 21¼ ф.
» мае . . . . . 21¼ »
» июне . . . . . 16 »
» июле . . . . . 13½ »
» августе . . . . . 17¾ »

В среднем 18 ф. в месяц, или 429 калорий в день.

Таблица 5.

Название продуктов.	Январь.		Февраль.		Март.		Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.	
	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выдачам.	Пудов.	% ко всем выда м.	Пудов.	% ко всем выдачам.
Мука	73.305	12,6	70.735	21,1	98.319	17,4	80.874	14,5	76.273	14,6	15[illegible],338	24,3	110.928	20,14	64.686	13.1
Крупа	515	1,3	8.540	4.2	24.433	52,9	28.782	25,5	73.005	53,3	25.928	43,4	6.615	15,3	7.311	26,9
Мясо	184	0,7	4.112	4,5	4.472	3,1	6.090	13,5	725	2,5	174	0,7	174	0,8	309	1,9
Рыба	2.505	20,9	6.312	21,2	6.450	14,8	10.049	58,3	8.535	12,0	19.438	29,1	42.238	15,0	52.803	37,4
Масло коровье	—	—	3	0,1	1.304	40,6	1.112	12,5	1.017	10,7	300	5,0	200	4,5	282	3,5
» растит	289	6,0	20	0,3	8	1,0	11	0,9			1.665	41,0	1.989	27,6	4,159	74,6
Яйца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Молочн. прод	—	—	2	0,1	—	—	93	5,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Сахар	2.024	12,6	2.252	2,8	1.570	3,0	1.242	9,1	2.414	34,4	3.007	51,2	358	1,6	1.832	10,8
Кондит. изд.	3	—	880	1,2	651	33,7	3.244	35,1	9.758	32,6	15.105	52,0	3.525	65,9	3.085	16,5
Овощи	2.251.461	82,5	77.777	32,5	17.663	7,0	1.771	5,4	25.693	34,4	—	—	1.004	4,0	25.717	6,1
Соль	856	1,4	956	5,2	3.794	6,3	1.352	33,1	4.613	6,3	13.293	37,1	3.624	6,1	4.965	8,5

Приведенные цифры показывают, что на удовлетворение целевого снабжения, т.-е. на раздачу разным ударным группам рабочих, в отдельные месяцы отпускалось более ⅓ и даже половины продуктов, предназначенных для всего населения и надобностей Отдела Общественного Питания. Так, в январе более ⅘ всего запаса овощей были распределены между этими группами; в феврале — ⅓ всех овощей; в марте более ½ крупы, ⅖ масла и ⅓ овощей; в апреле более ½ рыбы, ⅓ кондит. изделий и соли; в мае — более ½ крупы и ⅓ сахару, кондит. изделий и соли; в июне — ½ крупы, растит. масла, сахару и кондит. изд. и ⅓ рыбы и соли; в июле — ⅔ конд. изд.; в августе — ¾ растит. масла и ⅖ рыбы.

Организация целевого снабжения была такова:

124.854 рабочих (37% общего числа их) получали

3) 7565 лиц, работающих по 12 ч. в день, по тому же расчету, но по норме 45 ф. в месяц, получили добавочных:

в апреле . . . . . 28¼ ф.
» мае . . . . . 28¼ »
» июне . . . . . 23½ »
» июле . . . . . 21 »
» августе . . . . . 25¼ »

В среднем 25 ф. в месяц, или 595 калорий в день.

4) 14.052 рабочих по назначению Наркомтруда получают сверх нормы карточек добавочный фунт хлеба в день, или 715 калорий.

За счет фонда целевого снабжения, кроме того, получают различные продукты следующие группы рабочих:

1) Сверх нормы карточек:

4.711 рабочих ЕРО, которым выдается в месяц 14 ф. хлеба, 14 ф. рыбы и 1 ф. конд. изд.—всего 610 калорий в день.

29.420 раб. Продфастопа и 23.900 транспортных рабочих, которым выдается в месяц по 25 ф. муки, 4 ф. рыбы, 4 ф. раст. масла и по 1 ф. сахара,—всего 1696 калорий в день.

22.325 строительных рабочих, получающих 15 ф. хлеба, 7½ ф. рыбы или мяса, 3½ ф. крупы и ¾ ф. масла—всего 642 калории в день.

2) Неимеющие карточек:

26.936 красноармейских рабочих (милиционеры и др.), которым выдается муки 23½ ф., крупы 5½ ф., сахару 2 ф., рыбы 7½ ф., масла 1⅔ ф. и овощей 18 ф.—всего 1760 калорий в день.

19.615 сельско-хозяйственных рабочих, получающих 30 ф. муки, рыбы 7½ ф., сахара 1 ф., масла 1 ф., крупы 3½ ф., овощей 55 ф. — всего 2167 калорий в день.

1612 торфяников, получающих муки 45 ф., рыбы 30 ф., крупы 11¼ ф., масла раст. 7½ ф. и сахару 2 ф. — всего 3676 калорий в день.

В случае отсутствия каких-либо продуктов, взамен перечисленных выдаются другие, равнозначащие по питательности.

Приведенные цифры показывают, что со времени осуществления целевого снабжения условия питания рабочих, являющихся наиболее активными участниками проведения в жизнь нового социального строя, значительно улучшились. Размеры этого улучшения таковы:

Как выше было указано, около 350.000 рабочих г. Москвы (в это число вошли также дворники, курьеры, рассыльные и другие представители непроизводительных рабочих профессий) получают в день в среднем 600 калорий разных пищевых продуктов. Из них получают в день по системе целевого снабжения дополнительно калорий в день означенном, в количестве, (табл. 6).

Таким образом, дополнительным в различной степени питанием по принципу целевого снабжения пользуются всего 253.372 рабочих, или более 77% общего числа их (считая в том числе и непроизводительные профессии).

Таблица 6.

	Число лиц.	По карточкам.	Добавочный хлеб.	Другие продукты.	Всего калорий в день.
1) За 8-часовой рабочий день .	72.230	600	262	—	862
2) За 10 » » .	31.006	600	429	—	1.029
3) За 12 » » .	7.565	600	595	—	1.195
4) Тоже	14.052	600	715	—	1.315
5) Получ. сверх нормы карточек .	53.320	600	—	1.696	2.296
6) Тоже	4.711	600	—	610	1.210
7) Тоже	22.325	600	—	642	1.242
8) Получ. взамен карточек красноарм. группа	26.936	—	—	1.760	1.760
9) Сельско-хоз. раб.	19.615	—	—	2.167	2.167
10) Торфяники	1.612	—	—	3.676	3.676

Если мы разделим общее число калорий, потребляемое рабочими первых 7 групп (280,7 милл. калорий) на число рабочих, пользующихся ими (205 тыс.), то получим среднее снабжение означенных 7 групп по карточкам и целевому способу, равное 1367 калориям в день. Таким образом, оба эти вида питания в общей сложности не достигают того размера, которое по физиологическим нормам обеспечивает поддержание сил и веса тела рабочего. Это обстоятельство и вызвало стремление широко развивать систему общественных столовых.

Деятельность Отдела Общественного Питания.

На потребности этого Отдела в течение 8 месяцев текущего года М. П. О. выдало следующее, определенное в помещаемой ниже таблице 7, количество главнейших продуктов.

Всего за 8 месяцев на общественное питание готовыми кушаньями употреблено 3.083.626 пудов разных продуктов, или 30,8% всего распределения,—на 3% меньше, чем распределено по карточной системе, и на 4,6% меньше сравнительно с целевым снабжением. Уступая двум последним видам снабжения в весе распределенных продуктов, общественное питание получило в свое распоряжение наиболее питательные сорта их; из общего количества употребленных продуктов мясо, рыба, масло, яйца и молоко составляют в обществ. питании 25%, в карточном распределении—6,2% и в целевом

Таблица 7.

Название продуктов.	Январь.		Февраль.		Март.		Апрель.		Май.		Июнь.		Июль.		Август.	
	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.	Пудов.	% ко всем видам.
Мука	145.883	25,1	71.415	21,3	14.120	2,5	41.382	7,6	163.354	31,4	132.627	25,1	132.445	24,1	156.873	31,6
Крупа	37.251	90,3	48.401	80,6	20.210	43,8	32.710	29,1	56.233	40,3	31.188	52,2	35.929	82,9	19.420	71,5
Мясо	18.621	71,2	68.076	75,4	81.459	56,3	25.666	57,1	25.024	87,7	23.760	99,3	25.183	99,3	7.813	42,8
Рыба	4.744	55,1	23.244	78,1	36.153	83,6	6.963	40,4	62.044	87,0	47.267	70,9	202.759	79,1	48.424	34,3
Масло кор.	1.427	55,6	2.890	90,1	1.909	59,4	6.199	72,0	5.049	53,3	5.275	90,4	4.096	92,0	5.957	73,5
» раст.	4.547	61,8	7.362	99,7	789	99,0	1.229	99,1	3.186	33,6	2.398	59,0	5.200	72,3	310	5,4
Яйца	900	100	2.855	100	775	41,4	145	100	42	100	—	—	2.467	100	5.362	31,4
Молочн. прод.	1.522	100	1.360	99,8	—	—	848	45,6	725	35,5	—	—	8.564	100	1.921	44,2
Сахар.	9.734	60,7	5.000	6,3	8.140	15,5	4.207	32,4	1.718	24,5	1.000	17,1	5.088	20,0	—	—
Конд. изделия	—	—	1.392	18,3	—	—	2,100	22,9	1.235	4,1	6.490	22,2	1.860	34,1	1.813	9,6
Овощи	479.129	17,5	161.976	67,6	237.033	93,1	30.990	94,6	—	—	52.342	100	24.110	96,0	16.733	39,4
Соль	15.000	24,5	4.000	22,1	—	—	—	—	14.815	20,3	12.852	35,9	11.562	19,6	32.500	55,8

снабжении—4,8%. Этот избыток названных питательных веществ употреблен преимущественно на питание детей. Из табл. 7 видно, что во все месяцы из общего запаса этих продуктов на дело общественного питания поступало от 75 до 100%. То же относится и к крупе, которой, за исключением марта, апреля и мая, поступило от 52 до 90%.

Отделом Общ. Питания снабжаются следующие учреждения [1]):

	Число питат. пунктов.	Число изготовл. обедов.
Фабричных столовых норм.	196	146.795
» » ударных	204	86.635
Столовых муниципальных	141	226.371
» при Советск. учрежд.	250	174.389
» » больницах и санатор.	141	28.830
» » домах призрения	61	11.986
» » тюрьм. и арестн. домах.	24	9.100
	1.017	684.107
Столовых для детей нормальных	107	206.629
» » » диэтических	24	17.475
» при детских интернатах	174	11.990
» » » » колониях	425	40.000
» » » » яслях	—	1.100
» » учреждениях охраны материнства и младенчества	212	3.500
	942	280.694
А всего	1.959	964.800

Кроме того, Отдел снабжает продуктами 191 чайных буфетов, 276 клубов для взрослых и несколько детских клубов.

Приведенные цифры питания детей представляют лишь деятельность М. П. О. в этой области, а потому они не исчерпывают все общественное питание детей в Москве; для получения полной картины этого питания необходимо учесть снабжение пищей школьников, производимое Наркомпросом, но эти сведения выходят за пределы настоящего очерка и не имеются в нашем распоряжении.

Муниципальные столовые находятся в непосредственном заведывании Центрального Отд. Общ. Питания; остальные — подотчетны своим Районным Исполнительным Бюро, но заведуются либо особо-избранными комитетами, либо администрацией тех учреждений, при которых столовые находятся. Контроль столовых производится Рабоче-Крестьянской Инспекцией, Контрольным Советом М. П. О. и особо назначаемыми контролерами. Нормы питания устанавливаются на каждый месяц вперед Отд. Общ. Питания и обязательны для всех столовых, но, в случае отсутствия каких-либо продуктов, допускается замена одних другими по норме, установленной также Отд. Общ. Питания. С начала лета текущего года в большинстве столовых изготовляется одно блюдо, во всех же столовых при ударных фабриках и заводах—по два блюда. Обеды бесплатны, но в столовых при советских учреждениях разрешается взимать плату на усиление нормы питания, путем приобретения непормированных продуктов. Обедами пользуются все рабочие, как в фабрично-заводских, так и в муниципальных столовых, советские служащие, содержащиеся в больницах, домах призрения, тюрьмах и все дети, за исключением получающих пищу в своих учебных заведениях. В последнее время возбужден вопрос об отпуске из муниципальных столовых платных обедов гражданскому населению.

[1]) См. „Бюллетень“ № 195 от 4 сентября 1920 г. и отч. Отд. О. Пр. за сентябрь.

На август установлены были следующие нормы для каждого обеда:

1) В фабрично-заводских столовых ударных:

хлеба	12 зол.	100 калорий.
крупы	6,4 »	88 »
мяса	24 »	98 »
масла	3,2 »	119 »
картофеля	48 »	130 »
корнеплод.	24 »	32 »
подпр. муки	1,6 »	24 »
Всего		601 кал.

2) В остальных столовых для взрослых:

хлеба	12 зол.	100 калорий.
рыбы	18 »	75 »
масла	2 »	70 »
картофеля	48 »	130 »
корнеплод.	18 »	28 »
подпр. муки	1,6 »	24 »
Всего		427 кал.

3) В столовых для детей:

хлеба	14½ зол.	120 кал.
крупы	3,6 »	52 »
мяса или рыбы	12 »	49 »
жиров	2 »	70 »
картофеля	24 »	65 »
корнеплод.	24 »	32 »
сахару	2 »	34 »
подпр. и карт. м.	2 »	58 »
Всего		480 кал.

Помимо питания детей всех возрастов по основным карточкам и в столовых, им выдаются, хотя и не регулярно, добавочные продукты по купонам «левой стороны» детских карточек (молочные продукты, яйца, сахар), а также производятся Отд. Общ. Питания особые выдачи «на усиление детского питания». Нерегулярность этих добавочных выдач не дает возможности произвести им систематический подсчет за весь текущий год; по отдельным месяцам общее их количество достигает 200 калорий в день.

Предшествующее изложение даст возможность подвести некоторые итоги результатам деятельности М. П. О. по снабжению питанием московского населения.

1) Наибольшее внимание было обращено на питание рабочих производительных профессий: по классовому пайку они были отнесены к высшей категории; в дополнение к классовому пайку им выдавались продукты по особой карточке исключительно для рабочих (число дополнительных карточек в средний месяц исследуемого периода—май—составляло 329 тысяч); независимо от этого с апреля выдавались пищевые продукты с целью

усилить питание рабочих, занятых в течение 8—12 часов в день в предприятиях, имеющих важное государственное значение; наконец, рабочие снабжались бесплатными обедами из фабрично-заводских и муниципальных столовых, при чем ударные группы рабочих пользовались из своих столовых усиленным питанием.

2) Советские служащие составляли вторую после рабочих категорию, пользующуюся вниманием М. П. О. в деле питания взрослого населения. Этой группе пищевые продукты выдавались по II категории классовой карточки и, кроме того, для них организованы были бесплатные столовые почти во всех советских учреждениях.

3) Все остальное гражданское население снабжалось пищевыми продуктами лишь в той мере, которая была возможна по состоянию пищевых запасов. Таким образом, скудное снабжение этого населения производилось не вследствие принципиального отрицания его прав на общественное питание, а лишь вследствие недостаточности пищевого запаса, и вместе с возрастанием последнего может впредь производиться в более усиленном размере. Это усиление должно происходить до достижения идеала, когда изобилие продуктов позволит упразднить совсем классовое распределение и снабжать все население в размере его потребностей.

4) Такое же преимущественное внимание как по отношению к рабочим, М. П. О. оказывало питанию детей: снабжение по карточкам, вместе с дополнительными к ним выдачами, значительно превышало снабжение второй из перечисленных выше групп; для детей организовано было достаточное количество общественных столовых, при чем приняты были во внимание потребности самых младших возрастов (от 1 до 3 лет), для которых учреждены особые «молочные столовые», с преобладанием кушаний из манной крупы и молочных продуктов, а также потребности особо-слабых детей, для которых открыто 24 диэтических столовых с усиленным питанием. В своих заботах о детском питании, М. П. О. нередко выдавало для него почти весь запас наиболее усвояемых пищевых продуктов, как мясо, жиры, молоко, сыр, яйца, компоты.

В цифрах эти тенденции М. П. О. в деле снабжения населения пищей выразились следующим образом.

Если принять во внимание, что число рабочих в Москве соответствует числу дополнительных карточек и что по прежним специальным переписям представители непроизводительных рабочих профессий составляют около 10% общего числа, надобно считать в Москве около 285.000 рабочих производительных профессий. Из них получали при посредстве М. П. О. в день калорий (табл. 7).

1.612 чел.	. . .	3.676 (паек)
53.320 »	. . .	2.898 (ударн. столовые)
19.615 »	. . .	2.167 (паек)
33.314 »	. . .	1.978 (ударн. стол.)
145.139 »	. . .	1.794 (обыкн. стол.)
32.000 »	. . .	1.029 (карт. и стол.)

Почти все рабочие получают меньше принятой выше физиологической нормы в 3800 калорий: 19% меньше на 900 кал.; 13%—на 1800 кал.; 51%—на 2000 кал. и 12%—2800 кал. Это недостающее до нормы количество

рабочие, повидимому, должны получать из дому, или приобретать в Москве по спекулятивным ценам.

Около 175.000 советских служащих по карточкам и в своих столовых получают 627 калорий и должны прикупать 2373 кал. ежедневно.

Остальное гражданское население удовлетворяет почти всю свою потребность в пище путем покупки на спекулятивном рынке. Дети получают 817 калорий, следовательно, для них необходимо покупать ежедневно 1183 кал.

Недостаток пищевых продуктов, вызываемый шестилетнею мировою и гражданскою войнами, повел к тому, что М. П. О. имеет возможность лишь частично удовлетворять потребности населения путем различных способов общественного снабжения; для удовлетворения остальных своих пищевых потребностей до размера, указываемого физиологией, население вынуждено прибегать к приобретению дополнительного питания в количестве, обратном размерам общественного снабжения, согласно классовому принципу.

Несмотря на энергичную борьбу с частною торговлей, противоречащей основным принципам коммунизма, приобретение дополнительного питания происходит преимущественно при посредстве этой торговли, которая протекает нелегально и на основе спекулятивных цен, постоянно возрастающих. При этих условиях представляется крайне затруднительным учесть затраты населения на дополнительное питание. Ниже сделана слабая попытка косвенным путем подойти к этому учету.

Как ни фантастичны на первый взгляд спекулятивные цены, все же обнаруживается определенное влияние на них двух факторов: 1) значения продуктов по отношению к их пищевой полезности и 2) редкости их на рынке. Среди всех пищевых продуктов в качестве предельной полезности необходимо признать хлеб, который на практике представляет основу питания и без которого не может обойтись ни один потребитель. Хлеб давно уже принимался мерилом цены пищевых продуктов на мировом рынке; на нашем современном спекулятивном рынке также на ряду с денежною ценою продуктов неизменно производится перевод ее на цену хлеба.

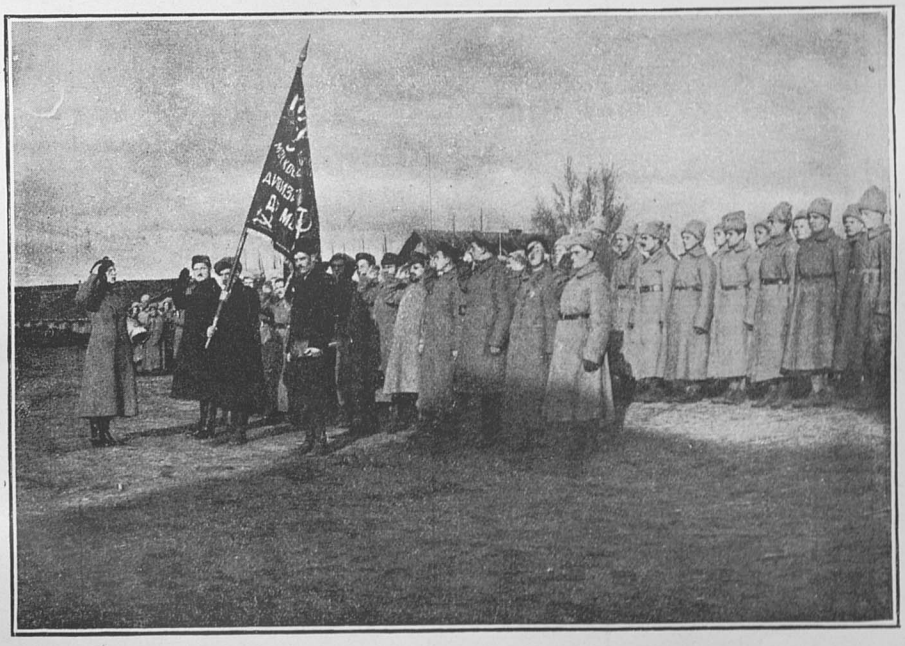
Изменение спекулятивных цен по месяцам с момента учреждения М. П. О. выражено ниже (см. таблица 8) не в денежной форме, а в переводе на число фунтов хлеба, соответствующем цене продуктов и хлеба за данный месяц.

Приведенные в указанной таблице цифры показывают, что наблюдаемое на рынке постоянное вздорожание цен на различные пищевые продукты происходит в полном соответствии с повышением цены хлеба; это соответствие дает некоторое основание предположению, что усилия продорганов, направленные на вполне достаточное снабжение московского населения хлебом, в случае успеха, в этом направлении, повлекли бы за собою такое падение спекулятивных цен на важнейшие продукты питания, которое не было достигнуто никакими репрессивными мерами.

Стоимость пищевых продуктов, выраженная в хлебе, оказывается весьма устойчивою из месяца в месяц; некоторые колебания обнаруживают лишь редкие продукты, потребляемые в исключительных хозяйствах или подвергающиеся фабричной переработке, как коровье

Красные командиры 56 Московской стрелковой дивизии и делегаты М. С. Р. Д.
Невель. 24 ноября 1920 г.

Вручение знамени делегатами М. С. Р. Д. тт. Белорусовым и Волковым 56 Московской стрелковой дивизии в г. Невеле 24 ноября 1920 г.

масло и сахар. Рост цен на мануфактуру и обувь значительно опережает хлебные цены.

Пользуясь коэффициентами табл. 8 можно следующим образом упростить учет стоимости дополнительного питания населения. Как мы видели выше, лица, имеющие карточку серии В, не получают от М. П. О. почти никаких продуктов, следовательно, должны приобретать на вольном рынке все, необходимое для питания. Принимая в соображение нормальный состав пищи, т.-е. определенное соотношение белков, жиров и углеводов, они должны ежедневно потреблять, примерно, 2 ф. хлеба, 18 зол. крупы, 48 зол. животных продуктов (мясо или рыбы), 12 зол. жировых веществ, 1 ф. овощей и 10 зол. подправочной муки и сахару, составляющих в общей сложности 2700 калорий. Если умножить эти количества на коэффициенты, например, мая месяца, то получим следующее количество заменяющего их по цене хлеба:

вместо крупы	. . . . .	23 зол. хлеба
» животн. прод.	. . . .	82 » »
» жиров	. . . . .	84 » »
» овощей	. . . . .	70 » »
» муки и сахару	. . . .	88 » »

Таким образом, все дневное питание в мае равняется цене 5½ ф. хлеба, которые в этом месяце стоили 1430 р., следовательно, 1 калория стоила 53 коп. Во всякий другой месяц достаточно умножить эти 5,5 ф. хлеба на цену последнего, и произведение будет равняться стоимости 2700 калорий.

Рабочим дополнительное питание обходится дешевле (39 коп. за калорию), вследствие того, что они получают от М. П. О. часть хлеба и продуктов, а потому могут прикупать не только меньше продуктов, но и в более благоприятном составе их.

Распределение предметов широкого потребления.

В этой области М. П. О. не могло развить широкой деятельности отчасти вследствие недостатка товаров, отчасти вследствие того, что ему пришлось исправлять последствия неправильной распределительной политики Продсовета. В 1918 и 1919 гг. последний выдавал всему населению карточки на разные ткани, калоши, обувь, а между тем на покрытие своих обязательств отпускать эти товары у него не было запасов ни в магазинах, ни на складах. При этих условиях по вступлении в отправление своих обязанностей М. П. О. вынуждено было аннулировать часть карточек (на калоши, обувь, головные уборы), а другие (на ткани) хотя и сохранить,

Таблица 8.

Какому числу фунтов хлеба соответствует цена одного фунта следующих продуктов	1919 г. Дек.	1920 год. Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Июнь.	Июль.	Авг.
	Цена 1 фунта хлеба.								
	175 р.	192 р.	217 р.	271 р.	260 р.	340 р.	456 р.	494 р.	535 р.
Пищевые прод.									
Пшено	1,25	1,35	1,47	1,42	1,38	1,21	1,21	1,53	1,69
Говядина	2,34	2,30	2,39	1,93	3,45	2,36	2,58	2,35	2,33
Конина	1,08	1,16	1,14	1,22	1,35	1,65	1,75	2,53	1,03
Свинина	7,02	6,49	6,88	7,01	5,87	4,72	4,95	4,52	4,02
Сельди	2,50	2,46	2,73	2,38	3,07	2,43	1,86	1,64	1,40
Масло кор.	9,34	10,50	9,41	8,60	8,59	7,46	6,03	6,65	9,10
» подсолн.	6,47	7,82	6,88	6,87	7,24	6,10	5,12	6,23	6,93
Молоко кружка	0,80	0,91	0,77	0,56	0,71	0,52	0,42	0,56	0,67
Картофель	0,32	0,33	0,31	0,34	0,47	0,36	0,32	0,44	0,38
Капуста кваш.	0,21	0,20	0,19	0,18	0,19	0,17	0,12	0,15	0,26
Сахар рафин.	6,86	7,60	6,28	6,40	9,15	8,80	9,21	8,91	8,64
Соль	2,98	2,88	2,30	2,62	2,94	2,44	2,55	2,42	2,42
Мануфактура и обувь.									
Нитки катушк.	0,74	0,76	0,71	0,87	1,39	1,47	1,30	1,56	1,72
Ситец аршин	1,40	1,27	1,13	1,45	2,10	2,00	1,85	1,87	2,27
Сапоги муж.	45,71	52,08	59,21	57,20	84,62	84,56	93,63	86,71	104,36
Башмаки жен.	48,47	27,78	35,71	41,51	54,20	64,46	52,19	53,67	71,65

но объявлять выдачу по ним лишь периодически и на короткие сроки, по мере накопления запасов товаров. Ликвидация прежних карточек продолжается и до настоящего времени и близится к окончанию.

Вследствие недостатка товаров М. П. О. изменило и самую систему выдачи карточек. Вместо прежней выдачи их чрез домовые комитеты всему населению, принята система выдачи чрез фабрично-заводские комитеты и советские учреждения, а самое распределение товаров производится не индивидуально, а коллективно, целым учреждениям.

Последним порядком М. П. О. выдано было:

99.787	пар калош обыкновенных
23.526	» » на валенки
42.404	» » » женскую кож. обувь
37.606	» женской парусиновой обуви
23.526	» детской » »
59.306	мужск. головн. уборов
58.189	женск. » »
53.274	головных платков

Для всего населения объявлена была выдача хлопчато-бумажной ткани:

На 558.486	карт.	I	категории по	15 арш.
» 315.109	»	II	» »	9 »
» 294.823	»	детск. В	»	8 »
» 94.963	»	» Б	»	6¼ »

Посудно-хозяйственные товары выдавались все время гражданскому населению по карточкам, но ассортимент этих товаров крайне ограничен.

Хлебопечение в Москве.

Московское Потребительское Общество всемерно стремится к созданию мощного аппарата хлебопечения, т.-е. ряда хлебопекарных фабрик и заводов, которые с наименьшей затратой рабочей силы, топлива и муки могли бы снабдить население хлебом наивысшего качества.

Конечно, Москва по развитию своей техники еще далека от совершенства, тем не менее, примеры грандиозных достижений в Советской России уже имеются налицо, и Москва, несомненно, займет одно из первых мест в области усовершенствования фабричной выпечки хлеба. На этом деле сосредоточено все внимание М. П. О., которое стремится поставить его на ряду с первоочередными ударными задачами.

От дореволюционного периода пролетариат Москвы получил несколько сот хлебопекарен, беспорядочно разбросанных по городу и ютившихся преимущественно в подвальных, темных и сырых помещениях. Весь хлеб производился исключительно ручным способом, механическая заводская выпечка отсутствовала.

Не лучше обстояло дело с мельницами: существующие мельницы не в состоянии были перемалывать потребное количество зерна, и Москва всегда нуждалась в привозной муке.

Если прибавить к этому недостаток опытных мастеров, ушедших в ряды войск в период империалистической войны, то легко представить себе всю трудность задачи, выпавшей на Советскую власть в области организации снабжения населения важнейшим пищевым продуктом—хлебом.

Работники, организовавшие хлебопечение в Москве, помнят невероятные усилия, которые приходилось прилагать в работе, помнят длительные полосы безвременья, когда получались полусырые выпечки хлеба, и с удовлетворением могут отметить борьбу, которая заканчивается, наконец, получением хлеба высокого качества.

Подытоживая всю работу в области концентрации хлебопечения, необходимо констатировать следующее: на пяти мельницах, которыми пользуется М. П. О., произведены значительные технические и хозяйственные работы. Поставлены новые двигатели, частью сооружены, частью же заканчиваются капитальные пристройки для новых машин, совершенно реорганизована система работ, и в результате производительность мельниц увеличена на 100%. Еще несколько месяцев назад мельницы давали 17,000 пуд. в день, а в настоящее время эта производительность равняется 1.110.000 пуд. в месяц, или же 37.000 пуд. в день, что дает Москве возможность пользоваться исключительно помолом своих мельниц и не нуждаться в привозной муке.

Продолжающиеся технические и организационные работы обещают в дальнейшем прогрессирование производительности.

Оглядываясь на деятельность хлебопекарен за время революции, следует отметить благотворное значение политики концентрации производства. В первый же период работы Продотсовет начал закрывать наихудшие хлебопекарни и сосредоточил хлебопечение в 200—300 хлебопекарнях, обладавших сравнительно лучшим помещением. Продолжая эту деятельность, М. П. О. постепенно значительно сокращало количество хлебопекарен, параллельно улучшая условия производства в оставляемых хлебопекарнях как с технической, так и с санитарной стороны. В течение этой осени вопрос концентрации хлебопечения стал особенно боевым вопросом, приковав к себе внимание Правления М. П. О. В настоящее время вся хлебо-производственная программа выполняется тридцатью двумя хлебопекарнями, при чем производительность их доведена до того, что тогда как три года назад несколько сот хлебопекарен не могли регулярно выполнить выпечку при норме в четверть фунта на едока, теперь 32 хлебопекарни выпекают в среднем около миллиона пуд. в месяц, что дает несколько более фунта на человека в день.

Политика концентрации производства проводится и далее неукоснительно, и как на одну из мер в этом направлении можно указать на утвержденную Президиумом Московского Совета концентрацию всего хлебопечения военного и гражданского, которое позволит ликвидировать существующие в учреждениях Москвы 35 маломощных пекарен и сосредоточить выпечку всего хлеба для населения Москвы в 35—40 пекарнях с производительностью, доведенной до 60 тыс. пудов в день.

Улучшение производства и совершенно исключительная его интенсивность достигнуты как увеличением печей, наилучшим хозяйственным оборудованием, созданием кадра опытных работников, так и реорганизацией самого производства, в которой одной из главнейших мер является переход большинства хлебопекарен от драночной выпечки к формовой. При драночной или подовой выпечке происходит предварительное катание хлебов в муке, что требует и искусства рук и значительной затраты времени, к тому же и самая выпечка хлеба длится три часа. При этих условиях пекарня могла сделать в сутки от трех до четырех затопов. При переходе же на формовую выпечку совершенно исключается работа по катке хлебов и самая выпечка требует около двух часов; эти обстоятельства дали возможность увеличить выпечку до шести—восьми затопов, и вместе с тем нормальный припек при формовой выпечке увеличился на два фунта на каждом пуде.

В настоящее время производительность тридцати двух работающих хлебопекарен равняется при 242 печах и шести затопах—29.760 пуд. в день, но в связи с принимаемыми за последнее время Правлением М. П. О. мерами и переведением хлебопечения на военное положение будет в дальнейшем развиваться и значительно повысится.

В будущем общая производительность значительно увеличится благодаря постройке первого в Москве хлебо-завода, к сооружению которого уже приступлено. Производительность этого мощного завода будет равняться 10 тыс. пудам в день. О преимуществах механической выпечки хлеба можно судить по опыту Петроградской Потребительской Коммуны. Механические печи, кроме преимущества экономического характера, дают возможность улучшить и качество выпекаемого хлеба вследствие имеющихся технических приспособлений, как-то: тестомесилок, просеивательных и формовочных и пр.

В санитарном отношении преимущество механических хлебопекарных заводов вытекает из общего характера постановки самого производства. Механическая подача муки в хлебопекарное отделение, просеивательные машины, металлические луженые котлы для замешивания теста, тестомесильные и формовочные машины, вагонетки, транспортеры и подъемники для хлеба,—все это обеспечивает лучшие условия изготовления теста и выпечки хлеба в гигиеническом отношении. Кроме того, требования гигиены предусмотрены устройством обширных и светлых помещений, душей для пользования рабочими в свободное время и отдельных помещений для отдыха рабочих.

При механическом способе хлебопечения ручной труд сведен к минимуму. Мука из амбара при помощи элеватора и бесконечных винтов, приводимых в действие электрической энергией, поступает к просеивательным машинам (цилиндрической формы решета, вращающиеся по своей оси) и через сетки перегоняется в особые ящики; очищенная от посторонних примесей, мука направляется по каналам в тестомесильные машины (большие, закрывающиеся со всех сторон металлические ящики, внутри которых вращаются вилкообразные или локтеобразные рычаги). Процесс замешивания теста заканчивается всего в 10—12 минут.

Приготовленное тесто откатывается к формовочным машинам, которые формуют его и затем передают в подставляемые железные формы. Формы с тестом укладываются на передвижные этажерки и отвозятся к печам. Каждая механическая печь имеет два или три выдвижных хода, расположенных один над другим (напоминают духовые печи в обыкновенных плитах), на которые укладываются формы с тестом. Нагревание печей происходит при помощи стальных горизонтальных трубок Перкинса. Процесс выпечки может происходить непрерывно и хлеб выпекается в течение 1 ч. 50 м. Затем на передвижных этажерках хлеб поступает в хлебохранилище при помощи подъемников и складывается для остывания на стелажи. Остывший хлеб на спускной машине подается в экспедицию к весам для отправки.

Производство выпечки хлеба на заводе происходит круглые сутки, и работа поэтому идет в три смены, при чем каждая смена делает три выпечки.

Большое значение в текущей деятельности Хлебо-Мучного Отдела М. П. О. играет экспертная комиссия, руководимая ученым специалистом профессором Микини. Комиссия эта, действующая с 1918 г. и состоящая из представителей Хлебо-Мучного Отдела и профессионального союза пищевиков, определяет доброкачественность муки, поступающей в М. П. О., производит пробные выпечки. Определяет количество припека от различных сортов муки, устанавливает потребный расход масла и т. д.

В ближайшее время организуется также под руководством проф. Микини опытная хлебопекарня с лабораторией и открываются курсы, которые дадут организаторов-инструкторов и квалифицированных мастеров.

В общем, итоги работ в области хлебопечения представляются в следующем виде.

Число хлебопекарен в настоящее время—32.

Число рабочих и служащих—среднее 5693, максимум 6304 в июле 1920 г., минимум 4543 в январе 1920 г.

Израсходовано за год муки 4.882.291 п., в том числе: пшеничной простого помола 2.411.749 п. (49%), ржаной 2.081.456 п. (42,3%), просяной 144.749 п. (2,9%), пшеничной отсевной 143.963 п. (2,9%), ржаной отсевной 71.956 (1,5%), прочей (овсяной, кукурузной, гороховой и т. п.) 28.418 пуд. (0,6%). Добавлено примесей (отруби, хлебные куски, сухари, тмин, дрожжи и т. п.) 30.601 пуд., что составляет 0,6% к употребленной муке.

Израсходовано соли 9978 пудов, употреблено масла для смазывания форм 839 пуд.

Расход дров за год—24.313 пог. саж.

Получено хлеба 6.794.712 пуд., в том числе: пшеничного простого помола 3.430.322 пуд. (50,5%), ржаного 3.069.882 пуд. (45,2%), пшеничного первого сорта 179.118 пуд. (2,6%), ржаного сеяного 107.516 п. (1,6%), кормового 7874 пуд. (0,1%).

Получено припека 1.871.003 пуд.

Результаты эти дают следующие средние показания.

Хлеба выпекалось в сутки в среднем 19.868 пуд., минимум в сентябре 1919 года—10.868 пуд. и максимум в сентябре 1920 г.—27.654 пуд.

Припек средний 38,5%, максимальный в июле 1920 г. 41,9% и минимальный в апреле 1920 г. — 33,6%.

Расход дров: на один пуд хлеба 7,2 фунта, на одну погонную сажень выпечено 279 пуд. хлеба.

На одну трудовую единицу выпечено хлеба 1193 пуда в год или 4 пуд. в день.

Установившаяся производительность хлебопекарен вполне отвечает ежедневной потребности районов, которая определяется (на 1 октября) в 30.137 пуд., из коих по карточкам 28.847 пуд. и по ордерам 1290 пуд.

Запасы хлебных грузов на 1 ноября равнялись: на мельницах и ветках—зерна 30.268 пуд., муки 5372 пуд., в зернохранилищах и складах зерна 4658 пуд., муки 34.539 пуд., в хлебопекарнях—муки 102.453 пуд., хлеба 31.350 пуд., а всего зерна 34.925 пуд., муки 142.364 пуд. и хлеба 31.350 пуд.

Поступление хлебных грузов в Москву, равнявшееся год тому назад в среднем 12 вагонам в день, достигает в последнее время 35 — 38 ваг.

Распределение продуктов питания.

(Дополнение к таблице, помещен. на стран. 115—116).

Продукты месячные.	Мука.	Крупа.	Мясо.	Рыба.	Жиры.	Сахар.	Конд. изд.	Соль.	Яйца.	Молоко.	Сыр и мол. п.	Овощи.	Фрукты	Всего (без яиц и колока).
	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	штук.	бутыл.	Пуд.	Пуд.	Пуд.	
Сентябрь	740357	5652	21762	31157	20202	29669	3999	56897	16225066	121237	5539	46625	222885	1.185.044
Октябрь	999973	93060	73749	39024	47114	64865	20215	61153	7140140	117839	330	977300	89391	2.466.174
Ноябрь с 1—15	477452	32857	14672	47075	17270	8413	8863	33712	1187831	47522	—	712870	20451	1.373.635

Чем занимается Москва.

(По данным переписи 1918 г.)

1. Самодеятельное и несамодеятельное население Москвы. Его половой и возрастный состав.

С точки зрения личного участия в трудовой деятельности, московское населения может быть прежде всего распределено, по установившемуся в статистике обыкновению, на две части: на так называемое *самодеятельное*, к которому относятся все лица, имеющие какое-либо занятие, службу, заработок или доход, и потому живущее самостоятельно [1]), и на *несамодеятельное*, которое не принимает непосредственного участия в добывании средств для своего существования, а живет насчет самодеятельных. Характерной особенностью Москвы в этом отношении являлось в довоенный и дореволюционный период времени то, что среди московского населения процент самодеятельных был так высок, как ни в одном из крупнейших городских центров Западной Европы. По данным последней перед всемирной войной московской городской переписи 1912 года, в Москве насчитывалось 1.051.263 самодеятельных и 565.152 несамодеятельных, другими словами, в каждой сотне жителей самодеятельных было 65 человек и несамодеятельных 35 человек. Между тем в Париже на 100 жителей приходилось 62 самодеятельных, в Вене—55, в Берлине—51. Исключительно высокий процент самодеятельных в Москве объяснялся, главным образом, приливом пришлого рабочего люда, шедшего в Москву, как в крупный торгово-промышленный центр, на временные заработки и оставлявшего большею частью свои семьи в деревне. Достаточно сказать, что в то время, как в общей массе самодеятельных на каждую 1000 человек приходилось в 1912 году 843 пришлых, среди рабочего класса и домашней прислуги в каждой 1000 насчитывалось 915 пришлых, при чем женщины составляли только $^1/_3$ (точнее 34%). Усиленный приток мужского рабочего населения к столице сказывался на составе московского населения тем, что, во-первых, вызывал крайне неравномерное распределение населения по полу, выражавшееся в чрезвычайном преобладании числа мужчин над числом женщин, а во-вторых, понижал процент лиц нерабочего возраста, т.-е. детей и стариков. Между тем именно эти группы населения, т.-е. дети, старики и значительная часть женского населения, как вполне понятно, и составляют обыкновенно наибольший процент несамодеятельных. Поэтому чем сильнее был приток пришлого населения к Москве, тем больше оказывался процент самодеятельных среди московских жителей, и соответственно этому был меньший процент несамодеятельных. Однако, как известно из прежних исследований о возрастном составе московского населения, начиная еще с 80-х годов прошлого столетия, в Москве, с одной стороны, значительно усилился естественный прирост населения за счет увеличения рождаемости и и сокращения смертности, а с другой—усилился и процесс постепенного оседания пришлого элемента в столице путем переселения значительного числа рабочих семей в место приложения труда их кормильцев. Эти оба явления должны были влиять в том направлении, что количество несамодеятельных в Москве должно было с течением времени возрастать, а число самодеятельных—относительно понижаться. Действительно, число последних за тридцатилетний период времени 1882—1912 гг. относительно сокращалось: в 1882 г. на 100 москвичей приходился 71 самодеятельный, 1902 г.—69, а в 1912 г. уже 65 самодеятельных. Влияние войны и революции сказалось тем, что соотношение между самодеятельной и несамодеятельной частями московского населения стало еще более равномерным: по переписи 1918 г., при общем числе жителей в 1.698.022 чел. без гарнизона, самодеятельные составляли 917.098 чел., несамодеятельные—780.924 чел., другими словами на 100 москвичей в 1918 г. приходилось только 54 самодеятельных и 46 несамодеятельных. Объяснение такого резкого сокращения процента самодеятельных и увеличения процента несамодеятельных следует искать отчасти в приливе в Москву беженцев с их семьями из местностей, подвергшихся вражескому нашествию, отчасти—в притоке инвалидов войны, а главным образом, в усиленном отливе из Москвы—сначала вследствие военных мобилизаций, а затем вследствие остановок и закрытия многих фабрик и заводов — пришлого рабочего населения, еще сохранившего связи с деревней. Последнее явление—факт не только несомненный, но и могущий быть подтвержденным цифрами, Так, по

[1]) В условном смысле к самодеятельным относятся также лица хотя и пользующиеся поддержкой со стороны, но живущие отдельно от помогающих им (напр., воспитанники учебных заведений, живущие отдельно от своих родных), а равно лица, содержащиеся в приютах, больницах, тюрьмах и других общежитиях.

данным всероссийской промышленной переписи 1918 г., на одно промышленное заведение в Москве приходилось в 1913 году 254 рабочих, в 1916 году—238 рабоч., в 1917 г.—209 раб., а на день переписи (31 августа 1918 г.) только 154 рабочих; при этом в день переписи в Москве работала полностью лишь треть фабрик и заводов, $^1/_5$ совершенно бездействовала, а 46% их общего числа работало только частью. Если принять во внимание, что закрытию и остановкам подвергались, главным образом, более мелкие, менее обеспеченные сырьем и топливом и менее важные фабрики и заводы, то среднее число рабочих, приходящееся на одну фабрику в указанный период времени, должно было бы, по крайней мере, оставаться одним и тем же; между тем, как показывают вышеприведенные цифры, оно неуклонно и резко сокращалось, из чего следует заключить, что и от действовавших фабрик и заводов шел также отлив пришлых рабочих за пределы Москвы. Тяжелые продовольственные условия, а также острый кризис с топливом должны были еще более усилить людскую тягу из Москвы, при чем вполне естественно, что столицу покидала прежде всего та часть ее обитателей, которая меньше всего с ней была связана, т.-е. временно находившийся в ней пришлый рабочий элемент. Под влиянием указанных причин состав московского населения после Октябрьской революции изменился—как это ни кажется на первый взгляд странным—в сторону увеличения несамодеятельной части населения столицы. Самодеятельная же часть московского населения, по сравнению с дореволюционным временем, уменьшилась не только относительно, но и абсолютно, как это можно видеть из следующих цифр:

Годы.	Общее число жителей.	В том числе: Самодеятельных.	В том числе: Несамодеятельных.	На 100 жителей приходится: Самодеят.	На 100 жителей приходится: Несамодеят.
1912 . . .	1.616.415	1.051.263	565.152	65	35
1918 . . .	1.698.022	917.098	780.924	54	46

Количество самодеятельных в Москве по сравнению с 1912 г. уменьшилось в 1918 г. на 134.165 чел. или на 12,8%, а число несамодеятельных увеличилось в тот же промежуток времени на 215.772 чел., т.-е. на 38,2%. Из кого же состоят кадры несамодеятельных? Ответ на этот вопрос дается нижеприводимыми интересными цифрами переписи 1918 г. Среди несамодеятельных насчитано было: детей моложе 5 лет—110.513 (или 14,2% общего числа несамодеятельных), малолетков в возрастах от 5 до 14 лет—273.473 (т.-е. 35,0%), подростков в возрастах от 15 до 17 лет—60.990 (или 7,8%), лиц трудоспособного возраста—от 18 до 59 лет—287.783 (или 36,8%), престарелых от 60 лет и старше—42.137 (или 5,4%) и лиц, возраст которых остался при переписи невыясненным—5984 (или 0,8%). Короче говоря, в каждой сотне несамодеятельных насчитывается детей, малолетков и подростков 57 чел. стариков и старух—5 чел. и лиц в трудоспособном возрасте—37 человек.

Следовательно, на долю последних приходится менее $^2/_5$ всего числа несамодеятельных. Но и эта сравнительно менее значительная, но, так сказать, несколько зазорная, на первый взгляд, группа несамодеятельного населения состоит, как оказывается, почти на $^9/_{10}$ из женщин (86,5%); а так как большинство лиц женского

пола в возрастах от 18 до 59 лет находится в замужестве, то их несамодеятельность объясняется вполне естественными причинами: замужние женщины заняты у домашнего очага, они занимаются домоводством, ведут домашнее хозяйство, что, однако, при переписях обыкновенно не рассматривается, как самостоятельное занятие. Остальная ($^1/_{10}$) часть несамодеятельных трудоспособного возраста приходится на долю мужчин (таковых насчитывается 39.169 чел); но и эта группа несамодеятельных едва ли может вызывать какие-либо подозрения, если вспомнить, что в нее входят все московские калеки, неизлечимо больные, психически ненормальные, нетрудоспособные инвалиды войны и т. д.

Как изменяются количества несамодеятельных среди мужского и женского населения Москвы в зависимости от возраста это можно видеть из нижеследующей таблички (дети моложе 5 лет исключены из рассмотрения):

Возрастные группы.	Число несамодеятельных по данным переписи 1918 г.			На 100 несамодеятельных каждого пола приходится лиц каждой возрастной группы.		
	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Об. пола.
От 5 до 9 лет . .	65.976	69.083	135.059	32,1	14,9	20,2
„ 10 „ 14 „ . .	66.621	71.793	138.414	32,3	15,4	20,7
„ 15 „ 17 „ . .	26.708	34.282	60.990	13,0	7,4	9,1
„ 18 „ 19 „ . .	9.076	15.334	24.410	4,4	3,3	3,6
„ 20 „ 24 „ . .	12.696	36.263	48.959	6,2	7,8	7,3
„ 25 „ 29 „ . .	6.127	39.680	45.807	3,0	8,5	6,8
„ 30 „ 39 „ . .	5.712	70.217	75.929	2,8	15,1	11,3
„ 40 „ 49 „ . .	3.233	51.917	55.150	1,6	11,2	8,2
„ 50 „ 59 „ . .	2.325	35.203	37.528	1,1	7,6	5,6
„ 60 „ 69 „ . .	2.746	23.544	26.290	1,3	5,1	3,9
„ 70 лет и более.	2.216	13.631	15.847	1,1	2,9	2,4
Возраст неизвест.	2.216	3.768	5.984	1,1	0,8	0,9
Итого . . .	205.652	464.715	670.367	100,0	100,0	100,0

Особенность положения женщин в общей массе трудящегося и самодеятельного населения наглядно выражается при рассмотрении возрастных групп несамодеятельного населения. До предельного возраста полного расцвета рабочей силы, т.-е. до 40 лет, количество несамодеятельных мужчин по рассматриваемым пятилетним возрастным группам быстро убывает, и в возрастах от 40 лет и старше оно остается почти одинаковым.

Иную картину мы наблюдаем среди женской половины населения: количество несамодеятельных убывает к 20 годам жизни, а с 20 до 39 лет оно снова значительно увеличивается и начинает правильно убывать лишь в возрастах от 40 лет и старше; это ясно указывает на ту важную роль, какую играет брачный возраст в отношении несамодеятельности женщин. Свыше $^4/_5$ (81.870) всего числа несамодеятельных мужчин принадлежат к возрастам меньше 20 лет, между тем как среди женщин несамодеятельные в возрасте до 20 лет

составляют только несколько более $^2/_5$ (точнее 41%). Отсюда можно сделать тот вывод, что огромное большинство мужской части московского населения по достижении расцвета рабочей силы вступает в борьбу за существование, в то время, как большая часть женского населения не принимает непосредственного участия в этой борьбе, существуя на средства своих кормильцев и поильцев. Более ясное представление об участии мужского и женского пола в борьбе за существование можно составить на основании цифр нижеследующей таблицы, которая дает сопоставление количества самодеятельных и несамодеятельных по различным возрастным группам мужской и женской части московского населения:

Возрастные группы.	Число мужчин.		В каждом возрасте на 100 мужчин приход.		Число женщин.		В каждом возрасте на 100 женщин приход.	
	Самодеят.	Несамодеят.	Самод.	Несам.	Самодеят.	Несамодеят.	Самод.	Несам.
от 5 до 9 лет	38	65.976	0,1	99,9	48	69.083	0,1	99,9
„ 10 „ 14 „	7.328	66.621	9,9	90,1	3.008	71.793	4,0	96,0
„ 15 „ 17 „	38.838	26.708	59,5	40,5	21.430	34.252	38,5	61,5
„ 18 „ 19 „	33.027	9.076	78,4	21,6	29.133	15.334	65,5	34,5
„ 20 „ 24 „	70.865	12.696	84,8	15,2	76.241	36.263	67,8	32,2
„ 25 „ 29 „	79.063	6.127	92,8	7,2	60.441	39.680	60,4	39,6
„ 30 „ 39 „	139.677	5.712	96,1	3,9	76.395	70.217	52,1	47,9
„ 40 „ 49 „	110.743	3.233	97,2	2,8	45.906	51.917	46,9	53,1
„ 50 „ 59 „	55.971	2.325	96,0	4.0	26.961	35.203	43,4	56,6
„ 60 „ 69 „	17.819	2.746	86,6	13.4	11.527	23.544	32,9	67,1
„ 70 л. и более	3.322	2.216	60,0	40,0	3.422	13.631	20,1	79,9
Возраст неизв.	3.210	2.216	59,2	40,8	2.641	3.768	41,2	58,8
Всех возрастов.	559.901	205.652	73,1	26,9	357.153	464.715	43,5	56,5

Данные этой таблицы показывают, что в то время, как на 100 мужчин приходится 73 самодеятельных, из каждой сотни женщин оказываются самодеятельными лишь около 44 человек. Среди мужского населения даже в группе лиц, едва перешагнувших отроческий возраст, мы уже находим почти $^3/_5$ лиц, существующих на собственный заработок. В следующих двух старших возрастных группах самодеятельные среди мужчин составляют свыше $^3/_4$, а в возрастах от 25 до 59 лет—свыше $^9/_{10}$ общего количества мужчин каждой возрастной группы, при чем максимум самодеятельных у мужчин приходится на возрасты от 30 до 59 лет, т.-е. как раз на те возрасты, когда большинство мужчин уже успевает обзавестись семьей. Даже в преклонном возрасте из каждой сотни мужчин почти 87 оказываются самодеятельными, и только в глубокой старости это соотношение понижается до 60 самодеятельных. Таким образом, начиная с возраста самого раннего расцвета рабочей силы (от 15 лет), самодеятельные мужчины ни в одной возрастной группе не составляют менее $^3/_5$. Иначе обстоит дело у женщин. В раннем девическом возрасте (от 15 до 17 л.) только около $^2/_5$ существуют экономически самостоятельно. Затем в старших возрастах—от 18 до 29 лет—самодеятельные среди женщин составляют приблизительно около $^2/_3$, начиная же с 30-летнего возраста процент самодеятельных женщин относительно становится все меньше и меньше, так что в группе престарелых женщин самодеятельные составляют уже только $^1/_3$, а среди глубоких старух—лишь $^1/_5$. Как мы видим, максимум самодеятельных женщин наблюдается в возрастах от 18 до 29 лет. Особенно значительный процент самодеятельных женщин именно в этих возрастах объясняется не только вполне естественной причиной—достижением наиболее трудоспособного возраста, но и тем, что в указанных возрастных группах, надо полагать, особенно велико количество пришлых женщин—прислуги, фабричных работниц и т. д. К сожалению, отсутствие данных о распределении в 1918 г. самодеятельного московского населения на коренное и пришлое не позволяет нам подтвердить это цифрами.

2. Социальный состав московского самодеятельного населения.

По данным переписи 1918 г. социальный состав самодеятельной части московского населения рисуется в следующем виде:

Социально-хозяйственные группы.	Число самодеятельных.			В %% к итогам.		
	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.	Муж.	Жен.	Обоего пола.
1. Рабочие и служащие фабрик и заводов .	97.789	59.493	157.282	17.5	16 7	17.1
2. Рабочие и служащие ремеслен. заведений.	38.595	19.391	57.986	6.9	5,4	6 3
3. Рабочие домашней промышленности . .	1.386	4.470	5.856	0 2	1,3	0,6
4. Рабочие и служащие транспорта и сношен.	82.465	19.179	101.644	14,7	5,4	11.1
5. Рабочие и служащие домовладения . . .	15.519	2.618	18.137	2.8	0,7	2.0
6. Рабочие и служащие торгов. предприятий.	79.684	29.788	109.472	14,2	8,3	11.9
7. Рабочие и служащие государствен. и обществен. учреждений .	100.787	46.347	147.124	18,0	13,0	16,1
8. Лица свободных профессий	21.664	18.254	39.918	3,9	5,1	4.4
9. Хозяева торг.-пром. предприятий	57.733	35.886	93.619	10,3	10,0	10,2
10. Рентьеры и пенсионеры	7.256	11.238	18.494	1.3	3,1	2,0
11. Домашняя прислуга .	1.329	66.013	67.342	0.2	18.5	7.4
12. Безработные	48.015	40.9 8	89.003	8,6	11,5	9.7
13. Неточно обозначившие свои занятия и соц. положение . . .	7.702	3.509	11.211	1,4	1,0	1,2
Все самодеятельные . .	559.924	357.174	917.038	100,0	100,0	100,0

Легко заметить, что первые шесть групп охватывают всех рабочих и служащих, занятых во всякого рода промышленности и торговле. Если соединить эти шесть групп в одну, то окажется, что всех *торгово-промышленных рабочих и служащих* в Москве насчитывалось в 1918 году 450.377 человек, из них 315.438 мужчин и 134.939 женщин. Следовательно, на долю этой группы приходится около $^1/_2$ (точнее 49,0%) всего самодеятельного московского населения, при чем, однако, среди самодеятельных мужчин торгово-промышленные рабо-

чие и служащие составляют даже 56,3%, т.-е. более половины, а среди женщин — только 37,8% или несколько больше $^1/_3$. Наиболее крупной составной частью этой группы являются *фабрично-заводские рабочие и служащие*, которых насчитывается 157.282 чел. обоего пола, из них 97.789 мужчин и 59.493 женщины. За фабрично-заводскими рабочими и служащими следуют рабочие и служащие, занятые в торговле (109.472 чел. обоего пола, в том числе 79.684 мужч. и 29.788 женщ.), а также почти равная последним количественно группа рабочих и служащих транспорта и сношений (101.644 чел. обоего пола, в том числе—82.465 мужч. и 19.179 женщ.). По сравнению с упомянутыми группами категория рабочих и служащих ремесленной и домашней промышленности, а равно и домовладения представляется менее значительной, обнимая собою только 81.979 чел. (в том числе 55.500 мужч. и 26.479 женщ.).

На втором месте после торгово-промышленных рабочих и служащих стоит группа *рабочих и служащих государственных и общественных учреждений*, в которой насчитывается 147.134 самодеятельных, из них 100.787 мужчин и 46.347 женщин. Таким образом, на долю этой группы приходится 16,1% всего самодеятельного московского населения (18% мужского и 13% женского населения).

Лица так называемых *свободных профессий* составляют весьма небольшую группу: таких лиц числится всего 39.918, из них 21.664 мужчин и 18.254 женщин; следовательно, на долю свободных профессий приходится только 4,4%, т.-е. менее $^1/_{20}$ всего московского самодеятельного населения. Не лишено интереса то обстоятельство, что хотя мужчин, занимающихся свободными профессиями, больше, чем женщин, однако, среди женской части населения лица свободных профессий составляют более значительный процент (5,1%), нежели среди мужчин (3,9%); это указывает на то, что женщины посвящают свою деятельность свободным профессиям чаще мужчин; достаточно вспомнить, как широко распространен труд женщин в педагогическом и врачебном деле, в области театрального искусства и т. д.

Видное место среди московского самодеятельного населения занимала в 1918 г. группа *хозяев торгово-промышленных предприятий*. В ней числилось 93.619 лиц обоего пола, из них 57.733 мужчин и 35.886 женщин. Другими словами, $^1/_{10}$ московского самодеятельного населения принадлежала к предпринимательскому классу, при чем среди мужчин и среди женщин представители этого класса составляли почти совершенно одинаковый процент (у мужчин—10,3%, у женщин—10,0 %). Надо полагать, что в настоящее время численность этой группы в Москве значительно сократилась вследствие национализации многих промышленных предприятий и под влиянием упорно ведущейся борьбы с частной торговлей.

Очень незначительна группа, объединенная для краткости под названием *«рентьеры и пенсионеры»*. Сюда включены, с одной стороны, лица, живущие доходом с земли и капитала, с другой — лица, существующие на пенсии и пособия, а также живущие в различных общежитиях, например, воспитанники закрытых учебных заведений, призреваемые, больные.

в больницах, и т. п. Таких лиц насчитано в Москве переписью 1918 года всего 18.494 чел. обоего пола, в том числе 7256 мужчин и 11.238 женщин; следовательно, эта группа составляет только 2%, или $^1/_{50}$ общего числа самодеятельных. Должно отметить, что среди мужского самодеятельного населения рентьеры и пенсионеры составляют лишь 1,3%, а среди женского—3,1%. Это явление объясняется, главным образом, тем, что после смерти своих мужей вдовы либо продолжают жить на оставленный им умершими капитал или доход, либо же бывают вынуждены за неимением средств к существованию прибегать к помощи общественной благотворительности. При большей долговечности женщин (в возрастах от 60 лет и старше на 100 мужчин среди московского населения приходится 161 женщина) оказывается особенно велико число женщин, пользующихся общественным призрением, а также существующих на пенсии и пособия. По указанным причинам группа рентьеров и пенсионеров среди мужского самодеятельного московского населения оказывается значительно меньше, чем среди женского, и притом не только относительно, но и абсолютно: на 100 мужчин этой группы приходится 155 женщин той же группы.

Весьма характерен состав группы *домашней прислуги*. К этой группе в 1918 г. принадлежало 67.342 лица обоего пола, что составляет по отношению ко всему числу самодеятельных 7,4 %. Но в то время, как на долю женской прислуги приходится 66.013 чел., на долю мужской—лишь 1329 чел.; иначе говоря, количество женской домашней прислуги в Москве почти в 50 раз больше числа мужской. По своей численности группа домашней прислуги среди самодеятельных женщин занимает первое место, составляя $18^1/_2$% их, и таким образом оказывается больше, чем группа фабрично-заводских работниц (16,7 %).

Последнюю социальную группу московского самодеятельного населения составляют *безработные*, которых при переписи 1918 г. насчитано 89.003 чел., из них 48.015 мужчин и 40.988 женщин. Таким образом, безработные составляли около $^1/_{10}$ (точнее 9,7%) московского самодеятельного населения. Хотя безработных женщин абсолютно было меньше, чем безработных мужчин, однако, случаи безработицы наблюдались среди женщин чаще, чем у мужчин: в каждой 1000 самодеятельных мужчин насчитывалось 86 безработных, между тем как на каждую 1000 самодеятельных женщин приходилось по 115 безработных. Из этого можно заключить, что больший спрос предъявлялся в 1918 г., повидимому, на мужской труд.

Было бы весьма интересно сопоставить только что приведенные данные 1918 года с соответственными данными переписи Москвы 1912 г., чтобы судить, какие изменения внесены были минувшей войной и революцией в социальный состав московского самодеятельного населения. К сожалению, сделать это возможно лишь в очень суммарном виде, так как при разработке данных переписи 1918 г. была применена несколько иная группировка населения по социальным группам, нежели при разработке данных переписи 1912 года. Тем не менее, за отсутствием более подробных данных, в виду большого интереса, какой

представляет из себя такое сопоставление, мы приводим нижеследующие цифры:

Социальные группы.		Число самодеятельных. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.	В %% к итогам самодеятельных. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
1. Торгово-промышленные рабочие и служащие.	1912 г.	439.745	110.008	549.753	64,1	30,0	52,3
	1918 г.	315.438	134.939	450.377	56,3	37,8	49,0
2. Прочие служащие и рабочие и лица свободн. профессий.	1912 г.	82.128	35.320	117.448	12,0	9,6	11,2
	1918 г.	122.451	64.601	187.052	21,9	18,1	20,5
3. Хозяева торг.-пром. предприятий.	1912 г.	80.646	45.120	125.766	11,8	12,4	11,9
	1918 г.	57.733	35.886	93.619	10,3	10,0	10,2
4. Рентьеры и пенсионеры.	1912 г.	49.595	69.448	119.043	7,3	19,0	11,4
	1918 г.	7.256	11.238	18.494	1,3	3,1	2,0
5. Дом. прислуга	1912 г.	6.761	92.313	99.074	1,0	25,2	9,4
	1918 г.	1.329	66.013	67.342	0,2	18,5	7.4
6. Безработные	1912 г.	19.720	9.692	29.412	2,9	2,6	2,8
	1918 г.	48.015	40.988	89.003	8.6	11,5	9,7
7. Неточно обозначен. свои занятия и социальн. положение.	1912 г.	6.386	4.381	10.767	0,9	1,2	1,0
	1918 г.	7.702	3.509	11.211	1,4	1,0	1,2
Все самодеятельные.	1912 г.	684.981	366.282	1.051.263	100,0	100,0	100,0
	1918 г.	559.924	357.174	917.098	100,0	100,0	100,0

Сравнение цифр 1912 г. и 1918 г. по различным социальным группам приводит к заключению, что за время минувшей войны и революции, при общем сокращении за этот период в Москве числа самодеятельных на 12,8%, произошло все же увеличение двух групп, именно: группы непромысловых служащих и лиц свободных профессий и группы безработных; остальные социальные группы уменьшились. Наибольшее сокращение претерпела группа рентьеров и пенсионеров, в которую входят, как уже было сказано выше, также воспитанники закрытых учебных заведений, призреваемые, больные в больницах и т. д. Нельзя не отметить, что в дореволюционной Москве, в связи с расширением общественной благотворительности, с развитием врачебной помощи населению и с открытием новых учебных заведений, упомянутая группа обнаруживала признаки постоянного увеличения именно за счет лиц, содержимых в различного рода общежитиях. Число последних при переписи г. Москвы 1882 г. не достигало 30.000 человек; при переписи г. Москвы 1902 г. их было насчитано уже 43.397 чел., а по данным переписи г. Москвы 1912 г. количество живущих в различных общежитиях определилось в 55.380 чел. (в том числе 27.330 мужч. и 28.050 женщ). Одним из последствий всемирной войны должно бы быть еще большее увеличение рассматриваемой группы московского населения вследствие наплыва раненых, больных, калек и вообще инвалидов войны, а также вследствие увеличения числа вдов и сирот. Однако, влияние разразившейся великой русской революции совершенно изменило картину. Наступившие тяжелые продовольственные и отопительные условия привели к тому, что лица, содержимые в различных общежитиях, стали усиленно выселяться из Москвы. А так как они составляли главное ядро рассматриваемой группы, то вполне понятно, что численность этой группы должна была весьма сократиться. С другой стороны, со времени революции уменьшилось, конечно, и количество лиц, живших на доходы с земли и капитала, а также на пенсию [1]). Все это привело к тому, что группа, так называемых, рентьеров и пенсионеров сократилась в Москве за период времени 1912—1918 гг. с 119.043 до 18.494 чел., т.-е. уменьшилась на 100.549 чел., или почти на 85 %. Так сказать, удельный вес этой социальной группы в красной Москве стал совершенно ничтожен: если до революции на 1000 самодеятельных в Москве приходилось 114 рентьеров и пенсионеров, то после революции их приходится всего лишь 20 чел. Более чем на 1/4 сократилась в 1918 г, по сравнению с 1912 г., группа хозяев торгово-промышленных предприятий, хотя относительное значение этой группы среди самодеятельной части московского населения изменилось мало: до революции на 1000 самодеятельных приходилось 119 хозяев торгово-промышленных предприятий, а после революции —102. Более значительное сокращение наблюдается в группе домашней прислуги; по сравнению с 1912 г. число лиц этой социальной группы уменьшилось в 1918 г. почти на 1/3 (точнее—на 32 %), при чем количество мужской прислуги сократилось в 5 раз, а женской—только на 28 1/2 %.

Хотя и менее значительное, но все же заметное сокращение произошло и в группе торгово-промышленных рабочих: число последних с 549.753 в 1912 г. упало в 1918 г. до 450.377, т.-е. уменьшилось на 99.376 чел., или почти на 1/5 (точнее — на 18,1%). Но эту убыль надо отнести всецело на счет мужской части рабочего населения; что же касается работниц, то число их, наоборот, увеличилось в 1918 г. по сравнению с 1912 годом на 24.931 чел., т.-е. на 22,7%. В этом, несомненно, сказалось влияние подмеченной еще во время войны тенденции заменять или, вернее, восполнять недостатки мужских рабочих рук трудом женщин. По отчетным данным 13 московских больничных касс о движении рабочего состава в 598 фабрично-заводских предприятиях г. Москвы за время с марта 1914 г. по март 1918 г. картина процесса замещения труда женским в течение войны и вследствие последней рисуется в таком виде:

Годы.	Число участников больничных касс. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.	% участников. Мужч.	Женщ.
1914	15.920	5.387	21.307	74,7	25,3
1915	38.088	14.518	52.606	72.4	27,6
1916	46.485	24.789	71.274	65,2	34,8
1917	49.765	30.025	79.790	62,4	37,6
1918	48.384	26.758	75.142	64,4	35,6

Эти цифры ясно свидетельствуют, что доля участия женского труда в промышленности за время войны значительно возросла, при чем усиление применения женского труда шло по мере продолжения войны и мобилизации мужского персонала. По мере течения

[1]) Живущих доходом с земли и капитала в 1912 г. было 19.204 чел., а в 1918 г.—10.803; живущих на пенсии и пособия при переписи 1912 г. было насчитано 43.776 чел., а в 1918 г.—только 6784 чел.; содержимые в разных общежитиях составляли в 1912 г.—55.380 чел., а в 1918 г.—лишь 325 чел.

этих процессов освобождавшиеся и вновь создававшиеся места в связи с расширением производства быстро и неуклонно занимались женщинами. Только прекращение войны и возвращение части рабочих с фронта несколько приостановили дальнейшее развитие указанного явления. Тем не менее оно не осталось без влияния на половой состав московского рабочего населения: в то время как по данным переписи 1912 г. женщины составляли среди торгово-промышленных рабочих только $^1/_5$ часть, после войны и революции в 1918 г. на их долю уже приходится около $^1/_3$ (точнее 30,0%).

Сокращение общего числа торгово-промышленных рабочих и служащих в Москве за время 1912—1918 гг. зависит, конечно, от тех общеизвестных тяжелых условий, в которые была поставлена промышленность вследствие недостатка топлива, сырья и продовольствия, а также объясняется отчасти прекращением деятельности более или менее крупных частных торговых предприятий, располагавших значительным количеством служебного и рабочего персонала.

Остановка и даже закрытие многих промышленных заведений в Москве вследствие указанных причин и в то же время возвращение с фронта вследствие прекращения войны против Германии прежних рабочих естественно должны были повлиять на усиление безработицы. Действительно, переписью 1918 г. зарегистрировано в Москве 89.003 безработных против 29.412, числившихся по переписи 1912 г. Таким образом, количество безработных в Москве после войны и революции увеличилось на 59.591 чел., т.-е. более чем утроилось (возросло на 202,6%), и безработные составили в 1918 г. уже $^1/_{10}$ всех самодеятельных, между тем как в 1912 г. на их долю приходилось менее 3% (точнее 2,8%). При этом число безработных женщин за рассматриваемый период времени увеличилось более чем в 4 раза (возросло почти на 323%), а число безработных мужчин — только в $2^1/_2$ раза (точнее — на 143,5%). Повидимому, возвращение рабочих-мужчин с фронта отразилось усиленным вытеснением женского труда, что и повлекло особенно сильное, по сравнению с мужчинами, пополнение кадров безработных женским элементом.

Весьма интересное явление представляет увеличение социальной группы, охватывающей, с одной стороны, служащих и рабочих государственных и общественных учреждений, а с другой — лиц свободных профессий. Количественно эта группа увеличилась в 1918 г. по сравнению с 1912 г. на 69.604 чел. или на 59,3%, относительное же значение ее возросло почти вдвое: на 1000 самодеятельных в 1918 г. приходится 205 лиц, состоящих на государственной или общественной службе (включая, впрочем, сюда же и лиц так называемых свободных профессий) [1]), между тем как при прежних переписях Москвы на то же количество самодеятельных приходилось от 108 (в 1902 г.) до 112 (в 1912 г.) таких лиц. Сильное увеличение служилого элемента в Москве на ряду с отмеченным выше сокращением социальных групп, причастных к промышленности и торговле, свидетельствует, так сказать, о бюрократизации Москвы и об изменении ее обычной физиономии — как центра торгово-промышленной жизни страны. Объяснения этого нового для Москвы явления надо искать, с одной стороны, в перенесении местопребывания центральной государственной власти и центральных учреждений из Петрограда в Москву, а с другой — в многочисленности, особенно на первых порах, штатов разнообразных советских учреждений. Повидимому, старая торгово-промышленная Москва сменяется новой — советско-служилой. При этом указанный процесс совершается путем усиленной бюрократизации по преимуществу женской части московского населения: в то время как мужской служилый элемент возрос на 49,2%, женский — увеличился на 83%. Не даром выражение: «советская барышня» на языке москвичей служит, так сказать, эмблемой этой вновь народившейся советской бюрократии.

Итак, сравнение цифр 1912 и 1918 годов, характеризующих участие московского населения в трудовой борьбе за существование и рисующих его социальный состав, позволяет сделать следующие выводы.

Влияние войны и революции сказалось на составе московского населения значительными изменениями, совершившимися в различных его слоях и социальных группах. Прежде всего, необычный для Москвы отлив пришлого, главным образом, мужского рабочего элемента, вызванный хозяйственной разрухой вследствие войны и революции, имел своим последствием то, что соотношение между трудовой, самодеятельной и несамодеятельной частями московского населения стало более равномерным: на 100 жителей в Москве времен революции приходится 54 самодеятельных и 46 несамодеятельных, между тем как в старой Москве на сотню жителей насчитывалось 65 самодеятельных и 35 несамодеятельных. Отсюда, однако, еще нельзя вывести, что после войны и революции в Москве на одного кормильца стало приходиться больше ртов: вызванный войной и революцией отлив пришлого элемента только вскрыл яснее истинное соотношение между самодеятельной и несамодеятельной частями обычного московского населения, существовавшее, очевидно, и раньше, но затемнявшееся именно притоком в Москву, как в крупнейший торгово-промышленный центр, массы пришлого, преимущественно мужского рабочего элемента, шедшего в столицу на временные заработки.

Далее, несомненному влиянию революции возможно приписать наблюдающееся значительное сокращение в Москве количества лиц, принадлежащих к нетрудовым классам населения, как-то: к капиталистам, рентьерам, пенсионерам, призреваемым и т. п. Если выделить эту социальную группу из московского самодеятельного населения, включив в нее также и лиц без занятий и неточно обозначивших свои занятия и свое социальное положение (1,2% всего числа самодеятельных), то окажется, что на долю трудовых групп населения — на рабочих и служащих, на лиц свободных профессий, на прислугу и безработных — после революции в Москве приходится около 87% (точнее 86,6%) всего числа самодеятельных, между тем как в 1912 г.

[1]) Как было уже сказано выше, лица свободных профессий составляют менее $^1/_{10}$ части московского самодеятельного населения и около $^1/_5$ части рассматриваемой группы. При этом следует иметь еще в виду, что многие из лиц свободных профессий, например, многие врачи, педагоги и артисты, помимо занятий вольной практикой, состоят еще на службе в различных учреждениях.

трудовой элемент составлял 76% (собственно 75,7%); соответственно на долю нетрудового элемента в Москве приходится после революции всего 13%, а в 1912 г.— 24%. Особенно сильные изменения вызваны войной и революцией в социальном составе женского самодеятельного населения. До 1918 г. около $^1/_3$ самодеятельных женщин (точнее 32,6%) принадлежала к нетрудовому классу, после же революции нетрудовой элемент среди женщин понизился до 14%, т.-е. до $^1/_7$ общего числа самодеятельных женщин; наоборот, лица женского пола, принадлежащие к трудовым социальным группам, составили после революции 86%, в то время как в 1912 г. на их долю приходилось 67%. Вообще роль женского труда за время войны и революции усилилась: при общем сокращении числа самодеятельных в Москве за время 1912—1918 годов почти на 13% и при особенно резком уменьшении именно количества самодеятельных мужчин (на 18,2%), число торгово-промышленных работниц за то же время увеличилось почти на 23%, число женщин, состоящих на государственной и общественной службе, возросло на 83%; исключение представляет среди трудовой части женского населения только группа женской прислуги, уменьшившаяся почти на 29%. На основании этих цифр можно утверждать, что война и революция открыли для женщин и новые области приложения их труда; особенно рельефно это обнаруживается на поприще государственной и общественной службы.

С точки зрения изменений социального состава московского самодеятельного населения весьма знаменательным явлением послереволюционного периода представляется небывалое в Москве увеличение служилого элемента и, наоборот, сокращение числа лиц, причастных к торгово-промышленной деятельности. В значительной мере Москва уже утратила свою прежнюю физиономию — преимущественно торгово-промышленного центра и приобрела сильно выраженный характер центра служебно-административного.

К сожалению, данные только что произведенной переписи 28 августа пока не могут быть использованы для освещения изменений, происшедших в классовом и профессиональном составе московского населения за последние 2 года. Однако, можно с полной уверенностью сказать, что процесс постепенной замены торгово-промышленных профессий представителями советской бюрократии продолжается и ныне. Так, число фабрично-заводских рабочих и служащих, достигавшее в апреле 1918 г. 157.000 человек и составлявшее круглым числом 9% населения, ныне не превышает 84.000 человек и упало до 8% общего числа жителей. Наоборот, число служащих советских учреждений еще весной 1919 г. достигло колоссальной цифры в 233.000 человек, т.-е. 16% всего населения. Число хозяев торгово-промышленных предприятий ныне едва ли достигает и 10.000 человек, т.-е. самое большее $^1/_{10}$ того, что было 2 года назад. Численность домашней прислуги сократилась за два года, по крайней мере, втрое и не превышает 20.000 человек; безработные исчезли почти совершенно, частью уйдя в деревню, отчасти обратившись к занятиям, связанным со спекуляцией и ускользающим от официальной регистрации. Все эти многообразные явления московской жизни еще ждут цифрового освещения.

3. Важнейшие профессии московского населения.

От рассмотрения социального состава московского населения естественно было бы перейти к детальному анализу его профессионального состава. Однако, данные переписи 1918 г., за отсутствием классификации профессий и соответствующего словаря, необходимого для правильной разработки собранных сведений о профессиях, к сожалению, не позволяют произвести этот анализ. В нашем распоряжении имеются лишь приблизительные подсчеты только наиболее распространенных среди московского населения профессий и притом именно таких, которые по ясности самого названия не нуждаются в предварительном классифицировании их. Само собою понятно, что такого рода данные не могут отличаться желательной полнотой и не являются исчерпывающими; тем не менее, они достаточны для того, чтобы дать общее представление о важнейших профессиях московского населения, на что только и может претендовать настоящий беглый очерк. После этой необходимой оговорки относительно нижеприводимых сведений обратимся к ознакомлению с ними, при чем остановимся сначала на *профессиях лиц, непосредственно занятых во всякого рода промышленности и торговле в качестве рабочих*. Наиболее важными профессиями лиц этой категории являются следующие:

Важнейшие профессии.	Число лиц по переписи 1918 г. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.	В том числе фабрично-завод. рабочих.	В % к итогам группы.
1) Слесаря и монтеры	26.028	784	26.812	11.949	44,9
2) Портные и портн.	5.555	13.259	18.814	2.540	13,5
3) Ткачи и ткачихи .	3.074	6.589	9.663	9.342	96,7
4) Печатники (типографские рабочие).	7.039	810	7.849	7.631	97,2
5) Сапожники и башмачники	6.410	617	7.027	1.006	14,3
6) Пекари и кондитер.	5.061	1.801	6.862	2.569	37,1
7) Столяры	6.561	9	6.570	2.215	33,1
8) Токари и резчики .	5.525	251	5.776	3.405	59,0
9) Официанты и пол.	4.237	1.186	5.423	—	0,0
10) Прачки	573	4.290	4.863	968	2,0
11) Кожевники, шорники, скорняки. .	3.344	439	3.783	1.828	48,3
12) Кузнецы	3.417	—	3.417	1.312	38,4
13) Шапочн. и шляпн.	1.334	1.808	3.142	514	16,4
14) Плотники	2.970	2	2.972	1.059	35,6
15) Белошвейки . . .	—	2.837	2.837	358	12,6
16) Маляры	2.808	1	2.809	665	23,7
17) Рабоч. торгов. завед. без указ. проф.	6.416	1.873	8.289	—	0,0

Как показывают вышеприведенные данные, особенно многочисленной профессиональной группой среди самодеятельного московского населения в 1918 г. оказались слесаря. Должно отметить, что в 1912 г. эта группа по количеству насчитывавшихся в ней лиц (18.527 чел.) занимала только третье место, а на первом месте стояла группа ткачей и ткачих (20.967 чел.), ныне перешедшая на третье место. Это явление нельзя не поставить в связь с влиянием военного времени и революции. Весьма естественно, что стремление усилить работу «на оборону» должно было отразиться увеличением кадров рабочих-металлистов вообще и в частности таких специалистов, как слесаря. То же наблюдается и в группе кузнецов: число последних в 1918 г. по сравнению с 1912 г.

не только не уменьшилось, как этого можно было ожидать при общем сокращении в Москве количества самодеятельного населения, но, наоборот, даже несколько увеличилось (с 3363 чел. в 1912 г. возросло до 3417 чел. в 1918 г.). Иначе дело обстояло за время войны и революции с текстильной промышленностью. Хотя она также рассматривалась как «оборонная», однако в отношении снабжения топливом, острый недостаток которого стал ощущаться всею промышленностью со второго года войны, текстильная промышленность была признана не «первоочередной», а потому она вынуждена была сокращать производство и число рабочих. К тому же война имела на текстильную промышленность, как на менее «забронированную» в смысле мобилизаций своего персонала, и то влияние, что кадры мужской части ее рабочих весьма поредели вследствие повторных военных призывов мужского населения. Вот почему текстильной промышленности пришлось за время войны усиленно восполнять недостаток в ткачах женщинами-ткачихами. В самом деле, в 1912 г. на 100 рабочих, занятых ткачеством, приходилось 503 ткачихи, а в 1918 году приходится уже 705 ткачих. Наконец, революция, сопровождавшаяся окончательной разрухой транспорта и почти полным иссяканием запасов необходимого для фабрик и заводов сырья и топлива, еще более гибельно отразилась на тех отраслях текстильной промышленности, которые, как, например, хлопчатобумажная или шелковая, работали на сырье дальнего привоза. И мы знаем, что в то время как вообще в металлообрабатывающей промышленности, пользовавшейся большим попечением и заботами со стороны правительственной власти, число бездействовавших промышленных заведений при переписи 1918 г. составляло только 27%,— в промышленности хлопчато-бумажной остановленные предприятия составляли 32,2%, в пеньковой и джутовой—42%, в шелковой—около 45%, а в производствах по обработке смешанных волокнистых веществ—даже около 54% [1]). Принимая все это во внимание, не приходится удивляться, что количество занимающихся ткачеством в Москве сократилось в 1918 г. против 1912 года более, чем в 2 раза, при чем число ткачей сократилось в 3½ раза (с 10.913 чел. в 1912 г. до 3074 чел. в 1918 г.), а число ткачих—только в 1½ раза (с 11.054 чел. в 1912 г. до 6589 чел. в 1918 г.). За исключением группы слесарей, давшей увеличение почти на 45%, и группы кузнецов, оставшейся почти без изменения, все остальные профессиональные группы рабочих, по сравнению с 1912 годом, численно уменьшились. Особенно сильное сокращение претерпели группы сапожников и башмачников (в 1912—12.936 чел., в 1918 г.—7027 чел.), пекарей и кондитеров (в 1912 г.—11.869 чел., в 1918 г.—6862 чел.), официантов и половых (в 1912 г.—10.040 чел., в 1918 г.—5423 чел.), плотников и маляров (в 1912 г.—10.703 чел., в 1918 г.—5781 чел.); общее число лиц названных профессий с 45.548 чел. в 1912 г. уменьшилось в Москве в 1918 г. до 25.093 чел., т.-е. на 20.455 чел., или почти на половину (на 45%). Отмеченное сильное сокращение именно этих профессий

[1]) См. „Предварительную сводку данных всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 года", вып. 1-й, стр 5. Изд. Центр. Статист. Управления. М. 1920 г.

находит себе достаточное объяснение либо в остром недостатке материалов для производства, например, у сапожников, либо в резком сокращении и даже почти полном прекращении некоторых работ, как, например, строительных и трактирного промысла. Значительное сокращение наблюдается у столяров, токарей и резчиков по дереву: их насчитывалось в 1912 г.—17.513 чел. (в том числе столяров 10.127), а в 1918 г.—12.346 чел., т.-е. на 5167 чел. или на 30% меньше. Такое же сокращение мы находим в группе кожевников, шорников и скорняков (в 1912 г.—5455 чел., в 1918 г.—3783 чел.).

В остальных профессиональных группах количественные изменения оказываются менее значительными и не превышают по отдельным группам 20%.

С точки зрения полового состава все профессиональные группы рабочих промышленности и торговли можно распределить на три категории: 1) профессии, в которых резко преобладает мужской труд, каковы профессии слесарей, печатников, сапожников, столяров, токарей и резчиков, плотников, маляров, кузнецов и кожевников; в этих профессиях насчитывается всего 67.015 человек и в том числе только 2913 женщин, другими словами—на 1000 лиц обоего пола, занятых этими профессиями, приходится лишь 43 женщины; 2) профессии с резким преобладанием, наоборот, женского труда, это—профессии белошвейного и прачечного дела, в которых на 1000 человек обоего пола приходится только 74 мужчин; наконец, 3) остальные профессии характеризуются тем, что в них находит широкое применение как мужской, так и женский труд, при чем в некоторых из них оказывается распространен более мужской труд, например, в профессиях пекарей, кондитеров и официантов, а в других, например, в портновском деле, ткачестве и в изготовлении головных уборов,—труд женщин. Однако, должно отметить, что с течением времени женский труд все настойчивее и настойчивее пробивает себе дорогу к чисто мужским занятиям; так, например, в 1902 году в Москве женский труд совершенно не применялся в слесарном деле, в 1912 г. переписью было насчитано уже 53 женщин-слесарей, а в 1918 г. слесарными работами были заняты 784 женщины; среди печатников было в 1912 г. 445 женщин, а в 1918 г. их стало 810; профессией официантов в 1912 г. занималось 939 женщин, а в 1918 г. женщин-официантов оказалось 1186 человек.

С точки зрения форм промышленности, одни из профессий характеризуются исключительно широким распространением фабрично-заводского труда, таковы—профессии печатников и ткачей (около 97%); в других профессиональных группах, как, например, среди прачек, белошвеек, портных, сапожников и шапочников, преобладают представители мелкой промышленности—ремесленной и домашней; в них на долю фабрично-заводских рабочих приходится от 2% до 16,4%, т.-е. менее 1/6 общего числа лиц, занятых этими профессиями. Около ½ фабрично-заводские рабочие составляют среди токарей и резчиков (59%), среди кожевников, шорников и скорняков (48,3%), среди слесарей и монтеров (44,6%). Несколько более 1/3 на долю фабрично-заводских рабочих приходится среди кузнецов

(38,4%), среди пекарей и кондитеров (37,4%), среди плотников (35,6%) и столяров (33,1%). Наконец, в группе маляров фабрично-заводские рабочие составляют около $^1/_4$ части (23,7%).

Говоря о рабочих, занятых в промышленности и торговле, нельзя пройти молчанием своеобразную группу малолетних рабочих — так называемых *ремесленных «учеников» и фабрично-заводских и торговых «мальчиков»*. Общеизвестны те тяжелые бытовые и хозяйственные условия, в которых находились ремесленные «ученики», игравшие у различных «хозяйчиков» и «мастеров» роль не то крепостных рабочих, не то даровой домашней прислуги, больше бывшие «на побегушках», чем занятые изучением мастерства, вечно недоедавшие и недосыпавшие и щедро награждаемые колотушками как со стороны самого, нередко пьяного, хозяина, так и со стороны «подмастерьев». Не менее безотрадно было и положение торговых «мальчиков». Само собою понятно, что эта социальная группа трудового населения должна привлекать особенное внимание исследователя-экономиста и бытописателя. В старой Москве «ученики» и «мальчики», занятые во всякого рода промыслах, составляли целую армию. По переписи 1902 г. их было насчитано 32.656 чел. (24.724 муж. пола и 7932 жен. пола); по данным переписи г. Москвы 1912 г. количество ремесленных и промысловых учеников дошло до 41.659 чел. (30.827 м. п. и 10.832 ж. п.), из них 16.032 чел. (8836 м. п. и 7195 ж. п.) приходилось на долю учеников портновских, модных и сапожных мастерских, 15.024 чел. (11.563 м. п. и 3461 ж. п.) — на долю прочих ремесленных учеников и 10.604 чел. (10.428 м. п. и 176 ж. п.) составляли ученики и мальчики торговых и прочих заведений. Переписью 1918 г. в Москве зарегистрировано всего лишь 10.365 ремесленных и промысловых учеников, из них 9267 муж. пола и 1098 жен. пола. Итак, ремесленно-ученическая армия уменьшилась в Москве за время войны и революции в 4 раза. Сильному сокращению ее в Москве должна была способствовать прежде всего война, оторвавшая массу мужского рабочего населения из деревень; вполне понятно, что за недостатком рабочих рук значительная часть находившихся на выучке в Москве ремесленных учеников была истребована своими семьями обратно в деревню. Возникшая затем гражданская война должна была еще более усилить этот процесс; наконец, сама революция, чрезвычайно стеснившая условия существования мелкой промышленности в столице, недостаток материалов, необходимых для производства, продовольственная разруха,—все эти обстоятельства, несомненно, вызвали тягу ремесленников-мастерков и вообще мелких промышленников из Москвы в деревню. Влияние всех этих причин вполне естественно должно было повлечь за собою очень сильное уменьшение в Москве ремесленных и других промысловых учеников; к тому же и у оставшихся в столице хозяев-ремесленников должно было обнаружиться, под влиянием все растущей дороговизны, стремление освободиться от сделавшихся невыгодными «лишних ртов». Таким образом, в отмеченном переписью 1918 г. массовом сокращении числа ремесленных и промысловых учеников нельзя усматривать чего-либо невероятного или неправдоподобного.

Особую группу московского населения составляют *рабочие, занятые в транспорте*. Среди них важнейшими профессиональными группами являются:

	Число лиц по переписи 1918 г. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
Железнодорожные и трамвайные кондуктора и проводники . .	6.752	2.463	9.215
Прочие железнодорож. и трамвайные рабочие в тесном смысле (кроме всяких мастеровых, напр., слесарей и т. п.) .	5.910	1.103	7.013
Почтальоны	3.423	886	4.309
Извозчики (легковые)—рабочие	1.389	37	1.426

По сравнению с 1912 годом первая и третья из указанных профессиональных групп значительно увеличились: кондукторов за время войны и революции прибавилось в Москве на 88% (с 4900 чел. в 1912 г. до 9215 чел. в 1918 г.), а почтальонов—на 90,1% (с 2266 чел. в 1912 г. до 4309 чел. в 1918 г.); другими словами, число кондукторов и почтальонов увеличилось в 1918 г. почти вдвое против 1912 г., несмотря на то, что работа железных дорог, трамваев и почты значительно ослабела против дореволюционного времени.

В двух остальных профессиональных группах транспортных рабочих за период 1912—1918 гг. произошло сокращение. Число прочих железнодорожных и трамвайных рабочих в тесном смысле (т.-е. за исключением рабочих ж.-дорож. и трамв. мастерских) с 10.195 чел. в 1912 г. упало в 1918 г. до 7013 чел., т.-е. уменьшилось на 31,2%, а число легковых извозчиков-рабочих, равнявшееся в 1912 г. 3321 чел., понизилось до 1426 чел., т.-е. на 57%. Уменьшение первой из этих групп объясняется, вероятно, сокращением штатов путевых трамвайных рабочих, как-то: стрелочников, путевых сторожей, уборщиков пути и т. д.; что касается сокращения числа легковых извозчиков, работающих от хозяев, то это явление зависит, во-первых, от уменьшения конского состава, вызванного военными мобилизациями, вследствие чего хозяева-извозчики из многолошадников превратились в однолошадников и расчитали своих рабочих, а во-вторых, крайние затруднения с фуражом, вызванные революцией, заставили весьма многих хозяев-извозчиков либо также сократить до минимума количество лошадей, а следовательно, и работников, либо совсем прикончить свой промысел.

Интересные явления внесены войной и революцией и в половой состав транспортных рабочих. До войны женщин вовсе не принимали в кондукторы, в почтальонском деле переписью 1912 г. было насчитано в Москве всего 10 женщин; между тем за время войны и революции женщины получили широкий доступ и к этим занятиям, так что по данным переписи 1918 года насчитывается уже 2463 женщин-кондукторов и 886 почтальонов женского пола; мало того, даже среди легковых извозчиков оказалось 37 женщин,—явление, с точки зрения прежних полицейских порядков, совершенно недопустимое.

Весьма важной категорией рабочих являются, так называемые, *вспомогательные рабочие*, которые не принимают непосредственного участия в производственных процессах и не имеют непосредственной связи с торговыми операциями, но без которых не в состоянии

обойтись ни одна фабрика или завод и ни одно торговое предприятие. К числу таких рабочих относятся:

	Количество лиц по переписи 1918 г. Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
Кочегары и смазчики (кроме железнодорожных)	2.571	788	3.359
Рабочие по водопроводу, канализации, отоплению и освещению	4.620	185	4.805
Упаковщики и укладчики . . .	1.974	1.700	3.674
Возчики, кучера и конюхи . .	5.854	1.257	7.111
Рабочие по очистке домов и проездов	253	264	517
Дворники и сторожа	24.447	2.678	27.125
Чернорабочие, поденщики, грузчики	23:095	14.008	37.103

Ядро этой группы составляют неквалифицированные рабочие — так называемые чернорабочие, а так же дворники и сторожа. По сравнению с 1912 г. количество чернорабочих в Москве увеличилось в 1918 г. очень незначительно, всего на 5% (в 1912 г.—35.377 чернорабочих), а число дворников и сторожей—почти на 8% (в 1912 г.—25.167 дворников и сторожей). На третьем месте по своей численности стоит группа возчиков, кучеров и конюхов, оставшаяся по сравнению с 1912 г. почти без изменения: прирост числа представителей этих профессий выразился менее чем 2% (точнее 1,7%); в 1912 г. насчитывалось 6.990 возчиков, кучеров и конюхов. Следующая по своему количественному значению группа рабочих по уходу за водопроводом, канализацией, отоплением и освещением так же дала небольшой прирост в 7% (в 1912 г.—4490 человек). Зато группа упаковщиков и укладчиков увеличилась по сравнению с 1912 г. на 25,1% (в 1912 г.—2928 человек), а число кочегаров и смазчиков—почти утроилось (в 1912 г.—1144 человека). Впрочем, при разработке данных переписи 1912 г. железнодорожные кочегары и смазчики значатся в группе транспортных рабочих, а при подсчетах данных переписи 1918 г. они значатся в общей группе с фабричными рабочими этой профессии, почему цифры эти несравнимы. В отличие от поименованных выше видов вспомогательных рабочих, категория рабочих по очистке домов и проездов по сравнению с 1912 г. сильно уменьшилась, сократившись почти в 10 раз (точнее — на 89,7%), уменьшившись с 5034 человек в 1912 г. до 517 человек в 1918 г. Ничего неправдоподобного в таком сильном сокращении этой категории рабочих усматривать нельзя, если вспомнить, что за время революции совершенно исчезли содержавшиеся прежним городским общественным управлением довольно значительные кадры рабочих по уборке дворового навоза и домовых отбросов, по поливке улиц и т. д.

Как и в некоторых других, уже рассмотренных выше, категориях рабочего населения, половой состав группы вспомогательных рабочих за время войны и революции подвергся значительным изменениям в сторону увеличения женского труда. Среди чернорабочих женщины составляли в 1912 г. только $^1/_5$ (точнее 21,1%, или 7466 чел.), а в 1918 г.—уже почти $^2/_5$ (точнее 37,7%). Обязанности дворников и сторожей в 1912 г. исполняли только 107 женщин, что составляло по отношению к общему числу дворников и сторожей (25.167 чел.) меньше $^1/_2$%; а в 1918 г. перепись насчитала 2678 дворничих и сторожих, что дает уже почти 10% общего числа лиц, занятых этими профессиями. В 1912 г. было занято профессиями возчиков и кучеров всего 3 женщины, профессиями кочегаров и смазчиков—только 24 женщины, среди рабочих по уходу за водопроводом, канализацией, отоплением и освещением насчитывалось лишь 20 женщин. В 1918 году женщины составляют среди возчиков и кучеров уже почти 18% (1257 чел.), среди кочегаров и смазчиков—23,5%, среди рабочих по водопроводу и проч.—почти 4% (точнее 3,8%). В группе упаковщиков и укладчиков, по данным переписи 1912 г., на долю женщин приходилось около 30% (29,8%), а в 1918 г.—уже свыше 46%. Наконец, среди рабочих по очистке домов и проездов в 1912 г. приходилось на 4878 мужчин только 156 женщин, а в 1918 г. женщины в этих профессиях заняли даже преобладающее положение: на 253 мужчины приходится 264 женщины. Последнюю группу самодеятельного московского населения, занятого физическим трудом, составляет *прислуга* всякого рода. По роду своих профессий прислуга может быть распределена на следующие четыре категории [1]):

	Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
Кухонная прислуга (кухарки, повара и т. п.)	2.057	11.073	13.130
Комнатная прислуга (горничные лакеи и т. п.)	274	4.385	4.659
Прислуга при детях (няньки, дядьки, кормилицы и т. п.) .	—	4.631	4.631
Живущих одной прислугой и прочая прислуга	1.460	48.659	50.119

Как показывают цифры этой таблицы, профессии прислуги являются по преимуществу женскими: среди кухонной прислуги женщины составляют 84,3%, среди комнатной—94,1%, прислуга при детях оказывается исключительно женской, наконец, среди лиц, живущих одной прислугой, и среди прочей прислуги на долю женщин приходится 97,1%. Выше, при рассмотрении различных групп московского самодеятельного населения, занятого физическим трудом, неоднократно приходилось констатировать весьма знаменательное явление, что война и революция открыли широкую возможность для приложения женского труда во многих отраслях промышленности, и мы видели, что женщины в значительной мере воспользовались этой возможностью. Отмеченное обстоятельство не могло не повлиять на сокращение предложения женского труда в области личных услуг: женщины стали менее охотно наниматься в при-

[1]) Выше, при рассмотрении социального состава московского самодеятельного населения, были приведены цифры, относящиеся только к *домашней* прислуге, т.-е находящейся в услужении у частных лиц; в помещаемой же здесь табличке цифры относятся ко *всей* прислуге, независимо от того, кто является нанимателем прислуги—частные лица или учреждения. Поэтому ранее приведенные цифры о прислуге не могут быть сравниваемы с приводимыми в помещаемой здесь табличке. Далее следует оговориться, что вследствие применения неодинаковых приемов подсчета данных о прислуге при разработке сведений переписей 1912 и 1918 годов более детальное расчленение прислуги по профессиям оказалось невозможным. Поэтому интересную категорию лиц, живущих „одной прислугой", пришлось соединить с прочей прислугой.

слуги, получив возможность более независимого существования и лучше оплачиваемого заработка. Это, конечно, должно было привести к вздорожанию личных услуг и к сокращению спроса на них. Далее развившаяся за время войны и весьма усилившаяся за революцию дороговизна существования не позволяла держать лишнюю прислугу. Наконец, социальный характер разразившейся революции, провозгласившей лозунг: «не трудящийся да не ест», также должен был влиять в направлении отказа от пользования услугами наемного труда. Все это вместе взятое должно было повлечь уменьшение количества прислуги в Москве. И действительно, нижеприводимые цифры вполне подтверждают этот априорный вывод:

Категории прислуги.	Число лиц обоего пола. В 1912 г.	В 1918 г.	Сокращение в %%
Кухонная прислуга	39.102	13.130	66,4
Комнатная прислуга	13.768	4.659	66,2
Прислуга при детях	11.106	4.631	58,3
Живущие одной прислугой и прочая прислуга	62.474	50.119	19,8

Наибольшему сокращению (на $^2/_3$) подверглись, по сравнению с 1912 годом, категории кухонной и комнатной прислуги; почти на столько же уменьшилось число прислуги, занятой уходом за детьми. Что же касается живущих одной прислугой и прочей прислуги, то эта группа сократилась лишь на $^1/_5$. Очевидно, те, кто раньше мог держать несколько человек прислуги, теперь вынужден ограничиваться услугами одного человека, а значительная часть имевших в услужении одно лицо теперь обходится без наемного труда.

От представителей физического труда обратимся к профессиональным группам лиц, снискивающих себе средства существования всякого рода службой или путем занятия так называемыми свободными профессиями. Главнейшими профессиональными категориями здесь являются следующие:

	Мужчин.	Женщин.	Об. пола.
Приказчики	17.506	4.925	22.431
Артельщики	5.719	386	6.105
Бухгалтеры и кассиры	4.500	2.908	7.408
Агенты и комиссионеры	2.637	123	2.760
Директоры и управляющие	1.501	132	1.633
Разные торг.-пром. служащие, особо непоименованные	19.956	5.662	25.618
Конторщики и писцы	20.389	14.637	35.026
Охрана обществен. безопасности	8.598	3	8.601
Судебная деятельность	1.607	33	1.640
Врачебная деятельность	5.647	7.875	13.522
Педагогическая деятельность	5.881	10.690	16.571
Духовенство и служит. культа	2.193	2.702	4.895
Ученые, литераторы, художники	2.034	461	2.495
Зрелища и спорт	3.493	2.154	5.647

Наиболее многочисленной группой являются конторщики и писцы; за ними следуют в убывающем порядке группы разных торгово-промышленных служащих, приказчиков, служащих государственных и общественных учреждений. Значительно меньшими являются группы лиц, занятых педагогической и врачебной деятельностями, и наиболее малочисленными оказываются группы лиц, занятых судебной деятельностью, и группа директоров и управляющих торгово-промышленных предприятий. В большинстве профессиональных групп резко преобладает мужской элемент над женским; исключение представляют группы лиц, занятых педагогической и врачебной деятельностями, где наблюдается довольно значительное преобладание женского труда; следует отметить, что тою же особенностью эти две группы отличались и в прежнее время (в 1912 г.); это явление вполне объясняется весьма широким распространением женского труда на поприще воспитания и обучения детей, в деле ухода за больными (сиделки) и в акушерстве.

По сравнению с довсенным и дореволюционным временем некоторые из вышеперечисленных профессиональных групп значительно уменьшились в 1918 году. Так, число лиц, занятых службой по охране общественной безопасности, с 32.306 чел. в 1912 г. упало до 8601 чел. в 1918 г., т.-е. сократилось почти на $^3/_4$ (точнее—на 73,4%), что объясняется всецело сокращением гарнизона (тем более, что 18.000 человек войска в перепись 1918 года не попало). Больше чем на половину (на 56,7%) сократилось в Москве количество директоров и управляющих торгово-промышленных предприятий (в 1912 г.—3772 чел.). Почти на $^2/_5$ (на 39,6%) уменьшилось число ученых, литераторов и художников (в 1912 г.—4132 чел.). Более чем на $^1/_3$ (на 36,5%) стало меньше лиц, занятых судебною деятельностью (в 1912 г.—2581 чел.). На $^1/_3$ (на 33,8%) уменьшилось количество приказчиков (в 1912 г.—33.885 чел.), что стоит в связи, конечно, с прекращением со времени революции деятельности многих крупных торговых предприятий. Наконец, почти на $^1/_4$ (на 23,1%) сократилась группа служителей культа и духовенства (в 1912 г.—6369 чел.). Преобладание в этой группе женщин объясняется тем, что сюда, кроме священнослужителей, вошли еще и монашествующие, и послушники, среди которых женщин в несколько раз больше, чем мужчин.

Наоборот, число конторщиков и писцов возросло почти на $^3/_5$ (на 58%), поднявшись с 22.185 человек в 1912 г. до 35.026 человек в 1918 году. Почти на $^1/_2$ (на 48,2%) увеличилось количество разных торгово-промышленных служащих (в 1912 г.—17.281 человек); на $^2/_5$ (на 39,3%) прибавилось агентов и комиссионеров (в 1912 г.—1982 чел.); почти на $^1/_3$ (на 31,2%) насчитано больше в 1918 г. бухгалтеров и кассиров (в 1912 г.—5644 чел.) и на $^1/_4$ (на 25,4%) оказалось больше артельщиков (в 1912 г.—4868 чел.). Наконец, группа лиц, занятых в зрелищах и спорте, численно возросла почти на $^2/_5$ (на 38,6%; в 1912 г. было 4075 чел.). Если принять во внимание, что при национализации промышленности и торговли, а равно и частных театров, весь их служебный персонал был взят на государственную службу, то все только что перечисленные профессиональные категории представляют из себя, в сущности, разные виды советских служащих. Эти данные лишний раз подтверждают тот вывод, что социальная революция отразилась на московском населении, между прочим, широкой его бюрократизацией, значительно увеличив в Москве кадры служилого элемента.

В противоположность весьма сильному возрастанию профессиональных групп различных служащих, группа

лиц, занятых врачебной деятельностью, увеличилась только немного более чем на $^1/_{10}$ (на 11,2%): в этой группе по переписи 1912 г. насчитывалось 12.157 лиц, а переписью 1918 г. их зарегистрировано 13.522. Наконец, число лиц, занимающихся педагогической деятельностью, оказалось в 1918 г. почти таким же, каким оно было шесть лет назад: в 1912 г. педагогов насчитывалось 16.269 чел., а в 1918 г.—16.571 чел., т.-е. число их увеличилось в 1918 г. меньше чем на 2%.

Вышеприведенный детальный обзор профессионального состава московского населения дает основания для следующих общих выводов. Война и революция отразились на профессиональном составе московского населения и количественно и качественно. Затруднения, возникшие еще во время войны и обострившиеся во время революции, в отношении получения необходимых топлива, сырья и материалов повели к тому, что ряды большинства профессиональных групп значительно поредели: в Москве стало меньше представителей таких, раньше широко распространенных профессий, как ткачи, сапожники, портные, столяры, токари, плотники, маляры, пекари, официанты и половые, извозчики и т. д. Весьма сильно сократилось количество прислуги и число, так называемых, ремесленных учеников; меньше стало ученых, литераторов, художников, судейских, духовных и т. д.; значительно убавилось число хозяев торгово-промышленных предприятий, число директоров и управляющих, приказчиков, рентьеров и пенсионеров. Однако, при сокращении большинства профессиональных групп произошло одновременно увеличение некоторых профессиональных категорий. Так, например, в Москве за время войны и революции возросло число слесарей и кузнецов, железнодорожных и трамвайных кондукторов и проводников, почтальонов, упаковщиков и т. д. Весьма знаменательное явление представляет из себя очень сильное увеличение в Москве количества служащих в государственных и общественных учреждениях, а равно числа конторщиков и писцов. Наконец, не менее интересным следствием войны и революции является применение и распространение женского труда даже в таких профессиях, которые прежде считались почти исключительно мужскими, каковы, например, профессии слесарей, печатников, столяров, плотников, извозчиков, кондукторов, почтальонов и т. п.

4. Учет и распределение рабочей силы.

Согласно декрета, опубликованного 31 января 1918 г., «в целях точного учета и планомерного распределения рабочих рук во всех отраслях народного хозяйства, упорядочения спроса и предложения труда, наконец, контроля безработных, получающих пособия согласно закона страхования от безработицы, учреждаются местные и областные биржи труда», при чем «наем рабочих и служащих производится только через биржу труда»[1]). В соответствии с этим была открыта 19 февраля 1918 г. Московская Биржа Труда, преобразованная впоследствии в Московский Подотдел Учета и Распределения рабочей силы.

[1]) См. распубликованное в № 22 газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 31 января 1918 года „Положение о биржах труда", п. п. 1 и 16.

Как известно, первые месяцы 1918 года характеризовались острой безработицей. Главными причинами этого бедствия были ликвидация целого ряда предприятий, работавших для нужд войны, массовое возвращение с фронта демобилизованных работников и общее расстройство промышленности вследствие кризиса с топливом, сырьем и материалами. Вполне понятно, что в Москве, как крупнейшем торгово-промышленном центре, количество безработных должно было весьма сильно возрасти. Мы уже видели, что профессиональной переписью в Москве оказалось зарегистрировано в апреле 1918 года 89.003 безработных (в том числе 48.015 мужчин и 40.988 женщин), т.-е. втрое больше, чем было их насчитано при переписи г. Москвы в 1912 году; в 1918 г. безработные составляли уже 10% самодеятельного московского населения, в то время как в 1912 г. на их долю приходилось менее 3%. Текущая же статистика Московского Подотдела У. и Р. Р. С. дает общую цифру безработных за $10^1/_3$ месяцев 1918 года в 262.443 чел. (в том числе 154.111 мужч. и 108.332 женщ.). Разница с цифрами переписи обусловливается, конечно, повторными записями безработных, находивших себе работу чрез биржи труда только на короткий срок. Картина дальнейшего движения числа безработных в Москве, соотношение между спросом и предложением труда, а также и удовлетворение этого спроса органами распределения рабочей силы рисуются в следующем виде:

годы.	Число записавшихся безработных.	Числа предъявленных требований на работ.	Число безработных, поставленных по требованиям.	Число безработных, определившихся на места.
1918 . .	262.443	191.054	161.605	139.516
1919 . .	177.116	231.929	187.628	170.872
За 7 мес. 1920 г. .	81.087	99.823	83.267	82.858

	Средние ежемесячные количества:			
годы.	Безработных.	Требований.	Поставленных по требов.	Определившихся на места.
1918 . .	25.480	18.549	15.690	13.545
1919 . .	14.760	19.328	15.636	14.239
За 7 мес. 1920 г. .	11.584	14.260	11.895	11.837

Как видим, число записей безработных в Москве с 262.443 в 1918 г. уменьшилось в 1919 г. до 177.116. Средние месячные числа записей безработных более точно обрисовывают это падение безработицы, достигшее в текущем году, по сравнению с 1918 г., 13.896 случаев за месяц или 54,6%, другими словами, безработица в Москве убавилась более чем на половину. Иначе обстоит дело со спросом на рабочие руки: он в 1919 г. увеличился против 1918 г. на 4,2%; но в 1920 г. опять понизился на 26,2%, а сравнительно с 1918 г.—на 23,1%. Однако, несмотря на некоторое сокращение спроса на рабочие руки, абсолютный недостаток мест наблюдался лишь в 1918 г., когда на 100 безработных приходилось только 73 требования; что же касается 1919 г. и 7 месяцев текущего года, то спрос на рабочие

руки значительно превысил предложение труда: в 1919 г. на 100 безработных приходилось 131 место, а в 1920 г. за первые 7 месяцев—123 места. Таким образом, спрос на рабочие руки в Москве с 1919 г. до последнего времени обгоняет предложение труда, при чем органы распределения рабочей силы оказываются не в состоянии удовлетворить этот спрос полностью. На 100 заявленных мест приходилось:

	Посылок безработных.	Определившихся на места.	% определившихся к числу посланных.
В 1918 г.	85	73	86,3
» 1919 »	81	74	91,1
За 7 мес. 1920 г. .	83	83	99,5

Эти цифры показывают, что органы распределения рабочей силы не в состоянии удовлетворить от $^1/_5$ до $^1/_7$ предъявляемых к ним требований на труд: на 100 заявленных мест приходится от 80 до 85 посылок безработных. Но фактическое удовлетворение спроса еще ниже, так как не все посланные действительно определяются на места: из 1000 отправленных по требованиям поступали на места в 1918 г.—863 чел., в 1919 г.—911 чел. и в 1920 г. (за 7 мес.)—995 чел. Увеличение числа случаев поступления на место объясняется не только усилением спроса на труд, но и особыми причинами, сыгравшими вообще громадную роль в вопросе о безработице в Москве. Открытие в апреле 1918 года кассы безработных отразилось на рабочей массе совершенно иначе, чем предполагалось. «Ожидание пособия, бесплатные обеды,—читаем мы в отчете Московского Отдела У. и Р. Р. С. за 1918 г.,—первое время влияли на рабочую массу своеобразно разлагающе: рабочие отказывались итти на работу, выбирали места, не доходили до места работы и возвращались обратно, ссылаясь на то, что не нашли указанного адресата, и т. п.». В целях борьбы с уклонением безработных от принятия предлагаемой им работы, а также для облегчения мобилизаций безработных на общественные работы, как, напр., на разгрузку железно-дорожного узла, на разборку интендантских складов, на очистку от снега железнодорожных путей, городских улиц и т. д.—*было воспрещено безработным отказываться от какой бы то ни было работы* под страхом различных наказаний, как-то: лишение пособия, снятия с учета и т. п. *Таким образом, была введена принудительность работ для безработных.* Однако, эта мера не только не достигла своих целей, но и произвела целый переворот в положении дел с безработицей. Прежде всего в действительности посылка безработных на такие работы, как очистка снега, оказалась затруднительной, с одной стороны, потому, что «невозможно было посылать на такие работы не имевших исправной обуви, калош, теплой одежды и т. п.», с другой — потому, что «огромный процент безработных имели свидетельства от районных советских амбулаторий о болезненном состоянии, освобождавшие их от тяжелой физической работы». Вместе с тем на безработных оказывала деморализующее влияние огромная разница между крайне ничтожными размерами тарифной платы и вознаграждением по вольному найму. Так, например, по тарифу грузчик получал 29 р. 50 к., а по вольному найму—100—125 р. в день; тариф хлебников был 22—24 р., вольная же цена выражалась в виде 3—5 фунтов добавочного хлеба в день да еще в участии в хлебных «комбинациях». Поэтому принудительные посылки на работу имели своим последствием то, что—как говорится в отчете—«началось форменное бегство безработных с биржи»: так, например, за ноябрь 1918 г. за потерей явки было снято с учета 9268 чел., т.-е. 29,6% общего числа записавшихся за тот же месяц, за декабрь—10.229 чел. или 36,8%. В результате явился недостаток рабочих некоторых категорий, в особенности чернорабочих. Что же касается квалифицированных рабочих, то обеднение биржи запасом их началось еще раньше: уже с июля 1918 г. биржа труда оказывалась не в состоянии среди состоявших на учете безработных найти слесарей, водопроводчиков и т. п. В целях борьбы с бегством безработных с биржи труда был издан новый декрет, запрещавший брать рабочих помимо биржи. Но отсутствие на бирже достаточного контингента более или менее квалифицированных рабочих, с одной стороны, и недостаток даже неквалифицированных рабочих вызвали своеобразное явление: по словам отчета, «усилился приток именных требований на рабочие руки»; другими словами, М. О. У. и Р. Р. С. оказалось вынужденным выдавать разрешения «на приглашение и наем рабочих и служащих помимо биржи». Отчет отмечает, что «таких разрешений в ноябре и декабре 1918 года выдавалось ежедневно в среднем до 30,—на десятки и сотни рабочих». По некоторым профессиональным секциям количество именных разрешений оказывалось несравненно выше числа случаев посылки безработных на работу в общем порядке: так, например, по секции технического персонала процент разрешений по именным требованиям доходил до 85%, по секции чернорабочих—до 75%, по секции кожевников—до 60%, по секции транспорта—до 55%, и т. д. Таким образом, жизнь превратила М. О. У. и Р. Р. С. из органа, планомерно распределяющего рабочую силу, в орган, главным образом, регистрирующий случаи заключения сделок по найму рабочих и служащих. Его клиентами являются не столько безработные в обычном узком значении этого понятия, сколько кандидаты, уже успевшие самостоятельно подыскать себе место и являющиеся в М. О. У. и Р. Р. С. лишь для совершения известной формальности. Отсюда становится понятным и тот исключительно высокий процент, какой составляют, начиная с 1919 года и особенно в 1920 г., лица, определившиеся на места, в общей массе посланных М. О. У. и Р. Р. С. на работу (теперь 995 чел. на 1000 посланных); это объясняется, главным образом, именно тем, что являвшиеся в М. О. У. и Р. Р. С. уже имели на примете подысканные ими самими места, а не страхом перед запрещением отказываться от работы. Действительно, такое запрещение, как мы видели, появилось еще в 1918 году; однако, из каждой тысячи посылавшихся на работу поступали на место в 1918 г. лишь 863 чел., другими словами, несмотря на запрещение, около $^1/_7$ посланных лиц все же отказывались от принятия предлагаемой работы по тем или другим соображениям.

Рабочие Госуд. Авиационного завода № 2 (быв. „Гном-Рон“).

По полу лица, обращающиеся в М. О. У. и Р. Р. С., распределяются следующим образом:

годы.	Предложение труда. Мужчины.	Женщины.	В %%% Муж.	Жен.	Спрос на труд. Мужчин.	Женщин.	В %%% Муж.	Жен.
1918 . .	154.111	108.332	58,7	41,3	151.581	39.473	79,0	21,0
1919 . .	85.766	91.350	48,4	51,6	136.025	95.904	58,7	41,3
За 7 мес. 1920 г. .	37.984	43.103	46,8	53,2	54.496	44.588	55,0	45,0

Только в 1918 г. число безработных мужчин значительно было больше числа безработных женщин, так что на каждую сотню безработных обоего пола приходилось 59 мужчин и только 41 женщина; в последующее же время количество безработных женщин начинает все сильнее и сильнее превышать число безработных мужчин. Так, в 1919 г. на 100 безработных приходилось 52 женщины и 48 мужчин, а в текущем году — 53 женщины и 47 мужчин. Сильное преобладание среди безработных в 1918 г. именно мужчин объясняется, конечно, массовым возвращением с фронта прежних рабочих—солдат, раненых и инвалидов, которым, повидимому, не сразу удалось пристроиться к месту. Но миновал момент беспорядочной демобилизации армии, сопровождавшийся огромным наплывом в города мужского элемента—и картина полового состава безработных изменяется: мы видим, что предложение свободных рабочих рук идет главным образом из женской среды. Объяснений этого можно искать, с одной стороны, в том, что революция, заменившая внешнюю войну гражданской, снова оторвала от производительной деятельности огромные массы мужского населения, призвав их под красные знамена, а с другой—в том, что со времени революции, как мы уже видели раньше, женское население все больше и больше стало вовлекаться в борьбу за существование. Однако, несмотря на эти изменения, происшедшие в области предложения труда, спрос на труд все еще продолжает сохранять свой прежний характер, отличающийся преобладанием требований на мужской труд. На каждую сотню требований в 1918 г. в 79 случаях спрос шел на мужские рабочие руки, и только в 21 случае требовались женщины. С течением времени такое резкое несоответствие между спросом на мужской и женский труд в значительной мере сгладилось: в 1919 г. на 59 требований мужчин приходится уже 41 требование женщин, а в текущем году требования на мужской труд составляют 55, а на женский—уже 45 случаев. Тем не менее, преобладание спроса на мужские рабочие руки остается до сих пор, и устраиваться на работу женщинам, повидимому, оказывается все же труднее, чем мужчинам. Однако, за недостатком последних спрос на рабочие руки удовлетворяется, главным образом, за счет женских кадров безработных, как это можно видеть из следующих данных:

годы.	Число посланных на работу. Мужчин.	Женщин.	В %%% Муж.	Жен.
1918	112.206	49.399	69,0	31,0
1919	87.410	100.218	41,2	58,8
За 7 мес. 1920 г.	39.798	43.469	47,8	52,2

Приведенные цифры показывают, что в то время как, главным образом, спрашиваются мужские рабочие руки, посылаются на предлагаемые места с 1919 г. по

преимуществу женщины; исключение представляет 1918 год, когда среди посылавшихся на работы резко преобладали мужчины. Впрочем, нельзя не отметить, что за 7 месяцев 1920 г. процентное соотношение между мужчинами и женщинами, посылаемыми на работу, стало более равномерным: в то время как в 1919 г. на каждую сотню посылаемых на работу приходилось 41 мужчина и 59 женщин, в текущем году на долю мужчин приходится уже 48 чел., а на долю женщин—52 чел.

По данным Московского Подотдела Уч. и Расп. раб. силы за 7 месяцев 1920 г. профессиональный состав безработных представляется в следующем виде:

Группы профессий (по рабоч. союзам).	Записалось безработных. Муж.	Жен.	Об. пола.	Спрос на труд (предложено мест)	Послано на работу. Муж.	Женщ.	Об. пола.
1. Работ. земли	197	10	207	229	205	10	215
2. „ леса .	10	—	10	19	10	—	10
3. Горнорабочие	1976	—	1976	1974	1973	—	1973
4. Металлисты .	4976	94	4286	7009	4203	96	4299
5. Деревообделочники . . .	673	2	675	1306	664	2	666
6. Текстильщики	90	346	436	753	90	350	440
7. Рабоч. швейн. промысла .	471	1775	2246	4617	479	1769	2248
8. Писчебумажн.	12	47	59	71	12	47	59
9. Стекло-фарфорщ	10	2	12	62	10	2	12
10. Пищевики . .	2439	837	3276	3842	3073	793	3866
11. Табачники . .	1	10	11	11	1	9	10
12. Кожевники .	1023	218	1241	1876	1047	214	1261
13. Химики . . .	45	198	243	270	41	200	241
14. Печатники . .	427	135	562	1784	415	136	551
15. Строители . .	1646	1	1647	5534	1639	1	1640
16. Железно-дор.	1067	187	1254	1324	1073	182	1255
17. Водотранспортники .	4	—	4	4	4	—	4
18. Мелкотранспортники .	2503	324	2827	2937	2543	331	2874
19. Работн. связи	378	1011	1389	1945	365	1036	1401
20. „ питания	764	2204	2968	2763	698	2162	2860
21. „ гигиены	35	467	502	546	36	511	547
22. „ искусст.	18	6	24	30	17	9	26
23. „ просвещения .	90	304	394	496	100	318	418
24. Физкотруд . .	1392	1379	2771	6221	1395	1438	2833
25. Медикосанитруд . . .	901	3749	4653	3780	901	3751	4652
26. Аптекарские служащие .	44	73	117	117	43	74	117
27. Советск. служ. и проч. . .	7901	10.949	18.853	23.723	8136	10.785	18.921
28. Домовые служащие . .	4870	7402	12.272	11.668	5261	7562	12.823
29. Чернорабочие	4799	11.373	16.172	14.912	5364	11.681	17.045
Итого . . .	37.984	43.103	81.087	99.823	39.798	43.469	83.267

Ядро безработных составляют три последние группы, именно—советские служащие, чернорабочие и домовые служащие (под последними подразумевается, с одной стороны, комнатная прислуга, а с другой—дворники, швейцары, сторожа и курьеры). Эти три группы, взятые вместе, составляют почти $^3/_5$ (точнее 58,3%) общего числа безработных.

Наиболее многочисленной оказывается группа советских служащих, среди которых главную массу составляют конторщики, машинистки-переписчицы, делопроизводители и заведующие: на долю их приходится 63,3% общего числа лиц этой группы (из 18.853 чел.—11.930 чел.). Следующее место занимает группа чернорабочих (16.172 чел.), составляющая $^1/_5$ всех безработных. На третьем месте по своей численности стоит группа домовых служащих (12.272 чел.); в ней свыше половины (54,7%) составляют сторожа и курьеры, дворники, швейцары и уборщики (6716 чел.). Остальные

группы безработных в количественном отношении значительно уступают 3 только что упомянутым группам.

Если даже взять всех безработных из числа лиц, причастных к транспорту и сношениям (гр. гр. 16—19), то и тогда группа транспортников не превысит 5474 чел., т.-е. 7% общего числа безработных; около $^2/_3$ (66,5%) этой группы придется на извозчиков, грузчиков, стрелочников, кондукторов, телефонистов и почтальонов (3643 чел.). Далее наиболее крупными оказываются группы медико-санитарного труда (4633 чел.) и металлистов (4286 чел.). В первой из них около $^9/_{10}$ (89%) приходится на долю санитаров и сиделок (4140 чел.), во второй более половины (52,6%) составляют разные слесаря, токаря, кузнецы и молотобойцы (2256 чел.). За поименованными группами следует по своей численности группа пищевиков (3276 чел.), на $^3/_4$ состоящая из пекарей (2488 чел.=76%). Близко к ней стоит по своему количественному составу (2968 чел.)—группа работников питания, заключающая в себе, собственно говоря, кухонную прислугу: в ней на долю судомоек, поваров и кухарок приходится 45%.

Группа, называемая по своеобразной терминологии Подотдела Уч. и Распред. Раб. Силы, «финкотруд» и насчитывающая в своем составе до 2771 чел., состоит из бухгалтеров, счетоводов, кассиров, артельщиков и т. п. профессий, при чем ядро ее составляют именно лица бухгалтерского и счетного персонала (2205 чел. или 80%).

За ней следует по своей численности группа работников швейной промышленности (2246 чел.); в этой группе насчитывается 1808 швей, портных и портних, что составляет 80,5% общего числа безработных этой категории. На долю горнорабочих приходится 1976 чел. или менее 2½% всех безработных, при чем 70,9% (1402 чел.) среди горнорабочих составляют забойщики, крепильщики и откатчики. В группе строителей насчитывается 1647 безработных; главную массу их составляют плотники, маляры и каменщики, которые исчисляются 60,4% (996 ч.) общего числа лиц этой группы.

В кожевенной группе имеется 1241 безработный, при чем на $^2/_3$ (67,5%) эта группа состоит из сапожников, заготовщиков и шорников.

Каждая из остальных 12 групп безработных насчитывает в своем составе менее 1000 человек. Значение этих 12 групп среди кадров безработных не велико: число безработных этих групп определяется всего лишь в 3252 чел.; другими словами, на эти группы, вместе взятые, приходится только 4% общего числа безработных. Наиболее крупными из них являются: группа деревообделочников (675 чел.), по преимуществу столяров, группа печатников (562 чел.), группа «работников гигиены» (502 чел.), главным образом, прачек, и группа текстильщиков (436 чел.).

Что касается полового состава безработных, то резкое преобладание мужчин наблюдается в таких профессиональных группах, как металлисты, деревообделочники, пищевики (пекаря), кожевники, строители (плотники, маляры и т. п.) и транспортные работники; кроме того, в группах горнорабочих, работников леса и водотранспортников мы не встречаем ни одной женщины. Наоборот, резким преобладанием безработных женщин отличаются текстильщики, работники швейной промышленности, работники связи (телефонистки, почтальоны и т. п.), работники питания (кухонная прислуга), работники гигиены (прачки), работники культурно-просветительного дела (педагоги) и работники медико-санитарного дела (сиделки). Нельзя также не отметить, что в группе безработных чернорабочих, как это ни странно, женщин насчитывается почти в 2½ раза больше, чем мужчин; объяснения этого неожиданного явления надо искать, видимо, в условиях военного времени, когда мужской элемент отвлечен в ряды армии.

Весьма интересную картину представляет соотношение спроса и предложения труда по различным профессиональным группам:

Профессиональные группы.	Спрос на труд. (на 100 безработных каждой группы приходится заявленных мест).	Удовлетворение спроса (на 100 заявлен. мест послано безработных).
1. Стекло-фарфорщики	500,0	19,3
2. Строители	336,0	29,6
3. Печатники	317,1	30,9
4. Финкотруд (бухгал. и счети. персонал)	224,5	45,5
5. Работники швейн. пром.	205,6	48,7
6. Деревообделочники	193,5	51,0
7. Работники леса	190,0	53,0
8. Металлисты	163,6	61,3
9. Текстильщики	158,2	58,4
10. Кожевники	151,2	67,2
11. Работники связи	140,0	72,0
12. » культур.-просв. дела.	126,0	84,3
13. Советские служащие	125,8	79,7
14. Работники искусств.	125,0	87,0
15. Писчебумажники	120,4	83,0
16. Пищевики	117,3	100,6
17. Химики	111,1	89,3
18. Работники земли	110,6	93,9
19. Железнодорожники	105,6	94,8
20. Работники гигиены	105,5	100,2
21. Местнотранспортники	103,0	97,8
22. Водотранспортники	100,0	100,0
23. Аптекарские служащие	100,0	100,0
24. Табачники	100,0	90,0
25. Горнорабочие	99,9	99,9
26. Работники питания	96,7	103,5
27. Домовые служащие	95,1	109,9
28. Чернорабочие	92,2	114,3
29. Медикосантруд	81,2	123,1
Во всех группах	123,1	83,4

Как мы видим, в общем число предложенных свободных мест превышает число безработных: на 100 безработных приходится 123 свободных места. Но по отдельным профессиональным группам этот общий вывод претерпевает весьма значительные изменения.

Как самый спрос на труд, так и удовлетворение его в различных профессиональных группах характеризуются различной интенсивностью. С одной стороны, мы видим, что в 5 последних группах, именно—медикосантруда, чернорабочих, домовых служащих, работников питания и горнорабочих, предложение рабочих рук оказывается выше числа свободных мест: в этих группах на 100 безработных приходится менее 100 свободных мест (от 81,2 до 99,9). С другой стороны, спрос на труд чрезвычайно велик в 7 первых профессиональных группах: у стекло-фарфорщиков, строителей, печатников, у финкотруда, у работников швейной промышленности, деревообделочников и работников леса; в пере-

численных профессиональных группах на 100 безработных приходится от 190 до 500 свободных мест. Наконец, имеются и такие 2 профессиональные группы, в которых предложение труда совершенно совпадает с предложением числа свободных мест. Это группы: водотранспортников, аптекарских служащих и табачников; впрочем, количественный состав этих трех групп—весьма мал, и совпадение в них спроса и предложения труда является скорее простой случайностью. Из остальных профессион. групп значительной интенсивностью спроса на рабочие руки отличаются группы металлистов, текстильщиков, кожевников и работников связи.

Что касается удовлетворения спроса на труд, то оно оказывается, как общее правило, тем меньше, чем больше спрос на труд: сравнение двух рядов вышеприведенных цифр приводит к выводу, что в общем, по мере сокращения числа свободных мест по различным профессиональным группам, число удовлетворяемых требований на рабочие руки возрастает. При этом особенно резкое несоответствие числа свободных мест с числом удовлетворяемых требований на рабочие руки наблюдается в группах стекло-фарфорщиков, строителей, печатников, бухгалтеров и счетоводов, работников швейной промышленности, деревообделочников, работников леса, металлистов, текстильщиков, кожевников, работников связи и советских служащих. В перечисленных группах число свободных мест колеблется от 126 до 500 на каждую сотню безработных, а число удовлетворяемых требований составляет от 19 до 80. Таким образом, количество незанятых мест по этим группам колеблется от 20 до 81 на 100. Это свидетельствует о чрезвычайно остром недостатке в Москве представителей перечисленных профессиональных групп.

В заключение краткого обзора деятельности московских органов распределения рабочей силы следует отметить, что громадное большинство московских безработных находит работу по своей специальности. Из 83.267 всех безработных только 1784 чел. были посланы органом распределения рабочей силы на должности и места, не соответствующие профессиональной подготовке посылаемых; следовательно, количество безработных, поступающих на места не по своей специальности, составляет лишь 2,14%. Несомненно, что такое малое количество безработных, вынужденных поступать на должности вопреки их профессиональных навыков и личной склонности, зависит, с одной стороны, от недостатка рабочих рук, а с другой—от того обстоятельства, что огромное большинство, так называемых, безработных, обращающихся к органам распределения рабочей силы, как было сказано выше, являются уже кандидатами на те места, которые они сами приискали себе еще до обращения к органам распределения рабочей силы. Эти органы в силу сложившихся условий только регистрируют факт найма.

Главным образом, поступают на места не по своей специальности безработные из числа домовых служащих (1296 лиц, посланных не по своей профессии), из числа советских служащих (222 чел.) и из чернорабочих (202 чел.).

Огромное большинство безработных поступает на постоянную работу. Безработных, посылаемых на временную работу, т.-е. на срок не свыше 14 дней, оказывается всего лишь 4490 чел., т.-е. 5,39% общего числа безработных. На работы временного характера посылаются, главным образом, пищевики (1632 чел.), большинство которых составляют пекаря, строительные рабочие (1558 чел.), деревообделочники (621 чел.) и чернорабочие (452 чел.).

Судить об интенсивности работы московского органа распределения рабочей силы в течение года можно на основании следующих цифр, относящихся к 1919 году, как к последнему, вполне законченному отчетному периоду:

МЕСЯЦЫ.	На 1 день работы биржи труда приходилось: вновь записавшихся безработных.	вновь заявленных свободных мест.
Январь . . .	842,8	1219,5
Февраль . . .	730,7	1047,7
Март	760,0	1248,4
Апрель. . . .	518,0	719,3
Май	804,2	1009,0
Июнь	632,0	746,8
Июль	467,4	676,3
Август. . . .	494,6	614,2
Сентябрь . . .	591,2	607,2
Октябрь . . .	583,2	649,3
Ноябрь. . . .	429,8	508,1
Декабрь . . .	399,3	500,1
За целый год .	600,4	786,2

Таким образом, в прошлом 1919 г. московский орган распределения рабочей силы ежедневно принимал в среднем в день по 600 записей безработных и по 786 заявок о свободных местах. Наиболее интенсивно приходилось работать органу распределения рабочей силы в январе, феврале, марте и мае месяцах, когда число записей безработных колебалось от 731 до 843, а число заявок о свободных местах—от 1009 до 1248 в день. Сравнительным затишьем в работе московского органа распределения рабочей силы характеризуется вторая половина года 1919 г., и особенно декабрь и ноябрь, а также июль и август; в эти месяцы среднее ежедневное число записей безработных понижалось до 399—591, а число заявок о местах — до 500 — 676.

За истекшие 7 месяцев текущего 1920 года работа московского органа распределения рабочей силы уже лишилась прежнего интенсивного характера. За 166 операционных дней в течение первых 7 месяцев 1920 г. органом распределения рабочей силы было принято 81.087 заявлений о безработных и 99.823 заявок о свободных местах. Таким образом, за первые 7 месяцев текущего года среднее ежедневное число заявлений о безработных упало до 488, а количество заявок о свободных местах—до 601. Само собою понятно, что падение размеров работы московского органа распределения рабочей силы в течение первых 7 месяцев текущего года объясняется причинами, лежащими вне его, именно, сокращением в Москве числа безработных, а также и застоем в промышленности вследствие неблагоприятного положения с топливом и сырьем.

Фабрично-заводская промышленность Москвы.

1. Общее число фабрик и заводов в Москве и характер московской промышленности.

Москва занимает одно из центральных мест в фабрично-заводской промышленности России. По данным первой всероссийской промышленной и профессиональной переписи 31 августа 1918 года, произведенной Центральным Статистическим Управлением, в 12 губерниях центрального промышленного района [1]) числилось всего 5160 фабрик и заводов с 902.151 рабочими, что составляло свыше половины (51%) всех фабрик (10.114 предприятий) и почти $^3/_4$ (точнее 72,3%) всех фабрично-заводских рабочих (1.252.468 чел.), находившихся в тогдашних пределах Советской Республики. В частности на Московскую губернию приходилось 1788 промышленных предприятий с 378.153 рабочими, другими словами,—более $^1/_3$ фабрик (34,6%) и более $^2/_5$ рабочих (41,9%) центрального промышленного района. Таким образом, Московская губерния занимает первое место в районе как по числу предприятий, так и по числу рабочих. В Московской же губернии совершенно исключительное значение принадлежит Москве, в которой при переписи 1918 года было насчитано 1190 фабрик и заводов с 155.032 рабочими, что по отношению к соответствующим числам всей Московской губернии составляет 66,6% и 41,0% [2]).

По отношению ко всему Московскому населению (1.716.022 жителей в 1918 г.) фабрично-заводские рабочие составляли 9,1%, а по отношению к самодеятельной части московского населения (917.098 чел. в 1918 г.)—16,9%. Таким образом, около $^1/_{10}$ всего московского населения и около $^1/_6$ самодеятельной его части (т.-е. имеющей самостоятельный заработок или вообще источник средств существования) принадлежит к классу фабрично-заводских рабочих.

Почти такие же численные соотношения между московским населением, самодеятельною его частью и классом фабрично-заводских рабочих наблюдались и в прежние годы, как это можно видеть из следующих данных:

По данным переписей.	Численность населения Москвы.	Количество самодеятельных.	Число фабрично-завод. рабочих.	Фабрично-завод. рабочие составляли в %%.	
				Ко всему населен.	К числу самодеят.
1902 г.	1.174.673	755.226	107.781	9,18	14,3
1912 »	1.616.415	1.051.263	165.184	10,22	15,7
1918 »	1.716.022	917.098	155.032	9,1	16,9

[1]) В состав центрального промышленного района входят следующие губернии: Московская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Смоленская, Тверская, Ярославская и Костромская.

Если принять цифры московского населения и фабрично-заводских рабочих 1902 года за 100, то численность населения Москвы в 1912 г. выразится 137,6%, а число фабрично-заводских рабочих—153,3%; те же относительные величины в 1918 г. составят 144,5% и 143,8%.

Отсюда видно, что за весь промежуток времени с 1902 по 1918 год рост населения Москвы вообще совершался почти параллельно с ростом фабрично-заводского населения, при чем за десятилетие 1902—1912 гг. возрастание количества фабрично-заводских рабочих в Москве шло даже более ускоренным темпом, нежели рост всего московского населения.

По данным промышленной переписи 1918 г. в бывшей столице — Петрограде оказалось всего 139.992 фабрично-заводских рабочих при населении в 1.469.000 чел., т.-е. класс фабрично-заводских рабочих составлял в красном Петрограде в 1918 году только 9,5%. Следовательно, красная Москва после революции почти нисколько не уступала Петрограду в степени насыщенности фабрично-заводским пролетариатом, а в смысле его аккомуляции Москва в 1918 г. даже превосходила Петроград: ее фабрики и заводы кормили 12,4% фабрично-заводского пролетариата всей Советской Республики, а петроградские — только 11,2%. Отсюда можно заключить, что Москва оказалась более устойчивой в начавшемся после революции процессе распыления и рассасывания пролетарских масс.

В количестве фабрик и заводов Петроград значительно уступает Москве: в то время как в последней сосредоточено 11,8% промышленных предприятий всей Советской Республики, находящиеся в Петрограде фабрики и заводы составляли в 1918 г. лишь 6,0% (609 предприятий). Но зато средние размеры петроградских фабрик и заводов оказываются крупнее московских: в Москве на одно промышленное заведение, по данным переписи 1918 г., приходилось только 154 рабочих, а в Петрограде—273, т.-е. почти вдвое больше. Менее крупный характер московской фабрично-заводской промышленности, по сравнению с петроградской,

[2]) Пользуемся случаем принести свою благодарность заведующему Отделом Основной Промышленной статистики Центрального Статистического Управления—*И. Я. Воробьеву*, любезно предоставившему в наше распоряжение корректурные оттиски предварительной сводки данных переписи 1918 г. и некоторые рукописные таблицы, относящиеся к г. Москве.

составлял отличительную черту Москвы и в дореволюционное время:

Годы.	Москва. Число фабрик и заводов с данными о числе рабочих.	Москва. Общее число рабочих в них.	Москва. Среднее число рабочих на 1 завод.	Петроград. Число фабрик и заводов с данными о числе рабочих.	Петроград. Общее число рабочих в них.	Петроград. Среднее число рабочих на 1 завод.
1913	559	142.011	254	264	157.509	597
1916	791	188.299	238	334	259.345	776
1917	960	201.362	209	373	275.852	740
На день переписи						
1918	1006	155.032	154	512	139.992	273

Мы видим, что еще до войны средний размер московских фабрик и заводов был вдвое меньшим по сравнению с петроградским. Военные условия только усилили эту особенность московской промышленности: в то время, как фабрики и заводы Петрограда, работавшие непосредственно на военные нужды, за военный период значительно усилили кадры своих рабочих, московские предприятия под влиянием условий того же военного времени из года в год мельчали, так как московская промышленность не носила того высоко оборонного характера, как петроградская, и потому в большей мере подвергалась неблагоприятным влияниям военного времени в отношении всех трех главнейших факторов производства—рабочих рук, топлива и сырья. Только лихорадочная эвакуация оборонной промышленности из Петрограда, находившегося под угрозой занятия его неприятелем, — обезлюдила петроградскую промышленность и восстановила приблизительно довоенные соотношения между размерами московской и петроградской промышленности.

Впрочем, московская фабрично-заводская промышленность оказывается более мелкой не только по сравнению с петроградской, но и с подмосковной промышленностью в тесном и широком смысле, т.-е. как в отношении промышленности московской губернии без г. Москвы, так и в отношении всего центрального промышленного района, охватывающего 12 подмосковных губерний. Это можно видеть из следующих данных:

Местонахождение фабрик и заводов.	В 1913 году. Число фабрик и завод. с указ. числа рабочих.	В 1913 году. Общее число рабочих в них.	В 1913 году. Среднее число рабочих на 1 завод.	На день переписи 31 авг. 1918 года. Число фабрик и завод. с указ. числа рабочих.	На день переписи 31 авг. 1918 года. Общее число рабочих в них.	На день переписи 31 авг. 1918 года. Среднее число рабочих на 1 завод.
Москва	559	142.011	**254**	1.006	155.032	**154**
Московская губ. (без Москвы)	384	236.571	**642**	367	223.121	**608**
12 губ. центрального района (без Москвы)	2.318	743.697	**321**	2.369	747.119	**311**
33 губ. Советской Республики (со вкл. Москвы)	5.502	1.240.157	**225**	6.774	1.252.463	**185**

В довоенное и дореволюционное время средний размер московской фабрики или завода очень немного отличался от обычного размера вообще русской фабрики: на московскую фабрику приходилось в среднем 254 рабочих, а на одну фабрику в 33 губерниях Советской Республики—225 рабочих. По сравнению с средней фабрикой центрального промышленного района московская фабрика оказывалась менее крупной: на одну московскую фабрику приходилось в среднем только 254 рабочих, а в центральном промышленном районе (без Москвы)—321 рабочий. Но особенно велика была разница между средними размерами городской московской фабрики и подмосковной: московская фабрика по своим размерам оказывалась в $2^1/_2$ раза меньше подмосковной. Именно, в Москве на одну фабрику приходилось, как уже было сказано, 254 рабочих, а в Московской губернии (без Москвы)—642 рабочих. После революции средние размеры фабрично-заводского предприятия вообще сократились: на одну фабрику стало приходиться в среднем меньше рабочих, чем в 1913 г., но это сокращение происходило неравномерно: из вышеприведенных цифр мы усматриваем, что особенно резко сократился размер городской московской фабрики (с 254 до 154 раб. в среднем на одну фабрику); в Московской же губернии и во всем центральном промышленном районе средний размер фабрично-заводского предприятия претерпел менее значительные изменения. Отсюда ясно, что разница в размерах московской и подмосковной фабрик после революции должна была увеличиться; и действительно, в 1918 г. средняя московская фабрика по числу рабочих оказалась уже в 4 раза меньше подмосковной и в 2 раза меньше средней фабрики центрального района; мало того, она стала меньше даже средней фабрики всей Советской России, хотя в величине такой фабрики находят свое отражение районы с самым разнообразным уровнем промышленного развития. Это явление, конечно, зависит от того, что под влиянием обострившегося после революции продовольственного кризиса, с одной стороны, и вследствие сокращения до минимума производства по причине затруднений с сырьем и топливом—с другой, из Москвы началась усиленная людская тяга в деревню как раз того пришлого элемента, каким являются на $^9/_{10}$ московские фабрично-заводские рабочие: по переписи 1912 г. из 165.184 всех московских фабрично-заводских рабочих 149.529 были пришлыми [1]).

Как распределяются московские фабрики и заводы по размерам предприятия или, точнее, по числу занятых в них рабочих, показывают нижеследующие данные переписи 1918 года:

Фабрики и заводы с числом рабочих.	Число предприятий [2]). Абсолютное.	Число предприятий [2]). В % % к общему числу.	Число занятых рабочих. Абсолютное.	Число занятых рабочих. В % % к общему числу.	Среднее число рабочих на одно предприятие.
До 16 чел.	189	18,8	1.844	1,2	10
От 17 до 30 чел.	222	22,0	5.136	3,3	23
» 31 » 50 »	138	13,7	5.471	3,5	40
» 51 » 100 »	172	17,1	12.596	8,2	73
Итого с числом рабочих до 100 человек	**721**	**71,6**	**25.047**	**16,2**	**35**
От 101 до 250 чел.	146	14,5	22.339	14,4	153
» 251 » 500 »	75	7,5	26.815	17,3	357
Итого с числом рабочих от 101 до 500 чел.	**221**	**22,0**	**49.154**	**31,7**	**222**
От 501 до 1.000 чел.	37	3,7	27.016	17,4	730
» 1.001 » 2.500 »	22	2,2	32.372	20,9	1.471
» 2.501 » 5.000 »	3	0,3	8.983	5,8	2.994
» 5.001 » 10.000 »	2	0,2	12.460	8,0	6.230
Свыше 10.000 чел.	—	—	—	—	—
Итого с числом рабочих свыше 500 человек	**64**	**6,4**	**80.831**	**52,1**	**1.263**
Всего	1.006	100,0	155.032	100,0	154

[1]) См. по этому поводу очерк: „Чем занимается Москва".

[2]) Число фабрик и заводов дается только тех, по которым имеются сведения о числе рабочих в них.

Таким образом, почти $^3/_4$ (точнее 71,7%) всех фабрично-заводских предприятий Москвы представляют собой незначительные по размерам промышленные заведения с средним числом рабочих 35 на каждое и дают работу менее $^1/_5$ (точнее 16,2%) части всех фабричных рабочих. Свыше $^4/_5$ (точнее, 83,8%) рабочих сосредоточены в средних и крупных фабриках, при чем более $^1/_2$ (52%) всех московских фабричных рабочих работает именно в предприятиях крупных, с числом рабочих свыше 500. Следовательно, *Москва изобилует мелкими и средними фабриками, которые хотя и составляют почти 90% общего числа московских фабрично-заводских предприятий, но занимают менее $^1/_2$ (47,9%) всех рабочих рук.*

Сопоставим распределение московских фабрично-заводских предприятий по их величине с предприятиями подмосковными, центрального промышленного района, всей Советской Республики и Петрограда:

Местонахождение предприятий.	Предприятия с числом рабочих:						Всего.	
	до 100 чел.		от 101 до 500 ч.		свыше 500 ч.			
	Предприят.	Рабочих.	Предприят.	Рабочих.	Предприят.	Рабочих.	Предприят.	Рабочих.
В Москве:								
абсолютн. . . .	721	25.047	221	49.154	64	80.831	1.006	155.032
в %%.	71,7	16,2	22,0	31,7	6,4	52,1	100,0	100,0
В Московской губ. без Москвы:								
абсолютн. . . .	189	7.466	99	25.151	79	190.504	367	223.121
в %%.	51,5	3,3	27,0	11,2	21,5	85,5	100,0	100,0
В 12 губ. центр. района, кроме Москвы:								
абсолютн. . . .	1.616	47.265	487	109.874	266	589.979	2.369	747.118
в %%.	68,3	6,3	20,4	14,8	11,3	78,9	100,0	100,0
В 33 губ. Советск. Республики:								
абсолютн. . . .	5.235	135.674	1077	236.045	462	880.749	6.774	1.252.468
в %%.	77,3	10,8	15,9	18,8	6,8	70,4	100,0	100,0
В Петрограде:								
абсолютн. . . .	355	11.514	104	23.631	53	104.847	512	139.992
в %%.	69,3	8,2	20,3	16,9	10,4	74,9	100,0	100,0

По преимуществу мелкий характер московской фабрично-заводской промышленности вполне ясно обнаруживается вышеприведенной таблицей. В отношении распространенности крупных предприятий (с числом рабочих свыше 500) Москва уступает не только Московской губернии, в которой предприятия этого рода составляют свыше $^1/_5$ всех фабрик (21,5%), занимая 85,5% рабочих рук, но и всему центральному промышленному району, а также и Петрограду: в последних на долю крупных предприятий приходится $^1/_{10}$ всех фабрик (в центр. районе 11,3%, в Петрограде—10,4%), а на долю занятых в них рабочих от $^3/_4$ (в Петрограде) до $^4/_5$ (в центр. районе) всех фабрично-заводских рабочих. Процент крупных предприятий в Москве (6,4%) оказывается почти совпадающим только с тем процентом, какой такие же предприятия составляют в среднем во всей Советской Республике (6,8%). Однако и в этом случае московские крупные фабрики по числу занятых в них рабочих оказываются менее многолюдными, нежели вообще средняя крупная фабрика Советской Республики: в Москве на одну крупную фабрику приходится в среднем 1263 рабочих, а вообще по России—1906 рабочих.

В отношении распространенности наиболее мелких промышленных фабрично-заводских предприятий с числом рабочих до 100 чел. Москва представляет иную картину. Процент, составляемый такими предприятиями, оказывается выше, чем в Москве, только для всей Советской России (в Москве—71,7%, в Сов. России—77,3%). Особенно резкая разница в степени распространения более мелких фабрик наблюдается в Москве по сравнению с Московской губернией, где на долю мелких предприятий приходится только около половины (51,5%) всех фабрик и заводов, тогда как в Москве—около $^3/_4$ (72%). Что касается центрального промышленного района и Петрограда, то хотя Москва по сравнению с ними и отличается более высоким процентом мелких предприятий, однако, разница не представляется столь значительной, как при сопоставлении Москвы с Московской губернией. В то время, как в Москве мелкие предприятия составляют около 72% общего числа фабрик, в Петрограде на их долю приходится 69,3%, а в центральном промышленном районе—68,3%. Следует, однако, заметить, что рабочие, занятые в мелких предприятиях, нигде не составляют такого крупного процента, как в Москве: в последней на их долю приходится 16,2% общего числа московских рабочих, в Московской губернии—3,3%, в центральном промышленном районе—6,3%, в Петрограде—8,2% и в 33 губ. Советской Республики—10,8%.

Количество предприятий среднего размера (с числом рабочих от 101 до 500 чел.) составляет в Москве несколько больше $^1/_5$ части (22%) общего числа московских фабрик. Процент этот весьма близок к тому, какой приходится на те же предприятия в центральном промышленном районе (20,4%) и в Петрограде (20,3%). Но он оказывается значительно выше, чем по всей Советской Республике (15,9%), и ниже, чем в Московской губернии (27%). Но зато число занятых в средних предприятиях рабочих оказывается в Москве относительно гораздо выше: на московских фабриках среднего размера занято около 32% всех рабочих, между тем как в Московской губернии—только 11,2%, в центральном промышленном районе—14,8%, в Петрограде—16,9% и по всей Советской Республике—18,8%.

Итак, на основании рассмотренных выше данных можно сделать следующие выводы. Форма крупного производства развита в самой Москве значительно слабее, нежели в подмосковной местности, и даже чем во всем центральном промышленном районе, охватывающем 12 губерний, тяготеющих экономически к Москве. Уступает Москва в том же отношении и Петрограду. Фабрично-заводская промышленность Москвы характеризуется сильным преобладанием мелких и средних предприятий. Тем не менее, Москве принадлежит совершенно исключительная роль в смысле сосредоточения в себе $^2/_3$ всех фабрик и свыше $^2/_5$ всего числа фабрично-заводских рабочих такого высоко развитого в промышленном отношении района Республики, каким является центральный район, бывший искони старейшим и наиболее обширным гнездом русской промышленности. Таким образом, значение Москвы, как крупнейшего промышленного фабрично-заводского центра

до сих пор не может быть оспариваемо. Тот факт, что московские фабрики отличаются сравнительно менее крупными размерами, зависит прежде всего от исторических условий развития русской промышленности, которое происходило в полицейском государстве сплошь да рядом под назойливым административным воздействием. Из истории московской промышленности известны примеры запрещения заводить фабрики, потребляющие «знатные количества» дров, требующие большого количества рабочих, и т. п.; воспрещалось также устройство некоторых видов фабрик, например, прядилен; кроме того, для устройства фабрик ставилась масса полицейских, строительных, санитарных и других ограничений. Вполне естественно, что, так сказать, в корсете всевозможных административных правил, распоряжений и предписаний организм московской промышленности не мог развиваться вполне свободно. Это должно было отразиться, прежде всего, на размерах московских фабрик, стесненных и без того насыщенной миллионным населением территорией большого города. Затем, в менее крупных размерах московских предприятий возможно усматривать также влияние общей тенденции развития крупной фабрично-заводской промышленности, которая замечается почти повсюду в странах, более или менее развитых в промышленном отношении: крупные фабрично-заводские предприятия стремятся уйти за пределы больших городов. Эта тенденция объясняется целым рядом условий выгодности такого размещения и в смысле сравнительной дешевизны рабочих рук, земли и сил природы, и в смысле большей свободы от различных стеснительных городских строительных и других правил. Вообще, за пределами городской черты ослабляется действие многих факторов, удорожающих производство, что и побуждает устраивать более крупные предприятия вне городов. Москва и Московская губерния в этом отношении дают наглядную иллюстрацию.

Наконец, тот или другой размер фабрики или завода находится в связи с родом производства. Достаточно указать, что в то время как на одну фабрику безотносительно к роду производства в Республике приходится в среднем 185 рабочих, в металлической промышленности средний завод занимает только 85 рабочих рук, в текстильной промышленности на одну хлопчатобумажную фабрику приходится в среднем 1258 рабочих, на одну шерстяную фабрику—349 рабочих, на шелковую—только 213, в полиграфической промышленности на одно предприятие приходится в среднем 73 рабочих, в пищевой — лишь 24 рабочих, и т. д. Вследствие этого и самое понятие о крупном и мелком предприятии является не безусловным, а относительным; так, например, металлический завод с числом рабочих свыше 100 человек может быть признан крупным, а хлопчатобумажная фабрика, на которой работает, допустим, даже вдвое большее количество рабочих, должна рассматриваться, как предприятие небольшое. Отсюда ясно, что в тех фабрично-заводских крупных центрах или даже в целых районах, где преобладает какой-нибудь один род производства, и там, где, наоборот, оказываются сосредоточенными много самых разнообразных производств, средние размеры предприятий естественно должны быть весьма различны. В Москве

мы имеем дело, как это будет видно из дальнейшего, именно с значительной пестротой отраслей московской промышленности, что и находит свое отражение в среднем размере московских фабрик и заводов.

2. Отрасли московской фабричной промышленности.

Нижеприводимая таблица дает следующее распределение московских фабрик и заводов по главнейшим группам производств в сопоставлении с Московской губернией, как наиболее связанной с Москвой по своей непосредственной близости и в то же время особенно типичной для центрального промышленного района:

Группы производств.	Москва.				Московская губерния.			
	Чис. фабрик		Число рабочих		Чис. фабр.		Число рабочих	
	Абсолют.	В %%	Абсолют	В %%	Абсол.	В %%	Абсолют	В %%
1. Добывание и обработка камней, земель и глин	18	1,5	312	0,2	105	17,6	2.912	1,3
2. Горная и горнозаводская промышленн.	7	0,6	2.480	1,6	65	10,9	2.969	1.5
3. Металлообрагыв. промышленность.	81	6,8	5.687	3,7	20	3,3	559	0,3
4. Производство машин, инструментов и аппаратов	151	12,7	15.118	9,8	18	3,0	15.622	7,0
5. Обработка дерева	30	2,5	1.997	1,3	16	2,7	181	0,1
6. Химическая промыш.	119	10,0	11.922	9,6	17	2,8	2.895	1,3
7. Производство пищевых продуктов, напитк. и наркотиков.	130	10,9	16.941	10,9	9	1,5	255	0,1
8. Обработка тверд. материалов животного происхождения	6	0,5	379	0,2	—	—	—	—
9. Кожевенная и меховая промышленн.	36	3,0	2.339	1,6	31	5,2	1.044	0,5
10. Производства по обработке хлопка	51	4,3	22.503	14,5	146	24,4	157.437	70,6
11. Производства по обработке шерсти	78	6,5	11.201	7,2	70	11,7	26.998	12,1
12. Производства по обработке шелка	24	2,0	5.419	3,5	50	8,4	5.478	2,5
13. Производства по обработке льна	—	—	—	—	8	1,3	3.543	1,6
14. Производства по обработ. пеньки и проч. волокн. веществ растит. происхождения.	2	0,2	166	0,1	4	0,7	545	0,3
15. Производства по обработке смешан. и неточно обознач. волокнист. веществ	27	2,3	1.083	0,7	5	0,8	481	0,2
16. Одежда и туалет	157	13,2	15.514	10,0	9	1,6	612	0,3
17. Обработка бумаги	44	3,7	1.680	1,1	5	0,8	432	0,2
18. Полиграфическ. производства	145	12,2	12.087	7,8	14	2,3	365	0,2
19. Художествен. и прикладная научная промышленность	29	2,4	1.039	0,7	2	0,3	325	0,1
20. Производство и передача физических сил и водоснабжение	14	1,2	169	0,1	4	0,7	468	0,2
21. Инженерно - строительное дело	—	—	—	—	—	—	—	—
22. Строительная промышленность	4	0,3	71	0,0	—	—	—	—
23. Очистка жилищ, дворов и проездов	3	0,3	177	0,1	—	—	—	—
24. Транспорт	34	2,9	23.695	15,3	—	—	—	—
Все производства	1.190	100,0	155.032	100,0	598	100,0	223.121	100.0

Если соединить группы производств, материалом для которых служат разные волокнистые вещества — хлопок, шерсть, шелк и т. д., то с ясностью обнаружится, что главной отраслью промышленности, как в Москве, так и в Московской губернии, является промышленность текстильная. В Москве на ее долю приходится почти $^1/_7$ часть (15,3%) всех московских фабрик и заводов и свыше $^1/_4$ (26%) всех фабричных московских рабочих. Еще более резкое преобладание текстильной промышленности наблюдается в Московской губернии, в которой фабрики, обрабатывающие волокнистые вещества, составляют около $^1/_2$ (точнее, 47,3%) всех промышленных предприятий, а рабочие текстильного производства—почти $^9/_{10}$ (87,3%) общего числа фабрично-заводских рабочих. В текстильном производстве совершенно исключительное положение в Московской губернии занимает именно хлопчато-бумажная промышленность, на долю которой приходится около $^1/_4$ (24,4%) всех фабрик губернии и около $^3/_4$ (70,6%) фабричных рабочих. Много слабее, оказывается, распространена в Московской губернии шерстяная промышленность, охватывающая лишь около 12% (точнее, 11,7%) всех фабрик и 12,1% фабричных рабочих. На третьем месте по своему значению стоит в Московской губернии шелковая промышленность, предприятия которой в общей массе фабрик составляют 8,4%, а рабочие—только $2^1/_2$% общего их числа по губернии. Обработка льна, пеньки, прочих и смешанных волокнистых веществ имеет в Московской губернии ничтожное распространение. Несколько иную картину представляет московская текстильная промышленность. Хотя по числу занятых в ней рабочих рук хлопчато-бумажная промышленность и в Москве играет первую роль (14,5% всех рабочих), однако, в столице оказываются более распространенными шерстяные фабрики. Они дают заработок вдвое меньшему количеству рабочих (7,2%), чем хлопчато-бумажные, но составляющие $6^1/_2$% всех московских фабрик, в то время как на долю хлопчато-бумажных приходится только 4,3%. Обработка шелка, сохраняя в Москве, как и в Московской губернии, третье место по числу занятых рабочих (3,5%), оказывается распространенной в Москве почти одинаково с обработкой смешанных волокнистых веществ: шелковые фабрики составляют 2%, а фабрики, обрабатывающие смешанные волокнистые вещества—2,3% всех московских фабрик. Льняных фабрик в Москве совсем не имелось в 1918 г. Обработка прочих волокнистых веществ, напр., пеньки, была развита крайне слабо.

Что касается развития других отраслей промышленности, кроме текстильной, то в этом отношении между Москвой и Московской губернией имеется существенная разница. Сколько-нибудь значительное число рабочих занимает в Московской губернии, после текстильной промышленности, лишь машиностроение (7% общего числа рабочих), но число предприятий этого рода весьма не велико и составляет всего 3% общего числа подмосковных фабрик и заводов. Гораздо более распространены в Московской губернии предприятия по добыванию и обработке камней, земель и глин (кирпичные заводы), число которых составляет 17, 6% общего количества фабрик и заводов, а также предприятия горной и горнозаводской промышленности, на долю которых приходится около 11% всех фабрик и заводов. Тем не менее, по числу занимаемых рабочих рук (1, 3 — 1,5%) указанные отрасли промышленности играют в Московской губернии более чем скромную роль. Остальные отрасли фабрично-заводской промышленности представлены еще слабее. Таким образом, в Московской губернии текстильная промышленность, и в частности — хлопчато-бумажная, оказывается господствующей, и ни одна из других отраслей промышленности стать вровень с ней или хотя бы только приблизиться по своему значению к ней до сих пор была не в состоянии.

Иначе дело обстоит в самой Москве. На ряду с текстильной промышленностью здесь имеет значительное распространение целый ряд других отраслей. Большой процент составляют промышленные предприятия, занятые изготовлением предметов одежды и туалета (13, 2%), которые дают заработок $^1/_{10}$ части московских фабричных рабочих. Почти такое же значение в московской промышленности имеет машиностроение, на долю которого приходится несколько менее 13% (точнее 12,7%) московских фабрик и почти $^1/_{10}$ (точнее 9,8%) фабричных рабочих. Если же к машиностроению присоединить близко примыкающие к нему производство металлических изделий и горнозаводскую, в Москве, главным образом, железоделательную и медную, промышленность, то окажется, что вообще промышленность, связанная с обработкой металлов, по числу предприятий была распространена в Москве в 1918 г. даже больше, нежели текстильная промышленность. Именно, она обнимала собой $^1/_5$ всех московских фабрик и заводов (20,1%), но давала заработок все же меньшему количеству рабочих (15, 1%), по сравнению с текстильной. Далее, приблизительно по $^1/_{10}$ части, как всех фабрик, так и рабочих, приходится в Москве на производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков, а также на химическую промышленность. Наконец, видное место принадлежит в Москве полиграфическим предприятиям, как-то: типографиям, литографиям, фабрикам конторских книг и т. п., которые составляют 12, 2% общего числа московских фабрик и занимают около 9% (точнее 7, 8%) всех рабочих рук. Что касается остальных отраслей промышленности, например, обработки бумаги, кожевенной, обработки дерева, художественной и прикладной научной промышленности, то все они слабо распространены в Москве и дают заработок весьма небольшому числу рабочих. Таким образом, московская промышленность по сравнению с подмосковной отличается гораздо большим разнообразием производств и более равномерным их развитием. В общем, этот свой характер московская промышленность сохраняет, несмотря на все неблагоприятные условия для своего существования, до настоящих дней. По данным произведенного Центральным Статистическим Управлением в июне текущего 1920 года единовременного учета числа действующих на территории Советской России промышленных заведений и числа занятых в них рабочих распределение московской промышленности по главнейшим отраслям рисуется в следующем виде:

Авиационный мотор в 210 сил, сделанный на заводе № 2, быв. „Гном.-Рон", летом 1920 г. ко дню открытия 2 Конгресса III Интернационала. В наше время производственных затруднений изготовление столь мощного мотора является серьезным шагом вперед в деле авиации.

Отрасли промышленности.	На 1 июня 1920 года.				На 31 августа 1918 года.			
	Число предприятий.		Число рабочих.		Число предприятий.		Число рабочих.	
	Абсолют.	В % %	Абсолют.	В % %	Абсолют.	В % %	Абсолют.	В % %
1. Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность	222	20,9	20.241	23,2	239	20,1	23.285	15,1
2. Текстильная промышленность. . . .	177	16,6	14.178	16,2	182	15,3	40.372	26,0
3. Одежда и туалет . .	137	12,9	14.042	16,1	157	13,2	15.514	10,0
4. Производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков.	111	10,4	12.949	14,8	130	10,9	16.944	10,9
5. Полиграфические производства. . . .	123	11,6	10.675	12,2	145	12,2	12.037	7,8
6. Химическая промышленность. . . .	114	10,7	6.912	7,9	119	10,0	14.922	9,6
7. Прочие отрасли промышленности [1]. . .	179	16,9	8.366	9,6	218	18,3	31.908	20,6
Все отрасли промышл.	1.063	100,0	87.363	100,0	1.190	100,0	155.032	100,0

Как мы видим, с осени 1918 г. до лета 1920 г., т.-е. менее, чем за два года (21 месяц), число фабрик и заводов в Москве уменьшилось на 129 или 10,7 %, но в общем распределение их по отраслям промышленности осталось прежнее. Более значительные изменения произошли за этот промежуток времени в рабочем составе. Прежде всего, общее число фабрично-заводских рабочих в Москве сократилось на 67.669 или более чем на $^2/_5$ (точнее на 43,6 %). При этом в двух главнейших отраслях московской промышленности—в текстильной и химической—сокращение числа рабочих носит почти катастрофический характер: в текстильной промышленности осталось всего лишь около трети прежнего состава рабочих (сокращение на 64,9 %!), а в химической — значительно меньше половины (сокращение на 53,7 %!). В остальных главных отраслях московской промышленности сокращение числа рабочих не отличается таким бурным характером: в производстве пищевых продуктов, напитков и наркотиков рабочий состав уменьшился на 23,6 %, т.-е. менее чем на $^1/_4$, в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности—на 13,1 %, в полиграфических производствах — на 11,7 %, в производствах по изготовлению одежды и туалета—на 9,5 %.

По отдельным отраслям московской текстильной промышленности оскудение рабочей силой наблюдается в разной степени, как показывают следующие сравнительные данные:

Отрасли производств.	Число рабочих.		Уменьшение (–) в % %
	На 31 авг. 1918 г.	На 1 июня 1920 г.	
Обработка хлопка	22.503	8.869	— 60,6
» шерсти	11.201	3.703	— 66,9
» шелка	5.419	838	— 84,5
» прочих и смешанных волокн. веществ	1.249	768	— 38,5
Вся текстильная промышлени .	40.372	14.178	— 61,9

[1] По этой группе отраслей промышленности цифры 1920 г. и 1918 г. несравнимы, так как в нее входят, между прочим, транспортные предприятия, которые при переписи 1918 г. были учтены более полно, чем в 1920 г., когда были исключены железнодорожные мастерские. В 1920 г. в Москве были учтены только трамвайные парки.

В то время, как в хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности число рабочих сократилось в $2^1/_2$—3 раза, оно уменьшилось в шелковой промышленности почти в $6^1/_2$ раз, а в отраслях текстильной промышленности, занимающихся обработкой прочих и смешанных волокнистых веществ, понизилось только в $1^1/_2$ раза. Эти колоссальные опустошения в рядах рабочей армии текстильщиков произведены, несомненно, катастрофическим сырьевым и топливным кризисом. Если они еще не окончательно погубили наиболее характерную, исконную для Москвы и для всего центрального района отрасль промышленности, то во всяком случае они уже низвели ее на второстепенное место, по сравнению с московской машиностроительной и металлической промышленностью. Мы видим, что последняя в 1920 г. занимает в Москве первое место не только по количеству промышленных заведений, но и по числу рабочих рук: на ее долю приходится несколько больше чем $^1/_5$ всех московских фабрик и рабочих, в то время как текстильные фабрики и рабочие составляют только $^1/_6$ часть.

Топливный и сырьевой кризисы не прошли бесследно для машиностроительной и металлической промышленности, но оказали на нее весьма не одинаковое влияние, о чем свидетельствуют следующие цифры:

Отрасли производств.	Число рабочих.		
	На 31 авг. 1918 г.	На 1 июня 1920 г.	Уменьшение (–) в % %
Производство машин, инструментов и аппаратов	15.118	14.789	—2,2
Металлообрабатывающая промышленность	5.687	4.304	—24,3
Горная и горнозаводская (глав. образ. железоделат. и медная) промышленность. . .	2.480	1.148	—53,7
Вся машиностр. и металлообрабатыв. промышленность	23.285	20.241	—13,1

В то время, как в машиностроении количество рабочих за время с 1918 г. по 1920 г. уменьшилось только на 2,2 % [2],—в металлообрабатывающей промышленности, т.-е. изготовляющей металлические изделия, оно сократилось почти на четверть, а в горнозаводской, т.-е. изготовляющей самый металл или полупродукт, сокращение контингента рабочих выражается почти 54 % и носит катастрофический характер. Это указывает, что машиностроение и металлообрабатывающая промышленность питаются, повидимому, в значительной мере запасами металла еще от прежних лет, но катастрофическое положение дел с производством самого металла заставляет опасаться за их дальнейшую судьбу.

[2] Здесь попутно нельзя не отметить тот интересный факт, что в некоторых губерниях центрального промышленного района машиностроительная промышленность за время с 1918 по 1920 год не только не обнаружила тенденции к сокращению, но даже значительно развилась. Так, в Тверской губернии число занятых в машиностроении рабочих увеличилось с 3,3 тыс. до 5,4 тыс. чел., т.-е. возросло на 63 %; в Ярославской губернии количество рабочих в машиностроительных предприятиях с 2 тыс. дошло до 7 тыс. чел., т.-е. возросло в $3^1/_2$ раза. См. «Бюллетень Центрального Статистического Управления» от 24 сент. 1920 г., № 30, стр. 2.

3. Работа московских фабрик.

Как было сказано выше, за период времени в 21 месяц (с осени 1918 г. до лета 1920 г.) число фабрик в Москве уменьшилось только несколько больше чем на $^1/_{10}$ (на 10,7%), а число рабочих—более чем на $^2/_5$ (на 43,6%). Уже это резкое несоответствие размеров сокращения тех и других указывает на то, что главную причину такого явления следует искать в условиях работы промышленных заведений: сильное сокращение числа рабочих при слабом, сравнительно, уменьшении числа фабрик возможно только при том условии, когда значительная часть фабрик, не закрываясь совсем, вынуждена вести свою работу с частыми перебоями или даже с более длительными временными остановками. Если обратимся к данным промышленной переписи 1918 года и сопоставим их с данными текущей промышленной статистики Московского Статистического Отдела, то картина работы московских фабрик за революционное время предстанет в следующем виде:

	Число работавших фабрик:			Числа не работавш. фабр.	Всех фабрик.	Общее число рабочих.	В том числе в предприятиях:	
	Полностью.	Частично.	Итого.				работавших.	неработавших.
На 31 авг. 1918 г. . .	409	542	951	239	1190	155.032	?	?
в %%. .	34,4	45,5	79,9	20,1	100,0	100,0	—	—
На 1 июня 1919 г. . .	?	?	768	386	1154	105.210	90.704	14.506
в %%. .	—	—	66,6	33,4	100,0	100,0	86,1	13,9
» » 1920 г. . .	?	?	657	406	1063	87.363	79.033	8.330
в %%. .	—	—	61,8	38,2	100,0	100,0	90,5	9,5

Данные этой таблицы показывают, что на 1 июня 1920 г. работало действительно только около $^3/_5$ всех московских фабрик, остальные же $^2/_5$ по тем или другим причинам бездействовали. При этом и среди работавших фабрик, несомненно, было значительное количество таких, которые работали только частью. По крайней мере, по данным промышленной переписи 1918 г., фабрики, работавшие частью, составляли 45,5%, на долю же работавших полным ходом приходилось лишь немногим более $^1/_3$ всех московских фабрик (точнее 34,4%). Между тем следующий 1919 год был особенно тяжелым: он являлся годом наибольшего обострения гражданской войны, совершенно отрезавшей промышленность Советской Республики от расположенных на окраинах сырьевых и топливных источников. Этот год был годом, когда на нашу промышленность как из рога изобилия сыпались всевозможные тяжелые кризисы—транспортный, топливный, рабочей силы и, прежде всего, продовольственный, которые, сцепляясь между собою в замкнутую цепь причин и следствий, создавали в буквальном смысле слова заколдованный круг, откуда, казалось, не было выхода. Начавшийся при более благоприятных политических обстоятельствах текущий 1920 год не оправдал возлагавшихся на него чаяний: война с Польшей и с Югом, неурожай и другие осложнения не могли не влиять разрушительно на промышленность Советской России. Принимая все это во внимание, можно с достаточной вероятностью предполагать, что число московских фабрик, работавших не полным ходом, с перебоями и частью, должно быть в 1919 и 1920 годах во всяком случае не меньше, чем в 1918 году. Возрастание же в Москве из года в год процента фабрик, временно остановивших свою работу, является фактом вполне бесспорным: такие фабрики составляли в 1918 году $^1/_5$ общего числа московских фабрично-заводских предприятий, в 1919 году — $^1/_3$, а к лету 1920 г. — уже около $^2/_5$. Этим процессом постепенного замирания московской промышленности вполне объясняется отмеченная выше неравномерная убыль числа фабрик и количества фабрично-заводских рабочих в Москве: сокращение числа последних опережало ликвидацию первых именно потому, что фабрики, переходя сначала к частичной работе, а потом останавливая работу полностью до более благоприятного момента, распускали значительную часть своих рабочих, оставляя лишь самых необходимых из них на случай возобновления работ.

В этом последнем обстоятельстве, повидимому, и следует искать объяснения, что по данным июньского учета на 406 остановленных фабриках все же насчитывается до 8330 рабочих, что составляет около 10% (точнее—9,5%) общего числа московских фабричных рабочих; на 1 июня 1919 г. число рабочих на 386 остановленных фабриках доходило до 14.506 чел., т.-е.

Отрасли промышленности.	Число фабрик.			Число рабочих.		
	Общее.	В том числе: Работавших.	Неработавших.	Общее.	В том числе на фабриках: Работавших.	Неработавших.
1. Добывание и обработка камней, земель и глин	20	10	10	263	260	3
2. Горн. и горнозавод. промышл.	8	3	5	1.148	1.138	10
3. Металлообрабатыв. промышл.	79	53	26	4.304	4.292	12
4. Производство машин, инструм. и аппаратов	135	110	25	14.789	14.787	2
5. Обработка дерева	25	18	7	1.434	1.424	10
6. Химическая промышленность	114	70	44	6.912	6.704	208
7. Производство пищев. прод., напитков и наркотиков	111	57	54	12.949	12.925	24
8. Обработка тверд. материал. животн. происхождения	6	3	3	81	81	—
9. Кожевенная и меховая промышл.	36	28	8	1.874	1.874	—
10. Обработка хлопка	62	27	35	8.869	2.410	6.459
11. » шерсти	70	33	37	3.703	2.665	1.038
12. » шелка	19	3	16	838	473	365
13. » льна	—	—	—	—	—	—
14. » пеньки и проч. волок. веществ растител. происх.	1	1	—	125	125	—
15. Обработка смеш. волокн. веществ	25	14	11	643	638	5
16. Одежда и туалет	137	106	31	14.042	14.005	37
17. Обработка бумаги	43	21	22	1.011	1.000	11
18. Полиграфич. производство	123	63	60	10.675	10.609	66
19. Художеств. и приклад. научн. промышленность	22	12	10	703	626	77
20. Производство и передача физич. сил и водоснабжения	12	12	—	947	947	—
21. Инженерно-строит. дело	—	—	—	—	—	—
22. Строительная промышленность	2	1	1	57	57	—
24. Очистка жилищ, дворов и проездов	3	3	—	159	159	—
25. Трамвайные парки	10	9	1	1.837	1.834	3
Все отрасли	1.063	657	406	87.363	79.033	8.330

составляло 13,9% общего числа рабочих. Сокращение числа рабочих в неработавших фабриках, при возрастании числа таких фабрик, опять-таки указывает на учащение случаев длительной остановки фабрик, что связано с почти полным роспуском рабочих.

По отдельным отраслям московской промышленности число работавших и неработавших на 1 июня 1920 г. фабрик и рабочих в них распределялось, как указано в таблице, помещенной на предыдущей странице.

Вышеприведенные цифры показывают, что почти $^1/_5$ часть (24, 4%) бездействующих фабрик и свыше $^9/_{10}$ неработающих рабочих (94, 4%) составляют фабрики и рабочие текстильной промышленности. В частности среди предприятий по обработке хлопка бездействующие фабрики составляют больше половины (56, 5%), а их рабочие — почти $^3/_4$ (точнее 72, 8%) всех рабочих хлопчато-бумажной промышленности. В шерстяной промышленности бездействует также больше половины предприятий (53%) и свыше $^1/_4$ части (28%) рабочих. Особенно велик процент остановленных фабрик в шелковой промышленности: он достигает 84, 2% всех шелковых фабрик; но неработающие рабочие в шелковой промышленности составляют только несколько более $^2/_5$ (43, 6%).

В остальных отраслях московской промышленности процент бездействующих заведений отличается большими колебаниями. Например, в горнозаводской промышленности он поднимается до 62, 5%, а в наиболее благополучной отрасли промышленности — в металло-обрабатывающей — он спускается до 18, 5%. Тем не менее, рабочие, обреченные в этих отраслях на вынужденное бездействие, составляют совершенно ничтожный процент, доходящий только в химической группе до 3%.

Совсем не имеется бездействующих заведений в группе предприятий по производству и передаче физических сил, включая и водоснабжение, а также в крайне незначительной группе предприятий по очистке жилищ, дворов и проездов, что и понятно, так как при бездействии насчитывающихся единицами, но чрезвычайно важных предприятий этого рода Москва оказалась бы совершенно в катастрофическом положении. Остановка этих предприятий означает лишение воды, света, канализации и т. п. насущнейших условий, без которых жизнь в большом городе становится почти невозможной и во всяком случае представляется общественным бедствием.

Итак, сказанное выше о работе московской промышленности за годы революции позволяет сделать тот бесспорный вывод, что ход работ на московских фабриках и заводах за революцию испытал весьма сильные перебои. И во многих случаях дело дошло до полного замирания не только ряда отдельных предприятий, но и целых отраслей московской промышленности, и притом даже таких, которые в прежнее время для Москвы представлялись наиболее характерными и типичными, какова промышленность текстильная вообще и в частности хлопчато-бумажная и шелковая.

4. Техническая мощность московской промышленности.

Из общего числа 1190 промышленных предприятий, зарегистрированных переписью 1918 года, 991 предприятие или 83, 3% пользовались механическими двигателями, а 199 или 16, 7% применяли исключительно ручной труд. В общей сложности мощность всех механических двигателей, обслуживавших московские фабрики и заводы в 1918 году, составляла 238 901, 4 лошадиных сил, что дает в среднем 242,3 лош. сил на одно промышленное заведение. Соотношение мощности разных видов двигательной силы, применяемых на московских фабриках, представляется в следующем виде:

Род двигателей.	Москва.		Петроград.		Московская губ.		33 губ. Сов. России.	
	Мощность в лош. сил.	В % %	Мощность в лош. сил.	В % %	Мощность в лош. сил.	В % %	Мощность в лош. сил.	В % %
Паровые машины . . .	24.645,1	10,3	243.082,3	54,7	106.443,5	33,4	772.493,1	41,0
» турбины . .	121.015,0	5,07	108.975,2	24,6	98.875,0	31,0	474.522,2	25,2
Локомобили	1.424,0	0,6	5.962,5	1,3	7.430,5	2,3	107.801,5	5,7
Дизели	7.596,0	3,2	10.003,0	2,3	10.160,0	3,2	97.525,5	5,2
Прочие двигатели внутреннего сгорания, кроме дизелей . . .	9.676,5	4,0	6.452,0	1,6	15.108,5	4,7	157.204,6	8,3
Водяные турбины . .	70,0	0,0	690,0	0,2	2.693,0	0,8	40.526,2	2,2
Электромоторы (чужого тока)	74.774,7	31,2	67.939,9	15,3	78.143,2	24,6	232.217,7	12.3
Прочие двигатели . .	—	—	—	—	—	—	679,1	0,0
Всего	238.901,4	100,0	443.104,9	100,0	318.843,7	100,0	1.882.966,6	100,0
Число всех предприятий	1190	—	609	—	598	—	10.114	—
В том числе с двигателями	991	—	561	—	455	—	8.208	—
Средняя мощность на 1 заведение с механич. двигателем (в лош. сил.)	242,3	—	792,7	—	700,7	—	233,2	—

Как видно из помещенной таблицы, наибольшим распространением в московской фабрично-заводской промышленности пользуются паровые двигатели — паровые турбины и паровые машины: на их долю приходится 61, 6% общей мощности всех механических двигателей; затем весьма видную роль играют в московской промышленности электромоторы (31, 2% общей мощности); дизели и другие двигатели внутреннего сгорания имеют гораздо более скромное значение в техническом оборудовании московских фабрик (7, 2% общей мощности); водяные турбины почти не применяются. По сравнению с Петроградом Москва отличается большим распространением на своих фабриках паровых турбин и относительно малым применением паровых машин: в то время, как на долю паровых турбин в Москве приходится около 51 % общей мощности всех механических двигателей, в Петрограде — только около 25%; наоборот, паровые машины применяются в петроградской фабрично-заводской промышленности в 10 раз чаще (они составляют 54, 7 общей мощности), чем в московской (10,3 % общей мощности). Двигатели внутреннего сгорания, равно как и электромоторы играют в петроградской промышленно.

сти относительно еще более скромную роль, нежели в московской. Водяные турбины применяются на петроградских фабриках и заводах очень редко.

Сравнивая московскую промышленность с подмосковной, нельзя не заметить, что на фабриках Московской губернии не отдается того предпочтения паровым турбинам, как в Москве; на подмосковных фабриках паровые машины и паровые турбины оказываются распространены почти одинаково: на долю первых приходится 33,4%, а на долю вторых — 31,0% общей мощности всех механических двигателей. Дизели и прочие двигатели внутреннего сгорания применяются подмосковной промышленностью в той же мере, как и в Москве. Пользование электромоторами, в качестве механических двигателей, имеет место в подмосковной промышленности реже, чем в Москве, но чаще, нежели в Петрограде. Малую, но все же более заметную роль, чем в Москве и Петрограде, играют в подмосковной промышленности водяные турбины.

По отношению к общей мощности механических двигателей, обслуживавших в 1918 г. всю промышленность Советской Республики, мощность московских фабрик выражается почти 13% (точнее 12,7%), при чем московские фабрики обладают 1/4 частью общей мощности (25, 5%) всех действовавших в 1918 г. в Советской Республике паровых турбин и 1/3 частью общей мощности (32, 1%) всех электромоторов. Тем не менее, несмотря на это, московская фабрично-заводская промышленность в смысле технической мощности своих фабрик уступает не только Петрограду и Московской губернии, но и «русскому Манчестеру»—Иваново-Вознесенской губернии и даже промышленности Тверской губернии: в среднем на одно промышленное заведение приходилось в Москве, как мы видели выше, 242 лошад. сил, а в Петрограде — 793, в Московской губернии—701, в Иваново-Вознесенской губернии — 501 и в Тверской—312 лошад. сил. Эти цифры еще раз подтверждают, что московская фабрично-заводская промышленность изобилует по преимуществу мелкими и средними предприятиями, и что крупная форма фабрично-заводской промышленности в Москве имеет весьма ограниченное распространение.

5. Половой и возрастный состав московских фабрично-заводских рабочих и служащих [1]).

В заключении краткого очерка фабрично-заводской промышленности необходимо коснуться полового и возрастного состава рабочих и служащих московских промышленных предприятий. При этом следует наперед оговориться, что разработка сведений этого рода могла быть произведена только относительно тех предприятий, которые сообщили надлежащие данные о своих рабочих; некоторая же часть предприятий сообщить таких сведений оказалась не в состоянии по разным причинам. Поэтому нижеприводимые цифры о числе фабрик и о количестве рабочих не совпадают, да и не могут совпадать, с выше рассмотренными, относящимися ко всем московским фабрикам.

По данным переписи 1918 г. на 1133 московских фабриках насчитывалось 143.309 рабочих и служащих, при чем на долю рабочих приходилось 126.652 чел., или 88,4%, а на долю служащих 16.657 чел., или 11,6%. В 1919 и 1920 годах это соотношение несколько изменилось в пользу служащих, а именно: по данным текущей промышленной статистики служащие составляли на 1 июня 1919 г. уже—15, 3% (18.973 чел.), а рабочие—84,7% (105.210 чел.); по данным специального учета, произведенного в июне текущего 1920 г., на 1 июня численное соотношение между рабочими и служащими фабрик и заводов осталось почти таким же; служащие составили 15,1% (15.474 чел.), рабочие—84,9% (87.363 чел.).

Состав рабочих по полу и возрасту на фабриках и заводах Москвы в 1918 году выражался в следующих цифрах:

Возрастные группы.	Мужской пол.			Женский пол.			Обоего пола.		
	Абсолют.	В %%.		Абсолют.	В %%.		Абсолют.	В %%.	
а) **Рабочие:**									
Малолетн. (до 15 л.).	611	0,9	7,3	222	0,4	4,3	833	0,7	5,9
Подростки (от 15 до 17 лет)	4.140	6,4		2.103	3,9		6.243	5,2	
Взрослые (свыше 17 лет)	60.226	92,7		51.964	95,7		112.190	94,1	
Все рабочие . . .	64.977	100,0		54.289	100,0		119.266	100,0	
В % к общему числу рабочих об. п.	54,5	—		45,5	—		100,0	—	
б) **Служащие:**									
Малолетн. (до 15 л.).	190	1,5	6,6	17	0,4	1,6	207	1,3	5,5
Подростки (от 15 до 17 лет.	631	5,1		48	1,2		679	4,2	
Взрослые (свыше 17 лет.).	11.559	93,4		3.817	98,4		15.376	94,5	
Все служащие . .	12.380	100,0		3.882	100,0		16.262	100,0	
В % к общему числу служащ. об. п.	76,1	—		23,9	—		100,0	—	

Как видно из этой таблицы, среди рабочих московских фабрик и заводов лица мужского пола составляют 54,5%, а женского пола—45,5%; среди же служащих на долю лиц мужского пола приходится 76,1%, а на долю лиц женского пола—только 23,9%. Таким образом, мужской и женский труд распространен среди рабочих гораздо равномернее, нежели среди служащих. В то время, как женщина-работница уже успела завоевать себе почти одинаковое право на труд в стенах фабрики, женщина-служащая значительно отстала в этом отношении.

Огромное большинство—более 9/10—фабрично-заводских рабочих и служащих обоего пола составляют

[1]) Должно иметь в виду, что приводимые в этой главе сведения о половом и возрастном составе фабрично-заводских рабочих и служащих по самому существу своему отличаются от подобных же сведений, находящихся в очерке под заглавием: «Чем занимается Москва?» Помещаемые здесь данные представляют собой результат разработки собранных переписью 1918 г. сведений о рабочих и служащих по группам фабрично-заводских производств в их целом, а в поименованном выше очерке приведены цифры, полученные в результате разработки сведений о рабочих и служащих по личным их профессиям. Разница между той и другой разработкой существенная: при распределении рабочих и служащих по производствам каждое лицо, хотя бы оно и не имело непосредственного отношения к производственному процессу, все же относится к тому производству, от которого получает заработную плату, т.-е. к тому, от которого оно, что называется, кормится; при разработке по профессиям, наоборот, разъединяются лица различных профессий и соединяются вместе лица однородных профессий.

лица взрослые, т.-е. старше 17 лет отроду. Малолетние же и подростки составляют как среди рабочих, так и среди служащих только около $^1/_{20}$. И тех и других в фабрично-заводской промышленности Москвы было занято 7962 человека, в том числе — 5572 лица мужского пола и лишь 2390 лиц женского. Следовательно, в общем труд мальчиков на фабриках применяется почти вдвое чаще труда девочек. Однако, девочки-служащие встречаются на фабриках почти в три раза реже, нежели девочки-работницы. Что касается мальчиков, то они, как среди рабочих, так и среди служащих, составляют почти одинаковый процент (6,6—7,3%). Вообще же труд малолетних и подростков применяется на московских фабриках и заводах в незначительных размерах. Тем не менее, применение такого труда является прямым нарушением Кодекса Законов о труде, 13 статья которого гласит, что лица, не достигшие 16-летнего возраста «безусловно лишены права на применение труда». Практика профессиональных союзов допускает, правда, некоторые исключения для подростков от 14 до 16 лет, но труд детей моложе этого возраста не допускается ни законом, ни практикой союзов. А между тем, благодаря слабости надзора молодой инспекции труда, мы встречаем в Москве на работе детей всех возрастов, начиная от десятилетних. Процент малолетних, допущенных к работе с нарушением закона, колеблется в некоторых отраслях московской промышленности (правда, не в одной только фабричной) от 26 до 42% общего их числа [1]).

6. Работа и прогулы в фабрично-заводских предприятиях Москвы.

Некоторый интересный и безусловно достоверный материал по вопросу о работе и прогулах в фабрично-заводских предприятиях Москвы можно почерпнуть из сведений, собираемых Отделом Статистики Труда Центрального Статистич. Управления и Народн. Комис. Труда. Приводимые ниже данные предварительной сводки за 4 последних месяца 1919 года касаются кругло 10.000 московских рабочих. Согласно этих данных в среднем на одного рабочего приходилось в Москве не более 18 дней фактической работы в месяц и около 12 дней свободных от работы по тем или иным причинам, т.-е. несколько более, чем по одному свободному дню на каждые два дня работы. При этом из 12 свободных дней 4,6 дня приходилось на праздники, около 2 дней (точнее—1,9) терялось вследствие простоев предприятия и около 6 дней (5,9) в месяц падало на неявки по болезни, прогулы, отпуска и пр., другими словами— в среднем на каждые 3 дня работы приходился один день неявки. Таким образом, неявки в Москве отнимали в последнюю треть 1919 года около $^1/_4$ рабочего времени. Как общее явление, посещаемость рабочих оказывалась значительно выше средних в тех отраслях промышленности, где лучше обстоял продовольственный вопрос. Так, например, в пищевой промышленности неявки рабочих составляли всего лишь $3^1/_2$ дня

[1]) См. статью С. Струмилина: «Охрана труда малолетних в Москве», помещенную в № 3—4 журнала «Народное Хозяйство» за 1920 год.

в месяц, между тем как у металлистов, представляющих одну из наиболее квалифицированных групп рабочих и выполняющих наиболее ответственную при нынешних условиях работу, количество неявок доходило до $9^1/_2$ дней в месяц на одного рабочего.

Неявки по отдельным причинам распределяются следующим образом:

Причины неявок.	Среднее число неявок в месяц.	В % % к итогу неявок.	Предположительное число рабочих дней в год, пропущенных по указан. причинам одним рабочим.
Работа в организациях	1,2	19,0	14,4
Очередные отпуска	0,3	5,1	3,6
Болезни	1,6	27,1	19,2
Прогулы	2,8	48,8	33,6
Все неявки	5,9	100,0	70,8

Таким образом, наиболее распространенными причинами неявок рабочих являлись прогулы и болезни, при чем первая причина определенно преобладала: из 100 неявок почти в 49 случаях причиной неявки служил прогул и только в 27 случаях—болезнь. Если перевести среднее месячное число неявок по болезни на годичное число рабочих дней, пропущенных по этой причине, то окажется, что за год у одного московского рабочего приходилось несколько больше 19 пропусков по болезни. Эта цифра значительно выше коэффициента болезненности за прежние годы, который, по данным Союза больничных касс Московской области, определялся в 1917 году в 8,7 дней в год на каждого участника кассы. Даже признавая, что коэффициент болезненности, выведенный на основании статистики больничных касс, грешит в сторону преуменьшения, так как больничные кассы недоучитывали болезней травматического происхождения и болезней краткосрочных (длящихся 1—2 дня), и допуская, что, наоборот, коэффициент, выведенный на основании фабрично-заводской статистики, является несколько преувеличенным вследствие того, что в основание его вывода положены данные за осенние и зимние месяцы с заболеваемостью выше средней,—все же нельзя свести разницу между показаниями больничных касс и данными фабричной статистики всецело к этим формальным причинам. Недоучет болезней больничными кассами может понизить коэффициент не более, чем на 2 дня в год. Внеся эту поправку, мы все же получим разницу в коэффициентах болезненности московских фабричных рабочих в 1917 и 1919 году в $8^1/_2$ дней, которая может служить известным мерилом роста заболеваемости за истекший двухлетний период.

Около $^1/_5$ всех неявок обусловлено у московских рабочих их участием в организациях, отнимающим в среднем на одного рабочего несколько больше одного дня (1,2) в месяц.

Очередные отпуска, по сравнению с остальными причинами неявок, играют небольшую роль.

Подводя итоги всему рассмотренному материалу, характеризующему посещаемость работ в московских фабрично-заводских предприятиях, можно прийти к

выводу, что использование рабочей силы в этих предприятиях за последнюю треть минувшего 1919 года было далеко недостаточным, и что, помимо пополнения рабочих кадров, первоочередной задачей регулирующих органов должно стать создание условий, обеспечивающих наилучшее использование наличного рабочего персонала [1]).

7. Рост заработной платы московских фабричных рабочих.

Переписью 1918 года были собраны, между прочим, сведения о заработной плате фабрично-заводских рабочих за время с 1913 по 1917 год и за первую половину 1918 года. Хотя эти данные в настоящее время успели устареть, но они представляют все же весьма значительный исторический интерес, а потому на них следует остановиться, хотя бы и не вдаваясь в детали. К тому же эти данные еще не были совсем нигде опубликованы и почерпнуты автором настоящего очерка из рукописной таблицы, любезно предоставленной для целей этого очерка заведующим Отделом Основной Промышленной Статистики Центрального Статистического Управления—Н. Я. Воробьевым. На основании этих данных картина роста заработной платы московских фабрично-заводских рабочих рисуется в следующем виде:

Годы.	Число фабрик, по которым собраны сведения о заработ. плате.	Число рабочих в них (в тыс. чел.).	Сумма заработной платы (в тыс. руб.).	На одну фабрику тыс. руб.	в %%.	Средняя заработная плата одного рабочего (в руб.).	в %%.
1913 г.	549	133,2	45.341,7	82,6	100,0	340,4	100,0
1914 „	524	138,0	48.182,3	91,9	110,0	349,1	102,6
1915 „	579	145,0	64.138,1	110,8	134,1	442,3	129,9
1916 „	687	165,5	110.885,8	161,4	195,4	670,0	196,8
1917 „	840	187,0	359.795,7	428,2	518,4	1.924,0	565,2
Первая половина 1918 г.	888	154,9	292.180,4	329,0	—	1.886,2	—
Предположительная плата за весь 1918 г.	—	—	584.400,0	660,0	799,0	3.800,0	1116,3

Как видно из приведенной таблицы средняя ежегодная сумма заработной платы, выплачиваемая одним предприятием, по сравнению с 1913 годом возросла в 1917 г. на 418,4%, т.-е. более, чем в 5 раз, а исчисленная на основании первой половины года сумма заработной платы составила в 1918 году по отношению к 1913 году 799%, другими словами—увеличилась почти в 8 раз. Еще больше вырос средний заработок московского рабочего. Темп его возрастания до 1916 г. отставал от темпа роста среднего расхода фабрики на выплату заработной платы. Но с 1916 г. средний заработок рабочего уже опередил рост расходов на заработную плату и в 1918 году должен был составить, по сравнению с 1913 годом, не менее 1161,3%, что дает увеличение на 1016,3%, или больше, чем в 10 раз. Размер среднего заработка московского рабочего, в

[1]) См. статью Г. Полляка: «Работа и прогулы в фабрично-заводских предприятиях», помещенную в № 25 «Бюллетеня Центрального Статистического Управления» от 8 июня 1920 г. Из этой статьи составителем настоящего очерка были сделаны выписки, относящиеся к положению дел в Москве.

1913 г. выражавшийся в сумме всего 340 рублей в год, дошел в 1918 г. кругло до 3800 рублей в год. Эту цифру можно считать не только не преувеличенной, но скорее значительно преуменьшенной. По крайней мере, по данным произведенного Комиссариатом Труда в течение октября и ноября 1918 г. обследования 2173 бюджетов московских рабочих, средний месячный заработок одного рабочего определился в 461,2 руб. (480,3 руб. у семейных и 462,2 руб. у одиноких) [1]). Основываясь на этой цифре, следовало бы исчислять средний годичный заработок московского рабочего в 1918 году в сумме 5534,4 руб. По данным же анкеты, произведенной осенью 1918 г. бывшей секцией статистики труда Московск. Областного Совета Народного Хозяйства и охватившей в Москве 162 предприятия с 27.697 рабочими, средний месячный заработок московского рабочего в сентябре 1918 г. составлял 381 р. 96 к. [2]), что в переводе на годовой заработок дает сумму в 4283,5 руб. Останавливаясь на средней только что приведенных двух цифр, можно принять, что к концу 1918 г. размер среднего годового заработка московского рабочего был не ниже, круглым числом, 5000 рублей. Таким образом, революция быстро привела к весьма крупному, можно сказать, к беспримерному повышению заработка фабрично-заводских рабочих. К сожалению, уровень жизни московского рабочего от этого нисколько не улучшился, наоборот, он значительно понизился вследствие все усиливающейся дороговизны существования. «Состав *расходного* рабочего бюджета,—читаем мы в статье «Бюджет московского рабочего», помещенной в журнале «Статистика Труда» за 1919 г., № 1—4,—по сравнению с дореволюционным временем стал совершенно неузнаваем: поскольку раньше состав этот был разнообразен внутри себя и в то же время выдерживал сравнение с бюджетами рабочих различных районов России и даже Зап. Европы, постольку в настоящее время в расходном бюджете нашего столичного рабочего всепокрывающей и всепоглощающей частью его является пища, как Молох поглотившая, почти полностью, все остальные потребности... Расход на пищу, составляя 3/4 (75,7%) всего расходного бюджета рабочего одинокого и почти тот же процент (72,5%)—семейного, поглощает почти весь заработок: он составляет 95,5% заработка одиночки и 97,9% — семейного (вообще — 96,1%).»

Для иллюстрации этого итога заимствуем из цитированной статьи таблицу, приведенную на следующей странице.

Сравнивая бюджеты довоенного времени и современные, мы видим, что расход на пищу в современном рабочем бюджете относительно увеличился вдвое за счет троекратного (относительно же) сокращения расходов на жилище и хозяйство, двойного—на одежду и т. д. Рабочие, живущие с семьями, совершенно почти прекратили посылку денег на родину, а рабочие-одиночки свели эту статью расхода с 11 — 28%

[1]) См. статью А. Ст. под заглавием: «Бюджет московского рабочего», помещенную в № 1—4 журнала «Статистика Труда» за 1919 год.

[2]) См. статью З. Мандлина: «Рабочие Московской области в сентябре 1918 г.» в № 1—4 журнала «Статистика Труда» за 1919 год.

Потребности.	Расх. семейного рабоч. в %%.				Расх. раб. один. в %%.			
	В довоенное время.		В 1918 году.		В довоенное время.		В 1918 году.	
	Петроград.	Баку.	Петроград.	Москва.	Петроград.	Баку.	Москва.	
Пища.	48,7	45,2	71,3	72,5	37,3	34,5	75,7	
Жилище и хозяйств. расходы . .	20,7	22,1	3,8	6,7	14,7	12,0	3,8	
Одежда.	12,1	13,7	6,6	8,3	13,8	12,8	7,8	
Гигиена	3,3	3,3	3,4	3,2	3,5	4,2	3,0	
Культур.-просвет. .	4,7	3,8	3,1	1,9	6,4	2,6	2,2	
Посылка на родину.	2,2	3,3	?	0,6	10,9	27,6	2,2	
Прочие.	8,3	8.6	11,8	6,8	13,4	6,3	5,3	
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	

до 2,2%. В бюджетах столичных рабочих довольно заметно сократился и расход на удовлетворение духовных запросов, особенно, повидимому, у одиноких рабочих. Надо, конечно, иметь в виду, что после Октябрьской революции расходы на зрелище, на культурно-просветительные и т. п. нужды для рабочих должны были сократиться, а во многих случаях и прямо прекратиться в виду бесплатного обслуживания рабочих государством.

Несомненно, при создавшихся в результате социальной революции условиях жизни реально улучшить положение трудящихся путем повышения денежных тарифов совершенно невозможно, так как наводнение рынка денежными знаками только все больше и больше обесценивает последние и гонит вверх дороговизну предметов первой необходимости до чудовищных размеров. Единственной реальной мерой улучшения положения трудящихся представляется натурализация заработной платы. Но это задача — очень сложная и пока еще неразрешенная ни в теории, ни тем более на практике.

Положение труда в Москве.

I. Основные этапы развития и строения Отдела Труда.

В виду тесной связи в деле охраны труда и его распределения по г. Москве и по Московской губернии настоящий обзор касается деятельности Советской власти во всей Московской губернии со столицей. В развитии Отдела Труда г. Москвы и Московской губернии следует различать несколько периодов, так как на протяжении протекших трех лет Революции изменялись и задачи и строение Отдела Труда.

Задачи Отдела вначале были весьма ограничены: при существовании самостоятельных страховых организаций (больничных касс и касс безработных) и бирж труда на Отделы Труда возлагалось лишь: 1) регулирование взаимоотношений между трудом и капиталом; 2) выяснение потребности народного хозяйства в рабочей силе, учет, распределение и перераспределение рабочей силы, привлечение к труду нетрудовых элементов, разработка вопросов, связанных с введением трудовой повинности; 3) наблюдение за исполнением законов по охране труда, т.-е. законов об инспекции труда и социальном страховании; 4) принятие всех необходимых мер по регулированию вопросов труда в районе; задачи эти формулированы в положении об Отделах Труда от 31 июля 1918 года. Впоследствии задачи Отделов Труда значительно изменили свой характер и были расширены. В связи с национализацией промышленности вопрос о взаимоотношениях между трудом и капиталом потерял свою остроту; в развитии дела социального страхования произошел коренной поворот в сторону огосударствления всего этого института, что нашло себе выражение в Положении о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 года и изданных в его развитие постановлениях; в области рабочей политики выдвинулись новые вопросы (тарифный, вопросы трудовой повинности и пр.), требовавшие сосредоточения всего дела наблюдения за проведением их в жизнь в одном каком-либо органе. В зависимости от этого изменяются по существу и в законодательном порядке основные функции, выполняемые Отделом Труда: в деятельности Отдела Труда разрешение конфликтов отходит на задний план, на Отделы Труда возлагается осуществление социального обеспечения трудящихся, проведение в жизнь учета и распределения рабочей силы, действительное наблюдение за соблюдением законов об охране труда и о тарифах; эти новые задачи формулированы в новом положении об Отделах Труда и социального обеспечения от 25 января 1920 года. Даже новое наименование говорит о произошедшем преобразовании: прежние «Отделы Труда» превращаются в «Отделы Труда и Социального Обеспечения», которые должны быть единственными органами, ведающими всеми вопросами труда и социального обеспечения трудящихся; функции прежних больничных касс и касс безработных, функции прежних органов Нар. Комиссариата Социального Обеспечения должны были на местах перейти к Отделам Труда. Это новое положение, однако, не нашло применения на практике. В связи с разрешением вопроса о новом разделении Комиссариата Труда и Социального Обеспечения на два самостоятельных Комиссариата, все дело Социального Обеспечения трудящихся было снова выделено из функций Отделов Труда и перешло к местным органам Комиссариата Социального Обеспечения; в ведении Отделов Труда остались учет и распределение рабочей силы, охрана труда, тарифно-нормировочное дело, статистика труда.

С организационной точки зрения, в развитии Отделов Труда следует различать два основных момента. Первый период характеризуется самостоятельным существованием отдельных отделов труда для г. Москвы и для губернии; по Москве функции Отдела Труда выполнялись в 1918 году в течение нескольких месяцев Областным Комиссариатом Труда, а затем Городским Отделом Труда, для губернии с марта 1918 года функционировал Отдел Труда при Губернском Совете. Практика обнаружила скоро всю нецелесообразность существования двух руководящих Отделов Труда в пределах одной губернии, с точки зрения общей координации работы, экономии сил и средств, и пр. Объединение обоих Отделов Труда стало еще более остро во второй половине 1919 года в связи с тем, что дело социального обеспечения трудящихся строилось на губернском фундаменте и что положением о Подотделах Социального Обеспечения предусматривалось образование одной руководящей Коллегии г. Москвы и губернии. Вследствие этого в июне месяце было произведено слияние городского и губернского Отделов Труда и был образован единый Отдел Труда г. Москвы и Московской губернии, впоследствии переименованный в Московский Отдел Труда.

В соответствии с задачами, возлагавшимися на Отделы Труда, находилась и конструкция этих учреждений. В первый из указанных периодов, когда Отделы Труда сами осуществляли лишь охрану труда, разрешали конфликты и являлись лишь общим наблюдающим органом в отношении страховых организаций, Отделы Труда разделялись всего на пять Подотделов: 1) Инструкторский, 2) Охрана Труда, 3) Тарифно-конфликтный и 4) Статистика. Позже, в связи с возложением на Отделы Труда всего дела учета и распределения трудящихся и их социального обеспечения, строение Отделов Труда существенным образом изменилось. По-

ложением об Отделах Труда и социального обеспечения предусматривалось образование 8 Подотделов для Отделов Труда в местностях с числом жителей более 15 тысяч человек при наличии Исполкома, а именно Подотделов: 1) Организационно-Инструкторского, 2) Социального Обеспечения, 3) Учета и Распределения Рабочей Силы, 4) Охрана Труда, 5) Тарифно-Нормировочного, 6) Финансового, 7) Хозяйственного и 8) Статистики Труда. Впоследствии из этой цепи Подотделов выпало одно звено — Подотдел Социального Обеспечения, отошедший в ведение Народного Комиссариата Социального Обеспечения.

В соответствии с этими основными положениями с некоторыми отступлениями, диктовавшимися местными условиями, создавались и развивались Отделы Труда на местах в пределах губернии. В настоящее время в Московской губернии функционирует 16 Отделов Труда: Богородский, Бронницкий, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Наро-Фоминский, Орехово-Зуевский, Павлово-Посадский, Подольский, Сергиевский, Серпуховской, Щелковский.

II. Рынок труда.

а) Общее введение.

В истории трудового посредничества и организации рынка труда в России следует различать несколько основных законодательных периодов. До войны ни государство, ни городское самоуправление, ни организации самих заинтересованных, за небольшими исключениями, не создали ничего в деле регулирования рабочего рынка. Война застала рабочий рынок совершенно неорганизованным. Во время войны в связи с мобилизацией промышленности и непрерывного роста спроса на труд возникли многочисленные организации, пытавшиеся внести планомерность в рынок труда.

Организованные различными общественными учреждениями, они, однако, возникали стихийно, без плана и системы, и поэтому давали весьма ограниченные результаты; к числу организаций, стремившихся урегулировать рабочий рынок, относятся военно-промышленные комитеты, национальные беженские организации, биржевые комитеты, с.-хоз. палаты и т. д. К моменту февральской революции часть этих бирж и бюро труда была ликвидирована, часть была закрыта распоряжениями власти, и рынок труда находился в полном хаотическом состоянии. На шестой месяц революции Временное Правительство сделало первую попытку разрешить вопрос об организации бирж труда в рамках общегосударственной задачи. Изданное положение о биржах труда с 19 августа 1917 г. предусматривало в местностях с числом жителей свыше 50 тыс. человек организацию местных и областных бирж труда городскими и земскими самоуправлениями, при чем в основу организации этих бирж были положены принципы: 1) бесплатности услуг; 2) нейтральности бирж во время конфликтов труда с капиталом, и 3) паритетность организации, управление биржей труда на паритетных началах. После Октябрьской революции законодательство о биржах трудах подвергается существенной эволюции.

Первый этап—это реорганизация бирж труда, с сохранением основной мысли законодателя о задачах бирж труда, как органов, регулирующих спрос и предложение

труда. Изменения, внесенные декретом 1918 года, заключались в том, что сеть организуемых бирж труда расширялась путем допущения их организации в менее населенных местностях (с числом жителей в 20.000 человек). Кроме того, упразднилось управление на паритетных началах и вводилось управление комитетом из представителей профорганов и местного совета; вводилось запрещение нанимать рабочих помимо биржи труда. Второй этап—это переход от бирж труда к п/отделам учета и распределения рабочей силы, переустройство бирж труда из органов учета и распределения только безработных в орган распределения всей трудящейся массы и, следовательно, соответственного учета ее наличности. Это новое положение нашло себе выражение в декрете от 1 ноября 1918 года и в ряде дальнейших постановлений, изданных в его развитие. Основные черты нового законодательства заключаются в установлении единства органов в деле организации рынка труда путем слияния посреднической деятельности профес.-производственных союзов с общегосударственными органами, в дальнейшем—расширение сети органов учета и распределения рабочей силы путем создания их во всех поселениях с числом жителей не менее 10.000 чел. и предоставления возможности открывать отделения в остальных местностях.

Третий этап, выразившийся в положении от 25 мая 1919 г., заключался в установлении более определенных организационных принципов, в упразднении областного деления и утверждения принципа деления на экономические районы, в расширении самой сущности деятельности этих органов в смысле распределения и перераспределения рабочей силы во всероссийском масштабе, как свободной, так и занятой во всех отраслях труда рабочей силы, учета всех работающих по найму лиц, безработных и вообще граждан, не занятых общественно-полезным трудом и подлежащих трудовой повинности.

В соответствии с этими изменениями законодательства об учете и распределении рабочей силы, отмеченными здесь в самых общих контурах, протекала работа на местах и в частности в Московской губернии.

б) Развитие бирж труда в Москве.

Мысль об открытии биржи труда в Москве возникла среди московских общественных деятелей еще в 1905 году, но первая городская биржа труда имени Морозова была открыта лишь в феврале месяце 1914 года. В период войны в Москве создаются биржи труда при некоторых общественных организациях. Но все эти органы имеют весьма ограниченное значение и фактически оставляют рынок труда в том же хаотическом состоянии, в котором он находился до их учреждения. После февральской революции при отдельных профсоюзах создаются так называемые бюро труда, начинается организация областных и местных бирж труда, с июня месяца 1917 г. начинает свою деятельность и Москов. обл. биржа труда. В ноябре месяце 1917 г., т.-е. к моменту перехода к новой государственной власти, в Советской России функционировало всего 27 бирж труда (данные А. Аникста), из которых на Московскую губернию приходится всего лишь одна биржа (Московская Областная). Фактическое строительство бирж труда в Московской губ. происходит уже в 1918 году на основе положения 31 января 1918 года. Располагая биржи труда Москов. губ. по времени их образования, мы получаем следующие данные:

№№ по пор.	Наименование биржи.	Время открытия биржи.
1.	Богородская	19 декабря 1917 г.
2.	Серпуховская	3 января 1918 г.
3.	Клинская	22 » »
4.	Московская.	19 февраля »
5.	Щелковская.	18 марта »
6.	Гучковская.	26 » »
7.	Павлово-Посадская . .	27 » »
8.	Коломенская	1 апреля »
9.	Мытищенская	1 » »
10.	Сергиево-Посадская . .	12 » »
11.	Дмитровская.	18 » »
12.	Подольская	27 » »
13.	Можайская	— » »
14.	Орехово-Зуевская. . .	15 мая »
15.	Раменская	17 » »
16.	Кудиновская	— июль »
17.	Волоколамская . . .	— октябрь »

(Справочник по Биржам Труда в России, стр. 14—25).

Как видно из этого перечня, до издания положения 31 января 1918 г. в Московской губ. были организованы всего

Перечень подотделов Московской губернии.

№№ по поряд.	Наименование п/отдела.	Район деятельности.	Время преобразования из биржи труда.	Число сотрудников.	Число открытых корресп. пунктов.
1	Балашинский	Район Разинского вол. совета, Москов. уезда.	Февраль 1919 г.	4	2
2	Пролетарский . . .	Лосиноостровский, Пролетарский, Пушкинский и Большевский районы	—		1
3	Богородский	Ямкинская, Васильевская, Буньковская, Филипповская и Шалаевская волости	Февраль 1919 г.	8	5
4	Бронницкий	Весь уезд, включая фабрики Борлина и Храпунова, расположенные в Богородском у.	Март 1919 г.	10	5
5	Волоколамский . . .	Весь уезд.	—	2	нет
	Дмитровский	Уезд, за исключением Сергиевского района.	Апрель 1919 г.	5	
7	Звенигородский. . .	Весь уезд и часть Моск . . .	—	2	2
8	Клинский.	Весь уезд.	—	2	2
9	Коломенский	Весь уезд и часть Ряз. губ., Зарайского уезда.	Декабрь 1918 г.	17	3
10	Можайский.	Весь уезд.	Декабрь 1918 г.	3	1
11	Наро-Фоминск . . .	Весь уезд.	Июнь 1919 г.	2	нет
12	Орехово-Зуевск. . .	Орехово-Зуево, часть Покровского и Богородского уезд.	Август 1918 г.	7	4
13	Павлово-Посадский.	Павлово-Посадский район . .	Июль 1919 г.	3	нет
14	Подольский	Демобедовская.	—	6	нет
15	Сергиево-Посад. . .	Сергиевская, Булгаковская, Содаринская, Путиловская и Хотьковская волости . .	1919 г.	2	1
16	Серпуховской. . . .	Весь уезд, часть Тарусск. у., Калужской г., в районе подъездных путей б. Серпуховск. м-ры, с углублением 10-верст. расстояния от границ Моск. губ . . .	—	3	2
17	Щелковский	Щелковская, Ивановская и Аксеновская волости . . .	Февраль 1919 г.	3	5

лишь три биржи труда—Богородская, Серпуховская и Клинская; возникновение остальных 14 бирж труда относится уже к первой половине 1918 г., при чем наибольшее количество открытых бирж падает на апрель месяц. Из всех бирж труда были учреждены:

Дек. 17 г.	Янв. 18 г.	Февр.	Марте.	Апреле.	Мае.
1	2	1	3	6	2

Июне.	Июле.	Октябре.	Итого.
—	1	1	17

Первая половина 1918 г. характеризуется не только образованием бирж труда, но и определенной организационной работой по укреплению внутренней организации бирж труда. Этот процесс легче всего проследить в Москве, где моменту создания единой биржи труда на основе положения 31 января функционировали многочисленные бюро труда при профес. союзах и посреднические конторы, которые строили организацию рынка труда на профессиональных началах и фактически распыляли в значительной мере и спрос и предложение труда. С созданием единой (центральной) биржи труда была связана ликвидация бирж труда при профес. союзах и всех посреднических конторах. В первое время наряду с центральной биржей труда были сохранены районные биржи, которых в Москве насчитывалось восемь. Практика, однако, скоро показала всю нецелесообразность этого: весь спрос концентрировался в центре, в то время, как предложение труда распылялось по районам, а в зависимости от этого представлялось необходимым весь поступавший в центральную биржу спрос распределять между районными биржами пропорционально числу состоящих у них на учете безработных и одновременно прикрепить всех безработных из центральной биржи труда в районные по их местожительству. Централизация спроса и децентрализация предложения вызывали на практике ряд трудностей, мешавших правильной работе по организации рынка труда, а потому явилось необходимым ликвидировать все районные биржи труда и построить центральную биржу на секционных началах, чтобы таким образом сгруппировать в одном центре весь спрос и все предложение труда определенной профессии. Эта организационная работа по реорганизации центральной биржи труда была произведена в мае месяце, и с того времени начинается постепенное и неуклонное развитие деятельности Московской биржи труда.

О развитии сети бирж труда в Московской губернии в 1918 — 1919 гг. в сопоставлении с другими губерниями говорят следующие данные:

ГУБЕРНИИ:	Число бирж труда. к 15 мая 1918 г.	к 1 окт. 1918 г.	Число п/отдел. учрабсилы к 1 ноября 1919 г.
Пермская	23	26	5
Московская	12	16	18
Владимирская	11	13	19
Оренбургская	9	5	6
Костромская	8	6	8
Петроградская	6	8	4
Томская	6	6	
Тверская	5	11	12
Смоленская	5	12	12
Тамбовская	5	7	13
Саратовская	5	11	13
Вятская	5	4	15
Остальн. губ. (с числом бирж менее 5 в каждой)	9	134	195
Всего	109	259	320

Московская губ. постепенно увеличивает число открытых сю органов регулирования рынка труда,—за полтора года число это возросло с 12 до 18,—но постоянно занимает второе место по числу созданных учреждений; в 1918 году первое место занимает Пермская, а в конце 1919 года впереди Московской губ. стоит Владимирская губ.

В соответствии с положением 1-го ноября 1918 г. и 3 мая 1919 г. в Московской губ. происходило преобразование бирж труда в п/отделы учета и распределения рабочей силы. Приняв на себя выполнение новых широких задач, прежние биржи труда должны были превратиться в п/отделы труда, и этот процесс происходил по всей губернии не механически, а был связан с определенной организационной реконструкцией. П/отделы учета и распределения рабочей силы, за редкими исключениями (Наро-Фоминск), возникали путем преобразования прежней биржи труда в соответствующий п/отдел, при чем в большинстве случаев район деятельности каждого п/отдела был приближен к району деятельности Отдела Труда. Анкета, произведенная секцией статистики труда Отдела Труда, в янв. месяце 1920 г., дала картину развития п/отделов учрабсилы, представленную в перечне на предыдущ. странице.

в) Преобразование бирж труда в подотделы учета и распределения рабочей силы.

Преобразование прежних бирж труда в п/отделы учрабсилы происходит большей частью в начале 1919 года. Район деятельности различных п/отделов не одинаков: некоторые п/отделы, как, напр., Волоколамский, Клинский, Можайский, Наро-Фоминский охватывают полностью весь соответственный уезд без всяких прибавлений к нему или отрывания от него отдельных волостей; другие п/отделы, наоборот, распространяют свое действие лишь на часть своего уезда, на определенный район или волости (напр., Балашинский, Пролетарский, Богородский, Орехово-Зуевский, Павлово-Посадский, Щелковский п/отделы) или охватывают не только весь свой уезд, но и часть смежного (напр., Бронницкий, Звенигородский, Коломенский, Серпуховской п/отделы). Число служащих в п/отделах не велико, в общей сложности достигает в 16 п/отделах (для Пролетарского п/отдела число служащих неизвестно),—79 человек и в отдельных п/отделах колеблется от 2 (Волоколамский, Звенигородский, Клинский, Наро-Фоминский и Сергиево-Посадский п/отделы) до 17 человек (Богородск.). Только четыре п/отдела, а именно: Волоколамский, Наро-Фоминский, Павлово-Посадский и Подольский, не организовали корреспондентских пунктов, являющихся щупальцами местного п/отдела в пределах района его деятельности; в остальных 13 п/отделах создано 33 корресп. пункта с числом служащих в 53 человека.

Развитие сети корреспондентских пунктов по апрельской анкете 1920 г. характеризуется следующими данными:

№№ по кор.	Наименование п/отдела учрабсилы.	Число корр. п. пп.	Наименование корреспонд. пунктов.	Расстояние от испол. дом.	Число сотруд.	Число обяз. явок безр. в неделю.	
1	Балашинский	1	Измайловский	6	—	2	ежедневно.
2	Пролетарский	1	Пушкинский	—	1	—	»
3	Богородский	5	Глуховский	½	4	—	ежедневно.
			Обуховский	12	2	—	»
			Затишинский	7	2	—	»
			Купавинский	18	2	—	»
			Электропередача	25	1	—	»
4	Бронницкий	5	Бронницкий	11	2	—	ежедневно.
			Раменский	—	4	—	»
			Малаховский	4	1	—	»
			Вашловский	6	1	—	»
			Барановский	7	1	—	»
5	Дмитровский	2	Вербиловский	2½	1	2	»
			Яхромский	1	2	2	»
6	Звенигородский	2	Гучковский	¼	1	1	ежедневно.
			Воскресенский	½	1	1	»
7	Клинский	2	Завидовский	27	1	—	»
			Каумовский	14	1	—	»
8	Коломенский	2	Озерский	¼	6	1	»
			Воскресенский	1	2	2	»
9	Можайский	1	Верейский	27	3	—	»
10	Орехово-Зуевский	4	Дрезненский	¾	1	2	»
			Дуловский	¾	2	2	»
			Авсюнинский	½	1	2	»
			Саввинский	3	1	2	»
11	Сергиевский	1	При Вознесенской М-ре	25	1	ежедн.	ежедневно.
12	Серпуховской	2	Нефедовское	¼	2	2	»
			Лопаснинское	—	—	—	»
13	Щелковский	5	Лосино-Петровский	13	1	2	»
			При ф. Четвериковых	7	1	2	»
			» » Гредиева	7	1	2	»
			» » Трубина	12	1	2	»
			» » Фряновской	38	1	2	»

Число организованных пунктов различно в разных п/отделах, в зависимости от целого ряда причин географического и экономического характера. Балашинский, Пролетарский, Можайский и Сергиевский п/отделы организовали только по 1 корресп. пункту, в ряде других п/отделов: Дмитровском, Звенигородском, Клинском, Коломенском и Серпуховском функционируют по 2 корресп. пункта; Орехово-Зуевский п/отдел насчитывает 4 пункта, а в Богородском, Бронницком и Щелковском, т.-е. в районах концентрации рабочих, это число достигает даже 5 для каждого п/отдела. Географическое положение созданных пунктов неодинаково; приблизительно одна треть всех пунктов расположена недалеко от жел. дорог, приблизительно половина находится на расстоянии от 4 до 25 верст, а остальные отстоят от жел. дорог более чем на 25 верст; это вытекает из следующих цифр, составленных на основании данных предыдущей таблицы.

Расстояние от жел. дороги.	Число пунктов.	Число п/отделов учрабсилы.
Менее 1 версты . . .	9	6
1—3 »	4	2
4—10 »	7	4
11—25 »	8	3
свыше 25 »	3	5
неизвестно	2	2
Всего	33	—

Аппарат корреспондентских пунктов обыкновенно не велик: большей частью он состоит из 1 человека (19 случаев из 33), и редко достигает 4—6 человек (в 3 корреспондентских пунктах).

Корреспондентские пункты открыты большей частью ежедневно; срок обязательной явки безработных в п/отдел в большинстве случаев определен 2 раза в неделю.

Сопоставляя сеть корреспондентских пунктов на 1 октября 1918 г. с соответственными данными на апрель месяц 1920 года, надо признать, что за эти полтора года количество организованных пунктов значительно возросло (с 18 до 33), что этот рост выразился, главным образом, в создании корреспондентских пунктов, рядом новых п/отделов учета и распределения рабочей силы (Бронницком, Орехово-Зуевском, Дмитровском, Клинском, Серпуховском и др.), а в одном случае расширением числа существующих пунктов (Богородский п/отдел).

Статистический материал о состоянии рынка труда по гор. Москве в 1918—1920 гг. и о деятельности органов по учету и распределению рабочей силы, охватывает период с 19-го февраля 1918 года, когда открыла свои действия Московская Центральная Биржа Труда, по август 1920 года включительно. Подробные данные приведены в статье «Чем занимается Москва», здесь же дается лишь краткий обзор работы Биржи Труда.

Собранные данные за 31-месячный период получены частью из архива статистического отдела при бывшей бирже труда, а частью за последнее время из основных и текущих материалов отделения статистики рынка труда при Московской Секции Статистики Труда. Вследствие различных осложняющих обстоятельств неоднократных перемен в программах работ по статистике рынка труда, вследствие изменений номенклатуры производств и профессий—сводная работа за весь рассматриваемый период чрезвычайно

затруднилась, а по многим пунктам оказывалась даже и невыполняемой без слишком громоздких переработок старого материала, недоступных за краткий срок, имевшийся в распоряжении составителей обзора.

Переписью 21-го апреля 1918 года, то-есть в самый начальный период деятельности Биржи Труда, в гор. Москве было зарегистрировано 89.053 человека, не имевших занятий, что к общему числу трудового населения по переписи, составляло около 13,2%. Можно полагать, что часть безработных ускользнула от переписи вследствие скрывания безработными своего действительного состояния из-за опасения быть эвакуированными из пределов Москвы, так как в то время лица, не имевшие занятий, несвязанные с работой в общественно необходимых учреждениях или предприятиях подлежали удалению из столицы. С другой стороны, не все и из числа указанных 89.000 чел. могли бы быть отнесены к безработным в собственном смысле. Тем не менее «резервная армия труда» к моменту открытия действий Биржи достигала весьма внушительных размеров. Московская Городская Биржа Труда начала функционировать с 19-го февраля 1918 года. Существовавшими до ее открытия учреждениями по регулированию спроса и предложения—при профессиональных союзах, при солдатских организациях и т. д. было взято на учет, по имевшимся сведениям, в общей сложности до 50.000 безработных. Вновь народившейся Бирже Труда надлежало прежде всего вобрать в себя всю эту массу зарегистрированных безработных и создать единое русло для координации спроса и предложения. В течение времени с 19-го февраля по 1-ое апреля Биржей зарегистрировано свыше 40 тыс. безработных. В последующие месяцы Биржа постепенно вытесняла все разрозненные аппараты по учету безработных и хотя не сразу, и не вполне вбирает в себя весь поток безработных, но все же становится центральным и главным регулятором свободных рук.

В первую половину 1918 года, когда число вакантных мест было *ниже* количества вновь записывающихся безработных, из каждых 100 безработных послано было на работу всего около трети; за вторую половину года, при усилившемся спросе, посылалось уже более $^4/_5$ по отношению к всем вновь записавшимся. В последующие три полугодия число посылок на месте уже превосходит соответствующую цифру новой месячной записи, при чем избыток берется из остатков предыдущих месяцев и из восстановленных в очереди в текущем месяце (которые не считаются за вновь записавшихся). По отношению на 100 заявленных мест число посылок составляло около 80—90%, при чем менее всего было удовлетворение спроса за первые полугодие 1919 года, в связи с вышеотмеченных наиболее резким несоответствием за эти месяцы между спросом и предложением. Число *определившихся* по отношению на 100 вакантных мест выражается 68—85%.

С первых месяцев 1919 года, с постепенным исчезновением собственно—безработных и намечающихся резким недостатком рабочих рук, п/отдел Учета и Распределения Рабочей силы постепенно теряет былой характер регулятора *свободного* рынка труда и приобретает значение органа принудительной регистрации и контроля «сделок» на рабочую силу, найденную самим нанимателем. В дальнейший период значительный контингент работников, проходящих через П/отдел Распределения Рабочей Силы составляют лица, направленные на Биржу по так называемым «именным»

требованиям, то-есть персональные кандидаты от самого нанимателя.

Естественно поэтому, что, чем далее мы подвигаемся от 1918 года к 19120 году, тем большая доля посланных биржей на работу определяется на места, впитываясь без остатка как влага в алчущую воды сухую почву.

По полугодиям соотношение чисел посланных и определившихся видно из следующих данных.

Полугодие.	Послано.	Определилось.	На 100 посланных определилось.
1918 г. I	37.579	32.123	86
» II	124.026	107.393	86
1919 г. I	109.188	98.740	91
» II	78.440	72.132	92
1920 г. I	68.317	67.997	99

Регулярное нарастание процента лиц, попадающих на места из числа посылаемых Биржей Труда в приведенной табличке выражено с полной наглядностью. На ряду с указанной причиной этого явления—именными кандидатами—здесь играет роль, конечно, и то обстоятельство, что наниматель постепенно становится все менее взыскательным к качеству работника, посылаемого Биржей, при остром голоде на рабочую силу.

III. Охрана труда.

Организация охраны труда в Московской губернии.

Полная неудовлетворительность охраны труда в дореволюционное время не могла, конечно, подлежать какому-либо сомнению. Тем не менее, несмотря на всю важность государственной охраны здоровья и жизни трудящихся, в Московской губ., фактическое осуществление охраны труда начинается лишь с середины 1918 года на почве применения декрета от 18 мая 1918 г. об учреждении инспекции труда.

После Октябрьской революции формальное выполнение функций по охране труда лежало на двух органах, из которых один распространял сферу своего влияния на г. Москву в пределах Окружной железной дороги, а другой руководил проведением законов по охране труда в Московской губернии. По г. Москве, с упразднением фабричной и горной инспекции, охрана труда сначала была возложена на Областной Комиссариат Труда, внутри которого был создан отдел охраны труда, а затем, с упразднением областных организаций, эта функция перешла к городскому отделу охраны труда Московского Совета. По губернии же осуществление законов по охране труда, разработка проектов обязательных постановлений по проведению в жизнь и развитию декретов центральной власти, обследования фабр.-заводских предприятий и жилищ рабочих с целью выяснения правовых, экономических и санитарно-технических условий рабочей жизни, инструктирование и контроль местных уездных органов, координация их работы и т. д.—с самого начала явилось задачей отдела охраны труда при губернском совете, организованного с марта месяца 1918 г. Таким образом, для города Москвы и уездов губернии создались два различных органа, которые самостоятельно направляли работу по охране труда в пределах Московской губернии, и такое положение вещей, не оправдываемое требованиями действительности, и на практике связанное с целым рядом затруднений и организационных невыгод, продолжалось до середины 1919 года. Объединение

городского и губернского отдела труда поставило на очередь и вопрос о слиянии соответственных отделов охраны труда, и это слияние было реализовано в июне месяце 1919 года, когда с организацией п/отдела социального обеспечения, как составной части Отдела Труда гор. Москвы и губернии, на этот п/отдел были возложены и все функции по охране труда и в конструкции п/отдела предусматривалась организация секции социальной охраны труда, управлявшейся своей коллегией, но подчиненной контролю п/отдела. Секция социальной охраны труда губернского п/отдела социального обеспечения и охраны труда вела работу по Москве и губернии до февраля месяца 1920 г., как одна из подчиненных секций п/отдела соц. обеспечения. С этого же месяца, в связи с новой организацией отделов труда, секция социальной охраны труда была выделена из состава п/отдела социального обеспечения и преобразована в самостоятельный п/отдел охраны труда. Отдел Труда на равных правах со всеми его остальными п/отделами.

Общая организационная схема отдела охраны труда сводилась к следующему: в гор. Москве наблюдение за применением законов по охране труда возлагается на районные инспекции, руководимые центром и обычно организуемые при районных советах; число таких районных инспекций сначала было одиннадцать и затем уже в 1920 году было сокращено до 7. Территория же губернии (уезды) разбивалась на районы с определенными границами, и каждый такой район должен был обслуживаться инспекцией труда, технической и санитарной инспекцией.

Чтобы приблизить инспекцию труда к массе пролетариата и обслуживать его возможно полно и всесторонне, было решено организовать районы деятельности инспекторов труда таким образом, чтобы на одного инспектора приходилось 10 тысяч рабочих. Исходя из положения, что в губернии [1]) насчитывается 300.000 рабочих, было намечено 15 районных инспекторских, которые по губернии распределялись следующим образом:

Наименование района.	Границы района.	Число инспект. труда.
1. Московский . . .	весь уезд.	6
2. Подольский . . .	»	1
3. Наро-Фоминский. .	Наро-Фомин. и Верейск. у.	1
4. Клинский	весь уезд.	1
5. Бронницкий . . .	»	1
6. Дмитровский . . .	»	2
7. Коломенский . . .	Коломенский и Зарайский уезды, Рязанск. губернии.	2
8. Александровский. .	Александр., Киржачск. и Переславль-Залесск. у. Владимирск. г.	3
9. Егорьевский . . .	Егорьевский уезд., Ряз. г.	2
10. Павлово-Посадский	Посад и прилег. селения.	1
11. Богородский . . .	Богородский уезд без Павл. Посада и его окр., а также часть Филипповской вол., Покровск. у., Владимирск. г.	2
12. Орехово-Зуевский .	весь уезд.	2
13. Серпуховской. . .	»	2
14. Волоколамский . .	»	1
15. Звенигородский. .	»	1

[1]) В это число входят и рабочие, присоединен. к Моск. г. районов: Егорьевск. и Зарайск., Рязан. г. и Александровск., Киржачск. и Переславль.-Залесск., Владимирск. губ.

Если исключить Александровский и Егорьевский районы, которые затем были выделены из сферы действия Московской организации охраны труда, то окажется, что в пределах Московской губ. предполагалось открыть 13 районов с 23 инспекторами труда.

Фактическая организация инспекции труда происходила медленным темпом и отставала от первоначально намеченной схемы. Первым инспектором труда, и первым не только по Московской губ., но и по всей Советской России—был избран инспектор труда Клинского района в мае месяце 1918 года, а затем на протяжении остальных восьми месяцев происходили выборы инспекторов труда в остальных районах. Был *избран* первый инспектор труда:

1.	По Клинскому	району	— 23 мая	1918	года.
2.	» Богородскому	»	— 22 июня	»	»
3.	» Павлов.-Посадск.	»	— 14 августа	»	»
4.	» Коломенскому	»	— 1 сентября	»	»
5.	» Орехов.-Зуевскому	»	— 12 сентября	»	»
6.	» Бронницкому	»	— 27 »	»	»
7.	» Подольскому	»	— 1 »	»	»
8.	» Разинскому	»	— 4 ноября	»	»
9.	» Серпуховскому	»	— 10 »	»	»
10.	» Щелковскому	»	— 12 »	»	»
11.	» Мытищенскому	»	— 19 декабря	»	»
12.	» Наро-Фоминск.	»	— 23 »	»	»
13.	» Дмитровскому	»	— 3 января	1919	года.
14.	» Можайскому	»	— 27 апреля	»	»
15.	» Волоколамскому	»	— 29 октября	»	»

Отсюда следует, что первые выборы инспекторов труда произошли в большинстве уездов в последней четверти 1918 года, а в некоторых (Дмитровском, Можайском, Волоколамском) даже только в 1919 году. Так как вступление в должность инспектора труда происходило обычно несколько позже его избрания, то можно с уверенностью сказать, что в 1918 году происходил лишь процесс организационного строительства инспекции труда, и что фактическое развитие деятельности инспекторов труда относится уже к 1919—1920 гг.

Изменение численного состава инспекторов труда [1]) за 1918—1920 гг. видно из нижепомещенной таблицы (в следующем столбце 204).

С мая 1918 г. по апрель 1920 г. в уездах Московской губернии было избрано всего 52 инспектора труда, при чем выборы инспекторов труда по отдельным месяцам происходили следующим образом:

Было избрано инспекторов труда:

	Январь.	Февр.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сент.	Окт.	Ноябрь.	Дек.	Всего.
1918 г.	—	—	—	—	1	1	—	3	6	3	6	7	27
1919 »	2	—	—	—	3	2	—	2	3	1	1	3	18
1920 »	—	—	1	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—

В редкие месяцы (февраль, март, июль) не происходят выборы инспектора труда в каком-либо уезде. Постоянный отлив части инспекторов сейчас же после избрания еще до вступления в должность или через непродолжительный период времени обусловливали текучесть состава инспекции труда и необходимость частого пополнения его. Это обстоятельство являлось одним из неблагоприятных моментов развития деятельности инспекторов труда. По имеющимся неполным сведениям в течение 8 месяцев 1918 г. было избрано 27 инспекторов труда и в то же время выбыло 6 человек; в 1919 г. за год было вновь избрано профсоюзами 18 инспекторов, а за первую половину года из их состава выбыло 12 человек. Этот текучий состав инспекции труда являлся одним из неблагоприятных моментов для развития деятельности инспекции труда. В отчете о деятельности Московск. губернского отдела труда за май месяц 1919 г. указывалось, что одной из главных причин, если не самой главной, тормозившей, тормозящей и сводящей на-нет всю работу, является текучесть состава; группируя данные о продолжительности работы 32 инспекторов труда, автор отчета приходит к заключению, что более 50% всего состава инспекции работало от одной недели до 3 месяцев, 24% — от $3^1/_2$ до $4^1/_2$ месяц., 26% — свыше $4^1/_2$ мес. [1]) на каждого инспектора труда приходится в среднем немного более трех месяцев работы. Кроме того, не все избранные инспектора труда приступают к работе и выполняют возложенные на них задачи; бывали нередко случаи, что в крупных промышленных районах не велась никакая работа по охране труда, хотя не было ни одного дня, чтобы инспектора труда формально не числились в этих районах; указанный выше отчет содержит длинный ряд таких примеров («Социалист. Строительство», стр. 71), из которых вытекает, что фактическую работу вело незначительное число инспекторов труда из ограниченного количества избранных инспекторов. Тем не менее, надо признать, что к концу 1919 г. организация института инспекции труда в Московской губ. уже вполне оформились. Инспектора труда к тому времени отсутство-

[1]) Без гор. Москвы.

Число инспекторов труда в 1918—1920 гг.

Наименование уезда.	Предполагаем. число инспект. труда по сети 1918 г.	Состояло инспекторов труда. На 1 сентября 1918 г.	На 1 сентября 1919 г.	На 1 сентября 1920 г.	На 1 января 1920 г.	На 1 апреля 1920 г.
Московский	6	—	3	3	4	4
Подольский	1	—	1	1	1	1
Наро-Фоминский	1	.	1	1	1	1
Клинский	1	1	1	1	1	1
Бронницкий	1	—	1	1	1	1
Дмитровский	2	—	—	1	1	1
Коломенский	2	—	2	1	1	2
Александровский	3	—	2	—	—	—
Егорьевский	2	2	2	—	—	—
Павлов.-Посадск	1	—	1	1	1	1
Богородский	2	1	2	1	1	2
Орехово-Зуевский	2	—	1	1	2	1
Серпуховской	2	—	2	2	2	2
Волокол.-Рузский	1	—	—	—	1	1
Звенигородский	1	—	—	1	1	1
Можайский	—	—	—	1	1	1
Сергиевский	—	—	—	—	1	1
Щелковский	—	—	—	—	1	—
В том числе в Александр. и Егор. уез	5	—	4	—	—	—
Итого по Моск. губ.	23	4	19	16	21	21

[1]) Журн. „Социалистическое Строительство", 20 мая 1919 года, стр. 70—71. В отчете приводятся следующие данные: продолжительность работы инспекторов труда составляла:

	До 1 мес.	До $1^1/_2$ мес.	До 2 мес.	До $2^1/_2$ мес.	До 3 мес.	До $3^1/_2$ мес.	До 4 мес.	До $4^1/_2$ мес.	До 5 мес.	До $5^1/_2$ мес.	До 6 мес.
Число инспект. труда. . . .	3	2	7	2	3	2	5	4	2	1	1

вали лишь в районах с незначительным развитием крупной промышленности, но с сравнительно сильным распространением кустарной промышленности, в которых распыленность кустарей, разбросанность небольшого числа мелких предприятий и отсутствие профсоюзов и иных организаций мало способствовали введению инспекции труда. Изменчивость же состава инспекторов труда в 1920 г. также несколько ослабевает и, таким образом, в общем итоге, с начала этого года организация общего надзора по охране труда приобретает, наконец, прочную почву.

Некоторую, хотя и не совсем полную характеристику личного состава инспекторов труда дает анкетное обследование уездных п/отделов охраны труда, произведенное в июне 1920 г. Анкетное обследование охватило все уездные п/отделы, за исключением г. Москвы и Московского у., при чем ответы были получены от всех п/отделов, за исключением Подольского; кроме того, анкетный лист Щелковского п/отдела оказался неудовлетворительно составленным и при обработке не мог быть использован. По полученным данным в 13 уездных п/отделах охраны труда состояло 16 инспекторов труда, о составе которых говорят данные, помещенные ниже на этой странице.

Только Богородский, Коломенский и Серпуховской п/отделы имеют по 2 инспектора труда, в остальных каждый уезд обслуживается одним инспектором. Большая часть работающих инспекторов избрана на эту работу уже в 1920 г., и только один инспектор работает еще с 1918 г. В большинстве случаев инспекторами труда являются мужчины, хотя имеется и 5 женщин; по возрасту большая часть инспекторов приходится на группу 20—30 лет, моложе 20 лет нет ни одного инспектора, а 2 из них старше 40 лет; в громадном большинстве случаев инспектора труда получили домашнее или начальное образование, только 2 из всех инспекторов со средним образованием и до избрания работали на заводах и предприятиях в качестве квалифицированных рабочих. Среди инспекторов только 2 конторщика, остальные—рабочие, при чем преобладающей профессией являются ткачи (5 человек из 16). Таким образом, персонал инспекции труда происходит, главным образом, из подлинной рабочей среды и состоит из людей, знакомых с суровой действительностью рабочей жизни.

О развитии института инспекции труда в 1920 году говорят следующие данные. Было инспекторов труда по данным п/отдела охраны труда:

	В Москве.	В губерн.	Вне учет.	Всего.
На 1 января 1920 г. . .	14	14	6	34
1 февраля » . . .	14	14	6	34
» 1 марта » . . .	15	16	11	42
» 1 апреля » . . .	26	20	11	57
» 1 мая » . . .	27	21	13	61
» 1 июня » . . .	28	21	15	64
» 1 июля » . . .	27	20	16	63
» 1 августа » . . .	23	22	16	61
» 1 сентября » . . .	20	22	19	61
» 1 октября » . . .	19	23	19	61

Институт инспекции труда в 1920 г. несомненно и быстро развивается: в настоящее время число работающих инспекторов превышает уже шестьдесят человек, в то время, как по губернии должно быть избрано всего 70 человек.

В помощь инспекторам труда создан институт ассистентов инспекторов труда. Эти ассистенты не обладают правом инспекторов и являются лишь их помощниками; из ассистентов впоследствии должны вербоваться инспектора труда. Институт ассистентов еще совсем новый; молодой институт; об общем развитии численного состава ассистентов говорят следующие цифры:

Было ассистентов инспекторов труда на 1-е число:

	1920 год.							
	Марта.	Апреля.	Мая.	Июня.	Июля.	Августа.	Сентяб.	Октяб.
В г. Москве . .	8	8	12	13	11	15	17	18
В уездах губернии	—	—	—	2	8	15	13	12
Всего. .	8	8	12	15	19	30	30	30

Институт ассистентов прежде всего прививается в Москве, а затем распространяется на уезды губернии. Число ассистентов, работающих сейчас, еще ниже необхо-

Состав уездных инспекторов труда.

Уезды:	Число инспект. труд.	Избран: в 1918 г.	в 1919 г.	в 1920 г.	Пол. Мужчин.	Женщин.	Возраст. до 20 лет.	20—30 лет.	30—40 лет.	Старше 40 л.	Обычная профессия. Завед. отд. труда.	Конторщ.	Инструктор.	Ткачи.	Строит. раб.	Электромонтер.	Токарь.	Слесарь.	Переплетч.	Прочт. проф.	Образование. Домашнее.	Сельск. шк.	Низш. шк.	Среднее.
1. Богородский	2	—	—	2	1	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—
2. Бронницкий	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
3. Волоколамский	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
4. Дмитровский	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
5. Звенигородский	1	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—
6. Клинский	1	1	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
7. Коломенский	2	—	—	2	2	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—
8. Можайский.	1	неизвестн.		—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
9. Наро-Фоминский . . .	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10. Орехово-Зуевский . . .	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
11. Павлово-Посадский . .	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
12. Сергиевский	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
13. Серпуховской	2	1	1	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—
	16	1	6	8	11	15	2	9	5	2	1	2	—	5	1	1	1	2	1	2	7	3	4	2

димого количества (на каждого инспектора по положению полагается один ассистент), но оно все-таки возрастает, особенно в Москве.

Анкетное обследование п/отделов охраны труда, произведенное секцией статистики труда, коснулось и вопроса об ассистентах труда. Состав ассистентов инспекторов труда по этой анкете характеризуется следующими данными:

инструктировать эти комиссии, содействовать инспекции труда в практическом проведении всех постановлений Кодекса Законов о труде, декретов, циркуляров и пр., наблюдать за проведением в жизнь всех норм по охране труда и т. д.

Точные и полные сведения о числе комиссий по охране труда и отделов охраны труда при профсоюзах в пределах Москвы и губернии пока еще отсутствуют. Анкетным обсле-

Состав ассистентов инспекторов труда.

Уезды.	Число ассистентов труда.	Время избрания.		Пол.		Возраст.		Профессия.									Образование.			
		До 1 июня 1920 г.	После июня 1920 г.	Муж.	Жен.	До 20 лет.	От 20—30 лет.	Бухгалт.	Конторщ.	Столяры.	Ткач.	Металл.	Слесарь.	Кагрузч.	Торгов. служащ.	Прочие.	Домашнее.	Сельской школы.	Низшей школы.	Среднее.
1. Богородский	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
2. Бронницкий	1	—	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
3. Волоколамский	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
4. Дмитровский	1	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
5. Звенигородский	1	неизвестно		—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
6. Клинский	1	—	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
7. Коломенский	2	—	2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	1
8. Можайский	1	—	1	1	—	неизвест.		—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
9. Наро-Фоминский	1	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10. Орехово-Зуевский	1	—	1	—	1	неизвест.		1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—
11. Павл.-Посадский	одни избр., врем. отозв.			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Сергиевский	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
13. Серпуховской	2	1	1	1	1	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
14. Щелковский	1	—	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
	16	2	12	11	4	11	2	2	4	1	1	1	2	1	1	3	1	3	7	4

Ассистенты инспекторов труда существуют в 13 п/отделах охраны труда, хотя к их образованию приступлено в 14. Всего избрано по разным уездам 16 ассистентов, при чем подавляющее большинство уже после 1 июня 1920 г. и только 2 человека до 1 июня. Среди ассистентов также преобладают мужчины, хотя имеются 4 женщины. В большинстве случаев (неизвести. только по Можайскому и Орехо-Зуевскому уездам). Это молодые рабочие или работницы, в возрасте до 20 лет, избранные в ассистенты союзом коммунистической молодежи; интеллигентных профессий среди них мало, преобладают рабочие различных профессий и сравнительно большую группу составляют конторщики (4 человека из 15). Большая часть ассистентов, как и инспекторов труда, получила лишь домашнее или низшее образование.

В своей деятельности инспекция труда должна опираться на комиссии по охране труда при фабрично-заводских предприятиях и на отделы охраны труда при профсоюзах. В задачи комиссий по охране труда входит практическая работа совместно с заводоуправлением по улучшению санитарно-гигиенического состояния предприятия и условий труда в нем, наблюдение за правильной работой всех приспособлений, за содержанием в чистоте мастерских, столовых и пр., за правильной и своевременной выдачей всех защитных приспособлений, за выполнение предприятием всех декретов по охране труда. Каждая комиссия, избираемая всеми рабочими и служащими предприятия, является основной ячейкой Отдела охраны труда соответственного профсоюза, который должен постоянно

дованием уездных п/отделов выяснено, что в 13 уездах губернии (без Московского, Волоколамского и Подольского) инспекцией труда зарегистрировано 421 комиссия по охране труда при ф.-зав. комитетах и 39 отделов охраны труда при профсоюзах; все эти комиссии и отделы охраны труда по отдельным уездам распределяются следующим образом:

Зарегистрировано:

Уезды.	Комиссий по охране труда.	Отделов охраны труда при профсоюзах.
Богородский	17	1
Бронницкий	6	1
Волоколамский	—	—
Дмитровский	126	—
Звенигородский	5	5
Клинский	18	5
Можайский	63	—
Наро-Фоминский	3	4
Орехово-Зуевский	77	1
Павлово-Посадский	20	1
Сергиевский	18	1
Серпуховской	53	16
Щелковский	8	1
Коломенский	7	3
Всего	421	39

Более детальное ознакомление с организациями и деятельностью этих комиссий и отделов и достигаемых ими результатов пока еще не произведено, а потому роль

Субботники на Николаевской ж. дороге.

комиссий и отделов по охране труда в общей работе по надзору не может быть сейчас выяснена.

Техническая мастерская была организована и начала свою работу в середине июля 1918 года; согласно положения и наказа на техническую инспекцию возлагалось: 1) обследование предприятий с точки зрения техники безопасности; 2) освидетельствование паровых котлов и разного рода приборов; 3) осмотр вновь открываемых предприятий в техническом отношении; 4) расследование несчастных случаев, и 5) представление отзывов по проектируемым предприятиям и постройкам, с точки зрения технической безопасности. Вся территория губернии распределялась на 14 участков технических инструкторов, при чем для 7 участков (Щелковского, Клинского, Звенигородского, Подольского, Дмитровского по Яросл. ж. д. и Дмитровского по Савел. ж. д., Московского уездного и Можайско-Верейского-Рузского) местожительством технических инструкторов являлась Москва, а для остальных 7 участков (Богородского, Павлово-Посадского, Ореховского, Коломенского, Зарайского, Серпуховского, Егорьевско-Бронницкого, Александрово-Киржачского)—соответственные уездные центры. Число инструкторов и распределение участков на практике затем подвергалось значительным изменениям. Фактическое количество работающих технических инструкторов составляло.

	По г. Москве.	По уездам.	Всего.
Август—декабрь 1918 г.			
Июль 1919 г.	12	10	22
Сентябрь »	12	10	22
1 января 1920 г.	11	6	17
1 февраля »	11	6	17
1 марта »	12	6	18
1 апреля »	12	6	18
1 мая »	12	6	18
1 июня »	12	6	18
1 июля »	13	5	18
1 августа »	13	5	18
1 сентября »	15	5	20
1 октября »	14	7	21

Надзор за санитарным состоянием предприятий до начала 1919 г. находился в ведении органов здравоохранения и лишь косвенным образом осуществлялся более крупными больничными кассами. Лишь в конце марта месяца 1919 г. было официально опубликовано об образовании санитарной инспекции, избираемой «из лиц с высшим медицинским образованием, со специальными познаниями в области профессиональной гигиены и с достаточным знакомством с рабочей жизнью». (Положение 28 марта 1919 г.). Основная задача этой санитарной инспекции, согласно наказа санитарным инспекторам, заключается в постановке и проведении надзора за санитарно-гигиеническими условиями труда всех трудящихся в целях: а) исследования условий труда, могущих влиять на жизнь и здоровье рабочего и накопление всех материалов для широкой и планомерной борьбы с профессиональными и производственными вредностями; б) непосредственного принятия мер к улучшению санитарно-гигиенических условий труда рабочих, и в) контроля за проведением в жизнь всех законоположений и обязательных постановлений в области профессиональной гигиены и фабричной санитарии. Фактическое же начало деятельности санитарных инспекторов относится уже к 1920 г., так как до того времени организация санитарной инспекции задерживалась неопределенностью взаимоотношений санитарных инспекторов с органами здравотдела, отсутствием надлежащим образом подготовленных врачей, могущих принять на себя осуществление фабрично-санитарного надзора, и другими причинами. В докладе Губ. Отдела охраны труда Московск. губ. конференции завед. отделами труда Москов. губ. в октябре 1918 г. говорилось: «остается до сих пор еще невыясненным вопрос о создании при отделе медико-санитарной инспекции. Затруднения вызываются двумя причинами: 1) нет необходимых специалистов и 2) и это самое главное: область санитарного надзора и связанные с ним мероприятия оспариваются отделом здравоохранения, при котором организуется и/отдел страховой медицины». В отчете Губ. Отдела Труда за первую половину 1919 г. также указывается на то, что «санитарная инспекция, как орган, еще не существует за отсутствием достаточного кадра врачей, и потому надзор за предприятиями в санитарном отношении остается в ведении Отделов здравоохранения. Санитарная инспекция в Моск. г. вполне оформилась, как самостоятельный орган надзора, лишь в 1920 г., когда значительно был расширен состав санитарных инспекторов. Число работавших инспекторов составляло:

	По Москве.	По уездам губернии.	Всего.
На 1 января 1920 г. . .	1	1	2
» 1 февраля » . .	2	1	3
» 1 марта »	5	14	19
» 1 апреля »	5	14	19
» 1 мая »	5	14	19
» 1 июня »	6	13	19
» 1 июля »	6	15	21
» 1 августа » . . .	8	15	23
» 1 сентября » . . .	8	15	23
» 1 октября » . .	8	15	23

откуда следует, что состав санитарной инспекции постепенно, хотя и медленно, в связи с недостатком подготовленных санитарных врачей, расширяется.

Суммируя приведенные выше сведения о составе инспекции трех видов (труда, технической и санитарной), мы получаем следующие данные:

Работало в 1920 году:

	на 1 янв.	1 февр.	1 март.	1 апр.	1 мая.	1 июня.	1 июля.	1 авг.	1 сент.	1 окт.
инспект. труда	34	34	42	57	61	64	63	61	61	61
технич. инсп. .	17	17	18	18	18	18	18	18	20	21
санитар. инсп.	2	3	19	19	19	19	21	23	23	23
ассистен. инсп. труда . . .	—	—	8	8	12	15	19	30	30	30
всего . .	53	54	87	102	110	116	121	132	134	135

За девять месяцев число работников по охране труда, занятых в Отделе Охраны Труда г. Москвы и губернии, возросло в $2^1/_2$ раза.

Деятельность органов надзора в области охраны труда.

По наказу на инспекции труда лежит:

1, Посещение и обследование промышленных заведений и мест работы в целях общего ознакомления и осмотра

предприятий и выяснения допускаемых нарушений законов о распределении рабочего времени и отдыха об охране труда малолетних, подростков и женщин, надзора за санитарно-техническим и санитарно-гигиеническим состоянием промышленных заведений, надзора за правильным снабжением производственной одеждой, ознакомления с условиями жизни и быта рабочих.

2. Систематический прием трудящихся по вопросам охраны труда в заранее определенные дни и часы.

3. Обследование на месте всех обстоятельств несчастных случаев немедленно по получении извещения о нем и устранения причин, могущих повлечь за собою повторение несчастных случаев.

4. Вовлечение в работы по охране труда местных рабочих организаций.

5. Ведение агитационной и культурно-просветительной работы среди широких рабочих масс для популяризации идей охраны труда и

6. Участие в работе всех смежных государственных органов в части, касающейся охраны труда.

Статистическому учету поддается лишь первая наиболее важная задача инспекции труда по посещению и обследованию промышленных заведений и мест работы, и потому в настоящем отчете главное внимание уделяется именно этой стороне деятельности инспекции.

Уже в 1919 году, за первую половину, когда еще не закончилось организационное строительство органов охраны труда по Москве и особенно по уездам, инспекторами труда было посещено 802 предприятия. а в 1920 году за тот же промежуток времени число посещенных предприятий составило уже 1369 заведений; это увеличение количества обследованных предприятий объяснялось не только ростом личного состава инспекции труда, но и постепенным расширением их работы в смысле распространения сферы влияния каждого инспектора на большое количество предприятий. Сопоставляя данные за 1919 и 1920 годы, мы видим: 1) рост числа посещенных заведений в течение каждого полугодового периода, за исключением отдельных месяцев; 2) превышение по отдельным месяцам числа обследованных предприятий в 1920 году над соответствующим количеством 1919 г. за тот же месяц; 3) заметное увеличение количества посещений в 1920 году сравнительно с 1919 г. по уездам губернии, повышение посещений в Москве и посещений внеучастковой инспекции; в Москве в отдельные месяцы (январь—апрель) посещения инспекторов труда падают сравнительно с 1919 годом, чтобы сильно возрасти в следующие месяцы (май—июнь), но это, между прочим, объясняется выделением внеучастковой инспекции, которой посещены многие предприятия и в г. Москве; в уездах Московской губернии в период май—июнь и след. месяцы значительно сокращается число посещений, и это, повидимому, объясняется кризисом текстильной промышленности в губернии; в то время в связи с недостатком топлива и сырья были остановлены многие предприятия, вследствие чего уменьшилась и посещаемость инспекторами труда предприятий текстильной промышленности, преобладающей в губернии.

Распределяя посещенные в 1920 году предприятия по районам деятельности инспекторов труда, мы получим следующую таблицу:

Посещено предприятий в 1920 г:

Наименование района.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего за 6 месяцев.
По гор. Москве:							
Бауманов ский	14	—	12	19	45	35	125
Городской	18	16	22	12	19	33	120
Краснопресн.	—	4	8	4	29	9	54
Хамовническ.	—	—	4	3	5	21	33
Сокольнический.	5	6	14	19	34	73	151
Рогожск. Симонов.	2	8	10	3	11	—	34
Замоскворецк.	—	10	12	14	30	25	91
Итого по Москве.	39	44	82	74	183	196	608
По уездам губернии:							
Бронницкий	6	2	2	1	3	3	17
Богородский	—	—	4	13	8	10	35
Дмитровский	10	13	12	6	8	8	57
Клинский	10	6	9	3	6	3	37
Коломенский	3	7	5	3	8	8	34
Козловский (Моск. у.)	—	3	4	3	5	6	21
Звенигородский	—	—	10	3	9	—	22
Мытищенск. (Моск. у.)	—	—	5	5	3	—	13
Наро-Фоминск	—	7	5	3	3	2	20
Павл.-Посадск	—	5	—	6	9	3	23
Серпуховск.	6	4	14	5	14	2	45
Сергиевский	—	—	—	12	9	5	26
Разинский (Моск. у.)	5	4	8	13	6	9	38
Орех.-Зуевск.	2	3	6	—	1	—	15
Волоколамск.	—	—	—	—	3	—	3
Можайский	—	6	—	—	3	11	20
Подольский	8	2	3	—	2	18	33
Итого: по уездам губернии	50	62	87	76	100	88	459
Внеучастковая инспекция:							
Сельско-хоз.	—	12	11	13	11	16	63
Нар. связи	8	7	8	10	5	7	45
Водного транспорта	—	12	—	7	—	12	31
Жел.-дорожн.	10	18	23	46	35	19	151
Строительн.	—	—	—	—	5	7	12
Итого по внеучастк. инспекции	18	49	42	76	56	61	302
Всего по губернии							1369

В Москве наибольшее число посещений приходится за полгода на Сокольнический, Бауманов ский и Городской районы. В первом из них инспектора обследовали 151 предприятие или 25% общего количества; на указанные три района в общей сложности выпадает 65% всех посещений, произведенных инспекцией труда по г. Москве. По отдельным месяцам посещение инспекторов труда сильно колеблется, но в общем имеет везде определенную тенденцию к повышению. Меньше всего обследований произведено в Хамовническом и Рогожско-Симоновском районах.

В уездах губернии посещения инспекторов также распределяются неравномерно и, очевидно, под влиянием разных факторов. Больше всего обследований за первую половину года мы видим в Дмитровском уезде, за которым следуют Серпуховской, некоторые районы Московского

уезда (Разинский), Клинский, Богородский, Коломенский, Подольский и др. уезды; обращает на себя внимание сравнительно малое количество обследований в таком промышленном уезде, как Орехово-Зуевский, но это, несомненно, объясняется частой сменой инспекторов труда в уезде и фактическим отсутствием инспекторов в продолжительные периоды между уходом старого инспектора и вступлением в должность нового; сравнительно небольшое количество обследований произведено также в Бронницком уезде; меньше всего посещены инспекторами труда предприятия Волоколамского уезда, что, конечно, объясняется мало-промышленным характером этого уезда. Надо, однако, отметить, что в некоторых районах, не отличающихся промышленным характером (напр., Можайском, Звенигородском, Сергиевском), обследования производились в большем количестве, чем в других промышленных уездах, но это, очевидно, обусловливается большой интенсивностью работы инспекторов труда этих районов и местными условиями.

Из внеучастковой инспекции наибольшую энергию развила жел.-дорожная внеучастковая инспекция, на долю которой приходится 151 посещение из 302 или 50% общего числа обследований внеучастковой инспекции; следующее место занимает по числу произведенных обследований сельско-хозяйственная инспекция и реже всего посещались предприятия строительной внеучастковой инспекцией.

По отдельным месяцам посещения предприятий инспекторами труда в уездных и внеучастковых районах сильно колеблются и не имеют одной выраженной тенденции по каждому району; иногда замечается, что посещения инспекторов труда из месяца в месяц медленно повышаются, или, наоборот, падают; в большинстве же случаев посещения в каждом районе то увеличиваются, то уменьшаются, и это обстоятельство заставляет предполагать, что количество обследований, производимых инспекцией труда, бывает связано с целым рядом общих и местных факторов.

За исключением отдельных случаев, когда частые обследования инспекторов труда вызывались отсутствием специальных инспекторов (напр., посещение столовых), в общем все главнейшие отрасли промышленности Московской губернии находились в поле бдения инспекции труда.

Обследования инспекторов труда разделяются на первичные, когда производится основное подробное обследование предприятия, выяснение условий труда и допускаемых нарушений законов о труде и установление необходимых мер для устранения замеченных недостатков, и на повторные посещения, при которых инспектора труда расследуют, устранены ли ранее обнаруженные дефекты и какие изменения произошли в предприятии с момента последнего посещения. В числе 1369 обследований, выполненных инспекторами труда в период январь—июнь месяцы 1920 г., насчитывается 881 первичное обследование, при чем все они по месяцам и территориальному подразделению распределяются следующим образом:

	Число первичных посещений:						
	Январь.	Февр.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего.
По г. Москве . . .	22	17	8	67	124	154	392
» уездам губ. . .	27	48	45	53	63	53	289
» внеучастк. инсп.	17	26	23	64	26	54	210
Всего	66	91	76	184	213	251	881

Как видно из таблички, число первичных посещений сильно возрастает на протяжении первого полугодия 1920 г., в особенности по г. Москве.

Надзору инспекции труда подлежали по декрету и наказу все предприятия и учреждения, независимо от их характера и размера, а в действительности преимущественным вниманием инспекторов труда пользовались именно мелкие предприятия. По имеющимся данным предприятия и учреждения, служившие предметом *первичного* обследования инспекторов труда, распределялись следующим образом по числу занятых рабочих:

Из всех обследованных заведений были предприятия с числом рабочих [1]).

	до 10 чел.	10–100.	100–500.	более 500.
По Москве. . . .	103	168	88	27
» уездам Моск. г.	48	160	55	22
» внеучастк. инсп.	17	117	11	11
Всего	168	445	154	60
В %	20,9	53,8	18,6	7,3

Почти 75% первично посещенных предприятий были предприятия с числом рабочих до 100 человек, т.-е. предприятия среднего размера и мелкие, при чем 20% общего количества составляли промышленные заведения с числом рабочих до 10 человек; крупные предприятия посещались инспекторами труда значительно реже—на них приходится всего 25% общего итога посещений.

Если принять во внимание, что общее число существующих мелких заведений значительно выше количества крупных, то из приведенных чисел, конечно, еще нельзя заключить о сравнительно более интенсивном обследовании инспекторами именно мелких заведений. Крупные предприятия обычно являются более устроенными с санитарно-технической стороны, более выполняют требования, установленные законами, в то время, как мелкие заведения чаще отступают от нормы законов по охране труда, легче уклоняются от надзора, вследствие своей распыленности и раздробленности; именно поэтому особенно важным является тот факт, что наша инспекция труда преимущественно проникает именно в те промышленные заведения, которые с точки зрения охраны труда являются наименее удовлетворительными.

Суммируя данные о числе рабочих, занятых в 845 первично обследованных предприятиях, по которым имеются соответствующие указания, мы получаем следующую таблицу.

Инспекцией труда обследовано предприятий:

Месяцы.	По Москве:		По уездам губернии:		По обслед. внеуч. инсп.		ВСЕГО.	
	Число предпр.	В них рабочих.	Число предпр.	В них рабочих.	Число предпр.	В них рабочих.	Число предпр.	В них рабочих.
Январь	26	3782	40	6822	16	1302	82	11906
Февраль	24	1775	42	21854	26	872	92	24501
Март	29	10777	34	7102	13	437	76	18316
Апрель	59	17506	53	17518	30	1256	142	35280
Май	122	17237	71	7292	28	8148	221	32677
Июнь	144	9888	52	13487	36	5435	232	28810
Всего . . .	404	60995	292	73075	149	17450	845	151490

[1]) Сведения эти касаются 827 осмотров из общего числа 881 первичных осмотров.

Эти сведения, несомненно, не отличаются необходимой полнотой; они, тем не менее, показывают, что во всех впервые обследованных предприятиях занято более 151 тыс. рабочих, что это количество почти поровну распределяется между городом и уездами, если принять во внимание, что большинство внеучастковых осмотров производится в Москве, что число рабочих в обследованных предприятиях по отдельным месяцам является неодинаковым в зависимости от преобладающего размера осматриваемых предприятий в данный месяц или от посещения в отдельные месяцы очень крупных предприятий, повышающих число рабочих в посещенных заведениях за данный месяц. По данным, касающимся социального обеспечения трудящихся, известно, что количество трудящихся составляет по Москве и Московскому уезду 390.000 человек и по остальным уездам губернии 223 тысячи человек, всего более 600.000 рабочих и служащих. Сопоставляя приведенные выше цифры о числе рабочих в обследованных предприятиях с этими данными надо признать, что первично осмотрены были предприятия с числом рабочих не менее 25% общего количества трудящихся, а действительный процент был, вероятно, выше.

Переходим к вопросу о составе нарушений, обнаруженных инспекторами труда при посещениях предприятий.

При рассмотрении состава обнаруженных нарушений необходимо принять во внимание ряд обстоятельств, влиявших на количество и характер установленных нарушений. Личный состав инспекции труда во второй половине 1918 г. и в 1919 году отличался своей текучестью, частой сменой инспекторов труда; эта постоянная смена инспекторов труда, несомненно, влияла на количество зарегистрированных нарушений и на их состав, так как уходившие инспектора не всегда представляли ревизионные карты своих посещений, а новые инспектора не всегда быстро ориентировались в явлениях, на которых должно быть сосредоточено их внимание. С другой стороны, ревизионная карта, заполнявшаяся инспекторами труда при их обследованиях, была слишком обща, не содержала точно формулированных вопросов и давала инспекторам труда широкий простор при заполнении карт, что привело к разнохарактерности и невозможности точного учета состава нарушений. Тем не менее, имеющиеся цифры дают яркую картину деятельности органов охраны труда для устранения всяких правонарушений и состояния охраны труда в губернии.

Число обнаруженных нарушений законов:

Месяцы:	Расс. нашим обяз. постан.	Рабочий день и отдых.	Отпуска.	Сверхурочн. работы.	Труд малолетн. и подр.	Труд. женщин.	Охрана материнства и мл.	Санитарные условия.	Технические условия.	Жилища.	Тарифн. ставки.	ВСЕГО.
1920 г.												
Январь . .	60	31	9	1	26	15	2	49	47	9	2	256
февраль . .	90	44	—	—	61	11	4	83	60	44	—	397
март . . .	63	27	3	—	43	6	3	66	45	28	—	294
апрель . .	76	36	7	7	34	11	6	92	48	21	5	343
май	190	25	—	—	80	15	2	206	177	36	15	743
июнь . . .	150	33	13	17	73	25	2	371	276	19	2	981
	629	196	32	28	317	83	19	867	650	157	24	3002
	21,0	6,15	1,1	0,9	10,6	2,8	0,6	28,8	21,7	5,2	0,8	100%

Число обнаруженных нарушений (за исключением марта месяца), и особенно в последние месяцы, неуклонно возрастает. Сопоставляя число обнаруженных нарушений с количеством произведенных обследований, можно констатировать, что в среднем на каждое посещение приходится свыше 2 нарушений. При этом наибольшее число нарушений приходится на нарушения законов о санитарных и технических условиях: из всех обнаруженных нарушений на эти две группы приходится соответственно 867 и 650 нарушений или 28,8 и 27,7 общего количества нарушений; в общей сложности нарушения санитарно-технического характера составляют свыше 50% общего итога нарушений. Следующее крупное место занимают нарушения закона о расчетных книжках и обязательных постановлениях, поглощающие 21% общего числа нарушений. Сравнительно меньший процент падает на нарушения существующих декретов об условиях труда. Из всех нарушений 10,6%—это нарушения декретов о труде малолетних и подростков, 6,5%—нарушения законов о продолжительности труда и отдыха, 5%—нарушения законов о рабочих жилищах. Относительно небольшой процент к общему итогу приходится далее на нарушения законов о труде женщин и охране материнства, об отпусках, тарифных ставках, сверхурочных работах; на все эти группы приходится всего 6,2% общего количества нарушений. Весьма характерным являются: 1) высокий % нарушений законов о санитарно-гигиенических и технических условиях работы и 2) незначительный % нарушений, касающихся социально-правовой стороны трудовой жизни, в частности, нарушений декретов о труде женщин, об охране материнства, о тарифных ставках и сверхурочных работах и т. д. Санитарно-техническое состояние наших предприятий значительно ухудшилось за последние годы, а невозможность улучшений и своевременного принятия необходимых мер обусловила высокий % нарушений этой группы. Незначительный % нарушений законов о женском труде, очевидно, объясняется тем, что в связи с недостатком рабочей силы допускаются временные отступления от основных законов и что, с другой стороны, некоторые стороны охраны женского труда и в частности охрана беременных и рожениц за последние годы уже широко привилась и действительно соблюдается. Что касается нарушений законов о тарифах, сверхурочных работах и т. д., то небольшой их % может объясняться тем, что ломка тарифов и несоблюдение законов о сверхурочных работах стало общим явлением и что инспекция труда регистрировала лишь те случаи, когда допускавшиеся отступления не соответствовали интересам трудящихся, занятых в данном предприятии.

Обнаруженные нарушения существующих законоположений по своему характеру не одинаково распределялись по отдельным группам в Москве и уездах губернии. Это иллюстрируется помещенной на следующ. странице таблицей.

По своему составу нарушения, обнаруженные в Москве, в уездных местностях и внеучастковой инспекцией также не одинаковы: хотя на первом месте во всех трех случаях стоят нарушения санитарно-гигиенических и технических условий, тем не менее, соотношение между нарушениями отдельных групп по Москве, уездам и внеучастковой инспекции существенно различаются между собою. В Москве 33,2% всех нарушений составляют нарушения санитарно-гигиенических условий, а в уездах и по обследовании внеучастковой инспекции на эту группу приходится лишь 26,6 и 25,2% соответственно; точно так же нарушения технического характера составляли в Москве—24,5%, в уездах—20,6% и во внеучастковых районах—19,5% всех нарушений; нарушение правил о расчетных книжках и обязательны[х]

Нарушения законов, обнаруженных инспекцией труда.

Виды нарушения законов.	В Москве.		В уездах губернии.		Внеучаст. инспек.		ВСЕГО.	
	Число.	% к итогу.	Число.	% к итогу.	Число.	% к итогу.	Число.	% к итогу.
Расчети. книжки и общ. постановл.	260	21,9	231	21,8	138	18,2	629	21,0
Рабочий день, отдых	54	41,6	82	7,7	60	8,0	196	6,5
Отпуска	12	1,0	13	1,2	7	0,9	32	1,1
Сверхурочн. работы	9	0,8	7	0,2	12	2,4	28	0,9
Труд малол. и подр.	110	9,3	128	12,2	79	10,4	317	10,6
» женщин	28	2,4	30	2,8	25	3,3	83	2,8
Охрана материнства	7	0,6	9	0,9	3	0,4	19	0,6
Санитарн. условия	391	33,2	282	26,6	191	25,2	867	28,8
Техническ. »	290	24,5	212	2,0	148	19,5	650	21,7
Жилища	17	1,4	58	5,5	82	10,8	157	5,2
Тарифные ставки	4	0,3	12	1,1	8	1,0	24	0,8
Всего	1185	100,0	1064	100,0	753	100,0	3002	100,0

постановлений по Москве и уездам имели одинаковое относительное значение (21,9%), и были несколько ниже во внеучастковых районах (18,2%); незначительная разница замечается в % нарушений законов об отпусках, о женском труде и охране материнства, о тарифных ставках, в остальных случаях % нарушений к общему итогу был также не одинаков по Москве, уездам и внеучастковым районам, и притом в последних был выше, чем в Москве: нарушения законов о рабочем дне и отдыхе составляли только 4, 6% в Москве, 7,7%—в уездах и 8% при внеучастковых посещениях; нарушения декретов о труде малолетних, составлявшие по Москве 9,5% общего количества, повысилось по внеучастковым районам до 10,4% и по уездам—до 12,5%; нарушения законов о жилищах были незначительны по Москве (всего 1,4% всех нарушений), увеличились до 5,5% в уездах и до 10,8% среди нарушений, обнаруженных внеучастковой инспекцией.

Таким образом, нарушения санитарно-гигиенических и технических условий относительно чаще встречаются в Москве, нарушения же социально-правового характера, наоборот, были более частым явлением в уездах губернии и при внеучастковых осмотрах.

Вышеприведенными данными характеризуется состав обнаруженных нарушений при посещении инспекцией заведений и учреждений, но не состояние дела охраны труда в обследованных предприятиях. Для того, чтобы выяснить фактическое положение труда с социально-правовой и санитарно-гигиенической стороны по данным обревизования их инспекторами, необходимо обратиться к материалу разработки ревизионных карт, содержащих записи инспекторов о всех вскрытых ими недочетах в условиях труда в посещенных ими предприятиях.

Ревизионные карты инспекторов труда по своему содержанию должны давать ценный материал для характеристики состояния охраны труда в обследованных предприятиях и учреждениях. Неудовлетворительность старой редакции ревизионной карты, не содержавшей конкретных вопросов и лишь намечавшей общие пункты, по которым инспектора труда должны доставлять сведения, сильно затрудняет статистическую сводку этого материала за 1920 год и не позволяет поэтому дать полную картину. Тем не менее, не лишены интереса следующие сведения, почерпнутые из рев. карт путем их статистической разработки и касающиеся труда малолетних и подростков, труда женщин, санитарно-гигиенических и санитарно-технических условий работы. Сведения эти суммированы в прилагаемых четырех таблицах. (См. I—IV табл. на стр. 219—220).

Прилагаемые таблицы позволяют сделать след. выводы.

1. В 1061 обследованных предприятиях обнаружены нарушения:

Законов о труде женщин в 154 предпр. или 14,5% общ. чис.
» » малолетн. подрост. в 313 » » 30,0%
о санитарн.-гигиенич. устройстве, содерж. заведений . 681 » » 64,1%
о санитарн.-техническом устройстве . . . . . 455 » » 43,0% »

Менее всего нарушаются законы о труде женщины: такие нарушения установлены в 14% всех заведений. 30% всех предприятий не соблюдают законов о труде подростков и малолетних, почти в половине предприятий отмечается техническое неблагоустройство, и 61% нарушают всякие санитарно-гигиенические правила; при этом надо отметить, что в число нарушений попали только такие отступления от законов, которые не допускаются даже временно.

2. В отношении труда малолетних и подростков наиболее частые нарушения,—это нарушения законов о продолжительности труда. Случаи нарушения других законов о труде детей и подростков насчитываются единицами. Из всех предприятий 21,4% не соблюдают декретов о труде подростков—21,4% предприятий и о труде малолетних—14,1% предприятий и учреждений.

3. Нарушения законов о труде женщин обнаружены в 154 предприятиях, при чем эти нарушения выражаются, главным образом, в допущении женщин к сверхурочным и ночным работам; нарушения законов о длине рабочего дня найдено всего в 3 предприятиях из 100.

4. При своих посещениях инспектора труда больше всего отмечают санитарно-гигиенические недостатки, среди которых особенно распространенными являются нарушения законов о водопроводах и уборных, неудовлетворительная уборка помещения, нечистота помещения, недостаток вентиляции, недостаточное освещение. Из 1061 обследованных предприятий и 681 предприятия с санитарно-гигиеническими недостатками были предприятия, в которых:

	Число предприят.	На 100 обследов. предприят.	На 100 предпр. с сан.-гигиен. недостатками.
недостаточн. объем помещ.	107	10,1	15,7
недостаток вентиляции	273	26,0	40,1
» освещения	351	33,1	51,5
неудовлетв. уборка помещ.	345	13,7	50,7
нечистота пола, стен и пр.	319	30,1	46,6
отсутствие умывальников	164	15,4	24,1
нарушен. закон. о водопр. и уборн.	351	33,1	51 5
отсутствие мероприятий к удалению пыли	284	17,3	41,6

В большинстве предприятий замечаются те или другие недостатки, и на одно предприятие приходится несколько нарушений законов о санитарно-гигиеническом устройстве и содержании заведений.

5. Из 455 предприятий с санитарно-техническими недостатками большинство (256 или 56,3) всех этих предприятий характеризуется отсутствием или недостатком противопожарных мер, несоблюдением правил об устройстве рабочих помещений, нарушением правил о предохранительных приспособлениях и об ограждении машин; на предприятия с другими нарушениями приходится уже небольшой %,

Эти данные говорят о том, что охрана труда на предприятиях и в учреждениях Московской губ. находится еще в зачаточном состоянии, и что, с другой стороны, инспекция труда вскрывает допускаемые отступления от существующих законов и принимает меры для их устранения и для приближения условий труда к тем условиям, которые предусмотрены нашими законами о труде.

I. Труд малолетних и подростков.

	В том числе предприятия, в которых обнаружены нарушения.								
	Общее число обследованных предприятий.	О труде малолетних и подростков.	О недопущен. малолет. к работ. без разр.	О длине рабоч. дня. Малолетн.	О длине рабоч. дня. Подростки.	О ночной работе малолет. и подрост.	О праздн. отдыхе.	Об отпусках.	Об охране труда.
Январь	107	66	1	11	18	—	7	6	1
Февраль	145	51	6	31	40	—	2	—	—
Март	173	36	1	22	35	—	—	—	—
Апрель	153	44	1	24	36	—	7	—	3
Май	264	73	2	34	48	—	3	3	—
Июнь	219	43	8	28	50	2	1	1	—
Всего	1061	313	19	150	227	2	19	10	4

II. Труд женщин.

	В том числе предприятия, в которых обнаружены нарушения.							
	Общее число обследованных предприятий.	Нарушен. закона о труде женщин.	О ночной работе женщин.	О недопущении женщин к сверхурочной работе.	О недопущении женщин в отдел. производстве.	Об охране материнства и младенчества.	О длине рабочего дня.	Прочие.
Январь	107	17	2	3	—	4	9	8
Февраль	145	15	3	4	—	2	6	6
Март	173	20	3	7	2	3	5	7
Апрель	153	23	—	12	—	6	7	5
Май	264	32	5	12	2	3	4	19
Июнь	219	47	13	22	2	1	—	46
Всего	1061	154	26	60	6	19	31	91

III. Санитарно-гигиенические условия.

Предприятия, в которых обнаружены нарушения.

	В том числе:										
	Общее число обследов. предприят.	Число предприят. с сан.-гигиенич. недостат.	С недостаточ. объемом помещений.	Отсутствие умывальников.	Недостаток вентиляции.	Недостаток освещения.	Наруш. закон. о водоп. и уборн.	Рабочие помещения.	Неудовл. уборка помещения.	Нечистота пола, стен и пр.	Отсутст. мер и средств по защите машин.
Январь	107	67	9	4	24	13	22	8	33	24	24
Февраль	145	110	12	25	46	27	46	13	58	52	57
Март	173	117	16	29	49	29	71	25	70	63	49
Апрель	153	102	12	18	35	24	54	50	55	46	30
Май	264	185	25	59	72	50	107	33	74	77	70
Июнь	219	100	33	29	47	25	51	68	55	57	54
Всего	1061	681	107	161	273	168	351	197	345	319	284

IV. Санитарно-технические условия.

Предприятия, в которых обнаружены нарушения.

	В том числе:							
	Общее число обследован. предприятий.	Число предприят. с сан.-техн. недостатк.	О необол. правил об устр. помещен.	Отсутств. или недостат. при санитарных мер.	Наруш. правил о предохран. приспособ.	Необоблюд. правил об устр. котельн. пом.	Нарушен. закон об огражден. машин.	Недост. проч. рабоч. помещ.
Январь	107	15	36	25	9	7	14	5
Февраль	145	69	32	35	11	12	23	8
Март	173	82	35	47	17	3	26	11
Апрель	153	71	38	37	19	3	26	4
Май	264	140	40	82	26	9	30	4
Июнь	209	78	29	30	26	2	6	7
	1061	455	210	256	108	37	125	39

Вторая половина 1918 года является периодом организационного строения и оформления органов инспекции труда и потому является вполне естественным, что деятельность инспекторов труда в это время не находит еще статистического отражения. Систематическое и планомерное поступление данных о деятельности инспекции труда началось лишь в конце 1918 года, а статистическая обработка этих данных начинается лишь с января 1919 года. При этом надо заранее оговорить, что п/отдел охраны труда не располагал на всем протяжении 1919 года исчерпывающими данными о деятельности его местных органов, что многие обследования оставались неизвестными центру и потому не входили в производившийся им подсчет.

Основной задачей инспекции труда является посещение и обследование промышленных заведений в целях установления допускаемых предприятиями и учреждениями нарушений законов по охране труда и устранения замеченных недостатков. Об этой стороне деятельности инспекции труда в течение первой половины 1919 г. и 1920 г. говорят следующие цифры:

	1919 год.			1920 год.			
Месяцы:	По Москве.	По уездам.	ВСЕГО.	По Москве.	По уездам.	Внеучастковая инспекц.	ВСЕГО.
Январь	55	18	73	40	46	26	112
Февраль	72	50	122	47	72	44	163
Март	106	37	143	78	87	39	204
Апрель	117	55	172	74	66	76	216
Май	114	42	156	173	100	56	329
Июнь	108	28	136	196	88	61	375
Всего за 6 мес.	572	230	802	608	459	302	1369

Деятельность технической инспекции характеризуется следующими данными. За время с января 1919 г. по июнь месяц 1920 г. включительно технической инспекцией было произведено 3.698 обследований, которые по отдельным месяцам и полугодиям распределялись неодинаково и проявляли тенденцию к понижению. Было обследовано предприятий:

	Январь—июнь 1919 г.	Июль—декабрь 1919 г.	Январь—июнь 1920 г.	ВСЕГО.
По Москве	996	693	555	2.244
и уездам	610	391	453	1.454
Всего	1.606	1.084	1.008	3.698

В первой половине 1919 г. число обследований было выше, чем в следующее полугодие; во вторую половину 1919 г. и в первую половину 1920 г. общее число произведенных осмотров незначительно уменьшается, при чем в Москве продолжается сокращение обследований, а в уездах, наоборот, несколько увеличивается количество посещенных предприятий. Уменьшение посещений объясняется, главным образом, изменением личного состава технических инспекторов, обслуживающих губернию: в 1919 году их насчитывалось 26, а в 1920 году число это упало до 19.

Обследованные предприятия в 1920 году по своему характеру и по месяцам распределялись следующим образом:

РАЙОН.	Январь—июнь 1919 г.	Июнь—дек. 1919 г.	Январь—июнь 1920 г.	ВСЕГО
I. По г. Москве:				
Рогожско-Симоновский	23	22	54	99
Замоскворецкий	216	152	115	483
Бутырский	66	76	24	166
Басманный	153	116	102	371
Пресненский	56	52	75	183
Сущевско-Марьинский	65	63	13	141
Алекс.-Росток	75	7	—	82
Городской	166	88	80	334
Сокольнический	34	38	7	79
Хамовнический	72	50	69	191
Лефортовский	66	43	17	126
Всего по Москве	992	707	556	2.255
II. По уездам Московской губернии.				
Московский	26	—	5	31
Бронницкий	9	43	28	80
Клинский				
Серпуховской	81	55	61	197
Богородский	119	35	70	224
Коломенский	88	55	74	217
Подольский	55	33	35	123
Щелковский	4	42	45	91
Павл.-Посадский	40	66	50	156
Наро-Фоминский	—	—	8	8
Звенигородский	—	—	4	4
Волоколамский	—	—	13	13
Дмитровский	37	12	16	65
Орехово-Зуевский	53	76	8	137
Можайский	49	—	—	49
Всего по уездам	561	417	453	1.431
Итого по губернии	1.553	1.124	1.009	3.686

В Москве наибольшее число посещений приходится на Замоскворецкий, Басманный (Бауманский) и Городской районы; в уездах технической инспекцией больше всего посещено предприятий в Богородском, Коломенском, Павлово-Посадском, Орехово-Зуевском, Серпуховском и Подольском уездах и незначительное число обследований приходится на уезды Наро-Фоминский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский, Можайский. Необходимо также отметить, что главное внимание технической инспекции сосредоточено на Москве и что на уезды губернии приходится всего 38,8% общего числа технических осмотров.

Результатом обследований, произведенных технической инспекцией, явилось обнаружение значительного числа

нарушений, касающихся заведений, состояния механизмов, ограждений, вентиляции, противопожарных мер и т. д. За время с 1 января 1919 г. по июнь 1920 г. техническими инспекторами обнаружено 12.449 таких нарушений, которые по полугодиям распределялись следующим образом:

	По Москве.	В уездах.	Всего.	Число посещений техн. инспекц.	На каждое посещен. в среди. приходится обнаружен нарушений.
Январь—июнь 1919 г.	3126	2110	5236	1553	3,3
Июнь—декабрь »	2287	1883	4170	1124	3,9
Январь—июнь 1920 г.	1489	1554	3043	1009	3,0
Всего	6902	5547	12449	3686	3,4

Это уменьшение числа обнаруженных нарушений объясняется различными причинами: 1) с уменьшением личного состава технических инспекторов и посещений предприятий неизбежно должно бы сократиться и число обнаруженных нарушений; 2) по мере развития деятельности технической инспекции устранялись некоторые наиболее тяжелые нарушения, и многие нарушения, обнаруженные при первичных посещениях, затем уже не встречались при повторных осмотрах; и 3) техническая инспекция перестала впоследствии регистрировать те нарушения, которые ею отмечались в начале года, но затем при современных условиях оказались неизбежными, неустранимыми. Таким образом, уменьшение числа обнаруженных нарушений само по себе еще ничего не говорит; указанная же цифра установленных нарушений свидетельствует о том, что, благодаря деятельности технической инспекции, вскрывались и устранялись многие недостатки. Между прочим, следует подчеркнуть, что среднее число обнаруженных нарушений на каждое посещенное предприятие не подвергается резким комбинациям по полугодиям и составляет в общем 3,4 нарушения на каждое обследованное заведение.

Сведения о составе нарушений, обнаруженных технической инспекцией, приводятся в следующей таблице:

	Январь—июнь 1919 год.		Июль—декабрь 1919 год.		Январь—июнь 1920 год.	
	Число нарушений.	%%	Число нарушений.	%%	Число нарушений	%%
Устройства заведений рабочих помещений в отношении безопасности	753	14,4	598	14,3	399	13,1
Состояние механизм., маш. аппаратов	386	7,4	302	7,2	185	6,0
Ограждение трансмиссий, механизмов, машин, аппаратов	1323	25,2	966	23,2	553	18,4
Подъемники и электр. установлен.	220	4,2	132	3,2	106	3,4
Вентиляция и сигнал.	845	16,1	604	14,5	661	21,7
Противопожарн. меры	539	10,3	400	9,6	259	8,5
Санит.-гигиенич. меры и фабричн. гигиена	720	13,8	552	13,2	561	18,4
Прочие нарушения	450	8,6	616	14,8	319	10,5
Всего	5236	100	4170	100	3043	100

За полтора года изменяется не только абсолютное число обнаруженных нарушений правил о безопасности, но изменяется и соотношение между различными группами нарушений. В первую половину 1919 г. на первом месте стояли нарушения правил об ограждениях механизмов, машин и аппаратов (25% общего числа), а за ними следовали нарушения правил о вентиляции (16,1%), об устройстве заведений (14,4%), о санитарно-гигиенических мерах (13,8% общего количества). В первую половину 1920 г. первое место занимают уже нарушения правил о вентиляции и отоплении, составляющие 219% общего итога, а на втором месте—нарушения правил об ограждении машин и о санитарно-гигиенических мерах. Таким образом, за протекший годовой период относительно уменьшилось число нарушений касающихся ограждений машин, и увеличилось число нарушений о санитарном устройстве и содержании заведений и об устройстве вентиляции и отопления, особенно нарушений первой группы. В отношении остальных нарушений, касающихся устройства заведений, состояния механизмов, подъемников, противопожарных мер, в 1920 г. замечается некоторое понижение среднего % нарушений к общему итогу нарушений по сравнению с соответственным шестимесячным периодом. В общей сложности в первую половину 1920 г. было:

Нарушений правил об устройстве заведений, подъемниках и противопожарных мерах. .	25%	общ.	итога.
» о состоянии и ограждении машин, механизмов, аппаратов	24,4%	»	»
» о санит. состоянии и вентиляции	40,1%	»	»
Прочие нарушения	10,5%	»	»
Всего	100%		

В сферу деятельности технической инспекции входит еще освидетельствование котлов, расследование несчастных случаев и осмотр вновь открываемых предприятий.

Деятельность технической инспекции по освидетельствованию паровых котлов в первую половину 1919 г. и в первую половину 1920 г. характеризуется следующими данными:

	Произведено:													
	1919 год.							1920 год.						
	Янв.	Февр.	Март	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего.	Янв.	Февр.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего.
Осмотров наружных	166	177	177	122	80	128	850	47	49	92	23	80	94	385
Внутренних	13	29	13	5	36	17	113	—	—	—	—	—	—	—
Гидравлических испытаний	33	38	22	29	44	44	215	8	13	5	18	26	20	90

Т.-е. количество освидетельствований и испытаний в первую половину 1920 г. сокращается по сравнению с соответствующим периодом 1919 г.

Результатом освидетельствований явилось обнаружение нарушений и принятие некоторых предупредительных мер, которые сводятся в основных чертах к следующему:

	Обнаружено:													
	1919 год.							1920 год.						
	Янв.	Февр.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего.	Янв.	Февр.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Всего.
Нарушен. § 2—12 прав. о мерах безопасности	17	65	99	41	26	41	289	17	17	25	8	40	56	163
Опасные недочеты	4	10	9	4	3	5	35	1	3	1	5	4	1	15
Не опасные недостатки	44	30	31	23	26	32	186	5	15	6	9	1	9	45
	Недостатки повлекли:													
Ремонт котла	1	4	2	18	2	5	32	4	1	7	2	4	8	26
Уменьшение давления	2	3	1	3	2	—	11	—	—	1	—	—	—	1
Уменьшение срока	6	6	2	1	2	—	19	—	—	—	—	—	—	—
Изъятие из обращения	5	1	—	2	1	—	11	—	1	—	—	1	1	3

В соответствии с уменьшением числа освидетельствований и испытаний уменьшилось и число обнаруженных нарушений. Среди всех этих нарушений, как в первой половине 1919 г., так и в текущем году, больше всего нарушений правил о мерах безопасности, а число обнаруженных опасных недостатков сравнительно невелико. Результатом вмешательства технической инспекции обычно являлся ремонт котла; уменьшение давления и срока и изъятие котлов из обращений применялось сравнительно редко в первой половине 1919 г. и почти совсем исчезло из практики 1920 г.

По отзывам технической инспекции, котлы некоторые в запущенном виде, многие из них работают с пропущенными сроками испытания, плохо обслуживаются вследствие недоброкачественности топлива и неумелого обращения кочегаров с котлами, особенное внимание обращают на себя плохая очистка котла и плохое состояние арматуры; необходимый своевременный ремонт котлов редко производится вследствие отсутствия рабочих рук и материалов.

Расследования несчастных случаев (тяжелой формы) и осмотр вновь открываемых заведений производились в небольшом количестве, в связи с недостатком технических инспекторов, и за 1919 г. могут быть суммированы в следующих числах:

Расследовано несчастных случаев:

	1919 г о д.												
	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	За год.
По г. Москве . . .	—	2	2	1	1	—	1	3	6	1	—	3	20
» уездам губ. . . .	—	1	—	1	2	—	2	1	—	3	1	1	12
Всего . .	—	3	2	2	3	—	3	4	6	4	1	4	32

Осмотрено вновь открываемых заведений:

	1919 г о д.												
	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	За год.
По г. Москве . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	3
» уездам губ. . . .	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
Всего . .	1	—	—	—	—	—	—	1	1	2	—	—	5

	Москва.			Уезды.			Всего.		
	Число пром. заведений.	Число заведений непром. харак.	ВСЕГО.	Число пром. заведений.	Число заведений непром. харак.	ВСЕГО.	Число пром. заведений.	Число заведений непром. харак.	ИТОГО.
Январь . .	66	17	83	57	7	64	123	24	147
Февраль . .	72	18	90	58	6	64	130	24	154
Март . . .	65	27	92	61	21	82	126	48	174
Апрель . .	53	3	56	67	3	70	120	6	126
Май	92	35	127	60	34	94	152	69	221
Июнь . . .	70	37	107	53	26	79	123	63	186
Всего . . .	418	137	555	356	97	453	774	234	1008
В %%% . .	75,3	24,7	100	78,6	21,4	100	76,7	23,3	100

Надзор технической инспекции постепенно распространяется не только на промышленные предприятия, но и на заведения, не имеющие промышленного характера. За полугодие из общего числа 1008 обследованных предприятий, 234 заведения или 23,3% общего числа не носили промышленного характера, при чем % был несколько выше для Москвы (24.7%) и немного ниже для уездов губернии (21,4%).

Техническая инспекция распространила сферу своей деятельности на все районы Московской губ., хотя, конечно, разные районы обслуживались неравномерно в зависимости от степени концентрации в них заведений и целого ряда других условий. За время с 1-го января 1919 г. по июнь 1920 г. техническими инспекторами было всего обследовано 3686 предприятий, которые по районам г. Москвы и уездов губернии распределялись следующим образом:

В области санитарного надзора за предприятиями различаются два периода. Первый период—это деятельность больничных касс и, главным образом, Медкассы, направленная к санитарному обследованию предприятий и условий труда рабочих, к санитарно-техническому обследованию лечебных учреждений самих больничных касс и к санитарному просвещению. Второй период относится непосредственно к деятельности органов охраны труда, созданных на основании существовавших законоположений и фактически развивших свою работу уже в 1920 г.

Деятельность Медкассы, как наиболее крупной страховой организации, в области санитарного обследования предприятий протекала в трех направлениях. Прежде всего производилось совместно с инспекцией труда и профсоюзами систематическое обследование предприятий наиболее вредных производств, с целью выяснения присущих им санитарных вредностей и выработки для данного производства обязательных требований, которые устранили бы эти вредности; таким путем были обследованы некоторые цехи металлообрабатывающей промышленности (литейный и кузнечный), некоторые отрасли химической промышленности (резиновое производство), кожевенное, табачное, конфетное производство и др. Затем производилось обследование санитарно-гигиенических условий труда, имеющее целью изучение того или иного профессионального заболевания, напр., заболеваемости зубов среди некоторых групп пищевиков, кондитеров, булочников и др. или частого нарушения зрения у рабочих на фабриках по изготовлению электрических ламп. Наконец, третью группу работ по санитарному надзору составлял текущий санитарный надзор, выражавшийся в санитарном осмотре врачами предприятий, по заявлению отдельных врачей фабрично-заводских комитетов или районных бюро Медкассы, инспекторов труда и пр., с целью устранения санитарных недочетов и предъявления к администрации предприятий соответственных требований. Санитарными врачами Медкассы было, таким образом, осмотрено 65 предприятий, из них по обработке материалов—29, химического производства — 9, пищевых веществ—9, вкусовых веществ—3, кожевенных заводов—2, текстильных фабрик—2 и 2 учреждения.

Более планомерное развитие деятельности санитарной инспекции на территории всей Московской губ. относится уже к 1920 году. Начав свою работу в январе месяце 3 санитарными врачами, санитарная инспекция постепенно расширяла свой состав и развивала свою работу по обследованию предприятий.

	Число санит. инспекторов, давших отчеты.	По Москве.	Посещения по уездам губернии.	ВСЕГО.
Янв.—апрель 1920 г. . .	12	59	49	108
Май » . .	12	69	72	141
Июнь . » . .	15	77	102	179
Всего за 6 месяц.	—	205	223	428
Июль	—	34	78	112

Действительное количество посещенных предприятий было значительно выше, так как отчеты о работе были представлены не всеми санитарными врачами; приведенные же цифры говорят о том, что из месяца в месяц число посещений предприятий неуклонно возрастало, и, следовательно, принимались необходимые меры для устранения, по крайней мере, наиболее тяжелых санитарных недостатков.

По числу занятых в них рабочих посещенные предприятия распределяются следующим образом:

Посещенные предприятия с числом рабочих:

	До 10 чел.	10–100.	100–500.	500–1000.	Св. 1000.	Неизв.	Всего
Январь—апрель	31	21	20	8	10	18	108
Май	75	28	19	6	13	13	141
Июнь	65	64	10	5	5	30	179
Всего за 6 мес.	171	113	49	19	15	61	428
% %	40	26,4	11,4	4,4	3,5	14,3	100
Июль	34	41	12	—	4	31	112

Как видно из этих цифр, внимание санитарных инспекторов было сосредоточено на мелких предприятиях. Крупные предприятия с числом рабочих более 500, обычно лучше устроенные в техническом и санитарном отношениях, посещались сравнительно редко: посещение предприятий крупного размера составляют всего 79% общего числа посещений. Очень мелкие предприятия, в которых санитарно-гигиеническая обстановка обыкновенно хуже всего поставлена, посещались инспекторами чаще всего: посещения этих предприятий составляют 40% общего количества посещений, если взять предприятие с числом рабочих до 10 человек, и 66,4%, т.-е. $^2/_3$ общего числа, если взять все предприятия, в которых занято до 100 рабочих. В общем чем выше число рабочих в группе посещенных предприятий, тем ниже % посещений этих предприятий к общему итогу посещений.

Посещая преимущественно мелкие предприятия, санитарные инспектора при их малочисленном составе, конечно, не могли произвести первичного обследования всех предприятий, находящихся в губернии; этим обстоятельством, как и сравнительно кратким промежутком деятельности санитарных инспекторов, объясняется ничтожное количество произведенных санитарной инспекцией повторных обследований. По имеющимся данным было произведено осмотров:

	Общее число	Из них: первичных, повторн.		% первичн.
Январь—апрель	108	99	9	83,3
Май	141	133	8	94,3
Июнь	179	137	42	76,6
Всего	428	369	59	86%
Июль	112	84	28	75%

Несмотря на то, что прошло более полугода с начала деятельности санитарной инспекции, первичные обследования все еще составляют более $^3/_4$ общего количества обследований.

По отдельным районам гор. Москвы и уездам губернии посещенные предприятия распределялись следующим образом:

	Январь–Апрель.	Май.	Июнь.	Всего за 6 мес.	Июль.
Краснопресненский	—	—	—	—	3
Бауманский	—	—	15	15	11
Городской	21	16	10	47	—
Сокольнический	22	45	42	109	20
Хамовнический	16	6	10	32	—
Всего по Москве:	59	67	77	203	34

	Январь–Апр. 25.	Май.	Июнь	Всего за 6 мес.	Июль.
Богородский уезд	5	10	—	25	4
Бронницкий	3	12	—	15	—
Дмитровский	—	12	—	12	10
Клинский	—	8	33	41	20
Коломенский	2	4	6	12	—
Московский	6	9	3	18	—
Ореховский	7	—	—	7	—
Наро-Фоминск	—	2	2	4	6
Подольский	8	4	9	21	7
Серпуховской	10	11	8	29	8
Волоколамский	3	—	16	19	—
Звенигородский	2	—	10	12	21
Центр	3	2	1	6	—
Русский	—	—	2	2	—
Сергиевский	—	—	2	2	2
Всего по уездам губ.	49	74	102	225	78
Итого	108	141	179	428	112

Из Московских районов наиболее частые посещения предприятий отмечаются в Сокольническом, за которым идут Городской и Хамовнические районы. В уездах наибольшее число осмотров предприятий за первую половину 1920 г. было произведено в Клинском уезде, затем в Серпуховском, Богородском, Подольском уездах, т.-е. в более промышленных уездах губернии; с этой точки зрения следует отметить незначительное число посещений санитарных инспекторов в Орехово-Зуевском уезде в одном из наиболее промышленных районов губернии, сравнительно небольшое число посещений в Коломенском районе. В остальных уездах, имеющих мало промышленный характер, санитарными инспекторами предприятия посещались сравнительно мало; в остальных случаях, особенно в уездах Сергиевском, Русском, Наро-Фоминском, где число крупных фабричных предприятий весьма ограничено, посещения санитарной инспекции за полугодие насчитывались единицами. Таким образом, основной вывод заключается в том, что в общем и целом внимание санитарной инспекции концентрировалось на крупных промышленных районах.

По роду производства обследованные предприятия распределялись следующим образом:

	Январь–апрель.	Май.	Июнь.	Всего за 6 месяцев.	Июль.
1. Сельское хоз. и заг. дров.	1	2	2	5	2
2. Добыча торфа	5	7	18	30	3
3. Обработка металлов	10	16	11	37	17
4. » дерева	—	1	9	10	3
5. » волокн. веществ	14	20	27	61	8
6. » минеральн. веществ	—	4	3	7	9
7. » пищев. веществ	4	7	17	28	9
8. » животн. продуктов	5	6	15	26	7
9. Химич. производства	7	6	7	20	5
10. Графич. производства	3	4	5	12	1
11. Электр. энергия	—	3	—	3	1
12. Постройка кабел. пров.	—	—	—	—	1
13. Смешение	1	1	—	2	1

	Январь—апрель.	Май.	Июнь.	Всего за 6 месяцев.	Июль.
14. Обществ. благоустр. и гигиена.	1	10	7	18	4
15. Обществ. питание и жилища .	28	25	22	75	21
16. Обществ. здравоохр. и призр.	12	7	4	23	5
17. Воспитание и просвещение . .	1	13	4	18	11
18. Худож. деятельности . . .	—	—	1	1	1
19. Управление	2	24	—	26	2
20. Разные	—	21[1])	7	88	3

За полгода больше всего произведено обследований по группе «общественное питание и жилища», куда входят общежития, столовые, чайные, лавки и пр.; объясняется это, конечно, отсутствием специальной инспекции для этих общественных учреждений и необходимостью их осмотра в связи с их текущей ролью. Из всех остальных учреждений и предприятий по числу посещений впереди находятся текстильные предприятия, за которыми следуют предприятия по металлообрабатывающей промышленности (металлич. заводы, слесарные, кузницы). Усиленное внимание санитарной инспекции было также обращено на добычу торфа, на обработку животных продуктов, куда входят сапожные мастерские, кожевенные заводы, щетильные заведения и пр., на учреждения обществен. здравоохранения и призрения (лечебные заведения, аптеки, дезинфекц. камеры, богадельни), на химическое производство, главным образом, с его резиновыми заводами, на группу «обществен. благоустр. и гигиены» (куда относятся прачечные, парикмахерские, бани).

Отчеты санитарных инспекторов свидетельствуют о повсеместном резком упадке промышленности и резком понижении санитарного состояния промышленных заведений. Во многих случаях машинное производство заменяется за отсутствием двигательной силы ручным, несовершенным, производимым в обстановке, совершенно не ограждающей здоровья трудящихся; наблюдается беспорядочный рост мелких кустарных предприятий и домашней промышленности, уклоняющихся от регистрации и санитарного надзора. С другой стороны, за редкими исключениями, осмотры приводят к обнаружению серьезнейших санитарно-гигиенических дефектов. Санитарными инспекторами отмечается крайняя запущенность и предприятий (текут крыши, выбиты стекла и т. д.), неприспособленность зданий под предприятия, скученность, загрязнение рабочих помещений и отсутствие регулярной уборки, недостаток вентиляции, массовое скопление пыли, полное отсутствие приспособлений для удаления химических вредностей, к охранению от них рабочих, отсутствие уборных, умывальников, отсутствие или загрязнение питьевой воды, отсутствие прозодежды, крайне тяжелые жилищные условия и пр. Отчеты санитарных инспекторов содержат, таким образом, указания на самые грубые нарушения требований гигиены и безопасности и дают яркое представление о том санитарном состоянии, в котором сейчас находится наша промышленность. Главнейшие, выраженные в резкой форме санитарные дефекты, обнаруженные санитарной инспекцией при обследовании предприятий, в общих чертах могут быть суммированы в следующей таблице:

[1]) В том числе 77 осмотров помещений для рабочих.

	Янв.—апрель.	Май.	Июнь.	Июль.
Грязь в рабочих и жилых помещениях, а также на принадлежащих к ним участках .	39	65	--	62
Запущенное состояние помещения, необходимость ремонта	11	22	--	7
Теснота в помещениях, недостаток кубатуры	11	—	--	13
Отсутствие уборных, неиспр. канализации.	12	11	--	10
Отсутствие воды для мытья рук	—	—	--	10
» кипяч. питьевой воды	—	8	--	8
» вентиляции	11	--	--	18
Недостаток освещения	—	--	--	10
» отопления	6	—	--	—
Отсутствие прозодежды . . .	6	4	--	--
» умывальников . . .	—	5	—	--

IV. Состояние работы фабрично-заводских рабочих г. Москвы в 1919—1920 гг.

В какой мере используется наличная рабочая сила в современных условиях при остром голоде на рабочие руки, переживаемом ныне, приобретает крайне большой интерес. Вопрос этот может быть изучаем с различных сторон. В него входят: исследование общей производительности и интенсивности труда, рациональность использования тех или иных кадров работников в соответствующих отраслях народного хозяйства и т. д.

Темой настоящего изложения является рассмотрение общих условий использования работы фабрично-заводского рабочего гор. Москвы в настоящее время. Необходимо, в самом деле, выяснить, прежде всего, самые элементарные показатели работы, надо учесть, сколько времени затрачивает современный рабочий на фактическую работу и какая доля времени пропадает непродуктивно, в чем лежат причины непроизводительной траты рабочего месяца.

Материалом для изучения этого вопроса служат статистические карты по учету труда, доставляемые в Московскую Секцию Статистики Труда фабрично-заводскими предприятиями. К сожалению, количественное поступление карт пока еще далеко не может быть признано достаточным. Она колеблется за последние месяцы от 30—25% общего числа фабрично-заводских рабочих Москвы. К тому же часть учетных карт оказывается дефективными и не могут поступать в разработку. В нижеследующем изложении приводятся главные результаты разработки данных учетных карт, произведенной в Московской Секции Статистики Труда под руководством С. Н. Прокоповича за время с октября 1918 г. по июнь 1920 г. включительно.

Обращаясь к относительным показателям состояния работы и распространенности прогулов, находим, что по всем предприятиям в среднем *фактическое число дней работы*, приходящееся на одного рабочего в месяц, колеблется от 15 до 20:

	1919 г.				1920 г.				
	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Июнь.
Число дней фактической работы. .	18,8	16,4	17,8	14,6	15,5	17,4	15.2	17,6	19,8
Праздничн. и свободных дней . . .	3,8	6,2	4,1	9,5	5,0	6,1	8,7	7,1	4,1
Дней простоя фабрики	2,7	2,6	2,7	1,9	2,9	1,6	0,5	1,3	0,5
Прогулов по разн. причинам	5,7	4,8	6,4	5,0	5,6	5.9	5,6	5,0	5,6
Всего дней в месяц	31	30	31	31	29	31	30	31	30

Число праздничных и свободных дней, как видно из приведенной краткой таблички, в общем вполне отвечает числу календарных праздничных дней и в этом отношении фабрично-заводские рабочие г. Москвы отличаются в выгодную сторону от рабочих провинциальных губерний, где как видно из разработки, произведенной Г. С. Полляком (Бюллетени Центр. Статист. Управления 1920 г.), до сих пор празднуются многие местные, храмовые и проч. праздники.

Число нерабочих дней из-за простоя фабрики было несколько выше зимой, нежели в летние месяцы: в зимние месяцы простойные дни составляли 2—3 дня на месяц, летом же от 0,5 до 1,3 дней.

Прогулы по разным причинам составляли от 4,8 до 6,4 дней в месяц,

Прослеживая теперь число дней работы и прогулов на 1 рабочего в предприятиях *разной величины*, можно обнаружить регулярное *уменьшение* числа дней *фактической работы по мере* увеличения размеров предприятий.

На 1 рабочего приходится дней фактической работы:

В предприятиях имеющих:	1919 г.			1920 г.					
	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Июнь.
до 50 рабочих . . .	22,4	19,4	20,9	15,1	17,6	19,8	17,2	20,0	20,9
50—500 рабочих. .	19,8	17,6	19,7	14,6	16,9	18,9	14,9	18,3	20,2
500 и более	17,7	15,3	16,5	14,6	14,8	16,3	15,4	16,9	19,4
В среднем	18,8	16,4	17,8	14,6	15,6	17,4	15,2	17,6	19,8

Чем следует объяснить это явление? Число праздничных дней на 1 рабочего в крупных предприятиях отнюдь не более, нежели в мелких.

По большинству месяцев в средних заведениях число праздничных дней немного более, чем в самых крупных и мелких.

Присматриваясь же к числу простойных дней предприятия, можно подметить *увеличение* относительного числа их по мере увеличения размера предприятий. Можно было бы предположить, что дело не столько в величине предприятий, сколько в условиях производства, и что так как наиболее крупные предприятия—текстильные, то, в сущности, причина большого числа простоев кроется в условиях снабжения текстильных заведений. Но, обратившись к отдельным группам производств по основным таблицам, которых мы не приводим за недостатком места для громоздких цифровых рядов, можем убедиться, что то же самое явление проходит и в пределах одного и того же текстильного производства.

Число простойных дней на 1 рабочего в месяц в текстильном производстве, в предприятиях, имеющих:

	до 50 рабоч.	50—500	500 и более.
Октябрь 1919 г. . . .	—	4,5	10,3
Ноябрь » . . .	—	4,2	10,2
Декабрь » . . .	2,7	3.3	6,9
Январь 1920 г. . . .	4,5	4,2	4,4
Февраль » . . .	3,6	2,6	6,7
Март » . . .	1,3	0,2	8,1
Апрель » . . .	1,6	1,1	0.7
Май » . . .	0,9	2,0	7,5
Июнь » . . .	0,2	0,7	2,8

Такие же данные можно было бы привести и для других производств. Таким образом, простои, несомненно, более часты в крупнейших предприятиях, что связано, повидимому, с условиями их снабжения.

Второй причиной сравнительно меньшей фактической работы рабочих крупных заведений является несколько большее число прогулов по разным поводам у рабочих более крупных заведений. Большая прогульность у рабочих крупных предприятий, повидимому, объясняется большею трудностью для крупных заведений следить за должным соблюдением трудовой дисциплины. В самом деле оказывается, что чем крупнее предприятие, тем более высок % прогулов по *неуважительным* причинам.

По отдельным производствам количество дней неявок из-за праздников в общем колеблется в незначительных пределах. В металлообрабатывающем производстве наблюдается несколько большее число праздничных дней, в текстильном—меньшее.

На 1 рабочего приходилось дней неявки по случаю праздников и свободных дней:

	1919 г.			1920 г.					
	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май	Июнь.
Обработка волок. веществ	3,8	6,0	4,1	8,5	4,8	5,8	8,7	7,8	3,7
Обработ. металла.	4,7	6,5	4,2	10,7	5.1	6,1	8,7	7.2	4,0
Прочие группы . .	3,2	6,1	4,1	9.8	3.0	6,2	8.8	6,9	4,2
В среднем	3,8	6.2	4.1	9.5	5,0	6.1	8.7	7.1	4.1

Некоторые различия в числе праздников по группам производств все же существуют, благодаря, может-быть, неодинаковому воздействию контроля производственных союзов, а отчасти в связи с условиями простоев: чем более простоев вынуждено претерпевать предприятие, тем менее оно склонно не работать в полулегальные ныне церковные праздники. Это видно как из того, что меньшее число праздников мы находим в текстильной группе, в которой как раз чрезвычайно велики простои, так и из сопоставления праздников с простоями по предприятиям различной величины.

Потери рабочих дней из-за простоев особенно сильны в текстильном производстве и совершенно ничтожны в металлообрабатывающем и других производствах. В самом деле, на 1 рабочего в месяц приходилось простойных дней:

	1919 г.			1920 г.					
	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Март.	Апр.	Май.	Июнь.
Текстильн. производство	8,5	8,1	5.9	4,3	5.9	5,6	0,9	4.8	1,6
Обр. металла . . .	0,4	0,4	0.1	0.5	0,0	0.0	—	0.4	—
Прочие группы . .	0.1	0.5	1.3	0,7	1.9	0.7	0.4	0.4	0,4
В среднем	2,7	2.6	2,7	1.9	2.9	1,6	0.5	1.3	0,5

Таким образом, как и можно было ожидать, текстильные заведения остро страдают от простоев, благодаря чему число дней фактической работы, приходящееся на 1 рабочего, для текстильного производства оказывается наименьшим:

В среднем за 9 месяцев на 1 рабочего приходится дней фактической работы:

Обработка волокнистых веществ	13,9
Обработка металла	17,1
Прочие группы	18,7
В среднем	17,1

Что касается прогулов в собственном смысле, то более всего они распространены в металлообрабатывающей группе, умереннее—в текстильном производстве и наименее—в прочих группах.

На 1 рабочего в среднем за те же 9 месяцев приходилось прогульных дней:

Обработка волокнистых веществ	5,6
Обработка металла	6,8
Прочие группы	5,0
В среднем	5,5

Для того, чтобы вскрыть причины больших прогулов в металлообрабатывающей промышленности, рассмотрим отдельные категории прогулов в разных производственных группах.

На 1 рабочего в месяц приходится дней прогулов:

Причина прогулов.	Обработка волокна.	Обработка металла.	Прочие группы.	В среди.
1. Работа в организациях, делегац. и пр.	1,1	1,5	0,8	1,0
2. Очеред. отпуск	0,1	0,2	0,3	0,3
3. Болезни и роды	1,4	1,9	1,9	1,8
4. Пропуск. по уважит. причинам.	0,6	0,5	0,4	0,5
5. Пропуски по неуваж. причинам.	2,2	2,8	1,6	2,0

В металлообрабатывающей промышленности повышены показатели прогулов по неуважительным причинам, по болезни и вследствие исполнения общественных обязанностей (участие в делегациях). В среднем по всем группам главной причиной прогулов являются пропуски по причинам *неуважительным:* эта категория прогулов составляет по отдельным месяцам от 27 до 40% всех случаев прогулов—величина весьма серьезная. Вторая важная составная часть прогулов—это пропуски по болезни: они составляют в среднем до 1,8 дня на одного рабочего в месяц и от 24 до 36% случаев прогулов.

Если произвести необходимые перечисления наших девятимесячных данных на годовые, то мы получим средний годичный коэффициент утраты трудоспособности на 100 рабочих—2100 дней, что превосходит все самые смелые теоретические предположения статистики социального обеспечения. Для сопоставления с дореволюционным временем можно привести данные о числе дней утраты трудоспособности по материалам больничных касс г. Москвы в 1917 г. На 100 рабочих приходилось в 13 центральных больничных кассах г. Москвы 532 дня болезни, прочих кассах—793; в Московской губернии (уездах)—1027 дней. Здесь надо, однако, иметь в виду, что пропущенные дни работы по болезни и дни оплаченные пособием—далеко не однородные величины. Во-первых, случаи краткосрочных фактических заболеваний в 1—3 дня часто не попадали в оплату больничной кассой по многим причинам; во-вторых, болезнь, как основание для пропуска работы, нередко является лишь фиктивным оправданием. В таком случае вымышленное заболевание, конечно, не оплачивается пособием, так как для получения листка о болезни для больничной кассы требуется более сложная и строгая процедура.

Все же полученная нами для 1920 г. цифра прогулов по болезни, при всяких указанных оговорках, несомненно, чрезвычайно велика. На ряду с фактическим повышением заболеваемости в ней находит себе отражение, повидимому, и распространяющаяся симуляция болезни.

Прогулы по так называемым «уважительным» причинам. с разрешения администрации предприятий, составляют по месяцам от 7 до 15% всего числа прогулов. Интересно отметить, что эта категория прогулов самым определенным образом гораздо более часто встречается в мелких предприятиях, нежели в крупных, в противоположность прогулам по «неуважительной» причине, распространенным сильнее, как было указано, в заведениях более крупного размера.

V. Конфликты труда.

В сферу деятельности Отдела Труда, на ряду с учетом и распределением рабочей силы, охраной труда и заботами о поддержании трудовой дисциплины, входило также рассмотрение конфликтов между трудящимися и администрацией заведений, в которых они работают, наблюдение за проведением тарифов и разрешение совместительств при условии, чтобы основной и дополнительный оклад не превышал максимальной тарифной ставки. Вся эта работа лежала на обязанности тарифно-конфликтного, затем тарифно-нормировочного п/отдела Отдела Труда.

Сведения о заявленных и рассмотренных конфликтах имеются за период с июля мес. 1918 года по июнь мес. 1920 г. На рассмотрение П/отдела поступали конфликты по добровольному соглашению одной из заинтересованных сторон, но при непременном условии предварительного рассмотрения конфликта в соответственном профсоюзе и представления его заключения; этих двух обстоятельств не следует упускать из внимания при ознакомлении с данными о поступивших конфликтах. Движение поступивших заявлений по месяцам показывает, что, за немногими исключениями, число конфликтов, представленных на решение тарифно-конфликтного п/отдела, из месяца в месяц уменьшается; если общее число заявленных конфликтов во второй половине 1918 года колеблется от 367 (декабрь) до 937 (июль) в месяц, то в 1919 году это число уже не превышает 217 (январь 1919 г.), и постепенно опускаясь, падает до 32 (в декабре); в 1920 году число заявленных конфликтов становится еще реже, и составляет 24 в феврале и только 6 в июне мес. Движение конфликтов по полугодиям характеризуется следующими данными:

	Общее число конфл.	Из них: В Москве.	Из них: В губерн.
Июль—декабрь 1918 г.	3639	3507	132
Январь—июнь 1919 г.	820	766	54
Июль—декабрь »	417	—	—
Январь—июнь 1920 г.	119	—	—
Всего	4995	—	—

Количество конфликтов резко падает и доходит до ничтожной цифры; по данным за годовой период с июля 1918 г. по июль 1919 г. около 95% всех конфликтов (96,4% в июле—декабре 1918 г. и 93,4% в первой половине 1919 года) происходили в самой Москве, и незначительный процент приходился на конфликты в губернии.

Заявленные конфликты происходили, главным образом, в мелких заведениях и касались незначительного количества рабочих; 85% всех конфликтов приходится на заведения с числом рабочих менее 5 человек:

Распределение конфликтов по числу рабочих в предприятиях.

Предприятия с числом рабочих.	Июль-декабрь 1918 г.	Январь-июнь 1919 г.	Июль-декабрь 1919 г.	Январь-июнь 1920 г.	%/%	всего.
До 5 человек . . .	2977	752	402	116	4247	85,0
Свыше 5 человек . .	219	68	15	3	305	6,1
Неизвестно	443	—	—	—	443	8,9
Всего	3639	820	417	119	4995	100

Заявления о конфликтах почти исключительно касались мелких предприятий; из всех заявлений только 6,1% относились к предприятиям с числом рабочих свыше 5 человек. При этом главная масса заявлений поступала от рабочих и служащих и их организаций и незначительная часть подавалась нанимателями или администрацией. Об этом говорят следующие цифры. Были поданы заявления.

	Июль-декабрь 1918 г.	Январь-июнь 1919 г.	Июль-декабрь 1919 г.	Январь-июнь 1920 г.	всего.	%/%
Раб. служ. и их орган.	3282	760	413	116	4571	91,3
Напимател. (администр.)	237	49	4	3	293	6,0
Неизвестно	120	11	—	—	131	2,7
Всего . .	3639	820	417	119	4995	100

откуда следует, что в среднем 91,3% всех заявлений приносились в Тарифный Отдел непосредственно трудящимися и их организациями и только в 6 случаях из 100 поступали от нанимателей или администрации.

Причины заявленных конфликтов были весьма разнообразны и неодинаковы в различные периоды. Если взять общие суммарные сведения о причинах конфликтов за два года с июля 1918 года по июнь 1920 года, то мы получим следующие данные:

Причиной конфликтов служили:

	Несоблюдение тариф. или его неправильное толкование.	Невыдача и задержка заработ.	Невыдача ликвидац. при расчете.	Прочие причины по поводу заработной платы.	Увольнение независимо от условий расчета.
Абсолют. число	1127	845	1271	521	778
%/%	22,5	16,9	25,5	10,4	15,6

	Рабочее время.	Прочие причины.	Причины неизвестны.	всего.
Абсолют. число . . .	52	304	97	4995
%/%	1,0	6,1	2,0	100

Как видно из этих цифр в 75,3% всех случаев причиной конфликтов служили вопросы заработной платы, среди которых на первом месте является невыдача ликвидационных при расчете и несоблюдение тарифа или его неправильное толкование; среди остальных причин более или менее значительную группу представляет собою и увольнение независимо от условий расчета, составляющее 15,6% всех поступивших конфликтов.

Эти цифры являются, однако, недостаточными, ибо они не позволяют судить об изменении причин конфликтов в разные периоды. Если на первом плане среди всех причин стоит невыдача ликвидационных, это, несомненно, объясняется массовым закрытием предприятий, но это массовое закрытие предприятий происходило лишь в определенные периоды. С другой стороны, переход от частной промышленности к национализированной был связан с изменением взаимоотношений между трудом и капиталом и потому не мог не отразиться и на характере происходивших конфликтов. Изменение причин конфликтов по полугодиям рисуется следующей таблицей.

Причины конфликтов.	Июль-декабрь 1918 г.	Январь-июнь 1919 г.	Июль-декабрь 1919 г.	Январь-июнь 1920 г.
Несоблюдение тарифа или его неправ. толкование.	893	182	40	12
Невыдача и задержка заработка.	532	158	128	27
Невыдача ликвидацион. .	1144	105	12	10
Прочие поводы, связанные с заработной платой.	291	196	28	6
Увольнение	404	212	103	59
Рабочее время	49	3	—	—
Прочие причины . . .	248	38	13	5
Причины неизвестны. . .	78	18	1	—
Всего .	3639	912	325	119

На основании этих цифр можно сделать следующие выводы. Во второй половине 1918 г. в 31,4% случаев конфликтов причиной этих конфликтов была невыдача ликвидационных, в 24,5%—несоблюдение тарифа и на третьем месте причиной конфликтов служила невыдача и задержка заработка. В первой половине 1919 года число конфликтов из-за невыдачи ликвидационных резко падает и составляет всего 11,5%; относительно наибольшее число конфликтов вызывается уже различными вопросами заработной платы и увольнением, причем на последнюю группу приходится 11,1% всех конфликтов. За последний год с июля 1919 г. по июнь 1920 г. мы видим постепенное ослабление % конфликтов из-за вопросов заработной платы и повышение % конфликтов, вызванных увольнением: в первой половине 1920 г. конфликты из-за увольнения составляют уже 43,7% общего числа заявленных конфликтов, а вопросы заработной платы являются причиной почти всех остальных конфликтов. Характерно отметить, что с начала 1919 г. совершенно прекратились конфликты, вызванные вопросами продолжительности труда и другими причинами, которые во второй половине 1918 г. служили основанием конфликтов в 8,2 случаях конфликтов из 100.

VI. Регулирование совместительств.

Прежде чем приступить к изложению деятельности по утверждению совместительств, надо отметить, что имеющийся материал отличается неполнотой и не дает полной картины работы в этой области; имеются сведения лишь за период с сентября 1919 г. по май 1920 г., за апрель месяц данные совсем не поступили, многие поступившие в статистическую разработку заявления были совершенно лишены указаний месяца или года, и т. д. Тем не менее имеющийся материал дает характеристику совместительства и их движения.

За сентябрь 1919 г.—май 1920 г. поступило всего 1499 заявлений о разрешении совместительства, касавшихся 1188 мужчин, 184 женщин и 127 лиц, пол которых неизвестен. Из всех этих заявлений тарифным отделом было рассмотрено всего лишь 593 заявления, при чем в 386 случаях совместительство было утверждено и в 207 случаях оно было отклонено; главная же масса заявлений по рассмотрению получила дальнейшее направление в другие инстанции (тарифный отдел Н. К. Т.), так как рассмотрение этих совместительств по существу выходило из компетенции Отдела Труда (заработок превышал максимальную тарифную ставку). По отдельным месяцам движение поступивших заявлений о совместительстве характеризуется следующими данными:

	Число заявлений.	Из них: отказано	Из них: совместительств утверждено.	Отправлено в др. инст.
1919 г. Сентябрь .	106	23	15	67
» Октябрь .	644	171	105	378
» Ноябрь . .	241	4	64	171
» Декабрь .	266	1	87	165
1920 г. Январь . .	44	—	18	24
» Февраль .	34	—	9	25
» Март . .	8		1	7
» Апрель . .	—	—	—	—
» Май . . .	73	5	31	37

Число поступивших заявлений о совместительствах неравномерно распределяется по отдельным месяцам, но во всяком случае в период сентябрь—декабрь 1919 г. оно было значительно выше, чем в 1920 г. Характерно, что за исключением отдельных месяцев (октябрь 1919 г.), когда

наблюдается сильный рост поступивших заявлений, число отказов в совместительстве среди рассмотренных Отделом Труда заявлений весьма незначительно.

Как указано выше, среди совместителей значительно преобладают мужчины, женщины составляют всего 13,4%.

По возрасту все совместители распределяются следующим образом:

От 16 до 25 лет вкл.	56	человек	или	5,9%
» 25 » 40 » »	467	»	»	44,7 »
Свыше 40 » »	422	»	»	49,4 »
Всего	945	»	»	100%

т.-е значительно большая часть совместителей приходится на возрастные группы от 25 лет, при чем в процентном отношении они почти равномерно распределяются между двумя группами от 25—40 лет и старше 40 лет.

Среди совместителей преобладают лица с высшим образованием. По имеющимся данным из совместителей получили:

домашнее образование . .	82	человека	или 8,3%
среднее » . .	212	»	» 21,6 »
высшее » . .	688	»	» 70,1 »
Всего . .	982	человека	или 100%

т.-е. 70% всех совместителей, о которых дали сведения об образовании, окончили какое-либо высшее учебное заведение. Об этом косвенным образом говорит и профессиональное распределение всех совместителей по занимаемой ими должности. Это распределение совместителей в зависимости от их профессии по месту основной службы видно из следующей таблицы:

Распределение основной службы по учреждениям и предприятиям за период с сентября 1919 г. по май (включительно) 1920 г.

Профессия основной службы.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Май.	Не указан месяц 1920 г.	Без всякой дипл.	Итого.
1. Агрономы, лесничие, землемеры	—	12	5	—	3	1	1	3	2	—	27
2. Артисты сцены и арены	22	2	—	—	—	—	—	—	—	—	24
3. Археологи	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	6
4. Архивисты	—	6	1	—	—	—	—	—	—	—	7
5. Архитекторы	—	—	7	—	1	—	3	—	—	—	11
6. Библиотекари	1	19	1	1	—	—	—	3	—	3	28
7. Бухгалтера счетоводы	5	39	21	9	5	2	—	6	3	11	101
8. Ветеринарные врачи	—	11	—	2	—	—	—	—	—	—	13
9. Военные	—	5	1	—	—	—	—	—	—	—	6
10. Врачи	5	129	49	59	1	—	—	6	5	1	255
11. Геологи	—	5	2	—	—	—	—	—	—	—	7
12. Делопроизводит., конторщ., стеногр., машинистки	4	14	18	5	2	—	—	5	2	6	56
13. Геодез	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
14. Заведующие, помощн. заведующих	17	—	20	20	2	3	—	7	3	2	74
15. Инженеры	10	104	37	56	10	1	2	8	2	4	234
16. Кассиры	—	7	2	—	—	—	—	—	—	2	11
17. Педагоги	8	44	18	48	2	12	—	20	1	7	160
18. Литераторы (редактора, корреспонденты)	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	3
19. Секретари	3	2	1	1	—	—	—	3	—	—	10
20. Сапожники	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
21. Статистики, экономисты, счетчики	1	10	2	3	5	—	—	—	—	—	21
22. Техники электро-механики	5	28	16	19	—	3	—	—	—	1	62
23. Фармацевты	1	3	1	—	—	—	—	1	—	—	6
24. Фельдшера	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	3
25. Химики	4	15	4	1	—	—	—	3	—	2	29
26. Художники	—	9	5	3	—	1	—	—	—	—	18
27. Домовые служащие (швейцары и пр.)	—	—	1	17	—	—	—	—	—	—	18
28. Юристы	4	23	13	3	3	—	—	4	—	—	50
29. Прочие	2	13	—	12	5	1	2	4	2	22	63
30. Неизвести.	14	136	—	12	4	10	—	—	2	—	178
Итого	106	644	241	266	44	34	8	73	22	61	1.499

Наиболее частые совместители—это врачи и инженеры, на которых приходится 489 совместительств, или 32,6% общего числа совместительств, к ним должны быть прибавлены ветеринарные врачи, архитектора, геологи, художники, юристы, которых насчитывается 99 человек, или 6,6%, и которые также окончили высшие учебные заведения, но лица с высшим образованием, несомненно, встречаются и среди совместителей других профессий; такими могут быть агрономы, педагоги, химики, археологи, электротехники и пр., которые встречаются в большом числе среди совместителей.

Более детальное ознакомление с профессиональным составом совместителей показывает, что совместительства испрашиваются, главным образом, в отношении лиц, так называемых интеллигентных профессий и очень редко в отношении рабочих и служащих. В небольшом количестве встречаются архивисты, делопроизводители, кассиры, секретари, статистики и счетчики, в несколько большем количестве испрашивается утверждение совместительства бухгалтеров и счетоводов. Из рабочих профессий встречаются лишь сапожники и домовые служащие, но количество заявленных совместительств весьма ограничено (всего 22).

С профессиональным занятием связан вопрос о стаже: при преобладании интеллигентных профессий лиц с высшим образованием весьма естественно, что среди совместителей замечается высокий % с продолжительным стажем. О распределении совместителей по служебному стажу имеются сведения о 668 лицах; из них имеют служебный стаж:

	До 2 лет.	От 2 до 8 лет.	От 8 до 15 лет.	Свыше 15 лет.	ВСЕГО.
Абсолют. число .	27	171	200	270	668
В %%. . . .	4,0%	25,6%	30,0%	40,4%	100%

т.-е. преобладают лица со стажем свыше 8 лет. Указанный выше профессиональный состав совместителей в значительной мере определяет вопрос о размере вознаграждения, которое получают совместители по месту своей основной службы. Так как это в большинстве случаев квалифицированные работники, то естественно, что большинство их получают вознаграждение по высшим тарифным разрядам.

По имеющимся данным получали основной оклад:

	Ниже 25 разряда (ниже 3100 руб.).	От 25 до 35 разряда (от 3400 руб. до 4800 руб.)	Свыше 35 разряда (свыше 4600 руб.).	ВСЕГО.
Ч. Совместителей . .	551	713	117	1381
В %%.	40%	51%	8,4%	100%

т.-е. 60 человек из 100 получают вознаграждение в размере более 3400 руб. в месяц. При этом средний месячный оклад совместителей составлял:

	По основной службе.	По дополн. службе.
Сентябрь 1919 г. . . .	3521,2 руб.	2167,2 руб.
Январь 1920 г. . . .	4271,4 »	1269,1 »
Май » . . .	4005,2 »	2077,2 »

а за период сентябрь 1919 г.—май 1920 г. он равнялся 3933 руб. по основной службе и 1838 руб. по дополнительной службе.

Заявления об утверждении совместительства поступали от самых разнообразных учреждений и предприятий. Распределение совместителей по учреждениям и предприятиям характеризуется следующими данными:

Распределение совместителей по учреждениям и предприятиям за период сентябрь 1919 г. по май (включ.) 1920 г.

Название учреждений и предприятий.	Поступило заявлений о совместительстве.										Итого.
	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Май.	Не указан месяц 1920 г.	Без всякой даты.	
I. Учреждения.											
1. Совнархозы	49	153	59	32	8	—	3	10	8	2	324
2. Военком	3	30	2	5	—	—	—	8	2	2	52
3. Наркомпуть	3	55	35	37	9	—	—	5	—	—	144
4. Наркомздрав	3	49	37	5	3	—	—	4	3	—	104
5. Наркомзем	—	9	2	1	2	1	—	4	2	—	21
6. Наркомпрод	1	8	2	—	—	—	—	2	—	—	13
7. Наркомпрос	2	82	34	51	1	16	5	25	2	10	228
8. Ком. Иностр. Дел	2	1	3	—	—	—	—	—	—	—	6
9. Наркомтруд	3	12	—	1	—	—	—	1	—	—	17
10. Наркомсобез	—	9	28	35	—	—	—	3	3	3	81
11. Наркомфин	—	8	2	—	1	—	—	—	—	—	11
12. Нарком. Юстиции	—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	4
13. Наркомпочтель	—	1	—	1	—	—	—	2	—	—	4
14. Совдепы	6	23	9	51	1	2	—	3	—	1	96
15. Главвол	—	5	2	—	—	—	—	—	—	—	7
16. Комгоссоор	—	19	6	10	3	1	—	—	—	—	39
17. Центропленбеж	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	3
18. Профсоюз	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	3
19. Высш. Геодез. Упр.	—	12	—	—	7	—	—	—	—	—	19
20. Госуд. Контроль	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3
21. Центр. Ком. Акт. Раб	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
22. Госуд. Театры	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
23. Центр. Стат. Управл.	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
24. Союз металлистов	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
25. Центр. Исп. Ком. Совд	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26. Неизвестн.	5	—	—	35	—	—	—	—	—	3	43
27. Прочие	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Итого по учр.	102	481	223	264	40	21	8	68	22	21	1250

Название учреждений и предприятий.	Поступило заявлений о совместительстве.										Итого
	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Май.	Не указан месяц 1929 г.	Без полной даты.	
II. Предприятия.											
1. По обр. волок. вещ.	3	24	8	—	2	3	—	5	—	1	45
2. По произв. издел. из дерева.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
3. По графическ. произв.	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
4. По обраб. пищев. вещ.	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
5. По химич. произв.	—	18	6	—	—	—	—	—	—	—	24
6. По обраб. металла.	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	6
7. По обработке кожи.	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	7
8. Неизвестн.	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	3
9. Госуд. типография.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого по предпр.	4	61	14	2	2	3	—	5	—	2	93
Неизвестн.	—	102	4	—	2	10	—	—	—	38	156
Всего	106	644	241	266	44	34	8	73	22	61	1499

Как видно из этих цифр, 83,4% всех ходатайств возбуждено учреждениями и лишь 16,6% предприятиями, при чем наибольшее число заявлений о совместительствах предъявлено из учреждений — Совнархозами, Наркомпросом, Наркомпутп, Наркомздравом и их органами, а из предприятий—текстильными и химическими фабриками.

Топливный кризис в Москве
1917, 1918, 1919, 1920 гг.

Общий привоз топлива в Москву до войны и до революции 1917 г. и общее потребление топлива в этом периоде.

Снабжение Москвы топливом в мирное время производилось исключительно частной инициативой и частной предприимчивостью, путем подвоза по железным дорогам. Гужевой ввоз дров, фактически очень небольшой (10—15 тыс. куб. саж. в год), почти компенсировался гужевым вывозом топлива из Москвы, а потому таким привозом, по сравнению с доставкой железными дорогами, можно пренебречь. До войны средний ежегодный подвоз топлива в Москву достигал 159 милл. пуд., в том числе дров 84 милл. пуд., каменн. угля 32 милл. пуд., торфа и древес. угля—7 милл. пуд. и жидкого топлива—36 милл. пуд. (среднее за 1910—1912 гг.). До войны 1914 года абсолютная цифра общего поступления топлива в Москву росла непрерывно, но с 1915 г. начала резко падать, и в 1917 г. составила уже 117 милл. пудов, т.-е. на 21 миллион меньше, чем в 1914 году.

По данным технического отдела уполномоченного по топливу вся годичная потребность Москвы для 1917 г. должна была соответствовать 133 милл. пудов донецкого угля, к каковой цифре приведены потребные количества разных родов топлива; из этого количества, находящегося в пределах Москвы, предприятия поглощали количество топлива, равноценное 60 милл. пудов донецкого угля, а отопление домов, бань и приготовление пищи обывателям Москвы требовало около 73 милл. пудов. В общем 133 милл. пудов донец. угля, в 7000 единиц тепла, равноценно 1.200.000 куб. саж. хороших дров [1]). В виду сокращения привоза в Москву донецкого угля и нефти, потребность в топливе, определившуюся для 1917 г., предполагалось удовлетворить: 62 милл. пудов, т.-е. 48% пополнить ввозом 560.000 куб. саж. дров [2]), а для покрытия остальных 68 милл. пуд. (т.-е. 52%) ожидалось: торфа около 0.5 милл. пуд., подмосковного кам. угля (богхед) не более 4 милл. пудов, а главную часть—донецкий уголь и нефть. Эти 52% топлива требовали ежедневно около 200 вагонов, а всего для ввоза потребного Москве топлива необходимо было в среднем ежедневно по 700 вагонов.

[1]) К. Р. Кирш: «К вопросу о снабжении г. Москвы топливом». В дальнейшем изложении, для сокращения, топливо в 7000 калорий на пуд называется «условным» и к этому условному топливу приводятся по теплопроизводительной способности все виды топлива.

[2]) 1 куб. саж. соответствует 4 погон. саженям.

Нерациональное разрешение задачи отопления города и страх перед надвигающейся топливной катастрофой побудили изыскивать новые виды топлива и способы самого отопления.

Весной и летом 1916 г. было уже произведено техническим отделом московского уполномоченного по топливу [1]) обстоятельное обследование фактического производства отопления разного типа домов в городе и расхода дров для домового потребления, исключая промышленные предприятия и непосредственно связанные с ними учреждения; одновременно с тем обследовали расход топлива для приготовления пищи и для бань. Выяснилось, что из всей суммы в 73 милл. пудов топлива, необходимого для указанной потребности, *бани* расходуют около 5 милл. пудов угля (в том числе 1 милл. пуд. нефти), а для нужд *домов с центральным отоплением* требовалось в общем 18 милл. пудов угля. Таких именно домов оказалось в городе 3900 с населением в 600.000 душ. Из остальных 50 милл., следовательно, производится расход топлива *на приготовление пищи двум миллионам жителей* города и *на отопление домов с местными печами*, т.-е. для населения в 1.400.000 душ. Приблизительно считая в год на семью $^3/_4$ куб. саж. *для приготовления пищи*, для всего 2-милл. населения Москвы потребно *200.000 куб. саж. дров в год*, что равноценно *22 милл. пудов угля;* для *отопления* же остальной части города *с местными печами* остается *28 милл. пудов*, т.-е. по 20 пудов угля на человека, тогда как в домах с центральным отоплением приходилось по 30 пудов, т.-е. в $1^1/_2$ раза больше Такая разница объяснялась меньшей населенностью тогда домов с центральным отоплением.

Характер отопления Москвы в нормальное мирное время.

Рискованное положение, в какое могли попасть прежде всего дома с центральным отоплением, находившиеся в зависимости от дальнего привоза в Москву антрацита и нефти, побудило уполномоченного по топливу произвести подробное анкетное обследование таких 3900 домов, при чем 700 из них, кроме того, были подробно осмотрены специальными техниками. Это обследование выяснило громадную зависимость московского централизованного ото-

[1]) Моск. уполномоченный по топливу от Осотопа ведал сначала только снабжением Москвы, а затем его функции расширились на весь центральный промышленный район.

пления прежде всего от *чугунных котлов* (сист. Стреля, Стребеля, Кертинга и др.), весьма удобных и экономичных, но весьма неуниверсальных в смысле выбора топлива, так как достаточную теплопроизводительность они могут развивать только при беспламенных и малозольных топливах, т.-е. при малозольном коксе и антраците.

При дровах, торфе и тому подобных топливах трудно, а при малых котлах вовсе нельзя поддерживать в доме температуру в холодные дни, и появляется риск замораживания всей отопительной сети [1]). Искусственное оттаивание такой замороженной сети зимой почти невозможно, а потому такой дом должен был бы освобождаться от жильцов до весны.

В весьма тяжелом положении оказались и *дома с котлами*, оборудованными *для нефти*, особенно дома с весьма тесными дворами, недостаточными для хранения дров или торфа, с тесными котельными, специальными устройствами котлов, при низких дымовых трубах и пр.

На основании этих исследований пришлось в 1917 г. для вышеуказанных домов с чугунными котлами из всего количества привозного угля в 50 милл. пуд. (для всего подмоск. района, вместо 130 милл. в 1914 г.) выделить 6 миллионов пудов, включая сюда антрацит для пригородов, для переносных печей и пр. домового потребления. Таким образом, удалось покрыть до 60% необходимого вышеуказанным домам топлива антрацитом, при чем, конечно, большие цифры относятся к зданиям общественного значения (школы, лазареты, больницы и пр.).

Из всего привезенного в 1917 году количества нефти, т.-е. 65 милл. пудов для всего подмосковного района (при нормальном потреблении его свыше 105 милл. пудов) было выделено больше 2 милл. пудов для отопления домов с исключительно тесными дворами, котельными и проч. При таком обеспеченном и правильном распределении топлива общее положение домов оказалось лучше, чем в 1915—1916 гг., хотя антрацита поступило в Москву немного больше. Так как крупные и прочные антрациты направлялись прежде всего для нужд железных дорог и металлургических заводов, то для городского потребления в 1917 г. поступило много мелких и засоренных сортов, закупленных у второстепенных рудников. В виду того, что антрацит был отпущен в размере 50—60% годового потребления, и его не хватило бы на все нужды морозного времени, то в сентябре, октябре, отчасти в ноябре, а также в марте и апреле, необходимо было топку вести на разных местных топливах.

Недостающий антрацит и нефть замещались *дровами, торфом* и подмосковным углем, или *богхедом*.

Для замены всей недостающей городскому потреблению нефти Городская Управа приобрела для нужд 1917 г. около 3-х милл. пудов богхеда, который особенно выгоден для отопления кухонных плит, а также домовых печей, если они снабжены колосниками. Зимний отопительный период 1916 г. выяснил, что весьма большие затруднения в использовании разных непривычных топлив усилились для 1917 г. *отсутствием сколько-нибудь опытного обслуживающего персонала*, отсутствием ремонтных средств и ремонтных рабочих. Особенно чувствительны к чистке и ремонту чугунные котлы, при чем загрязненный и запущенный котел может быть совершенно потерян для отопительного сезона.

Доля расхода дров в Москве была в мирное время весьма устойчива, составляя около одной трети всего потребления; также устойчив и абсолютный расход дров, слабо возраставший лишь по мере роста населения города. После начала войны расход дров быстро растет, достигая в 1917 г. почти половины привоза всего топлива в Москву: дрова заменили собою часть донецкого топлива для домов с центральным отоплением и для промышленных потребителей города.

За время с 1904—1917 гг. поступление дров в Москву было весьма устойчиво, составляя в среднем 339.000 к. с. в год, при чем отклонения от этого среднего не превышают 8,5 %.

За ничтожным исключением, почти все количество топлива, расходуемое Москвою, привозится по железным дорогам, а потому Москва особенно чувствительна к состоянию железнодорожного транспорта.

В сезоны 1915—1916 гг. и 1916—1917 гг. поступление дров соответствовало их расходованию: наибольший подвоз приходился на зимние месяцы, а летом падал. В 1917—1918 гг. усиленная агитация московских топливных организаций, начатая с апреля 1917 г., вызвала энергичное заполнение Москвы дровами на предстоящий отопительный сезон; с мая по октябрь 1917 г. привоз дров значительно превышает привоз их в предшествующие два сезона. Но с октября привоз дров резко падает и стоит значительно ниже 1915 и 1916 гг.

Под влиянием политических и военных условий подвоз донецкого и нефтяного топлива с началом зимы 1917—18 г. почти совершенно прекратился. Единственная надежда Москвы возлагалась на прибытие дров, но этот подвоз стал угрожающе падать, и это падение еще более усиливается под влиянием страшной хозяйственной разрухи, отсутствия планомерной работы еще не переродившихся государственных органов топливоснабжения, прогрессирующего ухудшения транспорта при необеспеченности топливом железных дорог, вынужденных переходить также на дрова.

Обострение топливной разрухи.

Топливный кризис обострился, что предвиделось еще в 1916 г. Революция, сметая организации и учреждения старого режима, несомненно, расстроила и все те планы, какие были намечены или уже осуществлялись, взамен на первое время ничего равноценного не предоставляя, за невозможностью в короткий срок провести в жизнь новое строительство на совершенно иных основах. Разруха транспорта лишала Москву топлива, уже готового и ждущего только погрузки и перевозки. Вторая причина—резкое изменение взгляда крестьян на землю и леса, которые они стали считать своей собственностью, повлекло немедленно к тому, что крестьяне всякими способами стали затруднять или прекращать всякие заготовки и вырубку леса, а главное, вывоз его из своих местных районов.

Однако, Москва начало кризиса пережила более или менее благополучно, благодаря старым запасам 1916—1917 гг., заготовленным как топливными организациями, так и усилиями самих москвичей.

Хотя влияние революции сказалось не сразу, все-таки (по сведениям Теплового Комитета П. О.) прибытие дров, среднее посуточное, сократилось почти в два раза, а общее поступление минерального топлива—в два, два с половиною раза. Поступление же топлива для всех потребителей Москвы, исключая железные дороги, сократилось еще

[1]) К. В. Кирш: «К вопросу о снабжении г. Москвы топливом 7/IX 1917 г. (доклад).

резче: нефти—в три раза, а твердого минерального топлива даже больше чем в четыре раза. В особенности сильно упала доставка топлива для городских предприятий. Вместо 1639 вагонов твердого минерального топлива, доставленного в Москву за последние 3 месяца до революции, Совету Районных Дум тоже за три месяца удалось получить лишь 129 вагонов, т.-е. в 12 $^1/_2$ раз меньше.

Все названные причины и легли в основу кризиса и совершенно расстроили топливное снабжение Москвы.

Характеристика московского дровоснабжения.

С целью выяснения характера самого кризиса, рассмотрим подробнее топливоснабжение Москвы в 1917 г. и в ближайший к нему предшествующий период.

Дрова являлись главным видом топлива для непромышленных потребителей Москвы, а в настоящее время дрова являются преобладающим топливом и для всех московских потребителей. Районы, доставляющие дрова в Москву, менялись в зависимости от условий транспорта—постройки новых железных дорог и от перемещения дроворубочных площадей. Но за последние 20 лет пояс погрузки дров в Москву был довольно устойчив, а именно: от $^2/_3$ до $^3/_4$ всего количества дров привозилось в Москву из районов, расположенных в радиусе 250—300 верст от нее. В частности для Москвы, в 25—30-верстном районе ее, из которого доставка дров возможна гужом, имеется 13 более значительных лесных комплексов, в которых (при правильной 10 летней лесосеке) можно было заготовить до 35.000 куб. саж. дров. Кроме того, в районе 200 верст по линиям железн. дорог может быть взято (считая 10-летнюю лесосеку) до 500.000 куб. саж. в год. Таким образом, ясно, что не только для нужд 1918 г., но и значительно дольше Москва могла быть обеспечена дровяным топливом, вполне доступным для эксплоатации и возможным для доставки ко всем крупнейшим нашим потребителям.

С начала войны условия перевозки дров резко изменились: движение дров на отдельных жел. дорогах стало направляться, главным образом, свободной провозоспособностью жел. дорог, занятых усиленной перевозкой военных грузов. В результате такой громоздкий груз, как дрова, мог поступать в Москву по преимуществу только в порожнем направлении.

Наиболее устойчивыми и надежными дорогами по погрузке дров в Москву являлись в последнее время: Северная, Виндаво-Рыбинская, Александровская и Николаевская, дающие Москве вместе 60—70% дров. Максимальное количество дров, которое в состоянии получить Москва, зависит, во-первых, от запасов готовых дров и древесины вблизи Москвы, а также от хода дровяных разработок; во-вторых, от провозоспособности, т.-е. от состояния жел. дорог Московского узла. Эти два условия прежде всего и в значительной степени зависят от политики государственной власти. Но, независимо этого, привоз дров в Москву ограничен приемочной способностью московск. железн.-дор. станций. Согласно данных Московского Порайонного Комитета вместимость товарных станций в 1917 г. составляла 2840 вагонов. Как показала практика лета 1917 г., крайним максимальным сроком вывоза дров со станции надо считать 3 дня. Но крайняя слабость и постепенное ухудшение московского гужевого транспорта, усилившаяся общая экономическая разруха, ухудшение действий почты и

конторского аппарата жел. дорог затрудняют своевременное получение дров адресатами и неизбежно удлиняют простой вагонов с дровами. При нормальном простое в 3 дня емкость станции равняется: 2840 : 3 = 950 вагонов в день, а годовая приемочная способность Москвы при абсолютно равномерном, максимально-предельном прибытии и вывозе дров выразилась бы в 345.000 вагонов в год или около 1.000.000 к. саж. Но достигнуть этого невозможно по следующим причинам: 1) подвоз дров к ж.-д. станциям неравномерен и сильно сокращается во время распутицы; 2) вывоз дров с московских товарных станций сильно ладает по причине крайнего ослабления гужевого транспорта, и 3) для такого интенсивного использования приемочной способности Москвы необходимо полное соответствие в работе всех частей, и работа всего этого сложного аппарата по приему дров и увозу их со станций должна итти подобно часовому механизму, а это невозможно.

Поэтому среднюю годовую наибольшего напряжения приемочную способность Московского узла надо оценивать не свыше 600 вагонов в день, что дает максимум 650.000 куб. саж. Но и это количество, по мере ухудшения гужевого транспорта, будет неизбежно уменьшаться.

По данным за 1916 г., из всего количества дров, доставленных в Москву по железным дорогам, поступило: торговцам 61%, Осотону 12,5% Московскому Городскому Управлению 10, 5% и остальным адресатам 16,5%.

Отсюда ясно, какую роль в топливоснабжении Москвы играла частная инициатива. Коренная перестройка всех функционировавших раньше правительственных и общественных органов, устранив всякую частную инициативу, ничего определенного, твердого, равноценного по производительности дать сразу, понятно, не смогла, а потому вопрос топливоснабжения Москвы стал осложняться и быстро и резко ухудшаться. Даже в 1916 г. при наличности существования Москвотопа — государственной организации, обладавшей крупными денежными средствами, громадными правами и всеми преимуществами над частными предпринимателями в смысле получения и закупки дров, а также Московской Городской Управой, тоже находившейся в неизмеримо более выгодных правовых условиях, чем дроторговцы,—эти обе могущественные организации, в период своего наибольшего развития, могли дать Москве перед Октябрьской революцией за 9 месяцев 1917 г. только всего: Москвотоп с Топсоюзом 21.326 вагонов, т.-е. 16,3%, а Моск. Город Управа 8746 вагонов, или 6,8% из всего количества дров, поступивших по железным дорогам, т.-е. из 129.659 вагонов. Действительно, общее получение дров по железным дорогам и водою за январь — сентябрь 1917 г. составило:

Московск. Гор. Управа. .	39.140 к. с.	—9,8%
Москвотоп	63.933 »	» — 16 »
Вся Москва	400.100 »	» —100 »

Между тем на самом деле на 1 августа 1917 г. в распоряжении Москвотопа имелось закупленных и заготовленных дров 210.934 к. с., а у Московской Городской Управы—177.263 к. с., что составляет в общем 388.197 к. с., т.-е. почти полный годовой расход дров Москвой в 1916 году и превышающий годовой расход 1915 года.

Таким образом, ясно, что *главным поставщиком дров в Москву до Октябрьской революции была частная дровяная торговля*, и готового общественного механизма дровоснаб-

жения красная Москва не получала. Новые молодые организации осуществить монополизацию дровоснабжения сразу не смогли и получали только небольшие доли того количества дров, которое было необходимо.

Потребление топлива в Москве после революции.

Всех потребителей топлива в Москве можно разбить на следующие группы:

1. Железные дороги.
2. Промышленность.
3. Бани.
4. Отопление домов центральное.
5. Отопление местное, варка пищи и хозяйственные нужды.

Железные дороги получили в 1917 г. около $^1/_2$ всего пришедшего в Москву донецкого топлива и около 45% всего твердого минерального топлива; получение ими подмосковного угля (богхеда) было ничтожно; из всего привезенного железными дорогами количества нефти они взяли себе около $^1/_3$ (и немного больше $^1/_4$ от общего получения Москвою этого топлива). Но, благодаря подвижности этого потребителя, могущего запасаться топливом и с городских складов и вне черты Окружной дороги, разность между общим ввозом топлива в Москву и суммарным потреблением всех московских потребителей, кроме железных дорог, не может служить для определения фактического расхода на железные дороги.

Промышленность. Обследование расхода топлива 483 промышленными предприятиями Москвы за 1914—1917 гг., произведенное техниками московского районного уполномоченного, отмечает резкое падение расхода донецкого каменного угля и замену его нефтью, потребление которой все время росло и упало лишь в 1917 году. Зато дрова в 1917 г. уже составляют около 23% расхода, с явно выраженной наклонностью роста в будущем. Однако, общий расход топлива московской промышленности заметно упал в 1917 году, что объясняется остановкой целого ряда предприятий.

Из данных Теплового Комитета видно распределение расхода топлива в связи с установленной мощностью тепловых двигателей. Общая установленная мощность тепловых двигателей в 1916 г. составляла 183.720 лош. сил и распределялась между 483 предприятиями, в которых было занято 127.092 рабочих, следовательно, на 1 рабочего приходится около 1,45 лош. сил и 415 пудов топлива в год.

Первое место занимают паровые турбины, так как ими оборудованы две крупнейшие электрические станции (О-ва 1886 г. и трамвайная).

Из общего промышленного расхода топлива в 53 миллиона пудов в 1916 году на производство силы расходуется не более 50%, а остальное топливо расходуется для целей производства и отопления фабричных помещений.

Годичная отдача 4 московских электрических станций общественного пользования составляла в 1916 году около 175 миллионов киловатчасов, распределявшихся:

на движение трамвая	54,4 милл. квч.
на освещение	40 милл. квч.

из которых на освещение частных жилых квартир израсходовано только 13,6 милл. квч. или 34% всего расхода на освещение столицы и лишь 7,8% общего расхода электрической энергии.

Бани, хлебопекарни и стирки. Обследование в 1916 г. Техническим отделом бывшего Москвотопа выяснило, что в Москве работало *всего 48 бань*, из коих 47 торговых, принадлежавших 35 частным владельцам.

Бани расходовали за последнее время только нефть и дрова. Расход их в переучете на условное топливо был таков:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	
Нефть.	1,95	1,95	1,83	1,30	Мил. пудов.
Дрова.	1,21	1,21	1,06	1,20	
Всего. .	3,16	3,16	2,89	2.50	

В 1916 г. среднее ежемесячное число посетителей во всех банях составляло 2.140.000 или 25.700.000 посетителей в год, т.-е. в среднем на одного московского жителя приходилось около 1 посещения бань в месяц. Средний расход на *1000 посетителей* выходит около 115 пудов условного топлива, или около 1 куб. саж. дров.

Расход топлива на *хлебопечение* точному учету не поддается, но приблизительно определяется так: число хлебопекарен в Москве за 1916—1917 гг. колебалось в пределах 460—500. В 1916 г. на хлебопекарни было израсходовано 90.000 пудов нефти и выпечено на ней хлеба около 2.700.000 пудов, принимая, что на один пуд хлеба расходуется 1,30 пуда нефти, т.-е. около 0,05 пуда условного топлива. Приблизительно можно принять также, что на выпечку 1 пуда черного хлеба расходуется около 6 фунтов дров, а для белого хлеба около 12 фунтов; в среднем около 8 фунтов дров на один пуд хлеба, т.-е. $^1/_5$ часть по весу. Учитывая расход на сушку сухаря и проч., общий расход на хлебопекарни и домашнюю выпечку хлеба можно грубо считать около 1 куб. саж. дров на 1000 пудов хлеба.

Общее количество выпекаемого хлеба составляло за последние годы перед войной (по данным Статистич. Отдела Москов. Город. Управы) около 1,4 фунта в день на 1 жителя или около 12,8 пудов в год (расход черного хлеба все время держался в Москве несколько выше, чем потребление белого хлеба). Принимая в расчет эти цифры, численность населения и выпечку хлеба на нефти, можно грубо оценить расход дров на хлебопечение в общем итоге для всей Москвы.

При нормальных условиях расход дров на хлебопечение составлял бы в последнее время около 25.000 куб. сажен, а в 1917 г.—17.000 куб. саж. Принимая во внимание неизбежное длительное понижение хлебного пайка, недостаток нефти и увеличение населения, расход дров в Москве на хлебопечение для ближайшего времени можно было считать около 20.000 куб. саж. в год.

Расход дров на *стирку белья* в прачечных и домашний можно грубо считать около 1 куб. сажени на 1000 пудов сухого белья или около 6 куб. саж. в год на 1000 жителей. Для населения г. Москвы в ближайшее время нормальный расход дров на стирку белья можно оценивать около 12.000 куб. саж. в год приблизительно [1]).

[1]) 18 прачечных выпустили в 1916 г. около 700.000 пудов белья, израсходовав 335.000 пудов нефти и 55.000 пудов антрацита, т.-е. всего около 560.000 пудов условного топлива, т.-е. 0,8 пудов условного топлива на 1 пуд белья.

Характеристика потребления топлива на отопление квартир.

В 1912 г. в Москве числилось строений:

	Всего:	Жилых:
каменных	30.012, или 30%	16.513 или 32%
деревянных . . .	57.863, или 59	26.871 или 52 »
смешанных и из других материалов	10.939, или 11 »	8.427 или 16 »

Каменные строения составляли менее $^1/_3$ всего числа; но в них помещалось 55% всех наемных жилых квартир, 43% таких квартир имели деревянные стены и только 2% были из смешанных материалов. По кубатуре каменные жилые строения значительно превышали деревянные и смешанные постройки, составляя более половины в 1912 г.; это соотношение ныне изменилось, несомненно, в пользу каменных домов. По числу этажей жилые строения распределялись в 1912 г. так:

Число этажей.	Каменные здания.	Деревянные.	Все жилые строения.
1	33	67	51,5%
2	41	33	40 »
3	16,5		6 »
4	6,5		2,5 »
более 4	3		

Жилые квартиры и их население распределялись по этажам так:

Этаж.	Число квартир.	Число жителей.
Подвал	2 %	2,5%
Полуподвал	7,5 »	8,5 »
1	41,5 »	40,5 »
2	32 »	32,5 »
3	9 »	8 »
выше 3	8 »	8 »

Из этого видно, что преобладают в Москве низкие здания, что плотность населения, примерно, одинакова для всех этажей и что около $^3/_4$ всех квартир и жителей расположено в 1 и 2 этажах.

В этих зданиях и квартирах население в 1912 г. распределялось: 1.616.948 душ в 185.784 квартирах, т.-е. в среднем по 8,7 жителей на 1 квартиру. Из всего этого числа квартир: 165.195 квартир или 89% представляли обыкновенные жилые квартиры с населением в 1.349.819 чел., т.-е. по 8,2 жителя на 1 квартиру, а остальные 20.589 квартир, или 11% были заняты учреждениями и общежитиями с общим населением в 267.129 чел., т.-е. по 13,2 чел. на 1 квартиру.

Общее число обыкновенных наемных квартир в Москве в 1912 г. было 133.972 или 71% всего числа жилых квартир. Около 20% всех наемных квартир имело центральное отопление, при чем на каждую такую квартиру приходилось в среднем 5,3 комнаты и 6,5 жителей; в наемных жилых квартирах с местным отоплением было по 4,1 комнаты и 9,1 жителей на одну квартиру. Во всех наемных жилых квартирах было в среднем по 4,3 комнаты и по 8,6 жителей. Только в 15,5% всех квартир имелось в 1912 г. электрическое освещение.

По данным переписи в Москве 20/XI 1915 г. оказалось:

	С центральн. отоплен.	С местн. отопл.	Всего.
число владений	3.344, или 12 %	23.990	27.334
жилых квартир	51.952, или 24,5 »	161.201	213.153
жителей в них	474.860, или 24 »	1.508.969	1.983.829
жител. на 1 квартиру	9,2	9,4	9,3

Число квартир с центральным отоплением и жителей в них было в 1915 г. около $^1/_4$ населения Москвы. Плотность заселения квартир с центральным и местным отоплением почти одинакова и сравнительно высока.

Общая кубатура домов с центр. отоплением, по сведениям быв. Москвотопа, для 3047 владений определялась в 4.94 млн. куб. саж., а для всей Москвы в указанных 3344 владениях—около 5,3 млн. куб. с. Кубатура домов с местным отоплением приблизительно исчислялась в 3,5—4,0 миллиона куб. саж. Из сведений вышеупомянутой переписи 1915 г. видно, что газовых печей в Москве мало; в квартирах с центр. отоплением преобладают плиты, а во всех остальных—обыкновенные кухонные печи, при чем $^2/_3$ всего их количества составляют русские печи. На каждую квартиру приходится немного больше 1 печи. В квартирах с местным отоплением число специально отопительных печей немного больше 1 печи на квартиру, а в пригородах всего 0,65, так как кухонная печь выполняла и роль отопительной.

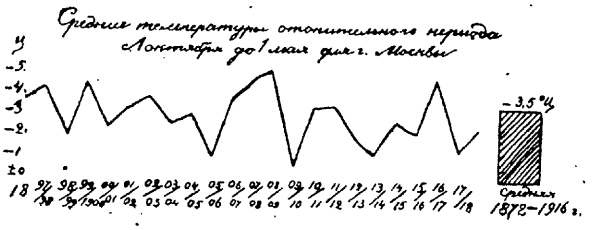
Общие соображения о расходе на отопление.

Отопительный период Москвы начинается нормально с 1 октября и заканчивается 30 апреля, т.-е. длится 7 месяцев или 210 дней.

При прочих равных условиях потеря тепла зданиями за отопительный сезон пропорциональна разности между внутренней температурой помещения (T) и средней наружной температурой воздуха в отопительный период (t). Однако, часть теряемого тепла в жилых отапливаемых помещениях возмещается теплом, выделяемым людьми, кухнями и разными нагревательными приборами. Можно в среднем грубо принять возмещение этого тепла в 7°Ц. А потому расход топлива за отопительный сезон будет меняться пропорционально величине $(T—t—7°Ц)^0$, являющейся расчетной разностью температур. Нормальной температурой жилых квартир ранее было принято считать 19° С. (15° *R*), но за недостатком дров уже в 1917 г. эта норма понизилась до T=16,5°C=13°R.

Средняя зимняя температура Москвы за последние 10 лет составляла—3,2°Ц, а за последние 20 лет—3,05°Ц. Исключительно теплой оказалась зима 1917—1918 г. с средней температурой отопительного периода—1,5°Ц. Благодаря такой мягкой зиме экономия в топливе составляла 27% по сравнению как с предыдущей зимой, так и за два последние десятилетия.

По данным метеорологии можно вывести приблизительное распределение расхода топлива по месяцам отопительного сезона, а именно: при средней внутренней температуре около 18°Ц можно приблизительно считать, что в октябре и апреле расходуется по 7%, в ноябре и марте по 14,5%, а в декабре, январе и феврале по 9% всего количества топлива, определенного на сезон.

После революции изменился характер центрального отопления московских домов, при чем обнаружилось падение потребления донецкого угля, дошедшего в сезон 1917—1918 гг. до 1 милл. пудов, что, кроме других причин, объясняется исключительно теплой зимой; при нормальной зиме и при московских чугунных котлах этот минимальный расход не опустится ниже 2—2,5 милл. пудов донецкого угля: иначе при сильных морозах и при рассчитанных в обрез чугунных котлах не представится возможности поддержать даже минимальную терпимую температуру жилых помещений. Между тем чугунные котлы составляют в Москве 63% всего их числа и 49% или почти половину кубатуры отапливаемых ими зданий. По причинам, уже объясненным в начале этой статьи, котлы для нефтяного отопления потребуют непременно нефти, и крайний минимальный расход ее определится около $1^1/_2$ миллионов пудов. Курной уголь для центрального отопления почти совершенно непригоден; богхед годится только для железных котлов с жаровыми трубами, а потому *главным топливом являются только дрова и торф.*

Средняя наружная кубатура домов с центральным отоплением составляет 1060 куб. саж. на один дом и около 10 куб. саж. на одного жителя, а средний расход топлива нормально около 3,7 пуда на 1 куб. сажень наружной кубатуры и около 37 пудов условного топлива в год на одного жителя. Но в виду крайней трудности разделения квартир жилых от общественных, государственных, торговых учреждений и служебных помещений фактически кубатура и расход топлива на 1 жителя будут ниже. Необходимо иметь в виду при расчетах, что коэффициент полезного действия существующих отопительных установок ухудшается при замене нефти и антрацита дровами в общем от 20 до 35%. Практически можно принять, что 1 куб. сажень смешанных дров заменяет 90 пудов антрацита или около 60 пудов нефти. Следовательно, замена дальнепривозного топлива дровами, несомненно, увеличит расход тепла при прочих равных условиях, т.-е. потребует большего количества дров, чем это следовало бы соответственно их теплопроизводительности. При соответственной переделке топок и умелом сжигании дров можно добиться более высоких коэффициентов и при дровах, т.-е. значительно сократить их расход. Но отсутствие опытных истопников и рабочих рук для ремонта и переделки отопительных установок решительно этому препятствуют. Нормальный расход на центральное отопление надо считать в $18^1/_2$ миллионов пудов условного топлива в год. *Сокращать расход топлива* оказывается возможным и неизбежным, главным образом, *понижением внутренней температуры жилищ.* Однако, понижая эту температуру до 12° R и предоставив центральному отоплению $2^1/_2$ милл. пудов антрацита и $1^1/_2$ милл. пудов нефти, все-таки потребуется не меньше 110.000 куб. саж. дров, а при нормальной температуре до 150.000 куб. саж.

Для определения расхода на исключительно домовое потребление топлива непосредственных данных нет. С практически достаточной точностью все-таки возможно выяснить расход топлива и этой категории потребителей, которые расходуют на свои нужды почти исключительно дрова. Только мелкие переносные печи израсходовали в 1916 г. около 270.000 пудов антрацита; в нормальное мирное время этот расход составлял около 0,5 милл. пудов. Ввоз дров в Москву отличается достаточной устойчивостью, но получить расход на местное отопление, как разность между общим потреблением дров Москвою и установленным расходом остальных потребителей города, затруднительно, так как ввоз дров в город не дает еще их действительного потребления по годам, ибо население, потребляющее топливо, подвержено изменениям и приходится считаться с движением запасов в Москве.

Однако, можно без заметной ошибки принять ввоз дров за известный период равным их потреблению, при чем ошибка от движения запасов становится неощутительной для общего баланса, так как распределяется на все число лет взятого периода.

Имея цифры общего расхода дров на отопление и варку пищи для нескольких таких периодов, легко подобрать удельные расходы дров на одну печь или квартиру, при которых балансы для всех взятых периодов связываются наилучшим образом.

Таким путем приблизительный расход на местное отопление составлял лишь около 3,2 погон. сажени в год на одну квартиру или около 2,75 погон. сажени в год на одну отопительную печь; вероятный расход на варку пищи в квартирах с местным отоплением составлял около 3 погон. саженей в год, а в квартирах с центральным отоплением около 3,5 погон. сажени в год [1]), т.-е. соответственно: 2,9 и 2,3 погон. сажени на каждую варочую печь центрального и местного отопления. В квартирах с местным отоплением часто пища варится и в отопительных печах, а потому расход на кухонные печи оказывается меньше, чем на плиты в квартирах с центральным отоплением. Средний годовой расход на варку пищи следует считать около 160.000 куб. саж., а на местное отопление около 130.000 куб. саженей.

Исключая переменные цифры расхода дров, потребляемых промышленностью и центральным отоплением, зависящего от привоза минерального топлива, получается средняя нормальная потребность в дровах постоянных потребителей, а именно:

варка пищи	160.000	куб. саж.
местное отопление	130.000	» »
хлебопечение	20.000	» »
стирка.	12.000	» »
Итого. .	320.000	куб. саж.

Только для удовлетворения этих потребностей необходимо в среднем круглый год доставлять по 285 вагонов в день; летнее удовлетворение этих же потребностей составляет около 165 вагонов в день, а зимнее подымается до 400 вагонов в день.

Душевое потребление топлива в Москве неодинаково, и при центральном отоплении расход на 1 жителя выше, чем при местном, что объясняется значительным числом домов с центральным отоплением, занятых государственными, общественными и торговыми учреждениями.

Средний непромышленный расход дров составляет в Москве только 0,69—0,75 погон. сажени или 0,17—0,19 куб. саж., а всего 21,5—28 пудов условного топлива в год на жителя.

Городское хозяйство.

Общий расход топлива в городском хозяйстве за 1916 г. составлял 16.411 тыс. пудов, т.-е. около 15% всего расхода

[1]) Эти цифры относятся, к 80% квартир с центр. отоплением, имеющим дровяные варочные печи; 11% этих квартир имеет газовые плиты.

Москвы (без железн. дорог), при чем наибольшая часть городского баланса покрывалась донецким углем (45%) и нефтью (28%), а остальное (27%)—местным топливом, т.-е. почти исключительно дровами.

Наиболее крупным потребителем топлива в городск. хозяйстве являются городск. железн. дороги, взявшие в 1916 г. 47.5% всего промышленного расхода: 5.028.000 пудов услови. топлива (1.892.000 пуд. донецк. угля, 3.090.000 пуд. нефти и 46.000 пуд. дров); из них на центр. электрич. станции израсходовано 4.664.000 пуд. условного топлива (2.016.000 пуд. нефти и 1.440.000 пуд. антрацита); остальное было израсходовано в трамвайных парках и подстанциях.

Электр. станцией при этом выработано 72,3 миллиона к. в. ч. и отдано в сеть 68,6 милл. к. в. ч., что соответствует коэффициенту полезного действия выработки 12% и коэффициенту полезного действия отдачи 11.4%.

На этого количества на движение вагонов трамвая отпущено 54,4 милл. к. в. ч., т.-е. 79% отданной энергии, при расходе тока на одну вагоноверсту 1,4 к. в. ч.

Второй крупный потребитель—газовый завод израсходовал всего в 1916 году 2.770.000 пудов условн. топлива (2.541.000 пуд. газового донецк. угля, 151.000 пуд. нефти и 3.000 пуд. дров)..

Получено светильного газа 741 милл. куб. фут. (в том числе 36% водяного газа), т.-е. около 270 куб. фут. на 1 пуд переработанного условного топлива.

Московский водопровод (из трех водокачек—Рублевской, Мытищенской и Алексеевской) израсходовал в 1916 году 1.602.000 пуд. условного топлива (1.264.000 пуд. донецк. угля, 261.000 пуд. нефти и около 77.000 пуд. дров), при чем на самых насосных станциях—1.493.000 пудов, подав Москве воды 4.389 миллионов ведер или около 2100 ведер в год (по 5,9 ведра в день) на каждого жителя. Средний расход топлива на перекачку 1000 ведер воды составлял в 1916 году около 0,34 пудов услови. топлива на насосных станциях, а всего около 0,36 пудов на 1000 ведер. Водопровод питался исключительно дальнепровозным топливом.

Состояние топливоснабжения в Москве 1917 г.

На 1 октября 1917 г. запасы топлива в городском хозяйстве были таковы:

	На складах.	У учреждений.	У предприятий.	Всего тысяч пудов.	
	Тысяч пудов натур. веса.			Натур. вес.	Усл. вес.
Нефтяное	360	—	ок. 140	около 500	750
Донецкое	592	—	„ 1050	„ 1650	1650
Богхед	258	—	—	258	180
Дрова в погон. саж.	23.396	40.000	—	63.000	1700
Итого	—	—	—	—	4280

Кроме того, не учтены еще здесь запасы у мелких предприятий на баржах и прибывшее топливо, не заприходованное еще на складах.

К ноябрю 1917 г. запасы антрацита поднялись на городских складах, примерно, до 850.000 пуд. за счет прибытия в октябре. Суммарные запасы топлива к началу ноября покрывали уже, примерно, среднюю зимнюю трехмесячную потребность город. хозяйства. Водопровод был обеспечен к 1 ноября одним только минеральным топливом на 5 месяцев среднего своего расхода и на 4 месяца зимнего (520.000 пуд. антрацита и 109.000 пуд. нефти), а учитывая заготовку для водопровода запаса дров, он был обеспечен топливом почти на 9 месяцев.

Газовый завод имел к 1 ноября 1917 г. запасы: 607.000 пудов газового угля, что при расходе 180.000 пудов в месяц, т.-е. при нормальном почти отпуске газа населению, хватило бы на $3^1/_2$ зимних месяца.

Кроме того, в течение лета и осени 1917 г. отпущено населению: для домового отопления около 400.000 пуд. антрацита; сверх того, Районным Думам для распределения среди населения было передано в Москве 9080 погон. саж., в подмосковн. дачах 3400 погон. саж. и предложено взять из внемоскв. запасов 27.000 погон. саж., а всего 39.480 погон. саж.; население получало еще дрова с площадных складов.

Общие запасы дров в Москве накануне революции.

Приблизительные запасы дров к 1 октября 1917 г. исчисляются следующим образом: с 1/IV по 1/X 1917 г. по железным дорогам прибыло около 241.000 куб. саж. и водою около 14.000 куб. саж., а всего 255.000 куб. саж.

Нормальный расход дров за 6 месяцев отопительного сезона 1916—1917 г. определяется по вышеприведенным соображениям:

на варку пищи	80.000 куб. саж.	145.000 куб. саж.
хлебопечение и стирку	16.000 » »	
бани	4.000 » »	
промышленность	45.000 » »	

Остаток получается в 110.000 к. саж. В действительности вследствие сжатости потребления и наличности небольших запасов на 1 апреля, вероятные запасы дров в Москве на 1 октября 1917 г. были около 130—140 т. куб. саж., а потому вероятный расход Москвы за 6 зимних месяцев 1917—1918 гг. (с 1/X 1917—I/IV 1918 г.) таков:

центр. отопление	около 95.000	куб. саж.
местное	» 90.000	» »
варка пищи	» 50.000	» »
бани, хлебопечение и стирка	» 16.000	» »
промышленность	» 60.000	» »
Итого	310.000	куб. саж.

Поступление дров с 1/X 1917 г. до 1/III 1918 г. было:

водою	9.500	куб. саж.
по жел. дорогам	126.280	» »
Итого	135.780	куб. саж.

За остающееся время ($1^1/_2$ месяца до 1/IV 1918 г.), оценивая поступление по 8500 вагонов в месяц, т.-е. около 38.000 к. саж., получим все поступление за 6 месяцев (с 1/X 1917 по 1/IV 1918 г.) около 175.000 к. саж.; присоединяя сюда запасы на 1/X 1917 г., получим дровяной актив в 310.000 куб. саж., что соответствует в точности потреблению, но только благодаря имевшимся запасам. Без этих запасов, невзирая на весьма теплую зиму 1917—1918 гг. катастрофа была бы неминуема.

Политика Советской власти в топливоснабжении и меры борьбы с топливной катастрофой в периоды 1918—1919—1920 гг.

В результате текущей мировой войны вся Европа переживает острый недостаток топлива. В Советской России топливный кризис принял особо острую форму только потому, что мы оказались отрезанными от основных источников топлива — угля и нефти, и всю нашу топливную политику пришлось строить исключительно на дровах. Переживаемые страной нашей невероятно тяжелые условия еще более осложняют решение огромной задачи, выпавшей на долю Советской власти. Даже при всяких самых благоприятных условиях нет возможности удовлетворить все потребности одними только дровами. В нормальное мирное время дрова употреблялись преимущественно в местном домовом отоплении, составляя здесь 80% всего топлива. Для всех же прочих потребностей страны дрова составляли незначительный процент.

По вычислениям профес. Кирша, общая добыча топлива для технических целей в 1914 году должна была бы достигнуть 4432 милл. пудов условного топлива, а именно:

донецкого угля и антрацита	1.850	милл.	пуд.
домбровского угля	500	»	»
заграничного угля	500	»	»
уральского	80	»	»
подмосковного	10	»	»
кавказского	2	»	»
Итого	2.942	милл.	пуд.
	или 66,4%		

Кроме того:

нефти	830	милл.	пуд.
дров	около 600	»	» 5,5 милл. куб. с
торфа	60	»	»
Итого:	1490	милл.	пуд
А всего	4432	»	»

Главным видом топлива являлись: уголь около 65% и нефть, около 20%; дрова составляли в среднем около 15%, всего количества топлива. Однако, в некоторых промышленных районах дрова составляли до 50% (напр., в центральном), но в крупных центрах древесное топливо все более и более вытеснялось другими топливами, преимущественно минеральными, даже из домового отопления. Такую замену при нормальных условиях можно было бы приветствовать, так как сберегались леса нашей страны, а потребление минерального топлива создавало бы экономию в транспорте. Так, например, для Москвы ежедневно вместо 450 вагонов дров ввозилось бы 150 вагонов донецкого угля или еще меньшее число цистерн нефти.

Но уже с начала войны, когда прекратилось поступление топлива заграничного и домбровского, наша страна была поставлена в тяжкое положение. Все надежды возлагались только на Донецкий бассейн, производительность которого старались поднять всеми силами, увеличивая число рабочих. Действительно, увеличив число рабочих с 180.000 человек в 1915 г. до 235.000 ч. в 1916 г., удалось поднять добычу вместо 1627 милл. пудов соответственно до небывалой цифры 1760 милл. пудов. Однако, средняя производительность рабочего уже тогда упала, составляя в 1916 г. 7400 пудов вместо 9000 пуд. в 1915 г. и 9200 пуд. в 1913 г.

Красная Москва.

Переброска донецкого топлива в Петроград и Москву при загруженности транспорта военными перевозками сводили почти на-нет все значение этой усиленной добычи. Облегчить положение могла бы усиленная добыча местного топлива, главным образом, дров, но их заготовка с началом войны резко сократилась почти до 30%, вследствие мобилизации рабочих рук и реквизиций дров для железных дорог и фронта, нарушавших интересы дровопромышленников и владельцев дач.

После февральской революции положение с топливом становилось с каждым месяцем все более критическим, а производительность уменьшилась на донецких рудниках на 28%, по причине слабого состава рабочих (женщины, подростки, военнопленные), изношенности механического оборудования, необеспеченности продовольствия рабочих, а также значительного сокращения их выхода на работы (до 13—15 в месяц). В 1917 г. волнения среди рабочих еще более ослабили добычу донецкого угля.

Подвоз нефти резко сократился в том же году по причине мелководья и забастовок судовых команд. Все внимание стало сосредоточиваться на увеличении заготовки дров, которые становятся уже на первом месте в 1917 г. и в общем топливном балансе достигли почти 55%.

1 августа 1917 г. было решено *монополизировать торговлю донецким углем*. Оставалась, однако, свободной торговля углем всех других районов и нефтью. Октябрьская революция смела Осотоп, упраздненный декретом 30/XII 1917 г., и его заменил *Отдел Топлива ВСНХ*, на который возложена *выработка и осуществление всех мероприятий по добыче, транспорту и распределению всех видов топлива*. Этот новый орган, эвакуированный 18/III 1918 г. в Москву, первые месяцы пребывал в бездействии, совершенно оторванный от местных органов Осотопа (районные уполномоченные по топливу), аппарат которых сохранился и после ликвидации самого Осотопа. С заменой единоличного руководства коллегиальным, эти органы реформировались по типу советских, продолжая оставаться крайне слабо связанными с центром. Летом 1918 г. декрет о национализации нефтяной и угольной промышленности и устранение частно-капиталистического аппарата из сферы лесной торговли резко изменил положение. Оперативные части Отдела Топлива ВСНХ, оставаясь в сущности распределительными органами, должны были взять на себя функции управления промышленностью взамен частных предпринимателей и стать руководителями соответственных отраслей топливной промышленности. В связи с расширением функций эти отделы были преобразованы в Главные Комитеты (Главконефть, Главуголь, Главторф и Главлес), совершенно самостоятельные учреждения, управляемые отдельными коллегиями, и только декретом 7/XII 1918 г. объединенные снова Главным Топливным Комитетом (Главтоп), подчиненным президиуму ВСНХ. *На Главтоп возлагалась разработка общих планов снабжения страны всеми видами топлива, распределения его между потребителями и наблюдение за рациональностью его использования.* При Главтопе учредилось совещание с участием, помимо коллегии Главтопа, представителей производственных топливных главков, комиссариатов путей сообщения, военного и морского и центральных органов крупнейших отраслей промышленности.

Местные органы Главтопа положением 7/XII 1918 г. должны были войти в состав местных совнархозов с не-

посредственным подчинением Главтопу. Фактически сорганизовалась и приступила к работе меньшая часть губтопов, а все учреждения в таком виде оказались крайне слабо связанными и маложизненными.

Катастрофическое обострение топливного кризиса к началу лета 1919 г. вынудило реорганизовать Главтоп: постановлением 21/VII 1919 г. Главтоп сделан *высшим органом топливной политики Советской Республики* и единственным органом, ведающим *распределением и отпуском топлива* и контролирующим рациональное его использование.

К началу октября 1919 г. в составе Главтопа функционировали 11 отделов (управление делами, финансово-счетный, дрово-торфяной, угольный, нефтяной, организационный, транспортный, технический и информационный). Однако, должной связи между Главтопом и его местными органами все-таки еще не было, а потому дело учета топлива заметно тормозилось. Постановлением Совета Обороны 30/VII 1919 г. на Главтоп *возложена* забота о создании *общегосударственного дровяного фонда* для удовлетворения за его счет важнейших государственных нужд в наиболее трудный период до установления санного пути. Железные дороги, и тем более крупные населенные пункты, особенно же Москва, почти не имеют теперь дровяных запасов, какие в прежнее время скапливали к началу зимы. Во исполнение декрета 15/VIII 1919 г. Главтоп принял ряд мер вплоть до посылки эвакуационных отрядов для успешного вывоза дров, но самая эвакуация оказалась малоуспешной по причине разных затруднений, при этом значительная часть уже отправленного топлива не доходила до Москвы.

Трудную и ответственную работу Главтопу приходится вести в условиях лихорадочной спешности, когда компетенция самого учреждения и его организация еще не выкристаллизировалась; вся работа этого высшего органа протекала в обстановке взаимно-противоречащих, но одинаково настойчивых притязаний, при наличии экстренных заданий частью, в тяжкой зависимости от хода военных событий, а вообще при разнообразных, неожиданно возникающих и резко обостряющихся затруднениях. Недостаточная связь между отделами самого Главтопа, а также с его местными органами и производственными главками, а также слабость учетного аппарата на местах,—вели к тому, что данные, на которых строил свои операции Главтоп, иногда действительности не отвечали, а потому и распределительные планы Главтопа осуществленными быть не могли.

Из этого беглого очерка видно, что лесные заготовительные функции *потребовали особого внимания и особых* специальных органов, которые могли бы разгрузить и без того непосильное бремя возложенных на Главтоп задач. Действительно, еще в 1917 г. для заготовки 4.800.000 куб. саж. дров, потребных железным дорогам, была создана особая организация—Центр. Комит. по заготовке дров для железных дорог—Центролес, который объединил три организации: Центр. Воен. Промышлен. Комитет, Совет Съездов представителей лесной промышленности и торговли и «Земгор». В эту созданную вновь организацию вошли также представители Петроград. Совета Раб., С. и Кр. Депутатов. Однако, Центролес не оправдал возлагавшихся на него надежд, так как на местах все его операции осуществлялись теми же промышленниками, которые и раньше за свой счет работали в этих районах, а потому местное крестьянство отнеслось к деятельности Центролеса, как к частному предприятию и всячески ему противодействовало.

Ко времени Октябрьской революции железные дороги были обеспечены запасом угля всего на 10 дней. Уже тогда выяснилось, что в лучшем случае важнейшие потребности могут быть удовлетворены только на 50%. При этих условиях много крупных фабрик и заводов с десятками тысяч рабочих пришлось приостановить, и тогда уже признавалась необходимость резко сократить железнодорожное движение. Москва и Петроград оказались в особенно тяжелом положении: в них сокращалась работа трамваев, водопровода и электрич. освещения.

Для удовлетворения всех потребностей Советской Республики на 1918—1919 г. предполагалось заготовить 9.419.000 куб. саж. дров, а именно:

для железных дорог	4.096.900	куб. саж.
» Москвы и Петрограда	1.879.900	» »
» крупных населен. центров . .	1.211.000	» »
» промышлен. предприятий . . .	2.333.000	» »

Для выполнения этого задания диктаторской «тройке» Комиссар. Земледел. был предоставлен лесной фонд из пятилетней лесосеки в 15-верстной полосе, по обе стороны линий железн. дорог, общей площадью в 826.000 десятин. Столкновение стремлений железных дорог и диктаторской «тройки» и борьба их между собою дело заготовок вперед не двигали, а потому постановлением Совета Обороны от 27 декабря 1918 г. диктаторская «тройка» упразднена, и ее заменила новая организация—Главный Лесной Комитет *(Главлеском)*, первой заботой которого было стремление использовать оставшееся время санного пути и вывезти остававшиеся еще в лесах дрова. Но, невзирая на все принятые меры, свыше 2 милл. куб. саж. оставались невывезенными в лесу, а заготовка хотя и усилилась, но в общем была далека от установленных для каждой губернии заданий. Основными причинами такой малой успешности были: слабость местных органов Главлескома, за короткий срок еще не успевших сорганизоваться, и недостаток продовольствия для рабочих, а для лошадей—фуража.

Когда в конце зимы 1918—1919 г. дровяной голод обострился, и железные дороги за отсутствием топлива должны были останавливаться, Главлеском реквизировал для нужд жел. дорог 50% всех запасов дров, находившихся на станциях, независимо от того, кому они принадлежали.

В начале весны 1919 года выяснилось, что из намеченной программы лесных заготовок выполнено только 28—30%. В стране оставалось на лето доступным для потребления около 1600 тысяч куб. саж. дров, тогда как только для одних железн. дорог на летние месяцы требовалось 750.000 к. с. Для Москвы и Петрограда необходимо было в течение летних месяцев усилить подвоз, чтобы хотя сколько-нибудь их обеспечить на зиму. Для остальных потребностей почти никаких запасов не оставалось. Стало ясно, что своими силами Главлескому не справиться с теми задачами, какие на него возлагались. Между тем лесные заготовки для удовлетворения потребностей страны в наступающий операционный 1919—1920 г. определились огромной цифрой: 14.200.000 куб. саж. дров, не считая шпал, бревен и других лесных материалов, а именно:

для железных дорог	5.000.000	куб. саж.
» водного транспорта.	1.000.000	» »
» фабрик и заводов.	4.700.000	» »

для Петрограда	1.200.000	куб. саж.
» Москвы	1.000.000	» »
» домового отопления » прочих крупных центров	1.300.000	» »

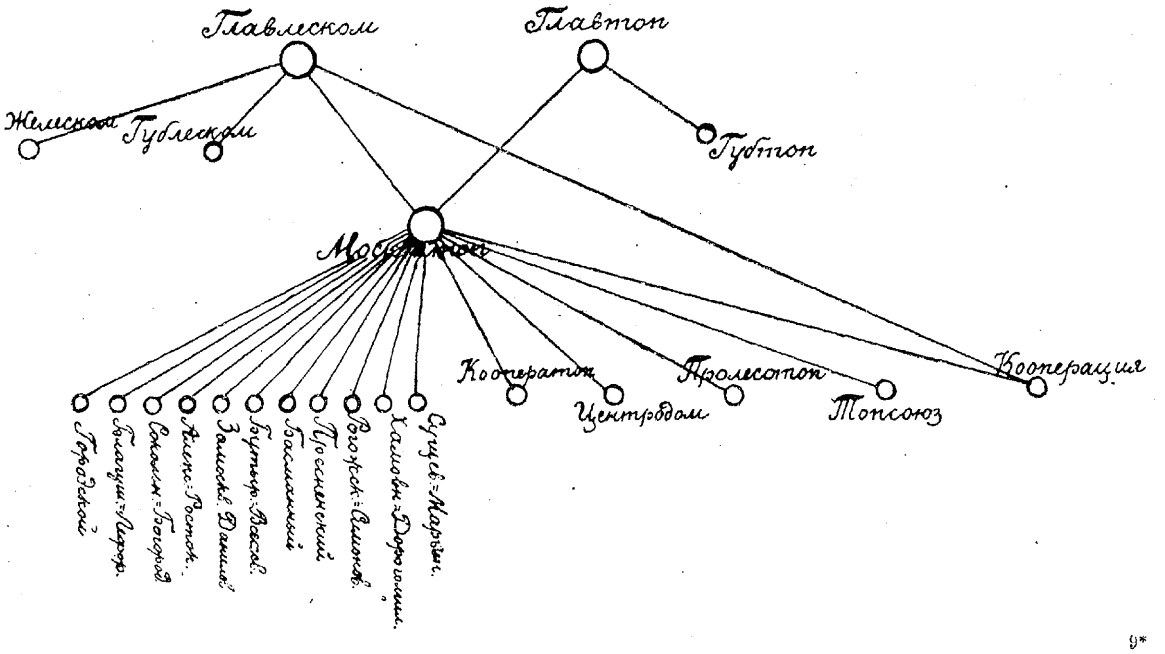
С целью облегчить выполнение этой колоссальной задачи, Главлеском призвал себе на помощь заинтересованных потребителей топлива: главкам, центрам, крупным предприятиям, отдельным городам и учреждениям было предоставлено право самостоятельных заготовок.

Железные дороги безотлагательно привлекли к этому делу специалистов-подрядчиков. Сам Главлеском часть своих заданий тоже передал по договорам кооперативам и частным фирмам. Заготовка дров для железных дорог вызвала к себе особое внимание Главлескома. Для каждой крупной жел. дороги были созданы особые органы—«Железкомы», облеченные правами гублескомов, с преимущественным правом на лесные площади в 10-верстной полосе от линии железн. дорог. Железком объединяет все заготовки для его дороги часто в районе нескольких губерний, через территорию которых такая жел. дорога проходит. Деятельность всех железкомов объединяется в центральном органе при Комиссариате Путей Сообщения—в «Цутопе». Железкомы наиболее значительную часть своих заготовок ведут через подрядчиков и поставлены в более независимые условия, нежели другие организации, имея право заключать договоры до 25.000 куб. саж. без санкции Главлескома. Такими мерами Главлеском считает возможным облегчить возложенную на него задачу и выполнить план заготовок дров на 1919—1920 операцион. год. Но, невзирая на проявленную Главлескомом энергию, трудность выполнения плана все-таки остается непреодолимой, так как территория заготовок сократилась, а общие условия несравненно ухудшились. Из приложенных таблиц видно, что заготовка до создания Главлескома составляла меньше 25% суммы заготовок всего года. Надо признать, что создание местных органов Главлескома и объединение в центре и на местах всего дела заготовок чрезвычайно благоприятно отразилось на общем ходе заготовительной работы. Хотя политика Главлескома была вполне одобрена всеми высшими государствен. органами (В. С. Н. Х., Совнаркомом и Советом Обороны), но на местах возникало много трений и ставились препятствия в отводе площадей тем заготовителям, коим заготовки разрешались Главлескомом.

Для выполнения всей программы Главлескома Центр. Лесным Отделом Комиссариата Земледелия были предоставлены Главлескому, по его требованию, лесная площадь в 625.000 десятин, из коих 250.000 дес. в 10-верстной полосе от жел. дор, и 375.000 дес. у сплавных рек. Вопрос о мероприятиях Главлескома в деле лесных заготовок по тщательном и всестороннем обсуждении на съездах деревообделочников и Всерос. Лесном Съезде, решен вполне сообразно с воззрением на это Главлескома: Съезд выработал положение, которым не только частные аппараты, но железкомы и другие заготовители подчиняются фактическому контролю гублескомов. Съезд решил также вопрос о слиянии двух центральных органов (Главлескома и Центр. Лесного Отдела Комиссариата Земледелия) в единый лесной орган, признавая существование параллельных органов для общего дела ненужным и даже вредным, особенно на местах, тем более, что в отдельных губерниях слияние таких органов было осуществлено явочным порядком. Единый лесной орган, по решению Съезда, должен существовать при В. С. Н. Х. Этот же Съезд наметил и дальнейшую организационную программу Главлескома.

Из этого очерка видно, что, разрушив и упразднив старые организации по топливоснабжению страны, Советская власть заменила их новыми не сразу, а пройдя целый ряд стадий с 1918 г., и окончательно завершается организация этих органов лишь в 1920 г.

Схематически связь органов, ведающих ныне топливоснабжением Советской Республики, выражается так:

В высшем соединении связь эта видна на прилагаемой схеме.

По отношению собственно к Москве организация всей системы, заготовляющей и снабжающей топливом, видна из схемы, а в подробности такова:

Москвотоп, соединенный *с МГубтопом* в одно учреждение, ведает всеми заготовками и топливоснабжением столицы. Под его непосредственным руководством и на отпускаемые от него кредиты работают для дела топливоснабжения:

1) 11 *районных совдепов* с их отделами по топливу;

2) 8 *губпроучей* (в губерниях Московской, Рязанской, Тверской, Калужской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Владимирской);

3) 8 *производственных участков* в 30-верстной полосе около Москвы с их дружинами;

4) 11 *московских уездтопов* для всей губернии;

5) *Мовиу* (московское окружное инженерное управление), получающее кредиты от Москвотопа и ведущее заготовку топлива военно-трудовыми дружинами;

6) *Кооператоп*, ведущий свои операции преимущественно через подрядчиков и большей частью самостоятельно;

7) *Центрóдом* (союз домовых комитетов);

8) «*Кооперация*», переданная уже в М. О-во Потребителей.

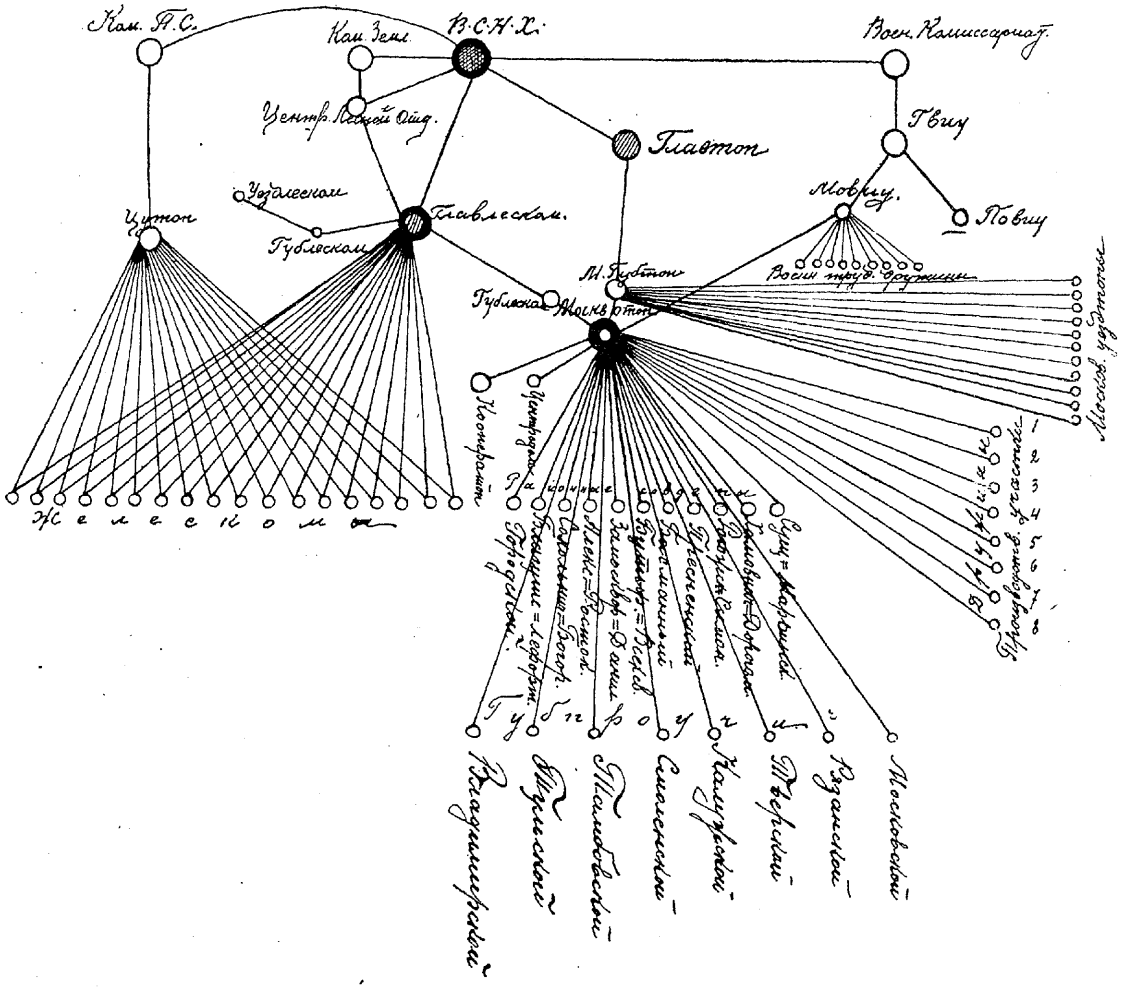
Действовавшие раньше учреждения Топсоюз и Пролесотоп уже ликвидированы совершенно.

Москвотоп в высшем отношении подчиняется Главтопу и Главлескому, от которого и получает все денежные средства для ведения своих операций.

Вся эта стройная, но очень сложная система производящих органов топливоснабжения Москвы только еще сформировалась, пока еще не выкристаллизировалась окончательно и с большими затруднениями на местах ведет свою работу. Органы столичного снабжения на местах часто встречаются с такими же заготовляющими органами железных дорог (железкомы) и других крупных промышленных предприятий, а потому возникают между ними столкновения и трения, мешающие успеху заготовки.

Во всяком случае создавшаяся ныне организация топливоснабжения находится в полном ходу и, устраняя постоянно возникающие мелкие затруднения, в общем работа заготовок такова, что позволяет надеяться на обеспечение Москвы топливом в наступающий топливный сезон 1920—1921 года.

Схема учреждений, ведающих топливоснабжением Советской России, а в частности Москвы к 1/X 1920 г.

Перейдем теперь к по-годному, после Октябрьской революции обзору топливоснабжения самого города Москвы.

План и условия заготовки топлива для Москвы в 1918—1919 гг. Препятствия. Фактическое выполнение плана.

Заботы о снабжении топливом правительственных и общественных учреждений лежали на обязанности Топсоюза, выделившегося для выполнения этих задач из недр старого Москвотопа; о городских учреждениях должно было заботиться Городское Общественное Управление; о фабриках и заводах должен был иметь попечение союз фабрикантов и заводчиков с замещающими их по всем правам комитетами. Заботы же о домовом отоплении, как печном, так и центральном, еще с середины зимы 1917 года легли преимущественно на домовые комитеты. Последние действовали разрозненно, нередко конкурируя между собою и совершенно нигде не находя для себя никакой поддержки.

На предстоящий отопительный сезон, как, вероятно, на ближайшие два-три года, отопление Москвы должно было базироваться, главным образом, на дровах и лишь отчасти на торфе и местных углях. Впрочем, особых надежд на эти два рода топлива возлагать было нельзя. Торф в 1917 г. составлял всего $1^1/_2$—$2^0/_0$, а местные угли $3^0/_0$ общего количества привезенного в Москву топлива. Добыча торфа в Московском районе, составляя вообще до $90^0/_0$ всего количества добываемого в России торфа, с 85.000.000 пудов в 1913 году упала в 1917 г. до 67.000.000 пудов. Надобно было поэтому для зимы 1918—1919 г. предвидеть особые затруднения в снабжении Москвы топливом, а в частности дровами, в виду полного паралича частной лесной промышленности, дававшей Москве до $60^0/_0$ потребляемых ею дров.

Постепенное разрушение нашего транспорта и переход каменоугольных и нефтяных районов из рук в руки вполне оправдал опасения.

В 1918 г. в Москву доставлено топлива: каменного угля 9.519.000 пудов или $32^0/_0$, нефти 11.582.000 пудов или $49,9^0/_0$, торфа 1.863.000 пудов или $38,8^0/_0$, дров 337.533 куб. саж. или $68,7^0/_0$ против привоза всех видов названного топлива предшествующего года.

Для снабжения г. Москвы топливом возникают по инициативе частных лиц ряд общественных учреждений, а именно: кроме уже существовавших Москвотопа и Топсоюза, обновленных по примеру советских учреждений, еще Теплоком [1]), Кооперация, Центродом, Кооператоп и Пролесотоп. Первое время огромное большинство этих учреждений, не имея на местах своих собственных заготовительных аппаратов, действовало только закупкой и доставляло наемными транспортными средствами готовые дрова в Москву. Но в октябре 1918 г. было запрещено закупать топливо, и внимание всех организаций обратилось на создание своих собственных аппаратов для заготовки дров и угля как отдельными лицами, так и товариществами и лесными трудовыми артелями. Слабой стороной всех заготовок этих учреждений оказалась смешанность районов, где интересы перекрещивались, как этих учреждений, так и заготовок чисто советских и железнодорожных, при чем одно учреждение, более сильное и властное, накладывало свои руки на заготовленные дрова слабейших и менее значащих в глазах Советской власти, реквизируя дрова в свою пользу.

Правильное топливоснабжение Москвы началось тогда устанавливаться, когда иссякающие запасы топлива вынудили к экономному его распределению и выдвинулся план разработок в 8-верстной полосе около Москвы. До этого главное внимание приходилось обращать на такое распределение нарядов на погрузку уже заготовленного топлива между организациями, которое давало возможность использовать все существующие аппараты, при чем отрицательная сторона заключалась в неумении тогдашних руководителей Москвотопа эту равномерность осуществлять на деле.

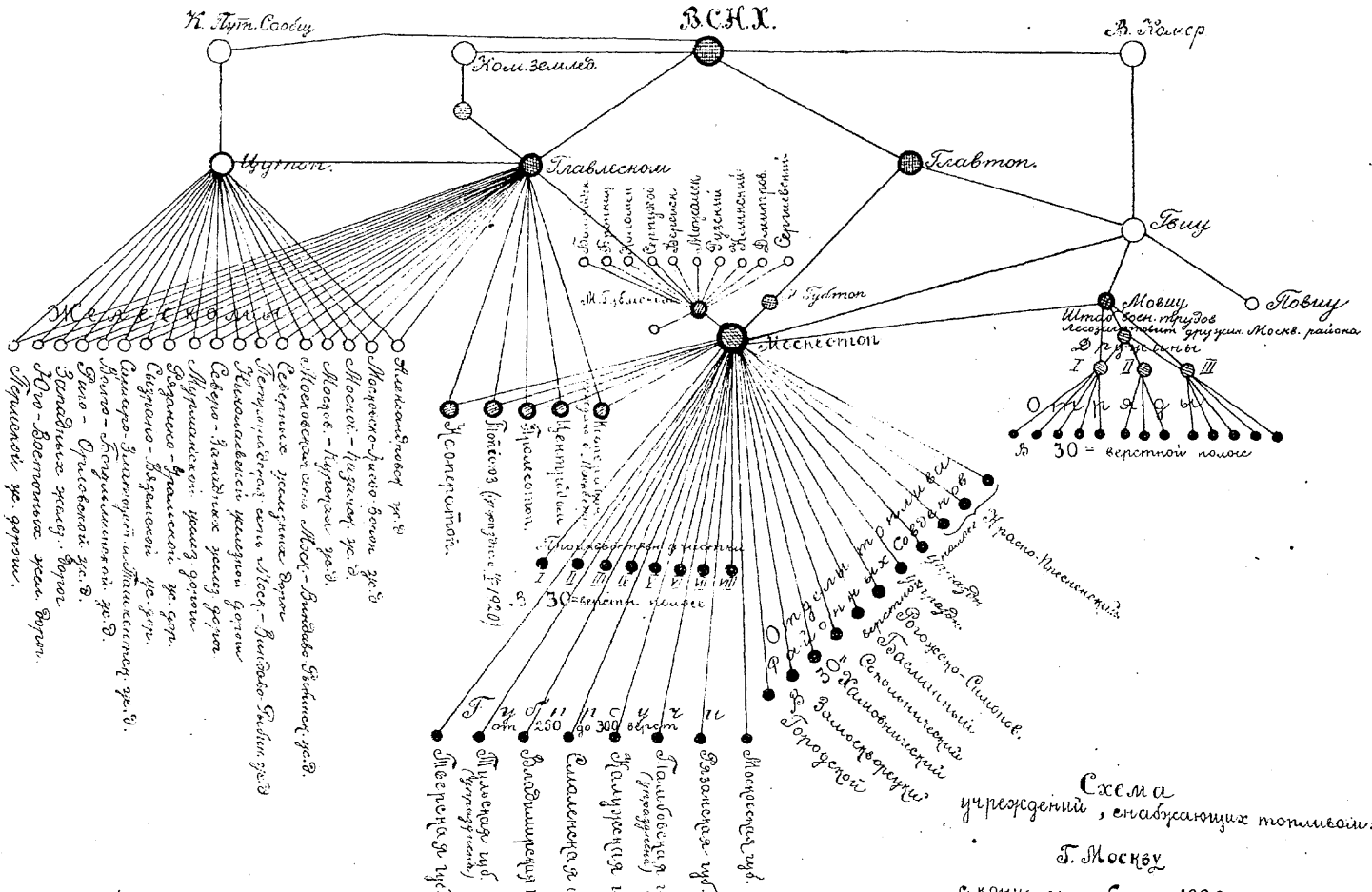
Главное внимание этих руководителей обращалось на снабжение топливом учреждений, а не населенных домов, при чем для этой цели Москвотоп реквизировал так называемые дрова дальнего следования (сухие дрова), погруженные Главтопом и им возвращаемые организациям по принадлежности. И хотя Коллегия Главсовнархоза признала необходимым эти реквизированные дрова возвратить при первой возможности организациям, а следовательно, входящим в них домовым комитетам, но это постановление не было исполнено и по настоящее время. Отопление домов производилось не через домовые комитеты, а через учреждения, занимающие эти дома. В результате учреждения раздували свои потребности с целью снабжать дровами и своих сотрудников, а население домов страдало от недостатка топлива в этих же домах. Домовые комитеты в лице своих общественных организаций (Центродом, Кооператоп и др.) протестовали против такого порядка неравномерного распределения топлива среди населения и выражали пожелание иметь *забронированный специальный фонд* для домового отопления через посредство домовых комитетов. Для этого из всех прибывающих в Москву дров Москвотоп должен был бы давать учреждениям столько дров, сколько это необходимо для отопления занимаемых учреждениями зданий; все остальное количество дров должно было бы составлять забронированный фонд для домового отопления и отсюда распределяться по домовым комитетам и квартирам через общественные учреждения, специально для того назначенные.

Из обзора деятельности в отопительный период 1918—1919 гг. разных топливоснабжающих Москву организаций, видно, что заготовки ими выполнены успешно, но препятствия на местах, а главное тяжкая разруха транспорта, решительно воспрепятствовали доставить все предположенное и уже заготовленное количество дров в Москву.

По плану заготовки дров для Москвы, составленному Отделом Топлива В. С. Н. Х., потребность Москвы в дровах на период с июля 1918 г. по июль 1919 г. исчислялась в 786.000 куб. саженей.

На Топсоюз была возложена забота снабжения топливом на указанный период в Москве воинских частей, правительственных и общественных учреждений. Общее количество дров, какое по плану должно было за весь указанный период времени поступить в распоряжение Топсоюза, определялось в 170.000 куб. саж. (25.000 к. с. уже закупленные раньше и находившиеся на станциях отправления и частью в рощах и 145.000 к. с., подлежащие заготовке по плану Топсоюза). Фактически запас готовых дров составляли: названные 25.000 к. с. и некоторое коли-

[1]) Теплоком занимался исключительно техническим руководительством топливных организаций, фабрик и заводов.

К. Пут. Сообщ.
В.С.Н.Х.
В. Комер
Ком. Землед.
Цуптон.
Главлесном
Главтоп.
Гвиц
Мовщ
Повщ
Штаб Всен. трудов лесозащит. дружин Моск. района
Дружины
I
II
III
Мосстопл
Мосстрой
Мосгорстопл
Мосгорстрой
Мосгорсоюз
Мосгорсовет
Мосгорпрод
Мосгорторг
Мосгорздрав
Мосгорпромсовет
Мосгорсовет
Мосгорсовет
Мосгор

чество на складах в Москве, а всего около 30.000 к. с. По заключенным в сентябре договорам должно было быть доставлено около 12.000 к. с. Кроме того, состояло в наличности около 45.000 пудов торфа или соответственно по теплопроводности 150 к. с. дров. Вот весь наличный запас Топсоюза. Но главнейшая часть и этого запаса находилась вне Москвы, и надо было его привезти и разверстать по учреждениям и воинским частям.

Что касается новой заготовки в 145.000 к. саж., то предполагалось с I/IX 1918 г. по 1/I 1919 г. закупить 70.000 к. саж., а заготовку остальных 75.000 к. с. произвести с 1/I по 1/VII 1919 г., при чем доставка и выкладка в Москве на жел.-дор. складах предполагалась: к 1/I 1919 г. всего 36.000 к. с., а с 1/I по 1/VII 1919 г.—63.000 к. с. Весь этот запас готовых дров был достаточен едва лишь на два месяца и при условии крайне экономического расходования топлива. Достаточно ясно, какие затруднения ожидали главных потребителей столицы в отношении топлива в надвигавшуюся зиму.

Московский Совдеп, как правоприемник Городского Управления, к началу августа 1918 г. имел запасы дров: в рощах 144.000 к. саж., на станциях железн. дорог 23.300 к. саж. на пристанях 6.600 к. с. и на городских складах 4.500 к. саж., а всего 198.400 к. саж. Потребность в дровах городских учреждений и предприятий определена в количестве до 75.000 к. с. Операции разделены на две категории: 1-я—окончание операций 1917 г. с готовыми дровами на 97.200 к. с., а 2-я—новая разработка на корню на 193.900 к. саж.

План этот был представлен в В. С. П. Х. на утверждение 10/V 1918 г., но к началу августа рассмотрен лишь в части, при чем разрешен кредит в 1 милл. рублей (вместо 71 миллиона, потребных по плану).

Характерно то, что в отношении топлива даже для важнейших учреждений столицы центральный орган, занятый только самоорганизацией, ничего существенного не предпринял, а потому практических работ по заготовке дров почти не было.

В отопительный период 1917—1918 г. выяснилась потребность населения столицы в топливе, а именно:

на варку пищи	до	150.000	куб. саж.
» печное отопление.	»	130.000	» »
» центральное	»	100.000	» »
» бани, хлебопечение и стирку . .	»	40.000	» »
Итого		420.000	куб. саж.

Вычитая из этого голодного минимума то, что должны были заготовить Московский Совдеп и Топсоюз, т.-е. 245.000 к. с., оставалось еще около 200.000 к. с., которые до крайности нужны были населению и их кто-то ему должен был дать, так как частный капитал и частная единоличная предприимчивость в лесном деле были запрещены. Этот труд приняли на себя общественные топливные организации: Кооператоп, Пролесотоп, Центродом и «Кооперация». По инициативе нескольких энергичных лиц 23/IV 1918 г. зарождается Кооператоп, объединивший сначала небольшое число домовых комитетов и квартиронанимателей, но сравнительно быстро расширивший свою деятельность, так как в среду членов Кооператопа стали записываться не только домовые комитеты, но фабрики, заводы, разные промышленные и торговые предприятия, а затем общественные и правительственные учреждения. Этот круг

стал расширяться вступлением в члены Кооператопа не только московских лиц и учреждений, но многих иногородних (петроградских, тверских, нижегородских и др.). Помимо топливных выдвинулись и другие нужды: ремонт отопления, нужда в технической помощи, переносных печах и проч. В конечном итоге к концу оперативного года задачи и цели Кооператопа весьма сильно расширились и усложнились. После открытия своих действий Кооператоп в конце апреля 1918 г. начал закупать топливо по договорам, при чем наибольшее количество дров было закуплено в августе 1918 г. (47.000 к. с.). В конце октября 1918 г. декрет, запрещающий все сделки на покупку топлива и разрешающий только заготовки, сильно затормозил деятельность Кооператопа, которая вообще встречала на местах заготовок очень много и разных других тормозов и затруднений. Все-таки за операционный период 1918—1919 г. Кооператоп заключил 100 договоров на покупку 34.229 вагонов дров разных пород, при чем фактически топливо поступило в собственность Кооператопа; часть топлива была доставлена в Москву, а остальное частью принято на станциях ж. дорог и пристанях или оставалось в лесу. По разным причинам 14 договоров были аннулированы, а по 86 договорам фактически приобретено 20.934 вагона дров (березы 11.156 ваг., смеси 6535 ваг. и осины 3243 ваг.). Из этого количества дров по договорам должно было быть доставленным и принятым в Москве только 4739 ваг., т.-е. 22%; остальное же количество принято на местах заготовок [1]). Кроме того, закуплено 52.050 кулей мягкого угля и 10.000 пуд. тверд. древ. угля. Закуплено также около 135.000 пуд. торфа (221 вагон). Итоги *закупочных* операций Кооператопа надо признать весьма удачными, но транспортная разруха не давала возможности полностью вывезти закупленное топливо с мест по отсутствию нарядов, а частью и по нераспорядительности местных агентов.

За отчетный год предполагалось Кооператопом *заготовить* 120.000 к. с. дров, но в действительности заготовлено только 17.300 к. с., т.-е. 18%, что объясняется уже вышесказанными затруднениями на местах заготовок, как со стороны крестьян, так особенно со стороны местных совдепов, и других причин. Реализация закупочных договоров Кооператопа за отчетный период с мая 1918 г. по май 1919 г. такова:

по договорам франко-Москва исполнено 16%	745	ваг.
из дров, принятых на местах, прибыло в Москву	1.557	»
уступлено Топсоюзом	100	»
всего выдано Кооператопу нарядов	16.759	»
количество предъявл. дубликатов	3.034	»
количество прибывших вагонов с дровами .	2.740	»

Следовательно, предъявляется к выкупу 17% количества выданных нарядов, а прибывает 16% того же количества или 90% предъявленных дубликатов. Распределено было это количество прибывшего топлива между 557 членами Кооператопа:

домовых комитетов	367
отдельных квартиронаним.	72
кооперативов и потреб. обществ	48
торгово-промышл. предприят.	41

[1]) 13.782 к. с. принято в лесу и только 9120 к. с. на станциях и пристанях.

учебных и просветит. учреждений	27
церквей	7
иностран. консульств	2
комиссариатов и др. прав. учрежд.	13
Итого	577

Между тем обследовано техническим отделом в декабре 1918 г. того же Кооператопа (из числа всех записавшихся в члены домовых комитетов) 269 владений с общей кубатурой в 535.765,6 куб. саж., и потребность в топливе этого только числа владений выяснилась; на зимние месяцы для отопления и варки пищи в 7420, 6 вагонов дров (смеси), а на летнее время 1418, 5 вагонов. Ясно, что серьезной помощи населению и от деятельности Кооператопа ожидать было нечего.

Пролесотоп возник в июле 1918 г. и открыл свои действия как кооператив в составе 15 членов с капиталом в 3750 рублей. На 1 января 1919 г. число членов Пролесотопа возросло до 705 лиц, а оборотный капитал достиг до 1.346.318 р. с балансом в 8.403.733 р. На 1 мая 1919 г. число членов увеличилось до 808 лиц и баланс сводится к 10.444.356 р. Первоначально предполагалось ограничиться обслуживанием Замоскворецкого района, но, быстро расширяясь, Пролесотоп распространился по всей Москве и в состав его клиэнтов вошли помимо частных лиц многие советские учреждения, военные и гражданские, национализированные фабрики и заводы, учебные заведения и проч., при чем количество дров, доставленных Пролесотопом вышеназванным советским учреждениям с момента возникновения по 1 мая 1920 г. составило 4346¾ куб. саж.; кроме того, железные дороги реквизировали для своих нужд у Пролесотопа около 5000 куб. саж. Пролесотоп организован на трудовых началах и одновременно приступил к организации трудовых лесных артелей, имеющих целью покупку, разработку и сбыт леса, объединяясь для этого с Пролесотопом. Работы артелей выполнялись личным трудом их членов и наемный труд не допускался вовсе. Уже созданы и работают на этих началах артели Хотьковская, Гомзяковская, Костромская и Смоленская.

Артели являются единственными органами, посредством которых Пролесотоп заготовляет лесные материалы. По плану на отопительный сезон Пролесотоп предполагал заготовить всего до 250.000 к. саж. дров, если на местах заготовок и в разных советских учреждениях не встретится к тому препятствий, а также устранятся очень тягостные трения с другими заготовительными организациями на местах и в центре.

На 1 мая 1919 г Пролесотоп имел заготовленных дров на станциях 6234 к. саж. и в рощах 11.735 куб. саж. Однако, за период времени с августа 1918 г. по май 1919 г. требовалось Пролесотопом нарядов на вагоны 6750, получено нарядов 1252, а погружено только 177; получено нарядов от фабрик и заводов 4106, а погружено только 506 вагонов. Причины такой слабой погрузки—самоуправство местных властей, действующих даже вопреки губернских властей и центра; неподача вагонов на некоторых станциях месяцами; подача вагонов в распутицу, когда подвоз дров к станциям стал невозможен; отсутствие на местах фуража для лошадей и продовольствия для рабочих и др ; особенно же поздняя выдача субсидии от казны и неаккуратная уплата учреждениями денег Пролесотопу за доставленные дрова. В центре со стороны некоторых

деятелей по лесным заготовкам было проявлено недоброжелательство и недоверие к Пролесотопу, не нашедшее себе оснований после ревизии, произведенной Р. К. Инспекцией.

В результате всех указанных затруднений и некоторого хаоса в канцелярском ведении своих дел и счетов Пролесотоп замер, и деятельность его ничем не проявляется в дальнейшем топливоснабжении.

Отдел топлива Центродома был основан 1 мая 1918 г. и объединил 272 домовых комитета.

В течение отчетного года с 1/V 1918 по 1/V 1919 г. Центродом заключил договоров и обязательств (без фактической приемки) на заготовку 1060 вагонов дров и, кроме того, на 12.776 еловых бревен разных размеров и кубатуре до 300 вагонов дров.

Наименования ж. д.	Заготовитель.	Количество.
Николаевская ж. д.	Клинск. совдеп.	345 ваг.
Виндавская » »	Лучинский совдеп.	300 »
Ст. Холщевики.	Латышов, П. Б.	60 »
Северная ж. д.	Гусев и Годнев.	12.776 бревен.
Итого 705 ваг. и 12.776 брев.		

Из этого количества всего было погружено и доставлено в адрес Центродома только 357 вагонов.

Начата разработка в дрова бревен на Сев. ж. д. на разъездах 55 и 53. Но дальнейшая погрузка и доставка в Москву дров почти совершенно прекратилась: Клинский совдеп отказался дальше продолжать погрузку, указывая, что Центродом обслуживает, главным образом, буржуазные дома; Лучинский совдеп прекратил погрузку вследствие запрещения Отдела топлива Московского Совдепа. Распиловка бревен хотя и началась, но получать дрова с Север. ж. дороги оказалось крайне трудным. Кроме того, при погрузках возникали трения, и Центродом почти не получал нарядов на погрузку; в центральных органах «Центродом» встретил в отношении к себе недоверие.

Все эти затруднения затормозили дальнейшую работу Центродома, и для отопительного сезона 1918—1919 г. сколько-нибудь ощутительной пользы населению не почувствовалось.

Что касается других более мелких организаций и попыток населения к самопомощи, то определенных сведений с цифровыми материалами пока еще нет.

Если обратиться к общему итогу всех усилий, какими снабжена была топливом Москва в 1918—1919 гг., то с мая 1918 г. по май 1919 г. Москва получила по всем линиям Московского железнодор. узла:

	В сезон 1918—1919 г.
дров	291.918 куб. саж.
угля	6.180.000 » »
нефти	8.960.000 » »
торфа	1.023.000 » »

Этого топлива, конечно, было недостаточно по прежнему масштабу отопления Москвы, но все же с оставшимися у населения запасами от прошлых заготовок и сильно сокращаясь во всех своих потребностях, а прежде всего в промышленном производстве, расходе топлива на трамваи и электр. освещении, Москва прожила зиму 1918—1919 гг. сравнительно благополучно. К счастию для населения, и эта зима, подобно предшествующей, может быть названа мягкой. Выяснилась, однако, полная беспомощность населения,

особенно в домах с центральным отоплением, в борьбе с холодом и неумением справляться с отопительными приборами: при отсутствии опытных истопников и ремонта отопления даже в мягкую зиму множество домов заморозило свои отопительные аппараты, и население этих домов жило в неотопляемых в дальнейшее время квартирах, ютясь в большой тесноте там, где только возможно было устроить печное местное отопление; в неотопленных зданиях замерзали, конечно, водопровод и канализация, усиливая тягость положения живущих в этих домах.

План и условия заготовки топлива на отопительный сезон 1919—1920 гг. Выполнение плана.

В 1919 г. общее политическое положение Советской России весьма осложнилось: Донбас и места добычи нефти стали совершенно недоступны. Все отопление Республики, а в частности Москвы, надо было основывать исключительно на дровах с подсобными им богхедом и торфом, усилив добычу последних видов топлива до возможной степени. По инициативе Московского Отделения Государственного Контроля был 19/VII 1919 г. поднят вопрос о необходимости организовать в самом непродолжительном времени рубку дров в близлежащих к г. Москве рощах: Сокольнической, Измайловской и в других рощах, отстоящих от Москвы на расстоянии 20—25 верст, с сохранением, однако, неприкосновенности московских заповедных рощ, а также важных в санитарном и гигиеническом отношениях, и решено вырубать рощи не сплошь, но с соблюдением условий лесоохранения.

В № 140 от 29/VI 1919 г. в «Изв. В. Ц. И. К. С.» было напечатано следующее постановление Исполкома Московского Совета: «В виду угрожающего Москве недостатка топлива, Исполнит. Комитет М. С. Р. и Кр. Д. постановляет: 1) предоставить под заготовку дров 8-верстной полосу за кольцом Моск. Окруж. дороги; 2) заготовка дров на указанной площади может производиться артелями, кооперативами, фабрично-заводск. комитетами, группами членов профессиональных союзов, домами коммун, домовыми комитетами, учреждениями и иными организациями; 3) работа по заготовке дров указанными организациями выполняется под контролем Отдела топлива».

Организациям при допуске их к заготовке объявлялось требование соблюдать правила лесоохранения под угрозой кары по всей строгости революционного суда.

Это постановление скоро было распространено и на 30-верстную площадь вокруг Москвы. К 30/X 1919 г. из этой площади было роздано пространство, с которого предположительно можно было снять 471.652½ куб. саж. Дальнейшая раздача площади была приостановлена в виду плохой работы многих устремившихся сюда организаций, составленных из неумелых и слабых работников и зарекомендовавших себя неисправными. Решено было все разрешения перерегистрировать и отделить исправные и сильные организации от неумелых и слабых. За период с 30/VI по 30/X 1919 г. из 100 работавших в названной полосе организаций, за исключением районов, 21 дала о себе сведения (остальные пока не дали):

За период от начала работ до 15/X 1919 г.		3653 к. с.
» » с 15 по 28 октября	»	759 » »
		4412 к. с.

Районные совдепы в 8-верстке и 30-верстке нарубили за отчетное время . . . . . до 4.000 к. с.
А всего с ранее нарубленными . . до 48.000 к. с.
(включая и купленные дрова).

Заготовки в других губерниях топлива для Москвы оказались в очень тяжелом положении за недоставлением для рабочих на заготовительные участки продовольствия и фуража.

По 30/X 1919 г. заготовлено было по всем конторам 92.927 к. саж. дров; подрядчиками—9280 к. с., но вывезено только 12.758 к. саж. На дальнейшую заготовку и особенно на вывоз из контор участков и от подрядчиков рассчитывать невозможно, если Главлеском не сможет удовлетворять конторы продовольствием, фуражом и инструментами, особенно пилами, в которых оказался повсюду крайне тяжкий недостаток. Главлеском из обещанных 2500 пил еще к 30/X 1919 г. не дал ни одной.

Таким образом, всего до 30/X 1919 г. оказалось заготовлено 154.860 куб. саж. дров. Кроме того, приступлено к заготовке по реке Москве до 1000 к. с. Вопрос о гужевой повинности в губерниях еще только был поднят, но не разрешен.

Поступление топлива на склады Отдела топлива с каждым месяцем падало по причине крайне расстроенного транспорта, а также реквизиций дров железными дорогами и обезличения. За этот период заготовки по распоряжению Главтопа было реквизировано 7550 к. с.

Председатель Коллегии Отдела топлива М. Г. С. Н. Х. в своем докладе Совету Народных Комиссаров от 30/IX 1919 г. за № 22305 заявил, что при таком положении дел никакой надежды на обеспечение дровами московского населения не может быть. «В последние дни поступления дров почти нет. Самые насущные интересы населения не удовлетворяются». Выходом из этого положения он признавал: полное запрещение реквизиции дров Отдела топлива и немедленное возвращение Отделу топлива реквизированных у него железными дорогами дров.

Все сказанное в достаточной степени освещает крайнюю трудность заготовки и доставки в Москву топлива даже таким полноправным учреждением, как Отдел топлива Московского Горсовнархоза.

Перейдем теперь хотя к краткому очерку деятельности других учреждений, на долю которых выпала трудная задача топливоснабжения города зимой 1919—1920 гг.

Особой организацией, на которую Москвотоп сложил обязанность снабжать топливом правительственные (военные и гражданские), общественные и частные учреждения, явился Топсоюз.

К началу заготовительного периода, т.-е. к октябрю 1918 г., всего имелось заключенных договоров на 8,8 т. к. саж., да неоформленных предположений на 15,8 т. к. саж. Если к этому добавить все описанные уже трудности и трения, какие в полной силе действовали на местах, тормозя всякие заготовки и вывоз с мест уже готовых дров, то станет ясно, что ожидало главных потребителей столицы в отношении топлива в предстоящую зиму 1919—1920 гг.

Ясно также, что при лежавших на Топсоюзе первостепенных заботах о правительственных и общественных учреждениях, не могло быть и речи о снабжении топливом частных обывателей и их домкомов. Из приложенных ве-

домостей видно, как справлялся со своими задачами Топсоюз, которому наличного фактического запаса дров в начале отопительного сезона не хватило даже на два месяца.

Голодный минимум подвоза топлива в Москву на отопительный сезон 1918—1919 гг. определялся в среднем почти по 500 вагонов в день. Для Топсоюза надо было бы удемять 20% этого привоза, чтобы с трудом и лишь в обрез выполнить возложенные на него обязательства. Но слабость нашего транспорта и прежде всего железнодорожного, а затем общая расшатанность были так велики, что грозили в корне подорвать деятельность всех топливных организаций.

Достаточно иллюстрируют положение следующие цифры: на май месяц 1918 г. Топсоюзом было выписано нарядов на *внеочередную* погрузку 8947 вагонов дров, М. О. С. Н. Х. было выдано нарядов 3085 ваг., а фактически поступило за май месяц в адрес Топсоюза только 802 вагона; за июнь выписано нарядов на 8782 ваг., выдано—на 3125 ваг., а поступило 887 ваг.; июль—выписано на 6300 ваг., выдано на 2857 ваг., а прибыло 736 ваг.; на август выписано 6580 ваг., выдано на 1593 ваг., а подвезено только 509 вагонов. Сравнительно удовлетворительно работали только Александровская ж. дорога, но она не могла одна удовлетворить всю топливную потребность военных, правительственных и общественных учреждений г. Москвы. На местах же заготовок на Топсоюз продолжали смотреть, как на частное учреждение, и создавали ему невероятные затруднения в выполнении его чисто государственных задач.

К этому надо добавить и реквизиции топлива, прибывающего в Москву, Главтопом и Москвотопом, преимущественно для нужд железных дорог, для водопровода и электр. станций.

Жалобы и протесты Топсоюза вызвали, в конце-концов, постановление Комитета Обороны от 31/X 1919 г., обязавшего Главтоп, обезличивший все привозимые в Москву дрова, отпускать для московского гарнизона топливо в размере 50 вагонов в день по представлении Мовну (Московс. Окружн. Воен. Инженерн. Управл.) дубликатов на дрова, погруженные на станц. ж. дорог. В виду этого все прибывающие в Москву в адреса разных учреждений Воен. Ведомства дрова поступают на склады Топсоюза и распределяются в следующем порядке:

1)	2 вагона	Центральной хлебопекарне.
2)	20 »	всем госпиталям и лазаретам.
3)	23 »	всем строевым частям, караульным батальонам, курсам и мастерским.
4)	5 »	всем прочим учреждениям и управлениям, не вошедшим в первые три группы.

Это постановление обязывало военные части и учреждения получать дрова исключительно через Мовну, устанавливавшего правильность требования дров и строго распределявшего дрова между всеми учреждениями пропорционально, если прибывало дров меньше положенных 50 вагонов в сутки, но всегда стараясь прежде всего удовлетворить первые две категории. Таким образом, установился порядок и значительная гарантия топливоснабжающих учреждений от захвата у них дров.

За весь операционный год с 1/V 1919 г. до 1/V 1920 г. итог работы Топсоюза.

Всего поступило дров . . .	9.382	вагона
Всего отпущено . . .	7.802	ваг.
	144.751 1/8	пог. саж.
	44	куб. саж.
	24	полена.
	80	дерев.
	1 ваг. 30 досок.	
	2.400	шпал.
	2	ваг. бревен.
	3	ваг. брусьев.

С мая 1920 г. Топсоюз прекратил совершенно свою деятельность в виду реорганизации «Москвотопа» и создания новых исполнительных аппаратов для топливоснабжения.

Из этого краткого очерка видно, что нужда в топливе даже самых главных потребителей столицы, т.-е. важнейших правительственных и общественных ее учреждений, могла быть удовлетворена только на 50% против предположенного по плану. Фактически зимой 1919—1920 гг. почти во всех правительственных зданиях было нестерпимо холодно, и заниматься с трудом можно было в теплой одежде.

Перейдем теперь к краткому очерку деятельности и других топливоснабжавших столицу организаций.

Из отчета о деятельности Кооператона за отопительный сезон 1918—1919 гг. видно, что все затруднения по заготовке топлива и доставке его в Москву, существенно тормозившие деятельность Топсоюза, еще в большей степени имели место в работе как на местах, так и в центре для Кооператона. Из рассмотрения плана топливоснабжения за 1918 — 1919 гг. выясняется и результат всей работы, именно: заказано всего топлива для клиэнтов Кооператона 9.644.79 вагона, а поставлено всего 2.746,05 вагона, т.-е. 28,6% заказа, что без аннулированных заказов составит около 30%.

Если из этих заказов выделить правительственные и общественные учреждения, затем промышленные и другие предприятия и иногородних клиэнтов, то на долю обывателей Москвы придется едва 15—16% из выполненных заказов. В том же духе и направлении продолжалась работа Кооператона и в сезон 1919—1920 гг., встречая все большие и большие препятствия в исполнении своих планов. Тем не менее, организация оказалась живучей и достаточно стойкой.

Центродом, объединивший небольшую сравнительно группу домкомов и квартиронанимателей Москвы за период с 1/I 1919 г. по 1/VII 1920 г., заготовил как в ближайших, 8 и 30-верстной, полосах, так и в более отдаленных своих дачах всего 14.716 пог. саж. дров; отправил в Москву 3231 пог. саж.; у него реквизировано дров на месте 1188 п. саж.; возвращено ему Главтопом всего 520 п. саж.; реквизировано вновь в Москве 357 п. саж.; окончательно получено Центродомом в Москве *3344 п. саж.*

Еще менее значащей для сезона 1919—1920 гг. оказалась деятельность Пролесотопа по тем же причинам. О деятельности «Кооперации», ныне перешедшей в полное распоряжение М. П. О. и слившейся с ним, сведений нет.

Из предложенного краткого очерка ясно, что все перечисленные организации снабдить топливом Москву в сезон 1919—1920 г.г. не могли даже в пределах своих прямых за-

даний, составлявших в сумме около $^1/_4$ потребности топлива для всей Москвы.

Перейдем теперь к работе самого Москвотопа.

В виду общего тяжелого положения страны в сезон 1919—1920 гг. и невозможности по расстройству транспорта рассчитывать на привозное издалека топливо, Советская власть, скрепя сердце, пожертвовала для Москвы ближайшей 30-верстной полосой, так как другого выхода не имела. Однако, решаясь на такую крайнюю меру, как обеслесенье столицы, Совнарком вовсе не думал создать на этой полосе постоянный резервуар для отопления Москвы. Имелось в виду только временно «заткнуть дыру чем попало» и «рубить все без разбору», но в то же время предполагалось озаботиться созданием более здорового и менее хищнического источника отопления Москвы.

Множество организаций, самых разнообразных и неумелых, пользуясь разрешением, рубило беспощадно лес и рощи в 30-верстн. полосе, которая видимо и быстро стала истощаться. В Москвотопе поэтому безотлагательно был поднят вопрос [1]) о создании отопительного, совершенно забронированного фонда для г. Москвы, который мог бы заблаговременно явиться на смену рубке в иссякающей уже 30-верстной полосе.

Было теперь ясно всем, что топливное дело не терпит импровизации, а требует строгой планомерности, системы, обдуманности до мелочей и методичного твердого и спокойного выполнения принятого плана.

Так же точно выяснилось, что нет надежды на удовлетворение потребностей Москвы из общегосударственного фонда, заготовленного гублесхо́мами, аппарат которых был еще очень слаб и находился в стадии развития. Прежде всего Москвотоп упорядочил работы в 30-верстной полосе, организовав здесь 8 производственных участков, на которых под руководством специалистов-инженеров работали особые лесозаготовительные дружины. Для доставки заготовленного топлива проводились узкоколейные дороги или непосредственно в Москву или к ближайшим станциям железных дорог Московского ж.-д. узла. Для вывоза с этих станций организованы особые маршрутные поезда.

Дальнейшая задача Москвотопа в отношении топливоснабжения Москвы обрисовалась так:

Москвотоп развивает в 10 губерниях, параллельно гублескомам, собственные заготовки и создает собственный дровяной фонд. По мере укрепления этого аппарата для накопления фонда Москвотоп сокращает работы в 30-верстной полосе и переносит центр дровяного питания Москвы в соседние губернии. Работа эта идет параллельно улучшению транспорта, намеченного приказом № 4022, позволяющего снабжать Москву привозными дровами. В виду исключительной важности Москвы заготовки Москвотопа не должны смешиваться с гублескомами, а итти параллельно им, по крайней мере, в ближайшие годы. Совершенно так же, как заготовки железных дорог, то же в виду особой их важности, выделяются из гублескомов и передаются желескомам,—надо выделять из гублескомов и заготовки Москвотопа, дав ему право снабжать свои заготовки самостоятельно, а не через гублеском. Такой порядок является все-таки временным и лишь до тех пор, пока окончательно сорганизуется *единственный* государственный *орган—Главлеском*, который должен будет выполнять все функции через свои правильно действующие местные органы—гублескомы, впитавшие в себя все до них существовавшие местные организации какого бы то ни было учреждения—правительственного или общественного, а следовательно, и Москвотопа,

Переходя теперь к фактической заготовке Москвотопом дров в 30-верстной полосе в сезон 1919—1920 гг., оказывается:

на 1 ноября 1919 г. заготовл. дров 48.005 куб. саж.

Выяснившийся темп заготовки:

в одну неделю	9.700	куб. саж.
в один месяц	38.800	» »

По этому темпу ожидалось к 1-му февраля 1920 г.:

на 1-е ноября 1919 г. заготовлено . . .	48.005	куб. саж.
за ноябрь 1919 г.	38.800	» »
» декабрь 1919 г.	38.800	» »
» январь 1920 г.	38.800	» »
Всего	164.405	куб. саж.

В числе общей заготовки 50% дров принадлежит рабочим, следовательно, остается дров *82.200 куб. саж.*

Средняя вывозка дров—8 верст; расценка вывозки по нормам Главлескома — 3.000 р. за куб., что составит 246.600.000 руб. На счет Государства предположено отнести 25% стоимости вывозки, т.-е 750 р. за каждый куб., а за 82.200 куб. с. 61.650.000 руб.

Кроме указанного количества дров Москвотоп в 1919—1920 операционный год вел заготовки вне 30-верстной полосы в 17 губерниях. Ход заготовок на 1/IV 1920 г. виден из нижеследующей таблицы:

Заготовщики.	Задание.	Старый остаток.	Заготовлено.	%	Вывезено.	%	Наличность дров.
Лесные конторы [4])	191722	49927	39417	20	50265	127	39079
Организации. . .	1155810	—	200849	18	79030	39	121819
Районы	402854	—	52834	13	22359	49,5	30475
Контрагенты Москвотопа.	129500	—	12000	7,5	7109	32,5	14891
Итого. . .	1879886	49927	305100	20,5	158763	51,33	206264
	1929813						

Из этой таблицы видно так же, что количество вывезенных в Москву дров за операционный период составляет 8, 1% всего задания по заготовке и старый остаток. Такой ничтожный результат выполнения общего плана заготовок по заданию явился не только вследствие затруднений, уже отмеченных и общих для всех топливо-снабжающих столицу организаций, а также и по следующим причинам: 1) Москвотопу совершенно не подсилу было вести надзор и руководство над более чем сотней организаций, разбросанных по территории почти всей Европейской России; 2) недостаток надзора породил массу злоупотреблений на местах или приводил к неиспользованию отводимых площадей.

На основании этого тяжкого опыта было признано: 1) ограничить заготовку дров вне 30-верстной полосы только 10 губерниями; 2) создать в каждой из этих губерний единый губернский орган Москвотопа—*Губпроуч*, который

[1]) См. Докладную записку т. Комоколя.

[4]) Лесные конторы, организованные еще б. Город. Управой, представляют собственный хозяйств. аппарат Москвотопа.

объединил бы надзор, руководство и отчасти самую заготовку на всех площадях Москвотопа по губерниям, кто бы на них ни работал,

С 1/IV 1920 г. было приступлено по выработанному плану к организации новых губпроучей, а старым конторам было отдано распоряжение принять заготовки районов. Результаты новых организаций сказались уже для операционного сезона 1920—1921 гг. Но для рассматриваемого нами, т-е. 1919—1920 гг., Москвотоп в общем имел запас дров крайне недостаточный, даже на самые жизненные нужды столицы (водопровод, электрич. освещение, трамвай и др.) и вынужден был реквизировать дрова у других организаций (Топсоюз, Кооператоп, Пролесотоп, Центродом и др.), а также у частных обывателей Москвы.

Осенью 1919 г. стало ясно, что неожиданно надвинувшийся на нас кризис мы встретили неподготовленными. В октябре и ноябре 1919 г. топливо-снабжающие органы перестали даже думать о снабжении топливом промышленности и населения: все заботы сосредоточились лишь на спасении железнодорожного движения, которое поддерживалось изо-дня в день и требовало героических усилий, чтобы не допустить совершенной остановки поездов.

Только к весне нечеловеческими усилиями удалось топливо-заготовительным органам Государства смягчить нужду настолько, что весенний кризис был встречен с большой подготовкой, а потому и самый этот кризис оказался уже мало ощутимым для населения. Но Москва в истекшую суровую зиму 1919—1920 гг. пережила один из самых тяжелых периодов в своей жизни.

Главной же причиной такого субъективного ощущения этой зимы явилась общая неподготовленность ко встрече неожиданно быстро надвинувшегося на Москву топливного кризиса осенью 1919 г. и резко выдавшийся холодный ноябрь месяц.

Население начало разбирать на топку всякого типа заборы, сарай и холодные постройки, а затем началась ломка деревянных жилых домов и разрушение для добычи древесных частей покинутых каменных зданий.

Трудно исчислить точно общее число разобранных и разрушенных на топливо домов.

По официальным сведениям из приложенных таблиц видно, что с ведома властей или по распоряжению ЖЗО за зиму 1919 г. общее число сломанных на топливо строений определяется в 11 районах города: 903 дома и 277 заборов и др.

Кроме того, по распоряжению ЖЗО сломано для той же надобности зимой 1919—1920 гг. всего 38 домов, которые дали 2475,45 куб. саж. сухого древесного топлива, т-е. в среднем на каждое строение почти 67 к. саж. дров.

Период 1920—21 гг. Работа обновленного Москвотопа. Планы и предположения на наступающий сезон. Выполнение их. Заключение.

Тяжелый опыт зимы 1919—1920 гг. научил нас многому, а прежде всего потребовал коренной реорганизации топливоснабжающих Москву учреждений. Москвотоп обновился по своему составу, реорганизовался по существу, обратившись в единый правомочный орган, ведающий снабжением столицы топливом. Из приведенной выше схемы видно, в какой сложный, но стройный и мощный организм выкристаллизовался Москвотоп, подчинив и преобразовав все, до сих пор действующие врозь и часто мешающие друг другу, топливоснабжающие учреждения Москвы, разбросанные почти по всей огромной площади Советской России. От кустарного способа действий перешли, наконец, к методичному правильному функционированию, по известному строго обдуманному и твердо выполняемому плану взаимно подчиненными в установленной градации учреждениями, тесно связанными между собою и объединенными в Москве полноправной коллегией. Хотя и этот организм имеет еще недоделки и недостатки, но, несомненно, что из общего хаоса в этом важном вопросе уже вышли на твердую почву, и путь намечен к цели, какую поставила себе Советская власть.

В стремлении координировать все действия по заготовке и распределению топлива в пределах Москвы и Московской губернии—М. С. Р. и Кр. Д. признал необходимым безотлагательно соединить Московские Гублес и Губтоп с Москвотопом в единый заготовительный и распределительный орган Москвотопа, что и состоялось 23/VII 1920 г. В том же месяце состоялось категоричное запрещение ввоза дров в Москву частным лицам без разрешения топливных организаций Москвы, при чем выработана особая инструкция для установления строгого порядка выдачи таких разрешений.

Решено также крупным организациям отводить площади для разработки древесного топлива распоряжением Москвотопа непосредственно, а мелкие организации направлять в Районные Отделы топлива, в которые передано и решение всех топливных вопросов, для которого раньше созывались топливные секции.

Приняты энергичные меры для постройки на производственных участках Москвотопа узкоколейных железных дорог, с целью упорядочить и ускорить вывоз с участков заготовленных дров. По выработанному плану общая длина ударной группы ветвей, подлежащая безотлагательной достройке, определена в 125,4 версты, которые предположено выстроить в 1920 г.

в октябре	43.9 версты.
» ноябре	59 »
» декабре	22.5 »
Итого	125,4 версты.

План этот, утвержденный 12/X 1920 г., передан начальникам производственных участков для безотлагательного выполнения и строгого руководства.

Выполнение плана обеспечивается назначением на каждый месяц необходимой рабочей силы и доставкой для рабочих установленного пайка, при чем выработана точная оплата продуктами всех видов единиц работ.

Для выполнения всего сказанного плана потребуются рабочих дней по месяцам 1920 г.

Ветки.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Всего за 3 месяца.
	Число рабочих дней.			
Колея широкая.	123.440	229.627	129.590	482.657
» узкая.	43.694	48.277	—	91.971

С устройством этих подъездных путей резко изменится снабжение столицы топливом, так как количество заготовленных дров на лесных участках очень велико и значительно превышает потребность в топливе всей Москвы, но полное расстройство гужевого транспорта и недостаток фуража для лошадей лишают возможности использовать эти запасы своевременно.

Так, напр., только в 30-верстной полосе Москвотопом с апреля 1920 г. по август включительно заготовлено 198,602,82 куб. саж. дров.

Вне 30-верстной полосы из заготовленных в сезон 1919—1920 г. дров состояло в лесу на 15/VIII 1920 г. 388.533 куб. саж., при чем из них 72.878 куб. саж. выработаны губернскими производственными участками и поступили на государств. нужды, а остальное количество, т.-е. 315.655 куб. саж. поступило в общий государственный фонд.

Для характеристики и значения путей подвоза в Москву топлива из ближайших мест заготовок приведем за 1920 г. таблицу прибытия дров с января по сентябрь с. г. включительно:

Из 30-верстной полосы.

Месяцы.	Гужем в Москву. В погонных саж.	По узкоколейн. Водным путем. В кубич. саж.	В погон. саж.
Январь . .	48.001 погон. сажен.	529	—
Февраль . .	или 16.000 кубич. »	787	—
Март. . . .		887	—
Апрель.	680 или 170 к. с.	365,00 к. с.	—
Май	462 » 115,5 » »	684,75 » »	—
Июнь.	2543 » 635,75 » »	664,60 » »	4381 1/3
Июль.	3771 » 942,75 » »	1638,70 » »	5410 1/4
Август.	— 2284,75 » »	1079,94 » »	2235 1/6
Сентябрь.	— 3236 » »	496,82 » »	2898 (Часть с р. Оки.)
Итого	23.384 к. с.	6635,99 к. с. 14.924,75 п. с. или 4974,6 к. с.	

Всего из 30-верстн. полосы . . 35014,73 куб. саж.

Из этой таблицы видно, что подвоз *гужем*, т.-е. при настоящем нашем положении самым дорогим и наименее производительным (а в тоже время наиболее тягостным для населения) способом —достиг 66,5; наиболее дешевым и легким способом —*водою* привезли только 14%, а по узкоколейкам—остальные дрова (до 19,5 %).

Если не всюду можно направить дрова в Москву водою, то легче и проще построить временные ветки узких и даже широких железн. дорог, чем стопять в одно место огромное количество лошадей, которые от бескормицы (и особенно в распутицу) гибнут с ужасающей быстротой, а работают крайне слабо.

Если же подсчитать стоимость для Государства и самого населения затрат на содержание временно привлеченного к подвозу на железн. дороги и прямо в Москву гужевого транспорта, и паралельно также стоимость расходов на устройство и функционирование подъездных веток, то все выгоды оказываются на стороне последних, при чем выясняется недопустимая роскошь и нерасчетливое расходование народного достояния в примитивном пользовании гужевым способом, когда нет фуража, сбруи и невозможно произвести быстро починки поломанных телег или саней; кроме того, весьма часто люди и лошади привлекались к перевозкам в такое время, когда населению крайне нужны эти средства передвижения для своих полевых работ.

Еще от 13/V 1920 г. последовало распоряжение Исполкома М. С. Р. и Кр. Д. о том, что все дрова, заготовленные в пределах 30-верстной полосы, прилегающей к Москве, подлежат передаче в распоряжение Москвотопа, который потребовал от всех заготовлявших дрова организаций к 1/VII 1920 г. сведения о количестве заготовок, сохранения за каждой исправной организацией право на забронированную

часть дров, но не свыше годовой нормы потребности организации, весь излишек должен быть сдан в ближайшие производственные участки.

Вместо упраздненного с 1/V 1920 г. Топсоюза забота о снабжении топливом воинских частей и учреждений возложена была Москвотопом на Гвпу, сформировавшим для этой цели дружины Штаблегвпу.

В результате образцовой работы этих дружин за период с 18/V 1920 г. по 1/X 1920 г. выполнено:

Всего выработано дров	113.293 3/4	к. с.
» вывезено к ст. жел. дорог . . .	64.41	» »
Отправлено маршр. поездами 1983 ваг. или	5.886	» »
Остаток готовых дров в дачах	106.852 3/4	» »
» вывезенных дров на ст. ж. дор. .	555 1/4	» »

Из этого итога видно, что количество доставленных в Москву дров составляет пока около 5,2% всего заготовленного этими дружинами.

Суммируя работу всех топливозаготовляющих органов Москвотопа как в 30-верстной полосе, так и вне ее (губпрочги), видим, что к 15/IX 1920 г. Москвотоп в своем распоряжении имеет:

Всего дров с остатком прошл. года. . .	438.038,06	к. с.
» » подвезено в Москву. . . .	51.625,71	» »
» » вывезено из лесу.	58.694,36	» »
Остаток в лесу на 15/IX 1920 г. . .	379.343,07	» »
Приобретенно готовых дров.	2.877	» »
Всего невывезен. дров вместе с готов дров.	382.230	» »

Если допустить, что маршрутными поездами уже доставлено в Москву к 1/X 1920 г. все количество вывезенных из леса дров, т.-е. 58.694,36 к. саж., то это составит только около 13,5% всего заготовленного в лесах количества дров.

При выработке операционного плана Москвотопа на 1920—1921 года потребность Москвы была исчислена в 1.000.000 к. саж., из коих 500.000 к. саж. было предложено заготовить вне 30-верстной полосы

Как видно из предложенных цифровых данных, пока к 15/IX 1920 г. заготовлено всего меньше 50% вообще, но заготовка энергично продолжается, и особенно важное значение в деле ускорения и самой заготовки и доставки топлива в Москву имеет скорейшее устройство подъездных веток на производственных участках Москвотопа.

Однако, Москвотоп для обеспечения столицы топливом не остановился только на заготовке дров, а усиленно разрабатывает этот вопрос во всей широте, стремясь добыть и другие топлива.

Еще в 1919 г. Москвотоп начал заготовлять *торф*.

В 1919 г. добыча торфа Москвотопом производилась 13 машинами. Всего было выработано с 16/V 1919 г. по 26/VIII 1919 г. 7.113.300 штук кирпичей или 711.330 пудов, а затем выработка прекратилась.

Столь позднее начало работ объясняется поздним получением разрешения от Главторфа и недостатком продовольствия. Работали военнопленные.

В 1920 г. работа по добыче торфа Москвотопом производилась тоже 13 машинами. Всего было выработано 7.321.800 шт. кирпичей или 732.180 пудов. Выработка началась 20/V 1920 г. военнопленными.

Задержка в начале работ и в самой работе объясняется медленной постройкой жилых бараков для рабочих. Вследствие приказа Управления Центровзоком (т. Эйдук) об отпуске рабочих на полевые работы по уборке урожая большинство рабочих Москвотоп распустил с 18/VII 1920 г и только небольшая их часть работала до 14/VIII 1920 г на двух—трех машинах.

Нельзя, к сожалению, считать работу по заготовке торфа достаточной, и особого значения эта заготовка в общей топливной нужде столицы иметь пока не может, ибо до 1/VII 1920 г. привезено в Москву только 279 вагонов.

Весьма большое внимание обратил Москвотоп на открывшуюся возможность в 1920 г. заготовить и вывезти *уголь из Донбаса*, куда был командирован один из членов коллегии Москвотопа (т. Радзивиллов) для выяснения во всей полноте этого вопроса на месте. На основании полученных сведений организация маршрутных поездов Москвотопа была передана под ответственное руководство т. Радзивиллова и приняты энергичные меры подвинуть это дело, так как Москвотоп мог начать грузить донецким углем свои маршрутные поезда только с лета 1920 г., а до этого ему таких поездов не давали.

По справке от 11/X 1920 г. Торфяного Подотдела из Донбаса до 1/X 1920 г. было погружено четырнадцать тонмаршрутов с общим количеством вагонов 414 (грузоподъемность вагона 1 т. пуд. донецк. угля), при чем в Москву доставлено 290 вагонов, остальное количество оставлено в дороге (реквизировано для нужд железн. дорог 100 вагонов, а 24 вагона оставлены по болезни, как-то: горение буксы, нехватка подшипников, отсутствие вагонов для перегрузки).

Следовательно, пока к 1/X Москвотоп имеет в своем распоряжении 290.000 пуд. донецк. угля, но погрузка и подвоз этого угля продолжаются.

Подмосковного угля до 1/VII 1920 г. привезено в Москву всего 1672 вагона, из коих только 142 вагона в адрес железн. дорог, а остальное количество 1530 ваг. в адрес частных получателей. Это в общем составляет около 1 $^1/_2$ милл. пудов угля.

Нефти до 1/VII 1920 г. привезено в Москву 676 цистерн. из коих в адрес железн. дорог 117 цистерн.

Рассчитывать на нефть население столицы не всегда может, так как она, по преимуществу, предназначена для ж. дорог и некоторых самых жизненных и важных учреждений и заводов.

Подвоз нефти в столицу продолжается.

За этот же период привезено в Москву продуктов нефти:

Керосина 482 цистерны и бензина 431 цистерна.

Все приведенные сведения относятся к первой половине 1920 г., и подвоз еще длится, постепенно налаживаясь.

Если подсчитать прибытие к 1/X 1920 г., то (хотя нет еще по всем видам топлива полных сведений) ясно, что в текущем году мы имеем существенный перевес над 1919 г. к 1/X: уже подвезено и продолжается подвоз в Москву донецкого каменного угля, которым запаслись и железные дороги вне Москвы; подмосковного угля привоз продолжается; торфа—тоже, нефти и нефтяных продуктов—тоже; однако, с подвозом дров, несомненно, произойдет заминка до окончательной достройки ударных ветвей на производственных участках, особенно же до ноября включительно; затем с этого месяца дрова хлынут в Москву широкой волной, а с ними исчезнет и кризис, так как все заготовленное, но еще не вывезенное количество дров, в соединении с подвозом в Москву всех других видов топлива, обеспечивает насущные потребности столицы.

Конечно, нельзя еще и думать о восстановлении в полной мере в Москве заснувшей промышленности и удобств жизненных для населения, но вполне можно надеяться, что эксцессы прошлой зимы со всеми ее тяжкими последствиями не повторятся, если только будут приняты меры к внимательному и заботливому снабжению населения топливом из того голодного минимума, каким располагает Москвотоп до 1/XII 1920 года.

Основание для такого оптимистического вывода дает последняя всероссийская перепись, а в частности г. Москвы. По предварительным данным переписи выяснилось следующее:

Число жителей 21/IV 1918 г, было об. пола		1.716.022	душ.
» » 28/VIII 1920 г. »	»	1.028.525	»
Абсолютная убыль населения	»	687.497	»
	или	40%	»

В отопительный период 1917—1918 гг. в Москве числилось жителей:

в домах с центр. отоплением около	500.000	душ.
» с местными печами »	1.500.000	»
Итого до	2.000.000	д. об. п.

Расход топлива в этот сезон определялся:

Центральное отопление . . .	110.000	куб. саж.
Местное » . . .	130.000	» »
Варка пищи	160.000	
Хлебопечение	20.000	
Стирка	12.000	
Итого до . .	432.000	куб. саж.

Душевое потребление на каждого жителя определялось в пог. саж.: местное отопление 0.35; варка пищи 0. 31; хлебопечение 0,025; стирка 0,025; непромышленный расход на одного жителя 0,75 пог. саж.; тот же расход на 1 жителя, пользующегося местным отопл. 0,69 пог. саж.

Промышленный расход на 1 рабочего—415 пуд. условного топлива.

Применяя теперь все эти нормы к населению столицы для сезона 1920—1921 гг., получим следующие цифровые данные.

Общее число жителей в г. Москве 1.028.525 душ.

Для большей аналогии сохраним то же отношение между пользующимися центральным отоплением и местными, т.-е. первых (центр. отопл.) окажется 257.131, а пользующихся местным печным отоплением 771.394 челов.

Допустим непромышленный расход на каждого жителя по высшей норме, т.-е. 0,75 пог. саж., что в общем определит количество топлива на всех жителей г. Москвы на отопительный сезон в погон. сажен., именно: 771.750, а переводя на куб. сажени, получим 257.250 куб. саж.

Промышленный расход на каждого рабочего определяется в 415 пуд. услов. топлива. В настоящее время в г. Москве в 657 работающих промышл. предприятиях общее число работающих 79.033 чел. Следовательно, для этих предприятий необходимо иметь 32.798 695 пуд. услов. топлива, или в переводе на погон. саж. 1,170.667, или около 390.000 куб. саж. дров.

Все городские предприятия требовали в 1917 г. для себя 10.679.000 пуд. услов. топлива.

Полагая, что для этих важных и жизненных предприятий расход останется почти неизменным (водопровод. электр. освещ., трамвай), нужно около 127.000 куб. саж.

Вообще по широкому масштабу надо на 1920—1921 гг.:

Для нужд жителей столицы . . .	257.250	куб. саж.
» » городск. предприятий .	127.000	» »
» » промышл. » .	390.000	» »
Итого . .	774.250	куб. саж.

По плану на операционный год предположено заготовить 1.000.000 к. саж. дров, и к достижению этой последней цифры направлены все усилия Москвотопа, не считая и тех усилий, какие продолжают прилагать к делу снабжения топливом частные организации, как-то: Кооператоп, Центродом, Пролесотоп, так же как и много мелких организаций, деятельность которых вообще начала возрастать во второй половине 1920 г.

Необходимо к изложенному добавить, что топливный кризис 1918—1919 гг. застиг Москву, совершенно к нему неподготовленной. Власти и все топливоснабжающие столицу новые органы и учреждения были еще совершенно неопытны и находились в стадии формирования и кристаллизации.

С переменой мировоззрения на собственность на местах заготовок спутались и не могли разобраться в вопросах снабжения и заготовок и разные власти и разнообразные старые и новые организации и, конечно, менее всего само население. Все между собою ссорились или в работе открыто мешали друг дружке, а общее государственное дело и потребители топлива в Москве терпели в нем тяжкую нужду, в конце-концов, удовлетворяя ее разрушением зданий.

В настоящее время положение дел внешних и внутренних, хотя и далеко еще от нормального и спокойного, настолько уже определилось по существу, а все власти и само население настолько уже разобрались во взаимных отношениях, что работать стало легче; в успехе работы топливоснабжения все заинтересованы почти в равной степени, стремясь действительно делать то, что нужно, и важность чего для всех стало понятной и очевидной. Декретом запрещено также разрушение зданий и всяких построек для отопления.

Население приобрело огромный опыт и сноровку в самом экономном и разумном расходовании топлива, которого ему выпадает на долю, к сожалению, меньше того, что требуется самым насущным жизненным спросом, причиняя многим немалые горести и тяжкие для здоровья последствия.

Но для всех уже ясно, что с улучшением транспорта все эти невзгоды и лишения быстро станут исчезать, так как, по существу, дело снабжения топливом Москвы стало уже на верный путь.

Итак, Москва работой Москвотопа получает древесное топливо из трех источников: 1) из 30-верстной полосы, 2) из других губерний Советской России работой своих губпроучей и 3) из Госфонда, предоставившего в непосредственное распоряжение г. Москвы три пункта с большими запасами заготовленных дров, а именно: ст. *Парфино* (близ г. Старой Руссы), по Винд.-Рыбинской ж. дороге; ст *Максатиха*, по Бологое-Рыбинской ж. дороги, и ст. *Вышний Волочок*, по Николаевской ж. дороге. С этих пунктов Москва всегда может получить нужное ей в критическое время топливо, отнюдь не подлежащее ничьей реквизиции. В самой столице Главтоп передал в ведение Москвотопа часть дров около 50.000 пог. саж. из запаса Госфонда для хранения потребителям в неприкосновенном виде впредь до распоряжения. Из этого количества 20.000 пог. саж. Москвотоп хранит на своих городских складах, а 39.000 пог. саж. распределены для хранения по особому списку.

Этот запас может гарантировать Москву от всяких печальных случайностей в самые критические минуты наступающего отопительного сезона.

Муниципализация торговли.

До Октябрьской революции вся московская торговля была в частных руках; то небольшое число лавок, которые содержало Московское Городское Управление (несколько хлебных, мясных и продовольственных лавок и складов топлива), не может итти в счет, так как это была буквально капля в море; большее значение имели кооперативные лавки, но и они получили заметное развитие уже после февральской революции; к тому же кооперативные лавки торговали ограниченным ассортиментом товаров, преимущественно бакалейными и галантерейными товарами, отчасти посудой и хозяйственными принадлежностями, писчебумажным товаром, канцелярскими принадлежностями и некот. друг.; но в них нельзя было найти мебели, материй, одежды, аптекарских товаров, железных изделий и многого другого.

Когда, после Октябрьской революции, власть перешла в руки рабоче-крестьянского правительства, судьба частной торговли была этим предрешена. В новом строительстве ей не оставалось места. Ниспровергая капиталистический строй, национализируя фабрики и заводы, банки, транспорт, сельско-хозяйственные экономии, Советская власть, по существу дела, не могла пройти мимо торговых заведений, оставив их в частных руках; распределение продуктов, на ряду с производством, тоже должно было перейти в руки государственных органов и совершаться по определенному плану. Частная торговля должна была погибнуть.

Среди широких слоев трудящихся долго еще сохранялся взгляд, что свободная торговля не противоречит нашему социалистическому строительству, и главное, что свободная торговля облегчает тяжесть продовольственного кризиса. Идеологами этого взгляда были, главным образом, правые социалистические партии, если не принимать во внимание явно заинтересованные торговые круги.

Вопрос о разрешении свободной торговли не раз поднимался на съездах советов, продовольственных совещаниях, митингах и др.; но большинством такие предложения неизменно отклонялись; и это было только логично, так как частный капитал, хотя бы и торговый, несовместим с коммунистическим строем жизни и лишал бы систему ее логической стройности и законченности. Да и отвлекаясь от логических построений и переходя к практике жизни, нельзя было не видеть, что частная торговля не могла существовать при создавшихся условиях—без кредита, без права свободного обращения капитала, при постоянной практике реквизиций грузов и, наконец, что самое главное, не располагая транспортом. Когда весь транспорт оказался в руках правительственных органов, когда железные дороги и пароходство были загромождены воинскими и правительственными грузами, частные торговые предприятия все равно не в силах были бы наладить правильное получение грузов для себя. Если бы торговые предприятия не подверглись национализации и муниципализации, они все равно скоро зачахли бы и погибли естественной смертью.

Советское правительство не могло оставить частную торговлю и потому, что она служила бы огромным тормозом для всей деятельности советских органов. С таким трудом проводимые развертки: хлебная, картофельная, яичная, масляная и пр., при свободной торговле, прямо не могли бы осуществиться; никаких воинских и административных сил тогда не хватило бы, чтобы выкачать из деревни необходимые продукты по твердым ценам. А затем распределение продуктов Советская власть, конечно, не могла оставить в частных руках. Ведь распределение — конечная цель всех социалистических систем; только планомерное распределение, проводимое органами власти, уничтожает имущественное неравенство, устраняет вопиющую несправедливость богатства и нищеты, эксплоатацию человека человеком. Оставить распределение продуктов в частных руках значило бы погубить всю систему; одни получали бы все, что им нужно, другие—ничего или почти ничего; частная торговля давала бы возможность накопления капиталов и создавала бы имущественно привилегированный класс в обществе.

Одним словом, частная торговля несовместима с социалистическим устройством общества; Советская власть ясно это видела и приняла твердое решение покончить с ней возможно скорее. Весь вопрос был лишь в практическом осуществлении, в трудности сразу переломить наладившийся строй и систему отношений, без того, чтобы не вызвать таких расстройств в народном организме, которые могли иметь самые плачевные последствия. Частный торговый аппарат, как никак, снабжал население необходимыми продуктами; нельзя было его уничтожить и оставить на его месте зияющую пустоту; необходимо было создать соответствующие государственные и муниципальные распределительные органы. Надо было действовать осторожно, с известной постепенностью. И если вспомнить, что весь процесс муниципализации торговли в Москве был проведен менее чем в полтора года, то во всяком случае Советскую власть нельзя будет упрекнуть в медлительности.

Принятый Советским правительством план действий был единственно возможный в деле, которое оно себе ставило: сначала взять в свои руки оптовые склады и крупные розничные фирмы, а затем ликвидировать среднюю и мелкую розничную торговлю; в проведении этих мероприятий правительство намерено было опираться, с одной стороны, на торговых служащих, которые должны были поставить необходимые кадры опытных и знающих работников, а с другой стороны—на кооперативные организации, которые должны были помочь в организации сети распределительных пунктов.

Нужно сказать, что кое-что в смысле национализации торговли и регулирования распределения было сделано и до Октябрьской революции. Хлебная монополия уже существовала и действовала; распределение топлива тоже было сосредоточено в руках особых правительственных комитетов, как и снабжение фабрик хлопком, шерстью и другими материалами; существовала уже система твердых цен на целый ряд продуктов; склады были взяты на учет и должны были в своей деятельности подчиняться выработанным правилам и контролю государственных органов и рабочих организаций. В Москве для распределения ряда продуктов среди населения уже действовала карточная система. Таким образом, почва для Советского правительства отчасти была подготовлена.

Первым актом нового правительства была национализация банков—этого нерва торгового оборота; декрет о национализации банков появился уже 17 декабря 1917 года; за ним вскоре последовал декрет о конфискации акционерных капиталов частных банков. Сущность реформы состояла в том, что все банки были слиты с государственным банком и стали как бы его отделениями, между которыми затем была проведена известная дифференциация функций; правления банков были распущены и заменены иными органами; служащие были оставлены на своих местах.

Одновременно были взяты на строгий учет все оптовые склады, которые должны были точно выяснить свою наличность и отпускать товар только по особым ордерам. В переписи наличности и установлении действительного контроля над отпуском товара незаменимые услуги оказали власти торговые служащие. Фабрикам же еще 16 декабря 1917 года было запрещено продавать ткани частным лицам.

С начала 1918 года начинается последовательная национализация промышленных и торговых предприятий; национализируются и отдельные крупные фирмы и целые отрасли промышленности и торговли. В начале 1918 года проводится национализация чайных фирм, затем национализируется оптовая торговля рисом, кофе, перцем и пряностями и т. д. До тканей дело доходит только в средине 1918 года; декрет о монополии на ткани помечен 23 июля; несколькими днями раньше было издано положение о комиссии по проверке мануфактурных товаров и передаче их в собственность Республики; одновременно В. С. Н. Х. были изданы обязательные постановления о передаче тканей в ведение государства; предписано описать и принять склады. Комиссии же было предложено в кратчайший срок принять всю наличность мануфактуры в Республике, свезти и сложить в соответственные казенные склады

и ликвидировать всю частную торговлю оптом мануфактурой. Мануфактурные склады кооперативных объединений были оставлены в собственности кооперативов.

К этому времени были национализированы и крупные розничные фирмы, как товарищество Чичкина и Бландова, «Скороход», меховые фирмы Михайлова и Сорокоумовского, универсальные магазины Мюр и Мерилиз, и т. д. Как общее правило, оптовые фирмы национализировались, то-есть передавались центральным государственным органам — центрам и главкам, розничные же фирмы муниципализировались, то-есть их помещения, служащие и товары (иногда часть товара) передавались Московскому Совету.

Еще до Октябрьской революции при Московском Городском Управлении состоял Московский Городской Продовольственный Комитет, ведавший дело снабжения города важнейшими продуктами--хлебом, мясом, маслом, сахаром и др., им же была проведена карточная система на некоторые предметы, именно на хлеб и некоторые хлебные продукты, фураж, керосин, сахар, ткани и калоши. После Октябрьской революции Городской Продовольственный Комитет был сохранен; но усилия Моск. Сов., направленные к организации снабжения на новых основаниях, между прочим, на основах классового пайка, находили себе в этом учреждении плохого исполнителя.

В мае 1918 г., по постановлению Моск. Совета, Продовольственный Комитет был переименован в Продовольственную Управу, которая в составе 15 человек была избрана на орабоченном широком собрании при участии представителей продовольственных, профессиональных, кооперативных и др. организаций. Как таковая, она избрала Президиум из 5 лиц; но через месяц оказалось, что такой аппарат слишком громоздок и малоподвижен, что в связи с трудным продовольственным положением особенно было ненормально, и потому Моск. Советом и Наркомпродом была объявлена продовольственная диктатура пяти лиц. В этом числе было два члена Президиума Продовольственной Управы и три назначено, из которых один был членом Президиума Моск. Совета. Эта узкая коллегия оказалась более подвижной и жизненной, и в ближайшее же время постановлением Моск. Сов. была составлена с некоторым персональным изменением постоянная коллегия из 5 лиц. Вскоре же новая коллегия внесла на утверждение Моск. Сов. положение о переименовании Продов. Управы в Продовольств. Отд. Моск. Сов. равносильно с другими отделами Моск. Сов. Это положение было утверждено, и первым заведующим Продов. Отд. во главе с коллегией был утвержден тов. К. Г. Максимов, член Президиума Моск. Совета. Еще в прежнем Продовольственном Комитете был организован отдел предметов широкого потребления, ведающий заготовкой, продажей и направлением в целях товарообмена обуви, мануфактуры, одежды и проч. Ко времени образования Продов. Отд. Моск. Совета Наркомпродом был издан циркуляр о выделении у себя Главпродукта, а в местных органах—Губ и Горпродуктов с заданиями по заготовке, распределению и товарообмену предметов широкого потребления. В связи с этим и в Моск. Продотсовете прежний отдел предметов широкого потребления, получив большую само-

стоятельность и автономность, был переименован в Горпродукт с одним членом коллегии Продотсовета во главе, но фактически оставалось частью Продотсовета. На Горпродукт и была возложена большая и тяжелая задача, муниципализация торговли предметов широкого потребления. Что же касается продуктов питания, то в это время очень быстро росло число лавок, столовых и чайных Продов. Отд. и его районных отделов при районных советах. 28 апреля 1919 г. Горпродукту было снова присвоено его первоначальное название Отдела Предметов Широкого Потребления.

С открытием действий Продотсовета, то есть с середины 1918 года, начинается в широких размерах муниципализация московской торговли. Параллельно Продотсовет развертывает деятельность по организации снабжения населения продуктами на социалистических основаниях. В основу этой деятельности положено, во-первых, строгое проведение карточной системы распределения продуктов, классовый паек, развитие столовых и вообще организация общественного питания, особые попечения о детском питании и охране материнства.

По постановлению Президиума Московского Совета, при Продотсовете в июле 1918 года была образована Комиссия по муниципализации частной торговли в Москве. Эта Комиссия приступила к своим работам в середине августа, но вскоре же выяснилось, что работа муниципализации по своему огромному масштабу и практическим трудностям непосильна для Комиссии; пришлось на помощь ей привлечь представителей профессиональных союзов: с их участием при Комиссии было образовано 16 секций, которые и провели всю муниципализацию. Горпродукт был образован при Московском Совете в конце 1918 года; он энергично направлял ход муниципализации, которая закончилась уже к весне 1919 года муниципализацией заведений, торгующих веревками, пенькой войлоком и седельно-шорными изделиями. Как уже было сказано, в муниципализации принимали участие целый ряд учреждений, при чем работа их не была строго согласована; на ряду с упомянутой Комиссией, склады и магазины опечатывались также Главпродуктом, Центротекстилем, Главкожею, Райкожею и др. учреждениями. Только при учете опечатанных магазинов и складов производящие муниципализацию и национализацию органы разбирались в конфискуемых товарах и продуктах и распределяли таковые на две категории: 1) продуктов, предназначающихся для распределения в общероссийском масштабе и потому передаваемых в ведение центральных распределительных органов, и 2) продуктов для распределения среди населения Москвы, сосредоточиваемых на складах Горпродукта. Обычно оптовые склады относились к первой категории, розничные магазины—ко второй, на это далеко не всегда соблюдалось, и много продуктов из розничных магазинов было передано в распоряжение центральных органов.

Схематически процесс муниципализации может быть изображен в следующем виде. Прежде всего подлежащее учреждение опечатывает склад или магазин; от владельца требуются ключи. Предварительно владелец был обязан пересчитать свой товар в присутствии уполномоченных от служащих и составить опись. После опечатания в склад или магазин являются представители Комиссии или другого учреждения (Главпродукт, Центротекстиль и т. д.), и начинается проверка наличности и сверка ее с описью. О приемке товара составляется нужный акт. Товар объявляется конфискованным, и владелец устраняется. Отчуждение товаров производилось без выплаты вознаграждения владельцам, но, конечно, и последний освобождался от долговых обязательств, связанных с его торговыми операциями. Исключение было сделано только для мелких торговцев: чтобы не оставить их и их семьи без всяких средств к существованию, была образована особая Комиссия, которая должна была разбираться в их имущественном положении и определять, кто нуждается в вспоможении. В отношении к торговцам, признанным нуждающимися во вспоможении, производилась оценка конфискуемого товара и выплачивалась соответствующая сумма, но не свыше 10.000 рублей в одни руки.

Дальнейшая судьба складов и магазинов была такова. Был принят принцип централизации магазинного дела в Москве. Моск. Совет признавал излишним существование в Москве многих тысяч магазинов и лавок; во-первых, содержание таковых, при растущей дороговизне жизни, обходилось бы в баснословные суммы, которые ложились бы тяжелым бременем на цену товара и только способствовали росту дороговизны; далее, при отсутствии достаточного количества топлива и световой энергии, далеко не все магазины могли быть снабжены таковыми; управление многими тысячами магазинов представляло бы большие технические трудности. Наконец, при быстром истощении первоначальных запасов и невозможности их пополнения вследствие слабой работы промышленности и неналоженности транспорта, большинство магазинов все равно пустовали бы. Поэтому было решено значительно сократить число лавок и магазинов. Товар оставлялся лишь в небольшой части магазинов, а из большинства свозился на центральные склады, где и смешивался в общую массу. Потом, при проектировании новой, рациональной, сети магазинов, таковые дополнительно открываются в разных районах города и снабжаются товаром из центральных складов.

По данным Продотсовета и Горпродукта, Комиссией по муниципализации было опечатано следующее количество магазинов и лавок:

1. Мануфактурные	507
2. Бельевые	339
3. Готовые платья	272
4. Головных уборов	480
5. Обувные	689
6. Меховые	6
7. Галантер.-трикотажные	900[1])
8. Дорожных вещей	8
9. Шорно-седельные	74
10. Писчебумажные	429
11. Игрушечно-кустарные	81
12. Ювелирно-часовые	900[1])
13. Посудно-хозяйств.	425
14. Железно-скобяные	95
15. Электро-технические	15
16. Мебельно-обойные	127

[1]) Приблизительно.

17. Парфюм.-косметические	419
18. Веревочно-пеньковые	91
19. Оружейные	7
20. Рыболовн. принадлежности	6
21. Фейерверочные	3
22. Антикв.-художественные	72
Всего	5954

Уже эти цифры дают представление о том, каких огромных размеров достигала московская торговля и какой большой труд пришлось совершить советским органам по ее муниципализации. Но это только часть торговых заведений, о которой удалось добыть данные. Тут нет некоторых отраслей торговли, напр., книжных магазинов, москотильных, строительных материалов, лесных и дровяных складов, инструментальных и оптических и др., которые национализировались и муниципализировались другими учреждениями—Комиссариатом Просвещения, Химотделом, Москвотопом и др. Нет самой важной группы — продовольственной, т.-е. складов и магазинов лабазных и фуражных, булочных, мясных, молочных, колониально-бакалейных, колбасных, гастрономических, зеленных и т. д.; между тем, эта именно группа численно всегда занимала преобладающее место, заключая в себе многие тысячи магазинов и лавок. Наконец, оптовые склады разного рода, которых в Москве было значительно более тысячи. Всех торговых заведений в Москве накануне революции было много больше 20.000, как показывают отчеты Городской Управы. Но все равно исчерпывающих цифр привести нельзя.

Насколько труден был процесс муниципализации, показывает следующая таблица о положении дела муниципализации на 1 апреля 1919 года, заимствуемая из № 68 «Бюллетеня Московского Продотсовета» от 2 апреля 1919 г.

МАГАЗИНЫ.	Опечатано	Учтено	Из них: Не учтено	Вывезено на склады.	Не вывезено	Товара не оказалось.
Мануфактурные	507	473	34	464	—	—
Бельевые	334	301	33	195	—	—
Головных уборов	489	—	94	382	—	—
Обувные	630	—	—	518	81[2])	31[1])
Галантер. трикотажн.	796	518	59	294	46[3])	21[4])
Шорно-седельные	61	36	27	5	—	—
Писчебумажные	399	145	254	99	—	—
Игрушечные	47	47	—	20	—	—
Ювелирно-часовые	319	160	159	146	—	—
Посудно-хозяйствен.	425	159	266	52	—	—
Мебельно-обойные	115	95	14	11	—	6
Парфюмерн-косметич.	419	182	237	150	—	—
Оружейные	7	7	—	7	—	—
Рыболовн. принадлеж.	6	4	2	—	—	—
Фейерверочные	3	3	—	3	—	—
Веревочно-пеньковые	65	30	35	—	—	—

[1]) Причины указаны: товар взят районными советами, увезен владельцами, расхищен.

[2]) Нет ключей, либо товар вывезен на склады Горпродукта, но в делах не помечено, что и сколько вывезено.

[3]) Ключи переданы в управление делами Горпродукта, но не осталось следов, куда товар был отвезен.

[4]) Товар увез Центротекстиль и передал пустые магазины.

Таблица не полная, но из нее видно, что еще к весне 1919 года оставалось много неучтенных складов, причем таковые в некоторых группах составляли большинство. По графе «вывезено на склады» можно судить какие магазины преимущественно подверглись опорожнению; таковыми оказываются магазины мануфактурные, обувные, головных уборов, бельевые, оружейные, фейерверочные; в других группах товар был увезен на склады из меньшей части магазинов. Эту разницу следует объяснить технической возможностью перевозки без поломок и потерь; товар бьющийся и хрупкий, как, напр., посуда, или мелочной, как галантерея, предпочитали оставлять в магазинах, хотя бы таковые и не открывались для публики; более же однородный товар и легко переносящий перевозку, как мануфактура, обувь, головные уборы, белье, предпочитали свозить на центральные склады.

Магазины открывались вновь постепенно, по мере учета магазинов, после довольно длительных промежутков, в течение которых целые отрасли торговли бывали закрыты. Так как магазины открывались одна группа за другой в разное время, то для осенних и зимних месяцев 1918 г. и начала 1919 г. не имеет смысла приводить таблицы действующих магазинов. Достаточно сказать, что образовавшийся в декабре 1918 года Подотдел управления магазинами принял в свое ведение всего 71 магазин; в течение трех месяцев он открыл 144 магазина, так что к концу марта 1919 года действовало 215 магазинов, т.-е. всего около 4% ранее бывшего количества (речь здесь идет о магазинах «широкого потребления», т.-е. не продовольственных, молочных и др. в этом роде). Вот в каких размерах сократилось число мест продажи. Конечно, это число было явно недостаточно, и Подотдел наметил к открытию еще 258 магазинов, намереваясь довести общее число магазинов «широкого потребления» до 473, т.-е., примерно, до 8% ранее бывшего количества. Сокращение числа магазинов было проведено по всем группам; в следующей таблице сопоставляются числа действующих магазинов к марту 1919 года с числом магазинов накануне Октябрьской революции к сожалению, это сравнение можем провести не по всем группам.

МАГАЗИНЫ	Число накануне октябр. переворота.	Открытые к марту 1919 г.
Галантерейно-трикотажн.	900	11
Бельевые	339	22
Обувные	689	23
Головных уборов	489	9
Шорно-седельные	74	3
Мебельно-обойные	127	—
Посудно-хозяйственные	425	33
Железо-скобяные	95	14
Писчебумажные	429	16
Игрушечные	47	3
Магазины ухода за больными	419	40
Ювелирно-часовые	900	1
Оружейные	7	1
Рыболовн. принадлежностей	6	1
Фейерверочные	3	1

В действительности мест продажи тех или других продуктов было больше, чем здесь показано, потому

что в нескольких универсальных магазинах продавались самые разнообразные товары, а затем существовали, напр., отделения белья, обуви, галантереи в ряде мануфактурных магазинов, в некоторых посудно-хозяйственных магазинах продавались и железо-скобяные изделия и т. д.

По мере того как количества товаров в магазинах сокращались, явилась тенденция объединять несколько групп товаров в одну, открывая смешанные магазины. 1 апреля 1919 года Продотсовет вынес, напр., такое постановление: открыть на окраинах комбинированные (универсальные) магазины—все парфюмерные магазины слить с галантерейными, игрушечные слить с писчебумажными, открыв также игрушечные отделения в универсальных и смешанных магазинах; ювелирных магазинов совсем не открывать; из часовых оставить только два (бывшие Буре и Мозера) и соответственные отделения в универсальных магазинах; фейерверочных оставить один и больше не открывать; мебельных магазинов совсем не открывать, передав склады мебели в распоряжение Хозяйственного и Жилищно-Земельного Отдела; антикварные магазины передать в Комиссию по охране памятников.

Магазины предметов ухода за больными еще раньше были переданы Санитарному Отделу, который расклассифицировал их на три группы: 1) химико-фармацевтические, в которых был сосредоточен отпуск капель, таблеток, мазей; 2) предметов ухода за больными—бандажи, термометры, пипетки и т. п., 3) предметов санитарии и гигиены—перевязочные средства, косметика и парфюмерия, зубной порошок, зубные щетки и т. п.

Что касается продовольственных магазинов, то на 1 марта 1919 г. их было следующее число:

	Продотсовет.	Районные Советы.	Рабочий Кооперат.	О-во „Кооперация".	Всего.
Продовольств. магаз. .	—	184	143	79	406
Закр. распределители .	4	286	44	21	355
Молочные магазины .	118	—	—	—	118
Итого	122	470	187	100	879

В продовольственных магазинах население испытывает, конечно, особую нужду, и число их сократилось, хотя и сильно, но все же не так значительно, как число магазинов широкого потребления. Во избежание развития «хвостов», Продотсовет даже поощрял частную инициативу в учреждении закрытых распределителей; фабрично-заводские комитеты, советские учреждения, домовые комитеты—приглашались открывать такие распределители для обслуживания своих членов, при условии, чтобы на распределитель приходилось не менее 500 членов; такие распределители зарегистрировывались в Продотсовете, приписывались к определенным складам, а содержание их Продотсовет принимал на себя.

Торговля, вернее, отпуск продуктов нормировался Продотсоветом, который вырабатывал правила внутреннего распорядка, определял время открытия и закрытия магазинов, давал инструкции заведующим лавками о порядке отпуска продуктов, хранения продуктов и их учета, ведения счетоводства и отчетности и т. д. За правильностью ведения дела в магазинах и складах наблюдала особая продовольственная инспекция, которая производила ревизии, делала осмотры, разбиралась в жалобах и т. д.

Время открытия и закрытия магазинов с апреля 1919 года было установлено единообразное — с 10 час. утра до 6 час. вечера ежедневно, кроме субботы, когда магазины закрывались в 3 час. дня; по воскресеньям магазины были закрыты.

Наконец, следует заметить, что после Октябрьской революции торговля, в обычном смысле этого слова, т.-е. продажа из магазина всех имеющихся в нем продуктов и товаров в любом количестве, была быстро сведена на-нет и заменена системой распределения, при которой покупателю отпускаются только определенные заранее объявленные продукты и только в строго-определенных количествах. Это уже не торговля, а просто отпуск продуктов. Если вначале в магазинах еще имелись разного рода маловажные продукты, которые продавались свободно, напр., вакса, зубной порошок, синька и т. под., то вскоре же таковые исчезли из обращения; магазины стали отпускать продукты только по карточкам или особым ордерам. Для тех товаров, которые, по разнообразию ассортиментов, не укладывались в карточную систему, напр., товары галантерейные, посудно-хозяйственные и некоторые другие, была введена ограничительная норма покупки, довольна низкая: напр., в галантерейном магазине можно было купить товаров на сумму не свыше 50 рублей, при чем о покупке делалась магазином соответственная отметка у покупателя на его карточке широкого потребления.

В кооперативных магазинах торговля, в истинном значении, продержалась дольше, но и здесь она, в конце-концов, свелась к планомерному распределению; что касается карточных продуктов, кооперативные магазины отпускали их и таком же порядке и в тех же количествах, что и советские магазины; продукты же ненормированные, напр., мед, грибы, овощи, разного рода изделия, посуда и пр., отпускались членам кооператива по мере заготовки таких продуктов и предметов в количествах, одинаковых для всех членов, по их заборным книжкам.

К кооперативным организациям Советская власть первоначально относилась бережно.

Силою вещей, однако, Советская власть пришла к более глубокому вмешательству в кооперативную торговлю; ее на это подвигнули технические вопросы снабжения. Для советских органов трудно было в деле снабжения ведаться с многочисленными потребительскими кооперативами, которых насчитывалось в Москве свыше 200; власть стала считаться только с кооперативными объединениями, которых было несколько, при чем на ряду с крупнейшими объединениями, как Центральный Рабочий Кооператив и О-во «Кооперация», существовали и более мелкие, как «Общественный Работник», «Союзное Товарищество» и др. Распределять продукты между Продотсоветом и всеми этими кооперативными объединениями было затруднительно и хлопотливо. Во второй половине 1918 года Советская власть потребовала, чтобы все московские потребительские кооперативы объединились вокруг двух центров: рабочие кооперативы должны были примкнуть к Центральному Рабочему кооперативу, все общегра-

жданские кооперативы — к Обществу «Кооперация». После этого поступающие в Москву продовольственные продукты распределялись уже только между тремя организациями сообразно числу приписанных к ним карточек. Продотсовет располагал, как выше говорили, $^2/_3$ продовольственных магазинов, рабочий кооператив и кооперация—$^1/_3$. Но это касается только продовольственных магазинов; магазины же широкого потребления почти все находились в руках Московского Совета и Центральных советских учреждений. В этом отношении можно привести следующие цифры на 15 февраля 1919 года.

	Склады.			Лавки и распред. пункты		
	Продовольств.	Прочие.	Всего.	Продовольств.	Прочие.	Всего.
Советские	131	681	812	583	256	839
Кооперативные . .	22	39	61	330	12	342
Итого	153	720	873	913	268	1181

Однако существование трех распределительных организаций казалось нецелесообразно, и был выдвинут проект централизации всего дела снабжения и распределения продуктов. Вопрос этот был разрешен во всероссийском масштабе в виде повсеместного образования единственных потребительских обществ, которые и сосредоточили бы в своих руках все дело конечного распределения продуктов среди населения.

Уже 25 февраля 1919 года последовало постановление Московского Совета об образовании Московского Потребительского Общества; в конце июня было утверждено Положение о М. П. О., и 29 и 30 июля происходило организационное собрание по учреждению М. П. О., на котором было избрано временное правление. Главнейшим практическим вопросом являлось слияние воедино имуществ, магазинов и складов, денежных сумм и счетов, делопроизводства, заготовительных организаций и т. д. трех органов — Продотсовета, Рабочего Кооператива и О-ва «Кооперация». Процесс слияния продолжался несколько месяцев и закончился только в 1920 году. Но все магазины поступили в ведение и управление М. П. О. уже в средине сентября 1919 года. С этих пор в Москве явился уже один хозяин, направляющий все дело снабжения продуктами и изделиями московского населения. В момент слияния магазинов в руках М. П. О. оказалось 1009 мест отпуска товаров, в том числе 761 продовольственных магазинов и распределителей, 76 молочных магазинов и 172 магазинов широкого потребления.

По сравнению с февралем, число мест продажи сократилось на 172, или на $14^1/_2\%$. Получив в свои руки все московские магазины, М. П. О. приступило к дальнейшему сокращению числа магазинов, по соображениям экономии; многие мелкие магазины были влиты в более крупные, созданы смешанные магазины широкого потребления (мануфактурные с отделениями галантерейным, обуви и головных уборов) и вновь открыты 2 универсальных магазина. Всего за $3^1/_2$ месяца к 1 января 1920 года число магазинов сократилось на 348 или 34%; осталось 470 продовольственных магазинов и распределителей, 62 молочных магазина и 129 магазинов широкого потребления, всего 661 магазин; за весь 1919 год общее число магазинов в Москве упало почти в 2 раза. В 1920 году процесс сокращения магазинов продолжался; к средине июня общее число магазинов опустилось до 540. Последовательное сокращение числа магазинов в Москве с 1919 года удобно проследить по следующей таблице:

	15 февр. 1919 г.	15 сент. 1919 г.	1 января 1920 г.	15 июня 1920 г.
Продовол. магазины и распред.	913	761	470	380
Молочные магазины		76	62	50
Магазины широкого потребл. .	268	172	129	110
Всего	1181	1009	661	540

По сравнению с дореволюционным временем число магазинов в Москве сократилось не менее как в 40 раз, население же убавилось только в 2 раза; таким образом, и относительное сокращение достигает, по крайней мере, 20 раз. По отдельным специальным группам можно сделать такое сопоставление:

	Число магазинов перед Октябрьск. революцией.	Число магазинов в средине 1920 г.
Мануфактурные	507	32
Бельевые	339	12
Готового платья	272	3
Головных уборов	489	1
Обувные	689	11
Меховые	6	—
Галантерейно-трикотажные . .	900	8
Дорожных вещей	8	—
Шорно-седельные	74	—
Писчебумажные	429	9
Игрушечные	47	—
Ювелирно-часовые	900	1
Посудно-хозяйственные	425	16
Железно-скобяные	95	3
Мебельно-обойные	127	—
Антикварно-художественные . .	72	1
Оружейные	7	1
Фейерверочные	3	1
Рыболовн. принадлежностей . .	6	—

Таким образом, некоторые виды специальных магазинов почти исчезли в Москве, другие совсем прекратили свое отдельное бытие; важнейшие же остались, хотя и в небольшом числе. Все более получает распространение тип магазинов смешанного характера; кроме 11 так называемых универсальных магазинов, большинство мануфактурных магазинов имеют отделения: бельевое, обувное, галантерейное, головных уборов; некоторые писчебумажные магазины продают и парфюмерию и т. д. Но ряд товаров совершено исчез из оборота, как меховые вещи и мебель.

В административном отношении все магазины объединены общим руководством соответствующего отдела М. П. О., который ежедневно рассылает по ним приказы и предписания. Время открытия и закрытия магазинов все время менялось. С 26 апреля текущего года действует сложное расписание: для продовольственных магазинов и закрытых распределителей по вторникам, средам и субботам установлено открытие дверей с 9 до 2 час. и с 3 до 6 час. вечера, по понедельникам — с 12 до 3 час. и с 4 до 7 час. вечера, по четвергам — с 12 до 4 час., по пятницам — с 10 до 2 час. и с 3 до 7 час.

Для магазинов широкого потребления и универсальных—те же часы, но в четверг—от 10 до 2 час. и

с 3 до 7 час., а по пятницам—от 12 до 4 час. Для универсальных магазинов № 1 (Мюр и Мерилиз) и № 2 (Офицерск. О-ва) время открытия четыре раза в неделю с 9 час. до 5½ час., по понедельникам—с 12 до 6½ час. по средам—с 12 до 4 час.; эти магазины работают без перерыва, а служащие пользуются ½-часовым перерывом для обеда в порядке очереди.

Советская власть обратила особенное внимание на развитие общественного питания—как по принципиальным соображениям, так и в практических видах, так как при получении из столовых обед должен обходиться дешевле, чем при изготовлении на дому, к тому же при огромной экономии на топливе. В Москве Продотсовет и сам открывал столовые и поощрял открытие таковых при фабриках и заводах и советских учреждениях, обещая отпуск продуктов. Сменившее Продотсовет, М. П. О. вело ту же политику, и рост столовых и чайных в Москве несомненен. Возникший вскоре после Октябрьской революции Комитет Общественного Питания (влившийся впоследствии в отделение общ. питания Продотсовета) имел к 1 июля 1918 г. 18 столовых и 13 походных кухонь; в феврале в Москве функционировало уже 262 столовых. Дальнейший ход этого дела виден из следующей таблицы числа действовавших столовых:

Столовые для взрослых	Февраль 1919 г.	Май 1919 г.	Октябрь 1919 г.	Декабрь 1919 г.	Март 1920 г.
Муниципальные . . .	68	105	67	132	125
При фабр. и завод. .	151	359	110	174	187
При совет. учрежд. .			191	166	196
Кооперат. открытые.	33	72	19	14	14
Итого	252	536	387	486	522

За исключением кооперативных открытых, все остальные виды столовых увеличились в числе. Возросла и их посещаемость, как видно из следующей таблицы среднего дневного числа посещений (в тысячах).

	Февраль 1919 г.	Июль 1919 г.	Декабрь 1919 г.	Март 1920 г.
Столовые муниципальн. .	54½	101	172	166
При фабр. и заводах . . .	32½	51	103	127
При совет. учреждениях .	37½	116	113	122
Кооперативн. открытыя . .	10½	46	12	12
Итого	135	314	400	427

Для столовых установлена норма отпуска продуктов по расчету на одно лицо; эта норма дает около 500 калорий. Конечно, если бы столовые действительно получали продукты по норме, то обед из столовой мог бы служить некоторым подспорьем в питании; к сожалению, вследствие неимения в распоряжении продовольственных органов требуемого количества продуктов, столовые не получают установленную для них норму, и обеды как общее правило, выдаются плохие и малоцитательные.

Число и посещаемость чайных можно видеть из следующей таблицы:

Чайныя.	Число чайных. 15 окт. 1919 г.	Число чайных. 1 апреля 1920 г.	Посещаемость в тысячах в день. Июль 1919 г.	Посещаемость в тысячах в день. Декабрь 1919 г.	Посещаемость в тысячах в день. Март 1920 г.
Муниципальные . . .	92	116	102	102	85
Кооперат. закрытые.	99	89	58	54	50
„ открытые.	7	12	12	3	10
Клубы	158	207	47	53	76
Итого	356	424	219	212	221

Следует отметить рост числа и посещаемости рабочих клубов.

Детское питание составляет предмет особого попечения со стороны Советской власти: по детским карточкам существуют дополнительные выдачи разного рода продуктов. Кроме того, обращено особое внимание на общественное детское питание; дело это неизменно развивалось; к сожалению, имеются неоднородные статистические данные с различной классификацией, почему мы можем привести показательные цифры только для более позднего времени; в апреле 1920 года существовало 121 детских столовых для детей, не ходящих в школу (в возрасте от 5 до 16 л.); в них кормилось 174 тысячи детей; что касается школьников (до 16 л.), то для 37 тыс. детей обеды отпускались в 60 столовых М. П. О., а для 21 тыс. детей из 98 школ отпускались продукты в сыром виде. Наконец, полное питание (круглые сутки) получали 18 тыс. детей в интернатах, приютах, детских домах и пр., содержимых разными ведомствами; таким образом, общественное питание распространилось на 250 тыс. детей. Это составляет почти ¼ часть всего московского населения, и можно поэтому думать, что детское население Москвы полностью обслужено общественным питанием.

Мы попытались посильно изобразить ход муниципализации торговли в Москве и ту систему учреждений, которые заменили собою сеть торговых заведений. Указывать конечные результаты всей системы, то-есть организацию снабжения населения продуктами (карточная система и ее действие) и ее результаты не входит в задачу настоящего очерка. Питанию московского населения посвящен в сборнике особый очерк. В заключение несколько слов о положении частной торговли, которая все же сохранилась в Москве, хотя и в плачевном состоянии, в виде овощных и гастрономических лавочек, с одной стороны, и магазинов кустарных изделий—с другой. Политика Московского Совета в этом отношении не оставалась неизменной. Было время, когда совсем не допускалось открытие гастрономических лавок, затем они были допущены и даже одно время сильно размножились. И те и другие считаются злом, которое только терпится; но приняты некоторые меры к их обезвреженью. Во-первых, в частных магазинах и лавках допускается наемный труд с большими ограничениями, во-вторых, гастрономическим магазинам не разрешено торговать нормированными продуктами и изделиями из них. Тут можно встретить овощи, суррогаты чая, фруктовые воды, сметану и творог, картофельные пирожки и пирожные, и т. п. Лавочки находятся под строгим надзором. Труднее осуществить последний в отношении кустарных магазинов, потому что под понятие кустарных изделий можно подвести очень многое: тут и галантерея всякого рода и игрушки, писчебумажный товар и канцелярские принадлежности и пр. Магазины и лавки допускаются к открытию только в случае неимения препятствий со стороны М. П. О., должны соблюдать целый ряд правил касательно чистоты помещения и продуктов, должны вести точный учет количества имеющихся продуктов и их продажи, вести в порядке свои торговые книги и предъявлять их при осмотре. Такие же правила установлены и для открытия частных сто

ловых, чайных и кофеен, при чем предъявляется дополнительное требование, чтобы такое учреждение обслуживало в день не менее 500 посетителей, числу которых должен вестись точный учет.

Частные заведения не имеют прочного существования в виду трудности получения продуктов для продажи; состав заведений постоянно меняется: одни закрываются, другие открываются; по 11 сентября 1920 г. частных торговых предприятий было 1013. Выдано разрешений на право торговли с лотков на рынках, площадях и улицах—2392.

Гораздо большее значение имела для Москвы уличная и рыночная торговля, совсем ненормируемая. На столах и в палатках на Сухаревке или Смоленском рынке можно было найти все, что угодно, конечно, по чрезвычайно высоким ценам: здесь и головные уборы, и предметы одежды, и обуви, и всевозможный галантерейный товар, и книги, и канцелярские принадлежности, и железо-скобяные изделия, посуда и пр. За последнее время, однако, к ликвидации уличного

торга приняты энергичные меры, и с рынков и площадей исчезли столы и палатки со всевозможными изделиями. Допускается лишь торговля с возов огородными продуктами, да продажа фруктов.

Конечно, уличная торговля не прекратилась, а перешла только в нелегальную форму; теперь продают не из палаток и со столов, а из корзин и с рук; но, понятно, в таком примитивном виде уличная торговля не может получить тех больших размеров, каких она достигала еще недавно.

Итак, торговля в Москве осталась лишь в виде мелочных частных лавочек и магазинчиков с очень ограниченным кругом товаров да в нелегальной уличной форме. Во всем остальном она заменена системой организованного распределения продуктов и изделий через магазины и распределители М. П. О., где продукты отпускаются только по карточкам, по определенному плану, в строго определенных количествах и в объявляемые для сего сроки.

Рост цен и спекуляция.

Москва вместе со всей Россией переживает в последние годы невиданный еще в истории по своим размерам рост цен на продукты и изделия. Аналогичный процесс наблюдался во Франции в эпоху Великой революции, но тогда падение ценности бумажных денег далеко не достигло тех размеров, до которых обесценение рубля дошло теперь в России. Во Франции во время революции права собственности, правда, были решительным образом нарушены, огромное количество имуществ было национализировано, у крестьян принудительно отбиралась значительная часть урожая и т. д.; однако, самая идея собственности не отрицалась: собственность продолжала существовать, находясь в руках не только государства и крестьян, но и торговцев и промышленников, ремесленников, домовладельцев, рантье и даже помещиков, хотя последние и наиболее пострадали от революции.

Теперь переворот идет глубже, частная собственность отрицается в самой идее, а на практике ее лишены помещики, фабриканты, купцы, крупные домовладельцы, вообще все лица, живущие нетрудовым доходом; крестьяне же, если и остаются собственниками, то лишь наполовину, потому что земля считается—только в их пользовании, инвентарь живой и мертвый перераспределяется, произведенные продукты не принадлежат своим производителям на праве безусловной собственности, а только в известных количествах по нормам, излишки должны быть сдаваемы государству.

Падение ценности бумажных денег неизбежно вытекает из этого глубокого изменения в условиях экономической жизни, и этот процесс будет итти и далее, по мере осуществления начал социализма. В социалистическом государстве деньги ведь совсем должны исчезнуть; там они не будут нужны, так как будет отсутствовать обмен услуг и продуктов между гражданами.

Выпускаемые теперь бумажные деньги уже начинают утрачивать роль орудий обмена (в сельских местностях вдали от городов крестьяне не продают продукты за деньги) и приобретать значение простых расчетных знаков.

Но государство еще не настолько сильно и организовано, чтобы доставить гражданам все необходимые продукты; в силу этого население принуждено приобретать значительную часть продуктов на стороне, на так называемом «вольном» рынке, и бумажные деньги, удовлетворяя этой потребности, еще сохраняют некоторую покупательную силу, но только как простое орудие обмена; никакой иной ценности они не представляют, и накопление их является, по существу, бессмысленной операцией. Правда, это накопление еще производится в крестьянских сундуках, но это происходит единственно потому, что те, кто собирает у себя бумажные деньги, не уясняют себе всей экономической обстановки и характера, приобретенного денежными знаками.

Процесс роста цен на продукты и падения покупательной силы бумажных денег, что одно и то же, лучше всего может быть наблюдаем в Москве, как центре русской-экономической жизни; к тому же здесь и легче его изучить, так как регистрация цен велась почти непрерывно разными органами. Все время существования Московского Городского Управления Статистическое отделение Городской Управы выпускало справочные бюллетени о ценах в виде еженедельных, месячных и третных бюллетеней. По этим бюллетеням можно проследить рост цен в Москве с начала войны до Октябрьской революции.

Продовольственный Отдел Московского Совета собирал сведения о ценах на продовольственные продукты, при чем как о ценах твердых, по которым продукты отпускались из советских и кооперативных лавок, так и вольных базарных ценах; по этим данным можно следить за дальнейшим изменением цен в течение 1918 года и части 1919 года. С образованием Московского Потребительского Общества последнее продолжало работу упраздненного Продотсовета в том же направлении, при чем собирались сведения не только о продовольственных продуктах, но и о важнейших промышленных изделиях.

Таким образом, имеется возможность восстановить картину постепенного изменения цен в Москве. Следует теперь же оговориться, что сведения эти далеко не полны; если для главнейших продовольственных продуктов и можно установить непрерывную линию роста цен, то для промышленных изделий сведения гораздо более скудны и охватывают малое число предметов.

Разразившаяся мировая война коренным образом нарушила установившийся уклад экономической жизни и рыночных отношений. С одной стороны, капиталы и рабочие руки усиленно были направлены на изготовление предметов, нужных для ведения войны, и, следовательно, отвлечены от производства нужных обществу продуктов; с другой стороны, чрезвычайно затруднился международный обмен. Вследствие этого нарушилось известное установившееся соотношение между спросом и предложением; последнее

перестало удовлетворять общественную потребность, и цены начали стремительно расти. С особенной силой этот процесс проявился в России, которая, вследствие закрытия Дарданелл и Балтийского моря, а также и западной сухопутной границы, оказалась почти совсем разобщенной от коммерческих сношений с мировым рынком.

Необходимо отметить и другой важный фактор в росте цен—количество обращающихся в стране бумажных денег, соотношение между бумажным рублем и реальным продуктом, т.-е. цена последнего, в конце-концов, обусловливается соотношением обращающихся на руках у населения бумажных денег и количеством отчуждаемых для обмена продуктов.

Прежде выпуск бумажных денег сообразовался с золотым фондом, и существовал беспрепятственный размен бумажек на золото; при таких условиях бумажные деньги имели хождение на ряду с золотыми, на равных основаниях. С началом войны размен был приостановлен в видах сохранения золотого фонда, и больше не восстановлялся; курс бумажных денег мог держаться на высоком уровне только при известном соотношении между количеством выпущенных бумажных знаков и золотым запасом. Первое время так и было; к тому же на ряду с постоянными новыми выпусками бумажных денег правительство изымало из обращения значительную их часть путем повышения налогов и, главным образом, через посредство внутренних займов. Если цены на продукты росли, то это происходило не столько вследствие новых выпусков бумажных денег, сколько вследствие, с одной стороны, налогов, повышавших стоимость производства продуктов, удорожания транспорта, а главным образом, вследствие того, что предложение товаров сокращалось и отставало от спроса. При недостатке продуктов на рынке продавец может запрашивать высшую цену в полной уверенности, что товар у него не залежится и все равно разойдется по назначаемой им цене; покупатель при такой конъюнктуре оказывается слабейшей стороной: если, считая цену для себя невыгодной, он воздержится от покупки, то, так как товара не хватает для удовлетворения всей потребности, покупатель рискует совсем не получить нужного ему предмета, который будет раскуплен другими потребителями: поэтому покупатель либо должен сократить свое потребление, либо приобрести продукт по цене, назначенной продавцом.

Однако, покупатель одних продуктов обыкновенно является производителем других продуктов; отчуждая последние, он, в свою очередь, продает их по повышенной цене, чтобы компенсировать возросшие издержки и благополучно свести свой баланс. Поэтому рост цен на продукты одной категории влечет за собой подъем цен и на другие продукты; наконец, лица, предлагающие на рынке свой труд и знание: рабочие, служащие, лица свободных профессий, вследствие растущей дороговизны жизни, добиваются повышения расценки своих услуг. В конце-концов, все цены, хотя и в разное время и в разной степени, но непрерывно поднимаются, раз существует для того основательная причина, а в результате падает покупательная сила денег,—происходит их обесценение.

Такие условия и создались в России вскоре после начала войны, когда границы были закрыты, часть рабочих рук была отвлечена от производительного труда, обмен продуктов затруднился, и соотношение между спросом и предложением нарушилось. В результате цены на продукты начали подниматься, сначала малозаметно, а потом все быстрее и быстрее, по мере того как все более нарушался правильный ход экономической жизни. Фактором, который усиливал эту повышательную тенденцию, явилась спекуляция. После нескольких первых месяцев войны, когда выяснилось, что война не будет скоро окончена, спекулянты, учтя положение, начали придерживать товары в складах, с тем, чтобы сбывать их впоследствии, когда цены еще значительно возрастут, и таким образом уже искусственно сокращали и без того недостаточно предложение товаров, что способствовало дальнейшему безостановочному росту цен.

В позднейшее время, уже после революции, спекуляция приобрела невиданный ранее колоссальный размах и увлекла в игру почти сплошь все слои населения; но в первые годы войны спекуляция еще сосредоточивалась среди крупных коммерсантов и промышленников. В целях борьбы со спекуляцией, правительство вступило на путь государственного регулирования цен, устанавливая твердые цены сначала на сельско-хозяйственные продукты, а потом и на важнейшие промышленные изделия; городские управления, с своей стороны, пытались регулировать цены путем установления такс на хлеб, мясо, сахар и другие продукты.

Борьба эта была безуспешна; вскоре же, на ряду с твердыми, появились и «вольные» цены, значительно более высокие. Обход твердых цен открыто производился на рынках, но под разными видами совершался и в тиши директорских кабинетов. Хорошо известно, что, напр., бумажная пряжа по твердым ценам отпускалась только для казенных заказов, и то приходилось вырывать ее с великими трудами из цепких рук. Фабриканты же, работавшие на вольный рынок, никогда не могли получить пряжу по твердой цене; всегда оказывалось, что свободной пряжи нет, вся она законтрактована для казенных заказов. Но по «вольной» цене пряжа свободно находилась.

Правительство ограничивалось установлением твердых цен и созданием разных комитетов для проведения этих цен в жизнь, но более решительных мер борьбы со спекуляцией не принимало, да и не могло много делать по своей природе.

Под конец войны, перед революцией, уже сильно почувствовалось несоответствие между количеством находящихся на руках у населения бумажных денег и количеством производимых товаров. Выпуски бумажных денег шли один за другим, уже вне всякого соотвествия с золотым запасом; на ведение войны требовались колоссальные средства, которые нельзя было добыть одними займами и повышением налогов. Лишние бумажки уже давили на рынок. Впоследствии этот фактор стал на первом месте, так как новые правительства стали жить исключительно за счет бумажных рессурсов и работы типографского станка; но и перед революцией влияние его начало чувствоваться.

Вот те разнообразные и сложные влияния, в результате которых непрерывно шел подъем цен на продукты и изделия.

Рост цен в Москве рассмотрим по отдельным периодам, начав с периода, охватывающего время с начала войны до начала революции.

Цены до революции.

В первые месяцы войны тяжесть войны еще не ощущалась, рынок был полон товаров, несоотвествия между спросом и предложением не паблюдалось, сама война для многих не представлялась особенно затяжной. Наоборот, первые месяца два среди экспортеров царило смятение; они не знали, как им быть при закрытии границ с заготовленными большими партиями экспортных товаров; возникшая в связи с закрытием границ и блокадой морей паника повела за собой падение цен на зерно, семена, лен и некоторые другие экспортные товары. Нечто подобное наблюдалось и на рынке хлопчатобумажных тканей, хотя этот рынок базируется не на экспорте, а на внутреннем потреблении. Здесь также случилась заминка; московские и владимирские ситцевики и миткальщики опасались сокращения спроса со стороны деревни подобно тому, как это бывает в неурожайные годы; миткальщики не знали, что им делать с большими партиями миткаля, находившегося у них на руках. Положение спасло интендантство, выступившее с крупными заказами на армию. Фронт явился тем огромным новым рынком, который во многом заменил рынок заграничный.

Так или иначе, но в 1914 году цены на продукты не повысились по сравнению с довоенными ценами 1913 года. Но уже 1915 год принес с собой тяготы военного времени—великое отступление из Галиции и Польши, волну беженцев, расстройство транспорта; вот когда влияние войны ощутилось и на центральных районах; с этого времени и начинается баметный подъем цен на продукты; в дальнейшем рост цен зудет только увеличиваться.

Для удобства рассмотрим цены на продукты в Москве по отдельным группам товаров, начав с хлебных продуктов.

Цены в Москве на хлебные продукты—в копейках за пуд.

	1913 г. Средняя за год.	1914 г. Средняя за год.	1915 г. Средняя за год.	1916 г. Март.	1916 г. Сентябрь	1917 г. Январь.
Сено	42	65	75	101	161	105
Овес	83	94	201	240	283	252
Мука пшеничная—крупчатка	250	256	320	410	410	478
Мука пшеничн.—первач.	210	210	290	380	380	352
Мука ржаная отсевная средняя	122	134	199	235	235	328
Гречнев. крупа ядрица овинная	145	164	325	363	365	460
Пшено 1-го сорта . .	135	159	266	290	290	405
Печен. хлеб пшеничн. крупч.	260	267	316	363	460	510
Печен. хлеб из первача	210	206	240	295	—	—
» » ржаной сладкий	125	128	163	183	210	250
Печеный хлеб ржаной кислый	105	107	143	165	190	230
Картофель—мера . , .	45	51	51	72	104	200

Настоящая таблица, к сожалению, не столь показательна, как того хотелось бы, так как в нее введены твердые цены. Как видно из таблицы, по целому ряду продуктов сентябрьские цены 1916 г. не отличаются от мартовских того же года; это указывает только на то, что твердые цены не были изменены. Между тем, в это время уже начали появляться и «вольные» цены, так как хлеб стал отпускаться населению уже в ограниченном количестве из булочных, муку же в лавках почти не было возможности получить, и население начало приобретать муку и хлеб помимо лавок. На примере картофеля, для которого не было твердых цен, видно, что цены росли и в течение 1916 года. К сожалению, «вольные» цены не регистрировались, раз на данный продукт существовала казенная цена.

Но и с этими оговорками должно констатировать значительный рост цен; за $2^1/_2$ года войны цены на печеный хлеб в Москве удвоились, на крупу и пшено возросли более чем в $2^1/_2$ раза, на картофель—учетверились. Уже с этого времени, вследствие недостатка хлеба, началось усиленное потребление картофеля, и соотношение в цене между картофелем и хлебом нарушилось. Раньше картофель ценился от $2^1/_2$ до 3 раз дешевле хлеба, что в общем соответствует количеству питательных веществ в том и другом; накануне революции картофель приобретался по цене только на $^1/_3$ более низкой, чем ржаной хлеб. Конечно, по такой цене приобретать картофель для потребителя было невыгодно, и он не стал бы этого делать, если бы имел достаточное количество хлеба по указанной цене. Но так как этого не было, так как хлеба не хватало, то и приходилось покупать более дорогой (относительно) картофель. Возросший же спрос на картофель дал возможность крестьянам и торговцам повысить на него цену значительно более того, сколько следовало по потребительным его качествам,

Цены в Москве на мясо, рыбу и птицу—в копейках:

	1913 г. средняя за год.	1914 г. средняя за год.	1915 г. средняя за год.	1916 г. май.	1916 г. сент.	1917 г. январь.
говядина 1 сорт фунт.	22	22	28	33	58	70
баранина (зад) . »	21	21	24	—	75	70
телятина . . . . »	27	28	36	46	103	155
свинина . . . . »	19	19	25	38	77	120
колбаса вар. 1 с. »	36	37	—	46	74	100
» копч. . »	46	59	—	88	165	165
судак свежий . »	27	27	39	44	66	63
сельдь астрахан. рядов . . . . десят.	94	88	111	190	290	290
гусь . . . . . штука	187	180	212	300	670	1.000
курица . . . . »	93	89	113	190	350	400

И по этой группе продуктов рост цен начинается с 1915 года и затем идет непрерывно. Увеличение цен здесь более значительно, чем по группе хлебных продуктов, именно, от 3 раз для мяса и колбасы до 5—6 раз для телятины, свинины и птицы. Особенно значительный подъем цен произошел за весну и лето 1916 года, когда цены сразу шагнули в 2 раза.

Более быстрый рост цен на мясные товары можно объяснить отсутствием твердых цен на эти продукты, почему рост цен мог итти беспрепятственно, а с другой стороны—крупными требованиями скота и мяса на фронт, что сокращало запасы мяса внутри страны; уже в 1916 году Москва стала ощущать недостаток мяса, которое появлялось на рынке в самых ограниченных количествах. Приходилось обращаться к телятине и птице, доставляемой из сельских

местностей окружающих Москву губерний, платя за них повышенные цены.

Цены в Москве на молочные, масляные товары и яйца—в копейках.

	1913 г. средняя за год.	1914 г. средняя за год.	1915 г. средняя за год.	1916 г. март.	1916 г. сентябрь.	1917 г. январь.
Молоко . . бутылка.	7	8	9	12	14	25
Масло сливочное—фунт.	50	54	70	103	195	300
Сыр русско-швейцар. »	40	54	52	94	150	190
Масло подсолнечное »	12	13	17	27	33	—
Яйца . . . десяток.	32	29	32	42	62	95

Яично-масляная группа по движению цен следовала в уровень с группой мясо-рыбных продуктов; цены на основные продукты возросли в 3 раза, но на сыр—в 5 раз и на коровье масло—в 6 раз.

По группе бакалейных товаров имеем довольно пеструю картину.

Цены в Москве на бакалейные товары—в копейках.

	1913 г. средняя за год.	1914 г. средняя за год.	1915 г. средняя за год.	1916 г. март.	1916 г. сентябрь.	1917 г. январь.
Соль—пуд. . .	35	35	66	90	90	120
Сахар рафинад. фунт. . . .	14	15	18	20	23	28
Сах. песок пуд.	12	13	15	18	20	21
Чай - фун. . .	—	211	293	300	300	375
Керосин—пуд. .	190	181	243	235	285	350
Мыло пр. » .	525	520	660	1060	1560	2400
Свечи стеарин.	1100	1220	1400	1980	3000	3250

В этой группе мы встречаемся уже с продуктами крупной фабрично-заводской промышленности и для некоторых продуктов—с синдикатами. И нужно сказать, что в этом случае потребитель оказался в более благоприятном положении. Цены на сахар и керосин поднялись только в 2 раза; цены на чай, торговля которым сосредоточена в руках немногих крупных фирм, даже не удвоилась. Соль и мыло—продукты мелкой и средней промышленности, и цены на них возросли более значительно—в 3 раза и $4^1/_2$ раза. Выделка стеариновых свечей сосредоточена в руках нескольких крупных фирм, работавших в большей части своего производства на привозном (австралийском) сале; лишившись подвоза сырья из-за границы, эти заводы оказались в трудном положении, и все же цены на свечи до революции поднялись не более 3 раз.

Цены в Москве на дрова—в рубл. и коп. за погон. сажень.

	1914 г. средняя за год.	1915 г. средняя за год.	1916 г. сентябрь	1917 г. январь.
Берез. 1 сорт	13 р. 63 к.	14 р. 95 к.	31 р. 60 к.	42 р. 50 к.
« 2 сорт	12 р. 08 к.	13 р. 43 к.	30 р. 50 к.	
Осиновые. .	8 р. 43 к.	9 р. 74 к.	21 р. 70 к.	28 р.

Дрова, в уровень с другими необходимыми продуктами, возросли в цене в 3 раза с небольшим.

Обратимся к предметам одежды и обуви и остановимся на наиболее ходовых сортах материй.

Цены в Москве на ткани—в копейках за аршин.

	1913 г. средняя за год.	1914 г. средняя за год.	1915 г. июль—сентяб.	1916 г. июль—сентяб.	1917 г. январь.
Ситец для рубашек. 14-верш.	12	14	$17^1/_2$	30	35
Бязь бумажн. 15—16 »	16	16	24	28	31
Бумаж. суров. 15—16 »	29	35		70	45
Трико шерст. черн. . . .	350	350	425	800	800
Сукно 30-вершк.	360	370	512	—	—
Нитки белые на катушках—катушка. .	5	5	10	15	—

Ткани повысились в цене от 2 до 3 раз. Нужно указать, что на цены оказывали давление огромные заказы для фронта, выполнявшиеся по низким ценам. После того как нормировка была распространена и на цены для вольного рынка, часть сортов исчезла из открытой продажи; такие товары, как нитки или сукно, сделались объектами спекуляции и нелегальных сделок, почему в бюллетенях уже не обозначено для них цен.

Изменение цен в Москве за 1916 г. и 1917 г.

После февральской революции в связи с локаутом и саботажем фабрикантов и заводчиков началось сильное рабочее движение, сопровождавшееся забастовками и остановками фабрик; с другой стороны, массы солдат, устремившихся с фронта, запрудили железные дороги и внесли полную дезорганизацию в железнодорожное движение. Аграрное движение в деревне сопровождалось остановкой жизни в экономиях, снабжавших рынок всевозможными припасами и т. д. В результате городские рынки оказались без многих продуктов; несоответствие спроса и предложения, замечавшееся и ранее, теперь стало настолько разительным, что цены пошли в гору более быстрым темпом, чем ранее.

В таблицах, помещаемых ниже, приводится сравнение роста цен за период с февральской революции до октябрьской и соответственный по величине период до революционный. Нужно только иметь в виду, что таксы на целый ряд продуктов извращают во многом картину изменения цен; в действительности таксы в это время уже не соблюдались; таксированные продукты обыкновенно исчезали из открытой продажи, лавки пустовали, но по повышенной «вольной» цене продукты можно было достать.

К сожалению, в бюллетенях Городской Управы не помещались «вольные» цены на те продукты, на которые имелась такса. В таблице звездочка обозначает таксу.

Хлебные продукты.	1913 г. март	1917 г. 7 января к о н ц е н	1917 г. 24 октября й к н.	Рост цен в %% за 10 месяц. до революции.	Рост цен в %% за 10 месяц. после революции.
овес. . . . . пуды.	240	252	914	5	263
сено. . . . . »	101	105*	900	4	757
мука пшенич. сеяная »	380	478*	1150*	26	141
» ржаная . . »	235	328*	895*	40	173
гречневая крупа . »	363	460*	1344*	27	192
пшено . . . . . »	290	405*	1114*	40	175
печен. хлеб пшен. »	363	510	1292*	40	153
» » ржаной »	183	250	836*	37	234
картофель . . мера	72	200	800	178	300
Мясо-рыбные продукты.					
говядина 1 сорт. фунт.	33	70*	110*	112	57
телятина . . . . »	45	155	225	244	45
свинина . . . . »	38	120	260	216	117
колбаса вар. 1 сорт. »	46	100	400	117	300
» копченая. . »	88	165	550	87	233
судак свежий . . »	44	63	180	48	186
сельд астр. десят.	190	290	515	53	78
гусь. . . . . штука.	300	1000	2000	233	100
курица. . . . »	190	400	575	111	44
Яично-масляные продукты.					
яйца . . . . десят.	42	95	160	126	68
молоко. . . бутылка .	12	25	65	108	160
масло сливочное. фунт .	103	300	370	191	23
сыру рос.-швейцар. » .	94	190	550	102	189

Бакалейные продукты.		1916 г. март.	1917 г. 7 января.	1917 г. 21 октября.	Рост цен в %%. за 10 месяц. ренол.	за 10 месяц. ренол.
			к о п е й к и.			
сахар-песок. . .	фунт.	18	24*	28*	33	16
» рафинад .	»	20	28*	34*	40	21
чай	»	300	500	1200	67	140
грибы сушеные .	»	150	510	1050	240	106
керосин	пуд.	275	350	575	27	64
мыло простое . .	»	1060	2400	1900	126	—
свечи стеаринов .	»	1980	3250	4550	64	40
Дрова.						
			р у б л и.			
березовые . .	пог. саж.	25	43	103	72	140
осиновые . .	»	16	28	70	75	150

Таблица представляет пеструю картину, сильно затемняемую таксами. По группе хлебных и фуражных продуктов сравнение обоих периодов особенно затрудняется таксами: в первом периоде переход от вольной цены к таксе, конечно, не знаменует действительного роста цен. Но и за всем тем все же ясно, что в период революции цены росли быстрее, чем раньше; возрастание такс в течение 10 месяцев революции от $2^1/_2$ до 3 раз, тогда как цены на хлебные продукты за $2^1/_2$ года войны до революции поднялись в 2—$2^1/_2$ раза, служит достаточным тому свидетельством. Если же обратиться к продукту, все время оставшемуся предметом свободного оборота—картофелю, то более быстрый рост цены в революционное время будет совершенно ясен.

Обращаясь к мясным продуктам, видим ослабление роста цен в отношении мяса и птицы; это явление можно объяснить, припомнив, что аграрное движение 1917 года сопровождалось массовым истреблением помещичьего скота, вследствие чего на рынках появилось даже больше мяса, чем в предыдущий период. На рыбу и—что характерно—на колбасы в революционное время цены росли быстрее.

По группам яично-масляных продуктов и бакалейных товаров рост цен был очень пестрый; одни продукты росли в цене быстрее за время революции, другие слабее; конечно, сахар нельзя принимать в расчет, как продукт таксированный; цены на керосин тоже были нормированы. На дрова цены в революционный период росли вдвое быстрее, чем раньше. В общем можно сказать, что революция подхлестнула цены, так что развитие дороговизны пошло быстрее.

Для промышленных изделий, вследствие неполноты цифровых данных, можно сделать сравнение цен только по ограниченному числу предметов.

Для тканей можно сравнить периоды июль 1916 г.—январь 1917 г. и январь—июль 1917 г..

	1916 г. июль	1917 г. январь	1917 г. июль	Рост цен в %%. за дорево-люцион. полугодие	за революц. полугодие
	к о п е й к и				
миткаль белый 14—15 в.—арш.	$25^1/_2$	$28^1/_2$	28	12	—
коленкор цветной 14—15 в. »	$26^1/_2$	$28^1/_2$	30	8	5
бязь бумажная 15—16 в. »	28	$30^1/_2$	34	9	11

Слабый рост цен на бельевые ткани объясняется установленной правительством нормировкой цен на ткани, почему из приведенной таблицы нельзя сделать какого-либо определенного заключения.

Что касается предметов обуви, для них только можно привести таксу, изданную в первые месяцы революции; таксу эту можно сравнить с вольными ценами, зарегистрированными в средине 1916 г. Получаем следующие цифры:

	1916 г. май	1917 г. май (такса)
Сапоги из конской кожи . . .	12 р.	16 р. 25 к.
» выростковые.	27 р.	32 р. 50 к.
» из шевр., шагрени и пр.	37 р.	47 р.
ботинки	20 р.	25 р.

Для обуви, в виду отрывочности сведений в бюллетенях, невозможно составить правильную таблицу. Для сапожных голенищ имеется в 1914 г. цена 3 р. 60 к. за пару в среднем; в 1915 г. эта цена поднимается до 5 р. 60 к.; для 1916 г. не указана вольная цена, а приведена такса 3 р. 75 к. пара, по которой едва ли кто мог достать товар, не считая казенных заказов. Точно так же для сапожных подошв имеем в 1914 г. в среднем цену 1 руб. за пару, в 1915 г—1 р. 80 к.; в 1916 г. уже действует такса: в январе—1 р. 80 к., в мае.—2 р. 10 к., в сентябре—2 р. 23 к.; вольные цены неизвестны. Для солдатского сапога такса в 1916 г.: 14 р. 60 к. в мае и 16 р. 25 к. в сентябре. Вольные цены указаны в середине 1916 г. для сапог мягких (из шавро шагрени и др.)—37 р., для ботинок—20 руб. По сравнению с довоенными ценами—увеличение за 2 года в 3 и 2 раза. Этими отрывочными сведениями и приходится пока довольствоваться.

Наконец, приводим изменение цен для ряда хозяйственных предметов.

Цены в Москве на разные предметы — в копейках.

	1914 г. средняя за год.	1915 г. средняя за год.	1916 г. средняя за год.	1917 г. январь.
гвозди проволочные . . пуд	620	1080	2650	2600
чугуны . . . . . »	290	320	550	700
топор . . . . . штука	100	140	500	—
иглы швейные . тысяча штук	430	560	700	825
перья стальные. . коробка	65	155	175	175
карандаши . . . . гроссы	260	500	850	850
бумага писч. Говард № 6 стопа	230	250	425	450
чашки с блюдечк. фарф. дюж.	260	470	675	800
стаканы обыкн. гладкие »	70	120	390	480

Для столь разнообразных предметов, относящихся к разным отраслям промышленности трудно подобрать какой-либо общий процент роста цен; для большинства, однако, увеличение цен—от 2 до 3 раз. Если припомним предыдущие таблицы, то найдем средний коэффициент повышения цен для периода с начала войны до революции близким к цифре 3. Однако, можем произвести более точный подсчет, исходя из приблизительной нормы дневного потребления одного человека. Принимая за такую норму в день $^1/_2$ фунта пшена, $1^1/_2$ ф. хлеба, 2 ф. картофеля, $^1/_2$ ф. мяса, 1 селедку, 1 кружку молока. 2 яйца, $^1/_{16}$ ф. сливочного масла, $^1/_8$ ф. сахара, $^1/_{120}$ ф. чая, $^1/_2$ ф. керосина, $^1/_8$ ф мыла., $^1/_8$ ф. соли, $^1/_{100}$ катушки ниток, $^1/_{16}$ арш. ситца, $^1/_{16}$ арш. бумазеи, $^1/_{100}$ арш. сукна или трико, $^1/_{300}$ пары штиблет, 1 лист бумаги и $^1/_{100}$ саж. березовых дров,—определяем дневной расход по довоенным ценам в 77 коп. и по ценам января 1917 года—2 р. 33 коп. Разница в 3 раза. Отсюда можно вывести падение покупательной силы бумажного рубля накануне революции до 33 коп. металлических.

Если бы не было февральской революции, рост цен на продукты все равно продолжался бы, раз война не была окончена, так как, помимо разных других причин, должны были следовать усиленные выпуски бумажных денег. Рассматривая период с начала февральской революции до октябрьской следует иметь в виду оба эти фактора—войну и революцию; и если бы оказалось, что рост цен идет прежним темпом, то пришлось бы прийти к заключению о том, что революция, как таковая, не оказала влияния на рост цен. Но уже наперед можно сказать, что в действительности было обратное.

За год повышение цен небольшое, но такса 1917 г. не отражает, конечно, действительных цен. Для других промышленных изделий помещаем следующую таблицу:

Цены в Москве на изделия—в копейках.

					Рост цен в %%.	
	1916 г. янв.	1916 г. сент.	1917 г. янв.	1917 г. сент.	довоен. 9 месяц.	револьц. 9 месяц.
гвозди провол.—пуд.	1400	3125	2560	4960	123	94
чугуны . . . »	450	675	700	1750	50	150
иглы швейн. (низш. цена). . тысяча.	196	320	450	720	63	60
бумага писч. Говард. № 6 . . . стопа.	375	450	450	750	20	67
Чашки с блюдечками фарфор. дюжина	525	725	800	1600	38	100
стаканы обычн. гладкие . . дюжина.	210	435	480	1050	107	119
полушубки дублен. (низш. цены) шт.	900	1800	1700	4500	100	165

Большинство предметов за время революции увеличилось в цене в 2—2$^1/_2$ раза, т.-е. в уровень с продовольственными продуктами; что касается темпа возрастания цен, то для большинства предметов рост цен за время революции был сильнее, чем в соответственный предреволюционный период.

В конце-концов, цены стремились в своем росте к некоторому подравниванию друг перед другом, что и естественно, так как в результате дело сводится к обесценению бумажного рубля. Но нельзя отрицать того, что соотношение цен против довоенного времени изменилось и произошла перетасовка цен; продукты переоценивались применительно к изменившимся условиям потребительского рынка. Следующая таблица дает сопоставление цен довоенных и установившихся накануне Октябрьской революции считая довоенную цену за 100:

ржаной хлеб . .	796	бязь суровая . .	200
картофель. . . .	1765	полушубок дублен.	500
говядина	500	носки вязан. бум.	774
яйца	552	гвозди проволочн.	800
молоко	875	чугуны	603
масло сливочное .	685	иглы швейные . .	1309
сахар	227	топор	650
овес	972	бумага писчая . .	326
дрова березовые . .	802	стакан	1500
миткаль белый . .	181		

Рассматривая эту таблицу, видим, что предметы, изготовляемые крупной промышленностью—ткани, бумага, сахар—поднялись в цене гораздо слабее, чем изделия средней и мелкой промышленности и сельско-хозяйственные продукты; для первых характерно возрастание цены от 2 до 3 раз и для вторых—от 5 до 10 раз.

Чтобы определить, на каком уровне при своем падении остановился рубль накануне Октябрьской революции, пойдем тем же путем, как при определении уровня бумажного рубля накануне февральской революции. Список продуктов для вычисления среднего дневного расхода оставляем прежний, опуская, за неимением цены, нитки и заменяя, по той же причине, ситец и бумазею бязью, но прибавляя к потреблению $^1/_{16}$ ф. подсолнечного масла; получаем для довоенного времени те же 77 к. в день, а для момента накануне Октябрьской революции цифру 4 р. 92 к., что означает падение покупательной силы бумажного рубля почти в 6$^1/_2$ раз; рубль опустился в своей цене до 16 к. металлических.

Для характеристики момента необходимо упомянуть о спекуляции, которая прочно укрепилась в почве еще до Октябрьской революции, хотя и не получила пока такого махрового расцвета, как в последующее время. Про биржу нечего говорить: там шла обычная спекулятивная игра с займами и другими ценными бумагами, принявшая только более азартный характер в виду надвигавшихся грозовых туч; в тиши директорских кабинетов крупных промышленных фирм шла своя игра на повышение; здесь вырабатывались те «вольные» цены на пряжу, нитки и пр., которые в 2 и 3 раза превышали официальные твердые цены, но которые только и были действующими ценами, поскольку дело не касалось казенных заказов. Спускаясь ниже, встречаем отдельных спекулянтов, попрятавших товар по особым складам в Кокоревке и в других местах, выдерживавших его там в ожидании хороших цен и выпускавших в продажу лишь небольшими партиями; в это время в магазинах уже невозможно было достать многих товаров, как сукно, нитки сода и многое другое.

Появились и мешочники из деревни с предложением по вольной цене муки, пшена, масла и проч., чего уже нельзя было достать в лавках. Наконец, размножились по улицам и мальчишки с предложением папирос, в то время как в лавках папиросы выдавались уже по карточкам в ограниченном количестве. Никаких мер против спекуляции, как крупной, так и мелкой, не принималось ни Временным Правительством ни городскими властями.

Остается еще сравнить с повышением цен на продукты рост заработной платы, поскольку имеются сведения в бюллетенях Городской Управы. Рост заработной платы характеризуется цифрами представленными в таблице на следующей странице:

Таблица указывает два важных момента в переломе размера заработной платы—в первой половине 1916 г. и после февральской революции.

Рост заработной платы удобнее изобразить, приняв довоенную цену за 100 и исчислив дальнейшие цены в отношении к довоенной цене; избираем для этого два момента—накануне февральской революции (январь 1917 г.), и перед Октябрьской революцией (июль 1917 г.; к сожалению, нет данных более поздних).

Получаем следующую таблицу:

Рост заработной платы в Москве.

	Цена довоенная.	1917 г. январь.	1917 г. июль.
Работница	100	250	562
Чернорабочий	100	386	682
Землекоп	100	390	640
Маляр	100	274	581
Плотник	100	314	571
Слесарь	100	308	487

Средний дневной заработок в Москве в рубл. и копейках.

	Работницы.	Чернорабочий.	Земледел.	Маляр.	Плотник.	Слесарь.
1913 г. декабрь	60 к.—1 р.	1 р. —1 р. 20 к.	1 р. 10 к.—1 р. 40 к.	1 р. 40 к.—1 р. 70 к.	1 р. 60 к.—1 р. 90 к.	1 р. 70 к.—2 р. 20 к.
1914 г. сентябрь	80 к.—1 р.	85 к.—1 р. 50 к.	1 р. 10 к.—1 р. 50 к.	1 р. 40 к.—1 р. 85 к.	1 р. 40 к.—2 р.	1 р. 70 к.—2 р.
1915 г. июль	80 к.—1 р.	1 р. 50 к.—3 р.	1 р. 75 к.—2 р.	2 р. —2 р. 50 к.	2 р. —3 р.	1 р. 80 к.—4 р.
1916 г. январь	1 р.	1 р. 50 к.—2 р. 50 к.	2 р. 25 к.—2 р. 50 к.	2 р. —3 р.	2 р. 50 к.—3 р. 50 к.	2 р. —6 р.
1916 г. июль	1 р. 80 к.—2 р.	2 р. 50 к.—4 р. 50 к.	3 р. —5 р. 50 к.	3 р. —4 р. 25 к.	4 р. —6 р.	3 р. 50 к.—6 р.
1917 г. январь	2 р.	3 р. 50 к.—5 р.	3 р. 75 к.—6 р.	3 р. 50 к.—5 р.	4 р. —7 р.	4 р. —8 р.
1917 г. апрель	2 р. 50 к.—3 р.	5 р. —7 р.	5 р. —8 р.	6 р. —7 р.	6 р. —8 р.	5 р. —10 р.
1917 г. июль	4 р. —5 р.	6 р. —9 р.	6 р. —10 р.	8 р. —10 р.	8 р. —12 р.	9 р. —10 р.

Для продуктовых цен нами было установлено для момента накануне февральской революции среднее увеличение в 3 раза и для момента накануне Октябрьской революции—в 6 раз. Как видим, рост заработной платы шел тем же самым темпом, а заработок представителей простого физического труда увеличивался даже быстрее, догоняя заработки квалифицированных рабочих.

Цены после Октябрьской революции.

Октябрьская революция была несоизмеримо более чревата последствиями, чем переворот февральский. Февральская революция ниспровергла царский бюрократизм и полицейский строй, но экономического уклада, основанного на частной собственности и господстве капитала, по существу не тронула. Октябрьская революция знаменовала коренное изменение всех основ экономического быта и прежде всего крушение капитала и частной собственности, заменяемых системой социализма.

Но государство, в пору переустройства всех основ экономической жизни, еще не в силах осуществить основную свою задачу при социалистическом строе—доставить всем гражданам продукты в необходимых количествах и обеспечить им общественно-полезный труд. И вот вследствие этого несоответствия основной задачи и ее выполнения и получил такое большое значение «вольный» рынок и связанная с ним спекуляция.

В жизни Советской Республики нужно различать два периода; в первый—основы нового быта только еще закладываются, новые учреждения строятся; в эту пору на рынке процветает мешочничество; с ним ведется энергичная борьба, долгое время не дающая результатов, так как во многих отношениях еще царит анархия, и власть, не организованная в должной мере, не обладает еще достаточно сильным аппаратом. Этот период можно считать с момента революции до средины 1919 года. Во второй период, начинающийся примерно с лета 1919 года, положение меняется. Власть уже сорганизовалась, новый строй несколько устоялся, анархия прекратилась. Правительство справилось с мешочничеством, которое сократилось до минину. Вольный рынок, однако, продолжает существовать, питаясь уже из других источников—от размножившихся пайков, от натурализированной рабочей платы, а главным образом, за счет преступной деятельности советских служащих, выпускающих на рынок государственные запасы. Таким образом, из разных источников, но все время спекуляция обильно питается, вовлекая в сферу своей деятельности широкие круги населения.

Спекуляция есть тот механизм, который гонит цены вверх; основания же для роста цен более глубокие. Это, в конце концов, несоответствие между количеством продуктов, производимых страною, и тем потоком бумажных денег, который ежедневно выпускается в обращение.

Обратимся к исследованию самих цен после Октябрьской революции. До сих пор мы пользовались бюллетенями цен, выпускавшимися Городской Управой; теперь этот источник сведений прекращается. Для 1918 г. в нашем распоряжении имеются рыночные цены, собиравшиеся агентами Продотдела, но цены эти касаются только продовольственных продуктов, которыми и приходится ограничиться. Цены двух родов—твердые, по которым отпускались продукты из советских лавок, и вольные, по которым приобретало продукты население на рынках и у мешочников. Изменения тех и других изображены в следующей таблице:

Цены в Москве на продовольственные продукты в 1918 г.—в копейках.

Хлебные продукты.	Твердые цены.				Вольные цены.			
	1917 окт.	1918 янв.	1918 май	1918 сент.	1917 окт.	1918 янв.	1918 май	1918 сент.
Хлебные продукты.								
Пшено—фунт	31	31	—	—	—	125	700	1200
Мука пшен. прост. разм.	29	29	—	—	—	250	—	—
» ржаная » »	23	23	—	—	—	175	—	—
Печеный хлеб пшеничн.	34	39	58	106	—	200	600	—
» » ржаной	22	27	48	80	—	150	450	700
Картофель	—	—	—	—	2	—	132	149
Мясные продукты.								
Говядина—фунт	110	140	—	—	—	375	514	1205
Баранина »	110	125	—	—	—	350	358	1250
Телятина »	—	—	—	—	250	350	621	1350
Свинина »	—	—	—	—	260	450	660	2279
Колбаса вареная—фунт	—	—	—	—	—	375	853	1487
» копченая »	—	—	—	—	—	450	853	2079
Рыба и птица.								
Судак свежий—фунт	—	—	—	—	180	255	301	800
Сельдь—десяток	—	—	—	—	515	730	1340	4070
Вобла соленая—фунт	—	—	—	—	—	60	81	231
Гусь—фунт	—	—	—	—	200	350	523	—
Курица штука	—	—	—	—	650	900	1287	3164
Яйца, молоко, масло, сало.								
Яйца—десяток	160	240	—	—	—	320	800	1317
Молоко—кружка	—	—	—	—	60	120	147	301
Масло сливочное—фунт	370	400	—	—	—	1000	1288	3263
» подсолнечн. »	68	131	—	—	—	500	475	—
» конопляное »	—	120	—	—	—	350	364	1800
Сало бараньe—фунт	—	—	—	—	—	900	617	2700
» свиное »	—	—	—	—	—	650	762	2200
Бакалейные товары.								
Сахар-песок—фунт	28	142	—	—	—	900	—	2500
» рафинад »	34	150	—	—	—	1000	2000	3025
Чай	—	—	—	—	—	—	—	2800
Соль	—	10	—	—	—	—	—	150
Сушен. грибы	—	—	—	—	1000	1000	1260	3641

По этой таблице можем определить расхождение твердых и вольных цен, для чего пользуемся ценами января 1918 года, как более полными. Наименьшее расхождение тогда наблюдалось в ценах на яйца—всего на $^1/_3$; мясо и масло дают расхождение цен от $2^1/_2$ до 4 раз; наибольшее расхождение цен имело место для хлебных продуктов—от 4 до 8 раз и для сахара—в 6—7 раз: здесь чувствовался наибольший нажим на покупателя, который готов был платить любые цены за хлеб, как основной продукт для питания, а за сахар—в виду его крайней редкости и потому, что потребление его маленькими порциями могло растягиваться на долгий промежуток времени.

Что касается соотношения цен между продуктами, здесь нельзя уловить определенной правильности. Критерий количества пищевого вещества в продукте здесь не подходит, так как не объясняет, почему свинина продается почти в 2 раза дороже, чем мясо, в сентябре и лишь на $^1/_3$ цены дороже в мае, или почему курица ценится дороже десятка селедок в январе и дешевле в сентябре и т. д. Очевидно, основным фактором цены является редкость продукта, т.-е. в конечном счете соотношение предложения и спроса.

Рост вольных цен за год можем проследить только для небольшого количества продуктов: грибы—в $3^1{}_2$ раза, молоко—в 5 раз, курица—в 5 раз, сельди—в 8 раз, судак—в $4^1/_2$ раза, свинина почти—в 9 раз, телятина—в $5^1/_2$ раз, картофель—в $7^1/_2$ раз. В среднем увеличение в 5—7 раз, т.-е. вдвое более быстрое, чем для периода февральской революции, который, в свою очередь, как было показано ранее, дал более быстрый рост цен, чем период дореволюционный. Таким образом, с течением времени быстрота подъема цен все усиливается.

Интересно сопоставить вольные цены конца 1918 года с ценами довоенными; выбираем для этого наиболее важные продукты по разным группам продовольственных продуктов.

Сопоставление цен довоенных и конца 1918 года.

	Цена довоенная.	Вольная цена конца 1918 г.	Увеличение по сколько раз.
Ржаной хлеб — фунт.	3 к.	7 р. —	233
Картофель . . . »	1 »	1 » 49 к.	149
Говядина 1-й сорт »	22 »	12 » 05 »	55

	Цена довоенная.	Вольная цена конца 1918 г.	Увеличение во сколько раз.
Селедки—десяток . . .	94 к.	40 р. 70 к.	43
Яйца » . . .	20 »	13 » 17 »	45
Молоко—кружка . . .	8 »	3 » 01 »	38
Масло сливочное—фунт.	54 »	32 » 63 »	60
Сахарный песок »	13 »	25 » — »	192
Соль	1 »	1 » 50 »	150

Цены на продукты возросли далеко не в одинаковом размере. Чтобы узнать теперь тот уровень, до которого опустился в своем падении бумажный рубль к концу 1918 года, надо повторить прием, уже употреблявшийся нами ранее для предшествующих моментов. К сожалению, теперь приходится оперировать с ценами только на продовольственные продукты, чего и не следует упускать из виду при окончательном выводе. Беря за норму дневного потребления в довоенное время в среднем на 1 человека $^1/_2$ ф. пшена, $1^1/_2$ ф. хлеба, 2 ф. картофеля, $^1/_2$ ф. мяса, 1 селедку, 2 яйца, 1 кружку молока, $^1/_{16}$ ф. сливочного масла, $^1/_{16}$ ф. постного масла (конопляного), $^1/_8$ ф. сахара, $^1/_{16}$ ф. соли—получаем довоенную затрату на перечисленные продукты $49^1/_4$ коп., а по ценам конца 1918 г. 41 р. 35 к.; разница получается в 84 раза, или ценность бумажного рубля равна $1^1/_5$ коп. Если же принять во внимание, что стоимость не продовольственных продуктов росла не так сильно, как продуктов продовольственных, то правильнее было бы считать бумажный рубль в конце 1918 года равным по своей покупательной силе 2 коп. металлическим.

Цены в 1919—1920 гг.

Переходим к рассмотрению эволюции цен в 1919 году. Здесь в нашем распоряжении имеется более обширный и систематизированный материал Центр. Статист. Управления, охватывающий не одни продовольственные, но и важнейшие продукты и изделия промышленного производства. Точно так же, как и для 1918 года, проследим параллельно изменение цен вольного рынка и цен, по которым отпускались продукты из лавок советских (позднее—Москов. Потреб. О-ва). Цены выражаем уже в рублях, округляя копейки. Для продуктов продовольственных получаем следующую таблицу:

Цены в Москве на продовольственные продукты в 1919 г. в рублях.

	Цены советских лавок.				Цены вольного рынка.			
	Январь.	Май.	Сентябрь.	Декабрь.	Январь.	Май.	Сентябрь.	Декабрь.
Хлебные продукты.								
Мука пшеничная—фунт	1,03	1.03	1,38	1,38	32.50	47,50	98,60	317
» ржаная »	0,85	0.85	1,19	1,19	18,75	23	59,50	211
Гречневая крупа	1,36	1,36	1,64	1.64	25	32	125	282
Пшено . . . . . »	1,22	1,22	1,53	1,53	20	27,20	81.20	191
Печен. хлеб пшеничный—фунт . .	1.30	1,30	1,72	1,72	—	--	107	317
» » ржаной » . . .	1,04	1.04	1,42	1,48	13	20,75	55	174
Картофель.	0,50	0,50	0,50	0,50	5,50	8,75	12	51
Мясные продукты.								
Конина—фунт	3,20	4,90	5,20	12,75	12,60	21,80	80	158
Говядина »	4	4	6,15	6,25	27,50	51,10	121	369
Баранина »	2,60	2.60	5,20	13	30	-	120	427
Телятина »	—	—	—	--	31,10	42,90	143	350
Свинина »	5,30	5,30	—	10,50	47,40	65.40	218	773
Колбаса вареная—фунт	—	6	—	--	32, 0	59,80	207	566
» копченая »	—	7,10	14,50	14,50	45	85,70	243	—

Цены в Москве на продовольственные продукты в 1919 г. в рублях.

	Цены советских лавок.				Цены вольного рынка.			
	Январь.	Май.	Сентябрь.	Декабрь.	Январь.	Май.	Сентябрь.	Декабрь.
Рыба и птица.								
Судак свежий—фунт	6,75	6,90	6,90	6,90	—	51,25	112	
Сельдь »	1,75	—	—	5,60	13,50	23,50	80,5	231
Вобла »	1,67	3,90	3,90	6,20	10	16,40	57	150
Гусь »	—	—	—	—	45	60	450	725
Курица—штука	—	—	—	—	103	158	370	875
Яйца, масло, сало.								
Яйца—десяток	6	19	19	43	50	76,80	175	661
Молоко—кружка	—	6,60	6,60	33	10,50	12	25,80	133
Масло сливочное—фунт	8,60	18,30	18,30	64	83,75	128	395	1.582
» подсолнечн. »	3,80	5,60	5,60	5,60	35	71,70	348	1.153
» конопляное »	3,80	5,60	5,60	5,60	39	55,80	320	909
Сало баранье »	—	7,60	13,30	28	57,50	81,25	320	1.075
» свиное »	—	11,30	17,55	29,05	76,20	104	320	1.300
Бакалейные продукты.								
Сахар-песок—фунт	5	5	5	6,50	54	91	176	812
» рафинад »	5,40	5,40	5,40	7,50	68,40	127	280	1.283
Чай	—	—	—	—	182	401	1.200	4.000
Соль	0,41	0,41	0,41	2,50	10,20	24,70	125	413

Расхождение цен твердых и вольных, как видим, с течением времени все усиливается; в начале 1919 года оно уже достигало в среднем 10 раз, а для хлебных продуктов от 10 до 30 раз; к концу года расхождение цен получается уже в несколько десятков раз, а для цен на соль, сахар и хлебные продукты даже более 100 раз и даже 200 раз. Теперь уже утратилась всякая связь между теми и другими ценами, это—две совершенно различные категории, имеющие каждая свое самостоятельное существование.

Рост вольных цен достигает огромного размаха; цены на хлебные товары увеличиваются в течение года в 10—13 раз; цены на мясные продукты, ранее отставшие в своем росте от хлебных цен, теперь растут быстрее последних, увеличиваясь в 12—16 раз, как бы наверстывая упущенное ранее время; цены на жировые товары—сало и масла обгоняют в своем росте две предыдущие группы, увеличиваясь от 15 до 30 раз; припомним, что в жирах население испытывало наиболее острую нужду. Столь же быстро возросли цены на сахар и соль, ставшие по преимуществу спекулятивными товарами. Такое же быстрое увеличение цен приходится отметить и по группам непродовольственных продуктов, как видно из следующей таблицы:

Цены на непродовольственные продукты в 1919 г.—в рублях.

Бакалейные товары.	1919 январь февраль	1919 май июль.	1920 начало января.
Керосин—фунт	7	37,30	350
Мыло »	3	52	257
Свечи—штука	9.40	40	150
Спички—коробка	3	4	57
Махорка—фунт	50	80	750
Дрожжи »	30	82	1267
Материи.			
Ситец—арш.	23,40	34,60	205
Бумазея »	30	55	260
Обувь.			
Сапоги—пара	556	1927	8000
Ботинки »	398	970	5000
Калоши »	205	375	4000
Валенки »	234	639	5000
Разные предметы.			
Нитки—катушка	14	31	150
Иголки—пачка	3,30	7,10	150
Карандаши—штука	2,50	5,20	35
Чашка »	19,20	17,20	50
Стакан »	5,80	9,10	45
Чугун »	40	115	450
Самовар »	625	1288	8500

Предметы одежды и обуви и др. изделия возросли в цене в 10—20 раз, а бакалейные товары, ставшие по преимуществу предметами спекуляции, и того больше: дрожжи—в 40 раз, керосин—50 раз, мыло—85 раз.

В этот период спекуляция достигла в Москве высшего своего развития. Сухаревка, Смоленский рынок и др. были полны всевозможных товаров; многотысячные толпы заполняли рынки. Достать здесь можно было все, что угодно—от ржавого железного лома, грязного тряпья, разорванных калош и развалившейся обуви вплоть до золотых часов, дорогих брошек, всевозможного галантерейного товара, духов, изящных сервизов, лакированных ботинок, кружев и пр. и пр. Но все это—по ценам, образчики которых приведены выше.

В 1920 г. начинается уже упадок Сухаревки, которая мерами, принятыми властями, постепенно ликвидируется; рынки закрываются один за другим; спекуляция постепенно уходит в подполье. Цены, конечно, продолжают расти. За первую половину 1920 г. зарегистрированы следующие цены—в рублях:

	Нач. янв.	7 мая.	2 июля
Хлебные продукты.			
Пшеничн. мука . фунт.	400	—	1000
Пшено . . . . »	251	388	675
Печен. хлеб пшен. »	401	800	1100
» » ржан. »	193	268	480
Картофель . . »	61	121	210
Мясные товары.			
Конина . . . фунт.	200	300	—
Говядина . . »	412	800	1150
Баранина . . »	375	900	1133
Телятина . . »	—	800	900
Свинина . . »	740	1300	2266
Колбаса вареная фунт	700	1700	2850
» копченая »	—	—	3500
Рыба и птица.			
Судак свежий . фунт	—	1000	1083
Селедка . . . »	423	825	850
Вобла вяленая .	—	500	200
Гусь . . . . »	775	1100	—
Курица. . . . штука	2000	—	4000
Яйца, масло, сало.			
Яйца . . . . десяток	1200	—	1533
Молоко . . . кружка	152	172	200
Масло слив. . фунт.	1900	2550	2766
» подсолнечн. »	1500	1975	2350
Сало свиное. . . »	1466	2175	2600
Бакалейные товары.			
Сахар песок . . фунт.	850	2000	3400
» рафинад . »	1300	2650	4250
Соль фунт . . . »	516	775	1250
Грибы сушеные . »	1550	2933	7750
Керосин . . . »	350	233	300
Мыло . . . . »	257	1000	2200
Спички . . . коробка	57	80	100
Махорка . . . фунт	750	1633	1800
Дрожжи . . . »	1267	3825	4200
Ткани.			
Ситец . . . . арш.	205	617	846
Бумазея . . . »	260	—	1000
Сукно . . . . »	—	—	20.000
Обувь.			
Сапоги . . . . пара	8000	27.500	42.500
Штиблеты . . »	—	12.000	31.000
Разные товары.			
Нитки . . . катушка	150	533	633
Карандаш . . . штука	35	160	200
Иголки . . . . пачка	150	283	300
Бумага . . . . лист	—	10	25
Чашка . . . . штука	50	350	300
Стакан. . . . »	45	200	117
Чугун. . . . »	450	2750	8500
Самовар . . . »	8500	25.000	32.500

Характерным для этого последнего периода является особенно сильный рост цен на ткани, обувь, посуду, вообще непродовольственные продукты, которые прежде росли в цене не с такой скоростью, как продовольственные продукты, и теперь подравниваются к последним; для некоторых цены поднялись до чудовищной высоты, в роде 20.000 руб. за аршин сукна, 42.500 руб. за пару сапог, или—еще разительнее—8500 руб. за простой чугун.

Цены на продовольственные продукты за первое полугодие 1920 г. возросли в среднем в $2^1/_2$—3 раза и в большем размере на спекулятивные товары—дрожжи и сахар, а также грибы.

Общие итоги роста цен.

Пора подвести некоторые итоги.

Прежде всего приходится отметить неуклонный рост цен на все решительно продукты; ни остановок ни, тем более, обратного движения мы не встретили. Быстрота роста цен для разных групп продуктов была неодинакова, при чем в один период усиленно росли цены на одни продукты, в другой период—на другие; соотношение цен между собою поэтому все время менялось, но, конечно, ценами управляли не капризы случая и еще менее воля определенных лиц. Основными факторами оставались, с одной стороны, соотношение между спросом и предложением, а с другой—незаменимость данного продукта, его большая или меньшая необходимость для поддержания жизни. Население переживало тяжелые времена; тяжесть нужды все время усиливалась, и граждане должны были постепенно сокращать свое потребление, отказываясь от одного продукта за другим; те продукты, от которых легче было отказаться и спрос на которые поэтому падал, не могли возрастать в цене с такой же быстротой, как те продукты, самые основные, как хлеб или картофель, без которых никак нельзя было обойтись, и спрос на которые сохранялся неизменно. Так шло дело до осени 1920 г., когда продовольственные условия столицы начали изменяться к лучшему. Далее мы приводим таблицу, иллюстрирующую это положение, а пока обратим внимание на подмеченное ранее явление—всё усиливающийся темп роста цен.

Здесь мы имеем не равномерное движение, а прогрессию, нарастание скорости. Цены росли подобно снежной лавине, несущейся вниз со все возрастающей скоростью. Это будет ясно, когда мы весь период, истекший с начала войны до сего времени, разделим на равные промежутки и определим для этих промежутков возрастание цены. Такими промежутками берем годичные периоды, при чем год принимаем не гражданский, а сельско-хозяйственный; последний предпочтительнее потому, что экономическая жизнь укладывается именно в сельско-хозяйственный, а не гражданский год, а затем удобнее строить и самую таблицу, так как и начало (объявление войны) приходится на средину гражданского года, и конец падает на средину гражданского года (последние имеющиеся в нашем распоряжении данные о ценах относятся ко 2 июля 1920 г.). Таблица примет следующий вид:

	Увеличение в Москве цен в %%.					
	за 1914—15 г. на	за 1915—16 г. на	за 1916—17 г. на	за 1917 18 г. на	за 1918—19 г. на	за 1 19—20 г. на
Пшено	67	9	300	3650	577	733
Ржаной хлеб . .	34	24	140	5733	686	1163
Картофель. . . .	0	73	669	645	705	2000
Говядина	23	70	90	995	905	1237
Селедка	26	116	98	620	1383	1535
Молоко	12	44	186	652	757	958
Масло сливочн. .	30	113	54	988	1110	960
» подсолн. .	31	82	106	2329	1833	1020
Сахар песок. . .	15	20	40	8828	604	2437
Соль.	89	36	33	4900	8233	900
Грибы сушеные .	11	62	139	238	1250	2314
Курица	27	139	86	387	1071	1410

К сожалению, непродовольственные продукты не могут быть включены в эту таблицу, по отсутствию для них сведений о ценах в 1918 году.

Если исключить таксированные продукты, как пшено, ржаной хлеб, сахар, соль, то картина получается вполне правильная: рост цен усиливается с каждым годом. Исключение составляет только подсолнечное масло. До войны подсолнечное масло расценивалось в четыре раза дешевле коровьего масла, но в последние годы, вследствие острого недостатка в жирах, подсолнечное масло идет по цене почти в уровень с коровьим маслом. Этот переход совершился в момент исчезновения жиров с рынка в 1918 году; вот почему для 1917—18 гг. отмечено такое быстрое возрастание цены на подсолнечное масло, и этот темп роста цены в дальнейшем не сохранился.

Что касается таксированных продуктов, то таксы на них искусственно сдерживали естественный рост цены. До Октябрьской революции указанные продукты население действительно получало по таксированным ценам; в 1918 году получение по твердой цене свелось до минимальных размеров, и населению пришлось обратиться к услугам вольного рынка; для периода 1917—18 года увеличение цены исчислено по вольной цене сентября 1918 года в отношении к таксе, действовавшей в сентябре 1917 года; в результате и получился чудовищный рост цены для таксированных продуктов; эти величины в несколько тысяч процентов не обозначают собою естественного роста рыночной цены, почему их и не следует принимать в расчет, и они не могут опорочить общего вывода об ускорении роста цен с течением времени.

Для суждения о соотношении цен и об общем удорожании жизни необходимо сопоставить начальные и конечные цены на главнейшие продукты.

В нижеследующей таблице сделаны два сопоставления: цены июля 1920 г. с целой довоенной и цены июля 1920 г. с ценой января 1918 года; и та и другая цифры имеют свое значение, о чем будет сказано ниже.

	Возрастание цены с 1914 г. до июля 1920 г.		Возрастание цены с января 1918 г. до июля 1920 г.	
Пшено	в 15.000	раз	в 540	раз
Ржаной хлеб	» 16.000	»	» 320	»
Пшеничная мука	» 16.666	»	» 400	»
Картофель	» 21.000	»	» 420	»
Говядина	» 5.227	»	» 307	»
Селедка	» 7.080	»	» 872	»
Курица	» 4.494	»	» 444	»
Молоко	» 2.500	»	» 167	»
Масло сливочное	» 5.122	»	» 277	»
» подсолнечное	» 18.077	»	» 470	»
Сахар-рафинад	» 28.333	»	» 425	»
Соль	» 125.000	»	» 2.500	»
Махорка	» 7.500	»		
Спички	» 10.000	»		
Керосин	» 7.500	»		
Мыло	» 17.000	»		
Ситец	» 7.050	»		
Сукно	» 7.000	»		
Штиблеты	» 4.000	»		
Нитки	» 12.700	»		
Стакан	» 2.300	»		

Первый ряд цифр в таблице показывает, до какой степени неодинаково был рост цен в различных группах продуктов; существовавшие до войны соотношения в ценах между разными категориями продуктов нарушены ходом истории самым решительным образом; в своей скачке цены настолько перемешались, что на первый взгляд может представиться, будто исчезла всякая закономерность, и мы имеем перед собою причудливые узоры случайности. Однако, разобравшись несколько ближе, можно подметить те центры, вокруг которых собираются цены различных групп продуктов, как снежинки вокруг осей кристаллизации. Так, для хлебных продуктов это будет увеличение цен в 15—16.000 раз, для продуктов животноводства—увеличение в 5000 раз, для промышленных изделий—в 7000—7500 раз. В этом отношении существует определенная правильность: по группам товаров цены возросли сообразно степени необходимости продуктов; для продовольственных продуктов цены возросли сильнее, чем на продукты непродовольственные; среди продовольственных продуктов цены увеличились сильнее на более необходимые хлебные продукты, чем на мясные и молочные продукты. В Москве, как известно, сильно сократилось потребление хлеба и круп и увеличилось потребление картофеля, который стал самым основным питательным продуктом, и вот цена на картофель росла сильнее цен на хлеб и пшено. В группе животных продуктов селедка и вобла вытеснили в питании масс населения мясо, которое стало редким лакомством, и мы видим, что цена на селедку выросла сильнее цены на мясо.

Среди непродовольственных продуктов сильно выдаются по увеличению цены именно наиболее необходимые изделия, без которых никоим образом не может обойтись ни одно хозяйство—нитки, спички, мыло. Спекуляция сосредоточила свое внимание именно на таких товарах, прибавив к трем указанным еще из продовольственных продуктов соль, сахар и подсолнечное масло. Рост цен на эти продукты далеко выходит за общие пределы для каждой группы, что и портит всю картину при первом на нее взгляде.

Необходимость, созданная условиями войны и революции, произвела перестановку продуктов, перераспределила их применительно к возможности удовлетворения наиболее насущных потребностей и сообразно этому произвела переоценку ценностей. Если ранее одному пуду хлеба соответствовали 3 пуда соли, то теперь установилось как раз обратное соотношение, и на 1 фунт соли выменивается $2^1/_2$ ф. хлеба; 1 фунту мыла ранее равносильны были 1 аршин ситца или $1^1/_2$ бутылки молока; теперь 1 фунту мыла (хорошего мыла) соответствуют 6 кружек молока, либо $2^1/_2$ арш. ситца и т. д. Эта переоценка ценностей началась чуть не с первых же шагов войны и совершается и по сие время, применительно к ходу экономической жизни; но в общих чертах она уже сложилась к началу 1918 года; с этих пор цены растут уже более равномерно, и соотношение между ценами продуктов колеблется не так значительно, в чем убеждают нас цифры второго столбца таблицы, где можно наметить один общий уровень в 400—500 раз для всех групп продуктов—хлебных, мясных, масляных и даже сахара.

Попытаемся подойти теперь к определению покупной силы бумажного рубля в настоящее время (т.-е. в середине 1920 г.), исходя из приблизительной нормы среднего дневного потребления в довоенное время. Как и в предыдущих случаях, возьмем на 1 человека $^1/_2$ ф. пшена, $1^1/_2$ ф. хлеба, 2 ф. картофели, $^1/_2$ ф. мяса, 1 селедку, 1 кружку молока,

$^1/_{16}$ ф. сливочного (или русского) масла, $^1/_{16}$ ф. подсолнечного масла, $^1/_8$ ф. сахара, 1 коробку спичек, $^1/_2$ ф. керосина, $^1/_{16}$ ф. махорки, $^1/_8$ ф. мыла, $^1/_8$ ф. соли, $^1/_{100}$ катушки ниток, $^1/_{16}$ арш. ситца, $^1/_{100}$ арш. сукна и $^1/_{300}$ пары штиблет (дрова не принимаем в расчет, так как цена их не зарегистрирована для 1920 г. в материалах Центр. Стат. Упр.). По довоенным ценам это составляло дневной расход в 56 коп., а по ценам в июле 1920 г.—5097 рублей. Конечно, теперь эта норма неприменима; только небольшая горсточка людей (напр., крупные спекулянты или казнокрады) имеет средства для подобных расходов. В разной степени, но все сократили свое потребление.

Однако, чтобы определить покупательную силу бумажного рубля на металлические деньги, надо взять одно и то же количество продуктов в определенном соотношении; определив, какой ценой на теперешние деньги можно оплатить довоенное потребление и во что это обходилось раньше, мы и узнаем степень падения покупательной силы рубля. Оказывается, она равна $\frac{5.097 \text{ руб.}}{0{,}56 \text{ руб.}} = \frac{1}{9100}$, т.-е. 1 копейка металлическая соответствует теперешним 91 руб. бумажному. Конечно, со сторублевой бумажкой мы не можем теперь обходиться столь же свободно, как прежде с 1 копейкой; но это только и указывает на то, насколько мы принуждены ограничить свои потребности.

К сожалению, не представляется возможным параллельно установить, в какой степени возрос (конечно, в бумажной валюте) средний заработок одного жителя, так как в значительной степени заработная плата натурализирована, при чем для разных групп рабочих и служащих натурализация платы неодинакова: одни получают пайки, другие получают часть платы деньгами, а другую часть—изделиями фабрики, на которой работают, некоторые же совсем не получают платы в натуральном виде; точно так же и по карточному распределению продуктов есть привилегированные группы населения. Пришлось бы по этому вопросу предпринять особое весьма обширное и трудное изучение предмета. Но каждый, думается, согласится с тем, что заработок в среднем возрос не в той степени, в какой возросли цены на продукты, т.-е. не во много тысяч раз, а гораздо слабее, и поэтому несоответствие между потребностями и средствами к их удовлетворению теперь чувствуется острее, чем прежде.

Борьба со спекуляцией.

Дооктябрьские правительства не принимали мер по борьбе с развивающейся спекуляцией. Советская власть отнеслась к делу иначе и выступила с целым арсеналом мер. Спекуляция подрывала основы советского строительства в деле снабжения населения необходимыми продуктами; выступая на борьбу со спекуляцией, правительство вместе с тем защищало и свою организаторскую работу от разлагающего влияния, которое вносил с собою широкий разгул аппетитов жадных акул наживы; власть рассматривала спекулянтов так же, как скрытых контр-революционеров и рассчитывала, путем уничтожения спекулянтов, нанести вместе с тем удар и врагам советского строя. Самое дело борьбы со спекуляцией было объединено с делом борьбы с контр-революцией и преступлениями по должности в одном ведомстве.

При центральном правительстве была создана с обширными полномочиями Всероссийская Чрезвычайная Комиссия; наряду с ней повсеместно были созданы и местные чрезвычайные комиссии, компетенция которых распространялась на определенную территорию—губернию, уезд, город; такая комиссия образована и в Москве.

Методы действия, применявшиеся Московской Чрезвычайной Комиссией, были разнообразны. В-первых, общие ревизии рынков в виде устраиваемых время от времени облав, при которых все захваченные на рынке лица должны доказать мотивы своего появления на рынке и представить свои документы; нормированные продукты в количестве, указывающем на торговлю таковыми, отбираются без вознаграждения, а виновные привлекаются к ответственности. Этот метод широко применялся первое время, но спекулянты сумели приспособиться и перенесли свою деятельность с рынков в окружающие переулки и на конспиративные квартиры. Все же значительное число спекулянтов было таким путем изловлено, и некоторого успеха удалось добиться: приток спекулянтов на рынке уменьшился. Количественно спекуляция проиграла, вознаграждая себя за это на цене товаров. Постепенно облавы почти вышли из употребления.

Другим мероприятием, направленным против спекуляции, явились продовольственные обыски. Первоначально они были организованы в широких размерах и захватывали целые кварталы и части города, при чем обыскивались под ряд все дома и квартиры. Этот путь борьбы со спекуляцией, казалось, ближе бил в цель; часто спекулянтских гнезд и складов удалось обнаружить и уничтожить. Но эта мера, как крайне стеснительная для мирного лояльного населения, возбуждала справедливые нарекания, и поголовные обыски также с течением времени были оставлены; временами и теперь еще производятся поголовные обыски, но только в подозрительных по спекуляции кварталах, напр., около Сухаревки, у вокзалов и т. д. Кроме того, практикуются отдельные обыски по доносам, но это уже обыски случайные.

Главным приемом обнаружения спекуляции, употребляемым М. Ч. К., является постоянная слежка через особых агентов, которые регулярно посещают все рынки и прилегающие к ним места скопления публики—чайные, постоялые дворы, вокзалы и др. Более ловкому агенту удается, под видом покупателя, проникнуть и на квартиру к спекулянту или на особую конспиративную квартиру, где хранятся продукты; таким путем удается иногда накрыть от 100 до 150 спекулянтов и незаконных торговцев в день.

Раньше было указано, что с прекращением мешочничества спекулятивный рынок питается продуктами из советских складов и магазинов при помощи всевозможных видов должностных преступлений—получения от учреждений незаконных или подложных ордеров на отпуск продуктов, преступного получения целых партий продовольственных карточек, прямых хищений со стороны служащих, возчиков и пр. В виду этого и М. Ч. К. расширила сферу своей деятельности, установив наблюдение над складами, карточными бюро, направляя своих агентов в разные советские учреждения и т. д.

В нашем распоряжении имеется отчет М. Ч. К. по отделу борьбы со спекуляцией за время с 1 февраля по 1 июля 1920 г. Отчет содержит многие любопытные данные, рисующие московский спекулятивный рынок и его нравы, и вместе с тем дает ясное представление о широкой деятельности, развитой М. Ч. К. в борьбе со спекуляцией и должностными преступлениями. Характерно в этом отношении то,

что в виду обилия работы пришлось ее специализировать, образовав для этого в недрах Отдела целый ряд специальных отделений. Так, особое отделение создано по делам Наркомпрода и Моск. Потребит. Общества, другое отделение—по делам В. С. Н. Х. и Горсовнархоза, далее—отделение по топливным делам, отделение по делам кооперации и кустарного производства и отделение контроля складов. Кроме того, самостоятельно действует особый Сухаревский подотдел, наблюдающий за рынками и уличной спекуляцией.

Отдел контроля складов имеет штаты специальных служащих, при помощи которых производятся летучие ревизии складов, а также и систематическое обследование складов и их отчетности, к которому привлекаются специалисты - бухгалтера. Отделение для наблюдения за кустарным производством и торговлей создано потому, что кустари обслуживают Сухаревку и частные магазины, поставляя в них продукты по спекулятивным ценам, часто сделанные из материалов, получаемых для производства от советских органов, орудия к тому же на казенные авансы; также под личиной кустарей оказываются зачастую бывшие торговцы, которые, под видом сбыта кустарных изделий, ведут торговлю всем, чем угодно, получая, напр., для продажи продукты, добытые незаконными путями из советских складов.

Образование особого отделения для топливных дел вызвано тем, что к лесным заготовкам допущены частные предприниматели-подрядчики, получающие огромные денежные авансы и партии продовольственных продуктов для организации лесозаготовительных работ, что открывает обширное поле для злоупотреблений разного рода. Но главная масса продуктов и распоряжение ими сосредоточены в руках разных главков, Наркомпрода и Московского Потребительского Общества; за деятельностью служащих в этих учреждениях М. Ч. К. следит при помощи двух указанных выше отделений, которые и обнаруживают через своих агентов должностные преступления—подлоги, мошенничества, хищения и пр.

В отчете отдела по борьбе со спекуляцией собран богатый материал, составленный из разного рода «дел». Тут вы встретите громкое дело о Главкоже, где обнаружена целая хитроумная организация преступного характера, в которой замешаны и видные работники этого главка; дело Главтопа о спекуляции дровами, керосином и машинными маслами—34 обвиняемых; дело Москвотопа—41 челов., многочисленные дела о хищении карточек, о краже продуктов служащими М. П. О., о симуляциях ограблений, о краже талонов, о фальшивых талонах, о хищениях при помощи ломовиков, накладывающих на подводы за взятку лишние мешки с мукою или сахаром и т. д. Достаточно сказать, что за 5 месяцев только через особое отделение по делам Наркомпрода и М. П. О. прошло 290 дел такого рода. Здесь имеются дела о незаконной продаже с фабрики Центротекстиля фуфаек и пряжи, о расхищении соли, принадлежащей Химотделу, о продаже на сторону на миллионные суммы железа, полученного по наряду для N-ского Губпродкома, о распродаже рыбы, полученной по наряду Компрода, о продаже наряда на гвозди, полученного для склада театрального имущества при Политотделе Реввоенсовета, и т. д. Как выясняется из дел М. Ч. К., идет в широких размерах спекуляция табаком, каустической содой, маслом, мылом; спекулируют заведующие магазинами белья, спекулируют на медикаментах и спирте заведующие аптечными складами и аптеками, заведующие складами американской обуви, складами огородных семян и пр. и пр.

Всего Отделом по борьбе со спекуляцией арестовано за 5 месяцев с 1 февраля по 1 июля 1920 года 2727 человек, освобождены из-под ареста 1618 челов., заведено новых дел—1698, рассмотрено 886 дел.; из них 303 дела направлено в обычном порядке в Совнарсуд, 32 дела направлено в особую сессию суда, 23 дела—в президиум Совнарсуда, 48 более важных дел представлены в Московский Революционный Трибунал, 13 дел направлены в Контр-Революционный Отдел, 16—в Уголовный Отдел, 13—в Комдезертир и 5—в Комиссию по делам о несовершеннолетних.

О деятельности Сухаревского подотдела имеются данные за 9 месяцев с 1 октября 1919 г. по 1 июля 1920 г. За это время подотделом было арестовано 13.777 челов.—7684 мужчин и 6093 женщин: оба пола участвуют в спекулятивной деятельности почти одинаково в численном отношении. По возрасту арестованные разделяются на группы следующим образом. Среди мужчин на рабочий возраст приходится 76,3%, среди женщин немногим больше—80,8%; несовершеннолетние составляют среди мужчин целых 19,3%, среди женщин меньший процент—12,6%; наконец, старики и старухи составляют 4,4% и 6,6%.

По занятиям арестованные распределяются следующим образом: служащие 3.449 человек — 25,0%, торговцы 1.865 чел.—13,5%, рабочие 1.764 чел.—12,8%, ремесленники 1.057 чел.—7,7%, без определ. занятий 5.641 чел.—41,0%.

Если принять в расчет численность указанных групп населения в Москве, можно сказать, что главные слои населения замешаны в спекуляции приблизительно равномерно; конечно, торговцы составляют исключение и подвергаются аресту чаще, но при современных условиях сам торговый промысел по существу тесно связан со спекуляцией, и это в порядке вещей. Свыше 40% арестованных составляют лица без определенных занятий, т.-е. такие, которые именно и живут спекуляцией, для которых спекуляция и составляет профессию. В эту группу можно бы было отнести всех несовершеннолетних и стариков—2988 чел., остальные 2653 чел.—в рабочем возрасте.

Интересна судьба этих арестованных; более половины их—56,8% постановлением Коллегии освобождены; часть их—за обнаружением их невиновности, но большинство—как попавшиеся в первый раз; наказанием для них служило пребывание под арестом до рассмотрения дела, испытанный при этом страх и отобрание продуктов; 12,5% направлены в Комиссию о несовершеннолетних; это составляет $^3/_4$ всех задержанных несовершеннолетних; последние, стало-быть, отпускались из-под ареста чаще, чем взрослые; 4,4% арестованных направлены в Комдезертир, 6,5% направлены в разные учреждения; остальные 19,8% или $^1/_5$ часть подверглась каре по постановлению Коллегии. Из лиц, подвергшихся каре, $^2/_3$ отправлены в лагерь на сроки не свыше 1 года, $^1/_{20}$—на срок свыше года и несколько более $^1/_4$ части привлечены к общественным работам.

Поскольку Советской власти удастся поднять в стране производство, залечить язвы транспорта и наладить дело снабжения, постольку исчезнет и самая спекуляция.

Восстановление хозяйства, победа Социалистического хозяйства над спекуляцией и мешочничеством есть задача, к которой должны быть направлены все усилия рабоче-крестьянской власти.

Жилищная политика Советской власти в Москве.

I. Домовладельческое хозяйство в мирное время.

По данным оценочной инструкции Моск. Гор. Управы квартирная плата в домах без водопровода и без центрального отопления, распределялась обычно на следующие основные части [1]):

1. На управление и дворников тратилось	5,5%	всей кварт. платы.
2. На текущий и капитальный ремонт	13%	» » »
3. На уборку и очистку . .	7,5%	» » »
4. На остальные хозяйственные расходы (освещение двора и т. п.).	1%	» » »
5. Недоборы по простою помещения	3%	» » »
6. Страховые и амортизационные отчисления	3%	» » »
7. Чистый доход капиталиста (абсолютная и дифференциальная земельная рента, строительная рента) . . .	67%	» » »

В домах с водопроводом квартирная плата по инструкции была в среднем на 30% выше, а отопление за счет домовладельцев повышало квартирную плату еще на 10%.

По существу вся квартирная плата в мирное время состояла из трех основных частей: платы за место (земельный участок), на котором выстроен дом, или земельная рента (абсолютная и дифференциальная), плата за самое здание и его внутреннее оборудование (так называемая «строительная рента», или, точней, процент на капитал, затраченный на постройку) и, наконец, хозяйственные издержки по текущей эксплоатации.

Первые две части квартирной платы обычно сливались в общий чистый доход домовладельца (статья 7) и только тогда, когда дом был выстроен на арендованной земле, домовладелец отдавал земельную ренту (аренду) собственнику земельного участка.

На основании грубых подсчетов [2]) можно предполагать, что плата за землю составляла более $^1/_3$ общего числа дохода домовладельца, т.-е. около 23% всей квартирной платы.

Что касается издержек по эксплоатации, то они поглощали лишь $^1/_3$ квартирной платы (статья 1—6), при чем на расходы по тем хозяйственным операциям, которые происходили внутри самого домового хозяйства (ремонт, очистка, дворники, управление, ст. от 1—4), тратилось лишь 27%.

Общая квартирная плата по всей Москве в 1915 г. определяется приблизительно в 210.000.000 руб. на валюту мирного времени или 210 миллиардов на современные деньги, принимая обесценение их в 1000 раз (см. доклад Жилищного Отдела, стр. 7). Если распределить эти 210.000.000 руб. квартирной платы на указанные основные ее части, то получим следующие цифры:

1. На управление и дворников приходилось	5,5%	или	11.550.000 руб.
2. На текущий и капитальный ремонт	13%	»	27.300.000 »
3. На очистку канализованных и неканализованных владений, включая канализационный сбор и уборку мостовых	7,5	»	15.750.000 »
4. Остальные издержки (кроме простоя помещений) .	1%	»	2.100.000 »
5. На восстановление зданий, разрушенных пожаром (стоимость страховых отчислений), или в силу естественного изнашивания (амортизационные отчисления)	3%	»	6.500.000 »
6. Земельная рента	23%	»	48.000.000 »
7. Процент на строительный капитал	44%	»	92.000.000 »

Таким образом, на собственно домовое хозяйство, т.-е. на операцию по управлению и содержанию в порядке зданий и их внутреннего устройства из 210 милл. руб. шло лишь около 57 милл., огромную же долю в 140 милл. руб. население платило домовладельцам в качестве земельной ренты и процентов на строительный капитал.

Кроме того, анализ хозяйственных расходов показывает, что в подавляющей части они представляют собой расходы по ремонту и очистке, т.-е. по покупке услуг различного рода предприятий (ремонтно-технических

---

[1]) Эти нормы взяты из доклада № 524 Моск. Гор. Управы об утверждении оценочной инструкции от 17 ноября 1912 г. с некоторой лишь перегруппировкой отдельных статей.

[2]) Доклад Моск. Гор. Управы за № 53 от 14 января 1911 г. о переоценке недвижимых имуществ; см. также доклад т. Кузовкова Моск. Совету по муниципализации жилищ, стр. 163.

контор, ассенизационных обозов и т. п.), весь же наличный рабочий состав измеряется лишь расходами по статье 1-й (управление и дворники), составляющими лишь 5,5% или 11.550.000 рублей в год.

В переводе с языка цифр на обычный язык это обозначало, что домовладелец является не предпринимателем, стоящим во главе своего предприятия, а получателем ренты. Купив готовый дом, как другие капиталисты покупают государственную ренту или акции, домовладелец в дальнейшем занимался, главным образом, собиранием квартирной платы, как его собраты — стрижкой купонов; что же касается домового хозяйства, то оно было лишь незначительным придатком к этому «спокойному» помещению капитала; весь персонал домового хозяйства сводился к одному или нескольким дворникам, а все хозяйственные функции домовладельца — к надзору за работой дворников и к покупке на соседнем рынке по неизменным почти ценам услуг монтера, плотника, трубочиста или отходника; все эти предпринимательские функции были чрезвычайно элементарны.

При таком характере домовладельческого хозяйства муниципализация домов сама по себе (т.-е. без муниципализации ремонтно-строительной промышленности и транспорта) представляет несложную задачу, сводящуюся к переводу дворников на службу муниципалитета и к организации управляющих; если иметь в виду, что стоимость управления и дворников по всем 30.000 владениям Москвы определялась до войны в 11.550.000 руб. в год, тогда как стоимость ремонта домов—27.300.000 руб., т.-е. в 2½ раза больше, и даже очистка стоила 15.750.000 руб. в год, то муниципализация одного домовладения требовала создания советского аппарата меньшего, чем аппарат очистки, или в 2½ раза меньшего, чем аппарат ремонта. Нелишнее отметить, что еще до войны муниципалитет обслуживал в деле очистки $^3/_7$ Москвы (предприятие канализации).

Можно смело сказать, что муниципализация одного домовладения является в организационном отношении гораздо более легкой задачей, чем проведение московского трамвая или водопровода, а между тем ее социально-экономическое значение огромно, так как оно дает возможность экспроприировать колоссальное имущество в 1½ миллиарда ценностью с чистым доходом в 140 милл. руб. на довоенные деньги.

II. Жилищный вопрос к моменту Октябрьской революции.

Война и вызванное ею разрушение народного хозяйства обострили жилищную проблему еще задолго до революции. Начиная с 1915 г., цены непрерывно росли, а квартирная плата оставалась почти на одном уровне. Домовладельческое хозяйство, жившее за счет квартирной платы, попало в критическое положение. Чистые доходы домовладельцев быстро таяли, домовладение становилось убыточным.

Попытки повысить квартирную плату параллельно общему росту цен встретили непреодолимое препятствие: народное хозяйство разрушалось, обнищание страны росло, бюджеты широких масс сокращались, и население, даже при добром желании, не могло платить домовладельцам столько, сколько оно раньше платило им (в золотой валюте). Упорная борьба за квартирную плату между населением и домовладением, начавшаяся уже в 1915 г., непрерывно продолжалась до февральской революции [1]). Набегая накопления недовольства, грозившего сорвать программу войны до победного конца, самодержавное правительство, обычно попечительное по отношению к домовладельцам, на этот раз выступило защитником населения от их посягательства. Домовладельцы потерпели поражение, и в 1915 г. было издано запрещение повышения цен на квартиры, а в 1916 г. — выселение жильцов.

Об общем повышении квартирной платы, сколько-нибудь близком к росту цен, не приходилось думать.

Однако, такой исход дела не только не решал вопроса, но еще более заострил его. При стремительном обесценении денег твердая квартирная плата не только не оставляла домовладельцу чистого дохода, но даже не давала возможности покрыть текущие расходы домового хозяйства (ремонт, очистка и т. д.). Домовладельцы постепенно сокращали, а часто и совсем прекращали очистку, приостанавливали ремонт, уменьшали штаты дворников, швейцаров и т. п. Домовое хозяйство приходило в упадок, дома разрушались.

Кроме того, привыкши жить за счет нетрудовых доходов от домовой собственности, домовладельцы продолжали расходовать квартирную плату на свое личное потребление даже и теперь, когда этой платы не хватало на текущие производительные расходы по содержанию домов; дороговизна съела чистый капиталистический доход домовладельцев и остатки квартирной платы. Во многих случаях с самого начала войны домовладельцы не истратили на производительные расходы ни копейки из полученной платы на жилище, не вбив за все время ни одного гвоздя, не покрасив ни разу крыши.

Таким образом, денежные ресурсы домового хозяйства, съедаемые дороговизной и домовладельцами, таяли как свеча, зажженная с двух концов, и в ближайшем будущем дома должны были остаться почти без всяких средств, необходимых для покрытия хозяйственных расходов.

Не менее грозная опасность для домового хозяйства вставала в связи с разрушением тех отраслей промышленности, которые обслуживали это хозяйство (ремонтно-строительная, транспортная, топливная и т. п.). В 1914 г. в Москве было более 40.000 лошадей, в середине же 1915 г. в связи с мобилизацией уже менее 30.000, иначе сказать, за один год войны московский транспорт лишился более 10.000 лошадей (справка Моск. Гор. Управы о ее деятельности по продовольствию на 1 января 1916 г., стр. 3).

В заготовительный сезон 1914—1915 гг. заготовка дров упала против прежнего на 25%, а к концу 1915 г.

---

[1]) Для борьбы против повышения квартирной платы население использовало в широкой мере санитарные попечительства, общества квартиронанимателей и вообще не задушенные профессиональные организации рабочих и служащих; в борьбу были втянуты широкие массы городского населения; начиная с 1916 г. «жилищный вопрос» не сходит со страниц московских газет, посвящающих ему специальные отделы; создается целый поход против домовладельцев.

заготовка дров сократилась уже на 30—40% из-за недостатка рабочих рук и неуверенности вывозки их из рощ и перевозки в Москву.

Быстро регрессировала также и ремонтно-строительная промышленность [1]).

До войны, при наличии на рынке в изобилии топлива, материалов, транспорта и рабочих рук, вся задача домовладельцев сводилась к покупке за деньги квартирантов топлива на соседнем складе, к найму монтера, слесаря или ассенизационного обоза и т. п., которые всегда были к его услугам.

Все эти операции были настолько нехитры, что с ними легко справлялись старшие дворники, которые фактически часто управляли домами.

Но лишь только стал останавливаться заведенный механизм, лишь только изменились привычные условия, домовладельцы проявили поразительную беспомощность. Привыкшие покупать готовое на складе или у соседнего подрядчика, домовладельцы не проявили ни инициативы, ни самодеятельности, чтобы выйти из затруднений.

Не, пытаясь своими силами бороться с кризисом, домовладельцы отдают себя на попечение города и государства, которые все больше начинают обслуживать московское домовое хозяйство. Начиная с 1915 г. домовладельцы все бо́льшую часть топлива получают через Городскую Управу или уполномоченного по топливу, снабжение топливом постепенно муниципализируется [2]).

В 1916 году домовладельцы даже снимали с себя ответственность за отопление, гарантируя лишь то топливо, которое они получали от Управы.

Бессильные справиться с очисткой, домовладельцы требовали от Управы, с одной стороны, расширения городского ассенизационного обоза, а с другой — расширения канализационной сети, т.-е., иначе сказать,

[1]) С открытием военных действий,—читаем мы в справке № 12 о положении канализационного предприятия от 12 мая 1917 г., условия для работ стали изменяться, постепенно ухудшаясь, вплоть до настоящего времени, что, по всем данным, будет продолжаться и далее. Сейчас положение для работ создалось весьма тяжелое, в ближайшем будущем оно может сделаться совершенно критическим.

Отсутствие на рынке достаточного количества строительных материалов и рабочих рук, расстройство транспорта, сокращение деятельности заводов по изготовлению необходимых для работ материалов, чугунного литья, частей машин и разного рода приспособлений и вследствие этого невыполнение сроков поставки их, уход со службы многих лиц технического персонала в связи с войной, наконец, высокая стоимость рабочей силы, материалов и приспособлений заставили Городскую Управу принять ряд неотложных мер, позволяющих хотя несколько облегчить то тяжелое положение, которое создалось».

[2]) На отопительный сезон 1916—1917 года для Москвы было закуплено к сентябрю 1916 г. московским уполномоченным по топливу 83.465 куб. саж., Московской Городской Управой—60.500 куб. саж., губернским уполномоченным—175.500 куб. саж., а всего 319.465 куб. саж., при общей годовой потребности Москвы (промышленность и дома вместе) около 500.000 кубоз в год («Русские Ведомости», 1916 г., IX, I доклад Харитонова).

Осенью 1916 года на городских складах было запасено для домовладельцев 4.500.000 пудов антрацита из 5.700.000 общей их потребности в антраците, определенной уполномоченным, кроме того для домов с железными котлами закуплено было Управой 2.200.000 пудов из 2.300.000 п., затребованных домовладельцами («Русские Ведомости», 20 сент. 1916 г., № 216, доклад Лузина).

муниципализации очистки. Точно так же они были не прочь, чтобы Управа взяла на себя и ремонтирование их домов.

До войны главная функция домовладельцев состояла в собирании квартирной платы и покупке за нее материалов и услуг для домового хозяйства. Той же функцией они хотели ограничиться и в условиях хозяйственной разрухи, с той лишь разницей, что снабжение их необходимым теперь вместо частного рынка должен был взять на себя муниципалитет.

В таком положении к моменту революции была хозяйственно-эксплоатационная сторона жилищной проблемы: под влиянием роста цен и в силу съедания квартирной платы домовладельцами, жилищное хозяйство почти лишилось необходимых денежных средств; одновременно проявилась неспособность домовладельческого класса в деле борьбы с последствиями хозяйственной разрухи, и в связи с этим начался процесс муниципализации вспомогательных отраслей промышленности, обслуживающих домовое хозяйство. Лишение домовладельцев права съедать остатки квартирной платы, субсидирование государством домового хозяйства и дальнейшее расширение начавшейся муниципализации вспомогательной промышленности — эти задачи выдвигались самым ходом вещей; муниципализация жилищного хозяйства становилась неизбежной.

III. Как началась муниципализация домов.

Управлять муниципальными домами неизмеримо легче, чем управлять трамваем, водопроводом, электрическими предприятиями или железными дорогами. Даже буржуазные экономисты (Ад. Вагнер и др.) давно подчеркивали легкую осуществимость муниципального домостроительства и домоуправления.

С другой стороны, то безвыходное положение, в котором очутилось жилищное дело в условиях войны и хозяйственной разрухи, та продолжительная борьба за квартирную плату, которая привела в движение широкие массы, казалось бы, должны были естественно выдвинуть мысль об устранении домовладельцев и муниципализации жилищ. И, однако, ни в дореволюционных программах социалистических партий, ни в политических платформах и в социалистической прессе революционного периода до октября нигде нет даже намеков на муниципализацию домовладения: больше того,—нигде не встречаются даже требования муниципализации городской территории; хотя это требование было давно выдвинуто уже буржуазными реформистами, мы не находим его в избирательных платформах, во время выборов Городской Думы и в Учредительное Собрание, не только эс-эров, но и большевиков. Лишь в «Известиях Московского Совета» летом 1917 г. была помещена пара статей Степанова (И. И. Скворцова), где автор чрезвычайно осторожно, даже боязливо, заводит речь о том, что, собственно, можно было бы без особого труда прожить без домовладельцев; но эти намеки никакого следа в партийных программах и лозунгах не оставили.

Начавшаяся в декабре 1917 г. московская муниципализация домов возникла вне какой-либо связи с прошлой борьбой между населением и домовладельцами, а скорее в процессе той всеобщей ломки, того всеобщего

посягательства на частную собственность, которое развилось в первый период социального переворота.

Первый проект декрета об отмене частной собственности на городские недвижимости был принят Совнаркомом в конце 1917 г. (почти в той же редакции, в какой он потом, в августе 1918 г., был утвержден В. Ц. И. К.).

Президиумом Московского Совета на этом основании 12 декабря 1917 г. издано основное постановление, установившее фактическую муниципализацию более крупных домов.

Более полгода Московск. Совет был единственным, вступившим на путь муниципализации, но и в Москве основной декрет 12 декабря 1917 г. говорит только о том, что в домах известной величины (с наемной платой свыше 750 р. в месяц) квартирная плата поступает в распоряжение Моск. Совета, а управление домами передается домовым комитетам (эта неопределенная форма была использована сознательно для того, чтобы не предрешать окончательно формы экспроприации, которую должен был дать общегосударственный декрет ВЦИК.).

Самый декрет об отмене частной собственности на недвижимости был 20 августа 1918 года утвержден В. Ц. И. К.

IV. Период Домовых Комитетов (1918—1919 гг.).

Постановлением от 12 декабря 1917 г. более 4000 самых крупных домов (из 28.000 всего в Москве) с населением в 780—800 тысяч было передано Московскому Совету, который не имел для их управления абсолютно никакого аппарата. Единственным способом заместить устраненных домовладельцев и их управляющих была передача экспроприированных домов домовым комитетам. Можно сказать, что только благодаря наличию домовых комитетов и возможна была такая широкая экспроприация домовладельцев без всякой предварительной подготовки. Домовые комитеты, в своей массе сплошь контр-революционно настроенные, оказались, неожиданно для самих себя, тем клином, при помощи которого Совет одним ударом отделил более 4000 крупнейших собственников от их собственности.

Однако, домовые комитеты первоначально оказали организованное сопротивление такому превращению их в орудие посягательства на собственность [1]).

Поэтому первые 4—5 месяцев прошли в борьбе Жилищного Совета с домовыми комитетами. Приходилось арестовывать обывателей, вносящих квартирную плату; в тех случаях, когда саботирующий домком отказывался принимать плату от жильцов, приходилось заставлять жильцов вносить плату прямо в Совет и тем оставлять без средств дом, который тогда не имел, чем платить за канализацию, водопровод, дворникам и т. п.; в ряде случаев Жилищный Совет передавал управление непокорными домами дворникам, делегированным Союзом дворников, сильно повысил в них квартирную плату и произвел «уплотнение».

Все случаи таких репрессий Жилищный Совет обычно широко опубликовывал в газетах, создавая этим усиленный резонанс своим мероприятиям среди обывательской массы. Получилось, что саботаж домкомов подставлял обывателей под удары Жилищного Совета.

После некоторого сопротивления домкомы сдались и взяли на себя управление домами.

Домовым организациям квартирантов, сделавшимися наследниками домовладельцев, было предоставлено автономное ведение домового хозяйства с правом самостоятельно производить необходимые расходы по хозяйству и точно так же самостоятельно определять размер необходимой квартирной платы.

Впрочем, начиная с марта 1918 г., Жилищным Советом были установлены обязательные для домкомов отчисления в кассу Жилищ. Совета, величина которых зависела, с одной стороны, от близости дома к центру, а с другой — от размера и благоустройства квартиры: в центре для больших благоустроенных квартир отчисления достигали 60% квартирной платы и 35% для средних; за чертой Садовой отчисления составляли 40% для больших благоустроенных квартир и 15%—для средних; мелкие квартиры, до 30 руб. в месяц (т.-е. огромное большинство), были свободны от обязательных отчислений.

Если иметь в виду, что за основание для определения отчислений бралась не текущая квартирная плата, а плата на 1 января 1917 г., и что в 1918 г. рубль стоил уже меньше 10 коп., то реальная величина отчислений, как максимум, фактически колебалась от 1½ до 6 процентов довоенной квартирной платы; отчисления мотивировались прежде всего тем, что крупную долю прежней квартирной платы составляла так называемая дифференциальная земельная рента, как плата за выгодное положение квартиры (близость к центру [1]).

Полный отказ от земельной ренты уравнивал бы буржуазию, пользующуюся всеми выгодами центрального положения, с населением окраин.

Кроме того, часть прежней квартирной платы шла на замену старых построек новыми (фонд восстановления капитала или амортизационные отчисления), и отказ от этой части означал бы, что буржуазное население будет бесплатно изнашивать дома, а строить новые Совет должен будет за общественный счет.

Наконец, по общему правилу, в условиях капиталистического строя плата за большие благоустроенные квартиры всегда была сравнительно немного ниже, чем плата за квартиры мелкие и менее благоустроенные.

Таким образом, основной задачей обязательных отчислений было установить дополнительную плату с тех, кто жил в более центральной части и в более благоустроенных и больших квартирах.

Обязательные отчисления вносились крайне неисправно, всего дали 40—50 миллионов руб. за 1½ года и к концу периода (средина 1919 г.) были совсем отменены.

[1]) Руководимые «Центродомом», 25 районных объединений домкомов 16 декабря обратились к населению Москвы с предложением игнорировать постановление Совета; их резолюция говорила: «признать обязательные постановления Совета Раб. и Солд. Деп. неисполнимыми впредь до рассмотрения вопроса о муниципализации недвижимостей Учредительным Собранием во всероссийском масштабе, вносить наемную плату в прежнем порядке».

[1]) Величина этой ренты в нормальных условиях равнялась в прежнем разнице в квартирной плате за две квартиры одинаковой величины и одинакового благоустройства, из которых одна находилась в центре, а другая на окраине.

Дом-коммуна для рабочих.

Кроме установления обязательных отчислений, Жилищный Совет, а затем сменивший его в мае 1918 г. Жил. Зем. Отдел, ничем не вмешивался в дело ведения домового хозяйства. Домкомы совместно устанавливали и взимали квартирную плату, производили ремонт и очистку владений, обращаясь к услугам частного рынка. У Жилищного Совета, а потом у Жил.-Зем. Отдела не было абсолютно никакого аппарата для обслуживания муниципализованных домов. Весь аппарат хозяйственного управления муниципализованными зданиями в центре и 11 районах сводились к 25—40 контролерам, предназначенным сначала для борьбы с саботажем домкомов, а потом для контроля за взносами обязательных отчислений.

Таким образом, создалось своеобразное положение. Никакой собственно муниципализации не было, была лишь замена домовладельческого хозяйства кооперативным домовым хозяйством квартирантов.

Непосредственным положительным результатом такой перемены было то, что, с одной стороны, одна из могущественнейших капиталистических групп лишена была материальных средств для своего личного потребления, а вместе с тем и для борьбы с Советской властью, а, с другой стороны, почти все то, что вносило население муниципализованных домов, должно было итти на производительные расходы по содержанию жилищ: проеданию домовладельцами остатков квартирной платы был положен конец.

Период домовых комитетов продолжался до последних месяцев 1919 года, в течение которых они были заменены квартальными хозяйствами.

V. Период сплошной муниципализации 1920 года.

К средине 1919 г. рубль стоил едва ли более 1 копейки на деньги довоенного времени, квартирная же плата, по сравнению с довоенной, увеличилась в среднем в 2—3 раза, так что в итоге реальная величина квартирной платы понизилась к этому времени в 30—50 раз. Ведение домового хозяйства как в муниципализованных, так и в частных домах при такой квартирной плате становилось немыслимо; домовладельцы в массе случаев обращались с официальным предложением передачи немуниципализованных домов в руки Совета; и если к этому не прибегло большинство московских домовладельцев, то это, главным образом, потому, что в связи с неустойчивостью военного фронта (Колчак, Деникин и др.) домовладельцы не переставали надеяться на скорую перемену, которая должна была принести им право на свободу торговли квартирами по сухаревским ценам.

Оставлять дольше дома в таком положении становилось невозможным; нужно было или разрешить домовладельцам повышение квартирной платы в размерах, необходимых для покрытия расходов домового хозяйства, т.-е. в десятки раз, или же принять содержание домов за счет государства, т.-е. приступить к сплошной муниципализации.

Повышение квартирной платы было невозможно потому, что в условиях момента такое повышение превратилось бы не в субсидию домовому хозяйству, а в простую подачку домовладельцам.

Уже до войны домовладельцы огромную долю квартирной платы тратили не на производительные расходы домового хозяйства, а на свое личное потребление.

В начале войны, как только рост цен стал сокращать чистые доходы домовладельцев, последние, привыкшие жить за счет этих чистых доходов и не желавшие сократить себя, сократили, а потом и вовсе остановили, самые необходимые работы по домовому хозяйству, в ущерб последнему и даже самим себе [1]).

Теперь же, когда домовладельцы испытывали, настоящий физический голод, а с другой стороны, спешили взять от «пока» немуниципализованных домов все, что только можно взять, они очень часто «по случаю дороговизны» проедали все 100% квартирной платы. Таким образом, повышение квартирной платы превратилось бы в субсидирование паразитического класса.

Не говоря уже о том, что у обнищавшего населения фактически не было никакой возможности повысить в десятки раз квартирную плату, такое повышение немыслимо было даже и в том случае, если бы государство для этого повысило в несколько раз общий тариф заработной платы. Даже получив от государства для оплаты квартир повышение тарифа, голодное население, не доверявшее тем более домовладельцам, прежде всего, постаралось бы накормить себя, чем отдать прибавку на кормление домовладельцев. Между государством и домовым хозяйством стояли голодные домовладельцы, и миллиарды, предназначенные для производительных расходов домового хозяйства, пошли бы голодным паразитам.

Единственным выходом была муниципализация, которая, устранив домовладельцев, позволила бы государству непосредственно финансировать домовое хозяйство.

Нежелание советского государства финансировать дома через посредство домовладельцев, окончательно выявилось в декрете от 11-го июля 1919 года, запретившем повышение в Москве и Петербурге всякое повышение квартирной платы [2]).

Этот декрет, косвенно признававший за государством обязанность содержать за свой счет дома, был равносилен постановлению об общей муниципализации.

Отдавая себе ясный отчет в значении упомянутого декрета, Жилищный Отдел со средины 1919 г. решил перейти к сплошной муниципализации. Московский Совет отрицательно относившийся к расширению муни-

---

[1]) Мы имеем официальное признание этого со стороны самих домовладельцев; в своей петиции Московск. Гор. Думе о повышении квартирной платы (марта 1916 года) домовладельцы прямо указывают, что если их чистый капиталистический доход будет сокращен ростом дороговизны, они прежде всего остановят необходимые работы по ремонту; в настоящий летний сезон очень многие домовладельцы, не будучи обеспечены прибавкой, не будут делать в своих домах ремонт, хотя бы последний и был неотложен с хозяйственной и санитарной точки зрения. Такую политику домовладельцы вели, несмотря на такую убыточность ее для них же самих, ибо по их собственному признанию несделанное в текущем году придется доделывать впоследствии с большими затратами, так как несвоевременный ремонт обходится дороже своевременного.

[2]) Декрет Совнаркома гласил: «Всем лицам и учреждениям, сдающим жилые помещения в наем, как койки, углы, части комнат, так и квартиры и части квартир, как в муниципализованных, так и в немуниципализованных владениях, воспрещается взимать квартирную плату выше, чем она была 1 июня 1919 г.».

ципализации, требовавшей новых организационных сил, должен был, однако, считаться с отсутствием иного выхода.

Тем самым начинается второй период в истории муниципализации, когда последняя становится неизбежной, несмотря даже на желание отложить ее.

Параллельно с вопросом о переходе к сплошной муниципализации к средине 1919 г. назрел вопрос о радикальном преобразовании той формы управления муниципализованными домами, которая была создана постановлением 12 декабря 1917 г.; эта форма не удовлетворяла Жил. Отдел в двух отношениях: с одной стороны, при ней в каждом владении, одинаково, как в крупном, так и в мелком, сохранялось самостоятельное домовое хозяйство, а с другой стороны—управление домами было передано в руки автономных организаций жильцов (домкомы).

Как показывала уже многолетняя практика московского домовладения мелкое хозяйство, подобно мелким предприятиям в промышленности и торговле, было крайне неэкономно; насколько нерационально было поставлено хозяйство в мелких и средних домах, как много излишних расходов оно несло видно из сравнения его с крупным домовладельческим хозяйством [1]).

Во владениях с годовым доходом:	На все расходы по управлению и содержанию владения тратилось:
в 500— 1.000 руб.	47% общей квартирной платы.
5.000— 6.000 »	30% » » »
9.000—10.000 »	26,7% » » »
50.000—55.000 »	17,5% » » »
Свыше 120.000 »	11% » » »

Иначе сказать, ведение самостоятельного хозяйства в мелких владениях обходилось в 3—4 раза дороже, чем в крупных, а между тем огромное большинство московских владений представляет собой в полном смысле карликовые хозяйства с главным ходом в 5—6000 рублей [2]).

Уже этот многолетний опыт капиталистического домовладения требовал от Жилищного Отдела, ради сбережения сил и средств, уничтожения хозяйственной самостоятельности мелких владений и слияния их в крупные хозяйственные единицы, дающие возможность использовать все выгоды крупного хозяйства.

К тому же самому приводила и собственная практика Жилищн. Отдела в деле управления муниципализованными владениями.

При незначительных размерах хозяйства каждого отдельного дома не было никакой возможности иметь в каждом случае постоянного сколько-нибудь опытного управляющего, свою денежную отчетность и т. д., так как это требовало относительно очень крупных расходов, непосильных для мелких хозяйств, а с другой стороны, фактически нельзя было найти столько годных работников, сколько было муниципализованных домов.

С переходом от выборочной муниципализации крупных владений к сплошной муниципализации средних и мелких указанные затруднения чрезвычайно возросли, так как организовать правильно поставленное управление и иметь самостоятельную отчетность в каждом из 30.000 московских владений было чрезвычайно дорого и фактически неосуществимо.

Что касается автономии домовых организаций, то практика обнаружила следующие дефекты этой формы: 1) Домовые комитеты передают управление домами случайным, часто меняющимся лицам, посвящающим домовому хозяйству лишь незначительную часть времени; 2) поскольку домовое хозяйство ведется за счет квартирной платы, организации жильцов, заинтересованных в низкой квартирной плате, сокращает самые насущные расходы хозяйства и ведет хищническую эксплоатацию доверенного ей дома; поскольку же квартирная плата фиксируется и возрастающие расходы покрываются за счет Жилищн. Отдела, организация жильцов становится расточительной и не заботится о рациональном расходовании советских средств.

Под влиянием указанных обстоятельств Жилищн. Отдел со второй половины 1919 г. решительно перешел к организации так называемых квартальных хозяйств, охватывающих ряд домов с общим количеством квартир около 300 в каждом хозяйстве. При 230.000 квартир во всей Москве, должно было получиться около 700 крупных хозяйственных единиц вместо прежних почти 30.000 карликовых хозяйств.

В новой постановке все домоуправления из рук организаций квартирантов передано было специальным управляющим кварт. хозяйствами (Квартхозами), непосредственно подчиненным Жилищн. Отделу: управляющий ведет хозяйство по сметам, утвержденным Жилищн. Отделом, имеет при себе счетоводство по системе двойной бухгалтерии, распоряжается паличным составом дворников, ремонтно-технических рабочих и т. п., сдает на учет Жилищн. Отдела освободившиеся помещения и передает их по ордерам Отдела, производит прописку и выписку и т. д. В руках домовых организаций по каждому дому оставлено было лишь продовольственное дело (получение и сдача продовольственных и хлебных карт и получение по ним продовольствия).

Для того, чтобы на ряду с контролем Районных Жилищных Отделов создать над управляющими контроль снизу, со стороны населения, заинтересованного в правильном и целесообразном расходовании отпускаемых средств, в каждом Квартхозе создана была Наблюдательная Комиссия из представителей отдельных домовладений, входящих в Квартхоз (фактически в Наблюдательную Комиссию вошли председатели домкомов). При помощи Наблюдательных Комиссий Жилищный Отдел стремился привлечь к ведению хозяйства население и использовать инициативу и опыт наиболее активных его элементов: участие населения в ведении хозяйства должно было в известной мере облегчить тяжелую ответственность перед населением новой адми-

---

[1]) Эти нормы взяты из оценочной инструкции 1913 г., утверждены Моск. Гор. Управой и относятся к каменным домам внутри бульварной линии, не имеющим центрального отопления и водопровода.

[2]) По переписи 1915 г. в 25.327 застроенных владениях Москвы было всего 217.786 квартир, т.-е. менее, чем по 9 квартир в каждом владении, если же иметь в виду, что средняя квартира в то время стоила не более 600—700 р. в год, то общий доход среднего владения для того времени выразится в 5—6 тысяч рублей в год.

нистрации, которой приходилось работать в чрезвычайно тяжелых условиях.

Однако, Наблюдательные Комиссии не должны были превратиться в учредилку, мешающую текущей работе управления; поэтому им не дано было право приостанавливать распоряжения управляющих и самостоятельно, помимо районного Жилищного Отдела, вмешиваться в управление [1]).

Предложенный Жилищно-Земельным Отделом план организации Квартхозов был одобрен Пленумом Московского Совета, который постановил:

«Жил.-Зем. Отдел должен принять все меры к скорейшему проведению квартальных хозяйств в общемосковском масштабе и не позднее месяца представить подробный печатный доклад о ходе работ по их организации». (Постановление Пленума Совета по докладу Кузовкова, 16 июля 1919 года.)

Проведение Квартхозов на территории всего города выполняло одновременно две задачи: сплошную муниципализацию и общую реформу управления муниципализованными домами, отданными до тех пор в полное распоряжение квартиранто в.

Процесс организации Квартхозов при недостатке организаторских сил в районах и при трудности подбора необходимого персонала управления, затянулся: однако, во второй половине 20 года Квартхозы охватили почти $^9/_{10}$ всех владений и всего населения г. Москвы [2]).

[1]) По положению о Квартхозах квартальной Наблюдательной Комиссии *предоставляется*:

а) Право ознакомления с ходом всех дел по управлению квартальным хозяйством; б) право предъявлять управляющему запросы по всем делам квартального управления; в) право ревизии дел квартального управления с обязанностью о результатах каждой произведенной ревизии представлять в районный Жилищно-Земельный Отдел доклады; г) право ознакомления со сметами и отчетами по управлению квартальным хозяйством; д) право подачи протеста в районный, а также центральный Жилищно-Земельн. Отдел на всякое действие и распоряжение управляющего; е) право предоставления управляющему квартальным хозяйством, а также в район. Жил.-Зем. Отдел своих соображений по всем вопросам квартального управления (ст. 45).

Квартальная Наблюдательная Комиссия не имеет право приостанавливать распоряжения управляющего квартальным хозяйством и самостоятельно вмешиваться в управление (ст. 46). Никакие постановления Наблюдательной Комиссии не обязательны для управляющих.

Управляющий обязан не реже раза в неделю созывать Наблюдательную Комиссию, осведомляя ее обо всем, что делается и предполагается делать в квартальном хозяйстве. Выслушивая доклады управляющего, Комиссия дает свои заключения, которые предетавляются управляющим в район. Жил.-Зем. Отдел с его отчетами.

[2]) Вместо предполагавшихся 700 Квартхозов получилось всего по распланировке 550, что объясняется, с одной стороны, тем, что в некоторых районах (Пресня) были образованы более крупные хозяйства, чем предполагал центр, а с другой стороны большое число домов, занятых центральными и местными советскими учреждениями, управляются самостоятельно их комендантами; наконец, торговые и складочные помещения при образовании хозяйств приравнивались к половине жилой квартиры.

Затем уже к половине 1920 года целый ряд кварт. хозяйств в Городском районе было слито по два, по три хозяйства в одно.

В конечном счете к осени 1920 года по отдельным районам хозяйства распределялись следующим образом:

В	Городском—по планировке	105	хозяйств.,	из них	действует	105
„	Пресненском	„ 39	„	„	„	39
„	Баумановском	„ 55	„	„	„	32
„	Хамовническом	„ 52	„	„	„	52
„	Замоскворецком	„ 60	„	„	„	37
„	Рогожско-Симонов.	„ 65	„	„	„	65
„	Сокольническом	„ 88	„	„	„	88
Итого		464	хозяйств.,	из них	действует	416

С первых дней своего осуществления принцип организации квартальных хозяйств вызывал ожесточенную критику.

Вопрос о Квартхозах подвергался пересмотру в многочисленных комиссиях и в самых различных инстанциях вплоть до Совета Народных Комиссаров: однако, продолжительная разработка вопроса не указала никакой новой формы, которой можно было бы заменить Квартхозы.

Как на пример, можно указать на Комиссию Совнаркома, которой в январе 1920 года было поручено обследовать Квартхозы на местах: собрав богатый материал, характеризующий развал жилищного хозяйства в Москве, она тем не менее не выдвинула ничего в замен Квартхозов [3]).

По смете на 1920 г. расход по содержанию управления Квартхозами (без дворников), считая действующими все хозяйства в течение полного года, выразился 165 мил. рублей в год; если иметь в виду, что к моменту составления сметы (конец 1919 года) рубль обесценился не менее, чем в 200 раз, то на деньги до-военного времени такой расход равнялся бы всего лишь 825.000 руб. в год.

Если иметь в виду, что Квартхозы включают почти все 30.000 московских владений, то указанную сумму расходов надо признать относительно незначительной.

Стоимость управления Квартхозами можно характеризовать также сравнением ее с размером других расходов по обслуживанию домового хозяйства:

1. Содержание аппарата Жилищн. Отдела в центре и районах	63.000.000
2. Управление Квартхозами	165.000.000
3. Дворники	289.000.000
4. Очистка канализованных и не канализованных владений	837.000.000
5. Ремонт	2.000.000.000
6. Остальные расходы	46.000.000
Всего . . .	3.400.000.000

Таким образом расходы по управлению Квартхозами составляют лишь ничтожную долю среди остальных расходов.

[3]) По существу все дискуссии о форме управления домами сводятся к основным двум вопросам: к вопросу о размерах хозяйства (отдельный дом или крупное хозяйство в несколько домов) и о том, кому должно быть передано руководство (организация жильцов в виде домкома или кварткома, или советский управляющий, или же комбинированная форма).

Ее отзыв гласит: «Квартальные Хозяйства, как форма управления муниципализованными жилищами, вызывает известные возражения, однако, в виду того, что все другие непробованные формы управления домами (домовые комитеты и т. п.) точно так же имеют ряд недостатков, Комиссия не находит возможным в настоящее время высказаться за замену этой формы какой-либо другой».

Приведенная таблица показывает, что из всех расходов по обслуживанию дома лишь ничтожная доля, около $^1/_7$, проходит через Жилищн. Отдел (ст. 1, 2, 3 и 6), все же остальное проходит через Отдел Сооружений (ремонт) или Отдел Очистки, являющиеся теперь совершенно независимыми от Жилищного Отдела.

VI. Отрасли промышленности, обслуживающие домовые хозяйства.

Приступая к муниципализации домов, не предполагали связывать ее с муниципализацией тех отраслей промышленности, которые обслуживают домовое хозяйство (ремонт, очистка, топливное дело и т. п.),—предполагалось, что управление муниципализованными домами будет пользоваться частным аппаратом ремонта и очистки в таком же порядке, как это делали и домовладельцы.

Однако, с конца 1918 г. начинается в широком масштабе обобществление топливного дела (в форме муниципализации, соединенной с национализацией его); с 1919 г. развивается обобществление в широких размерах ремонтно-строительной промышленности (массовая конфискация ремонтно-технических контор, складов и предприятий, реквизиция запасов материалов и т. д.) и, наконец, в 1920 г.—общая муниципализация дела очистки города Москвы.

Интересно, что в то время, как неполная муниципализация самого домовладения подняла невиданный шум и вызывала и продолжает вызывать серьезные опасения в способности Советской власти справиться с организационной задачей, обобществление ремонта и в особенности дела очистки прошло незаметно, не вызывая почти никаких опасений, а между тем, аппарат муниципального ремонта и даже очистки по своим размерам не уступает аппарату, необходимому для управления и содержания дворников по 30.000 владений Москвы.

Обобществление вспомогательных отраслей промышленности, обслуживающих домов. хозяйство, не вывело последнего из критического положения. Прежде всего, при общей хозяйственной разрухе, созданной сначала изнурительной империалистической, а потом гражданской войной, все эти отрасли оказались разрушенными или сильно сократившимися, так что, даже поглотив весь наличный капиталистический аппарат, советские отделы не в состоянии были сколько-нибудь удовлетворить существующей потребности; а кроме того, все наличные силы советских отделов были направлены в первую очередь на обслуживание ведомств и предприятий, под влиянием которых проходил самый захват частного аппарата.

Необходимо отметить, что обобществление ремонтной промышленности, как и транспортного и топливного дела, прошло почти вне всякой связи с муниципализацией домов; главной непосредственной причиной конфискации технических контор, складов и предприятий были нужды различного рода учреждений, ведомств и предприятий, которые требовали создания собственного советского ремонтно-строительного аппарата[1]) (для постройки и ремонта казарм, госпиталей, для перестройки и приспособления домов для различных учреждений, для обслуживания важнейших предприятий и т. п.). Поэтому и топливо, и транспорт, и рабочая сила, и материалы в первую очередь идут на удовлетворение предприятий и ведомств и лишь в ничтожной доле достаются домовому хозяйству.

[1]) Создание собственного аппарата непосредственно вызывалось, главным образом, тем, что частные предприятия, привлекаемые спекулятивными ценами частных заказчиков, не выполняли заказов общественно-важных предприятий и учреждений.

Насколько мало московские дома ремонтировались по сравнению с потребностью, видно, например, из следующих данных, приводимых в объяснительной записке Отдела Сооружений к смете по ремонту в 1920 г.

Потребность в ремонте в настоящее время во много раз выше потребности мирного времени. Дело в том, что за время войны были приостановлены почти все виды ремонта; далее вследствие того, что необходимый ремонт своевременно не выполнялся, изнашивание и разрушение жилищ шло ускоренным темпом; кроме того, Москва сначала пережила $3^1/_2$ года войны, в течение которой перенаселение города достигло невиданных размеров (беженцы, армия, лазареты), затем октябрьские дни с их артиллерийскими сражениями в самых центральных частях города и, наконец, 2 года социального строительства, когда все торговые и промышленные предприятия и все государственные и общественные установления, непрерывно меняясь, постоянно переезжали с места на место, бросали одни помещения и занимали другие; к этому надо прибавить также эвакуацию Петербурга, постоянные эвакуации различных городов во время гражданской войны.

Наконец, ко всему этому за последние годы и особенно в последние месяцы в связи с недостатком топлива присоединилось разрушение систем центрального отопления, канализации, водопровода, а вместе с этим катастрофическое разрушение потолков, полов и стен в больших домах, непрерывные пожары (замена центрального отопления железными печами) и т. п.

При таком положении не будет нисколько преувеличением, если сказать, что к настоящему моменту накопилось невыполненного ремонта за полных 5 лет.

Присоединяя к пятилетнему накоплению нормальный расход на ремонт на 1920 г., записка определяет общую стоимость необходимого ремонта в 1920 г. в 168 миллионов рублей на довоенные деньги.

Если считать, что в средине 1920 г. деньги обесценились в 1000 раз, то общий расход на ремонт, необходимый для того, чтобы привести Москву в нормальный вид, определится в 168 миллиардов на современные деньги, а между тем Отдел Сооружений по смете на ремонт на 1920 г. получил всего 2 миллиарда рублей.

Что касается вывоза нечистот и отбросов, то по состоянию транспорта в настоящее время выполняется фактически не более 0% потребности[2]), иначе сказать, миллионы ведер нечистот и миллионы пудов отбросов остаются на месте, заливая подвалы, погреба и канавы.

Такое положение отраслей промышленности, обслуживающих домовое хозяйство, ставит управление муниципальными домами (Квартхозы) в безвыходное положение.

Обычно многие, не разбираясь в сущности дела, возлагают ответственность за разрушение и загрязнение домов на управление квартхозами, требуя радикального преобразования или даже ликвидации их; однако, в действительности квартальные управления, как и всякий вид управления домами, не могут собственными

[2]) См. доклад Д. Кузовкова Моск. Совету от Жилищного Отдела, стр. 84, 85.

руками отремонтировать разрушенные дома или вывезти миллионы ведер нечистот; правление квартхозами, как и всякое вообще домоуправление, не может создать или заменить целые отрасли промышленности, обслуживающие домовое хозяйство, оно может только пользоваться на тех или иных условиях услугами этих отраслей, играя лишь роль передаточного звена между нами и жилищем.

Постольку же, поскольку при настоящих условиях не только в Москве, но и в самой природе не существует достаточного количества материалов, рабочей силы и транспорта, постольку ни одна форма домоуправления, как бы остроумна она ни была, не в состоянии остановить разрушение и загрязнение жилищ; пока вспомогательные отрасли промышленности находятся в их современном положении, домоуправления во всех случаях останутся в положении бессильного зрителя того, как постепенно будет ржаветь и продырявливаться крыша, гнить потолки, обсыпаться штукатурка, замерзать без топлива водопровод и канализация, заливаться нечистотами дворы и улицы.

VII. Квартирная плата.

Одним из существенных вопросов жилищной проблемы к 1920 г. стал вопрос о дальнейшей судьбе квартирной платы.

Уже к концу 1919 г. деньги обесценились по меньшей мере в 200 раз, квартирная плата, зафиксированная декретом 11 июля 1919 г., превышала только в $2^1/_2$ раза довоенный уровень ее, так что уже к тому времени от прежней платы за жилище осталось не более $^1/_{70}$ части.

К сентябрю 1920 г. деньги обесценились не менее чем в 1000 раз, и от старой квартирной платы осталось не более $^1/_{400}$ ее прежней довоенной величины; за хорошую квартиру, стоющую прежде 150 руб. в месяц, а в 1920 г. — 380 руб., фактически платили столько же, сколько за кружку молока, и меньше чем за фунт яблок. Уже по смете на 1920 г., составленной по данным конца 1919 г., вся квартирная плата по Москве определялась только в 360 милл. руб., тогда как расходы всех Отделов, обслуживающих жилищное хозяйство (Жилищного, Сооружений, Очистки), достигают 3400 миллионов—и это несмотря на то, что эти Отделы, обслуживали лишь ничтожную долю действительной потребности в ремонте, очистке и т. д. В этом году цифра расходов увеличится снова во много раз при неизменном размере квартирной платы.

Квартирная плата фактически аннулирована, и самое взимание ее скоро будет стоить больше, чем она дает.

Комиссия Совнаркома в мае 1919 г., а затем Комиссия Совнаркома в феврале 1919 года, рассматривавшие вопрос об отмене квартирной платы, высказались за такую отмену, однако, до сентября 1920 г. вопрос все еще не был решен. Единственным мотивом, который задерживает пока его решение, является опасение того, что с отменой платы отдельные группы населения получат бесплатно чрезвычайно неодинаковую ценность: в одних случаях это будут благоустроенные квартиры в бель-этаже, в других же случаях — коечно-каморочные помещения в полуподвалах; указание на то, что в виду фактического аннулирования платы это неравенство имеется налицо, и сейчас встречает возражение, что, как бы мала она ни была, все же она затушевывает это неравенство, которое с ее отменой окончательно обнажится.

В течение последнего года Жилищный Отдел сделал начерно первоначальную работу по замене домовладельцев и домовых комитетов советским аппаратом управления домами в форме Квартхозов. Дальнейшей задачей Отдела в этом отношении является усовершенствование созданного аппарата.

При спешном подборе 500 управляющих Квартхозами попадали нередко малопригодные работники, которых необходимо выбросить; при организации отчетности в Квартхозах пришлось, за недостатком работников, вместо бухгалтеров пользоваться простыми счетоводами; не было достаточно времени детально разработать внутренний порядок работы Квартальных Управлений, их взаимоотношения с Жилищными и другими Отделами и т. д.

Задачей Жилищн. Отдела является постепенная подготовка постоянного штата работников,—уквартхозов, их помощников, счетоводов и т. д., для чего Отделом намечено создание, с одной стороны, периодических курсов для подготовки таких работников, а с другой стороны — образование достаточного инструктората как при центральном, так и при районных Жилищных Отделах.

Точно так же основной задачей по управлению жилищами Москвы является создание достаточных кадров как дворников, разбежавшихся сейчас в силу продовольственных затруднений, так и домовых старост, являющихся необходимым вспомогательным аппаратом домоуправления.

Выполнение этих намеченных задач зависит в значительной степени от тех условий, в которых Жилищному Отделу придется работать в ближайшем году.

Однако, даже при идеальной постановке аппарата управления жилищ, жилищная проблема останется не решенной, если одновременно соответствующим Отделам Совета не удастся справиться с организацией вспомогательного аппарата по обслуживанию жилищ в деле ремонта, очистки и снабжения топливом.

Можно считать, что судьба московских жилищ более чем на $^9/_{10}$ зависит от успешности работы не от собственно Жилищного Отдела, а от Отдела Топлива, Отдела Сооружений и Отдела Очистки, работа которых точно так же находится в полной зависимости от общего состояния народного хозяйства.

VIII. Распределение жилищ.

До революции широкие трудящиеся массы размещались в коечно-каморочных помещениях. Крайняя разбросанность всякого рода учреждений в жилых домах и особняках, с одной стороны, и резкое уменьшение жилой площади помещений в городе—с другой (что привело буржуазную власть в тупик), *ставили перед Советской властью задачу полного перераспределения всех помещений в Москве на основаниях:*

1. Каждое помещение должно использоваться максимально, согласно его назначению.

2. Каждый трудящийся может иметь право только на определенную норму площади помещения, обусловлен-

ную профессиональными и санитарно-гигиеническими требованиями.

3. Каждый трудящийся должен быть приближен к месту его работы.

4. Все учреждения, не имеющие районного значения, должны быть сконцентрированы и сосредоточены в центре города в торгово-конторских помещениях и

5. В основу всякого рода перемещений должен быть положен точный учет помещений, связанный с регистрацией их текущего использования.

Первой задачей было переселение рабочих в благоустроенные дома.

Странно было бы думать при всем вышеизложенном, что улучшение жилищного быта рабочих масс было бы возможно при условии, если Советская власть уравняла бы площадь помещений, занимаемую отдельными гражданами в окраинных районах. Только постепенное оробочение центральных районов Москвы, только предоставление в распоряжение рабочих благоустроенных домов поблизости от места работы,—может до некоторой степени улучшить жилищный быт рабочих. Следовательно, постепенное переселение из окраинных районов трудящихся, связанных с центром города, становится при существующих условиях неминуемым.

Стихийное движение наиболее сознательных рабочих к улучшению своего жилищного быта началось в августе 1918 года; покушение на тов. *Ленина* послужило сигналом к «выбиванию буржуазии из ее гнезд». Однако, тяжелое военное положение страны в связи с неупорядоченностью организации переселения рабочих заставило Центральную власть издать целый ряд постановлений, значительно сузивших масштаб переселения.

Тем не менее, переселено было в общем свыше 40.000 рабочих.

Затем на очередь встает вопрос о сосредоточении учреждений в центре города.

Насколько центральные ведомства разбросаны в Москве, показывает следующая примерная таблица, составленная к 15 августа 1920 года.

Наименование ведомств.	Число адресов, по которым ведомство размещено.	Характер занимаемых помещений (квартиры, особняк и т. д.).
Всероглавштаб	20	Особняки.
Наркомпрод	4	Особняки (1), квартиры (1), торгов. помещен. (2).
В. С. Н. Х.	80	Особняки (10), квартиры и конторск. помещения.
Н. К. П. С.	16	Особняки, квартиры и конторск. помещен.
Наркомвнудел	10	Особняки (8).
Наркомзем	16	Жилой дом (1), особняки (15).
Наркомпрос	20	Школа (1), особняки, квартиры.
Р. К. П.	7	Особняки (6), школа и богадельня.

Таким образом, основная задача, которую должен был поставить Жилищный Отдел, заключалась в концентрации всех Отделов каждого ведомства по возможности в одном здании и в переводе всего ведомства в центр Москвы, т.-е., главным образом, в Китай-Город. С этой целью предварительной громадной работой было распечатание Китай-Города (было опечатано около 2000 помещений) и освобождение помещений от товаров. Специальное техническое обследование Китай-Города дало следующие результаты:

Характер использования владений.	Число владений.	Площадь в кв. саж.
1. Сборные владения со складами и канцеляриями учреждений	20	43.859
2. Владения, занятые в целом складами	18	22.717
3. Владения, занятые в целом учреждениями	15	21.318
4. Владения, занятые в целом предприятиями	3	1.500
5. Владения, занятые в целом воинскими частями	2	3.022
Итого	58	92.416

Из числа сборных владений выяснилась полная возможность приспособления под канцелярии учреждений 6 владений площадью 11.344 кв. саж. Из них 3 владения предназначены для концентрации Всероглавштаба и органов снабжения Военного Ведомства (ЦУС, Главхозупр, Гау и т. д.).

Согласно разработанному плану, утвержденному малым С. Н. К. от 9 сентября, Жилищным Отделом были переселены:

Наименование ведомств.	Число освобожденных адресов.	Во скольких местах осталось размещен.
Центросоюз	4	2
В. С. Н. Х	12	68
Наркомпуть	6	10
Наркомвнудел	10	1
Наркомвнешторга	1 (25 кв.)	1 (конто
Наркомпрод	2	2

Помимо ведомств, Жилищным Отделом М. С. была проведена концентрация некоторых Отделов М. С. в связи со слиянием Московского и Губернского Советов. Общее число освобожденных помещений в порядке перемещения ведомств, согласно выработанному плану, равняется около 150 квартир, 30 особняков и 5000 кв. саж. конторской площади.

В стадии подготовки к переселению находится Наркомздрав и Центральные Управления Военного Ведомства. Вместе с тем приходится констатировать, что занятием в Китай-Городе намеченных владений будет исчерпан весь китай-городской фонд.

«Рабочие Коммуны», заселенные полностью рабочими одного или нескольких предприятий, являются очагами коммунистического общежития городских рабочих.

По отношению к этим домам Советская власть берет на себя все заботы о ремонте их, омеблировании, снабжении бесплатным топливом и развитии в них коммунальных учреждений (яслей, детских садов и т. д.).

Вместе с тем тяжелая зима 1919 и 1920 гг. показала, что в крепких руках рабочих предоставленные им дома в массе были спасены от разрушения.

Поскольку в области переселения рабочих и размещения учреждений Жилищный Отдел М. С. перешел «от политики» кустарного и безучетного удовлетворения предъявленных требований к твердой практике расселения, согласно вырабатываемым планам, постольку удовлетворение нужд сотрудников различных ведомств остается пассивным распределением помещений, сдаваемых на учет жилищным органам.

За время с 1 января 1920 года по 1 октября 1920 года

поступило требований		удовлетворено			
на квартиры	на комнаты	квартирами	%	комнатами	%
6.326	16.903	4.207	66	12.987	76

Однако, приведенные цифры не полны (нет сведений по 2-м районам) и недостаточно характеризуют нужду в помещениях. Сюда не входит громадное требование для приезжающих в Москву студентов, для мобилизуемых рабочих и для командируемых на краткий срок.

Учитывая, что в области вывода учреждений в Китай-Город возможности в конечном итоге невелики, что требования на помещения со стороны Военного Ведомства попрежнему не только не уменьшаются, но и имеют тенденцию к постепенному росту, что производственные

программы В. С. Н. Х. и учебные планы Главпрофобра ведут к усилению въезда в Москву, Жилищный Отдел принужден итти по пути уменьшения жилищной нормы и по пути обязательной разгрузки Москвы от учреждений, не связанных с ней, как с административно-хозяйственным центром.

Естественно, что вся жилищная политика может проводиться только при условии точного учета помещений и регистрации их текущего использования. В этом случае Жилищный Отдел, получая механическим порядком сведения об использовании помещений, имел бы возможность придать планомерность своей работе. С этой целью, начиная с августа 1919 года, началась жилищная перепись, которая должна была описать все строения и помещения со стороны технической и санитарно-гигиенической (в переписи квартиры подлежали обмеру и съемке). Однако, в виду обострения борьбы с Деникиным и отсутствия должного числа квалифицированных работников перепись осталась выполненной на 80—85%.

Таким образом, несмотря на слабость хозяйственных органов (Квартхозов), не оказывающих необходимой помощи в деле учета свободных жилищ, несмотря на острый жилищный кризис, Жилищному Отделу удалось во главу своей политики поставить улучшение жилищного быта рабочих и полномерное размещение ведомств.

Однако, и активная жилищная политика—паллиатив, не могущий разрубить Гордиев узел жилищного кризиса, и только новое строительство, отвечающее требованиям нового, коммунистического уклада жизни, создаст необходимый жилищный быт.

Жилищные условия Москвы.

Как сложились жилищные условия в Москве в дореволюционное время, и какие изменения внесла в эту область революция и политика Советской власти,— вот два вопроса, на которые пытается ответить данная статья. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении статистические материалы с достаточной полнотой могут характеризовать жилищные условия лишь старой Москвы, позднейшие же изменения, которые стихийно возникли в процессе экономической разрухи или внесены планомерной работой Советской власти, еще не достаточно учитывались статистикой, и не дают основания для широких выводов. Нет прежде всего полных и точных данных, которые характеризовали бы последовательные этапы работы Советской власти в сфере жилищного вопроса и достигнутые в этой области результаты. Жилищно-земельная перепись, начатая в августе 1919 г., затянулась и еще не разработана, так что воссоздать картину жилищных условий в Москве 1919—1920 годов пока не представляется возможным.

Для общей характеристики жилищных условий нам придется прежде всего привлечь к рассмотрению данные ряда последовательных переписей и исчислений населения, начиная с переписи 1912 года, обследовавшей накануне войны этот вопрос с наибольшей полнотой. Сопоставление данных за 1912, 1917 и 1918 годы позволит нам выяснить наметившиеся в этой области тенденции развития и, что особенно важно, обрисует с достаточной ясностью ту обстановку, в которой должен был разрешаться жилищно-земельный вопрос в его новой постановке при рабоче-крестьянской власти.

Учет владений, застроенных и незастроенных, и жилых квартир, занятых и пустующих, дает первое и общее представление о том запасе, которым располагала Москва в разные периоды времени для удовлетворения жилищной потребности. Ниже приведены данные переписи 1912—1920 гг.

	Годы переписей и исчислений.						
	1902	1907	1912	1915	1917	1918	1920
I. Число владений:							
Общее	21.201	23.644	25.650	—	29.274	29.423	—
В том числе:							
Незастроенных .	881	894	1.020	—	1.204	1.751	—
Застроенных . .	20.320	22.750	24.630	25.327	28.070	27.672	27.125
II. Число жилых квартир:							
Общее	137.215	164.669	190.440	216.787	224.580	231.597	169.811
В том числе:							
Занятых	129.471	154.866	185.451	213.201	217.934	224.622	174.113
Пустующих { абс.	7.744	9.803	4.989	3.586	6,646	6.975	15.698
Пустующих { % .	5,6	6,0	2,6	1,7	2,9	3,0	8,2

Надлежит прежде всего отметить и уклонное увеличение числа владений, связанное как с территориальным расширением Москвы (в 1906, 1917 и 1918 гг.), так и с дроблением владений. А это последнее в значительной мере обусловливалось развивающейся застройкой владений. Что касается не застроенных владений, то, хотя общее число их из года в год незначительно возрастало (за счет окраин), но по отношению ко всему числу владений оно составляло неизменно около 4%, с колебаниями от 3,8% — в 1907 г. до 4,1% — в 1917 г. и 4,4% — в 1918 г.

Интересно отметить здесь распределение этого неизменного резерва пустующих земель по отдельным поясам Москвы. Как и следовало ожидать, главная масса пустующих земель расположены на окраинах. По данным 1912 года, за чертою Садовых и в Замоскворечье, т.-е. в районах наибольшего скопления рабочего населения и наиболее острой жилищной нужды, % незастроенной площади доходил до 14.4 (в западной части) и до 11,6 (в восточной); на севере пустующая площадь составляет 5,4%, а на юге (в Замоскворечье) 6,5%; в других частях города их не больше 0,5%.

Гораздо интереснее, однако, для нашей цели данные о числе жилых квартир за эти годы. Здесь мы замечаем тоже неизменное увеличение общего числа квартир из года в год, с той характерной особенностью, что до 1912 года это увеличение числа квартир обгоняло рост населения, а по данным 1915 года обнаруживается уже резкое несоответствие между приростом населения и увеличением числа жилых помещений. Отмеченная в цифрах 1917 и 1918 гг. убыль населения возвращает нас, повидимому, к прежнему положению, но, как увидим далее, это не создаст более благоприятных условий для разрешения жилищного вопроса — по причинам, о которых речь дальше.

Вот относящиеся сюда цифры:

	1902	1907	1912	1915	1917	1918	1920
Численность населения (в тыс.) . . .	1.174,7	1.345.7	1.617,7	1.983,7	1.854.4	1.716,0	1.029,2
	100	114,6	137,1	168,9	157,8	146,1	87,6
Число жилых квартир (в тыс.) . . .	137,2	164,7	190,4	216.8	224,6	231,5	189,8
	100	120,0	138,8	158,0	163,7	168,8	138,3

Как видно из предыдущей таблицы, эти изменения находят некоторое отражение и в изменениях % пустующих квартир: если в 1902 году таких было 5,6%,

Дом-коммуна для рабочих.

а в 1907 году 6%, то в 1912 году % незанятых квартир падает уже до 2,6, а в 1915 году даже до 1,7 и лишь немного повышается он в последующие годы, не превышая 3,0% (в 1918 году).

Причины такого стремительного роста населения Москвы общеизвестны и тесно связаны с войной. На ряду с естественным приростом населения, приток беженцев, лазареты и увеличившийся состав гарнизона повышал спрос на квартиры и обострял жилищную тесноту.

Позже ту же роль сыграла усилившаяся эвакуация учреждений, создавшая двойной спрос на квартиры: для размещения сотрудников и для самого учреждения. Эта последняя потребность удовлетворялась притом долгое время не систематически, вне всякого соображения с истинными нуждами отдельных учреждений.

В 1920 году, при резкой убыли населения по сравнению с 1918 г., положение дела совершенно меняется, и % пустующих квартир возрастает до 8,2. Уменьшилось вместе с тем и число жилых квартир, их насчитано было на той же территории на 41,7 тыс. меньше. Отчасти это объясняется изменением приемов учета: не включались в число квартир отдельные помещения в домах дешевых и бесплатных квартир, которые прежде регистрировались, как квартиры.

Но, несомненно, произошло за это время и подлинное сокращение числа жилых квартир: пришедшие в полную ветхость жилые строения, разобранные на топливо деревянные дома уменьшили в некоторых районах значительно количество жилых помещений.

По разработанным, до сего времени, частичным данным жил.-зем. переписи оказалось неиспользованными за ветхостью жилых строений:

В Басманном 1 коммисс. уч.	8
» Рогожском 1 » »	6
» Лефортов. 3 » »	16
» Ново-Андроньевском »	13
» Симоновском »	41

Число жилых квартир, зарегистрированных жил.-зем. переписью в этих участках, обнаруживает также значительное уменьшение сравнительно с 1918 годом, отчасти объясняемое указанными выше причинами [1]).

	Было жилых квартир в 1918 г.	В 1919—1920 гг.
Басманный 1 уч.	4273	3680
Рогожский 1 »	3668	3124
Лефортов. 3 »	3192	2088
Ново-Андроньевский	5109	4602
Симоновский	4517	4218

Общее, и часто очень значительное, уменьшение числа жилых квартир, несомненно, говорит о подлинном сокращении числа годных для жилья помещений и должно быть учтено, как новое обстоятельство, осложнявшее разрешение жилищного вопроса.

Что же представляют собой квартиры московского населения и, в частности, в каких квартирных условиях жило до последнего времени беднейшее, рабочее население Москвы? Приведем прежде всего несколько цифр

[1]) Мы говорим „отчасти“ потому, что некоторые жилые помещения (общежития, жилые помещения учреждений) выделены были в жил.-зем. переписи в особую группу.

для характеристики всех вообще московских квартир. В начале нашего столетия преобладающим типом квартиры в Москве была квартира в 4 комнаты; таких квартир по данным переписи 1902 года насчитывалось до 25%; затем с 3 комнатами было около 16% квартир и с 5 комнатами 15%; квартиры в одну и две комнаты составляли около 23%, остальное приходилось на квартиры в 6 и более комнат. К 1912 году положение осталось неизменным в том смысле, что первое место по-прежнему принадлежало квартирам в 4 комнаты [1]), их было свыше 30% всех занятых наемных квартир; второе место, однако, занимали квартиры в 5 комнат (около 18%) и третье—квартиры в 3 комнаты (около 15%).

Но более полные данные 1918 года, относящиеся к 223,8 тыс. занятых квартир из общего числа 231,6 тыс., отмечают в этом отношении резкое изменение. Первое место принадлежит тут уже квартирам в 3 комнаты,—их более 30% и с лишним в 1½ раза больше, чем квартир в 4 комнаты. Вот полностью эти данные:

Всего квартир (в тыс.).	Из них с числом комнат.											С неизвестным числом комнат.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11 и более.	
223,8 (в %%)	47,3	26,2	68,1	40,9	21,2	9,0	3,3	1,6	0,7	0,5	1,4	3,1
100 %	21,4	11,7	30,4	18,3	9,5	4,0			7,3			1,4

На ряду с трехкомнатными квартирами видное место занимают теперь и квартиры в 1 и 2 комнаты,—вместе они составляют ⅓ всех квартир (тогда как в 1912 г. их было только 14,3%). Несомненно, значительную роль играло в этом отношении присоединение в 1918 году новых пригородов (Петровский, Черкизовский, Благуш. уч.), с преобладающими в них этого рода мелкими квартирами; но, как видно из приводимых ниже цифр, одним этим рассматриваемое нами изменение объяснено быть не может.

По данным 1918 года было квартир:

	В 1 комн.	В 2 комн.	В 3 комн.
Петровский уч.	1247	790	1836
Черкизовский уч.	1093	647	1286
Благушинский уч.	601	475	1642
Всего в трех уч.	2941	1912	4764

Уменьшив на 4,8 тыс. число квартир с 3 комнатами, мы нисколько не лишим их этим принадлежащего им первого места; равным образом и квартиры в 1 и 2 комнаты и после вычета приведенных выше цифр (2941 и 1912) продолжают сохранять свое преобладающее значение сравнительно даже с квартирами в 4 и 5 комнат. Да и %, например, 3-комнатных квартир не очень разнится от общего по всей Москве (34,4—Петров., 39,9—Черкизово и лишь в Благуш. уч. 44%).

Но лучше всего оставим в стороне пригороды, и посмотрим, какие изменения произошли за рассматриваемый нами период времени в пределах муниципальной черты. Если взять отдельно квартиры в границах кольца Садовых, то оказывается, что из 49.261 квартиры

[1]) Насколько об этом позволяют судить данные, относящиеся к занятым наемным квартирам, для которых имеется распределение по комнатам; а наемные квартиры составляли тогда свыше 72% всего числа занятых квартир.

19,3% составляли в 1918 году квартиры в 4 комнаты, 17,2% и 17,7%—квартиры в 3 и 5 комнат и около 30% квартиры в 1 и 2 комнаты. Эти цифры уже не обнаруживают резкого преобладания 4-комнатных квартир и, наоборот, почти уравнивают их с квартирами в 3 и 5 комнат. Несомненно, раньше соотношение здесь было иное: при преобладании на окраинах более мелких квартир в среднем по Москве 4-х и 5-комнатные квартиры могли выдвигаться на первое место только благодаря их преобладанию в центральных частях Москвы.

Можно думать, что строительная деятельность предшествовавшего периода облюбовала именно этот тип квартир. Разрушались старые дома с квартирами в 4 и 5 комнат и воздвигались на этом месте гиганты-здания с карликовыми квартирками. Цифры, повидимому, подтверждают это предположение.

Категории квартир.	Насчитывалось в числе занятых квартир.	
	Наемных в 1912 г.	Всех вообще в 1 18 г.
Квартир в 4 ком.	44.983	40.896
Квартир в 5 ком.	24.189	21.232

Убыль ранее существовавших квартир налицо,—и достаточно значительная, чтобы ее можно было объяснить неодинаковыми приемами или недостатками статистической регистрации. А в этом различительном факте с ясностью выступает, на наш взгляд, прогрессирующая жилищная теснота: меньше площади для поселения за возможно большую плату,—таков принцип капиталистического домостроительства [1]).

Необходимо, далее, вкратце коснуться вопроса о благоустроенности московских квартир вообще, и в особенности выяснить положение дел на окраинах, где жила и живет главная масса рабочего населения Москвы. Водопровод, канализация и центральное отопление,—этими основными элементами квартирного благоустройства широко пользуются центральные части города и почти совершенно обделены в этом отношении окраины.

Насколько велико здесь различие между отдельными поясами, видно из следующих цифр:

	Квартиры с водопроводом и канализацией по данным 1912 г.	Квартиры с центральным отоплением по данным 1915 г.
	В % % ко всему числу квартир.	
Центр	84,0	27,9
1-й пояс	90,0	41,6
2-й пояс	86,7	46,6
3-й пояс, зап. ч. . .	24,0	23,6
3-й пояс, сев. ч. . .	27,3	21,5
3-й пояс, вост. ч. . .	11,8	19,2
Замоскворечье . . .	43,3	26,1

В 3-м поясе (западной и восточной части) еще около 9% с небольшим было квартир с одним водопроводом без канализации.

[1]) Относительная дороговизна этих мелких квартир по сравнению более крупными—факт общеизвестный.

Данные жилищно-земельной переписи 1919—20 гг. свидетельствуют, что в этом отношении на окраинах значительных изменений не произошло и до сего времени.

	Общее число квартир.	В том числе. С канал.	С водопр.	С центр. отопл.
Лефортовский 3 уч.	2038	70	249	56
Ново-Андроньевский.	4602	41	71	26
Симоновский . . .	4218	76	104	43

В Басманном 1 и Рогожском 1—из рассмотренных нами участков—по сравнению с 1912 годом произошло, напротив, значительное улучшение.

Данная нами выше общая характеристика жилищных условий в Москве не дает еще представления о том, как разрешался при этих условиях жилищный вопрос для огромной массы беднейшего и, главным образом, рабочего населения Москвы. А между тем в этом заключается сущность всего вопроса, и в эту сторону, естественно, направлено было, в первую очередь, внимание Советской власти.

Что представляли собой жилища городской бедноты в прошлом, это хорошо было выяснено для Москвы еще в 1899 году специальным обследованием так называемых коечно-каморочных квартир. Даже старая городская дума, представительница интересов капитала и домовладения, вынуждена была прикоснуться к этому больному вопросу московской жизни, и поставила на очередь обследование этих квартир для того, чтобы путем обязательных постановлений до некоторой степени урегулировать пользование этого рода жилыми помещениями.

Перенаселенность окраин создала особый тип коечно-каморочных квартир.

Обследования этих квартир в 1899, 1912 и 1917 гг. дают следующую картину: в 1899 г. обследовано было: коечно-каморочных квартир—16.478 с 180.919 жителями; кроме того, квартир извозчичьих и при постоялых дворах 561 с 16.969 жителями и 187 ночлежных квартир.

По отдельным поясам Москвы обследованные в 1899 г. коечно-каморочные квартиры распределялись следующим образом:

Пояса Москвы.	Число занятых жилых квартир.			Число жителей.		
	Всего в поясе.	Коечно-камор.		Всего в поясе.	В ком по-камор. квар.	
		Абсол.	%		Абсол.	%
Центр	1.721	240	13,9	21.200	2.851	13,4
1 пояс	11.844	769	6,5	121.700	16.603	9,5
2 пояс	20.318	1.802	8,9	168.000	19.144	11,4
3 пояс, западн. час. . . .	14.837	3.209	21,6	136.900	32.513	23,8
3 » север. » . . .	22.477	3.565	15,8	201.700	35.803	17.6
3 » вост. » . . .	21.405	4.383	20,5	221.400	48.263	21,8
Замоскворечье	14.846	2.417	16,3	161.900	29.873	18,5
Вся Москва	107.448	16.376	15,2	1.032.900	180.050	17,4

Как видно из этой таблицы, в различных районах Москвы от 6,5% до 21,6% занятых жилых квартир принадлежали к числу коечно-каморочных, и в них проживало от 9,5% до 23,7% населения района. А по

всей Москве эти квартиры составляли 15,2% всего числа занятых квартир; и они служили жильем для 17,4% всего населения Москвы.

И эти старые по времени цифры не устарели и в настоящее время, и нашли новое подкрепление в данных позднейших переписей (1912 и 1917 гг.).

В 1912 г. в Москве насчитывалось уже квартир со сдачей коек и каморок:

в городе 21.065 с 283.300 обитателями,
в пригородах 3532 с 43.338 обитателями.

Всего, следовательно, 326.638 лиц проживало в 24.597 квартирах, в условиях существования совершенно недопустимых.

Скученность населения выступает здесь очень наглядно: между тем, как по всей Москве приходилось в то время на одну квартиру 8,7 жителей, в этих жилищах бедноты проживало в среднем по 13,3 лиц в квартире, т.-е. в 1½ раза больше.

А самые квартиры эти были по размерам своим меньше других, даже квартир со сдачей комнат, т.-е. принадлежащих средне-зажиточному населению; в среднем приходилось на одну квартиру немного меньше 5 комнат, а в коечно-каморочных квартирах было в среднем около 3,5 комнат.

По данным исчисления 1 февраля 1917 г. таких квартир со сдачей коек и каморок[1]) насчитывалось уже 27.095 с общей численностью населения 340.589 душ. Опять та же картина: на одну коечно-каморочную квартиру приходится 12,5 обитателей, тогда как в среднем для всех квартир приходилось тогда на одну квартиру 9,3 живущих.

Можно констатировать, таким образом, ухудшение жилищных условий за эти годы в том смысле, что вся большая масса населения Москвы вынуждена была ютиться в коечно-каморочных квартирах.

	1899 г.	1912 г.	1917 г.
Число квартир	16.376	24.597	27.095
Число живущих в них . .	180.050	326.638	340.589
% по отношению ко всему населению	17,4	20,2%	16,9

А для 1912 года повысился даже процент живущих в коечно-каморочных квартирах по отношению ко всему населению: они составляли уже ⅕ часть этого населения, % пустующих квартир к этому году, как мы видели, значительно упал, и жилищная теснота загоняла всю большую часть населения в единственно доступную для рабочих коечно-каморочную квартиру.

Относительно же пригодности этих помещений для жилья двух мнений быть не может, и здесь в полной силе остается тот общий вывод, какой сделан был в свое время на основании материалов обследования 1899 года. «Если взять среднюю по своей обстановке коечную квартиру, то она окажется грязной, с испорченным воздухом, изобилующей всякими насекомыми, и во многих случаях сырой и холодной; в такой квартире помещается людей во всяком случае больше, чем следовало бы, и скученность населения доходит иногда до того, что становится непонятным, как могут жить люди в такой обстановке. Конечно, не все коечные квартиры таковы, встречаются и между ними квартиры достаточно чистые и просторные, но таковые составляют исключение». Выше мы видели подтверждение этого вывода в отношении скученности; нет основания думать, чтобы и прочие условия жизни в этих квартирах существенно изменились к лучшему за эти годы.

По данным того же обследования, из населения коечно-каморочных квартир 14,4% или 25.377 лиц принадлежали к числу фабрично-заводских рабочих; кроме того, в составе населения было 4% чернорабочих, 3,7% низших железнодорожных служащих и 3,1% прислуги, да и остальные самодеятельные обитатели этих квартир (мелкие ремесленники, промышленники и торговцы, приказчики и служащие) мало чем отличались, надо думать, от чисто-пролетарского населения квартир.

После Октябрьской революции жилищный вопрос, естественно, поставлен был во всей широте: предоставление здоровых и дешевых жилищ беднейшему рабочему населению столицы стало неотложной задачей, и с таким фактом, как коечно-каморочное существование, нужно было покончить раз навсегда. В условиях спешности единственный путь к разрешению этого вопроса заключался в перераспределении имеющихся жилых помещений. Учет свободных помещений и планомерное их распределение, с одной стороны, уплотнение, реквизиция помещений и систематическое переселение, с другой,—вот те методы, которые неизбежно выдвигались, как скоро стихийное в начале движение стало отливаться в правильные организационные формы.

Вот как характеризуют этот процесс имеющиеся в нашем распоряжении, пока еще, к сожалению, не полные и не всегда вполне точные статистические данные.

Первые следы новой политики в области жилищного вопроса мы находим в данных профессиональной переписи 21 апреля 1918 года. Спустя полгода после Октябрьской революции, обнаруживается, что перераспределение помещений коснулось еще незначительного числа жилых квартир, как видно из следующей таблицы.

	Всего было в Москве по данным переписи 1918 года.	В том числе.					
		Реквизированных.		Уплотненных.		Тех и других вместе.	
		Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
Жилых занятых квартир	223.805	1.802	0,8	2.450	1,1	4.252	1,9
Комнат в них	658.099	12.935	2,0	14.788	2,2	27.723	4,2
Живущих	1.710.005	22.013	1,3	21.234	1,2	43.247	2,5
Число комнат на 1 квартиру в среднем . . .	2,9	7,2	—	6,0	—	6,5	—

Реквизиции при этом подвергались за рассматриваемый период времени, главным образом, более крупные квартиры: в среднем на одну реквизированную квартиру приходилось по этим данным 7,2 комнаты, тогда как для всех обследованных квартир средняя была 2,9 комнаты. Более подробные сведения о распре-

[1]) В этот подсчет вошли и такие квартиры, в которых, кроме коек и каморок, сдавались и отдельные комнаты. Таких было 15.394 с населением 209.866 душ.

делении реквизированных квартир по числу комнат дают следующую картину.

	С числом комнат.											Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11 и бол.	
Число реквизированных квартир	409	101	92	144	215	193	140	98	55	50	305	1802
В % к общему числу . . .		33.4		19.9			46.7					100

Оказывается, что половина почти всех реквизированных квартир имела 6 и более комнат, и почти 17% принадлежала к крупным «барским» квартирам в 11 и более комнат. В этих цифрах нашел, очевидно, свое отражение первый послереволюционный сдвиг в области использования жилых помещений: захват особняков и крупных буржуазных наемных квартир, отчасти для учреждений, отчасти для расселения из трущоб рабочего населения Москвы.

Равным образом и уплотнению подвергались за это время квартиры более крупные: в среднем на одну такую квартиру приходилось 6 комнат, т.-е. вдвое более, чем в среднем для всех московских квартир. Нельзя не отметить при этом, что в таких уплотненных квартирах к моменту переписи 1918 года приходилось в среднем: на одну комнату 1,4 живущих, а на одну квартиру в целом 8,7 живущих. Между тем для всей массы обследованных в то время квартир, за вычетом отсюда квартир, занятых учреждениями, в среднем насчитывалось проживающих: 7,3 на одну квартиру и 2,5 на одну комнату. Уплотнение это, очевидно, изменяло лишь жилищные условия для некоторой группы лиц, заставляя их поступиться свободными помещениями для новых вселяемых,—но оно бледнеет перед тем естественным, жизнью создаваемым, уплотнением, которое отмечают средние цифры для всей Москвы. В уплотненных квартирах, более крупных, как указано выше, остается еще относительный простор сравнительно с тем, что наблюдается, так сказать, в квартирных низах. А в особенности это замечание справедливо по отношению к коечно-каморочным квартирам, охарактеризованным нами выше.

С этими последними нужно и можно было покончить лишь путем систематического переселения рабочих из абсолютно непригодных для жилья помещений. Это и было сделано при помощи реквизиции необходимых жилых помещений, и привело к созданию рабочих домов—коммун. Результаты этой деятельности к июню 1920 года выражаются в следующих цифрах:

Районы.	Общее число домов.	В них занято. Рабочими. Квартир.	Комнат.	С числом живущих.	Прочими лицами. Квартир.	Комнат.	С числом живущих.
Благ.-Леф.	22	588	2879	5319	130	626	1096
Городской	37	—	—	4994	—	—	—
Замоскворецкий . .	56	1058	—	6892	949	—	2972
Пресненский	64	1137	2697	7306	999	2848	4506
Рогож.-Симоновск. .	49	286	1083	2152	507	1213	2182
Сокольнический .	24	102	—	394	208	—	308
	11	361	—	888	—	—	—
Хамовнический . . .	37	635	1365	5536	273	344	1330
По всем районам . .	300	4167	7684	33481	3066	5031	12394

Таким образом, около 33½ тысяч рабочих получили помещения вблизи от места работы в лучших благоустроенных домах окраинных районов. К этой цифре следует добавить результат переселения летом 1920 года—около 8500 чел. В эти числа не входят рабочие, получившие помещения в благоустроенных домах, приписанных к отдельным предприятиям на правах преимущественного занятия рабочими этих предприятий свободных и освобождающихся комнат и квартир.

Во всяком случае, начало было положено в широких размерах; а путь к разрешению задачи был подсказан всей создавшейся обстановкой: скученностью рабочего населения именно на окраинах, жилищной неблагоустроенностью этих именно окраин и необходимостью спешно вывести рабочих Москвы из недостойных человека условий квартирного существования.

Водопровод и канализация.

Еще за 30 лет до революции Москва, раньше других больших русских городов, вступившая на путь так называемого муниципального социализма, увидела первое крупное городское предприятие общественного значения. То были городские бойни, открытые в 1888 году. В 1892 году окончено было второе крупное сооружение, имевшее чрезвычайно важное значение для города — Мытищенский водопровод, в 1903 г. дополненный Москворецким. Затем в 1898 году начала действовать городская канализация. С 1901 года в руки Городского Управления переходит сеть конно-железных дорог, постепенно перестроенная на электрическую тягу и дополненная рядом новых линий. Наконец, в 1905 году Городское Самоуправление выкупило газовый завод. Но на этом рост коммунальных предприятий в старой Москве остановился. После первой революции (1905 г.) Городская Дума, находившаяся раньше в руках домовладельцев и интеллигентов, попадает всецело под влияние крупной буржуазии. Эра муниципального социализма уступает место гучковскому режиму, когда Городское Самоуправление. намеренно избегало брать на себя постройку новых общественно необходимых предприятий и не осмеливалось конкурировать на этом поприще с частным капиталом. Царское правительство, в свою очередь, подозрительно смотрело на все попытки городских самоуправлений сосредоточить в своих руках заботы об удовлетворении хозяйственных нужд населения. Для выкупа частных предприятий монопольного характера ставились непреодолимые препятствия. Таким образом, с 1906 года Московское Городское Самоуправление ограничивало свою деятельность расширением и улучшением старых предприятий. Все попытки выкупить электрическую станцию и телефонную сеть потерпели неудачу. Хуже всего было то, что Городская Дума, добиваясь взять в свои руки постройку некоторых крупных сооружений, потребность в которых назрела в полной мере, и не будучи в состоянии (а может-быть, и не желая) осуществить эти предприятия, в то же время с успехом тормозила предоставление их частным концессионерам. Так было с метрополитеном, проект которого с 1903 года дважды возникал, с москворецким портом и с центральным мясным и овощным рынком. Кроме того, все внимание Городского Самоуправления привлекали к себе нужды центра города, где жили привилегированные классы населения. Центр города был освещен электричеством, газом и керосино-калильными фонарями, вымощен более или менее удовлетворительно и почти полностью снабжен водопроводом; более двух третей владений здесь были присоединены к канализационной сети. Напротив того, окраины, где ютилась главная масса столичного пролетариата, тонули в грязи и во мраке, и только на главнейших улицах горел керосин. Водопровода в домах по большей части не было, и жители вынуждены были прибегать к услугам водовозов или таскать воду из водоразборных кранов вручную. Канализация за чертой Садовых значилась большей частью только в проекте, и вывоз нечистот совершался первобытным способом в бочках. Электрическое освещение в квартирах на окраинах было большой редкостью, как и телефон. Домовладельческая партия в Думе настояла на том, чтобы сеть городских трамваев за Камер-Коллежским Валом не расширялась: гласные боялись, как бы с устройством дешевых и удобных путей сообщения не развилась строительная деятельность за городской чертой, что повело бы к падению квартирных цен в городе.

Октябрьская революция сразу покончила со всеми своекорыстными аппетитами заправил городского хозяйства и поставила на место прежней политики охраны интересов частного капитала заботы единственно об удовлетворении насущных нужд всего городского населения в его целом. Однако, тяжелая война, продолжающаяся уже седьмой год, хозяйственная разруха и блокада Советской России до сих пор не позволили выдвинуть на первый план вопросы о создании новых коммунальных предприятий общественного значения и осуществить такую программу городского благоустройства, которая могла бы устроить жизнь рабочего класса на новых началах.

В невыносимо тяжких условиях борьбы за существование Советская власть в Москве должна была ограничить свои задачи, главным образом, поддержанием доставшегося ей наследства в таком состоянии, которое позволило бы охранить важнейшие коммунальные сооружения и предприятия от разрушения. Деятельность большинства городских предприятий приходилось поддерживать лишь на такой высоте, которая была абсолютно необходима для существования городского населения и удовлетворения хотя бы перво-

очередных нужд коммунального хозяйства. Только в будущем, по мере восстановления нормального снабжения Москвы топливом и продовольствием и по возобновлении сношений с заграницей, можно развернуть энергичную деятельность по созданию новой благоустроенной Москвы.

I. Водопровод.

Городской водопровод в таком городе, как Москва, стоящая на небольшой сравнительно реке, с совершенно непригодной в черте города для питья водой, является вопросом жизни и смерти для населения. С 1903 года Москва переходит к потреблению фильтрованной воды, которую водопровод берет в 35 верстах выше Москвы на Москвы-реки, и теперь всего $^1/_8$ часть потребляемой москвичами воды доставляется из Мытищенского водопровода. Количество потребляемой московским населением воды до революции чрезвычайно быстро увеличивалось, как то видно из следующих данных:

Годы.	Среднее суточное количество доставляемой в Москву воды (тысяч ведер).	Душевое потребление воды (ведер в день).
1892	792	0,9
1898	1.629	1,6
1903	3.601	3,2
1910	6.329	4,1
1913	8.527	5,0
1914	9.296	5,3
1915	10.100	5,5
1916	11.991	6,2
1917	13.249	7,2

За 25 лет потребление воды в Москве увеличилось в восемь раз и накануне революции дошло до $7^1/_4$ ведер на одного жителя в сутки. Такое увеличение потребления воды зависело прежде всего от расширения городской канализационной сети, так как канализованные владения потребляют теперь уже более двух третей общего количества воды в городе. Затем целый ряд московских фабрик и заводов, бравших ранее воду для своих технических целей прямо из Москвы-реки, за последнее десятилетие перед революцией перешли на воду из городского водопровода. Однако, несмотря на быстрый рост расхода воды в городе, потребности населения далеко не могли считаться удовлетворенными в полной мере. Средний расход воды в канализованных владениях составлял около $9^1/_2$ ведер на человека, и с устройством канализационной сети по всему городу потребление воды при двухмиллионном населении (считая 2 миллиона ведер на утечку, тушение пожаров и поливку города) должно было дойти до 21 миллиона ведер в сутки. Таким образом, накануне революции Москве не хватало круглым числом 8 миллионов ведер в сутки. Такое количество воды при полном напряжении своей работы могли дать Рублевский и Мытищенский водопроводы, но при дальнейшем росте городского населения воды было бы уже недостаточно. Поэтому были начаты изыскания третьего водопровода, для которого предполагалось воду брать либо из Волги либо из Оки.

Революция положила конец необычайному росту московского населения, и потому пока вопрос о расширении водопроводных устройств отошел на задний план. Все усилия необходимо было сосредоточить на том, чтобы обеспечить правильную подачу в Москву тех 12—13 миллионов ведер, которые уже доставлялись до того времени. Несмотря на все трудности, связанные с разрешением этой задачи при условии отсутствия нужных материалов для ремонта водопроводных сооружений, недостаток опытных рабочих и продовольственный кризис, задача эта была блестяще разрешена. Работа московского водопровода не останавливалась ни на один день, и водоподъемные станции доставляли все это время почти одно и то же количество воды, колебавшееся в довольно узких пределах от 11 до $13^1/_4$ миллионов ведер в сутки. Душевое потребление воды в Москве непрерывно возрастало, как видно из следующих цифр:

Годы.	Средний суточный расход воды (тысяч ведер).	Душевое потребление воды (ведер в день).
1918	12.126	7,2
1919	12.091	8,5
1920 (1 половина).	11.818	9,8

Душевое потребление воды со времени революции увеличилось на 2,6 ведра или 36% и теперь круглым числом доходит до 10 ведер на человека в день. Таким образом, теперь в Москву подается воды больше, чем в большинстве европейских городов. Энергичные меры по обеспечению водопровода топливом привели к тому, что в начале минувшей зимы Рублевская насосная станция была снабжена дровами на 3 месяца и нефтью на срок до 5 месяцев, а Мытищенская насосная станция имела топлива на 2 месяца, что вполне обеспечивало водопровод от всяких случайностей.

Несмотря на такую усиленную работу и увеличение подачи воды по расчету на одного жителя, в действительности запасные резервуары Воробьевские и Крестовские остаются все время без запасов воды, и в возвышенных частях города, примерно на четвертой части его площади, ощущается недостаток напора водопроводных труб. В этих частях города вода с прошлого года обычно не поднимается до верхних этажей домов, а в самых высоких пунктах города иногда воды не хватает и в первых этажах. Для того, чтобы при современных условиях можно было подавать воду в верхние этажи по всему городу, необходимо было бы доставлять в Москву не менее $16^1/_2$ миллионов ведер в сутки или 16 ведер на жителя (вдвое против прежней нормы душевого расхода). Между тем фабрики и заводы в Москве работают едва на одну треть, так что промышленное потребление воды чрезвычайно сократилось. Казалось бы, такого громадного количества воды вовсе не нужно. Очевидно, значительная часть доставляемой в Москву воды тратится непроизводительно.

Для установления причин такого ненормального положения дела в 1919 и 1920 гг. городскими инженерами были произведены тщательные обследования, которые выяснили, что водопроводные магистрали, идущие из Рублева и Мытищ, а также городская сеть труб находятся в полном порядке. Утечка воды из магистралей и уличных труб остается почти постоянной, и вы-

нибание воды на поверхность земли происходит крайне редко и в ничтожных размерах. Все дело в том неприглядном состоянии, в котором находится домовая сеть. Действительно, анкета домовых водопроводов, произведенная с 13 августа по 15 сентября сего г., выяснила ужасающее состояние домовых водопроводов. В 6260 обследованных владениях оказалось 23.164 случая утечки воды, а именно: трубы текли в 2021 случае, кранов текло 12.299 и клозетных бачков—8924 штуки, так что в среднем на один дом с проведенной водой приходилось 3,7 мест утечки. Круглым числом из 4-х квартир в одной водопровод течет. Но, кроме того, надо иметь еще в виду, что в большинстве домов, отапливаемых плохо или вовсе неотапливаемых, водопроводные краны в предупреждение замерзания остаются постоянно открытыми. Наконец, теперь, когда вода стала чрезвычайно дешевой или вовсе бесплатной, исчезли прежние стимулы для бережного расходования воды. Быть-может, стирка белья при отсутствии мыла также ведет к повышению расхода воды. Как бы то ни было, нужно считать, что не менее 3½ миллионов ведер воды каждый день тратится зря, почему напор в трубах и понижается. Во многих домах борьба с недостатком воды становится одним из проклятых вопросов дня и требует затраты лишней мускульной силы. К сожалению, машинное оборудование на водопроводных станциях за 3 года усиленной работы износились несколько, и без капитального ремонта нельзя подавать Москве более 12½ милл. ведер.

Развитие уличной сети труб после революции почти остановилось благодаря недостатку материалов и еще больше—рабочей силы. С 1907 по 1917 год в среднем ежегодно прокладывалось около 15 верст уличных труб, и к 1 января 1918 г. протяжение водопроводной сети равнялось 577 верстам. В 1918 году было проложено вновь 2 версты 107 сажен и в 1919 году — 5 верст 267 сажен, так что всего теперь в Москве 584 версты труб. К водопроводу было присоединено владений: к 1 января 1914 г. 8197, к 1 января 1917 г. 9370 и на 1 января 1920 г.—9584. За десятилетие, предшествовавшее войне, в среднем вновь присоединялось к водопроводу по 400 владений ежегодно. Война не отразилась на расширении сети домовых водопроводов: в 1914—1916 гг. ежегодно присоединялось к водопроводной сети по 391 владению, т.-е. почти столько же, сколько и до того времени. В первый год революции к водопроводной сети присоединилось всего 160 владений, в 1918 г.—29 и в 1919 г.—только 25. Таким образом, присоединение новых владений к городскому водопроводу почти прекратилось. Но гораздо хуже другое явление. В 1918 и 1919 гг. домовые водопроводы совершенно испортились в нескольких тысячах домов. Действительно, в сентябре 1920 г. водопровод действовал, как видно из обследования Оскома, только в 6325 владениях, так что в 3259 владениях (или 34% общего числа) водопровод не работал. Из 3259 владений, в которых водопровод бездействовал, приблизительно в 2000 владениях трубы лопнули вследствие замерзания воды и последующего оттаивания. Починка домовых водопроводов в настоящее время крайне затруднительна. Согласно данным городских водопроводов в 1918 г. водопровод исправлен был только в 83 владениях, а в 1919 г.—в 71 владении; какое количество повреждений исправлено средствами самих квартиронанимателей, остается неизвестным. Для облегчения положения населения в домах с испорченным водопроводом, а также и без водопровода в последние годы устроено было значительное количество новых водоразборов: на 1 января 1917 г. уличных водоразборов в Москве было 139, а в январе 1920 г.— уже 222. Надлежит отметить, что еще до революции население Москвы почти целиком пользовалось водою из городского водопровода: в 1912 г., по данным переписи, колодезной водой пользовались только 25.000 жителей (1½% общего числа преимущественно в пригородах), а водой из реки Москвы—1316 человек в 136 владениях, т.-е. только 0,8%. Колодцы в Москве давным-давно не служат по своему прежнему назначению, и население всецело зависит от исправного состояния городского водопровода. По данным сентябрьского обследования, в 6325 владениях, где водопровод действовал, числилось 502.638 жителей, что составляет немногим менее половины общего числа жителей по переписи 28 октября 1920 г. (точнее 48,9%). Большая половина—526.000 чел. (51,1%) пользуются водой из уличных водоразборов или из соседних домов, где есть проведенная вода. Накануне революции во владениях без проведенной воды жило 49,1% москвичей (по данным 1912 г.), так что процент вынужденных таскать воду к себе в ручной посуде возрос на 2%. Между тем, число владений без воды увеличилось гораздо сильнее: по переписи 1912 г. их было 17.754, а теперь не менее 20.827 (судя по цифрам переписи 28 авг. 1920 г. и сентябрьской анкеты), т.-е. на 3073 или 17,3% больше. Сравнительно слабый рост числа пользующихся водой вручную объясняется усиленным переселением рабочих с окраин города в благоустроенные дома. Что касается колодцев, то накануне войны в Москве во владениях без водопровода колодцев было 8633 (из них артезианских 193), но для питья воду брали лишь из 1682 колодцев, а 6951 колодец служили для хозяйственных целей или были закрыты. Кроме того, во владениях с водопроводом было 1562 колодца (из них 209 артезианских), которые все были закрыты. Насколько население снова стало прибегать к колодезной воде, неизвестно.

С полным удовлетворением можно отметить, что качество воды, получаемой Москвой из обоих водопроводов, попрежнему остается вполне удовлетворительным. Фильтрованная вода содержит лишь ничтожное количество бактерий (не более десятка на кубический сантиметр), и химический анализ не обнаруживает никаких признаков загрязнения. Затруднения в работе фильтров ныне встречаются лишь во время паводка, так как серо-кислого алюминия, употреблявшегося прежде для коагулирования (предварительной очистки), теперь достать нельзя. Вместо алюминия применяется серно-кислая окись железа. В случае же, если бы этого коагулянта было недостаточно, имеется в виду подобно Петрограду, прибегать к хлорированию воды. Во всяком случае, Москва сама по себе вполне обеспечена хорошей водой. Все дело в том, чтобы сделать ее доступной одинаково для всех и прежде всего исправить домовые водопроводы.

II. Канализация.

Городская канализация в Москве открыла свои действия в 1898 году, при чем сначала канализационные трубы были проложены только в районе первой очереди, охватывающем лишь центральные местности внутри кольца Садовых улиц; за пределами Садовых к канализации могло быть присоединено всего несколько сот владений, расположенных вблизи канализационных магистралей. Проект полного канализования всего города был составлен еще до войны, но Городская Дума не давала ему хода, опасаясь чрезмерных расходов со стороны домовладельцев и не желая прибегать к новым крупным займам на расширение водопровода и канализации. Однако, жизнь доказала воочию, что удаление нечистот путем канализации, в конце-концов, выгоднее вывоза их в бочках, особенно когда заработная плата ассенизационных рабочих стала подниматься, а прокорм лошадей вздорожал. В виду этого с 1911 г. было приступлено к частичной канализации района второй очереди при участии самих домовладельцев в расходах. В 1898 году в Москве было канализованных всего 227 владений, а к началу 1911 года—уже 5045, так что в среднем ежегодно за этот период присоединялось к городской канализации по 400 владений в год. К 1 января 1914 года канализованных владений числилось уже 6533, так что в период частичной канализации ежегодно присоединялось в среднем к сети по 500 владений. Война значительно затормозила присоединение владений к канализационной сети, но все-таки за 1914—1917 годы ежегодно в среднем присоединялось к городской канализации до 250 владений. После Октябрьской революции присоединение к канализации новых владений почти прекратилось. Ныне к городской канализации присоединено 7619 владений или 28,1%, при чем в канализованных владениях живет по приблизительному подсчету 460.000 человек или 45% всего московского населения.

Работа городской канализации до 1917 года непрерывно увеличивалась; так, в 1913 г. в городскую сеть поступило 2136 миллионов ведер сточной жидкости, а в 1917 году уже 2977 миллионов ведер, так что во время войны количество сточной жидкости увеличилось на 842 миллиона ведер или 39,4%. За последние годы количество сточной жидкости, поступающее в канализационную сеть, несколько понизилась, а именно, в 1918 году поступило в городскую сеть 2472 милл. ведер, а в 1919 году—2663 миллиона ведер. Между тем, население владений, обслуживаемых канализационной сетью, за это время весьма значительно понизилось. В 1913 году канализация обслуживала 725 тысяч жителей, а в настоящее время в канализованных владениях около 460 тысяч жителей—на 265 тысяч или 36,5% меньше. В 1913 году на одного жителя приходилось в год 2950 ведер сточной жидкости (8,1 ведра в день), а в 1919 г.—не менее 4900 ведер (13,4 ведра в день), более точный расчет за последний год невозможен, так как сведения о числе жителей в канализованных владениях лишь приблизительны. Во всяком случае, спуск сточных жидкостей увеличился по расчету на одного жителя сравнительно с довоенным временем на $^2/_3$. Лишних пять ведер на жителя в день ясно свидетельствуют о том, что расходование воды в канализованных владениях резко повысилось. Кроме того, в городскую канализацию теперь, очевидно, спускаются и хозяйственные воды с фабрик и различных предприятий, которые раньше поступали в водостоки. К счастью, главная насосная станция теперь в значительной мере разгружена устройством загородного канала, передающего сточные воды на поля орошения самотоком: в 1917 году загородный канал передал на поля орошения 1232 миллиона ведер (41,4%), в 1918 году 1139 миллионов ведер (46,1%) и в 1919 г. — 1156 миллионов ведер (43,4%). Но и при сокращении своей работы, главная насосная станция не всегда успевает справиться со своей работой, главным образом, вследствие того, что временами на ней не хватает топлива для перекачки жидкостей. Поэтому в 1917 и 1919 гг. было спущено с главной насосной станции ненормально большое количество жидкостей. До войны главная насосная станция спускала прямо в реку-Москву во время половодья в среднем ежегодно 55 миллионов ведер, а в 1917 году пришлось спустить в реку уже 144 миллиона ведер, в 1918 году опять только 25 миллионов ведер и в 1919 году—282 миллиона ведер, так что количество жидкости, спускаемой прямо в реку Москву, дошло до 18,7%. Однако, к счастью для населения местностей, лежащих по реке Москве ниже столицы, теперь сточные жидкости сильно обеднели азотистыми соединениями, и теперь концентрация сточных вод в два раза меньше прежнего. Это любопытное явление зависит, главным образом, от того, что теперь население, дающее твердые отбросы, сократилось более чем на треть, а расход воды во владениях с канализационной сетью увеличился на $^2/_3$.

Для обезвреживания сточных жидкостей в Москве применяется система их переработки при помощи полей орошения, общая площадь которых с начала 1920 года дошла до 1513 десятин, из которых было:

под технической эксплоатацией . . .	1006 дес.
под сельско-хозяйственной культур. . .	507 »

За ходом очистки сточных вод следит лабораторный контроль как на тех, так и на других полях. Из данных лабораторного контроля было видно, что на Люберецких полях орошения очистка сточных вод происходила весьма удовлетворительно. Что касается Люблинских полей, то, за неимением достаточно обработанной площади, пришлось прибегнуть к менее совершенному способу очистки проточными прудами и распространить ее на довольно большую площадь полей; однако, несмотря на эти изменения к худшему воды в реке Москве, в которую выпускаются сточные воды, обнаружено не было. Как одно из особенно характерных явлений последнего времени в ходе очистки сточной жидкости на полях орошения следует отметить падение концентрации сточной жидкости, начавшееся еще в 1917 году, но особенно сильное (в два раза) в 1919 г., стоящее, вероятно, в связи с характером питания населения. Это выражается в сильном обеднении сточной жидкости азотистыми соединениями, понижает содержание взвешенных веществ и хлора (соль). Условия работы Люблинских полей орошения, несмотря на это, ухудшаются, так как эффект очистки все время

понижается нормально около 80%, а теперь 37%, это заставляет обратить самое серьезное внимание на облегчение работ Люблинских полей орошения и при первой возможности дать им отдых. Люберецкие поля орошения в этом году дают воду высокой степени очистки.

Культура растений полевых и огородных на московских полях орошения могут занимать только второстепенное значение; для более интенсивной культуры площадь полей орошения мала, так как изъятые под культуру участки почти не орошаются. Несмотря на это, в текущем году, принимая во внимание общие продовольственные затруднения, оказалось необходимым занять значительную часть полей под культуру. Но это помимо того, что отнимает от орошения требуемую площадь, отвлекает еще много рабочих рук, в ущерб обработки просто орошаемых участков.

Обработка полей, предназначенных под поля орошения, требуется весьма большая, чтобы сорная растительность не могла развиваться, и чтобы поверхность поля задержалась в сухом рыхлом состоянии. На эту сторону, за неимением рабочих рук, не могло быть обращено достаточно внимания, и предстоит произвести осенью, насколько будет возможно, весьма серьезную работу по освобождению полей орошения от сорной растительности и вспахиванию их.

Передача покосов на полях орошения соседним крестьянам оказалась неудачной, так как крестьяне выкашивают только хорошую траву, а всю сорную оставляют, лишая, таким образом, городское хозяйство сена, и осложняя работу по очистке полей от сорных трав и обработке участков.

Опыты с усовершенствованием способов очистки продолжаются. На Люберецких полях закончен ряд опытов с предварительным осветлением сточных вод перед их напуском на поля орошения и выяснением конструкций осадочных бассейнов.

На Люблинских полях орошения начат новый цикл опытов с аэрацией сточной жидкости в присутствии активного ила, при чем намечено в первую очередь испытание пригодности этого способа для предварительного осветления сточных вод перед их напуском на биологические фильтры, чем достигается максимум интенсивности процесса и, следовательно, сооружения необходимые для этого умещаются на ничтожной, по сравнению с полями орошения, площади (на одну десятину полей орошения 10.000 вед.—путем аэрации от одного миллиона до пяти миллионов ведер), что представляет огромное значение в вопросе о дальнейшем расширении очистительных устройств. Опыты, ведущиеся на опытной станции, должны осветить этот прием очистки с технической и экономической точек зрения. В особенности необходимы испытания в холодное время года. Станция рассчитана на обработку 200.000 ведер в сутки. В лаборатории ведется изучение этой установки и продолжаются специальные исследования деталей процесса.

Для увеличения пропускной способности Люблинских полей орошения, значительная часть площади которых занята в этом году огородами и лугами, на 202 дес. устроены *очистительные проточные пруды*, рассчитанные на пропуск 20.000 ведер на десятину в сутки, тогда как обычно участки полей пропускают не свыше 4000 ведер. Эти приспособления, на основании предшествующих опытов, тщательно исследуются лабораторией с целью разработать рациональные условия пользования и устройства очистительных прудов, представляющих для Москвы нововведение в практике очистки сточных вод, в особенности в связи с откормом рыбы.

С целью наилучшей переработки зловонных осадков, выделяемых из сточной жидкости, начато изучение процессов получения осветительного газа из осадков. Опыты ведутся пока только в лабораторном масштабе, но позволяют предвидеть, что этот прием оказывается применимым не только для осадка канализационной жидкости, но и к содержимому бочек, доставляемых на сливные станции. На очереди устройство опытной станции, которая производила бы испытание в более широком размере, чтобы выяснить экономическую сторону процесса. На Люберецких полях работы испытательного характера ограничиваются:

1) Изучением *газообразования из осадков в связи с работой*, ведущейся в Люблине, что привело к определенным заданиям для устройства опытной установки.

2) Продолжением исследования почвы отдельных участков полей орошения путем *почвенного механического анализа* для выяснения норм предельной нагрузки при орошении.

Из всего изложенного следует заметить, что очистка сточных вод идет вполне удовлетворительно на Люберецких полях орошения и более или менее удовлетворительно на Люблинских полях орошения, но требуется создать условия, при которых возможно бы было увеличить обработку орошаемых полей; увеличить живой и мертвый инвентарь с постройкой соответствующих зданий. Занятие полей орошения под сельско-хозяйственные культуры желательно и возможно, но это не должно итти в разрез с прямым назначением полей: не должна быть отнимаема самая необходимая площадь от орошения и не должна затрудняться обработка полей орошения.

Главным недостатком канализации является все та же порча домовых приборов. Регулярная прочистка сети вследствие недостатка непромокаемых сапог и непроницаемой одежды, невозможности своевременно заменить изношенные приспособления и орудия новыми, в связи с полным развалом транспортного хозяйства в участках и понижением трудоспособности рабочих от недостаточного питания и недостаточного числа состоявших на службе рабочих—не могла быть произведена в 1918 г. с тем напряжением и в том размере, которые требовались для дела. Все же почти весь год она производилась и только с наступлением зимы в ноябре месяце была прекращена. В течение 1919 г., главным образом, летом удалось прочистить главные кирпичные коллекторы и некоторые гончарные, вызывающие наибольшую заботу в этом отношении; но прочистка всех необходимых по сети мест произведена не была. Промывка сети тоже не достигла желательных размеров, и с наступлением морозов ограничена в крайних пределах самой насущной потребности. Разница между предшествовавшими и прошлым годом заключается в следующем: прежде трубы к зиме были всегда чисты, те-

нерь же сделать этого не удалось. В настоящее время производятся исключительно работы по очистке только случайных засорений, которых было не мало вследствие загрязнения сети. Так, за декабрь 1919 г. было зарегистрировано 341 засорение (208 засорений уличной сети и 133 в соединительных ветках). Кроме того, нередко канализационные участки прочищали дворовую сеть во владениях, что не относится к прямой обязанности Канализационного Подотдела (дворовые сети прочищались преимущественно во владениях, где помещаются различные учреждения—больницы, учебные заведения, правительственные учреждения). Таких прочисток произведено в 31 владении. В общем за 1919 г. число засорений сети и соединительных веток было 2916, т.-е. около 40 случаев на 100 владений против 30 случаев в 1913 г. (увеличение на 33% по сравнении с довоенным временем). Были случаи, когда прочистку обычными средствами произвести не удавалось, и приходилось прибегать к раскопкам, напр., Самарский пер., Екатерининская площадь, Тихвинский переулок, Петропавловский пер. в Лефортове, Москворецкая улица, на Яузском бульваре и в соединительных ветках—в Ремизовском пер., у владения Виленского госпиталя, на Ново-Басманной улице, дом № 22, на Больш. Спасской ул., у Спасских казарм, у Ярославского вокзала, на Гороховской ул., у дома № 29. Ремонт поврежденных труб очень тяжел и требует специальных землекопов-колодезников, так как трубы эти проходят в пловучем грунте.

Что касается домовой канализации (канализовано 7619 владений) и санитарного состояния канализованных владений, то прежде всего следует заметить, что канализация в большинстве владений пришла к полному упадку: канализованные сооружения изломаны, не имеется полного комплекта всех приспособлений (напр., промывных), трубы пробиты при прочистках и проч. Пользование приемниками крайне неряшливое—клозеты загрязнены, в раковинах—мусор, промывка почти не производится, в приемники сбрасываются твердые предметы и проч.

Произвести исправления канализационных сооружений во многих случаях за недостатком надлежащих предметов, материалов и рабочих рук представляется невозможным, но в отношении содержания канализационных сооружений должны быть приняты неотложные меры. С наступлением зимних холодов положение еще более ухудшается—во многих домах за неимением топлива в зиму 1919 г. замерзли водопроводные и канализационные трубы, и санитарное состояние становилось угрожающим. Вследствие прекращения правильной промывки приемников, на что оказывает также влияние часто имеющее в настоящее время место пониженное давление в городском водопроводе, дворовые сети загрязнены и ни прочистки, ни специальной промывки, как этого требуют правила, не производится. Скопляющаяся грязь проникает в городскую сеть, и ей-то по преимуществу эта сеть обязана своей засоренностью. С наступлением теплых дней замерзшие водопроводные трубы во многих домах полопались. Точного подсчета числа владений, в которых была таким образом испорчена канализация, не имеется. Но по приблизительным данным Канализационного подотдела минувшей зимой канализация бездействовала круглым числом в 2000 владениях с 120.000 квартир и приблизительно 140.000 жителей. Ремонт испорченной, замороженной канализационной сети в большинстве случаев чрезвычайно затруднителен вследствие недостатка труб, рабочих рук и общих хозяйственных условий города.

Что касается неканализованных владений, то вывоз нечистот из них в 1918 и 1919 гг. производился очень слабо. С марта месяца 1920 г. Подотдел Очистки Отдела Благоустройства принялся энергичным образом за вывоз нечистот. За семь месяцев до 1 октября сего года было вывезено круглым числом 280.000 бочек или по 40.000 бочек в месяц. Накопление нечистот в среднем можно предположить в размере 30.000 бочек в месяц по всем неканализованным владениям, так что понемногу, несмотря на все затруднения, связанные с транспортом, московские владения стали очищаться. В дальнейшем вывоз нечистот должен принять еще более значительные размеры, так как теперь Подотдел Очистки переходит от конского обоза к автомобильному: для этой цели имеется сейчас уже 9 машин и отпущено еще 15 машин, которые оборудываются специальными цистернами. Вывоз твердых отбросов как из канализованных, так и из неканализованных владений сильно упал с 1917 года. В 1917 г. было вывезено 576.000 возов мусора, в 1918 г. 363.000 возов и в 1919 г.—всего 305.000 возов, т.-е. за два года вывоз мусора упал на 271.000 возов или 47%. Но с лета текущего года началась усиленная вывозка и мусора. На 1 ноября с. г. по вывозу мусора работало около 1200 лошадей подрядчиков и крестьян, не считая еще собственного обоза Подотдела Очистки. Вывоз мусора в сентябре с. г. равнялся 59.000 возов, превышая таким образом средние месячные числа вывоза 1917 г. Поэтому есть надежда, что и залежи мусора скоро будут ликвидированы. Энергичная борьба за чистоту города уже привела к заметным результатам, сказавшимся в понижении заболеваемости и смертности от большинства эпидемических болезней в текущем году.

Внутренний транспорт.

На ряду с продовольственным и топливным вопросом вопросы транспорта, по справедливости, привлекают к себе усиленное внимание. По существу дела, эти области хозяйственной жизни находятся между собой—и всегда, а в особенности при современных условиях—в тесной внутренней связи и взаимозависимости. В применении к современной Москве, состояние средств и внутреннего сообщения и передвижения оказывает решающее влияние на все стороны ее хозяйственного и нехозяйственного бытия,—их недостаточность остро ощущается населением—прямо или косвенно в его повседневной жизни. Обрисовать современное состояние внутреннего транспорта в Москве и выяснить изменения, происходящие за истекшие три года,—задача довольно трудная, благодаря неполноте и недостаточно удовлетворительному состоянию имеющихся статистических материалов даже по трамвайному движению; о гужевом же и автомобильном транспорте прямо нужно сказать, что сколько-нибудь правильной статистической регистрации здесь не существует. Попытаемся, однако, не претендуя на исчерпывающую полноту и безусловную точность цифр, дать общую характеристику того состояния, в каком находился внутренний транспорт Москвы за 1917—1920 гг.

1. Трамвай.

Внешняя картина полного расстройства трамвайного движения в Москве известна всем и каждому. Имеющиеся в нашем распоряжении отчетные данные управления городских железных дорог позволяют нам дать этой картине более ясное цифровое выражение; мы можем вместе с тем до известной степени выяснить и те общие причины, под действием которых трамвайное движение пришло к упадку. Для более полного освещения вопроса придется привлечь на справку материалы и за прежние годы: сопоставление данных последнего печатного отчета управления за 1914 год с данными за 1917 год выяснит нам, что сталось с трамваем за время войны, и в каком состоянии застала трамвайное движение Октябрьская революция. Отчеты за последующие 1918—1920 гг. вскроют те изменения, какие произошли в этой области за три года существования Советской власти, в период гражданской войны и обострившейся экономической разрухи.

Для общей характеристики работы трамвая мы должны последовательно рассмотреть две стороны в этой работе: пассажирское и грузовое движение. И прежде всего нам надлежит ознакомиться с наличностью и состоянием подвижного состава, обслуживающего то и другое движение.

Инвентарь пассажирского движения определялся в период времени с 1914 по 1920 гг. следующими цифрами:

	В среднем за год было в наличности.			
	Моторных вагонов.		Прицепных вагонов.	
	Абсол. число.	В %.	Абсол. число.	В %.
В 1914 году . .	812	100	448	100
» 1917 » . .	828 [1]	102,0	492 [1]	109,8
» 1918 » . .	799	98,4	418	93,3
» 1919 » . .	762	92,6	392	87,5
» 1920 » . .	772 [2]	95,1	351 [2]	78,3

Как можно видеть из этой таблицы, число, как моторных, так и прицепных вагонов за время войны несколько увеличилось: в 1917 году их было—моторных на 2%, а прицепных на 9,8% больше, чем в 1914 году. С 1917 года начинается, напротив, уменьшение наличного числа тех и других, и в 1919 году моторных вагонов уже было на 7,4% меньше, чем в 1914 году, а прицепных вагонов меньше на 12,5%.

К 1920 году эта убыль еще более увеличилась для прицепных вагонов, обслуживающих пассажирское движение,—их было уже на $^1/_5$ меньше по сравнению с 1914 годом. Что касается моторных вагонов, то, по отчетным данным за первые 6 месяцев 1920 г., общее инвентарное число их в пассажирском движении оказывается несколько бо́льшим: по отдельным месяцам их насчитывалось от 768 (май) до 778 (январь). Но более близкое знакомство с наличностью и состоянием моторных вагонов на 1 июля этого года даст очень неутешительные результаты. Оказывается, что из общего числа 777 моторных вагонов 571 или 73,5% не участвуют в движении; из 550 наиболее сильных вагонов (от 45 до 50 лошадиных сил), 320 требуют капитального ремонта и остаются потому в бездействии, да и все остальные моторы этой категории, по признанию заведующего службой подвижного состава, в большей или меньшей степени нуждаются в капитальном ремонте (70 из них находятся в мелком ремонте). Остальные бездействующие моторы или маломощны или пришли в совершенную ветхость (10 двойных вагонов).

---

[1]) По данным за первые 7 мес. этого года; за последние месяцы сведений не имеется.

[2]) За первое полугодие 1920 года.

Не лучше обстояло в этом отношении дело и с прицепными пассажирскими вагонами: из бывшего в наличности на 1 июля этого года общего количества их 369 не принимали участия в движении 289, а из этих последних 220 требовали капитального ремонта.

Убыль моторных и прицепных вагонов из состава обслуживающих пассажирское движение частично объясняется переделкой их для грузового движения. За последние 4 года эта переделка выразилась в следующих цифрах:

Переделано в грузовые:

	1917.	1918.	1919.	1920 (за 6 мес.).	Всего.
Моторных вагон.	1	15	19	11	46
Прицепных »	29	24	53	28	134

При этом часть переделанных моторных вагонов (20) в 1919—20 гг. были превращены в грузовые прицепные платформы и, таким образом, из состава моторов выбыли окончательно.

Весь же инвентарь вагонов, обслуживающих грузовое движение, представляется на 1 июля этого года в следующем виде:

Моторные вагоны.			Прицепные вагоны.		
	В том числе.			В том числе.	
Всего.	Моторы, передел. из пассажирск.	Моторные платформ.	Всего.	Закрыт. платформ, передел. из пассаж.	Открытые платформы.
46	24	22	228	133	95
В том числе не участвующие в движении					
26	23	3	137	73	64
По причине маломощности.			Требуют ремонта или слабой конструкции.		

Общий учет наличного числа вагонов моторных и прицепных дает, однако, нам лишь первое и самое общее представление о тех средствах передвижения, которые находились в распоряжении московского населения за рассматриваемые годы. Гораздо важнее для нашей цели определить, в каком состоянии находился этот подвижной состав и в какой мере он использовался. И, прежде всего мы остановимся на тех изменениях в использовании наличного подвижного состава, которые наблюдаются в пассажирском движении за 1914—1920 гг.

Вот что говорят относящиеся сюда данные:

Годы.	Моторные вагоны.				Прицепные вагоны.				Примечание.
	Общее число.	Из 100 ваг. находилось в среднем за год.			Общее число.	Из 100 ваг. находилось в среднем за год.			
		В движен.	В резерве.	В ремонте и в ожид. ремонта.		В движен.	В резерве.	В ремонте и в ожид. ремонта.	
1914	812	70	6	23	448	66	23	10	Не включены в это распределение вагоны, используемые для служебных и санитарных целей. Поэтому сумматрех столбцов меньше 100. Для 1917 г. имеются данные лишь за 7 первых месяцев.
1917	828	51	2	39	492	54	13	30	
1918	799	36	3	56	418	45	8	45	
1919	762	13	11	71	392	17	21	62	

Здесь отчетливо вырисовывается в цифрах прогрессирующее разрушение подвижного состава: из года в год неизменно понижается % вагонов, находившихся в движении и вместе с тем повышается % вагонов, находившихся в ремонте и в ожидании ремонта. Первые признаки этого отмечаются уже в 1917 году, как результат предшествовавшего периода войны; в последующие годы процесс этот еще более обострился и принял совершенно катастрофические размеры. При сравнении 1919 года с 1914 г. оказывается, что распределение подвижного состава в отношении использования по трем указанным выше рубрикам стало прямо противоположным: если в 1914 г. 70% моторных вагонов были в движении, то в 1919 году 71% этих вагонов находился в ремонте или в ожидании ремонта; то же стало и с прицепными: 66% их было в движении в 1914 году и 62% в ремонте и в ожидании ремонта в 1919 г.

В 1920 году положение еще более ухудшилось: вагоны, находившиеся в движении и в резерве, составляли вместе по отдельным месяцам, как видно из приводимой ниже таблицы, от 6 до 11,5% их общего числа—для моторных вагонов, и от 22 до 30%—для прицепных. Соответствующие цифры в 1919 году были: 24% для первых и 34% для последних.

Наличность и состояние подвижного состава трамвая по месяцам 1920 г. (пассажирское движение).

Месяцы.	Общее число вагонов.	В движении.	В резерве.	В ожидании ремонта.	В ремонте.			Служебные вагоны.
					Текущ.	Капит.	Периодическ.	
	Моторные вагоны.							
Январь . . .	778	7	59	414	178	10	45	65
Февраль . . .	775	3	43	443	159	9	41	79
Март	773	3	63	451	133	7	39	77
Апрель . . .	770	15	89	451	87	12	35	78
Май	768	48	38	473	87	14	35	73
Июнь	767	61	25	524				66
	Прицепные вагоны.							
Январь . . .	362	2	108	205	36	—	13	—
Февраль . . .	359	—	100	204	40	—	14	—
Март	353	—	97	201	38	—	15	2
Апрель . . .	377	40	68	264	16	2	14	2
Май	373	43	37	262	12	2	13	3
Июнь	383	49	28	292				

Состояние подвижного состава предопределяет в общем и целом размеры возможной работы, но под действием ряда привходящих причин (недостатка топлива, неисправности пути и пр.) использование годного к движению подвижного состава складывается неодинаково. А вместе с тем изменяется соотношение между находящимися в движении и резервными вагонами. Как видно из приведенных выше двух последних таблиц, на долю резерва приходится

в 1919 и 1920 гг. все больший %, как моторных, так и прицепных вагонов[1]). Обнаруживается, таким образом, усиление действия этих новых причин, не позволяющих использовать полностью годный к работе подвижной состав.

Действительная работа трамвая в пассажирском движении находит свое первоначальное выражение в количестве так называемых *вагоно-дней*[2]), приходящихся на тот или иной рассматриваемый период времени.

Имеющиеся за 1917—1920 годы статистические данные рисуют нам следующую картину упадка пассажирского движения:

Годы.	Число вагоно-дней.					
	Моторных вагонов		Прицепных вагонов.		Тех и других вместе.	
	За год.	Наибольшее и наименьшее за отдельный месяц.	За год.	Наибольшее и наименьшее за отдельный месяц.	За год.	Наибольшее и наименьшее за отдельный месяц.
1914	202.555,5	19.005—май 13.762,5—авг.	99.232,5	10.300,5—май 5.628—июль	301.788	29.305,5—май 19.789—август
1917 (за 8 мес.)[3])	118.870	19.083—июнь 11.066,75—март	73.588	11.422—июнь 6.586—март	192.458	30.510—июнь 17.652,75—март
1918	98.765	11.015,5—апрель 5.146—февраль	64.559,5	6.788—март. 3.339—февраль	163.314,5	17.676—апрель 8.485—февраль
1919	29.485	5.003—январь 380,5—ноябрь	16.977,5	3.118—январь 97—декабрь	46.462,5	8.121—январь 593,5—ноябрь
1920 (за 6 мес.)	3.829,5	1.699—июнь 57—февраль	3.034,5	1.374,5—июнь отсут. янв.—март	6.864	3.073,5—июнь 57—февраль

Как видно из этой таблицы, в 1917 году работа трамвая, нарушенная (всего на пять дней) мартовской революцией, не обнаруживает еще за первые 8 месяцев резкого понижения,—общее число вагоно-дней за эти 8 месяцев почти равно $^2/_3$ числа их за весь 1914 год.

Но, далее, в 1918 году, общее число выполненных вагоно-дней уменьшается уже почти наполовину (163.314,5 вагоно-дней вместо 301.788), а в 1919 г. оно составляет по отношению к 1914 году немногим более $^1/_6$, точнее 15,4%. 1920 год обнаруживает в этом отношении дальнейшее ухудшение. Уже в ноябре 1919 г. движение трамвая прекращено было по всем линиям; возобновившись вновь, в конце ноября и в течение декабря по восьми линиям, оно опять прекращается целиком в конце декабря 1919 года.

И первые три месяца 1920 года дают нам картину слабого, чуть теплящегося движения по одной-двум линиям. Число выполненных вагоно-дней в пассажирском движении было:

В январе	127
» феврале	57
» марте	62

И только с 20 апреля движение стало производиться более правильно на 7—8 линиях, и в соответствии с этим значительно возросло число вагоно-дней.

Их было выполнено в апреле	958
» » » » мае	2.586,5
» » » » июне	3.073,5

И особенно резко выступает это уменьшение, если мы будем рассматривать отдельно работу моторных вагонов: выполненная ими в 1918 году работа составляла, по сравнению с 1914 годом, уже менее половины (48,7%), тогда как прицепные дали 65,1% работы.

То же видим и в 1919 году. Общие размеры работы сократились почти на $^6/_7$—до 15,4%, и опять для моторных вагонов % этот еще ниже—14,5%.

Надлежит при этом отметить, что эти изменения в работе вагонов не вполне соответствовали убыли вагонов, находившихся в движении, иногда значительно понижая эту работу за пределы этой убыли.

Годы.	На 100 вагонов, бывших в движении в 1914 г., приходилось в последующие годы.		На 100 вагоно-дней, выполненных в 1914 году, приходилось в последующие годы вагоно-дней.	
	Моторных.	Прицепных.	Моторных.	Прицепных.
1914	100,0	100,0	100,0	100,0
1917	74,3	90,2	87,1	111,9
1918	50,7	63,7	48,7	65,1
1919	17,4	22,7	14,5	17,1

Использование годных к работе вагонов напряженно ведется в 1917 году, и затем начинается заметное падение этого использования и вот по каким причинам.

Приостановки трамвайного движения, на ряду с количеством годных к работе вагонов, являются вторым фактором, обусловливающим размеры выполняемой трамваем работы. И эти приостановки—общие и частичные—характерное явление последнего времени.

В этом отношении 1919 и 1920 гг. были особенно неблагоприятными. Даже в 1917 году, несмотря на две падающие на этот год революции, общая приостановка движения продолжалась всего *23 дня*: 5 дней

---

[1]) В 1920 году % находящихся в резерве моторных и прицепных вагонов увеличивается только по отношению к числу вагонов, находящихся в движении. В 1919 году, напротив, отмечается и общее повышение резерва по отношению ко всему числу наличных вагонов.

[2]) При учете *вагоно-дней* принимается в расчет количество вагонов, бывших в движении и число дней работы каждого вагона. Это есть *сумма дней работы* всех бывших в движении вагонов—моторных и прицепных. При этом за нормальный вагоно-день принимается дневная работа вагона при двух сменах; при одной смене работа вагона считается за половину вагоно-дня, при полутора сменах за $^3/_4$ и при $2^1/_2$ сменах за $1^1/_4$ вагоно-день.

[3]) За остальные данных не имеется.

в марте и два раза по 9 дней в октябре и ноябре. Правда, возобновлявшееся в конце этого года движение носило беспорядочный характер, за исключением промежутка времени с 9 по 21 ноября включительно, когда в движении были все линии трамвая; но зато в течение первых 10 месяцев до 27 октября движение производилось по всем 35 линиям [1]).

В 1918 году общей приостановки движения не было совсем. Начавшееся с января этого года движение по 31 линии (за исключением № 36 и трех загородных: Солдатенковской, Анненгофской и Пресненской), продолжалось в тех же почти размерах до конца августа, и лишь с 21 августа приостановилось до конца года движение по 6 линиям, да еще дважды (в августе—сентябре и в ноябре) приостанавливалось движение по 4 линиям.

В 1919 году движение началось в январе по тем же 25 линиям, которые оставались в действии в предшествующем году. Но в этом году общие приостановки движения по всем линиям и частичные по отдельным линиям были неоднократно и с большой продолжительностью. Достаточно указать, что трижды в этом году прекращалось целиком пассажирское движение, и в совокупности трамвай бездействовал *64 дня*.

В 1920 году, как указано было выше, до последней трети апреля трамвай почти бездействовал. Полная приостановка движения продолжалась в январе—10 дней. В остальное время движение производилось по одной-двум линиям, с ничтожным количеством выполненных вагоно-дней. И лишь с 20 апреля возобновилось движение по *шести* большим магистралям и продолжалось по ним безостановочно [2]) до сентября.

Выраженная в вагоно-днях, работа трамвая не дает еще полного представления о том, насколько правильно, успешно и широко использовался годный к работе подвижной состав в те дни, когда он находился в движении полностью или частично. Результаты суточной работы вагона, находящегося в движении, находятся в прямой зависимости от *трех* сопутствующих условий: продолжительности этой суточной работы, быстроты движения вагона [3]) и соотношения между производительным и непроизводительным пробегом вагонов.

По первому вопросу мы не имеем, к сожалению, прямых фактических данных, основанных на учете действительной продолжительности работы отдельных вагонов, и можем лишь косвенно умозаключать о происшедших в этом отношении изменениях. В отчете за 1914 год эта продолжительность суточной работы вагона определялась в среднем за год в 15,2 час. для моторных и прицепных вагонов, вместе взятых; для 1917—1919 гг. мы имеем лишь исчисления *нормальной* работы вагонов при двух сменах, и продолжительность ее определяется уже в 13,0 час. в сутки (2 смены, по 6½ час. каждая). Но установление этой нормы не обеспечивает

[1]) В 1914 году движение было по 39 линиям; из отпавших к 1917 году одна лишь Спасско-Кожевническая (№ 30) имела сколько-нибудь значительное движение: 7.257,5 вагоно-дней в год.

[2]) Если не считать кратковременного прекращения движения 16 и 17 июня вследствие забастовки рабочих.

[3]) «Коммерческой скорости с остановками», терминология, усвоенной отчетами управления гор. жел. дорог.

еще действительного функционирования вагона в течение указанного числа часов. Запоздания с выходом вагонов из парков и уход вагонов вследствие повреждений в парки без возврата на линию вносят существенные поправки в эту теоретически установленную *норму* суточной работы вагона.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за 1915—1918 гг. говорят нам об этом безвозвратном уходе следующее.

Выбыло с линии в парк по неисправности и более не возвратилось моторных вагонов:

	1915 г.	1917 г. (за 8 мес.).	1918 г.
	6.915	5.786	5.456
При общем количестве моторных вагоно-дней	202.555 [1])	118.870	68.765
% ушедших в парк моторных вагонов	3,4	4,9	5,5

Позднейших данных, к сожалению, нет; но и в 1917—18 гг. уже обнаруживается серьезное расстройство движения, когда почти каждый *пятый* мотор, выпущенный на работу, должен был возвращаться в парк по неисправности и уже не появляться вновь на линии в этот, по крайней мере, день.

Что касается непроизводительного пробега вагонов [2]), то %-ное отношение его к пробегу производительному изменилось за эти годы также к худшему.

В 1914 году непроизводительный пробег составлял в среднем за год всего 2,15% от пробега производительного и не поднимался выше 2,33%. За первые 8 месяцев 1917 года % этот колеблется от 2,66, до 4,46 при средней = 3,17%. За последние 9 месяцев 1918 года, для которых только имеются данные, средняя эта еще несколько увеличилась—до 3,29%, дойдя в конце года до 4,06% (ноябрь) и 3,62% (декабрь). А в 1919 году мы имеем уже среднюю 3,67%, в первые месяцы 1920 года 4,47% (июнь) Таким образом, незначительное, но неуклонное возрастание % непроизводительного пробега характерно для рассматриваемого времени. В ней находит свое выражение та же расхлябанность работы трамвая, которая сказывается и во многих других отношениях и которая так естественна при крайне тяжелых условиях, создавшихся для трамвайного движения последних лет.

Наконец, относительно скорости движения вагонов нужно сказать, что в прежнее время (1914 год) она определялась, со включением в расчет и остановок, в 11,2% версты в час. Нормальный вагоно-день, при двух сменах, имел среднюю продолжительность в 15,2 часа, и этому соответствовал средний пробег вагона 171 верста в день. Отсюда и вышеприведенная цифра — 11,2

[1]) Мы берем цифру предшествовавшего (1914) года, что можно сделать без большой погрешности, так как до 1917 года, как сказано выше, существенных изменений в количестве вагоно-дней не произошло.

[2]) Под непроизводительным пробегом разумеется пробег вагонов без выполнения работы по перевозке пассажиров; таковы: подача и возврат вагонов, включая и случаи увода вагонов в парк для починки.

версты в час. Если мы обратимся к данным 1919 и 1920 гг., то средний пробег нормального двухсменного вагона и за 1919 год в целом и за отдельные месяцы 1920 года не превышает 115 верст, опускаясь часто до 108 с небольшим в день. При 13 нормальных часах работы это дает скорость движения 8—9 верст в час; если фактическая продолжительность работы меньше, то часовой пробег должен несколько увеличиться. Но, во всяком случае, и здесь, несмотря на сокращение числа остановок, дело изменилось к худшему: скоростью движения трамвай не компенсировал убыли в подвижном составе.

Для полной характеристики работы трамвая в пассажирском движении нам остается теперь рассмотреть результаты этой работы, насколько эти последние находят свое выражение в количестве выполненных перевозок пассажиров. Уменьшение численности вагонов, находящихся в движении, сокращение числа выполненных в течение года вагоно-дней, сокращение продолжительности суточной производительной работы вагона и повышение % непроизводительных пробегов,—все это вместе с приостановками движения должно было приводить к одному результату: трамвай все менее и менее удовлетворял потребность московского населения в передвижении.

Сокращалось из года в год предложение мест в курсирующих вагонах.

К услугам населения было:

	По отдельным месяцам.			За год.	
В 1914 году от	42,8	до 63,4	милл. мест	637,1	милл. мест.
» 1917 »	» 30,1	» 50,2	» »	319,6 [1])	» »
» 1918 »	» 13,9	» 27,3	» »	195,4 [2])	» »
» 1919 »	» 0,5	» 9,2	» »	55,3	» »

За первую половину 1920 года данных нет, но из всего, что указывалось выше, можно заключить, что за этот год число мест должно еще уменьшиться. Трамвай, таким образом, быстро и неуклонно утрачивал свое былое значение основного средства передвижения для малосостоятельного населения Москвы.

В соответствии с этим должно было бы непрерывно уменьшаться из года в год и число перевезенных пассажиров и количество сделанных ими переездов (пассажиро-станций). В действительности же наблюдалось следующее.

За 1914 год свыше 282 милл. пассажиров перевез трамвай. Можно считать, что население Москвы, в возрасте от 10 лет в среднем 200 раз в год пользовалось трамваем, как средством передвижения. И по отдельным месяцам число перевезенных пассажиров не опускалось ниже 19,7 милл., доходя в другие месяцы до 26 милл. с лишним.

За первые восемь месяцев 1917 года, для которых имеются данные, трамвай работал с прежней продуктивностью: число перевезенных пассажиров колебалось от 18,8 милл. до 28,6 милл. (май). И в 1918 году не замечается до конца года значительных в этом отношении изменений, и лишь в ноябре и декабре число перевезенных пассажиров падает до 14,1 и 14,9 милл. [1]). А между тем, как мы видим, число выполненных вагоно-дней сократилось в этом году чуть не на половину, а предложение мест, нормального, узаконенного числа их, упало более, чем на $^2/_3$. И причина такого несовпадения известна каждому по личным наблюдениям.

Идет борьба за право проезда, за места в вагонах трамвая, и уплотнение вагонов компенсирует недостачу их в движении. В прежнее время вагоны трамвая наполнялись в среднем только до половины их нормальной вместимости (на 48,1% в 1913 г., на 50,1% в 1914 г.). Уже в 1917 г. с января % наполнения вагонов стал заметно возрастать, и в августе этого года достиг 82,1%. В 1918 г. дальнейшее увеличение % наполнения вагонов, и к концу этого года мы имеем движение с вагонами, наполненными в среднем на 99—100%. А в 1919 году уже в среднем за год % наполнения вагонов дошел до 135, поднимаясь в отдельные месяцы до 154 и даже до 171% (сентябрь). Нужно заметить при этом, что учет ведется здесь на основании количества выданных билетов, и бесплатные пассажиры всех категорий в счет не принимаются, и что, с другой стороны, среднее наполнение вагонов по всем линиям не дает еще точного выражения перегруженности вагонов на некоторых особенно бойких, излюбленных линиях, где % использования вагонов (как известно всякому по личным наблюдениям) значительно превышал указанный выше. В 1920 году положение остается в этом отношении неизменным: % наполнения вагонов со 129 в апреле дошел до 185 в июле (в августе он упал до 165).

Несмотря, однако, на указанную выше стихийную, так сказать, интенсификацию трамвайного движения, переполнением покрыть все возрастающие пробелы в движении по существу дела не было возможности. И 1919 год дает нам картину резкого падения числа перевезенных пассажиров. Самая большая цифра перевозок (10,6 милл.) приходится на июль месяц этого года; были месяцы, когда количество перевозок опускалось ниже 1 милл. и доходило даже до 713 тыс. (ноябрь). А всего за год перевезено было лишь 71,1 милл. пассажиров; по тому же расчету, как выше, можно считать, что в среднем на одного жителя Москвы приходилось 56 поездок в год. Таким образом, доступность трамвая, как средства передвижения, уменьшилась почти в 4 раза.

К этому нужно прибавить нерегулярность движения, создаваемую общими приостановками движения или выключением отдельных линий, а также крайнюю ограниченность подвижного состава на отдельных действующих линиях, как результат общего падения числа вагонов в движении. Все это вместе с участившимися случаями поломок и возврата в парк делало трамвай неверным средством передвижения, на которое лучше не рассчитывать, которым лучше не пытаться пользоваться.

Что касается количества переездов (пассажиро-станций), то между крайними из сопоставляемых годов (1914 и 1919) наблюдается в этом отношении такая разница. В 1914 году на одного пассажира приходилось 1,13 пассажиро-станции, а в 1919 году 1,05 пассажиро-

---

[1]) За первые 8 мес., для которых имеются данные.

[2]) За последние 9 мес.

[1]) Это и понятно в виду приостановок движения по некоторым линиям, падающих именно на конец года (см. выше.)

станции. Очевидно более обычным и распространенным, чем раньше, стал переезд на одну станцию. Это опять-таки по данным о выдаваемых билетах; здесь не учитывается, конечно, то широко распространенное за последнее время явление, когда для обеспечения себе поездки в данном направлении пассажир едет лишнюю станцию в противоположном направлении, пользуясь относительной доступностью встречного вагона. Понятно, что в общем учете перевезенных пассажиров суммируются и эти добавочные поездки, а потому «полезная» работа трамвая не вполне точно характеризуется общими цифрами о числе перевезенных пассажиров.

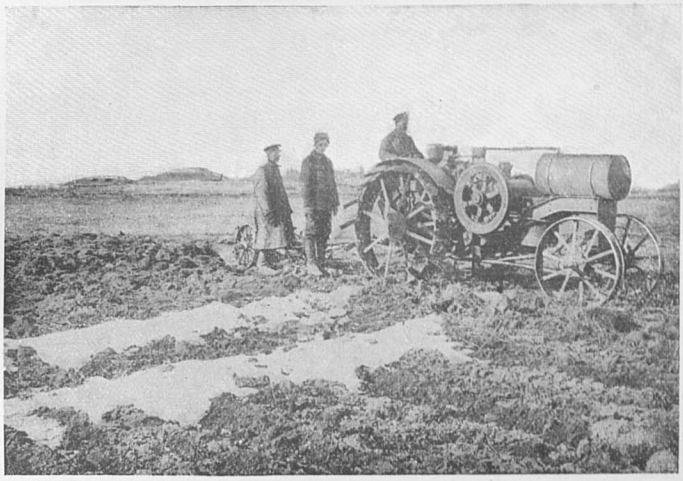
Обратимся теперь к более близкому ознакомлению с теми причинами, которыми вызван был и поддерживается до настоящего времени упадок работы трамвая в пассажирском движении.

Выше нами указаны были уже две действующие в этом направлении причины: недостаток годного к работе подвижного состава и вынужденные приостановки пассажирского движения (общие и частичные). Относительно первой причины нам придется добавить здесь немногое. Мы видели, как боролось московское население со все более и более ограниченным предложением мест для пассажирских поездок. В результате—перегруженность вагонов и быстро растущая скапливаемость подвижного состава. Нами уже отмечен был выше прогрессирующий уход моторных вагонов с линии без возврата на линию,—нельзя не видеть в этом показателя этой именно печальной стороны в использовании наличного годного еще к работе, но уже значительно подорванного подвижного состава.

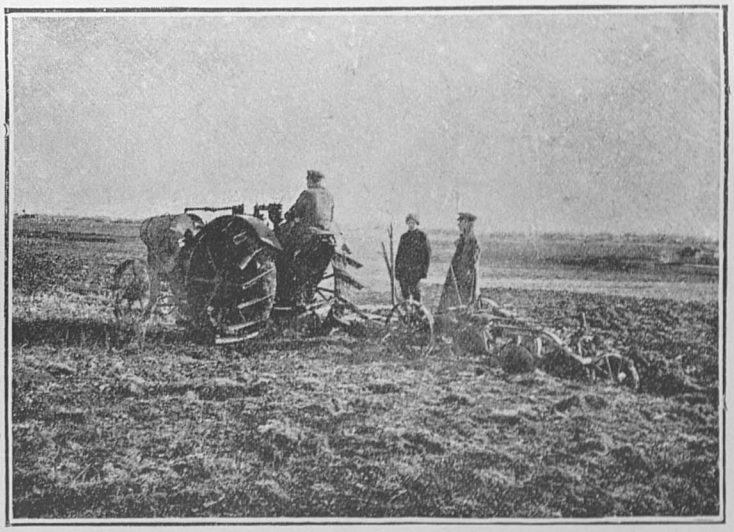
Как это часто бывает в области общественно-экономических явлений, причина и следствие поменялись здесь местами: то, что раньше являлось лишь следствием сокращающегося движения вагонов, а именно переполнение этих последних, стало, в свою очередь, причиной еще большего сокращения движения, благодаря усилившейся порче вагонов. Получился, таким образом, замкнутый круг, выход из которого следует искать, конечно, не в мерах административного воздействия на цепляющихся со всех сторон и висящих на подножках вагонов пассажиров. Прорвать этот замкнутый круг, спасти то, что еще осталось в целости, и восстановить движение можно лишь героическими мерами по оздоровлению подвижного состава. Быстро и решительно проведенный капитальный ремонт, правильно поставленный ремонт текущий и периодический,—вот что единственно может спасти положение и предупредить полный крах. Грандиозность задачи и те исключительно трудные условия, с какими приходится считаться в этой специальной области машиностроений, не позволяли до сих пор не только разрешить, но и поставить даже эту задачу в целом. «В ожидании ремонта» пребывают неизменно все большие и большие количества вышедших из строя моторных вагонов. Как мы видели выше, число моторных вагонов, ожидающих ремонта, возросло в 1920 году с 414 в январе до 473 в мае и в июне, а число прицепных вагонов, находящихся в таком же положении, с 205 до 264 в апреле.

Капитальный ремонт, в котором, как мы указывали, нуждаются почти все моторные вагоны, выполняется в самых ничтожных размерах: от 7 до 14 моторных вагонов находилось в капитальном ремонте в разные месяцы этого года. Не был налажен в достаточной мере и периодический ремонт. В 1914 году, при общем инвентарном числе—1269 вагонов (809 моторных и 460 прицепных), было выпущено в течение года из периодического ремонта в мастерских и парках 704 вагона (570 моторных и 134 прицепных). В 1920 году в периодическом ремонте находились по отдельным месяцам от 35 до 45 моторных вагонов и от 13 до 15 прицепных. Не приходится и думать (а прямых указаний в имеющихся у нас данных не имеется), чтобы в соответствующем числе эти вагоны помесячно и выходили из периодического ремонта. Число годных к работе вагонов моторных (находившихся в движении или в резерве) мало изменялось за эти месяцы, колеблясь в таких пределах: 46—66—86, и лишь в апреле это число резко сравнительно увеличилось: с 66 до 104. Этому соответствовало уменьшение числа находящихся в текущем ремонте моторных вагонов на 46, при неизменном числе ожидающих ремонта моторных вагонов. Равным образом, и в марте увеличение числа годных к работе моторных вагонов, очевидно, связано было с выходом некоторого числа их из текущего ремонта (уменьшение на 26). И, наоборот, в мае число годных к работе моторных вагонов уменьшилось снова с 104 до 86, и, повидимому, все они перешли на положение ожидающих ремонта (таких стало 473 вместо 451); в текущем же ремонте осталось то же число их—87. То же самое почти наблюдается и в отношении прицепных вагонов; здесь только еще резче выступает тенденция к уменьшению общего числа годных к работе вагонов, и только в апреле число их увеличивается в связи, очевидно, с выпуском прицепных вагонов из текущего ремонта (в текущем ремонте было 16 вагонов вместо 38 за предшествовавший месяц). А вместе с тем к концу первого полугодия значительно возросло число прицепных вагонов, ожидающих ремонта. Можно притти к выводу, что до последнего времени трамвайному управлению доступен был и кое-как еще поддерживал движение мелкий текущий ремонт, осуществляемый в эксплоатационных парках. И здесь, повидимому, не было недостатка в рабочей силе, и работа, по крайней мере, с внешней стороны, шла в размерах, мало отличающихся от прежнего времени.

В самом деле, за первую половину этого года в 6 парках рабочими по ремонту была выполнена работа, которую можно определить цифрой: 88.000 рабочих дней. Это мало отличается от того, что было, например, в том же 1914 году, когда рабочие и мастеровые в парках дали до войны 111.535 рабочих дней (действительных) и во время войны 80.790 рабочих дней. Нужно еще отметить, что число рабочих дней по ремонту, приходящихся на месяц, с января по июнь 1920 года неизменно возрастало и к концу этого периода увеличилось на 56,5% (с 11.265 до 17.625 рабочих дней). Это подтверждает наш вывод: поддерживался трамвай исключительно текущим ремонтом, усиленная работа здесь и приводила к уменьшению числа находящихся в текущем ремонте вагонов и временно

Огородное хозяйство Московского Совета. — Трактор во время работы.

Огородное хозяйство Московского Совета. — Трактор во время работы.

усиливала действующий или резервный подвижной состав.

Этого, конечно, было далеко недостаточно, и временно оздоровленные вагоны переходили потом скоро на положение ожидающих—и безнадежно ожидающих—более серьезного, если не капитального, ремонта. Основная причина расстройства пассажирского движения остается, таким образом, в полном действии и до сего времени.

Недостаток обслуживающего самое движение персонала (вагоновожатых, кондукторов) мог бы также тормозить работу трамвая, и так было в действительности после начала войны, во второе полугодие 1914 года, когда сильное сокращение ремонтного и линейного персонала заставляло сокращать выпуск вагонов на линию.

Но это обстоятельство должно быть исключено из числа причин, расстраивавших движение трамвая в последние годы. Кондукторов и вагоновожатых было в распоряжении управления более, чем достаточно, и значительной части их, даже в периоды максимальной работы трамвая, приходилось оставаться в резерве или работать, как выражаются отчеты, при нулевом пробеге вагонов. Это ясно видно из следующей таблицы:

Годы.	Среднее за год число состоявших на службе.			
	Вагоновожатых.		Кондукторов.	
	Всего.	На один (общий) вагоно-день.	Всего.	На один вагоно-день мотор.
1914	1345	2,42	1893	2,29
1917	1727	2,58	3794	4,57 [1]
1918	1932	6,78	3934	7,75
1919	1150	12,23	1879	12,66

Приостановки трамвайного движения — общие и частичные (на некоторых только линиях) — стояли в связи с внешними обстоятельствами (период революций) или обусловливались неисправностью пути (заносы в зимнее время), или же, наконец, и это самое главное, являлись результатом недостаточного и неправильного снабжения топливом центральной электрической трамвайной станции.

В отношении снабжения топливом трамвайного предприятия за эти годы дело обстояло следующим образом. Топливный бюджет центральной электрической станции определился в 1914—1916 гг. в сумме 2,8—2,9 милл. пуд. в переводе на нефтяные остатки. При этом собственно нефтяные остатки составляли в общем количестве израсходованного топлива немного более $^1/_4$—в 1914 году, почти $^1/_3$—в 1915 и $^2/_3$—в 1916 году. Остальное приходилось на долю антрацита. Это преобладающее значение нефти сохранилось за нею и в 1917—1918 гг., когда расход топлива на выработку тока уже значительно упал: до 2,2 милл. пуд. в 1917 и 1,5 милл. пуд. в 1918 году. В этом последнем году на место антрацита, поступавшего в очень незначительном количестве (96,5 тыс. пуд. вместо 1,3 милл. пуд. за 1917 год), выступили уже подмосковный уголь и дрова. В 1919 году эти оба вида топлива составляли уже не менее $^6/_7$ всего количества расходуемого топлива; с конца этого года выдвигается новый вид топлива—торф и в 1920 году он играет уже довольно значительную роль на ряду с дровами, обеспечивая центральной станции не менее $^1/_3$ тепловой энергии.

Уже одна эта смена различных видов топлива не могла не нарушать правильного функционирования центральной станции, благодаря необходимости приспособляться и в хозяйственном и в техническом отношениях к новым условиям снабжения и потребления топлива. Но еще более важное значение для работы трамвая имело неправильное и недостаточное снабжение топливом.

Выше мы видели, как падал расход топлива для выработки тока. Является ли это уменьшение расхода лишь следствием сократившегося от других причин движения?, или оно само, обусловливая недостаточное поступление тока в сеть, было причиной еще большего упадка этого движения? Ответ на этот вопрос мы должны поискать в сопоставлении расхода топлива с данными об использовании годного к работе подвижного состава.

Как можно видеть из приведенной выше таблицы (стр. 377—378), % моторных вагонов, находившихся в резерве, за время с 1917 по 1920 гг. возрастал, и в то же время уменьшался % вагонов, бывших в движении. Таким образом, соотношение между теми и другими изменялось: в 1917 году один запасной вагон приходился на 25 вагонов в движении, в 1918 г. один запасной—на 12 вагонов, и, наконец, в 1919 году число тех и других почти сравнялось. Правда, в 1914 году соотношение между вагонами моторными, находившимися в движении и в запасе, было таким же, как и в 1918 г. Но и тут средняя за год (46 вагонов в резерве) явилась результатом вынужденного сокращения числа вагонов в движении в первые месяцы после начала мобилизации. Поэтому-то в резерве и было моторных вагонов:

В июле.	В августе.	В сентябре.
112	106	70

В первые же месяцы года бездействовавших годных к работе моторов было от 20 до 39; в ноябре их было 29 и в декабре 23.

В 1918 году число моторных вагонов в движении уменьшилось почти вдвое; при таком сокращении работы трамвая всякий более или менее значительный резерв мог быть только вынужденным. А выше указано уже было, что расход топлива в этом году сократился почти вдвое сравнительно с 1914—1916 гг., т.-е. в полном соответствии с уменьшением числа вагонов, находившихся в движении. И оказывается при этом, что более значительные сокращения расхода топлива за отдельные месяцы сопровождались резким повышением числа вагонов, находившихся в запасе. Так было в мае, сентябре и ноябре, а именно:

	Моторных вагонов в запасе.	Разница по сравнению с предш. мес.	Расход топлива—в тыс. пуд.	Разница по сравнению с предш. мес.
Май	51	+40	125,1	—54,1
Сентябрь . .	46	+12	116,5	— 9,9
Ноябрь . .	48	+34	110,5	—30,2

[1] Это повышение, очевидно, связано с введением двойного комплекта кондукторов на вагон.

То же самое наблюдалось и в 1917 году,—имеющиеся в нашем распоряжении данные за первые 7 мес. отмечают максимальное число вагонов в запасе в марте (35) и в июле (22), как раз в те месяцы, когда резко сокращался расход топлива: в марте до 175,6 тыс. пуд. вместо 240 тыс. пуд. за предыдущий месяц, и в июле до 146,0 тыс. пуд. вместо 192,0 тыс. пуд. 1919 год еще более показателен в этом отношении: расход топлива на выработку тока сократился почти вдвое сравнительно с 1918 годом, а резерв, как мы видели, возрос почти до численности вагонов, находившихся в движении,—при чем мы имеем дело и с относительным и абсолютным увеличением этого резерва. По отдельным месяцам (март, ноябрь) можно отметить такие же соотношения расхода топлива и резерва, как и для 1917 и 1918 гг.

На основании всего этого можно прийти к тому выводу, что топливный кризис сказался и здесь, в области трамвайного движения, значительным ухудшением условий работы трамвая: не было возможности использовать в полной мере весь тот подвижной состав, который был еще годен к работе.

На ряду с пассажирским движением трамвай за последние годы, как известно, усиленно обслуживал перевозку грузов. Грузовое движение особенно развивалось и приняло значительные размеры в 1919 и 1920 гг.

Всего было перевезено различных грузов:		Изменения в % к цифре первого полугодия.
в 1919 году	январь—июнь . 4.614,5 тыс. пуд.	100
	июль—декабрь. 7.488,6 » »	162,3
в 1920 году—январь—июнь.	10.321,9 » »	223,7

Первое место среди перевозимых продуктов занимало топливо: свыше ½ всего весового количества перевезенных грузов падало в 1919 году на этого рода грузы, а в 1920 году они составляют уже более 70% всех перевозок. Затем около 25% в 1919 году и 16% в 1920 году приходилось на долю почты. Остальные 12—25% составляют перевозки строительных материалов, продовольствия, мусора, снега и пр.

Значительная доля этих перевозок (свыше ⅓ — в 1919 г. и более ⅖ в 1920 г.) удовлетворяла нужды служб и отделов городских жел. дор., включая и электрическую трамвайную станцию, после выделенную в особое предприятие. Далее услугами трамвая, как указано выше, широко пользовалось почтово-телеграфное ведомство, затем Государственная электрическая станция (бывш. О-ва 86 года), взявшая в 1920 г. почти ⅛ перевозок (топливо); остальное распределялось между другими отделами, учреждениями и предприятиями. По отдельным месяцам за эти два года в размерах перевозок произошли следующие изменения. В январе—апреле 1919 года перевозилось ежемесячно 500—600 тыс. пуд., в мае этого года цифра перевозок дала резкое повышение (1.046,5 п.) и с тех пор не опускалось ниже этой нормы, дойдя в октябре прошлого года до 1½ милл. пудов с лишним.

При том печальном положении, в каком находился за эти годы наш гужевой и автомобильный транспорт, очерченная выше работа трамвая по перевозке грузов была существенно необходима, заполняла наиболее ощутительные пробелы и выручала отдельные учреждения в особенно острые, критические моменты.

Нужно заметить, что, в отличие от пассажирского движения, в грузовом движении трамвай действовал и в 1920 году с большой регулярностью, как можно видеть из следующих цифр:

	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.
Выполненные вагоно-дни.	3.111	3.2°4	3.111	3.144	3.692	3.522
Пробег в верстах .	155.550	164.200	155.550	157.400	184.600	176.100

Нам остается еще упомянуть в немногих словах о работе трамвая по перевозке больных, раненых, пленных и беженцев. Эти перевозки особенно крупные размеры приняли в 1919 году, когда перевезено было за год 89.325 лиц и потребовалось для этой цели 527 моторных вагонов и 972 моторных с прицепными [1]). По отдельным месяцам цифра перевозимых повышалась до 11—12 тыс. душ. В первом полугодии 1920 года работа эта значительно сократилась, и мы имеем общую цифру перевезенных—20.839, а по отдельным месяцам перевозилось 1,5—2 тыс., кроме июня, когда число перевезенных опять увеличилось почти до 12 тыс. Всего за полугодие было отвлечено в эту область перевозок 126 моторных вагонов и 249 моторных с прицепными.

Мы не останавливаемся здесь отдельно на тех общих выводах, какие можно сделать из обзора работы трамвая за 1917—1920 гг.,—это было указано попутно, в ходе изложения, и обращаемся далее к характеристике других видов внутреннего транспорта.

2. Гужевой и автомобильный транспорт.

Учесть работу транспорта в этой области представляется делом несравненно более трудным, и трудность эта обусловливается прежде всего организацией этого вида транспорта. До половины 1918 года действовал попрежнему старый частновладельческий аппарат, и лишь с этого времени он взят был на учет и под контроль Транспортного Отдела Московского Совета и Центральной Автосекции ВСНХ. И тем не менее, и теперь еще здесь далеко нет полной централизации: собственные обозы и гаражи различных ведомств и учреждений и приписка лошадей к различным учреждениям,—все это дробит работу транспорта и затрудняет получение исчерпывающих данных, необходимых для ее характеристики.

И прежде всего невозможно дать сколько-нибудь точный учет живого и мертвого инвентаря, обслуживающего эти виды транспорта. Мы знаем, что по данным переписи 1917 года на территории Москвы с пригородами насчитывалось 38.577 лошадей, в том числе ломовых 26.923 и легковых 11.654. К апрелю 1918 года число лошадей уже сократилось до 30.433 (ломовых 19.499 и легковых 10.934). Налицо значительная убыль ломовых лошадей (уменьшение на 7.424 или 27,6%) при небольшом сокращении количества легковых лошадей (на 6,2%). Для позднейшего времени мы имеем лишь данные общей регистрации лошадей (ломовых и легковых), обслуживающих все учреждения гор. Москвы за 1920 год. По этим данным Транспортного От-

[1]) Имеется в виду количество выпущенных составов.

дела насчитывалось от 15.976 (февраль) до 19.275 (сентябрь) лошадей, как принадлежавших учреждениям, так и частновладельческих, прикрепленных к Транспортному Отделу и другим учреждениям; собственные лошади учреждений составляли при этом около ½ всего количества. В подсчет этот не вошли лошади военных учреждений (а таких было по отдельным мес. от 5,5 тыс. до 9,6 тыс.) и частновладельческие лошади, не прикрепленные к учреждениям,—отдельного учета этих последних не имеется. Можно сопоставить эти данные с данными Горфинотдела о лошадях, привлеченных к обложению в 1917—1919 гг. Оказывается, что в 1917 году привлечено было к обложению несколько больше лошадей, чем их зарегистрировала в этом году перепись, а именно всего 47.400, в том числе лошадей частных лиц 20.400, лошадей ломового промысла 13.500 и легкового промысла тоже 13.500 [1]). К 1919 году число лошадей частных лиц, по этим данным, сократилось до совершенно ничтожной цифры (92), а промысловых лошадей было привлечено к обложению: ломовых 3200 и легковых 11.200 Число легковых лошадей близко к тому, какое показано было и переписями; что же касается ломовых лошадей, то незначительная цифра их объясняется тем, что лошади, принадлежащие центральным и местным советским учреждениям и национализированным предприятиям, большею частью к обложению не привлекались. Если прибавить к последним трем цифрам январскую цифру (1920 г.) лошадей, принадлежавших учреждениям (8859), то получим приблизительное представление о том, каким количеством лошадей ломовых и легковых располагал транспорт в Москве к началу 1920 г., итог будет такой: 3200+11.200+92+8859=23.351. Цифра эта говорит о значительной убыли лошадей, но это скорее свидетельствует о правильности такого приблизительного подсчета, так как иного результата было бы трудно и ожидать.

Насколько велика была убыль живого инвентаря за эти годы, точно определить нет возможности; но, несомненно, количество лошадей должно было значительно сократиться. В этом убеждают нас соображения двоякого порядка: во-первых, неоднократно производились за это время пополнения конского состава войсковых частей, и всего взято было по Москве значительное количество лошадей. Во-вторых, лошади гибли в эти годы от безкормицы, и нужно прямо сказать, в количествах прямо ужасающих. Оказывается, что на два московские утилизационные завода было доставлено из Москвы и пригородов лошадей (живых и трупов):

1918 г.	1919 г.	1920 г. (8 мес.)
3654	3816	2237

В эти итоги не включены лошади, поступавшие с боен и с конной площади; и поэтому можно думать, что главная масса погибших лошадей выбыла именно из конского состава, обслуживающего московский транспорт.

Что касается автомобилей (грузовых и легковых), то общее количество их, по данным Учетно-Статистического Подотдела Всероссийского Автоцентра, определялось для Москвы в начале 1918 года цифрой 2000 автомобилей, при чем не более 31% их было на ходу во всей Республике; едва ли значительно больший % их составляли исправные автомобили и в Москве. По данным Горфинотдела в 1918 г. насчитывалось в Москве: 751 автомобиль грузовой и 542—легковых. В 1919 году число привлеченных к обложению автомобилей возросло до 2518 (913 грузовых, 1518 легковых и 67 санитарных). Такое увеличение числа учтенных автомобилей мы видим в данных и Автосекции для всей Республики (6821 на 1 июня 1918 г. и 11.314 на 15 марта 1919 г.), но там это объясняется изменениями территории и первоначальной неналаженностью учета. В Москве же увеличение могло явиться и результатом нового перераспределения их по территории Республики; в связи с перемещением в Москву центральных учреждений характерно, что увеличение падает почти исключительно на легковые автомобили, а их в одних военных учреждениях насчитывалось 665.

Установить общие размеры работы транспорта за эти годы невозможно за отсутствием исчерпывающих статистических данных. Можно обрисовать лишь отдельные стороны этой работы по некоторым характерным, на наш взгляд, чертам в деятельности учреждений и организаций, имеющих дело с транспортом.

В организации гужевого транспорта до самого последнего времени преобладает работа частновладельческими лошадьми. В работе Транспортного Отдела за январь—сентябрь этого года ломовые лошади собственных парков составляли около 10% всех работавших лошадей; в весе перевезенного груза разница эта выступала еще более резко: так, в апреле частновладельческими лошадьми было перевезено 10,8 милл. пуд., а в мае 13,6 милл. пуд., тогда как собственные лошади перевезли только 0,59 и 0,89 милл. пуд., т.-е. 5—6% перевезенного груза [1]). В перевозках Продовольственного Отдела Москов. Совета за 1919 год на долю частновладельческого транспорта падает более половины перевезенного груза (2,5 милл. пуд. из 4,67 милл. пуд.); на подводах Транспортного Отдела было перевезено всего 0,3 милл. пуд. (и на автомобилях 0,7 милл. пуд.), а на собственных подводах 0,26 милл. пуд. Правда, здесь речь идет о крупных отделах Совета. В районах наблюдается, наоборот, тенденция к замене собственным обозом частновладельческих приписных лошадей. Работа частного транспорта резко и справедливо осуждается Транспортным Отделом Городского района: невыполнение нарядов является характерной чертой этой работы—из 2166 нарядов за январь—май этого года выполнено только 1226, т.-е. около 60% (между тем как собственным обозом выполнены были полностью все 4811 нарядов). В Замоскворецком районе еще в 1919 году частные возчики перевезли ⁴/₅ всех грузов (2140 тыс. пуд.), а собственный обоз только ¹/₅ (502.680 пуд.); но в 1920 г. картина резко меняется: на долю собственного обоза приходилось уже ³/₄ перевезенного груза (522,3 тыс. пуд.), и только ¹/₄ (170,1 т. п.) на долю частных возчиков. В Баумановском районе, напротив, частный обоз (в количестве 26 лош.) начал работу только с февраля

[1]) В цифру Горфинотдела входят, очевидно, лошади извозного промысла из подмосковных селений; они также привлекались к обложению, как работающие в Москве.

[1]) За прошлые года данных от Т. О. получить не удалось.

этого года, а до того времени работал исключительно свой обоз (30 лош. в конце 1919 г.). В перевозках за первую половину этого года собственный обоз (60 лош.) выполнил значительно большую долю работы (225 тыс. пуд.), а частновладельческий всего перевез 53 тыс. пуд. за четыре месяца. И производительность работы выше в собственном обозе (625 пуд. в месяц на 1 лошадь), чем в частновладельческом (ок. 500 пуд.).

В прочих районах преобладает еще, повидимому, работа частновладельческими лошадьми. Так, в 1920 г. было:

	Собств. лош.	Прикреп. лош. [1]
в Краснопресненском р. с. . . .	69	92(131)
» Рогожско-Симонов. » » . . .	25—37	(40)
» Сокольническом » » . . .	42—30	31—45(50)
» Хамовническом » » . . .	—	(30)

Расширение собственных обозов наблюдается и в таких учреждениях и организациях, как Москвотоп, Мтрамот, Центросоюз и др.

Москвотоп начал организацию собственного транспорта с 1 апреля этого года и у него уже было 177 лошадей к 1 июня и 218 к 1 июля. Центросоюз увеличил число лошадей за первую половину года с 25 до 69. В Мтрамоте было за последние месяцы 1919 г. в среднем 15 лошадей, а в 1920 году—29. Значительно вырос особый военный обоз Тоцус'а, а именно, к 29 лошадям с конца июня присоединилось 229 новых.

Всю работу по гужевому извозу приходилось организовать и вести при крайне тяжелых условиях снабжения, как живым и мертвым инвентарем, так и в особенности фуражным довольствием. Весьма показательны в этом отношении данные Городского районного совета о нормах фуража для ломовых лошадей, установленных Продовольственным Отделом, и о действительной выдаче Транспортным Отделом этого района фуража своим лошадям.

	В среднем за январь—апрель 1920 г.	
	По раскладке причиталось на одну лошадь.	Выдано Транспортным Отделом.
	На один месяц.	
Сена	3 п. 30 ф. [2]	44 п. 35 ф.
Овса	4 » 15 »	11 » 07 »
Примесей	— —	— » 30 » 3 зол.

Мы видим, как ничтожны цифры выдачи из официального источника снабжения сравнительно с действительною потребностью. Недостаток приходилось покрывать получениями из других отделов и учреждений: Транспортного Отдела, М. П. О., Отдела Топлива, Наркомпути, по нарядам Губпродкома со ссыпных пунктов собственным вывозом, и даже, в моменты особо острой нужды, под угрозой гибели лошадей, закупками на вольном рынке и по *вольным* ценам [1].

Положение частновладельческого транспорта в этом отношении было, конечно, еще более тяжелым. По данным Транспортного Отдела Московского Совета за январь—сентябрь этого года, из общего расхода фуража союзу извозопромышленников лишь в январе было отпущено количество фуража, почти соответствующее доле их участия в общей работе гужевого транспорта: 120,0 тыс. пуд. против 160,2 тыс. пуд., отпущенных учреждениям [2]. В последующие четыре месяца отпуск падает до ничтожной цифры 6—7 тыс. пуд., не поднимаясь выше 18,4 тыс. пуд., и в период июнь—сентябрь. Учреждения получают почти в прежних размерах по апрель месяц, затем отпуск сократился, но не так значительно (в 2—4 раза). Пришли ли на помощь частному извозу другие учреждения, имеющие отношение к заготовкам фуража,—данных на этот счет в нашем распоряжении, к сожалению, не имеется.

Аналогичные затруднения испытывал за эти годы автомобильный транспорт в отношении снабжения горючим. В период январь—сентябрь этого года, по данным Транспортного Отдела, замечается в этом отношении, повидимому, некоторое улучшение: норма выдачи с 17 пуд. поднимается в июне до 20 пуд., в июле до 30 и в сентябре до 45 пуд.

Отметим в заключение одно характерное явление в области транспорта за эти годы—развитие ручной перевозки и переноски кладей. Детище нужды, этот вид транспорта обслуживает прежде всего собственные потребности населения, но вместе с тем он давно уже принял и промысловый характер, сосредоточиваясь, главным образом, при вокзалах. И, наконец, мы имеем дело с такой его организацией, как Московское Трудовое Кооперативное Т-во «Рикша», зарегистрированные в конце 1918 года.

По отчету Т-ва было:

	Сотрудников.	Тележек.	Саней.
на 1 января 1919 г.	16	5	23
» 1 июня »	24	10	18
» 1 января 1920	34	15	20
» 1 июня »	23	12	14

Выполненная работа по полугодиям 1919 и 1920 гг. определяется цифрами 15,4 тыс. т., 18,0 тыс. т. и 15,2 тыс. пуд. перевезенного груза; кроме того, исполнено было 23, 37 и 23 поручения по переноске квартир. Так обострение транспортной нужды корректировалось самодеятельностью населения.

---

[1] Цифры в скобках взяты из справки Транспортного Отдела, первые цифры—из отчетов районов.

[2] В апреле при этом сено не выдавалось совсем.

[1] За вторую половину 1919 года 40% закупок сена приходится на такие закупки на вольном рынке по ценам, в 2½ раза превышающим твердые.

[2] Мы видели, что частновладельческие лошади, приписанные к разным учреждениям, составляли около ½ всех лошадей.

Сельско-хозяйственная работа Московского Совета за период 1918—1920 гг.

Производственная и транспортная разрухи, вызванные империалистической и гражданской войной, обусловили необходимость усиления огородного и молочных хозяйств в городе Москве, главным образом, в черте Окружной железной дороги.

Впервые к решению этого вопроса подошла в 1917 году эсэро-кадетская Городская Управа, организовав огороды, про которые в 1918 году один из работников огородного отделения при советских предприятиях писал следующее: «Огородные организации Московской Городской Управы при существовавшем доверии только к лицам с имущественным цензом и полным недоверием к техническому персоналу, просуществовав только один сезон, пришли к полному развалу. Только предоставление широкой самодеятельности огородному подотделу со стороны Коллегии советских предприятий и правильная постановка—воскресили умиравшее дело». В первый 1918 год Отделом было устроено шесть огородов с общей площадью в 416 десятин. (Более подробные сведения о распределении площади земли по культурам даны далее в сводной таблице). Вслед за ним возникло еще два предприятия сельско-хозяйственного типа: а) Огородное Отделение при Городском Продовольственном Комитете и б) Отделение Молочных Ферм. Первое развернуло работу в апреле 1918 года, а Отделение Молочных Ферм открылось с 1 марта того же года.

Период организационных работ протекал в самых тяжелых условиях, ибо общей налаженности административных и экономических органов еще не существовало, и это особенно остро сказывалось в приискании земель, сельско-хозяйственных орудий и продовольствия. Вследствие этого запашки, например, на Ходынском участке начались 10 мая, в Сухановском—20 мая, тогда как при нормальных условиях должна была бы быть закончена не только пахота, но даже и самая посадка картофеля. Всего в эту первую весну было посеяно 104 десятины картофеля, 2 десятины гречихи, а летом было поднято под озимь и посеяно осенью 210 десятин ржи. К концу 1918 года было организовано и взято в ведение Отделения 13 хозяйств с общей площадью земли 900 десятин.

С 1 марта возникло отделение Молочных Ферм и к концу 1918 года им было сорганизовано 12 ферм в различных губерниях Тверской, Смоленской, Рязанской и Московской.

Все фермы расположены были на бывших частновладельческих землях [1]).

Молоко с ферм поступало почти исключительно больницам, детским организациям и т. п. учреждениям в цельном виде. Таковым организациям было передано за 1918 год с 1 марта 46.938 ведер.

В июне 1918 года у ответственных руководителей возникло сознание необходимости объединения. В результате Агрономических Совещаний в Президиум Управы Продовольственного Отдела М. С. Р. и К. Д. был представлен в конце июля доклад об основах организаций Сельско-Хозяйственного Отдела. Отдел проектировалось создать из 3-х отделений: 1) Полевого Хозяйства, куда вошло бы Огородное Отделение Продкома; 2) Отделение Огородного Хозяйства, где сосредоточился бы аппарат Огородного Отделения Советских предприятий, и 3) Отделение Молочных Ферм.

Фактическое слияние организаций и образование единого Сельско-Хозяйственного Подотдела при Продовольственном Отделе Городского Совета («Эмсельхоза») произошло только в *середине февраля 1919 г.* П/отдел разделялся на 4 Отделения, при чем круг ведения каждого из них составляло: 1) Отделение Хозяйства — организация и руководство деятельностью Советских хозяйств со всеми их отраслями, находящихся как в Московской губернии за чертой Окружной жел. дор., так и в губерниях Смоленской, Тверской и Тульской. Всех хозяйств в ведении Отделения к июлю 1919 года составляло 40 с общей площадью земли 8442 десятины. Таким образом, в этом Отделении объединялось бывшее Огородное Отделение и Отделение Молочных Ферм Продкома; 2) Городское Сельско-Хозяйственное Отделение — организация и руководство огородами как обрабатываемыми собственными силами различного рода организаций, а также и Районных Советов. Общая пло-

---

[1]) Здесь следует отметить любопытную форму взаимоотношений между Советскими учреждениями, являющуюся бесспорно переходной, а именно: взятие в техническое использование как ферм, так и хозяйства основывалось на договорах, где советские учреждения выступали как юридические лица, обосновывая свои права, обязанности, претензии и проч. на частно-правовых понятиях. Так, например, волостной ташировский совет, предлагая ряд имений, ставил огородному отделению такие условия передачи: обработка земель происходит полностью средствами Продотдела с уплатой крестьянам по 15 руб. с десятины клеверов, 250 руб. в год за каждую переданную в пользование корову и т. д.; в случае ее падежа платить стоимость. Определялся срок аренды, условия неустойки и т. д.

щадь земли, обрабатываемая собственными силами, равнялась приблизительно 700 десятинам; наконец, Эмсельхоз. имел: 3) Отделение сельско-хозяйственных заготовок и 4) Отделение сельско-хозяйственной бухгалтерии.

С такой почти неизменной структурой Сельско-Хозяйственный П/Отдел Продотсовета существовал 9 месяцев, а в октябре—ноябре был преобразован в Сельско-Хозяйственный Отдел Московского Совета с присоединением к нему Сельско-Хозяйственных Отделений бывшей «Кооперации» и «Московского Центрального Рабочего Кооператива».

Из 40 хозяйств, приписанных к Сельско-Хозяйственному П/Отделу, 13 хозяйств, с общей площадью около 900 десятин культурной земли поступили в его ведение в 1918 году, а остальные 27 в конце апреля и начале мая 1919 года. В частности Сычевский район, заключающий в себе 16 хозяйств, с общей площадью 4900 десятин, был закреплен за Сельско-Хозяйственным П/Отделом лишь 13 июня 1919 года. Кроме этого, 9 хозяйств Подольского уезда, а также 2 огорода, 1 совхоз и Коломенский сад присоединились частью в самом конце года, частью в начале 1920 года.

Наконец, поздней весной 1920 года Эмсельхоз добился приписки к себе еще 85-ти совхозов в ряде уездов Московской губ., с общей площадью в 2587 десятин. Благодаря столь поздней передаче в этих совхозах работы производились, главным образом, организационного характера и имели в виду лишь 1921 год. Вследствие этого в дальнейшем обзоре работ принимается в расчет, главным образом, деятельность Сельско-Хозяйственного Отдела Горсовета лишь по 50 хозяйствам и 26 огородам.

И так, в 1920 году Эмсельхоз имел 50 хозяйств, один крупный—Коломенский сад в 36 десятин и 26 городских огородов. *Общий объем и рост всей деятельности Отдела* можно иллюстрировать следующей таблицей:

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Число хозяйств	14	40	51
» огородов.	6	12	13
» ферм	12	28	36
Общ. площ. земли . . .	1399 дес.	8441,9 дес.	9309 дес.
Колич. пахотн. земли. .	1197 »	5541 »	6915 »
Под посевами (из них на городских огородах 415 дес.)	731 »	3838 »	5888 »

Чтобы рельефнее представить себе интенсивность работ Отдела, нужно обратить внимание на соотношение обработанной земли к общей пахотной площади. При этом исчислении необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в 1918 г. почти вся производственная работа сосредоточилась на огородах, а в совхозах в этом году было вспахано всего лишь 346 десятин. Таким образом, *отношение площади обработанной земли ко всей пахотной* вообще в % % было нижеследующее:

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
$\frac{\text{Обработанная земля}}{\text{Пахотная земля}}$ =	32%	70%	85%

Распределение пахотной земли по культурам за 3-летний период изменялось таким образом (в десятинах):

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Пар—рожь	210 дес.	482 дес.	641 дес.
Овса	-- »	616,6 »	945,5 »
Проч. яров. хлеб. . . .	2 »	66 »	268 »
Трав и кормосмес. . . .	— »	578 »	1082,5 »
Стар. клеверов	— »	1000 »	1000 »
Огородных культур . .	519 »	1095,2 »	1951 »
Итого . . .	731 дес.	3838 дес.	5888 дес.
Кроме этого, *садов* было.	14,5 »	68 »	119,5 »

Из приведенных данных прежде всего можно сделать тот вывод, что Сельско-Хозяйственный Отдел, как таковой, окреп и вырос за 1919 год. За год—полтора текущей работы при крайне тяжелой обстановке,—в обстановке непрестанных войн, при отсутствии машин и орудий, искусственных удобрений, полной отрезанности от ресурсов Европы и т. д. и т. д. создалась крупная производственная единица.

Общая посевная площадь в 1919 году против 1918 года увеличилась на 426,5% и в 1920 году еще на 154%. Посев ржи возрос последовательно на 130% и 33%, овса в 1920 году высеяно на 53,3% больше, чем в 1919 году, кормосмесей вдвое больше и, наконец, площадь столь существенно необходимых для городского населения овощей увеличилась на 17% в 1919 г. и на 77,1% в 1920 г.

Более подробное распределение земель, занятых огородными культурами, видно из следующей таблицы:

Название культур.	Гор. огор.	Сов. хоз.	Город. П/отдел.		П/отдел Сов. хоз.		ВСЕГО.	
	1918 г.		1919 г.	1920 г.	1919 г.	1920 г.	1919 г.	1920 г.
Картофель. . .	296,25	104	416,2	529 д.	240 д.	412 д.	656,2д.	941 д.
Капуста . . .	44,25	—	111	309	74	138	185	447
Свекла	42,2	—	67,4	153	39,8	109,8	109,6	262,6
Морковь. . . .	11,9	—	19,5	55,5	8	23	27,5	78,5
Лук.	5,6	—	16,6	21	—	6,3	16,6	27,3
Огурцы. . . .	—	—	9,2	11	13,5	24	22,7	35
Репа	8,5	—	22	—	2	5,2	24	5,2
Проч. овощи. .	5,6	—	21	35,5	40	119	61	154,5
ИТОГО . . .	415	104	682,9	1114	417,3	950,7	1102,5	1951

Увеличение огородных площадей в Городском П/Отделе и Советских Хозяйств в 1920 г. против 1919 г. и вообще посадка овощей в 1919 г. против 1918 г. в % % выражается следующими цифрами:

	В 1919 г. против 1918 г.	В 1920 г. против 1919 г.
В Городском П/отделе увеличение .	164%	63,4%
» П/отделе Советск. хозяйства . .	400 »	100,8 »
» среднем	261 »	77,4 »

Попутно остановимся на работах в области сельского хозяйства других московских организаций, имея в виду 2-летние данные их работы. Земли имели:

	1919 г.	1920 г.		% % измен.
Разл. организ. . .	1619 дес.	2396 дес.	увел. на	48%
Частн. лица . . .	61 »	151 »	» »	147,5 »
Кооп. огородн. . .	660 »	416 »	уменьш. »	37 »
Итого . . .	2340 дес.	2963 дес.	увел. на	26,6%

Средний урожай с одной десятины и общий урожай главнейших хлебов и овощей выражается следующими цифрами:

НАЗВАНИЕ КУЛЬТУР.	1918 г.			1919 г.			Предпол. 1920 г.		
	Всего десятин.	Урожай с 1 дес. в пуд.	Всего пудов.	Всего десятин.*	Урожай с 1 дес. в пуд.	Всего пудов.	Всего десят.	Урожай с 1 дес. в пуд.	Всего пудов.
Рожь	—	—	—	210	58,3	12.223	482	60	28.920
Овса	—	—	—	616.5	64.4	39.677	945,5	70	66.185
Картофеля	400.25	298	159.200	656,2	271	177.917	941	800	752.800
Капусты	44.25	973	42.812	185	1.591	294.311	447	2.000	894.000

Урожаи хлебов, как видно, оказались средними, капусты—хороший и только картофель дал урожай с десятины низкий. Причины этому нижеследующие: картофель был южный, частью больной, а главное семена начали поступать очень поздно. Наконец, дождливое лето 1919 г. весьма способствовало развитию фитофторы, так что картофель местами сгнил даже в поле.

Относительно урожая 1920 года надлежит сказать следующее. Приведенные цифры относятся к началу июня, когда составлялись сметные предположения; истекшее лето не оправдало, однако, возлагавшихся надежд на удовлетворительный урожай. Необычайно малое количество за все лето атмосферных осадков при исключительно жаркой солнечной погоде—все это отразилось как на хлебах, овощах, так и на травах весьма неблагоприятно. Предположительно исчисленный урожай фактически надо уменьшить на 30—35%.

Как распределяется урожай? Имея в виду, что задачей Сельско-Хозяйственного Отдела было производство сельско-хозяйственных продуктов и снабжения им населения города *Москвы*, то урожай туда и передавался. Подробные данные приводим по урожаю 1919 года.

Прежде всего надо оговориться, что населению передавались исключительно овощи, ибо зерновые озимые и яровые хлеба пошли исключительно на нужды хозяйства, за исключением разве двух вагонов овса, которые были переданы Ржевскому упродкому в обмен на 2000 пуд. жмыха для ферм Чертолинского района.

Итак, *урожай 1919 года распределен был так:*

1) Передано московскому населению до 1 ноября 1919 г. (свежие овощи):

картофеля	99.714 пуд.
капусты	180.056 »
прочих овощей	175.833 »

2) Продано местным завкомам, детским колониям и проч.:

картофеля	500 пуд.
капусты	34.058 »
прочих овощей	2.800 »

3) Оставлено для нужд хозяйства и огородов:

картофеля	77.697 пуд.
капусты	90.187 »
прочих овощей	78.031 »

Из последней суммы оставленных овощей для Отдела нужно еще вычесть около 36.000 пуд. различных овощей, главным образом, квашеной капусты, передаваемых по мере надобности в течение зимы.

Было бы весьма интересно по многим соображениям знать себестоимость производства пуда овощей и хлебов. К сожалению, в этом отношении дать исчерпывающие данные не представляется возможным.

Все же имеются материалы, определяющие стоимость производства пуда овощей в 1918 году и хлебов по 4-м хозяйствам в 1919 году.

				Отпуск населению по:	
на гор.	огор.	стоил	картоф. 1 пуд	19 р. 7 к.	22 р. 6 к.
»	»	»	капусты »	12 » 54 »	26 » 90 »
»	»	»	свеклы »	9 » 99 »	20 » 42 »
»	»	»	моркови »	16 » 8 »	34 » 8 »
»	»	»	луку »	48 » 7 »	42 » 66 »
»	»	»	репы »	72 » 55 »	28 » 48 »

Даже отпускные цены были вдвое ниже в то время рыночных цен. Повышение же расценок вызывалось необходимостью безубыточно свести годовой баланс.

По 4-м совхозам Чертолинского района (Ржевский уезд, Тверской губ.) в 1919 году

один пуд	ржи	обошелся	35 р. 48 к.
» »	овса	»	47 » 11 »
» »	ячменя	»	59 » 65 »
» »	картофеля	»	52 » 33 »
» »	капусты	»	11 » 88 »
» »	свеклы	»	14 » 4 »
» »	морк. кор.	»	14 » 54 »

Обобщать эти цифры, конечно, нельзя и колебания, главным образом, в отношении большей дороговизны должны быть значительные. Данные цифры Чертолинского района правильно будет считать как минимальную себестоимость производства, ибо он является наиболее организованным и обеспечен по местным условиям рабочими руками. Наконец, необходимо иметь в виду и то, что снабжение района, как и других, всем необходимым производилось почти исключительно по расценкам твердых цен.

Переходим к обзору состояния скота Сельско-Хозяйственного Отдела:

лошадей имеется	1837[1])
жеребят	78
коров	1859
быков	101
телят	257
свиней	137
поросят	203
овец	408
кроликов около	1000

[1]) Сведения относятся к середине 1920 г.

Если принять во внимание, что в 1918 году крупного рогатого скота всего имелось 898 голов и лошадей 299 штук, то за полтора—два года стада Сельско-Хозяйственного Отдела увеличились на 207%, а конское население возросло на 600%.

Деятельность молочных ферм можно характеризовать следующими данными:

за 1919 год общий удой . . .	142.162,4 ведра	
поступило в Москву в цельном виде	28.103.7 »	(19,8%)
в переработанном виде	59.359.2 »	(41,8%)

Таким образом, из общего удоя ферм московскому населению отправлено было более 61%.

Если принять во внимание, что в 1918 году было доставлено в Москву 46.938 ведер молока, то в 1919 году поступление возросло до 87.462,9 ведра или на 53,5%. Распределение молока за 7 мес. 1920 г. ($^{1}/_{I}$ — $^{1}/_{VIII}$) таково:

общий удой	96.625 вед.	
поступило москов. населению . . .	31.337 »	(32%)
в паек рабочим и детям	19.660 »	(20,5%)
обществен. учрежден. на месте . . .	11.022 »	(11,4%)
молодняку — телятам	8.970 »	(9,6%)
в переработку	25.489 »	(26,5%)

Из пущенного в переработку молока за 1919 г. получено 3417 пудов различных сыров, 578 пудов масла и 405 пуд. творога. Распределение потребления этих продуктов выражается следующими цифрами:

	Сыра.	Масла.	Твор.
отправлено в Москву	1578 п.	90 п.	147 п.
обществен. организ. на месте . . .	148 »	250 »	138 »
рабочим и служащим	37 »	236 »	115 »
оставалось на складах на 1 января 1920 года	1654 »	2 »	5 »

Необходимость пускать на переработку значительного количества молока вызывается тем обстоятельством, что около 20 хозяйств находятся в Смоленске и Тверской губернии, и по условиям состояния транспорта с наступлением весны и лета доставлять молоко в цельном виде в Москву нельзя, так как молоко приходит кислым.

В заключение обзора производственных работ Сельско-Хозяйственного Отдела за 3-летний период времени следует указать на работу прокатных пунктов и вообще на мероприятия общественной агрономии.

В Москве и вообще в черте Окружной ж. д. весной 1920 года имелось *12* прокатных пунктов, где находилось *80* плугов и *55* борон. Для получения напрокат этих орудий выписывается наряд. Прокатные пункты следят за тем, чтобы взятые орудия все время работали. Нарядов на использование было выдано: на плуги 220 и на бороны 195, на общую площадь 962 десятины. Кроме того, все городские огороды свои лишние, свободные от работы плуги дают соседним организациям. Таких сданных в пользование плугов насчитывается свыше 100 и борон более 50, каковые должны обработать около 400 десятин. Кроме того, организациям было распределено железных лопат 2000 штук, железных грабель 298 штук, деревянных грабель 286 штук и мотыг 1300 штук.

Различных *семян* было передано населению и организациям *501* пуд и специально картофеля по нарядам отпущено 66.584 пуда. Рассады распределено около 2.000.000 штук. Для удобства распределения среди населения семян были изготовлены коллекции, каковых продано следующее количество:

Кол. № 1 на 60 кв. с.	Кол. № 2 на 120 кв. с.	Кол. № 3 на 240 кв. с.	Кол. № 4 на 350 кв. с.	Кол. № 5 на 500 кв. с.	Кол. № 6 на 50 кв. с.
1275	827	325	203	296	54

Всего, таким образом, роздано коллекциями семян 3883. В заключение укажем, что С.-Х. Отделом были организованы *курсы по огородничеству*, где прослушали лекции и сделали ряд практических работ 30 слушателей, которые работают теперь по учету и организации потребительских огородов, а также в хозяйствах и на огородах инструкторами. Эти курсы преобразованы в школу имени профессора *Тимирязева* с двухлетним курсом.

Заслуживает внимания еще одна сторона большого, существенного значения, — сторона деятельности Эмсельхоза в *области семеноводства*. Дело в том, что до войны огородные семена в России имелись почти исключительно иностранного производства. *Трехлетняя блокада* создала такое положение, что семена в цене поднялись невероятно, а главное, их вообще найти стало делом случая и удачи. С другой стороны, семена на рынке появлялись старые, мало всхожие, не чистых линий, смешанных сортов, сорные и т. д. Естественным выходом из этого положения являлась только организация собственных производств семян.

Весной 1920 года заложены 4 семенника, откуда ожидается урожай семян нижеследующий:

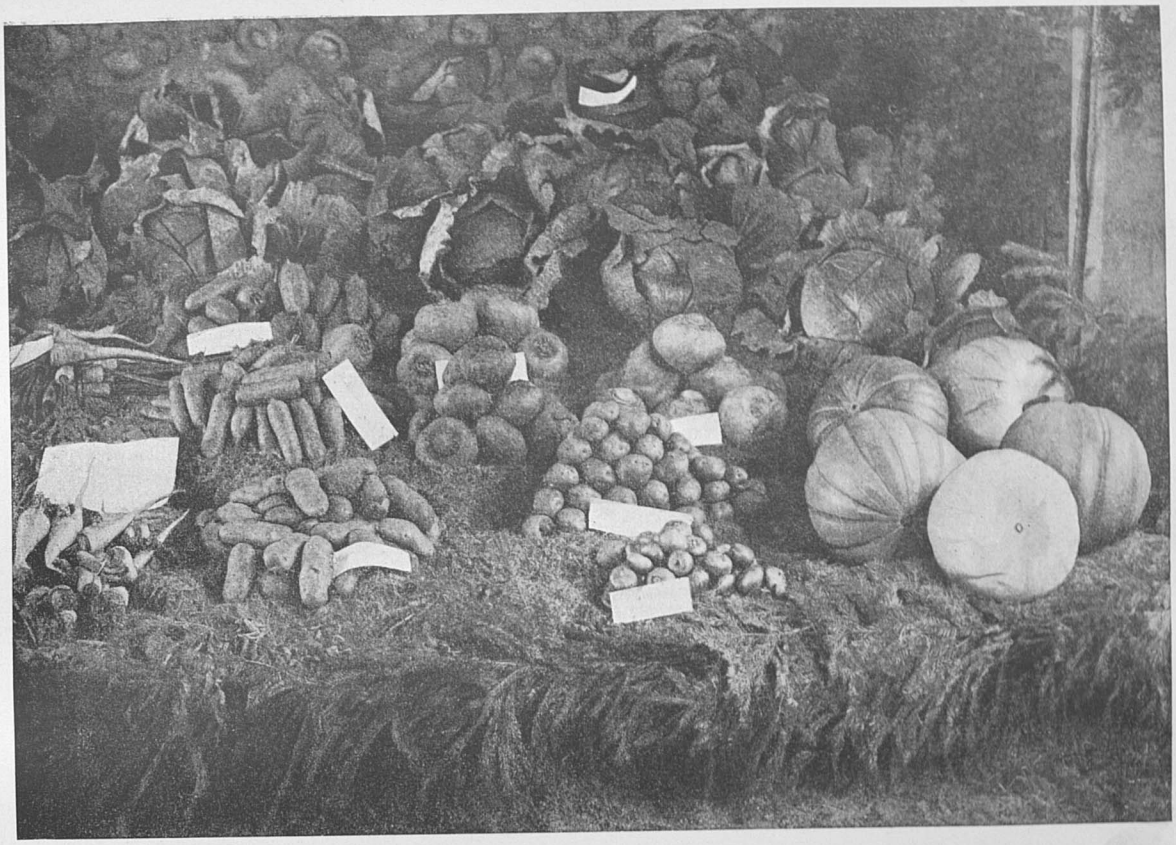
капусты	5— 8	пудов
редьки	7— 8	»
моркови	8— 20	»
салата	4	»
сортового картофля	130—150	»
гороха огородного	$1^{1}/_{2}$	»
бобов	2	»

Означенные семена представляют весьма ценный, исходный материал для дальнейшего размножения, так как они являются семенами первой генерации от маточных семян.

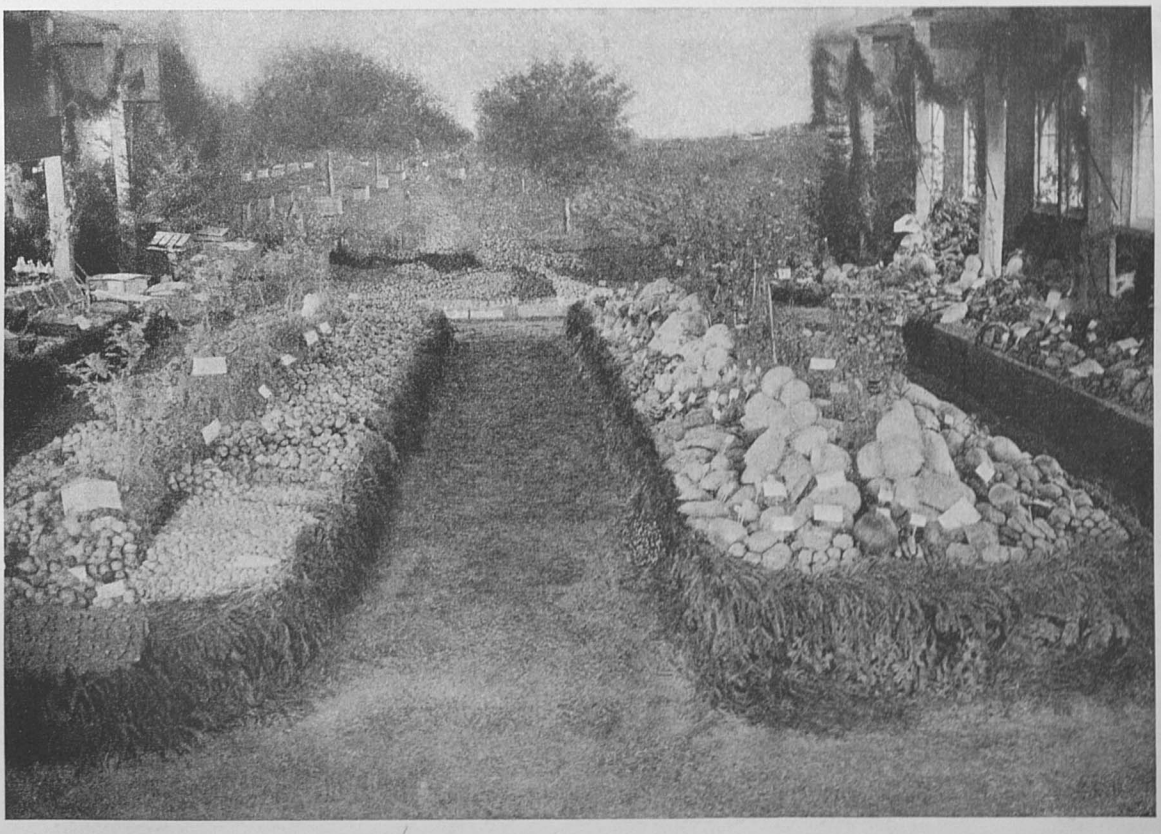
Экспонаты Моксовета на выставке Наркомзема.

На выставке Наркомзема по огородничеству, садоводству и пчеловодству, бывшей в октябре 1920 года, Мосземотдел силами Совхозов и Колхозов выставил свои экспонаты, заняв под них целиком огромный концертный зал Зоологического сада. Экспонаты были представлены по отделам:

1) плодоводство, 2) огородничество, 3) пчеловодство, 4) семеноводство, 5) техническая переработка плодов и овощей, 6) лекарственные растения, 7) защита растений от вредителей, 8) агропомощь, 9) литература по сельскому хозяйству.

Огородное хозяйство Московского Совета.—Экспонаты М. Земельного отдела на выставке Н. К. З. в 1920 г.

Огородное хозяйство Московского Совета.—Экспонаты М. Земельного отдела на выставке Н. К. З. в 1920 г.

По 1-му отделу были выставлены экспонаты от 16 группсовхозов, распадающиеся на 2 П/отдела: 1) тепличное плодоводство (виноград, персики, сливы) и 2) плодоводство открытого грунта, представленное разнообразным ассортиментом осенних и зимних яблок.

2-й отдел экспонировался 17 городскими огородами и 18 группсовхозами и Совхозами. Представлены были различные сортовые овощи, начиная от капусты и кончая цикорием, петрушкой и сельдереем.

В 3-м отделе с экспонатами выступили 13 Совхозов.

4-й отдел показал разные огородные семена и семенники, выращенные в 8-ми семенных Совхозах.

В 5-м отделе показаны были образцы переработки плодов и овощей разными способами и изделия из них.

Экспонаты были приготовлены лабораторным путем, как образцово-показательные, и в конкурс не включались.

Два Совхоза экспонировали сушеные яблоки и яблочную пастилу.

6-й отдел, единственный на всей выставке, дал весьма разнообразную ценную коллекцию лекарственных растений из подмосковного Совхоза.

В 7-м отделе были полно представлены энтомологические и фитопатологические коллекции, образцы болезни растений, таблиц-пособий, издания и специальные аппараты фитопатологического бюро М. З. О.

8-й отдел дал ряд плакатов, таблиц, а также представил овощи с территориальных единиц своего агрономического воздействия.

В 9-ом отделе богато была представлена специальная литература по садоводству, огородничеству и пчеловодству.

Результаты конкурса таковы: Мосовхоз получил высшую награду за совокупность всех экспонатов и отличную организацию отделов.

Как болела и лечилась Москва.

I. Введение.

Работа по охране народного здоровья в Москве за истекшие 3 года протекала в чрезвычайно тяжелых условиях. Последствия империалистической войны, экономическая разруха, недоедание, недостаток в самых необходимых предметах и условиях человеческого существования, жилищный кризис, обусловленный блокадой недостаток медикаментов, наконец, отвлечение медицинских сил и средств на нужды обороны страны,— все это до последней степени ухудшало санитарное состояние. Естественно, что в стране не прекращались эпидемии, сменяя одна другую. И стоило какой бы то ни было заразной болезни появиться даже в самом отдаленном уголке Республики, инфекция тотчас проникала в красную столицу, являвшуюся сердцем советского кровообращения.

В 1918 году летом велась настойчивая борьба с холерой, давшей в этом году до 1100 (1047 зарегистрировано) заболеваний. Только стала затихать эта болезнь, как ураганом пронеслась эпидемия испанки, давшая 2500 зарегистрированных случаев. Зимою 1918—1919 гг. на Москву надвигается, как лавина, колоссальная эпидемия сыпного тифа, давшая до 75.000 зарегистрированных случаев. Летом 1919 года пришлось отражать нашествие холеры, к счастью, в конце-концов, не достигшей крупных размеров: 91 случай. Зимой 1919—1920 гг.—вновь эпидемия сыпняка, хотя и меньших размеров по сравнению с предшествующим годом: до 24.000 (23.332 зарегистрированных) случаев. Летом 1920 года идет борьба с желудочно-кишечными заболеваниями. Холера даже не развилась до степени эпидемии, но брюшной тиф угрожающе возрастал, достигнув осенью 1920 года размеров крупной эпидемии—до 3000 случаев на 1 ноября.

Понятно, что Московскому Отделу Здравоохранения приходилось поставить противоэпидемическую деятельность, как ударную группу своей работы, жертвовать часто стройностью и выдержанностью обще-лечебных мероприятий для пожарной противоэпидемической работы.

С другой стороны, на Москздравотдел легла тяжелая задача содействовать другим ведомствам и учреждениям в меру возможности улучшению санитарных условий жизни населения. Вместе с коммунальным Отделом обсуждались и проводились мероприятия по улучшению водоснабжения и канализации в городе, особенно в страшную зиму 1919—1920 гг., когда канализационные и водопроводные сооружения в зданиях подвергались массовой порче вследствие замерзания. Вместе с тем же Отделом принимались героические меры, чтобы обеспечить население города необходимыми средствами для поддержания чистоты—банями, прачечными, мылом. Жилищно-санитарная Инспекция Москздравотдела, совместно с Жилищно-Земельным Отделом, принимала все меры к тому, чтобы улучшить жилищные условия трудящегося населения: благодаря отмене частной собственности на дома и владения, за эти годы удалось переселить 35.000 рабочих с семьями из темных, сырых подвалов и других негодных жилищ, в благоустроенные жилища. В области продовольствия Отделу Здравоохранения пришлось обратить особенное внимание продорганов на первоочередное снабжение наиболее «ранимых» групп населения — детей и больных.

Тем не менее, несмотря на все эти и многие другие неблагоприятные условия, Советской власти удалось за эти три года произвести целую революцию и в этой, казалось бы, наиболее «мирной» и «аполитичной» области — лечебном деле.

Медицинская помощь в Москве до Октябрьской революции ведомственно разрознена и далеко недостаточна для удовлетворения потребностей трудящихся. В то время, как Москва изстари изобиловала платными благоустроенными лечебницами и платными крупными специалистами, доступными лишь крупной буржуазии, беднейшее население питалось лишь объедками падавшими с богатого стола. Нужно было, во-первых, объединить бывшую «ведомственную» медицину, внести порядок в бывший ведомственный хаос, уничтожить преступное распыление средств и сил, и, во-вторых, приблизить медицинскую помощь к трудящемуся населению, построить всю медицинскую организацию не на принципе «медицина для богатых», а на принципе: «медицина — трудящимся».

Получив после Октябрьской революции в наследство от эсэровской Думы 19 больниц на 7599 коек, 11 родовспомогательных учреждений на 614 кроватей и 14 самостоятельных амбулаторий, Москздравотдел к осени 1920 года имел 70 больниц с числом коек 24.858 и 50 общих амбулаторий.

Помимо этого приближения амбулаторной и стационарной помощи к населению, обращено было внимание и на повышение квалификации лечебной помощи: был проработан и проведен в жизнь план распределения специальных больниц (хирургических, глазных и т. д.)

и отделений по городу; в громаднейшем большинстве амбулаторий организованы приемы по специальностям соответствующими врачами-специалистами; заново организована зубоврачебная помощь населению—открыто 104 новых зубоврачебных амбулатории. Открыты новые научно-практические учреждения, как Туберкулезный Институт (для изучения наилучших методов борьбы с этой болезнью), Бактериологический Институт имени Мечникова, где приготовляются вакцины и сыворотки, и т. д.

Крупный шаг вперед в деле приближения медицинской помощи к беднейшему населению сделан организацией помощи на дому. Это та реформа, которую десятилетиями обсуждали старая Дума буржуазная, ограничившаяся, однако, одними дискуссиями и не посмевшая хотя бы приступить к ее осуществлению, хотя в Петрограде бесплатная помощь на дому была давно организована. В настоящий момент город разбит на 62 врачебных участка, откуда медицинский персонал (в каждом участке имеется врач и 2 помощницы-фельдшерицы) вызывается для подачи бесплатной медицинской помощи на дому. Организована также станция скорой медицинской помощи, где дежурят постоянно, и днем, и ночью, три врача основных специальностей (терапевт, хирург, гинеколог) и где стоят санитарные автомобили, готовые оказать помощь в несчастных случаях.

Особенное внимание было обращено на «болезнь трудящихся» — туберкулез. До настоящего времени открыто 45 санаторий (в нынешнем году до 15 августа через них прошло 10.000 больных). Санатории располагают своими собственными хозяйствами и угодиями — лесными, полевыми и огородными, в общем около 1000 десятин земли. Одновременно идет работа по организации Домов Отдыха. Местом для санаторий и Домов Отдыха избираются в большинстве случаев помещичьи или великокняжеские (например, великого князя Сергея Александровича) усадьбы или монастыри (например, развертывающийся громадный санаторий в бывшем Звенигородском монастыре).

На видное место была поставлена также забота об охране материнства, младенчества и детства. Помимо учреждения многочисленных детских колоний, в которых не один десяток тысяч детей ежегодно получают возможность пожить на чистом воздухе и в гигиенической обстановке, помимо открытия специальных детских больниц и санаторий, в Москве за это время вновь создано 107 учреждений по охране материнства и раннего детства, в том числе: Дом Матери и Ребенка, 15 консультаций, обслуживающих 6000 детей в возрасте до года, 9 домов младенца, 73 ясли, и т. д.

И вся эта работа—и лечебная, и санитарная, и противоэпидемическая — велась при непосредственном участии в ней представителей трудящегося населения — профессиональных союзов, отделов работниц (Охрана Материнства и Младенчества) и т. д. Вся практическая деятельность сопровождалась широким санитарным просвещением. Значительную роль в противоэпидемической борьбе играли так называемые Районные Комиссии по борьбе за чистоту, состоявшие из представителей рабочих организаций и имевшие своей задачей заботу о правильном функционировании соответствующих учреждений (бань, прачечных), наблюдение за

соблюдением санитарных правил, особенно в местах массового скопления населения (вокзалы, тюрьмы, общежития, школы, казармы и т. д.) и распространение правильных санитарных познаний среди населения. Эти Комиссии имели своих представителей (санитарных наблюдателей) на каждой крупной фабрике, через которых проводили навыки чистоты и гигиены в самую толщу рабочего населения.

Охрана здоровья трудящихся есть дело самих трудящихся. Только последовательное неуклонное проведение этого принципа в жизнь на каждом шагу практической работы дало силы Здравотделу преодолеть те многочисленные и, казалось бы, непреоборимые препятствия, которые стояли у него на пути.

II. Как болела Москва.

Основные изменения социальных условий, разрушение в корне определенного прочно и в течение долгого времени существовавшего капиталистического строя не могли не произвести коренных изменений в жизненной обстановке каждого гражданина в отдельности, отразившись, как на его благосостоянии: питании, одежде, жилище, так и на его образе жизни, работе, степени нервной напряженности.

Эти изменения жизненной обстановки, в свою очередь, создали изменения в заболеваемости тою или иною болезнью. С одной стороны, каждый индивидуум в силу изменения бытовых условий стал менее устойчив в отношении одних болезней и более устойчив в отношении других; с другой стороны, новые бытовые условия создали и новую конъюнктуру для распространения той или другой болезни.

Изучить эти многообразные изменения заболеваемости населения по сравнению с довоенным временем и с дореволюционным периодом состояния войны, установить зависимость отдельных явлений от определенных причин, порожденных революцией, является первой частью нашей задачи. Наметить основные черты новой организации врачебно-санитарной помощи населению будет второю частью задачи.

Заболеваемость какой-либо болезнью зависит от двоякого рода причин: внутренних и внешних.

Организм не имеет в течение всей своей жизни одинаковой степени предрасположения к заболеванию какой-либо болезнью. Степень этого предрасположения зависит от многих условий: возраста, качества и количества пищи, душевного состояния, профессии и др.

Что особенно мы можем отметить за рассматриваемое трехлетие относительно предрасположения к заболеванию той или другой болезнью?

Прежде всего нужно указать на значительные изменения в деятельности пищеварительного аппарата. Население Москвы за эти три года перешло на почти исключительно растительную пищу, почти лишено жиров и животных белков. Пришло оно к такому способу питания через ряд этапов, характеризовавшихся исчезновением какого-либо продукта с последующим стремлением восполнить его недостаток суррогатом. Довольно резко это наблюдалось относительно сахара, когда на-

селение чуть не поголовно стало применять сахарин. Но сахарин не мог удовлетворить потребности организма в сахаре, и организм, лишенный сахара, постепенно привык обходиться без него и потерял вкус к сахарину. Полоса сахарина миновала.

Другое лишение—отсутствие жиров—сказалось также чрезвычайно резко. Население набросилось на все, что было жирно, независимо от питательных и вкусовых качеств. Забыли про былое отвращение к рыбьему жиру, пренебрегли даже слабительными свойствами касторового масла и стали жарить на них картофель. Но касторовое масло—не жир, который мог бы удовлетворить потребность в нем организма, а рыбий жир быстро съели и постепенно привыкли настолько обходиться без жиров, что касторовое масло снова стало возможно употреблять по его прямому назначению или для технических целей.

Итак, население, ранее того ставшее постепенно абстинентом в отношении алкоголя (с длительным периодом суррогатов), за данное трехлетие стало довольно строгим вегетарианцем. Приспособление это далось не сразу. Довольно продолжительный период (1918 и часть 1919 г.) обычное состояние довольно значительной части населения Москвы—неутолимое чувство голода при растянутом желудке и потреблении большого количества воды. Во второй половине 1919 года эти явления постепенно стихли.

Все эти явления в большей мере пришлось пережить части населения, не занятой тяжелым физическим трудом. Что касается людей тяжелого физического труда, то приспособление к усвоению необходимого питания из огромного количества растительной пищи у них уже существовало в значительной мере.

Какие же последствия относительно предрасположения к заболеваниям вызвало вынужденное воздержание от алкоголя и вегетарианство?

Прежде всего нужно отметить изменение свойств пищеварительных соков. Анализы желудочного содержимого за эти годы показывают значительное повышение кислотности как общей, так и относительно свободной соляной кислоты.

Параллельно с этим замечается частое заболевание язвой желудка и уменьшение заболеваний катаральным состоянием желудка с диспептическими явлениями.

Так как в развитии язвы желудка повышенная кислотность играет значительную роль, то естественно ее считать за причину учащения этой болезни. Однако, наряду с ней существует и другая причина: суррогатный хлеб, с мякиной и лузгой, иногда с подсолнечным жмыхом, плохо обрушенное пшено и другие жесткие примеси к пище, которые могут наносить поранение слизистой оболочке желудка.

К сожалению, относительно учащения заболеваний язвой желудка мы в настоящее время не обладаем цифровыми данными. Приходится довольствоваться общими впечатлениями врачей в больничной работе.

По этому же впечатлению период значительного учащения язвы желудка отчасти уже миновал и приходился, главным образом, на 1919 год (период приспособления).

Другое последствие изменения пищевого режима—это освобождение печени от перегрузки работой в смысле барьерной функции ее (элиминации пищевых токсинов). Так как значительное количество ядов, подлежащих устранению работой печени, развивается во время переваривания животных белков, которых почти не стало в современной пище, то печень в значительной мере разгрузилась от этой работы.

С другой стороны, воздержание от алкоголя также содействует оздоровлению печени. Отсюда значительное улучшение состояния печени и мало проявлений недостаточной или неправильной функции ее.

Наконец, чтобы покончить с органами пищеварения, нужно упомянуть, что очень большое число людей, страдавших упорными запорами, теперь имеют нормальный стул.

Здесь будет уместно обратить внимание на значение для заболеваемости состояния нервной системы. Люди слабонервные, некоторые из них постоянно лечившиеся, поставленные перед суровой действительностью, когда нужно было либо тонуть, либо проявить сильнейшее напряжение всех своих способностей, чтобы остаться на поверхности жизни, оказались в состоянии проявить много нервной силы и вступить в борьбу со стихией голода. Борьба изо дня в день, невозможность за недосугом лечиться, невозможность урвать время для чего-либо второстепенного, страх пред призраками голода и смерти, раньше не беспокоивший сознание,—все это довольно скоро закалило этих людей. В душевной жизни их могучий инстинкт самосохранения совершил переворот; старые ценности потеряли прежнее значение, но вместе с тем эти люди перестали бояться болезней.

Между прочим, несмотря на максимальное напряжение нервной системы, несмотря на чрезвычайно тяжелые материальные условия, с которыми населению приходилось бороться, наклонность к самоубийству не только не повысилась, а несколько понизилась, особенно по сравнению с довоенным периодом. Это видно из следующей таблицы:

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число самоубийств в Москве.	228	260	269	335	360	295	166	172	125	134	110
Число самоуб. на 1.000.000 населения	155	170	170	204	213	169	91	87	73	90	88

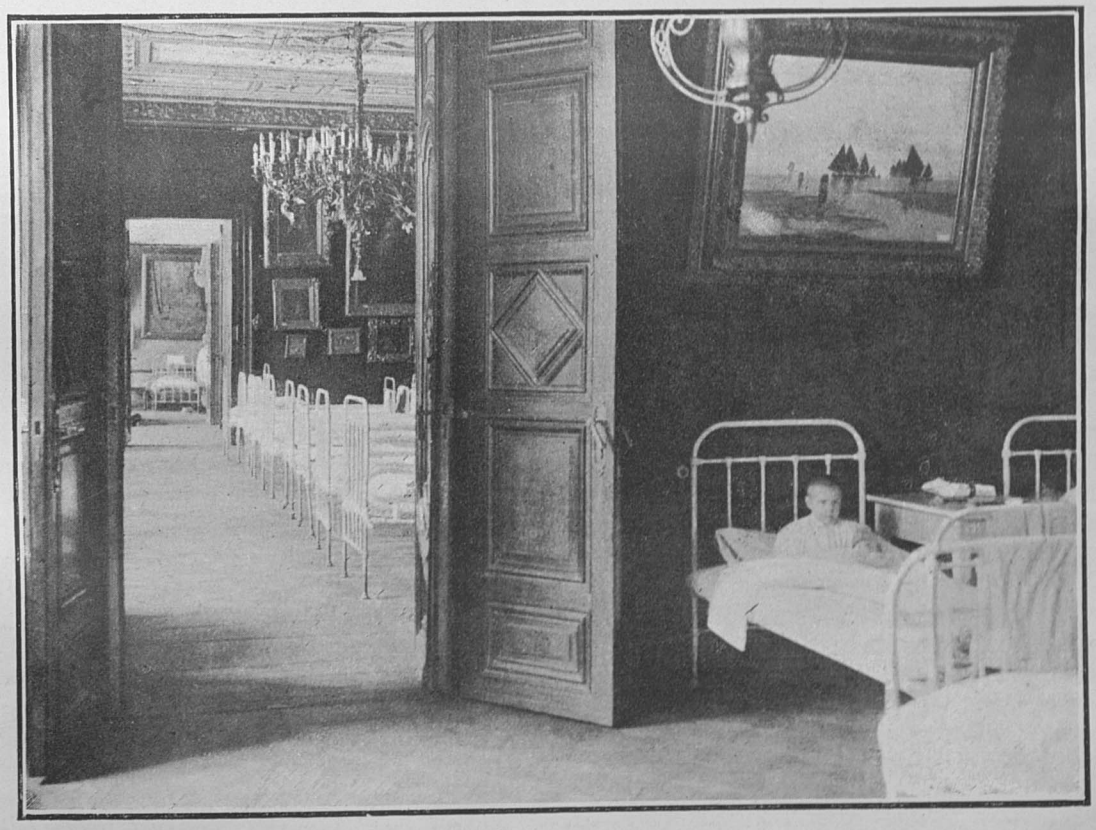
То чувство неутолимого голода, которое испытывала часть населения Москвы в 1918 и 1919 гг., не имело в своем основании самовнушения, как думали в то время многие. Есть много указаний на то, что это ощущение было выражением действительного голодания организма, не приспособившегося еще извлекать все необходимое для своего питания из слишком объемистой, труднее перевариваемой пищи.

Так, можно бы указать, как на массовое явление, на общее исхудание с упадком сил и увеличение легочных заболеваний, ухудшение в течении легочной чахотки, чрезвычайно частые трофические заболевания кожи, прекращение менструаций у женщин на долгое время ($1/2$—1 года).

Все эти явления, свидетельствующие о глубоких нарушениях питания организма, были настолько обычны, что известны широкой публике, не только врачам. Однако, выяснить их размеры статистически так же трудно, как провести статистику насморка.

Санаторная колония „Малютка“.—Дети принимают солнечную ванну.

Здравница „Бодрое детство“.—Спальни.

Из всех последствий голодания поддаются количественному определению три явления: 1) вымирание людей второй половины жизни (мужчины от 40 л., женщины от 50 л.), 2) увеличение легочных заболеваний (в том числе повышение смертности от чахотки), 3) слабость новорожденных.

Вымирание людей пожилого возраста видно из следующих сопоставлений:

Годы.	Средние годичные 1910—1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число мужчин в возрасте от 40 лет и более	160.193	188.400	196.300	214.500	209.402	198.375	158.000
Число умерших на 100.000 этого возраста	3.750	3.330	3.220	3.600	4.150	5.050	10.530
В том числе: От легочной чахотки	634	546	515	552	622	502	770
В том числе: От крупозного воспаления легких	196	160	105	127	163	264	351
В том числе: От прочих болезней органов дыхания	208	160	181	213	298	386	971
В том числе: Всего от болезней органов дыхания	1.038	866	801	892	1.083	1.152	2.092
В том числе: От болезней кровеносной системы	572	575	537	656	855	1.137	1.690
В том числе: От старческой дряхлости	248	219	238	283	345	407	612

Годы.	Средние годичные 1910—1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число женщин в возрасте от 50 лет и более	94.698	105.000	119.000	121.000	112.336	114.288	87.500
Число умерших на 100.000 этого возраста	4.420	4.117	4.040	4.575	5.715	6.875	14.140
В том числе: От легочной чахотки	269	225	203	210	262	250	410
В том числе: От крупозного воспаления легких	228	204	154	187	208	341	435
В том числе: От прочих болезней органов дыхания	219	198	209	231	336	468	1.194
В том числе: Всего от болезней органов дыхания	716	627	566	628	806	1.059	2.039
В том числе: От болезней кровеносной системы	812	895	834	1.042	1.340	1.595	2.689
В том числе: От старческой дряхлости	1.050	944	987	1.210	1.560	1.716	2.945

Здесь мы видим, что смертность людей пожилого возраста значительно возросла, особенно в 1919 году (в 3 раза по сравнению с довоенным четырехлетием), что нельзя поставить в зависимость только от эпидемии сыпного тифа. Если даже совершенно исключить число погибших от сыпного тифа, то все же % умерших в пожилом и старческом возрасте в 1919 году окажется более чем в 2 раза превышающим % довоенного четырехлетия.

Мы видим далее в этих таблицах большее число умерших и по отдельным болезням.

Так, из группы болезней органов дыхания смерть от легочной чахотки повысилась сравнительно немного; значительно более повысилась смертность от крупозной пневмонии, но более всего от прочих болезней органов дыхания. По сравнению с довоенным четырхлетием количество смертей от прочих болезней органов дыхания увеличилось в 5 раз.

Болезни кровеносной системы дали количество умерших более чем втрое превышающее таковое довоенного периода.

Более чем вдвое увеличилось и количество умерших от старческой дряхлости.

Увеличение заболеваний органов дыхания сказалось в повышении числа умерших от этих болезней не только во второй половине жизни, но и всего населения. Это показывают следующие цифры:

Умерло от болезней органов дыхания на 1.000.000 населения в год:

1910—1913	1914	1915	1916	1917	1918	1920
6.625 чел.	6.275	7.400	8.300	7.520	6.925	10.820

Наконец, третье последствие голодания московского населения—слабость новорожденных выражается в следующих цифрах: в 1914 году число умерших от врожденной слабости составляло 15,6% от всего числа умерших до 5 лет, а в 1919 году этот % повысился до 18,7.

Еще определеннее это явление наблюдалось в Воспитательном доме, где число умерших от врожденной слабости составляло след. %% от всего числа умерших за соответствующие годы:

1914	1915	1916	1917	1918	1919
5,3%	6,2%	17%	27,1%	34,0%	35,1%

Хотя перечисленные явления и не могут остаться в стороне при изучении особенностей в заболеваемости населения в течение данного трехлетия, однако, центром нашего внимания должны быть остро-заразные болезни, и именно потому, что они находятся в теснейшей связи как с организацией врачебно-санитарного дела, так и с экономическим и социальным строением общества, и каждое сколько-нибудь значительное изменение в этих отношениях должно вызвать и изменение в заболеваемости остро-заразными болезнями. С другой стороны, именно остро-заразные болезни временами становятся прямо-таки народным бедствием.

Так как не все остро-заразные болезни имеют одинаковое отношение к условиям быта, к степени материальной обеспеченности и санитарного благополучия, мы их разделим на естественные в этом отношении группы:

1. Брюшной тиф и дизентерия стоят в прямой зависимости от питьевой воды и пищи. Дизентерия, кроме того, находится в зависимости от времени года. Поэтому цифры заболеваемости этими болезнями указывают прежде всего на качество питьевой воды и опрятность в

приготовлении пищи (сырые фрукты, сырое молоко, скученность населения с ее неизбежным спутником грязью и более тесным взаимным прикосновением).

2. Цифры заболеваемости сыпным и возвратным тифом являются показателем чистоты одежды и тела широких масс населения (последняя, в свою очередь, зависит от количества мыла, воды, топлива и мануфактуры и степени скученности населения). Это относится и к условиям передвижения по железным дорогам, откуда заносилась эта эпидемия по всей России и прежде всего в Москву.

3. Цифры заболеваемости крупозным воспалением легких, имеющим теснейшую зависимость от простудных влияний, могут указывать на степень обеспеченности населения топливом и одеждой и обувью.

4. Цифры заболеваемости скарлатиной и дифтерией до известной степени стоят в связи с возрастным составом населения и, кроме того, указывают на качество организации врачебной помощи. Но значительное развитие эпидемий происходит от каких-то иных общих причин.

5. Корь—почти обязательная болезнь детского возраста и потому размеры заболеваемости ею зависят от возрастного состава населения.

6. Натуральная оспа, подобно холере, развивается эпидемически. Цифры заболеваемости ею зависят от степени проведения обязательного оспопрививания и госпитализации заболевших, следовательно, от организации врачебной помощи.

7. Наконец, есть группа инфекционных болезней, развивающихся часто как эпидемии, в равной мере поражая население стран с различными социальными условиями, различного богатства и с различным санитарным благоустройством. Сюда относится инфлуэнца и в частности «испанская болезнь».

8. От них отличается холера, развивающаяся тоже как эпидемия, но в то же время распространение холеры зависит от качества воды, почвы, климатических условий и степени санитарного благоустройства.

На ряду с колебаниями в заболеваемости отдельными из этих болезней, трудно поддающимися учету, мы наблюдаем на протяжении данного трехлетия ряд эпидемий, последовательно, как волны, проходящие одна за другой. Как будто кто-то посылает рать за ратью, чтобы уменьшить количество населения, избыточное в отношении продовольствия. Люди почти не умирали с голода, но очередная эпидемия вдруг начинала стихийно расти, унося свои жертвы, пока в силу цикличности течения, падения вирулентности агента, накопления у населения иммунитета и активных мер борьбы органов здравоохранения, она не сходила на-нет. Так прошли последовательно: холерная вспышка 1918 года, испанская болезнь зимою 1918—19 гг. и 1919—20 гг., сыпной и возвратный тифы за эти же зимы, оспа в 1919 году и совершенно неожиданно развившийся в последнее время в невиданных до того размерах брюшной тиф. Наконец, нужно отметить еще одну болезнь, нашу постоянную спутницу, которая ежегодно взимает свою довольно крупную дань—это крупозное воспаление легких. Она также прошла почти как эпидемия и унесла много жизней в 1919 году.

Перейдем теперь к рассмотрению заболеваемости отдельными из перечисленных болезней. Для этого было бы правильным каждую из перечисленных групп болезней сравнить за период, предшествовавший европейской войне, период войны до февральской революции, после февральской революции до октябрьской и, наконец, с октября 1917 года до настоящего времени. Однако, технически это невыполнимо, потому что в момент разрушения всего государственного механизма были разрушены и аппараты регистрирующие. Поэтому цифры за 1917 год страдают крайней неполнотой и не могут быть сравниваемы с цифрами за прежнее время. С 1918 года начинает налаживаться новая государственная жизнь. Снова улучшается регистрация и приближается к той, которая была до революции. Однако, сказать, что она качественно одинакова с ней, нельзя. Несомненно, некоторые совершенно, повидимому, случайные факторы, в свою очередь, возникающие из современного строя, могут в отношении некоторых болезней дать повышение точности регистрации, относительно других—понижение ее. Это нужно будет иметь в виду при сравнении цифровых данных. Таким образом, интересный вопрос о том, как болела Москва в самый острый период революции, оказывается неразрешимым в полном объеме, вследствие неточных данных о заболевших.

1-я группа. Брюшной тиф и дизентерия. Данные об этих болезнях могут быть представлены в этой и последующей таблицах:

1. Брюшной тиф.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	1081	1292	1004	1064	1264	2164	10573	6036	4257	1115	1757
Число умерших.	226	243	178	168	179	359	1407	1041	752	264	504
Из 100 заболевших умерло . .	21	19	17	16	14	17	14	24	18	24	29
Число заболевших, исправленное по числу умерш. и % смерти.	1081	1292	1004	1064	1264	2164	10573	6036	4257	1293	2280
Число заболеваний на 1.000.000 населения.	736	845	658	649	778	1237	5810	3050	2475	873	1572

В первой строке таблицы приведены абсолютные числа заболевших по годам. Так как регистрация заболевших, как упоминалось раньше, значительно изменилась со времени революции: много заболеваний от

регистрации ускользает, то для исправления некоторых величин приходится прибегнуть к сопоставлению с числами таблиц умерших, и потому во второй строке помещены числа умерших от брюшного тифа. В 3-й строке—числа умерших на каждые 100 зарегистрированных заболеваний. Такой «табличный» процент смертности, конечно, всегда выше действительного, так как всегда регистрация умерших—точнее регистрации заболевших. Однако, мы принуждены пользоваться этим табличным % как эквивалентным количеством, за невозможностью установить действительный.

Имея в виду, что регистрация умерших и за революционный период сохранилась почти в прежнем виде, в то время как регистрация заболевших значительно нарушена, мы внесем некоторые поправки в числа заболевших. При этом мы будем исходить из предположения, что хотя смертность от какой-либо болезни и не представляется вполне постоянной, однако, колеблется около некоторой средней величины с ограниченной амплитудой колебаний в ту или другую сторону. За 9 лет, предшествующих Октябрьской революции, такой средней величиной табличного % смертности от брюшного тифа было 18%. Между тем, % смертности за 1918 и 1919 гг. соответственно равен 24 и 29. Полагая, что часть повышения зависит от действительно высокой смертности, другая же от неточности регистрации заболеваний, мы внесем поправки в размере половины разницы между прежней и настоящей силой смертности.

Такие исправленные числа представлены в 4 строке таблицы, а в 5 строке эти числа отнесены к 1.000.000 населения.

Рассматривая этот последний ряд, мы видим, что значительное повышение заболеваемости приходится на период с 1914 по 1917 годы, с максимальной величиной за 1915 год.

ного населения. Зато беженцы, хотя и жили при тех же общегородских санитарных условиях, однако, они ютились в крайней скученности, не дающей возможности гигиеничного содержания жилища, в крайней нищете, исключающей гигиену пищи и одежды. Отсюда—грязь помещения, пищи и одежды при тесном взаимном соприкосновении и как следствие—контактная эпидемия брюшного тифа.

К 1917 году, по мере того, как беженцы размещались и постепенно стали приходить к более нормальным бытовым условиям жизни остального населения, а специфические беженские условия понемногу стали растворяться, заболеваемость начала падать и дошла к 1918 году до уровня довоенного периода.

С 1919 года вновь заметно повышение, и осенью 1920 года брюшной тиф начинает развиваться в эпидемию, стремящуюся по своим относительным размерам уравняться с «беженской» эпидемией, и превосходящую по абсолютным цифрам заболеваемость брюшным тифом в Москве за последние 50 лет.

Этот подъем заболеваемости начинается с августа 1920 года. С половины августа до половины сентября зарегистрировано 775 заболеваний. В течение сентября подъем заболеваемости продолжается, и за одну только неделю с 19 по 25 сентября зарегистрировано 292 случая.

Но причину распространения данной эпидемии нужно искать, прежде всего, в общих городских санитарных условиях (водопровод, канализация), а затем в индивидуальных бытовых условиях (скученность населения, грязь жилищ, одежды и пищи, недостаток мыла, пролетаризация бывшего среднего класса и т. д.). Мы имеем здесь только отчасти повторение беженской эпидемии при повторении беженских бытовых условий, но уже в большем масштабе, захватывающем и коренное население Москвы.

2. Дизентерия.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	2510	2524	4002	3734	3689	4434	10263	15062	8584	1553	2392
Число умерших	733	617	903	795	742	919	1164	1062	1841	893	1653
Из 100 заболевших умерло . .	29	24	23	21	20	21	11	7	22	57	69
Число заболевших, исправленное по числу умерш. и % смертн.	2510	2524	4002	3734	3689	4434	10263	15062	8584	3012	5331
Число заболеваний на 1.000.000 населен.	1709	1650	2538	2278	2176	2531	5645	7610	4935	2035	4270

Однако, это повышение заболеваемости ложится, главным образом, на ту волну беженцев, которая хлынула в Москву. Действительно, заболевания брюшным тифом за 1915 год распределялись между коренными жителями Москвы и приезжими следующим образом:

из коренных жителей заболело: 1283
из приезжих » » 9290

Таким образом, заболеваемость оседлого населения Москвы за этот период нисколько не увеличилась по сравнению с довоенным периодом. Оно и понятно: война в общем внесла мало изменений в условия быта корен-

Таблица для дизентерии составлена совершенно так же, как и для брюшного тифа. Поэтому обратимся непосредственно к рассмотрению последней строки ее. Здесь мы видим, совершенно аналогично с брюшным тифом, повышение заболеваемости за период с 1915 г. по 1917 г., с тем только отличием, что максимум приходится не на 1915 г., а на 1916 год. Как там, так и здесь это повышение заболеваемости нужно отнести на счет беженской эпидемии. Это видно из того, напр., что за 1916 год зарегистрировано заболевших дизентерией:

из коренного населения Москвы . . . 2.929
из приезжих » » . . . 12.133

Таким образом, и здесь эпидемия мало коснулась постоянных жителей Москвы.

В 1917 году количество заболеваний начинает падать, а в 1918 году понижается до величины довоенного периода. В 1919 году, как и брюшной тиф, дизентерия снова развивается до значительных размеров. Таким образом, эта болезнь, имеющая много общего с брюшным тифом относительно условий развития, вновь разростается вместе с нарастанием условий, аналогичных беженским. Что касается 1920 года, то до 1 октября зарегистрировано свыше 2500 заболеваний. За этот же период 1919 года было зарегистрировано 2227 случаев. Если принять во внимание уменьшение количества населения Москвы за этот год, то можно говорить о вполне определенном повышении заболеваемости дизентерией в 1920 г. по сравнению с 1919 г.

димому, вследствие нарастания у населения иммунитета (переболело не менее 15% населения за 1919 и 1920 годы), а также благодаря уменьшению подвижности населения и энергичным мерам борьбы в смысле улучшения госпитализации, дезинсекции и. т. п. Впрочем, здесь решающую роль играют не московские, а общерусские условия.

При сопоставлении таблицы возвратного тифа с таблицей сыпного тифа замечается поразительное сходство. Как там, так и здесь довольно высокие числа заболеваний в 1909, 1910 и 1911 годах, затем у сыпного тифа в 1912 году заболеваемость падает, а у возвратного падение происходит годом позже. За 1913 и 1914 года в обоих случаях имеются низкие цифры; в 1915 году и та и другая болезнь дают повышение заболеваемости; в 1916 году—максимум беженской эпидемии (из 17.919 заболе-

3. Сыпной тиф.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	1494	2592	2924	425	479	383	885	3800	1443	7217	74211
Число умерших	226	317	467	49	50	51	121	302	220	661	12616
Из 100 заболевших умерло	15	12	16	11	10	13	14	8	15	9	17
Число заболевших, исправленное по числу умерших и % смертности	1494	2592	2924	425	479	383	885	3800	1443	7217	84300
Число заболеваний на 1.000.000 населения	1015	1695	1850	259	284	219	487	1920	839	4875	67400

На этой таблице заметно некоторое повышение заболеваемости в 1916 году. Это повышение, как и относительно двух предыдущих болезней, зависит от беженской эпидемии: заболевшие сыпным тифом в этом году распределялись следующим образом:

жители Москвы . . . . . 1166 заболеваний
приезжие » . . . . . 1634 »

В 1917 году заболеваемость сыпным тифом значительно падает, в 1918 году начинает возрастать, и наконец, в 1919 году достигает максимальной величины: 67.400 на 1.000.000 населения. В 1920 году до 1 октября зарегистрировано 23.151 заболевание. В 1919 году за этот же период—66.065 заболеваний. Несомненно, эпидемия сыпного тифа в Москве идет на убыль, повиваний 3064 приходится на долю московского населения, а 14.855 на долю приезжих), затем некоторое падение заболеваемости в 1917 году и новое повышение с 1918 года. В 1919 году эпидемия достигает максимума, который еще усиливается и в 1920 году: за этот год зарегистрировано до 1 октября 4692 заболевания, в то время как в 1919 году за тот же период отмечено 4084 заболевания. Если принять во внимание уменьшение численности московского населения в 1920 году по сравнению с 1919 годом, то можно говорить, что пока заболеваемость возвратным тифом еще не падает, а значительно возрастает. Некоторую роль играет и то обстоятельство, что в населении не накопилось достаточно иммунитета (как при сыпном тифе): так, переболело за последние годы возвр. тифом около 2—3% населения.

4. Возвратный тиф.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	3757	2665	1273	139	92	47	1451	17.919	3851	3698	6760
Число умерших	101	77	34	2	0	5	16	158	87	114	771
Из 100 заболевших умерло	3	3	3	1	—	10	1	9	3	3	11
Число заболевших, исправленное по числу умерших и % смертности	3757	2665	1273	139	92	47	1451	17.919	3817	3698	11.014
Число заболеваний на 1.000.000 населения	2550	1745	807	848	54	27	798	9060	2220	2500	8810

Санаторная колония „Малютка“ для детей от 1—3 л. Подотдела Охраны Материнства и Младенчества Мосздравотдела.

Здравница „Бодрое Детство“.—Столовая.

5. Натуральная оспа.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	1423	1188	1028	168	245	421	1226	1654	1436	1343	4856
Число умерших	312	228	197	24	45	62	261	370	393	329	1757
Из 100 заболевших умерло . .	22	18	19	15	18	15	21	21	27	25	36
Число заболевших, исправленное по числу умерших и % смертности	1423	1188	1028	168	245	421	1226	1654	1436	1343	7025
Число заболеваний на 1.000.000 жителей	967	776	650	124	145	241	674	835	835	908	5625

Значительное повышение заболеваемости натуральной оспой замечается в 1919 году. В 1920 году до 1 октября зарегистрировано 575 случаев; за этот же период 1919 г. — 4549 заболеваний. Таким образом, вспышка оспенной эпидемии весны и лета 1919 года к 1920 году погасла. Развитие оспенной эпидемии трудно поставить в зависимость от каких-либо изменений в быте московского населения. Правильнее считать ее случайным явлением, подобно испанской болезни. Энергичными повторными прививками удалось с оспой справиться.

III. Как лечилась Москва.

В этом вопросе есть две стороны: 1) какие изменения произошли в организации врачебной помощи населению и 2) как при условиях всеобщей разрухи на деле работал аппарат медицинской помощи.

Организация медицинской помощи за эти 3 года подверглась существенным изменениям, в основу которых положено стремление приблизить эту помощь к широким массам населения, сделать ее доступной всем и во всех видах.

6. Крупозное воспаление легких.

Годы.	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Число заболевших	2645	2665	3259	2860	3437	2609	1989	2138	1986	2673	916
Число умерших	919	1110	1178	1228	2269	1342	1160	1352	1250	2411	2212
Из 100 заболевших умерло . .	35	42	35	43	63	51	58	63	63	91	221
Число заболевших, исправленное по числу умерших и % смертности	2645	2665	3259	2860	3437	2609	1989	2138	1986	3830	3510
Число заболеваний на 1.000.000 населения	1800	1761	2063	1745	2035	1491	1095	1079	1155	2582	2810

Крупозное воспаление легких, поскольку можно судить по числу умерших, дало значительное повышение заболеваемости в 1918 и 1919 годах. В приведенной таблице обращает на себя внимание совершенно невероятный процент смертности за 1918 год и абсурдный за 1919 г. Такой процент является выразителем неполноты регистрации. Ясно, что в 1919 г. зарегистрирована едва ли $^1/_4$ заболеваний. Сказать, что заболеваемость крупозным воспалением падает или возрастает в 1920 году, совершенно невозможно. Цифры ее за 1920 год, несомненно, ниже таковых 1919 года, но это не значит, что заболеваемость понизилась.

Резюмируя результаты обзора заболеваемости Москвы за трехлетие революции, мы должны сказать, что помимо изменений в заболеваемости некоторыми болезнями, связанными с недоеданием, на протяжении изучаемого периода развернулся ряд эпидемий. Из них, за исключением двух случайных (испанка и оспа), остальные представляют из себя тот самый комплекс, какой мы встречаем в 1915—1916 годах исключительно среди приезжего населения. Это совпадение не случайно, так как в основе этих эпидемий лежат одинаковые тяжелые бытовые условия.

Реорганизация проведена начиная с центральных учреждений и до самой периферии.

Прежде всего в 1918 году реорганизовалось IX отделение Городской Управы. Заместивший это отделение Врачебно-Санитарный Отдел М. С. Р. и Кр. Д. разбился на подотделы:

1. Лечебный, в котором сосредоточена вся лечебная часть.
2. Санитарный подотдел.
3. Амбулаторный.
4. Зубоврачебный.
5. Подотдел по борьбе с венерическими болезнями.
6. Психиатрический.
7. Школьно-санитарный.
8. Подотдел помощи на дому.
9. Санитарно-ветеринарный подотдел.
10. Врачебно-административный.
11. Комиссия по освидетельствованию городских служащих и рабочих.
12. Подотдел Фармацевтический.
13. Подотдел Врачебной Экспертизы.
14. Инструкторско-Инспекторский.

Во главе всего Врачебно-Санитарного отдела стоял заведующий, работа которого разделялась четырьмя членами Коллегии. Члены Коллегии распределяли между собою контроль за деятельностью подотделов.

Для специальных вопросов существовали постоянные комиссии: больничных врачей, санитарных врачей, школьных врачей и врачей психиатров, а в зависимости от той или другой потребности учреждались специальные комиссии, напр., по борьбе с испанкой, по борьбе с холерой, по борьбе с сыпным тифом и др.

При этой первоначальной конструкции Врачебно-Санитарного Отдела, охватывающей главнейшие отрасли здравоохранения, повидимому, уже с самого начала чувствовался недостаток в органической координации работы как отдельных частей, так и центра с периферией. На этой почве возникли 2 недолго существовавших учреждения: 1) Больничный Совет из представителей старших и младших служащих больниц, избранных на паритетных началах, и 2) Врачебно-Санитарный Совет, объединявший все медицинские Комиссии, Лечебную и Санитарную части со всеми их подотделами и центр с периферией.

Постепенно, в процессе работы, происходило совершенствование аппарата и возникали все новые подотделы, отвечая на многообразные требования жизни.

Так, в начале 1919 года возникли: 15) Подотдел Тюремной Инспекции и 16) Санитарно-Технический Монтажный Подотдел; в июле 1919 г. учрежден 17) Санаторный Подотдел; одновременно возник: 18) Учетно-Ликвидационный Подотдел; в апреле 1920 года в ведение Горздравотдела перешел: 19) Подотдел Материнства и Младенчества, а в мае 1920 г. в ведение Горздравотдела перешел: 20) Врачебно-Контрольный Подотдел из состава Подотдела Социального Обеспечения и Охраны Труда.

Одновременно с развитием новых подотделов, охватывающих все новые стороны здравоохранения, все более назревала необходимость внутренней перегруппировки и перестройки всего уже весьма сложного аппарата. Такая реорганизация была осуществлена весною 1920 года, когда Горздравотдел был разделен на 4 основных части:

1. Администр.-Финансовую (Управление делами).
2. Врачебно-хозяйственную.
3. Лечебную и
4. Санитарную.

Наконец, в августе 1920 года произошло слияние Горздравотдела с Губздравотделом, в результате которого возник Москздравотдел.

В настоящее время центральная организация Москздравотдела, согласно официального отчета о его деятельности, представляется в следующем виде:

1. Административно-финансовая часть или Управление Делами.

К этой части относятся: состоящий при Коллегии Секретариат, Декретный Стол (юрисконсульт) и издание «Еженедельника»—информационного органа обо всех распоряжениях Коллегии. Далее в эту часть входят:

а) Общее делопроизводство с Регистратурой, Экспедицией, Архивом, Справочным Столом учреждений, Бюро Жалоб.

б) Инструкторский подотдел, работающий в постоянном контакте с Профессиональным Союзом Всемедикосантруд и Рабоче-Крестьянской Инспекцией. В подотдел входит, как его составная часть, в виде особой секции, Фармацевтическая Инспекция.

в) Жилищно-Земельный подотдел.

г) Управление домом Москздравотдела.

д) Бухгалтерия.

е) Подотдел Личного Состава со следующими отделениями:

1. Мобилизационный стол.
2. Учетно-справочный стол.
3. Стол по проверке платежных списков.
4. Организационно-справочный стол.

2. Врачебно-Хозяйственная часть заключает в себе четыре Подотдела.

а) Подотдел Общего Снабжения. Секции: заготовительная, складская, распределительная.

б) Подотдел Сельско-Хозяйственный,

в) » Строительно-Монтажный,

г) » Транспортный.

Врачебно-Хозяйственная часть находится в стадии реорганизации и потому секции еще окончательно не выяснены.

3. Лечебная часть заключает в себе следующие подотделы и секции:

а) Подотдел Больничный. Секции: психиатрическая, скорой медицинской помощи, по перевозке заразных больных, по надзору за частными лечебными учреждениями и вольнопрактикующими врачами.

б) Подотдел Участковой Медицины.

в) » Амбулаторный. Секция зубоврачебная, учетно-ликвидационная, по заведыванию приемными покоями при комиссариатах.

г) Подотдел Санаторный. Секции: санаторная, Домов Отдыха.

д) Подотдел Охраны Материнства и Младенчества. Секции: Охраны Материнства, Младенчества.

е) Подотдел по оказанию медицинской помощи на дому.

ж) Подотдел Медицинской Экспертизы. Секции: судебная, общая.

з) Подотдел Тюремной Инспекции (лечебно-санитарная часть).

и) Подотдел Фармацевтический.

4. Санитарная часть заключает в себе следующие подотделы и секции:

а) Подотдел Санитарный. Секции: охраны воды, воздуха и почвы, санитарной охраны жилищ, пищевой гигиены, санитарной техники.

б) Подотдел Эпидемический. Секции: общей эпидемиологии, бактериологии и прививок, банно-прачечно-дезинфекционная.

в) Подотдел Санитарно-Статистический.

г) » Охраны Здоровья Детей. Секции: школьная, детских домов для нормальных детей, детских домов для дефективных детей, колоний.

д) Подотдел Санитарно-Просветительный. Секции: лекционная, музейно-выставочно-библиотечная, издательская.

е) Подотдел борьбы с социальными болезнями. Секции: борьбы с венерическими болезнями, с туберкулезом.

В сфере деятельности каждого из подотделов произведен ряд коренных преобразований и улучшений в организационном смысле.

В сфере деятельности *Лечебной части* можно отметить присоединение больничных учреждений из других ведомств к муниципальным, открытие новых лечебных учреждений, особенно эпидемических, увеличение числа больничных коек в существовавших ранее больницах, открытие Института Мечникова, присоединение Химико-Бактериологического Института б. Вермеля.

Таким образом, в ведение Лечебного подотдела в 1918 году перешли: Благушенская и Ростокинская земские больницы, Преображенская больница бывш. Старообрядческого Общества, санатории: Ромашка, Всехсвятский и Серебряный Бор, все больницы бывшего Мариинского Ведомства (Мариинская, Галицинская, Шереметьевская, Павловская, Софийская и Ольгинская), Александровская больница бывш. Купеческого Общества, Глазная больница на Тверской, Орловская лечебница, Центральный приемный покой для душевнобольных.

В 1919 году в ведение этого подотдела перешли Окружная Психиатрическая лечебница, больница на Люберецких полях орошения, больница Петровской Земледельческой Академии, ряд фабричных больниц из ведения Мобкассы, а именно:

Больница при фабрике Даниловской М-ры.
„ „ „ Иокиш.
„ „ „ Прохоровской М-ры.
„ „ „ Резиновой Промышлен. № 2.
„ Краснопресненского сахаро-рафинадного завода.
„ при фабрике Жиро.
„ „ „ Гюбнер.
„ „ „ Циндель.

В 1920 году в ведение подотдела перешли:

Больница Александринской Общины Сестер Милосердия.
Больница Иверской Общины Сестер Милосердия.
Детская здравница для кожных и коклюшных детей.
Знаменская детская здравница для кожных больных.
Петровская больница.
Институты Клинической экспертизы.
„ Арбатский хирургический.
„ Лефортовский.
„ Рогожский (б-ца им. Березкина).
Больница бывш. Евангелическая (им. Остроумова).
„ Рублевской насосной станции.

В 1919 году открыты для сыпно-тифозных: Ермаковская больница, Полянский госпиталь, Брестская больница, Сущевская, Морозовская (б. Ночлежный дом), Лефортовский госпиталь, Временная инфекционная больница, Андроньевский госпиталь.

На ряду с этим увеличено число коек в функционировавших ранее больницах.

Общее число больничных кроватей в 1918 г. достигло 16.733. В 1919 году было увеличено число кроватей в постоянных больницах на 3398, открыто временных больниц и увеличено число кроватей:

в заразных больницах на 3470
» 12 родовспомогат. учреждениях . . . 614
» фабрично-заводских больницах . . . 303
» больницах Люберец. и Люблин. пол. ор. 80
» лечебнице уролого-хирургической . . 40

За уменьшением числа кроватей в Институте челюстных ранений и Травмотологическом на 800, общее число кроватей в 1919 году равнялось 23.838.

В 1920 году это число возросло до 25.377.

Таким образом, число больничных кроватей в отношении к количеству населения возросло чрезвычайно, что видно из следующих сопоставлений:

Годы.	Число больничных кроватей.	Количество населения в круглых цифрах.	На 1 кровать приходится число жителей.
1913	10.900	1.700.000	156
1918	16.733	1.480.000	88
1919	23.838	1.250.000	52
1920	25.377	1.200.000	46

Такое отношение числа больничных кроватей к количеству населения даже при развивавшихся до сих пор эпидемиях может количественно обеспечить население стационарной помощью, и в этом отношении цель может считаться достигнутой. Об этом отчасти свидетельствуют низкие цифры отказов в приеме в больницы за отсутствием мест:

Годы	1914	1915	1916	1917	1918
Число отказов . .	25266	21992	19095	6821	3153

В самой организации больничной жизни также проведены реформы, и, прежде всего, установлены однообразные штаты как врачебного, так и вспомогательного персонала.

В 1918 году в периоде реорганизации больниц, присоединенных из других ведомств, пришлось, в виду неудовлетворительного их состояния, прибегнуть к временному закрытию некоторых из них с последующим избранием новых служащих.

Наконец, нужно упомянуть, что с начала 1919 г. отменена плата за лечение больных.

В сфере деятельности *Санитарного Подотдела* увеличено количество санитарных врачей до 30 вместо 20, бывших ранее; создан институт помощников санитарных врачей. Самая деятельность санитарных врачей изменилась в связи с образованием Медико-Санитарных Отделов при 11 Районных Совстах (теперь—7).

На долю этого подотдела выпала задача не мирного строительства, а чрезвычайно упорной борьбы с надвинувшимися эпидемиями, борьбы непосильной вследствие существования всеобщей разрухи. Например, нередко встречалась совершенная невозможность осуществить дезинфекцию или ликвидацию какого-либо очага из-за расстройства транспорта, из-за отсутствия топлива, из-за недостатка дезинфицирующих веществ; невозможность

провести наблюдение из-за прекращения телефонного сообщения и т. п.

Естественно, что при таких условиях самые героические усилия дали несоответственные им результаты. По определению самого Врачебно-Санитарного Отдела, к концу 1918 года, «несмотря на такие усилия, удалось справиться лишь с холерой и испанской болезнью; загрязнение города остается попрежнему ужасающим, а эпидемия сыпного тифа, развившаяся к концу отчетного года до небывалых размеров, шла впереди всех мероприятий, какие удавалось осуществлять». (Грауэрман. Краткие сведения о деятельности Врачебно-Санитарного Отдела за 1918 г. Врачебно-Санитарная Хроника Москвы, 1919, № 1 и 2).

В деятельности *Амбулаторного Подотдела* отметим увеличение числа амбулаторий (с 37 в 1917 г. до 51 в 1919 г.) и улучшение их как в смысле помещений, так и относительно обслуживания больных: увеличение числа приемных часов, расширение приемов по специальностям.

В 1919 г. в 47 амбулаториях перебывало 915.772 чел., что составляет на 1000 населения в среднем 54 чел. в месяц. В 1920 г. за первые 7 месяцев перебывало на амбулаторных приемах 430.354 чел., в среднем на 1000 населения по 51 чел. в месяц. Несколько меньшая посещаемость зависит, надо думать, от уменьшения в нынешнем году заболеваемости.

Совершенно новый для московской городской медицины, *Зубоврачебный Подотдел* раскинул по Москве сеть амбулаторий. Деятельность и рост зубоврачебных амбулаторий в отчете Москздравотдела представлены в следующей таблице:

Годы.	Число амбулаторий.	Число обратившихся.	Средний прием в день во всех амбулаториях.
1918	10	43.370	219
1919	82	229.728	873
1920 до 15 авг.	104	128.585	1313

В области попечения о душевнобольных (*Психиатрическая секция*) также произведены реформы с целью приблизить психиатрическую помощь к населению. Для этого существующие городские психиатрические больницы (к которым присоединен и Центральный приемный покой) превращены в районные и учреждены должности районных психиатров (8), к каждому из них придано по 1 надзирателю. Деятельность районных психиатров за 1919 г. выразилась в следующих цифрах: в среднем на одного врача приходилось в месяц 17 посещений вновь заболевших, 43 посещения патронажных больных, 48 амбулаторных больных, 3 консультации в соматических больницах, 1—2 экспертизы, 4 посещения психических больных, 4 заседания.

В ведение Психиатрической секции Горздравотдела перешла Московская Окружная лечебница, превращенная в городскую Психиатрическую колонию.

В 1920 году, вследствие ликвидации военной психиатрии, в ведение Психиатрической секции перешел I Военно-Психиатрический госпиталь, который предназначается для лечения психо-неврозов, возникающих в связи с расстройствами обмена и инфекциями.

Для обслуживания тюремного населения в тюремной больнице открыто Психиатрическое отделение на 60 кроватей. Через это отделение за год прошло более 200 больных.

Психиатрическая секция участвовала в организации помощи дефективным детям.

Подотдел по борьбе с венерическими болезнями за 1918 и 1919 гг. открыл прием по венерическим болезням при 11 самостоятельных амбулаториях; в 1920 году открыл 12 амбулаторий для венерических больных. Эти амбулатории находятся в заведывании Амбулаторного Подотдела.

Подотдел по борьбе с венерическими болезнями производил осмотры служащих столовых Общественного питания.

Самую большую деятельность этот Подотдел развил в культурно-просветительной области: читались лекции, изготовлялись плакаты, издавались листовки и воззвания по профилактике сифилиса и гонорреи.

Для *подачи врачебной помощи на дому* Москва разделена на врачебные районы (в 1919 г. 29 районов). В каждом районе имеется районный врач и 2 районных фельдшерицы. В каждом районе имеется пункт для приема заявлений о помощи на дому. Учреждение это для Москвы совершенно новое и потому не лишнее ближе очертить его задачи. Вот как характеризует деятельность этого учреждения отчет Москздравотдела:

«Каждый район обслуживался одним врачом и двумя фельдшерицами, которые оказывали бесплатную медицинскую помощь на дому населению своего врачебного района. Помощь подавалась ежедневно, не исключая и праздничных дней. Деятельность персонала носит лечебно-санитарный характер. В обязанность районного врача входит возможно-быстрое выделение опасных в смысле распространения заразных болезней случаев и быстрая эвакуация таких больных в соответствующие больницы. При обнаружении заразного заболевания врач принимает на месте возможные меры предосторожности против распространения заразы и с необходимой быстротой, в зависимости от характера заболевания, сообщает о нем санитарному врачу данного района для принятия всех надлежащих мер. Лечению на дому подлежат лишь случаи с кратковременным течением болезни, обострение хронических болезней и т. п. Кроме того, такому лечению подлежат лишь те больные, которые по состоянию своего здоровья не могут посещать амбулаторий и не могут быть помещены в больницу по каким-либо серьезным причинам (недостаток места, отсутствие перевозочных средств и др.). Оказание помощи в экстренных и несчастных случаях, а также в ночное время не является специальной задачей районных врачей и фельдшериц.

В каждом районе имеется пункт для приема заявлений о помощи на дому. Заявления принимаются фельдшерицей ежедневно, не исключая праздников, лично от родственников или близких больного, обычно от 9—11 час. и от 5—7 час., иногда от 2—4 час. или от 4—6 час., в зависимости от условий жизни района и по техническим соображениям. В воскресные дни заявления принимаются только утром. По заявлениям, поступившим в утренние часы, врач посещает больных в тот же день; по заявлениям же, принятым в часы вечерние, обход совершается на другой день утром. Всякий больной осматривается лично врачом, после

чего направляется или в соответствующую больницу, или в учреждение для хроников, или же в амбулаторию, если больной в состоянии посещать ее. Врач посещает больного повторно и продолжает лечение на дому лишь в том случае, если признает это по тем или иным причинам показанным. Врач снабжен необходимыми принадлежностями и медикаментами на случай оказания немедленной помощи при угрожающем жизни состоянии больного.

Районная фельдшерица является помощницей врача и по его указаниям оказывает больному разного рода вспомогательные медицинские пособия. Фельдшерский персонал также снабжен необходимыми инструментами, лекарствами и перевязочным материалом.

Отпуск лекарств по рецептам районного врача производится бесплатно из аптек при больницах, из амбулаторий и из городских вольных аптек.

Врач и фельдшерица вносят сведения о каждом посещенном ими больном во врачебные и фельдшерские регистрационные карты с особыми номерами.

Районные врачи образуют при Врачебно-Санитарном Отделе особую комиссию, обсуждению которой подлежат все вопросы, связанные с оказанием помощи на дому. Районный врач состоит членом Медико-Санитарной организации того района, в состав которого входит врачебный район данного врача. Вся работа медицинского персонала для подачи помощи на дому протекает под контролем местной Медико-Санитарной организации.

Начав свою деятельность с сети в 29 районов, подача врачебной помощи на дому в настоящее время располагает 76 районами, что достигнуто путем дробления. Число врачей с 34 доведено до 85 при штатном количестве в 95. Средний персонал с 56 человек доведен до 130».

Деятельность пунктов подачи помощи на дому видна из следующей таблички:

Года.	Число пунктов функциониров.	Число посещенных больных.	В среднем в мес. на 1000 жит.
1918	29	7.811	1
1919	33—35	89.173	5
1920 до 1 июля	63	55.733	8

Фармацевтический Подотдел провел муниципализацию аптек и аптекарских магазинов; произвел учет и распределение материалов и служащих; сократил число аптек с 96 до 83; изъял из аптек приготовление галеновых препаратов и осуществил централизацию приготовления некоторых лекарственных веществ.

Деятельность аптек за 1918—1920 гг. выразилась в следующих цифрах:

Годы.	Число аптек.	Число служащих.	В том числе квалифицированных.	Количество изготовленных рецептов.	Тоже на 1000 жител. в месяц.
1918	96	3000	1700	4.300.000	213
1919	83	2124	841	3.386.329	200
1920 (5 мес.)	70	1795	810	1.505.183	251

При оценке цифр изготовленных рецептов нужно принимать во внимание, что в эти числа входят рецепты на лекарства, ранее отпускавшиеся по ручной продаже, так как, вследствие недостатка медикаментов, многие из них приходится отпускать только по рецептам врачей. Во всяком случае, в текущем году отпуск

лекарств значительно усилился (на одну четверть против 1919 г.).

Бесплатный отпуск лекарств беднейшему населению, госпиталям и пациентам внебольничных учреждений производился из 26 больничных аптек.

Кроме аптек, в ведении Фармацевтического Подотдела в настоящее время находится 17 магазинов предметов санитарии, гигиены и ухода за больными, 1 центральный склад, 1 склад стекла и 1 лаборатория.

В ведении бывшего IX отделения Гор. Управы был всего 1 туберкулезный санаторий—Четвериковский.

Горздравотдел, поставив себе целью расширить это дело и сделать эти учреждения доступными широким слоям населения, учредил *Санаторный Подотдел* и передал в его ведение: Туберкулезный Институт, Ольгинскую детскую больницу, санатории: Четвериковскую, Коншиной, Стрешнево, Надеждино, Патрикеево, Ховрино, Ромашка, Детский № 1, Преображенский, № 18 Благовещенский, Синеж; здравницы: Всехсвятский, Петровский Парк, Воробьевы Горы, Серебряный Бор, Ильинское, «Бодрое Детство», «Чайка», «Осиное Гнездо», «Малютки», «Белка» и один диспансер № 1, с общим числом на 1515 кроватей. В августе 1920 года число санаторий и здравниц увеличилось до 45, а число кроватей в них до 3925. Воспользовались этими учреждениями в 1919 г. 2630 лиц, а до 15 августа 1920 г. — 9800.

Особое внимание в санаториях обращено на усиленное питание больных. Вот сравнительная таблица продовольственного пайка санаторного и больничного, помещенная в отчете Москздравотдела:

Наименование продуктов.	Продовольственный паек: Санаторный.	Больничный.
Мяса (4 раза в неделю)	1 фун.	60 зол.
или рыбы (не более 2 раз)	1 1/2 »	75 »
или грибов (не более 1 раза)	4 зол.	4 »
Жиров	16 »	13 »
Крупы	48 »	32 »
Овощей свежих	2 фун.	60 »
или картофеля	—	1 1/2 ф.
Чаю	4 зол.	1/2 зол.
или кофе	2 »	2 »
Сахару	12 »	8 »
Сладких фрукт	24 »	— »
Яиц	2 шт.	3/7 шт.
Соли	7 зол.	5 зол.
Картофельной муки	8 »	14 »
Клюквы	12 »	12 »
Хлеба	1 фун.	3/4 ф.

Кроме того, санаторные больные получают добавочные дачи в виде икры, сыра, какао.

Размеры очерка не позволяют подробнее остановиться на всех подотделах и секциях Горздравотдела. Из приведенных уже данных видно, как многообразна, сложна и существенно важна работа этого Отдела, какая стройная, далеко еще не законченная ни в смысле взаимной связи частей, ни в смысле распространения на все новые и новые области охранения народного здоровья, система воздвигается в неудержимом порыве нового строительства.

Не успела закончиться реформа первоначальной организации, а уже открываются новые задачи, новые широкие горизонты; возникает вопрос о создании пси-

хической санитарии, уже близки к осуществлению Дома Отдыха, быстро растут учреждения по Охране Материнства и Младенчества, начинает осуществляться специализация больниц... Ширится и углубляется по всем направлениям организация народного здравоохранения.

Однако, весь этот творческий порыв, в процессе борьбы выковывающий подобно Красной армии мощную организацию, даст, несомненно, лучшие результаты только спустя некоторое время, когда бытовые условия и условия государственного снабжения изменятся к лучшему.

Если же теперь мы обратим свои взоры от *организации* врачебной помощи населению к той повседневной реальности, с которой больной в Москве встречается в течение данного трехлетия, то увидим менее отрадную картину.

Вот как рисует реальную обстановку больничного лечения за пережитый период отчет Москздравотдела:

«Таким образом, количественно, не касаясь санаторий и здравниц, население обслуживается, в смысле возможности пользоваться врачебной стационарной помощью, лучше прежнего. К сожалению, в общем того же нельзя сказать о качестве этой помощи, слагающейся из снабжения учреждений всем необходимым для больных, из ухода за ними и специального лечения. Только при полной согласованности этих трех сторон больничной жизни лечебное дело может отвечать всем требованиям, которые к нему предъявляются. Если же только какая-нибудь одна сторона нарушается, вся больничная машина работает с перебоями или совершенно останавливается. II Коллегия Москздравотдела считает своим долгом отметить, что эти перебои и приостановки были, что население Москвы имело основание нервничать и негодовать по поводу неурядиц в больницах. Было холодно, бывало голодно, выдавалась иногда мало подходящая для больного пища, не хватало белья, огромная часть которого была частью расхищена, частью, залежавшись, сопрела, не хватало чистого белья вследствие слабой работы прачечной; обед, ужин и чай растягивался на продолжительное время за отсутствием достаточного количества посуды для всех больных. Больницы, которые должны блестеть чистотой, загрязнились за отсутствием необходимого ремонта, закоптились стены и потолки от постановки железных печей, зияли отверстия в стенах там, где их не должно быть, протекли потолки вследствие плохих крыш, лопанья труб, загрязнились полы, за отсутствием швабр, щеток, достаточного количества мыла и т. д. При таких условиях трудно требовать должной чистоты и наведения ее со стороны персонала младших служащих, к тому же неправильно в общем понимавших сущность свободы и 8-часового рабочего дня. Инструктора не всегда правильно освещали, в особенности вскоре после переворота, положение вещей и необходимость трудовой дисциплины, и терроризированная администрация больниц, опасаясь отказа со стороны персонала в исполнении даже вполне законных требований, стала свидетелем упадка больничной дисциплины. Не всегда и не везде на должной высоте стоял и остальной больничный персонал. Коллегия всемерно боролась с развившимся многовластием. Были приняты меры, не без труда осуществленные, к ликвидации этого распыления власти, к удалению из больниц мешающих налаженью работы лиц, в результате чего, хотя современный больничный строй заметно улучшился, но работа в этом направлении предстоит еще большая, в чем оказывает большое содействие Здравотделу Профессиональный Союз Всемедиксантруд.

Среди перечисленных затруднений, мешавших организационной работе Здравотдела, тормозивших правильное функционирование старых лечебных учреждений, в течение многих лет заслуживших доверие всего московского населения, задерживавших появление новых видов лечебной помощи, в которых давно ощущалась нужда, следует отметить один весьма важный фактор. Этот фактор—целый ряд эпидемических заболеваний и среди них, главным образом, сыпной тиф, захвативший не только Москву, но разлившийся по всей России в небывалом до сего времени размере. Недостаточное питание населения, отсутствие необходимого топлива и чистоты благоприятствовали быстрому и широкому распространению эпидемии, чему в частности не могло быть противопоставлено, на ряду с обще-санитарными мероприятиями, единственное могучее средство борьбы—госпитализация, т.-е. быстрое изъятие больных и помещение их в больницы, в каковых целях следует итти впереди эпидемии. А для этого необходимо располагать хорошим, без перебоев работающим транспортом, опытным персоналом больничных работников в количестве, отвечающем потребности, и этой же потребности удовлетворяющим количеством больничных кроватей. Между тем ни одно из этих основных требований не могло быть удовлетворено полностью, несмотря на все старания Здравотдела. Было, например, организовано Бюро по перевозке заразных больных, были в распоряжении Отдела автомобили для перевозки этих больных, но то автомобили портились, то из-за сугробов снега, от времени до времени покрывавших Москву, машины останавливались, то не было смеси. Что касается персонала больничных работников, то о наличии такого кадра опытных лиц, да еще в количестве, удовлетворяющем небывало быстро растущей потребности, не могло быть и речи. Для создания такого кадра в особенности ухаживающего и лечащего персонала требуется, прежде всего, время, а его-то именно и не было. И отсутствие необходимого количества работников задерживало увеличение числа больничных кроватей, т.-е. возникновение новых сыпно-тифозных больниц, огромным тормозом для чего служил и недостаток предметов оборудования, хозяйственной и больничной обстановки. Между тем сыпной тиф, особенно в 1918—19 академическом году быстро и безостановочно развивался, и сыпно-тифозные больные были везде. Здравотдел прибегнул к героическому средству, чтобы сразу увеличить число больничных мест и обеспечить эти места привычными опытными работниками всех родов службы. В полном сознании падающей на него ответственности Отдел разрушил свои больницы в смысле специализации в них отделений, предоставив почти все полностью для сыпного тифа. Это было крупной жертвой для болящей Москвы частью ее же интересами и особенно жертвой старыми работниками—врачами, ухаживающим персоналом и младшими служащими,

заплатившими своею жизнью в огромном проценте, значительно превысившем общий процент смертности от сыпного тифа в Москве.

Одновременно, в целях увеличения количества ухаживающего персонала, по особому декрету, были мобилизованы студенты и студентки, местами, особенно при оборудовании новых больниц, исполнявшие обязанности сиделок, уборщиц, рабочих тяжелого физического труда и т. п. И они не мало пострадали, хотя, защищенные молодостью, в количестве меньшем, чем старые работники».

«В 1919 году, особенно в первой половине его, сыпной тиф неудержимо развивался при ухудшавшихся условиях жизни, расстройстве транспорта и отопления. Частью за отсутствием или недостатком топлива, частью вследствие недосмотра ответственных лиц, в связи с упадком дисциплины, полопались местами отопительные приборы, водопроводные и канализационные трубы, и то одно, то другое учреждение выходило частично из строя. Так в Старо-Екатерининской больнице пришлось закрыть два специальных новых корпуса—Гинекологический и Акушерский. Закрылся временно Абрикосовский родильный дом за полной невозможностью пребывания там родильниц и новорожденных, закрылся Анатомический театр Сокольнической больницы, хирургический корпус Владимирской больницы и Любимовский корпус при 2-й Городской больнице. Заведующие лечебными учреждениями врачи—почти ежедневно являлись в Лечебную часть и в Коллегию с указаниями то на расстройство перевозочных средств, то на недостаток фуража, то на недостаток продовольствия, топлива, мыла, выдававшегося по голодным нормам, то на нехватку белья и на целый ряд неурядиц. Коллегия принимала все зависящие от нее меры к устранению недостатков и к удовлетворению отмеченных нужд. В то же время больницы переполнялись сыпнотифозными больными, которые заняли все, что было для них предоставлено в больницах, а предоставлено было почти все. Были заняты даже приемные покои. Поддержание чистоты в больницах, мытье поступающих больных, стрижка их, дезинфекция и дезинсекция вещей больных—стали почти невозможным делом, и больничный персонал сделался жертвой, заражаясь на месте опасной и тяжелой работы. Болезнь вырывала старых опытных работников всех родов службы, и больше всего тех, кто приходил с больными в наиболее близкое соприкосновение».

Отдел со своей стороны делал все, что был в силах. Был устроен целый ряд дезинфекционных камер. Мыло отпускалось не только для больных, но и на нужды всего персонала в отделениях по одной и той же норме с больными. Весь персонал, вначале только в больницах, имевших сыпно-тифозные отделения, а затем и во всех больницах без исключения, в родовспомогательных учреждениях, в амбулаториях, а также все санитарные и школьно-санитарные врачи, судебные врачи, санитары,—словом, все, имевшие прямое соприкосновение с заразными больными или только территориальное отношение к ним, получали больничный паек.

Но тиф все шел вперед. Много больных залеживалось по домам, частью за отсутствием транспорта, частью вследствие того, что несколько пошатнулось доверие к больницам вследствие упомянутых выше дефектов, не бывших ни для кого тайной.

Так обстояло дело с больничным лечением. Что же касается амбулаторного лечения, то здесь мы видим, что количество амбулаторий значительно возросло, между тем общее число больных на приемах определенно упало, и среднее ежедневное число больных на 1 прием вместо 205 в 1914 году упало до 88 в 1918 году, а в 1919 г. до 74, в то время как население по сравнению с 1914 годом в 1918 году уменьшилось на 15,5%, а в 1919 г. на 28,6%.

Причина этого явления, повидимому, заключается в том, что при создавшихся трудных бытовых условиях все время и вся энергия у населения уходит на преодоление всевозможных затруднений внешней жизни, заботы же о своем здоровье отодвинулись на задний план. Так же объясняет это явление и официальный отчет Москздравотдела.

Что касается качества осуществляемой врачебной помощи, то здесь приходится указать еще на следующее:

1. *Лекарственный голод.* Без всяких вычислений каждому москвичу известно, как трудно найти прописанное врачом даже ходовое лекарство. В больницах замечался недостаток в некоторых медикаментах, как кофеин, дигален.

При таком положении с запасами медикаментов все усилия Фармацевтического Подотдела приблизиться к своему идеалу: бесплатно снабжать население медикаментами, временно остаются бесплодными.

2. Не лучше обстоит дело и с *физическими методами лечения*. Немногие учреждения с уцелевшим инвентарем либо не могут функционировать из-за неисправности инструментария, чинить который не находится специалистов, либо работают недостаточно. Во всяком случае и методы физиотерапии на деле пока еще не удалось сделать доступными широкой массе больных.

3. Значительно лучше обстоит дело с *санаториями*, однако, их столь мало по сравнению с потребностью, что сделать их доступными для всего населения также пока невозможно.

Переходя теперь к *мерам борьбы с эпидемиями*, мы видим, что и здесь все усилия часто разбиваются о тяжелые бытовые условия, и результаты далеко не всегда соответствуют затраченной энергии. Возможна ли успешная борьба с эпидемиями, когда вследствие отсутствия мыла, недостатка бань, одежды — невозможна самая примитивная опрятность?

Итак, на вопрос, как лечилась Москва за данное трехлетие, можно ответить, что организация Горздравотдела находится в блестящем состоянии и продолжает все совершенствоваться, население же Москвы пока не могло ощутить всех благодетельных последствий этого из-за общегосударственных тяжелых условий. Результаты реформ ярко скажутся по миновании общей разрухи всей хозяйственной жизни.

Социальное обеспечение трудящихся.

До последнего времени работа по социальному обеспечению трудящихся производилось одновременно несколькими ведомствами. Был период слияния Наркомсобеза с Наркомтрудом (декрет Совнаркома от 4 февраля 1919 г.). Отрицательные результаты этого слияния скоро сказались на деле, и лишь после декрета от 21/IV 1920 г. о разлиянии Наркомтрудсобеза на два отдельных комиссариата до некоторой степени окристаллизовалась работа Собеза. На основании этого декрета все социальное обеспечение как бывшее в Наркомсобезе, так и в Наркомтруде отошло к Наркомсобезу. Таким образом, выдача пенсий, всех видов пособий, помощь инвалидам, в том числе и профессиональное обучение инвалидов, помощь жертвам контр-революции, стихийных и социальных бедствий сосредоточены в Собезе. К Труду отошло: нормирование заработной платы, труда, учет и распределение рабочей силы, музей, статистика и охрана труда, обеспечение безработицы и установление общих норм пенсий и пособий; последнее при участии Наркомсобеза и Наркомздрава. К Наркомздраву отошло: установление наличия степени нетрудоспособности; определение возможности использования труда инвалидов; лечение, долечивание, протезирование и лечебные работы с протезом, охрана материнства и младенчества; предоставление отдыха переутомленным, выздоравливающим и т. п. путем помещения в учреждения и предоставления неплановых отпусков (по болезни для лечения). Вышеуказанные функции формально переданы Наркомздраву еще на основании декрета Совнаркома от 9/VIII 1920 г.

Едва лишь закончилась организационная работа по размежеванию функций трех комиссариатов, как пришлось приступить к слиянию Москвы с губернией в деле социального обеспечения трудящихся. Работа эта закончилась лишь летом 1920 г.

Необходимая связь с уездами была установлена Съездом, состоявшимся 20 — 22 июня, на котором были представлены все уезды и районы, и ныне поддерживается созданным Инструкторским Отделением при Отсобезе. Съезд наглядно показал всем работникам социального обеспечения, что из всех слоев населения Республики крестьяне меньше всего знают о социальном обеспечении. Ни пенсий для трудящихся, ни Домов Отдыха крестьянин у себя в деревне еще не видал. В виду того, что декрет о социальном обеспечении от 31 октября 1918 г. фактически не проведен в жизнь в отношении беднейшего крестьянства, Съезд постановил возбудить ходатайство перед Наркомсобезом о распространении и немедленном осуществлении его на беднейшее крестьянство, работающее самостоятельно и не эксплоатирующее чужого труда. Это постановление Съезда было поддержано Наркомсобезом и 7 ноября 1920 г. внесено в Кодекс Законов о социальном обеспечении.

Прежде чем приступить к обзору деятельности Мосотсобеза, необходимо остановиться на *социальном обеспечении детства*, которое с момента его возникновения, март — апрель 1918 г., до начала 1920 г. было сосредоточено в Отсобезе и лишь весной 1920 г. на основании декрета Совнаркома от 20/II 1919 г. было передано Наркомпросу.

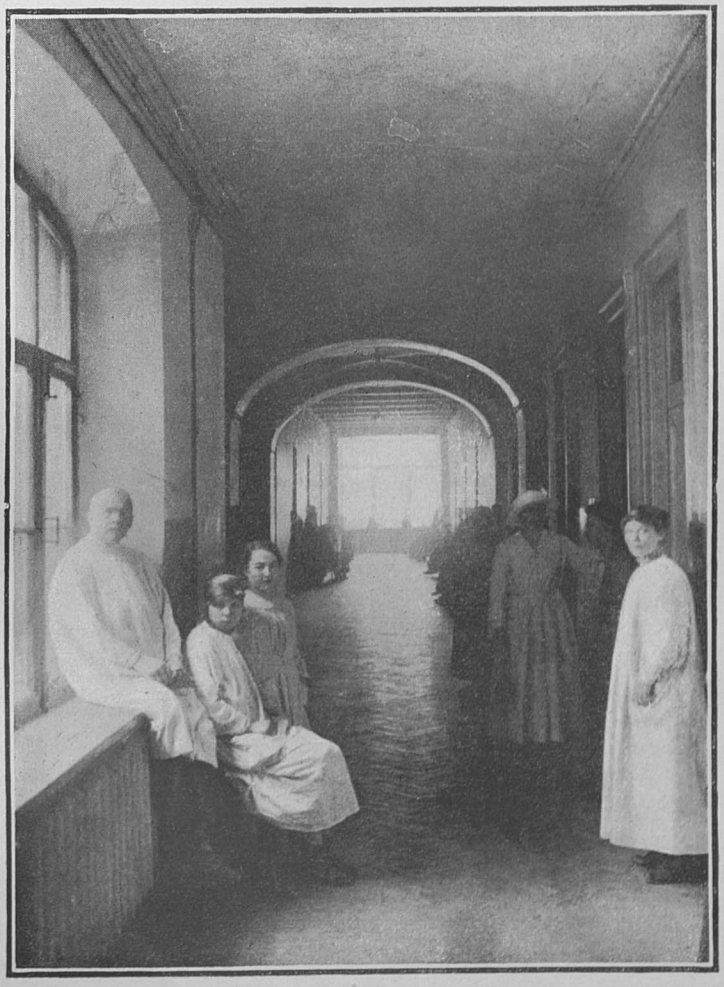
Социальное обеспечение детства осуществлялось через следующее 3 Подотдела Собеза: Несовершеннолетних, Дефективных-несовершеннолетних и Охраны Материнства и Младенчества. Главной задачей Подотдела Несовершеннолетних, возникшего в апреле 1918 г., являлось—воспитать беднейших, неимущих детей,—детей граждан, потерявших трудоспособность, детей красноармейцев, сирот, полусирот, беспризорных детей улицы,—в государственных учреждениях, рационально обставленных. Из старых приютов, где на воспитание обращалось меньше всего внимания, где воспитанникам внушалась мысль, что их держат из милости, пришлось создать трудовые коммуны. Для достижения этой цели надо было начинать с воспитателей, и для поднятия их уровня Подотделом устраивались лекции, беседы с участием лучших педагогических сил; создана была комиссия по разработке вопроса о целях, задачах и планах воспитания в государственных учреждениях, а также введен был институт инструкторов для контроля и инструктирования учреждений. Была произведена перепись детей, основаны вечерние классы по подготовке руководителей и детские дома с обучением разным ремеслам. В бывших приютах и во вновь оборудованных учреждениях введена была система самообслуживания и обучения ремеслам и искусствам, доступным детям—вязанию чулок, кружев, выпиливанию, выжиганию, лепке, пению, а для более взрослых—обучение токарному, слесарному, портняжному и другим ремеслам. Значительное внимание уделено было улучшению в учреждениях врачебно-санитарного дела, разработана система питания, выработаны новые нормы питания детей по возрастным группам.

В течение первого полугодия 1918 г. общая сумма всех учреждений для детей выражалась в следующих цифрах:

Детских Домов	70
Колоний	12
Детских очагов	2
Детских садов	6
Количество детей во всех учреждениях. .	9954

Учебно-ремесленные мастерские для инвалидов войны (3 Монетчиковский пер., 4/6).— Портняжное отделение.

Центральный распределитель Мосотсобеза.

К концу же 1919 г. новых учреждений было создано 110, старых оставалось 46, итого 156; число детей поднялось до 12 тысяч, по своему составу они распределяются так: кругл. сирот 41%, полусирот 52%, детей рабочих 50,9%, крестьян 11,4%, красноармейцев 18,3%. Трудовой принцип был проведен во всех учреждениях, но наибольшее применение он нашел в колониях. В таком состоянии в конце 1919 г. и начале 1920 г. все учреждения по Охране Детства перешли в Московский Отдел Народного Образования.

Отсобез положил лишь начало коренной реорганизации дела воспитания детей сирот и беспризорных, он не осуществил и десятой доли намеченных задач. Воспитание детей в Детских Домах, при отсутствии новых педагогических сил, попрежнему находится в руках людей случайных, имеющих весьма отдаленное отношение к воспитательной деятельности: в этом отношении Московскому Отделу Народного Образования предстоит еще большая работа. Вполне удовлетворительно поставлено в Детских Домах питание; значительное улучшение произошло после ликвидации собственных продовольственных складов Отсобеза и передачи всего дела питания М. П. О.

Обеспечение дефективных - несовершеннолетних осуществлялось Отсобезом через Подотдел того же названия.

Сделать полезными членами трудового общества детей, которых судьба или среда выбросила за борт жизни вследствие психических и моральных недостатков,—вот задача Подотдела. По статистике 1919 г., среди московских школьников, количество которых исчисляется приблизительно в 150.000—6% отсталых. Таким образом, 9000 умственно-отсталых детей должны воспитываться в специальных учреждениях. Другая группа дефективных — морально-дефективные—продукт социальных условий капиталистического общества и наследственности; число их не менее предыдущей группы.

По степени дефективности их можно разделить на три ступени:

1-я ступень—дети просто испорченные с порочными наклонностями (лживые, вороватые, жестокие и драчуны); деяния их имеют, так сказать, семейно-опасный характер: это—дети, доступные исправлению.

2-я ступень—дети уже определенно уличенные в проступках и преступлениях; деяния их общественно-опасны; они требуют более заботливого воспитательного воздействия, но все же исправимы.

3-я ступень—дети преступники-рецидивисты, совершенно неисправимые; такие передаются в руки Юстиции для помещения в Реформатории.

Между умственно-отсталыми и морально-дефективными есть промежуточная группа детей, в которых соединяются признаки обоих основных групп—моральная испорченность с умственной отсталостью.

До учреждения Подотдела, борьба с детскою преступностью не велась совершенно: были тюрьмы и наказания, исправительные заведения; в тюрьмы сажали детей даже за маловажные проступки. В исправительных домах и приютах детей воспитывали дядьки из отставных солдат и городовых, которые и воспитывали их «по-своему».

При таких неблагоприятных условиях Подотдел в марте 1918 г. приступил к работе. В основу работы была положена классификация детей и, соответственно этой классификации, их распределение. Институт дядек ликвидирован,

воспитательский персонал увеличен и улучшен, приглашены врачи-психиатры для наблюдения и исследования духовной личности и здоровья детей. Во всех бывших приютах было введено обучение ремеслам, музыки и пению, рисованию и лепке. Введены были разумные развлечения, кинематограф. Для санитарно-гигиенических и лечебных целей устроены изоляторы, аптечки, небольшие лазареты. К концу 1918 г. Подотдел насчитывает 12 учреждений с количеством 1120 детей. Означенной работой была только намечена задача Подотдела, но далеко не осуществлена. Потребуется еще много усилий для того, чтобы эту труднейшую отрасль работы поставить более или менее удовлетворительно.

О росте детской преступности говорят следующие цифры: в 1912—1913 г. в судах по делам о несовершеннолетних было рассмотрено 2300 дел о детских проступках и преступлениях; Комиссией же по борьбе с детской преступностью, организованной при Подотделе, в 1918—19 г. было рассмотрено 5200 дел. В 1920 г. детская преступность по сравнению с 1919 г. возросла почти вдвое. Одновременно с Детскими Домами в начале 1920 года перешел в МОНО и Подотдел Дефективных-несовершеннолетних.

Работа по охране материнства и младенчества началась при Отсобезе в августе 1918 года. Из ведения Подотдела несовершеннолетних были выделены учреждения для детей в возрасте до 3-х лет. Первые 2—3 месяца шла внутренняя административно-организационная работа. Лишь в декабре 1918 года возможно было начать широкую организационную работу. Задачи охраны материнства и младенчества представились в следующем виде. Смертность грудных детей в России в несколько раз превышает смертность детей этого же возраста на Западе.

Причиной этого зла является не только неравенство социального положения граждан, но и целый ряд объективных условий. Необходимо было принять меры к их устранению. Полная неосведомленность матерей о значении гигиены и правильного питания грудного ребенка заставила провести широкую культурно-просветительную работу в этой специальной области. Был организован ряд лекций на указанные темы для широких масс работниц. На ряду с этим для работниц отдельных предприятий были организованы школы для матерей, имевшие характер законченного цикла лекций-бесед по вопросу об охране материнства и младенчества. Той же цели пропаганде идей правильного кормления и ухода за грудным ребенком служат так называемые консультации для грудных детей, которые были организованы во всех районах. В этих консультациях матери получали от врача советы и указания, касающиеся здоровья ее ребенка; а в случае необходимости и питание для ребенка из молочных кухонь, которые одновременно были организованы при всех консультациях. В среднем через консультации ежедневно проходило 360 детей, а из молочных кухонь получали пищу ежедневно около 1800 детей.

Второй причиной, резко повышающей детскую смертность, является заброшенность детей во время работы матери. Таким образом, возникла задача открытия возможно большого количества ясель при фабриках и заводах. Несмотря на большие затруднения в смысле оборудования ясель и получения инвентаря, все же за $1^1/_2$ года было открыто свыше 40 ясель для детей до 1 года и от 1 г. до 3 лет с общим количеством 1400 детей. Громадная

смертность детей в так называемых Воспитательных домах, достигавшая зачастую до 100%, т.-е. до полного вымирания детей, побудила организовать взамен воспитательных домов—небольшие Дома Младенца на 25—30 детей каждый, отвечающие всем правилам санитарии и гигиены, с хорошо обученным персоналом. Этим Подотдел пошел по пути устранения третьей причины, влиявшей на повышение детской смертности. Для правильного функционирования учреждений необходим персонал—сестры, знакомые с делом ухода за грудными детьми. С этой целью были организованы краткосрочные трехмесячные курсы для подготовки кадра сестер.

Дом Матери и Ребенка имеет своею целью предоставить, женщине-работнице отдых и гигиеническую обстановку в последние месяцы беременности и первые 3 месяца после родов вместе с ее ребенком.

Наряду с организацией учреждений Мосотсобезом проведены через Московский Совет ряд мероприятий по улучшению положения беременных и матерей, кормящих грудью своих детей. Установлен добавочный паек для матерей в размере $^1/_2$ фун. хлеба в день, по 2 фун. масла, крупы и сахара в месяц. Проведена выдача новорожденным $27^3/_4$ арш. ткани для белья и теплого одеяла. Установлена выдача пособия матерям в размере $^1/_4$ прожиточного минимума. Параллельно с практической работой велась научная работа. Разрабатывались санитарные правила для учреждений, меры борьбы с инфекцией, программы лекций. Организовалась Под'секция по борьбе с туберкулезом грудного ребенка. О росте учреждений и интенсивности работы Отсобеза в деле охраны материнства и младенчества свидетельствует нижеприведенная таблица развития сети учреждений по Москве:

Название учреждений.	К 1 октября 1918 года.		К 1 января 1920 года.	
	Число учреждений.	Число детей в них.	Число учреждений.	Число детей в них.
Ясли	6	340	41	1.400
Дома Младенца (приюты) . . .	3	155	8	345
Дом Матери и Ребенка	—	—	1	40
Консультации с молочными кухн. .	3	400	12	1.800
		Получает ежедневно пищу.		Получает ежедневно пищу.

Согласно постановления Совнаркома от 9/III 1920 г. Подотдел Охраны Материнства и Младенчества Мосотсобеза перешел в Отдел Здравоохранения.

Обеспечение семей красноармейцев.

С изданием декрета Совнаркома от 29/XII 1918 г. о денежном пособии и квартирном довольствии семей красноармейцев на Отсобез была возложена большая задача по обеспечению семей красноармейцев, а впоследствии и заботы по обеспечению семей Комсостава и медико-санитарного персонала, работающего на эпидемии, и некоторыми видами натурального пособия.

О работе Отсобеза по обеспечению семей красноармейцев денежным пособием за время с января 1919 г. по сентябрь 1920 г. говорят следующие цифры:

Год и месяц.	Число семей.	Число отдельных получивших паек.	Назначено к выдаче в месяц.	Размер пособия на каждого члена семьи в месяц	
				При одном чл.	При 2 и более.
Январь 1919 г.	661	1507	96.200 р. — к.	100 р.	60 р.
Апрель 1919 г.	2496	4993	594.526 » 88 »	100 »	60 »
Июль 1919 г. . .	5203	10274	2.729.632 » 76 »	200 »	120 »
Октябрь 1919 г.	14801	35068	15.013.733 » 48 »	300 »	200 »
Декабрь 1919 г.	26288	58997	18.172.116 » 36 »	300 »	200 »
Март 1920 г....	31941	68766	19.166.069 » 85	300	200 »
Июнь 1920 г. . .	33612	74026	18.718.402 » 12 »	300 »	200 »
Сентябрь 1920 г.	35428	76537	63.829.649 » 81 »	900 »	1080—1540 »

Сильное увеличение общей суммы выданного пособия в сентябре 1920 г. объясняется тем, что с 1 июля 1920 г. размер пособия в месяц был установлен в размере 50% прожиточного минимума (1800 р.) на семью с одним нетрудоспособным, что по г. Москве выражается в сумме 900 р. в месяц, 60%—при двух нетрудоспособных (1080 р.) и 85%—при трех и более (1540 руб.). Самое увеличение размера пособия, как это видно из вышеприведенной таблицы, сказывалось на сумме, назначенной к выдаче, лишь в следующем месяце, так как технические условия работы по выдаче пайка не позволяли провести немедленно в жизнь увеличение пособия.

По районам г. Москвы число семей красноармейцев в сентябре 1920 г. распределялось таким образом:

№№ по порядку.	Название районов.	Число семей.	Число членов.	Сумма.
1	Бауманский.	4370	9945	8.918.282 р. — к.
2	Городской.	5687	12410	9.026.847 » 52 »
3	Замоскворецкий	5179	11268	6.679.204 » 54 »
4	Красно-Пресненский. . . .	7729	16959	16.333.149 » 85 »
5	Рогожско-Симоновский. . .	4624	9136	9.257.329 » — »
6	Сокольнический	5128	11431	10.301.328 » 20 »
7	Хамовнический	2711	5388	3.313.508 » 70 »

Что касается семейств солдат старой армии, находящихся в плену, то до самого последнего времени они продолжали получать пособие по ставке 1918 г. 3000 р. в год. Неоднократные увеличения этой ставки распространялись лишь на семьи красноармейцев; точно так же семьи старо-армейцев лишены были и карточки «Красной Звезды».

На этой почве между семьями солдат старой армии и семьями красноармейцев создались в Москве враждебные отношения, особенно резко проявлявшиеся на собраниях. По этому вопросу Президиум Московского Совета неоднократно входил в Совнарком с ходатайством об уравнении пособием семей солдат старой армии с семьями красноармейцев, но вопрос этот разрешен был в положительном смысле лишь в августе 1920 г. Надо заметить, что число семей старо-армейцев весьма незначительно и тенденция к их все большему уменьшению объясняется возвращением военнопленных. Отчасти поэтому Москов. Совет еще в августе 1919 г. постановил уравнять их денежным пособием с красноармейцами из средств Совета. В сентябре 1920 г. в Москве насчитывалось всего лишь 814 семейств и 1900 членов семей, имеющих право на пособие.

Квартирное довольствие семьям красноармейцев до сентября 1919 г. выражалось в освобождении их от оплаты за занимаемое помещение, но вследствие еще неналаженности работы Районных Жилищно-Земельных Отделов (шла массовая муниципализация домов) зачастую провести в жизнь постановление об освобождении от квартирной платы не представлялось возможным. По этой причине, согласно постановления Президиума М. С. с 1 сентября 1919 г., квартирное довольствие натурой было заменено квартирным пособием из расчета 25 руб. в месяц на каждого взрослого нетрудоспособного члена семьи и по 15 руб. на несовершеннолетнего до 16 лет. С 1 июня 1920 г. когда массовая муниципализация домов в г. Москве закончилась и наладилась работа Районных Жилищно-Земельных Отделов, представилась возможность снова перейти к квартирному довольствию натурой, т.-е. освобождению от квартирной платы, что в настоящее время проводится в жизнь во всех районах г. Москвы.

В сентябре 1919 г. началась выдача семьям красноармейцев, помимо денежного пособия и квартирного довольствия, продовольственных карточек «Красной Звезды» (выдается в месяц на каждого члена семьи 6 фун. муки, $^1/_2$ фун. сахара и $^1/_2$ фун. соли). Независимо от выдачи продовольствия по карточке «Красной Звезды» Отсобезом проведено было через Исполком Москов. Совета постановление о приравнении семей красноармейцев к рабочим при распределении предметов широкого потребления и некоторых видов продовольствия. Так, в 1919—1920 гг. между семьями красноармейцев было распределено 10 вагонов муки (по 20 ф. на семью), 1 миллион огурцов, по 2 пуда картофеля, по 1 п. капусты и др. овощей. Выдано вещами: пальто 1362; детской обуви 17.046; обуви дамской 9000 пар; детских валенок 4000; галош 7000 п.; готового платья 3000; костюмов детских 2641; чулок 32.423; головн. уборов 5750; теплых платков 18.000. Помимо этого за семьями красноармейцев забронирована Москвотопом определенная норма топлива (по $^1/_4$ с. в месяц в отопительный сезон). Для своевременного удовлетворения столь большого числа членов семей красноармейцев пришлось не только усилить аппарат районных подотделов найка, но и прибегнуть к помощи самих семей красноармейцев. С этой целью организованы были в районах Бюро делегаток. Выборы делегаток производились на районных общих собраниях. Из районных представителей в центре при Отсобезе создано было Центральное бюро делегаток.

Организация эта внесла в дело обеспечения семей красноармейцев контроль, реальную помощь и непосредственно связала Отсобез с массами. Периодически делегатки отчитываются на общих собраниях перед избирателями и таким образом являются лучшими проводниками задач и целей Советской власти.

Пособие семьям красноармейцев выдается за месяц вперед и не позднее 2 недель со дня заявления. Предварительно производится обследование материального положения обращающихся за пособием.

По классовому составу было обследовано 21.054 семей призванных, при чем обнаружилось, что рабочих и низших служащих—49,9% служащих—31,7%, кустарей, торговцев и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда—9,9%, тех же, пользующихся чужим трудом—0,4% и лиц свободных профессий—3,6%; лиц неопределенных занятий и безработных—4,5%.

В настоящее время в связи с слиянием города и губернии производится полная реорганизация постановки дела обеспечения семей красноармейцев в губернии, при чем особое внимание обращено на то, чтобы выдача пособия по губернии производилась своевременно, как и в Москве—за месяц вперед и на устранение перебоев в выдачах по карточке «Красной Звезды». Самое число обеспечиваемых в связи со слиянием возросло весьма сильно и на 1-е сентября значилось 156.599 семей с 333.537 отдельными членами, имеющими право на пособие, а самая сумма назначенных к выдаче пособий достигла 145.529.366 руб.

Из числа мер, предпринятых Отсобезом по улучшению положения семей красноармейцев, следует отметить: 1) возбужденное Президиумом Моск. Совета ходатайство о сохранении за семьями красноармейцев всех видов натурального пособия в случае возвращения красноармейца с фронта вследствие инвалидности и предложение Комтруду не привлекать к выполнению трудовой повинности жен и матерей красноармейцев, как в Москве, так и в губернии, если при них находятся дети до 12-летн. возраста.

Обеспечение трудящихся при временной и постоянной потере трудоспособности.

Как уже было сказано выше, в апреле 1920 г. после размежевания функций Народных Комиссариатов Труда и Собеза,—все виды пособий трудящимся при потере ими трудоспособности—отошли к Собезу. Таким образом, приводимые ниже сведения о работе Мосотсобеза в этой области в значительной своей части должны быть отнесены к Московскому Отделу Труда, с другой стороны, Отдел Труда, расширяя свою деятельность в области денежных выдач, главным образом, на время болезни, совершенно не организовал натуральных пособий (одежда, обувь, жилище и т. п.), представляющих в настоящее время наибольшее значение.

Таким образом, объединение в Отсобезе всех видов пособий как денежных, так и натуральных является жизненно необходимым.

Говоря о социальном обеспечении трудящихся, необходимо остановиться на стадиях развития социального обеспечения в этой области.

I. Период с декабря по апрель месяц 1918 г. характеризуется созданием и упрочением самостоятельных органов социального обеспечения, действующих на основе принципов рабочей страховой программы. К этому времени относится коренное изменение основ социального страхования, расширение денежной помощи трудящимся и переход всей врачебной помощи в ведение страховых организаций на основании декрета от 22 декабря 1917 г. и других законодательных актов.

II. Период с апреля 1919 г. в соответствии с положением о социальном обеспечении трудящихся от 31 декабря 1918 г., характеризуется преобразованием самостоятельных разрозненных страховых организаций в единые государственные органы, принимающие на себя осуществление социального обеспечения трудящихся и опирающиеся в своей деятельности на рабочие экономические организации. В этот же период происходит сужение рамок деятельности органов социального обеспечения: на основании декрета от 18 февраля 1919 г. эти органы лишаются права оказания врачебной помощи трудящемуся населению и

сохраняют за собой лишь оказание денежной помощи, помощь натурой, врачебный контроль и экспертизу.

III. Наконец, третья стадия в развитии социального обеспечения—это разрешение вопроса в взаимоотношениях между Н. К. Труда и Н. К. Собеза, из которых первый занимался обеспечением, главным образом, рабочих и служащих, а второй—социальным обеспечением красноармейцев, старо-армейцев и всех остальных граждан.

К моменту Октябрьской революции в Москве существовали многочисленные мелкие распыленные больничные кассы и совершенно отсутствовали органы для обеспечения трудящихся в случае безработицы, увечья, инвалидности. Находившиеся под сильным влиянием о-ва фабрикантов и заводчиков, сдавленные законодательными и административными тисками дореволюционного периода, больничные кассы могли существовать лишь при отдельных предприятиях, не могли объединиться в крупные общегородские или районные кассы. К моменту Октябрьской революции в Москве функционировали 140 больничных касс, с числом участников 200.000 человек, из которых более 65% были мелкие кассы фабричного типа с незначительным числом застрахованных.

Декрет 22/XII 1917 г. о страховании рабочих на случай болезни предусматривал не только расширение круга страхуемых, не только освобождение рабочих от страховых взносов и возложение всех расходов по страхованию на предпринимателей (10% взнос), передачу в ведение касс страховой медицины, но и коренные изменения самого типа страховых организаций. На основании этого закона должны были быть организованы в принудительном порядке общегородские и районные кассы, крупные по своему размеру и устойчивые в организационном и финансовом отношениях.

До Октябрьской революции Россия не знала совершенно страхования на случай безработицы; изданный же декрет 17/XII 1917 потребовал длительного подготовительного периода, и касса безработных в Москве была организована в июне 1918 г.

Страхование же от несчастных случаев Москва не знала до организации областной кассы страхования от несчастных случаев, т.-е. до сентября 1918 г.

С опубликованием положения о социальном обеспечении трудящихся от 3/XI. 1918 г. встал вопрос о ликвидации страховых организаций и об образовании взамен их *Подотделов Социального Обеспечения и Охраны Труда* при местных Совдепах. Подотделы явились уже органами государственной власти, управляющиеся в порядке подчиненности и принявшие на себя осуществление социального обеспечения во всех его видах на государственные средства и взносы частных нанимателей.

Образованные на основе Положения от 31/X 1918 г. в городе Москве Отдел Социального Обеспечения Московского Совдепа и Подотдел Социального Обеспечения и Охраны Труда Московского Совета, несмотря на состоявшееся объединение Н. К. Труда и Собеза, в один орган не слились. Лишь после разделения объединенного Комиссариата на два самостоятельных, Подотдел Социального Обеспечения в смысле денежного обеспечения трудящихся перешел к Отделу Социального Обеспечения и ныне все дело обеспечения сосредоточено в Мосотсобезе.

Денежное обеспечение оказывается в следующих видах:

Трудящимся.
1. Пособие в случае болезни.
2. » при беременности и родах.
3. » на погребение.
4. » кормящим грудью матерям.
5. » на предмет ухода

Член. семьи.
6. Пособие при беременности и родах жен трудящихся.
7. Им же—на кормление.
8. Им же—на предмет ухода.
9. На погребение членов семьи.
10. Пособия по безработице.
11. Пенсии инвалидам труда.
12. » семьям трудящихся.
13. » инвалидам войны.
14. » членам семьи.
15. Пособие семьям красноармейцев.
16. » жертвам контр-революции и лицам, пострадавшим от социальных и стихийных бедствий.

Не останавливаясь на нормах обеспечения по всем видам обеспечения следует указать на два основных периода, на которое распадается обеспечение при временной утрате трудоспособности (болезнь, увечье беременность, роды). Сначала при существовании больничных касс участникам и роженицам выдавалось пособие в размере полного заработка заболевшего, при чем при начислении пособия принимались во внимание все виды заработка (основной, сверхурочный, сдельный и т. п.), на практике, однако, считаясь со своим финансовым состоянием страховые организации устанавливали максимальные пределы пособий, которые в различные периоды, по мере упрочения финансового положения кассы, постепенно увеличивались. Так, напр., М. О. Г. Больничная Касса, выплачивая пособие при временной утрате трудоспособности по полному заработку, установила максимальные размеры пособий.

		Больным.	Роженицам.
С 1 апреля	1918 г.	6 р. 66 к.	10 р.
» 16 июня	»	12 »	12 »
» 1 октября	»	18 »	18 »
» 1 января	1919 г.	27 »	40 »
» 1 марта	»	80 »	80 »

С применением положения о социальном обеспечении от 31/X 1918 г. изменяется и метод исчисления пособия. С сентября 1919 г. устанавливается, согласно «Сводки Правил» по выдаче пособий и пенсий, выдача пособий не в размере действительного среднего заработка, а по соответственной группе и разряду тарифа, игнорируются все побочные источники заработка, как вознаграждение за сверхурочные и сдельные работы и премиальная оплата. На практике это привело к понижению размера пособий для большинства трудящихся.

Движение сумм ассигнованных пособий видно из следующих цифр (в руб.):

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Январь	—	1.453.998	10.055.685
Февраль	—	2.931.103	9.640.347
Март	—	5.697.377	8.757.003
Апрель	—	7.429.995	7.498.316
Май	—	14.369.603	11,716.025

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Июнь	—	16.770.581	9.317.787
Июль	—	20.015.961	5.417.124
Август	260.727	11.832.366	7.327.794
Сентябрь.	834.124	6.682.187	—
Октябрь	—	9.580.387	—
Ноябрь	1.250.663	7.577.845	—
Декабрь	1.756.527	8.010.829	—

Беспрерывное увеличение сумм ассигнованных пособий в период до июля 1919 г. включительно объясняется двумя причинами:

1. Беспрерывным расширением круга обеспечиваемых.

2. Происходившим периодическим повышением максимального предела пособий и увеличением, таким образом, самого размера выдаваемого пособия; этот максимальный предел, как указано выше, был сначала установлен в размере 6 р. 66 к. в день и затем путем постепенного повышения доведен до 144 руб. в день.

Сокращение суммы ассигнованных пособий с 1 июля обусловливается применением декрета 1 июня 1919 г. о порядке выплаты пособий в течение 2-х первых месяцев болезни и при родах непосредственно предприятием за счет органов обеспечения, неравномерным поступлением требований от предприятий о возмещении выданных сумм.

О движении числа оплаченных дней и суммы ассигнованных пособий по отдельным видам пособий говорят нижеприводимые цифры (см. табл. внизу).

Из этой таблицы видно, что главную массу ассигнований составляют пособия самим трудящимся (96,5%), пособия членам семейств не превышают 3,5% общей суммы ассигнованных пособий. Основной вид пособий, поглощающий львиную долю всех ассигнований—84,37%—

это пособия при заболеваниях. Получение пособий по этому виду на основании декрета Совнаркома от 17/VIII 1920 г. упрощено тем, что выплата пособий за 4 месяца производится непосредственно предприятиями.

Из остальных видов пособий лишь пособия при беременности и родах и на погребение трудящихся составляют немногим более 4,5%, на кормление—2,28%, остальные виды не достигают и 2%.

Оказание денежной помощи осуществляется при посредстве Районов, куда обеспечиваемые сдают документы, дающие им право на пособие, и там же они получают пособие. Центр же рассматривает поступающие из Районов документы, назначает пособие и к назначенному Районами сроку высылает ассигнованные пособия.

В среднем Подотдел Пособий производит до 9000 ассигнований в месяц, а ассигнованные суммы их колеблются (в 1920 г.) от 7 до 11 миллионов.

Движение числа случаев, дней и сумм, ассигнованных по случаю болезни за время январь—октябрь 1920 г. видно из следующей таблицы:

	Число случаев.	Число дней.	СУММА. Руб.	К.
Январь	8.539	126.468 3/4	8.690.445	02
Февраль	6.994	117.804 1/8	8.123.529	70
Март	5.060	91.964	6.952.063	19
Апрель	3.833	86.215 1/2	6.364.394	99
Май	6.850	131.042 3/4	10.083.062	80
Июнь	5.244	108.788 1/2	8.153.388	28
Июль	3.581	68.076 1/2	4.960.112	84
Август	2.822	64.642	6.440.473	71
Сентябрь	3.147	64.889 1/2	6.285.935	89
Октябрь	4.704	92.813 1/2	7.866.713	42
Всего	50.774	952.705 1/8	73.920.119	84

Было ассигновано в период:

	Сентябрь 1918 г. Август 1919 г.		Сентябрь 1919 г. Август 1920 г.		В %%% к общему итогу.	
	Число оплаченных дней.	Сумма.	Число оплаченных дней.	Сумма.	Сент. 18 г. Авг. 19 г.	Сент. 19 г. Авг. 20 г.
Обеспечение трудящихся.						
Пособия при заболев.	2.450.875 1/2	72.465.686.12	1.375.479 1/8	85.704.887.08	86.11	84.37
Пособия на материнство трудящ. — По случаю бер. и родов	194.462 1/2	4.574.111.96	87.126	4.520.313.53	5.07	4.45
Пособия на материнство трудящ. — На кормл. реб.	112.786 1/2	520.330.41	112.299	2.311.627.32	0.61	2.28
Пособия на материнство трудящ. — На предм. ухода	—	—	—	691.017	—	0.68
Пособия на погребение трудящихся	—	3.486.561.4	—	4.705.800.70	4.11	4.63
Пособия по случаю увечья	29.061	849.313.44	—	—	1.01	—
Всего пособия трудящ.	—	—	—	—	96.91	96.41
Обеспечение членов семьи трудящихся.						
Пособий на матер. женам трудящ. — По случаю бер. и родов	—	487.694,22	44.985	1.289.823.20	0.51	1.22
Пособий на матер. женам трудящ. — На кормл. реб.	—	—	19.290	286.287.00	—	0.28
Пособий на матер. женам трудящ. — На предм. ухода	—	—	—	480.138.00	—	0.47
Пособия на погребение член. семьи	—	2.219.328.01	—	1.641.435	2.58	1.62
Всего пособия член. семьи	—	—	—	—	3.09	3.59
Итого	—	84.603.025.50	—	101.581.328.83	100	100

Падение числа случаев заболевания объясняется целым рядом причин, из которых наиболее существенными являются следующие:

1) предприятия и учреждения не производят выплату за время болезни при кратковременных случаях (до 14 дней) за счет Отсобеза, а платят им жалованье по платежным ведомостям.

Это обстоятельство подкрепляется анализом движения числа дней болезни. Здесь мы видим некоторое падение в июле—сентябре (в связи с резким падением и числа случаев), но в общем довольно устойчивую среднюю в 90.000—100.000 дней болезни в месяц.

На движение сумм, выплаченных за время болезни, кроме дней болезни, влияет повышение тарифных ставок; это объясняется тем обстоятельством, что в апреле и августе при разнице в днях болезни (86.215 дней и 64.642 дня) выплачена одна и та же сумма (6.364.394 рубля и 6.440.473 рубля).

Кроме указанной денежной помощи, Отдел Социального Обеспечения через свой Подотдел Пособий оказывает временную помощь натурой, пищей, кровом, одеждой и т. д. следующим категориям граждан:

1. Населению, пострадавшему от контр-революции, от погромов, банд, кулацких восстаний и т. п.

2. Впавшим в нужду вследствие гражданской войны, стихийных бедствий, кражи, пожара, непредвиденного несчастного стечения обстоятельств, многосемейности и т. п.

Подотделу Пособий приходится вести работу не только в масштабе гор. Москвы или Московской губ., но на него, в результате целого ряда обстоятельств, падает обязанность оказывать натуральную помощь и нежителям Московской губернии—приезжим. Массы беженцев из эвакуированных мест, заложники из латвийских, сибирских и иных тюрем, демобилизованные Р. К. С. М., пострадавшие от контр-революции, устремляются в Москву. 32,46% всех обращающихся составляют прибывшие — немосковские жители.

Из 2052 обращений на Москву падает 1248 (60,82%), на жителей Моск. губ. 138 (6,72%), на приезжих 666 (32,46%).

Небольшой % обращений жителей Московск. губ. объясняется отчасти неосведомленностью, отчасти тем, что они удовлетворяются по месту жительства. В Мосотсобез поступают лишь дела, пересылаемые ему Усобезами в том случае, когда Усобезы не могут их удовлетворить.

Кого удовлетворяет Мосотсобез, видно из следующей таблицы:

Жители.	Общее число.	Из них. Рабочие.	Крест.	Служащих.	Инвал. и нетрудоспос.	Учащихся.	Занят. домашн. хоз.
Москвы	1248	415	—	519	190	30	85
Московск. губ.	138	35	50	26	19	4	4
Приезжие	666	101	2	318	165	59	21
Всего	2052	551	52	863	383	93	110
В %%	100%	26,85	2,53	42,06	18,67	4,53	5,36

Или, принимая общее число по группам за 100%, мы имеем следующее распределение (в %%).

Жители.	Рабочие.	Крест.	Служащие.	Инвал. и нетрудоспос.	Учащиеся.	Занят. домашн. хоз.
Москвы	33,25	—	41,59	15,95	2 4	6,81
Московск. губ.	25,36	36,23	18,84	13,77	2,9	2,9
Приезжие	15,17	0,31	47,75	24,75	8,86	3,16

Удовлетворяются служащие в большем масштабе, чем остальные группы 42,06% (по Москве 41,59; приезжие 47,75%), следующая группа рабоч. 26,85% (по Москве 33,25%, Моск. губ. 25,36%) и приезжие 15,17%. Таким образом, из приезжих, которых Москва одевает, рабочих только 16% и 84% служащих, нетрудоспособных и мелкой буржуазии; из них пострадавших от контр-революции только 36% и просто нуждающихся—45%. 18,67% удовлетворений падает на инвалидов и нетрудоспособных.

Следует отметить, что очень большой процент рабочих, обращающихся за помощью в Собез удовлетворяется Районами. Сведения о размере этой помощи в Центр не поступают и в сводку не попали. Это, конечно, сильно понижает %% удовлетворений Центром рабочих.

Объяснение этому обстоятельству следует искать еще и в соотношении числа рабочих и служащих Москвы и и в следующих таблицах, анализирующих причины, побудившие гр. обращаться за помощью:

Жители.	Общее число.	По случаю. кража.	пожара.	нужды.	Пострадавшие от контр-революции и эвакуиров.
Москвы	1248	533	207	438	70
Московск. губ.	138	39	70	22	7
Приезжие	666	78	46	301	241
Всего	2052	650	323	761	318
В %%	100%	31,68	15,74	37,09	15,49

Или в относительных числах (в %%):

Жители.	По случаю кражи.	пожара.	нужды	Пострадавшие от контр-революции и эвакуиров.
Москвы	42,71	16,58	35,09	5,62
Московск. губ.	28,27	50,72	15,94	5,07
Приезжие	11,71	6,91	45,20	36,18

Наибольшее число обращений мы наблюдаем по случаю нужды—37,09%. Сюда отнесены случаи обеспечения инвалидов, нетрудоспособных, учащихся, прибывших в Москву из разных мест и не получающих удовлетворения из Отсобеза, Наркомпроса, демобилизованные партией и т. п. Из 761 случая обращений 460 случая (438+22) было от жителей Московской губернии и 301 от приезжих.

Большой процент удовлетворения мы наблюдаем и по случаю кражи (31,68%).

Здесь также москвичи дают наибольшее число случаев (533+39)=572 из 650.

Аналогичное явление мы наблюдаем в случае удовлетворения погорельцев: 277 московских и 46 иногородних.

Такое большое число случаев удовлетворения погорельцев объясняется двумя крупными пожарищами, имевшими место в Москве (пожар Тестовского поселка и в Марьиной Роще).

Пострадавших от контр-революции и эвакуации коренных московских жителей не много, всего 77 из 318; 241 случай падает на приезжих.

Такой анализ состава обращающихся в Мосотсобез и причин их удовлетворения.

Натуральное пособие отпускается Мосотсобезом из М. П. О. и из запасов Отсобеза, получаемых по смете Наркомсобеза и пополняемых вещами, реквизированными и оставшимися от нескертных имуществ.

С 1/IX 1920 г. по 1/XII 1920 г. Подотделом выдано следующее количество главнейших предметов:

Наименование предметов.	Всего.	Из них.		
		Через М.П.О.	Через Отсобез	Через Губ.-продк.
Мужское белье—пара	1531	698	788	45
Дамское » »	1351	756	524	71
Детское » »	723	358	277	88
Постельное » »	868	394	431	43
Мужская обувь	498	372	47	79
Дамская »	931	654	173	104
Детская »	600	364	124	112
Пальто мужских	699	465	218	16
» дамских	909	866	50	23
» детских	555	440	80	35
Костюмы мужские	286	260	20	6
Платья дамские	317	191	111	15
Калоши	233	141	92	—
Головные уборы	505	356	149	—
Мебель—лицам	167	74	—	93
Посуда	674	481	—	193
Кровати	49	49	—	—
Носки, чулки—пара	907	482	403	22
Брюки	360	81	279	—
Гимнастерки	148	32	116	—
Пиджаки	403	203	200	—
Мануфактура—аршин	4655	340	210	4105
Тяжелая ткань »	1364	—	—	1364

Обеспечение инвалидов труда и войны.

Государственное обеспечение инвалидов, потерявших трудоспособность вследствие общих или профессиональных заболеваний и старости, впервые получило осуществление в России лишь с введением в жизнь Положения от 31/X 1918 г. Страховые законы дореволюционной эпохи обеспечивали при постоянной утрате трудоспособности только тех рабочих, у которых инвалидность наступила вследствие *несчастных случаев*. Но относительное *число инвалидов*-травматиков в общей массе постоянно трудоспособных ничтожно. Многочисленная армия инвалидов труда, лишившихся трудоспособности благодаря медленно разрушающим здоровье вредным условиям производств, оставалась без всякой специальной помощи. В Москве государственное обеспечение инвалидов производится с мая 1919 года; что касается членов семьи умерших трудящихся, то обеспечение их началось с сентября 1919 года, после издания декрета от 28/VIII 1919 г.

После Октябрьской революции с упразднением Моск. Гор. Воинск. Присут., ведавшего и назначением пенсий инвалидам войны, пенсионные дела из этого Присутствия в количестве 16.356 в январе 1918 г. были приняты Губ. Союзом Воен. Увечн.; при Союзе образовалось присутствие по назначению пенсий инвалидам войны, которое руководствовалось в своей работе царскими законами 25/VI 1912 г.

В мае 1918 года Отсобез приступил к назначению временных пенсий неимущим и нетрудоспособным гражданам г. Москвы вообще и в частности старым пенсионерам, которые в виду прекращения им выдачи пенсий, назначенных на основании старых законоположений, очутились в бедственном положении. В сентябре 1918 года оказание всех видов помощи инвалидам войны было передано в ведение Отсобеза, в виду чего произошло слияние с Союзом Военно-Увечных.

Прием заявлений о назначении пенсии производится в районных Отсобезах, которыми инвалиды направляются на освидетельствование в Бюро Врачебной Экспертизы по месту жительства пенсионеров. Районные Отсобезы одновременно с приемом заявлений о пенсиях делают обследование материального положения инвалидов; по получении акта экспертизы, все относящиеся к делу документы направляют в Пенсионный Подотдел, который назначает пенсию, извещает об этом пенсионера объявлением о явке в Подотдел за получением пенсионной книжки.

Как сказано выше, пенсии инвалидам войны назначались по царскому закону 25/VII 1912 г.; постановлением Времен. Правит. от 10/X 1917 года максимальный размер пенсий был определен 1216 руб. в год. 7 августа 1918 г. декретом об обеспечении солдат Красной армии и их семейств максимальный размер пенсий был установлен в 3000 р. в год; солдаты же старой армии по январь 1918 года получали пенсию по прежним ставкам, а с января, на основании постановления Совнаркома от 21/I 1919 г. Декрет 7/VIII 1918 г. был распространен также на солдат старой армии и их семей. В целях улучшения материального положения инвалидов солдат Красной армии было издано Положение от 28/IV 1919 г. об обеспечении инвалидов Красной армии и их семейств. Декретом 27/X 1919 г. это Положение распространено было на староармейцев и их семейств. По этому Положению пенсии назначаются исходя из средней тарифной ставки данной местности. Таким образом, пенсионное обеспечение приобрело твердый обоснованный критерий.

Что же касается пенсий для старых гражданских пенсионеров, то до 1/VI 1920 г. при их назначении исходили из минимальной тарифной ставки, но с июня этого же года они приравнены к инвалидам войны; этим самым достигнуто полное единообразие в этом деле.

В настоящее время Отсобез назначает пенсию следующим категориям граждан: 1) инвалидам труда и их семьям, 2) красноармейцам и их семьям, 3) жертвам контр-революции, 4) солдатам старой армии и их семьям, 5) старым пенсионерам, имеющим право вследствие нуждаемости и нетрудоспособности на пенсионное обеспечение.

В настоящее время всем категориям пенсионеров пенсии назначаются, согласно Положения от 31/X 1918 г. и 28/VIII 1919 г. о социальном обеспечении трудящихся и их семейств. Размер пенсии устанавливается, исходя из средней тарифной ставки по Москве с 1 июля — 2700 руб.

До июня мес. 1920 г., согласно изданным инструкциям по назначению пенсий при заработке матери, превышающем прожиточный минимум, ни матери ни ее детям пенсий не назначалось. Распоряжение Н. К. С. О. от 10 июня 1920 г. устанавливает при заработке матери, не превышающем минимальной ставки, на каждого едока в семье пенсию на детей в размере на одного ребенка 50%, на двух—75% и на трех и более—в размере 100% средней тарифной ставки. При назначении пенсий, как и при назначении красноармейского пайка, Отособез исходит из необеспеченности и нетрудоспособности, как единственных оснований к получению пенсии.

Нуждаемость устанавливается путем тщательного обследования семейного и имущественного положения просителя; степень утраты трудоспособности путем медицинского освидетельствования, которое до 1/VIII 1920 г. производилось в Комиссии при Подотделе, а с 1/VIII с. г. освидетельствование производится в Бюро Врачебной Экспертизы (находится в ведении Мосздравотдела).

В виду слияния Московского Отдела с Губсобезом произошло также объединение Пенсионных Подотделов. В силу этого на Подотдел возложено инструктирование и информирование Уездных Пенсионных Подотделов.

За последнее время, согласно декрета Совнаркома от 16/VII 1920 г. лицам, имеющим особые заслуги перед Революцией или Республикой, в случае их инвалидности, а также их семьям, в случае смерти их кормильцев, назначаются увеличенные пенсии; назначение этих пенсий возлагается на Н. К. С. О. за счет его кредитов. Кроме того, Отособезом, по соглашению с М. П. О., частично разрешен вопрос о натурализации пенсии. Натурализация в отдельных случаях уже осуществляется Отособезом по нормам инвалидных и детских домов.

Всего в Москве на 1 октября 1920 г. числилось 20.483 пенсионера. По годам они распределяются таким образом:

Назначено пенсий.	За весь 1919 год.	С 1 янв. по 1 окт. 1919 года.	С 1 янв. по 1 окт. 1920 года.	Всего числится пенс.	
Красноармейцам	330	163	152	1303	482
Семьям красноармейцев	441	200	380		821
Солдатам старой армии	2071	1748	1533	7524	3604
Семьям солдат старой армии	2354	2240	1566		3920
Гражданским пенсионерам	3094	2453	635		3729
Трудящимся	—	—	—		7927

Учреждения для инвалидов.

Обеспечение инвалидов старости, войны и труда проводится через Подотдел Инвалидов, который будучи реформирован в феврале 1919 г. оказывал помощь инвалидам старости, помещением их в инвалидные дома (быв. богадельни); инвалидам войны—эвакуацией на родину, направлением за протезированием, переобучением в школах и мастерских; гражданам, требующим временного обеспечения,—помещением их в дома дешевых и бесплатных квартир и комнат. К этим функциям с весны 1920 года присоединились *борьба с нищенством и проституцией*, и Подотдел, получив наименование Подотдела учреждений для инвалидов, разбился на следующие отделения: Отделение Инвалидных Домов; Учебно-Трудовое Отделение; Отделение по борьбе с нищенством и проституцией, с учреждениями временного пребывания: Центральным Распределителем, домами временного пребывания, домами бесплатных квартир и комнат.

Организуя на новых началах дело социальной помощи инвалидам Отособезу пришлось коренным образом реформировать те старые учреждения по призрению, которые были организованы и содержались на средства отдельных благотворителей. Для этой цели создан был штат инструкторов-обследователей. В начале 1919 года наметились коренные реформы, явившиеся откликом на запросы изменившихся условий жизни. Пришлось создавать учреждения совершенно нового типа. Типом новых учреждений явились дома временного пребывания—род общежитий со столом (обеспечение на определенный срок). Первый дом такого типа был открыт весной 1919 года на 100 человек. В настоящее время их у Подотдела 3, рассчитанных на 350 человек. Переполнение вокзалов просящими пассажирами, застревавшими из-за ненормального функционирования железных дорог, сыпной тиф, а в связи с ним быстрая выписка из больниц из-за недостатка мест, освобождение из тюрем, лагерей и по амнистии граждан, не имеющих в Москве ни родных ни знакомых,—вот причина, заставившая Отособез организовать учреждения вышеупомянутого типа. К домам временного пребывания должен быть отнесен и Центральный Распределитель (Поварская, 13) на 400 штатных мест, функционирующий круглые сутки, открытый в июне 1919 года. Назначение Ц. Р.—оказывать краткосрочный прием нуждающимся в той или иной форме социальной помощи. Здесь граждане регистрируются, дезинфицируются (имеется баня проходного типа из 3 отделений с гелиосом), выясняется форма социальной помощи. Нетрудоспособные вполне или частично, временно или постоянно, отделяются от трудоспособных. Первые направляются в инвалидные дома, учреждения учебно-трудового отделения, дома временного пребывания; вторые—в Подотдел Распр. и Уч. Раб. Силы с помещением их на первое время в дома временного пребывания. Все граждане вообще, прежде чем попасть в какое-либо учреждение Подотдела, должны пройти через Ц. Р. Удачное расположение Ц. Р. в 4 изолированных друг от друга этажах позволяет его использовать, как распределитель для инвалидов старости, войны и труда, для задержанных нищих и как дом временного пребывания. Как распределитель для нищих Ц. Р. функционирует с половины июня 1919 года. В основу борьбы с нищенством были положены: 1) борьба с просящим, задерживанием его, направлением в Ц. Р., оказанием ему социальной помощи, отделением трудоспособных от нетрудоспособных, изоляция трудоспособных от профессиональных нищих; 2) борьба с дающими: путем газетных статей, широкой наглядной постановкой дела социальной помощи и популяризацией таковой постановки в широких массах населения; 3) собирание и разработка материала о нищенстве, регистрацией и изучением нищего в Ц. Р. За год по 1 июля 1920 г. через Ц. Р. прошло: 1) задержанных за нищенство 211 чел., 2) инвалидов старости, обратившихся за помещением в Учреждения Инвалидов 1893, 3) эвакуированных из занятых неприятелем областей, застрявших на вокзалах, выписанных из больниц и т. д. 805 чел., 4) освобожденных из тюрем и лагерей 489 ч., 5) инвалидов войны и труда 334. Итого 3611 человек.

Учебно-ремесленные мастерские для инвалидов войны. (3 Монетчиковский пер., 4/6).—Сапожное отделение

Дом престарелых. (Панская, 30).—Обработка огородов обеспечиваемыми.

Разработка собранного статистического материала показала, что из нищих, прошедших через Ц. Р. только 7% профессионалов, остальные были просто нуждающиеся в социальной помощи, временно впавшие в нищенство. Стоящие в рубриках 2 и особенно 3 и 4 неминуемо должны были быть обреченными на нищенство, а если взять прошедших за год через все дома времени. пребывания, когда, например, за один только сентябрь 1919 г. через все упомянутые дома прошло более 2000 чел., то получим за год число, значительно превышающее 10.000 челов., у которых нищенство было предупреждено.

К домам временной помощи нужно также отнести быв. дома бесплатных и дешевых квартир, назначение которых — компенсировать уменьшение трудоспособности по многосемейности. Они постепенно превращены в дома бесплатных, квартир и комнат.

На 1 октября с. г. у Отсобеза числилось 20 домов бесплатных квартир и комнат с населением около 4000 человек. Разрушение домов из-за недостатка топлива остановило развитие этого рода социальной помощи трудящимся.

О числе учреждений Отсобеза и количестве обеспечиваемых говорят следующие цифры:

	Было в 1919 г.	в 1920 г. по 1 ноября.
Учреждений для инвалидов старости . .	38	33
число обеспечиваемых в них.	4965	6040
Домов временного пребывания	3	3
число обеспечиваемых в них.	240	360
Домов дешевых и беспл. квартир. . . .	27	21
число лиц в этих домах	5000	5000
Дома для глухонемых (мастерские) . .	1	2
число лиц в них.	35	72
Учреждений для слепых	3	3
число лиц в них.	299	406
Учебно-ремесленных мастерских	3	3
число обеспечиваемых в них.	303	243
Дом трудопомощи	1	1
число лиц обеспечиваемых	319	384
Школ 1 и 2 ст. для военно-увечных . .	5	—
число учащихся в них.	257	—
Подготовительные курсы.	—	1
число курсантов	—	120
Специальные курсы	3	3
число курсантов.	165	165
Общежитие для курсантов	2	2
число курсантов	90	80
Помещено в инвалидные дома	3448	1944
Помещено в убежища для воен.-увечных .	2411	1736
Отправлено на лечение	1200	188
» в курорт. секции	161	75
» на родину	2760	1623

Инвалидные дома понесли значительные изменения: они были в августе 1919 г. вместе с приспособлением для их обслуживания в части Ц. Р. и одновременной выработкой нормальных штатов разделены на 3 группы:

1) Дома Отдыха, ныне дома Престарелых, род Старческих Коммун в будущем, для граждан, могущих не только самообслуживаться, но и обслуживать учреждения,—строгое проведение трудового принципа (максимум обслуживающего персонала 6% к числу обеспечиваемых).

2) Убежища престарелых для граждан, требующих ухода, но не больничного: посильное проведение трудового принципа (штат обслуживающего персонала 11—17%).

3) Инвалидные дома больничного типа для паралитиков, маринтиков (штат обслуживающего персонала 25—33%).

Упомянутая разгруппировка позволила ввести в учреждения трудовую атмосферу. Проведен принцип самопомощи в виде устройства мастерских при учреждениях, в которых производится утилизация ветоши на необходимые предметы недостающего инвентаря. В настоящее время предметы утилизации ветоши: вязаные туфли, наушники, носовые платки и т.п. поступают из учреждений Подотдела в лазареты через Москомпом больным и раненым красноармейцам и на фронт.

В феврале 1919 г. по постановлению Президиума Моск. Совета Подотдел приступил к эвакуации инвалидов в хлебородные губернии: с половины февраля по конец апреля было эвакуировано в Вольск, Саратовск. губ., и Тамбов 1438 инвалидов, из них 180 военно-увечных. В дальнейшем, несмотря на чрезвычайную полезность этой меры, эвакуацию пришлось прекратить из-за наступивших летом 1919 года осложнений на южном и восточных фронтах.

Классовый состав обеспечиваемых в Инвалидных домах к 1 сентября 1919 года выразился в следующих %% отношениях: калек от рождения 5,14%, лиц физического труда (чернорабочие, ремесленники, прислуга, фабричные рабочие и пр.) 75,9%, нефизического труда 10,93%, бюрократический и нетрудовой элемент 7,77%, беженцы 0,36%.

Существенную помощь инвалидам войны оказывает Регистрационно-Разборочное Бюро Подотдела, ведающее регистрацией и направлением военно-увечных.

За 1919 год Бюро пропустило 12.313 военно-увечных, за 11 м. 1920 г.—10.757. С октября текущего года функции Разборочного Бюро переданы Ц. Р., при котором 3 раза в неделю функционирует Приемно-Испытательная Комиссия из врачей, педагогов и представителя Подотдела. Комиссия детально опрашивает каждого инвалида и выясняет возможность и род необходимой ему помощи Учебно-Трудовым Отделением. Назначением этого отделения являются: 1) утилизация неполного труда (помещение в Дома Трудопомощи), 2) переобучение инвалидов, по роду своего увечья не могущих вернуться к старому занятию (обучение в школах, мастерских, курсах и пр.), 3) использование труда вновь обученных инвалидов (устройство трудовых коммун).

Существующее для использования неполного труда Харитоньевское Отделение Дома Трудопомощи рассчитано на 500 человек. Механические швейные мастерские его могут выбрасывать в сутки до 1000 смен белья и прачечная до 150 пудов стирки; помимо этого значительный контингент его населения обслуживает различные учреждения в качестве поденных рабочих.

Другое так наз. Сокольническое Отделение Дома Трудопомощи, перешедшее к Горкоже в январе 1919 г., удалось летом 1920 года получить обратно. Его интернат рассчитан на 600 чел., имеется до 9 различных мастерских, в их числе типография, переплетная и механическая обувная. Это быв. отделение Дома Трудопомощи позволило начать в нем концентрацию всех мастерских Учебн.-Труд. Отделения. Наличие оборудованных разнообразных мастерских, обес-

печение получения от Горсовнархоза как заказов, так сырья и инструментов, возможность организовать в них широкую культ но-просветительную деятельность, сообщение необходимых сведений общеобразовательного характера (устройство общеобразовательной школы) и учебно-профессионального: по товароведению и технологии данного ремесла,—заставляют рассматривать это учреждение, как своего рода институт учебно-профессиональной помощи инвалидам войны и труда. С концентрацией мастерских уничтожается почва, благоприятствовавшая развитию паразитизма и спекуляции, бывшими столь не редкими явлениями в учреждениях Союза военно-увечных, от которого Подотдел принял учреждения Учебн.-Трудов. Отделения. Улучшение питания, снабжение инвентарем вплоть до кожаной обуви, °/₀°/₀ увеличение поступления к красноармейцев—уже в значительной степени ликвидировали это дурное наследие.

Школы 1 и 2 ступ., в связи с прикреплением общеобразовательной школы к бывш. Сокольническому отдел. Дома Трудопомощи, слившись в одну, преобразовываются в Подготовительные курсы, как для специальных курсов Подотдела, так и специальных Мосгорсофобеза. Постановка дела, как в них, так и в специальных курсах, непосредственно образовывается в тесном контакте с программами курсов профессионального обучения.

Для глухонемых существует одна трудовая коммуна, а также имеется для них же механическая чулочно-вязальная мастерская, организованная вначале 1920 года. Дело помощи слепым подлежит реорганизации в зависимости от разрешения вопроса о том, у кого будет оно сосредоточено—у Нарукомпроса или у Нарукомсобеза.

К числу новых функций Отособеза относится *борьба с проституцией*. К этой работе Отособез лишь приступает.

1. Для борьбы с проституцией при Мосотособезе учреждается Комиссия из представителей: Горздравотдела, Юстотдела, Моно и Мосотсобеза.

2. Уличенные в проституции, впредь до создания института сестер и братьев социальной помощи, задерживаются милицией и вместе с протоколом немедленно направляются в вышеназванную Комиссию при Мосотособезе.

3. Задержанию и направлению в названную Комиссию подлежат все лица, способствующие проституции и извлекающие из нее выгоду.

4. Все задержанные за проституцию, по выяснению обстоятельств дела, подлежат в Комиссии медицинскому освидетельствованию, и в чем и направляются с больными, направляются в специальные больницы, для принудительного лечения; здоровые (продающие свое тело) в зависимости от характера проституции, направляются в изоляционные лагеря женской милиции или другие соответствующие учреждения Мосотсобеза. Малолетние, если по освидетельствованию они окажутся здоровыми, направляются в Комиссию по делам о Несовершеннолетних.

5. Лица, покупающие человеческое тело и посредники, по выяснению обстоятельств дела, предаются Народному Суду.

6. Распределитель при Комиссии функционирует круглые сутки; в мере надобности такие Комиссии могут быть открыты и в районах.

7. Комиссия начинает функционировать не раньше, чем Отособез подготовит необходимые к тому условия.

8. На основании вышеизложенного Отделу Управления совместно с Отделом Юстиции предлагается выработать инструкции для руководства милиции при задержании. Инструкция утверждается Междуведомственным Совещанием.

9. Отособезу предлагается составить инструкцию для руководства Комиссии при распределении проституток. Инструкция утверждается Междуведомственным совещанием.

10. Междуведомственное Совещание собирается не менее раза в месяц при Отособезе, который дает отчет совещанию о своей работе.

Опека и попечительство.

Бывшие сословные опекунские учреждения (Сиротский Суд и Дворянская Опека) были исключительно косными даже среди учреждений старого режима, и по существу почти не были затронуты за период существования Отдела Особых Судов.

Пришлось коренным образом реорганизовать все дело согласно с новым опекунским правом (Собр. Узак. и Распор. Раб.-Кр. Правит. № 7—77 за 1918 г.), сократить бесконечную волокиту с «дознанием» об опекунах через органы милиции, тянувшимся месяцами, и прочие пережитки старого, а также изменить деятельность и по существу, перенеся центр тяжести опеки с имущества опекаемого на его личность—наблюдение за воспитанием и условиями жизни подопечных.

Оценка опекунов и назначение их производится в свете революционного правосознания; главным образом, обращается внимание на то, насколько опекуны способны воспитать подопечных в трудовом, а не паразитическом духе. Для наблюдения и контроля над действиями опекунов производятся периодические обследования, используя с этой целью обследовательский аппарат Отособеза. Обследователи руководятся специальной инструкцией.

В виду того, что среди беспризорного детского населения Москвы за последнее время получила чрезмерное развитие уличная спекуляция, отрывающая детей от школы и нормального труда, Отособез обратил особое внимание на это печальное явление среди подопечных, выработал новый анкетный лист, производит обследование с целью выяснения, занимается ли данный малолетний спекуляцией или нет, и, в случаях обнаружения детей-спекулянтов, извлекает их из вредной домашней обстановки для помещения в Государственных воспитательных учреждениях МОНО или Районных Отделов Народного Образования. Следует, однако, заметить, что работа Отособеза по борьбе с детской спекуляцией ограничена узким кругом подопечных; борьба же с детской спекуляцией в целом ведется МОНО. Эта трудная работа не дала пока еще положительных результатов.

Одновременно с учреждением новых опек ликвидируются старые опекунские дела, которые по новому опекунскому праву не подлежат дальнейшему производству: опеки над малолетними, живущими при родителях, опеки над имуществом по неявке наследников и прочие виды имущественных опек.

За период с марта прошлого года по сентябрь текущего года было учреждено около двухсот новых опек, пересмотрено и прекращено свыше 1000 старых опекунских дел.

Работа Отсобеза в этой области должна в ближайшее время быть передана в МОНО в секцию Охраны Детства.

Охрана и ликвидация посмертных имуществ.

Организация такого Подотдела была необходима, так как в районных Отсобезах Подотделы Охраны и Ликвидации Посмертных Имуществ существовали с июня—июля прошлого года, т.-е. со времени упразднения районных Юридических Отделов. Тогда, по постановлению Президиума Московского Совета, охранительные и наследственные дела перешли в районные Отсобезы. Практика показала, что для объединения, руководительства и контроля необходим такой же Подотдел в Центре.

Цель Подотдела ясна: установить в Москве, с момента слияния с Губсобезом, и в губернии правильное применение и проведение в жизнь декрета об отмене наследования. Для достижения этой цели необходимо: а) аккуратная опись имущества умерших граждан в кратчайший после смерти срок и принятие надлежащих охранительных мер; б) хорошо организованный учет поступающих имуществ и в) целесообразное распределение имущества, являющегося достоянием Республики, между советскими учреждениями.

Вместе с тем Подотдел является апелляционной инстанцией, пересматривающей дела по жалобам граждан на районные Подотделы и Уотсобезы.

По постановлению Президиума Московского Совета от 23 июля 1920 года, при районных Советах организуются ЮРБЮРО, на которые и возложена работа по ликвидации посмертного имущества. Таким образом, Подотдел, как в Центре так и в районах, ликвидируется. Для иллюстрации его текущей работы приведем несколько цифр, которые относятся к Центру с районами: за май, июнь и июль текущего года — 4151 дело, перечислено в доход казны 296.259 р., выдано разрешений на получение вещей из больниц 685, предоставлено имущества в управление и распоряжение близких родственников по 398 делам, во всех остальных случаях имущество было вывезено и распределено между различными советскими учреждениями.

Народное образование в Москве за 1917—1920 годы.

В области народного просвещения революция 25 октября 1917 г. произвела крутой и резкий переворот, как и в остальных областях жизни.

Период промежуточный между двумя революциями, февральской и октябрьской, в области народного просвещения, правда, был ознаменован некоторым оживлением в среде работников просвещения и разного рода общественных организаций, но это оживление, главным образом выразилось в образовании различного рода комиссий, как государственное совещание под председательством проф. *Герда* в Петрограде, которые так и не довели своей работы до конца и во всяком случае не воплотили ее в жизнь. В Москве это проявление общественного внимания к делу народного образования сказалось в первую очередь в оживлении интереса к делу со стороны самих работников просвещения и учительства в частности. Создавшиеся после февральской революции сильные организации работников просвещения стремятся занять господствующее место и захватить руководящую роль в деле народного образования. Это вполне им удается, так что, напр., работа образованной при Московской Городской Думе комиссии по народному образованию протекает под сильным влиянием «корпорации», как она называлась, работников просвещения. Однако, первоначальное революционное увлечение первых месяцев революции среди широких масс работников просвещения под влиянием последующих событий,—роста революционного настроения рабочих масс и все большего выступления на политическую арену пролетариата и окраски его настроения в большевистский цвет,—постепенно проходит и начинает зарождаться чувство реакции и опасения перед грядущей силой. Это сказывается на работе всяческих комиссий, имеющих отношение к народному просвещению, и в том числе комиссии по народному образованию при Московской Думе. Задуманная комиссией реформа школы тормозится, вносятся поправки и оговорки, как, напр., ограничение роли родительских комитетов в школьных советах, как признак поворота настроения, которое к моменту создания районных дум, в большинстве своем большевистских, определяется уже вполне в реакционном духе. Так, сдвиг работников просвещения с мертвой точки, на которой их насильственно держали до революции, не пошел дальше создания своих профессиональных организаций и некоторых попыток вступить на путь реформ в области народного образования, заглушенных, в конце-концов, различного рода страхами и опасениями.

Октябрьская революция сразу смела с поприща просвещения на значительный срок всех или почти всех работников в этой области.

Кажется, ни одна профессия не проявила такого упорства и такой организованности, как организация работников просвещения в борьбе с новым режимом.

Мрачные дни борьбы тянулись приблизительно до весны 1918 г., когда многие работники вновь вернулись к своему делу, место же других заступили новые силы, и жизнь просветительных учреждений начала входить в нормальную колею. Наступает момент творческой работы во всех областях просвещения. При этом наиболее бурное проявление просветительное творчество после Октябрьской революции получило в области внешкольного просвещения в виде широкого роста всякого рода просветительных и образовательных организаций. Всякий профессиональный союз, заводский комитет, кооператив и т. д. стремятся создать у себя то или другое просветительное учреждение: широко раскидывается по городу сеть культурно-просветительных клубов, которые считает необходимым открыть у себя каждая организация, библиотек, всевозможных студий — театральных, музыкальных и т. д.

Все то стремление к просвещению, к культуре, которое подавлялось в массах раньше, здесь хлынуло наружу и вылилось, правда, в довольно хаотическом процессе широкого развития всевозможных учреждений. Официальные органы, призванные вести просветительную работу, при этом принуждены были в значительной мере ограничиваться только содействием работе всех этих организаций или даже только учетом, притом не всегда поспевающим за неудержимым потоком просветительной энергии масс. Но в то же время отделы народного образования создавали свою планомерную сеть этих учреждений—клубов, курсов для взрослых, лекций и студий, которые должны были служить образцом. Все это влекло страшное распыление сил, средств, внимания и т. д., но это был естественный и неизбежный порыв масс к просвещению. Впоследствии этот процесс постепенно подчиняется общему плану, вводится в определенное русло и приводится к единому руководящему центру.

В области школьной революционный подъем направляется не в сторону расширения существовавших ранее учреждений, а в сторону их преобразования по плану и директивам, которые предлагаются Наркомпросом. Таким образом, в области школьной с

самого начала наблюдается централизованная и планомерная работа.

Если приходится в данном случае говорить о недостатке централизации, то лишь в том смысле, что далеко не сразу, а путем весьма длительным, школы, бывшие в различных ведомствах до революции, переходят к одному центру—Наркомпросу во всероссийском масштабе и местным Отделам Народного Образования, при чем этот процесс объединения всех школ в одном ведении нельзя считать окончательно завершенным даже и сейчас, хотя теперь это уже редкое исключение. Роста числа школьных учреждений не только не наблюдается; напротив, число их в Москве даже сокращается в связи с уменьшением населения и другими причинами.

Несколько особняком шел процесс развития учреждений дошкольного воспитания—детских садов. Здесь не наблюдалось того саботажа и борьбы, которые имели место в школах, так как число городских детских садов до Октябрьской революции было ничтожно.

С другой стороны, не было и того безудержного, бессистемного расширения сети их, как в области внешкольных учреждений. Этому препятствовало прежде всего почти полное отсутствие руководительниц для детских садов вообще. Поэтому работа по отделу детских садов, начавшись в небольшом масштабе над небольшим числом детских садов, открытых исключительно в рабочих кварталах при фабриках и заводах, постепенно и планомерно развивалась, захватывая все большую часть детского населения дошкольного возраста в городе.

Здесь, как и в области школы, происходила, во-первых, постепенная концентрация дошкольных учреждений частных и различных иных ведомств в руках органов народного образования, приведшая, в конце-концов, к полному поглощению бывших частных детских садов и почти окончательному переходу детских садов иных ведомств в ведение органов Наркомпроса. Во-вторых, происходило расширение сети детских садов путем открытия новых, при чем число детских садов выросло по сравнению с исходным числом их во много раз. Таким образом, после Октябрьской революции в области народного просвещения происходил процесс, почти законченный к третьей годовщине, сосредоточения всех просветительных и образовательных учреждений в ведении Наркомпроса в лице его местных органов в Москве, в то время как ранее они были рассеяны по всевозможным ведомствам, в руках различных организаций и частных лиц.

Но еще более важное последствие послереволюционной работы в области просвещения—это выработка общих принципов и общего плана работы как школьной, так и иных отраслей культурной работы, которым подчиняются все разнообразнейшие раньше типы культурно-просветительных и образовательных учреждений. Особенно ярко это сказалось в области школы. Дореволюционное время знало школы самых разнообразных типов, с самыми разнообразными программами, продолжительностью курса и т. п. Существовали школы для детей различных сословий—дворянские, купеческие, мещанские и т. д. Все это разнообразие сменила единая трудовая школа послереволюционного периода, равная для всех, с одинаковой продолжительностью курса и единством методов преподавания.

В этом—огромное завоевание революции. В деле просвещения, как и в других областях жизни, все централизуется, подчиняется общему плану, следовательно, устраняется параллелизм работы, распыление как живых сил, так и материальных средств в виде помещений, пособий и проч., устанавливается учет и правильное распределение всего этого. А такого рода учет средств и их целесообразное, планомерное использование в области просвещения не менее необходимы, чем в области производства, так как и здесь буржуазный мир оставил новому строю очень бедное наследство, еще к тому же растраченное за время шестилетней войны.

Далее в общем ходе работы в области просвещения за истекший трехлетний период следует отметить некоторые моменты влияния внешних условий на дело просвещения. Как уже указывалось, ближайший к Октябрьской революции год—1918—ознаменовывается лихорадочной деятельностью в области внешкольной просветительной работы; этот же год характеризуется и наиболее существенными преобразованиями в области школы. Внешние условия в это время еще настолько благоприятны, что просветительная деятельность и просветительные учреждения стоят в первой очереди; поэтому как в смысле снабжения средствами и помещениями, так и теми или иными льготами просветительные учреждения идут впереди всех других. Но затем внешние условия становятся тяжелее, на первый план выступают интересы военные и интересы, связанные с наиболее необходимыми для Советской Республики государственными и производственными функциями, и интересы просвещения отходят на второй и даже на третий план. Школы и другие просветительные учреждения теряют помещения, которые отдаются для размещения красноармейских частей или лазаретов, снабжение просветительных учреждений топливом и всем прочим, в том числе и работниками, становится второочередным. Особенно тяжелым являются 1919—1920 учебный год, которые вообще являются самыми тяжелыми, в особенности для Москвы.

Невыносимые условия работы приводят чуть не к полной остановке просветительных и образовательных учреждений в Москве.

Но со второй половины 1920 г. условия становятся легче вообще и облегчаются условия просветительной деятельности; просвещение вновь с последнего или предпоследнего места, задворков революции, начинает передвигаться в первые ряды, и при таком благоприятном положении встречает третью годовщину революции.

Дошкольное воспитание.

Дошкольная работа началась в Москве после Октябрьской революции. До этого времени не было организованной общественной работы с ребенком дошкольного возраста. Были лишь отдельные попытки частных благотворительных кружков.

Октябрьская революция явилась не только революцией общественных форм, но и революцией быта, вызвав новые задачи в области заботы о детях. Она углу-

била процесс разрушения семьи, начатый капиталистическим строем. Она призвала к общественной работе работницу, завоевавшую себе права гражданки пролетарской республики, и молодая республика в стремлении дать ей возможность принять участие в творческой общественной работе берет на себя заботу о ее детях. Если были до революции попытки создать дошкольные учреждения, то их задача ограничивалась узкими педагогическими целями—воспитать такую-то группу детей. В Советской Республике вопрос становится иначе—речь идет об организации сети дошкольных учреждений, обслуживающих все детское население, на ряду с задачей снять бремя заботы с плеч матерей-работниц; перед органами дошкольной работы стоит задача удовлетворить требования самого ребенка, дать ему возможность расти и развиваться в соответствии с требованиями его возраста.

Теперь уже всем стала доступна истина, что фундамент личности человека, его характер, закладывается в период раннего детства—до 7 лет. Именно поэтому ребенок дошкольного возраста должен пользоваться особенным вниманием, и *тот детский сад*, который создает Советская Россия для своих маленьких граждан, должен быть, поистине, садом, где на радость человечеству вырастут здоровые телом и сильные духом граждане Республики.

Кроме того, детский сад берет на себя задачу воспитать в детях общественное сознание в доступной для них форме.

Вместе с тем, ясно, что детский сад сам по себе еще не достаточная среда для воспитания ребенка: еще остается влияние семьи, влияние всего окружающего—улицы, двора, где играет ребенок, фабрики, мастерской, где работают родители. Поэтому связь с обслуживаемой средой—с пролетарской средой—должна существовать в дошкольной работе самая тесная.

В детском саду влияние эгоистических, собственнических, индивидуалистических интересов семьи должно быть заменено влиянием товарищеской организации детей, коллективной организации детской жизни.

Связь эта нужна, с одной стороны, для того, чтобы укрепить и распространить работу детского сада за пределы его, чтобы создать здоровую атмосферу вокруг ребенка; с другой—дать возможность пролетариату подойти к делу дошкольного воспитания и, как во всех отраслях советской работы, активно участвуя в ней, внести в дело воспитания элементы пролетарской классовой идеологии.

Таковы были общие принципы, положенные в основу дошкольной работы в Москве.

Работа началась не с создания административного аппарата, а с пропаганды идей дошкольного воспитания в рабочих организациях. Хотелось сразу поставить работу в связь с рабочей средой.

Решено было открыть в каждом районе по два детских сада и сконцентрировать вокруг них внимание.

Постепенно выявлялись нужды матерей, при чем первое время там, где открылись первые сады, больше думали о материальной стороне, чем о воспитании ребенка. Так оно и должно быть. И постепенно, лишь на втором году, стала оцениваться родителями воспитательная роль детского сада.

Согласно общему плану детские сады должны были организовываться при рабочих коллективах: предприятие, коммуна и прочие.

Первый детский сад для детей рабочих Мытищенского трамвайного парка был открыт в апреле 1918 г. В дальнейшем количество их возрастало следующим образом:

Октябрь 1918 г.		Октябрь 1919 г.		Октябрь 1920 г.	
Число детск. сад.	Кол. детей.	Число детск. сад.	Кол. детей.	Число детск. сад.	Кол. детей.
88	3495	140	6600	266	14.496

В детских садах число детей доходило ныне уже до $^1/_3$ общего количества московских ребят в возрастах от 3 до 7 лет.

Чтобы осуществить задачи коммунистического воспитания, нужен кадр педагогов с соответствующим мировоззрением. Но такового нет, да и вообще дошкольных работников крайне мало, и потому приходилось все время, ведя работу по организации детских садов, вести параллельно работу по улучшению и углублению педагогической работы в существующих учреждениях. С этой целью организуется ряд подготовительных курсов, которые дали уже Москве около 300 работников, а для углубления и повышения уровня малоподготовленных работников и освежения более зрелых—в районах и центре организуются так называемые подсобные курсы, которые идут беспрерывно; занятия происходят по вечерам, и работники могут одновременно учиться, не прекращая работы. И самую постановку подготовки работников пришлось переделать сообразно условиям и темпу советской работы в области дошкольного воспитания. Приходилось прибегать к способу краткосрочных курсов, ставя в дальнейшем обязательство продолжать занятия на подсобных курсах и организуя периодические конференции, где курсанты представляют работу по тем заданиям, которые предварительно получили и проработали в детских садах.

Как одна из форм подготовки работников, введен институт практиканток, которые работают в детских садах под руководством более опытных руководительниц, и после определенного стажа получают самостоятельную работу.

Нужно отметить, что недостаток подготовленных работников является одним из серьезнейших препятствий к развитию широкой сети детских садов.

На ряду с этим выступает отсутствие помещений, вечная борьба за них, отсутствие рабочих рук для ремонта, недостаток инвентаря, детской мебели и полнейшая невозможность производить необходимое.

Все это возможно будет достичь и преодолеть лишь при достаточной заинтересованности и активности самих рабочих кругов.

Общая тенденция организовывать детские сады при предприятиях, рабочих домах и других коллективах, имеет в этом отношении большое значение, но вопрос должен быть поставлен шире: интересы ребенка, как такового, должны занять в нашем строительстве определенное место, и в производственной программе хозяйственных органов Республики производство для нужд детей должно занять одно из первых мест.

Несмотря на все недочеты материального характера и недостаток работников, сеть детских садов все же растет.

Кроме того, каждое лето организуются для детей детских садов колонии.

Летом 1918 г. было организовано: 8 колоний, из них 5 под Москвой, 3 в Уфимской г. с числом детей около 200 ч.

» 1919 » организовано колоний под Москвой с числом детей около 2000.

» 1920 » организовано колоний под Москвой с числом детей до $4^1/_2$ тыс.

В колониальной работе наравне с задачами питания поправления здоровья детей, на первый план выдвигаются воспитательные задачи колоний, как формы детского общежития в условиях близости к природе при посильной работе детей в саду или огороде при колонии.

Конечно, это не устраняет значения колонии в отношении укрепления здоровья детей. Дети прибывают в весе, вырастают. Здоровые впечатления, спокойствие и величие окружающей природы оказывают свое действие, и, издерганный городской сутолокой, ребенок успокаивается, уравновешивается.

Выше уже указывалось на то огромное значение, которое имеет участие пролетарских масс в дошкольной работе. Изыскивая способы осуществления этой идеи, пришли к мысли организовать советы детских садов с участием представителей рабочего населения в форме, обеспечивающей подлинную заинтересованность их в работе. Представительство организуется от завкома обслуживаемого предприятия, от правления дома-коммуны или от делегатского собрания работниц, если детский сад обслуживает не определенную рабочую организацию, а население данного квартала или улицы. Совет детского сада принимает участие в направлении всей жизни его. Другой формой вовлечения пролетарских масс в дошкольную работу является работа с работницами: почти во всех районах имеются общественные инструктора-работницы, которые путем практической работы проходят школу советского коммунистического строительства в дошкольной области. Общественные же инструктора организуют и делегаток предприятия, знакомящихся с дошкольной работой.

В течение последних месяцев в детских садах Москвы работают работницы в качестве практиканток, для которых открываются курсы по дошкольному воспитанию, которые должны дать детским садам 60 работниц.

Обозревая результат 3-летней работы в целом, нужно признать, что цифры могут быть недостаточно велики, но необходимо учесть все трудности нашего времени.

В то же время с большим удовлетворением можно констатировать, что массовая забота о ребенке в размерах, достигнутых Москвой, является результатом и завоеванием пролетарской революции.

Ш к о л а.

В центре внимания просветительной работы за истекшее трехлетие, как всегда, стояла школа. Октябрьская революция выдвинула перед школой новые задания огромного значения, которое предстояло разрешать с чрезвычайно слабыми как количественно, так и качественно средствами. Конечно, не только сейчас, но и в ближайшем будущем нельзя ждать завершения преобразовательной работы школы, тем не менее теперешняя школа во всяком случае и с полной справедливостью должна быть названа школой новой по сравнению с тем, чем была школа до революции.

В первые месяцы 1918 г. в Москве положение школьного дела было особенно тяжелым. Не говоря уже о преобразовательной деятельности, даже обычная повседневная работа школы замерла вследствие забастовки преподаватель. персонала. Вывести школу из этого состояния представляло чрезвычайные трудности.

В то же время население требовало, чтобы школы работали. Все то педагогические силы, которые остались на стороне Советской власти, а так же привлеченные вновь, приходилось использовать самым напряженным образом: одному преподавателю в один день приходилось вести занятия редко в двух, а большею частью в трех школах, начиная работу утром и кончая вечером. Кроме того, две или три школы соединялись в одну, так что на одного учащего приходилось одновременно двойное или тройное число учащихся. Такими мерами удавалось поддерживать работу в школах настолько, чтобы школьная жизнь не замерла совершенно. Постепенный приток новых преподавателей разгружал несколько эту работу, но отнюдь не снимал всей ее тяжести с основного педагогического ядра. Когда начался возврат старых школьных работников в школу, процент вновь приглашенных оказался уже довольно значительным, и далеко не все из старых учащих могли быть приняты обратно. Невольный перерыв в деятельности школ повлек за собой значительную разруху в школах и в других отношениях: местами было испорчено отопление, приведены в беспорядок, а иногда и расхищены учебные пособия и школьные библиотеки и т. п. Все это нужно было восстанавливать и приводить в порядок. Бастовавшее учительство получало поддержку со стороны родительских комитетов, состоявших из мелкобуржуазных обывательских элементов, и это еще усиливало тяжелое положение школы. Особенно острым сделалось положение, когда разрозненные родительские комитеты сплотились в одну общемосковскую организацию и выступили в защиту старого учительства, требуя его возвращения и удаления тех лиц, которые работали в этот тяжелый момент в школе. Решительными и твердыми мерами удалось преодолеть это движение и пустить в ход школу без уступок как старому учительству, так и их союзникам.

Между прочим, одним из требований союза родительских комитетов было введение преподавания закона божьего в школах и удаление евреев преподавателей. В то же время новые условия жизни властно требовали перестройки старого уклада школы, и в том же 1918 г. было приступлено к коренной реформе школы.

Принципы и основные формы школьной реформы.

Дореформенная школа, хотя и не ставила формальных препятствий для поступления в средние и высшие учебные заведения представителям трудового населения, тем не менее, была классовой, как по доступности ее лишь для средних и высших классов, так и по содержанию ее учебной деятельности. Только начальная

школа являлась общедоступной, но она ограничивалась по преимуществу сообщением простой грамотности и начатками математики, а кроме того, все преподавание в ней было проникнуто духом и тенденциями, направленными к укреплению буржуазной и реакционно-монархической психологии и воззрений.

Преподавание закона божьего являлось краеугольным камнем воспитательной системы дореформенной школы. При этом доступ из начальной школы в школы высших ступеней был затруднен целым рядом условий, исключающих для детей трудового населения возможность получения дальнейшего образования. Средняя школа не в меньшей, если не в большей степени отличалась тем же реакционным духом. Специально предназначенная для буржуазных элементов населения, она отличалась крайним разнообразием типов и различными программами и была платной. Несмотря на все свое разнообразие, дореформенная школа, однако, страдала общими недостатками.

Приспособленная как будто к потребностям различных классов населения, она, тем не менее, страдала полной оторванностью от жизни и не удовлетворяла жизненным потребностям ни одного класса. Все преподавание носило исключительно отвлеченный характер. Полезный производительный труд был совершенно изгнан из школы. Жалким ему суррогатом порой служило преподавание рукоделия в женских учебных заведениях и ремесел в мужских, но тому и другому отводилось слишком мало времени и внимания. Окончившие школу дети часто не знали самых жизненных вещей.

Все преподавание носило чисто книжный характер, а от учащихся требовалось лишь пассивное усвоение изучаемого предмета. Не только история изучалась по книгам, но и изучение природы велось часто по одним учебникам без знакомства с самой живой природой. Такой метод преподавания отучал детей непосредственно воспринимать жизненные явления, отучал их работать над чем-либо иным, кроме книг.

Весь мир восприятия был искусственно раздроблен на отдельные области, составлявшие отдельные предметы преподавания. Цель преподавания была снабдить учащихся наибольшим запасом сведений в возможно короткий срок. Отсюда многопредметность преподавания и перегруженность программ в средних школах. Внимание детей перескакивало с предмета на предмет, рассеивалось между многочисленными отрывками впечатлений.

Основанное на пассивном запоминании, преподавание вело к переутомлению памяти. Вместо того, чтобы приохотить к знанию, пробудить в учащихся стремление к самостоятельному труду, школа прибегала к целому ряду мер принуждения. Учащимся задавались уроки на дом, при чем успешное или неуспешное выполнение заданий поощрялось или каралось соответствующими отметками. Той же цели служили экзамены. Окончившие школу получали аттестаты, связанные с различного рода правами и привилегиями. Принудительная работа над порой неинтересными предметами приводила к умственной усталости, лени и отвращению к труду.

В средней, а также и начальной городской школе строго проводилось разделение полов; совместное обучение было лишь в низших сельских школах. Управление школой строилось по принципу единоличного управления, при чем даже в области чисто педагогических вопросов педагогический совет отступал на второй план перед волей директоров или старшего учащего в начальной школе.

При всей трудности для учащихся дореформенная школа в то же время работала очень короткий срок, прерывая занятия для длительных каникул несколько раз в году; особенно продолжительны были летние каникулы.

Реформа совершенно видоизменила характер школы. Все разнообразные типы начальной и средней школы слились в одну Единую Трудовую Школу, которая делится на две ступени. Школы первой ступени рассчитаны на детей от 8 до 12 лет; курс учения пятилетний. Школы второй ступени предназначаются для подростков от 13 до 16 лет; курс четырехлетний. Обучение бесплатное, обязательное для детей соответствующего возраста и совместное для мальчиков и девочек.

Вместо единоличной воли заведующего школой выдвигается принцип коллегиальности управления, при чем к участию в управлении привлекаются также и старшие группы учащихся. Длительным перерывам в школьной работе противопоставляется принцип непрерывности воспитательной работы с детьми.

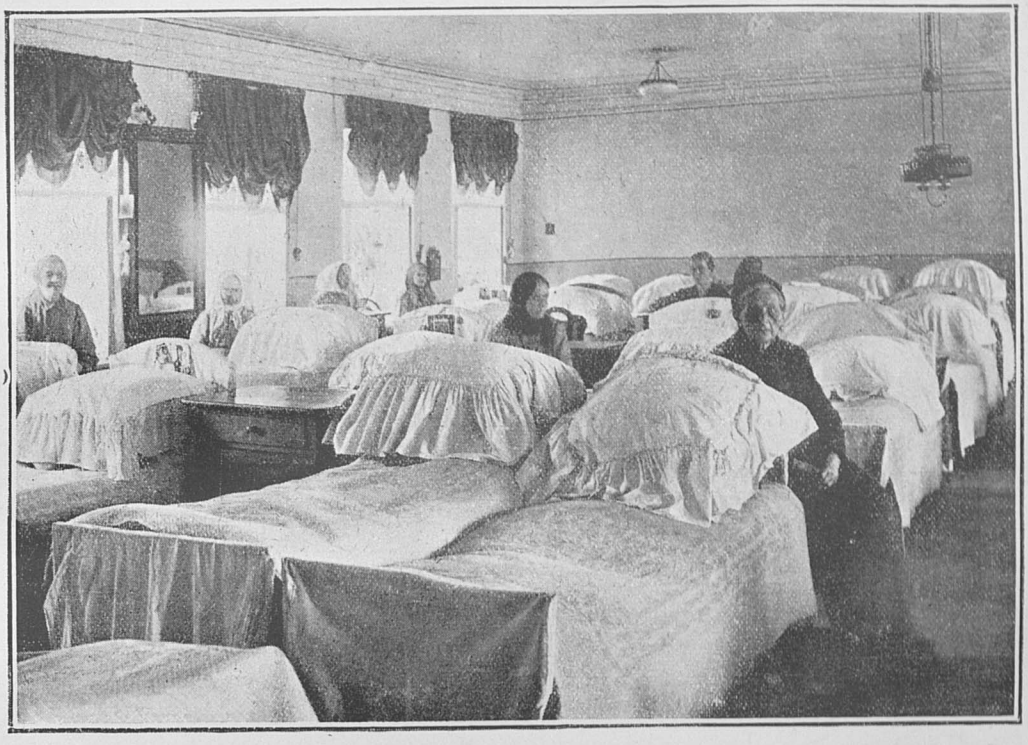
Вводится бесплатное питание детей и снабжение нуждающихся одеждой и обувью, что должно не только формально, но и по существу сделать школу общедоступной, а в дальнейшем создать условия для проведения в жизнь ее обязательности.

Преподавание закона божьего и какого-либо культа решительно отменяется.

Новая школа ставит своей целью гармоническое развитие всех духовных и физических сил ребенка. Она стремится создать естественные условия для развития его творческих способностей, для воспитания в нем любви и привычки к труду, умственному и физическому в равной мере. Школа должна развивать в детях самостоятельное мышление, умение ориентироваться в жизненных явлениях, должна помогать выработке у детей художественного восприятия в области искусства. Из нее должно быть изгнано всякое принудительное начало в обучении. В ней отменяются все отметки, экзамены и аттестаты и т. п.

Новая школа должна удовлетворять всем требованиям, поставленным жизнью, должна применяться к нуждам и потребностям трудящихся. На первый план должны быть поставлены потребности ребенка, и педагоги должны применяться к характеру, желаниям, стремлениям, склонностям и особенностям детей, а не навязывать им что-либо чуждое их пониманию и духовному складу. Школа не должна гнаться за большим количеством знаний, но должна стремиться развить в детях способность познавания, дать методы исследования явлений. Многопредметность преподавания отрицается совершенно.

Объектом преподавания в новой школе являются не отдельные отрывки знаний, а весь мир в его целом. Школа должна не только подготовлять ребенка к будущему, но и быть его правильно организованной жизнью в настоящем.

Дом престарелых (Панская, 10).—Палата обеспечиваемых.

Дом престарелых (Шаболовка, 14).—Курсы утилизации ветоши для обеспечиваемых.

Но самым главным в новой школе является трудовой принцип воспитания. Организуясь в атмосфере общественного производительного труда, новая школа изучает жизнь через непосредственное участие в самом труде. Посильное участие учащихся в самых различных работах по самообслуживанию школы, простейшие работы в мастерских по обработке различных материалов, напр., дерева, металла и т. п., огородные и садовые работы летом — вот исходный момент для многих и самых различных научных занятий в школе I-й ступени.

В школе II-й ступени производительный труд является уже в виде участия в индустриальном производственном кругообороте, при чем с ним тесно связываются самые различные научные занятия в школе. Параллельно с участием в производстве изучается вся история человеческого труда, а также и техническая сторона организации фабрики, начиная с доставки топлива, сырья, основных типов двигателей и т. д. Одновременно в сознании и навыках укрепляются принципы трудовой дисциплины.

Практическое применение реформы.

Такова идея, таковы задания и такова форма новой школы. Насколько эти задания могли быть осуществлены и проведены в жизнь, определялось в значительнейшей степени теми внешними условиями, в которых протекала работа школы, в том числе и тем, насколько школьные работники оказались подготовленными к восприятию идей новой школы и к разрешению поставленных перед ними задач. Во всяком случае новая школа не имела готовых образцов, с которых можно было бы брать пример и получать руководство, и потому воплощения новых идей приходилось искать в самом процессе работы школы. И, тем не менее, поставленные задания частью были осуществлены, частью сделан подход к их осуществлению. В 1918 году была проведена реформа всех школ по типу Единой Трудовой Школы. Реформа была проведена так: старшие классы средних школ, начиная с четвертого и кончая 7-м, образовали школы II-й ступени, при чем 8-й класс был совершенно уничтожен. Младшие классы средних учебных заведений и все начальные школы образовали школы I-й ступени. Таким же путем были расчленены и другие учебные заведения, при чем в случае недостатка классов, как, например, в высших начальных училищах, недостающее число их добавлялось до нормального числа пятилетней школы I-й ступени и четырехлетней II-й ступени. Для проведения принципа совместного обучения все классы мужских и женских учебных заведений обменялись частью своих учащихся. Таким способом решительно и одновременно было проведено совместное обучение во всех школах. Страхи и опасения, которые при этом имели место среди школьных работников, совершенно не оправдались, и очень скоро некоторые болезненные явления, которые сопровождали эту меру, были изжиты. Жизнь школы вошла в нормальную колею настолько, что теперь не возникает даже и мысли об иной постановке дела.

В области управления школой выдвинуто было коллегиальное начало в лице школьных советов, которые должны были являться руководящими органами школы. При этом были привлечены, кроме педагогов и технических работников школы, также представители трудового населения и учащиеся старших групп, как полноправные члены советов.

Группы школ I-й и II-й ступени образуют школьные объединения, в свою очередь, имеющие свои советы. Коллегиальное начало проводится и дальше: в центре образуются совещания представителей объединений, правда, не имеющие решающего голоса, а лишь совещательное значение. Все эти организации имели чрезвычайно важное значение в смысле вовлечения в сферу вопросов, как школьной политики вообще, так и повседневных нужд школы, возможно более широких кругов, заинтересованных в работе школы.

В качестве подхода к проведению в жизнь трудового принципа воспитания в школах вводится самообслуживание учащимися и преподавательским персоналом нужд школы. При этом имелось в виду осуществлять эту меру в пределах, доступных для детских сил, с одной стороны, а с другой—связать те трудовые процессы, которые при этом приходилось производить учащимся, с усвоением знаний и приобретением навыков к самостоятельному исследованию и овладению научными методами такового.

Но жизнь во многом не оправдала ожиданий в этом отношении, и самообслуживание пока еще не удалось связать с учебными задачами. Этому препятствовала, в первую очередь, неподготовленность учебного персонала, привыкшего к старым приемам преподавания. Здесь нужна длительная работа с учительством и самого учительства над разрешением новых проблем, выдвигаемых трудовой школой.

При всех неблагоприятных условиях принцип самообслуживания не оказался, однако, лишенным жизненных оснований. Напротив, условия новой жизни властно заставляли вводить самообслуживание и там, где оно не встречало сочувствия ни со стороны учащих, ни со стороны учащихся.

Некоторые виды самообслуживания, как дежурство за столом и уборка столовой, уборка своих спален, доставка кушаний в школу из столовой и т. п., настолько вошли в повседневный обиход школ, что рассматриваются, как естественное и неизбежное положение школьной жизни. В этом отношении особенно много сделано в тех школах, которые организованы за городом, как постоянные загородные школы, а также в летних колониях.

Таким образом, физический труд прочно завоевал себе место в школе, как непременный элемент школьной жизни, и такая же естественная обязанность учащихся и учебного персонала, как занятия научными предметами. Кроме того, в большинстве школ введено обучение тому или иному виду ручного труда. Большею частью преподаются два вида ручного труда, но в значительной части школ преподается три вида. Наиболее распространенным является преподавание работ с картоном и аппликация, далее идет рукоделие, плетение, лепка, переплетное ремесло, столярное и т. д.

В 1918 году были впервые организованы летние школы. Эти школы по идее должны были связать занятия над живой природой с работой в саду или ого-

роде при школе. Бедность московских школ не только садами и огородами, но и более или менее просторными дворами ставила огромные трудности для проведения этой идеи. Тем не менее, везде, где объективные условия позволяли, такие работы и занятия были организованы, при чем безземельные школы приходили работать к более счастливым соседям. И все-таки для ряда школ не было и этой возможности: в таких случаях школы прибегали широко к экскурсиям. Результаты весеннего обследования в 1918/19 уч. года показали, что за одно только весеннее полугодие, не считая летнего семестра, было организовано более 2500 экскурсий в школах I-й ступени и более 1000 в школах II-й ступени. В среднем в этом полугодии на одну школу I-й ступени приходилось 5,3 экскурсии и на одну школу II-й ступени 6,6. В это обследование не вошел летний семестр, наиболее богатый экскурсиями. Из этого надо заключить, насколько широко школы использовали это образовательное и воспитательное средство.

В тот же план летней школы входила организация школ за городом в пригородных местностях или даже вывоз школ в дальние губернии, где продовольственные условия позволяли бы с большей легкостью прокормить детей в летние месяцы. Эта организация загородных школ имела совершенно иные задания, чем организация *летних колоний*, которая имела место до революции и практиковалась некоторыми городами и в частности московским городским управлением. В последнем случае на первом плане стояли цели чисто медицинского характера: колонии имели целью дать возможность наиболее слабым и больным детям провести лето в деревенской обстановке и восстановить свои силы и здоровье. Организация летних школ имела в виду эту цель лишь как второстепенную. На первом же месте стояли задачи воспитательного характера. Школы должны были быть перенесены на лето за город для летних занятий в обстановке, где дети не только могли проводить летние месяцы в лучших условиях, но и могла быть организована летняя работа школ так, чтобы работа в саду, огороде или в поле, экскурсии и прогулки переплетались и связывались с научными занятиями. В деревенской обстановке естественно легче организовать такого рода сельско-хозяйственные работы и доступнее изучение живой природы. Поэтому устройство летних школ в городе было лишь компромиссным решением вопроса в виду совершенной невозможности вывести все школы за город. Таким образом, и летняя школа в городе, и загородные школы-колонии имели одни и те же задания, связанные с осуществлением трудового принципа школы в наиболее подходящих и легких для этой цели условиях.

Самый подбор детей и состав колоний были подчинены этой основной идее. Хотя при выборе детей принималось во внимание их здоровье и их материальные условия, но группы детей и группы руководителей при них по возможности составлялись из тех школьных коллективов, где они были зимой, т.-е. из одной школы или двух и более чем-либо связанных между собою школ.

Этим способом должна была достигаться педагогическая преемственность работ. Вместе с тем не забыты были и лечебные цели колоний, но для этого параллельно широкой организации летних загородных школ, как их правильнее было бы называть, создавалась особая совершенно самостоятельная организация так называемых санаторных колоний. Туда должны были отбираться больные дети на тот или иной срок в зависимости от состояния здоровья, притом дети из различных школ. Эти колонии организовывались как постоянные учреждения, функционирующие и лето и зиму.

Летом 1918 г. летние колонии организовывались исключительно в дальних местностях, и только колонии санаторного типа были открыты под Москвой.

Но уже летом 1919 г. Отдел вступил на путь организации летних школ также и в ближайших к Москве местностях, и в 1920 г. он уже совершенно отказался от мысли устраивать летние школы вдали от Москвы. Такого рода решение вызвано было целым рядом причин и в первую очередь тем, что как в 1918 г., так и в 1919 г. дальние колонии, направленные, по первоначальным предположениям, в самые безопасные районы, оказывались в дальнейшем в зоне военных действий и даже отрезанными от Москвы на более или менее продолжительный срок. Другая не менее важная причина — педагогического характера; дальность расстояния не только ослабляла контроль, но иной раз и совершенно лишала возможности надзора за летней жизнью школ.

Тем самым в значительной степени терялось то воспитательное значение летних школ, которое полагалось в основу всей организации дела. Не надо скрывать, что дальность расстояний и невозможность надзора иной раз приводили к более печальным результатам, если коллектив руководителей оказывался не на высоте своего назначения. Дело организации загородных летних школ сразу было поставлено очень широко, и уже в 1918 году было вывезено из Москвы в колонии 10.000 детей. В 1919 году это число возрастает до 20.300, а в 1920 году уже достигает цифры 31.801, как в колониях, так и разного рода загородных школах и детских домах. Каждой летней кампании предшествовали конференции учащих по вопросу об организации летних школ, а в 1918 году были проведены краткосрочные курсы для тех учащих, которые должны были работать в летних школах.

Летние школы в такой их постановке являлись могучим средством, толкающим широкие массы учительства на путь искания и выявления новых форм школы, и именно школы трудовой, и в этом огромное значение их для дальнейшей реформы школы.

Но особо нужно отметить совершенно новый вид школы — постоянной загородной школы. Такого рода постоянные загородные школы впервые были организованы в 1919 г., когда значительная часть летних колоний была устроена под Москвой. В некоторых случаях условия помещения давали возможность зимнего пребывания в нем. Это обстоятельство дало повод и возможность создания постоянных загородных школ, в которых, как в опытных пунктах, возможно было бы в течение всего года вести школьную работу теми методами, как и в летней школе.

Эти школы получили название земледельческих не потому, чтобы в них дети получали специальное сель-

ско-хозяйственное образование, а потому, что они организовались при Совхозах или же занимали какой-нибудь Совхоз целиком. На долю школы в данном случае выпадала серьезная задача поддержать и вести хозяйство Совхоза, и благодаря этому в них более, чем где-либо, удалось достигнуть наибольшего приближения к трудовой школе. В данном случае создались учебно-трудовые коллективы учащих и учащихся, в которых труд занимает чрезвычайно важное место в жизни коллектива. Здесь идет речь не только о повседневном самообслуживании себя или школьного помещения, но и о разрешении более сложных трудовых задач, как заготовка топлива, корма для скота, ведение молочной фермы и т. п. ответственных сельско-хозяйственных работ, требующих уже не одной только готовности работать, но и знаний, уменья самостоятельно разрешать сложные трудовые задания и т. п.

Эта организация оказалась очень устойчивой и жизнеспособной. Среди работников этих школ приобрели наибольшую популярность и проявили наибольшее понимание идей трудовой школы. Такого рода постоянных загородных школ к настоящему времени имеется 15, с числом учащихся в них 900 человек.

Что касается санаторных школьных колоний, то это учреждения лечебного характера для больных детей— с различными видами туберкулеза, сердечными болезнями и т. д. Они организованы тоже как школы, чтобы лечебные цели совместить с учебными, но в них интересы лечения ставятся на первом месте. В 1919 г. было организовано их всего 2 с числом детей в них 90, а к настоящему времени их число возросло до 28 с числом детей 1106.

Вопрос о работе с педагогическим персоналом, о подготовке педагогического персонала к работе в трудовой школе встал с самых первых дней организации новой школы.

С целью широкой пропаганды среди работавших педагогов идей трудовой школы и существа и содержания педагогической работы в трудовой школе весной 1918 г. были организованы шестинедельные курсы для учителей, ехавших на работу во впервые организовавшиеся тогда летние колонии. Через эти курсы было пропущено до 600 человек педагогов. Как краткосрочные и впервые организовавшиеся, курсы эти носили преимущественно агитационный характер. Затронув и впервые установив основные положения трудового воспитания, они сразу же поставили перед Отделом задание — организовать подготовку педагогического персонала более углубленного характера. Были организованы осенью того же 1918 г. более длительные шестимесячные педагогические курсы практически лабораторного характера. В основу планов педагогической работы на этих курсах была положена непосредственная трудовая проработка самими педагогами того материала, который дает школе окружающая жизнь. Сама организация курсов, начиная с оборудования здания и кончая оборудованием мастерских и студий, была произведена при непосредственной помощи всех курсантов. Затем ими проработаны были практически вопросы организации питания и организации благоустройства курсового общежития. При этом большое внимание было уделено педагогическому осознанию всей этой работы.

Кроме различного вида труда по самообслуживанию, курсантами были проработаны мастерские: столярная, картонажная и переплетная, сапожная, шитья, плетенья и вязанья. Весь материал, который давали мастерские, был проработан педагогически путем ряда педагогических семинариев, докладов, экскурсий и т. п. Одновременно велись постоянные занятия по психологии и специально по психологии детского возраста.

Летом была организована детская колония, вся организационная и педагогическая работа в которой была проведена силами практикантов, учившихся на курсах. Осенью 1919 г. с курсов было выпущено около 40 педагогов, часть которых пошла на работу в школу, часть же перешла на инструкторскую работу.

Суровая зима 1919—20 гг. и полное отсутствие топлива не дали возможности продолжать начатую работу.

Как первые, так и вторые курсы имели в виду педагогов школ I-й ступени.

Осенью 1919 г. были организованы курсы для школьных работников II-й ступени. Курсы эти, как и первые курсы для работников школы I-й ступени, имели чисто пропагандитско-агитационные задания, но они не могли продолжаться долго из-за наступивших тяжелых условий зимнего времени.

За истекшее время было проведено несколько конференций, посвященных вопросам трудовой школы вообще и организации летней школы и летних колоний в частности, привлекавшие большое число участников педагогов.

С осени 1918 г. Отделом Народного Образования начал издаваться печатный орган, посвященный вопросам трудового воспитания, — «Трудовая Школа». Было выпущено десять номеров этого издания, имевшего большое распространение не только в Москве, но и в провинции; последние номера «Трудовой Школы» выходили в количестве пяти тысяч экземпляров. Наибольшее значение этого издания заключалось в том, что в нем принимали участие непосредственные работники в трудовой школе — педагоги, делившиеся своим опытом и наблюдениями в деле строительства новой школы. Вся та работа, которая была произведена в школе в смысле организации трудовых процессов, по организации летних школ и колоний, земледельческих школ и т. д., получила освещение в этом органе не в форме теоретических построений, а в виде практического опыта непосредственных работников.

Вот те формы, в которые вылилась работа с учительством за истекшее трехлетие.

Нововведения в школе далеко не переделали ее старого уклада, оставляя в значительной степени нетронутой самую толщу школьной жизни, ее основную работу в течение зимы. Можно сказать лишь, что они сдвинули школу с мертвой точки, поставив перед ней новые проблемы, которые во всем их объеме предстоит еще решить путем длительного процесса искания и опыта.

В настоящее время зимняя работа школы представляется в таком виде. В школах первой ступени проведена групповая система преподавания. Каждую группу ведет один преподаватель, при чем его работа дополняется работой особых преподавателей: пения, музыки, рисования, ритмической гимнастики, различных трудо-

вых процессов и т. д. В этом отношении школам предоставлен широкий простор. Групповая система даст возможность приспособляться к успехам и способностям учащихся, передвигая их из группы в группу, независимо от каких-либо сроков, как то было при классной системе.

В школе II-й ступени преподавание ведется по циклам знания. Большая эластичность программ дает возможность уделять больше внимания тем отделам или тем вопросам, которые привлекают большее внимание учащихся или даже того или другого отдельного ученика. Ни отметок, ни экзаменов, ни аттестатов ни в первой ни во второй ступени нет. Старая мертвящая дисциплина изгнана из школы, и между учащимися и школьными работниками возможны близкие товарищеские отношения, тем более, что учащиеся старших групп привлечены через своих представителей к участию в школьных советах наравне с преподавателями.

Большое внимание обращается на эстетическое развитие учащихся. Наиболее передовые школы широко используют все лучшие педагогические достижения, которые оставила в наследие дореволюционная школа, и приближаются методами преподавания и подходом к учащимся к той идейно признанной и декретированной форме школы, которая охарактеризована выше. Но в общем в школе II-й ступени сохранился книжный характер преподавания; в меньшей степени это можно сказать о школах первой ступени.

Тем не менее, это совсем не та школа, которая была до революции. Не только совсем иная ее структура, но и самый дух школы, ее ближайшие задачи и дальнейшие перспективы. Новые условия открыли широкий простор для творческой работы педагога и дали ему возможность широко использовать весь богатый педагогический опыт прошлого и искать путей будущего.

В свою очередь, для учащихся открывается возможность самодеятельности и участия в жизни школы. Большая эластичность программ и отсутствие застывших форм дает возможность для учащихся свободнее выявлять свои склонности. Широкое право организовывать всякого рода кружки, групповые занятия и т. п. дает простор для самостоятельной работы учащихся по самообразованию, эстетическому и художественному воспитанию и т. д. Одним словом, если теперешняя школа и очень далека от трудовой школы, то она не менее далека и от старой школы. И нужно признать, что все то, к чему стремилась и о чем мечтала старая школа в лице ее лучших представителей, новой школе дано полностью. Дело педагогов и учащихся стремиться к воплощению всего этого в жизнь и строить школу на основе тех принципов, о которых было сказано выше и которые, если откинуть совершенно новую революционную идею трудовой школы, сознавались педагогической мыслью и в дореволюционное время.

Внешние условия школьной работы.

Время реформы школы совпало с всеобщей экономической разрухой и особенно тяжелым положением центра.

Не хватало дров для отопления школьных помещений, не было учебных пособий, ученики страдали от недостатка обуви и теплой одежды; остро чувствовался недостаток продовольствия.

В такой обстановке трудно было работать, а тем более создавать новое. Недостаток топлива вынуждал к постоянным перерывам в занятиях, и иногда на довольно продолжительный срок, или же учащие и учащиеся должны были мерзнуть в нетопленных классах.

По данным последнего обследования, за первую половину 1919/20 гг. перерывы имели место в 160 школах города Москвы. В 60 школах общая их продолжительность достигла двух недель, в 49—одного месяца, в 37—двух мес., в 14—трех мес. и более. Всего за полгода было 196 перерывов по 160 школам. В 3 случаях причиной перерывов был недостаток топлива, в 39 — порча канализации и водопровода. В среднем в каждой из 160 школ потеряно за первую половину учебного года (менее холодную, чем вторая) по 5 недель, т.-е. более месяца. Сколько из учебных дней пропущено за вторую половину года еще не выяснено, но, вероятно, не меньше. С приблизительной вероятностью можно сказать, что каждая школа потеряла около месяца или же что одна треть школ не функционировала 3 самых холодных месяца.

Тяжелое положение центра заставляло как учащихся, так и учащихся города Москвы направлять главную заботу на добывание продуктов питания; поэтому мангировки как преподавательского персонала, так и учащихся были обычным явлением в жизни школы.

Состояние школьных помещений оставляло желать очень многого.

Еще во время империалистской войны до 40% школьных помещений, и притом лучших, было занято под всякого рода военные нужды, главным образом, лазареты. С ликвидацией этой войны далеко не все помещения поступили обратно в распоряжение школ, а условия последующей гражданской войны заставляли вновь стеснить школы отводом многих школьных помещений под лазареты и др. нужды. Это обстоятельство ставило школы в необходимость уплотняться выше меры и организовать занятия в одном помещении двух и более школ в две и даже три смены. В две и три смены, как показало обследование, произведенное еще в 1918 — 1919 учебн. году, занималось 40% школ II-й ступени и 46% I-й ступени. В то же время это обследование показало, что только около 40% школ помещалось в специально построенных для этой цели зданиях, остальные же размещались в зданиях, лишь приспособленных под школы и далеко не отвечающих требованиям школьной гигиены. Но из числа школьных зданий, специально построенных для школ, известный % зданий бывших средних школ также не может быть отнесен к числу удовлетворяющих этим требованиям, так как они были построены еще в то время, когда требования школьной гигиены были совсем иные, чем теперь. В связи не только с требованиями трудовой школы, но и вообще школьной жизни и школьной гигиены, большое значение имеют дворы и сады при школах. Обследование и в этом отношении дало очень печальную картину.

Дворы имеют лишь 80% школ II-й ст. и 75% школ I-й ст., при чем площадь двора обычно такова, что двор удовлетворяет только хозяйственным нуждам шко-

лы, не давая возможности устроить достаточную площадку для игр или упражнений на открытом воздухе. Еще меньший процент школ имеют сады, а именно, около 40% школ II-й ст. и около 30% школ I-й ст. При этом естественно, что наибольшее число школ, имеющих сад, приходится на окраины.

Такие дефекты школьных помещений, как неприспособленность зданий, негигиеничность их, отсутствие дворов и садов при них должно быть всецело отнесено на долю предшествующей эпохи, скудное и несовершенное наследие которой пришлось принять новому строю. Современная разруха усугубила это положение. Неправильное и недостаточное отопление повело за собой порчу системы отопления, водопровода и канализации, а невозможность своевременного и достаточного ремонта привело ряд зданий в полную негодность или же очень ухудшило их санитарное и гигиеническое состояние. Все это вело к дальнейшему сокращению числа эксплоатируемых школьных зданий и ухудшению положения школ. Общая совокупность неблагоприятных условий влечет за собой сокращение числа школ и сокращение числа учащихся.

В 1917—18 учебн. году в Москве насчитывалось 850 школ общеобразовательного характера различного типа. В дальнейшем это число неизменно падает; так, на 1 января 1919 года число школ I-й ступени равняется 531 и школ II-й ступени 164, на 1 же мая 1920 года это число падает уже до 343 школ I-й ступени и 121 школ II-й ступени.

Такое уменьшение числа школ объясняется, как видно из предыдущего, частыми реквизициями школьных зданий, невозможностью произвести требующийся ремонт, отсутствием топлива, соединением школ и т. д., а также уменьшением числа учащихся.

До революции число учащихся во всех школах Москвы повышалось, что объяснялось как естественным ростом населения города, так и наплывом беженцев из занятых неприятелем местностей. В год революции, 1917—18 учебн. году, во всех начальных школах гор. Москвы насчитывалось до 100 тысяч учащихся и в средних учебн. заведениях, включая высшие начальные училища и торговые школы, до 50 тысяч учащихся обоего пола.

В 1918—19 учебн. году число учащихся уже падает в школах I-й ступени до 94.359 человек и в школах II-й ступени до 31.521 человека. Если же принять во внимание, что младшие классы средних школ отошли к школам I-й ступени, то убыль в школах I-й ступени окажется еще более значительной и, наоборот, в школах II-й ступени менее значительной.

Дальше число учащихся продолжает значительно падать. Весной 1919 года число учащихся в школах I-й ступени падает уже до 82.950 человек, а на 1 января 1920 года до 60.800 человек. В школах II-й ступени убыль идет так же быстро. Весной 1919 года числилось в них учащихся 29.780 человек, а на 1 января 1920 года уже только 14.260 человек.

Такое огромное падение числа учащихся стоит в первую очередь в связи с уменьшением численности населения города, при чем сокращалось и число детей школьного возраста. Так, в возрастах от 8 до 14 лет в 1916 г. насчитывалось в Москве 324 тыс. детей, а ныне их не более 204 тыс., на 120 тыс. или 37% меньше. Но такое сокращение числа учащихся отнюдь не сказалось уменьшением наполненности школ. Напротив, все обследования показывают, что московские школы страдают переполнением, неблагоприятно отражающимся на гигиенической обстановке школ: число школ сократилось еще более, чем учащихся.

Соответственно уменьшению числа школ и учащихся падает и число преподавателей, при чем сокращение преподавательских кадров опережает сокращение числа школ, и в преподавательском персонале скоро начинает ощущаться острая нужда.

Качественный состав преподавательского персонала, по данным обследования 1919—20 учебн. года, нужно признать вполне удовлетворительным. Образовательный ценз преподавателей довольно высокий даже в школах I-й ступени, не говоря уже о II-й ступени; так, окончило высшие учебные заведения преподавателей I-й ступени 25%, высшее педагогическое образование получили 1,2%, 6%—среднее специально-педагогическое, 57% получили среднее образование, 4% выдержали экзамен на звание учителя и 7% окончили художественные и музыкальные училища.

Школа II-й ступени еще более богата лицами, получившими высшее образование. Окончивших высшие учебн. заведения насчитывается 62% всех преподавателей школ II-й ступени. В учительском институте обучалось 3%, в учительских семинариях 1/2%, средние школы окончило 18%, 8% получили звание учителя и 8% окончили художественные и музыкальные школы.

Практический стаж также довольно высокий. В школах I-й ступени лиц, занимающихся педагогической деятельностью менее 5 лет, насчитывается 43%, при чем совсем новичков среди них, т.-е. лиц, занимающихся менее 1-го года, всего 4%. Остальные 57% работают на педагогическом поприще 5 и более лет.

Преподаватели школ II-й ступени и в этом отношении стоят выше преподавателей школ I-й ступени. Среди них занимающихся педагогической работой свыше 5-ти лет насчитывается уже 74% и только 26% работают в этой области менее 5 лет. Такой состав преподавательского персонала в московских школах следует признать вполне солидным, в особенности при современных условиях, когда квалификация работников во всех областях значительно понизилась. Это обстоятельство является чуть ли не единственно благоприятным условием для работы московской школы.

Разруха школы.

На долю чего же нужно отнести ту разруху школы, которая стала таким общим местом, и есть ли в действительности эта разруха, как органический порок теперешней школы, грозящий погубить школу?

Наблюдения над жизнью школы за истекшее трехлетие показывают, что паралич школы, обусловленный отношением к школе со стороны преподавательского персонала и учащихся, т.-е. наиболее опасный для жизни школы, наблюдался для школы начальной в первые месяцы 1918 г., когда учительство этих школ было втянуто в политическую забастовку, и для школы средней осенью 1918 г. Кризис средней школы обнаружился

и отчасти был вызван, когда средние школы были подвергнуты коренной реорганизации и расчленению их на I и II ступени и одновременно было проведено в них совместное обучение мальчиков и девочек, а также некоторые менее существенные реформы.

Это была реакция школы, до этого момента сохранявшей неприкосновенной свою прежнюю организацию и прежний дух. Но этот кризис школы II-й ступени уже был не столь длителен и тяжел, как кризис начальной школы. Скорее он выражался только известной апатией преподавательского персонала и учащихся к школьному делу, — то, что тогда называлось «школа не хочет учиться».

Школа начальная быстро оправляется и уже летом 1918 года работает полным ходом, как летняя школа. Вновь образованные из средних учебных заведений школы также не долго остаются в состоянии некоторого застоя и выходят из него в том же 1918—19 учебн. году.

Летом 1919 г. они уже энергично принимают участие в организации летней школы. Осенью же 1919 года все школы как I-й, так и II-й ступени представляли собою картину громадного оживления. Все школы были переполнены учащимися, педагогический персонал был проникнут горячим желанием приступить к зимней работе в школе, и занятия начались и продолжались очень дружно.

Этому порыву положили конец те невероятно тяжелые условия, которые создались в школах из-за отсутствия топлива.

Получилась картина положения школы, которая нарисована выше. Но это отнюдь нельзя назвать разрухой школы, как таковой. Наступление тепла вносит вновь оживление в школу, а летом школа выполняет вновь огромную работу по эвакуации детей за город, при чем в летних школах оказывается уже свыше 40% всех учащихся школ Москвы.

Следовательно, нужно признать, что школа стояла в общем на правильном пути, и не какой-либо органический внутренний порок школы создавал периоды застоя и разрухи, а причиной тому были внешние условия, убивавшие жизненную энергию школы.

Профессионально-техническое образование.

После издания декрета о единой школе и уничтожения вместе с тем профессионального образования до 17-летнего возраста были ликвидированы в 1918 г. и те ремесленные и профессиональные дореволюционного времени школы, которые давали такое образование. Однако, было ясно, что без профессионального образования обойтись нельзя, ибо нельзя получить без него ни квалифицированных рабочих, ни техников и других организаторов производства. Поэтому необходимо было на место старого разрушенного аппарата производства технически-квалифицированной рабочей силы построить новый, который отвечал бы и новому строю народного образования. Практика старого режима в этом направлении не могла быть использована, так как в ней отсутствовала какая бы то ни было планомерность, которая давала бы возможность связать ее с общей политикой Советской власти в деле народного образования.

Поэтому в течение 1919 г. были созваны две общегородские конференции по профессиональному образованию с участием представителей профессиональных союзов, В. С. Н. Х., специалистов и лиц, сведующих в деле профессионально-технического образования.

Этими конференциями было положено основание схемы профессионально-технического образования, которая затем была детально разработана, с поправками, вносимыми конкретными условиями жизни революционной эпохи, и проведена в жизнь. Так как во время работ конференций основной линией политики Наркомпроса по отношению к профессиональному образованию была та, что она возможна, как правило, лишь за пределами школы II-й ступени, то, естественно, что центром работы, с одной стороны, стало определение типа надступенного профессионально-технического учебного заведения, а с другой — выработка плана профессионального образования для фабрично-заводского пролетариата.

Эти задачи совмещались в принятом за основу типе учебного заведения—Техникуме, который был выработан на основе изучения лучших технических учебных заведений Западной Европы и в то же время исходя из чисто местных условий, в которых находится дело профессионально-технического образования в Москве. Отличительной чертой этого типа учебного заведения является его двоякая цель: с одной стороны, возможно быстрее подготовить высоко-квалифицированных работников, так сказать, командный состав в производственные предприятия Республики, а с другой — поднять уровень профессионально-технического образования широких рабочих масс и дать возможность овладеть им всеми элементами производства, строя это образование на началах последовательной ступенности.

Первая цель достигается в *дневном Техникуме*, куда принимаются достаточно подготовленные для этой цели лица, имеющие общее образование в размере подготовительных отделений или школ II-й ступени. Для возможно быстрой и в то же время глубокой специализации Техникумы устраиваются по сравнительно узким специальностям. Учебная работа в дневном Техникуме поставлена на началах активного вовлечения учащихся в производственный процесс. Учебный год разделяется на три триместра, из которых два посвящаются теоретическому и лабораторному прохождению курса внутри Техникума, а третий отводится на работу учащихся на фабриках, заводах и других предприятиях на положении рабочих по заданиям Техникума. Таким образом, процесс специализации протекает в неразрывной связи с производством, что дает не только теоретически подготовленных, но и более или менее основательно знакомых с практикой производственного процесса — специалистов.

Рядом с дневным Техникумом, т.-е. территориально в том же помещении, организуется *вечерний Техникум для рабочих* и лиц, занятых в производстве.

Содержание вечернего Техникума совершенно такое же, как и дневного, но, учитывая слабую общеобразовательную подготовку, которая требуется от лиц, поступающих в вечерний Техникум (грамотность и элементы арифметики), а также небольшое время, которое может посвящать рабочий своему образованию, — курс

вечернего Техникума растягивается от пяти до шести лет. Однако, весь этот курс рабочий может проходить отдельными порциями, которые дают ему определенный круг знаний и умений. Таким образом, *вечерний Техникум разделяется на четыре ступени*, продолжительностью каждая от одного до полутора лет.

Первая ступень готовит квалифицированного рабочего.

Вторая ступень дает квалификацию мастера.

Третья ступень готовит техника по данной специальности.

И, наконец, *четвертая* должна давать квалификацию инженера-специалиста. Таким образом, поднимаясь со ступени на ступень вечернего Техникума, рабочий может получить высоко квалифицированное профессионально-техническое образование.

При современных условиях при отсутствии правильно налаженного передвижения по городу и при отдаленности большинства Техникумов от рабочих кварталов, необходимо приблизить профессиональное образование к широким рабочим массам.

Вследствие этого Техникумы должны перенести свою работу по профессиональному просвещению рабочих в непосредственную близость к фабрикам и заводам, развертывая там *краткосрочные курсы* по своим специальностям.

В общем эти краткосрочные курсы имеют тип первых ступеней вечернего Техникума, но, однако, при этом необходимо отметить, что поскольку более или менее хорошо оборудованное помещение Техникума дает возможность правильно поставить теоретическое освещение данного производства, постольку помещения, находящиеся на фабриках и заводах, лишенные обыкновенно всякого оборудования, мало содействуют правильной постановке учебной работы.

Декретом от 24 июня 1919 г. было разрешено профессиональное образование для подростков от 14-летнего возраста, которым собственно регламентировалось стихийно возникшее, по почину профессиональных союзов и некоторых заводоуправлений, стремление устраивать для подростков профессиональные школы при фабриках и заводах.

С этого момента получилась легальная возможность для организации профессионального образования подростков, и было приступлено к работе по выработке плана такого образования, исходя из основного положения, что профессиональное образование подростков в конечном счете возможно лишь на базе общего образования. Эта работа привела к созданию *подготовительных отделений при Техникумах*, которые сочетают профессиональное образование с общим.

Учебная работа в подготовительных отделениях неразрывно связана с практикой в различных мастерских. Учащиеся с самого начала работают в основной мастерской по специальности Техникума; кроме этого, они получают знакомство и с другими видами труда: столярным, слесарным, модельным и др. Пройдя, таким образом, курс подготовительных отделений, учащийся, вслед за этим, может непосредственно пойти в производство, заняв там место квалифицированного рабочего

и имея в то же время достаточно широкую подготовку для своего дальнейшего усовершенствования.

Учебный план подготовительных отделений построен очень гибко: он разбит на семестровые концентры, содержание которых, в свою очередь, разбито на циклы, так что подросток, поступающий в подготовительное отделение, всегда найдет свое место, соответствующее своему развитию и подготовке.

Подготовительные отделения при дневных Техникумах рассчитаны на подростков, не занятых в производстве или во всяком случае оттуда взятых.

Состояние русской промышленности в данное время представляется довольно пестрым, отражая на себе напластования ряда техно-экономических стадий развития производства: на ряду с высоко индустриализированными видами труда (как, например, металло-обрабатывающая промышленность, электротехническая, текстильная промышленность, отчасти строительное дело, требующими для своей организации и ведения технически высоко-образованного персонала, имеются и другие производства, которые в настоящее время изживают ремесленно-кустарный период своего развития, но которые в то же время занимают не последнее место в хозяйственной жизни страны. Сюда относится большая область игольно-швейных ремесл, обувное, художественное, слесарно-кузнечное и целый ряд других, в которых, главным образом, присутствуют элементы навыка и художественного развития. Эти производства также требуют квалифицированных рабочих и организаторов, которые ранее вырабатывались в процессе ученичества.

Возможно скорее изжить эту форму образования квалифицированной рабочей силы и дать ремесленно-кустарным производствам хорошо подготовленных и образованных рабочих и инструкторов—является в данный момент задачей органов, ведающих профессиональным образованием. В этом направлении разработан и проведен в жизнь также и план ремесленного образования, который в общих чертах сводится к следующему: основным типом учебного заведения являются *специальные учебные мастерские* по тому или иному виду ремесла, которые, давая общее образование, имеют главной задачей сообщение ремесленных навыков и выработку художественного вкуса там, где это необходимо. При них, так же как и при Техникумах, имеются подготовительные отделения для подростков и вечерние курсы для поднятия общего и профессионального уровня развития рабочих, занятых в данном ремесле.

Что касается промышленно-экономического образования, т.-е. такого, которое готовит служащих в производственные предприятия и государственные учреждения Республики, как-то: бухгалтеров, счетоводов, стенографистов, чертежников, переписчиц и т. д., то оно в общем строится по плану технического образования. В настоящее время Главпрофобром разработан новый план профессионально-технического образования.

Этот план, в отличие от старого, строит профессиональное образование непосредственно над школой I-й ступени, вводя новый тип учебного заведения—*профессионально-техническую школу для подростков.*

Кроме того, меняется тип Техникума, становясь четырехлетним.

Переходя теперь из области схем и планов к их практическому осуществлению, необходимо указать, что в этом направлении приходилось работать в крайне тяжелых условиях. Сначала это было потому, что пришлось отстаивать право на существование профессионально-технического образования вообще, а затем все более и более ухудшающиеся материальные условия жизни делали углубленную культурно-просветительную работу все менее и менее осуществимой. Однако, несмотря на это, с весны 1919 г., когда первоначальная схема в общих чертах была уже выработана, приступлено было к энергичной работе по проведению ее в жизнь. Все средне-технические и ремесленные училища и др. профессионально-технические учебные заведения были преобразованы сообразно этой схеме. Средне-технические училища, наиболее хорошо оборудованные, были преобразованы в Техникумы, всего 15 техникумов, ремесленные и рукодельные школы в специальные учебные мастерские—всего 12. В конце лета, как это упоминалось, к Техникумам стали пристраиваться подготовительные отделения; к специальным учебным мастерским—значительно позже.

К осени 1919 года реформа профессионально-технического образования в Москве была закончена; были выработаны детальные учебные планы; подысканы и набран соответствующий педагогический персонал: произведено в многих учебных заведениях дополнительное оборудование.

Осенью учебная работа в ряде профессионально-технических школ и курсов пошла полным ходом, при чем особенно охотно стали посещаться рабочими вечерние Техникумы. Однако, осенние призывы учащихся на военную службу, все ухудшающееся продовольственное положение в Москве, а затем наступившие холода, при полном лишении профессионально-технических учебных заведений топлива,—все это привело к тому, что к началу 1920 года почти всякая учебная работа в школе замерла.

Кроме того, массовый уход преподавателей на более лучшие в материальном смысле места делал положение в профессионально-технической школе всех ступеней действительно угрожающим. Улучшение положения с лета 1920 г. дает надежду, что все учреждения—Техникумы, учебно-ремесленные мастерские и профессиональные школы предстоящую зиму будут работать полным ходом, для чего в смысле организационном имеются все необходимые предпосылки. К 1 августа 1920 г. в ведении Московского П/отдела Профессионально-Технического образования было уже 42 учреждения, рассчитанных на 8940 учащихся при 650 преподавателях.

При учебных заведениях имелось 9 интернатов, вмещающих в себе до 500 чел. учащихся. В заключение нужно указать, что руководящие органы по профессиональному образованию стали бы мертвым, бюрократическим аппаратом, если бы они вздумали вести работу без тесной кровной связи с рабочими массами, с их производственными объединениями—профсоюзами. Кроме готового организующего и административного аппарата, для правильной постановки дела профессионально-технического образования необходимы также и широчайшая агитация, выясняющая массам необходимость профессионального просвещения, и глубокая

разведывательная работа для подготовки практических осуществлений в этой области. Ясно, что это как раз та область, которую организующие и ведущие за собой рабочие массы, производственные объединения, должны считать центром своей культурно-просветительной работы. Поэтому, кроме Совнархоза, п/отдел профессионального образования самым тесным образом связан с местным советом профсоюзов для координирования общей деятельности по насаждению профессионального просвещения и взаимной информации. Как представители Совнархоза, так и представители местных профсоюзов входят в совет п/отдела. Но, кроме того, отдельные профсоюзы устанавливают связь в практической работе с учреждениями данной специальности.

Внешкольное просвещение.

Внешкольная работа в Советской России не только впервые получила признание государства, но успела за истекшее трехлетие оформиться и определить тот дальнейший путь, который будет служить не только просвещению рабочих и крестьянских масс, но и организации их творчества.

За это время внешкольная работа пережила 3 этапа. Первый этап—до первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Всюду по России организовались внешкольные учреждения; но большею частью абсолютно не хватало сил к постановке работы, не было уменья, неясны были перспективы. Партия была занята государственными задачами, стоявшими в то время далеко от культурного строительства; партийные товарищи считали своим долгом быть на наиболее важных для момента постах, и работа 1917—18 гг., главным образом, была в руках беспартийной интеллигенции. Она принесла с собой свои специфические черты, — отсутствие перспективы, непонимание задач времени, либеральный подход к рабочему и крестьянину и охрана культурной работы от политики. Этой-то аполитичностью, объективностью и нежизненностью и характеризуется первый этап работы во внешкольной области. Под таким уклоном прошел первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию.

Затем начинается другой этап. Внешкольная работа требуется не в условиях мирного строительства, а там, где идет смертельная схватка старого и нового. Просветительная работа в Красной армии целиком перевернула тип внешкольной работы. Работа среди красноармейцев и крестьян и рабочих прифронтовых полос потребовала не «аполитичности», а, наоборот, все в этой работе характеризовалось политикой, все ей служило и все ею освещалось. За эту работу принимаются другие работники—те, кто впервые приступал к культурной работе. Здесь были привлечены почти исключительно коммунисты. Среди них были интеллигенты, были рабочие и крестьяне.

Старой культурнической закваски у этих работников не было,—тем легче им было освободиться от традиций прошлого и пойти по новому пути. Этот период работы не замыкается только в рядах Красной армии. Внешкольная работа начинает реформироваться в тылу и постепенно переходит в руки коммунистов, смотря-

щих на работу, как на организационную задачу просвещения в Советской России.

В то же время эти первые этапы внешкольной работы характеризуются тем, что организуются внешкольные отделы при каждом профсоюзе, в Цекультстрое, Цекультводе, Вохре, Главполитпути, Пуре и т. д. и т. д. На третьем году начинает стягиваться работа воедино, и постепенно ликвидируются отдельные ведомства: все начинает сливаться в один аппарат. Наивысшим моментом роста внешкольной работы следует считать 2-ю Всероссийскую конференцию, которая характеризуется двумя основными чертами: 1) постановлением слить всю работу в один мощный объединенный центр и 2) перенесением центра тяжести с культурнической на политическую работу среди рабочих и крестьян. Состав конференции, состоявшей на $^2/_3$ из коммунистов, показал, что внешкольная работа находится уже в надежных руках.

Эта работа, оформленная на 2 Всероссийской конференции, началась еще год тому назад, при переходе к органам Наркомпроса всей культурной работы кооперативов, затем железно-дорожн. организаций, профсекции. Этим начался третий этап работы, и он характеризуется не только стремлением к этому объединению, не только со стороны органов Наркомпроса, но и профсекции и военных организаций. Стало очевидным, что в разброд, кустарным путем, никто не справится с запросами масс, не может быть выработан единый просветительный план, без которого невозможна работа.

Ликвидация безграмотности.

Позднейшая по времени и наиболее элементарная по содержанию внешкольная работа—ликвидация безграмотности. Работа эта в Москве начата с февраля 1920 г. Основными принципами ее были: 1) привлечение к работе работниц и рабочих в качестве организаторов и учителей; 2) объединение технической и политической грамоты, и 3) организация ликвидационных пунктов в первую очередь среди организованного пролетариата.

В начале кампании были организованы во всех районах краткосрочные курсы. Прослушали 928 чел., 65% из которых были работницы и рабочие.

Затем в течение февраля—мая было организовано по фабрикам, заводам и общежитиям-коммунам 328 школ грамоты. В течение лета в связи с отпусками многие школы временно свертывались, и в августе число их дошло до 217.

Начиная с осенней кампании, работа снова развертывается, и теперь в Москве 587 школ грамоты.

В начале осенней кампании были организованы курсы для ликвидаторов (158 курсантов). Они учились работе на практике. Провели обследование и агитацию в 197 предприятиях.

Силами Моск. Комитета Р. К. П. и Моск. Комиссии по ликвидации неграмотности и курсантами были во всех районах проведены:

1) Конференции для привлеченных к ликвидации представителей комячеек и культячеек фабрик и заводов и учреждений на темы: «Текущий момент и ликвидация неграмотности».

2) Митинг-концерт для неграмотных на тему: «Почему каждый трудящийся должен быть грамотным».

В каждом предприятии из комячеек и культячеек выделен ответственный работник на ликвидацию неграмотности, и районные комиссии созывали делегатские собрания из этих работников, где решались меры привлечения неграмотных, выяснялись трудности вопроса. Сейчас по районам проводятся методические конференции для учителей грамоты.

Издания Московской губернской Комиссии по ликвидации неграмотности:

1) Букварь «Долой неграмотность»—в 2 изд.
2) Газета для обучающихся грамоте—10 номеров.
3) Математическая грамота.
4) Русский язык и литература.
5) Политическая грамота.
6) Декрет о ликвидации безграмотности.
7) Информационно-организационный план работы по Москве.
8) 3 листовки.
9) 1-я серия «Хозяйственная организация» (10 брошюр).

Курсы для взрослых.

Курсы для взрослых стоят в непосредственной связи с работой по ликвидации неграмотности. Большинство ликвидировавших свою неграмотность не хотят ограничиться уменьем читать и писать, а стремятся к дальнейшему образованию.

В 1920 году наблюдается большое стремление к углубленным занятиям среди рабочих и работниц и крестьян. Прошлые годы революции характеризовались тем, что набор учащихся в школу взрослых всегда сопровождался усиленной агитацией, и процент записавшихся и посещавших школы был сравнительно невелик. В 1920 году нечто иное: рабочие и работницы не ждут агитации, а сами разыскивают школы; все имеющиеся пополняются, и требуется открытие новых школ. Но перед внешкольными работниками стоит насущный вопрос—какую школу они должны дать взрослым. В этом отношении имеются различные взгляды. Первый характеризуется желанием дать общеобразовательные знания—эта точка зрения среди внешкольников-педагогов. Второй—требует занятий со взрослыми только в школах, организуемых по плану партийно-советских школ, готовивших партийных или советских работников,—эта точка зрения особенно проводится сейчас политикой Наркомпроса.

Но сюда войдет только небольшой процент трудящихся, а требуют знаний сотни и тысячи рабочих, работниц и крестьян. Все это служило причиной многих исканий в области выработки типа курсов для взрослых, при чем работа свелась к следующим результатам:

1) Школы грамоты и при них же отдельные группы с малограмотными. Они приближены к условиям жизни и труда.

2) Центральные районные курсы, куда принимаются только хорошо грамотные. Эти центральные курсы, 2—3 на район, должны стягивать всех, кто стремится пополнить свое образование и подготовиться к высшему и специальному образованию.

Эти курсы—только переходный этап, дающий курсанту те новые знания, без которых он беспомощен в занятиях специальных (математика, языки, естествознание, физика и т. п.); и в то же время в специальных циклах на этих курсах курсанты знакомятся не с прикладной частью своей профессии, а с теми производственными задачами, которые стоят перед народным хозяйством в целом и его профессией в частности.

Эти курсы должны быть не самоцелью, а только тем резервуаром, из которого будут черпать силы специальные школы, дающие соответствующие потребностям государства знания и создающие знатоков и творцов производства.

Клубы.

Если курсы для взрослых являются только средством дать трудящимся навыки к получению дальнейшего овладевания знаниями и производством, то клубы являются той основной творческой ячейкой, где внешкольная работа может быть развита во всю ширь и где скажется вся творческая мощь пролетариата.

Клубы также пережили целый ряд этапов, и самыми характерными чертами было то, что по существу они приобретают истинное значение клубов только в последнее время. Обследование 1920 года указало, что имеется 151 клуб.

Те явления, которые характеризуют этапы всей внешкольной работы, в первую очередь, сказались на клубах. Стало ясным, что необходимо выработать клубную политику, а не итти по течению навстречу требованиям масс в открытии при каждом учреждении и предприятии клуба; организацию клубов нужно свести к объединению нескольких учреждений и предприятий в одном клубе. Клубы раньше служили разъединению масс, были выразителями мелко-собственнических инстинктов, а теперь они должны стать местом творческого единения больших коллективов.

Самая большая роль в реорганизации клубной работы принадлежит объединенным усилиям Московского Комитета Р. К. П. и клубной секции Моск. Отд. Нар. Образования.

М. К. отказался от чисто партийных клубов, так как они удаляли от беспартийных масс партийных товарищей.

Был выработан план организации участковых клубов, сообразно политическим участкам района. Эти-то участковые клубы и должны положить конец распылению сил.

Система участковых клубов привилась и уже сказываются некоторые результаты работ. Постепенно все мелкие клубы участка сливаются с участковым клубом, а те фабрично-заводские клубы, которые хорошо работают, становятся филиальными отделениями участкового клуба.

Наиболее ценным достижением в работе является объединение всех организаций, работающих в политико-просветительной области.

Начало было положено в объединении партии и внешкольного п/отдела, теперь вступает в работу третья мощная организация—профсоюзы.

Если партия отказалась от партийных клубов, профсоюзы—от профессиональных, клубная секция—от чисто-культурной работы, то это не значит, что в клубах не будет партийной, профессиональной и культурной работы, а это значит, что в одном клубе будут объединяться эти основные начала творческой самодеятельности трудящихся.

Организация участковых клубов не отрицает фабрично-заводских культячеек. Так же, как в партии в комячейках, а в профсоюзах в организовывающихся сейчас при фабриках и заводах ячейках производственной пропаганды,—в культячейках лежит зародыш самодеятельности пролетариата, который свяжет клуб с самыми глубокими слоями пролетариата.

Таким образом, и содержание работ клуба вполне определяется: они являются базисом партийно-профессиональной и научно-просветительной работы и, с одной стороны, местом массового воздействия, а с другой—углубленной творческой работы.

Обследование 1920 г. показало, что число клубов в настоящее время достигает 151. Посещаемость их в общем по всем клубам выражается цифрой 4331 в день (средняя за сентябрь месяц). Число организуемых в них лекций и митингов колеблется около 70 в месяц; около той же цифры колеблется и число устраиваемых в них спектаклей в месяц.

Клубы для подростков.

Секция по работе с подростками рабочими возникла вскоре после Октябрьской революции в начале 1918 г. Обращаясь к дореволюционному прошлому в подыскании какого-либо материала по этому вопросу, пришлось констатировать факт полного отсутствия систематической планомерной работы в этой области, если не считать слабых и эпизодических зачатков в виде бесед и рассказываний, устраиваемых в некоторых библиотеках Москвы. Таким образом, идея организации рабочих подростков развивается и крепнет под лозунгами Октябрьской революции и вместе с нею переживает ряд исторических фазисов развития. В начале 1918 года в некоторых районах Москвы при крупных заводах и профсоюзах начинается организация подростков, сначала при культурно-просветительных ячейках взрослых, а потом и в самостоятельных помещениях (первые организации подростков возникли при Прохоровской м-ре, фабрике «Богатырь», профсоюзах кожевников и организации «Юков»). К этому моменту подростки требуют музыки, пения, разумных развлечений и главное—уютного и теплого места для отдыха от тяжелой работы. В этот период для подростков организуются клубы, где ведутся эпизодические и свободные занятия в области эстетического воспитания подростков. Период этот продолжается до октября 1918 г. и может быть характеризован, как период организации досуга. В конце 1918 года начинается перелом в направлении работы с подростками. Образуются совершенно новые типы общественно-просветительных учреждений для подростков, так называемые школы-клубы. В школах-клубах вводятся на основах клубного метода систематические цикловые занятия по целому ряду научных и профессиональных дисциплин. К этому времени Москва быстро покрывается сетью школ-клубов. К концу 1918 г. и к началу 1919 г. насчитывается 62 школы-клубов, которые объединяют от 5½ до 6 тысяч

подростков. Весь этот период проходит под лозунгом: «рабочие-подростки, организуйтесь в школы-клубы» и характеризуется организацией коллектива подростков на принципах широкой самодеятельности и социалистического воспитания молодежи. Весь 1919 год и начало 1920 года проходит в укреплении и углублении принципов и форм, выдвинутых в 1918 году. Параллельно с организацией коллектива подростков происходит организация коллектива руководителей школ-клубов, а также обращается большое внимание на вовлечение в работу с подростками всех учреждений и организаций, тесно связанных с жизнью подростков (завкомы, профсоюзы, отделы Инспекции Труда, Союз Молодежи, и проч.). В течение этого периода устраивается ряд докладов, бесед, митингов, семинариев, курсов и конференций по методологическим, педагогическим и общественно-организационным вопросам. В 1919—20 годах возникает вопрос о создании новых типов учреждений для рабочих подростков, которые бы давали возможность проведения принципов коммунистического воспитания. Это—колонии и общежития-коммуны. Колонии раскидывались в Полтавской и Московской губерниях, и в течение двух летних периодов было вывезено туда до семи тысяч подростков. В связи с колониальной политикой необходимо отметить важный исторический факт в законодательстве о рабочих подростках. Это—декрет о месячном отпуске для подростков. В первой половине 1920 года создается институт практикантов из подростков-клубистов, для которых были организованы курсы по подготовке руководителей к летней работе.

В настоящее время, в связи с экономическим и политическим положением страны, стал на очередь ряд вопросов по дальнейшей работе с молодежью. В связи с необходимостью создания квалифицированных рабочих в различных областях производств и подготовки общественных работников в области советского строительства, возникает организация нового плана политико-просветительной работы среди молодежи. На языке самой молодежи эти задачи отмечаются требованием определенных знаний, которые могли бы применяться на практике жизни. Пережив колебательный период в области создания единой формы политико-просветительной работы с молодежью, в настоящее время пришли к определенному выводу: школы-клубы должны иметь определенный 4-годичный курс с единой обязательной программой и планом работы. 2 года общеобразовательных занятий с подростками и 2 года специальных, готовящих подростков в различные техникумы, профессиональные школы и т. д. Очередной задачей является выработка программы для скорейшего проведения в жизнь этого плана.

Рост числа школ-клубов для подростков.

	Число клубов.	Подростков.
1918 г.	31	310
1919 г.	63	6120
1920 г.	64	7750

Библиотеки.

Октябрьская революция 1917 г. застала библиотечное дело в Москве в период остановки в его развитии:

вследствие войны почти прекратились новые издания книг, значительно сократился доступ книг из-за границы, увеличились затруднения и цензурные стеснения при открытии новых библиотек. Все эти неблагоприятные условия привели к тому, что число общедоступных городских библиотек за период войны оставалось неизменным, и все рабочее население и широкие демократические круги Москвы, с ее более чем 2-миллионным населением, обслуживались 6-ю городскими общедоступными библиотеками-читальнями. Правда, были еще библиотеки Общества Народной Трезвости, но всем нам известно, какой там был подбор книг и каким каталогом там приходилось руководиться. Они, конечно, очень слабо отвечали нуждам читателя. Затем были частные, платные библиотеки (более 50), носившие чисто коммерческий характер, с большим или меньшим запасом книг случайного подбора, обслуживавшие московского обывателя и московскую интеллигенцию. Первые месяцы после Октябрьской революции городские библиотеки, как и другие городские учреждения, не функционировали, частные библиотеки то открывались, то закрывались. Только в марте 1918 г. начала налаживаться работа в городских учреждениях и открылись библиотеки. Лето и осень 1918 года уже властно выдвинули новые требования библиотекам: необходимо было организовать работу на новых основаниях. Появился новый читатель с новыми запросами, нужны были и новые подборы книг в библиотеках, и новые приемы работы, новый состав работников. В первую очередь необходимо было увеличить число общедоступных бесплатных библиотек и для этого использовать запасы книг, находившихся в частных библиотеках. В первой половине 1919 года была произведена огромная работа по муниципализации частных библиотек г. Москвы. Было принято в ведение библиотечной секции 45 частных библиотек с книжным запасом около 500 тысяч томов. Так как штат служащих в этих библиотеках был совершенно незнаком с требованиями современной библиотечной техники, то для них были организованы краткие технические курсы. Мелкие библиотеки, не представляющие практически ценности, были закрыты; книжные запасы их были употреблены на организацию новых библиотек на окраинах или обращены в фонд для передвижек, а крупные были сделаны бесплатными и общедоступными, и туда привлечены в качестве заведующих опытные библиотекари. Постепенно в библиотеки эти вводилась современная библиотечная техника, десятичная классификация, расстановка книг по кеттеру.

На выполнение этой сложной работы пришлось затратить несколько месяцев. В тот же период была исполнена большая работа по разбору книг реквизированных библиотек у частных лиц, по организации склада и закупочного бюро, откуда библиотеки снабжались книгами, и по образованию книжного фонда для передвижных библиотек. Последний тип библиотеки наиболее отвечал потребностям времени, давая возможность обслуживать книгами широкие рабочие слои, нести книгу к читателю, а не ждать, когда он придет за ней. Летом 1918 года был образован особый книжный фонд для передвижных библиотек и особая коллегия работников-библиотекарей передвижников. В

течение года работа передвижных библиотек быстро развивалась: к 1 июля 1919 г. существовало уже 64 пункта выдач на фабриках, заводах и мастерских; число библиотекарей-передвижников достигало 80, и для книжного фонда было приготовлено около 40 тысяч томов.

В первой же половине 1919 года были организованы следующие новые библиотеки: Центральная Публичная (около 80.000 томов), Центральная библиотека-читальня для детей и подростков и перестроены на новых основаниях четыре Центральных национальных библиотеки (латышская, еврейская, мусульманская и польская).

К июлю 1919 г. нужно считать законченным подготовительный период работы (муниципализация библиотек, налаженне работы передвижных библиотек, привлечение к работе новых библиотекарей и т. д.) и была начата органическая работа. Зима 1919 и 20 годов отразилась неблагоприятно на дальнейшем развитии этой работы; тяжелое положение с топливом вынудило сократить число часов работы в библиотеках; читальни пришлось закрыть; начавшуюся было культурно-просветительную работу (рассказывания, беседы, лекции, выставки книг) прекратить. За зиму значительно сократился штат библиотекарей, так как условия работы были крайне тяжелы. Но к весне удалось привлечь новых работников, и работа в библиотеках опять ожила. Весной было произведено статистическое обследование всех библиотек Москвы: материал этого обследования был разработан в виде диаграмм и общей сводки.

К настоящему времени в Москве насчитывается 68 самостоятельных библиотек, 41 библиотека при клубах, 9 при народных домах, всего 131 библиотека. Кроме того, существует до 100 пунктов при фабриках, заводах и других учреждениях, где работают передвижные библиотеки. Число этих последних не является постоянным, так же как и пунктов выдач; иногда оно увеличивается, временами же сокращается при неблагоприятных условиях работы, напр., зимой.

Все библиотеки Москвы располагают огромным книжным фондом, около миллиона томов. Число абонентов их (не считая передвижек) в среднем приблизительно около 1500 на библиотеку; колебания приблизительно от 500 в меньших и хуже работающих до 3 тыс. в больших библиотеках. Число выдач в них в большинстве колеблется от 100 до 150 в день в круглых цифрах, падая еще ниже в худших и повышаясь в лучше работающих библиотеках.

Особо следует упомянуть о библиотеке Социалистической Академии, которая насчитывает в настоящее время около 250.000 томов. Она ставит своею целью собрать исчерпывающий подбор книг и материалов по тем областям обществоведения, разработка которых составляет предмет исследований Академии (социализм, социология, политическая экономия, социальная история, история революционных движений, положение рабочего класса) и основные работы по вспомогательным дисциплинам.

Важным нововведением является организация кабинетов для занятий по отдельным вопросам. Кабинеты открыты с 10 ч. утра до 10 ч. вечера.

Народные дома.

Организация Народных Домов в Москве создалась в своей основе из Народных Домов бывшего попечительства о Народной Трезвости. Очаги казенной филантропии и полицейского социализма—зубатовщины, попечительские дома достаточно скомпрометировали в глазах рабочих масс идею Дома Народа. Февральская революция не внесла существенных изменений в жизнь попечительских домов. Правда, прекратилась черносотенная пропаганда, управление домами перешло к комитету служащих. Тем не менее, нового содержания в жизнь народных домов не было внесено. Остались столовые; библиотеки, составленные из дозволенных самодержавием книг, оставались самыми отсталыми в Москве; вся просветительная работа сводилась к рутинным оперным постановкам.

Наследство, которое досталось от Попечительства и Организации служащих, состояло из девяти Народных Домов. Несмотря на то, что во всех Народных Домах с утра до вечера толпилась масса посетителей столовых, никакой связи с населением района у Народных Домов не было. Необходимо было приступить к практической постановке культурной работы. Особенное сочувствие среди населения встретила организация детских садов и клубов.

Таким образом, детские сады были открыты в пяти Народных Домах. Связанные организационно-хозяйственно с общей жизнью Народного Дома, детские сады входят в общую дошкольную сеть каждого района и инструктируются педагогически дошкольными органами.

Одновременно с детскими садами стали возникать и детские клубы. Особенно усилился рост детских клубов, когда в Народных Домах стало организовываться массовое детское питание. На ряду с культурным обслуживанием детских масс разными праздничными художественными утренниками, детские клубы вели углубленную работу с детьми. В настоящее время такие клубы существуют в семи Народных Домах. Все клубы имеют выборные органы и на ряду с общеобразовательной работой ставят своей задачей развить в детях общественность и коллективизм. В клубах устраиваются общественные беседы и ведется преподавание политической грамоты; издаются свои журналы. Детские клубы связаны с детскими отделами библиотек Народных Домов, возникшими с 1918 года. Весьма часто основное ядро клуба образовывалось из читателей библиотек.

Систематическая культурно-просветительная работа со взрослыми вылилась в различные формы. Прежде всего—популярные лекции, привлекшие значительное количество посетителей. Наиболее благоприятными для широкой массовой работы являлись Грузинский и Новослободский Народные Дома, имеющие аудитории вместимостью до 1500 человек. Эти дома служат районными пунктами массовых политических митингов.

В дальнейшем приступлено было к организации систематических курсов (от 5 до 10 лекций), которые привлекли постоянную аудиторию. Первый опыт таких курсов был применен в Доме Народа К. Либкнехта. Систематические курсы получили название Рабочего Университета. Успех курсов был связан со специальными художественными иллюстрациями. Артисты по

определенным заданиям разучивали специальную литературную и музыкальную программу, отдельные инсценировки и постановки. Для иллюстрации лекций по естествознанию и научным вопросам были использованы внешкольный музей, книжные выставки, библиотеки. В настоящее время курсы организованы в следующих Народных Домах: К. Либкнехта, Каляева, Ленина, П. Алексеева, Чернышевского, Достоевского, Белинского. Постоянная аудитория Рабочего Университета вызвала к жизни советы и комиссии слушателей, которые связали жизнь Рабочего Университета с жизнью Народного Дома. Рабочий Университет непосредственно примыкает к работе клубов для взрослых, которые содействуют созданию постоянной аудитории; при клубах имеются кружки драматические и музыкальные. В целом ряде Домов спектакли и концерты-митинги обслуживаются силами кружков.

Театральная работа Народных Домов ведется постоянно в Домах Народа имени П. Алексеева и Каляева. В других Народных Домах ставятся периодически отдельные спектакли и инсценировки.

Массовая работа Народных Домов, исключая текущую ежедневную работу отдельных учреждений, как детских садов, клубов, клубов подростков, кружков и библиотек, за 1919 и первую половину 20 года, выражается в следующих цифрах: митингов за это время по всем Народным Домам было проведено 241, партийных собраний —52, собраний профессиональных союзов—80, лекций—324, спектаклей для взрослых—663, детских спектаклей и утр. — 150, кинематографических сеансов для взрослых—85, детских—41.

Не имея возможности дать общую сводку по Москве устраиваемых различными организациями и учреждениями лекций, докладов, митингов, тем не менее можно составить себе некоторое представление о колоссальном размахе этой работы по данным отдельных организаций. Так, к тому, что сказано о лекциях и митингах в народных домах и клубах можно указать, что одним только союзом кожевников за год было устроено свыше 400 лекций, партийными организациями за один лишь сентябрь месяц 1920 г. было организовано 209 собраний и митингов с общим числом присутствовавших 168 тыс. человек.

Таким образом, число всякого рода докладов, лекций, митингов по Москве нужно считать тысячами, а число присутствующих на них многими сотнями тысяч (за год). Особенно поразительны эти цифры, если их сравнить с первыми годами революции. По данным Моск. Статист. Отд., в 1917 г. было всего около 100 митингов, а в 1918 г.—388, число лекций за 1917 г.—253. Увеличение колоссальное, широта захвата масс совершенно исключительная, едва ли где и когда-либо имевшая место и едва ли где возможная и даже мыслимая, кроме Советского государства.

Подводя итоги всему вышесказанному, необходимо отметить огромный идейный сдвиг во всех отраслях просветительной работы как школьной, так и внешкольной за истекшее трехлетие.

Правда, в большинстве случаев замечается значительная разруха во внешней обстановке работы, которая стоит в тесной причинной зависимости с общим обнищанием страны; но широта постановки вопросов просвещения служит залогом того, что малейшее улучшение объективных условий работы сразу же даст такой колоссальный эффект расцвета в этой области, какого не видала история и даже не могла с достаточной ясностью предсказывать.

В области воспитания роль семьи отодвигается все более на второй план. В дальнейшем же система общественного воспитания стремится свести к минимуму, или даже совершенно парализовать влияние семьи. Уже сейчас детские сады удлиняют свою работу возможно дальше; в свою очередь, возникает организация длительных школ и, наконец, как завершение этой системы, детские дома, сеть которых быстро растет, уже целиком охватывая жизнь ребенка.

Узкий круг семьи раздвигается, и ребенок живет в сложной разнообразной общественной детской среде. Семью заменяет общественный коллектив, требующий для своей нормальной жизни активной творческой личности, умеющей организовывать свою общественную и личную жизнь.

Таким образом, создается школа организации жизни на новых коммунистических началах взамен индивидуалистических, питаемых семьей.

Идея трудового воспитания коренным образом меняет методы воспитания и образования и, в свою очередь, перестраивает весь уклад школьной жизни.

Ослабляя влияние семьи, новая система воспитания стремится в то же время втянуть в интересы воспитания широкие массы трудящихся.

В области внешкольной в конечном счете сливается культ.-просветительная и политич. работа, направляясь по единому руслу политико-просветительной работы.

Таким образом, чрезвычайно расширяется сфера влияния партийной пропаганды и агитации, культурно-просветительная же работа получает совершенно ясную и определенную руководящую линию, выигрывая неизмеримо в смысле интенсивности и ударности своего влияния.

В то же время вся политико-просветительная работа объединяется в одной тесно сплоченной организации, охватывающей все ее стороны и все организационные ответвления.

Намечающаяся же возможность перехода к мирному строительству жизни дает надежду, что не так уже далеко время, когда новые формы просвещения действительно дадут знания и внесут культуру и одухотворят идеей коммунизма широкие массы рабоче-крестьянской России.

Высшая школа в Москве.

Ставя своей задачей доступность всех видов образования самым широким массам трудового населения, Советская власть одновременно с реформой начального и среднего образования производит реформу и высшей школы.

Рассматриваемое трехлетие (1917—20 годы) является одним из самых значительных и интересных периодов в жизни высших учебных заведений г. Москвы. Бесплатность обучения, установление свободного доступа в стены высшей школы всем лицам, достигшим 16-летнего возраста, и ярко выраженный принцип демократизации и популяризации всех видов высшего

образования,—все эти факторы не могли не видоизменить самым значительным образом всего облика высшей школы. «Высшая школа из узко-классовой должна стать народной, высшее знание должно быть не уделом немногих избранников, а неотъемлемым правом каждого сознательного гражданина»—вот принципы из которых исходит Советская власть и во имя которых она производила реформу. Учитывая факт поразительной малочисленности лиц, получавших до сих пор высшее образование, Советская власть начинает с интенсивного строительства в области созидания новых высших учебных заведений, как обще-образовательных, так и специальных. Факт этот тем более заслуживает быть отмеченным, что переживаемое нами время напряженной борьбы на фронте и усиленной работы по налаживанию экономического благосостояния нашей страны создает малоблагоприятные условия для мирного строительства в области просвещения. Несмотря на эти исключительно тяжелые условия времени мы можем, за трехлетие Советской власти, констатировать чрезвычайно интенсивный рост числа высш. учебн. заведений.

На 1 января 1917 года Москва насчитывала лишь 17 высш. уч. завед. Обследование культурно-просветительных учреждений, произведенное Стат. Отд. Моск. Совета в апреле—мае 1919 года, уже дает нам 24 высших учебн. заведения. 1919--20 учебные года ознаменовались открытием еще новых учебных заведений высшего типа.

Чрезвычайно характерным для переживаемого момента, в связи с тенденцией привлечения к знанию широких трудовых масс, является открытие Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова и преобразование Пречистенских курсов для рабочих в высшее учебное заведение.

Интенсивно идет рост числа технических учебных заведений, имеющих своей задачей подготовку инженеров и специалистов-техников. Необходимо отметить открытие Высшей Медицинской Школы и Ветеринарного института, долженствующих пополнить столь остро ощущаемый нами недостаток в врачах и ветеринарах.

В 1919 году возникает Академия Генерального Штаба, ставящая своей задачей подготовку специалистов военного дела. Основанный в 1919 г. «Финансово-Экономический Институт» должен был пополнять недостающие кадры русских экономистов и финансистов.

Распределение высших учебных заведений Москвы по специальному характеру и рост отдельных категорий высших учебных заведений можно проследить из следующей таблицы:

Категории высш. учебн. завед.	Число их на 1 янв. 1917 г.	На 1 янв. 1919 г.	На 1 янв. 1920 г.
1. Университеты	4	4	5
2. Историко-филологические и Юридические институты	3	3	2
3. Медиц. и ветеринар.	—	—	2
4. Технические	2	5	5
5. Сельско-хозяйственн. и межевые.	3	3	3
6. Экономические	1	1	1
7. Педагогические	1	2	1
8. Художественные	—	1	1
9. Музыкальные	2	2	2
10. Военные	1	2	2
11. Прочие	—	2	1
Итого	17	25	25

В связи с открытием целого ряда новых высших учебных заведений, а также отменой ученых степеней, с которыми в дореволюционное время было связано право преподавания в высшей школе, можно констатировать некоторое увеличение преподавательского состава высш. учебн. завед. г. Москвы. Так, группа университетов (1-й, 2-й и 3-й Госуд. университеты и Высш. Курсы имени Полторацкой) насчитывает в 1917—18 гг. 1273 преподавателя. В 1918—19 учебн. г. число это повышается до 1409, в 1919—20 гг. падает до 1281. Неуклонно идет рост и числа преподавателей сельско-хозяйств. и межевых высш. учебн. завед. (С.-Х. Академия, Голицынские курсы, Межевой институт). Так, 1917—18 учебный год дает нам 212 преподавателей, 1918—19 г.—220 препод., 1919—20 г.—234.

Открытие новых политехникумов сразу значительно повышает число лиц, привлеченных к преподаванию в высших технич. уч. завед. 1918—19 учебн. год дает нам 366 преподавателей, 1919—20 г.—442. Число преподавателей по другим группам учебн. заведений остается без значительных изменений.

Всего в 1918—19 учебн. году Москва насчитывает 2539 преподавателей высшей школы, в 1919—20 г.—2781.

Интересно выяснить, какие категории высших учебных заведений наиболее обеспечены преподавательскими силами. 1918—19 учебн. год дает нам следующее распределение преподавателей. Группе университетов принадлежит 55,5% всех преподавателей г. Москвы, 14,4% принадлежит группе политехникумов, 8,7% — высшим учебным заведениям сельско-хозяйственным и межевым, коммерческ. и экономическим—5,4%, педагогическим — 5,7%, около 5%—музыкальным. Меньше всего преподавателей насчитывается в военных учебных заведениях в Археологическом институте и Институте Восточных языков.

За последние годы можно с уверенностью констатировать также факт большего участия женщины в преподавании в высшей школе. Так, в 1917—18 учебном году число преподавательниц-женщин по группе университетов равнялось лишь 182, в 1918—19 году—уже 223, а в 1919—20 г.—389; прежде женщин было 3%, теперь—14%, втрое больше.

В преподавании в высшей школе женщина чаще всего принимает участие как ассистентка или лаборантка. Этим объясняется сравнительно большее число преподавательниц по группам факультетов естественно-исторических и медицинских. Значительно меньшее число преподавательниц насчитывает историко-филологический факультет. Факультеты юридические (общественных наук) не насчитывают ни одной преподавательницы.

Следующая табличка дает нам число преподавательниц по отдельным группам факультетов:

Учебные годы.	Категории факультетов.			
	Историко-филологические.	Юридические.	Физико-матем.	Медицинск.
1916—17	11	—	31	94
1917—18	13	—	35	126
1918—19	17	—	49	151

Как преподавательница, женщина начинает понемногу завоевывать себе доступ и в специальные высшие учебн. заведения. Так, 1918—19 учебный год дает нам 16 преподавательниц высших технич. учебных заведений; впервые появляются 2 преподавательницы в военных учебн. заведениях, группы высших учебн. заведений коммерческих (экономических) и сельско-хозяйственных насчитывают по 10 преподающих в них женщин.

Чрезвычайно интересно проследить, какой процент, в пределах каждой отдельной категории высших учебных заведений, составляют преподавательницы к преподавателям-мужчинам. Сравнительно бо́льший доступ завоевала себе женщина в высшие учебн. заведения музыкальные. Так, 36 преподающих там женщин составляют 40,4% преподающих там мужчин. Это процентное отношение понижается до 18,8 для университетов, до 7,9 для коммерческих высш. учебн. заведений, до 4,8 для сельско-хозяйственных и до 4,6 для технических.

Чрезвычайный интерес представляют данные о числе поданных за эти три года прошений. Это число является верным показателем существующей или только назревающей потребности в том или ином специальном виде высшего образования. Ниже приведенная таблица свидетельствует о все возрастающем стремлении к высшему образованию:

Категории высш. уч. завед.	Число поданных прошений. 1917/18	1918/19
I. Университеты	10.900	21.028
II. Коммерч.-экономич. . .	7.588	10.101
III. Сельск.-хоз. меж. . . .	3.690	5.763
IV. Технические	2.765	7.471
V. Военные	свед. нет.	850
VI. Педагогические	свед. нет.	241

Мы видим, что число поданных прошений возросло по всем категориям высшей школы. Особенно интенсивно число поданных прошений возросло по группам учебн. завед. университетским и техническим. Открытие новых высших учебных заведений общеобразовательных и специальных как нельзя более отвечает насущной потребности момента.

Как же отразилась реформа, произведенная Советской властью на числе отказов в приеме в высшую школу, иными словами, как обстоит ныне дело с доступностью высшего образования? У всех на памяти те затруднительные условия, которыми при старом режиме обусловливалось право поступления в высшую школу. Экзамены, конкурс аттестатов и, наконец, процентная норма для евреев,—все это до минимума понижало число счастливцев, которым судьба дарила право получить высшее образование. 1917 год, непосредственно предшествующий реформе, еще дает нам 8371 отказ. Открытие целого ряда новых высших учебн. завед. и установление свободного доступа в университет—понижают число отказов 1918 года до 3800. Этот факт тем более нуждается быть отмеченным, что, как мы видели, за этот год чрезвычайно повышается число поданных прошений.

Максимум всех отказов 1918 года падает на технические учебн. заведения, что объясняется усиленным наплывом лиц, желающих получить техническое образование. В поступлении в политехникум было отказано

2541 лицам, что составляет 67% всех отказов 1918 года и 34% всего числа поданных в технические учебные заведения прошений.

Число и распределение отказов по отдельным категориям высш. учебн. заведений.

	1917/18 г.	1918/19 г.
Университеты	2512	660
Коммерческие	2012	—
Сельск.-хоз. и меж.	2808	9
Технические	979	2541
Военные	—	527
Педагогические	—	453

Как мы видели, по пути к доступности высшего образования сделан большой шаг вперед.

В 1919—20 гг. отказы сведены почти на-нет.

Открытие новых высших учебных заведений и демократизация высшей школы—вот факторы, объясняющие громадное увеличение числа учащихся в высшей школе. Так, 1917—18 учебный год дает нам всего около 38.440 учащихся в высшей школе. 1918—19 учебн. год—уже 69.645; в 1919—20 г. число это понизилось до 47.604. По отдельным категориям высших учебных заведений рост числа слушателей виден из следующей таблицы:

	1917/18 г.	1918/19 г.	1919/20 г.
Университеты	21.970	36.004	32.333
Технические	3.097	8.566	6.997
Сельско-хозяйствен. .	3.707	8.033	2.610
Экономические	6.189	14.372	1.355
Музыкальные	1.000	1.029	1.081
Художественные . . .	—	—	1.078
Археол. инст. и Инст. Восточн. языков . .	518	691	89
Педагогические . . .	—	568	775
Военные	—	313	963

Мы можем констатировать чрезвычайно интенсивный рост числа лиц, получающих высшее техническое, сельско-хозяйственное и агрономическое образование.

По отдельным группам высших учебных заведений слушатели распределяются следующим образом: в 1918—19 гг. в университетах учится 51,7% всех слушателей, в Инстит. Нар. Хозяйств.—20,6%, в техническ.—12,3%, в сельско-хозяйствен.—11,5%, в музыкальн.—1,5%. Меньше чем по проценту слушателей насчитывают Археолог. институт., и высш. уч. завед. педагогические и военные.

Процентное отношение учащихся женщин к мужчинам по отд. категориям высшей школы равняется 168,7 для высш. уч. завед. музыкальных, 114,7 для университетов, 36 для педагогических и коммерческих и 21 для сельско-хозяйственных. Накануне войны женщин в высшей школе было 9780 или 30,7%, а в последнем академическом году женщины составляли уже большинство—29.480 или 62%.

Число студентов с 1913—14 гг., когда оно равнялось 22.019, упало в 1919—20 гг. до 18.124, т.-е. сократилось на 3895 или 17,6%, наоборот, число студенток утроилось.

Итак, за пережитое нами трехлетие мы сможем констатировать интенсивный рост числа учебных заведений, значительное увеличение доступности высшего образования и как следствие этого—усиленный рост числа лиц, получающих высшее образование.

Состав учащихся в высшей школе, раньше почти сплошь состоявший из представителей буржуазии и

интеллигенции, обогатился представителями других общественных классов. Открытие рабочих факультетов дало возможность рабочим, не прошедшим правильного курса средней школы, подготовиться и к прохождению курса высшей. Нельзя не подчеркнуть в высшей степени положительного факта увеличения числа лиц, получающих специально-техническое, агрономическое и медицинское образование. Все это в высшей степени отрадные явления. Но нельзя не указать на те трудные условия, при которых проходила реформа, на исключительную обстановку, при которой начала свою новую жизнь высшая школа. Тяжелая экономическая разруха, переживаемая нами, не могла не затормозить во многом начинания Советской власти. Материальная необеспеченность учащихся отвлекала их от занятий, заставляя искать заработка, поступать на службу, что не могло не отражаться на правильном прохождения ими курса занятий. Но не только условия военной обстановки играют роль в переживаемом нами переломе жизни высшей школы. Нельзя закрывать глаза на то, что проведение реформы высшей школы не смогло для нее пройти безболезненно и по целому ряду других условий. В виду того, что поступление в высш. учебн. заведения не обусловливалось, как раньше, обязательным окончанием средней школы, свободный доступ в университеты не мог не привлечь значительного числа лиц, не получивших достаточной подготовки для прохождения курса высшей школы. Нельзя не прийти к предположению некоторого понижения общего уровня учебной работы высших учебн. заведений. Так, сопоставление числа учащихся с числом удовлетворенных прошений за 1918—19 учебн. год указывает на значительный перевес лиц, пребывающих в стенах высшей школы лишь 1-й год, над лицами, продолжающими или заканчивающими свое образование.

	Число учащихся в 18/19 г.	Число удовлетв. прошен. в 18/19 г.
Университеты	36.004	20.388
Сельско-хозяйственные	8.033	5.754
Экономические	14.372	10.101
Технические	8.566	4.930

Тяжелое экономическое положение центра создавало сугубые трудности для заканчивания начатого образования. Всем этим легко объяснить поистине поразительное падение числа лиц, оканчивающих курс высшей школы.

	Число окончивших.	
	$19^{17}/_{18}$ г.	$19^{18}/_{19}$ г.
Университеты	1.668	178
Технические	185	34
Коммерческие	354	97
Сельско-хозяйственные . .	172	6

Числа эти тем более показательны, что выяснение числа окончивших курс является одним из кардинальных вопросов статистики народного образования. В то время, как число учащихся рисует только количественную, формальную сторону, число окончивших пролинвает некоторый свет и на качественную сторону дела.

Такое катастрофическое падение числа окончивших курс высшей школы чревато весьма опасными последствиями, на которые нельзя не обратить серьезного внимания.

Неизбежным выводом отсюда является необходимость как материального обеспечения учащихся, которое бы дало им возможность сосредоточиться на прохождении курса, так и установления контроля над продуктивностью их занятий. Навстречу этому идет Советская власть, вводя социальное обеспечение учащихся. Одновременно для учащихся в технической школе вводится трудовая учебная повинность.

Приводимые таблицы подробно иллюстрируют рост высшей школы в Москве.

Высшие учебные заведения г. Москвы.

Таблица I. Перечень высших учебных заведений в 1919/20 учебн. году.

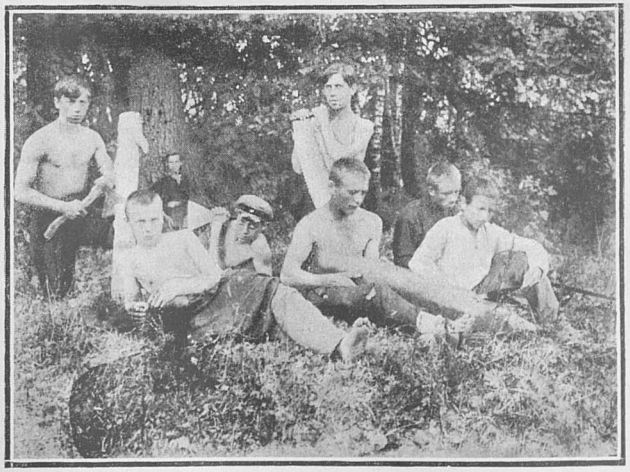
№№ по порядку.	Наименование учебных заведений.	Год основания.	Число преподавателей. Мужск. пол.	Женск. пол.	Общего пола.	Число слушателей. Мужского пола.	Женского пола.	Общего пола.	Число томов в библиотеке.
1	1-й Московский Государственный университет	1755	722	97	819	5.854	21.900	27.754	420.469
2	2-й Московский Государственный университет (бывшие Высшие Женские Курсы)	1930	115	115	230	40	1.229	1.269	64.597
3	3-й Московский Госуд. университет (быв. Шанявского)	1908	125	13	138 [1]	351	639	990	100.000
4	Рабочий университет (быв. Пречистенские рабочие курсы)	1919	54	40	94	754	486	1.240	?
5	Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова	1919	—	—	— [2]	891	189	1.080	100.007
6	Лазаревский институт восточных языков	1872	13	—	13	35	14	49	?
7	Московский Археологический институт	1907	31	1	32	6	34	40	?
8	Институт Народ. Хоз. им. К. Маркса (бывш. Коммерческий)	1906	116	10	126	765	590	1.355	80.000
9	Государственная Высшая Медицинская Школа	1919	109	35	147	48	34	82	?
10	Ветеринарный институт	1919	32	5	37	29	2	41	?
11	Московская Сельско-Хозяйственная Академия	1865	108	3	111	748	278	1.026	75.000
12	Голицынские сельско-хозяйственные курсы	1908	31	8	39	8	1.226	1.234	?
13	Межевой институт	1779	84	—	84	316	34	350	36.000
14	Московский Политехнический институт	1917	79	11	90	116	742	858	?
15	Высшее техническое училище	1868/1918	182	5	187	300	300	1.200	71.525
16	Институт инженеров путей сообщения	1896	88	1	89	3.522	82	3.604	?
17	Горная Академия	1918	49	4	53	1.216	79	1.295	10.049
18	1-й Московский Электротехникум	1919	22	1	23	40	—	40	?
19	Москов. Социалистич. Академия	1911/18	99	—	99	200	575	775	250.000
20	Художественная Академия	1919	38	1	39	770	308	1.078	?
21	Московская Государственная Консерватория	1865/1918	45	10	55	195	336	531	?
22	Институт Музыкальной Драмы	1878/1918	65	26	91	150	400	550	?
23	Академия Генерального Штаба	1918	100	—	100	498	3	501	?
24	Военно-хозяйственная Академия	1914/18	85	—	85	462	—	462	?

Нет сведений о только что открывшихся Педагогическом институте (1918 г.) и Институте Слова (Гид), а также о Финансово-экономическом институте (1919 г.).

Примечания: 1) Сведения относятся к лету 1920 года. 2) Университет Я. М. Свердлова не имел постоянных кадров преподавателей. 3) В столбце «Год основания» для заведений, преобразованных из средних учебных в высшие, поставлен в знаменателе год преобразования.

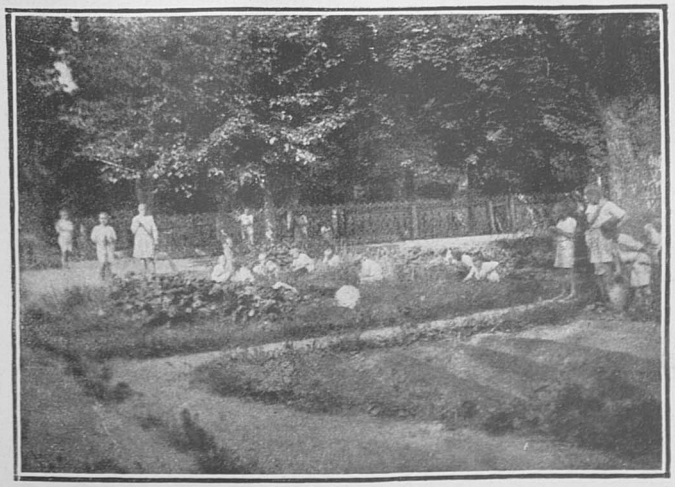
Интернат профессиональных школ. — Доставка продуктов.

Ученики профессиональн. школ на заготовке дров для своего интерната.

Лесная школа на Воробьевых горах — Чтение вслух

Детская колония № 1 в Сокольниках. — Дети на огородных работах.

Таблица 2. Развитие высшего образования в Москве с 1913/14 г.

Учебные годы.	Университеты.					Историко-филолог. и юридические.					Экономические.				
	Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.	
		Общее.	В т. числе женщин.	Общее.	В т. числе женщин.		Общее.	Женщин.	Общее.	Женщин.		Общее.	В т. числе женщин.	Общее.	В т. числе женщин.
1913/14	4	1.043	69	21.072	8.259	2	54	—	574	134	1	126	4	4.947	703
1914/15	4	1.133	84	20.147	8.839	2	54	—	574	134	1	139	4	5.532	754
1915/16	4	1.133	95	24.080	10.151	3	61	—	845	180	1	151	5	6.277	824
1916/17	4	1.185	139	21.519	11.914	3	71	—	588	191	1	147	6	5.274	1.187
1917/18	4	1.273	182	24.715	13.490	3	79	—	732	218	1	138	9	6.189	2.032
1918/19	4	1.409	223	36.004	19.236	3	89	1	731	317	1	137	10	14.372	3.760
1919/20	5	1.281	265	32.333	24.443	2	45	1	89	48	1	126	10	1.355	590

Учебные годы.	Медицинские.					Сельско-хозяйственные.					Технические.				
	Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.	
		Общее.	Женщин.	Общее.	Женщин.		Общее.	Женщин.	Общее.	В т. числе женщин.		Общее.	В т. числе женщин.	Общее.	В т. числе женщин.
1913/14	—	—	—	—	—	3	144	—	2.541	684	1	66	—	2.665	—
1914/15	—	—	—	—	—	3	159	—	2.478	794	1	64	—	3.253	—
1915/16	—	—	—	—	—	3	167	—	2.614	878	1	65	—	3.090	—
1916/17	—	—	—	—	—	3	208	—	2.342	996	1	64	—	2.132	—
1917/18	—	—	—	—	—	3	212	9	3.707	1.089	1	63	—	3.097	—
1918/19	—	—	—	—	—	3	220	10	8.033	1.425	5	368	16	8.595	90
1919/20	2	184	43	123	36	3	234	11	2.610	1.538	5	442	22	6.997	1.203

Учебные годы.	Художественные и музыкальные.					Военные и педагогические.					Все высшие учебные заведения.				
	Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.		Число завед.	Число учащих.		Число учащихся.	
		Общее.	Женщин.	Общее.	В т. числе женщин.		Общее.	В т. числе женщин.	Общее.	В т. числе женщин.		Общее.	В т. числе женщин.	Общее.	В т. числе женщин.
1913/14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	1.433	73	31.779	9.780
1914/15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	1.549	88	31.984	10.521
1915/16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	1.577	100	36.906	12.033
1916/17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	1.675	145	31.855	14.288
1917/18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	1.765	200	38.440	16.829
1918/19	2	125	36	1.029	646	3	193	5	881	150	21	2.539	301	69.645	25.624
1919/20	3	185	37	2.159	1.044	3	284	—	1.738	578	24	2.781	389	47.604	29.480

Рабочие Факультеты.

Русские университеты при старом режиме были очень отсталыми даже сравнительно с буржуазными университетами Западной Европы и Америки. Большею частью они не допускали в свои аудитории женщин, существовали национальные и вероисповедные ограничения, доступ в их стены был обставлен рядом формальностей— публичных лекций в стенах университета обыкновенно не устраивалось, и проникновение за двери священного здания публики, не снабженной особыми билетами, удостоверениями и т. д., рассматривалось, как скандал: такими «скандалами» отмечена была, например, первая революция 1905—7 гг. Одним из признаков начинающейся революции в сентябре 1905 г. и было появление в университетских аудиториях «толпы», «улицы», на которую правоверные профессора смотрели с ужасом и отвращением.

Несмотря на такое положение университетов, Народный Комиссариат по Просвещению в 1918 г. сделал попытку столковаться с профессурой в вопросе о приспособлении высшей школы к потребностям новой России; два раза, летом и осенью 1918 г. созывались представители профессуры и студенчества на всероссийские

совещания. И среди профессоров, еще более среди студенчества, нашлось небольшое меньшинство, готовое разговаривать с Советской властью, но и с ними дальше разговоров дело не пошло. Таким образом, совещания ни к чему не привели, и выработанный Наркомпросом «согласительный проект реформы высшей школы» остался на бумаге.

Университетский быт был изменен рядом декретов, покончивших с наиболее отвратительными остатками старой академической жизни.

Наиболее важными были декреты в августе и 9 октября 1918 г. Первым отменены все стеснения при поступлении в университет,—все русские граждане старше 16 л., без различия пола, национальности, вероисповедания, могут стать студентами, не подвергаясь какому-либо особому экзамену и не представляя никаких дипломов. Это, конечно, не значит, чтобы Советская власть имела наивность думать, будто в университете можно обучаться без всякой подготовки. Напротив, именно в Советской России созданы целые особые факультеты подготовительного характера.

Но к августу 1918 г. совершенно устарела та подготовка, какая требовалась раньше—прохождение гимназического курса, не дававшего никаких реальных знаний, ни даже технических навыков: например, уменья чертить и рисовать. Сами профессора неоднократно признавали, что средняя школа дает им совершенно не подготовленных студентов.

Одновременно обучение в университете сделано совершенно бесплатными, и все студенты из недостаточных классов получили «социальное обеспечение», на первых порах денежное, и тогда, осенью 1918 г., достаточное (600 р. в месяц; теперь оно дошло до 7200 р., но реальное значение имеют теперь пайки, получаемые значительной частью студентов, между прочим, всеми медиками и всеми техниками, а не деньги).

Декрет 6 августа радикально изменил положение студенчества, декрет 9 октября то же сделал по отношению к профессуре. Вместо 30-летнего срока сидения на кафедре введен был 10-летний. Кооптация профессоров тесным кругом «своих людей», советом факультетов или университетов, путем «тайных» баллотировок, без всякого отчета перед кем бы то ни было, заменена была всероссийским конкурсом, гласным и публичным. Приват-доценты из вьючных лошадей старшей профессуры превратились в равноправных с остальными университетскими преподавателями.

Применение конкурса, не дав еще социалистической высшей школы, все же должно было бы осветить русские университеты, избавив кафедры от совсем уже обветшавшего персонала и дав дорогу свежим молодым силам, если бы таковые нашлись. Но последнее как раз, повидимому, и не имело места: на конкурсах были аккуратно перевыбраны все старые заместители кафедр.

Декрет 9 октября был последней попыткой обновить одряхлевший организм русской высшей школы силами самой этой школы. Университет могла спасти только та сила, которая спасла Россию в октябре 1917 года—сила организованного пролетариата.

С зимы 1918—19 гг. и начинаются попытки введения этой силы в стены университета. Выяснилось, что подготовка рабочих, не прошедших буржуазной средней школы, к школе высшей не есть дело невозможное или даже непомерно трудное: с этим должны были согласиться и профессора высших технических школ, которые признавали, что из хорошо грамотного рабочего в три года можно сделать лучшего студента-техника, нежели каким был кончавший буржуазную гимназию на младшем курсе. Они указывали на то, что гимназия, давая массу лишнего в области литературного образования, не дает самого существенного: практических навыков, лабораторной техники, уменья чертить и рисовать и т. д. Выкинув литературный балласт и расширив практические занятия по физике, химии и т. д., можно было не только сократить курс старших классов бывшей средней школы вдвое, но и качественно очень поднять его уровень.

На этой основе и возникли первые подготовительные курсы для будущих студентов-рабочих еще осенью 1918 г. Но в особенности свой политический смысл идея эта получила, когда пришли к мысли, что готовить рабочих к университету нужно не *вне* университета, а в самом университете, заставив университет готовить себе слушателей прямо на месте.

Так возникла идея рабочих факультетов.

Двумя основными задачами этих факультетов является вовлечение широких пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей Школы и коренное перерождение Высшей Школы в полном соответствии с потребностями пролетарского государства.

Рабочие Факультеты прежде всего имеют первоочередное значение в социалистическом строительстве: посредством них удовлетворяются срочные нужды В. С. Н. Х., В. Ц. С. П. С., Наркомзема, Наркомздрава и других органов социалистического строительства в слушателях из рабоче-крестьянской среды в Высших Учебных Заведениях. Это указано в постановлении Научного Сектора Наркомпроса от 15 сентября 1919 года и юридически закреплено декретом Совнаркома от 17 сентября 1920 года. Их политическая классовая роль заключается в закреплении власти пролетариата во всем экономическом строительстве Р. С. Ф. С. Р.

Рабочие Факультеты являются формою нового грядущего социалистического образования, идущего на смену еще не изжитым формам старого просвещения.

Что же лежит в основе построения всех Рабочих Факультетов? Их учебные планы и программы построены таким образом, что дают слушателям совершенно достаточный запас знаний для успешной работы в одном из факультетов университета или специального учебн. заведения. Одновременно слушатели, почему-либо не поступающие в Высшую Школу, получают на Рабочем Факультете такой объем общих и специальных практических знаний, который ими может быть с успехом использован в отраслях труда, отвечающих основным потребностям советского строительства.

Рабочие Факультеты являются органическою частью В. У. З., неразрывно связанной с ними: поэтому они не должны замыкаться в узких *рамках* школы ремесленного типа, равно как и не должны сбиваться в сторону натаскивания рабочих и крестьян прежними методами буржуазной выучки к поступлению в прежнюю Высшую Школу. Рабочие Факультеты обслуживаются, глав-

ным образом, преподавательским составом В. У. З. Это, с одной стороны, ставит обучение на Рабочих Факультетах на высоту высшего преподавания, а с другой — невольно заставляет и преподавателей постепенно изменить во многом устаревшие планы и методы преподавания В. У. З., облегчая тем самым переход слушателей Рабочих Факультетов в основные факультеты подлежащего В. У. З. Учебные планы и конкретные учебные программы отвечают особенностям состава слушателей и сравнительно небольшому времени обучения.

Поэтому основной педагогический принцип заключается в использовании профессионально-технических навыков и познаний рабочего или крестьянина. Преподаватель в своих конкретных примерах исходит из этих профессиональных навыков, а также и обобщения делает, исходя из фактов специальности или отрасли промышленности. Особенное внимание обращается на развитие активного отношения к вопросам промышленности в общегосударственном масштабе и к выяснению перед рабочим элементов коммунистического строя в текущем советском строительстве. Научное освещение исторического хода политических и экономических отношений дается путем изучения основ марксизма и коммунистической программы, однако, вопросы и в этой области конкретизируются по мере возможности в рамках данной специальности.

Принимаются на Рабочие Факультеты только лица физического труда — рядовые участники того или иного учреждения, организации, предприятия: в механическом производстве—рабочие, в сельском хозяйстве—батраки, крестьяне, в здравоохранении—сестры, санитары.

Это положение закреплено юридически постановлением Научного Сектора от 5 ноября 1920 г., где говорится о том, что на Рабочие Факультеты принимаются только лица физического труда, исключения допускаются лишь по отношению к членам Р. К. П.

Этот состав слушателей Рабочих Факультетов на ряду с новыми методами преподавания, связанными с профессионально-техническими навыками рабочего, революционным темпом занятий сообщают Рабочим Факультетам строго пролетарский уклад, делают их могучим орудием перерождения Высшей Школы, а через нее и всей культуры.

В Республике имеется 27 Рабочих Факультетов, на которых учатся 17.000 студентов.

В Москве есть три многолюдных Рабочих Факультета. Два открыты еще в начале 1918 г.: Замоскворецкий при Институте Народного Хозяйства имени К. Маркса, Рабочий Факультет имени М. Н. Покровского при 1-м Государственном университете; третий Пречистенский Рабочий Факультет преобразован из Пречистенских Рабочих Курсов, существующих 23 года. На Замоскворецком Рабочем Факультете учатся около 1000 человек, на остальных по 1500, при чем рабочих в среднем 60%, остальные крестьяне, красноармейцы и советские служащие, принадлежащие к Р. К. П.

Большая часть рабочих соединяет работу на заводах, фабриках, предприятиях с учением, но есть также и контингент учащихся, совершенно освобожденных от работы в производстве.

Все три Рабочих Факультета устроены несколько различно, и различие их объясняется характером того В. У. З., при котором они существуют. Срок обучения на всех факультетах в среднем 2 года.

Рабочий Факультет имени М. Н. Покровского при 1-м Государственном университете состоит из двух ступеней, представляющих собой составные части единого целого. 1-я ступень общая, вторая разбивается на три отделения: физико-математическое, подготовляющее в В. Т. У. З. и на математический факультет университетов; естественное, подготовляющее на естественный и медицинский факультеты и в сельско-хозяйственные В. У. З., и общественно-экономическое.

Условием поступления на 1-ю ступень предполагается уменье бегло читать, писать и знание 4-х арифметических действий над целыми числами. Рабочий Факультет имени Покровского имел уже выпуск студентов, большая часть которых пошла в В. Т. У. З. и на медицинский факультет.

Рабочий Факультет при Институте Народного Хозяйства имени К. Маркса, первый по открытию, характеризуется тесной связью с производственными организациями. Слушатели, готовящиеся на экономический или технический факультеты Института, прослушивают общий двухлетний курс.

В течение двух лет дается совершенно законченный круг знаний. Преподаются следующие предметы: русская литература, история, математика, физика, химия, механика, электротехника, теплотехника, черчение, основы политической экономии, экономическая география и статистика, социализм и основы Советского хозяйства, рабочее движение и профсоюзы, Государствоведение и Советская конституция.

По окончании Рабочего Факультета учащиеся либо переходят на экономический или технический факультет Института, либо идут на один из специальных циклов.

Как на пример специальных циклов экономического характера, можно указать на следующее: по подготовке работников профессиональных союзов (цикл нормирования труда, цикл организации производства, цикл статистический, цикл технологии и товароведения органических веществ, цикл сельско-хозяйственной промышленности); технические циклы следующие: механический, цикл обработки металлов и т. д.

Учебные планы этих циклов вырабатываются в теснейшем контакте с производственными союзами; циклы проходят те слушатели, которые ограничивают свое обучение только Рабочим Факультетом и дальше в Высшую Школу не идут.

Пречистенский Рабочий Факультет существует самостоятельно. Он обслуживает Пречистенский и Хамовнический районы. Это тип Рабочего Факультета, не связанного непосредственно ни с одним В. У. З. и могущего с течением времени превратиться в самостоятельное пролетарское В. У. З.

Печать и книжное дело.

Основным моментом в истории Издательского и Книжного дела в Москве является постановление Президиума Моск. Совета Р. и К. Д. о муниципализации книжной торговли и книгоиздательств, состоявшееся 23 октября 1918 г. Проведение в жизнь этого постановления было возложено на Отдел Печати. Большая часть работы, произведенной указанным Отделом, либо непосредственно связана с муниципализацией, либо падает на выработку и осуществление мероприятий, из нее вытекающих. Муниципализация сыграла решающую роль в Издательском и Книжном деле и для ее освещения необходимо отделить муниципализацию книжной торговли от муниципализации книгоиздательств.

I. О муниципализации книжной торговли.

А) Муниципализация в тесном смысле.

По мысли Моск. Совета дело муниципализации было задумано довольно широко: книжные склады, магазины и лавки объявлены были собственностью Совета, в распоряжение которого переходили и помещения со всем их оборудованием, а также текущие счета и вклады как отдельных владельцев, так и фирм, как юридических лиц. Пред Моск. Советом встала серьезная задача, объем и значение которой определялись, с одной стороны, значительными запасами книг, хранившихся в Москве, как в крупнейшем издательском и культурном центре, с другой—самым свойством муниципализируемого материала, который не мог итти в сравнение ни с каким другим товаром, благодаря исключительной, одному ему присущей, культурной ценности. И прежде всего выдвинулся с настойчивостью организационный вопрос, отчасти предусмотренный и в постановлении Президиума,—общий вопрос об организации работ по муниципализации, далее—вопрос об организации управления книжными складами и в особенности вопрос об открытии достаточного числа книжных складов и магазинов для обслуживания окраин.

Эта организационная работа, главным образом, в деле открытия ряда советских магазинов для удовлетворения потребности населения, требовала спешности и не могла не отразиться на ходе работ по муниципализации в тесном смысле,—на выяснении точного количества муниципализируемых объектов, на систематическом подсчете книжных запасов, на дифференцировании материала, на своевременной выработке общего руководящего плана.

На ряду с этим успешному развертыванию муниципализационной работы мешали и другие обстоятельства: наступление холодного времени и недостаток опытных сотрудников, знающих книжное дело. Тот штат служащих, который обслуживал это дело в его спокойном, так сказать, статическом состоянии, оказался недостаточным, когда все огромное количество книжных запасов было приведено в движение для перераспределения и регистрации. Да и самое существо предстоящей работы требовало участия не столько рядового продавца, сколько толкового специалиста, знающего книжку и умеющего разобраться в книжной массе.

В результате указанных затруднений получилось то, что работа по муниципализации не подвигалась с надлежащей быстротой и самый характер работы в первый период оставлял желать много лучшего. Проводимая до известной степени стихийно, муниципализация в этот период применяла простейшие приемы, которые уже через несколько месяцев были ею отвергнуты. Огульный подсчет под диктовку, производившийся по полкам, без поименных описей, мог казаться для нее удовлетворительным,—поскольку она стремилась к общему хотя бы и приблизительному подсчету некоторых главных объектов для использования их в качестве советских распределителей. Но по мере того, как срочность, навязываемая ей необходимостью открытия книжных магазинов, устранялась и к ней возвращалась столь важное для успешности дела спокойствие,—по мере этого все более улучшались приемы работы и совершенствовалась техника подсчета, разборки и классификации.

Уже в начале 1919 года в работу по подсчету опечатанных магазинов введена была система и последовательность, а к лету 1919 года приемы разборки были уже коренным образом изменены: каждый книжный резервуар стал обследоваться более внимательно с точки зрения его содержимого. В качестве эксперта по этим вопросам, в помощь постоянным работникам по муниципализации, была создана особая Литературно-Библиотечная Комиссия, к обязанностям которой относилась тщательная классификация книжных запасов для выделения из них прежде всего того, что относилось к так называемому особому Библиотечному Фонду, в помещение коего они и вывозились. Дальнейшая работа состояла, во-первых, в выделении из обследованного материаал специальной литературы, которая

распределялась по соответствующим распределителям: медицинскому, агрономическому, техническому, юридическому и иностранной литературы.

Всего объектов, подлежавших переходу в собственность Московского Совета, не исключая букинистов, мелких лавочек и палаток, торговавших на Сухаревой, насчитывалось 152. Чтобы судить об этих объектах, достаточно просмотреть следующую табличку, в которой приведены данные подсчета по 111 магазинам и складам, при чем для изданий до 1917 года номинал увеличен был вдвое, для вышедших в 1917 году—увеличен на половину, а для изданий 1918 года и книг подержанных оставлен без изменений. Переплеты считались по 1 р. 50 к., а папки по 75 к.

Данные подсчета книг в 111 магазинах.

Книг на сумму:	Магазинов и складов: Количество.	Магазинов и складов: % ко всему кол.
до 1.000 руб.	7	6,3
от 1.001 — 10.000	24	21,7
» 10.001 — 20.000	23	20,7
» 20.001 — 30.000	15	13,5
» 30.001 — 40.000	9	8
» 40.001 — 50.000	4	3,6
» 50.001 — 75.000	3	2,7
» 75.001 — 100.000	4	3,6
100.001 — 200.000	13	11,7
» 200.001 — 300.000	2	1,8
» 300.001 — 400.000	5	4,5
» 400.001 — 500.000	2	1,8

Из этой таблицы усматривается, что 69 магазинов и складов из общего числа 111, или почти две третьих, должны быть отнесены к мелким складам, только одна треть с лишком может быть причислена к крупным книговместилищам, давшим муниципализации действительно ценный материал.

Из указанного числа 152 складов и магазинов до настоящего времени окончательно ликвидированы, т.-е. разобраны, подсчитаны и сданы 93 магазина с общим количеством 9.865.282 экз.; 4 склада, наиболее крупных, остались на местах и освобождаются постепенно путем вывоза книг по распределению.

Б) Пополнение муниципализованных запасов.

Муниципализация передала в распоряжение Московского Совета значительные запасы книг. При нормальных условиях книжного дела, когда расход с избытком покрывался новыми поступлениями, означенные запасы могли бы постоянно пополняться и расти. Но в необычайных условиях революционного времени, когда при ослаблении производства, как логическое последствие новых потребностей и новых запросов, невероятно и неуклонно росла нужда в печатном материале,—при таких условиях неизбежно было ожидать расхода, значительно превышающего поступление.

Естественно, что внимание Отдела Печати было направлено в сторону изыскания новых, сверх обыкновенных, источников пополнения книжного фонда.

Для этой цели было прежде всего обращено внимание на Петроград, как на крупный культурный центр, где сосредоточено было много издательских

предприятий и крупных книжных складов. Необходимо при этом указать, что в то время, как в Москве уже много месяцев была осуществлена муниципализация книжных магазинов и контроль над издательствами,—Петроград оставался вольным книжным рынком, откуда книги в огромном количестве, благодаря отсутствию какого-либо контроля, вывозились различными организациями и спекулянтами. Московский Совет неоднократно обращал внимание на внутреннее противоречие, которое кроется в таком положении, на вред, который от него проистекает,—но так как положение оставалось неизменным, то он счел необходимым использовать петроградский рынок для пополнения своих складов.

Всего за 1919 г. было куплено в Петрограде книг на сумму 5.232.000 рублей.

Ценным пополнением запасов Отдела Печати явились также книги, перешедшие к нему от Общества Потребителей «Кооперация» и Центрального Рабочего Кооператива, в силу постановления Московского Совета о передаче всех книжных фондов Московского Потребительского Общества в ведение Отдела Печати. Из двух складов и трех магазинов было передано книг всего на сумму 7.927.061 руб. 14 коп.

В) Книжная торговля.

К началу 1919 года всех книжных магазинов было открыто 20 и было приступлено к открытию районных книжных магазинов для обслуживания населения окраин.

Открытые магазины распределились по характеру отпускаемой литературы таким образом: 1) по продаже общей литературы—15, 2) по отпуску специальной литературы: медицинской, сельско-хозяйственной, технической, юридической и военной, иностранной и учебных пособий—всего 7 распределителей, 3) по продаже подержанных книг—2 магазина и 4) по покупке книг—2 магазина.

Общее количество всех открытых распределителей дошло, таким образом, до 26. Все они удовлетворяли частью индивидуальную потребность в книге, частью, поскольку дело идет о специальной литературе, на ряду с индивидуальной и потребность организаций, учебных заведений и пр. Торговля книгами в то время, непосредственно следовавшее за муниципализацией, еще разрешалась. Она, правда, была введена в известные рамки, но она сохранилась более или менее в прежнем объеме и в сущности переменила только владельца.

Естественно, что при значительном числе распределителей и при весьма умеренных ценах, которые Отделом Печати были установлены, запасы, находившиеся в них, начали быстро истощаться. В связи со слабым воспроизводством и ничтожным количеством выбрасываемых печатным станком новых изданий, такая быстрая утечка невольно приводила к мысли о мерах, которые должны быть приняты в целях разумной экономии. Было ясно, что при создавшихся условиях, когда чувствовался острый недостаток и в бумаге и в технических средствах, не только не может быть и речи об открытии новых распределителей, наоборот, следовало сократить их число, делая это постепенно

и по возможности безболезненно. Эти же соображения самым настойчивым образом выдвинули вопрос о новых методах распределения, способных сколько-нибудь удовлетворительно примирить скромные размеры предложения с неимоверно растущими потребностями. Сокращение магазинов началось уже в 1919 г., когда их было закрыто 7. В 1920 г. закрыты были все остальные, кроме отпускающих книги только по разрешениям Московской Распределительной Комиссии.

Общая сумма книг, вышедших из распределителей, составляла в круглых цифрах:

в 1918 г.	2.492.000	руб.
» 1919 »	8.249.000	»
» 1920 » (за 8 мес.)	1.949.000	»
Всего	12.690.000	руб.

Общая сумма книг, вышедших из Центрального склада:

в 1918 г.	280.000 экз. . . .	149.000	руб.
» 1919 »	3.710.902 » . . .	3.487.000	»
» 1920 »	959.709 » . . .	1.861.000	»
Всего		5.497.000	руб.

Г) Цены на книги.

Вскоре после муниципализации было опубликовано постановление Отдела Печати, согласно которому цены на книги, изданные до 1916 г. включительно, могли быть повышены не более чем на 100%; цены на книги, изданные в 1917 г.—не более чем на 50%, на книги же текущего 1918 г. цены не разрешено было повышать.

Такая нормировка имела в виду понизить цены на книги, которые представлялись уже и тогда явно спекулятивными, доходя до 500% надбавки на номинал. Понижение продажных цен на книги повело к быстрому исчезновению книжных запасов. Уже чрез две недели нормировку пришлось отменить и по тем еще соображениям, что постановление Отдела Печати имело местное значение и не распространялось на петроградские и другие иногородние издательства, а при таких условиях легко могла начаться новая спекуляция, и книжные запасы стали бы усиленно выкачиваться из Москвы в другие города.

Здесь опять необходимо подчеркнуть, что отсутствие муниципализации в Петрограде коренным образом подрывало всю политику Московского Совета в области книжного дела и что все попытки, которые делались в этом направлении Отделом Печати, ничем не кончились.

Вопрос о переоценке снова стал на очередь весною 1919 г., но уже по соображениям, имеющим в виду, главным образом, интересы воспроизводства книжных ценностей в связи с ростом цен на бумагу и на типографские работы.

Отдел Печати утвердил с изменениями постановление Особой Комиссии от 18 апреля 1919 г., согласно которому цены на учебники повышались следующим образом:

изданные по 1915 г	в 4	раза	(плюс 300)
» в 1916—17 гг.	» 3	»	(» 200)
» » 1918 до июля . . .	» 2	»	(» 100)
» » 1918 после июля .	» 1½	»	(» 50)

Цены на прочие книги (научные, беллетристика и проч.) повышались несколько сильнее:

изданные по 1916 г	в	6	раз.
» в 1917 »	»	4	»
» » 1918 » до 1/VII . . .	»	2	»
» » 1918 » с 1/VII . . .	»	1½	»

Повышение производилось против первоначального номинала и касалось лишь книг, имеющихся на издательских складах в количестве не менее 10% завода. В магазинах и складах переоценивались только те книги, которые были переоценены на издательских складах согласно специальным каталогам последних, утвержденным Отделом Печати. Цены на художественные издания подымались в каждом отдельном случае, в зависимости от сложности и трудности воспроизводства.

Вопрос о переоценке книг по предложению Отдела Печати был разрешен в государственном масштабе 19 июня 1920 г. Согласно постановлению Государств. Издательства, все находящиеся на территории республики книжные магазины и склады, как принадлежащие профессиональным, партийным и кооперативным организациям, так и находящиеся в ведении правительственных и советских учреждений, центральных и местных, руководствуются при распределении имеющихся у них запасов книг нормальными повышениями; при чем для книг, изданных по 1916 г. включительно, такой нормой считается двенадцатикратный первоначальный номинал, для книг, изданных в 1917 г. — восьмикратный номинал, в 1918 г. — четырехкратный и в 1919 г.—двухкратный. При отсутствии напечатанного номинала номинальная цена книги определяется из расчета: для изданий, вышедших по 1916 г.,—60 к. за печ. лист, для изданий, вышедших в 1917 г., — 90 коп. за лист, в 1918 г.—1 руб. 80 коп. и в 1919 г.—3 руб. 60 коп.

При установлении указанных норм Государств. Издательство не считалось более с интересами воспроизводства, в виду того, что издательские склады юридически больше не существуют и каждая книжка с момента ее рождения переходит в ведение центрального распределительного аппарата. По мнению Совещания, переоценка, существенно необходимая для взаимных расчетов, допустима лишь в меру, достаточную для покрытия расходов по распределению. Эквивалировать же издержки производства и другие расходы представляется нерациональным, так как все книжные запасы, являясь в настоящее время достоянием государства, подлежат распределению между правительственными и советскими учреждениями.

Д) Ликвидационная Комиссия.

Ликвидационная Комиссия, организованная в числе 3-х человек при Отделе Печати, имела ближайшее отношение к муниципализации, так как в задачи ее входило рассмотрение ходатайств со стороны владельцев книжных магазинов и складов, а также издателей и авторов, в связи с муниципализацией книжной торговли.

Комиссия руководилась нижеследующими положениями, выработанными Отделом Печати.

По каждому предприятию общая сумма подсчитанных книжных запасов уменьшалась на обычную скидку в 30 %. Если за вычетом этих последних стоимость товара не превысит 35.000 руб., владельцу уплачивается вознаграждение, если никакого другого имущества у него не имеется. Максимальный размер вознаграждения мелким владельцам определен был в 10.000 руб. Из причитающегося вознаграждения удерживаются долги предприятия, признанные Ликвидационной Комиссией подлежащими оплате из средств Отдела Печати. Ликвидационной Комиссией было обследовано и передано в Отдел Печати заключений по 96 делам. Из них не подлежали удовлетворению 49. По 29 было выдано вознаграждений в общей сумме 131.890 руб. или в среднем по 4500 р. по каждому. По остальным в вознаграждении было отказано.

II. Муниципализация книгоиздательств.

В сферу действия постановления Президиума Московского Совета от 23 октября 1918 г. входили все имеющиеся в Москве частные книгоиздательства и те из кооперативных, которые по обследовании будут отнесены к категории частных. Все имущество этих последних: книжные запасы, капиталы, инвентарь и проч., точно так же как и в книжной торговле, объявлено было достоянием Московского Совета. Существенная разница между этими двумя видами муниципализации заключалась в том, что в то время, как частная книжная торговля объявлена была упраздненной с момента муниципализации, частные книгоиздательства и аналогичные им кооперативы обязаны были продолжать свою работу. Впредь до особого распоряжения последние признаны были находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев, которые принимали на себя ответственность пред Московским Советом за дальнейшее нормальное ведение дела и обязаны были выполнять распоряжения Отдела Печати. Служебный и рабочий персонал частных книгоиздательств, равно как их владельцы и ответственные распорядители, объявлялись состоящими на службе у Московск. Совета Р. К. и К. Д.

Такие мероприятия свидетельствовали о намерении сохранить в известной неприкосновенности технический аппарат частного книгоиздательства, использовав его в интересах производства книги в будущем и одновременно поставив его под контроль Московского Совета.

Ряд постановлений Отдела Печати, изданных после 23 октября, имел в виду разъяснение и развитие этой основной мысли, которая красной нитью проходит по всей последующей деятельности Отдела Печати. Из этих постановлений необходимо отметить прежде всего те, которые стремились установить точный состав сотрудников, занятых в издательствах, выяснить финансово-хозяйственное положение последних, их книжные запасы, и, наконец, истинный характер их работы.

Для вновь возникающих издательств, равно как и для авторов, издателей, устанавливается разрешительный порядок: они обязаны, прежде чем приступить к издательской деятельности, представить программу и план издательства, указать ответственных лиц, средства

издательства и получить соответствующее разрешение, без предъявления коего типография не в праве принимать от них заказы.

Особое внимание уделяется вопросу о книжных запасах издательских складов: вырабатывается особая форма, по которой должны подаваться сведения об остатках книг на каждом таком складе,—выдвигается требование представления исчерпывающих сведений об израсходованных и вновь полученных книгах за каждый месяц, предписывается вести подробные товарные книги.

Таким путем постепенно, уже в процессе самой работы, вырисовываются все яснее и яснее контуры той объединяющей, наблюдательной и контрольной деятельности Отдела Печати, которая в постановлении Президиума была намечена лишь двумя-тремя штрихами.

В этой работе, с самого ее начала, настойчиво и последовательно выдвигаются на первый план, как видно из предыдущего, три функции, исчерпывающие наблюдательную и контрольную деятельность Отдела по отношению к издательствам: *функция учета, функция распределения* и *функция контроля* в тесном смысле. Для осуществления этих основных функций организуются при Отделе два одноименных Подотдела (учета и распределения и контроля), широко развивающие свою деятельность и подготовляющие ценный материал для всей последующей работы как самого Отдела Печати, так и прикосновенных к нему учреждений. Об осуществлении каждой из этих функций следует сказать отдельно несколько слов.

А) Учет.

По отношению к издательским складам материалом для учета послужили сведения, вскоре после муниципализации поступившие от издательств в Отдел Печати. В списки отдельных издательств ежемесячно заносились изменения, происшедшие за истекший месяц. Впоследствии списки были заменены подвижным каталогом, где движение каждого издания отмечалось на особой карточке.

Одновременно с этим шли работы по учету Центрального склада Московского Совета, имевшего смешанный характер. В Центросклад с одной стороны влились значительные запасы книг издательских складов, с другой—стянуты были книги из муниципализованных складов и магазинов. Этот учет, в виду большого запаса книг на Центральном складе потребовавший много времени, был произведен также по карточной системе и закончен весной 1920 г.

Затем Отделом Печати был учтен ряд закрытых складов и приступлено было к учету Библиотечного Фонда. Этому последнему учету было уделено особенно много внимания. Как уже вскользь было указано, склад Библиотечного Фонда образовался из книг, которые отбирались в муниципализованных магазинах и складах Литературно-Библиотечной Комиссией. Отбирались книги особой научной и литературной ценности: редкие антикварные экземпляры распроданных изданий, книги художественные, ценные книги по общественным вопросам, по истории рабочего и революционного движения, классики в лучших изданиях и проч. Этих же

категорий книги извлекались и из открываемых советских магазинов и отсылались в Фонд.

В Фонде образовался, таким образом, склад ценных изданий, который постепенно пополняется, по мере того, как обследуются еще не ликвидированные магазины и склады.

В Библиотечном Фонде производится тщательная регистрация и составляется карточный каталог с библиографическими подробностями. К моменту печатания настоящей статьи закончена работа над 69.000 экз. книг, считая в круглых цифрах; находятся в работе 13.000 и имеется, кроме того, запас свезенных книг, к разборке которых еще не приступлено, в количестве около 45.000 экз.

В таком приблизительно виде находилось дело учета к концу апреля 1920 г., когда издан был декрет о национализации книжных запасов республики. Новое положение дало толчок к расширению и ускорению работы по учету, главным образом, потому, что все запасы книг, которые собраны были Отделом Печати, отчасти по муниципализации, отчасти из других источников, и считались собственностью Московского Совета, должны были перейти к центральным правительственным органам.

Для составления инвентарных описей материалом послужили отчасти те результаты учета, которые указаны выше. Но так как эта работа производилась исподволь и имела своей задачей удовлетворение внутренних потребностей организационного характера, пришлось кое-что сделать заново, а главное, пришлось дело учета поставить сразу широко, втянуть в него всех освобождающихся, в связи с закрытием книжных магазинов, сотрудников и распространить его и на те запасы, которые еще не были переписаны.

В особенности расширилась работа Отдела Печати в области учета в виду того, что функции Московской Учетной Комиссии, имеющей произвести учет всех местных запасов печатных произведений, были переданы Отделу Печати. В постановлении Президиума Московского Совета от 28 апреля 1920 г., коим эта передача зафиксирована, имелось еще специальное указание, в силу которого работа по передаче книг центру должна быть разделена на две очереди, при чем в первую очередь она должна быть сосредоточена на книгах массового потребления—учебники, классики, книги естественно-научного содержания.

До настоящего времени учтены склады Отдела Печати, склады муниципализ. издательств, склады учебных пособий МОНО и некоторые другие, в количестве 8.772.185 экземпляров. Непосредственно должны быть переданы в Центр. Распределительную Комиссию книги Центросоюза, Пура, ВЦО, Профсоюзов, Библ. Отд. Ц. К. Р. К. П., Продпути, Центропечати и Отд. Научн. Литературы Наркомпроса.

Б) Распределение.

В деле распределения книг в пределах г. Москвы можно сейчас уже отметить три периода: первый со дня муниципализации до учреждения Междуведомственной Комиссии при Отделе Печати и Бюро по распределению книг, второй—со дня учреждения означенной Комиссии до создания при Государственном Издательстве так называемого ЦУРК'а—Центральной Учетно-Распределительной Комиссии, и третий—со времени учреждения Цурк'а до настоящего момента.

Первый период характеризуется отсутствием каких-либо обязательных норм в области распределения. Это было время, когда наличный запас сил и внимания целиком был направлен к тому, чтобы совладать с огромным достоянием, доставшимся Московскому Совету. Книжные запасы представлялись довольно значительными, и если возникала временами мысль о необходимости известной экономии и планомерности в удовлетворении, то она не успела еще вылиться в формы каких-либо норм, а осуществлялась путем внутренних приказов. Индивидуальная потребность в книге удовлетворялась более или менее свободно за исключением классиков, художественных изданий и книг научного содержания, имевшихся в небольших количествах.

Индивидуальная потребность удовлетворялась при посредстве вновь открытых книжных магазинов. Снабжение организаций и учреждений, насколько они не питались закрытыми муниципализацией складами, шло старыми путями и шло вполне удовлетворительно, благодаря правительственным кооперативным и издательским складам, с одной стороны, и с другой—Центральному складу, вскоре после муниципализации организованному при Отделе Печати.

Крупные отпуски книг были поставлены под контроль Отдела Печати, и этот контроль, с одной стороны, устранял злоупотребления и приостанавливал не вызывавшееся необходимостью расходование книжных запасов, с другой—являлся как бы поправкой к тому естественному распределению книг, которое производилось само собой, без особой нормировки извне.

Контроль крупных отпусков осуществлялся также благодаря принятому порядку выдачи разрешений на вывоз книг. Разрешения выдавались и сейчас выдаются Отделом Печати, который получил возможность при отправке книг по железной дороге проверять каждый раз закономерность отпуска.

Такой порядок разрешительных, индивидуальных отпусков, неизбежный в первое время, не мог, однако, долго держаться. И здесь, как и в других областях, уже вскоре после муниципализации, стала чувствоваться потребность в какой-либо системе, общем плане, объемлющем все снабжающие организации и способном дать книжному фонду вполне целесообразное назначение. Тем более, что при ухудшающихся экономических условиях постепенно выяснялась угроза книжного оскудения. Бумаги производилось меньше, и запасы ее исчезали, технические средства шли на убыль и число рабочих графического дела заметно уменьшалось, как и в других отраслях производства. Необходимо было считаться с тем, что воспроизводство книг, уже сократившееся, будет падать все больше, и если отпуск книг будет производиться без надлежащего плана и спасительной экономии, то возможно ожидать быстрой утечки и истощения книжных запасов.

Эти соображения уже в самом начале привели к мысли об объединении всего дела снабжения печатными произведениями в Москве в руках Отдела Печати, создав при нем орган распределения, в который

должны были войти представители ведомств. Такая Комиссия для распределения книг, избранная Президиумом Московского Совета в числе трех человек и впоследствии расширенная до 8—от Наркомпроса 4 представителя, Московского Совета 3 и Центропечати 1—должна была работать временно впредь до организации «Центрокниги», к которой должно было перейти распределение в государственном масштабе.

Однако, организация «Центрокниги» замедлилась—отчасти в связи с этим упрочилась позиция Междуведомственной Комиссии, которая в измененном составе выступила в качестве единого распределительного аппарата по г. Москве.

Принципы, положенные в основу этой Комиссии, сводились к следующему.

Из всех книжных запасов и запасов наглядных пособий, находящихся в Москве, образовывался единый книжный фонд, который и должен был явиться объектом распределения. Сюда имели войти наличные запасы и вновь выходящие издания, а также прибывающие в Москву грузы, безотносительно кому означенные запасы принадлежали, и независимо от того, взяты ли они на учет или приобретены каким-либо ведомством или организациями.

В состав Комиссии должны были войти представители соответственных центральных Комиссариатов—Наркомпроса, Наркомзема, Наркомздрава и В. С. Н. Х., Петроградского и Московского Советов, Центропечати, Бюро Кооперативных Организаций и Совета Рабочей Кооперации.

В Бюро, которое вело непосредственную работу по распределению, с самого начала вошло 5 представителей: от Наркомпроса, Отдела Печати, Центропечати и по одному от указанных видов кооперации.

Основным положением новой системы распределения являлось прикрепление заказчиков и потребителей книг, в зависимости от принадлежности их к той или иной категории, к одному из 5 распределительных центров, к коим переходило все снабжение, при чем издательские склады лишены были права принимать и исполнять заказы, поступающие к ним непосредственно от кого бы то ни было.

К 5 распределительным центрам были отнесены: Отдел Снабжения Наркомпроса, Центропечать, Центросклад Московск. Совета, Бюро Кооперативных Организаций и Рабочая Кооперация.

Прикрепление книжной клиентуры проведено было нижеследующим порядком:

а) К Наркомпросу прикреплены были: Отделы Народного Образования областные, губернские, уездные и волостные, все высшие учебные заведения и ученые учреждения.

б) К Центропечати отошли: красноармейские организации, губернские, уездные и иные агентства Центропечати, местные Совдепы, поскольку дело идет о требованиях с их стороны агитационной литературы, а также партийные организации.

в) К Центроскладу Моск. Сов. Р. К. и К. Д. прикреплялись фабрично-заводские комитеты, проф. союзы, культурно-просветительные и общественные организации, при чем первым двум группам предоставлялось также обращаться за литературой и к Рабочей Кооперации. На Центросклад возлагалось, кроме того, удовлетворение всех местных (г. Москвы) потребностей в книге, комплектование библиотек Отделов Народного Образования по указаниям Наркомпроса и под его руководством, пополнение московских книжных магазинов, а также советских магазинов в провинции, поскольку это признано будет возможным со стороны Коллегии Отдела Печати М. С. Р. К. и К. Д.

г) К Бюро Кооперативных Организаций отошли все кооперативы и кооперативные объединения, не относящиеся к Рабочей Кооперации.

д) К Рабочей Кооперации отошли: все кооперативные организации, в нее входящие, и факультативно, фабрично-заводские комитеты и проф. союзы, поскольку они считали нужным обращаться сюда, а не в Центросклад.

Удовлетворение клиентуры, прикрепленной к одному из названных выше распространительных центров, могло производиться также и из запасов и складов других центров, но только по нарядам того из центров, к которому эти заказчики прикреплены.

Каждый центр, по мысли Комиссии, должен был вести регистрацию поступивших к нему заказов, сводные ведомости коих по установленной форме ежемесячно поступали в Бюро.

Книги подвергались в Комиссии детальному рассмотрению и распределялись между центрами в известном процентном отношении, в зависимости от характера книги и особенностей тех учреждений, которые были прикреплены к данному центру. В результате этой работы книги были размещены именно туда, где в них чувствовалась особенная нужда, и постольку, поскольку это было необходимо для возможного при существующих условиях удовлетворения этой нужды. Всего Междувед. Распр. Комисс. распределено с 24/III по 5/XII 1919 г. 21 мил. экз.

С учреждением Государственного Издательства функция распределения естественным путем переходит в центр согласно §§ 9—14 Положения, опубликованного 21 мая 1919 г. По § 9 Центральная Редакционная Комиссия организует под своей ответственностью Центральный Отдел по распределению литературы; по § 14 этот последний берет на себя, по указаниям и под контролем Редакционной Коллегии, планомерное распределение литературных и художественных изданий.

Такое планомерное распределение имело своею целью—устранение параллелизма и несогласованности, создавшихся вследствие существования ряда органов по снабжению печатными произведениями.

Задачей его явилась выработка единого плана учета и распределения на основании территориального признака, принимая во внимание численность района, степень грамотности, национальный и профессиональный состав населения, интенсивность культурно-просветительной и политической работы, насыщенность литературой и особенности политической ситуации в районе.

Однако, до декабря 1919 г. продолжала функционировать Междуведомственная Комиссия, так как

Центральная Учетно-Распределительная Комиссия к этому времени еще не сорганизовалась. В эту последнюю первоначально вошли представители Внешкольного Отдела и Отдела Единой Трудовой Школы Наркомпроса, Всерос. Сов. Проф. Союзов, Политуправления Реввоенсовета, Центр. Ком. Рос. Ком. Партии и Государственного Издательства. Что касается плана работы, то Комиссия прежде всего постановила, что Библиотечный Подотдел Внешкольного Отдела Наркомпроса объединяет все распределение книг по библиотекам, входя с ней по этому вопросу в тесный контакт и делегируя в нее своего представителя. Затем она наметила следующие принципы распределения: а) в первую очередь снабжаются библиотеки и разрабатывается библиотечная сеть, при чем план снабжения библиотек, согласно указанному, принадлежит Библиотечному Подотделу; впредь до принятия других оснований для распределения устанавливалось распределение по ведомствам, т.-е выделялись необходимые количества для Политуправления, Внешкольного Отдела, Единой Трудовой Школы и Всерос. Сов. Проф. Союзов; б) распределение книг, помимо библиотек, предположено вести через губернские агентуры, которым предоставлялась известная автономия в смысле разверстки книг по губерниям. Ц. У. Р. К. оставляла за собой право руководства общим планом разверстки и изменения планов губагентур, поскольку они окажутся неудовлетворительными.

С момента организации Цурк'а все имеющиеся на территории республики книжные запасы поступали в центр на учет Цурк'а, а на местах местных учетных распределительных комиссий, и ни один из существующих книжно-технических аппаратов не имел права снабжать кого бы то ни было печатными произведениями вне выработанного Цурк'ом плана.

В связи с этим было принято решение: 1) впредь до выяснения плана снабжения приостановить вольную продажу книг из магазинов и отпуск организациям, занимающимся перепродажей, и 2) запасы муниципализованных книг, находящихся в ведении Отдела Печати, распределять по указаниям и под контролем Цурк'а. Одновременно было предложено Отделу Печати М. С. Р. К. и К. Д. принять меры к организации Московской Учетно-Распределительной Комиссии, в задачи коей входит специально местная работа по учету и распределению причитающейся Москве литературы. Такая Комиссия была организована и приступила к работе в начале февраля 1919 г.

Положение о Государственном Издательстве было опубликованно 21 мая 1919 г., 22 декабря состоялось первое заседание Учетно-Распределительной Комиссии. В апреле 1920 г. Центральная Учетно-Распред. Комиссия постановляет в ближайшее время информировать население чрез «Известия» и «Правду» о своем существовании, а также об организации на местах Учетно-Распред. Комиссий.

Весьма возможно, что в связи с слабой деятельностью Цурк'а стоит его коренная реконструкция в мае 1920 г. Из учетно-распределительного аппарата он превращается в распределительный (сокращенно Ц. Е. Р. К.); учет же переходит в ведение специальной Учетной Комиссии при Н. К. П. Согласно постановлению Совнаркома от 20 апреля за Центральной Распределительной Комиссией при Наркомпросе утверждается исключительное право распределения литературы, кроме служебно-инструкционной, распределяемой либо чрез нее же, либо самими ведомствами.

При Церк'е тогда же организовалось Бюро из трех его членов для текущей работы и подготовки материалов для очередных заседаний Комиссии. За истекшие три месяца этим Бюро произведена значительная работа как организационная, так и чисто-деловая.

Между прочим, выработан следующий план распределения московских изданий.

Московск. издат.	Агитацион.	Библиотечная литература. Популярно-научная и беллетрист. для библ. типа волост. и сельск.	Литер. по научн. вопросам для библиот. типа уезд. и губерн.	Беллетрист. для библиотек типа уезд. и губерн.	Литерат. по вопросу внешкольн. работы.	Детская литература.
Провинция . . .	44%	52%	52%	52%—55%	50%—10%	62%
Петроград	5 »	8 »	7 »	8—5%	6%	5 »
Москва	3 »	5 »	6 »	5%	5 »	5 »
Украина	10 »	10 »	10 »	10 »	10 »	10 »
Запас	2 »	10 »	10 »	10 »	5 »	15 »
Политупр. Рев. . .	10 »	10 »	10 »	10 »	10 »	—
Центропечать . .	20 »	—	—	—	—	—
Главпол. путь . .	10 »	—	—	—	—	—

По поводу этого плана можно бы сказать, что всякое распределение путем процентного отчисления неизбежно носит чисто-механический характер и зачастую не совпадает с действительной потребностью того или другого учреждения. Можно было бы весьма основательно возражать и против самих норм, ибо непонятно, каким образом на долю Петроградской губ. литературы для библиотек типа волостного и сельского приходится 8%, а на всю Украйну 10%.

Из специальных литератур создана при Церк'е автономная секция технической литературы, находящаяся при Научно-Техническом Отделе Государственного Издательства, работающая при Главпрофобре. Секция отчитывается пред Церк'ом; ей передается вся техническая литература как наличная, так и вновь выходящая.

Затем представлен план распределения сельско-хозяйственной литературы, установлен план распределения кооперативной литературы, вырабатывается схема организации школьно-педагогическо-учебной секции и друг.

С апреля по декабрь 1920 г. Церк'ом распределено названий в количестве 12.593.753 экземпляров.

Организованная при Отделе Печати Московская Распределительная Комиссия (МУРК) включает в себя представителей: 1) Моск. Комитета Р. Ком. П., 2) Отдела Печати, 3) двух представителей МОНО—один от Вне-

школьного Подотдела, другой от Школьного, 4) Военкома и 5) Московского Совета Проф. Союзов. Комиссия распределяет книги между входящими в нее организациями, при чем Отдел Печати, исполняя поручения Комиссии, не может распоряжаться книжными запасами по своему усмотрению. Агитационная литература распределяется немедленно Отделом Печати, при чем определенный процент ее выделяется Комиссией для Внешкольного Подотдела МОНО.

Книги распределяются только между существующими организациями: школами, библиотеками, курсами, клубами и пр., по их выяснившейся потребности, а не механически, путем процентного распределения между учреждениями, входящими в М. У. Р. К.

В Центральном складе организуется книжный фонд библиотечной секции МОНО, в распоряжение которого поступают книги, предназначенные для библиотек и других учреждений, согласно распоряжениям Комиссии.

В районах г. Москвы и уездах Отделом Печати организуются Отделения Центрального склада; при районах существуют комиссии из представителей Внешкольного Подотдела, Район. Комит. партии и Отдела Печати.

В районных книжных складах имеются свои библиотечные фонды, пополняемые из книжного фонда библиотечной секции МОНО.

О количестве книг, переданных в районные и уездные отделы склада чрез Моск. Распределит. Комиссию за январь — ноябрь 1920 г. говорят следующие цифры:

Поступило из Ц'РКА:

Разных книг и брошюр.	Плакатов и листовок.	Разных журналов.
1.249.492	46.075	63.258

Распределено:

Куда отправлено.	Разных книг и брошюр.	Плакатов и листовок.	Разных журналов.
В уезды Московской губ. . . .	510.731	28.022	49.000
В районы гор. Москвы	534.463	8.805	8.500
Военкомату для военных библиотек	81.000	6.673	2.000
М. Г. С. Профсоюзов для проф. библиотек	25.000	500	500
Разным	54.000	1.000	200
Всего . . .	1.205.194	45.000	60.200

Ежедневное распределение газет по Москве и губернии представляется в следующем виде:

Название газет.	Количество.	Фабрики и заводы	Совет. учреждения и организации.	Военным.
Известия	71.000	27.000	27.000	17.000
Правда	41.000	14.000	13.000	14.000
Беднота	26.000	9.000	4.000	13.000
Экономическая Жизнь . . .	12.500	3.500	7.000	2.000
Изв. Наркомвоена	6.000	80.)	1.300	3.900
Коммунистический Труд . .	33.000	11.500	11.500	10.000
Бюл. Народ. Ком.	8.000	2.800	4.200	1.000
	197.500	68.600	68.000	60.900

В губернию отправляется ежедневно около 60.000 газет разных названий таким образом, губерния получает втрое меньше Москвы и даже меньше, чем советские учреждения в Москве.

Что касается книг, находящихся на складе так наз. Особого Библиотечного Фонда, куда, как указано выше, стянуты наиболее ценные экз. из муниципализованных складов и различных магазинов, то по мере составления списков таковые предъявлялись для просмотра и отбора следующим учреждениям и в таком порядке:

1. Румянцевскому музею.
2. Историческому музею.
3. Социалистической Академии.
4. Библиотекам 1 и 2 Госуд. университетов, Университету имени Я. Свердлова.
5. Библиотечной Секции МОНО (для снабжения центральных и районных библиотек МОНО).

Всего со склада Библиотечного Фонда было отпущено в 1920 г.:

Университету имени Свердлова . . .	8.950	экз.
Моск. Ком. Р. К. П.	503	»
Библиотеке Москов. Совета	9.040	»
Книжной Палате при Госуд. Изд. . .	15.000	»
Отделу Изобраз. Искусств МОНО. . .	5.075	»
Музею наглядных пособий	4.080	»
Румянцевскому музею	16.000	»
1-му Госуд. университету	1.900	»
Итого	60.548	экз.

Помимо этого было передано в 1919 г.

Комиссии по делам музеев и охраны памятников старины	2.520	экз.
Румянцевскому музею	75.000	»
Всего	138.068	экз.

Особенно ценные издания были переданы Румянцевскому музею — между прочим, библиотека бывшего директора Публичной Библиотеки Кобеко, которая была замурована в амбарах букиниста Шибанова на Софийском Подворье. Библиотека состояла из книг по истории культуры и русской истории. Для таких книгохранилищ, как Румянцевский музей, муниципализация имела огромное значение; имея в прошлом ничтожный бюджет, государственные книгохранилища не могли приобретать на вольном рынке редкие и антикварные издания, попадавшие или в руки букинистов или коллекционеров.

Удовлетворение индивидуальной потребности в книгах в Москве производится Отделом Печати чрез закрытые распределители, при чем правом получения книг пользуются члены Президиума В. Ц. И. К., Ц. К. Р. К. П., Члены исполкома М. С., Члены М. К. Р. К. П., далее—ответственные партийные работники для своих работ, деятели культурно-просветительных учреждений по их специальности и преподаватели для получения учебников.

Со времени открытия таких распределителей по 1 декабря 1920 года было выдано отдельным лицам 8000 экземпляров.

В) Контроль.

Выше уже было указано, как постепенно намечалось, осуществлялось и развертывалось дело контроля над муниципализованными издательствами и в чем оно заклю-

чалось. Весь период, непосредственно следовавший за опубликованием постановления Президиума от 23 октября, ушел на выработку объема, на установление предметов и характера этого контроля.

В результате этой деятельности явились Правила 14 мая 1919 г., опубликованные в № 249 «Вечерних Известий» от 24 мая в виде постановления Президиума М. С. Р. К. и К. Д. о контроле над издательствами.

Согласно этим правилам, в коих систематизирована была контрольная работа за первое полугодие после муниципализации, контролю Московского Совета подлежали все издательства, находящиеся в Москве и не перечисленные в ст. ст. I и II декрета ВЦИК о Государственном Издательстве от 20 мая 1919 г., иначе говоря, издательства частные, кооперативные, не входившие в состав крупных кооперативных организаций, ученых и литературных обществ.

Все издательства, в целях планомерного осуществления контроля и регулирования издательской деятельности со стороны Отдела Печати, должны были зарегистрироваться и получить установленную квитанцию, дающую право заниматься издательской работой.

К моменту муниципализации насчитывалось всего 69 частных и кооперативных издательств.

В 1919 году при перерегистрации было подано 71 заявление, из коих от вновь возникших издательств было 6.

В 1920 г. по настоящее время числится всего 58 издательств, из них вновь возникших 10. Таким образом, в 1919 г. закрылось старых издательств — 4, а в 1920 г.—23.

Все издательства должны были сообщить план своей ближайшей деятельности с подробным наименованием предположенных к изданию книг и намеченного количества экземпляров.

По этим индивидуальным планам была составлена общая сводка издательских предположений, которая должна была дать общую картину производительных перспектив по всем московским издательствам. Сводка была разбита по отдельным категориям книг и представлена на рассмотрение редакционной коллегии Государственного Издательства.

Эта работа вряд ли имела практическое значение. Издательские предположения за недостатком бумаги не могли быть осуществлены, более того, обезличены и взяты на учет Государств. Издательством все остатки бумаги, находившиеся в распоряжении частных издательств.

Независимо от обязанности представления общего плана, ни одна книга не могла быть сдана в набор издательством без визы Отдела Печати,—точно так же типографиям запрещено было принимать такие книги в работу. Это подтверждало обязанность, помимо общего издательского плана, представлять на разрешение в отдельности каждую книгу, предложенную к выпуску, при чем при просьбе должно быть точно указано количество экз. на предмет предоставления возможности центрам, ведавшим распространением книг, увеличивать первоначальный завод.

Впоследствии Исполкомом М. С. Р. и К. Д. было постановлено, что и периодические издания всякого рода, за исключением журналов, а также политические афиши и листки, воззвания, митинговые программы, картины с текстом и проч., не могут печататься без разрешения Отдела Печати.

Перед самым выпуском книги, для установления ее номинальной цены, издательства обязывались представлять в Отдел Печати подробные калькуляции с оправдательными к ним документами. На основании этих материалов Отдел Печати устанавливал продажную цену, которая, равно как и год издания, должны печататься на обложке.

Всего Отделом Печати было проверено и утверждено калькуляцией:

в 1918 г. . .	67 названий	на	1.115.900 экземпляров.
» 1919 » . . .	284 »	»	4.860.900 »
» 1920 » . . .	96 »	»	1.660.300 »

(до 1/VIII).

Цифры эти говорят о том, что частно-издательская деятельность замирает. Прекращает свое существование и чисто-литературное объединение. Выпуск книг с 1/VIII почти совсем прекратился.

III. Взаимоотношения между Государственным Издательством и Отделом Печати М. С. Р. К. и К. Д.

Учреждение Государственного Издательства знаменовало собою поворотный пункт в истории издательского и книжного дела. Как видно из вышеизложенного, Отдел Печати сосредоточивал в своих руках, до опубликования Положения о Государственном Издательстве, всю деятельность, как в области контроля над московскими издательствами, так и в деле учета и распределения и, наконец, в сфере издательства Московск. Совета.

Во исполнение пункта 1 означенного Положения издательская деятельность Московского Совета автоматически прекращала свое существование: вместе с другими советскими издательствами она входила в состав Государственного Издательства, образуя собою органическую часть единого государственного печатного слова.

Согласно пункта 14 к Государственному Издательству переходила функция распределения литературных и художественных изданий, каковая функция осуществлялась раньше Междуведомственным Бюро, состоявшим при Отделе Печати.

Наконец, к Государственному Издательству переходили, согласно пункту 3, регулирование и контроль издательской деятельности ученых и литературных обществ, а равно всех прочих издательств, под коим разумелись издательства, муниципализованные в свое время Московским Советом.

Никакого сомнения не возникало касательно поглощения Государственным Издательством издательства Московского Совета,— точно так же было совершенно ясно, что функция распределения, равно как связанная с нею функция учета, переходят в непосредственное ведение Государственного Издательства. Но неизбежно возникал вопрос, каким образом и чрез какие органы Государственное Издательство будет осуществлять контроль над муниципализованными издательствами, распределять книги на местах и т. д.

На этой почве между Государственным Издательством и Московским Советом возникло разногласие: Государственное Издательство не допускало, чтобы фак-

тический контроль над частными издательствами был отделен от контроля идейного с передачей его в руки учреждений Московского Совета. Последний, наоборот, полагал, что поскольку деятельность издательств носит хозяйственный характер, она контролируется местными органами Советов.

Для улажения этого разногласия была организована, по постановлению Совнаркома, комиссия из представителей Наркомюста, Наркомвнудела, Президиума Московского Совета и Государственного Издательства для установления взаимоотношений между Отделами Печати, Государств. Издат. и местными Исполкомами.

Взаимоотношение это выражено в следующем положении, опубликованном от Государств. Издательства и Московского Совета 18/XI 1919 г.

1. Отделы Печати или другие соответствующие Отделы Советов Рабочих и Красноармейских Депу атов, являясь Отделами местных Испо комов, в то же время представляют собой органы Государственного Издательства в деле контроля и регулирования на местах издательской деятельности, предусмотренной парагр. 3 Положения о Государственном Издательстве от 21 мая с. г.

2. Указанные Отделы руководствуются в своей деятельности инструкциями и распоряжениями Государственного Издательства и директивами Исполкомов и ответственны перед ними.

Если инструкции или распоряжения Государственного Издательства противоречат декретам Центральной власти, то Отделы, не приостанавливая их выполнения; могут обжаловать их в В. Ц. И. К. через свои Исполкомы.

3. Обязательные постановления Отделов Печати или заменяющих их Отделов утверждаются Исполкомами, однако, Государственное Издательство имеет право отменять обязательные постановления, поскольку они касаются функций, указанных в парагр. 1.

Взаимоотношения между Государственным Издательством и Отделом Печати ничем не нарушались вплоть до самого последнего времени, когда со стороны Государственного Издательства выдвинут был ряд положений, отменяющий установленный порядок.

Движение печати в Москве за последние 4 года.

I. Периодические издания.

	Количество выходивших названий.	Количество напечатанных экземпл.
1917 года	367	453.708.900
1918 »	412	412.342.950
1919 »	315	315.854.015
1920 » (8 мес.)	165	223.483.057

II. Книги.

1917 года	4.690	44.188.062
1918 »	3.585	64.350.944
1919 »	1.965	44.783.104
1920 » (8 мес.) .	919	18.739.355

Таким образом, приходится констатировать сильное падение книгоиздательства как частного, так и государственного. Достаточно указать на то, что одно лишь издательство Сытина обычно выпускало в год примерно до 600 названий и 175 м. л. листов.

Количество названий, выпущенных в Москве[1]) Государств. Издательства с июля 1919 г. по 15 ноября 1920 г.

I. Число названий (в абсол. цифрах).

Род изданий.	Число названий, вышедших				Всего.
	до 1 янв. 1920 г.	с 1 янв. по 1 апр. 1920 г.	с 1 апр. по 1 сент. 1920.	с 1 сент. по 15 ноября 1920 г.	
1. Беллетристика .	34	2	32	19	87
2. Агитац. литерат.	83	39	52	34	208
3. Науч.-популярн. литерат.	53	13	38	55	159
4. Детск. литерат.	10	8	7	4	29
5. Издания в 1—2 с. (Плакат., листы и т. п.)	—	—	59	51	110
Итого . . .	180	62	188	163	593

Таким образом, по 15 ноября 1920 г. в Москве Государственное Издательство выпустило 593 названия При этом до 1 янв. 1920 г. выпускалось в среднем по 30 назв. в месяц.; за 1-ю четверть 1920 г.—по 20 назв.; с 1 апр. по 1 сент. 1920 г.—по 31—32 назв. С 1 сентября количество назв. увеличилось: за $1^1/_2$ мес. вышло 163 назв. Наибольшее число названий падает на агитационную литературу; на втором месте по числу названий стоит научно-попул. литература; затем идут плакаты и листы, беллетристика и на последнем месте—детская литература. В $^0/_0{}^0/_0$ это видно из следующей таблицы:

II. Число названий (в $^0/_0{}^0/_0$).

Род изданий.	Число названий в $^0/_0{}^0/_0$, вышедших				Всего.
	до 1 янв. 1920 г.	с 1 янв. по 1 апр. 1920 г.	с 1 апр. по 1 сент. 19 0.	с 1 сент. по 15 ноября 1920 г.	
1. Беллетристика .	18,9	3,2	17,0	11,7	14,7
2. Агитац. литерат.	46,1	62,9	27,7	20,9	35,1
3. Науч.-популярн. литерат.	29,4	21,0	20,2	33,7	26,8
4. Детск. литерат.	5,6	12,9	3,7	2,4	4,9
5. Плак. и листы (в 1—2 с.) . . .	—	—	31,4	31,3	18,5
Итого . . .	100	100	100	100	100

Что касается числа экземпляров вышедших изданий, об этом дает представление следующая таблица:

III. Число экземпляров (в абсол. цифрах).

Род изданий.	Число экземпляров вышедших				Всего.
	до 1 янв. 1920 г.	с 1 янв. по 1 апр. 1920 г.	с 1 апр. по 1 сент. 1920.	с 1 сент. по 15 ноября 1920 г	
1. Беллетристика .	1.705.000	100.000	1.185.600	1.389.000	4.379.600
2. Агитац. литерат.	10.860.000	3.495.000	4.866.000	5.050.000	24.271.000
3. Науч.-популярн. литерат.	1.274.000	273.400	958.000	1.221.000	3.756.400
4. Детск. литерат.	370.000	325.000	350.000	200.000	1.245.000
5. Плак. и листы (в 1—2 с.) . . .	—	—	2.724.000	1.635.000	4.359.000
Итого . . .	14.209.000	4.193.400	10.113.600	9.495.000	38.011.000

[1]) Обзор работы Петроградского Отделения Государств. Издательства не входит в нашу задачу.

Мы видим, что главной, по количеству экземпляров, является агитационная литература, которая вместе с плакатами и листами дает свыше 28½ миллионов брошюр и листовок, распространенных по всей стране. В % % это выражается такими цифрами:

IV. Число экземпляров (в % %).

Род изданий.	Число экземпляров (в % %).				
	выпущенных				Всего.
	до 1 январ. 1920 г.	с 1 янв. по 1 апр. 1920.	с 1 апр. по 1 сент. 1920.	с 1 сент. по 15 ноября 1920 г.	
1. Беллетристика.	12,0	2,4	11,7	14,6	11,5
2. Агит. литерат. .	76,4	83,3	48,1	53,2	63,8
3. Науч.-популярн. литерат. . . .	9,0	6,5	9,8	12,9	9,9
4. Детск. литерат.	2,6	7,8	3,5	2,1	3,3
5. Плакаты и лист. в (1—2 с.) . .	—	—	26,9	17,2	11,5
Итого . . .	100	100	100	100	100

Таким образом, агитлитература (вместе с плакатами) составляет свыше 75%, или более ¾ всех изданий.

Что касается количества печатных листов, составляющих указанные выше издания, то в таблице V мы увидим следующие цифры:

V. Число печатных листов (в абсол. цифрах).

Род изданий.	Число листов.				
	выпущенных				Всего.
	до 1 января 1920 г.	с 1 янв. по 1 апр. 1920.	с 1 апр. по 1 сент. 1920.	с 1 сент. по 15 ноября 1920 г.	
1. Беллетристика.	3.633.125	125.000	4.843.613	2.362.000	10.963.738
2. Агит. литерат. .	11.332.500	5.821.250	6.972.500	4.983.500	29.109.750
3. Науч.-популярн. литерат. . . .	10.636.250	2.212.500	5.764.700	7.076.875	25.690.325
4. Детск. литерат.	722.500	325.000	450.000	325.000	1.822.500
5. Плакаты и лист. (в 1 — 2 с.) .	—	—	2.393.500	1.017.500	3.411.000
Итого . . .	26.324.375	8.483.750	20.424.313	15.764.875	70.997.313

В общем, следовательно, Государственным Издательством отпечатано в Москве по 15 ноября текущего года почти 71 миллион листов (не считая обложек, которые в расчет не принимались, но которые составят около 5 милл. листов). За первые полгода работы (до 1 января 1920 г.) выпускалось в среднем около четырех с третью миллионов листов в месяц. В конце зимы (с января по апрель) эта цифра падает ниже трех миллионов листов в месяц (в среднем 2,8 милл.). С апреля по сентябрь средняя месячная производительность в листах повышается до 3,4 милл. листов в месяц, а в октябре и ноябре достигает 10 милл.

СПИСОК ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,

выходивших в Москве в 1918, 1919 и 1920 гг. с указанием числа экземпляров по данным Подотдела регистрации Отдела Печати (бывш. Моск. отд. Книжной Палаты).

Издания, отмеченные (*), прекратили свое существование в первой половине 1918 года, издания, отмеченные (**), прекратились во второй половине года.

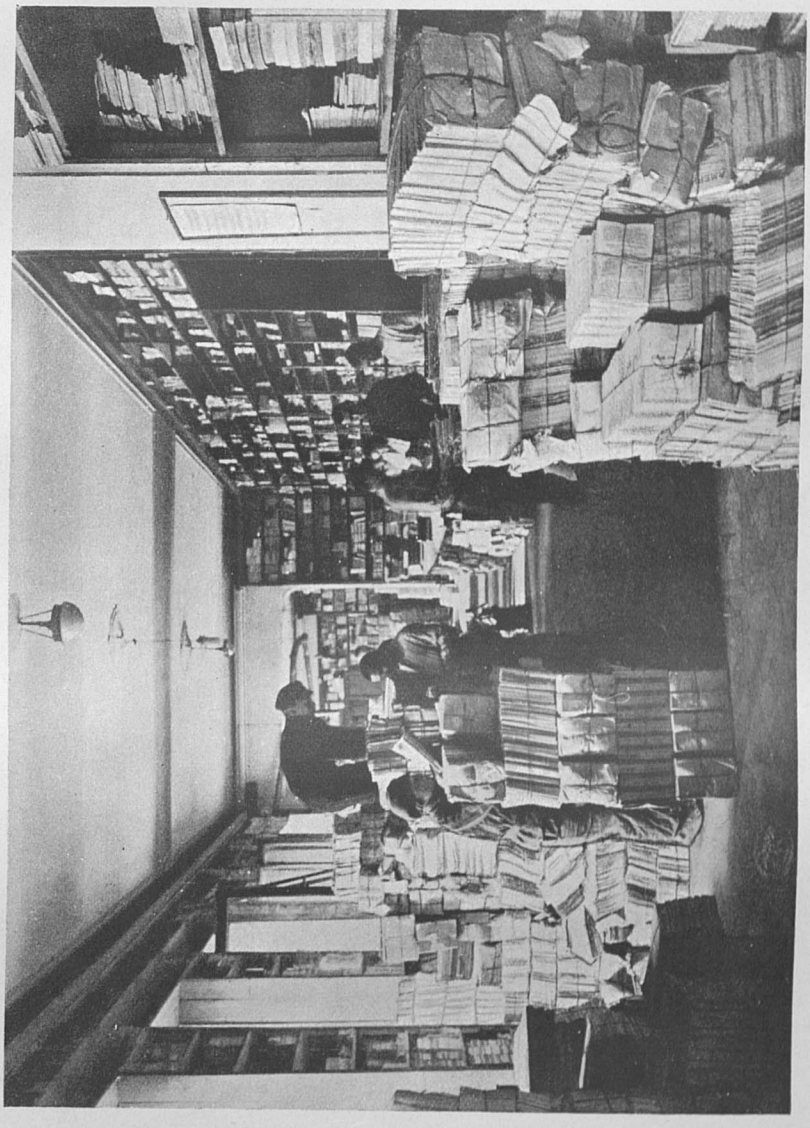
Список периодических изданий, выходящих в Москве в 1918 г.

1. 20.000. Анархия (**).
2. 2.500. Армянский Вестник (*).
3. 750. Автомобилист (*).
4. 50.000. Американский Бюллетень (**).
5. 1.500. Архив Город. Гигиены и Техники (**).
6. 700. Артистическ. Мир (**).
7. 5.500. Анархист (**).
8. 6.000. Бюллетени Литер. и Жизни (*).
9. 10.000. Брачная Газета (*).
10. 250. Бюллетени Моск. О-ва Т.-Литогр. (*).
11. 50.000. Беднота.
12. 2.000. Благовестник (*).
13. 4.000. Библиографич. Справочник (приложен. к журн. «Город») (*).
14. 5.000. Библиографическ. Ежемесячник (*).
15. 600. Бюллетени Статистич. Отдела Московск. Области. Продов. Управы (**).
16. 5.000. Бюллетень Центральн. Агентства при В. Ц. И. К.
17. 5.000. Будильн. Совести (**).
18. 3.000. Бюллетень Моск. Народн. Банка (**).
19. 4.000. Борьба (Партии Поалей-Цион) (**).
20. 5.000. Балалайка (*).
21. 3.000. Бюллетень Моск. Отд. Пищев. Инстит. (**).
22. 5.000. Бюллетень Совета Всеросс. Професс. Союзов «Всепрофжель».
23. 3.000. Бюллетень Моск. Гор. Продовол. Комит. Сов. Раб. Деп.
24. 20.000. Баба-Яга (*).
25. 2.000. Бюллетень Сов. Представ. Домов. Организ. 2 Яузского Комиссар. г. Москвы (*).
26. 4.000. Бюллетени Центротекстиля.
27. 1.500. Бюллетени VII Делегатск. С'езда (*).
28. 2.200. Бюллетень Т-ва Кооперативов по посредничеству (**).
29. 2.000. Бюллетени Глав. Торфяного Комит.
30. 2.000. Бюллетени Извест. Государств. Контроля.
31. 1.500. Бюллетень Центральн. Кооперативн. Организац. Комиссии Север. жел. дор. (**).
32. 2.000. Бюллетень Центральн. Продовольственн. Бюро Всероссийск. Железнодорожн. Союза.
33. 3.500. Бюллетень Представит. Регентск. Совета Королевства Польск. (На польском языке).
34. 1.000 Бюллетень О-ва Потреб. «Общественн. Работник».
35. 3.500. Банктруд.

36.	3.000.	Бюллет. Ликвидационн. Отдела Народного Комиссар. Торговли и Промышленн. (**).
37.	2.000.	Бюллетень Дорожного Правл. Агентов Технически - Распорядительн. движения (Сатерд) Моск. Казанск. жел. дор. (*).
38.	5.000.	Бюллетень Отдела Социального Страхован. и охраны Труда.
39.	4.000.	Благая Весть (**).
40.	2.000.	Бюллетень Студентав-Медиков Моск. Университ. (**).
41.	5.000.	Бюллетень Всероссийск. Бюро Военн. Комиссаров.
42.	10.000.	Бюллетень Всеросс. Совета нормирован. труда в металлическ. промышленности
43.	20.000.	Вперед (*).
44.	20.000.	Вертоград (*).
45.	25.000.	Великоросс (*).
46.	50.000.	Вечная Жизнь (*).
47.	650.	Ветеринарная Жизнь.
48.	1.000.	Вестник Торгово-Промышленных служащих (**).
49.	1.500.	Вестник Шанявцев (*).
50.	2.000.	Вестник Всеросс. Союза Христиан Поморск. Согласия (**).
51.	2.000.	Вестник Животноводства (*).
52.	2.000.	Вестник Главного К-та по Кожевенным делам.
53.	1.500.	Вестник Политехническ. О-ва.
54.	3.000.	Вести. Социальн. Страхования.
55.	5.000.	Всероссийский Фармацевтич. Посредн. (*).
56.	20.000.	Вестник Комиссариата Внутренних Дел.
57.	10.000.	Вестник Всеросс. Союза служащ. Продовольств. Организац.
58.	1.200.	Вестник О-ва Сближения с Англией (*).
59.	5.000.	Вестник Союза фабрично-заводских служащ. Московск. Промышл. Района.
60.	50.000.	Вечерние Вести (**).
61.	3.000.	Вестник Всеросс. Почтово-Телеграфн. Союза (*).
62.	15.000.	Welt-Revolution
63.	21.000.	Воскреси. Новости (**).
64.	950.	Временник (*).
65.	3.500.	Вестник Инженеров.
66.	4.500.	Вестник Рабочей Кооперации.
67.	4.000.	Воля и Думы Железнодорожника.
68.	1.000.	Вестник Железно-дорожн. фельдшер. (**).
69.	2.000.	Wahrds (*).
70.	60.000.	Вечерний Курьер (*).
71.	1.700.	Вестник Фотограф. (**).
72.	1.200.	Вопросы философии и психологии (*).
73.	4.500.	Вестник Воспитан. (*).
74.	2.000.	Врачебно - Санитарный Вестник Союза Городов (*).
75.	1.200.	Вестник Русско-Американской Торговой Палаты (*).
76.	1.500.	Вестник Военной (Врачебно-Санитарной Организ. г. Москвы (*).
77.	600.	Ведомость о справочн. ценах на материалы и припасы в Моск. (*).
78.	2.000.	Вестник Прикладн. Химии и Химическ. Техники.
79.	2.500.	Wygnanies (*).
80.	3.000.	Вестник Сельского Хозяйства.
81.	6.000.	Вестник Театра и Зрелищ (*).
82.	20.000.	Всегда Вперед (*).
83.	20.000.	Вечер Москвы (**).
84.	20.000.	Вокруг Света.
85.	13.000.	Возрождение (Газ.) (*).
86.	5.000.	Вестник Народного Комиссариата Труда.
87.	500.	Вестник Союза Деятел. прикладного искусства и художественн. промышленности.
88.	35.000.	Великая Россия (**).
89.	10.000.	Вестник Путей Сообщ.
90.	5.000.	Военное Дело.
91.	20.000.	Вместо Книги.
92.	15.000.	Возрожден. (жур.) (**).
93.	800.	Волоколамский Кооператор (**).
94.	1.000.	Вести. Воздушн. Флота.
95.	6.000.	Вестник Народного Комиссариата Торг. и Промышленности.
96.	2.500.	Всемирная революция.
97.	5.000.	Вестник Страхового Совета (*).
98.	30.000.	Вечери. Телеграф (**).
99.	60.000.	Вечерняя Красная Газета (**).
100.	10.000.	Wiadomosci Komis riat.
101.	20.200.	Все (**).
102.	2.000.	Вестник Торфян. Дела.
103.	5.000.	Водный Транспорт.
104.	600.	Вестник Профессионал. Союза Художн.-Живописцев в Москве (**).
105.	5.000.	Всходы.
106.	1.000.	Вести. Лыпян. Дела (**).
107.	800.	Ветеринарное Обозрение (**).
108.	15.000.	Волын. Гол. Труда (**).
109.	1.450.	Вестник Кожевенн. Труда (**).
110.	1.000.	Вестник Центральн. Ветеринари. Отдела Народн. Комиссар. Внутрен. Дел.
111.	5.000.	Вестник Кооперативного Кредита.
112.	1.500.	Воскресная Газета (**).
113.	18.000.	В Мире Приключ. (**).
114.	5.000.	Вестник Металлиста.
115.	3.000.	Вестник Аптечн. Труда.
116.	1.300.	Вестник Кооперативных Союзов.
117.	3.000.	Вестник Централ. Правления Всеросс. Профессион. Союза рабочих стекляно-фарфорово-фаянсового производства.
118.	10.000.	Вооруженный Народ.
119.	9.000.	Воля Труда.
120.	500.	Врач.-Санитарн. Хроника Москвы.
121.	8.000.	Вестник Всеросс. Союза Рабоч. Печати. Дела.
122.	5.000.	Вистник Украінського Віддіду Народньон Комісаріату справ. національних.
123.	60.000.	Вечерние Известия Сов. Рабоч. и Красноарм. Депутат.
124.	30.000.	Власть Советов.
125.	40.000.	Вестник Жизни.
126.	60.000.	Газета для всех (**).
127.	10.000.	Голос Трудового Крестьянства.
128.	4.000.	Гром (*).
129.	10.000.	Голос Эвакуирован. Железнодорожника (*).
130.	2.000.	Георгиевский Крест (*).
131.	2.200.	Голос Церкви (Старообрядческий (**).
132.	3.000.	Голос Минувшего.
133.	5.000.	Грузооборот (**).
134.	5.000.	Город (**).
135.	50.000.	Голос Труда (*).
136.	3.000.	Голос Рабочей Кооперации.
137.	15.000	Gaisma. На латышском языке (*).
138.	20.000.	Gazeta Polska. (Польская газета) (*)
139.	12.000.	Голос Кожевенника.
140.	3.000.	Glos Rabotnika i Zoluicksa (**).
141.	15.000.	Газета Футуристов (*).
142.	15.000.	Голос Толстого и Единение.
143.	3.000.	Главтабак.
144.	4.500.	Грубиян (**).
145.	10.000.	Газета Печатников.
146.	3.000.	Доброе Утро.
147.	5.000.	Друг Народа.
148.	100.000.	Дневник.
149.	4.000.	Darba Domes—МыслЬТруда, на латышск. языке.
150.	4.000.	Душеполезный Собеседник.
151.	5.000.	Ди Варгайт, на еврейск. языке.
152.	2.500.	Дело.
153.	4.000.	Dziennik Polski—Польский Дневник.
154.	10.000.	Дос Найе Ворт на еврейском языке.
155.	8.000.	Дер Эмес (Правда), на еврейском языке.
156.	1.500.	Ди Гофнунг (Надежда).
157.	3.750.	Дзяннца.
158.	5.000.	Деревообделочник.
159.	3.000.	Еженедельник Замоскв. Сов. Рабоч. и Кр. Депутат.
160.	6.000.	Еврейское Слово.
161.	650.	Еженедельная Ведом. о справочных ценах на материалы и припасы по г. Москве.

162.	2.000.	Естествознание и География.
163.	5.000.	Echo Polskie на польском яз.
164.	15.000.	Еженедельник Единство.
165.	10.500.	Еврейская Трибуна.
166.	20.000.	Еженедельник Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контр.-революцией и спекуляц.
167.	2.500.	Еженедельник Бутырск. Совдепа.
168.	15.000.	Еженедельник Народного Комиссар. по Просвещению.
169.	2.000.	Жизнь Химика.
170.	28.000.	Журнал для Мужчин.
171.	35.000.	Журнал для Хозяек.
172.	22.000.	Журнал для Женщин.
173.	50.000.	Жизнь.
174.	225.	Журнал Невропатологии и Психиатрии.
175.	1.000.	Железнодорожный Техник и Чертежник.
176.	8.000.	Журнал Художеств.-Пикантной Литературы.
177.	1.500.	Железнодорожные Известия.
178.	5.000.	Жизнь и Творчест. Русской Молодежи.
179.	30.000.	Журнал для всех.
180.	10.000.	Жизнь Национальност.
181.	2.000.	Журнал Народного Комиссариата Социального Обеспечения.
182.	25.000.	Знамя Труда.
183.	20.000.	Звезда.
184.	850.	Землеведение.
185.	2.000.	Земский Страховой Вестник.
186.	80.000.	Земля и Воля.
187.	5.000.	Zihna un Brihwais Strehlnieks.
188.	100.000.	Заря России.
189.	1.100.	Зубоврачебный Вестн.
190.	5.000.	За Родину.
191.	9.000.	Земля (газета).
192.	5.000.	Земля (журнал).
193.	10.000.	Знамя Труда—Временник Литературы, Искусств и Политики.
194.	50.000.	Знамя Трудовой Коммуны.
195.	1.800.	Земский Работник.
196.	24.000.	Заря (журнал).
197.	3.000.	Защита—Вестник Проф. Союза Моск. адвокатов.
198.	2.500.	Знание—сила.
199.	2.500.	Зори.
200.	2.500.	Земгор.
201.	5.000.	Известия Центродома.
202.	1.500.	Известия Моск. Военно-Промышлен. Комптета.
203.	2.000.	Известия Проф. Союза Моск. Актеров.
204.	2.500.	Известия Совета Всерос. Кооперативн. Съездов.
205.	400.	Известия Окружного Исполн. К-та водн. путей сообщ.
206.	10.000.	Известия Центросоюза.
207.	720.	Известия Петровской Седьско - хозяйствен. Академии.
208.	4.000.	Известия Моск. Центр. Домовладельч. Союза.
209.	3.000.	Известия Времен. К-та организац. служ. б. Моск. Гор. Общ. Управления.
210.	4.000.	Известия Моск. Обл. Продовольств. К-та.
211.	1.500.	Известия Центр. Т-ва Льноводов.
212.	1.000.	Известия Трудовой Народно-Социалистическ. партии.
213.	2.000.	Известия Организ. Бюро организ. Сионистской учащейся молодежи «Геховер».
214.	6.000.	Известия Всеросс. Почтово-Телеграфн. Союза.
215.	3.510.	Известия Всеросс. Союза Городов.
216.	35.000.	Известия Сов. Раб., Солд. и Кр. Деп.
217.	400.	Известия Исполн. Комиссии Общедворян. организ. помощи больным и ранен. воинам.
218.	2.000.	Jednodniwka Robotnicza.
219.	10.000.	Известия Главлеса.
220.	5.000.	Интернационал Молодежи.
221.	11.000.	Известия Моск. Губерн. Земской Управы.
222.	1.000.	Известия Всеросс. О-ва крахмально - паточн. заводчиков.
223.	3.000.	Известия Всеросс. Союза Лекарских Помощников.
224.	5.000.	Известия Народн. Комисс. по продовольствию.
225.	2.500.	Известия Всеросс. Учительск. Союза.
226.	7.000.	Internacionalista Еженедельник Коммунистов-эмигрантов.
227.	15.000.	Известия Телеграфа.
228.	25.000.	Известия Народн. Комиссариата по Воен. Делам.
229.	6.000.	Известия Моск. Народн. Промышл. К-та.
230.	1.000.	Известия Моск. Народ. Банка.
231.	2.000.	Известия Военно-Хозяйств. Совета Народ. Комисс. по военным делам.
232.	500.	Известия Центрочая.
233.	1.000.	Известия Главн. Сахарн. К-та Великорусск. района.
234.	10.000.	Известия Жилищного Совета.
235.	2.000.	Известия Всеросс. Эвакуационной Комиссии.
236.	15.000.	Известия Центр. Коллегии о пленных и беженцах.
237.	2.000.	Известия Русско-Американской Торговой Палаты.

238.	5.200.	Искра.
239.	400.	Известия Областного Управл. водного транспорта Моск. Окского бассейна.
240.	2.000.	Известия Всеросс. Союза Техник. Комис. Почт и Телеграфов.
241.	2.500.	Известия Моск. Пролетарск. Университета.
242.	3.500.	Известия и Труды Центросоюза.
243.	10.000.	Известия Бюро Всерос. Съезда по внешкольн. образованию.
244.	7.000.	Известия Центральн. Землемерн. Техн. Отд. Народн. Комисс. Земледелия.
245.	2.000.	Известия Моск. Отд. Всеросс. Союза Инженерн. и Моск. Областн. Бюро.
246.	2.500.	Известия Главн. Дорож. Совета ж. д. Деп. М.-Казанск. ж. д.
247.	4.000.	Искусство, театр, живопись, музыка, скульптура.
248.	3.000.	Известия Отдела по Топливу В. С. Н. Х.
249.	5.000.	Известия Главн. Спичечного К-та при В. С. Н. Х.
250.	3.000.	Известия Народн. Комиссар. Здравоохранения.
251.	6.000.	Известия Моск. Областн. Совета Народн. Хозяйства.
252.	10.000.	Известия Высш. Совета Народн. Хозяйства.
253.	1.000.	Известия Центр. Коллегии Красного Креста.
254.	2.000.	Известия Государствен. Контроля.
255.	2.000.	Известия Моск. Губерн. Проф. Союза фельдшеров,-ниц и акушерок.
256.	5.000.	Известия Моск. Союза рабочих и служащих по выработке пищев. продуктов.
257.	3.000.	Известия Горн. Отдела.
258.	1.000.	Коннозаводство и Спорт.
259.	20.000.	Кино-Газета.
260.	1.500.	Кино-Неделя.
261.	30.000.	Коммерческий Телеграф.
262.	1.200.	Кооперативный Мир.
263.	3.000.	Кооперативная Жизнь.
264.	3.000.	Кино-Труд.
265.	9.000.	Крестьянский Вестник.
266.	6.000.	Книга.
267.	7.000.	Коммунист.
268.	8.000.	Кинотеатр.
269.	20.000.	Клич Трудовых Казаков.
270.	8.000.	Культур унд Билдунг.
271.	20.000.	Красная Армия.
272.	3.000.	Книжник.
273.	70.000.	Коммунар.
274.	5.000.	Красный Офицер.
275.	50.000.	Красная Звезда.

Центральный книжный склад Отдела Печати Моск. Совета Р. К. и К. Д.

276.	15.000.	Красная Деревня — (Прилож. к «Воле Труда»).	336.	5.000.	Немое Искусство — Кино-журнал.	397.	2.000.	Российск. Журнал Коллекционеров и Корреспондентов.
277.	1.050.	Кино-журнал.	337.	4.000.	Надежда, на еврейск. языке.	398.	4.000.	Революционное Творчество.
278.	25.000.	Леса Республики.	338.	40.000.	Народное Просвещение.	399.	10.000.	Революционная Работница.
279.	4.000.	Le Journal de Russie	339.	17.000.	Общее Дело.	400.	5.000.	Рабочий Химик.
280.	2.800.	Leesnik.	340.	25.000.	Объединение.	401.	8.000.	Рабочий Контроль.
281.	2.500.	Лекарский Помощник.	341.	1.500.	Общественный Врач.	402.	40.000.	Россия.
282.	3.000.	Лесное Дело.	342.	2.000.	Огородное Дело.	403.	8.000.	Рабочий Интернационал.
283.	2.300.	Лесопромышлен. Вестник.	343.	4.000.	Охотничий Вестник.	404.	4.000.	Работник почты, телеграфа и телефона.
284.	50.000.	Московский Вечерний Час.	344.	400.	Орнитологическ. Вестник.	405.	5.000.	Рабочая Революция.
285.	1.200.	Moskauer Nachrichten.	345.	5.000.	Окарь.	406.	400.	Русский Антропологический Журнал.
286.	20.000.	Московский Полдень.	346.	20.000.	Освобожденное Слово.	407.	15.000.	Роста.
287.	5.000.	Мысль.	347.	7.500.	Освобождение Труда.	408.	1.500.	Рабочий Писчебумажник.
288.	1.700.	Московские Церковные Ведомости.	348.	1.500.	Практическ. Фармация.	409.	13.500.	Союз Потребителей.
289.	10.000.	Мирское Дело.	349.	11.000.	Путеводный Огонек.	410.	3.500.	Слово Истины.
290.	20.000.	Мировая Революция.	350.	13.000.	Пчелка.	411.	17.000.	Светлячок.
291.	35.000.	Мой Журнал.	351.	5.000.	Природа.	412.	2.000.	Сантара (Согласие), на литовском языке.
292.	25.000.	Муха.	352.	6.000.	Печатник.	413.	500.	Сад и Огород.
293.	1.000.	Международный Вестник Торговли и Промышленности.	353.	4.000.	Продовольствен. Дело.	414.	1.000.	Сине-фоно-журнал.
			354.	2.000.	Психология и Дети.	415.	32.000.	Свободное Слово.
			355.	32.000.	Понедельник.	416.	3.000.	Спорт.
294.	7.000.	Максималист.	356.	3.000.	Понедельник Народн. Слова.	417.	250.	Современная Психиатр.
295.	3.200.	Маяк.				418.	1.500.	Социал-Демократ, на латышском языке.
296.	4.000.	Московский Кооператор.	357.	600.	Православный Благовестник.	419.	1.000.	Сборник Моск.-Казанск. жел. дор.
297.	50.000.	Московский Листок.	358.	4.500.	Педагогический Листок.	420.	10.000.	Свободная Коммуна.
298.	300.	Медицинское Обозрение.	359.	6.000.	Пикантная Библиотека.	421.	80.000.	Свобода России.
			360.	1.000.	Педагогические Известия.	422.	2.200.	Свободное Воспитание и Свободная Школа.
299.	5.000.	Мир Экрана.				423.	25.000.	Славия.
300.	50.000.	Московская Маленькая Газета.	361.	2.300.	Производительн. силы России.	424.	14.000.	Свобода.
						425.	12.000.	Слово.
301.	2.000.	Математический Сборник.	362.	1.000.	Публикатор.	426.	3.000.	Sinotajs на латышском языке.
			363.	10.000.	Профессиональн. Вестник.	427.	2.000.	Сцена и Арена.
302.	15.000.	Московский Звонарь.				428.	500.	Сентябрьская трети. ведомость о справоч. ценах.
303.	1.000.	Мировая Кино-Жизнь.	364.	15.000.	Птицеводное Хозяйство.			
304.	25.000.	Мир (газета).	365	400.	Психиатрическ. Газета.	429.	3.200.	Семья и Школа.
305.	10.000.	Максималист (журнал).	366.	4.500.	Пламя.	430.	75.000.	Собрание узаконений и распоряжен. Рабоч. и Крестьянского Правительства.
306.	10.000.	Металлист.	367.	30.000.	Призыв.			
307.	5.000.	Математика в школе.	368.	2.000.	Палестинская Неделя.			
308.	7.000.	Мирок.	369.	5.000.	Профессиональн. Союз.			
309.	200.000.	Новое Слово.	370.	5.000.	Партийные Известия.			
310.	60.000.	Наше Время.	371.	16.000.	Почтово - Телеграфный Журнал.	431.	2.000.	Свободный Час.
311.	5.500.	Новости Сезона.				432.	5.000.	Svoboda.
312.	2.000.	Народная Газета.	372.	28.000.	Плетка стегает всех.	433.	2.000.	Северная Область.
313.	4.000.	Народный Учитель.	373.	500.	Прохоровский Городок.	434.	7.000.	Слово Народа.
314.	3.000.	Нахрихтен (газета на немецком языке).	374.	5.000.	Продпуть.	435.	3.000.	Страхование Рабочих и Социальная Политика.
			375.	10.000.	Пролетарская Культура.			
315.	3.000.	Новая Школа.	376.	3.000.	Пролетарий.	436.	90.000.	Свободная Жизнь.
316.	13.000.	Новости Дня.	377.	8.000.	Путь.	437.	14.000.	Сегодня.
317.	10.000.	Накануне.	378.	3.000.	Пролетарская революция и право.	438.	1.500.	Сборник Управлен. шоссейных, грунтовых и узкоколейных дорог.
318.	20.000.	Народное Слово.						
319.	100.000.	Наше Слово.	379.	500.	Прожектор.	439.	10.500.	Сын Отечества.
320.	15.000.	Народоправство.	380.	30.000.	Правда.	440.	350.	Санитарн. Бюллетень г. Москвы (Приложен. к журн. «Врач.-Санитарная Хрон. Москвы»).
321.	3.000.	Новый Путь (журнал).	381.	3.000.	Построечник (журнал).			
322.	8.000.	Неделя Народн. Слова.	382.	50.000.	Прукопник Свободы.			
323.	60.000.	Новая Заря.	383.	3.000.	Революцион. Печатник.	441.	5.930.	Сороконожка.
324.	25.000.	Народное Хозяйство.	384.	2.000.	Рампа и Жизнь.	442.	11.000.	Сборник Тарифов Российск. жел. дор.
325.	26.700.	Наша Родина.	385.	1.800.	Русский Спорт.	443.	3.000.	Северн. Хозяин (г. Вологда).
326.	5.000.	Народный Театр.	386.	2.500.	Рабочая Жизнь.	444.	20.000.	Szocialis Forradalom.
327.	15.000.	Наш Голос.	387.	10.000.	Рабочий Мир.	445.	10.000.	Статистика Труда.
328.	24.000.	Новая Пикантная Библиотека.	388.	100.000.	Раннее Утро.			
			389.	8.000.	Русская Мысль.			
329.	2.000.	Новый Земгор.	390.	5.000.	Rewolucisa			
330.	150.000.	Новая Жизнь.	391.	8.000.	Родина.			
331.	3.000.	Наш Мир.	392.	5.000.	Русский Рабочий.			
332.	3.000.	Nausisi lietuva Новая Литва.	393.	2.000.	Русская Изба.			
			394.	80.000.	Русские Ведомости.			
333.	2.000.	Набат.	395.	1.000.	Русский Военно-ленный.			
334.	20.000.	Наша Проповедь.						
335.	5.000.	Наш Журнал.	396.	700.	Русский Архив.			

446.	5.850.	Театр.
447.	10.000.	Тачка.
448.	2.800.	Театральная Газета.
449.	5.000.	Трудовая Копейка.
450.	30.000.	Труд.
451.	30.000.	Трудов. Казач. (журн.).
452.	20.000.	Торгово - Промышленный Служащий.
453.	4.000.	Техник.
454.	2.500.	Тепловой Техник.
455.	3.000.	Tiesa.
456.	10.000.	Tribun на польском яз.
457.	20.000.	Творчество.
458.	7.000.	Текстильщик.
459.	5.000.	Taisnaba.
460.	20.000.	Трудовая Школа.
461.	3.000.	Tautietis—Zihna
462.	7.000.	Театральный Курьер.
463.	25.000.	The Call.
464.	10.000.	III. Internacional.
465.	3.000.	Техника.
466.	3.000.	Транспорт и Жизнь.
467.	8.000.	Трудовой Химик.
468.	100.000.	Утро России.
469.	3.000.	Учитель.
470.	25.000.	Утро Москвы.
471.	4.000.	Унзер Вег, на еврейском языке.
472.	25.000.	Фонарь.
473.	14.000.	Фигаро.
474.	5.000.	Фельдшерский Вестник.
475.	8.000.	Flugblt.
476.	1.000.	Farmaceutu Reikalai.
477.	5.000.	Французск. Бюллетень.
478.	1.000.	Хлопчато-Бумажн. Промышленность.
479.	1.050.	Холмская Русь.
480.	500.	Холодильное Дело.
481.	700.	Хроника.
482.	1.700.	Церковность.
483.	700.	Центросвязь.
484.	4.000.	Центроткань.
485.	6.000.	Zihna (Цина).
486.	1.000.	Центро-Закуп.
487.	2.000.	Читатель.
488.	5.000.	Черное Знамя.
489.	40.000.	Четвертый Час.
490.	60.000.	Честное Слово.
491.	3.000.	Шесилим.
492.	11.000.	Эпоха.
493.	2.000.	Электрическое Дело.
494.	5.000.	Эрд Ун Фрайгайт.
495.	10.000.	Экономическая Жизнь.
496.	3.500.	Юная Россия.
497.	3.000.	Юное Творчество.
498.	15.000.	Юный Коммунист.
499.	25.000.	«Я».

Список периодических изданий, выходивших в Москве в 1919 г.

1.	452.500.	Известия Всеросс. Централ. Исполнит. Ком.
2.	138.100.	Правда.
3.	8.000.	Бюллетень Московского Потребительск. Общ.
4.	38.000.	Экономическая Жизнь.
5.	240.000.	Беднота.
6.	70.000.	Коммунар.
7.	60.000.	Голос Трудового Казачества.
8.	80.000.	Дело Народа.
9.	12.000.	Zihna.
10.	50.000.	Ключ Казачьей Бедноты.
11.	31.500.	Вечерние Известия.
12.	15.000.	Всемирная Революция.
13.	3.000.	Кооперация, (газета).
14.	4.500.	Роста (стенная газета).
15.	16.400.	Известия Народного Комиссар. по воен. делам.
16.	5.000.	Бюллетень Центротекст.
17.	5.000.	Транспорт и Жизнь.
18.	11.000.	Центрокоммуна.
19.	4.000.	Извест. 2-го с'езда финотделов.
20.	100.000.	Газета Печатников.
21.	3.500.	Театр.
22.	5.000.	Воля и Думы Железнодорожника.
23.	10.000.	Дэр-Эмэс (газета).
24.	30.000.	Ключ Трудовых Казак.
25.	4.000.	Окарь.
26.	6.000.	Дос Найе Ворт (еврейский язык).
27.	7.000.	Вооруженный Народ.
28.	3.500.	Народный Учитель.
29.	5.000.	Наш Журнал.
30.	5.000.	Московский Кооперат.
31.	8.000.	Заря.
32.	10.000.	Знамя.
33.	6.400.	Жизнь и Творч. Русской Молодежи.
34.	15.000.	Леса Республики.
35.	20.000.	III Интернационал.
36.	4.000.	Фельдшерский Вестник.
37.	8.000.	Вестник Путей Сообщ.
38.	9.000.	Москва (журнал литературы и искусства).
39.	6.000.	Набат.
40.	6.000.	Дзянница.
41.	60.000.	Красная Звезда.
42.	5.000.	Всходы.
43.	7.000.	Свободное Воспитание.
44.	10.000.	Известия Викжедора.
45.	1.000.	Психологическ. Обозрение.
46.	9.500.	Голос Толстого и Единение.
47.	8.000.	Путь.
48.	3.000.	Свободный Час.
49.	18.000.	Прукопник Свободы.
50.	15.000.	Нахрихтен (газ. на немецком языке).
51.	3.000.	Известия Государствен. Контроля.
52.	7.000.	Вестник Театра.
53.	40.000.	Вестник Жизни.
54.	15.000.	Юный Коммунист.
55.	10.000.	Рабочий Мир.
56.	30.000.	Профессиональное Движение.
57.	450.	Санитарн. Бюллет. Москвы.
58.	12.000.	Журнал для женщин.
59.	2.000.	Вестник Комитета по коженевн. делам.
60.	30.000.	Металлист.
61.	4.000.	Красный Офицер.
62.	10.000.	Жизнь Национальност.
63.	2.800.	Русский Спорт.
64.	3.000.	Вестник Пропаганды.
65.	5.000.	Рабочий Водного Транспорта.
66.	5.000.	Военное Дело.
67.	13.000.	Союз Потребителей.
68.	10.000.	Красный Пахарь.
69.	20.000.	Гудки.
70.	10.000.	The Call.

71.	3.000.	Бюллетень Всероссийск. Совета Снабж. Железнодорожник.
72.	1.000.	Вестник Стекольно-Фарфоро-Фаянсового Производства.
73.	25.000.	Горн.
74.	500.	Голос Минувшего.
75.	5.000.	Строитель.
76.	20.000.	Народное Хозяйство.
77.	20.000.	Творчество.
78.	7.000.	Ежемесячный Тарифный Бюллетень.
79.	5.000.	Математика в школе.
80.	15.000.	Внешкольное Образование.
81.	3.000.	Вестник Аптечн. Труда.
82.	1.000.	Сборн. Управлен. Шоссейных и Грунтов. Дорог.
83.	3.000.	Известия и Труды Центросоюза.
84.	3.000.	Общественный Врач.
85.	5.000.	Вестник Печати. Дела.
86.	550.	Известия Здравоохранения.
87.	2.500.	Продпуть.
88.	3.000.	На Рельсах.
89.	8.000.	Рабочая Жизнь.
90.	10.000.	Максималист.
91.	10.000.	Красный Путь Железнодорожника.
92.	5.000.	Вольная Жизнь.
93.	15.000.	Красноармеец.
94.	5.000.	Коммунистическ. Мир.
95.	10.000.	Сельское Хозяйство.
96.	10.000.	Пролетарская Революц. и Право.
97.	3.000.	Бюллет. Кустарн. Сбыта.
98.	2.500.	Вестник Прикладн. Химии и Химическ. Технологии.
99.	500.	Врач.-Санитарн. Хроника Москвы.
100.	1.200.	Русский Пчеловодн. Листок.
101.	7.000.	Техника Народн. Связи.
102.	5.000.	Трудовой Химик.
103.	3.000.	Вестник Статистики.
104.	3.000.	Кооперативный Кредит.
105.	10.000.	Вестник Народного Комиссариата Земледел.
106.	3.000.	Новая Школа.
107.	3.000.	Вестник Народного Комиссариата по иностр. делам.
108.	5.000.	Техника.
109.	8.000.	Кино-театр.
110.	3.000.	Известия Лекарских Помощников.
111.	45.500.	Советская Страна.
112.	4.000.	Всеведомлад.
113.	2.000.	Вестник Сельского Хозяйства.
114.	25.000.	Всегда Вперед.
115.	500.	Птицеводное Хозяйство.
116.	4.000.	Объединение.
117.	4.000.	Голос Рабочей Кооперации.
118.	18.000.	Власть Советов.
119.	5.000.	Вестник Кооперативного Кредита.
120.	1.200.	Земельное Дело.
121.	1.000.	Лесное Дело.
122.	2.000.	Мельник.

123. 21.000. Пролетарий Связи.
124. 15.000. Труд и Воля.
125. 6.000. Путеводный Огонек.
126. 12.000. Тоже Газета.
127. 3.000. Еженедельник Бутырск. Совдепа.
128. 2,500. Еженедельник Замоскворецкого Совдепа.
129. 10.000. Украинский Вестник.
130. 20.000. Голос Работника.
131. 50.000. Народное Просвещение.
132. 5.000. Жизнь.
133. 3.000. Рабоч. Писчебумажник.
134. 1.500. Пролетарская Культура.
135. 5.000. Известия Совет. Всероссийских Кооперативн. Съездов.
136. 5.000. Известия Народного Комиссариата по Продовольствию.
137. 2.500. Мирское Дело.
138. 5.000. Вестник Народного Комиссариата Торговли и Промышленности.
139. 5.000. Высшая Школа.
140. 20.000. Русское Садоводство и Огородничество.
141. 5.000. Народный Театр.
142. 3.000. Артель-Банк.
143. 2.500. Вестник Рабочей Кооперации.
144. 5.000. Деревообделочник.
145. 1.500. Рудный Вестник.
146. 2.000. Бюллетень Главн. Торфяного Комитета.
147. 40.000. Светоч.
148. 25.000. День Советской Пропаганды.
149. 5.000. Vökös Ujsag.
150. 15.000. Dezrobirea Sociala.
151. 1.000. Главсахар.
152. 15.000. Пролетарск. Диктатура.
153. 3.000. Pravda. (на чешск. яз.).
154. 3.000. Бюллетень Главснабпродарма.
155. 500. Еженедельн. Здравоохранения (коллег. городского отдела).
156. 3.000. Книжник.
157. 10.000. Die Rote Fahne.
158. 5.000. Труд-Банк.
159. 10.000. Всевобуч и Спорт.
160. 3.000. Tribuna.
161. 1.200. Страховой Вестник.
162. 1.500. Центрозакуп.
163. 20.000. Творчество, Литература, Иск., Наука, Жизнь.
164. 15.000. Известия о плен. и беженцах.
165. 1.000. Извест. Центральн. Коллегии Российск. Общ. Красного Креста.
166. 12.000. Кино-Бюллетень
167. 1.500. Вестник Политического Общества.
168. 20.000. Бюллетень Отдела Социального Страхования и Охраны Труда.
169. 5.000. Бюллетень Проф. Союза служащ. в предприятиях и учрежден. Москвы и ее районов.
170. 7.000. Искусство, Вестник Отдела Изобретательн. Искусств Народн. Комисс. по Просвещению.
171. 4.000. Журнал Народн. Комисс. Социальн. Обеспечения.
172. 5.000. Вестник Служащего.
173. 6.000. Сборник Всероссийск. союза учителей-интернационалистов.
174. 8.000. Культур Ун Билдунг.
175. 10.000. Работник Почты, Телеграфа и Телефона.
176. 2.000. Вестник Социальн. Зубоврачевания.
177. 1.700. Телеграфия и Телефония без проводов.
178. 5.000. Ежемесячн. Главн. Продовольственн. Комитета и Централ. Кооперат. Организац. Комиссии северных жел. дорог.
179. 3.000. Бюллетень Всероссийск. Железнодорож. Союза.
180. 4.000. Искусство, Театр, Живопись, Муз. и Скульптура.
181. 10.000. Бюллетень Отдела Нормирования Труда Рабочих Металлистов.
182. 4.000. Вестник Всероссийского Союза рабочих печатного дела.
183. 25.000. Профессионалын. Весни.
184. 1.000. Вестник Централ. Ветеринарного Отд. Народного Комиссар. Внутрен. Дел.
185. 13.000. Бюллетень Всероссийск. Совета Профессион. Союзов Служащих.
186. 20.000. Szocials Forradalom.
187. 11.000. Сборник Тарифов Российских железных дор.
188. 5.000. Железнодорожный Техн. и Чертежник.
189. 1.000. Бюллетень Международной Секции Высшего Техническ. Совета Народного Комиссар. Путей Сообщен.
190. 1.500. Известия Отдела по топливу Высшего Совета Народного Хозяйства.
191. 8.000. Wiadomosci Komisariati.
192. 13.000. Почт.-Телеграфн. Журн.
193. 12.800. Общее Дело.
194. 14.000. Печатник.
195. 6.000. Известия Бюро Всероссийск. Съезда по Внешкольному Образован.
196. 10.000. Медицинский Работник.
197. 100.000. Еженедельник Правды.
198. 3.000. Извест. Всероссийск. Союза Техников Комиссариата Почт и Телеграфов.
199. 5.000. Бюллет. «Всопрофжель».
200. 2.000. Известия Главного Спичечного Комитета.
201 5.000. Революционный Печатн.
202. 30.000. Вместо Книги.
203. 4.375. Вестник Комитета Посевной Площади.

204. 5.000. Бюллетень Отдела Снабжения Народного Комиссар. по Просвещен.
205. 15.000. Известия Центральн. Кооперативного Товарищества Лыноводов.
206. 4.000. Артист-Музыкант.
207. 4.000. Bydkavlen (журн. на шведском языке).
208. 1.000. Вестник Московск. Областного Союза Кооперативн. Объединений.
209. 20.000. Голос Кожевенника.
210. 7.000. Текстильщик.
211. 4.000. Бюллетени Пожарно-Страхового Отд. В. С. Н. Х.
212. 2.000. Известия Всероссийск. союза лесоводов.
213. 8.000. Работник Народн. Питания.
214. 1.000. Сборник Приказов Управления делами Народного Комиссариата по Морским Делам.
215. 4.230. Всероссийск. Печатник.
216. 3.000. Промысловая Кооперация.
217. 5.000. Кооперативная жизнь.
218. 5.000. Союзо-Картофель.
219. 2.000. Бюллетени журнала Общественный Врач.
220. 10.000. Приложение к журналу «Воля Труда».
221. 20.000. Объявлен. Народного Комисс. Юстиции.
222. 5.000. Социалистическ. строительство.
223. 50.000. Известия Центрального Комитета Р. К. партии (большевиков).
224. 3.000. Построечник.
225. 2.000. Известия Московск. отд. Всероссийск. Союза Инженеров и Московского Области. Бюро.
226. 8.000. Известия Финансов.
227. 5.000. Taisniba.
228. 3.000. Пролетарий.
229. 75.000. Собрание Узаконений и Распоряж. Рабоч. и Крестьянск. Правительства.
230. 4.000. Центро-Справка.
231. 4.000. Darba Domas (на латышском языке).
232. 5.000. Вестник Металлиста.
233. 51.800. Рабочий Интернационал.
234. 7.000. Бюллетень Всеросс. Бюро Военных Комиссаров.
235. 7.000. Streheuecks.
236. 3.000. Вестник сельско-хозяйственной кооперации.
237. 2.000. Вестник Кооперативных Союзов.
238. 8.000. Красный Курсант.
239. 8.000. Ежемесячник статистики народн. образования.
240. 500. Еженедельник Врачебно-Санитарного Отделения.

Список периодических изданий, выходящих в Москве в 1920 г.

1.	350.000.	Известия Всеросс. Центральн. Исполн. Комит.
2.	250.000.	Правда.
3.	30.000.	Гудок.
4.	30.000.	Экономическая Жизнь.
5.	12.000.	Бюллетень Моск. Потребит. О-ва.
6.	4.000.	Z[illegible].
7.	26.500.	Вечерние Известия.
8.	570.000.	Беднота.
9.	4.500.	Роста.
10.	4.500.	Агит-Роста.
11.	30.000.	Известия Нар. Комисс. по воен. делам.
12.	15.000.	Tribuna.
13.	30.000.	Голос Трудового Казачества.
14.	40.000.	Коммунистическ. Труд.
15.	15.000.	Народ.
16.	20.000.	Die Rote Fahne.
17.	5.000.	Kökös ujsag.
18.	30.000.	Известия Центр. Ком. Рос. Ком. Союза Молодежи.
19.	3.000.	Dezrobirea Sociala.
20.	10.000.	Жизнь Национальностей.
21.	2.000.	Известия Государствен. Контроля.
22.	10.400.	Пролетарская Диктатура.
23.	50.000.	Профессиональное Движение.
24.	10.000.	Вестник Театра.
25.	21.000.	Пролетарий связи.
26.	25.000.	Союз Потребителей.
27.	6.000.	Рабочий Водного Транспорта.
28.	500.	Санитарный бюллетень Москвы.
29.	10.000.	Известия Финансов.
30.	10.000.	Бюллетень Нар. Комис. по Продовольствию.
31.	150.000.	Красноармеец.
32.	25.000.	Политработник.
33.	1.500.	Известия Льноводов.
34.	2.000.	Бюллетень Труд-Банка.
35.	450.	Бюллетень Центр. Статистич. Управления.
36.	4.000.	Вестник Народного Комис. Торг. и Промышл.
37.	500.	Еженедельник Здравоохранения.
38.	3.000.	Художественная Жизнь.
39.	25.000.	Объявления Народного Комисс. Юстиции.
40.	7.000.	Коммунистический Субботник.
41.	300.	Блуждающий Огонек.
42.	3.000.	Борьба.
43.	8.000.	Юный Коммунист.
44.	10.000.	Главполитпуть.
45.	2.000.	Бюллетень Главснабпродарма.
46.	2.000.	Бюллетень Продстроя.
47.	4.000.	Бюллетень Народн. Комиссариата Труда.
48.	8.000.	Народное Хозяйство.
49.	7.000.	Текстильщик.
50.	18.000.	Власть Советов.
51.	20.000.	Творчество (Союз Потребителей).
52.	1.200.	Известия Физического Института.
53.	3.500.	Дер-Векер.
54.	12.000.	Международное рабочее движение.
55.	2.000.	Вестник Инженеров.
56.	4.000.	Красный Пахарь.
57.	40.000.	Неделя Крестьянина.
58.	5.000.	Pravda.
59.	2.500.	Юношеская Правда.
60.	15.000.	Медицинский Работник.
61.	6.000.	Трудовой Химик.
62.	9.000.	Москва (журн. литературы и искусства).
63.	500.	Врачебно - санитарная хроника Москвы.
64.	12.000.	К новой Армии.
65.	4.000.	Первомайский Субботник.
66.	8.000.	Кооперативная Жизнь.
67.	2.600.	Раненый красноармеец.
68.	30.000.	Металлист.
69.	40.000.	Народное Просвещение.
70.	2.000.	Вестник Воздушного Флота.
71.	107.	Научно - Технический Вестник.
72.	5.700.	Рабочая Жизнь.
73.	5.000.	Вестник Аптечн. Труда.
74.	15.000.	Знамя.
75.	3.000.	Известия Здравоохранения.
76.	10.000.	Воля Труда.
77.	4.000.	Известия Рабоч.-Крест. инспекции.
78.	3.000.	Бюллетень Продпути.
79.	10.000.	Сельское Хозяйство.
80.	20.000.	Общее Дело.
81.	50.000.	Бюллетень III Всеросс. Съезда Профессион. Союзов.
82.	12.000.	Железнодорожник.
83.	8.000.	Кооперативный Кредит.
84.	15.000.	Голос Кожевенника.
85.	800.	Бюллетень Политуправления.
86.	5.000.	Вестник Промысл. Кооперации.
87.	4.000.	Известия Моск. Гор. Ком. по трудов. повинности.
88.	140.000.	Красноармеец на Западный фронт.
89.	3.500.	Бюллетень Трудового фронта.
90.	5.000.	Библиотека Вестн. Промыслов. кооперации.
91.	2.000.	Бюллетени Государ. комиссии по электрификации России.
92.	2.000.	Известия Центр. Сельско-Хоз. Издательства (Еженедельник).
93.	300.	Бюллетень Нар. Комисс. по Иностран. Делам.
94.	10.000.	Тарифный бюллетень.
95	8.000.	Внешк. Образование.
96.	10.000.	Статистика Труда.
97.	1.000.	Известия Росс. Общ. Красного Креста.
98.	1.000.	Сборник Приказов Нар. Комисс. по Морским Делам.
99.	550.	Еженедельник Врачебно-Санитарн. Отд.
100.	2.500.	Мирское Дело.
101.	13.000.	Вестник Пропаганды.
102.	2.700.	Вестник Статистики.
103.	12.000.	Пролетарская Культура.
104.	3.000.	Бюллетень по охране труда.
105.	2.000.	Горное Дело.
106.	4.000.	Рабочий Писчебумажник.
107.	3.000.	Вестник Нар. Комисс. по Иностран. Делам.
108.	9.000.	Рабочий Народного Питания.
109.	6.000.	Кузница (орган Пролетарских Писателей).
110.	10.000.	Строитель.
111.	16.000.	Голос Толстого и Единение.
112.	7.000.	Голос Пищевика.
113.	4.000.	Бюллетень Центропечати.
114.	2.500.	Pochodnia.
115.	5.000.	Военное Знание.
116.	10.000.	Пролетарий Иглы.
117.	10.000.	Обществен. Земледелие.
118.	500.	The Communist Internationali.
119.	30.000.	Революция и Церковь.
120.	6.000.	Деревообделочник.
121.	5.000.	Домовый Рабочий.
122.	20.000.	Русское Садоводство и Огородничество.
123.	5.000.	Истинная свобода.
124.	3.000.	Вестник стекольно-фарфоро-фаянсового производства.
125.	2.500.	Бюллетень Юношеской Правды.
126.	7.000.	Streneeeks. (Стрелок).
127.	6.000.	Darbs.
128.	5.000.	Faunais Kommists.
129.	2.500.	Бюллетень 1-го Всеросс. съезда по Глиняной Промышленности.
130.	5.000.	Известия Советов Всероссийск. кооперативных съездов.
131.	1.000.	Бюллетень Продовольствен. Сергиево - Посадского Совдепа.
132.	10.000.	Интернационал Молодежи.
133.	5.000.	Ударник Металлист.
134.	7.000.	Техника народн. связи.
135.	5.000.	Коммунистическ. Мир.
136.	3.000.	Вестник Главного Комитета Кожевен. Промышленности.
137.	7.000.	Социалистическ. Строительство.
138.	3.000.	Украинск. Коммунист.
139.	41.000.	Первомайский Труд.
140.	4.000.	Юный Коммунар.
141.	3.000.	Известия Отдела Управления М. С. Р., К. и К. Д.
142.	50.000.	Известия Центр. Комит. Р. К. партии (большевиков).

Театральная и музыкальная Москва.

Развитие театральной и музыкальной жизни Москвы за последнее трехлетие, влияние на нее революции, достижения в смысле удовлетворения эстетических интересов широких народных масс—является главным вопросом, который настоящая статья ставит себе целью осветить на основании статистических выводов и иных данных.

В основу настоящего театрально-музыкального обозрения положены материалы Статистического Отдела Моск. Сов. Раб. и Кр. Деп., которым с января 1919 г. организована текущая театральная статистика по специально для этой цели разработанным бланкам. Кроме указанных материалов, при составлении статьи автор пользовался выборками из периодической печати за прошлые годы, а также данными Тео, Музо, Пролеткульта, Художеств. Подотдела Моно, Военкома — о деятельности этих учреждений со времени их возникновения.

Приступая к изложению следует отметить, что русское общество, пережившее политическую и социальную революции и освобождение от многих условностей прошлого, получило возможность в самых широких его массах приобщиться ко всем видам искусств—стать и зрителем, и творцом его.

Живой интерес к искусству пробудился в массе еще после первой революции 1905 года. Рабочие и иные общественные организации все более и более уделяют внимания эстетическому воспитанию масс. Учащаются групповые посещения музеев и галлерей; образованные лет 20 тому назад Народные Дома, крестьянские и фабричные театры играют также немалую роль в эстетическом развитии масс. И массовик охотно шел навстречу этим организациям, знакомившим его с искусством, как таковым. Обе революции 1917 года в этом смысле сказали свое мощное слово, давая широкий доступ ко всем видам искусств.

Приступая в первую очередь к обзору театрального искусства, как наиболее доступного пониманию широких народных масс, мы имеем целью проследить как количественный рост театров за последние годы, так и художественную сторону их деятельности.

С целью наглядного представления об изменениях в общем количестве театров и подразделениях их на категории в связи с общими условиями общественной и политической жизни, мы проследим историю возникновения одних и умирания других видов театров за последнее 6-летие. В 1914 году, предшествовавшем началу мировой войны, в Москве насчитывалось 21 театр, в том числе 2 государственных и 19 частных. Спустя трехлетие, т.-е. в конце 1917 г. число театров возрастает до 32; появляется новая категория театров — советских (1) и замечается усиленный рост количества частных театров (29), для которых 1917 г. был эпохой предельного роста и началом кризиса. С момента Октябрьской революции, как прямое следствие ее является падение значения частных театров. В 1918 г. общее количество театров увеличивается до 45 при исключительно интенсивном росте театров советских, число которых в 1918 г. достигает 18 (1 центральный Моск. Сов. Раб. и Кр. Деп. и 17 районных). Театров национальных меньшинств насчитывается три (еврейский, латышский и украинский). 1918 г. дает новое падение числа частных театров, продолжавшееся и в 1919 г. Их число сокращается до 15 при общем количестве 43 театров, функционировавших в Москве в 1919 году. Отметив категории и число театров, необходимо указать для освещения их деятельности на соотношение количества спектаклей к числу театров за вышеуказанный период времени. В 1914 г. московскими театрами (21) дано 1876 спектаклей, что составляет 89—90 спектаклей в среднем на один театр. Среднее число спектаклей на один театр в 1917 г. (при усиленном и постоянном росте числа театров) понижается до 77 и в 1918 г. — до 64. Приведенные цифры дают достаточно яркую характеристику деятельности театров Москвы за период, следовавший за революцией. Картина меняется лишь с 1919 г., когда жизнь принимает более устойчивые формы.

В 1919 г. количество спектаклей в театрах не только приближается к норме довоенного времени, но и значительно превышает ее. Так за первое полугодие 1919 г. в 43 московских театрах было дано 2470 спектаклей, что составляет в среднем 57,5 спектаклей на один театр в полугодие.

Проследив по имеющимся у нас данным за движением спектаклей последних лет, мы отмечаем рост числа спектаклей серьезного репертуара. Два оперных театра Москвы—Большой и бывш. Зимина (Малая опера) дали за 1914 г. в общей сложности 417 спектаклей. Число спектаклей в этих же театрах за первое полугодие 1919 г.

выражается в цифре 333. Такова же картина и в движении спектаклей драмы и балета. Особенно заметен рост драмы. Всеми драматическими театрами Москвы в 1914 г. дано 1119 спектаклей, в первую же половину 1919 г. — 1789, т.-е. на 670 спектаклей более, нежели за весь 1914 год. Это обстоятельство объясняется, между прочим, и тем, что за это время организовано несколько новых драматических театров.

Совершенно иное положение наблюдается в театрах фарса и миниатюр. Еще в 1917 г. спектаклей этого рода числилось около 700, в 1918 г. они сократились более чем на половину, а за первую половину 1919 г. поставлен всего 71 спектакль. Такое сокращение числа спектаклей объясняется закрытием большей части театров этого типа. Нельзя не отметить развития за последние годы новой разновидности театральной деятельности — именно постановок детских спектаклей. В 1914 г. детские спектакли насчитываются единицами, в 1918 г. было 29 постановок и в 1919 г. за первую половину — 55.

Рассмотрев последовательно репертуар последних трех лет, как серьезного направления—драматический, оперный, балетный, так и театров легкого жанра— оперетки, фарса, миниатюр, мы должны констатировать, что революция до конца 1917—1918 гг. почти не отразилась на качественном изменении репертуара большинства театров. Он остался почти тем же, что и в годы, предшествующие революции. Театры играли свой излюбленный репертуар последних лет, почти не освежая и не пополняя его. Правда, играли его перед иной аудиторией, так как социальный состав ее резко изменился. Артистическая Москва словно вновь впервые очутилась на московских подмостках,—так свеж и безыскусствен оказался слушатель и зритель новой формации; и надо думать, что только в ней, в успехе у этой благодарной аудитории артисты черпали свое вдохновение.

Репертуар драматических театров 1917 и 1918 гг. за немногими исключениями тот же, что и репертуар 1915, 1914, 1913 гг. Он почти застыл в старых формах, и веяния новой жизни не коснулись его. Лучшие московские театры: Малый, Художественный, Корш, Незлобин, дают за эти годы, за немногими исключениями, тех же авторов, что и шесть лет назад, при чем нельзя не указать на невыдержанный и часто бессодержательный подбор пьес. Если в репертуаре Малого театра стоят Островский, Грибоедов, Шекспир, то не менее почетное место по числу спектаклей принадлежит там Гнедичу и Рышкову. Такие пьесы, как «Соломенная шляпа», не могут, конечно, служить зрелищем в эпоху революции.

В театре Корша пьесы русских и иностранных классиков сменяются пьесами Крылова — Северина, мелодрамами Гордина и Юшкевича или такой заигранной вещью, как «Дети Ванюшина». Еще менее требовательным в смысле подбора репертуара является театр Незлобина.

В сезоне 1917—1918 гг. на сценах московских драматических театров были представлены 95 авторов 158 пьесами; пьесы русских и иностранных драматургов шли почти в одинаковой пропорции. Самыми репертуарными пьесами, как в этом, так и в последующем

сезоне, были пьесы Л. Андреева. В общей сложности в 1917—1918 гг. он был представлен 37 раз, в том числе в Малом (2 раза) «Профессор Сторицын» и 35 раз остальными его пятью пьесами — «Старый Студент», «Тот, кто получает пощечины», «Милые призраки», «Проклятый принц» и «Реквием» на сценах частных театров. Из классиков Островский шел 102 раза, Грибоедов — 19 раз. Пьесы иностранных классиков: Шекспира, Мольера, Диккенса, выдержали в этом сезоне 43 представления. Наибольшим успехом пользовались пьесы Шельдона («Роман»), Лерберга («Пан»), Метерлинка («Синяя птица»), О. Уайльда («Саломея»), Сологуба («Ванька ключник» и «Паж Жеан») и Горького («На дне»). Чехов был представлен (42 раза) тремя пьесами на сцене Художественного театра и Достоевский 34 раза в том же театре.

В этом сезоне впервые были поставлены пьесы Мережковского: «Павел I», «Будет радость» и «Романтики».

В репертуаре Камерного театра (бывш. Свободный) находим «Покрывало Пьеретты» и «Ящик с игрушками», пьесы, шедшие еще в 1914 году на сцене Свободного театра.

Присоединив к приведенному перечню пьесы: Биссона «Неизвестная», «Голубой ковер» Столицы, «Комедия об Алексее» Кузьмина и «Ночной туман» Сумбатова, мы исчерпаем репертуар московских драматических театров за сезон 1917—1918 гг.

В репертуаре 1918—1919 гг. насчитывается 240 пьес 136 авторов. Самым распространенным и на этот раз был Л. Андреев. Его ставят одновременно и советские и частные театры в общей сложности 80 раз. Большим успехом в этом сезоне пользуются пьесы Горького на сценах Малого, советских и частных театров. Но первое место по числу постановок принадлежит Островскому. Его пьесы — на сценах всех театров. Малым театром он представлен 75 раз, советскими — 45 и частными — 32. Художественный театр и его обе студии дают пьесы Чехова («Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Иванов»), Тургенева и инсценировки Достоевского. Чехов представлен этими театрами 109 раз, Тургенев — 72 и Достоевский — 47. На сценах советских и частных театров шли пьесы Гоголя (29 раз); Малым и частными театрами 22 спектаклями представлен Грибоедов. С постоянным успехом на сцене театра Незлобина шел «Царь Иудейский» (51 раз); не меньшими симпатиями у публики пользовались в течение всего сезона пьесы Мережковского «Павел I» и «Зеленое кольцо» Гиппиус. Во всех театрах значительно увеличилось число постановок пьес иностранных классиков. В этом сезоне Шекспир шел 47 раз, Шиллер—43, Мольер—27 и Диккенс—55 раз. Из переводных наиболее часто ставились пьесы — Лотара («Шут на троне»), О. Уайльда («Саломея» и «Флорентийская трагедия»), Гамсуна («У жизни в лапах» и «У царских врат»). Гауптман представлен пьесами «Потонувший колокол», «Ткачи» и «Праздник мира». «Поток» Бергера, «Ящик с игрушками» Дебюсси и поставленная театром Корша на тему дня «Смерть Дантона» Бюхнера завершают показательный репертуар сезона 1918—1919 годов, имевший известный успех у широкой публики.

Если мы перейдем к заключительному сезону 1919—1920 гг. и обратимся к драматическим театрам, то, несмотря на переходное состояние, в котором находится сейчас русский театр вообще, драматические театры значительно превосходят сезоны прошлых лет художественностью своего репертуара[1]). По справедливому мнению одного видного критика, постоянного обозревателя театральной Москвы, театры, как общее правило, отказались от постановки пьес мелких, пошлых, рассчитанных только на забаву и на угождение дурным вкусам, какими пьесами раньше засаривался репертуар. Московские театры в целом и почти каждый из крупных театров в отдельности сосредоточили свое внимание и свою сценическую работу на произведениях неоспоримо большой художественной ценности. И затем почти все театры стремились из мировой драматургии выбирать произведения, отличающиеся или сильным подъемом, или героическим пафосом, романтическою ширью или ярким комизмом, считая, что именно такого стиля произведения особенно нужны и особенно доступны новому зрителю. На сцену получил доступ ряд пьес, прежде запрещенных по причинам религиозного, морального или политического характера, напр., «Саломея» Уайльда, «Пан» Лерберга, «Павел I» Мережковского; стали вводить в репертуар пьесы, касающиеся проблем социальной революции. К таким пьесам следует отнести: «Ткачи» Гауптмана, «Катастрофа» Де-ла Грациа, «Взятие Бастилии» и «Волки» Р. Роллана, «Зори» Верхарна и целый ряд других. Очень видное место занял классический репертуар. Часто игрались произведения Шекспира, В. Гюго, Шиллера, Шелли, Байрона, Мюссе, Лопе-де-Вега, Клейста, Гольдони, Словацкого и др. Из русских имена Островского, Гоголя, Грибоедова, Л. Толстого, Тургенева, Чехова не сходили с театральных афиш. Однако, на окраинах и во многих районных театрах удержался и старый репертуар, уже сошедший со сцен большей части других театров. Здесь еще встречаются примелькавшиеся в прошлом имена Невежина, Мясницкого, Беляева, Рышкова и др. Из существовавших в Москве в 1919 — 20 гг. театров-миниатюр — 14, в виду нетерпимого характера их направления, были закрыты, и имущество их конфисковано по постановлению Президиума М. С. Р. и К. Д. Не останавливаясь на деятельности оперных театров, речь о которых будет ниже, мы дадим характеристику остальных 28 драматических театров за сезон 1919—20 гг., основываясь на еженедельных сведениях о движении репертуара названных театров. Общее количество спектаклей в период с сентября до конца мая в 28 профессиональных драматических театрах—центральных, районных и национальных меньшинств достигло 2344. Русские драматурги в этом сезоне представлены в количестве 63; иностранные — 58. Наибольшее число постановок выдержали и широким успехом пользовались пьесы Островского (204 спек.), Андреева (145 спек.), Чехова (106), Диккенса (64) на сценах центральных и районных театров. Не менее популярными были пьесы Мольера, Гейерманса, Гольдони, Лотара, Шницлера, Гауптмана; из русских: А. Толстого, Тургенева, Гоголя. Некоторые пьесы значительным числом спектаклей прошли на сценах определенных театров. Так «Дядя Ваня» Чехова (64 спек.) и «Царь Федор» А. Толстого (32 спек.) шли исключительно в Художественном театре; в 1 Студии — «Поток» Бергера (40 спек.); «Зеленое кольцо» Гиппиус (46) во 2 Студии. У Корша «Беатриче Ченчи» Шелли (26) и «Люнгорн и К⁰» Бергстрема (17 спек.). На сцене Показательного театра «Ариана и Синяя Борода» Метерлинка (25 спек.), «Разбитый кувшин» Клейста и «У Дидро» Стенюи (по 20 спек.). В театре Незлобина «Царь Иудейский» К. Р. (29 спек.) и «Иудушка» Салтыкова-Щедрина (23 спек.). В репертуаре Камерного театра, за исключением «Фамира Кифаред» Анненского, шли пьесы исключительно иностранных авторов. Большим количеством спектаклей прошли новинки сезона—«Адриенна Лекуврер» Скриба (28 спек.) и «Принцесса Брамбилла» Гофмана (18 спек.). Истекший сезон изобиловал новыми постановками. Репертуар Показательного театра сплошь состоял из новинок, в число которых: «Памела-служанка» Гольдони, «Разбитый кувшин» Клейста, «Ариана и Синяя Борода» Метерлинка, «У Дидро» Стенюи, «Дикие лебеди» Жданова, «Мера за меру» Шекспира и возобновлена «Собачий вальс» Андреева. В Художественном две постановки—«Каин» Байрона и комическая опера «Анго» Лекока; в 1-ой Студии «Балладина» Словацкого, во 2-ой—«Узор из роз» Соллогуба. В Малом театре новыми постановками были пьесы Лопе-де-Вега «Собака садовника» и возобновлены «Ричард III» Шекспира. На сцене театра Незлобина «Борьба с рутиной» Эрнста, «Мария Тюдор» Гюго, «Дон Карлос» Шиллера и «Иудушка» Салтыкова-Щедрина. «Новый Театр» Худож. п/о Моно ставит к 1 мая 1920 «Вильгельма Телля» и «Колокол» Шиллера в композиции Бебутова. Театр Корша дал восемь новых постановок: Мережковского «Царевич Алексей», Шелли «Беатриче Ченчи», Мюссе «Подсвечник», Кальдерона «Сам у себя под стражей», Бергстрема «Люнгорн и К⁰», Бейерлейна «Вечерняя заря», «Рваный плащ» и возобновлена комедия Шекспира «Сон в летнюю ночь». Районные театры ставили спектакли самостоятельными труппами или обслуживались гастрольными спектаклями всех крупных театров Москвы и частных коллективов. На сценах районных театров на ряду с репертуаром неоспоримой художественной ценности, из сокровищницы мировой литературы ставились и пьесы, правда, в небольшом числе, уже отошедшие в область прошлого. В тесном соседстве с Шекспиром, Мольером, Островским, Гоголем, Толстым и др. мы встречаем имена Шпажинского, Невежина, Мясницкого и др.

По мере приобщения широких кругов зрителей к театру большое значение приобретают районные передвижные спектакли центральных театров, а также отдельных трупп. Так, театральной Секции Худож. П/о МОНО с января по ноябрь 1920 г. было устроено 617 спект. с 425.000 зрителей. Репертуар их соответствовал в общем и целом репертуару центральных театров.

Теперь о театрах национальных меньшинств. Из них польский, армянский, еврейский (на жаргонном наречии) лишь в процессе формирования; пока идет закрытая студийная работа, и во что она выльется—вопрос

[1]) Настоящая характеристика составлена на основании личных наблюдений и отчасти заимствована из отзывов, помещенных в „Вестнике Театра", «Художественной Жизни» и друг. органах печати.

будущего. Налицо сейчас два театра—еврейский (на древне-еврейском языке) «Габима» (Эстрада) и украинский пролетарский театр, которые функционируют третий сезон. Идея создания «Габима» возникла в бывшей черте оседлости у Н. Л. Цемаха, основателя и руководителя ее, еще 11 лет тому назад. Бесправное положение того времени не давало развиться делу, и труппа «Габима» перекочевывала из Литвы в Польшу, в Галицию, в зависимости от усмотрения властей, давая в различных городах свои спектакли. Опыт работы многих лет показал всю острую потребность еврейских масс в настоящем художественном театре, и потому решено было приступить к его организации на новых началах, т.-е. не с образования труппы, а со студии, которая в будущем должна вылиться в подлинный передвижной художественный театр исторической трагедии. Студии пришлось пережить не мало затруднений и финансовых и ведомственных, но, в конце-концов, благодаря энергии ее руководителя, она окрепла, и вот уже третий сезон демонстрирует свои художественные искания и достижения публично, пользуясь симпатиями у зрителей и артистической Москвы. До сих пор были поставлены на сцене «Габима» пьесы Переца, Аша, Берковича и «Вечный жид» Пинского. В ближайшем сезоне пойдут мистерия «Гадибук» (Борьба двух миров) в 4-х актах Анского, «Дочь Иеффая» Ш. Аша, а также инсценировки из библейской жизни. Режиссерами этого театра были Е. Б. Вахтангов, В. М. Мчиделов, а в последнее время—заинтересовавшийся «Габима» К. С. Станиславский. О «пролетарском украинском театре» сказать почти нечего. Репертуар его старый, обветшалый созданный еще несколько десятков лет назад из мелодрам Старицкого, Кропивницкого, Карпенко-Карого (Тогобочного) и пресловутой «Наталки-Полтавки» Котляревского. С того времени и до сих пор украинский театр не подвинулся вперед ни в идейном, ни в художественном отношении.

По плану настоящей статьи следует обзор музыкальной деятельности Москвы за указанный период. Он делится на театрально-оперную, концертную, композиторско-издательскую и музыкально-педагогическую. О последней речь будет в другом месте этого сборника.

Оперная деятельность протекала все время, если не считать гастролей на районных сценах, в трех постоянных оперных театрах г. Москвы — Большом, быв. Зимина, а ныне Музыкальной Драмы, и Народном Доме имени Каляева (быв. Сергиевском). Хотя наши оперные театры представляют постоянную величину уже много лет, не подвергшуюся существенным изменениям и в годы революции, тем не менее, движение спектаклей за последние годы резко колебалось. Особенно заметно падение количества спектаклей в 1917 революционном году, вследствие общих условий, когда всякая общественно-просветительная деятельность замирала целыми неделями и месяцами. В этом году названными театрами было дано всего 291 спектакль, против 417 в 1914 году и 371 спек. в 1913 г. Но уже в 1919 г. количество их значительно поднялось над обычным уровнем предшествующих лет; так, за одно первое полугодие 1919 г. было поставлено 333 оперных спектакля, т.-е. всего лишь на 38 спек. меньше нежели за весь 1918 год, что объясняется удлинением сезона, сокращением числа праздников (их кануновв), постановкой спектаклей великим постом и, кроме того, системой оперных гастролей в районах, обслуживаемых артистическими силами тех же театров. Большой государственный театр заканчивает спектакли в последние годы, как и в довоенное время, к 1 — 15 мая, так что и количество спектаклей шло в нем по обычной норме: так, в 1914 г.—161 спек., в 1915 г.—153 спек. и за первую половину 1919 г.—75 спек., т.-е. почти без всякого изменения против прошлых лет. Очень понизилось число спектаклей в Народном Доме, где чередовались оперные и драматические постановки, и исключительно интенсивно развили свою деятельность советские театры. В 1917 году было ими дано 96 спек., в 1918 г.—248 спек. и за первую половину 1919 г.—177 спектаклей. Сюда включена деятельность Советского (б. Зимина) и районных театров со спектаклями гастрольного типа. Из приведенных данных несомненно развитие работы советских театров, а также общетеатральной деятельности. Оперный репертуар изменился за последние годы лишь возобновлением Вагнера, Моцарта и шестикратной постановкой «Фиделио» Бетховена, так как за годы мировой войны, с конца 1914 г. и до середины 1917 г., с репертуара сняты были оперы немецких композиторов и заменены усиленной постановкой опер французских и итальянских. Но, в общем, репертуар остался тот же, за отсутствием новых опер и постановок.

Рассмотрим оперные сезоны за последнее трехлетье. В 1917—18 году сорок опер было поставлено 317 раз, из них Большим театром 26 опер 129 раз, Советским (преобразован в конце 1917 г.) 6 опер 96 раз и частными (Зимин и Народный Дом) 23 оперы 92 раза. Самыми распространенными композиторами были Римский-Корсаков и Чайковский. 8 опер Римского-Корсакова шли 86 раз, в том числе «Золотой Петушок» 39 раз, но 9 спектаклей выдержали «Кащей» и «Сказка о Царе Салтане», 7 раз шла «Царская невеста» и 5 «Сказание о Граде Китеже, 11-ю спектаклями прошли «Майская ночь» и 4 «Снегурочка». В Народном Доме 2 раза был поставлен «Моцарт и Сальери». Наибольшим успехом из опер Чайковского пользовался «Евгений Онегин», шедший на всех сценах 28 раз; затем «Иоланта» 9 раз, «Мазепа» 7, «Чародейка» 1 и «Пиковая Дама» 5 раз. По количеству спектаклей вслед за Римским-Корсаковым и Чайковским стоит возобновленная «Орестея» Танеева, шедшая 32 раза на сцене Зиминского театра. Остальные оперы были представлены небольшим количеством спектаклей. В последний раз в этом году (в первой его половине) была поставлена опера Глинки «Жизнь за царя». Из иностранцев шли исключительно итальянцы и французы. Чаще других оперы Верди — «Аида», «Риголетто» и «Травиата», в общем 23 раза; Пуччини — «Богема» и «Тоска» 23 раза; Бизе—«Кармен» и «Искатели жемчуга»—14 раз; по 8 раз оперы Сен-Санса, Галеви, и еще меньшим количеством были представлены оперы Россини, Массене и Делиба.

В 1918—19 году репертуар несколько расширился благодаря возобновлению постановок опер немецких композиторов, из которых первое место принадлежит Вагнеру, представленному в этом сезоне 23 спектаклями; за ним следуют Моцарт—«Похищение из Сераля» 9 спек. и 6 раз «Фиделио» Бетховена. Из иностранцев часты

постановки опер Верди (в общем 28 раз), Николаи — «Виндзорские кумушки» 21 раз (возобновлена на сцене Советской оперы) и Россини — «Вильгельм Телль и «Севильский цырюльник»—всего 34 раза. Количество постановок французских и итальянских опер значительно уменьшилось против прошлого года, но общее количество постановок опер иностранных композиторов за этот год возросло за счет опер русских композиторов. В 1917—18 театральном году из общего количества 317 спектаклей 207 принадлежало русским композиторам и 110 иностранным. В 1918—19 годах из 378 спектаклей 206 было иностранных и 172 русских. Чайковский и Римский-Корсаков в этом году, как и всегда, занимали первое место. Шли те же оперы и приблизительно в том же количестве: оперы Чайковского 77 раз и Римского-Корсакова — 58 раз. Значительным количеством были представлены «Борис Годунов» Мусоргского (16 раз) и «Демон» Рубинштейна — 14 раз.

Остальные немногие русские оперы шли 2—3 раза за сезон. Новая опера «Колдунья» Иванова-Борецкого, не имевшая успеха, шла всего 2 раза на сцене Советской оперы. Таково движение репертуара за 1917—18 и 1918—19 годы.

Если при обзоре последнего 1919 — 20 театрального года и оценке его драматического репертуара можно было признать в нем известные достижения, то о бедном репертуаре наших оперных театров и застое, в них царствующих, не может быть двух мнений.

Из существовавших в Москве трех оперных театров в 1919—20 гг., один—Народ. Дом имени Каляева—прекратил свое существование, как театр оперный (в настоящее время в нем идут исключительно драматические спектакли). Функционируют Большой Государств., Малая опера и в Зеркальном Зале театра «Эрмитаж» на летний сезон (с 30 мая по 8 август) были организованы под руководством и с участием Ф. И. Шаляпина ряд оперных спектаклей. Во всех трех поименованных театрах было дано 368 спект. В Большом таковых было 190, в том числе 118 оперных и 72 балетных, в Малой опере — 122, три из них драматические 1 Студии Художеств. т. и летней оперой в «Эрмитаже» — 56, а всего за весь сезон 1919—20 гг. было дано 293 оперных спектакля.

Числом композиторы как русские, так и иностранные были представлены поровну (7 русских и 7 иностранных).

Из русских композиторов наибольшим количеством спектаклей был представлен во всех трех театрах Чайковский — 56 спектаклями; за ним в последовательном порядке шли Римский-Корсаков — 46 раз, Мусоргский 31 р., Рубинштейн 23 р., Глинка — 14 р., Бородин 7 и Даргомыжский—5 р. Из опер Чайковского в Большом театре шла лишь «Пиковая Дама», возобновленная под управлением Кусевицкого (9 раз) и она же 22 раза в Малой опере; в Эрмитаже и Малой опере еще ставили «Евгения Онегина» 25 раз. Римский-Корсаков шел исключительно в Большом тремя операми: «Царской невестой» и «Сказкой о царе Салтане» (обе оперы прошли 16 спектаклями каждая) и «Садко» (14 спек.). «Борис Годунов» Мусоргского шел 2 раза в Большом, 21 р. в Малой опере и 8 р. в Эрмитаже.

«Демон» Рубинштейна 23 р. в Малой опере, «Руслан и Людмила» Глинки 14 р. в Большом и там же «Князь Игорь» Бородина 7 р. и, наконец, 5 раз была представлена «Русалка» Даргомыжского в Эрмитаже. Всего во всех московских театрах за сезон 1919 — 20 гг. десять русских опер были представлены 182 спектаклями. Таким же количеством (10) были представлены оперы иностранных композиторов, выдержавших на сценах тех же театров 111 спектаклей в следующем порядке. Чаще других шла опера «Севильский цырюльник» Россини (в Большом и Эрмитаже) всего 22 раза. За ней следовали (в тех же театрах) опера Верди — «Аида», «Травиата» и «Риголетто», всего 19 р.; 17 раз «Лакме» Делиба (в Большом); оперы Вагнера—«Валькирия» всего 2 раза в Большом и «Лоэнгрин»—14 р. в Малой опере. Затем «Богема» Пуччини 13 раз (в Малой опере), «Кармен» Бизе 12 р. (в Эрмитаже) и «Фауст» Гуно (в Малой опере и «Эрмитаже») 12 раз. Вот и весь репертуар, которым вынуждена была довольствоваться оперная Москва за последний год. Не только не было новых постановок, но сошли со сцены против прошлых лет следующие оперы: «Тангейзер» и «Золото Рейна» Вагнера, «Похищение из Сераля» Моцарта, «Фиделио» Бетховена, «Искатели жемчуга» Бизе, «Ромео и Джульетта» Гуно, «Самсон и Далила» Сен-Санса и др. Из русских сняты с репертуара целый ряд опер: Римского-Корсакова—«Золотой петушок», «Снегурочка», «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», «Моцарт и Сальери», «Кащей»; Чайковского—«Иоланта», «Черевички», «Мазепа»; Танеева — «Орестея» и др., шедшие лишь в прошлом театральном сезоне 1918—1919 гг. И не только репертуар, но и художественная сторона постановок и исполнения явно шла на понижение против прошлых лет. Внутренняя борьба в Малой опере из-за художественных принципов перешли в длительный кризис в течение всего сезона, окончившийся ликвидацией Малой оперы и преобразованием ее в Музыкальную драму, деятельность которой мы будем наблюдать лишь в будущем сезоне. Отъезд многих артистов оперы за пределы Москвы или даже России, усталость наличного состава, слабый приток новых оперных сил и пр. и пр.—это, с одной стороны, и с другой—общее зло нашей жизни—голод и холод, породившее падение дисциплины, выступления на стороне в ущерб тому прямому делу, которому артист призван служить, распыление сил, деморализирующий дух «халтуры», из-за которого художественная сторона падает с несомненной очевидностью,—все это вместе взятое губительно отразилось на оперном деле.

Балетные спектакли, как и всегда, шли исключительно на сцене Большого театра. Долго и упорно работали над возобновлением «Лебединого озера» Чайковского, который шел за весь сезон 5 раз; его же балет «Щелкунчик» был поставлен 14 раз. Остальные балеты, большею частью со сборной музыкой, шли в таком (по количеству спектаклей) порядке: «Дон-Кихот» 12 р., «Корсар» 9 р., «Коппелия» 8 р., «Тщетная предосторожность» 8 р., «Конек-Горбунок» 7 р., «Любовь быстра» 6 р. и «Баядерка»—3 раза. В общем девять балетов в течение прошлого 1919—20 гг. сезона выдержали на сцене Большого театра всего 72 представления.

Много толков вызвало в театральном мире беспокойное существование Никитского театра, бывшей опе-

ретты Потопчиной, а ныне Комической оперы. Одно время, и довольно продолжительное, он был опечатан по постановлению Центротеатра, но впоследствии тем же органом власти призван к новой жизни. Объективные данные говорят, что театр остался тем же: в нем почти не обновленный состав артистов, тот же бедный оркестр и старый заигранный репертуар минувших лет. В истекшем сезоне, с 1 января по 31 мая, было дано этим театром 116 спектаклей. Наибольшим успехом пользовались оперетки, шедшие и в прошлом сезоне: «Гейша» прошла 30 раз, «Корневильские колокола» 25 раз, «Цыганский барон» 20 раз, «Граф Люксембург» 10 раз и т. д., и меньше всего шла новинка сезона в этом театре «Маскотта». В репертуаре этого театра в 1918—19 гг. было около 30 оперетк против 12 в последнем сезоне. Ныне театр вновь закрыт.

Несколько слов о театре «Летучая мышь». Им было дано за минувший сезон 220 спектаклей. Наиболее выделяющимися пьесами были «Лев Гурыч Синичкин», «Свадьба при фонарях», «Золотой телец» и «Роман с контрабасом». Посещаемость в сравнении с прошлыми годами значительно понизилась. Средняя на 1 спектакль равна только 350 зрителям.

Ноябрь 1920 года занимает видное место в театральной истории Москвы. 7 ноября в день третьей годовщины Октябрьской революции в Москве открылись 3 новых театра. Открылся «1-й театр Р. С. Ф. С. Р.» постановкой «Зорь» Верхарна в композиции В. Э. Мейерхольда и В. М. Бебутова, едва ли не первый на этом поприще шаг театральной Москвы. Открылась центральная арена Пролеткульта в помещении бывш. Эрмитаж, первый большой рабочий театр Москвы. Открылся, наконец, Театр Революции. Сатиры (Теревсат) в помещении закрытой Никитск. оперетки, 1-й агитационный театр Москвы, уже хорошо знакомый районам и давший в них с мая по ноябрь около 130 спектаклей.

В области Советской административно-театральной работы за 1920 г. и особенно за вторую его половину чувствовались новые веяния и принципы.

Была проведена пониженная расценка мест в театрах на основе разделения, делившая их на три пояса в 250, 150 и 100 руб.

В связи с общей политикой Худож. П/о МОНО, а также в результате новой расценки мест, Художествен. П/отделом принимались подготовительные меры к проведению полной муниципализации театрального дела в Москве.

Октябрьские празднества показали первый пример организованно проведенной безвозмездной мобилизации артистов для участия в районных концертах и спектаклях. Всего, кроме участвующих в центральных театрах 7 ноября, мобилизованы были в этот день около 1300 чел.

Если сведения о театральной деятельности можно было получить из учреждений, постоянно функционирующих, то о течении концертной жизни такого рода данные извлечь было много труднее. До 1917 года концерты крупного характера (симфонические, хоровые, камерные) обыкновенно организовывались Русским Музык. Обществом, консерваторией и филармонией; центр музыкальной жизни был сосредоточен в них. Были и частные организации, оставившие глубокий след в музыкальной жизни Москвы, каковы — кружок

русской музыки Керзина, трио Шор-Крейн-Эрлих, концерты Кусевицкого, «Дом Песни» Олениной д'Альгейм, симфоническая капелла Булычева. Все эти концертные группы устойчивого типа учесть нетрудно. Но большинство концертов случайного характера, как сольно-виртуозные, принадлежащие частной инициативе многочисленных артистов и импрессарио, нигде не регистрировались, и потому сведениями о них пришлось довольствоваться по выборкам из периодической печати. В 1917—18 и 1918—19 годах преобладали концерты именно последнего типа. Симфонические концерты консерватории и филармонии прекратились; отошли в область прошлого и исторические концерты Василенко. Новые организации не возникали. Продолжалась деятельность С. А. Кусевицкого, были организованы симфонические концерты артистов оркестра Государств. театра, в порядке частной инициативы, да еще летние концерты на Сокольническом кругу.

Сильно размножились отдельные концерты солистов инструментальных и вокальных, и следить за ними становилось все труднее. Лишь со второй половины 1919 г. все сведения о концертах централизуются государственною властью в лице соответственных органов—МУЗО, Художеств. п/отдела МОНО, Пролеткульта, Военкома. Регистрация концертов становится обязательной, и места для частной инициативы отводится все меньше и меньше.

Ниже мы укажем, к чему свелась в этом смысле деятельность Советской власти, а теперь последовательно побеседуем о движении концертной деятельности, по данным периодической печати, начиная с 1917—18 гг.

Всех концертов было дано в этом сезоне 258, в том числе посвященных русской музыке—114 и иностранной—144; из них симфонических 54 (18 русских, 3 иностранных и 33 смешанного типа), камерных 68 (24 инструментальных, 28 вокальных и 15 смешанных) и большая часть остальных—129 сольных, инструментальных и вокальных. Концертов народной песни было дано всего 7, а духовная музыка в этом сезоне и вовсе отсутствовала. Из общего числа 258 концертов подавляющее большинство (181) принадлежит исключительно частной инициативе артистов и импрессарио, остальные распределяются между городским самоуправлением—28, государственным оркестром и хором—20, музыкальным обществом — 13, консерваторией—4 и 16 без указания организаций.

Видное место в программах из числа 28 русских композиторов занимают произведения Чайковского—22, Рахманинова—12 и Скрябина—11, остальные представлены были очень незначительным числом произведений. Из иностранных преобладали Лист — 20 сочинений, Бетховен — 16, Шуман — 10, Моцарт—8 (возобновившееся в этом году исполнение немецкой музыки) и Шопен—16. Остальные многочисленные иностранные имена (всего их числилось 72) представлены были за это время одним-тремя произведениями.

Душой музыкальной жизни и в этом и в последующие годы был С. А. Кусевицкий, искусный организатор и выдающийся дирижер, сумевший в наше переходное время не растеряться и продолжать давать свои разнообразные программы, составленные со вкусом и

вполне отвечающие требованиям времени. Превосходный оркестр и выдающиеся артистические силы солистов — отличительные особенности этих концертов. Другой постоянной организации симфонических концертов не было в этом году. Летний же оркестр, игравший на Сокольничьем кругу, сборный, без идейного руководства, без выдержанной программы, лишенный постоянного дирижера — в счет не идет.

Преобладали, как уже сказано, концерты сольного характера отдельных артистов. П. Доберт, Эль-Тур, Неждановой, Райского (камерное и сольное пение), Рахманинова, Метнера, Игумнова, Орлова, Гольденвейзера, Пресса и др. инструменталистов. Упомяну еще об обычном цикле камерных концертов не новой организации «Бетховенской студии» — трио Шор—Крейн—Эрлих. Вот и все, что дал сезон 1917 — 1918 гг., но 1918—19 г. музыкальный сезон дал и того меньше. Состав артистов к этому времени сильно поредел, оставили Москву Рахманинов, Метнер, скрипачи Пресс, Сибор; большинство же стало применяться к современным условиям, к затяжной борьбе за существование.

Планомерный организованный ряд концертов исчез, на смену появилась, вне постоянных учреждений, случайная инициатива, выродившаяся в безобразное явление и окрещенное столь же безобразным именем — «халтура», работа за пайки и др. выдачи натурой. Отсюда, как общее явление, качественное понижение концертов. Всего было дано в 1918—19 гг. 282 концерта, самая значительная часть которых — 174 относится к сольным выступлениям, 7—к духовной иностранной музыке («Реквием» Моцарта) и остальные 101 концерт распределяются между симфонической и камерной музыкой. В последней преобладали вокальные вечера, так называемые Liederabend, над инструментальной музыкой. Симфонических концертов дано было 46; часть из них носила характер случайной организации, другая велась под руководством Кусевицкого, но были слажены много слабее против прошлых лет, так как сборный состав оркестра (постоянный был распущен) и другие условия не благоприятствовали правильной постановке дела.

Концертная жизнь 1919—20 гг. принимает более оживленный и разнообразный характер. Вся она сосредоточилась в ведении МУЗО, концертной части худож. п/отдела МОНО и Пролеткульта. Распределение и направление концертной деятельности Москвы сосредоточилось в этих правительственных органах. Часть работала на центр, другая же распространилась на районы. Первая—тип концертов обычный: симфонические, камерные, сольные в исполнении крупных артистических сил, которые регистрируются в МУЗО и исполняются в обычных концертных помещениях Москвы для музыкально-культурной аудитории. Другая часть—районные концерты: обслуживаются муз. частью Худож. п/отдела и Пролеткульта и ставят себе задачей распространение произведений искусства среди широких окраинных масс. Начнем с характеристики концертов последнего типа. Во второй половине сентября 1919 года началось слияние неторгового (культурно-просветительного) отдела Моск. Центр. Раб. Кооп. (которому принадлежит почин организации районных концертов) с Отделом Народ. Образования Моск. Совета, а с октября стала развертываться деятельность последнего. В начале работа велась в тех же пунктах, что М. Ц. Р. К., но постепенно, наладив соглашение с районами, Отдел намечает целый ряд новых пунктов обслуживания и начинает вести нормальную работу в постепенно увеличивающемся масштабе. Все концерты, устраиваемые концертною частью МОНО, делятся на 4 типа: программные (посвященные определенному композитору, стране, течению и т. п.), революционные эпизодические, приуроченные к событиям минуты: день фронта, день работницы, первое мая и т. п., и сборные (концерты случайного характера).

Концерты программные проводятся в пунктах с преобладающим элементом постоянных слушателей. Такими концертами обслуживаются фабрично-заводские клубы, клубы профессиональных союзов и т. п. Всего с октября 1919 г. по 1 июля 1920 года было дано программных концертов 373. Преобладала камерная музыка. Цикл концертов Д. С. Шора был выдержан в строго историческом порядке: от возникновения камерной музыки до современных ее течений. Исполнителями были—трио Шор, Крейн, Эрлих, при участии певицы Тамариной — Мец и др. Приблизительно в том же стиле составлена была программа, исполнявшаяся на фабриках, в клубах и музык. школах Хамовнического района при участии трио Кальманович-Шик, А. И. Могилевского, Доберт, Садовникова (пение) и Гнесиной (аккомпанемент). Цикл концертов Гольденвейзера был посвящен национальным течениям в музыке; им же давались вечера—этнографические и посвященные русской лирике. Участвовали трио: Гольденвейзер-Мец-Ступин, Эль-Тур, Барсова и др. (пение). Концерты, организованные Борисяком, напоминали по характеру отмеченные сейчас концерты Гольденвейзера. Концерты Неменовой-Лунц были двух серий: «танцы в музыке» и «сказка и фантазия» в произведениях русских и иностранных композиторов. Был организован цикл из четырех концертов Ю. Д. Энгелем: введение в музыку, народные песни разных народов, Бетховен (одна из вершин западной музыкально-инструментальной культуры) и Мусоргский (одна из вершин русской музыки—вокальной культуры). Четыре симфонических концерта были исполнены под управлением В. Сук из произведений Глинки, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, Калинникова, Моцарта и Бетховена. Отдельные концерты были посвящены «русской песне», сценам из «Сорочинской ярмарки», «крестьянской программе» и др.

Все означенные концерты сопровождались вступительным словом. Концертами революционного характера обслуживались по требованиям московского комитета партии коммунистов все митинги, конференции и торжества, устраиваемые Советом и партией. Наибольшее количество революционных концертов падает на Пресненский район, где с марта по 1 июля 1920 г. было их дано 18. Эпизодические концерты даются частью в дни общественных торжеств и празднеств. Так, напр., в день фронта было дано 26 концертов и 1 мая—87, в день 7 ноября—46.

Всего с начала 1920 года по ноябрь было дано Концертной Частью Худож. П/отдела МОНО 651 концерт с приблизительно 470.000 слушателей.

Концерты, организованные Пролеткультом, преследуют цель ознакомления рабочих с наиболее выдающимися образцами музыкальной литературы, и стараются подготовить их к творческому восприятию музыки, а также развить в них стремление к самостоятельному творчеству. Концерты Пролеткульта делятся на студийные, т.-е. созданные специально для работников музыкальных студий, и на клубные. Студийные концерты устраиваются и исполняются силами самих учащихся (хор и сольные номера, а также вокальный ансамбль). Таких концертов, со времени основания Пролеткульта, было организовано 50. Кроме того, были выступления центральной студии в колонном зале Дома Союзов, в Кремле и др. учреждениях. Программы концертов состояли исключительно из революционных и народных песен. — Клубные концерты возникли в 1919 г., и с 31 декабря 1919 г. по 27 июля 1920 г. было дано всего 41 концерт. Концерты ставились в районных клубах Пролеткульта и на фабриках. Программа составлялась часто сборная или посвящалась творчеству отдельных композиторов (Мусоргский, Бетховен, Бах. Шуман); преобладала вокальная музыка. Исполнителями этих концертов были профессиональные артисты.

Концертов, зарегистрированных МУЗО или устраиваемых им, было за истекший сезон, с 1 января 1919 г. по сентябрь 1920 г., всего 340. Большинство из них камерного типа, и таких было свыше 168. Помимо обычной программы трио Шор—Крейн—Эрлих, в этом году ставилась квартетная музыка в исполнении трех новообразованных ансамблей: квартет консерватории (Рывкинд, Розенблюм, Подгорный, фон-Глен), государственный (Цейтлин, Мострас, Крин, Пятигорский) и имени Страдивариуса (А. Я. Могилевский, Пакельман, Бакалейников, Кубацкий). Концерты эти внесли большое разнообразие в музыкальную жизнь Москвы как своим прекрасным исполнением, так и программой, дающей в общей сложности широкое представление об отечественной и мировой квартетной литературе. Вокальная камерная музыка (11 концертов) была, как и всегда, хорошо представлена в исполнении таких артистов, как Доберт, Эль-Тур, Зои Лодий, Райский, Садовников и др. Ряд циклових вечеров был посвящен сочинениям Танеева и Скрябина. В августе МУЗО было устроено шесть вечеров, посвященных творчеству А. Н. Скрябина, в память пятилетия со дня его смерти. Были исполнены все оркестровые и лучшие его ф.-п. сочинения. В этом году музыкальная Москва чествовала выдающегося композитора и общественно-музыкального деятеля А. К. Глазунова, дирижировавшего в Москве симфоническим концертом из его произведений.

Симфонических концертов за весь сезон было 62. Они велись, главным образом, под руководством Кусевицкого (к сожалению, весной временно уехавшего из России), а также Сука, Голованова, Малько и др. Подбор программы и исполнение было много слабее против прошлых лет по тем же причинам, на которые мы указывали при обозрении оперных и драматических спектаклей: оскудение и ослабление наличных сил и отсутствие притока свежих работников искусства. Сольных концертов—вокальных и инструментальных числилось 50, из них 26 иностранных авторов, 13 русских и 11 смешанных. Концертов, посвященных народной песне (в исполнении Ковалевой, Пятницкого и др.), было 8, хоровых под управлением Юхова и др.—20, духовных 5 и лекций-концертов со сборной программой—27. Исполнителями перечисленных концертов были все те же хорошо знакомые москвичам имена, которые за последние годы выступали на концертных эстрадах, можно сказать без преувеличения, больше, нежели за всю свою артистическую жизнь. Из общего количества (340) произведениям русских композиторов было посвящено 153, иностранным—108 и остальные носили смешанный характер. Кроме 651 концертов, устроенных Художеств. п/отделом МОНО, 91 Пролеткультом, 340 МУЗО был еще целый ряд концертов закрытых и нигде не зарегистрированных (в многочисленных учреждениях, учебн. заведениях и пр.) и также довольно солидное число концертов, организованных военными учреждениями, на театрально-концертную деятельность которых мы укажем ниже.

Нам остается еще остановить наше внимание на одной из разновидностей музыкальной жизни Москвы—на музыкальных выставках. Последние были организованы в 1919 г. сначала профессиональным союзом композиторов, а впоследствии коллективом композиторов Всерабиса. Цель организации выставок—дать возможность публичного исполнения новых произведений, главным образом, композиторов начинающих. За все время состоялось 12 выставок, на которых исполнено 240 новых сочинений 58 композиторов. Камерных произведений было представлено 112, в том числе инструментальных 46 и вокальных 66; сольных 128, из них инструментальных 66 и вокальных 62. Музыкальные выставки были некогда организованы певицей Дейша-Сионицкой, но затем прервались из-за финансовых затруднений. Теперь, надо думать, будущность их обеспечена, так как они финансируются государством и пользуются популярностью и в среде композиторов, а также у слушателей. Посещаемость всех выставок (в Малом зале Консерватории) выразилась в цифре 5848. В ближайшем будущем предполагается целый ряд выставок симфонической музыки.

Помимо деятельности московских профессиональных театров, ознакомимся с новым театральным строительством двух учреждений — ТЕО Пролеткульта и П/отдела рабоче-крестьянского театра при Ц.-Т., а также театрально и концертно-просветительной работой МОНО и Военкома.

При Пролеткульте, с его основания, существуют две центральные студии и девять районных. Подготовительные занятия ведутся в районных студиях, спектакли происходит в центральной студии. Первая центральная студия в настоящее время находится на западном фронте с агитационным репертуаром. За время существования студии было поставлено 10 пьес, большею частью агитационного характера. Следующий репертуар ставился в центральной студии: «Красная правда» Вермишева, «Пан-Буян» Добржинского, «Невероятно, но возможно» Плетнева, «Мститель» П. Клодель, «Мексиканец» Д. Лондон, «Игра интересов» Хасино Бенавенто, «Гибель Надежды» Гейрмансе и «Женитьба» Гоголя. Если не считать агитационной пьесы «Марианна» Серафимовича, шедшей во 2-й фронтовой студии, то на сценах всех

семи районных студий Пролеткульта шел обычный театральный репертуар.

Действительно, здесь мы находим ряд пьес Островского, Толстого, Чехова, Гауптмана и др. Спектакли шли закрытыми, посетителями были исключительно студийцы.

П/отдел рабоче-крестьянского театра был занят организационной работой и спектаклей не давалось.

Большая художественно-просветительная работа велась также педагогическими частями театральной и музыкальной секций Худож. П/отдела МОНО.

Эта работа велась в Единой Трудовой Школе, детских домах, школах-клубах для подростков, в студиях и кружках для взрослых.

Музыкальная часть обслуживала 470 учреждений с 46.971 учащимися, театральная — 178 учреждений с 8697 уч.

Значительная разница между этими двумя частями обусловливается тем, что большая часть музыкальной работы приходится на школы I и II ступени, где театральная работа не может вестись в массовых размерах, как хоровая работа.

При Художественном п/отделе МОНО функционирует подсекция показательной работы для детей, организовавшаяся в июне 1918 года. В задачи ее входило создание целого ряда спектаклей и концертов для детей всех возрастов, как организованных, так и не организованных. Таких спектаклей и концертов со времени возникновения состоялось около 1800; слушателей было свыше 2.000.000 детей. Спектакли и концерты были организованы в районных театрах и клубах. Был оборудован специальный театр, где велась подготовка постоянной труппы для детей под режиссерством Озаровской и Рябцева. Инсценирована специальная программа для детей, как, например: «Зайка», «Конек-Горбунок», шарады в виде пьес и др. Спектакли устраивались регулярно по районам и объединениям. В центральных театрах давались спектакли для детей по заданиям подсекции. Концерты для детей II ступени устраивались два раза в месяц для каждого объединения. Программа составлялась преимущественно камерная в историческом порядке и обслуживалась теми же музыкальными коллективами, которые выступали в концертах Художеств. п/отдела. Как спектакли, так и концерты давались бесплатно. О своих впечатлениях дети писали отзывы, которые будут опубликованы.

При этом же подотделе МОНО энергичную деятельность по устройству театральных экскурсий проявила педагогическая часть театральной секции. Экскурсии в театры было решено организовать с целью дать возможность районным кружкам и клубам видеть на сцене московских театров произведения избранных авторов. При организации театральных экскурсий было решено последние сопровождать вступительной и последующей после посещения театра лекциями, с целью дать возможность слушателям более сознательно отнестись к произведению и его исполнению. К сожалению, не все экскурсии, а только 75% таковых сопровождались лекциями по причине недостатка лекторов. Посещение театров по районам распределяется таким образом: наибольшее число экскурсантов дал Хамовнический район, затем—Городской, Красно-Пресненский, Замоскворецкий (617), Рогожско-Симоновский, Басманный (476), Сокольнический. Из этого перечня видно, что районы, близкие к центру, дают большее количество экскурсий, тогда как удаленные районы—значительно меньшее, это объясняется невозможностью организовать для экскурсантов транспорт. Ограниченное количество билетов в Большой, Малый и Художественный театры заставляют часто отказывать экскурсиям в билетах. Сравнивая запросы на экскурсии и их удовлетворение, мы видим, что максимальные запросы на драматические произведения были на «Царя Федора», «Горе от ума», «Ричард III»; из опер же на «Царя Салтана», «Садко», «Князя Игоря».

Экскурсионное бюро устроило в общем:

Для детей . . .	90 экскурсий с	2.300 посетившими.
» взрослых .	409 »	» 8.925 »
Всего . .	499 »	» 10.225 »

Существование театров при военных частях г. Москвы началось с самого момента февральской революции, красноармейский же театр начал организовываться с марта 1918 г. На 1 июля 1920 г. зарегистрированных театров при Теа-Музык. секции Военкомата г. Москвы и губ. значилось 129. В каждом из них имеется своя труппа, состоящая из красноармейцев; женские роли исполняют лица, приглашенные самими красноармейцами или назначенные Теа-Муз. секцией. Руководит труппою лицо, утвержденное Теа-Муз. секцией, обычно артист московских театров. Кроме самостоятельных кружков, есть еще коллективы артистов Малого театра и Корша. Эти коллективы имеются при тех воинских частях, которые обладают громадной пропускной способностью (текучий красноармейский состав). Спектакли ставятся один—два раза в неделю. При Теа-Муз. секции имеются свои коллективы, которые выступают в частях по распоряжению концертного стола. Коллективы следующие: 1) государств. хор под упр. Юхова; 2) хор крестьян под управлением Пятницкого; 3) оркестр старин. народ. инструментов под упр. Трояновского и Быстрова; 4) студия старого цыганского искусства; 5) пианисты Орлов и Барац. Состав зрителей состоит из 75% красноармейцев и 25% гражданского населения.

О театрально-концертной деятельности Гувуза мы имеем следующие сведения. При каждых командных курсах имеется при клубе специально приспособленная сцена; их в среднем около 25; первая начала функционировать с начала 1919 года. В центре, при Гувузе, с начала 1920 г. имеется собственная концертная труппа, которая обслуживает все эти сцены: устраивает литературно-художественные и музыкальные вечера, приблизительно раз в месяц на каждых курсах. Спектакли ставятся 1—2 раза в месяц или силами самих курсантов или специально приглашенными труппами моск. театров. Собственная драматическая труппа Гувуза в настоящее время в стадии формирования. Помимо собственного концертного состава, устраиваются концерты при участии артистов, но они не носят регулярного характера и обыкновенно приурочиваются к каким-нибудь событиям (Съезд 3-го Интернационала, выпуск курсантов и пр.). Посетителями, кроме курсантов и красноарм., бывает и гражданское население. Вход бесплатный.

Деятельность театральной секции Пура выражается в формировании передвижных групп для фронта. Перед отъездом на фронт каждая труппа, безразлично, сформирована ли она Пуром, или образовалась помимо него и им лишь субсидируется, дает поверочный (показательный) спектакль, на котором имеют право присутствовать все красноармейцы. За 1919 и 1920 годы таких спектаклей было дано 60. В 1919 г. было сформировано около 30 собственных трупп и прослушано около 18 чужих. Репертуар всех передвижных трупп утверждается Пуром и изменению не подлежит. За исключением нескольких пьес агитационного характера, репертуар всех военных театров тот же, что и на сценах московских профессиональных театров.

В заключение нам остается указать на способ распределения билетов, количество посетителей (проданных билетов) и выручку в московских театрах.

В феврале 1919 г. при Художеств. п/отделе была создана комиссия по распределению билетов, задача которой состояла в том, чтобы наладить более правильное распределение билетов между населением. В распоряжении комиссии было 75% дешевых и 25% дорогих билетов во все московские театры. Фактически же билеты распределялись лишь следующими театрами: Большим, Малым, Художественным, обоими студиями, Коршем и Камерным. В % отношении был установлен такой порядок выдачи. Для всех служащих *проф.* союзов 60%; Военкому 10% и по целому спектаклю в неделю во все театры; МОНО 13% для школы II ступени; 7% В. У. З. (Высшим учеб. завед.), 5% М. К. П. для партийных нужд; 4% Худож. п/отделу для экскурсий и 1% революционной партии (Р. С. Д.). Остальные билеты должны были поступать в общую продажу.

Общее количество проданных билетов за сезон 1919—20 год по 25 театрам, давшим сведения, равно 2.011.856 на сумму 187.823.621 руб. 16 к. Большее количество проданных билетов падает на Большой театр: с 16 мая 1919 г. по 8 мая 1920 года было продано 388.732 бил. на сумму 13.905.264 руб. За Большим, вторым по количеству проданных билетов, следует Художественный. С 12 сентября 1919 г. по 1 июля 1920 г. им было продано 259.263 бил. По выручennой же сумме за билеты он стоит на первом месте: за названное количество билетов им выручено 41.042.526 руб. Такое несоответствие выручки количеству проданных билетов в двух названных театрах объясняется тем, что расценка мест театрами негосударственными устанавливается ими самостоятельно и лишь затем утверждается ТЕО. Характерен в этом отношении Никитский театр, где за 123.816 билет. было выручено 34.187.994 р. в течение нескольких месяцев зимнего сезона.

Количество проданных билетов, а следовательно, и посещаемость идет в следующем порядке. За Большим и Художественным следуют театры: имени Алексеева (с 20 сентября по 20 июля)—214.372; Незлобина (с 20 сентября по 30 июля)—193.342; Корш—144.593; Малый—137.088; Малая госуд. опера—132.964; Никитский—123.816. Посещаемость остальных театров значительно ниже.

О социальном составе зрителей и слушателей можно судить лишь формально, по способу распределения билетов комиссией при Худ. п/отделе МОНО, о которой мы говорили выше, но мы будем близки к истине, если определим состав публики как преимущественно рабочий и демократический и отчасти мелко-буржуазный. За этот год массы трудового населения фактически впервые получили возможность посещать театры и концерты и видеть и слышать высшие достижения мирового искусства.

Художественная Москва 1917—1920 гг.

Самое выделение архитектурного и монументального строительства Москвы из обзора общей художественной жизни города за три последних года нуждается, может-быть, в некоторых пояснениях и оправданиях. Но если принять во внимание, что жизнь человеческого коллектива идет неизбежно иными путями, нежели творчество отдельного человека; если сообразить, что город—огромный муравейник с сетью улиц и паутиною переулков, есть могучее тело, пронизанное своеобразною душою, требующей к себе особого отношения, то выделение это станет совершенно неизбежным. Обзор художественной жизни рассказывал о жизни искусства в Москве; отчет о трех годах Советского строительства был бы абсолютно не полон при отсутствии рассказа о жизни *самой Москвы,* тела ее, домов ее и улиц, в искусстве—и, в более широком смысле, творчестве 1917 — 20 годов. Архитектура, как искусство, имеет свои законы и требует своих методов; мы присутствуем при прочих зрелищах чисто научного характера и при установлении новой дисциплины «архитектуроведения», решительно отмежевывающегося от иных областей науки об искусстве. Не будем вдаваться в детали: может-быть, довольно того, что здание, созданное даже высшим художником, живет все же практической жизнью, откликается на нужды самые житейские—и в отклике этом, может-быть, выполняет свою самую важную *художественную роль.* Изучая историю Москвы, как архитектурного целого, мы изучаем историю жилища Советской власти. Изучая украшение жилища этого, мы изучаем исключительной важности данные о том, как хочет и как может строить жизнь свою новая Россия.

Жилище это, старая Москва, досталась новому строю в виде самом печальном. Октябрьский переворот нанес белокаменной древней столице раны, которые мнились незалечимыми. Особые комиссии вскоре же после революции, отдавшей власть в руки пролетариата, поспешили обследовать состояние Москвы; и картина разрушений, которым подверглась частями Москва, была без сомнения мрачная. Победы даром не даются. Ранами пушечных пробоин в старых церквах и стенах купила красная Москва господство новой власти.

Архитектурную и монументальную жизнь Москвы за последнее трехлетие можно удобно рассматривать в последовательности нескольких тем, из которых первой, в связи с только что отмеченным, конечно, будет повесть о лечении ран гражданской битвы,—повесть о реставрационных работах, своею первою задачей получивших именно это исправление повреждений исторических памятников Москвы. Реставрационно-ремонтные работы стали вестись с 1918 года очень усердным темпом, объединяясь в созданных комиссиях, в настоящее время отделах охраны памятников искусства и старины, как Московского Совета Р. и Кр. Деп., так и Наркомпроса. В высшей степени важно отметить, по старому принципу «нет худа без добра», что раз начатые работы по восстановлению пострадавших памятников архитектуры продолжены были и в ином направлении. Революция принесла с собою золотое время и для археологии. Многие сооружения, коснуться которых раньше было, в силу ряда причин, невозможно, в настоящие дни оказались предметами усердной творческой работы «науки заступа»; в самом деле, оказалось очень естественным и легким, работая над починкой пробоин какого-либо собора, воспользоваться наличием лесов и рабочих рук около него, дабы по указаниям лучших знатоков не только починить зияющие раны, но и придать зданию его, поистине, первоначальный вид, зачастую безнадежно искаженный всевозможными, не имеющими касательства к искусству, «украшениями»—пристройками и починками времен, которые о правде старого искусства заботились всего менее.

Перечень наш не отделяет в силу этого работ чисто «починочного» характера от трудов реставрации научно-художественной. Начаться он должен естественно с «сердца Москвы»—с Кремля.

От обстрела в дни Октябрьской революции Кремль пострадал достаточно сильно. Но реставрационные работы велись темпом усердным, так что в первом же номере официального органа художественного сектора Наркомпроса, в «Художественной Жизни» за декабрь 1919 года, можно было заявить, что повреждения этого обстрела исправлены. Здесь отремонтирована поврежденная снарядом Никольская башня, Беклемишевская, Средне-арсенальная, Троицкая, в Спасской башне починены часы, исправлен ряд мелких повреждений на стенах и башнях Кремля. Внутри Кремля ремонтировались разбитые «белокаменные» детали портала Чудова монастыря. В Успенском соборе октябрьский обстрел оставил огромную пробоину в куполе; она зачинена. Ремонтированы соборы Архангельский и

Двенадцати Апостолов, восточная стена которого была тоже повреждена обстрелом. Как раз этот последний древний храм дал возможность произвести очень ценную работу по восстановлению его прежнего вида. Под ним открыт двухпролетный проезд с патриаршего двора на Соборную площадь. После того, как собор был очищен от позднейших застроек, была снята ограда и восстановлена боковая галлерея с северной стороны: храм изменился до неузнаваемости. Только ремонта потребовал Малый кремлевский дворец; но церковь Ризположения тоже сильно изменилась, как и храм Двенадцати Апостолов. У нее удален вход в ц. Печерской Божией Матери, чем открыт чудесный лепной фриз; восстановлены древние крыльца. Аналогично реставрировано крыльцо-притвор Патриарших палат: здесь тоже затейливые и веселые столбики, арочки, узоры вскрывают перед зрителем очень милую страницу древнего нашего зодчества. Починка кремлевских башен привела также к их поправке: Никольская башня, например, очищена от новой окраски ее «белокаменных» частей; на башне Беклемишевской восстановлена древняя верхушка башни в виде шатрика. Наконец, сломан поздний портал Архангельского собора и восстановлен разбитый обстрелом угол «ложии» собора Благовещенского. Главное руководство работами в Кремле лежало на трех строителях-архитекторах: Рыльском, Латкове, Дюмулене.

Тесно связанный с Кремлем характернейший в Москве храм Василия Блаженного также пострадал во время обстрела. Здесь был пробит купол придела «Входа в Иерусалим». Ремонт закончен; ведутся изыскания для определения, что надо удалить для восстановления его древнего вида; известно ведь, что тот Василий Блаженный, к которому столь привыкли москвичи, весьма не схож с тем, каким его замыслили его первые создатели. Из других московских древних зданий ремонтирована глава Заиконоспасского монастыря. Архитекторами Машковым и Ивановым произведены ремонт и окраска Сухаревой башни. На Сухаревой площади уничтожены лавки (у Шереметевской богадельни); здание этой последней ремонтировано, восстановлена его прежняя окраска, старая ограда и ворота. Ремонтируется и старый университет (возобновление штукатурки, очистка лепных орнаментов от закраски). И, наконец, самым заметным делом всего этого славного ряда, говорящего сам за себя сопоставлением научно-художественных и практически-строительных побед, без сомнения, явился геркулесовский подвиг освобождения стены Китай-Города—сломка прилепившихся к ней строений, лавок, сараев. Пострадавшие от времени части стены отремонтированы, вся стена приобрела совсем новый вид: грозного крепостного сооружения с амбразурами, нишами, глубокими двойными арками. Работы эти не закончены, естественно; их хватит на несколько лет. Но по воле новой Москвы сбрасывает с себя недавние буржуазные личины древняя белокаменная, буйная, средневековая столица.

Ученый исследователь с особым удовлетворением будет констатировать, что параллельно с работой архитектора-практика над древними зданиями Москвы работает и архитектор-ученый. Рядом с ремонтом и реставрацией производятся обмеры и обследования. Точно изучены и вымерены не только те здания, о которых шла речь уже: башни Кремля, его соборы, но и некоторые из лучших старых московских особняков (бывш. коннозаводства, дома Соллогуба и Гагарина, все здания, так или иначе сломанные и уничтоженные. В «топливный» сезон зимы 1919 — 20 гг. много деревянных зданий Москвы были неизбежно обречены на слом; они усердно фотографировались и переписывались; ничто из имеющего историко-художественный интерес не исчезло бесследно для науки и искусства. Именно здесь интересно рядом с работой Наркомпроса отметить плодотворную деятельность секции Изобразительных Искусств Художественного Отдела Московского Совета Р. и Кр. Деп. Здесь специально ведется Комиссией по охране памятников обследование деревянного зодчества Москвы. Составлено описание около 500 домов в разных районах Москвы. Сделано с них до 400 фотографических снимков, около 150 тщательных обмеров-чертежей. Всего обойдено более 2000 владений. Новая Москва умеет ценить павшее ей на долю наследство...

Чтобы остаться в сфере чисто архитектурной, укажем, что дело строительства, в тесном смысле слова, естественно, в три отчетные года не могло стоять на той высоте, как этого бы хотелось: здесь решающими были недостаток рабочих рук, отвлеченных фронтами, и материалов. Но все же историк отметит, что работы над иными крупными зданиями общественного характера продолжались усердно. Архитектор А. В. Щусев вел свою работу над Казанским вокзалом, вступившую теперь в период внутренней отделки; архитектор И. И. Рерберг оканчивал отделку вокзала Брянского. Совсем новым делом, для Советской России весьма характерным, было продолженно постройки поселка жел.-дор. служащих Казанской жел. дороги под Москвою (ст. Прозоровская), аналогичного рабочего поселка у Рублева. Недавно был вновь поднят вопрос о перестройке Каменного моста через Москву-реку. Работ больше, чем думается...

Самая забота о строительстве в настоящее время возложена на особый Отдел Сооружения Московского Совета, сравнительно недавно выделившийся из Центрального Жилищно-Земельного Отдела. За период с января по сентябрь 1920 года в разных районах Москвы окончено 629 построек, производится 1259, проектировано—2297. Советская Москва строит фабрики, заводы, гаражи, хлебопекарни. Жилые дома, может-быть, менее всего: но план использования прежних домов в порядке уплотнения не входит в рамки данного обзора.

Физиономия города складывается, конечно, не только из той жизни его, которая кипит на улицах, но и из той, которая волнуется в четырех стенах домов его. Здесь, оставаясь в плоскости архитектурной, исследователь отметит, как явление очень примечательное, использование лучших домов-особняков старой Москвы под общественное пользование. Будь это командные курсы, рабочий клуб, Советское учреждение: залетые раньше дворцы сделались доступными для обозрения и занятий в них. И конечно: часто в слишком роскошных залах богатого купеческого дома неуютно чувствует себя молодая пролетарская Москва. Ей будет вечная слава за то, что она—в совсем буквальном смысле!—не пожелала успокоиться на мягких подушках, доставшихся ей по

„Мысль“. *Работы скульптора Меркурова.*

Памятник Ф. М. Достоевскому на Цветном бульваре.
Работы скульптора Меркурова.

Снятие памятника Скобелеву на Советской площади.

праву победителя золоченых кресел. То, что представляет из себя сейчас Москва, не есть то, чем она будет. А в будущем перед красной столицей стоит совсем головокружительный по размаху план перепланировки всего города, действительно революционным темпом. Группа молодых архитекторов, во главе с лучшими из зодчих России, И. В. Жолтовским и А. В. Щусевым, весною 1918 г. организовали особую архитектурную мастерскую, целью которой и была выработка перепланировки города. В основу ее положено превращение Москвы вокруг ее символической твердыни — Кремля в ряд концентрических колец, окруженных могучим валом зелени, создание по окраинам рабочих городов-садов. Мастерская, помимо подробной разработки перепланировки 12 районов, представила до 56 отдельных проектов типов зданий. Выставка работ мастерской в июне — июле 1920 г. (выставка Наркомтруда) была, пожалуй, наиболее интересным архитектурным событием последнего времени.

Перечисленным, конечно, не исчерпывается архитектурная жизнь Москвы. Архитектурный отдел Наркомпроса, сравнительно недавно выделившийся в качестве автономного органа, организовал ряд интересных конкурсов — из которых упомянем конкурс-выставку проектов крематория (1919 г.), давший 58 проектов, и в общем бывший удачным (премии — Н. И. Исцеленов, И. И. Фидлер, И. А. Голосов), конкурс проектов Народного Дома (премии — Б. А. Коршунов, Н. Я. Колли, И. А. Голосов, всего до 40 проектов), конкурс «Яснополянской школы» (премия—Э. И. Норверт). В настоящее время строительно-техническим центром всей Республики является Комитет Государственных Сооружений (Комгосор), рядом с которым стоял особый санитарно-строительный комитет по г. Москве (Оском). Архитектора Москвы объединены в профессиональном союзе строительных рабочих, в состав архитектурной подсекции Всерабиса входят до 60 архитекторов. Научно-академическим центром архитектурной деятельности Москвы остается архитект.-художественный отдел Наркомпроса.

Как ни был труден и неуютен город, терзаемый гражданской войною, холодом, отсутствием транспорта—в нем живут люди, и потребность в украшении его искусством сохранена до конца. Не повторяя того, что мы уже говорили, укажем, что, пожалуй, именно наше время особо ярко доказало, что без искусства человечество обойтись не сумеет. В дни самых тяжелых испытаний Советская власть, первое из всех правительств Европы, декретирует положение о *планомерном* украшении города памятниками выдающимся людям России и тех областей международной жизни, которые должны быть особенно близки деятелям социалистической революции. Декрет назвал свыше шестидесяти имен деятелей освобождения, борцов за социализм, ученых, писателей, поэтов, художников. Привлечены были к делу не только «избранные»—*все* ваятели республики. И в будущем план этот будет, без сомнения, темою особо любопытных изысканий.

По принципу опять-таки новому и заслуживающему всяческого одобрения, прежде чем выполнен был самый памятник (на что раньше уходили многие годы), Москва предоставила место для *эскизов* памятников этих, которые, выставленные временно, дали возможность публике обсудить как замысел и воплощение образа, так и тот очень существенный вопрос, который раньше как-то в России не подымался: вопрос о том, хорошо ли стоит памятник, как выглядит он в данном ему уголке городского пейзажа. Этот вопрос, о декоративной роли монументального произведения встал перед Москвою особо остро после того, как много споров и волнений вызвал решающий революционный шаг Советского правительства—удаление с мест их памятников царского строя. Сняты были—кремлевский Александр II, памятник Александру III с площадки у Храма Спасителя, памятник Скобелеву с площади у бывшего дома генерал-губернатора. Вряд ли кто-либо из представителей Москвы художественной пожалел об удалении фигур, никогда не бывших хорошими созданиями искусства. Ни одна из них не была «освящена» временем; самая ранняя, фигура Александра II, простояла едва 20 лет в Москве. Ни оловянные солдатики Скобелевского памятника, ни неподвижность бронзового Александра III не были чем-либо выдающимся,—и понятно нежелание Советской власти оставлять на улицах красной столицы мозолившие глаза обломки старого строя. Но иначе обстояло дело с общим видом данного городского пейзажа: пьедестал без памятника все же только пьедестал, ждущий фигуры. И усиленная деятельность Советской власти, бросившей вызов ваятелям Москвы, заслуживает тем большего внимания.

Полностью план еще не осуществлен — и не мог быть осуществленным. По плану этому деятелям науки должно будет в Москве быть посвящено 2 памятника, писателям и поэтам—16, политическим деятелям и публицистам—29, композиторам—5, художникам—8, артистам—2. Поставлено было памятников и эскизов к ним в Москве 20, частью в настоящее время снятых. Один из памятников—Робеспьеру работы Сандомирского в Александровском саду постигла злая судьба: он разрушился от неправильной кладки цемента. Иные памятники, выполненные временно из алебастра или цемента, должны были быть удаленными просто ради сохранности эскиза или для работы художника. Отсутствие прочных монументальных материалов, заводов, которые могли отлить из бронзы замысел художника, без сомнения, печально. Но надо помнить, что тем радостнее работа скульптора, делящегося с народом своим наброском. Большинство из выставленных в Москве памятников (открытых перед днями отпразднованной особо ярко первой годовщиной Советской власти) отличалось известной беглостью лепки, может-быть, небрежностью форм, которых мы в праве не ждать от истинно-монументального создания. Но объясняется это, конечно, прежде всего, именно этой провизорностью постановок. Лучше набросок памятника сейчас, чем самый памятник через десять лет: что возразить против этого принципа? Может-быть, однако, тем радостнее видеть на улицах Москвы хотя бы два памятника, выполненные со всею монументальной мощью из гранита: «Достоевский» и «Мысль» Меркурова, скульптуры, совершенно поражающие силой замысла и благородной простотою исполнения (на Цветном бульваре, открыты 3 ноября 1918 года). Но оба эти памятника были скульптором выполнены *до* революции, и заслуга советского органа (в данном случае секции ИЗО Моск. Со-

вета) заключается в том, что он сумел извлечь из мастерской художника прекрасные работы, оставшиеся без надежды на применение при старом строе.

Наиболее значительный памятник трехлетия мы оставляем на конец: обелиск Революции, воздвигнутый на площади перед зданием Совета Рабочих Депутатов, на том самом месте, где раньше грозил саблею врагам царя и отечества «белый генерал» Скобелев. Стройный обелиск врезался в серое московское небо; величавая фигура женщины с поднятой рукою; памятник выдержан в обще-академических, может-быть, формах, не имеет в себе ничего «новаторского», напоминает роковым образом иные совсем нехудожественные домыслы Запада, хотя бы пресловутую фигуру «Свободы» у Нью-Йоркской гавани, но в общем вполне соответствует своему великому назначению—звать к свету, вверх, вперед проходящих по улицам и погруженных в будничные заботы граждан Москвы. Вставая над Тверскою неожиданно и остро, окруженный зданиями одинаковой архитектуры и окрашенными (в 1919 году) в один очень приятный цвет, памятник, открытый в два приема (обелиск—ко дню первого юбилея октябрьских дней, статуя на несколько месяцев позже), является бесспорным приобретением Москвы. Автор проекта, Д. П. Осипов, завоевал себе, думается, им одно из видных мест среди немногих монументальных мастеров России. Общая забота о постановках памятников лежит на монументально-декоративной подсекции М. С. Р. и К. Д. Означенными памятниками не исчерпываются все заботы Советской власти о монументальном украшении Москвы. В общем большинство их—сравнительно небольшие фигуры, удачно располагаемые на фоне бульварной зелени, на небольшой высоте. Думалось, однако, что именно советской стране приличествовало широко развернуть замысел в создании истинно монументальном—подобно тем «памятникам труда», о которых мечтали лучшие ваятели Запада: Далу, Родэн, Менье, замыслы которых не могли быть осуществлены в условиях буржуазной Европы. Здесь исследователь может указать на ряд проектов, которыми доказана наличность творчества в Москве и в этом направлении. Так, может-быть, уместно будет вспомнить здесь о проекте скульптора Иванова-Шадра поставить грандиозный памятник—храм жертвам войны, доклад о котором был демонстрирован на особом вечере 2 мая 1918 года. После смерти Я. М. Свердлова был объявлен конкурс памятников почившему. Два проекта выделились из представленных грандиозностью замысла: пролома Китайгородской стены на Театральной площади, образования широкой лестницы с Никольской улицы и могучих фигур на площадке. Идеею было бы почтить память одного из первых руководителей строительства новой России. Памятник в конкретном виде еще разрабатывается.—Несколько позднее (февраль 1919) устроенный конкурс проектов памятников К. Марксу дал ряд грандиозных по замыслу проектов (напр., Меркурова), но в общем не выделил ни одного практически осуществимого; за последний отчетный год самое дело постановки памятников вообще как будто отказывается от устройства конкурсов, передавая идею на разработку особого рабочего коллектива скульпторов. Так, 1 мая 1920 г. состоялась закладка памятника К. Марксу на Театральной площади, мандат на которую дан группе «Рельеф»; в тот же день на месте прежнего памятника Александру III состоялась закладка памятника «Освобожденному Труду», выставка проектов которого в здании Музея Изящных Искусств была очень интересной. Разработка этого последнего проекта поручена группе «Монолит».

Но и это не все. Одною из характернейших черт новой Москвы является украшение ее зданий, часто в самых неожиданных местах, особыми «коммеморативными досками», которые бесспорно откликаются на идею очень правильную художественно. Самая забота о них лежала на Архитектурном подотделе Отдела ИЗО Наркомпроса, под руководством И. В. Жолтовского. Заказано было до 150 досок; из них не все размещены; они очень варьируют по характеру и величине, от простых таблиц с надписями до того огромного рельефа, которым увенчалась Кремлевская стена над могилами жертв переворота, по проекту одного из тех художников русских, который за эти три года стоял в самом первом ряду: С. Т. Коненкова.

Рельефы, к которым можно по идее присоединить иные надписи, лозунги и имена, начертанные на стенах Москвы или старых памятников ее (удачно использован Романовский обелиск в Александровском саду), подводят нас к последнему пункту обзора — привлечению *живописи* к делу украшения города. Здесь речь должна одинаково итти и о живописи монументальной, примерами которой были богаты дни празднеств Советской Республики, и о плакатах, ее разновидности, которыми иллюстрируется каждый декрет новой власти, приобретая порою совсем особую впечатлительную силу и яркость. Центром их выполнения за последнее время стало ведомство военное, в лице ПУР'а. Мы должны здесь закономерно окончить беглый наш обзор, остановившись напоследок на двух общих вопросах, касающихся роли монументального искусства в городе.—Каким оно должно быть по формам? Каким по содержанию? Очень не праздные вопросы, вокруг которых не могут доныне утихнуть самые горячие споры.

В плоскости форм вопрос сводится к тому, что некий раскол должен отметить исследователь между искусствопониманием общей народной массы и взглядами художников, далеко ушедших от него в толщу самых остро-специальных исканий. Футуризм и супрематизм—два течения, которые, очевидно, являются основными для художников нашего времени, продолжают новизною форм своих вызывать недоумения среди публики. Жизнь требует новых форм; не здесь ли они даны? «Революция в глазу», которой требуют новаторы, может быть неизбежна; но самый вопрос о ее ходе остается открытым. Исследователь отметит, пока что, что попытки монументального украшения Москвы «левыми» художниками (День Красной армии, 1918, роспись деревянной ограды на Тверской ко дню первой октябрьской годовщины) успеха не имели. В данном отчете нет места для полемик; отметим только, что Наркомпрос и Московский Совет Р. и Кр. Деп., очевидно, придерживаются разных позиций во взглядах на изобразительное искусство. А вопрос о том, что, какие образы должно давать монументальное искусство красной Москвы, по существу, тесно связан с предыдущим. Образы эти должны, очевидно, быть *образами*; «беспредметное» ис-

кусство может ли быть монументальным?—Что касается плакатов, то вопрос здесь недавно был в Советской печати поставлен очень основательно: за задачами полемики и сатиры искусство не должно забывать положительных своих задач.

Автор обзоров данных лучше кого бы то ни было сознает их дефекты, обусловленные неизбежной беглостью. Многое и существенное осталось без упоминания. Но целью их было дать живой очерк жизни искусства красной Москвы—и если на предыдущих страницах отмечены только самые упрощенные очертания жизни этой, то, в сознании, что будущие изыскания сумеют лучше заполнить проведенные контура, обзор считает задачу свою выполненной.

Художественная жизнь Москвы за 1917—20 гг.

Присматриваясь к искусству в современности, каждый более или менее вдумчивый наблюдатель легко отметит, как бесповоротно меняется самое основное отношение общества к вопросам художества, в зависимости ли от экономических и социальных переворотов, или просто от бега времени, неизбежно ставящего новое на место старого. Думается, что в строках этих не место искать причин и законов неотвратимой этой эволюции, и если мы вообще очерк наш начинаем с такого указания, то потому лишь, что год революции был в каком-то отношении для жизни искусства решающим переломом, обусловленным не появлением нового таланта или замечательной картины каких-либо мастеров (как иногда в старое время начинались в учебниках отдельные эпохи истории искусств), и не началом какого угодно самоновейшего художественного течения, а вполне новым, совсем неожиданным, и родившимся просто и легко, соотношением между *искусством и жизнью*. Снова не место здесь поднимать все сложнейшие и ответственнейшие вопросы, касающиеся возможных соотношений этих. Об этом русская эстетическая мысль в свое время высказывалась достаточно ярко, как в сторону вполне определенного подчеркивания необходимости той или иной тесной связи между творчеством художника и жизненными условиями вокруг него, так и в противоположную сторону утверждения полной независимости искусства от жизни. Речь идет не о желательных, а о реальных процессах. И здесь, не предрешая еще того соотношения, в котором оказались жизнь и искусство в три революционные года в России и в частности в Москве, хочется бегло только затронуть пункт, касающийся самой темы предлагаемого очерка. Прежде, чем начать исследование, хочется очертить границы исследуемой области. В наши дни искусство нераздельно связало себя с делом жизни. Но характерность же сведений, которые исследователь получает от фактов искусства, конечно, не только для наших дней оказывается решающе важной.

Что такое «художественная жизнь», и к чему исследовать ее? Этот вопрос ничуть не празден. Исследователь укажет на решительную перемену во взглядах на искусство в науке о нем за последнее время. Не любованием, и не исканием «чистой» красоты оказывается искусство для поколения, которое строит свою эстетику не на отвлеченных умозрениях, а на фактах истории и на тщательном, экспериментальном, иммонентно точном изучении самых памятников художественного творчества. Они, памятники эти, приобретают тогда неожиданную важность. Деятельность художника и результаты ее, такие разные во все времена, оказываются определенными не «умением» того или иного мастера, и не «талантом» его, и даже не сознательной или бессознательной «волей» его,—а чем-то, лежащим зачастую вне личности художника, в истоках той общей коллективной жизни страны и эпохи, которая единственно рождает закономерное отражение свое в искусстве, науке, мысли, во всех отраслях художественной и иной культуры—что мы называем «стилем». Жизнь искусства, его развитие, его определенные формы изучать нужно: и не потому, что вместе с этим мы изучаем некий прогресс технического умения или знакомимся с различнейшими вкусами самых разных эпох и народов, а потому, что именно здесь наиболее просто, наиболее четко,—и в искусстве изобразительном,—наиболее *наглядно* выражается все, что и как думало, мечтало, хотело о себе человечество. «Понятие» и «представление»—то, что изучалось в науке о человечестве до сих пор—оказываются недостаточными. В изучении того, что дается только искусством—*образа*—наука приобретает очень большую и важную новую область сведений о человечестве.

Искусство — создание образов. Образ—нечто живое, динамическое, нераздельно сливающее форму с содержанием, нечто развивающееся и живущее вместе с человечеством. Когда мы ставим рядом несколько подобных друг-другу образов—хотя бы тот образ материнской любви, который под именем «Мадонны» и «Богоматери» был главною темой средневекового искусства — с ощутительной ясностью показывается, что изменение его расскажет нам прежде всего об изменениях в самом же человечестве. История искусства, понимаемая раньше как очень второстепенное дополнение всеобщей истории, ныне оказывается наглядным экстрактом, самым внутренним смыслом того, о чем повествует история. И «Художественная жизнь» оказывается не просто «только интересной». Понятие «художественной жизни» хочется, однако, еще более четко ограничить. Если *образ* живет вместе с человечеством, то и отдельные его отпечатления в искусстве старых художников необходимо должны быть жизненным материалом для исследования. «Художественная жизнь» имеет двух героев: художника-творца и зрителя, являющегося потребителем его творчества. Для исследователя, который понимает, что «образ», истинное содержание всяческого искусства, есть продукт творчества *и* художника *и* зрителя, изучение психологии и логики художественного «смотрения» оказывается столь же нужным, как и изыскания о вариантах художественного творчества «свободного» живописца, скульптора, гравера, зодчего. Разве не глубоко важно для характеристики времени то обстоятельство, что порою художественное творчество современных художников абсолютно перестает удовлетворять зрителя—что он в старое искусство погружается с большей охотой, чем в самое злободневное, что в нем, этом старом искусстве, для него открываются невиданные красоты и ценности, что поистине более живым, чем искусство сегодняшнего часа, для него оказывается художество столетней давно-

сти? Будущая «история искусств» должна неизбежно будет рядом с жизнью художников изучать и жизнь музеев.

Это еще не все. Зритель, может-быть, больше, чем художник является носителем классового коллективного сознания. Художник все же имеет дело с целым рядом требований своих форм, ремесл, процессов делания. Картина определяется ведь не только жизнью вокруг нее, не только формами, созерцаемыми художником, но и требованиями материала, краски, поверхности. Именно с этой точки зрения принято говорить о внеклассовом искусстве. Но мы присутствуем при небывалом социальном перевороте; новый мир строим мы, перенося точку опоры всего строительства на свежие слои молодого класса. *Его* восприятие, *его* образы, *его* эстетические переживания для нас особенно интересны. Задачи бытописателя художественной жизни последних трех лет, таких бурных, таких необоримо трудных, по интересу не имеют себе равных. Принято было в свое время говорить о том, что искусству годы эти были враждебны. Так ли это? Могучая буря пронеслась над страною. Что было обречено гибели—погибло. Что было исполнено свежих соков—произрастает и теперь. Неожиданные цветы распустились во многих местах. В нашем конкретном описании мы увидим, чему была революция действительно губительной, чему—истинной спасительницей. И если мы начало очерка посвятили, может-быть, излишним, на первый взгляд, строкам, говорившим об искусстве вообще, то потому, что взгляды, изложенные здесь, являются новыми взглядами на искусство современной науки и современной власти. Искусство осознано во всей его нужности и полезности; в роли его потребителя, заказчика, патрона, впервые встало *государство*. В этом по существу и заключается то новое соотношение между искусством и жизнью, что́ мы в начале указали, как наиболее важное во всех этих трех годах перестройки. Не в том дело, что будто новое «официальное» искусство заменило прежнее «интимное»: то, что раньше было *личным*, индивидуальным, стало теперь *общим*, коллективным.

Октябрьская революция застала русское искусство в состоянии самом растерянном. Три явления, однако, из жизни искусства в 1917 году до октября хочется отметить, так как они были как бы провозвестием того, что явилось после октября особенно важным и существенным в художественной жизни. Явления эти были выдвинуты самою революционной действительностью, и как таковые характерны, конечно, не для одной только Москвы, хотя в иных отношениях именно Москва оказалась в художественной области наиболее выигравшей от революции. Наши наблюдения здесь, конечно, очень—и нарочно—общи. Мы имеем в виду: 1) привлечение художников очень вскоре после падения царской власти к государственной деятельности, как выполнителей всевозможных проектов, плакатов и т. п.; 2) объединение художников в профессиональные союзы—что также было одним из первых действий революции; 3) передача картин и иных художественных сокровищ от частных собирателей в общегосударственные хранилища. Это наступило не сразу, но было неизбежным следствием всего хода революционных событий. Вкратце позволительно

каждый из пунктов этих рассмотреть внимательнее, поскольку он касается Москвы.

1) Роль художника, как выполнителя плаката, вывески, рекламы на Западе Европы осознана была уже давно во всей ее важности. В этом виде искусство художника наиболее близко подходит к зрителю, действует на его волю непосредственнее всего. Но в России «коммерческий» плакат никогда не был художественным. Плаката государственно-политического не знала Россия вовсе—и историк русского искусства отметит, что первые такого рода плакаты были выпущены Временным Правительством в связи с «Займом Свободы». Появилась особая потребность в художниках, которые бы могли выразить потребные государству (или партии; плакаты в Москве выполнялись для газет, выборов и т. п.) *понятия* в наглядных, ярких, общедоступных *образах;* в стране, где большинство населения лишено образования, роль плаката ни с чем несравнима. Иная потребность возникла в художниках, которые бы имели достаточные навыки к печатному искусству; плакат—не картина, и обычные умения живописца должны в этом виде искусства уступить место техническим навыкам гравера и художественным формам монументального художества. Можно, как достаточно любопытный факт, отметить, что еще до Октябрьской революции центральная тенденция художественной жизни как будто отворачивалась в сторону от «чистого» искусства. Наибольшим успехом в 1917 году воспользовалась выставка прикладного искусства. Важно отметить, что бывшие в свое время очень оживленно обсуждаемыми проекты поручения тем или иным художникам выполнения почтовых марок и денежных знаков революционного образца ни к чему не привели. Пресловутые «керенки» уподоблялись остроумно бутылочным этикеткам. Москву проекты эти не задели.

2) Объединение художников в особые союзы казались очень насущными, начиная с весны 1917 г. Отмена старого «министерства двора» повлекла за собою вопрос об организации нового «министерства искусств», вызвавшего, с своей стороны, оживленный протест некоторых групп художников, преимущественно петроградских. В Москве проект «Всероссийского Союза Деятелей Искусств» обсуждался подробно и горячо; очень характерно, что желаемого вида союз не получил. Равным образом оказались почти бесплодными и попытки объединения музейных деятелей; ни более широкий союз деятелей музеев, архивов и библиотек, ни более специальный союз хранителей художественных музеев, несмотря на все их симпатичные цели, не были долговечными.

3) Более всего важным оказался третий пункт, из выше намеченных. Страхи за «собственность», выезд из города и т. п. побудили многих частных владельцев художественных собраний еще до октября передать свои коллекции в общественные галлереи. Наиболее выиграла от этих передач Третьяковская галлерея. Сюда попали такие знаменитые в Москве частные художественные собрания, как Гиршмана с его портретами Серова, картинами Борисова-Мусатова и других, М. К. Морозовой (Врубель), И. И. Трояновского и многие другие, частью и из провинции. Картины эти развешены в залах музея с подписью: «временно». Нечего и говорить, что

Установка первого камня памятника Карлу Марксу 1 мая 1920 г.

Снятие памятника Александру II в Кремле.

появление в широко доступном музее вещей, которые раньше никому почти не были известны, должно было оказаться настоящим праздником для друзей искусства.

Октябрьская революция властной рукою заложила фундамент новой России. В области художественной Советской власти пришлось впервые не только в России, но и на всей земле класть основы государственного строительства живого творчества. Идеология советской художественной политики, без сомнения, не является темой нашего очерка. Одно сознание—великой важности искусства, «полезности» творческого начала естественно лежит в основе всех реформ, проводимых в масштабе общегосударственном, и поэтому нарушающем границы обзора, имеющего в виду одну только Москву. Наш обзор хорошо определен теми тремя пунктами, которые были нами рассмотрены выше, и которых, конечно, недостаточно, ибо Советская власть, создав центральные и местные административные художественные органы, реформировав в корне дела музеев, выставок, отменив академии, преобразовав всяческое художественное преподавание, не только несравненно опередила прежние правительства России, но во многом дала нечто абсолютно никому не мыслившееся.

Самый отчет о состоянии художественной Москвы к концу трехлетия Советской власти—наиболее правильно начать с высшей степени интересного и важного подсчета художественных сокровищ Москвы, произведенного Московским столичным Статистическим Бюро в начале 1919 года. Это как бы акт принятия наследства новым владельцем. Неизбежно неполный свод Статистического Бюро дает в высшей степени поучительные цифры. Ясно видны пробелы, не менее много неожиданно нового оказывается в самом сухом и беглом перечне. Статистическим Бюро подсчитан материал по художникам, произведения которых имеются в Москве, живописцев и скульпторов, русских и иностранных. Анонимные произведения приходится добавлять особо. Яркая картина вкусов прежних владельцев и собирателей цифрами выражена лучше, чем какими-либо описаниями.

Скульптура в Москве естественно менее многочисленна, нежели живопись. *Скульптура иностранная* в Москве представлена 70 именами художников и 132 произведениями, из которых в музеях в момент составления описи находилось 87, в частных руках—45 произведений. Любопытно, что наибольшее число скульптурных произведений иностранных мастеров в Москве имеет прекраснейший мастер современной Франции, Майоль (12 статуй). Родэн представлен в Москве 6 работами, Менье—2. По числу произведений на втором месте стоит знаменитый французский скульптор-анималист, А. Л. Барн (10). Большинство иностранных скульптур, в Москве находящихся, конечно, довольно посредственные, большей частью декоративные работы мастеров XIX века. Преобладают французы. Из старых мастеров Возрождения и Барокко Франция в Москве представлена именами Козево, более поздней эпохи—Клодиона (2 работы) и Гудона (1). Нет совсем итальянцев, если не считать маленькой группы Я. Сансовино, двух бюстов школы Бернини в Музее Изящных Искусств. Бедность, конечно, очень большая, особенно по сравнению с Петроградом. Единицами насчитываются в Москве

также памятники античной скульптуры, хотя они все же имеются (надгробный греческий рельеф в здании 2-х Государственных Художественных мастерских, несколько бюстов в Музее Изящных Искусств). Скульптура древнего востока дана рядом статуэток Голенищевской коллекции того же музея. Особое внимание надо обратить на примеры первобытного искусства, представленного скульптурами негров в Музее Новой Западной Живописи. Итоги *русской скульптуры* отмечены 55 именами, в музеях и собраниях представленными 277 произведениями. Это число надо, конечно, дополнить многими (и лучшими) произведениями скульптуры монументальной на площадях, надгробными памятниками на старых кладбищах. Из современников всего лучше в музеях и собраниях представлен Коненков (38 вещей), из старых мастеров—Ф. И. Шубин (32 работы). Имеющий за своим именем в музеях 46 №№ Федор Толстой должен уступить Шубину, ибо в перечень вещей Толстого включены и гипсовые отливы. Из мастеров конца XIX века Е. А. Лансере имеет в Москве 33 работы, Антокольский—10. Бедность сравнительно с Петроградом чувствуется, конечно, и здесь. В Москве только одна небольшая работа Козловского. Представленный единичной вещью, Мартос, конечно, пополняет пробел своими монументальными работами («Минин и Пожарский», надгробия Донского монастыря).

Весьма интересен список иностранных художников, произведения которых имеются в Москве. Он в себе заключает до 1200 имен, представленных картинами и рисунками, число которых в 1919 году равнялось по описи Статистического Бюро 2737, но в настоящее время должно быть, конечно, значительно увеличено. Опись имеет явные пробелы, но если мы включим в нее известные коллекции ранних анонимных художников и те открытия и поступления, которыми Москва обогатилась за последнее время, то получится цифра достаточно импозантная, которая вполне оправдала бы создание в Москве превосходного Музея Западной Живописи. Правда, бедность иных периодов истории искусства чувствуется и здесь. Распределение картин по отделам весьма поучительно. Тогда как голландцев и фламандцев в Москве весьма достаточно, хорошо представлены французы—особенно чудесно—конца XIX и начала XX века—итальянцев среди московских картин—не более 10%. Только один Баччиарелли представлен 31 вещью (в общее число одинаково включены картины и рисунки). Из новых иностранных художников самый в Москве популярный—Матисс (51 работа), затем Пикассо (47 вещей). Гоген представлен 29, Сезани 26, Ван Гог 10 работами. Клод Моно имеет в Москве 20 картин. Из французов более старых (барбизонцы) на первом месте—Коро (18 картин). Теодор Руссо представлен 6 работами, Дюпре—6, Диаз—11, Милле—3. Цифр можно привести слишком много. Делакруа имел в списке 6 работ, Курбэ—2. Из французов XVIII века с именем Буше насчитывалось 10 картин, с именем Ватто—2, Греза—10, Фрагонара—2. Из старых французов не оказывалось в Москве совсем Пуссена; Клод Лоррен представлен 1 картиной, одна вещь оказывалась приписанной Клуэ. Снова перечень имен не даст много неискушенному читателю. Испанская школа совсем неожиданно указывает (в частных собраниях) две вещи, приписанные Веласкезу, 1—

Греко. В музеях имеется 1 Мурильо. Из современной испанской школы в Москве есть Зулоага и Сороллo и Бастида. Немецких художников в Москве мало. Одна картина Бёклина, одна Штука представляют недавнее прошлое германского искусства. Сравнительно много вещей Ахенбахов, Андрея (12) и Освальда (3). Из старых мастеров—две подлинные вещи Кранаха, 2—приписываемые Гольбейну. Еще меньше англичан: 1 вещь Гогарта, 3 работы Лоуренса, 4 вещи Чистлера, 1—Ромнея.

Среди нидерландских художников находятся, конечно, лучшие картины, какие только есть в Москве. Не по числу, а по художественной ценности на первом месте хочется назвать Рембрандта (10 вещей). Восемь вещей с именем Рубенса гораздо более спорны. Остаде представлен 26 работами, Тенирс—19, Ван-Гойен—21. Мало в Москве картин Рюисдаля (4), зато с именем Ван де Вельде—17 вещей. Все это мастера сравнительно частые; но Москва может гордиться обладанием хотя бы одной картиной Мемлинга. Гуго Ван дер Гусу приписывалась 1 работа; ранних нидерландцев в Москве вообще ничтожное число.

Что касается художников Италии, издревле считавшейся обетованной страною для историков художества, то Москва диковинным образом имеет довольно значительную коллекцию картин начала Возрождения и тех провинциальных школ Италии, которые, как Сиенская, дольше других сохраняли традиции средних веков. Картин этих—свыше 100. В эпохе XV века—непосредственно «оскудение»; несмотря на то, что в списках встречаются имена Липпо и Гирландайо, можно ручаться, что познакомиться всесторонне с искусством этого примечательнейшего времени в Москве нельзя. Картина школы Боттичелли в Румянцевском музее (из частного собрания) является единичной, как и одна мадонна Беллини. Может быть еще хуже обстоит дело с Возрождением высоким, с тем классическим искусством Италии, которое давно считалось венцом всего развития западной живописи. Рафаэль представлен в Москве только копиями. Леонардо да Винчи приписываются две вещи, ему не принадлежащие. Нет Микель Анджело. Великие мастера Венеции—Тициан, Веронезо, Тинторетто в Москве представлены только случайными рисунками. Несколько лучше дело обстоит с более позднейшими эпохами. В Москве есть Караччи, Гвидо Рени, Дольчи, Караваджио, Маньяско. Из XVIII века—Каналетто, Гварди, Лонги, Тьеполо. Но все мастера эти представлены одной—двумя картинами, и бедность даже по сравнению с красным Питером продолжает быть крайне ощутительной.

Совсем иное, конечно, в области *русской живописи*. Здесь с Москвою нельзя поставить рядом ни одного русского города. Кто когда подсчитает памятники древне-русского живописного искусства—иконы, хранящиеся в Москве? Относительно картин новых русских живописцев, начиная с XVIII века, хочется назвать несколько очень уж характерных цифр. В 1919 году в Москве было 11.835 картин (сюда включены, впрочем, и рисунки) 1143 русских художников. По количеству на первом месте стоят:

Верещагин, В. В.	— 658	картин и рисунков.
Иванов, А. А.	— 658	» »
Васнецов, В. М.	— 455	» »
Поленов, В. Д.	— 283	картин и рисунков.
Левитан, И. И.	— 245	» »
Репин, И. Е.	— 235	» »
Толстой, Ф. П.	— 230	(рисунки)
Серов, В. А.	— 219	картин и рисунков.
Перов, В. Г.	— 200	» »
Воробьев, М. Н.	— 193	» »
Тропинин, В. А.	— 168	» »
Сомов, К. А.	— 166	» »
Маковский, В. Е.	— 161	» »
Брюллов, К. П.	— 152	» »
Коровин, К. А.	— 150	» »
Врубель, М. А.	— 123	» »
Суриков, В. И.	— 101	» »

У остальных художников картин в Москве меньше 100 (само собою разумеется исключаются современные художники, живущие в Москве, хранящие свои вещи у себя). Несколько имен хочется все же назвать. Из художников XVIII века В. Л. Боровиковский представлен в Москве 70, Д. Г. Левицкий—42 картинами. Мастера начала XIX века: О. А. Кипренский—7, Басин—46, Егоров—77, Бруни—40, Орловский—60, Венецианов—54, Федоров—70, Шебуев—39, Щедрин — 38. Середины и второй половины XIX в.: Айвазовский—45, Васильев (Ф. А.)—75, Ге—64, Крамской—76, Куинджи—34, Лебедев (К. В.)—52 (характерно, что половина — в частных собраниях; художник, очевидно, очень небольшого достоинства, но Москве пришедшийся по вкусу), Лемох—33, Максимов—31, Нестеров—49, Прянишников—68, Савицкий — 39, Саврасов—47, Сверчков—39, Шишкин—97, Ярошенко—41, Борисов-Мусатов—42. Из современников в общественных собраниях зарегистрировано больше всего вещей П. П. Кончаловского—(40), И. И. Машков имел — 28, Н. А. Гончарова — 33, Ф. А. Малявин—30, Малютин—27, Петровичев—47 картин.

Перечень имен и цифр, конечно, нуждается в освещениях и выводах. Принятое от старого строя наследство было разнообразно и богато, но не полно. Общий характер московских художественных собраний, однако, как в зеркале отразил недавнюю Москву: купеческую, рыхлую, близкую к жизни. Картины выбирались не по знаниям, а по вкусу. Но именно поэтому, может-быть, Москва оказывается владелицей сокровищ преимущественно *живописного* достоинства,—картин, которые не заинтересуют наш ум, но зато неизбежно привлекут наш глаз.

Памятники искусства в Москве распределяются между общественными хранилищами, музеями и галлереями, число которых все растет, заставляя весьма мечтать о соединении всех отдельных — в единый центральный музей такого калибра, о котором не думалось раньше. Жизнь музеев Москвы протекает, конечно, в больших трудностях, обусловливаемых отсутствием топлива и рабочих рук. Обзор должен, конечно, присмотреться к каждому музею в частности.

1) Из художественных музеев, посвященных искусству русскому, на первом месте по числу хранившихся в нем вещей и по значению, как и по популярности его, надо назвать *Третьяковскую галлерею*. Октябрьская революция знаменательным образом совпала с началом второго пятидесятилетия существования галлереи. Опись начала 1919 года показывает общее число имевшихся предметов в цифре 4246. Посетителей в

1917 году было 147.988, в 1918 г.—93.740, в 1919 приблизительно столько же, за первую половину 1920 г. до 57.000. Очень интересны цифры, касающиеся содержания учреждения. За 1917 г. на содержание было отпущено 40.755 р., за вторую половину 1918 г. (первая Советская смета)—886.873 р. За последнее время галлереей приобретено до 200 картин, поступило в порядке распределения из Государственного Национального Фонда до 800 картин, скульптур и рисунков. Весьма широко развила галлерея деятельность экскурсионную, пропуская в год до 1200 экскурсий. При галлерее есть экскурсионное бюро.

2) *Галлерея И. Е. Цветкова* открыта для публичного пользования с 1917 года. В ней—1966 предметов (опись 1919 года), из которых 1499 падают на рисунки русских художников. Число посетителей за второе полугодие 1917 г. было 844, за 1918 г.—3426, за 1919—20 гг.—1000—1500 в месяц. Очень важным явлением в жизни галлереи были производимые перевозки и размещения по принципам «эстетического переживания». Ведется усердная научная работа (определение, аттрибуция) под авторитетным руководством А. В. Бакушинского. В галлерее особо образцово поставлено экскурсионное дело. Ведется дневник жизни музея и отдельная запись экскурсий и семинариев. В 1918 г. их было 80, в 1919 г.—178, в 1920 г. (начало)—236.

3) *Отделение Изящных Искусств Румянцевского Музея* имеет в себе около 1200 картин и икон русских и иностранных художников, около 125.000 гравюр, репродукций и рисунков. Посетители за 1917 год — 18.672, за 1918 г.—20.074, за 1919 г.—23.411. Приобретения галлереи и гравюрного кабинета должны отметить ряд прекрасных подлинников. В 1919 году к Рембрандту, переданному ранее из Кремлевского дворца, присоединен великолепный этюд этого величайшего из голландских мастеров — «Христос». Много картин переданы из собрания, бывш. М. А. Грачевой, и выставки 1918 г. Музейного Фонда. Здесь вещи Кодде, Дюсарто, Тенирса, Лоурена, Остаде. В русском отделе галлереи — новые вещи Федорова и Иванова. Об одной коллекции Зубалова (передана в 1918 году) можно было бы написать целый отчет. Рядом первосортных гравюр обогатился гравюрный кабинет.

4) *Музей Изящных Искусств* при Московском Государственном университете хранит в себе (по описи 1919 г.) 18.405 предметов, в том числе подлинников египетского отдела 6480, монет 8454, картин и рисунков христианского отдела около 300. По числу посещений и экскурсий музей стоит на втором месте после Третьяковской галлереи (40.000 за 1917 г., около 17.000 за 1918 г.). Небольшие, сравнительно, отпускаемые университетом средства дали все же музею возможность пополнять свои собрания подлинников (рисунки западных и русских художников, отдельные памятники скульптуры и живописи Средних веков и Возрождения). В 1919 году в музей передана часть упраздненного музея бывшего Строгановского училища (мебель и прикладное искусство Запада), как и некоторые статуи царских особ, удаленные из общественных мест, где они раньше находились. Экскурсионное дело в музее ведется также достаточно широко. В год проходит 500 — 600 экскурсий.

5) *Музей Новой Западной Живописи* является одним из приобретений революции. *Галлерея С. И. Щукина*, из которой он создан, давно известна, как совершенно единственное собрание французских художников конца XIX и начала XX века. По описи в музее имеется 310 картин и скульптур. Входящая, как параллельная галлерее Щукина, в состав Музея Новой Западной Живописи *коллекция И. А. Морозова* насчитывает всего инвентарных нумеров. Обе галлереи пользуются достаточно прочной в Москве популярностью, являясь несравненной школой современного искусства для молодых художников. Число посещений в Щукинском собрании выражается (за четыре месяца 1919 года) в сумме 1528 рядовых посетителей и в 1280 посетителей, объединенных в экскурсии. За такой же промежуток 1920 года посетителей частных было 1520, в экскурсиях—1585 человек.

6) *Музей Старой Западной Живописи Д. И. Щукина* является также революционным завоеванием. Примечательное собрание иных из лучших мастеров Голландии, Германии, Франции было до совсем недавнего времени (музей открыт в 1919 году) почти никому неизвестно. В музее насчитывается несколько сот предметов выставленных. Число посетителей выражалось в десятках раньше, теперь в сотнях.

7) *Музей иконописи и живописи И. С. Остроухова*, также недавно преобразованный из частной галлереи, является последним по времени приобретением художественной Москвы. Неоконченный еще в своей организации, он в себе заключает 76 памятников иконописи—небольшая коллекция, не имеющая себе равных по художественной ценности подобранных экспонатов, и несколько сот картин и рисунков русских (есть и иностранные рисунки) художников.

8) Совершенно новыми, раньше не существовавшими ни в каком виде художественными музеями, являются районные пролетарские Музеи Комиссии по охране памятников искусства и старины М. С. Р. и Кр. Деп. В настоящее время их открыто 8 (всего, с отделениями, 12) в самых разных частях Москвы.—Типичным и лучшим является, без сомнения, 1-й Пролетарский музей, имеющий в своем составе фарфор, стекло, картины и иконы, скульптуры, предметы обстановки (по инвентарной описи 1919 г.—1543 предмета).—Если иные из этих музеев являются скорее выпадающими из границ чисто художественных, в себе сохраняя памятники быта, жизни, обстановки, то другие (как, напр., отделение 2-го Пролетарского музея на Мытной ул., в основе которого лежит известное собрание Брокар) обладают памятниками весьма большого значения. Всего в пролетарских музеях свыше 30.000 экспонатов. Их посещаемость выражается цифрами до 2000 в месяц. Возникло также весьма важное «Хранилище произведений современного искусства» (в 1919 г. около 400 №№, сейчас—до 6000)—постоянная передвижная выставка, экспонаты которой даются художниками на хранение секции Изд. Моск. Совета. Выставка обслуживает районы—всего за три года в разных частях Москвы таких выставок было 15.

Самая тенденция переносить музеи в окраинную Москву весьма понятна при отсутствии нормальных

условий передвижения. Если это как будто и противоречит мечтаниям о создании единого центрального музея, который бы был идеальным хранилищем *всех* памятников искусства города Москвы, в образцовом порядке размещенных для обозрения и изучения, то, с другой стороны, нельзя не признать, что иное произведение искусства, которое бы «потерялось» и было бы лишено своего интереса среди других, более значительных памятников, именно в таком окраинном небольшом музее окажется гораздо лучше выполняющим свою художественную и просветительную роль.—В этом же месте хорошо отметить, что, очевидно, это соображение лежало в основе организации около Красных ворот филиального отделения Румянцевского музея, которое заключает в себе ряд весьма ценных художественных произведений.

Уже самый беглый этот обзор, неизбежно неполный (мы оставляем в стороне такие музеи, которые, подобно Оружейной палате или иным отделам Российского Исторического музея имеют скорее историко-культурный, нежели художественный интерес), указывает, как широко и полно должна была развернуться деятельность советского правительства в области художественной, хотя бы, пока что, касающейся только художественного населения Москвы. Совершенно неизбежным и бесспорно высоко-мудрым шагом явилось образование в 1918 году особого отдела Наркомпроса, который объединил в себе дело музеев и охраны памятников искусства и старины. В границах данного очерка мы не будем, конечно, касаться деятельности отдела во всем его объеме, который распространяется на всю Россию и может быть самое ценное свое выполняет именно не в Москве, а в глухой провинции, где его трудами открыт ряд памятников древне-русского искусства совершенно исключительной ценности. К Москве имеет касательство п/отдел центральных музеев и столичной охраны, и, конечно, всего больше образованный при отделе Национальный Музейный Фонд, куда поступают все вывезенные из провинции, из разрушенных усадеб, из ряда частных коллекций произведения искусства,—для распределения по образцовым хранилищам Москвы. Здесь ведется регистрация, описание, реставрация, размещение. Отдел устраивает выставки—так, совершенно исключительного значения была выставка 191 года, где впервые были показаны московской публике памятники искусства, вывезенные из провинции,—выставка, конец которой омрачился (не повредившим, однако, ничего) пожаром—или выставка лета 1920 года, специально посвященная «раскрытым» памятникам древне-русского искусства, освобожденным от вековой черноты иконам, и ряду реставрационных чертежей и рисунков памятников древнего строительства. 2 октября 1920 года открыта выставка французских художников начала XIX века—частью тех картин, которые три года лежали в ящиках, присланные из Петрограда в дни, когда ему грозило нашествие немцев.

Параллельно с отделом Наркомпроса работает и местный орган Отдела Народного Образования Московского Совета Р. и Кр. Деп. Здесь организована вскоре после Октябрьской революции особая комиссия по охране памятников, которой Москва обязана организацией пролетарских музеев. Если далее остаться в пределах самых беглых наблюдений, то и тогда внимание Советской власти к искусству прошлых веков, явившемуся наследием новой России, окажется фактом огромного внутреннего смысла. Овладев наследием своим, сделав доступным самым широким слоям населения то, что раньше боязливо скрывалось от глаз любителя, революция, может-быть, особенно явно показала свою великую творческую волю. Не углубляясь во все последствия этого, укажем, что как на одно из самых ярких завоеваний революции, именно на это было указано недавно, когда советская дипломатия должна была ответить достойным образом на нападки буржуазной Европы.

Музей, как хранилище произведений искусства, имеет естественным образом две функции, и обе они могут встретить одинаково горячие защиты и протесты. Музей *хранит* старые памятники; он есть «дом картин»; самое размещение их в его залах должно согласоваться с потребностями хранимого. Но музей есть в то же время общественное учреждение просветительного характера; он может быть не столько для картин, как для *зрителя*. Опасность для музея сделаться не домом, а кладбищем искусства—очень ведь ощутительно. И летописатель художественной жизни Советской России должен отметить, что против «музееведов», представителей одностороннего взгляда на музей, как *только* или *преимущественно* хранилище памятников старины, была поднята очень определенная борьба теми, кого в искусстве более всего интересует и волнует живое его творческое начало—художниками-практиками.

Обзор художественной жизни, поскольку она выражена в созидании нового искусства, естественно начать с деятельности Отдела Изобразительных Искусств Наркомпроса, являющегося высшим государственным органом, направляющим и регулирующим дела искусства в России и Москве. Весьма поучительная история возникновения Отдела, те шаги, которые Советская власть предприняла по отношению к русским художникам; идеология и споры, неумолкающие вокруг конкретных форм деятельности Отдела,—все это, очевидно, должно быть нами оставлено в стороне, как не имеющее непосредственного касательства к жизни Москвы за три года Советской власти. Но в то же время хочется подчеркнуть, что несравнимое своеобразие всей жизни России в наши дни в значительной мере обязано именно той художественной политике, которая проводится Отделом ИЗО. Исследователю кажется очень неслучайным, что ближайшими сотрудниками Советской власти в деле переустройства художества страны явились те непонимаемые и отрицаемые представители крайних течений современной живописи, которые буржуазному сознанию мнились только забавными фиглярами. Можно, конечно, ставить вопрос, поскольку своевременно и полезно нарочитое культивирование крайних форм живописного творчества в те дни, когда, очень очевидно, Россия нуждается в ином, более простом и общепонятном искусстве. Но как бы то ни было, Отдел ИЗО является центром очень решительных реформ, бесконечно характерных для всей советской деятельности.

Принявший свою основную форму сравнительно недавно, Отдел ИЗО Наркомпроса нас здесь должен инте-

ресовать прежде всего в области школьной. Нечего говорить о том, как академическое старое художественное образование должно было быть враждебным всей новой революционной буре искусств, неизбежно завершившейся в согласии с бурей социально-политической. Историк хорошо помнит, что одним из первых шагов Великой французской революции было уничтожение королевской академии художеств. Русская (петроградская) Академия Художеств была упразднена декретом 12 апреля 1918 года. В Москве высшие и художественные школы—Училище Живописи, Ваяния и Зодчества и Строгоновское—были в 1918 году преобразованы в Свободные Государственные Художественные Мастерские, сразу привлекшие к себе большое число учащихся. В настоящее время реорганизация должна объединить оба учреждения в одно, построенное по факультетской системе (факультеты живописный, скульптурный, архитектурный, полиграфический, керамико-стекольный, текстильный, металлообрабатывающий). Лучшие силы нового искусства привлечены к преподаванию. Школьный II отдел вырабатывает программы по преподаванию искусства в Единой Трудовой Школе; в Москве, как и в провинции, открыты студии живописи, рисования, скульптуры и архитектуры, обслуживающие рабочее население; особые мастерские художественно-промышленного характера организованы параллельным школьному художественно-промышленным II отделом в Москве специально по ситце-набивному и печатному делу. Для подготовки кадра квалифицированных школьных работников в августе 1918 и июне 1919 устраивались особые трехмесячные инструкторские курсы. Весною 1919 г. особенно часты были организуемы дискуссии, диспуты, лекции, экскурсии. Конференции 1920 года художников, работающих в производстве, и учащихся Государственных Художественных мастерских оставили на художественной жизни Москвы след очень заметный. II отдел художественной пропаганды широко развил деятельность лекционную, агитаторскую, издательскую, выставочную. Из них нас интересует преимущественно последняя. В 1918—20 гг. особое Центральное Выставочное Бюро организовало в Москве 20 выставок, из них 3 персональных; выставки были и более узкого характера (выставка ко дню Советской Пропаганды, ко дню годовщины Октябрьской революции и т. п.). Конечно, выставки эти носили и носят характер совсем отличный от до-революционных. Объединяемые в былое время личными симпатиями и направлениями, художественные выставки часто бывали — признаемся— своеобразными лавочками, искусству достаточно далекими. Революция впервые перестроила самый их принцип. В 1918 году огромная по числу выставленных вещей выставка профессионального союза живописцев впервые объединила в одном выставочном помещении представителей правой, центральной и левых групп. Впечатление получилось слишком, быть-может, пестрое, и Выставочное Бюро в будущем не устраивало больше таких выставок, распределяя художников по их школам, очень разумно указывая при заглавии выставки направление ее, будь это натурализм или кубизм, снабжая выставки подробными указателями, пояснениями в виде ли лекций или напечатанных на машинке и повешенных на стене тезисов.

Перечислять здесь все выставки 1917—20 годов, может-быть, нет надобности. Отделом ИЗО Наркомпроса даются любопытные цифры касательно устроенных им первых 12 выставок (1918—первой половины 1919 года). Общее число экспонатов на выставках этих было: картин 2870, рисунков—465, гравюр —794, скульптур—19, предметов прикладных искусств—850. Общая сумма— 4508 произведений—является, конечно, очень значительной. Выставки снабжались каталогами, в общем образовавшими том в 286 страниц. И снова, в противовес старой системе выставок, в каталогах помещались значительного интереса статьи—объяснения самих авторов. Число художников, выставлявших в одном 1919 году, определяется цифрою 690, которую теперь надо значительно увеличить членами новых групп и образований. Рядом с выставками, организованными Наркомпросом, следует поставить в гораздо более скромном числе организованные профессиональными союзами (2) и частными лицами (1)—цифры первой половины 1919 года, имеющие типическое значение. Интересны приобретения с этих выставок. Отделами Наркомпроса приобретены в Государственный Фонд в 1919 году (первая половина) 329 вещей на общую сумму 336.500 руб., общественными учреждениями—2 вещи на 7000 р., частными лицами— 27 вещей на 68.060 руб. Количество посещений 12 выставок Наркомпроса, давших сведения, выражается в приблизительной сумме 196.000 человек. И снова: цифры эти должны быть крайне увеличены. Приобретаемые картины поступают в общий могучий резервуар—Национальный Музейный Фонд— вместе с картинами и иными памятниками, спасаемыми из усадеб, церквей, частных квартир, складов и ломбардов. Помимо московских музеев широко снабжаются провинциальные—и так широко, как никогда раньше. Сердце России, Москва, не только привлекает к себе жизненные соки, но и рассылает их по всей стране. С другой стороны, объединение, хотя бы временное, в одном резервуаре ряда однородных памятников дозволяет продолжать творчество и в другом направлении. Из выставок образуются музеи. Так, Москва увидела создание никогда в ней не бывшего Музея Азиатского Искусства, и по мысли истинно-революционной—«Музея Живописной Культуры», открытого для публики в сентябре 1920 года и объединившего избранные произведения новейшего русского искусства с последних выставок.

Но не только выставка делается музеем; делается, со своей стороны, выставкой также и музей. За последнее время эти, устраиваемые в стенах музеев, небольшие выставки части их собраний или новых их приобретений сделались характернейшей чертою художественной жизни красной Москвы. Третьяковская галлерея устраивала выставки своих новых картин (1919 г.), выставки Борисова-Мусатова и Сомова. Цветковская дала три выставки очень большого интереса—рисунков Репина, эволюции жанра в русском рисунке XVIII — XIX и акварели XVIII — XIX столетий; открыта выставка рисунков Шмелькова. Румянцевский кабинет гравюр в 1918 году организовал имевшую очень большой успех выставку гравюр В. Д. Фалилеева и в настоящее время готовит выставку В. Н. Масютина. Ряд выставок дал Исторический музей. Здесь были в 1918—20 гг. организованы

выставки библиографические (выставка книг по вопросам музееведения) и чисто художественные, как две выставки миниатюр, выставка старого русского церковного шитья. С выставками тесно связано дело лекционное, экскурсионное, пропагандистское; и, не приводя даже точных цифр, можно заранее сказать, что никогда Москва не говорила так много, не спорила так горячо, не читала столько лекций по вопросам искусства. Определенный интерес к данным вопросам ведет и к их чисто научному детальному изучению; и исследователь отметит образование в Москве двух по меньшей мере научных институтов, посвященных изучению теоретических и исторических вопросов искусства: Московского Института Историко-Художественных Исследований и Музееведения и Института Художественной Культуры, уже начавших в широкой мере развивать свою деятельность.

Вопрос о выставках очень естественно приближает наш беглый обзор к деятельности художественных профессиональных объединений, которые, зародившись, как мы писали, еще до октябрьских дней, только теперь приняли действительно жизненно-прочную форму. Союзы живописцев (одно время существовало два союза, выделившие в особое объединение «левых» художников), граверов, деятелей прикладного искусства и другие, им подобные, в настоящее время объединены в могучем профессиональном всероссийском союзе работников искусств (Всерабис), секция Изобразительных Искусств которого образована 1 августа в 1919 году и насчитывает до 600 членов. Параллельно очень важно отметить новую форму организаций художников—жизнеспособных чисто трудовых коллективов, организуемых художниками для выполнения тех или иных государственных заданий. В настоящее время такими чисто живописными коллективами являются «Обмоху» (Общество молодых художников, с очень интересной выставкой, выступившее весною 1920 года), «Краска», Агит-Плакат», «Эос», «I учебный». Скульптурными объединениями являются группы «Рельеф» и «Монолит», смешанного типа—«Живскульптарх». И, наконец, как объединение уже не рабочего или профессионального, а скорее клубно и просветительного характера здесь должен быть упомянут «Дворец Искусств», помещающийся в прекрасном особняке на Поварской, устраивающий лекции, вечеринки, выставки, объединивший в своей секции изобразительных искусств всех почти художников Москвы.

Общую картину художественной жизни Москвы эти беглые сведения не исчерпывают. Весьма интересно было бы проследить деятельность отдельных выдающихся мастеров Москвы, из которых иные, работая в качестве руководителей—профессоров в Государственных Мастерских, посвящают себя прежде всего художественно-педагогической работе, в то время, как другие выполняют заказы очень большого общегосударственного интереса. Так, один из наиболее видных московских живописцев, П. П. Кончаловский, помимо своих последних пейзажных работ был привлечен к монументальным живописным заказам для казачьего съезда; И. И. Машков выполнил к дню октябрьской годовщины 1920 года четыре прекрасных панно; Л. О. Пастернак, давно известный как особенно чуткий наблюдатель текущей вокруг жизни, выполнил ряд портретов советских и революционных деятелей и является автором зарисовок некоторых решающего мирового значения событий последнего времени (заседания III Интернационала). Много работает в области иллюстрации В. Н. Масютин, чисто живописной Н. П. Крымов, В. М. Васнецов, в области портрета Ф. И. Захаров. С другой стороны, летописатель отметит и некоторые траурные явления. Многих художников и деятелей искусства судьба унесла из Москвы, хотя иные, как М. В. Нестеров и Ф. И. Малявин, и вернулись в нее опять. Много умерших: скончался Переплетчиков, известный знаток русского севера, популярный пейзажист старого «Союза Русских Художников»; умерла талантливая О. Н. Розанова, представительница крайне-левого фланга русской живописи, искусству которой была хорошо посвящена первая государственная выставка отдела ИЗО; умер ученик Врубеля и его искренний подражатель Бромирский. Из теоретиков и историков искусства для Москвы чувствительна была потеря С. С. Голоушева (Сергей Глаголь) и Б. Н. Эдинга, превосходного знатока древнерусского искусства.

В конце обзора мысли достаточно разнообразные встают перед исследователем, для которого беглый очерк художественной жизни Москвы за три самые замечательные года русской истории был большим, нежели простым перечнем цифр и фактов, очень, конечно, неполно представляющим действительное положение дел. Если подвести некоторый итог, то он сведется к указаниям — на совершенное переустройство всего музейного дела, упорядочение снабжения художественных хранилищ памятниками искусства, на связанный с этим небывалый расцвет музеев и галлерей; на впервые поставленное в государственном масштабе и в формах общенационального строительства дело участия власти в жизни искусства и искусства в делах власти.—Русское художество за последнее время творило и продолжает творить в условиях несравнимо трудных. Живописцу давно уже почти недоступны краски, полотно, лаки; целые области искусства—например, гравюра, травящая по меди, или скульптура, льющая из бронзы,—оказываются невозможными в условиях человекоубийственной блокады, в тисках которой задыхается Россия. Это надо помнить при суждении о состоянии искусства в наши дни. Надо представить себе существование художника зимою, отрезанного холодом от пользования большими помещениями мастерской, связанного служебными обязанностями, прежде чем произносить последние суждения об упадке или расцвете искусства в Советской России.

Очень большое место в художественной жизни Советской России вообще и красной Москвы в частности занимают теперь организации и учреждения типа абсолютно нового, являющиеся лабораториями и своеобразными заводами, где куется новое сознание. Мы имеем в виду так называемые «Пролеткульты». Центральный Московский Пролеткульт особенно широко развил свою деятельность в области изобразительных искусств, которая, конечно, не исчерпывает всей широты ставимых им себе задач. При Московском Пролеткульте существует ряд клубов и студий, где под руководством лучших художников рабочая молодежь проявляет зачастую совсем неожиданные дарования. Посещаемость

клубов и студий выражается в цифрах: до 1 июля 1919 г.—73 чел., до 1 янв. 1920 г.—460, до 1 мая 1920 г.—515 человек.

Районные студии изобразительных искусств при различных фабричных центрах Москвы, находящиеся в зависимости от секции изобразительных искусств Московского Совета, не менее деятельны. Их открыто всего 13, при чем в среднем в каждой из них работает около 20 человек. Как в центре, так и в районных клубах весьма часты лекции на темы по искусству (по данным Пролеткульта): 1 июля 1919 года было 1, до 1 янв. 1920 г. — 10, до 1 мая 1920 г. — 38. Рабочий класс во всяком случае проявляет горячее и искреннее желание как овладеть навшим ему на долю наследием строго искусства, так и чувствует в себе достаточно силы для создания нового искусства, достойного того, что было.— И в сознании этого, в вере в неисчерпаемые силы русского трудового народа, исследователь, в конце обзора жизни искусства русского за три минувшие года, в праве видеть перед художествами России близкую зарю небывалого расцвета.

Ученая Москва.

Условия работы московских ученых за последние три года, как и русских ученых вообще, были во многих отношениях неблагоприятны. Империалистическая война, порвав непосредственные сношения с средней Европой, почти лишила Россию возможности научного общения с Западом. Если в первые годы войны в России и могли еще получаться окольным путем иностранные научные журналы и книги, то впоследствии затруднения усилились, и в последние три года, с закрытием западных границ, иностранная научная литература стала почти совершенно недоступной для русских ученых. Русская наука, воспитанная на науке европейской, привыкшая к ее руководительству,—к тому, чтобы черпать из нее новые факты, новые открытия, новые методы, оказалась отрезанной от главных источников знания, от научной литературы Запада.

Кроме книг и журналов, перестали получаться из-заграницы и другие научные пособия: инструменты, приборы, машины, химические реактивы, биологические препараты и иные лабораторные и музейные предметы. Многие из этих пособий могли бы быть изготовлены и в России, в наших мастерских и заводах; к сожалению, разруха нашего фабричного и заводского дела, закрытие многих мастерских, недостаток материала—явились серьезными, часто непреодолимыми препятствиями для удовлетворения многих существенных научных и технических потребностей. С другой стороны, закрытие многих типографий, расстройство вообще типографского дела и недостаток бумаги имели следствием прекращение почти всех научных журналов, издававшихся высшими учебными заведениями, учеными обществами и частными лицами, и приостановку почти всей научно-издательской деятельности. Еще труднее, за недостатком материала и мастеров, стало изготовление иллюстраций—фототипий, автотипий, цинкографий и т. п., крайне необходимых, как известно, для многих научных работ.

Необходимо еще принять во внимание общие условия жизни в Москве за последние годы, и прежде всего недостаток топлива, вследствие чего зимою 1919—20 года не только многие частные квартиры, но и многие помещения научных институтов, лабораторий, музеев, библиотек не могли отапливаться, температура в них падала ниже 0°, и они вынуждены были прекращать на более или менее продолжительное время свою деятельность. Недостаток топлива и холод имели часто следствием прекращение пользования газом и водой, существенно необходимыми для многих научных институтов и лабораторий. Холод сопровождался для многих тружеников науки и голодом, недостаточным питанием, особенно до введения академического пайка,—обстоятельство, которое способно было отражаться на здоровьи и силах научных деятелей и на функционировании их мозга, а следовательно, и на продуктивности их научной работы. Следует указать еще на то, что многие молодые ученые были призваны на военную или военно-техническую службу, и некоторые из них не вернулись к своим прежним занятиям, погибнув на войне или став жертвами тифа и других болезней, а также на то, что расстройство транспорта и внутренние гражданские войны затруднили переезды по стране и сношения со многими ее частями, сделали невозможными экспедиции и путешествия на восточные и южные ее окраины и за пределы последних для изучения природы и населения России и соседних с ней стран Азии.

Все указанные и некоторые другие условия, вызванные войной и последовавшей революцией, необходимо иметь в виду при оценке деятельности русских, в частности московских ученых, за последние годы. Можно было даже опасаться, что эти условия в состоянии остановить на известное время всякое движение науки и свести ее деятельность к малозаметному прозябанию. Но этого не произошло, русская, и в частности московская, наука не замерла, она продолжала, насколько то было для нее возможно, по условиям времени, свою работу, пролагая даже новые пути для своих изысканий и отвечая на новые, выдвигавшиеся жизнью, задания. В некоторых отраслях знания проявилось даже стремление к образованию новых коллективных органов (институтов, обществ) для более широкого освещения и разработки соответственных вопросов. С другой стороны, многие ученые, теоретики и практики, были призваны правительством к работе во вновь образованных научных и технических учреждениях, при чем органам этим были предоставлены необходимые средства для осуществления новых, возложенных на них задач и для возможно более широкого развития их деятельности. Таким образом, если во многих отношениях условия русской, и в частности московской науки были очень неблагоприятны для развития в последние годы научных дисциплин, то новый строй жизни уже успел оказать и положительное влияние, открыв новые пути и возможности для дальнейшего движения и применения знаний.

Эти новые пути и возможности выразились прежде всего созданием новых правительственных учреждений, призванных к восстановлению, подъему и развитию производительных сил страны, на основе их необходимого изучения и понимания, путем привлечения к этому делу возможно большего числа научных сил, сближения науки с техникой, организации коллективного научного исследования. В первую очередь было выставлено задание оживить при помощи науки нашу промышленность, поднять ее производительность, способствовать интенсификации прежних и введению новых производств.

Декретом от 16 августа 1918 года при Высшем Совете Нар. Хозяйства был образован в Москве Научно-Технический Отдел, во главе которого поставлена Коллегия профессоров (Эйхенвальд, Федоровский, Артемьев и др.) При Отделе этом образована Научная Комиссия, задачей которой было поставлено: всемерно содействовать развитию и распространению научных и научно-технических знаний и применению их к практической жизни, установлению живой и тесной связи органов центральной власти, ведущих народное хозяйство, с научным миром, разработке научно-технических вопросов, объединению и согласованию исследовательской работы различных ученых учреждений. Кроме Москвы отделения Научной Комиссии учреждены в Петрограде, Харькове, Киеве. К участию в Научно-Техническом Отделе, его секциях, отделениях и учреждениях, в качестве постоянных сотрудников, членов советов и консультантов, призвано свыше 250 профессоров, 300 инженеров, 240 разных других специалистов, не считая ученых, работающих в несостоящих при Отделе научных учреждениях, но выполняющих его задания на отпускаемые им средства.

Не имея в зможности перечислить все состоящие при Научно-Техн. Отделе учреждения, укажем лишь на некоторые: 1) Комитет по делам изобретений, 2) Институт чистых химических реактивов (для создания самостоятельной русской химической промышленности), 3) Научно-Техническое Издательство, издающее, между прочим, «Научно-Технический Вестник», которого, однако, при всех усилиях удалось выпустить только № 1—1920 г. 72 стр. 4^0; из 13 статей в нем 9 принадлежат моск. ученым; кроме того, Издательство выпускает и книги, что, впрочем, ему удается осуществлять в гораздо более слабой степени, чем его коллеге, Петроградскому Химико-Техническому Издательству, которое, при лучшем положении типографского дела в Петрограде, могло выпустить несколько учебников, специальных работ и научно-популярных книг, 4) Пищевой Научно-Технический Институт (с отделениями в Петрограде и Астрахани) — в программу которого входит изыскание новых методов выработки пищевых продуктов и отыскание новых пищевых суррогатов; научные работы Моск. отделения (председ. совета Никитинский) ведутся в нескольких химических и физиологических лабораториях; при нем действует также экономическое отделение, 5) Институт по сельско-хозяйственным изобретениям (цель его—содействие всякого рода работам в области удобрений в направлении к интенсификации сельского хозяйства; главным деятелем Института является проф. Я. В. Самойлов, издавший сборник статей по известкованию почвы в связи с внесением удобрений и работающий над изучением фосфоритных залежей в разных местностях России, над калиевыми удобрениями, над использованием азота торфа и др.), 6) Институт Физико-Химического Исследования твердого вещества (основан в 1918 г. по инициативе проф. Г. В. Вульфа для изучения кристаллов, металлических сплавов, кристалло-химических анализов и т. п.), 7) Текстильный Институт,—имеющий заданием содействие техническому и экономическому совершенствованию текстильной промышленности путем исследований над хлопком, льном (его котонизацией), пенькой, джутом, шерстью и шелком; 8) Аэро-гидродинамический Институт, 9) Петрографический Институт «Литогея»; цель—научное исследование горных пород и минералов; был основан В. В. Аршиновым еще в 1905 г., затем находился года

три в ведении Моск. Общества Испытателей природы, а в 1917 г. был национализирован и затем присоединен к Институту Исследования Твердого Вещества; Институт отправляет экспедиции, имеет музей, библиотеку, лабораторию, издает ученые труды и организует мастерскую для изготовления тонких шлифов горных пород. 10) Высшее Геодезическое Управление—учреждено в марте 1919 г., для изучения территории республики в топографическом отношении, для объединения геодезической деятельности всех комиссариатов и учреждений, для производства в общегосударственном масштабе геодезических работ, топографических съемок, для составления и издания карт, изготовления геодезических инструментов и т. д. Разделенное на 10 отделов Управление только начинает свою деятельность, но уже сформировало кадр специалистов-топографов и производит нивеллировочные и тригонометрические работы в Московской и некоторых других губерниях.

Научная Комиссия (ее Московское отделение) состоит из 8 секций: 1) физики и электротехники, 2) механики и механической технологии, 3) геологии, геодезии и горного дела, 4) химии и химической технологии, 5) инженерно-строительной, 6) сельского хозяйства и биологии, 7) текстильной и 8) металлургической. Во главе каждой секции стоит президиум из 3-х лиц; председатели секции образуют Бюро Научной Комиссии, ее центральный орган (во главе его стоят профессора М. М. Новиков и А. Н. Реформатский), объединяющий все секции, распределяющий между ними работу и ведающий сношения Комиссии с внешними учреждениями. Различными секциями выдвинуты многие научно-технические вопросы, напр., проект закона об охоте, о положении животноводства, о рациональной постановке рыбного дела в России, о составлении гипсометрической карты Москвы и ее окрестностей в масштабе 1 : 50000 с горизонталями через 5 метров (на эту работу ассигновано около 1 миллиона рублей), о составлении почвенной карты Европ. России в масштабе 1:1000000 (работы начаты в 1918 году по инициативе Почвенного Комитета во многих губерниях и сопровождаются ботанико-географическими наблюдениями); о добыче и использовании горючих сланцев и мн. др.

При Высш. Сов. Нар. Хоз. состоит Горный Совет с целым рядом при нем специальных комитетов (сол. и минер. источников, золото-платиновых промыслов, угольный, сланцевый, нефтяной и др.), а также с Геологическим Комитетом, главное отделение которого, впрочем, находится в Петрограде, где и издавались (до последнего времени) «Труды» и «Известия» Комитета. Горным Советом в 1919 г. издавались «Известия», вышли 4 №№, а в нынешнем году издается журнал «Горное Дело» (заменивший прежний «Горный Журнал»); он имеет выходить 4—6 раз в год в размере 4—8 печ. лл. 4^0, но пока имеются только два его выпуска: № 1, май и №№ 2—3, июнь, июль 1920 г. При журнале предположены «Приложения» (более обширные статьи), три №№ которых печатаются.

В феврале 1920 года В. Ц. И. К. постановил приступить к электрификации России, поручив В. С. Н. Х. совместно с Нар. Ком. Земледелия разработать проект постройки сети электрических станций. На основании этого постановления была образована при Электроотделе В. С. Н. Х. Электрофикационная Комиссия, которая особым «Положением» была преобразована в государственную междуведом-

ственную Комиссию по Электрификации России (ГОЭЛРО). В Комиссию вошли 10 представителей госуд. органов, 8 ответственных руководителей и много специалистов, всего до 200 человек. Комиссией издаются «Бюллетени», которых с апреля 1920 г. вышло 4 выпуска. Совещания Комиссии происходят еженедельно (по 2 раза), и в них делаются доклады разными специалистами. В первую очередь намечен ряд мероприятий, которые можно осуществить путем налаживания работы уже существующих электрических установок, а из новых сооружений прежде всего имеются в виду те, которые с минимумом затрат способны дать максимум хозяйственного эффекта. Составлен список станций мощностью от 1000 лош. сил. и намечены несколько районов в Центральной России, в низовьях Днепра и др. Работает ряд крупных электр. станций в Богородском, Павловском, Орехово-Зуевском районах, снабжаются электричеством некоторые рудники и заводы Донецкого бассейна и проводится объединение электро-станций около Брянска, Коломны и Тулы.

С января 1920 г. Н. Техн. Отдел приступил к изданию нового печатного органа «Сообщения о научно-технических работах в Республике», в котором имеют печататься краткие резюме научно-технических и научных работ, как законченных, так и незаконченных, и даже только намеченных к исполнению. Пока вышло два выпуска (январь—февраль и март—апрель), заключающих в себе резюме 215 работ московских и петроградских ученых. Нельзя не признать эти «Сообщения» весьма полезными для ознакомления с текущим движением у нас в области физико-химических наук и техники.

Ряд научных и научно-технических учреждений вызван к жизни и другими правительственными органами. Так, Народный Комиссариат Здравоохранения, субсидирующий несколько научных институтов и издающий книги и брошюры по здравоохранению и медицине, организовал в последнее время обширный «Научный Государственный Институт Народного Здравоохранения» (во главе его поставлен проф. А. А. Тарасевич), который имеет объединить семь различных институтов, а именно: Микробиологический, Санитарно-Гигиенический, Экспериментальной Биологии, Тропический, Контрольный, Физиологии питания и Биохимический с подразделением каждого из них на отделы со многими подсобными к ним учреждениями (клиники, библиотека, музей,—виварий, издательство, мастерские и др). Из вышеуказанных Институтов некоторые существовали и раньше, например, Институт Экспериментальной Биологии; но, напр., Институт Тропический (название, повидимому, не точное, мы еще вернемся к нему) возникает вновь и имеет целью изучение специальных болезней (и производящих их микробов) наших южных окраин и прилегающих к ним зарубежных стран. Контрольный Институт имеет заданием контроль вакцин, сывороток, оспенного детрита, изучение новых сывороток и т. п. Наркомздрав субсидирует также Физический Институт (часть Моск. Научного Института), вмещающий в себе Институт Биологической Физики.

В ведении Наркомздрава состоит основанный осенью 1919 года в Москве Институт Физической Культуры, в задачи которого входит научная разработка вопросов по физическому воспитанию, физическому развитию и трудовым процессам, всемерное содействие поднятию физической культуры народа, подготовка инструкторов и преподавателей по физической культуре, популяризация соответственных знаний среди широких масс населения и т. п. Первая идея о таком институте возникла у русского эмигранта, долго работавшего в Париже в Институте Пастера М. В. Головинского, который встретил существенное содействие своим исканиям в лице заведывавшей Школьно-Санитарным Отделом Н. К. Просвещения В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной), после смерти которой Институт поступил в ведение Наркомздрава. В Институте действуют семь кафедр по теоретическим предметам (преподают профессора университета) и ведутся практические занятия по всевозможным видам гимнастики и спорта, а также некоторым трудовым процессам. При Институте имеются лаборатории и кабинеты динамической анатомии, антропологии, гигиены, экспериментальной психологии, неврологии; в них производятся исследования, результаты которых имеют издаваться в «Трудах» И. Ф. К. Учреждается также Антропометрическое Бюро в целях собирания антропометрического материала и его обработки для выяснения физического развития населения России.

Наркомздравом делались попытки к изданию медицинского журнала, но пока безуспешно. Сначала было предположено издавать «Сборник», затем остановились на издании двухнедельного журнала «Вопросы клинической медицины». При ближайшем участии профессоров Плетнева, Мартынова и других был составлен и набран № 1 журнала, который, однако, не удалось выпустить. В последнее время, как увидим далее, возник проект об издании медицинского журнала в роде «Centralblatt», по частной инициативе, но неизвестно, получит ли этот проект осуществление.

Некоторые ученые учреждения имеются и при Наркомземе, но в Москве их мало. Сельско-хоз. Ученый Комитет находится в Петрограде, а опытные сел.-хоз. станции (более ста) рассеяны по всей России (есть и в Москве, в Сел.-Хоз. Институте). При Отделе сел.-хоз мелиорации весною 1918 г. было учреждено гидрологическое отделение для собирания и учета сведений о подземных водах и содействия центральному и местному отделу сел.-хоз. мелиораций. Во главе отделения стоит заведующий, при котором работают два помощника, 8 геологов и гидрологов и 4 практиканта и лица технического персонала. Составляются очерки по гидрологии отдельных губерний и уездов с профилями и картами; такие очерки уже составлены для губерний: Московской, Смоленской, Витебской, Могилевской, а в других — Пензенской, Нижегородской, Смоленской и Тургайской области производятся полевые исследования.

Наибольшее число научных институтов с наибольшим числом ученых специалистов находится, однако, в ведении Нар. Ком. Просвещения. В последнее время при Наркомпросе учрежден Главный Комитет Профессионально-Технического Образования (Главпрофобр), в ведение которого и поступили все высшие технические училища. Комитет вскоре после своего образования приступил к проекту реформы высшей технической школы. (См. Материалы по профессионально-техническому образованию. Вып. 1. Реформа высшей технической школы. Часть 1. М. 1920 г.), для чего была образована Комиссия из 7 профессоров и двух членов коллегии Наркомпроса, под председательством О. Ю. Шмидта. Не касаясь всех положений этой реформы, мы упомянем только о тех, которые имеют значение для ученой деятельности.

По §§ 30—35 проекта реформы при всех кафедрах по возможности учреждаются научно-исследовательские институты для научной разработки вопросов техники. К работе при этих институтах допускаются, кроме преподавателей Высш. Технич. Уч. Зав. и слушателей научно-исследовательских курсов (на которые принимаются лица с соответственной технической подготовкой, т.-е. окончившие курс В. Т. У. З. и по своим способностям и склонностям отвечающие задачам этих курсов), все желающие работать и обладающие необходимыми знаниями. Преподавание на научно-исследовательских курсах ведется в тесной связи с исследовательскими институтами по особым программам, расчитанным на 2—4 года и охватывающим углубленное изучение широких специальностей, одновременно давая возможность самостоятельно творчески работать в более узкой специальности. Некоторым преобразованиям, впрочем, высшие учебные заведения подверглись уже ранее. Так, программы Межевого Института были значительно расширены, и Институт разделился на три факультета: геодезический, земельный и инженерно-строительный, при чем учреждены многие новые кафедры и привлечен ряд новых преподавателей. Около 17 новых кафедр учреждено в Моск. Сельск.-Хоз. Институте (Петровской Сельско-Хозяйств. Академии), из коих, впрочем, только немногие удалось заместить. Недостаток в ученых специалистах, замечаемый особенно в провинции, где в высших учебных заведениях преподают нередко профессора, приезжающие из Москвы, сказывается по некоторым кафедрам и в самой Москве.

Вообще же число преподавателей в высших учебных заведениях Москвы за последние годы значительно возросло. Так, напр., в Петровской Академии в 1917 г. было 33 профессора и 66 преподавателей и ассистентов, а в 1920 г. до 1 августа 73 профессора и 78 преподавателей. В соответствии с этим усложнением преподавания, а также и с обесценением денег, возрос и бюджет на учебно-вспомогательные учреждения, ученые предприятия, содержание профессоров и т. д. в десять и более раз. Это применимо и к университету, где, напр., число преподавателей с 717 к 1 января 1917 г. возросло да 829 к 1 янв. 1920 г.; на физико-матем. факультете с 85 до 207. Не касаясь состоявшихся и предположенных преобразований университетского строя, отметим только такие, которые способны отражаться на ученой деятельности университета. Весною 1919 года взамен упраздненного юридического факультета учрежден факультет общественных наук с отделениями: 1) юридико-политическим, 2) экономическим и 3) историческим; последнее переведено из ист.-фил. фак. На первом курсе слушатели всех отделений знакомятся с общими для всего факультета науками. В последнее время потребность в юристах стала, однако, сознаваться и в Советских сферах, и образована комиссия для обсуждения вопроса о введении в унив. преподавания юрид. наук. На всех отделениях введено много новых предметов преподавания и изучения, напр., о формах рабочего движения, рабочее право и социальная политика, публичное право Сов. Республики, история социализма, история русской революции, история религий, первобытное хозяйство и др. При факультете имеется ряд отдельных институтов, кабинетов, библиотек, как-то: кабинет частного права, семинарская библиотека, институт социальной психологии (о нем будет сказано далее), музей уголовного права, кабинет административного права, кабинет уголовного процесса, кабинет государственного права (вновь основанный).— Медицинские науки представлены ныне в Москве тремя факультетами, из коих второй образовался из медиц. фак. 2-го Гос. унив., а 3-й—Высшая Медицинская Школа — преобразована из жен. мед. инст. Статкевича и Изачика. Медицинское образование за последние годы характеризуется тем, что вследствие крайней нужды во врачах на фронте и в госпиталях приходится производить усиленные выпуски медиков с 4-го курса и принимать на старшие курсы фельдшеров, не имеющих необходимой научной подготовки, что все не может не отразиться на уровне знаний выпускаемых врачей и должно уменьшать число кандидатов на учено-медицинское поприще. На Естественном отделении учреждена новая кафедра антропологии, ранее бывшая общею с кафедрой географии. Умножение числа преподавателей на Естеств. отделении (как и на других факультетах) позволило ввести ряд новых курсов по многим отраслям знаний, а увеличение бюджета на учебно-вспомогательные учреждения (институты, музеи, лаборатории) позволило увеличить их научные пособия, поскольку, конечно, это было возможно при нынешних условиях. Для дальнейшего развития ученой деятельности высших учебных заведений будут, несомненно, иметь значение и некоторые другие мероприятия Наркомпроса, как, напр., упразднение ученых степеней, экзаменов, дипломов, отмена разделения преподавательского состава на профессоров, приват-доцентов, лаборантов и т. д., отмена платы за ученье, учреждение при кафедрах Предметных комиссий, введение в состав факультетских и других собраний представителей студентов с решающим голосом, учреждение Рабочих факультетов и др. Ист.-филол. фак. распадается в настоящее время на ряд отделений: славяно-русское, славянское, классическое, лингвистическое, философское, западных литератур., истории искусства.

Из новых высших учебных заведений, основанных Наркомпросом, следует указать особенно на Горную Академию, в состав преподавателей которой вошел ряд известных моск. ученых и где специализация знаний проведена более детально, чем в университете (есть отдельные кафедры по динамической геологии, исторической геологии, палеонтологии, петрографии и т. д. При Академии имеется, кроме учебно-преподавательского, научно-исследовательский отдел, входящие в состав которого профессора занимаются специальными исследованиями.

При Наркомпросе действует «Научный сектор», ряд отделов, из коих некоторые имеют определенное отношение к научной деятельности. Таков Научный Отдел, состоящий под председательством проф. Д. Н. Артемьева, задачей которого поставлено: мобилизация и развитие научных сил страны для нужд государственного строительства. Мерами для осуществления этой цели Отдел принял планомерную организацию коллективных научных исследований, поддержку начинаний, направленных к рациональной постановке ученого исследовательского труда, разработку проектов исследовательских институтов, собирание отзывов компетентных учреждений и сведущих лиц о предположенных начинаниях и содействие их осуществлению. Отделом создан ряд научных институтов (главным образом, в Петрограде: Институт Физико-Хим. Исследования, Керамический,—Изучения мозга и псих. деятельности человека, Научно-Вспомогательно-Справочное бюро и др.), организовано несколько ученых экспедиций, приступлено к изданию ряда оригинальных и переводных научных сочинений на

основании отзывов специально образованных для того по разным наукам комиссий. Дело издательства было передано позже в особый Отдел Научного Издательства, во главе которого была поставлена Коллегия и в которой были образованы четыре секции из специалистов по наукам гуманитарным, физико-математическим, естественным и медицинским и философии. Секции давали отзывы о предлагавшихся к изданию книгах и собирали материал для журнала «Научные Известия», который должен был заменить Ученые Записки и другие издания университета и прочих высших школ Москвы. Типографские затруднения позволили, однако, напечатать из многих десятков книг только две-три, а первая книжка «Научных Известий», начавшая набираться уже около года тому назад, не вышла и до сих пор. В последнее же время Отдел Научного Издательства подвергся упразднению, и продолжение начатых им изданий перешло к Государственному Издательству, которое до сих пор занималось преимущественно изданием агитационной литературы и беллетристики.

Другой отдел, связанный в своей деятельности с участием ученых специалистов, носит название «Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины». Сотрудники музея осматривают частные музеи, барские усадьбы, особняки и принимают меры к передаче находящихся в них предметов искусства и старины, имеющих общегосударственное значение, частью в столичные, частью в провинциальные музеи, а также к охране замечательных собраний, к описи имеющихся в них художественных предметов, к образованию провинциальных подотделов охраны. Из собранных от частных лиц картин и других художественных предметов устроено в Москве несколько новых музеев живописи, фарфора и др. Кроме того, устраивается несколько бытовых музеев: открыты Музей Игрушки и Музей 1840-х годов, в Нескучном дворце устраивается музей мебели, действует Этнографическая Комиссия для собирания предметов русского быта и искусства (о нем подробнее — далее). Особенное внимание было обращено Отделом на древне-русское искусство, на древнюю русскую живопись (иконы и фрески); была основана при Коллегии музея Комиссия по сохранению и раскрытию памятников живописи в России—с И. Э. Грабарем во главе, и было организовано несколько экспедиций в разные города—Владимир, Суздаль, Звенигород, Ярославль, Кострому, Новгород и др.; в этих поездках и исследованиях принимали также деятельное участие известный исследователь древне-русского искусства, проф. А. И. Анисимов, и другие лица, а также реставратор Чириков и др. Под «раскрытием» разумеется освобождение древних икон (и фресок) от покрывающих их слоев позднейших росписей и выяснение первоначального вида живописи. В первую очередь было намечено «раскрытие» древнейших икон XII, XIII и первой половины XIV века, а также икон переходной эпохи конца XIV и начала XV веков, связанной с именами знаменитых иконописцев Феофана Грека и Андрея Рублева. Первые ценные результаты были получены из раскрытия фресок Дмитриевского собора во Владимире, Московской иконы Владимирской Богоматери в Большом Успенском соборе («этой вдохновенной поэмы материнства» по выражению И. Э. Грабаря), фресок Успенского на Городке собора в Звенигороде, иконы Владимирской Богоматери во Владимире и некоторых других. Летом и осенью 1919 года были снаряжены экспедиции по верхнему и среднему течению Волги, по рекам Оке и Москве и в Суздаль, при чем удалось проследить связь суздальских памятников живописи с древними иконами Ярославля (иконы Толгской Богоматери в Толгском монастыре близ Ярославля) и в Костроме (иконы Феодоровской Богоматери). Из этих и других изысканий стали выясняться основные черты Суздальской художественной школы, а также и особенности ранней Московской школы. Осенью нынешнего года И. Э. Грабарь с сотрудниками отправился в новую экспедицию на Север в Архангельск с тем, чтобы подняться затем по Сев. Двине и обследовать художественные памятники Вологодского края. Сотрудниками Отдела (Художественной секции Н. К. Пр.) составляется и редактируется начавший издаваться в конце 1919 г. журнал «Художественная Жизнь»; вышло 3 выпуска 4^0 за декабрь 1919 г., янв.—февр. и март—апр. 1920 г. Журналу поставлена цель—осведомлять о работе Отделов — по Делам Музеев, — Изобразит. Искусств. Архитектурного, Музыкального, Театрального, но также сообщать и об общей жизни искусства, о вопросах художественной критики и т. д.

С прошлого года при Отделе состоит Академия по Истории Материальной Культуры, возникшая в Петрограде взамен существовавшей ранее при Эрмитаже Имп. Археологической Комиссии, но с значительно более широкими целями, поставившая себе задачею «всестороннее научное исследование памятников искусства, старины и быта, а также разработку научных основ охраны этих памятников». Академия разделяется на три основных отделения: Этнологическое, Археологическое и Художественно-Историческое с подразделением каждого из них на ряд (всего до 30) разрядов. Заведывание отделениями и разрядами возлагается на выборных членов Академии, рядом с которыми работают (также выборные) ученые сотрудники, ассистенты, научные сотрудники и др. Большинство сотрудников Академии выбрано из петроградских ученых, но часть и из московских, которые в совокупности составили Московскую Секцию Академии. В нее вошли шесть членов Академии (Д. Н. Анучин, Н. Б. Бакланов, В. В. Богданов, И. Э. Грабарь, В. К. Мальмберг, П. П. Муратов) и многие другие сотрудники (всего около 50). Председателем Моск. Секции избран В. В. Богданов, ученым секретарем Н. Б. Бакланов. Секция и ее разряды устраивают собрания (в доме бывш. гр. Бобринского на Мал. Никитской), ведут научные работы, организуют экспедиции, собирают библиотеку и т. д., а также устраивают публичные собрания с научными докладами. Академией основан печатный орган «Известия», 1 выпуск 1 тома которых вышел в Петрограде в августе 1920 г.; из 14 помещенных в нем статей—три принадлежат моск. ученым.

При Отделе по Делам Музеев состоит еще музей художественных и бытовых предметов, помещающийся в здании Строгановского училища на Рождественке. За последние годы он освободился от многих случайно попавших в него коллекций (ботанических, зоологических и др.) и пополнился большим числом старинных бытовых предметов, благодаря неутомимой деятельности его хранителя Д. Т. Яновича. В последнее время музей этот переводится в другое помещение в доме № 7, быв. Каткова, по Никитскому бульвару. Собрания этого музея должны послужить фондом для более обширного музея русского быта и искусства, задуманного Отделом, и по вопросу о котором

в Отдел был внесен ряд докладов—Яновича, Анучина, Аллера и др.

В число новых научных институтов, учрежденных в Москве Н. К. П., необходимо указать на Российский Научный Химический Институт, состоящий из пяти отделов: 1) Неорганической химии, 2) Физической химии, 3) Органической химии, 4) Биологической химии, 5) Электрохимии. Институт управляется коллегией, председателем которой состоит проф. В. С. Гулевич (он же заведует Отделом Биолог. Химии), а членами—заведующими другими отделами—профессора—Каблуков, Шилов, Кижнер, Изгарышев, при ученом секретаре Прилежаевском. Институт работал пока в разных лабораториях, но для него строится на Семеновской улице особая большая лаборатория в помещении бывшего завода А. Г. Ф. А. Имеется в виду основание и других научных институтов, как Физики и Электротехники при Всеросс. Технич. Институте Математического, в котором предполагается 7 секций: классического анализа матем. физики, геометрии, механики, теории вероятностей и статистики, теории чисел и высшей алгебры, теории функций. В Петрограде основан Астрономо-Геодезический Институт, одно из отделений которого намечено и в Москве. Поднимались также вопросы об основании Институтов Исторического, Географического и др., но пока эти вопросы еще не выяснены.

В ведении Н. К. П. находятся также все московские музеи, в которых тоже ведется научная работа и которые за последние годы подверглись более или менее значительным преобразованиям. Старейший из Московских музеев, Румянцевский, обогатился почти во всех своих отделах ценными новыми приобретениями. Библиотека его вследствие передачи в нее ряда частных собраний, как покойного библиофила Ульянинского, антиквара Шибанова, Барятинских, Воронцова-Дашкова, Юсуповых, Базилевского, Сухотина и др., а равно приобретения зоологической библиотеки проф. Мензбира и др., возрасла до цифры более 2 милл. томов. В библиотеке вводится новая каталогизация (систем. каталоги 20 научных отделов), при ней организовано Справочное Бюро; читальный зал ее стал функционировать с 10 ч. утра до 10 ч. вечера, к работе в библиотеке привлечены многие профессора и другие ученые специалисты, бюджет ее значительно увеличен и ученая коллегия Рум. Музея приняла постановление о необходимости превращения музея во Всероссийскую (2-ую) публичную библиотеку. Обогатился также отдел рукописей (в числе их поступили Дневник и художественный альбом Пушкина, собрание рукописей Овчинникова, ряд лицевых рукописей и др.). Получил приращения и отдел Этнографии музея, разделившийся на пять подотделов: великорусский, малорусско-белорусский, славяно-литовский и инородческий, иностранный. Кроме предметов, собранных путем поездок сотрудников, в отдел поступили ценные коллекции китайского быта и буддийского культа, а также собрания Солдатенковой из Кунцева; последние состоят из этнографических предметов (около 200 экз.), доставленных более 60 лет тому назад путешественником Циммерманом из Австралии и Полинезии, и из предметов древне-египетского быта и культа (около 100), вывезенных из Каира. Египетская коллекция помещена в национализированном для музея особняке Красильщикова на Моховой, где предназначено разместить и другие предметы иностранной этнографии, образовав таким образом особое иностранное отделение этнографического музея. По инициативе помощника хранителя Этногр. Отдела В. В. Богданова, Румянцевским музеем была организована Этнографическая экспедиция в Рязанскую губернию, с участием в ней кроме самого Богданова, так и других сотрудников Отдела и иных ученых, при чем, кроме этнографии, признано было необходимым распространить изыскания и на доисторическую археологию и антропологию губернии. Позже рязанская экспедиция перешла в ведение Академии по Истории Материальной Культуры и явилась одним из главных предметов деятельности ее Отделения Этнологии (разрядов этнологии, этнической антропологии и палеоэтнологии), которое включило в круг своих ближайших работ также этнографическое обследование Дмитровского (Моск. губ.) и Переяславского (Влад. г.) уездов, составление этнографического словаря России (трудами А. Н. Максимова и его сотрудников), изучение физических типов населения России и др.

Исторический музей за последние годы также обогатился новыми собраниями и стал видоизменять свой прежний строй. В прежние десятилетия, начиная с своего основания (1872 г., открыт в 1882 г.), музей был учебно-показательным учреждением, популяризировавшим исторические знания о России и стремившимся к наглядному воспроизведению истории отдельных эпох в жизни государства (не народа). В последующем, особенно ближайшем к настоящему времени, развитии, музей стал проявлять стремление отойти от официальной государственно-патриотической точки зрения, «выработать свою идеологию на широкой научной и вместе с тем демократической базе» и стать не только учебно-показательным учреждением, но и научным институтом. За последнее время число научных сотрудников музея увеличилось до 100, бюджет музея возрос до 9 милл., коллекции по доисторической археологии получили иное распределение, в здании музея образован новый отдел, Музей Переднего Востока, куда поступила большая коллекция Лихачева—глиняных вавилонских дощечек с клинообразными надписями, и где помещено также собрание древних греческих и римских резных камней, принадлежавшее наследникам покойного археолога Кибальчича. В двух залах музея временно устроился также Музей Восточного Искусства (Ars asiatica), собраний по заданию Отдела по делам музеев Ф. В. Гогелем. При музее образовалось с осени 1918 года общество друзей музея, собирающееся раз в месяц, кроме лета, для выслушания научных докладов. Библиотека музея значительно обогатилась многими рукописями и большими собраниями книг известного библиофила Бухгейма, Савелова, Карпова, Лаврова, отдела историографии Земгора, Киреевских и (не доставленной еще) библиотекой покойного историка Иловайского. Во время войны и в начале революции в музей были доставлены (в ящиках) многочисленные коллекции исторических и художественных предметов из разных дворцов и загромождающее и теперь своими ящиками запасные залы музея, а в ближайшее время в музей переданы многие национализированные коллекции исторических и художественных предметов из разных местностей России. Годичные отчеты музея за последние годы не издаются (как и отчеты Румянцевского музея), но коллегией музея решено издавать Сборник или «Вестник» (несколько выпусков в год), для которого уже заявлено сотрудниками музея около 40 статей, но печатание которого пока еще все не может

наладиться. В числе сотрудников музея имеются известные специалисты А. В. Орешников, В. А. Городцов, и др., не перестающие обогащать науку исследованиями, раскопками, собранием материалов и т. д.

По истории античного, восточного и западного искусств и древностей много работают сотрудники Музея Изящных Искусств, во главе с директором музея, проф. В. К. Мальбергом, которым подготовлены к печати ряд статей по античному искусству, имеющих войти в издания Академии по Истории Мат. Культуры, в проектированный Художественный Словарь, в Сборник «Греческая вазопись» и др. Проф. А. А. Сидоровым напечатано и подготовлено к печати свыше 20 книг и статей, главным образом, по западному искусству, отчасти в отдельных изданиях, как, напр., «Обри Бердслей», «Гравюры Ал. Дюрера», «Стейнлен», «Проблемы труда в изобразительном искусстве» и др., отчасти в разных сборниках, как, напр., в Сборнике в честь проф. Мальмберга 1917 г., в сборн. «Стремнины» и др. Ученый секретарь музея А. В. Живаго работает над оригинальным трудом «Путешествие по Нилу» (с археолого-художественною целью), подготовляет к печати ориг. монографию «Веласкец», сдал в печать перевод книги Алуф «Баальбек» и подготовил к печати переводы книг: Делятр, «Карфаген», Эрман, «Религия египтян», Флиндерс Питри «Искусства и ремесла др. Египта» и др. Прочие сотрудники музея Недович, Гиацинтов, Зограф, Габричевский и др. также заявили себя учеными трудами, отчасти напечатанными (напр., Недович, «Худож. проблемы эллинской пластики» в Сборнике в честь проф. Мальмберга), большей же частью подготовленными или подготовляемыми к печати.

Переходя к научным и научно-техническим музеям, следует указать прежде всего на Музей Прикладных Знаний (Политехнический), преобразованный в 1919 г. в Центральный Институт Политехнических Знаний, при чем средства его были значительно увеличены в соответствии с новыми, возложенными на него заданиями. Вместо прежних 60 тыс. руб. он стал получать (по последней смете) 11 миллионов, что позволило ему приступить к необходимым преобразованиям и к устройству новых отделов. Пока устроены два новых отдела: «Сельско-хоз. машиностроения» и «Искусственных удобрений». Приобретено также много новых коллекций и проведены улучшения в других отделах музея. Архитектурным Отделом организована специальная Комиссия для составления популярного словаря архитектурных терминов, руководств и брошюр по строительному делу и технических справочников. В здании Института устроились теперь также—Центральный Физико-Педагогический Институт с мастерскими для изготовления и ремонта физических приборов и созданный Отделом Единой Трудовой школы Гуманитарно-Педагогический Институт (с музеем).

Из научных музеев, состоящих при разных учреждениях, необходимо остановиться на следующих. Минералогический и Геологический кабинеты 1-го Моск. унив. переведены осенью 1919 г. из их ветхих и тесных помещений в старом здании университета в новое, специальное для них построенное здание на Моховой, где коллекции кабинетов могли разместиться с надлежащим простором. В соответствии с таким перемещением Геологический кабинет переименован в Геологический Институт, в состав которого входят: лаборатория, библиотека, геологический

и палеонтологический кабинеты и музей с 4 отделами. Минералогическим кабинетом в 1919 г. выпущены два выпуска «Сборника» со статьями проф. С. В. Глинки и его сотрудников. Антропологический музей Моск. унив. с отделением кафедры антропологии от кафедры географии обособился от Географического кабинета как в своих коллекциях, так и в библиотеке, при чем в нем устроена лаборатория и начато детальное описание коллекций. Зоологическим музеем унив. летом 1917 года была осуществлена, на весьма скромные средства, небольшая экспедиция на озеро Байкал, в лице трех ассистентов музея—Месяцева, Зенкевича и Россолимо, которые собрали довольно большой материал, ставший потом предметом изучения. В 1918 г. по инициативе директора музея проф. Г. А. Кожевникова, была учреждена Биологическая станция в с. Косине в 16 верст. от Москвы, главным образом, для гидробиологических работ (в Косине имеется интересное Белое озеро с двумя другими—Черным и Святым, по соседству). Станция, помещающаяся в большом двухэтажном доме, управляется особым комитетом и находится в непосредственном ведении Наркомпроса. Летом на станции ведутся практические курсы. В связи с Зоол. музеем стоит и Измайловская опытная пасека О-ва Акклиматизации, находящаяся в заведывании проф. Кожевникова, которым за последнее время произведены там наблюдения над происхождением питательной кашицы, служащей пчелам для откармливания их личинок, над условиями появления пчел-трутовок, т.-е. рабочих пчел, откладывающих яйца в безматочном улье, и над влиянием искусственных условий развития на организм пчелиных маток. В самом Зоолог. музее, бюджет которого возрос с 12 тысяч в 1917 г. до 680 тысяч в 1920 (не считая вознаграждения персонала) ведутся работы как по распределению коллекций, так и по специальным исследованиям: в них принимают участие ассистенты, оставленные при университете и студенты.

Можно указать еще на одну биологическую станцию, устроенную профессором Н. В. Богоявленским близ гор. Клина, но, к сожалению, о деятельности ее мы не имеем сведений. Имеется еще «Биологический сад» с биологической педагогической лабораторией на Кудринской Садовой, дом 7, состоящий в заведывании В. Ф. Натали и в ведении М. О. Н. О. (Мос. Отд. Народного Образования), предназначенный, главным образом, для ознакомления с разными объектами природы учителей и школ, при помощи коллекций, аквариумов, террариумов и т. д. Другое подобное учреждение—Сокольническая биостанция, находящаяся в заведывании Всесвятского и главная работа которой заключается в приеме детских экскурсий и в занятиях с юными любителями природы. При станции имеется музей, состоит несколько преподавателей-руководителей и находится детская колония с подростками 11—14 лет. Из этих подростков, к которым присоединяются ученики других школ, образованы клубы энтомологов, ботаников, орнитологов, водолюбов, смотря по индивидуальным вкусам и наклонностям; они производят наблюдения в окрестностях, следят, как изменяется с началом весны животная жизнь в лесу и в поле, ведут дневники, исполняют данные им задания и т. п.

Весьма оригинальное учреждение представляет Биологический или «Дарвиновский музей», созданный профессором А. Ф. Котсом на личные средства (в 1907 г.), пожертвованный им затем (в 1913 г.) бывшим женским курсам,

а теперь находящийся в непосредственном ведении Наркомпроса. Музей имеет целью показать в наглядной форме, на характерных примерах (чучелах и слепках животных, оригинальных реконструкциях-таблицах и скульптурах), эволюцию животного мира, от простейших случаев изменчивости у животных до вопроса о происхождении человека, при чем музей, стремясь выявить гармонию и красоту в природе, претендует на согласование запросов научных с эстетическими. Вообще этот музей представляет из себя, можно сказать, единственное учреждение в России и оставляет даже за собой все аналогичные музеи Зап. Европы, не исключая и известного Филетического музея Э. Геккеля в Иене. Значительная субсидия, предоставленная в последние годы Наркомпросом, позволила музею приобрести много новых объектов и осуществить целую серию скульптур (гигантских бюстов основателей эволюционного учения Гете, Ламарка, Дарвина, Уоллеса, Геккеля; попыток реставрации предшественников человека, а также вымерших гигантских представителей животного мира и др., исполненных известным скульптором Ватагиным или по его эскизам): кроме того, в музей поступило несколько национализованных коллекций: Залогина, Шорыгина, Попова, Хомякова. Заведующим музеем ведутся теперь работы над изменчивостью птиц и над родством собаки с волком по данным окраски их шерсти. Профессор Кото состоит в настоящее время директором Моск. Зоолог. сада, где им устроена зоологическая лаборатория. За последнее время здесь производились эксперименты с обезьянами для выяснения их познавательных способностей (по американскому методу) и над разными видами попугаев для определения их способности различать цвета. Животные Зоолог. сада дали также материал для изучения различных инстинктов.

Музей профессора Котса представляет собой переход к таким научным институтам и обществам, которые обязаны своим возникновением и развитием исключительно или, главным образом, частной инициативе. Здесь прежде всего следует остановиться на научных институтах, осуществленных основанным еще в 1911 г. Обществом Моск. Научного Института, которое собрало для этой цели капитал в 7 милл. руб., благодаря особенно пожертвованиям Г. М. Марка. На эти средства были организованы институты Физический, Химический и Биологический, которые функционируют и в настоящее время; первый—(физический) под директорством акад. П. П. Лазарева, в доме на Миусской площади, второй—в заведывании профессора Н. Д. Зелинского и А. Е. Чичибабина в доме на Воронцовом поле, и третий, директором которого состоит профес. И. К. Кольцов, в приобретенном и приспособленном для нужд института доме № 41 по Сивцеву Вражку. Первоначально деятельность институтов обеспечивалась процентами с предоставленных в их распоряжение капиталов, но с изменением режима, когда процентные бумаги были аннулированы и выдачи с текущего счета затруднены, институты вынуждены были вступить в контакт с правительственными органами и получили особенно поддержку со стороны Нар. Ком. Здравоохранения. Физический Институт помещается с начала 1917 года в красивом и специально приспособленном двухъэтажном здании с полуподвалом. Хорошо оборудованный, он дает возможность вести самые разнообразные физические и физико-физиологические исследования. Число постоянных и временных

сотрудников института доходит до 40. Результаты их работ предположено было печатать в Архиве физ. наук, а на французском языке в Archives des sciences physiques, но первого удалось издать только 2 выпуска, а вторых—один (в 1918 г.). Поэтому решено было публиковать краткие сообщения о выполненных исследованиях в «Известиях» Института, которых за 1919—20 гг. вышло четыре выпуска. Работы Института касаются различных вопросов физики, геофизики, физиологии, но особенное внимание было обращено на теорию возбуждения органов слуха, вкуса, зрения, на исследования над цветным зрением, на вопросы фотохимии и пек. др.

Биологический Институт заключает в себе шесть институтов: 1) Инст. Экспериментальной Биологии (зав. проф. Н. К. Кольцов); 2) Инст. Микробиологический (проф. Л. А. Тарасевич); 3) Инст. Физиологический (проф. М. Н. Шатерников); 4) Инст. труда (проф. В. Я. Железнов и В. А. Анри) и 5) Инст. социальной психологии (был в зав. пок. проф. В. М. Хвостова). С начала нынешнего года первые три института вошли, как уже было сказано выше, в состав Научного Государственного Института Ком. Народного Здравоохранения и получили определенный бюджет из общегосударственных средств. Институт Экспериментальной Биологии распадается на 7 отделов: 1) Биофизический; 2) Биохимический; 3) Протозоологический; 4) Гидробиологический; 5) Зоопсихологический; 6) Генетический и 7) Евгенический. При Институте состоят три станции: а) Звенигородская Гидро-биологическая станция (зав. С. Н. Скадовский; б) Тульская Генетическая станция (зав. А. С. Серебровский); в) Аникковская Генетическая станция (зав. В. И. Лебедев). Евгеническому отделу принадлежит Евгеническое Бюро в Петрограде (зав. Ю. А. Филипченко). Зоопсихологическая лаборатория находится в заведывании М. П. Садовниковой. На генетических станциях разводятся различные млекопитающие и птицы для изучения наследственности. Институт принял поручение Ком. Ест. Произ. Сил. Росс. Акад. Наук по улучшению русских пород кур Павловской и Орловской.

Евгеническое Бюро организует собирание сведений по наследственности у человека. В Зоологической лаборатории ведутся исследования над поведением животных в аппаратах по методу американской школы. Институтом Эксп. Биологии печатается теперь 1 выпуск «Трудов», в который должны войти 16 статей профес. Кольцова и его сотрудников Серебровского, Гаевской, Успенской и др. В Институте и на его станциях работает около 25 сотрудников.

Микробиологический Институт с весны 1919 года превращен в Институт по контролю сывороток и вакцин. Физиологический Институт поставил своею основной задачей проверку Рубнеровской калориметрической теории оценки пищевых веществ. Работы ведутся путем изучения газового обмена при дыхании разл. животных, преим. собак. В обоих этих Институтах работает также около 25 сотрудников.— Институт Труда поставил себе целью изучение условий труда на русских фабриках и заводах путем статистического метода. Первоначально было организовано также физиологическое отделение под руководством проф. Анри, но после отъезда последнего за границу в начале 1919 г. это отделение было закрыто. Статистические исследования проф. Железнова продолжаются, и в настоящее время печатается его работа «Опыт изучения производительности

труда крупной текстильной промышленности» (в «Вестнике Ком. Прм. »). С 1918 года работы в этом Институте ведутся при содействии К. Е. И. С. Акад. Наук, субсидируемой Научно-Техн. Отд. В. С. Н. Х.—Институт Социальной Психологии имел целью изучение массовой психологии русского народа и его классовых групп. Еженедельно устраивались коллоквиумы, на которых читались рефераты по национальной психологии, по психологии армии, «публики», промысловых артелей и др. После трагической смерти заведывавшего Институтом проф. Хвостова (передавшего институту свою библиотеку), Институт на некоторое время прекратил свою деятельность, но в июле 1920 г. он перешел в ведение факультета Общ. Наук Моск. унив., который избрал для заведывания Институтом Р. Ю. Виппера. Последний предложил разделить работу Института на секции: этнической психологии, юридико-экономической, религиозной, художественной, научно-философской и вопросов методологии и теории познания общ. наук, и поставит новыми задачами составление мотивированной библиографии общ. наук и постановку наблюдений над современностью в ее общественных настроениях.

Кроме институтов, научная работа ведется в Москве учеными Обществами, которые за некоторыми исключениями продолжают свою деятельность, хотя и с пониженным темпом, что объясняется многими условиями: невозможностью печатать доклады и исследования, уменьшен. занятиями отдельных членов для заработка, оставляющими мало времени для специальных научных работ, холодом в помещениях зимою и др. Из старейших ученых Обществ Москвы, основанных еще в начале XIX века, только одно Физико-Медицинское перестало собираться после смерти в 1917 г. своего председателя проф. Зернова и прекратило, надо надеяться временно, свою деятельность. Общество Испытателей Природы, состоящее под председательством проф. М. А. Мензбира, издав последний № своего «Бюллетеня» в 1917 г. и последний (15) выпуск своих «Материалов к познанию фауны России» в 1918 г., с тех пор ничего не печатает, не организует экспедиций, но продолжает регулярно собираться 8 раз в год для научных сообщений,— Общество Истории и Древностей Российских, состоящее под председательством проф. М. К. Любавского, продолжает собираться не менее 11 раз в год, но ничего не издает. До 1918 г. О-во издавало сборник исследований и материалов под заглавием «Чтения в О-ве И. и Древ. Росс.», по 4 книги в год, но с тех пор издание это прекратилось за недостатком средств. Общество Любителей Российской Словесности, выпустившее в 1918 г. 2 выпуск новой серии песен Киреевского, продолжает устраивать собрания, посвящённые памяти знаменитых писателей. В 1918 г. им были устроены три собрания, посвященные Тургеневу, по случаю столетия со дня его рождения, в 1919 г. почтена память проф. А. Н. Веселовского, в 1920 г.—память Герцена. При обществе организовалась Тургеневская Комиссия для всестороннего изучения жизни, личности и творчества великого писателя. Председатель О-ва А. Е. Грузинский работает над бумагами Л. Н. Толстого, хранящимися в Румянцевском музее.

О-во Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящее под председательством Д. Н. Анучина, хотя и вынуждено было значительно сократить свою деятельность (с 1917 г. прекратились все издания О-ва, в том числе и журналы: «Землеведение», «Этнографическое Обозрение», «Рус. Антрополог. Журнал», публичные заседания Общества с научно-популярными сообщениями временно тоже перестали устраиваться), тем не менее, продолжает работать в большей части своих Отделов и Отделений, из коих собираются для выслушивания докладов (хотя и реже, чем прежде) Отделения: Химическое, Зоологическое (и состоящая при нем Комиссия для изучения Московской Фауны), Географическое и Антропологический Отдел. Продолжает регулярно собираться (ежемесячно) и Математическое Общество, состоящее под председательством проф. Н. Е. Жуковского, хотя его орган. «Матем. Сборник» временно и задержался выходом. В течение 1919—1920 гг. в обществе выступали с докладами профес. Жуковский, Чаплыгин, А. Некрасов, Бухгольц, Костицын, Лузин и др.

Из медицинских обществ прекратило свою деятельность «Общество Русских Врачей», издававшее журнал «Медицинское Обозрение». Продолжают собираться и обмениваться докладами Терапевтическое Общество и Русское Хирургическое, образовавшееся из слияния ранее действовавших Московского Хирургического и О-ва русских хирургов. Но медицинские журналы перестали издаваться, несмотря на живо сознаваемую врачами потребность в ознакомлении с новыми открытиями, исследованиями и методами в области медицины. Проф. Канчаловский задумал было содействовать удовлетворению этой потребности изданием журнала «Современная медицина» с кратким резюме текущей медицин. литературы, и вошел по этому поводу с заявлением в Отдел Научного Издательства Наркомпроса, но за последовавшим недавно слиянием этого отдела с Государственным Издательством едва ли издание проектированного журнала в ближайшее время получит возможность осуществления.

Энергично работает за последние годы Моск. Физическое Общество имени П. Н. Лебедева, состоящее под председательством проф. А. А. Эйхенвальда. В его собраниях делается до 50 научных докладов в год, и за годы 1917—1920 было сделано всего 142 доклада. В числе этих докладов не мало содержащих оригинальные исследования, как, напр., доклады проф. Эйхенвальда, Вульфа, Шилова, Успенского, Конобеевского, Введенского, А. Некрасова, Шулейкина, Лебединского, Шапошникова, А. Тимирязева, Спротинской и др. В сентябре 1920 г. в Москве состоялся первый Съезд основанной недавно Ассоциации русских физиков, на котором был сделан ряд интересных докладов особенно по электричеству петроградскими и московскими физиками. К числу физико-математических Обществ следует причислить еще Астрономическое Общество или О-во любителей Астрономии, существующее уже более 10 лет и недавно включенное в число университетских, действующее ныне под председательством С. Н. Блажко и значительно способствующее распространению астрономических сведений своими заседаниями с научно-популярными докладами.

Переходя к Обществам, занимающимся разработкою наук гуманитарных и общественных, следует указать на «О-во имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук». Года два это О-во бездействовало, но с весны нынешнего года стало собираться, и в заседаниях его были заслушаны интересные доклады Л. И. Литошенко «О социализме» и «О крестьянском хозяйстве и его будущем» и З. С. Каценеленбаума — «О международном товарообмене в условиях обесцененной валюты». Другим местом общения

экономистов в Москве служит «Комиссия по денежному обращению при Редакционно-Издательской Комиссии Наркомфина», на собраниях которой, под председательством М. И. Фридмана и В. Я. Железнова, собираются почти каждую неделю едва ли не все московские экономисты. При Наркомфине же действует «Кабинет изучения народного хозяйства (Финансово-Экономический Институт)». Заслуживает еще упоминания «Отдел потребления и распределения при Центр. Статист. Управлении», который произвел под руководством А. Е. Лосицкого ряд выдающихся массовых обследований питания городского и сельского населения в 1918—20 гг. Ряд статистических работ о питании населения был выпущен также под редакцией А. В. Чаянова Экономическим Отделением Научно-Пищевого Института. За последнее время стало возрождаться и Юридическое Общество, председателем которого был когда-то С. А. Муромцев, и которое долгое время не подавало признаков жизни.

Следует упомянуть еще об Обществах Историческом, в котором, под председ. проф. А. И. Савина, делаются доклады по всеобщей и русской истории, и об Обществе Истории русской литературы, собирающемся регулярно через две недели (кроме лета) под председательством проф. М. Н. Сперанского. Собирается изредка и Библиографическое Общество, утратившее в нынешнем году своего председателя проф. Брандта. Старое Моск. Археолог. Общество, дом которого (на Берсеневке) передан в ведение Исторического музея, после некоторого перерыва возобновило свою деятельность и стало собираться в стенах музея, равно как и его Комиссии—по сохранению древних памятников и по Старой Москве, тогда как Комиссии Восточная, Славянская и Археографическая не могут еще пока возобновить свою работу. Издания Общества остановились за недостатком средств.

За последние годы открылись в Москве еще несколько новых ученых обществ при университете, именно Лингвистическое Общество под председательством проф. В. К. Поржезинского, при историко-филологическом факультете и Медико-биологический кружок при медицин. факультете. Наконец, необходимо упомянуть о действовавшем в течение 1919—20 года Туркестанском Научном Обществе. Как известно, уже несколько лет тому назад возникла мысль об основании в Ташкенте Туркестанского университета, первый кадр профессоров которого было предложено образовать Московскому университету—по физико-математическому и медицинскому факультетам, и Петроградскому университету по факультету историко-филологическому. По физико-математическому факультету было приглашено 14 профессоров и 24 преподавателя (кроме того, шесть по Техническому отделению), по медицинскому факультету 14 профессоров и 14 преподавателей (ассистентов). Ректором университета был избран известный почвовед, профессор Межевого Института Н. А. Димо. В виду того, что Организационный комитет Туркестанского унив. действовал в Москве, где в течение многих месяцев происходила и организация учебных пособий для нового учреждения и приглашение преподавателей в него, проф. В. В. Стратонов предложил названному комитету образовать при устраиваемом университете Научное общество с временным его пребыванием при Московск. университете. Предложение это было встречено сочувственно как комитетом, так и Моск. университетом, который в общем собрании профессоров, поставил задачей общества содействие науке вообще и изучению Туркестана и соседних стран в частности. С 9 августа 1919 г. состоялись в стенах Моск. унив. 7 общих собраний Общества с 14 докладами, из коих 12 касались природы и населения Туркестана. Председателем Общества состоял сначала проф. Л. С. Берг, затем проф. В. В. Стратонов. Общество получало средства от Научного отдела Наркомпроса, а частью от Туркестанского университета, и на эти средства были организованы две научных экспедиции и предпринята обработка произведенных в Туркестане метеорологических наблюдений. После заседания общества 16 апреля 1920 г. деятельность Общества пошла замедленным темпом, в виду начавшейся в февр. 1920 г. отправки личного состава университета и его инвентаря в Ташкент, в сентябре постановлением правления Турк. унив., вследствие выезда последней части преподавательского состава в Ташкент, деятельность Общества в Москве прекращена, и Общество переведено в Ташкент. Вместе с тем, постановлено открыть в Москве постоянный Отдел Туркестанского Научного Общества, первое собрание которого уже состоялось.

Нам остается сказать о работах отдельных московских ученых за последние годы. Их было не мало, и если большинство осталось не опубликованными, то о многих известно из отчетов, протоколов и других источников. Конечно, здесь может быть упомянуто только о некоторых работах более общего содержания, более понятных для неспециалистов, представленных в виде диссертаций и т. п. Так, по математике и механике, не имея возможности касаться многих содержательных, но слишком специальных исследований, нельзя не указать две важных работы проф. Н. Е. Жуковского. Вот что о них сказано в Сообщениях о научно-технических работах в Республике» (Вып. II г., 1920 г., стр. 59—60). «Проф. Н. Е. Жуковский. Разработка теории волнового сопротивления кораблей. Начав заниматься вопросом волнового сопротивления, т.-е. той части всего сопротивления корабля, которая идет на образование волн около него, еще в 1890 г. заметкой «О форме судов», автор непрерывно продвигал его в течение 30 лет. В 1909 г. он дал вторую заметку «О спутной волне», в 1917 г. третью: «Аналогия между скачком воды в открытом канале и движением газов в трубах» (печатается в «Артилл. Журнале»), которая позволила с теоретической стороны объединить задачу о волновом сопротивлении корабля на поверхности воды с таким же сопротивлением артиллерийского снаряда, движущегося в упругом воздухе. Последняя задача, особенно для сферического снаряда, проще, и автору удалось получить ее полное решение. Имея решение задачи об артилл. снарядах, он получил возможность перейти к полному решению более сложной задачи—о сопротивлении корабля на поверхности воды, чем и занят в настоящее время. Не имея руководящей нити, люди еще не дошли до совершенных форм своих кораблей, при которых волновое, а следовательно, и полное сопротивление было бы наименьшим. Это с несомненностью доказывают японские опыты над моделью гуся и видоизмененной на те же главные размеры (длина, ширина, осадка) моделью крейсера «Касуга» (постройки 1905 г.), из которых видно, что обе эти модели при малых скоростях, где все сопротивление сводится лишь к трению о воду, имеют одинаковое сопротивление движению. При больших же скоростях, с которыми обычно ездит, волновое сопротивление играет большую, почти главную роль, и тогда полное сопротивление модели крей-

сера вдвое превосходит таковое же модели гуся. Принимая во внимание, что крупные корабли, как военные, так и коммерческие, имеют машины мощностью до 100.000 лошад. сил и больше, а так же допуская, что рациональной формой подводной части удается уменьшить сопротивление не на 50%, а лишь на 20%, мы получаем возможность уменьшать при той же скорости и размерах корабля мощность машин на 20.000 сил, что соответственно ведет к уменьшению веса всех механизмов и запаса топлива, к повышению полезной нагрузки, а так же к огромной экономии в расходе топлива (до 20.000 сил на 150—200 суток работы в год для каждого из трансатлантических пароходов)». На окончание этой «огромной важности работы», Научно-Технич. Отделом отпущены проф. Н. Е. Жуковскому специальные средства. Другая работа проф. Жуковского касается разработки наивыгоднейшей формы плуга. Люди, оказывается, не дошли еще до рациональной формы плуга. Проф. Жуковскому удалось решить и эту задачу, применив к ней теорию вариационного исчисления. В результате постройки плугов этой формы надо ожидать, что лошадь на новом плуге может вспахать на 20—50% большую площадь земли в день, чем на старых плугах; к трактору же с многолемешным плугом можно будет прицепить на столько же больше лемехов. Для России, как страны земледельческой, и притом бедной, вопрос о хороших плугах играет особо важную роль. Ближайшим помощником Н. Е. Жуковского в указанных работах является Н. Г. Чецов, помощник заведующего общетеоретическим отделом Центр. Аэро-Гидрол. Института. Этим отделом производятся многие работы, касающиеся аэропланов, как-то: вырабатываются чертежи винтов системы проф. Жуковского для различных самолетов и для аэросаней (работы эти тем более важны, что Советская Россия лишена теперь возможности копировать существующие заграничные винты), разрабатывается динамика полетов и посадки самолета, исследуется прочность аэропланных тканей и влияние на них различного рода лаков и т. п.

В последнее время здоровье Ник. Ег. Жуковского пошатнулось. Перенесенная им тяжкая болезнь и поразившее его семейное горе надорвали силы ученого, которому врачи предписали отдых от умственных занятий. Об этом было доложено физ. мат. факультету университета, который постановил ходатайствовать перед Наркомпросом о временном освобождении профессора Жуковского от чтения лекций и других учебных занятий и об обеспечении ему средств на прожитие в размере не менее 50 т. руб. в месяц. Факультет, кроме того, в виду исполнившегося 50-летия ученой и учебной деятельности Н. Е. Жуковского постановил обсудить о способе выражения ему почетного внимания и благодарности за его заслуги от лица факультета и университета.

Не останавливаясь на других работах по математике и механике, укажем только, что в 1918 г. на физ. мат. фак. университета были защищены две диссертации на степень магистра чистой математики, обе на тему об изгибании поверхностей, преподавателей Бюйгенса и Финикова.

По астрономии следует упомянуть о работах, производимых на астрономической обсерватории университета С. Н. Блажко над переменными звездами, над фотографированием неба и т. д., С. А. Казаковым и другими сотрудниками. В. В. Стратонов напечатал монографию «Звезды» и 2-м изданием «Здание мира», подготовил к печати монографию «Луна» и напечатал несколько статей в журнале «В мастерской природы». А. А. Михайлов напечатал несколько статей в «Русс. Астр. Журн.» 1919 г., в «Изв. Рус. Астр. О-ва» 1919 г. в «В мастерской природы» и сдал в печать 2-ое издание своего «Звездного атласа» и «Атласа северного звездного неба». Проф. Меж. Инст. К. А. Цветков напечатал «Лекции по практ. астрономии», Отд. I, 1918 г. По физике были защищены диссертации И. Андреева, «Электр. колебания и их спектры», В. Романова «О методе получения и затухания коротких электромагнитных волн в проволоках». С. Попруженко — по геофизике «Методы определения вариаций земн. магнетизма». Выше было уже сказано, что много важных сообщений было сделано в Физическом О-ве имени П. Н. Лебедева и в заседаниях Физического института акад. П. П. Лазарева, как, напр., проф. Эйхенвальда по акустике, акад. П. П. Лазарева по новой теории возбуждения цветного зрения, Б. А. Введенского—Об измерении коротких промежутков времени, Н. Успенского и С. Конобеевского—О диффракции лучей Рентгена в металл. пластинках, Н. Щедро—О фотохимич. реакциях в растворах красок, А. П. Соколова — О внутреннем состоянии земли в связи с ее радиоактивностью.

Не останавливаясь на работах по химии, вообще слишком специальных, скажем несколько слов о трудах в области геологии и минералогии. Проф. А. П. Павлов подготовил к печати научно-популярную книгу «Геологическая история европ. земель и морей в связи с историей древнейших представителей челов. рода». Со многими рисунками и отдельными таблицами. История евр. континента начинается в этой книге с самых отдаленнейших эпох, доступных нашему изучению, по времена, отмеченные находками древнейших следов существования человека, излагаются более подробно, чем времена, предшествовавшие появлению человека. Кроме того, пр. Павловым напечатаны популярная книжка «О громовых стрелах» и «Представления о времени у историков, археологов и геологов», сданы в печать научно-технические статьи «О типах оползней» и «Об условии устойчивости откосов в выемках жел. дорог» и подготовляется к печати работа «Плиоценовые и плейстоценовые отложения восточной и южной России».

Пр. М. В. Павлова работала в последние годы над ископаемыми млекопитающими Южной России, над оленями, лосями, бизонами и лошадями. А. Д. Архангельский защитил в 1917 г. диссертацию на степень доктора геологии «О верхнемеловых отложениях востока Евр. России»; Г. Ф. Мирчинк—на степень магистра геологии в 1918 г. диссертацию «Послетретичные отложения Черниговской губ.»; О. К. Ланге сдал в печать «Из наблюдений над Харьков. мелом» и «О флуне Бессарабского мела», С. А. Добров напечатал «Геолог. строение фосфориты бассейна р. Вороны». По минералогии проф. Д. Н. Артемьев работал над генезисом кристаллов, а летом 1920 г. совершил поездку на Урал для устройства в Ильменских горах Минералогического заповедника. На площади в 180 кв. вер. запрещаются всякие поиски минералов для ненаучных целей, хотя другие угодья того же участка, напр., покосы, оставляются попрежнему за местными жителями. В 1917 г. Н. Н. Смирнов защитил диссертацию «Граниты Челябинска», а в 1918 г. пр. Снема—

диссертацию «Минералогия и литология Лысогорья», А. А. Мамуровский напечатал в «Трудах» Института Литогея статью «Месторождение нефрита на горе Бикляр, (в Южн. Урале). Проф. Вульф, Самойлов Титов выступали с сообщениями в ученых обществах.

По ботанике и физиологии растений необходимо прежде всего указать на статью покойного проф. К. А. Тимирязева, вышедшую в 1917 г. в 23-м выпуске «Истории нашего времени» изд. Рус. Библ. Институт. бр. Гранат и К-о и озаглавленную «Успехи ботаники в XX веке». В этой работе автор останавливается на наиболее типичных и наиболее выдающихся приобретениях науки за рассматриваемый период, которые он сводит к четырем заголовкам: I. Химизм растения: 1) Возрастающая роль ферментов; 2) Первая удачная попытка разъяснения химического состава хлорофилла (химика проф. Вильштетера) II. Энергетика растения: 1) Растение и солнечная энергия (работа Броцна над восприятием и утилизацией энергии в зеленом листе); 2) Механизм движений растения (замечательные исследования индусского ученого, молодого физика Джагадиса Хундера-Бооза «Реакция в живом и неживом». В этой книге автор проводит мысль о полном сходстве в том, как живые и неживые тела реагируют на внешнее воздействие. В дальнейших своих трудах Бооз более сосредоточивается на сходстве жизненных явлений в растениях и животных и подробно разбирает движения растений, почти совершенно уничтожая у них категорию самопроизвольных движений. III. Экспериментальная морфология (работы талантливого немецкого ботаника Клебса—«О произвольном изменении растительных форм». «Об искусственных метаморфозах» и др.). IV. Единство растительного мира, подтверждаемого его историей (открытие английским фито-палеонтологом Дуккинфильдом Скоттом папоротников с семенами, факт, доказавший генетическую связь между споровыми и семенными растениями).—Из специальных работ по ботанике можно еще отметить диссертации К. И. Мейера—«Исследования над спорофитами печеночников» (1917), Г. Г. Петрова «Усвоение азота высшими растениями на свету и в темноте», (1917) и Вавилова «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям» (в «Известиях Петр. Сельск.-Хоз. Акад.», 1918 г.). В. В. Алехин написал несколько фитогеографических работ, в том числе «Главные черты растительности Евр. России». Ботаника соприкасается с агрономией и почвоведением,—областями, в которых московск. ученые не мало работают. Проф. Н. А. Димо мог напечатать за последние годы только отчет о своих почвенных исследованиях в бассейнах Сыр и Аму-Дарьи и «Почвоведение в школ. пособиях», но многое подготовлено им к печати. В 1917 г. он совершил экспедицию в Бухару и в Голодную степь Самаркандск. обл., при чем были исследованы местные типы почвообразования, найдены своеобразные солончаки и новые для Туркестана растительные формы. По Голодной степи обработаны результаты 12-летних работ в рукописи, которая с приложениями займет, вероятно, до 100 печ. лл. Проф. Д. Н. Прянишников работал над химической переработкой фосфоритов применительно к современным потребностям и над использованием фосфоритов и недостаточным содержанием фосфорной кислоты (каковых большинство в России); также над использованием торфа, как источника азота, над непосредственным питанием масличными семенами и жмыхами и др. Им же изучался синтез оспарагина в растениях, осмотическое давление питательных растворов в его влиянии на рост и состав растений. Проф. И. П. Жолцинский произвел ряд работ по агрономической химии, в том числе работу, начатую в 1917 г. и продолжающуюся и теперь над химической нитрификацией почвы под влиянием солнечного света. В. В. Геммерлинг занимался исследованием подзолистых почв и производил изыскания над влиянием на них извести, над их генезисом, их органическими веществами, над их водным режимом, и др. К агрономии примыкает животноводство, в области которой много работает за последние годы проф. Э. А. Богданов, выпустивший или сдавший в печать ряд своих трудов, и проф. М. Н. Придорогин, переиздавший с дополнениями свои известные руководства по коневодству и разведению пород рогатого скота..

По зоологии можно отметить открытие проф. А. Кожевниковым переходной формы между пчелиной маткой и рабочей пчелой. Форма эта была найдена в двух экземплярах при искусственном выводе маток, и появление ее, вероятно, объясняется нарушением нормальных условий развития личинки. У вновь открытого существа имеется вполне развитая, как у матки, личинка, но с меньшим количеством трубочек, имеется укороченный, как у матки, хоботок, но в то же время имеются отсутствующие у матки восковые железы и приспособления на ножках для собирания пыльцы. Проф. М. А. Мензбир, выпустивший недавно 1-ый выпуск нового издания своих «Птиц России», подготовил к печати 2-ой его выпуск и занят составлением исторического очерка воззрений на природу. Проф. А. Н. Северцов изучал развитие некоторых органов у рептилии, проф. М. М. Новиков, кроме специальных статей, занимался составлением «Очерков общей морфологии», проф. Н. М. Кулагин напечатал: «Зубры Беловежской пущи» 1918 (на основании личных наблюдений в пуще), «Строение яичника слона», «К биологии пчел» и несколько работ о вредных насекомых. Проф. С. И. Огнев сдал в 1918 г. в печать в Академию Наук обширную монографию о насекомоядных млекопитающих России (35 печ. лист. и 350 рис.) и подготовил к печати описание млекопитающих сев.-восточн. окраины Сибири и 2-й том работы о млекопитающих Моск. губернии. Проф. С. С. Четвериков подготовил к печати большую работу «Задачи и методы современной систематики» и продолжал еще большую работу (ведущуюся почти 20 лет) над бабочками Евр. России. Следует упомянуть еще о двух диссертациях на степень магистра зоологии, в 1917 г. Третьякова «Об органах чувств речной миноги» и Кашкарова о вазкулезной ткани рыб.

По физической антропологии следует отметить: диссертацию Е. М. Чепурковского «Опыт выделения главных типов русского народа», работу П. А. Минакова «О черепе питекантропуса в связи с вопросом о посмертных изменениях костей», и ряд работ В. В. Бунака: по антропологическому изучению донских казаков, об антропологическом типе киргизов (обе работы сданы в печать) «Проблемы биологии человека в связи с колонизацией Туркестана» и «Наследственность психических свойств по работам английских, немецких и американских ученых». В 1917 году В. В. Бунаком было вывезено из турецкой Армении большое собрание черепов армян, которые в настоящее время им изучаются и послужат материалом для большой антроп. работы. Др. Д. М. Российский занимался изучением органов внутренней секреции и их влиянии на формы челов. тела.

В области медицины, кроме выпущенных некоторыми профессорами новых изданий своих руководств и отдельных частных наблюдений, служивших предметами докладов в медицинских обществах, необходимо указать на две важных оригинальных работы: И. В. Давыдовского «Патологическая анатомия сыпного тифа» на основании большей частью собственных наблюдений, с многочисленными рисунками препаратов, (была сдана в печать Научным Отд. Госуд. Изд.) и А. Н. Крюкова «Гематология», т.-е. учение о крови, имеющая выйти в издании Наркомздрава. Интерес современности представляет статья проф. В. Д. Шервинского «Современное питание», помещ. в «Природе» за 1919 г., № 4—6.

География представлена в Москве Географическим Отделением О-ва Люб. Ест. и издаваемым им «Землеведением». 1917 год (24-ый год издания) был для него последним и с тех пор этот (единственный в России) журнал не может выходить (за отсутствием средств и возможности печатания). В книжках 1917 года помещены статьи: Д. Н. Анучина, «Румыния и румыны» и «География в Моск. унив. за первое столетие его существования, А. А. Борзова, «Поездка в Пензен. губ». Б. Ф. Добрынина «Горный Дагестан», И. П. Силинича, «Полит. границы России» и др. В последние годы Геогр. Отделение имело несколько заседаний, в которых были сделаны доклады: А. А. Борзовым — «О наблюдениях в области Дмитровской гряды Моск. губ. В. В. Бупаком — О местах сушки, в позднетретичную эпоху и их значении для топографии В. А. Варсонофьевой... Отделением обсуждался вопрос о создании в Москве Географического Института с Географ. музеем. Члены Отделения были приглашены Отделом Снабжения Н. К. П. к составлению стенных учебных карт и школьных картин по географии, а также, вместе с представителями других наук, к выработке типа музея местного края. Стремление к устройству местных музеев краеведения приняло в последнее время широкие размеры, и такие музеи устраиваются теперь не только в губернских, но и в уездных городах, даже в некоторых селениях. С другой стороны, московские географы были приглашены Отделом Ед. Труд. Школы к выработке программ по географии для школ I и II ступени. Из трудов, которым удалось выйти в печатном виде, следует указать на курс «Общего Землеведения» проф. А. А. Крубера 2-ой вып. 1917 г. и его же «Хозяйство как эксплоатация природных богатств» 1917 г. и на труды проф. Л. С. Берга (избранного недавно профессором Моск. унив.) (Климаты доисторического прошлого» (Природа», 1917). «Бессарабия» (1918), «О причинах сходства сев. частей Атлантич. и Тих. океанов» («Изв. Акад. Наук», 1917). «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука» (Петр., 1919).

Здесь уместно сообщить о трудах Военно-Топографического Отдела, который с перенесением своей деятельности в Москву (в 1918 г.) продолжает энергично работать не только для ближайших практических целей, но и для теоретических, научных. Так, им производится аэро-фотограмметрическая съемка аппаратом Потэ в Курск. губ., сопровождаемая и обычной съемкой мензулой и ведутся радио-телеграфные работы в Архангельской губ.,—первый пример применения таких работ для съемок госуд. характера. Работы эти предположено продолжать верст на 300—400 к югу по С. Двине, охватив ими площадь в 300 вер. в квадрате. За последнее время Отделом составлены картограммы России, с показанием: 1) районов последних съемок в масшт. от 250 саж. до 5 вер.; 2) топографических карт Евр. России в масшт. от 1 до 100 вер. в д. и 3) астрономических, геодезических и топографических работ, в том числе первоклассной триангуляции 1910—1916 гг. и градусных измерений. Весьма важным мероприятием для дел русской картографии является решение перейти в масштабах карт к метрической системе, хотя пока еще не окончательно установлены эти новые масштабы. Окончательно принят масштаб 1 : 100.000, соответствующий принятому для топограф. карт Евр. государств и в котором уже начали составляться карты и у нас; он заменяет собою масштаб нашей 3-верстной топ. карты (1 : 126000) и будет несколько крупнее его. Предположен также масштаб 1 : 1.000.000, принятый международным географическим соглашением; но что касается третьего, промежуточного масштаба, то Топ. Отдел предполагает масштаб 1 : 300.000, что, однако, вызывает возражения; некоторые рекомендуют масштаб 1 : 200.000, а другие—масштаб 1 : 500.000, который заменил бы собою нынешний 10-верстный (1.420.000), весьма подходящий для разных специальных карт (геологической, почвенной и др.). Недавно Отделом издана карта Башкирской республики в масшт. 1 : 1.000.000. Отделом основан новый периодич. орган «Военно - топографический Журнал», долженствующий заменить прежний «Ежемесячник». Печатаются также записки В. Т. О. с подробными сведениями об астроном. и топогр. работах в 1904—1911 гг. В 1919 г. отпечатан «Краткий доклад о работах корпуса Военных Топографов» со многими картами.

К географии примыкает этнография, в области которой также замечается оживление. Журнал «Этнографическое Обозрение», правда, не выходит, но оживление сказывается в организации этнограф. экспедиций, сборов этногр. предметов, проекте основания этнографических музеев. Антрополого-этнологического Института и т. п. Выше было уже упомянуто об этногр. экспедиции в Рязанскую губ., ею руководит В. В. Богданов, с которым работают Гордлевский, Ефименко, Жуков, Куфтин, Сергиевский и предполагается привлечь еще других лиц. Этногр. исследования продолжаются также в Дмитровском у. (Моск. губ). и Переяславском (Влад.) уездах; кроме того, другими учреждениями и лицами намечаются этнографич. наблюдения и сборы в Крыму, в Алтае и т. д. Обмен наблюдениями производится теперь в заседаниях Этнологического Отделения Моск. Секции Акад. по Истории Мат. Культуры; Отделением этим предпринят капитальный труд — составление Этнографического словаря России, под руководством проф. А. Н. Максимова. Стремление к собиранию этногр. материалов, устройству этногр. музеев, обществ, курсов этнографии распространяется теперь и в провинции. Так, бывший московский деятель пр. Б. М. Соколов, став проф. Саратовского университета, организовал там Этнографическое Общество и устраивает этнографические экспедиции. Ревностным деятелем в области этнографии является проф. Харьк. универ. Д. К. Зеленин, которым в 1917 г. была защищена в Москве диссертация на степень доктора русской словесности под заглавием «Очерки русской мифологии», I, представляющая в сущности чисто этнологическое исследование.

Весной нынешнего года московские этнологи во главе с хранителем Этногр. Отдела Румянц. Музея Н. А. Янчу-

ком были призваны Нар. Ком. Иностр. Дел к изучению вопроса об этнографических границах между Польшей и Россией. Была образована Комиссия из этнографов, языковедов, историков, статистиков и др., в которую вошли Д. Н. Анучин, А. А. Борзов, М. К. Любавский, В. Г. Михайловский, В. И. Пичета, М. Н. Сперанский, Д. Н. Ушаков, Н. А. Янчук и др. Комиссией были изучены все статистико-этнографические материалы, имеющиеся для пограничных областей между Польшей и Россией, на русском, польском и немецком языках, и составлены подробные записки и карты для изложения и наглядного представления добытых данных.

По экономическим наукам следует указать следующие более крупные исследования: Н. П. Макаров, «Крестьянское Хозяйство» I, около 25 печ. лист., А. В. Чаянов, «Кооперативное Хозяйство», около 20 печ. лист., обе работы напечатаны в Ученых Трудах Кооперативного Института. Не напечатаны: З. С. Каценелленбаума, «Русский рубль» (диссертация, около 20 лл.), М. Б. Кафенгауза, «Синдикаты в русской промышленности» (I—II), Н. Г. Петухова, «Экоком. система Рикардо», С. А. Первушина, «Очерки по теории массового потребления» (диссертация 25 лл.), его же «Движение вольных цен за три года революции», Л. Н. Литошенка, «О социалистическом хозяйстве». Научно-издательским Отделом В. С. Н. Х. выпущена работа Бальхнер Смита об обесценении рубля в эпоху франц. революции (около 20 лл.), а Научно-Пищевым Институтом напечатан под редакцией А. В. Чаянова ряд статистических работ о питании городского населения, Отделом потребления и распределения при Центр. Стат. Упр. произведен под руководством А. Е. Лосицкого ряд массовых обследований питания гор. и сел. населения в 1918—1920 гг., часть коих опубликована в «Изв. Центр. Стат. Упр.», а часть находится в разработке (разработка ведется А. Е. Лосицким и С. А. Первушиным).

По истории следует отметить диссертации А. И. Яковлева «Засечная черта Моск. Гос.» и его же «Приказ сбора ратных людей» (1917) и В. И. Пичета «Аграрная реформа Сигизмунда Августа в литовско русском государстве», ч. I—II, 1918 г. Проф. М. К. Любавским выпущены новыми изданиями «Лекции по древней русской истории» (1918) и «История запад. славян» (1918 г.). Проф. М. М. Богословский работал над биографией Петра Великого и сообщил часть результатов своих исследований в Историческом Обществе, а также напечатал их в журналах и сборниках. Одним петербургским издательством предложено издать его двухтомную историю России. А. А. Кизеветтер напечатал «Роль Северного края Евр. России в истории Русск. Государства» (1919) и статью о Карамзине; В. И. Пичета—«Истор. судьбы Белоруссии» (1919); В. Н. Бочкарев—«Очерки истории революц. движений в России» (1918); С. В. Бахрушин — «Моск. мятеж 1698 г.»; В. П. Алексеев — «Рост землевладения в XVIII в.» («Гол. Мин.» 1917).

По всеобщей истории много работал проф. Р. Ю. Виппер, которым выпущены в новых дополненных изданиях: «Курс новой истории, Древний Восток и Эгейская культура», «Учебник древней истории», «Обществ. учения XVIII и XIX вв., и др., а также изданы вновь: «Очерк истории социализма в нов. время» (1917), «Гибель европ. культуры» (1918) и «Возникновение христианства» (1918). Проф. Д. М. Петрушевский выпустил в новых изданиях свои «Очерки из истории средневекового общества» и «Великая хартия вольностей». Проф. А. Н. Савину одно Петерб. издательство предложило издать его курс истории Зап. Европы в XIV—XV вв.—По истории русской литературы укажем на работы проф. М. Н. Сперанского: им напечатан 2-ой том Русских былин и подготовлен 3-й том—с объяснительной статьей. Им же готовится к печати «Наша книга» (в ее истории) и «История древней рус. литературы», I. По истории иностранной литературы работал проф. М. Н. Розанов, который издал «Историю английской литературы XIX в.», собрание сочинений Ж. Ж. Руссо в 5 томах и подготовил к печати историю французской литературы эпохи «Просвещения».

В заключение следует сказать несколько слов о работах в области психологии. Они сосредоточиваются в Психологическом Институте, помещающемся в особом доме во дворе Нового здания университета (дом этот был построен в 1911—1912 гг. на средства С. И. Щукина) и состоящем в заведывании проф. Г. И. Челпанова. (Бюджет Института в 1920 г.—около миллиона руб.). В Институте производятся экспериментальные исследования, результаты которых печатались ранее в «Трудах Института» (т. I, 1914 г.), а позже в «Психологическом Обозрении» за 1917—18 гг. С ноября 1919 г. в Институте организовано отделение прикладной психологии, в заведывании В. М. Экземплярского, ставящее целью в первую очередь изучение проблем педагогической психологии и психологии труда, а в 1920 г. открыт кабинет этической и социальной психологии, сост. в завед. Г. Г. Шпет.

О деятельности моск. ученых можно отчасти судить по книгам, выпускаемым в Москве разными издательствами. Частных издательств осталось теперь мало, и даже «Кооперативное Издательство» вынуждено было прекратить свою деятельность и передать свои издания Госуд. Издательству. Кроме книг и брошюр по вопросам кооперации, «Кооп. Издательством» выпущены издания по экономическим, юридическим, политическим и педагогическим вопросам, по истории, географии, этнографии и др. Библиограф. Институт бр. Гранат и К-о издал и подготовил к изданию ряд книг по общественным, естественным и прикладным наукам, в том числе несколько сочинений К. А. Тимирязева: «Научные очерки развития естествознания за 3 века», «Успехи ботаники в начале XX века», «Очерк развития биологии». По общественным наукам им выпущены сочинения Туган-Барановского, Железнова, Фирсова, Покровского и др.—Издательство М. и С. Сабашниковых издало труды проф. Мензбира, А. Павлова, Кизеветтера, Любавского, М. и Н. Сперанских, Тураева, Петрушевского, Розанова и др., не считая многих иностранных сочинений в переводе русских-ученых. Ряд трудов Богданова, М. Богословского, Кизеветтера, Мельгунова и др. вышел в издании т-ва «Задруга». Нельзя умолчать и об издательстве «Природы», выпустившего также несколько ценных трудов по естествознанию, и об издательстве «Альциона», специализировавшемся на книгах по искусству и литературе. В области литературы следует отметить книги П. Н. Сакулина «И. С. Тургенев» и подготовленные к печати лекции о социалистических течениях в русской художественной литературе; книги М. Гершензона «Мечта и мысль Тургенева», «Мудрость Пушкина» и А. Грузинскаго—о Тургеневе. Государств. Издательством издан «Коммунист», В. Ц. И. К. и др. выпущен за истекшее трехлетие ряд научных сочинений русских марксистов, главнейшие из них следующие: А. Богданов (А. А. Малиновский). 1) Философия живого опыта;

Политическая экономия в 4-х выпусках (совместно со Сгепаловым); Всеобщая организационная наука, двухтомное издание. Николай Бухарин.—Экономика переходного времени. Часть I. Общая теория трансформационного процесса; Политическая экономия рантье. А. Г. Гойхбарг.—Брачное, семейное и опекунское право Советской Республики. Н. Ленин (В. И. Ульянов).—Аграрная программа социалдемократии в Первой Русской Революции. 2-е изд.; Государство и революция. Преображенский—Бумажные деньги. А. С. Микаэлян.—Экономическая политика финансового капитала. В. Осинский.—Строительство социализма. Мих. Павлович. (М. Вельтман).—Основы империалистической политики и мировая война, одиннадцать выпусков, представляющих собой отдельные монографии. М. Н. Покровский.—Очерки истории русской культуры. Часть II. Вячеслав Полонский.—Михаил Александрович Бакунин. М. Лемке.—Редакция, примечания и комментарии к собранию соч. А. Герцена. Н. Рожков.—Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. I. Ю. Стеклов.—Интернационал; Бакунин. Т. I., работа, представляющая чрезвычайный интерес: автор впервые использовал обнаруженную в архиве бывш. III отделения «Исповедь» М. Бакунина. И. Степанов,—Новое издание «Капитала» Маркса. Перевод совместно с Базаровым. Вышли: т. I, перев. с нового нем. изд., редактир. К. Каутским, и т. II.

За последние три года московская наука понесла много потерь. Наиболее выдающейся фигурой из скончавшихся ученых был профессор Климент Аркадьевич Тимирязев, составивший себе большое имя и как специалист ботаник и как превосходный популяризатор. В последние годы своей жизни он обратил на себя общее внимание и своим политическим credo, объявив себя убежденным сторонником утвердившегося после Октябрьской революции нового строя. Выдающаяся личность покойного обязывает почтить его память сообщением главнейших данных его биографии и его научно-общественной деятельности.

К. А. Тимирязев родился в Петрограде 23 мая 1843 г. Первоначальное образование получил дома, в старинной дворянской семье и уже в детстве усвоил себе хорошее знание иностранных языков, особенно французского и английского (его мать была англичанка). В 1861 г. К. А. поступил в Петроградский университет, сперва на камеральный факультет, но скоро перешел на естественное отделение физико-математического факультета и окончил на нем курс в 1866 г. со степенью кандидата и с золотою медалью за сочинение «О печеночных мхах». Еще будучи студентом, К. А. начал заниматься литературной работой, переводом книг, и помещал статьи в «Отечественных Записках» как на научные темы («Книга Дарвина» в «Отеч. Зап.» 1864 г.), так и на политические (напр., «Гарибальди на Капрере», «Голод в Ланкашире»). В 1867 г. он принял участие в производстве первых в России агрономических опытов, организованных Вольно-Эконом. Обществом под руководством проф. Менделеева и производил полевые опыты в Симбирской губернии для выяснения влияния минеральных удобрений на рожь и овес. В начале 1868 г. К. А. выступил на первом съезде русских естествоиспытателей с сообщением о своем приборе для исследования воздушного питания листьев; это была его первая научная работа, наметившая собою дальнейший путь, по которому пошел далее К. А., посвятив всю свою научную деятельность изучению процесса усвоения зелеными листьями из воздуха углекислоты под влиянием энергии солнечных лучей. В том же году К. А. был командирован Петроградским университетом за границу для подготовления к профессуре и работал сначала в Гейдельберге в лабораториях Кирхгофа, Бунзена, Гофмейстера, а потом в Париже, где слушал лекции Клод Бернара, Буссенго и Бертло.

В 1870 г. К. А. был избран преподавателем ботаники в Петровскую Сел.-Хоз. Академию, а в 1871 г., по защищении в Петроградском университете диссертации «Спектральный анализ хлорофилла», получил степень магистра ботаники и был избран в той же Академии профессором. Здесь им была устроена впервые лаборатория для производства вегетационных опытов, в которой он и продолжал свои исследования. Результаты их выразились в диссертации «Об усвоении света растениями», за которую в 1875 г. Петроградский университет присудил ему степень доктора ботаники. Зимою 1875—76 гг. К. А. выступил с первым курсом популярных лекций в только что открытом тогда Политехническом музее (в его временном помещении на Пречистенке, в д. Степанова, позже Военного Ведомства). Курс состоял из десяти лекций и был посвящен «Жизни растений»; впоследствии он был напечатан, выдержал чуть ли не 10 изданий и является до сих пор образцовым по мастерству научно-популярного изложения. По словам проф. Ф. Н. Крашенинникова, «помимо строгой научности, ясности изложения и блестящего стиля, курс этот и теперь не утратил своей новизны и свежести, несмотря на свою сорокапятилетнюю давность». За этими публичными лекциями последовали в следующие годы другие, также впоследствии напечатанные и доставившие в их совокупности громкую известность К. А. в среде образованного русского общества, как превосходному популяризатору естествознания и проводнику позитивного мировоззрения.

Осенью 1877 г. К. А. был выбран Моск. университетом на кафедру анатомии и физиологии растений и в течение 15 лет (по 1892 год) состоял профессором в двух высших учебных заведениях, при чем в обоих пользовался значительною популярностью среди студентов. Студенты ценили и уважали К. А. не только как выдающегося ученого и талантливого лектора, но и как искреннего поборника их интересов, выступавшего нередко в заседаниях профессорских советов. В университете К. А. употребил также много трудов и стараний на создание образцовой лаборатории для ученых и учебных целей. В 1884 г. К. А. был избран председателем основанного тогда Ботанического отделения О-ва Люб. Ест. и стал выступать в заседаниях этого Отделения (как и в публичных собраниях всего Общества), с речами и докладами на общие и специальные темы. Вместе с тем он принял деятельное участие в организованных Политехническим музеем публичных лекциях и воскресных объяснениях для народа. Им был выработан также подробный план предположенной к устройству при этом музее (в Александровском саду) Опытной Ботанической станции, который, впрочем, не удалось привести в исполнение.

В 1892 г. Петровская академия (в которой часто случались так наз. «беспорядки», студенческие волнения) была временно закрыта, подвергнута преобразованию и затем восстановлена в виде Сельск.-Хоз. Института, в который Тимирязев уже не был приглашен. Это содействовало большей по-

пулярности К. А. в ученых кругах, и в 1893 г. он был избран физ.-мат. факультетом Моск. унив. председателем Организационного Комитета IX Съезда русских естествоиспытателей, собравшихся в декабре того же года в числе нескольких тысяч в Москве и избравших К. А. своим председателем. В 1898 г. исполнилось 30 лет учебной службы К. А., но он продолжал свою профессорскую деятельность и был неоднократно командирован Моск. университетом в качестве его представителя за границу, на университетские юбилеи и торжества. Зимою 1909 г. К. А. был избран председателем Комитета XII Съезда естествоиспытателей и врачей и начал уже подготовительную к нему работу, как внезапно его поразил первый удар. Через некоторое время он оправился настолько, что мог двигаться (с провожатым) по ближайшим улицам, но должен был оставить всякую открытую общественную деятельность, что не мешало ему, однако, работать в кабинете и даже в домашней лаборатории (на даче в имении В. И. Танеева, «Демьянове», где он жил ряд лет), а также помещать статьи в журналах и газетах и выпускать сборники своих статей и речей в новых изданиях. Такую работу он продолжал до самой своей кончины 28 апреля 1920 г. Всего за несколько дней до его смерти вышла из печати (изданная Госуд. Издательством) книга «Наука и демократия», сборник статей (1914—1919) К. Тимирязева, действ. члена Социалистической Академии Обществ. Наук, с 33 статьями, и следует заметить, что, выпуская эту книгу, К. А. не думал закончить ею свою научную и популяризационную деятельность. На обложке названной книги рядом со своими печатными сочинениями К. А. поместил и «подготовляемые к печати», которых указано три: «История методов в биологии», «Солнце, жизнь и наука», и «Трехсотлетнее развитие естествознания». Так работал до конца своих дней К. А. Тимирязев.

Указав на главные моменты жизни К. А., остается подвести итоги его деятельности, как ученого. К. А. работал, главным образом, над изучением зеленого пигмента растений, хлорофилла, стремясь проследить его образование и превращение в связи с процессом усвоения углекислоты и света растениями. Им были изобретены специальные приборы для такого изучения, выработаны точные физические методы, применен спектральный анализ и т. д. и вообще он явился достойным соперником известных иностранных ученых Сенебье и Буссенго. Заслуги К. А., как ученого, признаны не только в России (он был почетным членом нескольких русских университетов и других научных институтов и многих ученых обществ), но и за границей, имел степень доктора нескольких иностранных университетов и был членом Королевского Ученого Общества в Лондоне (очень немногие русские ученые удостоились этой чести).

Не меньшей, если не большей, известностью пользовался К. А. как талантливый популяризатор, выступавший часто с научно-популярными лекциями и речами и выпустивший ряд общедоступных книг и брошюр. Эти речи и статьи были посвящены различным вопросам растительной физиологии, а также и более общим темам—о Дарвине и антидарвинистах, о факторах органической эволюции, о развитии биологии в XIX веке, о витализме, об академической свободе, о значении науки для земледелия, науке и демократия и др. К. А. был убежденным дарвинистом и позитивистом: он стремился постоянно к тому, что он считал научной истиной и этической правдой и потому возмущался, встречая мнения, расходившиеся с его убеждениями, и выступал часто против них с крайней резкостью, не стесняясь видным общественным положением своих антагонистов. Эту способность увлекаться К. А. сохранил до конца своей жизни; в посвящении последней своей книги памяти своих родителей он говорит, что «они внушили ему безграничную любовь к истине и кипучую ненависть ко всякой, особенно общественной, неправде».

Поборник свободы и демократии, К. А. с наступлением революции заявил себя поборником «социалистической правды» и в ряде статей приветствовал новый строй, начавший осуществляться после Октябрьской революции. В заголовке своей последней книги он не назвал себя ни профессором ни членом академии и ученых обществ, а единственно только членом Социалистической Академии Общ. Наук, подчеркнув тем свое служение социализму. В свою очередь, Советская власть заявила о своем уважении к ученому гражданину, избрав его за два месяца до смерти членом в Московский Сов. Раб. и Кр. Депутатов и устроив ему по его кончине торжественные гражданские похороны.

Из других московских ученых скончались в 1917—20 гг.: из специалистов по физико-математическим наукам—В. В. Бобынин, единственный русский специалист по истории математики, которую он и преподавал в Московск. унив.; А. А. Волков—занимался дифференциальной геометрией; М. И. Ковалевский—профессор математики ранее Московского, потом Костромского университета; проф. Э. Е. Лейст—метеоролог-геофизик, организовавший Геофизический институт при Моск. универс., производивший опыты с поднятием шаров-зондов, устроивший магнитную и сейзмическую (для наблюдений над землетрясениями) обсерваторию, ездивший несколько раз в Курскую губернию для производства там магнитной съемки, занимавший в течение ряда лет пост помощника ректора Моск. унив.; проф. П. К. Штернберг — астроном, бывший директор астрон. обсерватории Моск. унив., а в конце своей жизни перешедший к политической деятельности и занимавший пост одного из советских комиссаров; К. Х. Кирш — инженер-технолог, специалист по топливу. Из специалистов по естественным наукам скончались: А. Н. Сургунов—минералог, Н. Н. Любавин — профессор технической химии, в последние годы бывший в отставке; проф. агрономической химии А. Н. Сабанин, организовавший при Моск. унив. Агрономический институт, поставивший впервые преподавание в нем на должную высоту, оставивший ряд учеников, агрономов и почвоведов, из коих некоторые занимают ныне кафедры и достигли известности; А. П. Артари—специалист по низшим растениям, грибам и водорослям; В. А. Дейнега — ботаник; С. И. Ростовцев — профессор ботаники в Петровской Сельск.-Хоз. Акад., известный систематик; Н. Ю. Зограф — зоолог, работавший в области низших беспозвоночных животных, а отчасти и в области антропологии.

Из профессоров медицинского факультета в 1919 году в глубокой старости (75 лет от роду) скончался профессор Московского университета Дмитрий Николаевич Зернов, едва ли не самый видный из русских анатомов после Грубера. Воспитанник Московского университета, Д. Н. окончил курс медицинского факультета в 1865 году, и с тех пор вся его ученая и преподавательская деятельность в течение 54 лет протекала под сенью альма матер. (alma mater). Ученые работы Зернова были посвящены

преимущественно исследованиям в области анатомии человека преимущественно его скелета и нервной системы. Но в первых своих работах (о микроскопическом строении кристаллика, М. 1867, и «об истинном гермофродитизме», М. 1874) Зернов интересовался также и высшими животными. Вопросы эмбриологии были ему так же хорошо знакомы, как и морфологии и систематики. Наиболее известные работы Д. Н., создавшие ему европейскую известность, касались строения головного мозга и вышли в 1880 годах, а именно: «о пределах индивидуальных и племенных видоизменений типических борозд и извилин мозга (М. 1883) и «об анатомических особенностях мозга интеллигентных людей». Зернов первый подметил различие в анатомическом различии мозга у представителей различных рас и классов и собрал богатые материалы для дальнейших работ над изучением самих функций головного мозга и нервной системы. Сюда же до некоторой степени примыкает и другая известная работа Д. Н.: «об атавизме микроцефалов», вышедшая в 1883 году и выдержавшая несколько изданий. Но главным классическим трудом Зернова является его «руководство описательной анатомии человека», над которым он работал целых десять лет (1890—1900 гг.). Этот монументальный труд, изданный в четырех томах, выдержал уже 7 изданий и является, без сомнения, лучшим руководством во всей русской литературе этого рода. Да и за границей трудно найти такую же работу по необычайному обилию строго проверенного материала, ясности и сжатости изложения и логичности построения. Можно без преувеличения сказать, что громадное большинство русских врачей за последнюю четверть века училось по Зернову.

Д. Н. был как бы создан для профессорской деятельности. Он умел разнообразить изложение и освещать свой повидимому бесконечно сухой предмет настолько своеобразно и художественно, что лекциями его положительно заслушивались. Строгий к самому себе и аккуратный до педантизма, Зернов требовал того же и от других. Практическими занятиями он руководил мастерски, и построенный при нем анатомический театр мог считаться образцовым во всех отношениях. По своим научным взглядам Д. Н. держался середины между убежденными Дарвинистами, группировавшимися в Московском университете вокруг К. А. Тимирязева, и противоположным лагерем естествоиспытателей, возглавлявшимся когда-то известным, а теперь основательно забытым профессором зоологии А. П. Богдановым.

Д. Н. был не только крупной научной фигурой и блестящим преподавателем, но и возбуждал всеобщее уважение своими личными качествами и беззаветной преданностью долгу.

Скончался накануне семидесятилетия своего рождения один из виднейших русских экономистов и статистиков последнего времени профессор Н. А. Каблуков.

Н. А. окончил юридический факультет Московского университета в 1871 году и первоначально посвятил себя адвокатской деятельности в Пензенской губернии. Молодой адвокат работал преимущественно среди крестьян и при постоянных разъездах близко знакомился с условиями крестьянской жизни и в частности экономического быта Пензенской губернии. Тогда начиналась уже полоса того увлечения статистикой как единственно надежным способом познания глубин народохозяйственной жизни, и Каблуков был увлечен этой стихийной волной, породившей такое замечательное явление русской жизни, как земская статистика.

Побыв в Пензенской губернии едва два года, Каблуков бросил адвокатскую деятельность, переехал в Москву и здесь познакомился с профессором А. И. Чупровым. Покойный А. И., как известно, умел увлекать молодежь и раскрывать перед своими учениками тайники экономического познания. Каблуков написал специальную работу на тему «значение кустарной промышленности в народном хозяйстве» и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Но деятельную натуру Н. А. тогда мало прельщала академическая работа. Каблуков знакомится с В. И. Орловым, основателем земской статистики в Московской губернии, и совместно с ним в 1877—1879 гг. производит первое, во многих отношениях и до сего времени образцовое статистическое описание Московской губернии. С 1879 по 1881 год Каблуков работал над своей магистерской диссертацией за границей преимущественно в Лондоне, где он имел случай познакомиться с Марксом. Последний тогда, как известно, особенно интересовался Россией и условиями ее развития. Возвратившись в Россию и окончив свою диссертацию, Н. А. Каблуков с 1885 года, после смерти В. И. Орлова, становится во главе Московского Губернского Земского Статистического Бюро. На этом посту Н. А. пробыл 21 год вплоть до 1906 г., когда черная реакция принудила его оставить практическое поприще земского статистика. Н. А. явился достойным продолжателем работ В. И. Орлова и развил во многих отношениях самостоятельно основанную Орловым московскую школу земской статистики. В особенности замечательны впервые в России поставленные Московским Бюро исследования народного образования и продовольственного вопроса, выдающиеся широтой замысла и новизной приемов статистического исследования. Текущая сельско-хозяйственная статистика, которую В. И. Орлов успел наметить только в самых общих чертах, была развернута Каблуковым в стройную организацию, охватывавшую самые разнообразные стороны народной жизни, от урожаев и скотоводства до движения грузов по шоссейным дорогам и оплаты.

В 1898—1900 гг. Каблуков производит новую подворную перепись Московской губернии, сопровождавшуюся обширными оценочными работами, при чем на этот раз московский тип подворных исследований под его опытной рукой стройным образом сочетается с приемами оценочных работ Черниговской и Нижегородской школ. Н. А. оставил после себя целую школу земских статистиков, работающих по всей России частью и до наших дней.

В 1894 году Н. А. Каблуков начинает преподавательскую деятельность, к которой он предназначил себя еще в дни своей юности, и выступает в Московском университете в качестве приват-доцента. Но только в 1903 году Каблуков занимает в Московском университете кафедру статистики, при чем с 1911 года он читает также и общий курс политической экономии. Профессорская деятельность Н. А. продолжалась до самой его смерти, при чем неутомимый ученый читает лекции почти во всех высших учебных заведениях столицы. В последний год своей жизни Н. А. Каблуков становится в близкие отношения к работе высших государственных учреждений новой России. Он избирается первым председателем Совета по Делам Статистики и принимает деятельное участие в работах Центрального Статистического Управления.

Каблуков оставил после себя целый ряд ученых трудов, преимущественно в области статистики и экономии сель-

ского хозяйства. В 1884 году появился первый большой его труд «вопрос о рабочих в сельском хозяйстве», в котором Н. А. один из первых в России научно обосновал положения об устойчивости крестьянского хозяйства и о преимуществах мелкого хозяйства в земледелии перед крупным. Этим своим взглядом Н. А. оставался верен всю свою жизнь. В 1898 году появился второй крупный труд Н. А. об условиях развития крестьянского хозяйства в России, в котором он расширил и углубил высказанные им взгляды на стойкость мелкого земледельческого хозяйства. Из других трудов Н. А. наибольшее значение имеет его курс статистики, изданный впервые в 1911 году и затем выдержавший несколько изданий. Курс этот отличается сжатостью и ясностью изложения, чрезвычайной логичностью построения и даже художественной формой. Цифры здесь не загромождают без пользы текста и служат лишь иллюстрацией теории. Кроме этих трех главных трудов, перу Н. А. принадлежит целый ряд работ по статистике Московской губернии. Предсмертной работой Н. А. является небольшое, но классическое по простоте изложения и обилию материалов руководство, предназначенное для волостных статистиков.

Н. А. Каблуков гармонически сочетал в себе работу статистика-практика и синтез теоретика-экономиста. Он умел справляться с грудами сухих цифр, которые вставали перед ним как живые факты исторического процесса. Всех, кто только сталкивался с ним, Н. А. невольно привлекал обаятельной чистотой своей натуры, истинно голубиной кротостью, соединенной с мудростью змия. Его утрата еще долго будет чувствоваться русской наукой и особенно высшей школой, которой он отдал свое сердце и свой светлый ум.

Скончался Л. З. Мороховец, профессор физиологии, организовавший действующий ныне Физиологический институт. В молодые годы покойный работал несколько лет за границей и был одно время ассистентом у проф. Кюне. Ему принадлежит большой труд о белковых веществах и Руководство к истории медицины. В последние годы своей жизни он был поражен параличом, но продолжал, пока был в состоянии, исполнять профессорские обязанности. Из профессоров медиков умерли еще: С. Е. Березовский (гинеколог), И. Ф. Зеленев (накожн. бол.),

Н. С. Кишкин (терапевт), А. А. Маклаков (офтальмолог), Н. А. Митропольский (терапевт), В. П. Сербский (психиатр). Из специалистов по наукам экономическим и юридическим скончались: В. И. Анисимов, проф. Коммерч. Инст. (эконом. география), И. А. Покровский, пользовавшийся большою известностью как цивилист, профессор Коммерч. Института и университета, В. М. Хвостов профессор римского права, бывший выдающимся специалистом в этой области в России, а в последние годы жизни много занимавшийся социологией и заведывавший соответственным отделом в Научном Биологич. институте. Погиб трагически, кончив жизнь самоубийством (как и его брат, бывший профессором истории в Казанск. унив.).

Из специалистов по истории и истории литературы умерли: Е. В. Барсов—работавший в области народной словесности и древней русск. литературы, собравший большую библиотеку рукописей; С. А. Белокуров—служивший в Архиве Иностр. Дел, работавший по истории русской церкви; И. С. Беляев—проф. Дух. Акад., историк; проф. Р. Ф. Брандт—специалист по русскому языку, состоявший председателем Библиограф. Общества; проф. А. Н. Веселовский—бывший знатоком как русской, так и иностранной литературы, ему принадлежит труд «Западное влияние в русской литературе», выдержавшей ряд изданий. Он занимался также историей театра и напечатал труд «Старинный театр в Европе» и работал одно время вместе с покойным С. А. Юрьевым и проф. Н. И. Стороженко в Театральном Комитете; В. И. Герье—профессор всеобщей истории, оставивший ряд ценных печатных трудов и много поработавший на пользу высшего женского образования; в Москве им были основаны Высшие женские курсы; умер в отставке в глубокой старости; Н. Ф. Каптерев—проф. Дух. Акад., историк церкви; Б. А. Тураев—лучший русский египтолог, был профессором в Петрограде, но состоял вместе с тем заведующим Египетск. Отд. Моск. музея Изящ. Иск., часто приезжал и жил в Москве и печатал свои исследования в изданиях музея; С. Ф. Фортунатов—пользовавшийся большою популярностью преподаватель всеобщей истории в средних учебн. завед. и Моск. унив., специалист по XVIII—XIX вв., особенно по истории Франции, Англии и Соедин. Штатов.

Литературная Москва за 1918—20 гг.

Если в до-октябрьские дни писатели жили разрозненно, каждый в отдельности определяя собственную судьбу, то после Октябрьской революции началось объединение писателей, диктовавшееся вначале защитой профессиональных и правовых интересов и ныне перешедшее в более глубокую моральную связь, уже прочно скрепленное не только профессиональной, но и духовной солидарностью.

После февральской революции, по инициативе небольшой группы московских писателей, возник «Клуб Московских Писателей», вторичные собрания которого вначале еженедельно, а потом раз в две недели, происходили в Московском Художественном театре. Это было первое писательское объединение, вызванное в жизнь потребностью живого обмена мнений по поводу судеб русского искусства и моральных ценностей. Тогда клуб объединял около тридцати московских писателей, и доступ в него был весьма затруднителен. В клубе принимали близкое участие Борис Зайцев, Н. А. Бердяев, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, М.С. Гершензон, Лев Шестов, В. Вересаев, Алексей Толстой, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис и много других.

Это первоначальное писательское объединение послужило основным зерном для организации впоследствии Московского, а затем Всероссийского Профессионального Союза Писателей.

Вскоре после октябрьских дней захирела и перестала существовать литературная группа «Среда», окрашенная по составу своих исполнителей и слушателей в старую бытовую окраску, потерявшую после октября уже всякий интерес и значение.

Вскоре же после Октябрьской революции, в связи с созданием Пролеткультов, возникли объединения пролетарских писателей, давшие нам целый ряд новых имен. В настоящее время пролетарские писатели объединены в союз, имеют свой орган (кроме органов Московского и Петербургского Пролеткультов) и недавно ими был устроен первый Всероссийский съезд Пролетарских Писателей.

Потребность объединения писателей в союз, который мог бы защищать их профессиональные и бытовые интересы, пробудила мысль о создании Московского Профессионального Союза Писателей, который по инициативе первого учредительского собрания и возник в сентябре 1918 года. Союз начал быстро разрастаться, и вскоре в числе своих членов насчитывал уже более ста человек одних только московских писателей. Помимо защиты интересов своих членов правление союза (председатель М. Гершензон и члены: Борис Зайцев, Георгий Чулков, Г. Шпет, А. Эфрос, А. Чеботаревская, К. Бальмонт, П. Сакулин, Игорь Грабарь, Иван Новиков, Вл. Лидин, М. Цявловский) занялось также выработкой новых тарифных ставок и попыткой создания внутри союза нескольких секций по поэзии, беллетристике, истории и теории литературы и истории и теории эстетики и философии. Была произведена также анкета, целью которой было выяснение условий жизни, производительность новых работ и заработка писателей, давшая ценный материал, данные о котором будут сообщены ниже.

Создание одного Московского Союза, однако, не соответствовало всем возможностям писательского объединения, и был создан Петербургский Отдел во главе с А. Волынским, Александром Блоком, Любовью Гуревич и др. В связи с этим Московский Союз прекратил свое существование и перешел во Всероссийский Союз Писателей, насчитывающий в настоящее время около трехсот членов.

В дни Герценовского юбилея постановлением В. Ц. И. К. через Московский Совет Р. и К. Д. Всероссийскому Союзу Писателей был передан д. № 25, по Тверскому бульвару, в котором родился Герцен, под названием «Дома имени Герцена»—для учреждения в нем писательских общежитий, столовой, библиотеки и пр.

Почти одновременно в Петербурге при Наркомпросе подобный же «Дом Литераторов» был создан усилиями петербургских писателей. В настоящее время дом дает кров и возможность существования многим писателям как живущим в Петербурге, так и временно приезжающим.

Параллельно Всероссийскому Союзу Писателей учрежден был группой поэтов «Всероссийский Союз Поэтов», существование которого не вызвано жизненной необходимостью, так как Союз Писателей включает в себя и поэтов, при чем многие состоят членами того и другого союзов. Надо указать еще на организованный в Москве «Дом Печати», где выступал целый ряд литераторов с докладами на общественные и литературные темы, и на «Дворец Искусств» Наркомпроса, образованный в Москве при близком участии поэта Ивана Рукавишникова и предназначенный, главным образом, для писательских выступлений и систематических курсов по истории и теории литературы и эстетики, регулярно читаемых рядом московских критиков и писателей.

Зимой прошлого года образован был при Наркомпросе Литературный Отдел под руководством Валерия Брюсова, А. Луначарского и В. Фриче. Задачей Литературного Отдела является наблюдение за всей литературной жизнью России, регистрация писательских объединений и помощь им, устройство издательского отдела, деятельность которого, однако, при передаче всех возможностей издания и печа-

тания в Государственное Издательство, не может быть осуществлена.

В настоящее время ЛИТО издается журнал «Художественное Слово» и в секции пролетарских писателей при нем журнал «Кузница».

Таковы внешние проявления писательской жизни за последние три года.

Что касается собственно Москвы, то надо отметить, что с утратой Петербургом своего центрального значения, в ней, главным образом, сосредоточилась писательская жизнь. По данным Московского Союза Писателей в Москве насчитывается более двухсот поэтов, беллетристов и историков литературы и искусства.

Что же делают писатели и существуют ли они попрежнему литературой?

К сожалению, нет. Условия писательской жизни в России еще не таковы, чтобы писательский труд мог обеспечить существование писателей. При условии необычайного сокращения изданий и книгоиздательских возможностей писатели литературой жить не могут. Во всех советских учреждениях Москвы служат писатели, везде выполняют зачастую канцелярскую работу. В прошлом году ТЕО Наркомпроса походил в обычные дни на съезд московских писателей, равным образом и Отдел по Охране Памятников Старины, и Отдел Печати Московского Совета, и Книжная Палата, и множество других учреждений Москвы.

По данным анкеты, произведенной Союзом Писателей, более 90% писателей не живут литературой. В графе запроса: «Ваш литературный заработок прежде и теперь?»— неуклонно стоит ответ: «Прежде сто процентов, теперь иногда четверть, иногда ничего».

Проводимая Госуд. Издательством линия ликвидации частных издательств затронула и писательские объединения, что вряд ли желательно с точки зрения целесообразности и развития литературной деятельности.

Если сравнить степень издаваемости за два прошлые года и за текущий год, то нужно отметить резкое понижение количества изданных книг.

В настоящее время условия задания и печатания таковы, что писатели лишены возможности жить литературным трудом. Писатели служат в советских учреждениях, и если эта служба и приносит пользу учреждениям, то русской литературе пользы никакой, конечно, она не принесет.

Что же издано за последние три года и что издается?

После Октябрьской революции мы видим резкое понижение деятельности издательств приблизительно в течение полугода. Устройство новой жизни, общая неустойчивость не дают возможности вести прежнюю регулярную работу. Писатели разъезжаются, многие перекочевывают на Украину, в Крым, даже за границу. Литерат. жизнь замирает.

Как это ни странно, но уехали из Советской России именно те писатели, которые, казалось, наиболее крепко и прочно были с нею связаны. Это — Иван Бунин, Ив. Шмелев, Алексей Толстой, Евг. Чириков, А. Куприн, Илья Сургучев и др.

Многие из них сейчас во Франции, в Париже, отрывочные слухи об иных говорят об их политической деятельности, но, в общем, что ими сделано и каково их отношение к обновленной русской жизни—нам неизвестно.

Если мы не знаем, что создано этими писателями, то одно для нас все же, несомненно, ясно: уехать писателю, кровно связанному с Россией, в тревожные годы,

когда его страна, его народ в страшных муках и в трагическом раздумии выковывает свою судьбу, — это порвать с Россией кровную органическую связь, видеть ее только в ложном освещении враждебной прессы и не понять уже дальше ни ее исторического пути, ни новой психологии, ни нового быта.

За границей—в Париже, во Владивостоке, в Грузии, в Крыму—сейчас многие и многие русские писатели,—и именно сейчас, когда в Москве и Петербурге идут писательские объединения, судьба их представляется нам трагической по своей оторванности и одиночеству.

По мере устройства новой жизни, однако, начинают оживать и издательства. Если, с одной стороны, им приходится допечатывать начатые издания и заканчивать прежние планы, то, с другой—жизнь ставит перед издательствами новые задачи, духовный голод предъявляет свои требования на литературу общественно-популярную, на учебники, на беллетристику, доступную пониманию широких масс. Создаются новые планы, в первую очередь выдвигается мысль о создании школьных и народных библиотек, об оздоровлении детской литературы, об учете всего имеющегося книжного запаса и об его распределении.

Отделу Печати М. С. приходится, с одной стороны, вести регистрацию всех выходящих изданий (Книжная Палата), с другой—создавать библиографические комиссии, комиссии по разбору книг в муниципализованных книжных складах и магазинах, библиотечные комиссии и создавать особый книжный фонд. И во всех этих начинаниях не мало помогли московские писатели, принесшие с собой любовь к книге, знание и бережное к ней отношение.

Итак, если, с одной стороны, Отдел Печати производит учет всех книжных запасов в Москве, то с другой—начинается усиленная деятельность книгоиздательств.

Книгоиздательство писателей в Москве подготовляет и печатает ряд новых книг по беллетристике и истории литературы и обширную народно-школьную библиотеку. Выходят новые книги М. Гершензона «Мудрость Пушкина», В. Львова-Рогачевского («Поэзия Новой России»), новая книга рассказов Бориса Зайцева «Путники», книги Короленко, Подъячева и множество повторных изданий, при чем планы издательства расширяются и углубляются в деле издания народной и школьной библиотек. В портфеле редакции накапливается до 50 новых книг русских авторов, не считая изданий по указанной народной серии, обновляется и пополняется редакционный коллектив, видоизменяется состав пайщиков в смысле проведения принципа, что пайщиками могут быть только лица, участвующие в книгоиздательстве личным трудом, т.-е. писатели. Книгоиздательство становится единственным чисто писательским кооперативом; группа, составлявшая основное ядро, расширяется, книгоиздательство выходит из рамок чисто бытовых и принимает новые течения, вплоть до символизма. Оно включает в себя новые имена: Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Н. Бродского, П. Сакулина, М. Гершензона (по Отделу Истории Литературы), молодых писателей: Н. Ляшко, Вл. Лидина, Ив. Вольного, Евгения Замятина, Ник. Ашукина и много других.

Серию книг выпускает в свет и подготовляет книгоиздательство М. и С. Сабашниковых. Достаточно указать, что за эти годы необычайных типографских трудностей книгоиздательство выпускает ряд прекрасно изданных книг, не уступающих по внешности книгам прежнего времени.

Выходят в свет из серии «Памятников Мировой Литературы» два тома «Былин» под редакцией М. Сперанского; новое издание Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе Ив. Бунина; Эдда—скандинавский эпос; второй том Еврипида. Из серии «Пушкинской Библиотеки»—«Поэты пушкинской поры», под редакцией Ю. Верховского; автографические издания «Граф Нулин» Пушкина со статьей М. Гершензона; «Слово о полку Игореве», со статьей Н. Сперанского; «Изборник кн. И. Долгорукого», Милюков. Очерки по истории русской культуры, Любавский. История западных славян; печатаются: Греческие лирики, 5-й том Русских Пропилеев, Былины 3-й том, Еврипид, т.т. III—IV, Египетская литература, Лукиан, том II, Нибелунги, Сербская лирика, Песнь о Роланде и подготовлена громадная серия учебников.

Книгоиздательство Альциона выпускает библиотечку Декабристов: Рылеева, Бестужева-Рюмина, Каховского, Муравьева-Апостола, в материалах и воспоминаниях, отдельные произведения Бальзака и Лафорга («Неведомый шедевр» и «Пьерро» с рисунками Бердслея) и печатает ряд монографий и книг современных поэтов.

Книгоиздательство Кнебеля значительно расширяет свой детский отдел, выпускает целый ряд детских книг и продолжает печатание серии монографий о русских художниках: Рябушкин, Венецианов, Сурков, Брюллов и др.

Книгоиздательство Маковского выпускает монографии о Дегазе, письма Ван-Гога со статьями Тугендхольда и его же монографию о Поле Гогэнсе.

Усиленно выпускает в свет ряд книг, главным образом, историко литературных книгоиздательство «Задруга».

В книгоиздательстве В. Пашуканиса выходит ряд современных русских поэтов в полных собраниях: Бальмонт, Андрей Белый, Виктор Гофман.

Молодое книгоиздательство «Творчество» выпускает Верхарна в переводе М. Волошина, книги стихов К. Бальмонта «Перстень», Валерия Брюсова, Владислава Ходасевича «Путем зерна» и печатает два новых детских альманаха для младшего и старшего возрастов и третью книгу альманаха «Творчества» при участии: Бориса Зайцева, А. Ремизова, Евгения Замятина, М. Пришвина, Вл. Лидина, Ивана Новикова и др. Кроме того, издательство издает литературно-художественный журнал «Москва» с прекрасным подбором литературного материала, гравюр на дереве и графики.

Книгоиздательство «Северные Дни» печатает и подготовляет ряд книг современных авторов: Алексея Толстого «Вечера на Молчановке», М. Пришвина «Крест и Цвет», Андрея Соболя «Люди прохожие», Георгия Чулкова, Ивана Новикова и др., а также подготовляет естественно-популярную библиотеку по естествознанию.

Вновь образовавшиеся два писательских кооперативных издательства «Гесперіды» и «Полярная Звезда» насчитывают в своих портфелях около 30 новых книг по беллетристике, поэзии, истории литературы и искусства с числом листов до 400. Новые книги стихов К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Валерия Брюсова, Ю. Балтрушайтиса («Сердце лилии»), книги рассказов Бориса Зайцева (VI т.), Вл. Лидина—«Моря и Горы», Вяч. Иванов.—«Эллинская религия страдающего бога», Ю. Балтрушайтис—«Избранные стихотворения», «Театр Рабиндраната Тагора», «Мудрость в поэзии», «Жертвенное Искусство», Валерий Брюсов—«Книга о Пушкине», Андрей Белый—«Теория Художественного Слова», Игорь Грабарь—«Статьи об искусстве», Вяч. Иванов.—«Поэма о человеке». Евг. Лундберг. Вельфлинг, —«Ренессанс и Барокко», П. Муратов. Критические статьи «Забытые итальянцы», Ив. Новиков—«Ночи и дни», Владислав Ходасевич—«Чужой восторг (переводы и подражания в стихах), Георгий Греков—«Вольная ладья» (рассказы), Г. Шпет—«Философия и толкования», «Герберт. Спенсер», Абрам Эфрос—«Библейская поэзия», Н. Щекотов—«Андрей Рублев», «Очерки древней русской живописи», и пр.

Этим перечнем еще далеко не исчерпывается деятельность московских издательств.

Усиленную издательскую деятельность проявляет Москов. Совет. Помимо издания ряда книг по истории экономических учений, сборника «Октябрьской революции», «Москва в декабре», «На заре рабочего движения в Москве», Москов. Советом издается журнал «Творчество», являющийся одним из лучших по внешности и содержанию журналов, издающихся сейчас в России. Два комплекта за 1918 и 1919 годы и часть номеров за 1920 год свидетельствуют о растущем улучшении журнала в смысле подбора материала и воспроизведения иллюстрации, главным образом, гравюр на дереве и линолеуме и графики. В журнале много места уделено обзору современной литературы, теоретическим статьям о пролетарской поэзии, об отдельных современных авторах.

Перечень журналов, выходивших после Октябрьской революции и до сих пор невелик: издавался при Московском Пролеткульте журнал «Горн», в котором много места уделено статьям о пролетарском творчестве и хронике пролетарской литературы. Издается под редакцией Валерия Брюсова при ЛИТО Наркомпроса журнал. «Художественное Слово», издается при ЛИТО же в секции пролетарских писателей журнал «Кузница», были попытки издания в провинции («Сирена»—Воронеж), довольно богат и значителен по материалу был «Рабочий Мир», издававшийся в Москве при Рабочем Кооперативе, и бледен и совсем незначителен «Пламя» (Петроград), «Художественное Слово», изд. при Отд. по Охране Памятников Старины Наркомпроса с интересным подбором статьей Игоря Грабаря, П. Муратова, Н. Эфроса и др. и «Художественный Труд», изд. Петербургск. Отделом Изобраз. Искусств.

Не лучше обстоит дело и с журналами библиографическими. Не систематически и разрозненно выходили в Петербурге «Книжный Угол», и в Москве «Книжный Мир» при Государственном Издательстве, далеко не исчерпавший всей хроники литературной жизни в России. В настоящее время «Кн. Мир» не выходит и фактич. органом Госиздата является «Книга и Революция».

Одной из примечательнейших попыток Отдела Печати М. С. была попытка создания при книгоиздательстве б. Сытина серии так наз. «Лубочных романов» на революционные и исторические темы (напр., «Декабристы»—Ник. Ашукина, «Ив. Каляев», «Гарибальди» и др.). Попытка эта, к сожалению, по техническим причинам не могла получить осуществления.

К сведениям о работе московских издательств нужно добавить еще об издательствах петербургских, именно: И-ва «Всемирная Литература», под редакцией Максима Горького, выпускающее переводную литературу как классическую, так и современную; Литературно-Издательский Отдел Наркомпроса, выпускавший русских

классиков и ныне поглощенный Государственным Издательством; издательство Петербургского Совета Р. и К. Д.; издательство Гржебина, подготовлявшее и выпустившее ряд воспоминаний о русской революции и мемуаров (Луначарский «Великий переворот», Ник. Суханов «Записки о русской революции», Максим Горький «Воспоминания о Льве Толстом» и др.).

Издательство «Алконост», выпустившее ряд прекрасно изданных книг современных поэтов: Александр Блок—«Соловьиный Сад», «Ямбы», «Песнь Судьбы», «Двенадцать» (одно из примечательнейших произведений, отразивших русскую революцию), Андрей Белый—«Христос Воскрес», «Королевны и Рыцари», статьи его «Революция и культура», журнал «Записки Мечтателей» (№ 1); Вячеслав Иванов—«Младенчество» (стихи) и трагедия «Прометей», Зиновьева-Аннибал—«Ничто» и «Певучий Осел» (посмертные). Надо указать еще на вышедшую третью часть трилогии Мережковского — роман «14 декабря» (серия «Павел I», «Александр I»), драму Луначарского «Фауст и Город», на вторую книгу стихов Анны Ахматовой «Белая Стая», стихи Гумилева «Мик», «Гильгамеш» (Вавилонский эпос) и «Фарфоровый Павильон» (стихи), на книги Александра Блока «Россия и интеллигенция» и «Катилина», на интересный труд В. Маркова «Искусство негров».

К сожалению, в текущем году литературная жизнь сократилась на три четверти, новые книги почти не выходят, издательства фактически прекращают свою деятельность. В предисловии к изданию Государств. Издательства «Книжный Мир» т. В. В. пишет: «У нас некому писать, наши лучшие литературные силы распределены по разным советским учреждениям, где они делают обыденную политическую или бюрократическую работу, или же усланы на фронт». Предварительно т. В. В. описывает процесс поглощения Государств. Издательством бывших издательств В. Ц. И. К. Моск. и Петрог. Советов, Наркомпроса, Р. К. П. и др., при чем оговаривается, что в отношении частных издательств, делающих полезную работу, Государственное Издательство придерживалось благожелательной политики.

К сожалению, практика Государств. Издательства расходится с последним утверждением, а процесс поглощения Государств. Издательств. не был координирован с процессом улучшения писательского быта.

За последний год из литературы художественной и по истории искусств вышло всего лишь десятка полтора книг, из которых стоит отметить изданные Государств. Издательств. монографии о французском графике Валлотоне с очерком А. Сидорова и о художнике парижского пролетариата Стейнлене с очерком тоже Сидорова; монографию А. Ростиславова о Рябушкине в издании И. Кнебеля, трагедию А. Луначарского «Оливер Кромвель» и первый том полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Валерия Брюсова.

Мы не упоминаем об обширной литературе так называемых «Имажинистов», издающих десятками свои книги и сборники стихов, так как это течение не дало пока ничего серьезного.

Следует остановиться на пролетарской литературе. Создание Пролеткультов и объединение пролетарских писателей дало обширную пролетарскую литературу, главным образом, книги стихов.

Московским Пролеткультом были выпущены: «Завод Огнекрылый»—сборник стихов Александровского, Ерошина, Герасимова и Николаева; книги М. Герасимова «Монна Лиза» (поэма), «Завод весенний» (стихи), «Цветы под огнем» (рассказы), «Рабочий поселок», стихи В. Александровского; А. Бибика. «В ночную смену» (драма); журналы «Пролетарская Культура» (вышло 16 книжек), «Гудки», выходящий как орган Всероссийского Совета пролетарских культ.-просв. организаций. Петербургским Пролеткультом издавался и издается журнал «Грядущее» и выпущен ряд книг пролетарских поэтов: Петра Орешина—«Красная Русь», Ильи Садофьева—«Динамо» (стихи), Алексея Гастева—«Поэзия рабочего удара», М. Арского «Песни борьбы и кровь рабочего» (рассказы), «Под красным знаменем»—Самобытника, стихи Вл. Кириллова, Бориса Богомолова, А. Крайского («Улыбки Солнца»), Горемыки (песни) и романы И. Безсалько (ныне умершего) «Бессознательным путем», «Катастрофа», «К жизни», повесть «Детство Кузьки».

В Петербурге же вышли книги стихов: Ал. Богданова, Н. Клюева—«Медный Кит», Бердникова—«Цветы сердца», Ив. Логинова—«Настражье» и др., а также ряд сборников: «Первый сборник пролетарских писателей» с предисловием Максима Горького, «Под знамя правды», «Литературный Альманах», и в Москве в издании В. Ц. И. К. «Пролетарский Сборник».

Достаточно взглянуть на указанный перечень пролетарских книг и журналов, изданных за полуторогодовой срок, чтобы отметить, что накопление литературных ценностей пролетарской культуры шло быстрым темпом.

Мы коснулись только внешнего проявления писательской деятельности, т.-е. изданных книг. Попробуем коснуться и писательской потенции, т.-е.—что же сделано писателями за последние годы, каким они располагают материалом—и были ли эти тяжелые годы накоплением моральных и литературных ценностей, или, наоборот, распылением, отмеченным падением писательской производительности.

Но предварительно нужно коснуться вопроса о писательском быте.

Вопрос об улучшении писательского быта неоднократно дебатировался, были попытки его улучшения, или оставшиеся пожеланием, или отмеченные индивидуальными удовлетворениями, которые, конечно, ни в какой мере не облегчают писательской нужды. Несмотря на то, что в отношении актеров, художников, профессоров сделано чрезвычайно много для улучшения их быта, писательский труд, являющийся трудом чрезвычайно своеобразным и капризным, не поставлен в необходимые для его продуктивности условия.

Писательский быт остается и по наши дни безотрадным зрелищем писательской службы в советских учреждениях, и в др. различных учреждениях, ничего общего с литературой неимеющих. Основным вопросом улучшения писательского быта является обеспечение труда писателя и облегчение условий печатания книг групповым писательским объединением. Иначе будет не преувеличено сказать, что писатели существуют всем, кроме литературы, а при занятиях только литературой—были бы обречены на голодную смерть.

И так, как же отразились эти тяжкие условия внешнего существования на работе писателя? Да, конечно, они отразились, но надо радостно отметить, что эти три года внеш-

них лишений были для русской литературы и годами сосредоточенного внутреннего роста, годами накопления ценностей.

Анкета, произведенная в 1919 году в одной лишь Москве Московским Союзом Писателей, дала необычайную цифру того, что написано писателями, что готово у них к печати и какое количество новых книг они могли бы выпустить. Цифры эти очень приблизительные, ныне устарели, многие из писателей не ответили.

Так, новых книг стихов у поэтов имеется около 30 и около 20 для переиздания, не считая отдельных поэм, драматических произведений, статей и переводов.

По беллетристике около 70 книг для переиздания с числом листов до 1000 и более шестидесяти новых книг с числом листов около 800, при чем, повторяем, это сведения лишь о небольшой части московских писателей, не говоря уже о писателях, живущих в Петербурге, в провинции и разбросанных гражданской войной по всей России.

Любопытно же проследить по этим скудным данным, как отразилась революция на русской литературе. Если в поэзии начало героическое, призывное, приветствующее раскрепощение духа выявилось в полной мере, то художественная проза еще почти не запечатлела черт нового быта и не дала нам новых форм для выявления нового содержания.

В театральном репертуаре мы видим резкий уход от быта к началу мелодраматическому, к героической драме; произведения современных драматургов далеки от действительности, они даны или в историческом плане, или написаны вообще вне времени и эпохи. Новая жизнь еще не дала новых устойчивых форм, и не удивительно, что драматургия устремляется к красочной динамике, фантастике и вымыслу (Черный рыцарь, Долг Рембранта, Ахер—Вл. Волькенштейна, «Михаил Архангел» (новый репертуар 1 студии М. Х. Т.)—Н. Бромлей, «Трагические сказки»—Рукавишникова, детские пьесы Ивана Новикова, Ник. Ашукина и др.—все в соответствии с текущим репертуаром московск. театров: «Принцесса Брамбилла»—Гофмана, Сирано-де-Бержерак—Ростана, Дочь Анго—Лекокка, театр Революционной Сатиры и пр).

О художественной прозе мы имеем сведения лишь статистические, по которым гадать о степени отражения на ней революции трудно. За последние годы не вышло почти ни одной книги художественной прозы, отражающей революцию. И это неудивительно: мы стоим еще слишком вплотную к событиям, чтобы писать о них эпически, сохраняя ту внутреннюю объективность, которая необходима, как стержень всякой художественной прозы.

Но и по кратким данным можно судить о том, что идет накопление литературного материала, если и не запечатлевающего революции буквально, то полного ее предчувствий. Мы разумеем молодую литературу—Евгения Замятина, у которого имеется несколько новых рассказов, Чапыгина, две новых повести Андрея Соболя, Н. Ляшко (ряд рассказов), А. Бибика (новый роман «На черной полосе»), Андрея Белого (повесть «Котик Летаев», «Записки чудака»), А. Терек — роман «Оглашенные», Федора Степуна—автора прекраснейшей книги «Из записок прапорщика-артиллериста — философический роман в письмах», Вл. Лидина (роман «Под звездами»), Бориса Зайцева (новые рассказы) и др. Может-быть, все это еще и не запечатлевает нового быта, но стихия революции, неясное ее предчувствие уже отпечатлелись с несомненностью.

Но еще более богат тот материал, который подготовлен за эти годы историками литературы и искусства.

Подготовлены, издаются и частью изданы ряд монографий о художниках русских и иностранных: Ростиславов—Рябушкин; Тугендхольд — Ван-Гог, Гоген, Марк Шагал (в сотрудничестве с Эфросом); Абрам Эфрос—Венецианов, Павел Кузнецов; Щекотихин—Валлотон; Сидоров—Бердслей, Стейлен; Григорьев—«Рассея»; В. Мальмберг—Венера в античной скульптуре; М. Сергеев—Домье; Машковцев—Козловский; В. Лобанов—Революция 1905 года в русской живописи; В. Фриче—Очерки по истории искусства; П. Перцев—Щукинское собрание и французская живопись; И. Бороздин—Античная культура на юге России; А. Сидоров—Труд и социализм в искусстве. По истории литературы: М. Гершензон—«Мудрость Пушкина», «Русские Пропилеи» (Скрябин) 5 т. «Видения поэта», «Мечта и мысль Тургенева»; В. Львов-Рогачевский—«Поэзия новой России», «Очерки по новейшей русской литературе»; Андреева А.—Ромэн Ролан и Лев Толстой; Евгений Лундберг—«О несовершенстве формы, О Чехове, О Щедрине»; Любовь Гуревич—«Мольер и французский театр XVII века»; Иван Розанов—«Забытые поэты» (антология); Н. Бердяев—«Философия неравенства», «Метафизика истории» (Судьба человека); Вяч. Иванов—«Происхождение трагедии»; И. Н. Бороздин—«Великая французская революция в романе и драме». Бродский—«Потаенная литература»; В. Фриче—«А. И. Герцен»; С. Шамбинаго—«Гоголь», громадный труд М. Лемке—редакция первого полного собрания сочинений Герцена (Государственное Издательство). По истории и истории общественных движений: Вера Фигнер—«Воспоминания»; Д. Шилов—«Воспоминания»; С. Бахрушин—«Строгановы и завоевание Сибири»; Ю. Готье—«Смутное время»; М. Богословский—«Петр Великий»; В. Станишевский—«Казацкие бунты в России» и мн. др.

Буря революции глубоко возмутила воды русской жизни, но они еще не нашли своего русла, не отстоялись; но складывается уже новый быт, который ждет своего изобразителя. Глубокой духовной насыщенностью, укреплением разорванного современного сознания, приятием, в противовес теперешнему беспредметному символизму — символизма предметного, оперирующего не с отвлеченными понятиями и представлениями, а с живыми символами новой жизни—вот знаки, под которыми встает новая русская литература.

В заключение отметим те утраты, которые понесла русская литература.

В 1919 году умер Леонид Андреев, далеко не исчерпав всех возможностей своего большого таланта. Умер, по слухам, в Крыму от тифа беллетрист Иван Шмелев, автор одного из значительнейших произведений в русской литературе—«Человек из ресторана». Умерли академик А. А. Шахматов, известный знаток русского языка, историки литературы—Д. Овсянико-Куликовский, Бороздин и проф. С. А. Венгеров, один из лучших пушкинистов, редактор «Словаря русских писателей» и брокгаузовского издания «Сочинений Пушкина». Умерли молодой беллетрист М. Росляков, автор интереснейших литературных и театральных воспоминаний — Н. В. Давыдов, детская писательница А. В. Стерн (Венкстерн).

Охрана общественной безопасности и революционного порядка.

1. Московская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности (М. Ч. К.).

(Обзор деятельности за время с 1 декабря 1918 г. по 1 ноября 1920 г.).

Московская Чрезвычайная Комиссия (М. Ч. К.) есть создание революционного времени. Власть еще не закрепленная, власть, находящаяся в водовороте политических событий среди беспрерывных заговоров и восстаний, сочла себя вынужденной выдвинуть для самозащиты аппарат, снабженный чрезвычайными полномочиями.

Этот аппарат пролетарской диктатуры на первых порах своей деятельности оказался вынужденным значительно расширить свои функции в виду слабости органов как административных, так и судебных. Среди преступных деяний, отнимавших у чрезвычайной комиссии много сил, мы находим длинный список деяний чисто уголовного свойства—грабежи, убийства, разбои, шантажи, вымогательства и т. п. Московская Чрезвычайная Комиссия в своем отчете за первую половину текущего года так описывает обстановку, среди которой ей пришлось начать свою работу, выводя ее далеко за пределы специальности: «Октябрьской революции пришлось унаследовать массу преступного элемента»,—читаем мы в нем,—«организованный бандитизм, с одной стороны, и никуда негодный по своему составу аппарат борьбы с ними в лице милиции и уголовного розыска. Крики «караул» на улице, в домах и учреждениях, а позднее безмолвное поднимание рук вверх ночью и днем стали бытовым явлением в Москве. Первые же шаги добросовестного расследования обнаружили полный контакт бандитствующих со многими в Уголовном розыске на почве материальных интересов». Необходимы были чрезвычайные меры борьбы с бандитизмом—и тогда в дело вмешалась Московская Чрезвычайная Комиссия.

Цифровой материал о деятельности Комиссии дает полное основание характеризовать весь первый период ее деятельности—с 1 декабря 1918 г. по 1 августа 1919 г.,—как по преимуществу уголовно-розыскной. За период с 1 января по 1 мая из 2391 преступных деяний, бывших на рассмотрении Чрезвычайной Комиссии, 1092 или 47%, т.-е. почти половина, приходилось на долю уголовных дел. За период с 1 мая по 1 августа из 3107 дел уголовных было 1151 или 38%,—и только с августа 1919 г. начинает намечаться крутой поворот в работе Комиссии: число уголовных дел сразу падает до 14% за период с 1 августа по 1 ноября, и до 19% за два последние месяца 1919 г. В 1920 г. процент этот еще ниже—11% за первое полугодие и 16%—за второе.

Вместе с этим начинает намечаться настоящий облик Комиссии, как органа пролетарской диктатуры: число дел по борьбе с контр-революцией, проходящих через М. Ч. К., начинает быстро расти и в абсолютных числах и в относительных: с 429 за первую треть 1919 г. оно поднимается до 1139 за период май—июль; и до 1689 за время с 1 августа по ноябрь. Ноябрьско-декабрьская цифра дает 1207. Соответственные процентные отношения будут: 18% (январь—май); 35% (май—июль), 30% (август—ноябрь); 32% (ноябрь—декабрь).

В 1920 г. особенное внимание уделялось борьбе со спекуляцией. Число спекулятивных случаев, попавших в работу М. Ч. К., в первой половине 1919 г. было еще незначительно, составляя 23% за первую четверть года и 18%,—за вторую, но уже с августа замечается значительный рост этой категории дел: они дают 46% за период август—ноябрь и 35% за два последние месяца. В 1920 г. число спекулятивных преступлений выдвигается на главное место, давая за первое полугодие 75% и за время с июля по ноябрь—64%.

Объяснение этому крупному повороту следует искать в том обстоятельстве, что в пределах г. Москвы, где первоначально М. Ч. К. только и могла проявлять свою деятельность, работали агенты и В. Ч. К., оставляя очень мало материала для М. Ч. К.

Последняя серия преступных деяний, с которыми боролась М. Ч. К.,—должностные преступления.

Надо сознаться, что в этой области дело обстоит довольно неблагоприятно. Каждая революция имеет одну неприглядную, хотя и преходящую, черту: появление на сцену всяких проходимцев, наемных дельцов, авантюристов, просто преступников, примазывающихся к власти с корыстными или иными преступными целями. Вред, причиняемый ими революции, колоссален.; борьба с этим явлением в порядке нормальной судебной репрессии невозможна в виду слабости судебного аппарата и аппарата уголовного розыска. Повелительно требуются чрезвычайные меры, и в той или иной форме они создаются. Поэтому, когда М. Ч. К. взяла на себя функции борьбы с должностными преступлениями, она переняла на себя функции, диктуемые всей обстановкой революционной действительности. При этом надо иметь в виду, что почти все преступления, относимые к категории «спекулянтов» в то же почти время целиком являются преступлениями по должности: спекуляция ныне неразрывно связана с хищениями с советских складов, с неправильными отпусками товаров, с подлогами и т. п.

Общую картину деятельности М. Ч. К. за весь период с 1 декабря 1918 г. по 1 ноября 1920 г. дает нижеследующая таблица.

Борьба с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности в Москве.

1) Борьба с контр-революцией.

а) Раскрыто контр-рев. организаций:

Белогвардейских	22
Правых с.-р.	12
Левых »	14
Меньшевиков	3
Анархистов	1
Подпольн. анархистов	5
Максималистов	2

б) Арестовано за контр-рев. деятельность:

За агитацию	565
» контр-рев.	2622
Царских слуг	44
Охранников	14
К.-Д.	6
Левых с.-р.	196
Правых »	173
Анархистов	432
Подпольн. анархистов	211
Максималистов	96
Монархистов	28
Белогвардейцев	69
Заложников	305
Дезорганизаторов производства	120
За шантаж	141
Переход границ	74
За провокацию и шантаж	44
Итого:	5140

в) Расстреляно за контр-револ.:

За контр-револ	25
Охранников	2
Царских слуг	14
Белогвардейцев	11
Итого:	52

2) Борьба со спекуляцией.

а) Арестовано за спекуляцию	26.692
Из них задержано Сухаревским Подотделом	17.870

б) Конфисковано предметов спекуляции:

Золотой монетой—17.726 руб.
Серебряной монетой—14.103 р. 85 к.
Медной монеты—29 пуд. 21 ф. 23 зол. 53 д.
Кредитными деньгами—28.853.639 р. 80 к.
Фальшивыми деньгами—2.146.414 р. 65 к.
Иностран. кред. денег—1133 шт.
Зол. иностр. монеты—141 шт.
Серебряных мон.—1597 шт.
Метал. мон.—1178 шт.
Драгоценных камней—1940 карат.
Платины—2 карат.
Процент. бумаг. русских—5.649.058 р. 05 к.
Иностран. процент. бумаг—356 листов.
Аннулир. купонов—227.860 р. 79 к.
Золота в слит. и изделиях—9 ф. 39 зол. 41 доля.
Серебра—19 п. 25 ф. 72 зол. 40 д.
Мануфактуры разн.—16.714 1/2 арш.
Металл. изделий—2.791 шт.
Часы карман. золотые—34 шт.
Часы карман. серебряные—26 шт.
Часы карман. металлические—24 шт.
Обуви разной—1709 шт.
Белья—4500
Готов. платья—806 шт.
Кожи—17 пуд. 3/4 ф.
Кож. заготовок—138 пар.
Головных уборов—1190 шт.
Фотографических аппаратов—28 шт.
Бинокляй разных—30 шт.
Телефонных аппаратов—28 шт.
Пишущих маш. разных—26 шт.
Велосипедов—14 шт.
Ножей и ножниц—2852
Вина и спирту—3 бочки и 83 бут.
Суррогату—299 шт.
Сахару—298 п. 3 ф.
Кондитерских изделий.—108 п. 18 ф.
Табаку и папирос—117 п. 11 ф. 246.510 шт.
Муки разной—847 п. 06 ф.
Круп—1077 п.
Хлеба разного—111 п. 31 ф.
Мяса разного—327 п. 26 ф.
Масла растительного—205 п. 26 ф.
Сливочн. русск.—47 п. 11 ф.
Рыбы разн.—127 п. 25 ф.
Чай и кофе—179 п. 20 ф.
Спички, соль, свечи и пр.—917 п. 37 ф. 11.910 шт.
Мыло прост. и туалетн.—250 п.
Парфюмер. разн.—28.582 шт.

г) Расстреляно за спекуляцию 53

3) Борьба с преступлениями по должности.

а) Арестовано:

За саботаж	396
» хищение	1519
» разгул	210
Взяточн. и шантаж	694
Укрывательство	189
Растрата	26
Дезертирство	770
Проч. должностн. преступления	1445
Итого	5249

б) Расстреляно:

За преступл. по должн. и взятки	47
Хищение	8
Дезертирство	47
Злостн. саботаж и порча казенного имущества	2

4) Борьба с другими преступлениями.

а) Арестовано:

За бандитизм	543
» хранен. оружия	218

Покровский концентрационный лагерь.—Переплетно-брошюровочная мастерская.

Покровский концентрационный лагерь.—Кухня.

Фальшифвомонетчиков	111
Подлог документов	765
Разные мошенничества	890
Побег и содействие к побегу	117
Подозрительных лиц	987
Прочие преступления	2166
Итого	2644

б) Расстреляно:

За бандитизм	338
Фальшивомонетчиков	13
За подделку документов	8
» побег	10

5) Меры предупреждения и наказания.

а) Арестовано	42.878
б) Произведено обысков	13.080
в) Заключено в концентрац. лагерь	5.214
г) Прошло через тюрьму	25.008
д) Отправл. на принуд. работы	1.649
е) Расстреляно	578
ж) Освобождено	22.979
з) Оштрафовано лиц	58
на сумму	469.071 р. 53 к.
и) Заключено на разные сроки в тюрьму	30
к) Перечисл. и отправл. в др. учреждения	10.770

Из таблицы видно, что наибольшее число дел, бывших на рассмотрении М. Ч. К., были дела спекулятивные и преступления по должности, давшие 80% всего числа. Уголовные преступления стоят на самом последнем месте, давая всего 7%; несколько выше—13% дают преступления политические.

Более подробную картину движения дел мы видим на нижеследующей таблице, где дается движение дел по разным частям года. Значение этой таблицы было разъяснено выше.

Нерабочего возраста от 55 лет.		
	мужчин	336 2,0%
	женщин	399 3,0 »
Всего	мужчин	7684 56,0 »
	женщин	6093 44,0 »
Из них:		
Холостых		4080 30,0 »
Семейных без детей		4053 30,0 »
Семейных с детьми, судимых		5231 40,0 »
	мужчин	352 2,0 »
	женщин	264 2,0 »
Рабочих:		
	мужчин	954 7,0 »
	женщин	810 6,0 »
Ремесленников:		
	мужчин	588 4,0 »
	женщин	469 4,0 »
Служащих:		
	мужчин	2801 20,0
	женщин	648 4,0
Торговцев:		
	мужчин	891 6,0
	женщин	974 7,0
Без определенных занятий:		
	мужчин	2467 19,0
	женщин	3174 23,0
Из мужчин:		
	красноармейцев	936 7,0
	дезертиров	91 1,0
Освобожденных от военной службы		2083 18,0

Мы видим, что участие в спекуляции принимают оба пола почти в одинаковом пропорциональном отношении, с небольшим перевесом в сторону мужчин. Вопреки распространенному мнению, детская спекуляция незначительна, давая для обоих полов всего 16% общего числа

Название преступных деяний.	1919 г о д.								1920 г о д.			
	С 1 января по 1 мая.		С 1 мая по 1 августа.		С 1 августа по 1 ноября.		С 1 ноября по 31 декабря.		С 1 января по 1 июля.		С 1 июля по 1 ноября.	
	Всего.	% к общему числу.	Всего.	% к общему числу.	Всего.	% к общему числу.	Всего.	% к общему числу.	Всего.	% к общему числу.	Всего.	% к общему числу.
1. Контр-революцион. движение	429	18%	1139	35%	1689	30%	1207	32%	870	4%	1240	10%
2. Преступления должностные и спекуляция	870	35%	817	27%	3136	56%	1808	49%	14245	85%	8891	74%
3. Уголовные преступления	1092	47%	1151	38%	755	14%	677	19%	2661	11%	1981	16%
Всего	2391	100%	3107	100%	5621	100%	3692	100%	17776	100%	12115	100%

Любопытно отметить здесь социальный состав уличенных в спекуляции. По данным за период с 1 октября 1919 г. по 1 июня 1920 г. было задержано:

Несовершеннолетних до 17 лет.		
	мужчин	1463 11,0%
	женщин	770 5,0 »
Рабочие возраста от 18 до 55 лет.		
	мужчин	5865 43,0 »
	женщин	4924 36,0 »

задержанных спекулянтов, при чем мальчиков оказывается более, чем девочек.

Самый значительный контингент спекулянтов приходится на рабочий возраст — 80%. По семейному положению более всего спекулируют семьи, имеющие детей, слабее всего—холостые.

Лиц с уголовным прошлым очень немного—всего 4%.

По социальному положению сильнее всего представлена группа без определенных занятий (24%) и служа-

щих (24%). Рабочие и торговцы дают по одинаковому проценту (15%). Менее всего ремесленников. И эти цифры глубоко поучительны, ярко обрисовывая социальные причины спекуляции.

Наконец, по отношению к отбыванию воинской повинности, красноармейцы дают 9%, а дезертиры—1%. Итак, падает легенда, что красноармеец и дезертир являются главными поставщиками спекулятивного рынка.

В заключение несколько слов об организации М. Ч. К.

Первоначально М. Ч. К. являлась органом чисто городским, ограничиваясь территориально одною Москвой. Она распадалась на отделы:

1. Общий, состоящий из: а) Президиума; б) особой группы при Президиуме; в) комендатуры; г) тюремного подотдела, д) Бутырской тюрьмы; е) объединенного гаража; ж) фотографии и з) коммутатора.
2. Регистрационно-справочный и статистический отдел.
3. Особый отдел.
4. Спекулятивный.
5. Отдел по борьбе с контр-революцией.
6. Политбюро.
7. Хозяйственный Отдел.
8. Уголовный отдел.

В этом своем виде без сколько-нибудь серьезных изменений она и просуществовала до июня 1920 г., когда последовало слияние М. Ч. К. с Г. Ч. К. При этом слиянии был окончательно расформирован Уголовный Отдел и организованы Юридическое Бюро и Информационное Бюро.

2. Управление милиции.

Учреждение, подвергшееся после февральской революции наибольшей ломке, было старое полицейское управление. Самое его название было настолько ненавистно народному сознанию, так много отвратительного с ним ассоциировалось, что его пришлось сразу же сдать в архив и выдвинуть на его место новый орган с новым названием—милиция, и укомплектовать его свежим составом сотрудников. Новый орган функционировал в общем очень плохо: штат сотрудников был не на высоте заданий и не мог выполнять своих обязанностей в сколько-нибудь удовлетворительной форме.

Октябрьская революция разрушила и этот малодеятельный аппарат. Вот как описывается положение вещей в официальном отчете.

«Пролетарская, рабоче-крестьянская революция застает бывший комиссариат Московского Градоначальства в хаотическом состоянии. Само здание Градоначальства, находившееся по Тверскому бульвару, д. 22, подверглось обстрелу. Служащие бывшего градоначальства покинули помещение, и в большинстве враждебно настроенные к Советской власти, уходя, уничтожали дела или приводили их в беспорядок. Инвентарь, как-то: шкафы, стулья, столы, пишущие машины,—все это было сломано или попорчено».

Новое строительство пошло первоначально опытным путем. Был создан центр, получивший название «Совет Московской Народной Милиции», из представителей секции милиции и районных революционных комитетов, по четыре от каждого органа. Председателем явился назначаемый Президиумом Московского Совета комиссар по гражданской части гор. Москвы.

Помимо Совета милиции, существовало 44 милицейских комиссариата, распыленных между одиннадцатью административными отделами районных советов. Связь центра с этими органами была очень слабая, тем более, что районные советы проявили некоторый сепаратизм и с неудовольствием относились к органу, стоявшему вне их и обнаруживавшему, наоборот, сильные централистские стремления. Под давлением районных советов в апреле 1918 г. Совет милиции был упразднен. Вместо него при каждом районном совдепе был образован местный административный отдел, которому и подчинялись местные комиссариаты. В свою очередь, районные отделы были подотчетны административному отделу Московского Совета.

Последствием этой реформы было сильнейшее распыление административного управления: центра не слушались, районные совдепы издавали приказы, часто противоречившие постановлениям центра, а приказы последнего, если и проводились в жизнь, то с большим опозданием и с сильными отступлениями. В результате создался административный хаос со всеми неизбежно проистекающими из него вредными последствиями. Вся обстановка требовала создания единого руководящего центра, и он появился 17 января 1920 г. в виде отдела управления, в составе которого появилось Управление Московской Советской рабоче-крестьянской милиции. Одновременно были упразднены все районные административные отделы, милиция изъята из ведения районных советов, и таким образом вновь созданный орган стал действительно центральным для всей Москвы.

В милицейском отношении Москва разделена на шесть районов, территориально не совпадающих с районными советами, и на 44 отделения, распределенные между районами. Немного позже, в июле с. г., произошло дальнейшее подразделение отделений на участки, во главе которых поставлены участковые надзиратели.

В результате этой реформы милицейский аппарат стал сильным и вместе с тем эластичным орудием управления, позволяющим быстро и однообразно осуществлять на всей территории Москвы определенные задания власти.

Для подготовки кадра комсостава милиционеров, знающих свое дело, в мае с. г. открыты курсы по подготовке комсостава, на которые поступают наиболее развитые милиционеры.

Для подготовки милиционеров в августе с. г. организованы школы по районам, посещение которых обязательно. Кроме того, среди них ведется энергичная культурно-просветительная пропаганда.

В результате всех этих мер Москва располагает хорошим милицейским аппаратом, вполне удовлетворительно справляющимся со своими обязанностями.

3. Управление уголовного розыска.

Управление уголовного розыска есть естественный наследник уголовной сыскной полиции, созданной в Москве еще в 1881 году. После февральской революции прежнее название было заменено новым — Уголовно-розыскная милиция. Этот орган существовал и после Октябрьской революции до мая 1918 г. Организация и почти весь состав сотрудников оставались прежние. В мае уголовно-розыскное дело было включено в круг ведения административного отдела Московского Совета, где был создан для

этой цели уголовно-розыскной подотдел. Компетенция отдела осталась прежнею — борьба с уголовными преступлениями, но организация стала иною.

Уголовно-розыскной подотдел есть орган, имеющий разветвления по всей Москве. Центральный аппарат состоял в момент его образования из двух главных частей: административное управление и активный розыск. В ведении административного управления находилась: канцелярия, отчетность, хозяйственная часть. Органами активного розыска являются 12 инспекторских отделений, особая группа, питомник собак и боевая дружина.

Инспекторские отделения, числом 10, разбросаны по Москве и состоят из инспекторов, субинспекторов и агентов в среднем по 30 человек на отделение.

Кроме того, было образовано особое многороднее отделение, для борьбы с преступным элементом вне Москвы и железнодорожное отделение, для борьбы с преступлениями на вокзалах и близ железных дорог.

1918 год характеризуется сильным ростом преступности. Всего поступило в Управление уголовного розыска заявлений 13.082, тогда как средняя преступность в Москве за предреволюционный период колеблется около 4 тысяч случаев в год.

По отдельным видам преступных явлений заявления распределились следующим образом:

Краж	11.036
Грабежей простых	421
Грабежей вооруженных	570
Покушений на убийство	16
Убийств	148
Присвоений и растрат	436
Мошенничеств, подлогов и вымогательств.	454

Приведенные цифры говорят о сильном росте наиболее тяжких видов преступлений, грабежей и убийств. В течение года их число было равно 1155. В процентном отношении ко всей массе преступлений это дает около 9%. В отношении ко всему населению Москвы—0,7%. В дореволюционный период число преступных случаев этого рода колебалось от 60—70 в год. В отношении к числу всех преступных случаев это дает менее 2%, а в отношении к населению 0,005%.

Вообще же картина роста преступных случаев по всем отдельным вышеприведенным видам такова:

Название преступных случаев.	Число случаев в 1914 г.	% по отношению к населению Москвы.	Число случаев в 1918 г.	% отношения к населению Москвы.	% отношения к числу случаев в 1914 г.
1. Кражи. . . .	3507	0,2	11036	0,7	315
2. Грабежи вооруженные. . . .	2	0,00001	570	0,03	28500
3. Грабежи простые.	49	0,0003	421	0,02	800
4. Покушения на убийства. . . .	1	0,00001	16	0,0009	1600
5. Убийства. . . .	14	0,0001	148	0,01	1060
6. Присвоения и растраты. . . .	281	0,002	436	0,02	170
7. Мошенничества и растраты . .	123	0,001	454	0,02	370

Таблица показывает невероятный рост преступности, выражающийся по некоторым видам в десятках тысяч процентов.

Уголовно-розыскная деятельность не оказалась в этот острый период на высоте заданий. Из 13.082 совершенных преступлений было раскрыто всего 4001, т.-е. 31%. Сумма похищенного оценивалась в 80.476.616 руб., а разыскано было только на 14.874.903 рубля, т.-е. 18%.

Объясняется это обстоятельство невысоким качественным уровнем розыскных агентов, при чем нередко служебный персонал управления находился в тесном контакте с преступным элементом. Вот что по этому поводу находим мы в официальном отчете за 1919 год: «на каждом шагу приходилось наталкиваться на преступную небрежность. Допросы обвиняемых и свидетелей производились без всякой последовательности. Дознания велись на клочках бумаги; вещественные доказательства без описи и опечатания хранились значительное время по инспекторским отделениям и нередко даже на руках у сотрудников. Важные дела, по которым обвиняемым грозила высшая мера наказания, велись недопустимо: нельзя было видеть ни основания, ни ордера, ни других соответствующих документов. Без контроля со стороны администрации инспектора по своему усмотрению вели дела с расчетом получить личную выгоду. Установлено, что нередко важные дела, подлежащие передаче Ревтрибуналу и другим высшим инстанциям, уловками инспекторов, как маловажные, передавались народным судьям».

Была произведена основательная фильтровка служебного персонала: за 1919 год уволено по взысканию 93 человека, арестовано 14 и понесли наказание в административном порядке 74 чел. Чистка эта дала благоприятные результаты уже в 1919 г. В этот год замечается сокращение числа преступных случаев. Всего их за год насчитывается 10.512, т.-е. по сравнению с 1918 г. замечается падение на 20%.

По отдельным видам преступные случаи в 1919 г. распределились так:

Название преступных случаев.	Общее число.	% отношения ко всему числу случаев.
Кражи.	9402	9,0
Грабежи простые	73	0,7
Грабежи вооруженные	252	2,0
Покушения на убийство	14	0,1
Убийства	125	1,0
Присвоения и растраты.	216	2,0
Спекуляция	34	0,3
Мошенничество, подлоги и вымогательство	276	2,0
Подделка денежных знаков	28	0,2
Разные происшествия.	91	0,8

Мы видим, что по сравнению с 1918 г. замечается значительное падение числа тягчайших преступлений, уменьшение наблюдается и в абсолютных цифрах и в относительных; вместо 9% за 1918 г. в 1919 г. они дают всего около 4%. Значительно увеличился процент раскрытых преступлений, достигнувши 47%. Ценность разысканного имущества поднялась до 48% похищенного. Тем не менее, по словам официального отчета, работа розыскного аппарата все еще была плоха: она все еще велась без определенной системы и почти бесконтрольно; допросы обвиняемых производились без всякой последовательности. Инспектора отделений по своему усмотрению вели дела и вели их плохо.

Конец 1919 г. ушел на энергичную организационную работу: специалистами была выработана инструкция, кото-

рая строго определяла, как функции всех вспомогательных учреждений, так и все детали по делопроизводству, следствию, розыску, содержанию обвиняемых и пр.

В 1920 г. была произведена существенная реорганизация Управления Уголовного Розыска. 1 апреля 1920 г. был издан приказ по Управлению Советской Рабоче-Крестьянской милиции о разбитии территории Москвы в милиционном отношении на шесть районов. В связи с этим были перегруппированы и инспекторские отделения Управления: вместо 10 было образовано 6. Для работ вне города с собаками-ищейками осталось отдельное седьмое иногородное отделение и, наконец, сохранилось железнодорожное отделение.

Кроме этих отделений при Управлении имеется:

а) стол привода и регистрации преступников; при нем дактилоскопия и антропометрия; б) фотография для фотографирования преступников; в) общая канцелярия и г) боевая дружина.

Летом 1920 г. произошло значительное расширение сферы деятельности Управления. В виду слияния Московского Губернского Совета с Московским Советом губрозыск со всем делопроизводством и личным составом перешел в распоряжение Управления.

Работа по подбору добросовестных и знающих агентов и инспекторов продолжалась, равно как продолжалась чистка служебного персонала от нежелательных элементов. За первую половину 1920 г. было уволено в административном порядке 39 человек, по собственному желанию 34 человека и вновь принято 120 сотрудников.

Результаты всех этих мер уже успели сказаться очень ощутительно. Вот интересная табличка, сопоставляющая данные за 1918 и 1920 гг. за первую четверть года:

Название месяцев.	Поступило заявлений.		Раскрыто.		% раскрытых преступлений.	
	1918 г.	1920 г.	1918 г.	1920 г.	1918 г.	1920 г.
Январь	634	862	254	393	37	46
Февраль	492	731	145	342	29,5	47
Март	730	892	230	449	31,5	50

В июне число раскрытых преступлений поднялось до 58%, при чем по железнодорожному отделу оно равно 100%. Вообще же за третью четверть года число раскрытых преступлений возросло до 57%. Любопытно проследить изменение в составе преступных случаев.

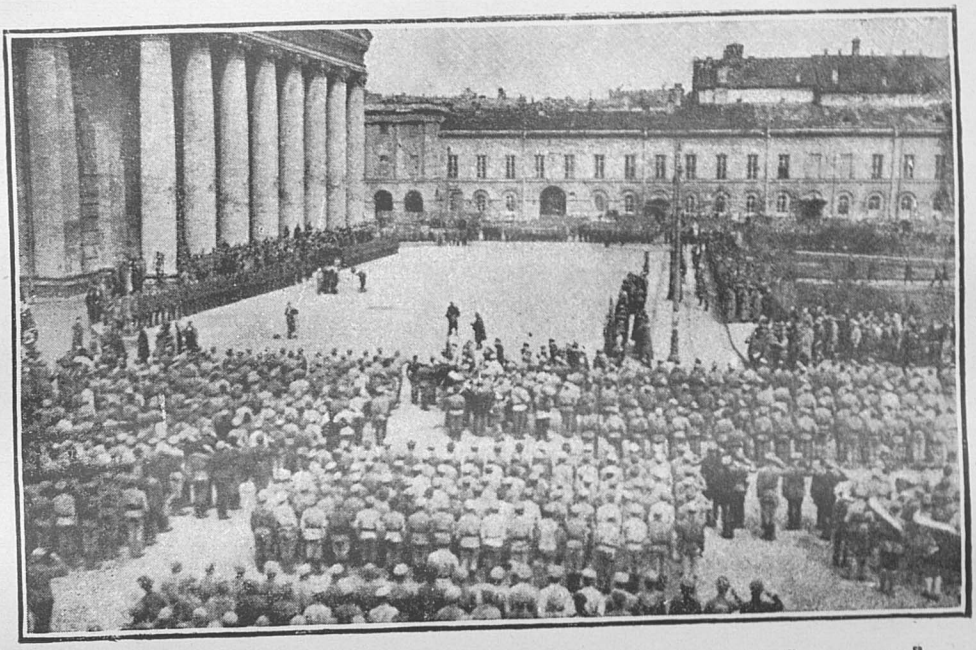
Из приводимой выше таблицы видно, что в абсолютных числах число тяжких преступлений падает, но в относительных числах картина соотношения различных преступных случаев остается довольно постоянной.

Название преступных случаев.	1920 год. 1 четверть. Всего.	1 четверть. % ко всему числу п. с угол.	2 четверть. Всего.	2 четверть. % отношения ко всему числу.	3 четверть. Всего.	3 четверть. % отношения.
Кража	2238	90	2632	88,0	2458	90,0
Грабежи простые	7	0,03	5	0,2	16	0,7
Грабежи вооруженные	64	3,0	49	2,0	30	1,0
Покушение на убийство	1	0,03	6	0,2	6	0,2
Убийство	25	1,0	24	1,0	16	0,7
Присвоение и растрата	41	2,0	35	1,0	29	1,0
Спекуляция	22	0,9	58	2,0	44	2,0
Мошенничество, подлог, вымогательство	59	2,0	75	3,0	61	2,0
Подделка денежных знаков	9	0,04	15	0,6	15	0,7
Прочие	19	0,1	55	2,0	92	4,0
Итого	2485	100	2954	100	2767	100

Любопытно отметить, что наибольшее число преступлений совершают взрослые мужчины, потом идут женщины, мальчики и, наконец, девочки. Так, за первую половину 1920 г. мужчин было зарегистрировано 9954 человека, женщин—2795, мальчиков—2771 и девочек—356.

Не менее интересны и сведения о прежней судимости обвиняемых: рецидивистов оказалось 1879 человек, а впервые попавшихся—13.937 человек. Таким образом, подтверждается старая истина о прямой связи числа преступлений с экономическими условиями жизни: чем последние тяжелее, тем выше преступность, и среди преступлений наибольший процент дают кражи.

Вспомогательным органом для активного розыска в особенности при обходах, облавах, засадах, в целях изловления бандитов, служит боевая дружина. С момента Октябрьской революции до марта 1918 г. Управление Уголовного Розыска не располагало собственными вооруженными силами и в необходимых случаях обращалось к услугам конной милиции, что было связано с рядом неудобств и сильно замедляло розыскную работу. В марте 1918 г. Совет милиции сформировал при Управлении охранную команду в составе 45 милиционеров, 15 конвойных милиционеров и 14 матросов балтийского флота. Но этот смешанный отряд оказался мало пригодным для работы и скоро был заменен боевою дружиною. Однако, окончательную структуру боевая дружина получила в конце 1919 г. К этому времени она была слита с караульной командой при петровских казармах и получила название 1 особого Московского Оперативного милиционного батальона. Батальон этот, по общему отзыву, превосходно дисциплинирован и возлагаемые на него задачи выполняет блестяще.

Парад войскам Московск. гарнизона.—Гарнизон приветствует английских гостей.

Парад войскам Московск. гарнизона 5/V 20.

Революционная Москва в военном отношении.

После нескольких дней борьбы, в конце октября 1917 г. революционные войска одержали победу.

Вся власть в Москве перешла к Советам.

Давшая победу пролетариату и осуществившая возможность социалистического строительства, Октябрьская революция поставила Россию лицом к лицу с новыми задачами в зависимости от той обстановки, при которой пролетариат взял власть в свои руки.

Задачи эти—ликвидация войны и организация мирного труда—не могли быть осуществлены только одной волей пролетариата, наоборот, обстановка складывалась так, что приступать к решению их было преждевременно.

Прежде, чем их решать, надо было обеспечить завоевания революции: сдержать натиск немцев, наступавших после Брестского мира, и ликвидировать деморализованную старую армию. Осуществление этих задач легло на боевые авангарды пролетариата—на рабочих-добровольцев и партизанские отряды Красной Гвардии Москвы и Петрограда.

Перестраивать военный аппарат было некогда, надо было применить к задачам момента уже существовавший аппарат.

Во исполнение этой задачи член Солдатской Секции М. С. Р. и С. Д. и член В.-Р. К. Н. П. Муралов Московским Советом был назначен командующим войсками М. В. О. и утвержден в этой должности Совнаркомом.

Окружные Управления были оставлены в прежнем виде, но к начальникам их были назначены политические комиссары; состав Окружных Управлений был также пополнен партийными работниками.

Для решения важных вопросов был образован Малый Штаб, в составе командующего войсками, 2 его помощников, начальника штаба, генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Это были—*партийные товарищи:* Н. П. Муралов—команд., А. А. Бурдуков—его помощник, А. Я. Аросев—2-й помощ., А. Н. Владимирский—начальник штаба, Э. В. Рожен-Андреев—генерал-квартир. и дежурный генерал Б. А. Прозоров.

В таком виде органы Военного Управления Москвы просуществовали до начала марта 1918 г., выполняя тяжелую задачу организации добровольческих отрядов и отрядов Красной Гвардии и распределения их туда, куда требовала обстановка, а также ликвидации старой армии, части (управления и учреждения) которой стихийно стремились в Москву.

В целях планомерного создания новой социалистической армии, распоряжением президиума Совета Области Чрезвычайный Штаб и Штаб Красной Гвардии упразднены и создан Областной Комиссариат по военным делам на следующих началах: руководящим органом явилась Малая Коллегия из 3 лиц, избираемая президиумом Советов Области, а органом исполнительным явилась Большая Коллегия, в составе членов Малой Коллегии и Коллегий Отделов Комиссариата, в числе 10. В числе отделов был сформирован отдел г. Москвы, получивший наименование Военного Комиссариата г. Москвы. Членами Малой Коллегии избраны и утверждены тт. Муралов, Ярославский и Полянский. Им было присвоено наименование народных комиссаров по военным делам Московской Области. Членами Отдела г. Москвы были избраны и утверждены тт. Пече, Березин и Упоров. В этой реформе проведен взгляд, что органы Военного Управления являются военными Отделами Советов: Областной В. К.—Областного Совета, Горвоенком—Совета г. Москвы, по той же схеме были организованы в г. Москве Районные Военные Комиссариаты в числе 17, впоследствии (по слиянии некоторых)—в числе 13.

В таком виде Областной Комиссариат существовал до издания декрета от 8 апреля 1918 г. об Окружных, Губернских, Уездных и Волостных Комиссариатах и дополнительных приказов Наркомвоен об организации Окружных Управлений и Окружного Комиссариата, когда и было приступлено к созданию новых и реорганизаций старых Управлений.

В половине мая тт. Муралов и Ярославский были назначены военными комиссарами Московского Окружного Комиссариата по военным делам; с начала июня начали функционировать все Окружные Управления, в числе их Окружной Штаб; наконец, с начала июля начало функционировать Окружное Совещание.

Этими реформами положено начало ликвидации импровизаций в создании органов военного Управления.

12 октября Комендантское Управление было изъято из Комиссариата г. Москвы и подчинено непосредственно окружному комиссару.

Задачей военных органов явилась ликвидация старой армии и создание новой. Момент был чрезвычайно трудный: приходилось творить при совершенно новых условиях, сплачивать революционные ряды, ставить себе задачи в обстановке полного разложения старой армии, в атмосфере падения дисциплины в частях, прибывающих с фронта.

Надо было создать армию воспитанием и пропагандой идеи добровольчества.

В марте приступлено к увольнению всех военнослужащих запасных частей г. Москвы, и одновременно

районным Комиссариатам приказано приступить к формированию новых советских частей на добровольческих началах.

В марте 1918 г. в г. Москве находилось несколько частей, вернее отрядов, в составе от 10 до 710 человек, общей силой 1459 ч., но в течение марта было приступлено к интенсивному формированию. Было сформировано 38 пехотных, 5 кавалерийских, 7 артиллерийских и 7 прочих отрядов, общей численностью около 4000 человек. Кроме того, было отправлено мелкими партиями еще до 2000, всего около 6000 человек. К началу мая гарнизон Москвы уже состоял из 15.000 человек.

Период апрель—май ознаменовался разоружением (зачастую с применением оружия) многих воинских команд старой армии, прибывающих с фронта в состоянии полного разложения. В ночь на 11 апреля было произведено разоружение анархистов, при чем остатки отрядов их ликвидировались до 3 мая.

23 мая Ц. И. К. сделано постановление о принудительном наборе в Красную армию рабочих и беднейших крестьян. Так положено начало перехода от добровольческого принципа комплектования к принципу обязательной воинской повинности. 1 июня была образована Окружная Комиссия по мобилизации, работавшая до 31 июля, и было приступлено к проведению мобилизаций. 1-я мобилизация была проведена с 21 по 30 июня, и по ней были призваны рабочие, родившиеся в 1896—1897 гг. Комплектование командного состава на добровольческих началах длилось несколько дольше, но, в виду большого требования его, была объявлена мобилизация командного состава с 17 по 19 августа. В то же время была произведена регистрация его, при чем в г. Москве зарегистрировано было 13.000 чел.

Ясно, конечно, что всякая мобилизация является проблематичной, если она не основывается на данных учета, а именно, этих данных и не было, поэтому В. К. г. Москвы произвел учет, давший к 15 июня 57.579 ч., а к 15 декабря 131.223 чел. Эта инициатива была особенно важна в том отношении, что, хотя декретом Совнаркома 29 июля и был установлен учет, но только 3 октября Советом Всероглавштаба было разослано «временное руководство по учету военнообязанных», и таковой был фактически произведен к 1 апреля 1919 г.

С объявлением мобилизаций приток красноармейцев естественно сильно увеличился, и формирования стали осуществляться гораздо легче.

7 июля последовало контр-революционное выступление левых эс-эров, которое было ликвидировано Окружным Комиссариатом, при чем была применена артиллерия. С начала июня, по сформировании Штаба Округа, одной из задач формирования было сведение мелких отрядов в крупные, в частности, в Москве было приступлено к формированию одной пехотной, одной кавалерийской дивизий, инженерного батальона, артиллерийской бригады и конно-артиллерийского дивизиона, но до конца сентября формирования носили не систематический характер.

В конце сентября месяца, в связи с изданием приказа Р. В. С. Р. № 4, было приступлено в Округе к формированию 4 пехотных дивизий и одной кавалерийской. Во исполнение означенного приказа на Москву легла задача сформировать 10-й стр. полк 2-й дивизии и 3 полка Западной дивизии, а также продолжать формирование кавалерийской дивизии. Особенность этих формирований—включение в состав дивизий запасных батальонов, положивших начало развитию запасных частей в Округе.

Одновременно с этими формированиями было приступлено к созданию милиционной армии из лиц, проходящих всеобщее военное обучение, число их в Москве было до 100 тысяч. Были созданы 35 кадров резервных рабочих полков, часть их были развернуты и отправлены на фронт, например, 5 полков, образовавших 1-ю московскую рабочую дивизию, ныне 13-ю стрелковую дивизию, 4-ю Особую Интернациональную дивизию. Кроме того, 7 кадров были отправлены в состав 3-й Интердивизии. На тех же началах были созданы 1-й легкий дивизион, 1-я легкая батарея, 1-й мортирный дивизион и 1-я тяжелая батарея; все они вошли в состав вышеуказанной дивизии.

В конце ноября было приступлено к сведению отдельных рот и команд в караульные батальоны. Первоначально было сформировано 13. Вышеприведенные данные указывают на ту титаническую работу, которую пришлось выполнить с целью постепенного перехода от импровизации к организации вооруженной силы в г. Москве.

Не менее колоссальную работу пришлось выполнить по снабжению как гарнизона Москвы, так и формирующихся и проходящих частей различными видами довольствия. Работу эту выполнял Отдел Снабжения Комиссариата, при чем к ней надо добавить работу по приему имущества от демобилизуемых частей и учреждений старой армии.

Как указано выше, переживаемый момент заставил первоначально применять к новым факторам жизни старый аппарат, затем применять импровизацию и, наконец, перейти к организации; но эта организация, хотя и основанная на революционном творчестве, все же базируется, главным образом, на всем хорошем, что было можно почерпнуть из опыта организации до-революционной.

Нечто новое, построенное на началах чисто революционных, введено декретом Совнаркома от 22 апреля 1918 г. — всеобщее военное обучение трудящихся, с целью перехода к милиционной системе. Во исполнение этого декрета при Окр. В. К. в половине мая 1918 г. было сформировано Бюро Всеобщего Военного Обучения, которое и приняло дела расформированных отделов Комиссариата: пехотного, пулеметного, артиллерийского и инженерного, и приступлено к учету населения и подготовительным работам к 1-му Съезду Всевобуча, состоявшемуся 5 июня 1918 г. 1 сентября последовало утверждение штатов местных органов Всевобуча, при чем в начале октября был сформирован Окружной Отдел, а в конце декабря — Учебный Отдел Горвоенкома. Еще ранее этого формирования функция его выполнялась Моботделом Комиссариата. Отдел приступил, как указано выше, к формированию рабочих частей из числа проходящих обучение, и в сентябре месяце их было до 100.000.

Чтобы закончить очерк деятельности органов Военного Управления в г. Москве 1918 г., надо коснуться отрасли деятельности, которая была в пренебрежении

в дореволюционное время—развития культурной деятельности среди вновь созданных войск. Для выполнения этой задачи был создан Организационно-Информационный Отдел.

Подводя итоги деятельности 1918 г., можно сказать, что этот год был периодом разрушения старого и организации нового, главным образом, путем импровизации. Совершенно иной характер носит деятельность в 1919 г. Уже в конце 1918 г. была создана комиссия при Высшей Военной Инспекции для создания положения и штатов Военных Комиссариатов. Работа эта вылилась в приказ Р. В. С. Р. № 106, но на Горвоенком он отразился слабо, и только в ноябре, как указано выше, был утвержден штат Горвоенкомата. В период с января по март при Мобупре была создана комиссия по выработке положения и штата Окружного Комиссариата, но результат этих работ был воплощен в жизнь только в декабре месяце. Таким образом, деятельность 1919 г. явилась преимущественно организационной.

В конце марта было сформировано Управление Запасных войск, так как запасные батальоны изъяты из дивизий.

В половине марта сформирована Окружная Комиссия по борьбе с дезертирством.

В половине апреля Управление Делами Комиссариата упразднено и влито в Штаб Округа. Агитационно-Просветительный Отдел переформирован в Политическо-Просветительное Управление. 12 апреля Комендантское Управление расширено, и объявлено положение о нем.

29 июня Окружное Квартирное Управление влилось в Окружное Инженерное.

В августе запасные батальоны переформировались в полки. В конце сентября, в связи с наступлением Деникина, был образован Московский Сектор Обороны, упраздненный в конце ноября, при чем на Окружный Комиссариат возложена задача превращения Москвы с ближайшими окрестностями, радиусом в 30—40 верст, в укрепленный район. Одновременно с этим мероприятием полевого командования для непосредственной обороны г. Москвы был образован Комитет Обороны, в составе тт. *Каменева, Дзержинского* и *Загорского* (после убийства последнего, при взрыве 22 сентября, был назначен т. *Мясников)* и при нем Оперативный Штаб в составе тт. *Волобуева, Бурдукова* и *Мясникова.* На случай фактического осуществления обороны командующим всеми вооруженными силами был назначен т. *Мясников.* По распоряжению Штаба был учтен гарнизон г. Москвы, приведен в боевой порядок и выработан план обороны. Штаб был расформирован в начале декабря.

Деятельность органов военного управления в г. Москве была продолжением деятельности 1918 года. К 1 апреля был закончен учет военнообязанных, давший 121.376 и с этого времени учетные сведения стали доставляться в Штаб Округа ежемесячно: к 1 января 1920 г. состояло 67.173 чел.

В начале июня было приступлено к учету лошадей, что дало общую цифру 15.965.

В половине июля была образована закупочная комиссия, закупившая 990 лошадей.

В течение года, по инициативе Горвоенкомата, был произведен неоднократно переучет и переосвидетельствование военно-обязанных: в марте 11.000, в июне—августе—всех получивших освобождение, при чем признаны годными 9920 ч., негодными 17.199 ч. и получили отсрочки 6034 ч., наконец, в конце сентября был произведен поверочный сбор, закончившийся в 1920 году и давший 9426 годных, 11.188 негодных и 4125 получивших отсрочки.

В течение года по заданиям Мобупра был произведен ряд мобилизаций.

Выполнения нарядов на разного рода формирования производились исключительно по заданиям Штаокра и носили менее интенсивный характер, так как пополнения посылались почти исключительно из запасных частей и, с другой стороны, формирования велись, главным образом, непосредственно Штабом Округа. Однако, неудачи на фронте вызывали взрыв энтузиазма, и тогда приступали к формированию добровольческих частей, и в этом отношении Москва всегда вносила свою лепту.

Деятельность отдела снабжения все время совершенствовалась и в течение года получила характер автоматический, что было особенно ценно, так как количество едоков, как будет указано ниже, было весьма велико, источники же снабжения, в связи с общим продовольственным кризисом, были далеко не надежны.

В отношении деятельности Всевобуча необходимо указать, что Учебный отдел Комиссариата 15 февраля переименован в Отдел Всевобуча, при чем в начале года продолжалось формирование рабочих резервных полков, которые, как указано выше, частью отправлены на фронт, частью были расформированы, так как в связи с новыми заданиями Центрального Управления было начато формирование территориальных полков. 12 июня приступлено к созданию 1-го территориального полка и его школ. К концу года число этих полков было доведено до трех. Не меньше внимания было уделено организации спорта и допризывной подготовке: оборудовано 7 военно-спортивных площадок, приобретен гимнастический и спортивный инвентарь и зарегистрировано до 13.000 допризывников, с которыми велись регулярные занятия 2 раза в неделю по 2 часа.

В отношении культурно-просветительной деятельности конец 1918 года ознаменовался окончанием организационной работы. 1919 г. поставил задачу по укреплению созданных органов направлением работы не в ширь по пути организации, а в глубь, увеличивая интенсивность и самодеятельность самих красноармейских масс. Применение этих новых методов работы облегчилось упразднением политического подотдела и передачей Организационно-Агитационного Отделения в Московский Комитет Р. К. П., то-есть выделением политической работы из ведения отдела. В половине апреля был выработан план работы и методы ее, и были точно определены виды культурно-просветительной деятельности.

Переходя к обзору деятельности в 1920 году, необходимо отметить, что она протекала в условиях более нормальных, чем в предыдущие годы. Причина этого ясна—отсутствие импровизации, жизнь регулируется нормами, точно установленными штатами и положениями.

Первая половина года в смысле изменения органов военного управления почти ничем не ознаменовалось.

9 мая произошел взрыв артиллерийских складов на Ходынском поле. В связи с этим событием был сформирован, по примеру сентября 1919 г., Комитет Обороны, в составе председателя т. *Каменева* (его заместитель т. *Лисицин)* и членов тт. *Бурдукова* и *Мясникова*. Комитет функционирует и до сего времени.

Караульные батальоны сведены в 4 караульных полка и 1 батальон.

1 июля Военный Комиссариат гор. Москвы слился с губернским Военным Комиссариатом, чем достигнуто единство управления и сокращение штата.

Летом приступлено к реорганизации запасных войск, фактически осуществившейся к началу октября. Управление запасных войск упразднено, специальные части подчинены окружным управлениям—Артиллерийскому и Инженерному, по принадлежности. Большая часть запасных стрелковых полков выделена из состава округа и пошла на формирование запасных стрелковых бригад; в округе оставлено 5 полков, в том числе 2 в Москве, вошедшие в состав 4-й запасной бригады. Штаб бригады расположен в Москве.

В виду обнаруженных злоупотреблений в Центральной приемной комиссии, по постановлению Труда и Обороны, было произведено в августе и сентябре переосвидетельствование всех, получивших отсрочки и освобождение в течение 1919 и 1920 годов. Это переосвидетельствование дало 2408 годных, 9239 негодных и 500 получивших отсрочки.

Попрежнему производились мобилизации по заданиям Мобупра, но число их было значительно менее, чем в предыдущие годы, и они касались, главным образом, известных категорий граждан: профсоюзов, коммунистов и т. п. В широком масштабе осуществлена лишь одна мобилизация—родившихся 1901 года, начавшаяся в половине марта. Особое внимание обращено на извлечение дезертиров, при чем к дезертирам фронта добавлены дезертиры труда. Извлечение и тех и других было весьма продуктивно.

Формирования попрежнему производились распоряжением Штаба Округа, но, кроме того, формировались добровольческие части, при чем особенно интенсивно в конце августа и в сентябре на Врангелевский фронт.

Деятельность Отдела Снабжения и прочих органов Комиссариата протекала, по примеру прошлого года, расширяясь и совершенствуясь.

Тем же темпом протекла работа Всевобуча: налаживание деятельности территориальных полков, интенсивное обучение молодежи и организация спорта во всех его видах. В течение лета сформированы Окружным Управлением Всевобуча—штаб дивизии и бригада, отправленные на фронт, а еще ранее—полк.

Культурно-просветительная деятельность расширялась и совершенствовалась.

В течение весны и лета гарнизон Москвы демонстрировал свою мощь: 5 мая по случаю отправления первых маршевых батальонов из контингента 1901 года на польский фронт, 18 мая по случаю прибытия английских гостей и особенно 27 июля, в честь Второго Конгресса Третьего Коммунистического Интернационала.

Последний парад был не только парадом войск, но грандиозной демонстрацией всей Москвы.

Одновременно была устроена на Красной площади выставка военных трофеев.

В заключение необходимо привести несколько цифр, иллюстрирующих все вышеизложенное.

	1918 г.	1919 г.	1920 г. по 1 окт.
Отправлено пополнений на фронт в виде сформирован. част. и отряд.	31.188 ч.	23.339 ч.	21.315 ч.
Отправлено пополнений по мобилизациям . .	102.066 »	55.019 »	18.967 »
Отправлено пополнений из задержан. дезертир.	—	32.909 »	29.050 »
Всего отправлено			313.853 ч.

СНАБЖЕНИЕ.	1918 г.	1919 г.	1920 г. по 1 окт.
Денеж. довольствие:	81 млрд. р. (XI и XII месяцы).	893 млрд. р.	808 млрд. р.
Вещевое	250.000		
шинелей		34.000	11.000
гимнастерок		52.000	22.000
шаровар		26.000	24.000
обуви: сапог и ботинок		43.000	13.000
белья-комплектов . .		120.000	30.000
Продукты.			
В среднем ежедневно едоков .		170.000	250.000
Всего за год (полгода)		61.000.000	42.000.000
В среднем ежедневно лошадей		7.000	7.000
Всего за год (полгода)		2.500.000	1.300.000
В месяц—муки . . . . . пуд.		120.000	220.000
крупы		20.000	40.000
мяса (рыбы) . .		38.000	60.000
соли		6.000	6.000
сахару . . . . . »		9.000	13.000
фуража . . . . . »		105.000	12.000

Работа Политпросвета.		
Состояло к концу 1919 года и I/X 1920 г.:	1919 г.	1920 г. по 1 окт.
школ.	83	115
библиотек	100	192
клубов	103	179
кинематографов . .	32	30
В течение 1919 г. и по I/X 1920 г. организовано:		
лекций	5.077	6.279
концертов	521	963
спектаклей	757	1.285
В 1919 г. VIII по XII включ. экскурсий	86	132

Бросая взгляд на прошедшие три года со дня Октябрьской революции, можно констатировать, что Москва, в смысле военной деятельности, оправдала свое историческое значение, явившись центром военно-революционного творчества пролетариата.

Ленин, Троцкий и Каменев на митинге. (Отправка воинских частей на польский фронт. Июнь 1920 г.).

Отряд особого назначения.

Октябрьская революция в Москве.

Истории угодно было, чтобы свергаемая пролетариатом буржуазия для своей попытки дать Социальной революции генеральное сражение выбрала Москву.

Правда, в дни февральско-мартовской революции московскому пролетариату пришлось не столько завоевывать ее, сколько праздновать, но тем более глубоко было революционное крещение кровью, какое довелось московским рабочим пережить в памятные октябрьско-ноябрьские дни 1917 года.

И рабочий класс Москвы лихорадочно готовился к своему Октябрю, когда его очертания еще смутно маячили вдалеке...

Временное Правительство и с своими министрами-капиталистами и с министрами-«социалистами» открыто—буржуазной линией поведения с первых же дней февральской революции не скупилось на предметные уроки,—и революционное настроение в массах после июньского наступления, после петербургских событий 3—5 июля неуклонно нарастало в Москве, как и во всей России.

Летние выборы в районные думы г. Москвы дали подавляющее большинство мандатов партии Социального переворота, на знамени которой написано было: «Вся власть Советам»—партии с.-д. большевиков (ныне—Р. К. П.)... В сентябре, во время Государственного Совещания, носившего определенно реставраторский (восстановительный) характер, московский пролетариат ответил на него всеобщей забастовкой: рабочие пошли тогда не за «своим» соглашательским Совстом, а за большевистским Бюро Профсоюзов...

Корниловский мятеж довершил революционно-политическое воспитание рабочих,—и фактически руководство пролетариатом окончательно перешло от потерявшего всякое влияние в массах Совета к Московскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. большевиков.

Правда, в начале октября партия большевиков располагала в Совете уже $^2/_3$ всех голосов, но весь Советский аппарат находился еще в соглашательских руках... И естественно, сознание освободившегося от всяких «коалиционных» иллюзий и революционизированного пролетариата устремилось к новому центру.

В фокусе движения стал Московский Комитет—большевиков... И еще до 25 октября он провел через Совет резолюцию, которую один меньшевик тогда же комментировал, как «фактический захват власти».

19 октября, выполняя директиву Ц. К. партии—держать курс на восстание»—Московский Комитет, постановивший начать так называемую «декретную кампанию», провел в Совете (большинством 322 голосов против 207 меньшевиков и эс-эров) резолюцию об экономической борьбе. Вот основные требования этой резолюции: 1) Совет по соглашению с Бюро Профсоюзов декретирует удовлетворение требований рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка; 2) приглашает под руководством Профсоюзов явочным порядком осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках; 3) ставит капиталистов, саботирующих производства и вызывающих стачки, перед угрозой ареста их Советами; 4) Совет выпускает декрет о моратории квартирной платы и 5) принимает самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии.

Постановление это произвело впечатление разорвавшейся бомбы в буржуазно-меньшевистско-эсэровском стане... Атмосфера накалялась.

Тем временем орган Московского Комитета «Социал-Демократ» необычайно талантливо подготовлял умы, эксплоатируя опыт корниловщины, участие в ней англичан, сдачу Риги и т. п.,—за что и был привлечен в лице т. В. И. Соловьева к суду Палаты. К великому ужасу судебного ведомства, Московский Комитет решил предстоящий процесс превратить в демонстрацию: он потребовал вызова в качестве свидетелей—Керенского, английского посла Бьюкенена, командующего войсками Московского округа Рябцова и др. Разразившаяся революция сорвала предстоящее судебное разбирательство и несомненное торжество большевиков.

Немалую роль в подготовке умов среди солдатской массы в течение этого месяца сыграла агитация знаменитых «двинцев»... Неукротимые большевики фронта—и отдельные товарищи и целые воинские части, вплоть до полков—сконцентрированы были Керенским в тюрьмах Двинска. Осенью признали более безопасным эвакуировать их в московскую Бутырскую тюрьму. Двинцы потребовали следствия или освобождения, подкрепив свои требования недельной голодовкой. Под давлением московских рабочих, по постановлению Совета и Комиссии по обследованию мест заключения, двинцы были освобождены и рассылались по гарнизонным митингам и собраниям, по летучкам в казармах, всюду страстно агитируя за вооруженное восстание...

Первые же петербургские выстрелы в день 25 октября вызвали немедленный отклик и в пролетарской, к этому времени уже рдяно-красной Москве: на соединенном заседании Советов Рабочих и Солдатских Депутатов избран был Военно-Революционный Комитет для организации поддержки Петербургу... За избрание голосовало 394 депутата против—106 (меньшевики и беспартийные), воздержалось—25 (объединенцы). Меньшевики все же решили послать двух своих представителей в В.-Р. К.,—но, как они заявили, они входят туда не для активной работы, а с целью противо-

действия гибельной работе большевиков. Эс-эры отказались участвовать в голосовании. (Состав В.-Р. Комитета: большевики—Усиевич, Муралов, Ломов, В. М. Смирнов; меньшевики—Тейтельбаум и Николаев, объединенец—Константинов)... В дальнейшей борьбе меньшевики колебались—то выходили, то снова входили в В.-Р. К., пытаясь примирить противников и посредничая в переговорах с Комитетом Общественной Безопасности; фактически всю работу вынесли одни большевики..

Еще вечером 25 октября в заседании Городской Думы рабочий Девяткин от имени фракции меньшевиков заявил: «Если Временное Правительство вступит на путь расстрелов, меньшевики выступят против него и будут в рядах рабочего класса»... Увы, рабочий класс видел, что меньшевики «держат нейтралитет»,—и окончательно отшатнулись от соглашательской, в этот момент ставшей на путь прямого предательства, «рабочей» партии; рабочие-меньшевики Пресни, Замоскворечья и Рогожской, примыкая к движению, говорили: «Когда льется пролетарская кровь, рабочие должны быть с своими братьями»...

Утром 26 октября «Социал-Демократ» оповестил Московских рабочих, что в Питере В.-Р. К. занял вокзалы, телеграф, почту, Государственный банк, Зимний дворец, что Временное Правительство низложено... «Дело не кончено,—писала газета в передовице,—сделан только первый шаг, война только началась»... И орган революционного пролетариата призывал рабочих и солдат в эти «решительные дни» к величайшей революционной дисциплине, величайшей сплоченности вокруг Советов... Тут же напечатано было принятое Советом еще 24 октября обращение ко всему трудящемуся населению, бившее в набат и призывавшее всех «к дружной и стройной контр-атаке по всему фронту» против организованного капитала, помещиков и генералов.

Сформировался Военно-Революционный Комитет... Но в этот первый из «решительных дней» боевой орган революции стоял без реальных организованных сил: когда он отправился в 12 ч. ночи в генерал-губернаторский дом, в его распоряжении была лишь небольшая команда самокатчиков. Но на другой уже день, в противовес контр-революционному Совету Солдатских Депутатов, созвана была конференция представителей всех частей Московского гарнизона, 116 голосами против 18, выразившая доверие В.-Р. К. Вслед за тем в Комитет послали своих представителей Ц. Бюро Профсоюзов, Викжель и с.-р. интернационалисты... Это окончательно санкционировало авторитет Комитета в революционных массах и сообщило ему характер неоспоримого командующего центра.

27 октября В.-Р. К. уже тоном власть имущего опубликовывает следующий приказ:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным Правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет объявляет: 1) весь Московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

«День второй революции настал,—возвещал и то же время «Социал-Демократ».—В Петербурге власть перешла уже в руки народа и Советов. В Москве переход должен совершиться с минуты на минуту»...

Тем временем буржуазия организовывала прямое выступление... Она сформировала в Городской Думе кадетско-эсэровский «Комитет Общественного Спасения» во главе с Рудневым, Гельфготом и др. Караулы в Кремле несли тогда солдаты большевистского 56 полка, и буржуазия решила отнять у большевиков Кремль, который она явно собиралась сделать базой, крепостью сил контр-революции, сил вооруженной буржуазии.

Военным штабом контр-революции стало Александровское военное училище. Командующий войсками Рябцов стянул к центру юнкеров и казаков (последние скоро отказались действовать и были заперты во дворе Александровского училища). К юнкерам присоединились студенты и гимназисты, а также черносотенное офицерство. Отказалось воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоявшие из бывших студентов, проявляли особенно зверское настроение... Юнкерами занят был манеж, где стояли автомобили, и Рябцов приказал привести машины в негодность или перегнать их в Кремль.

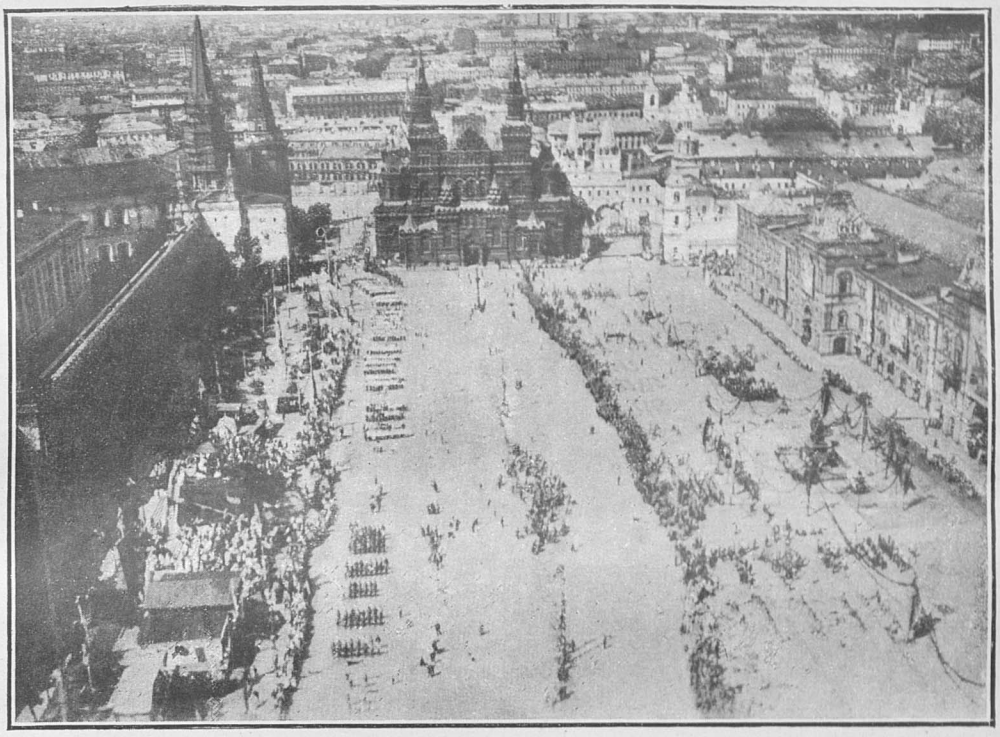
А между тем $^3/_4$ преданного В.-Р. К. гарнизона не имели оружия; Красная Гвардия была в зачаточном состоянии... Из Кремлевского арсенала юнкера успели разобрать все оружие... Там удалось, после долгих пререканий с начальником арсенала, добыть оружие только для роты 193 полка, которою В.-Р. К. постановил усилить гарнизон Кремля.

В ответ на это полковник Рябцов предъявил В.-Р. К. «ультиматум»: немедленно упразднить Комитет, вывести из Кремля большевистский караул и возвратить взятое из арсенала оружие... Желая избежать кровопролития, В.-Р. К. вступил в переговоры... Тем временем белогвардейцы окружали Кремль...

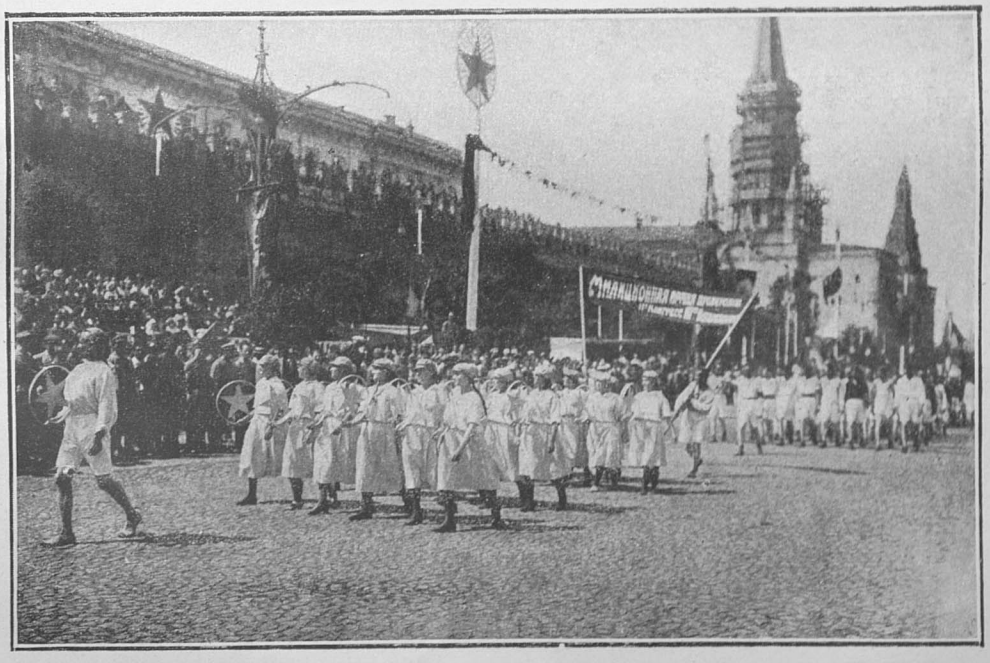
Это придало решимости Рябцову потребовать вывода из Кремля большевистских войск. «Разговор короток; все войска уже разоружены мною»,—нагло лгал белогвардейский Наполеон... Вся внешняя обстановка—затишье в городе, отсутствие связи с центром, благодаря перерыву телефонной связи с Советом—заставляло думать, что это—печальная истина. И Кремль, несмотря на попытку возбужденных революционных солдат воспротивиться приказу об эвакуации, был сдан... В ночь на 28 октября юнкера ворвались в Кремль, сняли охрану 56 полка, а на утро начали расстрелы...

Одновременно с сдачей Кремля, В.-Р. К. отвергнул ультиматум Рябцова, и началась война.

Стягивание сил противника к центру ставило на очередь вопрос об охране Совета... Президиум Совета вызвал «команду двинцев». В две минуты двинцы были на ногах и вооруженные выступили из казармы. Через четверть часа они уже переходят через Красную площадь, но не успели поровняться с памятником Минину и Пожарскому, как с кремлевских зубцов грянул залп юнкеров, и 45 товарищей легло у стен Кремля. Начальник команды был поднят на штыки подошедшим белогвардейским отрядом, в три раза превосходящим по количеству. Это была первая пролитая в эти великие дни кровь...

Парад-демонстрация москов. пролетариата и гарнизона в честь 2 Конгресса III Интернационала 27/VII 20.
(Вид с птичьего полета).

Парад-демонстрация в честь 2 Конгресса III Интернационала 27/VII 20.

Остальные двинцы все же пробились и добрались до Совета...

28 октября московское население читало на стенах домов и заборах приказ полковника Рябцова, начинавшийся весьма успокоительно: «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено. Но в Москве еще продолжается уличная борьба». Уличная борьба, на самом деле, «не продолжалась», а разгоралась с неудержимой силой. И Рябцов грозит. «В ответ на выстрелы из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома»...

Уличная борьба в этот день носила еще партизанский характер, так как сопротивление, которое организовывал В.-Р. К. наступающей белогвардейщине, с самого начала было парализовано захватом Кремля... Весь центр города, кроме части Тверской улицы, смежной с Скобелевской (где находилось здание Совета—бывший дом генерал - губернатора) площадью, был в руках юнкеров, в их же руках—вокзалы, трамвайная и электрическая станции, телефон (кроме Замоскворецкого). В.-Р. Комитет сразу оказался почти отрезанным от районов,—связь кое - как поддерживалась только через Страстную площадь.

Район господства юнкеров в центре Москвы определялся к 29 октября следующими границами: Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуэктов пер., Пречистенка, Мертвый пер., Старо - Конюшенный, Криво-Никольский, Б. Молчановка—проход через церковный двор и переулок, Хлебный пер., Никитский бульвар, Калашников пер.,Средн. и Б. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, Охотный ряд, проезд Театральной площади и гост. Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд у «Метрополя», Третьяковский проезд...

Отрезанность центра от районов подвергала его сжемпутной опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Скобелевской (ныне Советской) площади... Выдавались моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать... Это сильно отражалось на настроении В.-Р. К., делало его склонным к переговорам о перемирии, о соглашении с эс-эрами и т. п.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах—именно в районах, плохо связанных между собою и оторвавшихся от центра: настроение повышалось со дня на день. Всю тяжесть борьбы вынес на своих плечах рабочий.

Не получая определенной на этот счет директивы из центра, заводы в первые дни работали. Забастовка осуществилась самочинно только 28 октября... Рабочие кварталы оживились... Рабочие лихорадочно формировали красногвардейские отряды, добывали оружие, фабриковали бомбы... Рабочие отправляли эмиссаров в провинцию за поддержкой, за оружием, за взрывчатыми веществами... В виду того, что милиция держала «нейтралитет», поддержание революционного порядка взяли на себя рабочие и организовывали борьбу с громилами и грабителями...

День 29 октября был днем разгара боя в Москве. Геройские районы начали наступление на белогвардейский центр, шли на выручку Совету... Боевая хроника этого дня изобилует примерами высокого революционного героизма. С ожесточением дрались и белые, на стороне которых все еще было подавляющее превосходство техническим оборудованием: пулеметы, артиллерия, броневики, снабжение... Ожидание помощи ударников и казаков еще больше придавало упорства их натиску; это правда—вызванные части прибывали по железным дорогам, но обычно сейчас же вступали в ряды борющихся за «всю власть Советам»...

Одним из самых жарких боев завязался у Никитских ворот... От артиллерийских снарядов запылали здесь, в конце Тверского бульвара, два громадных дома... Развалины их и до сих пор служат выразительным памятником Московской Октябрьской революции...

В.-Р. Комитет вступил с штабом противника в переговоры; под давлением левых эсо-эров, викжельцев и других групп, которым казалось, что возможно еще какое-то «соглашение», что возможно создание вместе власти В.-Р. К. какого-то общедемократического Советского органа.

29 октября вечером, в целях создать спокойную обстановку для переговоров, было заключено перемирие. Была установлена нейтральная полоса,—и с утра 30 октября должна была собраться комиссия для выработки прочного соглашения.

Но сразу же выяснилось, что никакое соглашение между пролетариатом и буржуазией немыслимо... Рудневцы ультимативно требовали роспуска Красной Гвардии. На это разоружение рабочих В.-Р. Комитет, разумеется, не мог пойти и призвал рабочих и солдат к генеральной атаке на воинствующую буржуазию и ее прихвостней.

В сущности, фактически объявленное перемирие так и не состоялось; военные действия в районах не прекращались: слишком были озлоблены друг против друга юнкера и офицеры, с одной стороны, солдаты и рабочие—с другой, слишком разъединены были они той кровью, которая была пролита.

К моменту разрыва переговоров перевес силы явственно обозначился на стороне В.-Р. Комитета... Загремела Советская артиллерия. Районы начали свой организованный нажим на центр, стягивая его железным кольцом. Отовсюду из области прибывали на помощь пролетарской Москве отряды красногвардейцев. Из Тулы на автомобилях привезли пулеметы. Вся область по условленному конспиративному призыву Бюро партии большевиков восстала. Рабочие железных дорог, в противовес своим вилявшим профессиональным верхом («Викжель») были всюду на стороне Советов... В.-Р. К. установил на Воробьевых горах тяжелые прекрасные французские орудия и навел их на белогвардейский Кремль...

1 ноября, после долгих колебаний, В.-Р. К. решил приступить к бомбардировке этого осиного гнезда контр-революции, где в то время (в Малом Николаевском дворце) помещался ее штаб. Этого требовали солдаты и рабочие: «Что вы их жалеете?—говорили они.—Наших людей расстреливают из всех домов, расстреливают из пулеметов со всех сторон»... Видя, что борьба, которая велась на улицах и в закоулках грозит затянуться еще на неделю, если не дольше, и полагая, что человеческие жизни, которые затяжка борьбы поглотила бы, дороже всяких, хотя бы и «священных», художественно-исторических груд камней, В.-Р. К. отдал приказ приступить к бомбардировке Кремля.

Это решило судьбу сражения... В тот же день красногвардейские и солдатские части заняли телефон и телеграф. Рябцовские юнкера и Рудневские белогвардейцы всюду капитулировали. Здание Городской Думы было занято Советскими караулами...

Тогда председатель Комитета Общественной Безопасности Руднев 2 ноября обратился к В.-Р. К. с предложением сообщить его условия для прекращения военных

действий. Мотивируя свое обращение желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей», Комитет Общественной Безопасности заявлял, что по существу военные действия окончены, и что он переходит к «политической» борьбе против большевиков.

В.-Р. К. принял предложение. Был выработан и подписан обоими сторонами договор, гарантировавший юнкерам и офицерам свободу и известное количество оружия... В 9 ч. веч. 2 ноября за подписью т. Успенича был издан приказ по всем войскам Военно-Революционного Комитета, где говорилось:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-Револ. Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой, рабочей солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. В.-Рев. Комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный, орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах—до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа В.-Рев. Комитета».

Слишком мягкие для контр-революционеров условия мирного договора произвели в районах и казармах неблагоприятное впечатление. 4 ноября в «Социал-Демократе» напечатан был «протест Красной Гвардии», где с присущей массам чуткостью высказывалось серьезное предостережение преждевременно торжествующей революции. «Освобождая юнкеров от ареста,—говорилось здесь,—В.-Р. Комитет даст им возможность снова восстать против народа. Мы требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду».

Первая же вспыхнувшая на Дону в начале 1918 года контр-революция, организованная этими амнистированными массами белогвардейства, показала, что для этого требования было достаточно оснований...

7 ноября состоялся пленум Московского Совета, в котором В.-Р. К., вручая ему завоеванную в октябрьско-ноябрьские дни власть, давал полный отчет в своей деятельности. В этом докладе нарисована была исчерпывающая картина того наследства, какое получал пролетариат от буржуазно-соглашательской власти: все учреждения самоуправления—банковские хозяйственные, административные были разгромлены,—в них всюду царило жуткое молчание пустыни... Это начинался организованный буржуазией саботаж Советской власти,—от военной борьбы буржуазия переходила к борьбе политической...

Перед Советом встала задача ликвидации великой московской разрухи и саботажа. Опираясь на результаты военной победы, на массы, получившие в этом боевом крещении небывалый стихийный подъем, на классовое сознание московского пролетариата, прояснившееся в эти дни так, как не смогли бы его развить десятилетия агитации и пропаганды, Московский Совет приступил к своей затяжной революционной работе.

Солдаты и рабочие плотной стеной встали вокруг своего Совета.

9-й Съезд Р. К. П.—Президиум Съезда.

Московская организация Р. К. П. (больш.).

(Политическая работа в Москве 1917—1918 гг.).

Говоря о политической работе в Москве за 3 года Октябрьской революции, нужно иметь в виду деятельность исключительно Московской организации Российской Коммунистической Партии, поскольку все остальные «партии» за это время вели и продолжают вести контр-революционную работу.

Московская организация Р. К. П. занимает в партии особое положение. Она не похожа на Питерскую или же на какую-нибудь, например, Уральскую организацию. Это—организация со своими специфическими навыками, приемами работы и твердыми традициями, которым объяснение надо искать в составе московского пролетариата и в строе московской промышленности.

I.

В октябрьские дни Московская организация партии стояла во главе всего движения. Восстание в Москве прошло под непосредственным руководством организации. Создание районных и центрального советов, организация красногвардейских отрядов в районах, захват фабрик и заводов, устройство рабочих домов-коммун и т. д.—были делом рук партийных товарищей, районных и Московского Комитетов.

После октября и в особенности в первой половине 1918 года лучшие коммунистические силы перешли на советскую государственную работу. В частности Московский Комитет сразу был обескровлен, в нем осталось сравнительно незначительное количество старых и опытных работников. Многие лучшие силы ушли и из районов. Начавшаяся же гражданская война отвлекла на фронты самые передовые слои московских рабочих-коммунистов.

С другой стороны, поскольку московские советские и военные органы обогатились лучшими силами, поскольку ходом вещей центр тяжести работы сразу был перенесен в Советы — партийная работа и партийные организации несколько отошли на второй план. Здесь нужно еще указать и на то, что нахождение в Москве центральных партийных и советских органов, их непосредственное руководство Москвой роль Московской партийной организации на первых порах сужывали, ограничивали и сводили к минимуму. Партийная организация все свое внимание обратила, таким образом, на прием и регистрацию членов, агитацию и пропаганду, организацию демонстраций, митингов и собраний.

Первый период жизни Московской организации определяется «самостийностью» районов, которые в противовес центру—самой Москве, как целому—объединили всю партийную и советскую работу района. Район стал самодовлеющей единицей. Один товарищ из Сокольнического района, например, так пишет об этой эпохе: «Комитет не бездействовал и играл руководящую роль в районе не только в партийной жизни, но и во всем остальном строительстве, с самого начала деятельности Совета. Комитет его организовывал, проводил перевыборы, проводил членов партии в Исполком, в Совет и в Президиум, назначал заведующих отделами. Ни одно постановление, распоряжение не проходило помимо Комитета Р. К. П.; какие бы вопросы ни стояли на Пленумах, Исполкомах, Президиумах, они всегда раньше обсуждались в райкоме. В районе были организованы дома-коммуны, было выработано положение о коммунах, в эти дома-коммуны вселялись рабочие и коммунисты, из которых в тревожные моменты быстро составлялись боевые отряды». Далее, в этой записке говорится о чисто партийной работе района. Так было во всех районах.

В районах полная монолитность, единство работы, а в центре Московский Комитет и Совет с неясно выраженным взаимоотношением. Кроме этого, Московский Комитет политически и организационно не возглавлял работы районов, районы были связаны с ним через своих *делегатов*, членов М. К., которые не выбирались на общегородской Конференции, а районами делегировались в М. К.

Московский Комитет формально объединял работу районов, он напоминал о том, что в Москве существует партийная организация, но что эта организация работает вразброд, по районам лишь, в своих частях, а не как целое. При таком положении вещей Московский Комитет не представлял из себя крупного и в настоящем смысле слова руководящего органа. Его собственный аппарат был слишком слаб. Достаточно сказать, что в этот период М. К. не имел своих отделов, а его рабочий аппарат состоял из 12—15 товарищей.

Московская организация данного периода имела свой устав, построенный на основе принципа организационного *федерализма*, и регламент районной организации (принятый в декабре 1918 г.), который определял круг деятельности и формы организации районных партийных единиц. Оба эти акта отражают в себе отсутствие централизма и стройной системы.

Теперь спрашивается: каков был рост организации? Количество членов партии приблизительно равнялось 13.500.

Это количество сохранилось вплоть до конца 1919 года. Партийные ячейки росли и размножались медленно, развитие и усиление районов совершались вяло и со значительными трудностями.

Здесь нужно отметить, что к концу первого периода относятся возникновение и начало таких крупных явлений в жизни нашей партии, как беспартийная конференция, «субботники» и отряды особого назначения. Они впервые возникли в Москве. Если мы привыкли считать Питер великим инициатором, революционным началом и неустанным подвижником в рядах нашей партии, то Москве, как колыбели крупнейших организационных начинаний, по праву принадлежит первое место. Эти три вида партийной деятельности в настоящее время по всей России нашли самое широкое применение. Без них не обходится ни одна коммунистическая организация. Отметим их значение, зарождение и развитие.

Беспартийная конференция преследует цель сближения широких масс тружеников с нашей партией, с Советской властью; цель их просвещения и постоянного сплочения вокруг коммунистической партии. Мы не в достаточной степени соприкасаемся с массами. Несмотря на нашу большую и беспрерывную политическую работу, работу культурно-просветительную, в гуще трудящихся хранятся слои, которые, как следует быть, не посвящены в мероприятия советского строя, не понимают и не представляют себе всех его начинаний, относятся к нашей партии с некоторой выжидательностью.

Необходимо разбить и рассеять такое настроение. Нужно установить между трудящимися и партией самую живую и постоянную связь, нужно массы так воспитать, чтобы коммунисты действительно были передовой и неразрывной частью широких слоев рабочих и бедноты. В этом отношении большая задача возложена на беспартийные конференции, которые показали всю свою пригодность и огромную целесообразность.

Обычно, беспартийная конференция открывается в атмосфере некоторого недружелюбия к партийцам, некоторого недоверия и выжидания, чем усиленно начинают пользоваться попадающие на конференцию отдельные меньшевики, эс-эры и белогвардейцы, прикрывающиеся маской беспартийности. На этой почве иногда вносится предложение в Президиум выбирать только беспартийных и закрыть доступ на конференцию партийным, т.-е. коммунистам. Происходят на конференции иногда и бурные сцены, крупные недоразумения. Но шаг за шагом конференция дисциплинируется, подтягивается, дисциплинируется, наконец, совершается в ней полнейший перелом, и она заканчивается решительной победой нашей партии.

Каждая такая конференция впоследствии дает значительные ростки. Речи, собеседования и резолюции конференции западают в душу слушателей, после конференции они становятся предметом оживленного обсуждения за станком и в красноармейских казармах.

Громадная польза беспартийных конференций несомненна. Они сближают массы с Советской властью, втягивают их в общегосударственную работу, подготовляют их к вступлению в коммунистическую партию. Лучшего агитационного, отчасти и организационного способа, пожалуй, не найти в наши дни. Но беспартийную конференцию нужно уметь созвать и проводить. Здесь требуется организационный такт и агитаторское уменье.

Подготовку конференции, ее созыв, проведение и обработку беспартийной массы следует делать осторожно, для чего на эту работу должны быть назначаемы ответственные товарищи, лучшие организаторы. У нас имеются примеры, которые показывают, что малейший организационный промах портит дело. На некоторых практических указаниях не мешало бы остановиться.

Прежде всего выражение «беспартийная конференция» тактически нецелесообразно, ибо им широко пользуются наши противники, проповедуя на таких конференциях «принцип» невхождения партийных (разумеется, коммунистов) в состав делегатов или Президиума. Мы же полагаем, что конференция должна быть составлена и из наших товарищей, иначе немыслима будет ее работа. Коммунисты обычно являются меньшинством среди огромной массы действительно беспартийных делегатов. Чтобы выбить оружие из рук замаскированных белогвардейцев, демагогов и эсэро-меньшевистских молодцов, лучше слово «беспартийная» совершенно выкинуть, и конференции называть просто рабочей, красноармейской, крестьянской и т. д. В Москве уже к этому перешли. Далее. Необходимо широко практиковать конференции крестьян, крестьянок. Это уже гораздо более трудная задача. Но ее нужно преодолеть, разрешить как следует.

Потом нужно и весьма полезно иметь на конференции широкое представительство, примерно, одного делегата от 10—15 человек, а в крупных центрах—от 15—20 человек. Еще. Порядок дня конференции не нужно нагромождать обилием вопросов. Лучше один—два вопроса и основательное рассмотрение их, чем бесконечное словоизлияние и груда докладов, что сильно утомляет непривычную к этому массу и притупляет ее внимание.

Лучше почаще созывать конференции, но зато основательнее и всесторонне разбирать поставленные вопросы. Способ собеседований, вопросов и ответов предпочтительнее всего. Нужно стараться на всякую мелочь откликнуться и побольше ставить практических вопросов, возможно конкретнее отвечая на каждый из них.

Наконец, распространение программы партии, популярной литературы, воззваний, наглядных пособий, плакатов, газет и т. д. на конференции должно стоять на надлежащей высоте. Одновременно с тем в перерывах нужно вмешиваться в происходящие оживленные споры и беседы, завязывать связи и т. д. Разумеется, конференция должна протекать в рамках нашей организационной работы и агитационного влияния, которое, в конце-концов, выливается в форму полного господства наших идей в умах конферентов.

Такова сущность беспартийной конференции,—именно так поняла ее Московская организация. Конференции возникли в конце 1918 г. и начали широко практиковаться с начала 1919 года, но лишь с лета начинается систематическое применение их во всех районах Москвы. Ежемесячно до десятка конференций проводит Московская организация—сперва среди красноармейцев, а потом уже в рабочих кварталах и специально для работниц. Конференции скоро перебросились и в провинцию.

В деле агитации широчайших масс конференции сыграли огромную роль. Они во весь свой рост ставили и ставят перед массами вопросы продовольствия, военной жизни, рабоче-крестьянского контроля, быта трудящихся, просвещения и т. п. В конце отметим для наглядности, что,

беря цифры, относящиеся к последнему времени, в Москве за март 1920 года состоялось 11 конференций, а в октябре того же года (вместе с губернией) около 18 конференций.

«Коммунистические субботники», также возникнув в Москве, являются громадным агитационным и организационным началом в области хозяйственной жизни. На них мы особо не будем останавливаться в виду того, что им в настоящем сборнике посвящен специальный очерк. Хотелось бы лишь привести здесь тот исторический документ, с которым Московский Комитет раньше всех организаций выступил с проповедью «субботников». В начале сентября 1919 года он выпустил следующее воззвание:

«Товарищи, диктатура пролетариата означает не только свержение буржуазии, но и, что важнее и труднее, полный переход от капиталистических отношений к коммунистическим условиям жизни. Это можно осуществить не на словах и не голыми призывами, а на деле: путем простой, будничной, кропотливой и неутомимой работы. Смена капитализма коммунизмом последует путем превращения капиталистического производства в коммунистическое.

Основное условие всякого производства, это—труд. Капитализм, как хозяйство, выше и совершеннее крепостничества тем, что рабочий труд производительнее труда крепостного. Коммунистическое хозяйство победит капитализм лишь тогда, когда общественный труд вытеснит окончательно труд, применяемый в условиях капиталистического способа производства.

Уже скоро два года, как мы свергли свою буржуазию. В течение этого времени русские рабочие и трудящиеся взяли в свои руки фабрики, заводы, мастерские, землю, транспорт и банки. Капиталистическое производство у нас изжито. Теперь необходимо создать новое производство. Для этого нужна работа, нужен труд,—но не старый, капиталистический труд, который не стал бы соответствовать новым отношениям, а более высокий, более созидательный, более производительный труд. Организация коммунистического производства нуждается в коммунистическом труде.

Коммунистический труд не признает предпринимательской палки, он имеет свою революционную дисциплину, направленную на то, чтобы обеспечить социалистическому обществу безголодное существование. Коммунистический труд обеспечивает жизнь не отдельному лицу, не Ивану, не Петру, а он дает экономическое обеспечение всему обществу, всем людям. Труд при коммунизме по своим последствиям, по своему вознаграждению обезличивается, и потому он не нуждается в особом, частном вознаграждении.

Коммунистический труд сберегает каждый кусок хлеба, железа и веревки, и он на самом деле в состоянии обеспечить все общество. А этого можно достигнуть путем упорной и неустанной работы. Началом такой работы служат «Коммунистические Субботники». В апреле месяце этого года несколько сознательных и передовых рабочих гор. Москвы решили положить основу подобного труда и перейти к созиданию новой, коммунистической хозяйственной жизни. Они решили освободить рабочий труд от частно-хозяйственной оболочки, отказаться от частно-собственнических стремлений и дать образец социалистического, товарищеского революционного труда, ищущего благополучия не отдельных лиц, а благосостояния всего общества, направленного на поднятие хозяйственного уровня общества, на налаживание разрушенных капитализмом устоев производства и на развитие последнего на новых, доселе невиданных началах.

Эти рабочие в одну из суббот после обычных своих рабочих часов, по внутреннему порыву, по собственному почину, без всякого вознаграждения и невзирая на громадные трудности, решили дать толчок поднятию производительности труда и усилению производства. Опыт удался, а пример не прошел даром. Ему последовали многие рабочие Москвы, Питера и др. городов России. «Коммунистические Субботники» вошли в обиход нашей жизни. Если в начале создали их передовые рабочие-коммунисты, то с течением времени к ним примкнули многие другие рабочие, движимые желанием создать условия жизни коммунистического хозяйства.

Конечно, мы еще далеки от коммунизма, «Коммунистические Субботники» еще не в состоянии заменить труд капиталистического хозяйства. К этому мы пока идем и этого мы достигнем. Но важно то, что начало такому движению положено, «Коммунистические Субботники» вызывают порыв, они создают новый, возвышенный вид трудовой деятельности. Еще 300 лет тому назад один из замечательных людей и бесстрашных борцов за лучшее будущее, Томас Кампанелла, в своем «Государстве Солнца» находил, что люди коммунистического общества работают по-коммунистически. «В надлежащее время,—говорит Кампанелла,—все граждане в полном вооружении, с трубами, барабанами и знаменами отправляются пахать, сеять, копать, жать или собирать плоды и виноград; вся работа исполняется в несколько часов, так как способ работы у них выработан превосходно».

Не напоминают ли эту картину наши «субботники», на которые передовые и сознательные рабочие и красноармейцы выходят для производства революционной работы, работы коммунистической, выходят с музыкой, с музыкой же и с пением Интернационала заканчивают ее? Не напоминают ли ее тот порыв и то воодушевление, которые охватывает каждого участника «субботника»?

Истинный коммунистический труд мы мыслим как своего рода удовольствие, потребность. Но «субботники» еще далеки от того, чтобы превратить труд в удовольствие, но зато они являются плодом революционного порыва и коммунистического сознания. Когда «субботники» станут всеобщим явлением, когда коммунистический труд заменит капиталистический,—тогда лишь можно будет говорить о великом, сознательном и воспитательном начале труда по-коммунистически, по-революционному.

Наше время заложило первый камень в основание социалистического труда, «субботники» призваны развивать его. Поэтому необходимо ввести план и организацию в «субботники», дабы их последствия оказались благотворными и приносили желаемые плоды. Нам необходимо ввести их в организационные рамки.

Поэтому М. К. Р. К. П. решил создать при себе бюро по учету и контролю в организации «субботников» в Москве; все сведения о «субботниках» должны поступать в это бюро все задания для «субботников» должны исходить из этого бюро. На обязанности бюро лежит важная и трудная задача. Бюро нужны помощь и сотрудничество передовых рабочих, всех трудящихся.

Товарищи, дружно за работу! «Великий почин» уже сделан. Трудно начало, но всякое начало должно быть

доведено до конца. Ныне мы живем в такое время, когда наши усилия должны быть направлены на освобождение производства от капитализма и частной собственности. Мы раскрепостили труд, но остается сделать его хозяином нового строя—«владыкой мира». В этом основная задача великого движения рабочего класса: действительное освобождение труда, полный переход его из царства принуждения, из царства необходимости в царство непринужденности, в царство свободы.

Товарищи, через «Коммунистические Субботники» к коммунистическим пятницам, четвергам и коммунистическим дням вообще! Через отдельные коммунистические часы к полному, всеобщему и всесторонему коммунистическому труду!»

Достаточно привести следующую сравнительную таблицу, чтобы представить себе развитие «субботников» с самого начала их зарождения. Так, количество участников «субботников» исчисляется:

1919 г. (за 8 месяцев).		*1920 г.*	
Май	781 чел.	Январь .	35.705 чел.
Июнь . . .	653 »	Февраль .	42.489 »
Июль . . .	1.818 »	Март . .	32.715 »
Август . . .	4.151 »	Апрель . .	27.291 »
Сентябрь . .	6.772 »	Май (с первом. субб.). .	1.050.259 »
Октябрь . .	3.388 »	Июнь . .	72.590 »
Ноябрь . .	16.132 »	Июль . .	163.203 »
Декабрь . .	16.990 »	Август . .	84.758 »
		Сентябрь .	126.417 »
		Октябрь (со всеобщ. суб. 2 окт.) .	201.043 »

Теперь перейдем к отрядам особого назначения. В сущности они выросли из коммунистических красногвардейских единиц. С октябрьских дней начиная, коммунисты были вооружены, но они не знали настоящего военного строя.

Центральный Комитет партии 14 мая 1919 г. издает «Инструкцию по формированию отрядов особого назначения», основная мысль которой сводится к следующему: «Отряды особого назначения, которые должны быть готовы во всякий момент дать вооруженный отпор всякому контр-революционному выступлению, надлежит формировать исключительно из преданных делу коммунизма элементов, почему на подбор товарищей, зачисляемых в эти отряды, партийные организации должны обращать особое внимание». Еще до издания «Инструкции» Московская организация «явочным» порядком создала свои отряды, вскоре сколоченные в роты и батальоны. Командный состав вербовался исключительно из коммунистов.

Состоявшееся в июле 1919 года общегородская конференция выработала специальное положение об этих отрядах, согласно которому каждый район обязан был иметь батальон коммунистов во главе с командиром батальона, непосредственно подчиняющимся как начальнику Московского отряда особого назначения, так и районному Комитету.

Занятия в отрядах (батальонах и ротах) были установлены 4 часа в неделю. От занятий никто не освобождался, за исключением больных, незаменимых и женщин. Последние обязаны были проходить военно-санитарную службу. Во главе всех батальонов стоял начальник Московского отряда особого назначения (так назывались все батальоны и роты, взятые вместе), всецело подчиненный и подотчетный Московскому Комитету. При начальнике находился штаб.

Отряд во всех районах постепенно перестраивался на военный лад, по образцу рабоче-крестьянской Красной армии. Это диктовалось условиями времени и обще-военной техники и необходимостью снабжения коммунистических рот и батальонов органами военного ведомства. Но поскольку отряды были оторваны от всей системы Красной армии, постольку их военная организация налаживалась с большими трудностями. Нужно было найти общий язык между ними и военным ведомством.

В ноябре прошлого года отряды особого назначения рядом постановлений и приказов Реввоенсовета Республики были введены в систему Всевобуча. Они, тем самым, образовали твердую и надежную основу Всевобуча, который до того не представлял сильной организации. При этом, однако, отряды особого назначения сохранили свою самостоятельность, как вооруженные кадры членов нашей партии. Как это понимать?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, что из себя представляют отряды, и как мы смотрим на цели и задачи самого Всевобуча? Начнем с последнего.

Всевобуч является преддверием милиционной армии. Существование его бок-о-бок с Красной армией говорит о том, что в момент жестокой гражданской войны армия рабочих и крестьян считается самым надежным вооруженным оплотом страны. Без армии нам не обойтись, страна не может не иметь вооруженных сил, которые мы мыслим в виде всеобщего вооружения трудящихся или всех граждан. Это—уже милиционная армия.

Ее сейчас нет налицо, но она должна быть создана. К ней мы должны подготовиться. Постепенное и систематическое обучение рабочих и крестьян военному делу облегчит нам путь перехода к милиционной армии. Иначе, Всевобуч ныне создает ячейки будущей армии. Всевобуч милитаризует трудящихся, не отрывая их от их очагов, не помещая их в постоянные казармы. Он обучает не только взрослых трудящихся, но и детей, развивая в них склонность к спорту, играм, втягивая их постепенно в условия военной жизни.

Уже $2^1/_2$ года, как он трудится над этим вопросом. В начале Всевобуч, можно сказать, был заброшенной организацией. Самое главное—это то, что коммунистическая партия не подходила к нему вплотную.

Члены нашей партии своему военному образованию, вернее, владению оружием не уделяли внимания в достаточной степени. С другой стороны, по некоторым, чисто объективным причинам, в политическом отношении Всевобуч оказался слаб.

Вот почему были вызваны к жизни отряды особого назначения, то есть, военные организации—штабы, батальоны, роты и взводы, созданные при партийных комитетах. Обучение военному делу самыми срочными средствами стало для каждого коммуниста обязательным условием его принадлежности к партии. В течение нескольких месяцев страна покрылась сетью коммунистических отрядов особого назначения, которые явились верным и твердым оплотом советского строя.

Но отряды были лишены правильной, на государственный лад созданной конструкции; они не походили на *чисто* военную организацию. Отряды, как сказано, состояли при

партийных комитетах, они не были огосударствлены. С другой стороны, нельзя было иметь бок-о-бок две одинаковых военных организации, сложенных хотя и по различному признаку — коммунистические отряды и беспартийный Всевобуч. Подобно тому, как партию окружает беспартийная масса, подобно тому, как первая является средоточием для широчайших трудящихся масс,—подобно этому нужно было строить дело военного обучения в стране. Интересы дела требовали включения отрядов в систему Всевобуча, но с условием, во-первых, чтобы второй опирался на первые, как на сильные в политическом отношении ячейки; во-вторых, требовалось, чтобы отряды не растворялись во Всевобуче и во всякий момент могли бы составить внутри его компактную и связную в военно-техническом отношении силу; ведь и партия не растворяется в массе, она сохраняет целость и отчеканенность своих ячеек.

С этими принципами Всевобуч в начале 1920 года вступил в новую полосу своей деятельности. Окреп Всевобуч, в свою очередь усилились отряды особого назначения. Всевобуч превратился в орган, в военном отношении отчитывающийся перед военным ведомством, а в политическом—перед партией коммунизма. Партия вплотную подошла к Всевобучу.

В настоящее время Московский отряд особого назначения целиком находится в составе Московской территориальной бригады (Всевобуча). Командир бригады, подчиняясь Всевобучу, одновременно подотчетен и Московскому Комитету партии. В районах имеются части бригады, состоящие из полков, батальонов и рот, в которые вкраплены коммунистические батальоны, роты и взводы. Командиры полков и батальонов выдвигаются райкомами и М. К. и назначаются командиром тербригады. Как видно, вся работа Московского Всевобуча протекает под контролем, и притом действительным и настоящим контролем Московской организации партии.

В свое время Московский отряд особого назначения сыграл огромную роль. В тревожные сентябрьские и октябрьские дни 19 года, в моменты опасности для революции, отряды неизменно стояли на страже интересов столицы Советской России. Комитет Обороны г. Москвы опирался и опирается, главным образом, на Московские коммунистические отряды.

Не нужно забывать, что эти отряды закалены казарменной выучкой, через которую прошло огромное большинство московских коммунистов. В течение целого года М. К. отдельными партиями переводил членов организации на казарменное положение на срок от 4—6 недель. За почти $1^1/_2$ года своего существования Московский отряд развился и значительно увеличился. По понятным причинам мы воздерживаемся от приведения цифр, которые определяют рост отряда.

II.

В начале зимы 1919 г. Московский Комитет провел партийную неделю, которая увеличила количество членов организации ровно в два раза. В партийную неделю было принято новых членов партии около 14.500. Организация, стало-быть, сильно разрослась. Далее, перед ней стояли новые задачи. На очереди стояла ударная работа. Деникин находился под Тулой, и гражданская война требовала от партии напряжения всех ее сил. Вдобавок к этому, внутри страны, в ее центре—в Москве был обнаружен ряд белогвардейских заговоров. В Москве образовался Комитет Обороны, в организации которого самое активное участие принял Московский Комитет.

Московской организации конца 19 года нужно было приспособиться к новым задачам. Еще летом этого года в организации было приступлено к ревизии всех ее органов, районов и всесторонней ее работы. Ревизия поставила вопрос о реорганизации всей организации, она послужила отправной точкой для новой работы. Московский Комитет сам вступил на этот путь. Для намечения последнего, в начале 1920 года он созвал межрайонное совещание, которое дало ощутительные результаты. Необходимо остановиться на работе этого совещания, проследив ее хотя бы по обстоятельному отчету «Правды».

В порядке дня стоял доклад о ревизии Московской организации. Докладчик говорит, что Московский Комитет постановил обревизовать всю Московскую организацию с целью будущей реорганизации ее. Ревизия закончилась давно, но о выводах ее приходится докладывать только сейчас. Ревизия коснулась как районов, так и М. К. Она обнаружила ряд дефектов в жизни Московской организации.

Начнем с комитетов. Нет однообразия в их организации и нет общей системы в их работе. Не во всех районах комитеты имеют свой исполнительный орган. Делегатские и общие собрания не всюду равномерно собираются. Есть даже районы, как, например, Бутырский, не признающие делегатского собрания. Каковы настоящие функции общего собрания? Местами оно—высший партийный орган в районе, в некоторых районах оно преследует цели пропагандистские—на нем проходят курс партийной школы и т. д. Нужно все это регламентировать. Вообще регламент московской организации должен быть пересмотрен. На ряду с ним существует устав. Их необходимо согласовать и приспособить к новым организационным формам.

Не все отделы комитетов и районных и московского работают удовлетворительно. Союз молодежи влачит самое жалкое существование. Его, можно сказать, в Москве не существует. Нужно его взять в руки партии. Комиссия связи с фронтом очень слаба. Отдел агитации и пропаганды хромает. Много говорилось о клубах—партийных и вообще. Но наши клубы существуют на бумаге. Нужно превратить клубы в очаги нашей пропаганды и агитации, культурного развития рабочего класса. Следует для клубов иметь специальных организаторов, снабжать их всем нужным, выработать нормальный устав клубов. Также необходимо поставить на должную высоту районные библиотеки и во главе их иметь специальных библиотекарей.

Партийные школы не оживают. Это оттого, что школы не имеют своих руководителей, постоянных и умелых.

Отсутствует партийная статистика и регистрация. Отсутствует ревизионная комиссия. Московский Комитет не имеет правильно функционирующих отделов; их нужно поставить.

Канцелярия хромает всюду. Очень трудно установить учет партийных сил, которые распределены неравномерно.

Необходимо произвести генеральную разверстку работников между районами. Для облегчения работы некоторые небольшие и не представляющие самостоятельности районы следует слить между собою: Алексеевский с Сокольническим, Басманный с Лефортовским, Хамовнический с Пресненским и Бутырский с Сущевским. Районы следует делить на технически-организационные участки объединенных ячеек.

Наконец, надо провести 2-недел. кампанию, в целях образования во всех мастерских и заводах партийных ячеек.

Для усиления советской работы необходимо провести советскую ревизию.

Все эти меры нужно принять скорее, чтобы усилить организацию. А ее усилить и укрепить нужно.

Поэтому Исполнит. Комиссией было выработано положение о реорганизации Московской организации.

В прениях по докладу приняли участие представители всех районов. Часть товарищей полагала, что недостатки, которые имеются в работе районов, зависят от недостаточного руководства центра. Московская организация страдала оттого, что не было единой, направляющей и руководящей воли: районам приходилось в значительной мере действовать самостоятельно; они представляют из себя нечто самодовлеющее. Исполнительная Комиссия не должна превращаться в узко исполнительный орган: Московский Комитет в лице Исполнительной Комиссии, должен учитывать опыт всех районов; беря то, что сделано хорошего в том или ином районе и проводя это начинание в общегородском масштабе, он должен выдвигать назревшие организационные задачи. Указывалось, что организационная работа в общегородском масштабе хромала от того, что Исполнительная Комиссия не располагала достаточными материалами, которые давали бы ей возможность в каждый данный момент судить о состоянии работы в районах; материалов же не было, так как не было собраний секретарей. Не было и достаточного руководства работой Союза Молодежи; не велась так, как бы следовало, работа в професс. союзах.

Представительницей Лефортовского района было выдвинуто положение, что М. К. должен избираться на конференции, а не быть делегатским собранием, каковым он сейчас является. Связь же с районами должна поддерживаться через собрания секретарей и организаторов.

Другая часть товарищей возражала на это, что причин болезненного состояния московской организации нельзя искать исключительно в недостатках Моск. К-та, так как последний, состоя из представителей районов, работающих на местах, воплотил в себе все недостатки районов,—поэтому районам нужно критиковать самих себя. Недостатки в работе объясняются постоянными мобилизациями работников; в исполнительной комиссии лишь один товарищ был освобожден от всякой работы, кроме партийной.

Т. Б. стоял на той точке зрения, что исполнительная комиссия не есть политический руководящий орган, а лишь, штаб связи районов. Опыт избрания М. К. на конференции не дал должных результатов: комитет оказался оторванным от районов.

В прениях подобно докладчику указывалось на необходимость более рационального распределения работников, а также на необходимость переброски их из района в район и из районов в центр и наоборот, и перевода коммунистов в те предприятия, где таковых не имеется; в частности отмечалось неправильное распределение агитаторских сил, нерегулярное обслуживание школ и отдельных предприятий. Высказывались пожелания, чтобы ответственные товарищи были расписаны по районам, чтобы агитаторы давали отчеты о проводимых ими митингах. Выставлялось предложение о спешной выработке инструкций ячейкам, районным комитетам и исполн. комиссии.

Представитель Рогожского района, полагал, что районов воссоединять не нужно; можно только разделить по секторам Городской район, в котором много товарищей, могущих активно работать и обслуживать окраины, присоединив части его ко всем районам. Другие поддерживали необходимость слияния районов, в целях усиления деятельности отдельных из них.

В заключительном слове докладчик указал, что прения пошли не по должному руслу. Центр тяжести был перенесен на критику исполнительной комиссии, между тем, не высказывались относительно громадного большинства пунктов положения, предложенного исполнительной комиссией. Вопрос о перевыборах последней всегда мог быть поднят в Московском Комитете, и, поскольку сейчас обновляется состав самого комитета, вопрос о перевыборах Исполнительной Комиссии станет на очередь, Исполнительная Комиссия сама признавала недостаточность руководства; 7 пунктов положения говорят о реорганизации М. К. и Исполнительной Комиссии.

После заключительного слова собрание высказывается за принятие за основу положения М. К-та и избирает для внесения в него поправок комиссию из 3 лиц. Межрайонное собрание вынесло целый ряд коренных решений. Оно в полной мере поставило вопрос о совершенно новой постановке и ведении партийной работы в Москве.

В чем выразилась в дальнейшем эта работа?

Мартовская конференция (1920 г.) приняла *новый устав* Московской организации. Устав этот резко отличается от старого: вместо федеративного принципа в основу его был положен *демократический централизм*, который выражается в выборности Московского Комитета, в руководстве его всей московской работой, в полной и органической связи районов с М. К. и во всемерной ответственности и подотчетности всех низших партийных делений высшим, а в конечном счете М. К.

Централизм выразился, кроме того, в *слиянии* между собой отдельных мелких *районов:* взамен старых 11 районов получилось только 7 больших районов. Последние разбились на технические, вспомогательные единицы—на *участки*, ответственность за работу в участке была возложена на одного районного организатора. В районах аппараты комитетов были приведены в порядок. Была введена правильная и целесообразная система канцелярий. До того в райкомах не было никакой систематизации организационной работы. Райком разбился на отделы.

Аппарат самого М. К. сразу усилился. Раньше при М. К. было два отдела: военный и работы среди женщин; после реорганизации количество отделов увеличилось. Организация, агитация и пропаганда, учет и информация, национальные меньшинства и т. д. потребовали создания новых отделов. Главное, организация получила возможность учитывать свое «богатство», всю свою работу,—работа ощупью и наугад заменилась методической, рассчитанной и сосредоточенной работой. Получился цельный, слитный организм. Районы и М. К. стали жить единой и согласованной жизнью.

Если раньше высший практический орган московской организации—Исполнительная Комиссия, по выражению одного ее членов январского межрайонного Совещания, была лишь «штабом связи районов», то отныне она стала *настоящим боевым штабом* Москов. организации. Сам М. К. из «высокого собрания» превратился в руководящий центр. Для того, чтобы дать приблизительную картину работы Москов. организации рассматриваемого периода, мы воспроизводим следующ. сравнительн. табл. (см. след. стр.).

Таблица работы районов Московской Организации Р. К. П. за март 1920 г.

(Районы приведены по старому делению).

№№ по порядку.	Наименование районов.	Общее число членов.	Прибыль членов.	Убыль членов.	Организационный вопрос.																											Пропаганда и агитация.																								Совет. работа.	Примечание.
					Собрания, заседания.					Ячейки.			Митинги.				Парт. школы.		Субботн.	Конференции.			Клубы.			Кружки.				Библ.		Лекция.		Литература.			Сов. засед. отд. Исп. и Райком.																										
					Общее.	Район. к-та.	Испол. к-та.	Делегатов.	Секретарей ячеек и орган.	Сколько яч.	Сколько засед. бюро ячеек.	Собр. ячеек.	Красноарм.	Рабочие.	Деление.	Прочие.	Количество.	Количество слушателей.	Число работавших.	Сколько делег. Отдел собраний.	Красноарм.	Работниц.	Молодежи.	Красноарм.	Рабочие.	Прочие	Музыкальн.	Литератур.	Спортивные.	Прочие.	Число библ.	Сколько назв. книг имеется.	Колич. лекций.	Число слушат.	Сколько разн. прост. книг.	Газет.	Брошюр и листовок.																										
1	Городской	7279	190	216	1	4	7	3	5	211	—	—	54	7	38	4	27	1906	4580	3	—	1	—	27	5	7	5	5	1	7	49	40000	29	50/60	516	1643	7247	—																										
2	Хамовнический . .	2028	42	10	—	3	9	3	1	55	3	75	21				4	100	2470	3	—	1	1	8			6	2	—	—	3	—	6	150/400	—	—	—	—																										
3	Рог.-Симоновский .	2808	196	8	1	2	12	4	2	81	135	258	9	13	8	—	6	376	4000	1	—	—	1	8			5	—	—	—	5	23000	11	150	—	—	1500	2																										
4	Пресненский . . .	6786	387	—	—	5	6	3	—	81	—	—	28				—	—	988	3	—	—	—	5	8	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—																										
5	Басманный . . .	5772	337	225	—	5	9	5	3	87	—	125	65				1	—	2853	2	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	10	200/250	—	—	651	—																										
6	Бутырский . . .	1620	101	17	1	4	3	2	1	40	16	20	1	2	—	—	1	85	2105	—	—	1	—	3	7	1	5				2	—	6	70/200	—	—	—	2																										
7	С.-Марьинск. . .	2225	—	10	—	4	8	3	4	40	—	120	20	10	2	—	—	—	2005	3	—	—	1	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—																										
8	Сокольнический .	2507	504	23	—	4	4	2	3	58	—	—	6	—	—	—	—	—	2585	3	—	—	—	9	9	—	—	—	—	—	5	100000	—	—	—	—	—	1																										
	Кремлевск. подр. .	1726	54	191	2	3	4	1	1	19	21	41	4				1	900	721	2	—	—	—	1			15				1	—	6	1000	—	—	—	—																										
9	Замоскворецкий .	3940	235	20	—	6	8	2	6	118	11	44	—	—	—	—	1	70	1548	3	—	—	—	15			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3																										
10	Жел.-дорожный .	3283	554	135	—	2	4	2	—	87	—	244	30				1	55	8667	—	—	1	—	9			—	—	—	—	10	—	6	100/500	—	—	—	—																										
11	Лефортовский . .	1057	65	18	2	3	5	4	1	57	—	—	—	—	1	—	—	—	465	—	—	—	1	3	4		—	—	—	—	4	—	2	3500	—	—	—	—																										
		41031	2665	873	7	45	79	34	27	934	186	927	90	32	197	4	42	3492	32987	23	1	4	4	47	75	38	16	27	1	7	80	163000	76	—	516	1643	9393																										

Кроме того, состоялась Общегородская Конференция МОРКИ и Конференция пожарных и милиционных частей г. Москвы.

Вновь организованные отделы заработали. Организационный отдел связался с районами, стал инструктировать их, а учетно-распределительный — принялся за огромной важности дело: за выяснение того, что имеет организация, и за постепенное рациональное распределение работников. Только что приведенная таблица в первую очередь говорит о работе учетно-распределительного отдела.

Латышское, немецкое, венгерское, чехо-словацкое, украинское и т. д. бюро образовали один общий отдел агитации и пропаганды среди национальных меньшинств. Здесь мы остановимся на деятельности двух старых отделов М. К.: отдела по работе среди женщин и военного.

Фактически отделы работниц при М. К. и в районах возникли еще в марте 1919 года. В августе эти отделы были усилены. Необходимость в таких отделах вызывалась отсталостью женского пролетариата и тем огромным процентом (48,7%), который он представлял из всей массы фабрично-заводского населения города Москвы. Работа среди женщин с самого начала велась по двум направлениям: чисто организационному, путем устройства делегатских собраний, созыва широких конференций и митингов и собраний. Например, специально созванных отделами работниц митингов в Москве за август—декабрь 1919 г. было 435, а за январь—май 1920 г.—558. Делегатские собрания являются постоянными, они устраиваются еженедельно по всем районам с представительством от 20—1 или от 50—1. Ныне участников таких делегатских собраний насчитывается около 1500 работниц. На делегатских собраниях обсуждаются повседневные деловые вопросы, которые в дальнейшем ставятся делегатками на своих фабриках и заводах.

Широких женских конференций в районах было много, а общегородских—5, из коих 1-ая с количеством 200 делегаток, 2—300, 3—900, 4—3000 и 5—4000. Московская работница принимает живое участие и в Советском строительстве. В настоящее время в отделах Московского и районных Советов в качестве практиканток работает 300 делегаток, деятельностью которых руководят так называемые общественные инструктора; их по всей Москве 40. Работницы привлекаются и к литературе. В московских еженедельных газетах принимают участие около 100 работниц.

На том же самом основании еще в начале 19 года при М. К. был создан Военный Отдел, который оформился на основании решения Общегородской Конференции 2 мая того же года. В виду исторической важности этого постановления, мы приводим его целиком.

1. Мощь и сила армии поддерживаются ее политическим воспитанием, проводимых нашей партией. VIII Съезд партии вменил местным организациям в обязанность ввести усиленную и систематическую работу коммунистического воспитания красноармейцев в тыловых частях, путем выделения для этой цели специальных работников.

2. Вследствие этого М. К. Р. К. П. решил обратить особенное внимание на партийную работу в московском гарнизоне через специальных работников и особо военной деятельностью в районах, под общим руководством *Военного Отдела* при М. К., при чем в основу этой работы должны лечь следующие важнейшие меры:

а) периодические делегатские собрания красноармейских ячеек;

б) устройство по районам периодических *митингов* красноармейцев;

в) прикомандирование к каждому району, по крайней мере, по одному ответственному организатору для воинских частей;

г) учет и планомерное распределение коммунистических сил среди гарнизона за исключением курсов и академии генер. штаба и

д) поддержание тесной связи с военными учреждениями, как-то: Политотдел Революсовета Рес., Окружн. Воен. Ком. и Воен. Ком. г. Москвы.

3. *Основная партийная работа среди красноармейцев должна вестись в ячейках*, на что районы должны обратить самое серьезное внимание. Комиссар части стоит не над ячейкой, а лишь руководит и направляет ее, как ответственный коммунист. Местные организации обязаны следить за тем, чтобы в рядах армии слабым и негодным комиссарам не было места.

4. Постановка партийной работы в частях во многом зависит от *внутреннего порядка* в них. Согласно решению партийного съезда, наконец, должны быть пересмотрены воинские уставы и их положения введены в обиход жизни частей. Лишь при этом условии возможны нормальное существование частей и правильная партийная деятельность в них.

5. Инструкторские курсы почти совершенно не обслуживаются партией; необходимо, неотложно и энергично приняться за надлежащую постановку политического воспитания курсантов.

6. Партийная ячейка должна способствовать политическо-воспитательной и культурно-просветительной работе в части и направлять ее, при чем работу эту следует вести не урывками и формально, а систематически и на самом деле, как важную, необходимую и партийную работу, постепенно вовлекая широкие, отсталые круги красноармейцев.

7. Жизнь гарнизона по возможности в полной мере должна отражаться в периодической партийной печати. В виду этого конференция обращается к редакциям «Правды» и «Коммунара» с предложением, по крайней мере, в неделю 3 раза выпускать в этих органах «Страницу Красноармейца».

8. Необходимо помнить, что *коммунисты* в частях, неся большую ответственность и имея столь крупные обязанности, отнюдь *не в праве пользоваться какими бы то ни было привилегиями* и под видом партийной работы действовать в ущерб обще-армейским интересам. Коммунист-красноармеец отличается от остальной массы солдат Красной армии только тем, что он призван просвещать и поднять политическое самосознание ее, а тем самым и боеспособность своей части.

Скоро при отделе была создана коллегия, а для установления постоянной связи и систематизации работы всех политических отделов военных учреждений Москвы и центра при отделе же была организована совещательная коллегия из 5 лиц: представителей—военного отдела М. К., Пура, Пуокра, Военной Инспекции и Политпросвета Горвоенкома. Наконец, М. К. принял «Положение о военном отделе», основные принципы которого гласят:

1. Во главе отдела стоит заведывающий из числа членов М. К.

2. Отдел руководит всей политической работой и непосредственно ведет партийную работу в гарнизоне гор. Москвы.

Делегаты IX Съезда Р. К. П., члены партии до 1905 г.

3. В районах имеются для ведения той же работы военные бюро, подотчетные райкому и военотделу М. К.

4. Военный отдел и военные бюро являются подсобным аппаратом общей партийной работы и ни в коем случае не должны вылиться в форму отдельной военной организации.

На таких началах военный отдел стал работать в воинских частях. Работа эта—многосторонняя, кропотливая и напряженная. Для некоторой характеристики ее мы приведем цифры, относящиеся к трем различным периодам работы отдела—к начальному, ко второму и к концу второго. Первые цифры говорят о процентном отношении коммунистов-красноармейцев к беспартийным, а вторые—о количестве красноармейцев, обслуженных отделом митингами, собраниями и т. д.

Май 1919 г.	8,1	140.000
Ноябрь 1919 г.	8,2	168.005
Май 1920 г.	8,6	310.580

В общем, таким же темпом шла работа во всех отраслях деятельности Московской организации. Если раньше не замечалось должной связи с профессиональным движением и Советом, то теперь она стала мало-по-малу устанавливаться. Представитель губернского Совета Профессиональных союзов с совещательным голосом вошел в М. К., где периодически ставились доклады о работе Губсовета. К IX партийному съезду, в порядке дня которого стоял и вопрос о роли профессиональных союзов, Московская организация развила значительную кампанию вокруг профессионального движения.

Но огромную работу совершила организация в деле обновления Московского Совета и его связи с партией. В феврале 20 года были произведены новые выборы в Московский Совет. Организацией была развита самая бешеная агитация, в результате которой из всего количества избранных членов Совета—1532 ч. оказалось коммунистов и сочувствующих 1320, а других партий—только 212 человек. Сравнивая партийный состав предшествовавшего Совета с нынешним, приходим к выводам: коммунистов с 45% увеличилось до 79,63%, то-есть на 34,63%.

Взаимоотношения между организацией и Советом сразу определились, благодаря чему Московский Комитет получил возможность влиять на хозяйственную работу и заставить все свои органы вести эту работу самым интенсивным образом. Момент выдвинул вопрос о хозяйственных задачах партии. В связи с этим возникла мысль о создании так называемой «Комиссии Трех», которая согласно заданиям М. К. и Совета, поставила себе задачей улучшение быта московских рабочих и поднятие производительности труда на фабриках и заводах. «Комиссия Трех» развила значительную работу; она обследовала большинство предприятий Москвы, своими периодическими бюллетенями обнаруживая нестроения в них и отмечая постепенное улучшение производства—в результате рационализации условий труда, которой занялись наши ячейки.

Чтобы закончить обзор этого периода работы организации, нам нужно сказать несколько слов о том крупном шаге, который сделала организация в деле слияния города с губернией. Вопрос этот давно назрел, но обстоятельства не позволяли разрешить его. Но вот, майская конференция сказала, что наступило время, когда можно объединить партийную и советскую работу Москвы и ее губернии.

В партийном отношении слияние должно было дать экономию сил, усиление работы в уездах поскольку они значительно отставали от города, сближение деревенской организационной работы с чисто пролетарской и т. д. И действительно, слияние в этом отношении дало весьма хорошие результаты. Что же касается мотивов слияния городского Совета с Губернским, они носили, конечно, преимущественно экономический характер. Товарищи из Совета их определяют таким образом. «Отношения гор. Москвы к Московской губернии были, до слияния, весьма странны. С одной стороны, город голодный, но располагающий кое-какими предметами товарообмена с деревней; с другой стороны, губерния с известными излишками сена, картофеля, овощей, фруктов, но за то с громадными требованиями на изделия городской промышленности. А между ними сеть заградительных отрядов и продовольственный кордон, устраняющий возможность какой-либо общей политики в продовольственной области.

Такое же странное отношение наблюдаем, до слияния, и в области промышленности. В городе не хватало рабочей силы и сырья, которыми располагает (в известном отношении) губерния, в губернии же был ряд предприятий, которые влачили жалкое существование, праздно затрачивая, а иногда и не использовав всей возможной рабочей силы.

И затем полное отсутствие взаимности в области удовлетворения своих потребностей; промышленные предприятия, находящиеся в ведении Городского Совета (например, Горкож и др.), нуждались в заказах, а между тем Губкож удовлетворял свою потребность в обуви посредством передачи заказов кустарям в ущерб общехозяйственной политике. И так везде, во всех областях.

Вот картина взаимоотношений города с губернией,—картина экономического абсурда, который, в особенности в настоящее время, мы себе позволить не могли. И поэтому естественно, что экономический фактор сыграл такую большую роль в вопросе о слиянии и повлиял на решение его в положительном смысле.

Результаты слияния города с губернией уже имеются налицо. Результаты — положительные прежде всего для губернии. Губерния зашевелилась, оживилась, начала интересоваться городом, его жизнью, его потребностями и возможностями, а потом этот интерес шел дальше и глубже и перерождался в интерес к общему советскому строительству и к политике».

Таким образом, можно отметить, что слияние дало сильный толчок увеличению и мощности всей Московской организации. Оно послужило тем поворотным пунктом, который определенным образом провел грань между старой и новой организацией. Старая разбросанная партийная организация уступила свое место новой концентрированной, централизованной и большой организации со столь же большими планами, большим размахом и крупной работой. Московская организация, таким образом, вступила на путь государственного масштаба работы, организации и развития.

III.

Слившаяся Московская организация имела около 45 тыс. членов партии, стало-быть, по своей величине она является самой крупной в нашей партии организацией. Как уже видели, она взяла курс на новую организационную линию в противовес старой, кустарнической. Понятное

дело, что ее аппараты увеличились и расширились и в первую очередь это нужно сказать на счет агитационно-пропагандистского отдела М. К.

Агитация и пропаганда за последние месяцы значительно развернулись; за июль, август, сентябрь и октябрь месяцы было проведено разных собраний и митингов:

	Количество.	С количеством слушателей.
Июль	2.497	770.000
Август	1.911	403.000
Сентябрь	209	168.000
Октябрь	209	101.594
Итого	4.826	1.442.594

Способ и метод агитации и пропаганды были улучшены. Было обращено внимание и на чисто организационную работу, но она затруднялась рядом то и дело чередовавших друг друга кампаний, перерегистрацией членов и теми объективными причинами, кои создали совершенно новые условия существования и развития организации.

Кстати, перерегистрация обнаружила значительное уменьшение количества членов партии. Если до перерегистрации и непосредственно перед ней в организации числилось 43.389 членов, то после нее уже оказалось 27.641. Такое «катастрофическое» падение числа членов организации сентябрьская книжка отчета М. К., между прочим, объясняет следующим:

«Москва дала очень много партийных работников в другие губернии, и по мере того, как территория Советской Республики расширялась, как в состав Советской Федерации входили все новые члены, отлив партработников из Москвы все увеличивается. По далеко неполным сведениям, в течение 1918 и 1919 гг. М. К. были произведены партийные мобилизации, в общей сложности взявшие у организации больше 2.500 членов, которые не были изъяты из списков и, наконец, за время 1918, 1919 и 1920 гг. были отправлены из Москвы на фронты многие воинские части со всеми находящимися в них коммунистами и произведены военные мобилизации многих возрастов, взявшие тоже не мало коммунистов. Кроме того, в Москве расположен университет им. Свердлова и целый ряд различных курсов (главным образом, командного состава), за эти три года через университет и эти курсы прошло значительное количество коммунистов, убыль которых также не принята в расчет. Эти обстоятельства необходимо учесть при рассмотрении довольно большой цифры не явившихся на перерегистрацию (13.869 членов). Всего взято на учет после перерегистрации 27.792 члена, во время перерегистрации исключено 620 членов, переведено в кандидаты 903 человека и значится в командировках всего 533 члена».

Перерегистрация дала возможность хоть в грубых чертах определить социальный состав членов организации, который рисуется в таком виде:

Наименование районов.	Рабочих.		Крестьян.		Служащих.		Интеллигентов.		Всего.
	Количество.	%	Количество.	%	Количество.	%	Количество.	%	
Бауманский	1.722	54	402	12	727	23	337	10	3.183
Городской	2.596	51	338	7	1.166	23	935	19	5.085
Замоскворецкий	1.664	60	286	10	591	21	251	9	2.792
Краснопресненск.	4.012	54	1.130	15	1.530	21	754	10	7.426
Рогожско-Сим.	630	65	114	12	168	18	47	5	959
Сокольнический	1.228	63	163	8	454	23	104	6	1.949
Хамовнический	743	49	216	14	371	24	271	19	1.501
Итого в г. Москве	12.595	55	2.649	11	5.037	22	2.699	12	22.850
Богородский уезд	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бронницкий	198	—	47	—	97	—	25	—	367
Волоколамский	49	—	30	—	20	—	7	—	106
Верейский	46	—	20	—	14	—	2	—	82
Дмитровский	123	—	43	—	31	—	6	—	203
Звенигородский	138	—	34	—	52	—	4	—	228
Клинский	200	—	81	—	85	—	10	—	376
Коломенский	220	—	4	—	73	—	7	—	304
Можайский	145	—	65	—	64	—	25	—	299
Московский	589	—	175	—	208	—	53	—	1.025
Наро-Фоминский	63	—	3	—	18	—	4	—	88
Орехово-Зуевский	335	—	28	—	104	—	20	—	487
Павлово-Посадск.	126	—	3	—	31	—	6	—	166
Подольский	303	—	34	—	97	—	11	—	445
Рузский	31	—	14	—	20	—	1	—	66
Сергиево-Посадск.	91	—	30	—	54	—	18	—	193
Серпуховской	191	—	86	—	97	—	18	—	392
Щелковский	112	—	3	—	24	—	—	—	139
Итого в уездах	2.960	60	700	14	1.089	22	217	4	4.966
Всего	15.555	56	3.349	12	6.096	22	2.916	10	27.816

Для определения всей организационной работы последних месяцев следовало бы остановиться на работе отделов М. К., но в виду того, что эта работа в сущности не отличается от той, которую мы отметили во второй части нашего обзора, считаем это излишним. Но здесь следует сказать несколько слов о тех новых условиях, которые в последнее время влияли на развитие организации. К этим условиям относится вопрос о «рабочей демократии».

Новая большая организация, организация, все больше и больше развивающаяся, до самого последнего времени носила на себе некоторые старые организационные формы. Оболочка не соответствовала содержанию.

Несоответствие создало ненормальные условия жизни организации. Недавно состоявшаяся ноябрьская конференция организации поставила себе задачей подготовку таких условий жизни и деятельности ее, которые могли бы создать полное соответствие между формой и содержанием организации.

В этом духе на конференции была принята обширная резолюция по докладу М. К. Московская организация должна стать на путь широкого развития и полного расцвета. А ей это и нужно, поскольку она является самой крупной организацией.

Профессиональное движение.

Профессиональное движение Москвы, как и всей России влачило в дореволюционное время крайне жалкое существование.

Февральская революция 1917 г. застает в Москве всего лишь несколько союзов (около восьми) с общим количеством в 2—3000 человек. С первых же дней февральской стачки начинается рост союзов. Существовавшие союзы образовали Центральное Бюро и концентрировали руководство профессионального движения, как в смысле содействия создания новых союзов, так и в смысле руководства политической борьбы. Союзы росли не по дням, а по часам. Многие из них сразу же организовались по производственному принципу, многие же, в особенности не пролетарские элементы, строили цеховые союзы. К сожалению, архивы союзов до сих пор находятся в хаотическом состоянии и трудно дать картину движения всех союзов, возникавших, сливавшихся, переставших существовать за период с 1917 года. Достаточно сказать, что к 1918 году одних союзов служащих числилось около 60: «Союзы служащих мануфактуристов», «служащие в обувных магазинах», «служащие в меховых магазинах», «шляпочных», «служащие в мелочных», «совет депутатов фабрично-заводских служащих», «работники пера и счета» и т. п. Центральное Бюро союзов, став с первых же дней на точку зрения организации союзов по производственному принципу, принимало и утверждало в качестве члена—основную ячейку данного производства или отрасли хозяйства и потом уже сплачивало—сливало остальные группы вокруг основной ячейки. Были и такие весьма редкие случаи, когда ни одна ячейка не утверждалась до объединения, были случаи условного утверждения двух-трех групп с требованием немедленного слияния. Надо отметить, что целый ряд организаций, возникших под именем—профессиональный союз, ничего общего с профессиональным рабочим движением не имели, под ними часто скрывались мелкие предприниматели, например, «союз зубных врачей», «профес. союз одеяния», «союз уличных торговцев», «союз газетчиков», «союз парикмахеров» (последние долго отказывались прибавить слово предпринимателей) и т. д. Возникновение таких союзов относится, главным образом, к 1918 г., т. к. укрытие в союзе давало «гражданство». Существовал целый ряд союзов, лиц свободных профессий: «союз писателей», «союз поэтов», «союз журналистов» и т. д. Последние профессиональные союзы не принимались Центральным Бюро, пользуясь, однако, время от времени льготами, представленными рабочим союзом.

Одновременно и даже быстрее, опережая рост профессиональных союзов, Москва покрылась сетью фабрично-заводских комитетов. Создание, оформление профессионального союза предполагает высшую ступень организованности рабочих, предполагает подчас длительный процесс организационной работы. Между тем, фабрики и заводы в дни февральской революции сразу почувствовали необходимость объединяющего руководства на заводе и лозунг «организуйте заводские комитеты» нашел самый горячий отклик в массах. Фабрично-заводские комитеты в первые дни и были настоящими организаторами рабочего класса, они принимали участие в создании союзов и они, главным образом, влияли на процесс борьбы с цеховщиной. Профессиональным союзам приходилось складываться и оформляться в весьма неблагоприятное время. Отсутствие опытных работников, отсутствие квартир и необходимость с первых же дней руководства развертывавшейся экономической и политической борьбой, значительно тормозило организационную работу. Вырвавшись из тисков царизма, рабочий почувствовал острую потребность в немедленном улучшении своего экономического положения. Встречая сопротивление капиталистов и буржуазной власти, рабочий активно шел на штурм капитала и власти. И с первых же дней февраля Москва была охвачена экономическими стачками, на которые необходимо было сосредоточить все внимание. Не имея ни традиции, ни опыта, начали налаживать тарифную работу, контроль предприятий. Совет Рабочих Депутатов того времени (меньшевистский) создал «специальную» секцию содействия профессиональному строительству со сметой в 1200 руб. в месяц; во главе секции стояли не безызвестные Гриневич и Чистов. Трудно сказать, к чему сводилась идея создания этой секции, кроме как к тому, чтобы взять на буксир меньшевистского соглашательства бушующее московское движение. Чтобы иметь более полное представление об условиях и возможностях, которые создавались в период керенщины и в которых протекала работа строительства союзов в дооктябрьский период, я привожу выдержки из резолюции «совещания Ц. Б. профессиональных союзов г. Москвы и его окрестностей с правлениями всех профессиональных союзов», состоявшемся июня 1917 г. Совещание, обсудив исключительно критическое положение, в котором находятся профсоюзы в отношении пользования помещениями, постановило: профсоюзы с самого начала революции, проявившие энергичную организационную деятельность, наталкиваются на не-

преодолимые препятствия, в виду отсутствия помещений, «все попытки найти помещения через С. Р. Д. не приводили к положительному результату», «профессиональным союзам грозит в ближайшем будущем полный развал»... Эти выдержки показывают, что даже самые элементарные потребности союзов не удовлетворялись в то время.

К октябрьским дням в Центральном Бюро, переименованном в Совет Профессиональных Союзов московского промышленного района, примыкало 57 союзов, остальные (свыше сотни) не принимались и не признавались, вследствие их непролетарского и цехового характера.

К первому Всероссийскому съезду профессиональных союзов Москва представляла 57 союзов, насчитывавшие 500.000 аккуратных плательщиков членских взносов. После 1-го и 2-го Всероссийских Съездов профсоюзов была проделана большая работа по реорганизации союзов по производственному принципу и к 3-му съезду было представлено 31 московский союз; после 3-го съезда число союзов доведено до 22.

Согласно решению 2-го Всероссийского Съезда о строении союзов по губернскому масштабу, об организации уездных бюро союзов и о переводе их на сметное существование в Москве и губернии была проделана большая работа, в результате которой везде в уездах организованы бюро союзов, уездные союзы объединены с губернскими. Окончательное объединение московского и губернского профессионального движения произошло на 1-м губернском съезде союзов в сентябре 1919 г., на котором и был выбран общий губернский орган — президиум МГСПС. На целом ряде конференций фабрично-заводских комитетов после решения общегородской (Московской) конференции ф.-з. комит. уничтожен параллелизм, который наблюдался в свое время между союзными ячейками в предприятиях и фабрично-заводскими комитетами. Последние заменили «уполномоченных» и «союзных делегатов» и превратились в первичные и основные организационные ячейки союзов на заводе. Вместо хаоса, союзной путаницы 1917 г., мы теперь имеем вполне стройную систему законченных производственных профессиональных союзов.

Группировка рабочих профсоюзов к первому съезду и после реорганизации по производственному принципу к августу 1920 г. представляется в следующем виде:

1. Союзы, объединенные в МСПС к первому Всероссийскому Съезду и время их возникновения.

1) Архитектурн. строит. — 1917 г., 2) библиотекарей — 1917 г., 3) работ. в биржевых артелях—1917 г., 4) низших служащих больниц — 1917 г., 5) работников по водопроводу—март 1917 г., 6) городских служащих и рабочих—март 1917 г., 7) дворников—апрель 1917 г., 8) деревообделочников—март 1917 г., 9) домовых служащих—март 1917 г., 10) работников жел.-дор. узла—1917 г., 11) золотоискателей—1917 г., 12) рабочих по обработке благородных металлов—1917 г., 13) картонажников—март 1917 г., 14) кладбищенских служащих и рабочих—май 1917 г., 15) колбасно-кишечного производства—апрель 1917 г., 16) кожевенной промышленности—март 1917 г., 17) кожевников, мастеровых и монтеров—апрель 1917 г., 18) кондитеров—1917 г., 19) крючников и грузчиков—апрель 1917 г., 20) курьеров и рассыльных—март 1917 г., 21) ленточников — апрель 1917 г., 22) ломовых возчиков и мастеровых — март 1917 г., 23) маляров-живописцев — 1917 г., 24) металлистов—март 1917 г., 25) механиков, планистов кинотеатра—март 1917 г., 26) механиков табачного и гильзового производства 1917 г., 27) парикмахеров—апрель 1917 г., 28) печатного труда—февраль 1917 г., 29) поргановского производства—март 1917 г., 30) прачечников и химич. чистки белья—март 1917 г., 31) пуговичников и крючечников—март 1917 г., 32) сельского хозяйства рабочих—июнь 1917 г., 33) резинового производства—апрель 1917 г., 34) служащих гор. Москвы и окрестностей—май 1917 г., 35) служащих коммерческих и торгово-промышленных предприятий — март 1917 г., 36) служащих всех отраслей торговли и промышленности — 1917 г., 37) скорняков и меховщиков — март 1917 г., 38) служащих кооперации—апрель 1917 г., 39) служащих кредитных учреждений—1917 г., 40) стекла и фарфора—июль 1917 г., 41) работников табачного и гильзового производства—март 1917 г., 42) рабочих театра — 1917 г., 43) текстильщиков—март 1917 г., 44) техников и чертежников—март 1917 г., 45) трактирного промысла—март 1917 г., 46) служащих в аптеках—июнь 1917 г., 47) фотографов работн.—май 1917 г., 48) химических и сходных производств—июнь 1917 г., 49) хлебопекарен—1917 г., 50) чаеразвесочников—март 1917 г., 51) шляпочников-шапочников и картузников—март 1917 г., 52) шоферов—март 1917 г., 53) электротехников—март 1917 г., 54) служащих в страховых и транспортных предприятиях—1917 г., 55) рабоч. кирпичного производства—1917 г., 56) служащих в банях—май 1917 г., 57) парфюмерного и сходного производства — март 1917 г.

2. Список союзов к августу 1920 г., количество членов, включая и губернию, с указанием времени их реорганизации.

Наименование союзов.	Колич. член.	Время реоргапиз.
1. Всемедикосантруд . .	50.721	июль 1918 г.
2. Водного транспорта .	6.230	окт. 1917 »
3. Губработзем.	13.000	март 1919 »
4. Райпрофсож (жел. д.)	118.000	июль 1919 »
5. Деревообделочн. . .	3.296	сент. 1918 »
6. Коммун. хозяйства .	31.296	апр. 1920 »
7. Кожевников.	15.837	1918 »
8. Металлистов	53.986 (без Коломны)	1919 »
9. Народного питания .	15.093	янв. 1918 »
10. Народной связи . . .	17.849 (вошел в МГСПС в 1918 г.)	март 1917 »
11. Полиграф. произв. .	18.845	1918 »
12. Соц. культ и просв.	25.765	апр. 1919 »
13. Искусств	12.000	1919 »
14. Пищевиков	18.448	дек. 1919 »
15. Советск. работников .	99.461	дек. 1918 »
16. Строит. рабочих . . .	56.445	сент. 1918 »
17. Стекла и фарфора . .	9.955	июль 1917 »
18. Табачников	3.003	1917 »
19. Местного транспорта .	17.348	дек. 1918 »
20. Текстильщиков . . .	101.682	1917 »
21. Химиков	19.664	1919 »
22. Швейной промышлен.	20.650	1917 »
Итого . . .	730.434 чел.	

Заседание II Конгресса 3-го Интернационала в Большом дворце.

Уездные бюро и отделения организованы в следующих местах:

Уезды.	Колич. отдел.	Колич. членов.
1. Коломна	15	15.256
2. Клин	15	9.065
3. Сергиев Посад	14	6.537
4. Звенигород	10	6.917
5. Наро-Фоминск	8	6.096
6. Подольск	21	16.298
7. Бронницы	15	13.868
8. Александровск	16	22.804
9. Дмитриевск	13	7.832
10. Серпухов	17	18.218
11. Богородск	14	22.181
12. Можайск	15	7.140
13. Павловск. Посад	19	9.969
14. Орехово-Зуево	14	27.676
15. Волоколамск	10	4.643
	Итого.	194.496 чел.

В таком виде представляется перегруппировка и рост профессиональных союзов в Москве и Московск. губ. Цифры о членстве взяты, главным образом, из кратких отчетов союзов, представляемых в М. Г. С. П. С.

Понятно, жизнь союзов не ограничивается одним только подбором членов, они принимали и принимают самое активное участие в политической борьбе, в гражданской войне и в экономическом строительстве страны.

В первые же дни февральской революции союзы сразу занимают определенную позицию. Собрание всех правлений союзов 5 марта избрало представителей в Исполнит. Ком. Сов. Раб. Депутатов тт. Подбельского, Шевкова, Игнатова, Сафронова и Лашевича со следующим наказом: «Считая, что революция еще не закончена, что власть, к сожалению, захвачена буржуазией контр-революционной по существу, что нет даже уверенности в созыве Учредительного Собрания, считая дальше, что прекращение забастовки в Москве усиливает положение контр-революционной власти и реакционной части офицерства и вместе с тем ослабляет положение наших петроградских товарищей, что мы сами находимся в состоянии организующейся силы и что то же происходит и в солдатской среде,—все это приводит нас к убеждению, что прекращение забастовки в настоящий момент является преждевременным и тяжело отзывается на пролетариате. Считаясь со всем этим, собрание союза союзов рекомендует своим членам в Исполн. Комит. Сов. Раб. Деп. бороться всеми силами за продолжение забастовки».

В дальнейшем ходе экономической борьбы, участвуя в коалиционных экономических советах, борясь с скрытыми локаутом и саботажем владельцев фабрик и заводов, борясь за сохранение промышленности, рабочие и их органы—профсоюзы—убедились в правильности своей позиции по отношению к буржуазной власти и продолжали организованную борьбу с временным правительством и затем с коалиционным правительством. Все выступления контр-революции встречали соответствующую оценку и отпор. Здесь московские союзы не останавливались перед открытым столкновением и разрывом с тогдашним меньшевистским С. Р. Д. Памятны исторические заседания 7 и 8 августа 1917 г. Совета Профессиональных Союзов с представителями Исполнительных Комитетов Совета Рабочих и Совета Солдатских Депутатов с представителями большевиков, меньшевиков, с.-р. и объединенцев, на которых обсуждалось и выяснялось отношение союзов к Московскому Государственному Совещанию; историческое заседание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которое, несмотря на настроение и решение союзов, решило игнорировать их и принять участие в Государственном Совещании, и последовавшее затем в ту же ночь собрание всех правлений профсоюзов, вынесшее свое резкое, отрицательное отношение к тактике совета, отказавшегося следовать воле организованного пролетариата. Разрыв с соглашательскими советами и всеобщая стачка в Москве (бастовало 500.000 человек) встретили «великих гостей». Не менее характерной явилась позиция, занятая через пару недель по вопросу о «корниловском мятеже» 29 августа 1917 г. «Соединенное собрание МСПС и правлений 47 союзов призывает Сов. Раб. и Солд. Деп., а также исполнительный орган революционной демократии—семерку, ведущую борьбу с корниловским заговором, прекратить печатание всей буржуазной прессы, являющейся проводником военно-буржуазной контр-революции и способствующей нарастанию погромного движения. Освободившиеся, благодаря этому, типографии предлагаем использовать для успешного выхода социалистической печати, которая необходима тем более, что является одним из решительных способов борьбы с контр-революцией. Собрание профсоюзов надеется, что Сов. Рабоч. и Солд. Деп. и санкционированный им Исполн. Комит., как орган революционного действия, не отвергнут предложения союзов, которые еще в момент созыва «живых сил» на Московское Совещание протестовали против него, как источника, из которого может почерпнуть силы контр-революция».

Тогда же была принята следующая резолюция: «Считая, что дело революции наиболее дорого пролетариату и деревенской бедноте, собрание считает необходимой, для успешной борьбы с контр-революцией, организацию вооружения истинных руководителей революционных масс: необходимо в экстренном порядке поголовное вооружение всех организованных рабочих и образование Красной Гвардии».

Московские профсоюзы, занятые в своей повседневной работе борьбой за улучшение экономического положения рабочих, силой вещей и обстоятельств приходили к выводу, что единственный выход в диктатуре пролетариата, в решительных, революционных действиях. Задолго до октябрьских дней мы находим в передовице органа московских металлистов от 16 сентября следующую оценку момента и выводы из нее:

«Новый шквал революции растет... То там, то здесь вспыхивают, как искры нового пожара, экономические стачки. Киевские рабочие, бакинский пролетариат, казанские металлисты, московские кожевники... Целые союзы рабочих ведут борьбу за минимум заработной платы, за коллективный договор, за право контроля рабочих комитетов, за признание союзов». «...Ураганный бег жизни делает эти стачки перманентными. Что такое минимум заработной платы и тариф в обстановке раз-

рух и безудержно бешеного роста цен. Паллиатив, заплата»... «Теперь, когда революцией поставлен в порядок дня основной вопрос—регулирование всей промышленной жизни—даже такой новый и большой вопрос, как установление коллективных тарифных договоров, отодвигается жизнью как будто на второй план. Сейчас более, чем когда-либо стало ясно, как экономическая борьба переходит в политическую»... «Нет отдельных конфликтов металлистов, текстилей, кожевников—есть один огромный всероссийский конфликт труда и капитала». «...Мы переживаем период *социальной войны* по всему фронту».

«...Советы должны немедленно силой революционной власти прекратить забастовки, заставив предпринимателей удовлетворить все требования рабочих. Советы должны немедленно декретировать прием и увольнение рабочих исключительно через профессиональные организации, под непосредственным контролем заводских комитетов. Они должны, затем, закрепить минимум заработной платы установлением через союз единообразных тарифов во всех отраслях промышленности. Словом, они должны стать незамедлительно на путь революционной организации производства. Но такая организация предполагает организацию революционной власти. Наша экономическая борьба должна стать непосредственной борьбой за *политическую власть советов. Каждый организованный рабочий должен понять, что вне этой борьбы всякие экономические стачки обречены сейчас на бесплодность. Наш удар должен явиться общеклассовым молниеносным ударом по всему фронту, в форме всеобщей организующей политической стачки*».

Так подходили к вопросу борьбы за Советскую власть экономически организации рабочего класса. Цитированная передовица и намеченный ею путь не оставались фразой. Они легли в основу резолюции, принятой делегатским собранием металлистов, когда решался вопрос об экономической стачке за новый тариф. «Промышленный капитал, организованный в мощный синдикат, ставит себе целью, путем дезорганизации производства и вызываемой этим безработицы, смирить рабочий класс и, вместе с тем, подавить революцию, провоцирует рабочих за частичные забастовки, подрывающие и без того расстроенное производство. Все это вместе взятое ставит перед пролетариатом следующую задачу: путем организованного выступления через Советы—захват власти совместно с беднейшими слоями деревни».

Этим своим постановлением металлисты и многие другие союзы, у которых назревали стачки за тарифы, за признание контроля заводских комитетов и пр., отказались от частичных выступлений, готовясь ко всеобщему политическому выступлению. Этим была предрешена судьба надвигающегося октябрьского восстания. Вся борьба союзов в период временного правительства и правительства коалиционного укрепили убеждение в необходимости установления диктатуры пролетариата. Вот почему ужасы московского октябрьского восстания не остановили рабочих, и через трупы своих товарищей и врагов они упорно шли к победе.

И когда 26 октября получилась весть о выступлении в Петрограде, профессиональные союзы—в лице своих правлений—быстро собрались, избрали революционный комитет из 9 лиц, из которых трое должны были войти в обще-революционный комитет.

На второй день после Октябрьской революции московские союзы взялись быстро за работу по борьбе с наследием империалистической войны. На очередь дня были выдвинуты вопросы борьбы за установление трудовой дисциплины, налаживания производства, борьба с надвигающимся кошмаром безработицы. Существовавшие при союзах бюро безработных были сконцентрированы в Центральную Биржу Труда (существует ныне под названием: «Учет и распределение рабочей силы»). Через биржу труда прошли десятки тысяч безработных. С 19 февраля по 21 июня 1918 г. биржа взяла на учет 98.199 безработных, из которых за это время было помещено на работы 23.955 человек. Одновременно с биржей труда была налажена и касса безработных. Касса безработных снабжала безработных обедами, ночевками и выплачивала пенсию. С 1 апреля по 10 мая 1918 г. 12.000 безработных получило пенсию, из этого числа 9601 человек состояли членами союзов, из получавших пенсии 47% безработных падало на демобилизованных. Надо отметить, что фонд для безработных создался за счет предпринимателей, которые вносили в кассу 4% из общей суммы выплачиваемой заработной платы, а закрывающиеся амуниционные предприятия вносили в кассу недельную заработную плату и кроме того, выплачивали 6-недельную заработную плату на руки рабочим. Из их взносов создался фонд: из 4%—(с 5 апреля по 22 июня) 11.144 р. 70 коп., из 6 нед.—2.899.000 руб.

Правильное регулирование заработной платы, разработка с этой целью тарифов, установление норм выработки, началась после октября. Отсутствие всероссийских объединений и тарифной политики толкало к разработке локальных тарифов. К концу 1918 г. было разработано и проведено в жизнь 55 тарифов. Тарифы неоднократно перерабатывались и послужили в дальнейшем образцом для всероссийских объединений. После концентрации тарифной политики во всероссийских объединениях (II Всеросс. Съезд профес. союзов), в московских союзах работа сводилась к проведению тарифов в жизнь, к разбивке рабочих на соответствующие группы сообразно квалификации и к контролю правильности проведения тарифов, к организации местных расценочных комиссий, санкции сверхурочных и сдельных работ.

Значительная часть работы союзов падает на конфликты, но с улучшением тарифной работы, с более ясной разработки правил внутреннего распорядка, количество конфликтов значительно уменьшается.

Движение конфликтов по месяцам за вторую половину 1918 и 1919 гг.

Год и месяц.	Число конфл.	Число участн.	Год и месяц.	Число конфл.	Число участн.	Год и месяц.	Число конфл.	Число участн.
1918 июль	907	—	1919 янв.	208	647	1919 июль	91	139
» авг.	716	—	» февр.	145	136	» авг.	69	86
» сент.	487	—	» март	114	228	сент.	96	192
» окт.	527	—	» апр.	112	344	» окт.	94	136
» нояб.	504	—	» май	146	263	» нояб.	34	61
» дек.	366	—	» июнь	41	92	» дек.	32	63

В настоящее время большинство конфликтов возникает в связи с вопросами внутреннего распорядка и

разбор дела по ним передается в товарищеские дисциплинарные суды, учрежденные при союзах по постановлению 3 Всеросс. Съезда.

В 15 московских союзах к 1 сент. 1920 г. дисциплинарные суды уже начали свою деятельность, в 6 союзах находятся в периоде организации и в 2-х союзах (рабочих ж.-д. и водного транспорта) не функционируют, в виду милитаризации предприятий. Для характеристики дел, поступающих на рассмотрение судов и вынесенных решений, можно привести данные из отчетов некоторых союзов за время с 1 сентября 1919 г. по 1 сентябрь 1920 г.

Союз текстильщиков (с 1 июня по 1 сентября 1920 г.)

Число разобранных дел.	Квалификация дел.					Вынесенные постановления.						
	Непр. действ. ком.	Саботаж.	Прогул.	Самовольный уход.	Мелкий хищений.	Увол.	Увол. с пер. отд. У. Р. С.	Перемещ. комит.	Исключ. из комит.	Выговор с пом. тар. ст. и взыск. премии.	Соглашение.	Предание суду.
54	3	2	8	4	26	11	5	2	2	22	12	11

В отчете союза народного питания проводится следующая квалификация поступивших дел: непризнание комитетов, прогулы, оскорбление выборных лиц словами и действием, небрежное хранение инвентаря, халатное отношение к хранению продуктов, мелкие хищения. Из 32 рассмотренных с июля по сентябрь вынесено 11 выговоров, 8 предупреждений, 6 переводов на другие должности, 7 оправдательных приговоров. Почти все отчеты отмечают с введением дисциплинарных судов подъем трудовой дисциплины.

Вся тарифная работа проделана под контролем тарифного отдела МГСПС, который со своей стороны обследовал все центральные советские учреждения, главным образом, главки ВСНХ и 519 предприятий, входящих в 19 разных союзов. Обследовались нормы выработки, премиальная система и проч.

В области культурно-просветительной работы союзы большого размаха не проявили, вся энергия и все внимание было отдано организационной и политической работе, да кроме того, культурно-просветительная работа, как таковая, сосредоточивалась в органах Наркомпроса и Пролеткульта, куда входили представители союзов. Отдельные проявления этой работы сказывались в организации отдельными союзами клубов, спектаклей, концертов, экскурсий и лекций. Почти при всех союзах имеются библиотеки. При МГСПС имеется центральная рабочая библиотека с 60.000 томов. Некоторые союзы организовали студии. Организовано также снабжение рабочих билетами в московские театры.

Больше всего энергия и внимание союзов сосредоточены на развитии профессионально-технического образования и на производственной пропаганде. Некоторые союзы организовали технические курсы и, кроме того, МГСПС влияет на работу соответствующей секцией МОНО. 2 московский губернский съезд профсоюзов, происходивший 20 сентября т/г., отметил необходимость сосредоточить культурно-просвет. работы в профсекции МОНО.

В области охраны труда при всех союзах организованы комиссии охраны труда, которые совместно с Отделом Охраны Труда работают по проведению в жизнь декретов Советской власти. Все инспекторы труда избраны МГСПС. В области хозяйственной работы союзы связаны с Московским Советом Народного Хозяйства и большое количество ответственных работников профсоюзов выделено на работу в отделы МСНХ. К сожалению, отсутствие статистики не дает нам возможности составить полную картину этой работы. Теперь при союзах налаживаются экономические отделы с подотделами организации производства и снабжения.

В связи с обострением продовольственного кризиса московские союзы организовали «Военно-Продовольственное Бюро», через которое направляли тысячи пролетариев на продовольственные работы. С развитием работы Бюро стало Всероссийским, и весь аппарат перешел из под контроля МГСПС под контроль ВЦСПС.

Количество отрядов рабочих и ответственных работников для продовольственной работы, выделенных московскими союзами в сравнении с Россией.

	Колич. отрядов.	Рабочих.	Отв. работн.
		1919 г.	
Вся Россия	918	26.487	1.916
Из них Моск. губ.	384	10.368	850
		1920 г.	
Вся Россия	356	10.612	1.020
Московск. губ.	116	3.132	450

По инициативе МГСПС был проведен декрет о маршрутных поездах, и работа в этой области характеризуется следующими цифрами.

К ремонту было привлечено 830 рабочих из 50 предприятий, на заготовку дров было привлечено 2170 рабочих, отремонтировано 32 паровоза и 1319 вагонов. Маршрутами привезено 427.090 пуд. хлеба и 317.250 пуд. рыбы и соли. Из всего этого количества было распределено среди рабочих по 30 ф. на едока—178.000 пуд. хлеба, все остальное пошло в общий котел.

Кроме этого, союзы выделили 950 чел. на реализацию картофельной разверстки осенью текущего года по Московской губ.

Обострению топливного вопроса взяло у союзов 50 ответственных работников, членов правлений.

Осложнение на фронтах гражданской войны, начиная с Бреста, вызвало у московских союзов живейший отклик и революционную решимость бороться до полной победы. Еще 25 февраля 1918 г. во время горячих дискуссий и больших шатаний в связи с подписанием Брестского мира на общем собрании совета союзов и правлений была принята следующая резолюция: «Выражая доверие Совету Народных Комиссаров и считая, что в настоящий момент после заявлений нашей мирной делегации в Бресте о прекращении войны и демобилизации армии, война уже носит не империалистический, а классовой характер, Московский Совет Профсоюзов совместно с правлениями профсоюзов призывает весь московский пролетариат к самой энергичной защите завоеваний революции путем мобилизации всех сил организованного пролетариата. Непосредственной задачей дня является немедленное создание револю-

ционной Красной армии и организация важнейших отраслей промышленности.

Для осуществления первой задачи необходимо всем членам профессиональных союзов, которые не являются безусловно необходимыми для данного производства, вступить в ряды Красной армии. Для осуществления второй задачи — органы снабжения, распределения и регулирования должны быть подчинены профессиональным союзам. Необходимо немедленно ввести всеобщую военно-трудовую повинность, необходимо ввести строжайшую трудовую дисциплину, ибо только в организации и дисциплине спасения революции».

Союзы не только принимали резолюции, но много раз проводили мобилизации и отправили своих лучших работников на фронт. Проводилась мобилизация за чехословацкий фронт, деникинский, колчаковский, Юденича, только лишь недавно было мобилизовано до 1000 раб. на польский и врангелевский фронты. Московские союзы, заняв еще в дни февраля позицию, нерасходящуюся с политической линией большевиков, открыто на своих конференциях признали политическое руководство коммунистической партии, и московские союзы первые на конференции фабрично-заводских комитетов и

правлений во время I Конгресса III Интернационала высказались за присоединение к III Интернационалу.

Немало Москва поработала на создание Всероссийского объединенного профес. движения. Когда из Питера эвакуировался Ц. Совет Профес. Союзов, избранный на 1 съезде профсоюзов, в нем не было ни работников, ни аппарата и на 4 Всеросс. Конференции были избраны председателем и секретарем В. Ц. С. П. С. председатель и секретарь М. С. П. С., которые обслуживали оба центра аппаратом Москвы.

Во всех центральных объединениях можно найти больше 50% московских работников, избранных туда на съездах и играющих руководящую роль.

Много, понятно, было ошибок в работе союзов, много и не сделано, в ближайшем следовало бы заняться концентрированием материалов профессионального движения, чтобы можно было бы полнее осветить деятельность союзов по статистическим данным. Но, просматривая и тот немногий материал, который находится в нашем распоряжении, можно сказать, что Москва является наиболее крупным центром профессионального движения России, и что начиная с февральской революции московское движение было руководящим.

2-ой Конгресс III Интернационала.—Делегаты на параде войск.

„Субботники".

В субботу 12 апреля 1919 г. рабочими депо «Москва—Сортировочная», Московско-Казанской ж. д., по частной инициативе слесаря Ивана Ефимовича Буракова—председателя коммунистической ячейки, было положено начало коммунистическим «Субботникам», получившим впоследствии огромное развитие в Советской России. Небольшая группа рабочих-коммунистов (29 человек), отказавшись от законных часов отдыха, проработала всю ночь и выпустила из текущего ремонта три паровоза. Следующие субботы члены ячейки продолжали собираться для работы, при чем количество участников добровольной работы постепенно увеличивалось, и через месяц, 10 мая, по постановлению Казанского ж. д. подрайонного комитета Р. К. П. (Рос. Комм. Партия), был проведен уже организованный субботник, в котором принимало участие до 100 человек.

Насколько быстро была воспринята рабочими идея добровольного труда в субботние вечера, показывает то, что в течение мая на всех железных дорогах Московского узла организуются субботники, а с июля начинает налаживаться работа и по районам Москвы.

Само собой разумеется, что дело, возникшее в порядке частной инициативы и не имеющее организованного руководства, не могло итти гладко, а потому в конце августа 1919 г. Московский Комитет Р. К. П. посвящает несколько заседаний делу субботников и выносит два постановления: 1) создать при Московском Комитете партии центр, который руководил бы работами; 2) установить обязательное участие в субботниках для всех членов партии.

Вслед за этими постановлениями организуется Отдел субботников при Московском Комитете Р. К. П., и дело принимает вполне организованные формы. Предприятие, желающее использовать рабочую силу субботников, обращается в Отдел, сообщая размер предполагаемой работы и нужное количество рабочих рук. Отдел дает наряд на известную работу Районным Комитетам Р. К. П., которые, в свою очередь, распределяют работников по предприятиям и железным дорогам. Без разрешения районного Отдела ни одно предприятие не имеет права устроить у себя субботник.

Отделом издана инструкция ячейковым организаторам субботников, главные положения которой сводятся к следующему:

1) Каждая ячейка Р. К. П. должна выделить из своей среды организатора субботника и его помощника, на обязанности которых лежит: а) ознакомить членов ячейки с положением Моск. Ком. Р. К. П. о «субботниках» и своим личным примером в труде и пропагандой привлекать на работу беспартийные трудящиеся массы; б) следить за тем, чтобы члены Р. К. П. принимали участие в субботниках не реже двух раз в месяц; в) использовать каждого члена партии, по мере возможности, по его специальности; г) следить за тем, чтобы участники субботников относились к работе с должной серьезностью, работали не менее 4-х часов и чтобы было выработано не менее установленных норм.

2) К членам ячейки, пропускающим без уважительных причин субботники, применяются следующие меры воздействия: в 1-й раз—предупреждение, делаемое районным отделом субботников; во 2-й раз—публичное порицание, выносимое партийным комитетом; в 3-й раз—передача на недельный срок в распоряжение местного Комтруда для назначения на общественные работы, при условии выполнения ими своей постоянной работы; в 4-й раз—член партии переводится в кандидаты, а кандидат исключается из партии. Члены партии, относящиеся недостаточно серьезно к работе, предаются партийному суду, как нарушающие партийную дисциплину. Беспартийные, замеченные в недобросовестном отношении к субботникам, лишаются права участия в работе и о таковых сообщается в соответствующие профессиональные союзы, для воздействия в порядке профессиональной дисциплины.

3) Участники субботников никакой платы за свой труд не получают, и субботники денежной оплате вообще не подлежат, кроме тех случаев, когда они устраиваются со специальной целью (например, в пользу бастующих за границей рабочих и т. п.). Безусловно оплачиваются все без исключения субботники, устраиваемые на ненационализованных (кустарных) предприятиях, при чем труд субботников на этих предприятиях расценивается, как сверхурочный, в двойном размере. Все суммы, причитающиеся за работу субботников, вносятся предприятиями и учреждениями на текущий счет М. С. Р. и К. Д. в фонд субботников.

4) Снабжение участников в работе установленным пайком (1 ф. хлеба и $^1/_4$ ф. кондитерских изделий) и доставка таковых на место работы производится распоряжением и средствами предприятий и учреждений, использовавших рабочую силу субботников.

Отделом субботников ведется регистрация количества участников и размера производимых работ. Большая часть работ сосредоточивается на железных доро-

гах. Сводится она, главным образом, к разгрузке и погрузке вагонов, переноске тяжестей, а в железнодорожных мастерских—к ремонту подвижного состава. Другая, не менее значительная часть работы (напр., массовая очистка снега, мусора и т. п.) почти не поддается учету. Данные, собранные Отделом, показывают как постепенно расширяется дело субботников, как с каждым месяцем растет участие в них беспартийных масс, несмотря на то, что участие в работе обязательно только для коммунистов. Как видно из приводимой в конце статьи таблицы, при возникновении субботников в мае 1919 г. они обслуживались исключительно коммунистами, в декабре коммунисты составляют лишь около половины (46%) всего числа, а в августе 1920 г.— только 19%.

К сожалению, приведенные в таблице данные о произведенной на субботниках работе очень не полны.

Если принять за 100 данные за май—август 1919 г., то получается следующая картина роста субботников:

Периоды.	Число субботников.	Число участников.	Число разгруж. и погруж. заг.	Число отремонт.		Колич. перенес. груз. (в пуд.)	Колич. распил. расколот. уложен. дров (в кв. саж.)
				Паровозов.	Вагонов.		
Май—авг. 1919 г.	100	100	100	100	100	100	100
Сент.—дек. »	288	577	582	126	28	535	1151
Янв.—апр. 1920 г.	819	1883	945	89	53	922	?
Май—авг »	1823	4741	1023	67	70	2843	16655

За год количество участников увеличилось в 47 раз,—работа же по погрузке и разгрузке вагонов—в 10, и по переноске грузов—в 28 раз. Это говорит за то, что часть рабочей силы не участвовала в работах на железных дорогах. Если взять работу только 9 железнодорожных подотделов, то мы увидим, что за год с 1 мая 1919 г. по 1 мая 1920 г. из 334 паровозов и 538 вагонов—299 паровозов (90%) и 417 вагонов (78%) было отремонтировано участниками субботников только этих отделов, составляющими 24% всего количества работников. По данным за тот же период времени (с 1 мая 1919 г. по 1 мая 1920 г.) на Казанской ж. д. на каждого «субботничающего» приходится ремонт 0.01 паровоза и 0.03 вагона в день. Сократился же ремонт, так как работа принимает совсем иной характер. Из стен железнодорожных мастерских, в которых она началась, работа переходит в районы, на улицы, где тысячная армия добровольцев каждую субботу отдает свой труд тем или иным задачам, стоящим на очереди. Например, работа по заготовке дров увеличилась в 166 раз.

С 1 мая 1919 г. по 1 мая 1920 г.—189.607 чел. произведены следующие крупные работы:

1) Работа на оборону — сортировка, чистка, упаковка патрон, котлов, гильз (32.434 штуки), ремонт орудий, машин, частей к ним, шитье обмундирования и т. д.

2) Работа в лазаретах и госпиталях—чистка и уборка помещений, мытье полов, шитье, починка, стирка белья (например, выстирано по разным районам 29½ п. и 9579 шт. белья).

3) Работа по ремонту разных машин, станков, автомобилей—сделано, исправлено, слито разных частей, приборов, ведер, труб—1022 штуки).

4) Работа в почтовых отделениях—подготовлено к выдаче 27.679 посылок, написано 12.910 повесток и т. п.

5) Работа в типографиях—набрано букв 21.840 шт., отпечатано 80.960 листов, разрезано бумаги 122.000 листов, 59 п., 117 стоп., нарезано 12.228 отношений, набрано и напечатано 12.500 листов и т. д.

6) Работа по заготовке топлива—сломка домов, возка дров.

7) Произведена массовая очистка и вывоз снега и мусора, окирковка льда с железнодорожных путей.

8) Пилка и переноска досок (32.220 штук), переноска железа (1000 листов) и прочая работа по переноске тяжестей.

9) Ремонт водопровода, прокладка узкоколейной ж. д. (430 саженей), рытье ям, рвов, канав, оборудование спортивных площадок, уборка рабочих дворцов, клубов, садов, казарм, обработка огородов, работа на пожарах.

За последние четыре месяца—май—август 1920 г.,—кроме работ, приведенных в таблице—321.027 участниками субботников выполнены следующие работы: 1) перенесено досок 265.996 шт.; 2) отремонтировано машин 182 шт. и мелких частей к ним—10.273 шт.; 3) набрано букв 700.503 шт., страниц—1322, отпечатано 416.155 листов, нарезано 442.400 листов бумаги; 4) сшито костюмов—1587; 5) сделано обуви—253 пары; 6) выстирано белья 19 п. и 5545 шт. Кроме того, 7 предприятий работало по своим производствам. Часть субботней работы была посвящена уборке, очистке помещений, дворов, улиц, вывозу мусора и т. п.

Совершенно исключительное место в истории субботников занимает май 1920 г., начавшийся грандиозным праздником труда—Первомайским субботником. В Москве 425.769 человек посвятило этот день свободному труду. В мае же была проведена неделя трудового фронта, в которой участвовало 594.082 человека. Обычных участников субботников было 30.476 человек. Таким образом, в одной только Москве 1.050.327 человек отдало часть своего праздничного отдыха на восстановление разрушенного хозяйства России. Только сознание массами приносимой пользы в столь тяжелый для страны момент, только порыв свободного и радостного труда, только энтузиазм коммунистического сотрудничества могли дать импульс к этой беспримерной добровольной работе.

Количество участников субботников и работа, произведенная ими со времени возникновения по сентябрь 1920 г

№ № по порядку.	Год и месяцы.	Число субботников.	Число участников. всего.	В том числе. Красноарм. в % к об. чис.	Коммун. в % к общ. чис.	Беспарт. в % общ. чис.	Работа, произведенная на железных дорогах. Разгружено вагонов. С дровами.	С продовольствием.	С разными грузами.	Погружено вагонов с разными грузами.	Итого разгружено и погружено вагонов.	Стремонтировано. Паровозов.	Вагонов.	Количество перенесенных грузов (в пудах).	Расшивлено, расколото, уложено дров (в саж.)	В среднем на 1 участника в день. Разгружено и погружено вагонов.	Отремонтиров. Паровозов.	Вагонов.	Перенесено пудов.	Расшивлено, раскалото уложено дров (в саж.)	Год и месяцы.	№ № по порядку.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19		
1	1919 г. май	15	781	—	100	—	3	—	14	—	17	15	84	1300	—	0.02	0.02	0.11	1.66	—	1919 г. май	1
2	июнь	15	653	—	100	—	42	—	4	4	50	14	54	4700	13	0.08	0.02	0.08	7.20	0.02	июнь	2
3	июль	23	1818	16	83	17	26	—	124	34	184	25½	33	7441	32½	0.10	0.01	0.02	4.08	0.02	июль	3
4	август	51	4151	17	80	20	139	—	68½	62½	270	50	127	29345	127	0.07	0.01	0.03	7.07	0.03	август	4
5	Итого май—август 1919 г.	104	7403	14	85	15	210	—	210½	100½	521	104½	298	42786	172½	0.07	0.01	0.04	5.77	0.02	май—август 1919 г.	5
6	1919 г. сентябрь	57	6772	24	74	26	484½	28	112	30	654½	22½	26	27020	525	0.10	0.00	0.00	3.99	0.08	1919 г. сентябрь	6
7	октябрь	42	3388	?	95	5	188	41	59	33	321	17	16	38948	173½	0.09	0.01	0.00	11.49	0.05	октябрь	7
8	ноябрь	80	15928	21	62	38	491	73	66½	111	741½	78½	21	84748	534½	0 05	0.00	0.00	5.32	0.04	ноябрь	8
9	декабрь	119	16686	36	46	54	834½	213	172	110½	1330	16½	19	78103	758	0.03	0.00	0.00	4.67	0.05	декабрь	9
10	Итого сент.—декабрь 1919 г.	298	42774	?	60	40	1998	355	409½	284½	3047	134½	82	228819	1991	0.05	0.00	0.00	5.32	0.05	сент.—декабрь 1919 г.	10
11	1920 г. январь	135	35399	41	30	70	1047	78½	107	22	1254½	10½	16	15460	409	0.03	0.00	0.00	0.44	0 01	1920 г. январь	11
12	февраль	150	41587	23	36	64	601	86½	306	295	1288½	[1])13½	38 [1])	118562	?	0.03		?	2.61	?	февраль	12
13	март	325	33127	18	34	66	754½	25	392	198	1369½	15	44	148690	?	0.04	0.00	0.00	4.47	?	март	13
14	апрель	243	29317	43	45	55	296	126	314½	301¾	1038¼	56	60	111637	?	0.04	0.00	0.00	3.81	?	апрель	14
15	Итого янв.—апр. 1920 г.	853	139430	30	36	64	2698½	316	1119½	816¾	4950¾	95	158	394349	?	0.04	0.00	0.00	2.80	?	январь—апр. 1920 г.	15
16	1920 г. май	150	30476	37	38	62	63	29	196	372	660	24	19	112167	83	0 02	0.00	0.00	3.68	0.00	1920 г. май	16
17	июнь	440	72590	35	23	77	207	13	627½	694	1541½	13	64	231235	6869	0.02	0.00	0.00	3.19	0.09	июнь	17
18	июль	863	163203	30	21	79	420½	50	746	1114	2330½	21	88	539892	15483	0.01	0.00	0.00	3.31	0.09	июль	18
19	август	442	84758	27	19	81	269	5	95	459	828	13	37	333380	6227½	0.01	0.00	0.00	3.93	0.08	август	19
20	Итого май—авг. 1920 г.	1895	351027	30	23	77	959½	97	1664½	2639	5360	71	208	1216674	28662½	0.01	0.00	0.00	3.46	0.08	май—август 1920 г.	20
	Средние за:																				**Средние за:**	
21	Май—август 1919 г.	26	1851	14	85	15	53	—	53	25	131	26	75	10697	43	0.07	0.01	0.04	5.77	0.02	май—август 1919 г.	21
22	Сент.—декаб. »	75	10694	?	60	40	500	89	102	71	762	34	21	57205	498	0.05	0.00	0.00	5.32	0.05	сент.—декабрь »	22
23	Январь—апрель 1920 г.	213	34858	30	36	64	675	79	280	204	1238	24	40	98587	?	0.04	0.00	0.00	2.80	?	январь—апрель 1920 г.	23
24	Май—август »	474	87757	30	23	77	240	24	416	660	1340	18	52	304169	7166	0.01	0.00	0.00	3.46	0.08	май—август »	24

[1]) Кроме того, подготовлено к ремонту 5 паровозов и 67 вагонов.

Москва и Коммунистический Интернационал.

Невольно вспоминается пророчество Байрона о Москве, рассказанное в одном из номеров журнала «Коммунистический Интернационал» покойным проф. Тимирязевым. Передаем его в переводе К. Тимирязева:

> Единственной, себе соперницы в истории не зная,
> Ты простоишь и до того пожара
> Грядущего, в котором все империи мира должны
> погибнуть.
> *Байрон, 1823, соч. т. VIII.*

Грядущий пожар, о котором сто лет тому назад в непроглядную ночь европейской реакции мечтает одинокий Байрон, бичевавший победителей Наполеона, «Священный союз» «варваров под маской мира»,—пожар, который должен испепелить империи всего мира, вспыхнул.

И главным очагом всемирного пожара стала «единственная, себе соперницы в истории не знающая»—Москва. 6 марта 1919 года в Москве через два года после гибели самой сильной, наиболее жестокой, кровавейшей из кровавых империи, на развалинах капиталистического строя огромной России был заложен фундамент нового международного общества трудящихся — Третий Коммунистический Интернационал.

Москва и до 6 марта уже становилась тем центром, к которому возвращались огненные языки пламени, вспыхивавшего в различных странах мира от искр Октябрьской революции красного пожара. Революция конца 1918 года в Германии, в Австрии, опрокинувшая троны двух сильнейших императоров, произошла и прошла под прямым и непосредственным влиянием Москвы, ставшей после Брестского мира столицей первой социалистической республики в мире. Это благодаря Москве, сконцентрировавшей в себе все напряжение только что победившего пролетариата, обкарнанной Советской России удалось продержаться и самим фактом своего существования подвинуть германский пролетариат на шаг 9 ноября 1918 года. 9 ноября в Германии расчистило почву для прямого открытого боя пролетариата с буржуазией, 9 ноября дало возможность союзу «Спартак», союзу передовых рабочих-коммунистов, основать коммунистическую партию Германии. А существование двух коммунистических партий в двух огромных странах мира уже служило основанием для создания Коммунистического Интернационала, к которому на первом же конгрессе присоединились 16 групп и партий передовых рабочих-интернационалистов, пришедших к коммунизму через горнило бесстрашной войны, объявленной ими в своих странах против империалистической войны в самом ее начале.

6 марта 1919 года Москва увидела у себя их всех, собранных со всех концов мира, слабых, неоформившихся ни организационно, ни идейно, и в то же время сильных тем, что они имеют здесь свою столицу,—столицу трудящихся всего мира, сильных нарастающим революционным движением во всех буржуазных странах. Здесь были представители главнейших государств европейского континента: коммунистические партии Германии, Австрии и Венгрии, шведская партия левых социал-демократов, норвежская социал-демократическая партия, швейцарская социал-демократическая партия, американская социалистическая рабочая партия, балканская федерация революционных с.-д., румынская коммунистическая партия, коммунистическая партия Украины, 5 коммунистических партий окраинных государств: Латвии, Литвы и Белоруссии, Польши, Эстонии и Финляндии, коммунистическая партия Армении, коммунистическая партия немецких колонистов в России и объединенная группа восточных народов России.

Кроме того, с правом совещательного голоса на I Конгрессе участвовали представители небольших групп революционных, коммунистических рабочих, развившихся впоследствии в настоящие коммунистические партии,—группы: французов, англичан, швейцарцев, юго-славян, турок, грузин, азербейджанцев, персов, а также группы чехов, болгар, туркестанская, китайская и корейская рабочие группы, американская лига социалистической пропаганды и голландская социал-демократическая партия.

Манифест I Конгресса Коммунистического Интернационала так определяет задачи нового международного общества рабочих и в следующих словах определяет его роль в истории пролетарской революции.

«Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран: Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового

I Конгресс 3-го Интернационала.

пролетариата и тем обеспечить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире».

Рабочая Москва ответила на этот манифест и на самый факт провозглашения Коммунистического Интернационала существующим не только в виде разрозненных коммунистических партий и групп разных стран, но и в качестве формального объединяющего организационного центра торжественным собранием всех представительных организаций рабочего класса города Москвы. В здании Большого театра под звуки единодушно вырвавшегося из груди всех собравшихся «Интернационала» произошло первое непосредственное братание Коммунистического Интернационала с рабочими Москвы и Советской России, заложившими первые самые твердые камни его фундамента. Стоустой клятвой возрастить и защитить молодое детище всего международного пролетариата ответил московский рабочий на приветственные речи представителей рабочего класса всего мира.

Устами своего вождя они так выразили уверенность в грядущей победе рабочего класса всего мира, руководимого Коммунистическим Интернационалом. «Тт., присутствующие в этом зале,—сказал т. Ленин,—видели, как основалась первая Советская Республика, они видят теперь, как основался первый Коммунистический Интернационал, и они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Советская Республика».

Третий Интернационал был основан. Центром его стала Москва, и с этих пор она противостоит всему буржуазному миру, как постоянное напоминание о его близкой смерти, она сосредоточивает на себе всю ненависть, всю ярость и гнев издыхающего капиталистического строя и его прислужников, и всю любовь, горячую преданность, надежду международного пролетариата, вводящего в бой колонну за колонной новых бойцов.

С этих пор, что бы ни происходило во всем буржуазном мире значительного в области социально-экономических процессов и событий, все это противопоставляется Москве или солидаризуется с Москвой. И с этих пор Москва действительно себе соперников не знает.

«Москва и Берн», в котором одновременно с I Конгрессом III Интернационала заседали печальные герои остатков II Интернационала; «Москва и Париж», в котором в те же дни собралась не знавшая еще поражений союзная буржуазия для организации своего черного Интернационала — «Лиги Наций»; «Москва и Страсбург», где собирается съезд французской социалистической партии, на котором французские пролетарии заставляют своих вождей забыть о Берне и подумать хорошенько о Москве; «Москва—Варшава», как новая цитадель буржуазии против коммунизма,—а над всем этим носится самое зловещее для буржуазии сопоставление: «Москва и Версаль», так как Москва это постоянная угроза последнему держащемуся на ниточке равновесию в рядах международной буржуазии.

И так во всем, всему капиталистическому миру ненавистная стоит Москва, окруженная всеобщей злобой, осаждаемая со всех сторон врагами, и в этой мировой буре слышащая себе похвалу и оправдание не из уст пролетариев всего мира, а из искривленных гневом уст

буржуазии. К пролетарской Москве так подходят в это время слова поэта:

«Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы,
А диких криках озлобленья»...

Советская Москва, несмотря на все военные и «мирные» походы против рабоче-крестьянской России, устояла до II Конгресса Коммунистического Интернационала, живыми свидетелями которого мы все недавно были, воспоминания о котором так свежи еще в нашей памяти. Открытие Конгресса произошло 19 июля в Питере, в этом «великом городе», — городе первой победы рабочего класса над старым миром. Но всю свою основную работу II Конгресс проделал в Москве в течение года с небольшим, собравшей вокруг себя буквально все честное, все революционное в рабочем движении.

Количество стран и народов мира увеличилось по сравнению с I Конгрессом вдвое, улучшилось организационное качество многих и многих групп и партий, для которых I Конгресс послужил кристаллизационным ядром, упавшим на благодатной почве и соединившим вокруг себя все классово-очерченные, революционные и коммунистические силы.

Представители 37 стран мира собрались на II Конгресс Коммунистического Интернационала для того, чтобы дать себе отчет в международном положении, оглянуться на пройденную часть пути и установить вехи дальнейшей борьбы. В резолюции Конгресса «о задачах Коммунистического Интернационала» дана основная характеристика и международного положения, и пройденного рабочим движением пути, и его следующего этапа. «Задача момента для коммунистических партий состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию, однако, не вызывая ее искусственно, без подготовки». Это значит, что вся экономическая и политическая в международном масштабе необыкновенно богата горючими материалами и поводами для их воспламенения», это значит, что вчерне закончен первый период собирания сил международного пролетариата и что его задачей является в настоящий момент вооруженное восстание в каждой стране против своей буржуазии.

О кризисе командующих в буржуазном мире партий, капиталистических групп, финансовых клик говорить не приходится—он налицо. То, чем характерен пройденный путь, обнаружилось яснее всего на Конгрессе.

Победа русских рабочих и крестьян стала притчей во языцех многомиллионного Востока. Восток был представлен на Конгресс пятью оформившимися коммунистическими ядрами таких колоссальных стран, как Индия (голландская и английская), Турция, Китай и Корея, кроме того, Грузией, не участвовавшей на I Конгрессе, и Арменией. Образование, оформление и представительство коммунистических партий этих стран на Конгрессе обозначало, что революционное движение на Востоке идет вперед семимильными шагами, и что в лице Москвы, веками угнетавшей народы Востока, для них предстал теперь новый центр, который поведет их на борьбу с союзниками бывшего царя, продолжающими угнетение.

О том, что пройденный путь позволяет поставить перед пролетариатом задачу ускорения революции, говорит также громко количественный рост, организаци-

онная спайка и степень влияния коммунистических партий на Западе.

Для Москвы, для московского пролетариата настали действительно торжественные дни. На любом своем собрании, митинге, концерте московский пролетариат мог видеть тех, кто, несмотря на герметическую закупорку Советской России международной буржуазией, в своем стремлении к общению с первой республикой рабочих и крестьян стал настолько силен, что через все преграды смог прорваться к нему. II Конгресс Коммунистического Интернационала свидетельствовал перед московским рабочим, перед всей Советской Россией, что жертвы, понесенные им в продолжение трех лет непрестанной вооруженной борьбы, принесены не даром, что близок день окончательной победы рабочего класса во всем мире.

И Москва ответила на II Конгресс грандиозным, небывалым в истории, празднеством всех трудящихся. Полмиллиона пролетариев, высыпавших в стройных рядах, воинских колоннах, детских и женских группах, продемонстрировали 27 июля такую мощь и силу, которую не сломит никакая другая сила в мире. «Я хотел бы,—сказал в тот день представитель германской коммунистической партии,—чтобы то, что я видел, видели миллионы рабочих Германии,—рабочих всего мира», потому что «это был не праздник,—воскликнул француз,—это... это... я не знаю как назвать! Во всяком случае, слово «праздник» тут не подходит. Слишком уж это буржуазное слово!»

Рабочая Москва вся целиком жила в дни заседаний Конгресса одной жизнью с ним, и члены Конгресса жили одной жизнью с московскими рабочими. Вчерашний митинг в рабочем районе Москвы вдохновлял иностранного товарища, может-быть, колебавшегося или неуверенного в своих силах на согласное общее единодушное решение всех вопросов международного движения.

И когда окончились работы Конгресса, когда иностранные товарищи должны были разъезжаться по всем уголкам мира для того, чтобы рассказать о том, что они видели в России, указать новые пути к победе, найденные Конгрессом, громкое, уверенное в себе, раздалось — «до свидания» московских рабочих.

Москва этим торжествующим «до-свиданьем» кричала всему миру, что исполняется пророчество Байрона о мировом пожаре, и что она, очаг его, бодро стоит и неустанно раздувает этот пожар.

Зарево московского пожара освещает весь мир, и перед измученным человечеством из хаоса падающих тронов, горящих пьедесталов, рушащихся и горящих зданий мира угнетения и насилия вырисовываются очертания новой величественной храмины человечества — коммунистического общества.

Мемориальная доска у братских могил на Красной площади.

Некролог.

Я. М. Свердлов.

Яков Михайлович родился в 1885 году в Нижнем-Новгороде, в семье ремесленника гравера. Уже эта трудовая обстановка семьи, правда, мещанская, с малых лет столкнула Я. М., как сына гонимого еврейства, с различными особенностями жизни, которые на каждом шагу раскрывали перед ним противоречия существующего строя, вызывая классовую ненависть.

Еще будучи мальчиком, в обыденной жизни среди сверстников двора, где он жил, он выделялся такими особенностями своего характера, как настойчивость и твердость, и уже в маленьком Якове проскальзывала фигура будущего деятеля.

Поступив в гимназию, он не мог сжиться с мертвящей обстановкой ее и с пятого класса был удален, как мальчик с бунтарскими особенностями. В это время он уже вращается в революционной среде. В мастерской отца маленький Яков работает уже для партии, делает печати для нелегальных организаций, служит явкой для партийных товарищей и так или иначе обслуживает партию.

В 1902 году он уже активно вступает в работу, принимая участие в демонстрациях, за что попадает в тюрьму на 6 месяцев, где его избивают тюремные надзиратели, и Яков Михайлович принимает революционное крещение.

1903—1905 гг. Яков Михайлович работает в с.-д. организации Нижнего, где в то время царит меньшевистский дух, где большевизм еще лишь нарастал, только приобретая некоторые формы. Непримиримая душа Якова задыхается в меньшевистской атмосфере, он старается создать что-то новое. В среде рабочих Сормова в это время был кружок, объединенный рабочим Алексеевым. Через этот нелегальный кружок Яков пытается в среде меньшевистской организации построить большевистскую организацию. В этот период, привлеченный к дознанию по 251 и 252 ст. Ул. о наказ., он уже был подвергнут гласному надзору полиции.

В 1905 г. в Нижнем арестована тайная типография и ликвидирована полицией крестьянская группа. Я. М. привлекается к дознанию в качестве обвиняемого. Преследуемый охранкой, он скрывается из Нижнего и ведет активную работу в Костроме, в Саратове и по всему Поволжью, создает кружки, издает газету.

С этого момента начинается постройка нашей коммунистической партии. Благодаря его энергии растут бесчисленные кружки и партийные организации. Преследование «охранки», однако, заставляет его перенести свою деятельность в другое место. Перед декабрьским восстанием он уже в Москве, в Аквариуме, говорит о борьбе рабочего класса. Но имя его здесь уже известно. Нижегородская «охранка» сообщила о Я. М., но почему-то, как о социалисте-революционере. Он принужден скрыться и едет на Урал, где развертывается самая большая деятельность Я. М. Большевизм Урала обязан своим ростом Я. М. Благодаря его энергии здесь растут те же самые рабочие организации. Особенно борется он с царящим тут меньшевизмом и анархизмом. Скоро Андрея (такова партийная кличка его здесь) начинает боготворить даже анархическая среда. Выбранный на Стокгольмский партийный съезд, он не был пущен рабочими Мотовилихинского завода, дорожившими им. Кроме большевизма, Яков организует на Урале «боевизм», т.-е. боевые дружины, этот прообраз будущей Красной армии.

В результате такой развернувшейся партийной работы в 1906 году были схвачены 54 пропагандиста, и партийная жизнь как будто замерла, но Я. М., несмотря на усиленные розыски полиции, энергично продолжает работу, пробуждая партийный большевистский дух. Его хватает жандармерия, и по приговору Казанской Судебной Палаты по делу 54 он попадает в Пермскую тюрьму на 2 года. Тюремная жизнь в условиях наступившей эпохи реакционной России, эпохи наибольшего издевательства над пролетариатом, была такова, что масса интеллигентов, которые были среди рабочих, и даже, может-быть, многие из рабочих, в этот момент пали духом. В тюремной атмосфере начинаются дрязги, сплетни. Все это в стенах тюрьмы плодит разобщенность. И тут выступает фигура Якова, зажигающая падающий дух людей, и люди начинают думать уже по-иному, думать, как думал Яков.

Яков отсидел 2 года и после этого не эмигрировал за границу, а остался работать в низах. Он не любил заграницы, и в этом сказывалась натура революционера, каких мало.

В декабре 1909 года—новый арест. Захвачено комитетское партийное собрание, и Яков Михайлович сидит в Арбатском полицейском участке. Личность его скоро выясняют, и в марте 1910 года Я. М. вместе с тремя другими товарищами высылается в Нарымский край на 3 года.

Здесь он также работает, читает ссыльным лекции по политической экономии, проповедует социалистические идеи, подготовляет среди рабочих сознательных

работников, могущих влиться в борьбу с запасом социалистических знаний. Дважды бежит из Нарымского края, дважды его ловят, наконец, высылают в одно из ужаснейших мест Нарымского края, которое без содрогания не вспоминали ссыльные, это—Максимкин Яр, куда приходила два раза в год почта, пароход только один раз, где было 5—6 остяцких юрт. Он принужден бежать, но лодка, на которой он пускается в путь, перевернулась, однако, Я. М. удалось ухватиться за край лодки, и он проплыл так три версты в ледяной воде. В результате этого купанья его везут за 20 верст при 30° морозе, по дороге он превращается в ледяной ком, и по приезде заболевает. Но железная натура спасает его. Якова увозят снова в Нарымский край, в село Парабели, из которого он разъезжает среди ссыльных, читая лекции. Опять бежит,—попадает, вновь три раза бежит и три раза его ловят. Наконец, бежит удачно и после этого работает во фракции 3-й Государственной Думы.

В рабочем движении это был период ликвидаторства. Я. М. сотрудничает в рабочей газете «Звезда», подготовляет издание «Правды».

В думской фракции меньшевики и ликвидаторы старались связать работу партии. Я. М., приехав в 1912 году и побывав лишь на одном фракционном заседании, увидел сейчас же опасность, грозящую партии, вызвал своих товарищей и поодиночке каждому сказал: «Разве вы не понимаете, что у вас за спиной происходит нелегальное собрание тех, кто ликвидирует нашу партию. Они ведут при помощи вас же, рабочих, партию на-смарку». После этого большевистская часть фракции сейчас же пошла по правильному пути. Другая часть фракции сразу почувствовала в нем своего сильного соперника.

Присутствие такого крупного работника в столице не могло, конечно, не обратить внимания полиции, и он был предан провокатором Малиновским. В феврале 1913 года его арестовывают на квартире члена 4-й Государственной Думы Петровского и ссылают на 3 года в Туруханский край, откуда бежать уже было невозможно, и только революция вернула его обратно рабочим.

Перед февральской революцией Я. М. жил в 24 Сибирском полку, куда загнали массу ссыльных. В Красноярске, этом красном Питере Сибири, в этот момент возник Совет Р. Д. В местной с.-д. меньшевистской партии рос разлад. Среди групп выделилась группа большевистская, которая образовала свой самостоятельный комитет. Эта группа не могла всецело отражать мнение большевизма и в результате расслоилась. Проезжая через Красноярск во время выборов в Совет и не имея директив Ц. К., Я. М. духом прозорливого деятеля оценил момент и сказал партийным товарищам: «В рядах меньшевиков создайте свою группу, но пока раскола не делайте». Поступив так, партия много выиграла.

Насколько партия ценила его работу, показывает то, что на январской конференции 1912 года она заочно выбрала его членом Ц. К., несмотря на то, что он находился в Нарымском крае. С тех пор он был бессменным членом Ц. К.

В июльские дни, когда наиболее крепкие растерялись, когда наиболее мужественные товарищи теряли

присутствие духа, Я. М. ни на минуту не ослаб и в первую голову взялся за собирание сил и сплочения их в одно целое, в одну армию борцов за коммунистическую революцию.

Октябрьская революция выдвинула Я. М. на пост председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, где он оставался до самого последнего момента.

То колоссальное напряжение, которое потребовала от него революция, заставившая его одновременно выполнять государственную и партийную работу, подорвала его силы. Возвратившись из Харькова со Всеукраинского Съезда Советов, он на митинге в Орле и Белгороде простудился, заболел «испанкой», вскоре осложнившейся в воспаление легких. Страдая полученным в одном из побегов туберкулезом, Я. М. не мог уже совладать с болезнью и 16 марта 1919 года в 5 часов дня скончался в Москве.

В лице Я. М. Свердлова сошел величайший организаторский талант и практик революции. Нелегальные кружки, организуемые такими людьми, как Я. М., легли в основу той громадной организации, которая потом прорвала империалистический фронт и стала правящей партией в Советской России.

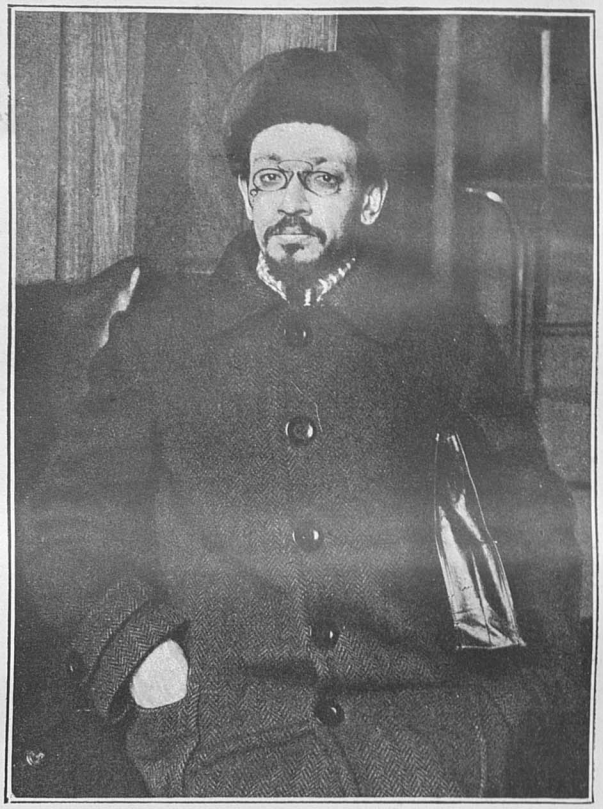
Основное свойство хорошего организатора состоит в величайшем знании других людей, в умении оценить их, в знании условий, в которых эти люди живут, чтобы на основании этого знания людей находить для каждого нужное ему место. И это свойство, требуемое от каждого организатора, и было величайшим свойством Я. М. Свердлова. Никто так не знал рабочего, как Я. М. Он знал действительно каждого, знал, что выйдет из того, если Иванова посадят туда-то, а Сидорова туда-то. Так велик был его организаторский талант, потому так была велика его способность улучшить организационный аппарат Советской власти. Его ум, его нервы никогда не знали отдыха. В предсмертном бреду, на ложе смерти, приходя в сознание, он говорит о партии, полон заботы о предстоящем съезде, намечает работников, пишет записки, слабой рукой хватает телефонную трубку.

В ссылке, оторванный от центра, он каким-то чутьем угадывал и улавливал ту живую связь, которая диктовалась партией. Он старался сохранить связь со всеми товарищами, разбросанными по Сибири. Путем писем, лекций он внедряет тот живой луч, который давал энергию жить, бороться и ожидать. Для него совершенно ясно стал вопрос о необходимости вовлечения в работу массы женского пролетариата. Он первый заговорил о работе среди женщин. Организация молодежи, необходимость связи ее с заграницей—опять дело его рук. А подготовка массы военно-плененных, которых нужно было сорганизовать в подготовленные кадры и двинуть за границу... Кто этим занимается?—Опять Я. М.

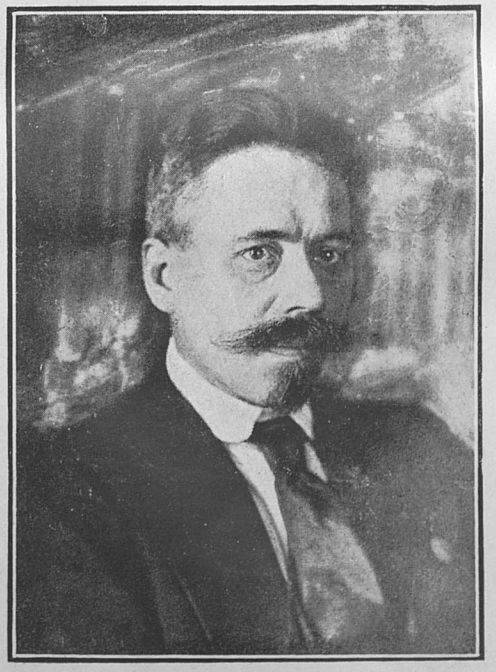
Откуда же он черпал такие силы.

Это вытекало из личных свойств характера Я. М. Свердлова. Энергия, воля, мужество—вот фокус его качеств.

В обыденной жизни Яков являлся незаменимым товарищем, хорошим собеседником и хорошим семьянином.

Я. М. Свердлов.

Д. К. Сафонов.

Н. Н. Кропотов.

Следующей особенностью его была веселость. Он везде и всюду, где бы ни находился, заражал ею окружающих. И какую бы сторону ни выдвинуть, Я. М. Свердлов является той фигурой, которая располагает к себе всех. Он был не только энергичный, талантливый работник, а и милый, добрый, отзывчивый товарищ, который умел подойти к рабочему и стать его другом.

Благодарная пролетарская Москва похоронила своего любимого вождя на Красной площади, рядом с могилами октябрьских борцов, погибших за революцию. Память о нем будет вечно жить не только в сердцах рабочих Питера и Москвы, но также и пролетарского Урала и Поволжья.

Г. А. Усиевич.

Заря новой жизни еще только взошла, но разбушевавшееся море классовой борьбы не улеглось. Завоеванная пролетариатом власть не давала покоя ошеломленной буржуазии и ее приспешникам, и она делала постоянные вылазки, кончавшиеся, правда, неудачей для буржуазии, но уносившие жертвы с нашей стороны — старых и молодых испытанных бойцов.

В одну из таких вылазок буржуазии (чехо-словацкое восстание) мы потеряли в своих рядах неутомимого, молодого борца за свободу рабочих товарища Г. А. Усиевича. Неразборчивая смерть не посчиталась с его молодостью. Полный цветущих сил, энергии, жизнерадостный, умер он славной смертью героя. Несмотря на свою столь недолголетнюю жизнь, он почти полжизни отдал на дело освобождения угнетенных, и имя его тесно связано с жизнью славной Российской Коммунистической Партии.

Г. А. Усиевич происходил из Черниговской губ., Мглинского уезда, дер. Хотиничи. Родился он в 1890 году. Среднее образование Г. А. получил в Тамбовском реальном училище, хотя окончить его не успел, будучи исключен в 1905 году, как принимавший участие в происходивших беспорядках. Еще находясь на школьной скамье, т. Усиевич состоял в организации с.-д. (б-ков), будучи чуть ли не четырнадцатилетним юношей. 17 лет он разошелся со своей семьей и уехал в Петроград, где поступил в университет на юридический факультет. Большую часть своего времени он отдавал партийной работе, выступая на массовках и занимаясь в кружках. Уже в 1908 году он был избран членом Петербургского комитета, а в 1909 году его арестовали и засадили на 2½ года одиночного предварительного тюремного заключения в Петропавловскую крепость. Затем—суд, «правый, скорый и милостивый», и в результате—Сибирь на вечное поселение. Он был сослан в Иркутскую область. Однако, в 1914 году ему удалось бежать в Австрию. Но он перешел границу в момент объявления войны, и потому, как русский подданный призывного возраста, был схвачен жандармами и отправлен в концентрационный лагерь. Годы, проведенные им в лагере, не остались в его жизни пустым местом. За это время он изучил четыре языка—английский, французский, немецкий, итальянский настолько хорошо, что мог свободно говорить и выступать с большими речами.

Находясь в лагере, он однажды заявил протест против имевшего место случая нечеловеческого обращения с солдатами в лагерях, за что был переведен в крепость в Тироле, в которой просидел 1 год 10 месяцев.

В 1916 году по настоянию австрийских с.-д. и, как негодного к военной службе, его выпустили из заключения. В мае того же года т. Усиевич приехал в Цюрих, где женился на русской эмигрантке дочери Феликса Кона и пробыл там около полугода. Из Цюриха он перебрался в Кляран и работал там в библиотеке Рубакина вплоть до февральской революции. В апреле 1917 года, вместе с т. Лениным, Г. А. Усиевич приехал в Россию и сразу же горячо принялся за работу. Вскоре он был командирован для партийной работы в Москву. Июнь, июль, август 1917 г. Г. А. работал секретарем Городского района, провел всю выборную кампанию, был гласным (по большевистскому списку) Гор. Думы, а затем районной. За несколько дней до Октябрьской революции он прошел в Московский Совет членом Исполнительного Комитета.

В октябрьские дни, когда организовался Военно-Революционный Комитет, тов. Усиевич вошел в него и стал одним из активнейших его членов. Боевая обстановка, в которой приходилось работать в дни борьбы нашим товарищам, казалось, придавала т. Усиевичу, всегда живому и бодрому, еще больше уверенности и силы. Ни на одну минуту, даже в самый опасный и критический момент, он не колебался и до конца верил в торжество победы восставших рабочих. Он всегда был сторонником решительных действий. В одну из острых минут, от которой зависел дальнейший исход борьбы, он выступил на гарнизонном собрании в Политехническом музее и своей блестящей речью привлек на нашу сторону колеблющихся. Был момент, когда некоторые из наших товарищей под сильным вражеским напором поколебались, но Усиевич остался тверд и непоколебим.

Кончилась борьба на баррикадах. Явилась небольшая возможность направить внимание в сторону созидания, и т. Усиевич со свойственным ему пылом бросается на более важную и трудную работу.

Для налаживания работы по продовольствию, он в 1918 году отправился в Сибирь, но начавшаяся авантюра чехо-словаков отвлекла его от этой работы... Да при такой обстановке нечего было и думать о продработе.

По приезде в Омск он был избран председателем Западного Сибирского Воен.-Революционного Штаба. Опять период напряженной работы... Интересно отметить для характеристики тов. Усиевича один случай. Когда ему пришлось оставить Омск и перебраться в другое место для работы, он из преданности делу пожертвовал своим личным счастьем, своей семьей, оставив ее в городе в то время, как там «работали» белые. С необыкновенной нежностью в нем сочеталась железная сила воли.

По окончании операций в Западной Сибири тов. Усиевич переправился в Камышлово для сдачи дел. Во время стоянки, пользуясь свободным временем, Г. А. отправился на один из ближайших заводов с 10 стрелками для проведения митинга. По дороге они встретились с казаками. Завязался бой. Усиевич первый с

винтовкой в руках бросился на врага. Первая же вражья пуля сразила его. Это было 9 августа 1918 г.

Смерть Г. А. Усиевича — тяжелая и ценная утрата для партии и революции. Тем сильнее чувствуется она, что это был один из числа немногих, умевших не считаться с препятствиями и итти твердо к намеченной цели. Это был человек нового мира в буквальном смысле этого слова. Своим бесстрашием он победил смерть и доказал торжество идей социализма.

П. А. Чегодаев.

Павел Александрович Чегодаев скончался 14 апреля 1919 года. Он находился на своем посту, работал без отдыха до самого того момента, когда его свалила болезнь.

Давно уже чувствовалось в нем переутомление, надлом. Он собирался отдохнуть еще в начале зимы, даже устроил все в этом направлении, но вместо санатория, куда лечь он «не удосужился», ему пришлось кроме работы по Народному Комиссариату Юстиции, взять на себя еще заведывание юридическим отделом Московского Совета, а кроме того, работать, порой далеко за полночь, в Малом Совнаркоме.

Еще в марте он строил планы переезда на юг с семьей, которую он любил такой исключительной любовью. Но его нельзя было отпустить—некем было заменить, и он продолжал свою тяжелую работу.

3 апреля в заседании коллегии юрид. отд. Пав. Алекс., ежась и кутаясь в шубу, дрожа мелкой дрожью и беспрерывно кашляя, провел до конца заседания, а вечером сказал: «Я чувствую, что свалюсь. Не забудьте, что о моей семье некому позаботиться».

Он слег в этот же вечер, чтобы не вставать более. «Испанка» осложнилась крупозным воспалением легких. Пришлось перевезти его в Ново-Александровскую больницу, где он и умер в 4½ ч. дня 14 апреля.

Он сильно страдал, почти все время ему впрыскивали камфару.

В бреду он порывался все время бежать в Комиссариат работать. В минуты просветления думал и говорил о семье и о работе.

Мне ни разу не приходилось видеть у покойников такого измученного лица, как у П. А. Чувствовалось, что для борьбы с болезнью сил у него уже не было, и оттого она так его неузнаваемо изменила.

Холодный с виду, строгий и требовательный в работе, — молчаливый, враг столь нам всем привычной склонности поговорить по тому или иному поводу, П. А. таил под этой суровой внешностью огромный запас мягкости и нежности, которую знали только близко его знавшие.

В тяжелой, порой неинтересной, черной работе, он сгорел совсем еще молодым—ему было 36 лет.

Павел Александрович Чегодаев не был старым партийным работником. В эпоху безвременья и реакции он был рядовым адвокатом, которого нещадно эксплоатировали старшие члены сословия и часто клиенты. С первых дней февральской революции 1917 года он вошел в ряды Российской Коммунистической Партии. Позднее, когда с победой пролетариата нам пришлось брать власть, Павел Александрович отдал всего себя на служение пролетариату, смело порвав с прошлыми и старыми связями. Еще в семнадцатом году он был назначен Московским Советом судебным комиссаром по гражданским делам. На его долю выпала тяжелая задача ликвидации старого суда и организации его на новых началах. Декрет Московского Совета об обязательных третейских судах по гражданским делам принадлежал ему. Позднее, когда существовал Московский Областной Совет Народных Комиссаров, П. А. работал и в области. Последнее время Чегодаев нес тяжелую работу заведующего Юридическим отделом Моск. Совета и входил в коллегию Народного Комиссариата Юстиции.

Принужденный нести двойную и тройную работу и имея большую семью, вынужденный недоедать, а порой и голодать, Павел Александрович оказался не в силах противостоять тяжелой болезни, и проклятая смерть свела его в могилу.

Московские и русские рабочие потеряли в его лице честного и преданного работника и образованного юриста.

В. М. Загорский.

Владимир Михайлович Загорский, партийная кличка «Денис», родился в 1883 году в Нижнем-Новгороде. С 19-летнего возраста он был вовлечен в революционную борьбу. Первое его выступление было связано с демонстрацией сормовских рабочих и учащейся молодежью Нижнего-Новгорода, где он был арестован, судился и был сослан в Енисейскую губернию. В 1904 г. он бежал в Швейцарию, где примкнул к большевистской организации.

В начале 1905 года вернулся нелегально в Россию, участвовал в революции, после чего остался жить в Москве в качестве партийного профессионала. Провал Московской организации вынудил его в 1908 году уехать в Англию, откуда он вернулся в Россию в 1910 году. Новый провал Саратовской организации перебросил его в Германию. После войны России с Германией В. М., попавший в Германию гражданским пленным, назначается в состав нашего посольства в Берлине. Летом 1918 года он снова работает в России в качестве работника Московского Комитета Р. К. П. (большевиков). Вскоре он выбирается секретарем М. К. и до последнего времени работает энергично, не покладая рук, с утра до глубокой ночи.

Он умер на своем посту бесстрашно, пожертвовав собой для спасения других.

В момент взрыва бомбы, брошенной в зал заседания Моск. К-та Р. К. П. в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г., тов. Загорский быстро ринулся в сторону, где шипела и дымилась брошенная бомба. Он распростер руки и крикнул: «Товарищи, успокойтесь, это случайный выстрел...»

Но едва только произнес последнее слово, как раздался оглушительный взрыв.

Под обломками рухнувшего графского дома погиб славный революционер, борец и друг рабочего класса, до последнего момента самоотверженно остававшийся на

Взрыв 25 сентября 1919 г. в помещении Моск. К-та Р. К. П. в Леонтьевском пер.

В. М. Загорский, погибший при взрыве 25 сентября 1919 г.

боевом посту, не только пренебрегая опасностью, но первый устремляясь в нее с безумной отвагой.

— Товарищ Загорский, — писал Н. Бухарин в «Правде», — погиб из-за того, что он хотел поднять и выбросить шипевшую бомбу. Его взорвало «в упор». Ему не удалось спасти других. Но он был разорван на кровавые куски потому, что хотел помочь другим: он видел, какая опасность грозит его товарищам по делу, по классу, по великой революции...

Я знал тов. Загорского еще много лет тому назад. В 1906 году, когда я только что начинал работать в партийной организации, тов. Загорский был уже деятельным членом партии и «организатором», если не ошибаюсь, Городского района. За ним было уже тогда несколько лет партийной работы, которую он начал, когда ему было 16 лет и которую окончил с седыми волосами на висках на ответственном посту пролетарской партии.

«Товарища Дениса» хорошо помнят многие старые рабочие москвичи. Он был живым, подвижным, смелым организатором, веселым и энергичным человеком и прекрасным товарищем. Выходец из буржуазной среды, он успел настолько сродниться с рабочим классом, что редко приходилось даже в те времена видеть человека более «демократичного», в хорошем смысле этого слова. С рабочими у него установились чисто дружеские отношения: он почти со всеми был на «ты», часто жил, ел и спал вместе с ними. Это ценилось «в районе»: «товарища Дениса» любили, как своего.

Аресты и высылка, в конце-концов, кончились тем, что Загорский бежал за границу. Он долгое время жил в Англии и в Германии, иногда приезжал на некоторое время в Россию нелегально. Помню, что мы встречались с ним во время этих его приездов. Несмотря ни на что, он всегда дышал здоровым оптимизмом революционера, у которого революция сидит не только в голове, но и в крови, для которого она такая же потребность, как потребность в пище для любого живого существа.

Последние годы своей жизни за границей «Денис» провел в мучительно тяжелом немецком плену. Захваченный войной в Лейпциге, он был взят, как гражданский пленный. Только русская Октябрьская революция освободила его: тов. Иоффе, будучи в Берлине, устроил его секретарем нашего посольства. Так его удалось вырвать из лап немецкого империализма.

Заграничная эмигрантщина, а главное, немецкий плен, были хорошей пробой для тов. Загорского. Он оказался верным большевиком, преданным партии до последнего. Ведь известны случаи, когда даже хорошие товарищи, под влиянием войны и плена, становились истинно-русскими патриотами и начинали травить свою прежнюю партию. «Денис» был не из таких. Он был, и он остался *нашим*; революционное нутро, его боевая природа не дали ему опуститься до уровня «социалистов», стоящих при штабе «отечественных» купцов. И немудрено, что после многолетней отлучки, после тяжелого плена, этот изрядно измученный скитаниями человек, немедленно, не теряя ни секунды, становится в наши ряды, веселый, живой, как всегда: точно ничего не случилось и точно он так же юн, как тринадцать лет тому назад.

Тов. Загорского не было на собрании: он пришел к самому концу. Но этот «конец» стоил ему жизни.

Московская организация нашей партии, патриотом которой был всегда «Денис», не забудет памяти человека, который отдал все, что имел, рабочему классу.

А. К. Сафонов.

Теперь, когда мы более или менее спокойно можем отдаться работе мирного строительства, невольно на мысль приходят многие, многие товарищи, вместе с которыми многие годы назад, в условиях нелегальной работы, мы жили мечтой о коммунистическом строе и в неимоверно тяжелой обстановке выстраивали и поддерживали ряды и жизнь нашей партийной организации.

Мы чтим и вечной славой окружаем имя каждого самоотверженного борца. Миллионы рабочих и крестьян, пробившиеся к близкой возможности светлого строя братского труда, должны вместе с нами знать, помнить и чтить своих героев и мучеников.

Всей своей работой Кононыч связан с московской организацией. Один из деятельных работников Московской Окружной организации, один из немногих оставшихся в рядах революционной с.-д., в годы тяжелой реакции после 1905 года Кононыч принимал видное участие в поддержании аппарата партийной работы, то и дело разрушаемого усилиями царских ищеек. Товарищам, вошедшим теперь в нашу партию, трудно представить себе, какой подчас нечеловеческой силы требовала эта работа. Месяцами исчислялось время работы, годами заключения и ссылки платились борцы. Большой провал Москов. Окруж. организации 1908 г. коснулся и Кононыча. Каторга и ссылка унесла ряд работников, большинство из них снова вернулись на работу, бежав из ссылки, вырвавшись с поселения. Но каторга цепко держала свои жертвы. Много внутренней силы надо было, чтобы сохраниться в условиях гнетущего режима тогдашней каторжной тюрьмы. Кононыч не был разбит, не опустошился внутренно, прошел с честью это чистилище. Боевой, жаждущий борьбы, вышел он в далекую Сибирь. Лишь только явилась возможность, Кононыч работает в Иркутской организации и работой задерживается там, когда после февральской революции 1917 г. кругом все стремились к сердцу России. Строгий к другим, он не менее был строг к себе и в повседневной жизни и в революционной работе.

Возвратившись в Москву, Кононыч работает опять в Московской организации. Бодрый, живой он берется за черную работу. На ряду с партийной работой он входит в гнездо упорного саботажа, в Народный банк, и в рядах правления банка выносит тяжесть первых шагов нашей финансовой работы. Саботаж сломлен, новый аппарат налажен, банковский работник в рамках профсоюза дисциплинируется для новой работы.

В работу над созданием Красной армии мы бросили ряд многих испытанных революционных борцов. Восточные армии крепнут и растут. Кононыч там в рядах ответственных работников фронта. Под напором Деникина дрогнули части на южном фронте. Пал Царицын, Камышин, угроза Саратову. Испытанные части с восточного фронта перебрасываются для отражения Деник-

кина. В составе так называемой особой группы с восточного фронта переброшен и Кононыч... Отсюда его направляют на юго-западный фронт, на защиту Киева... После отступления от Киева он получает назначение в Тамбовский укрепленный район... Проездом он заезжает в Москву... Едва успев забежать к семье, спешит повидать старых товарищей по работе, узнать что делает, как чувствует себя Москва и сообщить ободряющие вести о фронте. За пять-десять минут до взрыва приходит Кононыч в Леонтьевский пер. и падает жертвой. Он не бежит от опасности. Вместе с Загорским он ободряет других. Извлеченный из под обломков разрушенного здания, с повреждением позвоночника и спинного мозга, с парализованными ногами, на протяжении 2-х дней в страшных мучениях уходит Кононыч. Радостно рвавшийся навстречу новой и новой работе, бодрый от открывшейся возможности продуктивной работы, уходит до срока борец.

Кононыч средний партийный работник и в этом смысле обыкновенный дюжинный работник, но сила и значение Кононыча и других таких же работников нашей партии, мало, может-быть, заметных в отдельности, именно в том, что они прошли весь свой путь, как черноработчие нашей борьбы, нашего строительства, что они не только деятели и творцы, но и дети-питомцы массового рабочего движения. С ним, с ростом его росли и формировались и они, и каждого из таких работников только с болью, с кровавым следом могут вырывать из работы. И место их трудно заменить даже в наше время, когда не по дням, а по часам поднимается партийная новь, неимоверно выросли ряды нашей организации и новый массовый работник по праву входит во всю гущу работы и воспитывается, вырастает и крепнет на ней.

Много товарищей мы схоронили за эти тяжелые два с половиной года. Многим не пришлось увидеть результатов победы и осуществленного рев. труда. Самоотверженным подвигом является вся жизнь этих героев, заметных и незаметных, не гнавшихся за славой, но скромно выполнявших свой революционный долг. Слава, вечная слава, безвременно погибшим борцам!

Н. Н. Кропотов.

Тов. Николай Николаевич Кропотов родился 8 ноября 1873 г. В 1894 г. он кончил Седлецкую гимназию, в 1909 г.—Московский университет по юридическому факультету. Адвокатурой, однако, он не занимался, а пошел в педагоги. Преподавал русский язык, латынь и историю в разных учебных заведениях, сначала в провинции, а с 1913 г.—в Москве.

За участие в студенческих волнениях 1899—901—902 гг. был арестован и сидел в тюрьме. По освобождении тов. Кропотов, как социал-демократ, руководит рабочим движением в Орехове-Зуеве, где на фабрике Морозова он работал в качестве статистика. Снова последовали арест и тюрьма.

С 1905 г. тов. Кропотов—большевик и теснейшим образом связан с Московским Комитетом партии.

После поражения рабочих в 1905 г., тов. Кропотов, не порывая связи с партией, отстраняется от непосредственной активной работы, и лишь революция 1917 г. вновь захватывает его.

Он ведет усиленную работу в районных партизанных организациях, выступает на митингах, ведет энергичную борьбу с социалистами-соглашателями. После Октябрьской революции тов. Кропотов был избран в Московский Совет.

Мы его видим в Московском Совете то в качестве комиссара таможни, то члена дежурной коллегии Совета.

В качестве члена дежурной коллегии он отдает Совету все свое время. И днем и ночью его можно было застать в Совете за работой.

Тов. Кропотов вел также занятия в партийных школах, организованных Московским Комитетом Р. К. П., и, как лектор, был приглашен на заседание 25 сентября в Московский Комитет, где погиб во время взрыва анархо-белогвардейской бомбы.

Знавшие тов. Кропотова высоко ценили его как партийного работника, человека и славного товарища.

А. Ведерников-Сибиряк.

А. Ведерников, по партийной кличке «Сибиряк», начал свою революционную работу на Урале. Рабочий по профессии, он еще задолго до 1905 года был хорошо известен уральским рабочим, как боевой товарищ, не мирящийся с хозяйской и царской кабалой и всегда готовый встать на защиту прав рабочего класса. Уже в этот период, работая над организацией рабочих, он заметно выдвигается как партийный работник и, становится хорошо известен партии большевиков, как преданный и умелый рабочий организатор.

Революция 1905 года застает тов. Ведерникова в Москве, где он работает на заводе Дукс. После 17 октября 1905 года он вместе с «Седым», «Медведем» и др. становится организатором боевых дружин Москвы и в частности организует боевую дружину Бутырского района.

Во время декабрьского вооруженного восстания, входя к тому времени в Московский Комитет нашей партии, тов. Ведерников принимал самое горячее участие в уличных боях своего района и на баррикадах Пресни.

После подавления восстания, едва уцелевший от расстрела, он все же не бросает работы и, перейдя на положение нелегального, участвует в организации Московского военно-технического бюро и в его работе до тех пор, пока преследования полиции, наконец, вынуждают его бежать из Москвы и перенести свою работу опять на Урал. Очутившись на Урале, тов. Ведерников с новой силой и энергией отдается партийной работе, и одно время избирается делегатом на Лондонский съезд.

Арестовывался полицией тов. Ведерников не раз: в последний раз за участие в работе военно-технического бюро партии он был осужден на 6 лет каторги, срок которой и отбывал одно время в Ярославской тюрьме.

Ужасной была эта каторга для несгибаемой, свободолюбивой натуры тов. Ведерникова. Редко кому при-

пилось испытать те тяжелые физические и моральные страдания, какие он перенес тогда: его подвергали порке, побоям, истязаниям. Друзья опасались, что он не выдержит, покончит самоубийством или будет убит, — но все вынесла его железная натура.

Революция 1917 года снова вернула его к работе. Радостно бросился он в поток революции, освобожденный ею от ужасного плена, от каторжных цепей. И пошел опять впереди. Первые шаги в проведении рабочего контроля в Москве тесно связаны с именем тов. Ведерникова, как и первые практические шаги по организации Красной гвардии, в работу по созданию которой он перед октябрем уходит всецело, бросив все.

В октябрьские дни тов. Ведерников, являясь одним из членов Военно-Революционного Комитета, неутомим и вездесущ. Став во главе рабочих войск, вооружая одних, организуя других, решительный в самые тяжелые минуты, не сомневающийся в победе — он вносит бодрость и уверенность в сознание более слабых или уставших товарищей.

Сейчас же после победы, вместе с тов. Пече, он организует Красную гвардию, в которой и работает в качестве начальника штаба. Потом он был назначен комиссаром Выксунских заводов. Работал там также энергично, бережливо и любовно, относясь как к предприятиям, перешедшим в руки трудящихся. Но октябрьские события, и в особенности последующие месяцы, когда приходилось работать по неделям, не раздеваясь, — работать, не разбирая дня и ночи, а также последующая работа: организация заводов, заботы о нуждах рабочих, о развитии разрушенной промышленности и в то же время еще белогвардейское восстание в Муроме — все это надламывало его последние силы.

Умер тов. Ведерников в ночь на 12 октября 1919 г. от разрыва сердца. Всю жизнь свою он отдал революции. Но 20 лет его неутомимой революционной работы были не напрасны — и внесли ценный вклад в дело того рабочего движения, из которого он вышел и которому отдал свою жизнь.

В. Н. Подбельский.

Вадим Николаевич Подбельский, родившийся в ноябре 1887 года, происходил из революционной семьи. Отец его в 1881 году, будучи студентом петербургского университета, нанес пощечину тогдашнему министру народного просвещения Сабурову, за что был сослан в Якутскую область. В 1889 г. во время первой якутской бойни отец Подбельского был расстрелян в тот момент, когда бежал на помощь к осажденным товарищам. Мать Подбельского была осуждена в каторжные работы за участие в вооруженном сопротивлении полиции в Киеве.

Вырос Подбельский в Сибири, среди бывших политических каторжан и ссыльных. Воспитание сделало свое дело: с юных лет Подбельский проникся ненавистью к полицейскому мундиру и глубоким уважением к борцам за великое дело освобождения.

Уже во втором и третьем классе гимназии Подбельский тайком от старших по дому читает с трудом добытые прокламации и нелегальные брошюрки. В четвертом классе — уже систематическое занятие в политических кружках.

Весною 1905 года, будучи воспитанником 6 класса тамбовской гимназии, Подбельский принимает ближайшее участие в революционном движении учащихся. Еще за год до этого, в феврале 1904 года, он принимал участие от имени тамбовских учащихся в первом нелегальном съезде учащихся, состоявшемся в Москве.

В марте 1905 года Подбельский впервые был арестован во время демонстрации, но удачно бежал из полицейского участка. К октябрю того же года Подбельский вступил в ряды социал-демократической партии и в качестве члена таковой принимал активное участие в революционном движении этого периода. 9 января 1906 года он был арестован и с этого момента в продолжение нескольких лет не выходил из цепких лап охранников. В этом же году после рассмотрения в особом совещании тамбовской охранки дела о содержащихся под стражей в тамбовской тюрьме уволенных из тамбовской мужской гимназии гимназистов, обвиняемых в подстрекательстве своих товарищей в забастовке, Подбельскому было воспрещено, в числе других, жительство в Тамбовской и столичных губерниях сроком на один год.

В 1908 году, как это видно из справки начальника Тамбовского губернского жандармского управления, Подбельский привлекался при тамбовской «охранке» за принадлежность к Р. С. Д. Р. П., в результате чего был выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на три года.

В 1912 году, окончив срок этой последней ссылки, Подбельский приехал в Тамбов отбывать надзор полиции по двум новым статьям. Здесь он становится на путь журнальной работы, сделавшись редактором им же основанной газеты. Последняя была закрыта в начале войны за антимилитаристскую агитацию.

После этого Подбельский переехал в Москву, где работал в Земском союзе и в столичной прессе по вопросам кооперации. Приезд его отмечен в делах московской «охранки» следующей телеграммой, полученной особым отделом Московского охранного отделения 17 августа 1915 г.: «Поездом номер первый Москву, выехал социал-демократ Вадим Подбельский. Прошу наблюдений. Начальник жандармского управления Волков». Телеграмма была отправлена из Тамбова и на ней была сделана отметка о получении и резолюция начальника Московского отделения: «Р. Ганько — к разработке. М. Подгаевскому — установить наблюдение».

В тот же день, по распоряжению ротмистра Ганько, как известно, ведавшего агентурным наблюдением за деятелями Российской Соц.-Демократической Рабочей Партии, было заведено особое дело, на обложке которого обозначено: «Дело отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении московского градоначальника о потомственном почетном гражданине Вадиме Павлове Подбельском». По описи № 1089—1915 г. Первой бумажкой в названное дело попала приведенная выше телеграмма. В дальнейшем начинается уже обычная охранная переписка: телеграммы приставам, ответы их, запросы в адресный стол и т. д. Мы ограничимся приведением только наиболее характерной переписки.

Получив телеграмму начальника тамбовского жандармского управления, «охранка» в тот же день с душевным прискорбием отвечает автору: «Уведомляю ваше превосходительство, что телеграмма ваша за № 74 о выезде в Москву Вадима Подбельского в отделении получена за несколько минут до прихода поезда, в виду чего Подбельский в наблюдение взят не был. За прописки его установлен контроль. За начальника охранного ротмистр Знаменский».

Тут же имеется копия телеграммы всем приставам г. Москвы: «Прошу розыска и наблюдения появлением в Москве потомственного почетного гражданина Вадима Паниева Подбельского. Отрицательно не отвечать. За начальника ротмистр Знаменский». 5 сентября тамбовское жандармское управление настойчиво предлагает московской «охранке» искать тов. В. Н. Подбельского именно в Москве. Оно пишет: «Сообщаю, что Вадим Подбельский при выезде из Тамбова покупал билеты до Москвы; карточку Подбельского прилагаю, но предупреждаю, что она давнишнего производства, и Подбельский сравнительно с этой карточкой пополнел и носит довольно густые усы. Одет в серую тройку, темно-серое пальто и шоферскую фуражку».

Через некоторое время «охранка» получила точные справки о местожительстве своего нового «клиента» и установила полагающееся «наружное» (через филеров) и «внутреннее» (через так называемых «секретных сотрудников», другими словами — провокаторов) наблюдение. Результаты «внутреннего» наблюдения излагались «секретными сотрудниками» в так называемых «агентурных записках». Эти последние, хранившиеся в агентурном отделе, деятели «охранки» в дни мартовской революции поспешили уничтожить в первую очередь. Все же кое-что осталось. В частности уцелели многие регистрационные карточки агентурного отдела, на которые заносились краткие сведения о деятельности данного лица на основании агентурных записок. Регистрационная карточка на тов. В. Н. Подбельского сохранилась. На оборотной стороне ее значатся следующие сведения провокаторов, относящиеся к 1916 году: секретный сотрудник под кличкой «Зоя» сообщает: «на собрании уполномоченных общества «Кооперация» Подбельский выступал в защиту служащих». «На собрании 20 и 21 ноября в помещении хлебной биржи уполномоченных о-ва «Кооперация», после обсуждения продовольственного вопроса, собрание занялось своими внутренними делами. Выступление Скворцова и тот факт, что тезис о твердых ценах прошел значительным большинством 73 против 65 голосов, побудил Подбельского созвать в коридоре рабочих. По предложению Подбельского, в целях защиты демократической тактики и резолюции, образовалась демократическая рабочая группа. Группа эта будет существовать не только во время собраний уполномоченных, но и постоянно». Сотрудник под кличкой «Андреев» сообщает: «Подбельский — социал-демократ большевик и в настоящее время принимает активное участие в рабочем движении, при чем выражает желание поработать в подполье».

Как видно из приведенных материалов, московское охранное отделение считало тов. В. Н. Подбельского лицом, «принимающим активное участие в рабочем движении». Эта характеристика влекла за собой определенные последствия... Можно с уверенностью сказать, что лишь нагрянувшие мартовские события спасли тов. В. Н. Подбельского от «ликвидации» и всего с нею связанного, если вспомнить, что на жаргоне «охранки» «ликвидацией» именовался обыск и арест представителей революционных организаций.

С самых первых дней революционного движения в Москве Подбельский уже принимает в нем активное участие. Когда 27 февраля 1917 г. в Питере происходила вооруженная борьба рабочих с полицией,—Москва еще ничего не знала. Московские газеты писали о чем угодно, но только не о начавшейся в Петрограде революции. Между тем редакции крупных газет имели сравнительно полную информацию о том, что творилось в Петрограде, но сведения эти не печатали, а сознательно скрывали даже от сотрудников, служащих и рабочих типографии. Когда об этом узнала группа журналистов социал-демократов, то, по инициативе В. Н. Подбельского и К. П. Новицкого, было созвано экстренное совещание московских журналистов для обсуждения вопроса о петроградских событиях. Совещание состоялось в одной из отдаленных комнат Литературно-Художественного Кружка на Дмитровке, в доме, занимаемом ныне Московским Комитетом Р. К. П. На этом совещании участвовали В. Н. Подбельский, К. П. Новицкий, В. Н. Фриче, А. В. Шестаков, Ф. Шепулинский и др. На совещание по предложению В. Н. Подбельского были приглашены представители наборщиков всех газетных типографий. Заслушав доклад В. Подбельского, совещание постановило предложить всем редакциям московских газет в очередных номерах напечатать подробный отчет о петроградских событиях. В случае, если редакции газет не подчинятся этому требованию, решено было воспрепятствовать выходу газеты. Товарищам Подбельскому и Шепулинскому было поручено собранием вести переговоры с редакциями.

Редактора газет дали делегатам совещания уклончивый ответ, ссылаясь на имевшееся будто бы у них распоряжение со стороны местной власти, воспрещавшее напечатание петроградской информации. Затем стало известно, что редактора после беседы с делегатами совещания отправились «на совет» к московскому градоначальнику Шебеко, который, конечно, дружески посоветовал им воздержаться от печатания каких-либо сообщений о петроградских событиях.

Поздно ночью, когда стало известно окончательное решение редакторов московских газет, наборщики, по предложению совещания, прекратили работы и рассыпали готовый набор. 28 февраля, в силу этого, в Москве не вышла ни одна газета. Это было первым революционным выступлением Москвы. Заслуга организации этого революционного протеста принадлежала, главным образом, В. Н. Подбельскому.

По мере дальнейшего развития революционного движения, Подбельский всецело отдает себя активной работе по укреплению революции. С первых ее дней энергично работая в качестве простого техника газеты «Социал-Демократ», органа Московского Комитета большевиков, он все свое свободное время отдает работе в районах. Вскоре, на обще-городской конференции его избирают в Московский комитет партии, а затем и в его исполнительную комиссию. К этому же времени

относится и его работа, как гласного московской городской думы, в которую он был избран по списку большевиков.

В Октябрьскую революцию 1917 года Подбельский был послан Московской организацией большевиков в партийную «пятерку», руководившую восстанием через Военно-Революционный Комитет, избранный на заседании Московского Совета. Все дни восстания В. Подбельский бессменно провел на посту, руководя борьбой и прилагая все свои силы там, где этого требовала обстановка. Военно-Революционным Комитетом он был послан с небольшим отрядом «двинцев» занять здание Московского почтамта, захваченного юнкерами. Эта задача была выполнена им блестяще, и ему совершенно неожиданно пришлось сделаться комиссаром почт и телеграфов, сначала Москвы, через некоторое время—с переездом правительства из Петрограда в Москву—окружным комиссаром и, наконец, в мае месяце 1918 г. народным комиссаром почт и телеграфов.

На этом ответственном посту В. Н. Подбельский проявил необычайную энергию и деловитость. На его обязанности лежала непрерывная поддержка почтово-телеграфной связи по всей Республике, и не проходило ночи, чтобы его не подымали с постели улаживать то или иное недоразумение, исправлять тот или другой промах работы на местах.

Не ограничиваясь работой в Москве, он часто выезжал на окраины, лично руководя работами по восстановлению телеграфной связи в освобожденных от белогвардейцев местностях. Частый докладчик и оратор на собраниях московских рабочих, постоянный председатель митингов и общегородских конференций партии, пока его от работы в массах не оторвала работа в Совете Народных Комиссаров,—Подбельский был хорошо известен широким слоям московского пролетариата, в организации и коммунистическом воспитании которого он сыграл крупную роль.

Умер тов. Подбельский 25 февраля 1920 года. Небольшая царапина, полученная им во время работы на «субботнике», и последовавшее за нею заражение крови послужило причиной его смерти.

Многие из среды пролетариата прошли суровую школу битв и сражений, получили революционный закал и привычку к постоянной борьбе. Но мало было и есть у нас людей, которые революционную волю, энергию и пыл революционера сочетают с величайшей практичностью, деловитостью, организаторским талантом. Наше же время как раз требует именно этого. Активный борец, но в то же время строитель, организатор, практик,—такой человеческий тип нужен нашей эпохе и таким человеком был В. Н. Подбельский. Молодым и полным энергии умер он. Но он сделал так много, что другим этого хватило бы на долгую жизнь.

М. П. Янышев.

Пролетариат выдвигает из своей среды людей, беззаветно отдающих себя делу рабочего движения.

Никогда не претендуя на широкое признание своих заслуг со стороны даже того класса, счастью и лучшему будущему которого они не на словах, а на деле посвящали свою работу,—они, требуя жертв для революции, сами всегда были впереди и такую жертву ей часто приносили в лице самих себя... Приносили—просто, естественно, без лишнего пафоса—жертвы так, как они сделали бы десятки раз, если бы обладали не одной, а несколькими жизнями.

Одним из таких людей, беззаветно преданных делу революции, отдавший ему последнее наибольшее, что он мог отдать—свою жизнь, был тов. Янышев.

Ткач по профессии, работая на фабриках Иваново-Вознесенского района, он еще до 1905 года принимал участие в рабочем движении. В 1906 г., преследуемый царской охранкой, он перешел на нелегальное положение, а затем эмигрировал, сначала в Германию, а из нее уже в Соединенные Штаты Северной Америки. В этот период своих скитаний он в качестве матроса объехал почти весь земной шар, не раз подвергаясь голодовкам и преследованиям полицейских ищеек.

В Америке тов. Янышев работал на металлических заводах и одновременно горячо принялся за организацию русских рабочих и за пропаганду. Благодаря своей энергии, ораторскому таланту и личным качествам он приобрел большую популярность и любовь всей русской колонии сначала в Бостоне, затем в Детройте и других городах. Очень ярко и живо иллюстрирует этот период деятельности М. П. Янышева тов. Бухарин в своих воспоминаниях о совместной работе с ним в Америке: «Трудно изобразить в словах,—пишет он,—каким уважением пользовался Михаил Петрович. На него смотрели действительно чуть ли не как на святого; к нему шли не только тогда, когда нужно было решать вопросы политики, к нему шли даже с семейными делами, раскрывали самые интимные стороны жизни, ибо все знали, что Янышев решит «по справедливости». Он был оратор божьей милостью. Не раз мне приходилось видеть, как многоголовая аудитория плакала, почти рыдала навзрыд, когда говорил т. Янышев. Глядя на него, все знали, чувствовали и понимали, что его речь—не сочетание фраз, а глубочайшая душевная исповедь; все видели, что он искренен, как никто, и оттого ему так верили, оттого его так любили».

Исключительное влияние тов. Янышева на рабочие массы учитывалось даже его врагами. Не однажды во время упорных стачек, которыми он руководил, администрации заводов пытались его подкупить. В другой раз, чтобы отнять у рабочих целого района одного из лучших руководителей, с помощью наемных агентов, его увезли в другой город.

Имя тов. Янышева также небезызвестно и в истории социалистического движения Америки. Он являлся одним из основателей русской федерации Американской социалистической партии, послужившей ядром в организации коммунистической партии в Америке. Ознакомившись с английским и польским языками, тов. Янышев оказывал большое влияние на польское и английское социалистическое движение в Америке, поддерживая левых против оппортунистической части партии.

Узнав о русской революции, тов. Янышев немедленно двинулся в Россию. Здесь он тотчас же приступил к работе в качестве объездного агента областного бюро

Р. С. Д. Р. П. (большевиков), имея большой успех особенно среди крестьянских и солдатских масс. В октябрьские дни с оружием в руках он принимал участие в боях на улицах Москвы.

После Октябрьской революции тов. Янышев был членом Исполкома Московского Совета, участником Съездов Советов, членом В. Ц. И. К., председателем Московского Революционного Трибунала, членом коллегии М. Ч. К. Всюду он был желанным работником и, несмотря на мягкость натуры и доброту, был грозным судьей для контр-революционеров и саботажников.

Мобилизованный партией во время наступления Юденича на Питер, тов. Янышев проявил себя стойким борцом на этом фронте, командуя Московским отрядом коммунистов. Вторично мобилизованный партией в начале этого года, тов. Янышев неутомимо работал в качестве политкома 15 дивизии на Южном фронте. Т. Сокольников, работавший в это время с ним в одной армии, так характеризует его деятельность: «Тов. Янышев,—говорит он,—принадлежал к числу тех лучших рабочих вождей Красной армии, которые на постах комиссаров, и командиров батальонов, полков, дивизий, заключают в себе тайну героических успехов и неодолимой силы армии пролетарской революции».

Пламенный, обаятельный оратор, неутомимый политический просветитель и «хозяйственник»—в моменты интервалов между боями. В бою—вместе с наступающей цепью в угрожаемом месте. После победы—искусный организатор Советской власти в очищенных от белогвардейцев местностях. Таков облик тов. Янышева в его работе на фронте.

В январе текущего года перед взятием Ростова 15 дивизия, комиссаром которой он был, атакуется корпусом Мамонтова, ведет бой в течение суток, теряет половину состава, но в результате все же задерживает Мамонтова и разрушает его план прорыва в Донскую область. Янышев весь день работает под огнем, вдохновляя красноармейцев дивизии, предупреждая панику, восстановляя дисциплину среди дрогнувших. В марте его дивизия атакует считавшиеся неприступными позиции деникинцев у ст. Тонельной (перед Новороссийском). После двухдневного боя Тонельная взята, и дивизия вместе с Янышевым первой врывается в Новороссийск.

В первых числах июля 1920 г. в бою с врангелевскими бандами—раненый пулей в плечо, тов. Янышев, не обращая внимания на ранение, снова бросается в бой—в общей цепи красноармейцев той дивизии, в которой он был политкомом, пока не падает от штыкового удара врангелевского белогвардейца. Смертельно раненый, он еще жил несколько часов и, умирая, говорил окружающим: «Не хочу умирать, товарищи,—еще так много работы!..»

Эти слова, в которых даже последние проблески сознания всецело принадлежат рабочей революции, наиболее ярко рисуют нам светлую личность М. П. Янышева.

Пролетарская революция, мысль о которой не покинула тов. Янышева даже в последние минуты его жизни, сумеет любовно сохранить память о нем, как о своем лучшем и верном сыне.

Инесса Арманд.

Святое дело революции требует бесчисленных жертв. Такими жертвами являются большей частью чистейшие из жрецов ее... Служители идеи Равенства и Братства в белоснежных одеждах...

Есть жертвы кровавые. Это—борцы, сраженные с оружием в руках на баррикадах или на полях битвы, либо обагрившие своею кровью белогвардейские тюрьмы, застенки и эшафоты...

Их подвиги ярко и выпукло врезываются в памяти народов. Имена их хранит не только история. Их трагическая судьба запечатлевается в искусстве трудящихся. О них складываются сказания... О них поются песни, вырастающие иногда в целые эпопеи...

Есть жертвы другого рода—бескровные жертвы... Это тоже святые, чистые жрецы революции... В их судьбе нет яркого внешнего трагизма... Их не сразила вражеская рука. Но заслуга их перед революцией не меньше заслуги трагически погибших мучеников ее,—всех тех, чело которых украсилось терновым венцом...

Это—те жрецы революции, которые отдали себя целиком служению революционному долгу. Отдали всю свою душу без остатка, отдали все свое время, все свои силы и помышления.

Они также погибли на революционном посту, надломив свое здоровье благодаря сверхчеловеческой, упорной работе во имя идеи Коммунизма.

К числу таких бескровных жертв нашей пролетарской революции относится незабвенный товарищ Инесса Арманд, имя которой должно быть занесено в список славных имен борцов Советской России и передано грядущим поколениям...

Инесса Арманд—это одна из самых ярких женских фигур, выдвинутых на авансцену русской пролетарской революции. Она была тесно спаяна с пролетарским движением вообще и в частности с движением женщин-работниц, несмотря на то, что она и родилась и выросла в богатой буржуазной семье.

С детских лет ее инстинктивно тянуло к обездоленным и угнетенным, несмотря на то, что домашние всячески пытались оберегать ее от того, что принято было называть «изнанкой» жизни, показывая девочке лишь лицевую сторону ее...

Но юная, мятежная душа, всеми атомами рванувшаяся вперед, к Солнцу Правды, сумела пробить себе дорогу к ней, несмотря на ту китайскую стену, которою стремилась окружить ее буржуазная среда... Она сумела пробить брешь в этой стене, несмотря на бесчисленные препятствия... Она победила сонмы буржуазных предрассудков и вышла на свободу...

Она не пошла «просторною дорогой торною», по которой идет громадное большинство людей ее круга, а выбрала себе «чистые пути, тернистые»...

Окунувшись с головой в революционную борьбу (она еще до 1905 года начала работать в нелегальных организациях с.-д. партии), тов. Инесса не позволила отвлечь себя от этой борьбы даже материнским чувствам.

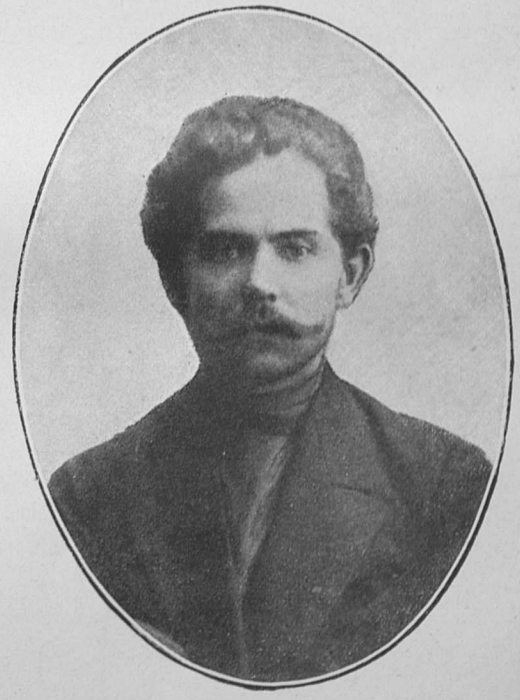
После того, как наша революция 1905 года была раздавлена и на Руси воцарилась самая черная реакция, тов. Инесса уехала за границу, где пробыла не-

В. Н. Подбельский.

И. Арманд. (Инеса).

Я. И. Бочаров.

сколько лет, работая в тесном единении с большевистским центром.

Годы ее первого пребывания за границей были для нее годами не только интенсивной партийной работы, но и временем основательного изучения теории марксизма.

Начиная с 1911 года, стал редеть мрак беспросветной реакции, окутывавший Россию. Там и сям стали появляться первые ласточки — симптомы пробуждения трудящихся... Сотни рабочих, павших от выстрелов палачей на Ленских приисках 4 апреля 1912 года, явились как бы призывом к возобновлению борьбы за освобождение пролетариата от политического и социального бесправия.

Когда революционная волна стала вновь нарастать, тов. Инесса вернулась в Россию. Но ей на этот раз пришлось недолго побыть здесь. Она подверглась аресту и после освобождения под залог вновь уехала за границу.

За границей дом Инессы являлся как бы центром, вокруг которого сосредоточивались эмигранты-большевики. Во время пребывания за границей Инесса занималась и литературной деятельностью: она активно работала в редакции журнала «Работница».

Когда вспыхнула в августе 1914 г. империалистическая бойня, т. Инесса работала в Швейцарии. Она принимала участие в работах международной женской Бернской конференции и была членом русской делегации на Циммервальдской и Кинтальской международных конференциях.

Когда вспыхнула февральская революция, тов. Инесса вернулась в Россию и сразу же окунулась здесь в поток революционной работы. Она энергично работала в Московской организации большевиков, и во время июльских дней настаивала на необходимости поддержать петербургский пролетариат.

Когда свершилась Октябрьская революция, тов. Инесса стала вести активную борьбу с эс-эрами на съезде советов крестьянских депутатов Московской губернии. Она была избрана членом Губернского Исполнительного Комитета и Губернского Комитета партии. Одно время она состояла членом Всеросс. Центр. Исп. К-та.

Последние два года тов. Инесса работала, главным образом, среди женщин-работниц. Ей принадлежит, на ряду с тов. Коллонтай, инициатива выделения работы среди женщин. Одно время Инесса была заведующей центральным отделом работниц, продолжая в то же время работать в губернии и не оставляя литературной деятельности. Она написала ряд брошюр под псевдонимом Е. Блонина и редактировала странички женщины-работницы. Инесса несла одновременно и крупную организационную работу. Ей принадлежит инициатива и организация делегатских собраний.

Среди женщин-работниц тов. Инесса пользовалась огромной популярностью. Она умела быть «своей» в пролетарской среде, несмотря на то, что по рождению не принадлежала к ней.

Летом нынешнего года тов. Инесса вынесла на своих плечах гигантскую работу по организации международной женской конференции. Эта работа сильно надорвала и без того хрупкое здоровье ее.

В августе т. Инесса отправилась для поправления здоровья на Кавказ — в Кисловодск, затем — в Нальчик.

Ярко вспоминается прекрасный образ этой женщины-революционерки на фоне горной природы северного Кавказа. В душе Инессы как бы сочетались нежная женственность с мощной стойкостью и железной энергией борца. Одна из самых выдающихся женщин революции, Инесса представляла из себя олицетворение скромности. Всякая рисовка и тщеславие были чужды ее чистой, как хрусталь, простой и глубоко человечной душе. Все, кто знал хорошо Инессу, находились под обаянием ее чарующей личности...

Пребывание на Кавказе оказалось роковым для тов. Инессы... В конце сентября 1920 г. беспощадная смерть унесла от нас эту светлую женщину-борца...

Замолкли аккорды гармоничной души, но отзвуки их слышатся в том великом деле, для которого жила и боролась незабвенная Инесса.

П. К. Штернберг.

Три года гордо реет над Россией красный стяг победы труда над капиталом. Много сил, цветущих жизней положено в этой борьбе. Беззаветно отдавшиеся делу революции, гибли люди с одним сознанием, что творят великое дело за освобождение угнетенных. Много их видных и невидных, но одинаково полезных, сошло с арены жизненной борьбы, увидев лишь зарю возрождения человечества или даже не дожив и до этого. Их нет уже, но они были и всегда будут живы в нашей памяти своими делами.

Может-быть, даже многие из партийных товарищей не знают профессора-революционера Павла Карловича Штернберга. Не будучи вождем, он все же играл видную роль и оказывал делу революции большую помощь. Не безынтересно было бы познакомиться с этой светлой личностью, тем более, что профессор-революционер — большая редкость.

П. К. Штернберг родился 21 марта 1865 года. Среднее образование он получил в орловской гимназии, окончив ее в 1883 году и в том же году поступил на физико-математический факультет Московского университета. Он проявил большие способности к науке... Еще будучи студентом, он получил золотую медаль за свое сочинение. По окончании университета П. К. Штернберг был утвержден в качестве кандидата математических наук. В 1888 г. университет оставил его при себе для подготовки к профессорской деятельности по кафедре астрономии. Спустя два года П. К. был зачислен астрономическим наблюдателем Московского университета. В этом же году он был зачислен в число приват-доцентов физико-математического факультета по кафедре астрономии и уже в 1903 году достиг ученой степени астронома. Интересуясь наукой, которой посвятил себя, путем усиленных занятий он получил звание доктора астрономии. Умело и уверенно защищенная им диссертация произвела сильное впечатление, и он был утвержден в этом звании. Но увлекаясь наукой, П. К. Штернберг отдавал свои силы и другой стороне жизни—революции. Свою революционную деятельность он начинает с 1905 г. в Московской военной организации. Тяжелая то была пора. Революционная Москва была разгромлена орудиями Дубасова. От партии откололись все, кто с октябрьских дней пере-

полнил нашу организацию. Положение было тяжкое. Как выход из него, решено было использовать выборы в 1-ю Государственную Думу и начать «предвыборное собрание», что, нужно отметить, разрешалось лишь под ответственностью лиц, занимающих видное общественное положение. Вставал вопрос, где взять такое лицо, и П. К. Штернберг вывел московскую организацию из затруднения. Он предложил свои услуги и взял на себя ответственность за собрания, на которых выступали наши товарищи и открыто высказывались по поводу текущего политического момента. С 1906 года он попадает под всевидящее око охранки, и о нем заводится дело. Личное дело астронома-наблюдателя московского университета П. К. Штернберга начинается особой справкой в Охранном отделении, характеризующей его, как лицо, весьма ценное для партии.

После ликвидации 6 июня 1906 г., гласит справка, деятельность Московской организации Р. С.-Д. Р. П. снова ожила. Комитеты и отделы партии для своих конспиративных сношений имели так называемые «штабы», т.-е. места и лиц, к которым каждый приехавший в Москву партийный работник мог являться за получением сведений. Одним из таких лиц и являлся П. К. Штернберг. Московская охранка через своих агентов узнала об этих штабах, и в целях ослабления партии, ею были произведены обыски, в том числе и у П. К. Штернберга. В ночь, с 6 на 7 августа 1906 г. квартира Штернберга была подвергнута обыску во время его отсутствия. Ретивые «искоренители крамолы» не постеснялись взобраться в квартиру через окно, при чем замки во всех столах, комодах, шкафах были взломаны приглашенным слесарем, лишь в присутствии двух дворников. После обыска полиция скрылась через тот же ход.

Никаких материалов, компрометирующих П. К. Штернберга, они не нашли. Это видно из того, что, несмотря на переписку о П. К. Штернберге, которая была передана судебному следователю Московского Окружного суда Головне, никакого ответа или заключения об его привлечении к суду не последовало. Очевидно, что, несмотря на все ухищрения со стороны охранки к привлечению Штернберга, она оказалась бессильна.

Но тонко развитый нюх охранников чуял, что за Штернбергом что-то кроется. И в 1909 году у П. К. Штернберга новый обыск, который опять не дал охранке никаких компрометирующих Штернберга результатов. Полковнику Климовичу удалось перехватить адресованный на имя Штернберга в Москву — Средняя Пресня, Астрономическая Обсерватория—пакет со вложенным извещением Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. о состоявшейся очередной общепартийной конференции. Немедленно он сообщает об этом охранке, которая сразу же бросается на поиски. В указанном месте Павла Карловича не оказалось, но, разыскав его, в конце-концов, охранка подвергла П. К. обыску. Но опять безрезультатно.

Оскорбленная и одураченная, она не прекращает своего надзора за П. К. Штернбергом. В 1913 году, 10 апреля подполковник Мартынов доносит московскому градоначальнику, что при ликвидации в ночь на 19 марта 1913 года московской активной группы Р. С.-Д. Р. П. в вещах, принадлежащих руководителю группы Ал. П. Лобову, оказавшемуся затем провокатором, был обнаружен зашитым в двойную кожу кошелька законспирированный явочный адрес заграничного партийного центра на имя проживающего в г. Москве П. К. Штернберга. Из содержания этой явки было видно, что она предназначалась для особенно серьезных и ответственных работников, опознавать которых Штернбергу предстояло при помощи особо условленных паролей.

Охранка настораживает уши и устанавливает надзор за деятельностью П. К. Штернберга. Из выяснения текущих деловых связей и сношений П. К. ей удалось узнать, что он встречается с весьма активной партийной работницей, Варварой Николаевной Яковлевой, административно высланной в Нарымский край, но бежавшей оттуда и ныне занимающейся организацией партийного подполья. Этого было вполне достаточно. 11 апреля того года ночью представители охранного отделения нагрянули с обыском к П. К. Из протокола видно, что «ничего предосудительного не найдено». На следующий день Штернберг был вызван на допрос в охранку. В сведениях, имевшихся у охранки, данных жандармским ротмистром Ивановым, он был охарактеризован активным участником в деле собирания средств на цели и нужды Р. С.-Д. Р. П. О результатах обыска было сообщено попечителю Московского учебного округа, который поспешил сообщить об этом министру просвещения Кассо. Последний затребовал от попечителя сведения о степени политической благонадежности Штернберга. В ответе, данном ему, значилось, что по делам охранного отделения неизвестно о личной активной принадлежности П. К. к какому-либо «преступному революционному сообществу», но что через него поддерживалась связь между партийной организацией и В. Н. Яковлевой. Это обстоятельство было учтено министром просвещения Кассо, и когда в 1914 г. Штернберг был избран на кафедру профессора-астронома, Кассо долго не соглашался на утверждение его, принимая во внимание его революционность. В конце-концов, П. К. все же был утвержден в этом звании.

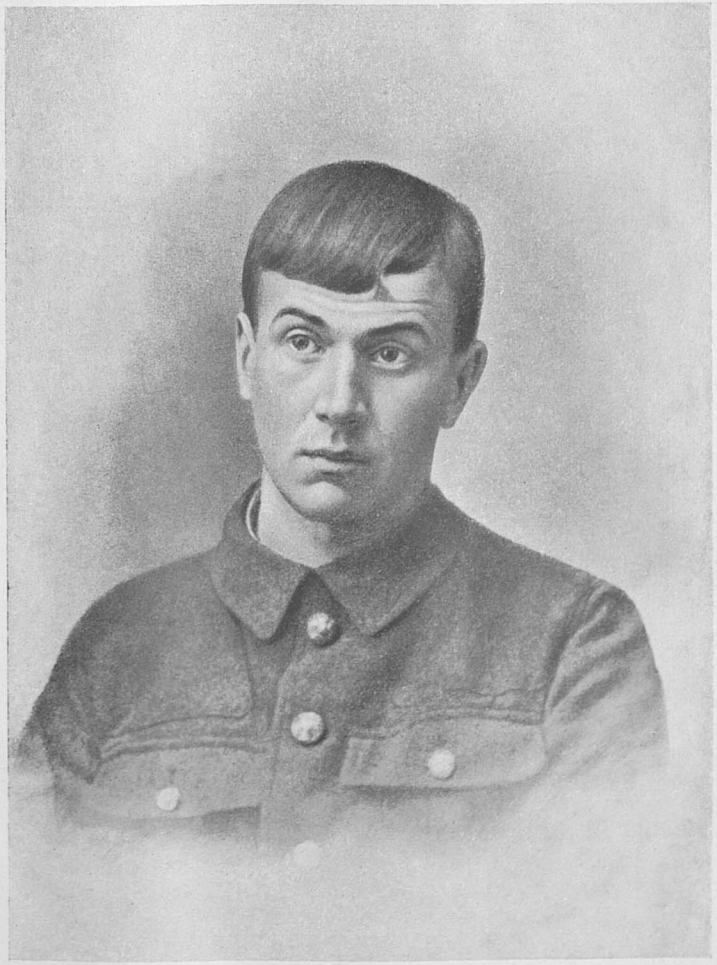
До революции 1917 года Штернберг большого участия в революционном движении не принимал, посвящая большую часть своего времени научной деятельности. Начавшаяся борьба восставшего народа всколыхнула его и втянула в ряды бойцов. С этого момента П. К. оставляет науку и начинает кипучую революционную деятельность, как член Московского Комитета.

Непоколебимый и стойкий, он всегда и везде проводил тактику большевика. Весною 1917 года, когда на большевиков за агитацию против войны посыпались нападки, Штернберг, будучи профессором на В. Ж. К., за свою большевистскую деятельность был подвергнут бойкоту. Он был с большевиками и в июльские дни, когда небольшая кучка храбрецов-большевиков в 20 человек выдерживала натиск в Городской Думе 170 кадетов и эс-эров; Штернберг, как гласный думы, был в этой кучке.

Буйный вихрь Октябрьской революции своим мощным порывом втянул его в самый разгар борьбы. В своих воспоминаниях о нем тов. Васильев говорит, что, встретясь летом с Штернбергом, он услышал от него «в свойственных ему мягких тонах, что надо уметь игнориро-

Г. Д. Усиевич.

Д. Д. Алешин.

вать мелкие суждения колокольни и итти открыто и прямо к определенной цели». И он пошел, не оглядываясь и не сомневаясь, в самый огонь революции». В октябрьские дни он был назначен начальником штаба Замоскворецкого военно-революционного комитета.

Темные, тесные, до бесконечности грязные комнаты трактира на Калужской площади — вот где помещался штаб пролетарской революции. Покойный, по словам товарищей, засыпая буквально на несколько минут, все время был на ногах. Он посылал лазутчиков, он налаживал полевой телефон, он вел переговоры с представителями казацких отрядов, которые с неизвестными намерениями подходили к Калужской заставе. Он—математик, здесь же на месте знакомился с артиллерийским искусством и потом устанавливал орудия, которые из Москворечья начали обстреливать Кремль. Он буквально не стоял на ногах от усталости. Только раз, когда пролетарская революция начала побеждать, его удалось почти насильно увести и заставить отдохнуть хотя одну ночь.

Не отдых, а усиленная работа началась после победы для всех, в том числе, конечно, и для П. К. Штернберга — старого члена коммунистической партии.

После Октябрьской революции он был назначен московским губернским комиссаром по гражданским делам, затем комиссаром высших учебных заведений г. Москвы и в 1918 г.—членом Реввоенсовета восточного фронта, где и работал до своей смерти. В одну из своих поездок в Москву по делам он заболел, слег и больше уже не вставал. В ночь на 1 февраля не стало смелого борца, «идущего вперед смело и открыто», этого удивительного человека, сумевшего совместить в себе профессора и революционера.

А. А. Алешин.

А. А. Алешин, молодой по своим годам, но старый по революционному опыту партийный работник, состоял в партии с 1914 г. Его знают не только рабочие Москвы, но и Питера, Выборгской стороны, где он работал в 1914 году.

В 1915 году тов. Алешин работал в Москве на заводе «Динамо». На этом заводе существовало в то время 2 кружка: кружок питерцев-большевиков и москвичей. В августе был поднят вопрос о их слиянии. На берегу реки Москвы при селе Кожухове состоялось первое соединенное собрание, на котором был выработан организационный план для дальнейшей пропагандистской работы. Тов. Алешин был на этом собрании представителем кружка модельной мастерской. Начались завязываться связи с Лефортовским и Городским районами, и тов. Алешин вместе с тов. Белкиным выбираются представителями от кружка. Работа расширилась, стали подготовляться стачки, рабочие начали выдвигать вместе с экономическими требованиями и политические. В открывшихся прениях по докладу депутатов Думы Скобелева и Рамишвилли о работах в Думе тов. Алешин принимает горячее активное участие. Члены Думы уехали чуть не освистанными.

2 октября на заводе «Динамо» вспыхнула стачка. Тов. Алешин с другими товарищами руководит забастовкой, продолжавшейся 2½ недели. 17 октября 1914 г. начались аресты, высылка и отправка на фронт наиболее активных бастовавших рабочих. Тов. Алешин попадает в числе последних. В казармах г. Орла он пробует вести работу, но, не вынеся военщины и дисциплины ее, через 1½ месяца нелегально пробирается в Питер, где после нескольких месяцев работы попадает в руки полиции. Его отправляют в маршевую роту в г. Рязань для отправки на фронт. На фронте тов. Алешин попрежнему продолжает революционную работу, получает контузию головы, попадает в госпиталь.

Перед революцией тов. Алешин был членом завкома на заводе «Динамо». В 1917 году проходит в Московский Совет от этого завода. Пленум выбирает его в члены Исполкома, а большевистская фракция Исполкома — в бюро фракции. В октябрьские дни 1917 года тов. Алешин, деятельность которого была перенесена в район, становится членом Революционного Комитета Рогожско-Симоновского района, затем членом Исполкома этого района. Скоро он вновь избирается в Московский Совет и в члены Исполкома. В 1918 году, в первую мобилизацию коммунистов, он, как секретарь бюро фракции, собрал бюро фракции для назначения кандидатов на фронт и одним из первых занес в список себя. Попав на южный фронт, он организует красно-армейцев в отряды для отправки их на чехо-словацкий фронт. Скоро он отзывается на северный фронт в 6 армию заведующим Политотделом дивизии. Кроме политической работы он сражался на ряду с красноармейцами с винтовкой в руках. Благодаря затишью на северном фронте тов. Алешин командируется Реввоенсоветом Республики заведующим Политотделом при конном корпусе Буденного. Горячо взялся было он за работу, но заболел вдруг сыпняком. Честный солдат революции не вынес тяжелой болезни и скончался на боевом посту. Тов. Алешин много сделал для коммунистической революции. Он был верным коммунистом подполья и честным солдатом на красном фронте борьбы за освобождение рабочего класса.

Я. И. Бочаров.

Яков Иванович Бочаров происходил из крестьян Каширского уезда, Тульской губернии. Отец Бочарова не мог прокормить своей семьи небольшой полоской земли, у него имевшейся, и он, как большинство подмосковных крестьян, уходит на фабрику. С большим трудом на крохи, привозимые домой, ткач Иван Бочаров растит своих двух сыновей и трех дочерей. Старшим из детей был Яков. Пройдя суровую школу крестьянина-пролетария, отец-Бочаров стремится дать доступное для детей крестьянина образование—почти все дети кончают 2-классное сельское училище. В школе Яков своими способностями обращал на себя внимание учителей и пользовался любовью сотоварищей.

По окончании училища Яков Бочаров отвозится отцом в Москву «в учение» в мастерскую. Сознавая себя помощником в семье, молодой слесарь-водопроводчик стремится познать свое ремесло в совершенстве, и через 2 года учения Яков Бочаров участвует как монтер в сложных работах по прокладке и ремонту водопровода и отопления по Москве, присматриваясь и отмечая у себя резкую разницу между жизнью рабочего и имущего.

1905 год Я. И. Бочарова застает токарем на арматурном заводе Гакенталь.

Молодой токарь не принимает активного участия в движении и восстании, но борьба рабочих, волна забастовок оставила глубочайший след в душе Якова Ивановича.

Находясь все время в самой гуще рабочей массы, великолепно изучив ее, Яков Иванович в разговоре о забастовках образно рисовал роль молодых, стариков, семейных, мастеров и героев-вождей организаторов и вдохновителей выступлений.

В 1915 году Бочарову предлагают место мастера. Бочаров принимает мастерство в небольшой мастерской, но, пробыв в этой должности всего 3 месяца, он бежит оттуда, заявляя, что он не желает быть ставленником хозяина над рабочими, а стремится быть вместе с ними. Бочаров переходит на военно-промышленный завод. Здесь он выдает себя лишь за токаря и до самой революции, несмотря на неоднократные предложения стать мастером, упорно отказывается от этой чести, не желая порывать с массой.

К концу 15 года на заводе находились целый ряд прошедших суровую школу подпольной работы товарищей. Здесь—вернувшийся из ссылки И. И. Желтов, С. С. Белорусов, Н. Зыков, И. М. Голубев, Я. Р. Эмдин, Горев, К. Табаков, Яповский и др. Разгорается кампания вокруг выборов в заводскую больничную кассу. Кандидатом, на котором сходятся все, даже требовавшие выставления лишь партийных товарищей (И. М. Голубев), является Я. И. Бочаров. Он проходит в правление и там избирается тов. председателя кассы. Февральская революция собрала все революционные силы в заводском комитете завода (6000 рабочих), и мы видим Я. И. Бочарова в президиуме комитета в течение всего времени существования завода. На всех выборах кандидатом выставляется Я. Бочаров, и не было случая, чтобы голосованием на него не была бы возложена та или иная обязанность. Я. И. Бочаров бессменно состоит делегатом в профсоюзе, членом районного и центрального Совета, по спискам Р. К. П. он проходит по Басманному району в районную думу и управу, участвует в целом ряде организаций и комиссий.

Здесь Бочаров проходит суровую школу. Будучи во главе расценочной комиссии и комиссии по определению норм выработки, он не подлаживается к массе, а суровым твердым отношением к делу следит за поднятием производительности, равно как и за согласованием заработка с все возрастающей дороговизной.

На общем собрании 6-тысячной массы он вносит и проводит резолюцию (первую в Москве 1917 г.) о том, что рост дороговизны можно остановить лишь введением хлебной монополии и национализацией промышленности.

В октябрьские дни Бочаров, как член Революц. К-та Басманного района, руководит целым рядом сложных операций (штурм Лефортовской военной школы, организация охраны винного склада), принимая непосредственно деятельное участие в восстановлении порядка в районе.

В феврале 1918 года Я. И. Бочаров переходит, по предложению т. В. П. Ногина, в областной Комиссариат труда, как заведующий конфликтным отделом.

Принимая все время участие в работе Моск. Общегородской Больничной Кассы, т. Бочаров с 1919 г. переходит целиком на работу в кассу. С организацией Подотдела Социального Обеспечения и Охраны труда Я. И. Бочаров избирается заведующим п/отделом Московской губернии, а затем заведующим Отделом Труда.

Отличительной чертой Якова Ивановича было умение отдаваться всем своим существом порученной ему работе.

Совершенно пренебрегая своими интересами, он во главу угла всегда ставил интересы дела. Порученное ему дело он всегда изучал досконально, и суждения его были обстоятельны, прямолинейны, свидетельствующие о знании предмета.

Я. И. Бочаров был недюжинным оратором. При выборах в Совет ему ежедневно поручалось выступать на одном-двух собраниях, и рабочие Москвы, вне сомнения, помнят этого типичного рабочего, с шапчонкой, надвинутой на уши, в синем потертом пиджачишке, подвязанного шарфом. Будучи уже совершенно больным, он не отказался ни от одного выступления, с большим успехом проводя собрания рабочих. Роковым для него выступлением была конференция в Орехове. После 1½-часового доклада у него хлынула горлом кровь. Он спешит, вопреки настояниям врачей, в Москву; сдает дела.

Здесь с ним происходит второй припадок. Его перевозят в санаторию «Высокие Горы», над созданием которого он не мало потрудился (теперь санатория имени Якова Ивановича Бочарова), и через 10 дней он умирает от разрыва сердца.

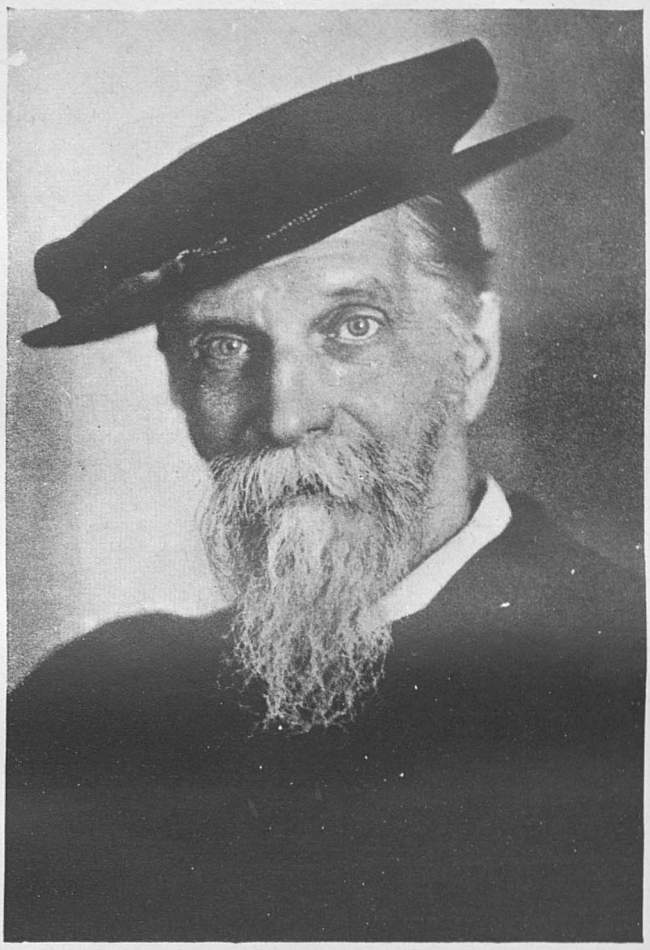
Умер Я. И. Бочаров 32 лет отроду, умер молодым, в расцвете сил, энергии, явив пример того, сколько мощи, организаторского таланта и умения строить новую жизнь таит в себе русский рабочий.

Погребен Я. И. Бочаров на Красной площади.

К. А. Тимирязев.

От нас навсегда ушел великий мудрый старик. Другой такой фигуры не было у нас. Один из крупнейших ученых, чье имя произносилось в академиях и университетах всего мира с благоговением,—в то же время коммунист, рабочий депутат, член Московского Совета; глубокий старец, всеми своими корнями выросший в девятнадцатый век—и в то же время молодой ум и молодое сердце, бившееся вместе с сердцем пролетариата; человек, вышедший из почтенной буржуазной среды, перед которым были открыты все двери старого мира,—и при этом честный революционер, который на пороге своей смерти бросил открытый вызов этому миру и стал под знамя коммунистической революции.

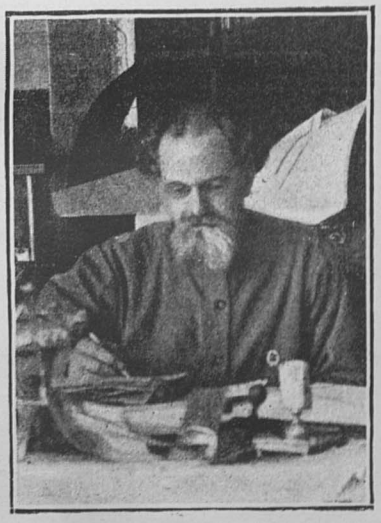
Еще в средине прошлого века Маркс писал, что перед пролетарской революцией от господствующей буржуазии будут отходить самые благородные фигуры, которые станут в ряды борющегося пролетариата. Такой благороднейшей фигурой был Клементий Аркадьевич. Жалкие сикофанты, тем более напыщенные, чем меньше они имели действительно научных заслуг, объявили войну пролетариату, осмелившемуся взять власть. Настоящий ученый, подвижник науки, каким был Клементий Аркадьевич, протянул пролетарскую руку. Пожалуй, не было в истории более

Член Москов. Совета. К. А. Тимирязев, профессор Кэмбриджского университета.

М. П. Янышев.

П. К. Штернберг.

яркого символа братства пролетариата и науки, чем воплощения этого братства в лице товарища Тимирязева. На закате своих дней этот старый профессор, крупнейший ученик Дарвина и вождь русских дарвинистов, в пролетарских баррикадах октября увидел ворота в новую историю человечества. Там, где ограниченные своим буржуазным кругозором, но в высокой степени хвастливые университетские профессора видели проделки немецкого генерального штаба или погромные подвиги преступных авантюристов, Тимирязев разглядел громаднейшие исторические сдвиги, равных которым еще не было в истории. И своим потухающим взором с великой любовью к человеку благородный ученый уже различал контуры коммунистического будущего.

Мы не хотим здесь давать оценку громадных научных заслуг Клементия Аркадьевича. Это сделают другие более компетентные товарищи. Нам хотелось бы сказать несколько слов о том, как глубоко он пробил ростки новой жизни.

Клементию Аркадьевичу жилось очень и очень несладко при Советской власти. Крайне застенчивый и щепетильный, он скрывал те лишения, которые ему приходилось испытывать. Но, несмотря на все, Тимирязев не проклинал революции, а благословлял ее своей дрожащей рукой. Естественник-материалист, проживший восемь десятков лет, видавший столько перемен, переживший Парижскую Коммуну и помнивший 48-й год, человек с широчайшим горизонтом, Тимирязев понял, что наступает новая эпоха когда освобожденное пролетариатом человечество расправит крылья своего мощного гения. И нужно было видеть, с каким глубоким душевным волнением наш старый дорогой товарищ относился ко всякому знаку внимания со стороны рабочего класса. Нужно было видеть, как Клементий Аркадьевич входил в русло коммунистического потока, с какой поспешностью он отдавал свои последние силы служению нашему общему делу. Совсем разбитый и больной, он писал рефераты для Социалистической академии, статьи для «Правды» и «Коммунистического Интернационала»; немощный физически, он приносил свой светлый ум, струившийся из его прекрасных глаз, на наши собрания. Он терпеть не мог никаких внешних отличий и титулов. Но на своей последней работе поставил титул: «действительный член Социалистической академии». Всякий, конечно, подумает, что он делал академии честь. Но Тимирязев здесь хотел лишь демонстрировать свой социализм, подчеркнуть то, что он с нами. Эту позицию он занял решительно и определенно. Он бичевал капиталистическую Англию, пригвоздил к позорному столбу союзников. Он звал на борьбу. Он всем своим поведением проповедывал союз «науки и демократии». Не той демократии, которая стреляет в рабочих, как озверелый лавочник, до смерти напуганный призраком коммунизма, а той демократии, которую осуществляет пролетарская власть.

Рабочий класс никогда не забудет своего славного друга, мыслителя и борца. Рабочий класс будет хранить о нем память, как о великом подвижнике науки, который первый пожал мозолистую руку пролетария, как честный товарищ и союзник. Быть-может, после его смерти кое-кто из тех, кто считает себя «рыцарями духа» и «солью земли», поймут свою ограниченность и пойдут по стопам русского ученого материалиста.

Русский пролетариат прикроет тленное тело Тимирязева своим красным знаменем. Русский пролетариат исполнит духовное завещание Клементия Аркадьевича, который в своей предсмертной статье звал рабочих к святому коммунистическому труду.

Да живет в веках славяное имя

Да здравствует дело, за которое боролся наш старый друг!

А. А. Барышников.

Алексею Архиповичу Барышникову выпала счастливая доля пройти тернистый путь революционера почти с начала рабочего движения до полной победы пролетариата.

Рабочий-коммунист тов. Барышников родился в 1864 г. на фабрике Морозова. На ней же он начал свою трудовую жизнь и революционную деятельность.

Первую свою революционность он проявил в 1885 году, в эпоху стачечного движения. Как видный активный борец, Алексей Архипович в 90 годах уже попадается в руки полиции, его арестовывают и высылают в места не столь отдаленные. Но в 1904 г. тов. Барышников снова появляется на арене борьбы, и происходившая в то время Морозовская стачка видит его в числе своих руководителей.

Когда глухое волнение среди рабочих вылилось в широкую форму движения—революцию 1905 года, тов. Барышников вместе с другими передовыми рабочими бьется на баррикадах гор. Москвы с царскими войсками.

Но бесчисленные жертвы и правота дела рабочих не были искуплены. Восторжествовала реакция, и опять начинается эпоха жесточайшего преследования революционеров. Для тов. Барышникова наступила полоса арестов, и в результате—ссылка в Сибирь, в Тобольскую губернию.

Но непреложные законы социалистической революции не дают долго торжествовать поработителям. Пораженные рабочие собирают свои силы, крепнут и февральской революцией дают сильнейший отпор капиталу. Запрятанные в далекие края, самые лучшие и активные борцы вновь возвращаются к своей работе.

В числе их и т. Барышников, который сразу же становится в первые ряды—ряды большевиков.

В дни октября, уже довольно пожилой (ему было 53 года), он активно борется с войсками буржуазии на баррикадах, не уступая молодым. Прошли октябрьские дни с грохотом орудий и разрушением, и т. Барышников ведет тяжелую и суровую работу по организации отрядов. В последнее время он работал в Уфе.

Судьба как будто посмеялась над этим человеком, отдавшим 35 лет своей жизни на борьбу. Не на баррикадах сложил он свою голову,—тиф сразил его. Полубольной, он едет в Москву, по дороге продолжая работать. В Москве опять заболевает возвратным тифом и погибает... Это было в 1920 г.

Про жизнь т. Барышникова можно сказать, что она—сплошной подвиг во имя рабочего класса, сыном и борцом которого он был, ибо таких людей может ставить на боевые позиции только рабочий класс.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Московский Совет с Октябрьской революции 1917 г. по сентябрь 1920 г. . . . . . 1—50

Глава I. Личный состав Московск. Совета 1
„ **II. Как работает Моск. Совет** 3
„ **III. Деятельность Пленума Московск. Совета** . . 4
I. Вопросы политические 5
II. Вопросы обороны 9
III. Вопросы экономические:
1. Продовольственный вопрос. 10
2. Топливный вопрос. 12
3. Транспортный вопрос. 13
4. Жилищный вопрос. 14
5. Рабочий вопрос. 15
6. Вопросы промышл. и торговли. . . . . —
7. Вопросы тарифной политики. . . . . —
8. Вопросы местной санитарии. 16
9. Общие экономические вопросы. . . . . —
IV. Организационные вопросы . . . . . —
V. Вопросы юридические 17
VI. Вопросы социального обеспечения . . . . . —
VII. Вопросы просвещения . . . . . —
VIII. Разные вопросы . . . . . —
Глава IV. Деятельность Исполкома Московского Совета 18
I. Вопросы политические 19
II. Вопросы обороны 21
III. Борьба с контр-революцией 22
IV. Экономические вопросы:
1. Продовольственный вопрос 23
2. Топливный вопрос 25
3. Транспортный вопрос. 26
4. Жилищный вопрос . . . . . —
5. Рабочий вопрос 27
6. Вопросы промышленности и торговли . . —
7. Вопросы тарифной политики 28
8. Вопросы местной санитарии . . . . . —
9. Муниципальные вопросы . . . . . —
10. Вопросы сельского хозяйства 29
11. Вопросы трудовой повинности . . . . . —
12. Финансовые вопросы . . . . . —
13. Общие экономические вопросы . . . . . —
V. Организационные вопросы 30
VI. Юридические вопросы . . . . . —
VII. Вопросы социального обеспечения 31
VIII. Вопросы культуры и просвещения . . . . —
IX. Вопросы печати . . . . . —
X. Разные вопросы . . . . . —
Глава V. Деятельность Президиума Моск. Совета Р. К. и К. Д. 32
Приложение I. Список членов Исполкома и Президиума Московского Совета . . 34—38
„ *II.* Московский Совет в цифрах с 1-го мая 1918 г. по 1 марта 1920 г. . 39—50

2. Население Москвы и его движение . . . . . 51—88

I. Общая численность населения Москвы. 51
II. Состав и распределение московского населения . . . 55
III. Естественное движение населения. Рождаемость и брачность 60
IV. Смертность населения Москвы 67
Приложение. Диаграммы брачности и рождаемости и смертности населения г. Москвы 1910—20. г. . . . . 85—88

3. Питание московск. населения по данным специальных обследований 1918—1920 гг. . . . 89—106

Стр.

4. Деятельность Московск. Потребительского Общества . . . 107—130

Конструкция М. П. О. и его состав 111
Деятельность М. П. О. по распределению продуктов . 115
Деятельность Отдела Общественного Питания 124
Распределение предметов широкого потребления 129
Хлебопечение в Москве . . . . . 131—134

5. Чем занимается Москва . . . . 135—166

1. Самодеятельное и несамодеятельное население Москвы Его половой и возрастный состав 135
2. Социальный состав московск. самодеятельного населения 140
3. Важнейшие профессии московского населения. . . . 148
4. Учет и распределение рабочей силы. 157

6. Фабрично-заводск. промышленн. Москвы . . . . . 167—190

1. Общее число фабрик и заводов в Москве и характер московской промышленности. 167
2. Отрасли московской фабричной промышленности. . . 174
3. Работа московских фабрик. 179
4. Техническая мощность московской промышленности, . 182
5. Половой и возрастный состав московских фабрично-заводских рабочих и служащих. 183
6. Работа и прогулы в фабрично-заводских предприятиях Москвы. 185
7. Рост заработной платы московских рабочих. 187

7. Положение труда в Москве. . . . 191—242

I. Основные этапы развития и стремления Отдела Труда 191
II. Рынок труда:
а) Общее развитие. 193
б) Развитие бирж труда в Москве. 194
в) Преобразование бирж труда в подотделы учета и распределения рабочей силы 197
III. Охрана труда:
Организация охраны труда в Московской губернии. 201
Деятельность органов надзора в области охраны труда 210
IV. Состояние работы фабрично-зав. рабочих г. Москвы в 1919—20 гг. 230
V. Конфликты труда 234
VI. Регулирование совместительств 236

8. Топливный кризис в Москве 1917, 1918, 1919, 1920 гг. . . . 243—286

Общий привоз топлива в Москву до войны и до революции. 1917 г. и общее потребление топлива в этом периоде. 243
Характер отопления Москвы в нормальное мирное время. 244
Обострение топливной разрухи. 246
Характеристика дровоснабжения. 247
Потребление топлива в Москве после революции. 249
Характеристика потребления топлива на отопление квартир. 251
Общие соображения о расходе на отопление. 252
Городское хозяйство. 254
Состояние топливоснабжения в Москве 1917 г. 255
Общие запасы дров в Москве накануне революции. . . . 256
Политика Советской власти в топливоснабжении и меры борьбы с топливн. катастр. в периоды 1918—1919—1920 гг. 257
План и условия загот. топл. для Москвы в 1918—1919 гг. Препятствия. Фактическое выполнение плана. 265
План и условия заготовки топлива на отопительный сезон 1919—1920 гг. Выполнение плана. 273
Период 1920—1921 г. Работа сбновленного Москвотопа. Планы и предположения на наступающий сезон. Выполнение их. Заключение. 279
Приложения. Схемы учреждений, снабжающих топливом г. Москву с конца сентября 1920 г. (в тексте, на стр. 263—264, 267—268).

Стр.

9. Муниципализация торговли . 297—302

10. Рост цен и спекуляция . . . 303—328

Цены до революции 307
Изменение цен в Москве за 1916 и 1917 г. 310
Цены после Октябрьской революции 315
Цены в 1919—1920 г. 318
Общие итоги роста цен 322
Борьба со спекуляцией 325

11. Жилищная политика Советской власти в Москве . . . . . 329—350

I. Домовладельческое хозяйство в мирное время 329
II. Жилищный вопрос к моменту Октябрьской революции 331
III. Как началась муниципализация домов 334
IV. Период Домовых Комитетов (1918—19 г.) 335
V. Период сплошной муниципализации 1920 г. 337
VI. Отрасли промышленности, обслуживающие домовые хозяйства 343
VII. Квартирная плата 345
VIII. Распределение жилищ 346

12. Жилищные условия Москвы. 351—360

13. Водопровод и канализация . 361—372

I. Водопровод 363
II. Канализация 367

14. Внутренний транспорт . . . 373—392

1. Трамвай 373
2. Гужевой и автомобильный транспорт 388

15. Сельско-хозяйствен. работа Московск. Совета за период 1918—20 гг. . . . . . 393—402

Экспонаты Московского Совета на выставке Наркомзема . 400

16. Как болела и лечилась Москва. 403—430

I. Введение 403
II. Как болела Москва 405
III. Как лечилась Москва 418

17. Социальное обеспечение трудящихся . . . . . 431—454

Обеспечение семей красноармейцев 435
Обеспечение трудящихся при временной и постоянной потере трудоспособности 438
Обеспечение инвалидов труда и войны 445
Учреждения для инвалидов 447
Опека и попечительство 452
Охрана и ликвидация посмертных имуществ 453

18. Народное образование в Москве за 1917—1920 гг. . . . 455—502

Дошкольное воспитание 458
Школа 461
Принципы и основные формы школьной реформы 462
Практическое применение реформы 465
Внешние условия школьной работы 471
Разруха школы 474
Профессионально-техническое образование 475
Внешкольное просвещение 480
Ликвидация безграмотности 481
Курсы для взрослых 482
Клубы 483
Клубы для подростков 484
Библиотеки 485
Народные дома 488
Высшая школа в Москве 490
Рабочие факультеты 497

Стр.

19. Печать и книжное дело . . . 503—536

I. О муниципализации книжной торговли:

А) Муниципализация в тесном смысле 503
Б) Пополнение муниципализованных запасов . . . 505
В) Книжная торговля 506
Г) Цены на книги 507
Д) Ликвидационная Комиссия 508

II. Муниципализация книгоиздательств: 509

А) Учет 510
Б) Распределение 511
В) Контроль 518

III. Взаимоотношения между Государственным Издательством и Отделом Печати М. С. Р. К. и К. Д. 520

Движение печати в Москве за последние 4 года . . 521
Список периодических изданий, выходивших в Москве в 1918—1920 гг. 524

20. Театральная и музыкальная Москва . . . . . 537—556

21. Художествен. Москва 1917—1920 гг . . . . . 557—582

Художественная жизнь Москвы за 1917—1920 гг. . . 565

22. Ученая Москва . . . . . 593—618

23. Литератур. Москва за 1918—20 гг . . . . . 619—628

24. Охрана общественной безопасности и революцион. порядка 629—640

1. Московская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности (М. Ч. К.) 629
2. Управление милиции 635
3. Управление уголовного розыска 636

25. Революционная Москва в военном отношении. . . . . . 641—648

26. Октябрьская революция. . . . 649—656

27. Московск. организация Р. К. П. (больш.). . . . . . 657—676

28. Профессиональное движение. 677—683

1. Союзы объединенные в М. С. П. С. к первому Всероссийскому Съезду и время их возникновения. 679
2. Список союзов к августу 1920 г., количество членов, включая и губернии, с указанием времени их реорганизации 680

29. Субботники. . . . . . 689—692

Приложение: Таблица количества участников „субботников" и работа, произведенная ими со времени возникновения по сентябрь 1920 г. . . . . 693—694

30. Москва и Коммунистический Интернационал. . . . . . 695—700

31. Некролог . . . . . 701—730

Я. М. Свердлов 701
Г. А. Усиевич 705
П. А. Чегодаев 707
В. М. Загорский 708
А. К. Сафонов 710
Н. Н. Кронотов 711
А. Ведерников - Сибиряк 712
В. Н. Подбельский 713
М. П. Яныпев 717
Инесса Арманд 720
П. К. Штернберг 722
А. А. Алешин 725
Я. И. Бочаров 726
К. А. Тимирязев 728
А. А. Барышников 730

СПИСОК РИСУНКОВ, ВОШЕДШИХ В КНИГУ „КРАСНАЯ МОСКВА".

К статье „Моск. Сов. с Октябрьской революции".

Пленум Московского Совета 1918 г.
Открытие памятника „Свободы" (2 рисунка).
Исполком Московского Совета в феврале 1919 года.
Пленум Московск. Совета 1919 г.
Первое заседание Исполкома Московского Совета с председателями Уисполкомов после слияния с губернией.
Л. Б. Каменев, председатель Московского Совета с августа 1918 года.
Дом Московского Совета Р. К. и К. Депутатов.
П. Г. Смидович, председатель Моск. Совета до середины 1918 г.
В. П. Ногин, председатель Моск. Сов. до 25 октября 1917 г.
М. Н. Покровский, председатель Моск. Сов., А. И. Рыков.
Группа членов Исполкома созыва после Октябрьской революции.

К статье „Фабрично-заводская промышленность".

Рабочие Госуд. Авиационного завода № 2 (бывш. „Гном-Рон").
Авиационный мотор в 210 сил, сделанный на заводе № 2.

К статье „Жилищная политика".

Дома-коммуны для рабочих (2 рисунка).

К статье „Сельско-хозяйственная работа Моск. Совета".

Огородное хозяйство Моск. Сов. (4 рисунка).

К статье „Как болела и лечилась Москва".

Московский Туберкулезный институт. (4 рисунка).
Санаторная колония „Малютка" для детей от 1—3 л. (2 рисунка).
Здравница „Бодрое Детство" (2 рисунка).

К статье „Социальное обеспечение".

Учебно-ремесленные мастерские для инвалидов войны (2 рисунка).
Дом престарелых (3 рисунка).
Центральный распределитель „Мосотсобез".

К статье „Народное образование".

Интернат профессиональных школ (2 рисунка).
Лесная колония на Воробьевых горах.
Детская колония № 1 в Сокольниках.

К статье „Печать и книжное дело".

Центральный книжный склад Отдела Печати Моск. Совета Р. К. и К. Д.

К статье „Художественная Москва".

„Мысль". Скульптура Меркурова.
Памятник Ф. М. Достоевскому. Скульптура Меркурова.
Снятие памятника Скобелеву на Советской площади.
Установка первого камня памятника Карлу Марксу.
Снятие памятника Александру II в Кремле.

К статье „Охрана общественной безопасности".

Покровский концентрационный лагерь (2 рисунка).

К статье „Революционная Москва в военном отношении".

Ленин, Троцкий и Каменев на митинге.
Отряд особого назначения.
Красные командиры 56 Москов. стрелковой дивизии и делегаты М. С. Р. Д.
Вручение знамени делегатами М. С. Р. Д. 56 Моск. стрелковой дивизии.
Парад войскам Московского гарнизона (2 рисунка).

К статье „Московская организация Р. К. П.

9-й Съезд Р. К. П.—Президиум Съезда.
Делегаты 9-го Съезда Р. К. П.

К статье „Субботники".

Субботники на Николаевской ж. д. (2 рисунка).

К статье „Коммунистический Интернационал".

I-й Конгресс 3-го Интернационала.
Заседание II Конгресса 3-го Интернационала в Большом дворце.
II-й Конгресс 3-го Интернационала.—Делегаты на параде войск.
Парад-демонстрация московского пролетариата и гарнизона в честь II Конгресса 3-го Интернационала (2 рисунка).

К Некрологу.

Мемориальная доска у братских могил на Красной площади.
Взрыв 25 сентября 1919 г. в помещении Моск. К-та Р. К. П.

Портреты.

Я. М. Свердлов.	Н. Н. Кропотов.	П. К. Штернберг.
Г. А. Усиевич.	В. Н. Подбельский.	А. А. Алешин.
А. К. Сафонов.	М. П. Янышев.	Я. И. Бочаров.
В. М. Загорский.	Инесса Арманд.	К. А. Тимирязев.

Диаграммы к статьям:

„Московский Совет с Октябрьской революции 1917 г.".
„Чем занимается Москва", „Положение труда в Москве", „Фабрично-заводская промышленность", „Социальное обеспечение", „Народное образование".

ПОПРАВКА:

На стр. 33—34 в списке членов Исполкома и Президиума в числе кандидатов, избранных в Военно-Революционный Комитет, ошибочно напечатано Мосолов, нужно читать Мостовенко.

Пояснения к диаграммам.

Для «Красной Москвы» первоначально проектировался статистический атлас в более широких размерах, при чем имелось в виду дать графическое изображение различных сторон жизни Москвы, поскольку эта жизнь отображается в статистических итогах и может быть запечатлена в цифрах. Однако, недостаток времени и технических сил не позволил осуществить эту мысль в полном виде. Ныне в книге дается 20 диаграмм, иллюстрирующих некоторые моменты в деятельности советских учреждений, особенно Отдела Труда Московского Совета. Только первые две диаграммы, посвященные вопросам статистики естественного движения населения Москвы за последние годы, помещены в конце статьи «Население Москвы и движение его». Обе диаграммы не нуждаются в особых пояснениях, так как вопрос достаточно подробно освещен в вышеупомянутой статье. Остальные диаграммы помещаются здесь.

Первая и вторая диаграммы иллюстрируют движение спроса и предложения труда в Москве за 1918—1920 гг., вопросы, трактуемые в статье «Чем занимается Москва». Первая диаграмма дает четыре кривых, изображающих абсолютные величины записавшихся за каждый месяц на биржу труда безработных, требований на труд, числа посланных на работу и числа определившихся на места; кривая записавшихся безработных идет вверху, определившихся на работу внизу чертежа. Предложение труда достигает максимума (круглым числом 36.000 записей) в октябре 1918 г. и спускается до минимума (7.000 записей) в апреле 1920 года. Остальные кривые в общем близко следуют за кривой безработицы, при чем только в первые месяцы отчетного периода (апрель—июнь 1918 г.) число безработных резко превышает спрос на труд, а с первой трети 1919 г. число безработных значительно отстает от спроса на рабочие руки. Поэтому во второй диаграмме мы видим, что процент определившихся на место колеблется сравнительно мало и медленно повышается к концу отчетного периода. Третья диаграмма дает процентное распределение безработных в Москве по их профессиям. Наибольшую долю безработных одинаково за все три года составляют служащие государственных и общественных учреждений (от 23,9 до 27,2%), проходившие в 1918 г. чрез биржу труда как торговый, конторский и бухгалтерский персонал: в 1918 г. совершилась муниципализация и национализация торговли, выбросившие на рынок труда массу безработных, которые потом и рассосались по различным советским учреждениям. Затем идут чернорабочие, неизменно составляющие $^1/_5$ безработных. Обращает на себя внимание быстрый рост безработицы среди личной прислуги, которая в 1918 г. давала 7,7% записей, а в 1920 г.—уже 13,3%. Очевидно, старые формы домоводства привилегированных классов населения, требовавшие большого количества услужающих, разрушались позднее частного торгового аппарата. Увеличились несколько записи медико-санитарного персонала и чувствительно понизились в группах рабочих обрабатывающей промышленности. Четвертая диаграмма содержит данные о зарегистрированной безработице в уездах и районах Московской губернии. Выше всего число безработных в Орехово-Зуевском районе и в уездах Коломенском и Серпуховском, на которые приходится в общей сложности более $^2/_3$ всех записей: в земледельческих уездах западной окраины число записей за полгода не превышает 400—600 в каждом. Диаграмма пятая показывает значительную разницу в составе безработных в Москве и в губернии. В последней на первом месте торфяники (22,2% и текстильщики (27,7%). в столице представленные очень слабо. Наоборот, советских служащих без места в губернии всего 10,5%—слишком вдвое меньше Москвы (22,7%), что указывает на частую перестройку центральных учреждений в столице и в связи с этим меньшую устойчивость службы в них. Процент чернорабочих в Москве и в губернии почти одинаков. Шестая диаграмма иллюстрирует работу инспекции труда—число нарушений, обнаруженных за первую половину 1920 г. в процентных отношениях по категориям нарушений. Эта часть подробно разработана в статье «Положение труда в Москве».

Следующие 6 диаграмм посвящены вопросам фабрично-заводского труда. Седьмая диаграмма иллюстрирует движение фабрично-заводских рабочих в Москве с 1906 по 1920 г. 14 лет тому назад в Москве числилось 121.428 фабричных рабочих, накануне мировой войны число их доходит уже до 159.388 и в год революции (1917) достигает максимума — 186.635, на 65.207 или 53,7% больше 1906 г. Затем начинается стремительное падение, и летом текущего года на действующих предприятиях числится всего 76.758 рабочих, т.-е. всего 41% числа фабричных в 1917 г. Текстильная промышленность, занимающая в 1917 г. первое место по числу рабочих рук (69.910 или 37,5%), все еще сохраняет первое место, но главнейшая отрасль ее, обработка хлопка, сократилась по числу рабочих рук более чем вчетверо, сохранив только 22,5% прежнего состава. Восьмая диаграмма содержит данные о распределении фабричных рабочих Московской губернии, включая и г. Москву, по главным производствам с 1913 по 1920 г. Здесь также обнаруживается относительный упадок хлопчатобумажной промышленности, которая в

1913 г. занимала 42,2% всех фабричных, а в 1920 г. — только 26,7%. За счет хлопка сильно выросли металлообрабатывающая промышленность и машиностроение, доля которых с 13,5% в 1913 г. поднялась ныне до 31,8%, что стоит в связи с работой их на оборону. Замечательно устойчиво держится шерстяная промышленность (11,5% в 1913 г. и 11,1% в 1920 г.). Девятая диаграмма рисует рост заработной платы фабричных рабочих в Москве с октября 1919 г. по июнь 1920 г. За этот короткий восьмимесячный период денежный заработок московского фабричного поднялся в общем на $^3/_5$. Но десятая диаграмма обнаруживает, что рост этот обусловлен больше всего распространением сдельной и премиальной оплаты труда. При повременной оплате час труда оплачивался в октябре 1919 г. в среднем 10 р. 80 к., а в июне 1920 г. 15,9 руб., т.-е. на 5 р. 10 к. или 47% выше. При премиальной оплате заработок фабричного, осенью 1919 г. равнявшийся 15 р. 80 к. за час, поднялся летом 1920 г. уже до 32 р. 10 к., увеличившись без малого вдвое (на 15 р. 30 к. или 97%). Наконец, при сдельной оплате заработок фабричного за это время почти учетверился, поднявшись с 15 р. 70 к. до 58 г. 60 к. за час (+275%). Сдельная плата, превышавшая в прошлом году повременную менее чем наполовину, теперь вчетверо выше повременной. Последние две диаграммы этого цикла (11 и 12;) говорят о работе и прогулах фабричных рабочих в Москве за первое полугодие 1920 г.; пояснений к ним не требуется, так как вопрос этот подробно освещен в статье «Фабрично-заводская промышленность Москвы».

13 и 14 диаграммы иллюстрируют вопрос о социальном обеспечении трудящихся в Москве; как видно из 13 диаграммы, летом 1919 г. наблюдается огромный рост числа дней утраты трудоспособности по случаю болезни: в конце 1918 г. ежемесячно оплачивалось пособиями менее 100.000 рабочих дней, а летом 1919 г. число это доходит до 500.000 и даже 600.000 (июль 1919 г.) Это явление стоит в связи с колоссальным ростом эпидемий в Москве в первую треть 1919 г.: после таких болезней, как сыпной тиф или воспаление легких, трудоспособность восстанавливается лишь по истечении нескольких месяцев. Пособия по случаю смерти также дают огромный рост летом 1919 г., когда случаи смерти трудящихся (оплачен. пособиями) доходят до 800.000 ежемесячно; с осени прошлого года ежемесячно выдается пособий по случаю смерти не более 500. 14 диаграмма показывает состав трудящихся, привлеченных к социальному обеспечению, на 1 октября 1919 г. Как и следовало ожидать, на первом месте стоят советские служащие (107.810), а уже после них идут занятые в различных производствах (98.342 чел.).

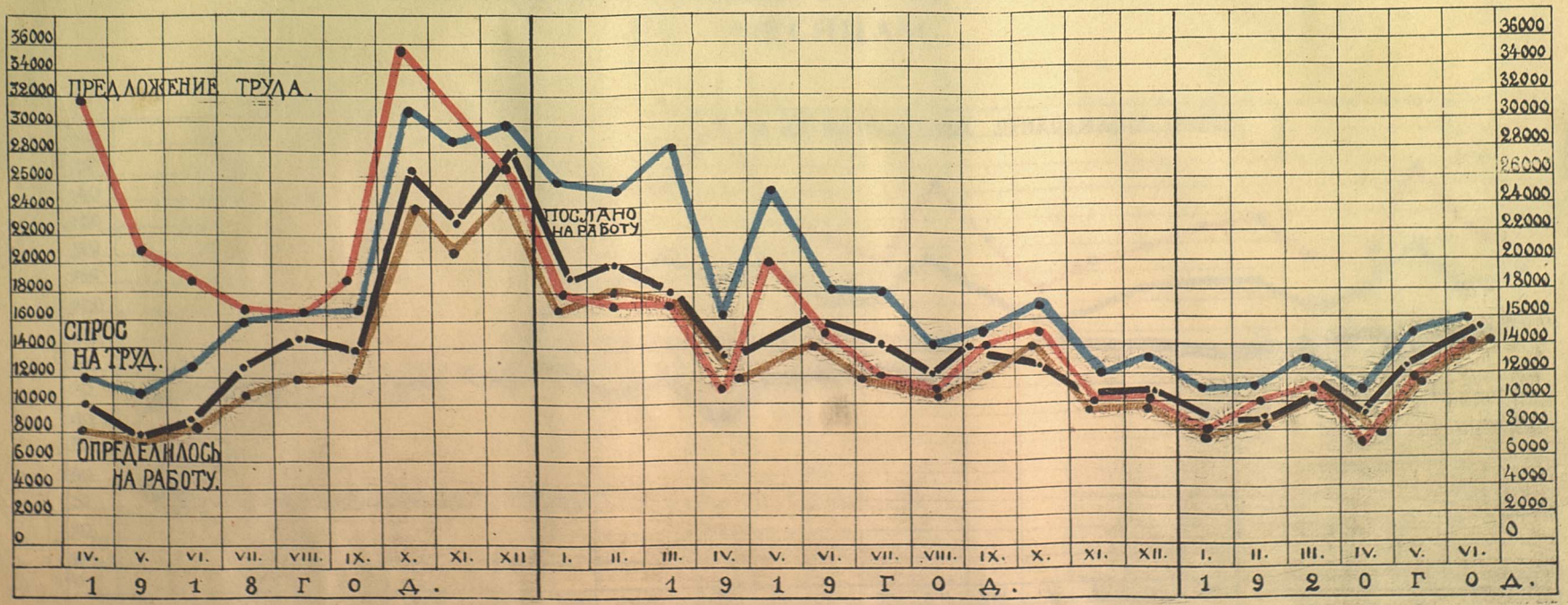
Последние диаграммы относятся к положению народного образования. 15 и 16 говорят о росте детских садов в Москве, а 17 и 18 посвящены профессионально-техническому образованию в Москве. Соответствующие пояснения можно найти в статье «Народное образование».

Московский Городской под'отдел учета и распределения рабочей силы

Движение спроса на труд, предложения труда, посылок и определения

за 1918-1919-1920 годы.

Абсолютные величины по месяцам.

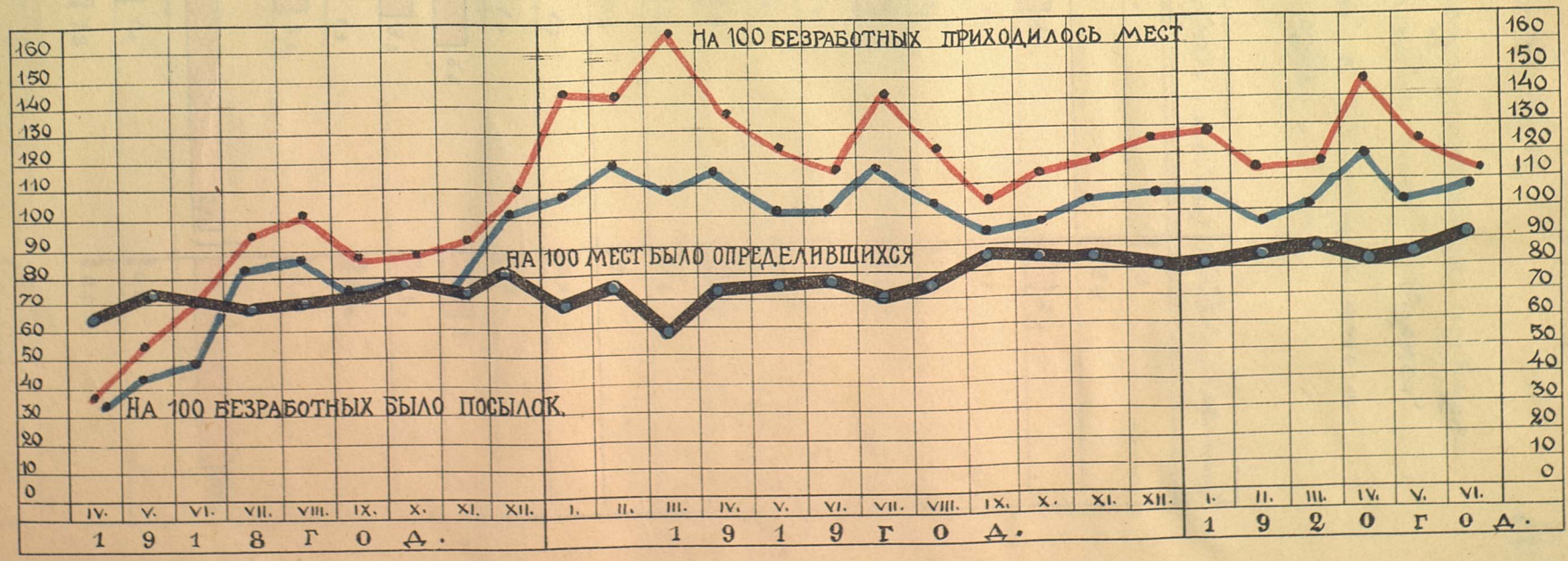
Московский Городской под'отдел учета и распределения рабочей силы

Движение спроса на труд, предложения труда, посылок и определения

за 1918-1919-1920 годы.

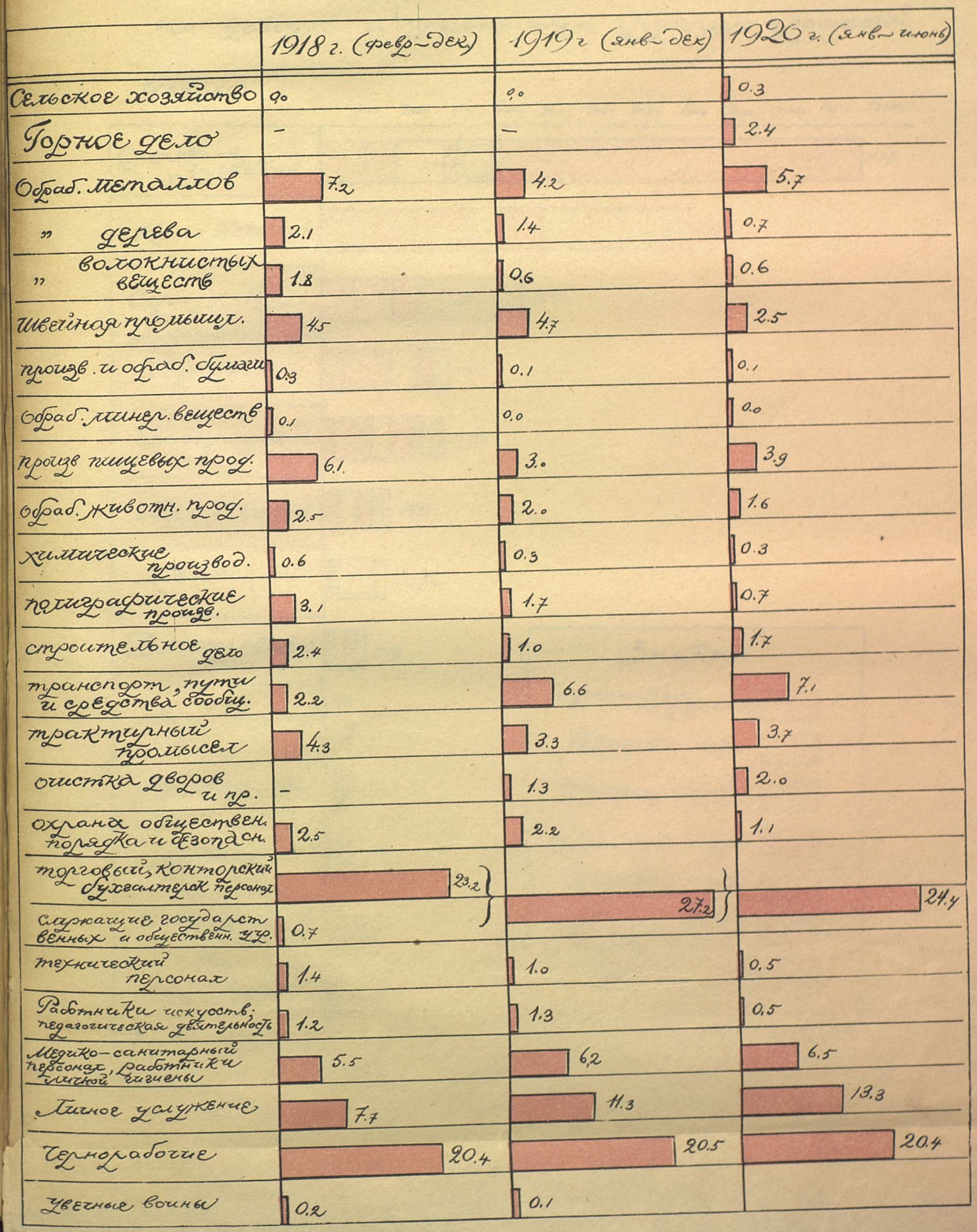
Относительные величины.

По месяцам.

Московский городской Подотдел учета и распределения рабочей силы (б. Биржа труда)

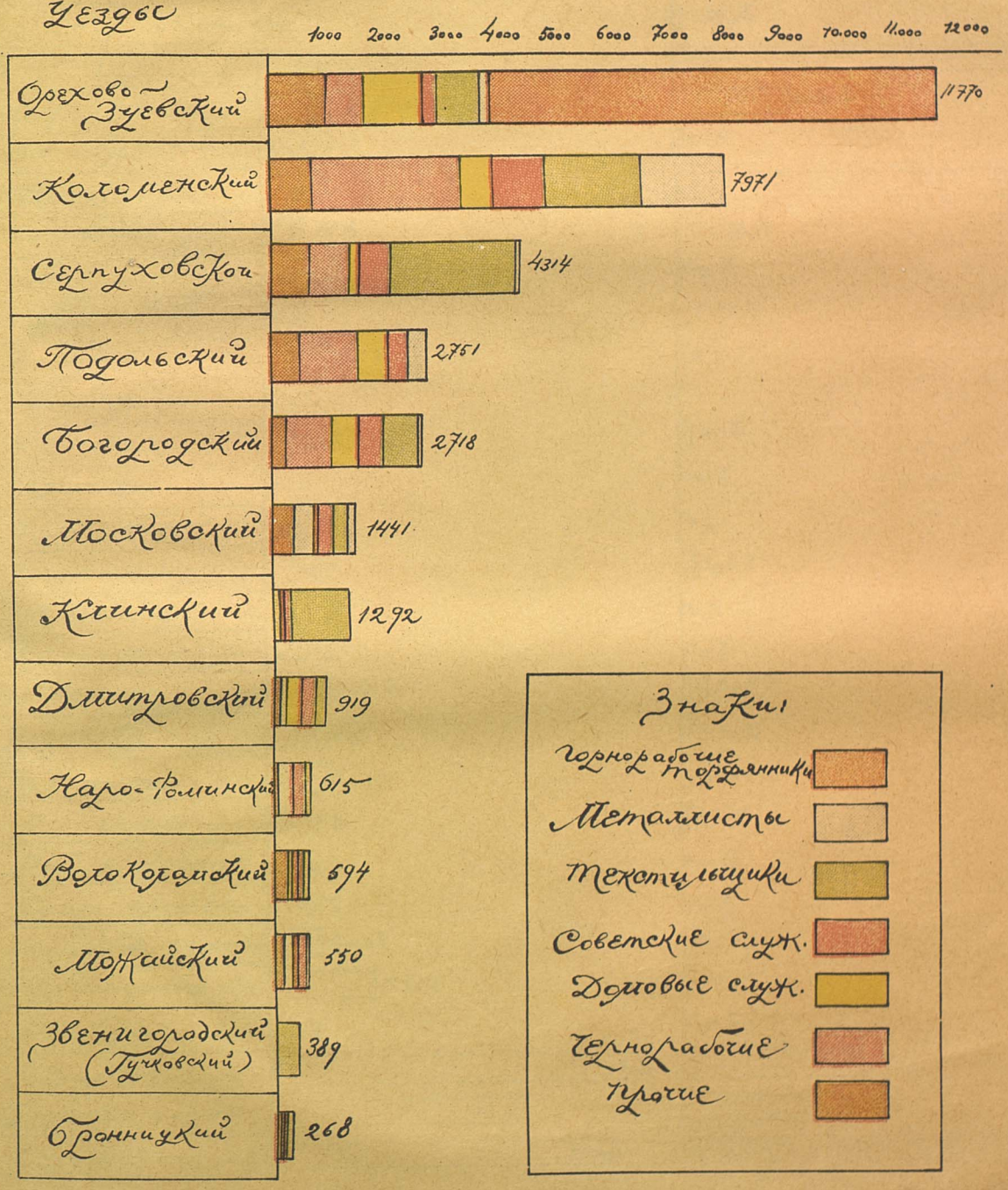
Состав безработных, зарегистрированных подотделом учета и распределения рабочей силы (б. Биржей труда) по группам профессий, в %% общего итога за 1918 - 1919 - 1920 г.г.

Число безработных, зарегистрированных уездными и районными подотделами учета и распределения рабочей силы (биржами труда) Московской губернии за первое полугодие 1920 г. (янв–июнь)

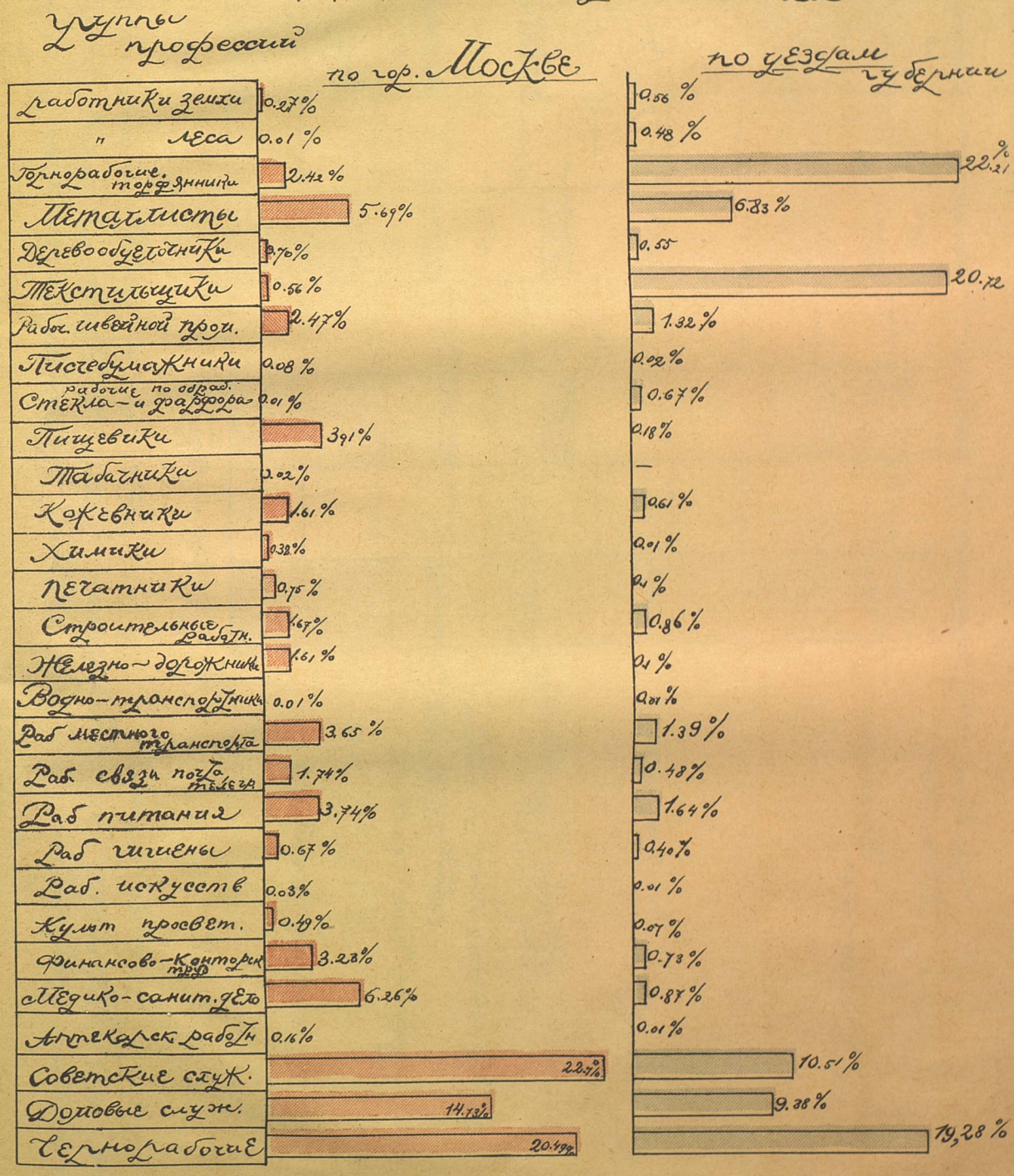
Абсолютные данные

по уездам и главнейшим группам профессий

Сравнительный состав безработных, зарегистрированных подотделами учета и распределения рабочей силы (биржами труда) по г. Москве и по уездам Московской губ. за первое полугодие 1920 года (янв.-июнь)

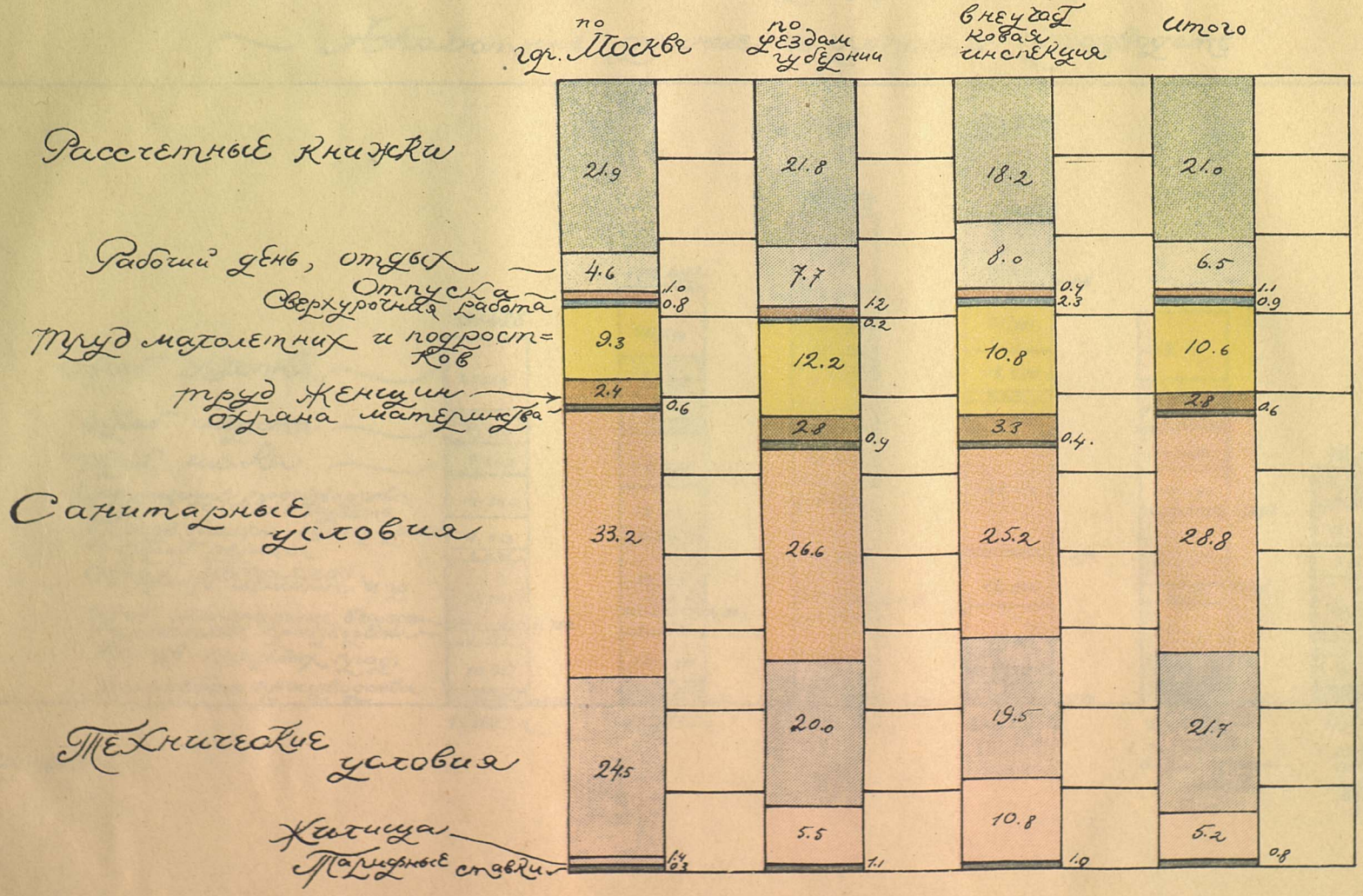
6 %%-х к итогу по всем группам

Примечание. В настоящей диаграмме принята классификация Нар. Ком. Труда.
Данные по губернии включают все уездные биржи труда и все корреспондентские пункты за исключением Кунцевского, в котором количество безработных весьма незначительно.

Деятельность Под'отдела Охраны Труда Московского Отдела Труда.

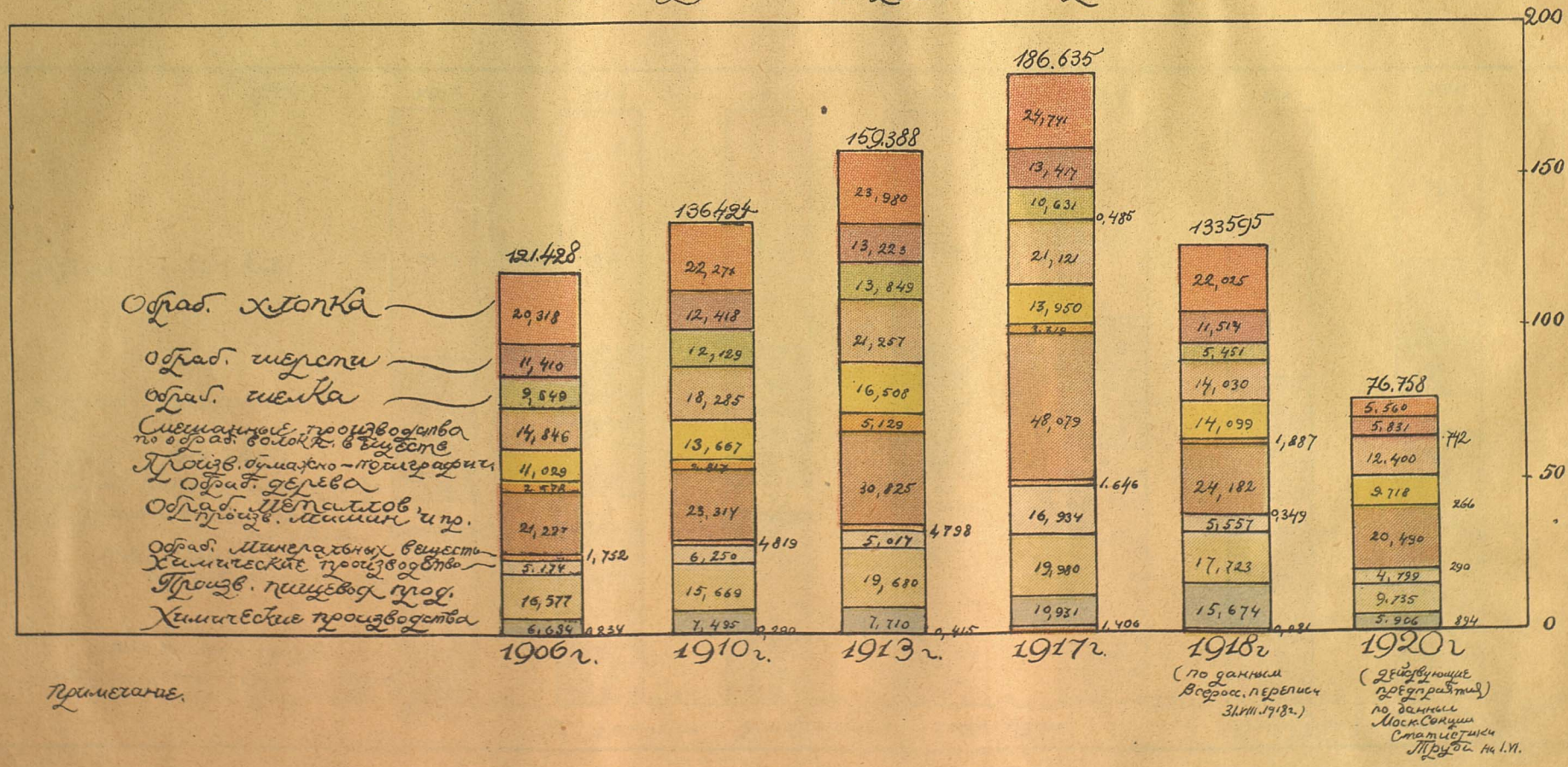
Состав нарушений, обнаруженных инспекцией труда за первую половину 1920г. (январь – июнь) В %% общего итога обнаруженных нарушений

Московская Секция Статистики Труда.

Изменение численности и состава фабрично-заводских рабочих г. Москвы по годам за период 1906–1920.

— Абсолютные данные по группам производств

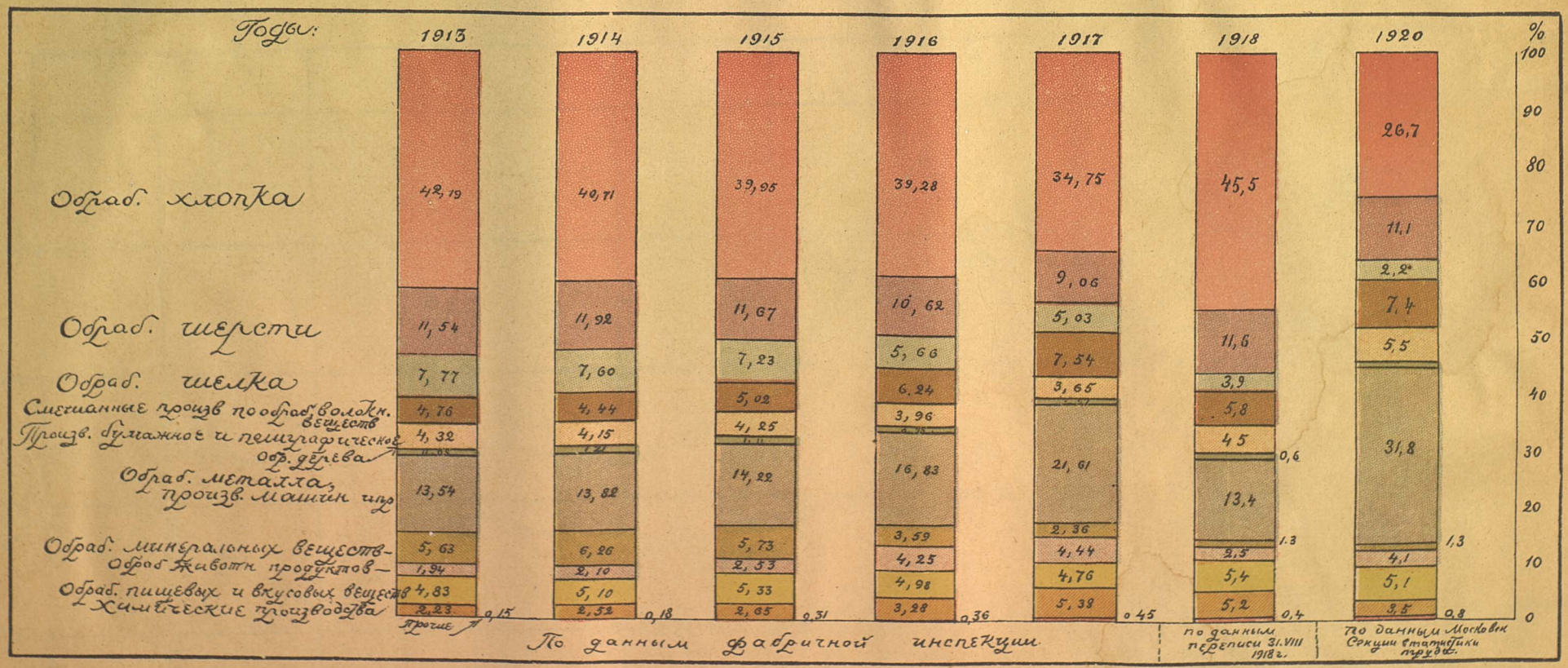

Примечание.

Московская Секция Статистики Труда

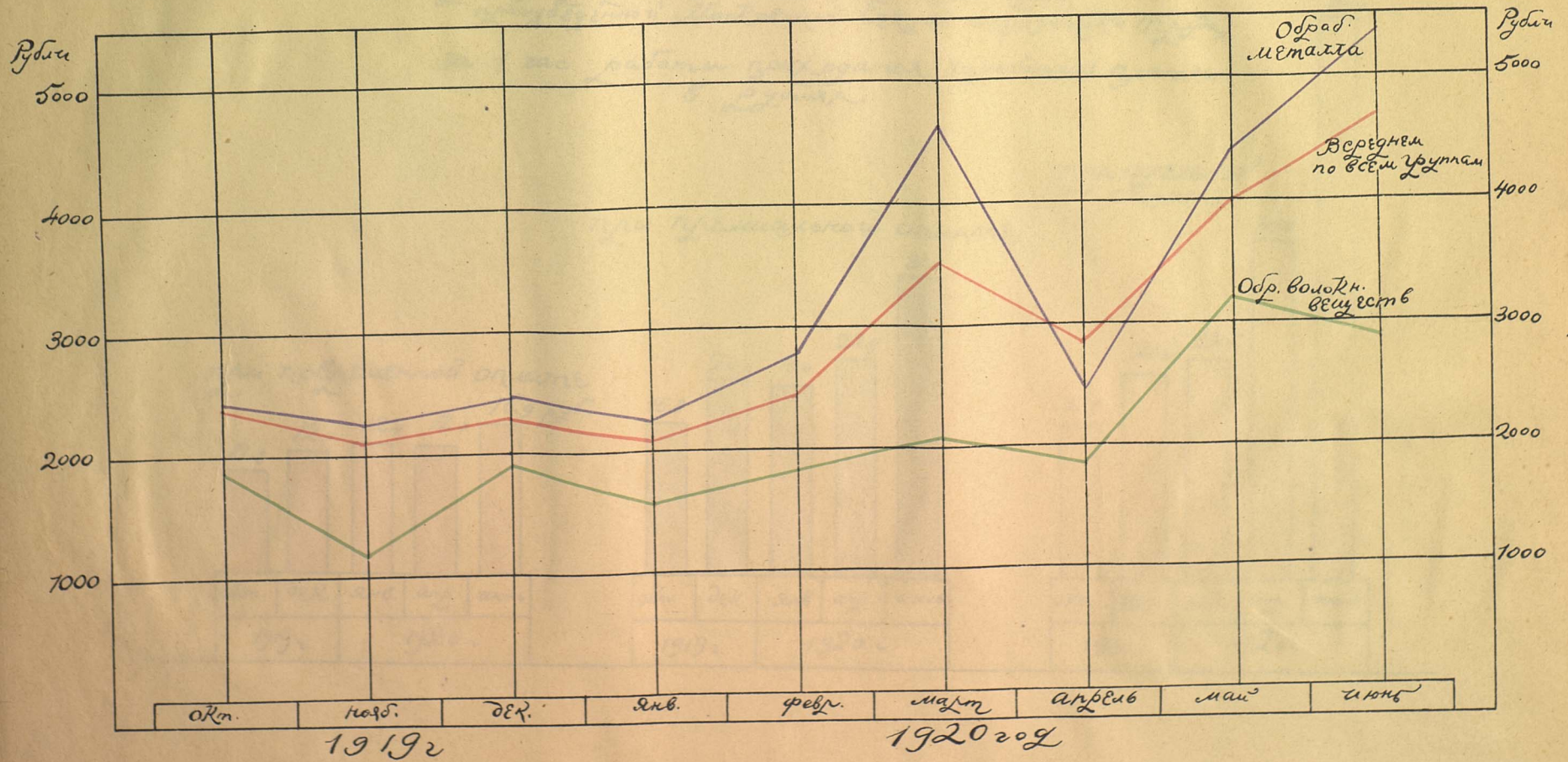
Состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии (включая Москву) по группам производств за 1913–1920 г.

Относительные величины в %%-х К итогу числа рабочих за каждый год

Движение средней месячной заработной платы фабрично-заводских рабочих г. Москвы за период с октября 1919 г. по июнь 1920 г.

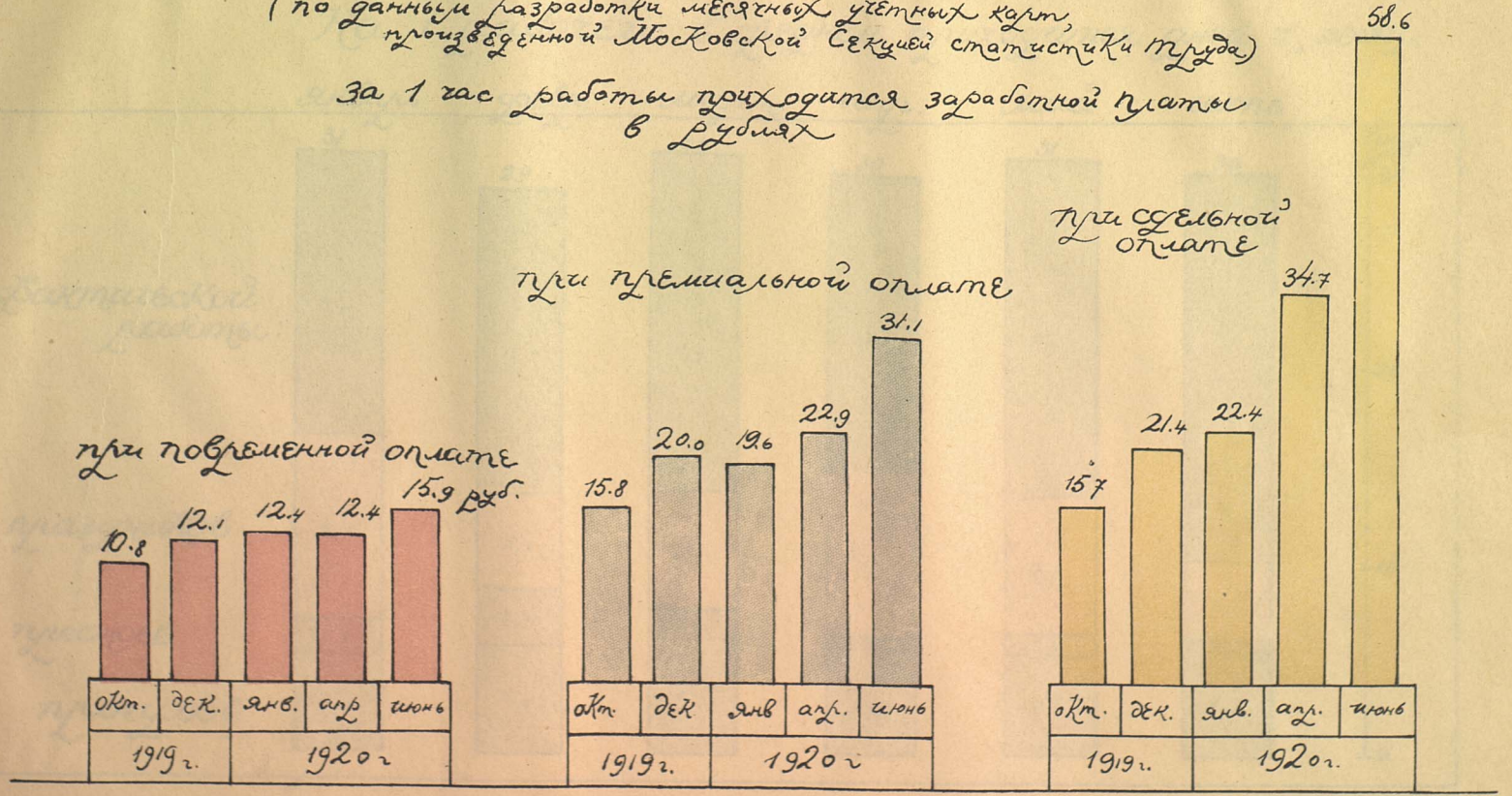
(по данным выборочной разработки учетных карт)

Средняя заработная плата фабрично-заводского рабочего гр. Москвы в 1919-1920 г.г. при различной системе оплаты

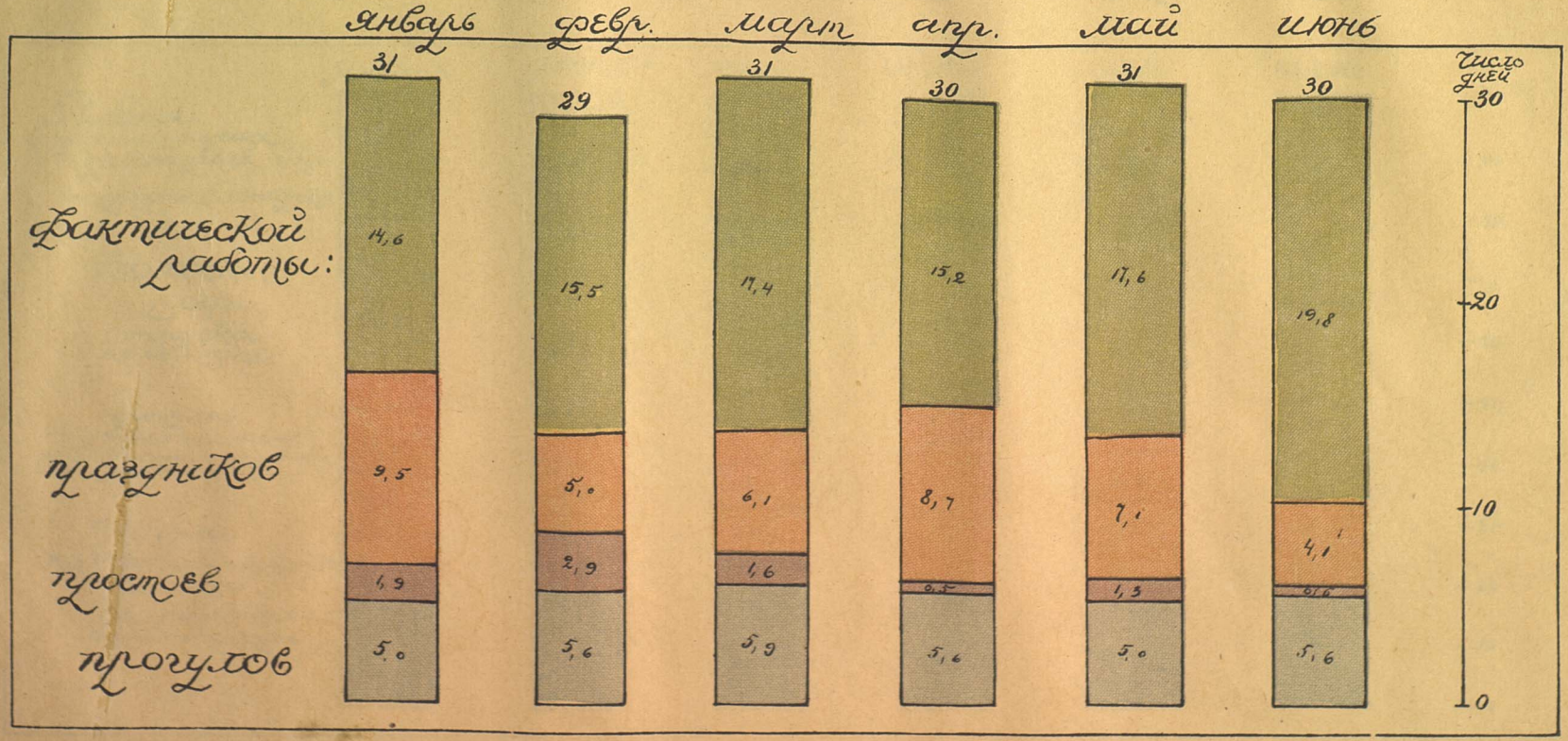
(по данным разработки месячных учетных карт, произведенной Московской Секцией статистики труда)

За 1 час работы приходится заработной платы в рублях

Работа и прогулы фабрично-заводских рабочих г. Москвы по месяцам 1920 года.

На 1 рабочего в среднем приходится дней в месяц:

Московская Секция Статистики Труда

Работа и прогулы фабрично-заводских рабочих г. Москвы за первое полугодие 1920 года.

Причины прогулов по месяцам 1920 года

в процентах к итогу прогулов за каждый месяц

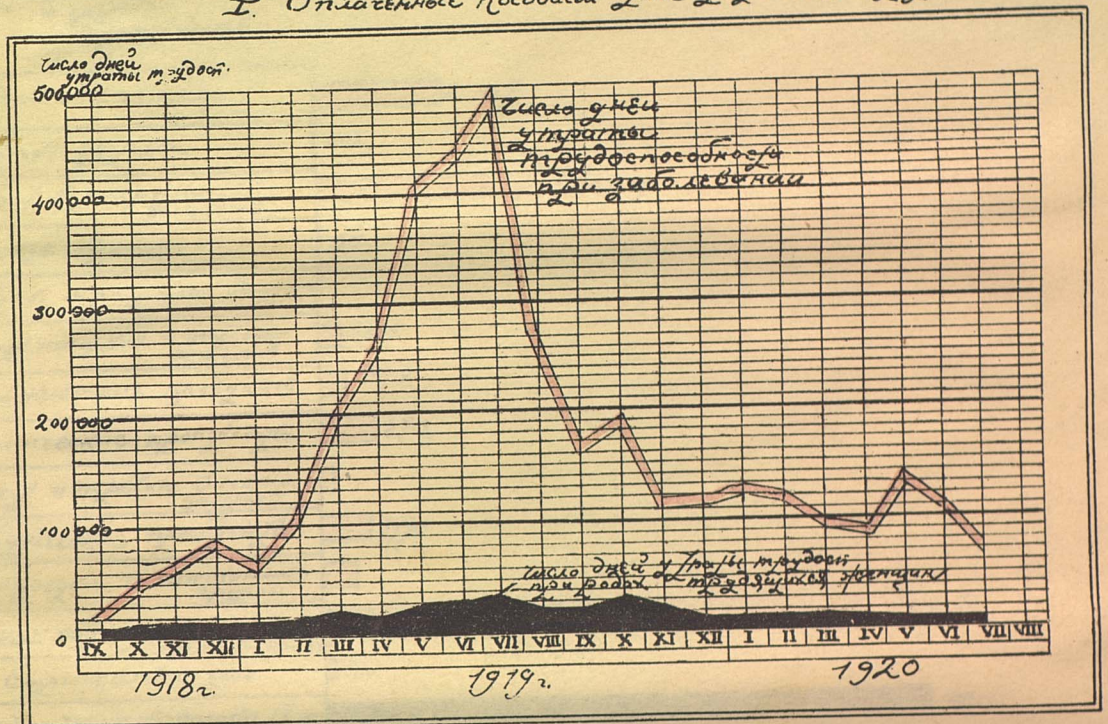

Социальное обеспечение трудящихся
— в гор. Москве —

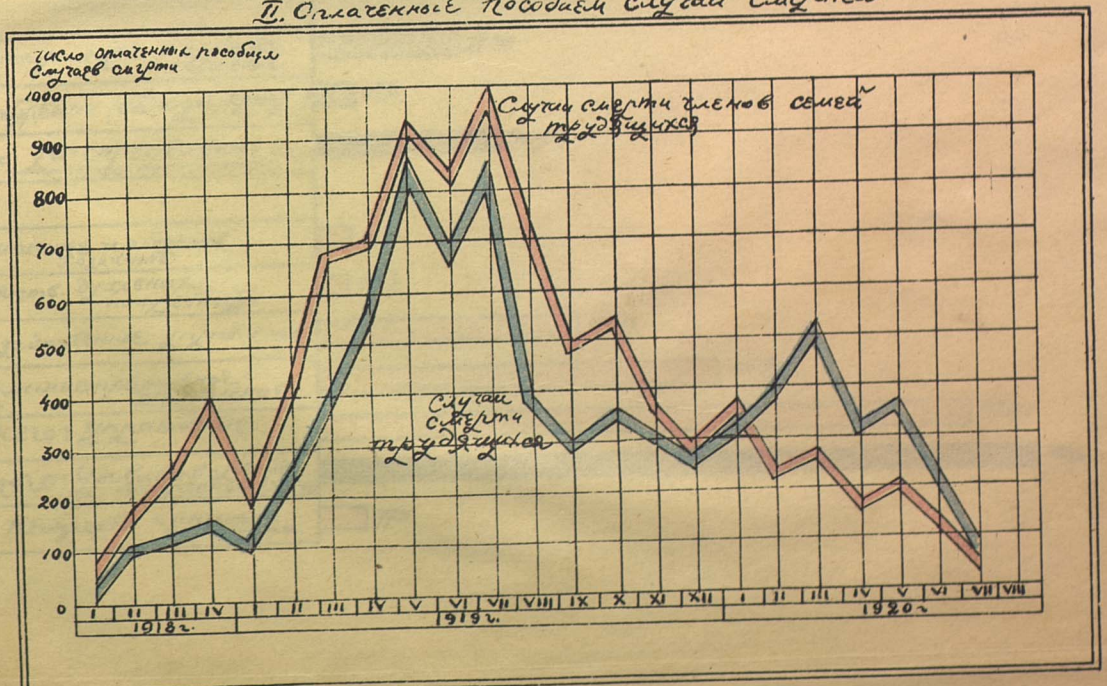
Движение числа оплаченных пособием дней утраты трудоспособности и случаев смерти

(по данным об ассигнованных пособиях)
за период времени с сентября 1918 г. по июль 1920 г.
(с 1/IX 1918 г. по 4/IX 1919 г. Моск. общегор. больн. касса. С IX 1919 г. Моск. Отд. Соц. об.)

I. Оплаченные пособием дни утраты трудоспособности

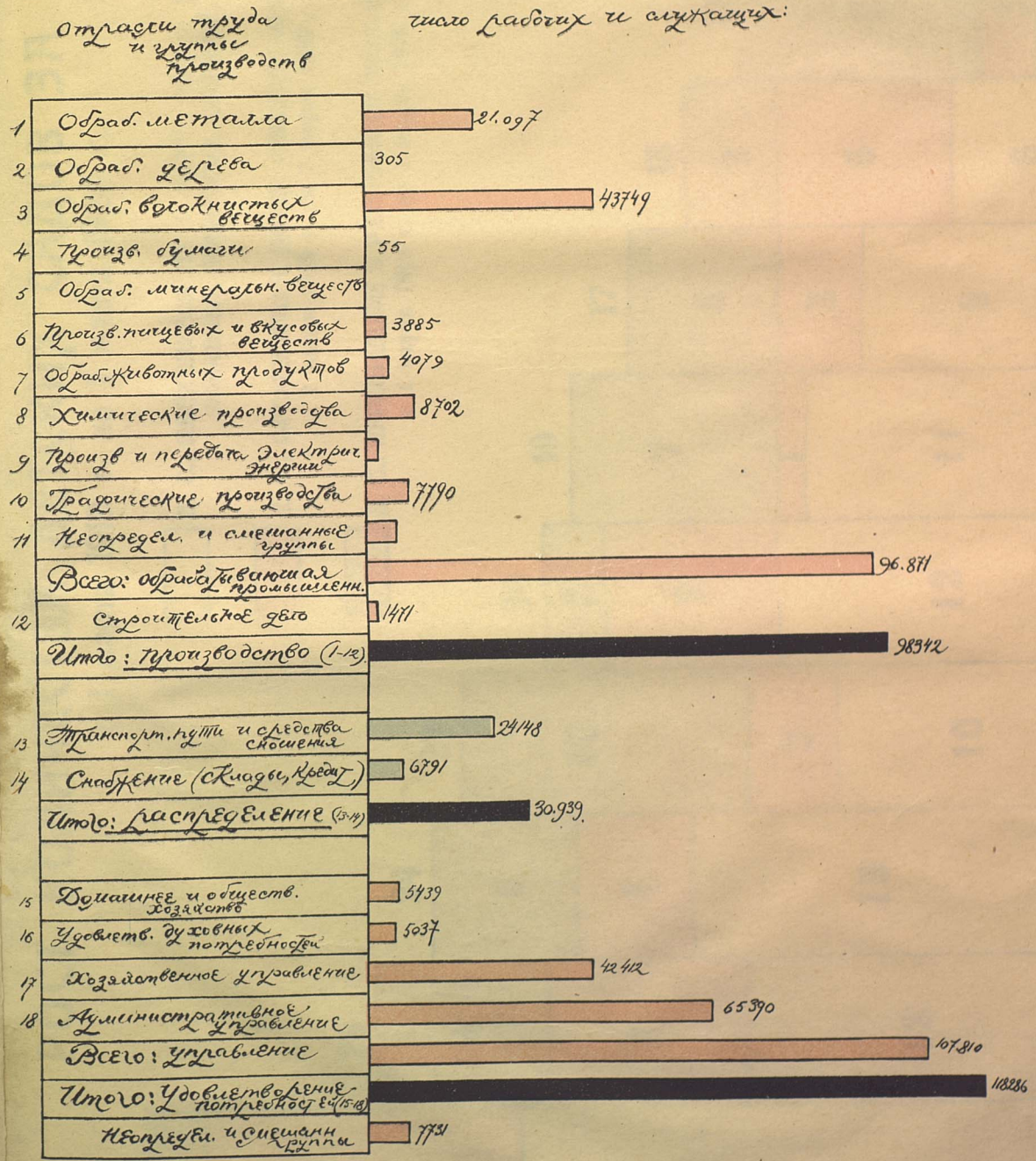

II. Оплаченные пособием случаи смерти

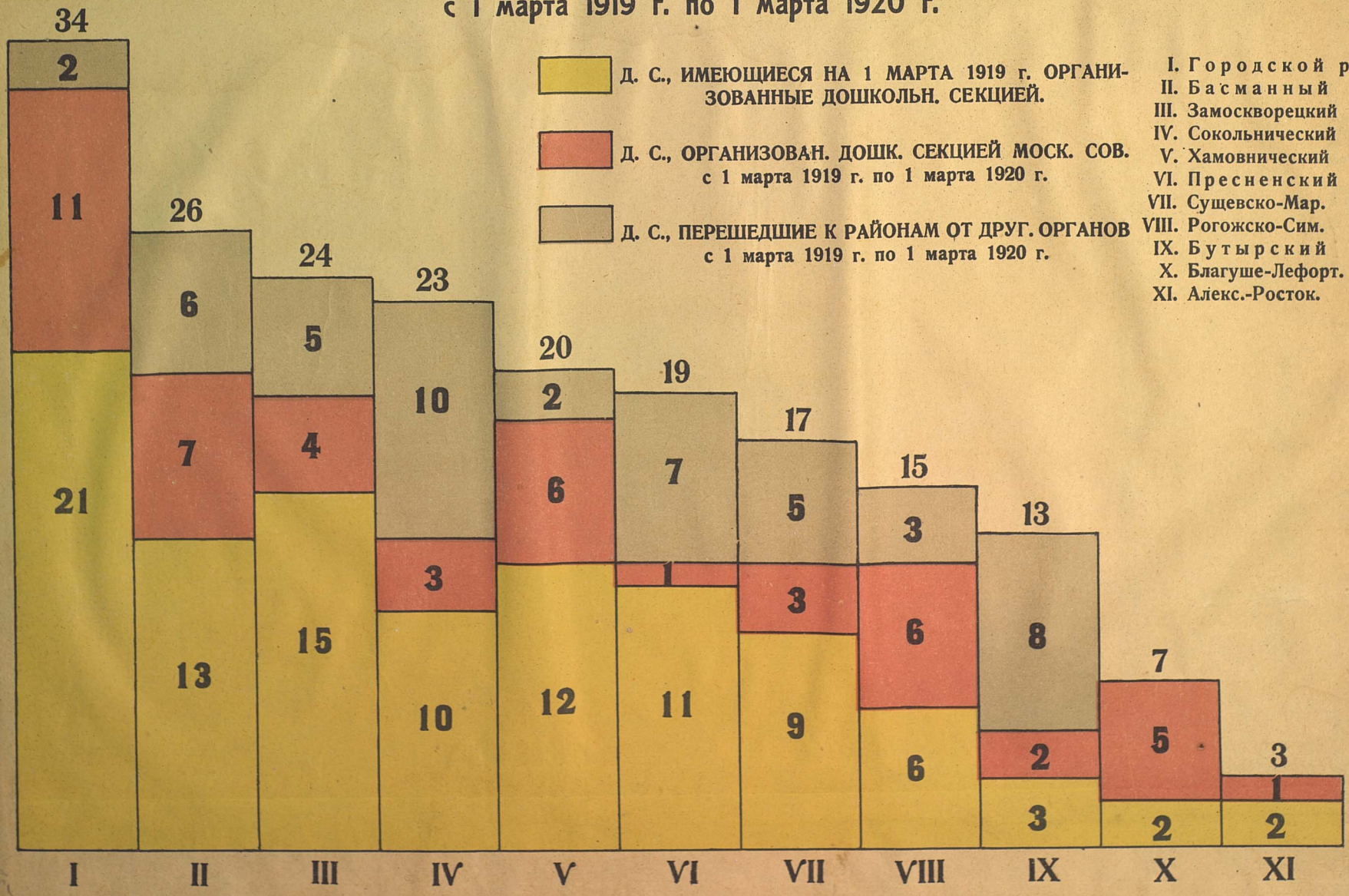
Состав трудящихся, привлеченных к социальному обеспечению в порядке декрета 1-го июня 1919 года по гор. Москве на 1.V 1919 г.

Распределение по отраслям труда и группам производств

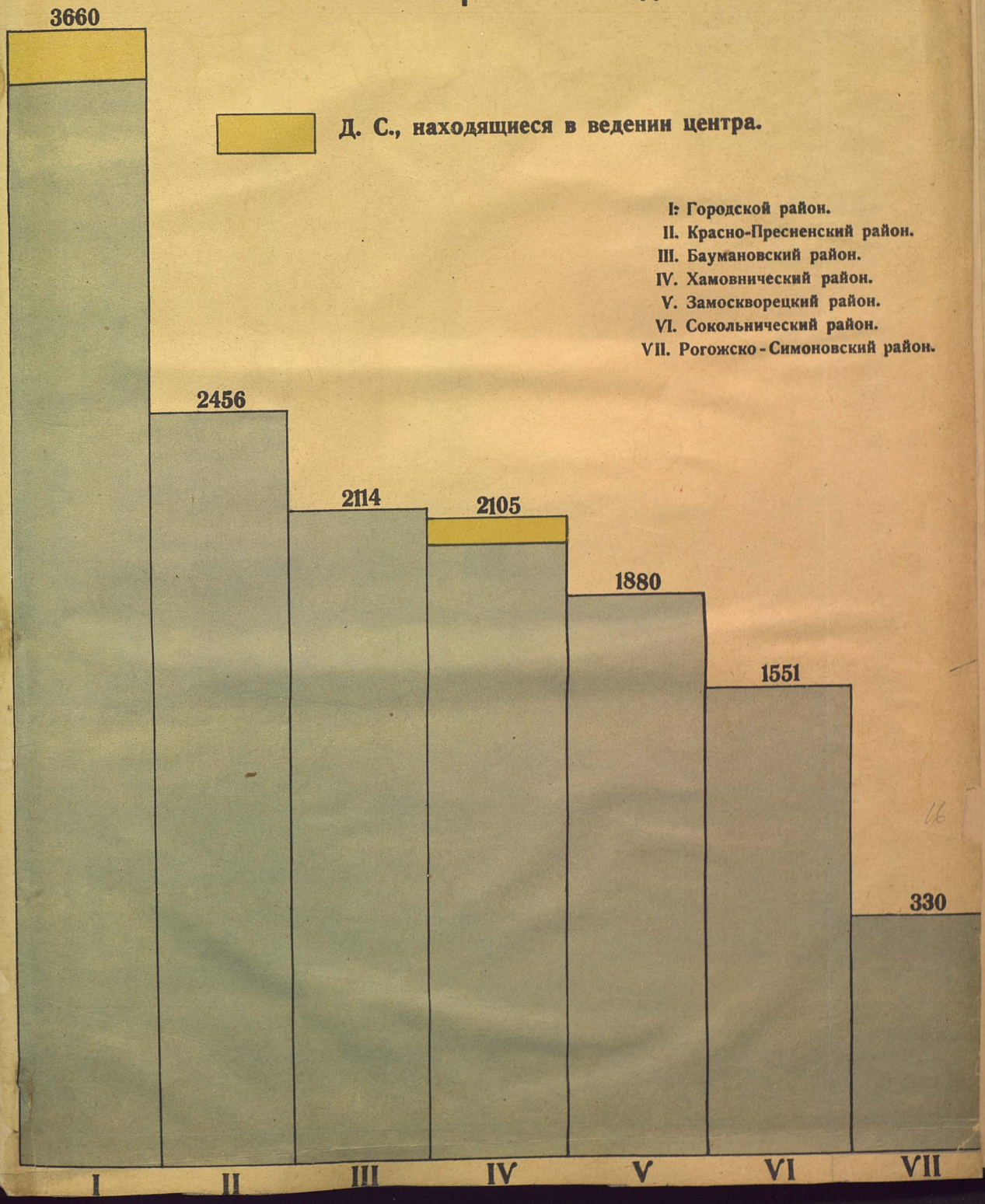

РОСТ КОЛИЧЕСТВА ДЕТСКИХ САДОВ ЗА ПЕРИОД

с 1 марта 1919 г. по 1 марта 1920 г.

КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ В ДЕТСКИХ САДАХ ГОРОДА МОСКВЫ к 1 ноября 1920 года.

Д. С., находящиеся в ведении центра.

I. Городской район.
II. Красно-Пресненский район.
III. Баумановский район.
IV. Хамовнический район.
V. Замоскворецкий район.
VI. Сокольнический район.
VII. Рогожско-Симоновский район.

ПОДОТДЕЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОНО
(МОСКПРОФОБР).

БЮРО ИНФОРМАЦИИ и СТАТИСТИКИ.

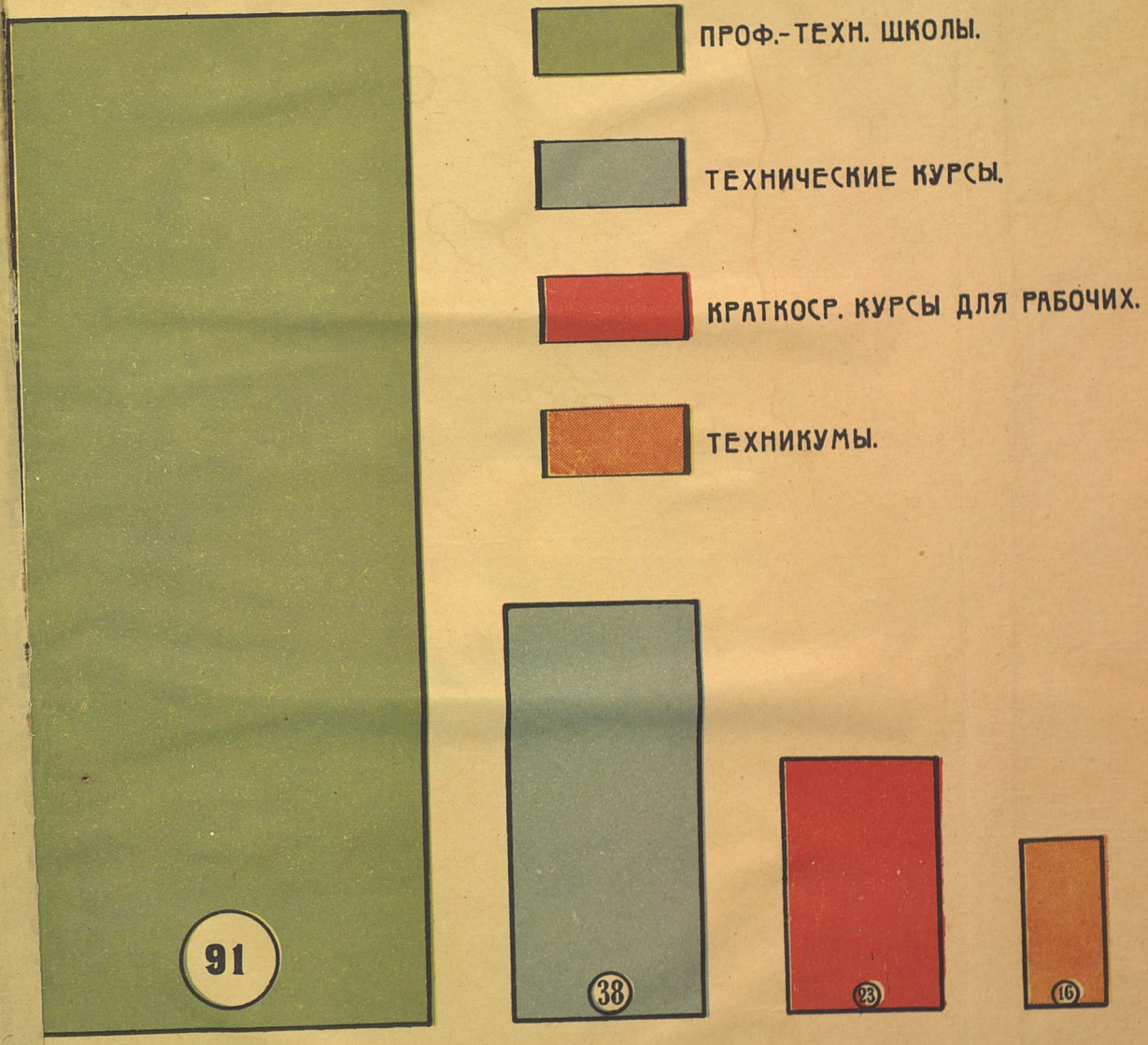

ЧИСЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ г. МОСКВЫ

по данным к концу 1919 г.

ПОДОТДЕЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОНО (МОСКПРОФОБР).

ОТДЕЛ ИНФОРМАЦИИ И СТАТИСТИКИ.

ПРОФ.-ТЕХНИЧЕСКИЕ УЧЕБН. ЗАВЕДЕНИЯ Г. МОСКВЫ и МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

(ПО ТИПАМ) ПО ДАННЫМ К КОНЦУ 1919 Г.